This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

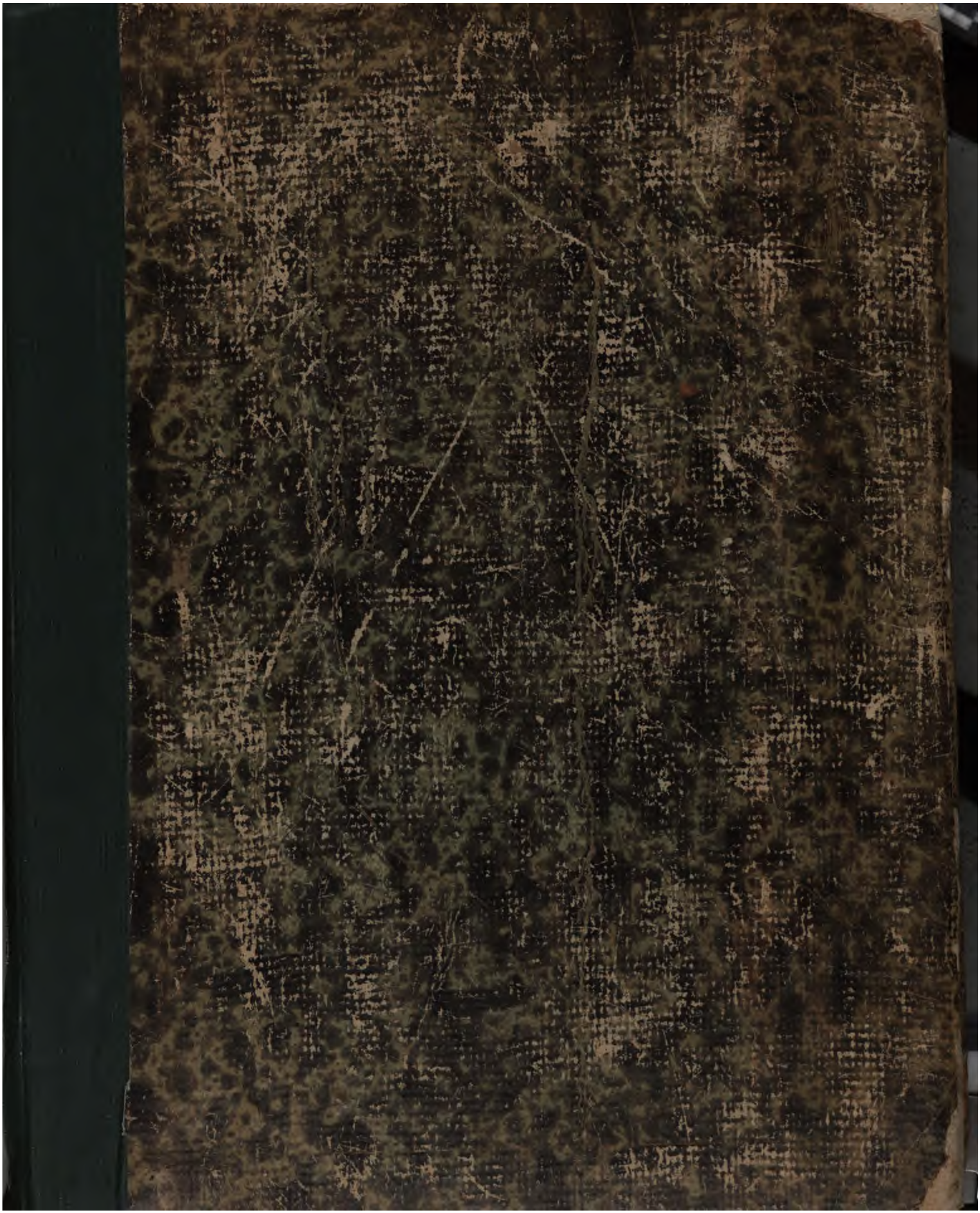
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



ANSO

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX.

БИБЛІОТЕКА
Нила Александровича
ПОПОВА.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Подъ редакціей Н. А. Попова.

Предсѣдателя Отдѣла.

МОСКВА.
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.
1877.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
Томъ XXX.

ТРУДЫ

ЗООЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ V.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Печатается по опредѣленію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.
Президентъ *Г. Е. Щуровскій*.

Efimenko, P.S.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

БИБЛІОТЕКА
Нила Александровича
ДОПОВА.

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

д. чл. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

ЧАСТЬ I.

ОПИСАНІЕ ВНѢШНЯГО И ВНУТРЕННЯГО БЫТА.

МОСКВА.
Въ типографіи Ѳ. Б. Миллера, Покровка, Машковъ пер., д. № 82.
1877.

DK511
A65E4
f
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 1874 года П. С. Ефименко, нынѣ д. чл. Общества Любителей Естествознанія, про живавшій тогда въ Воронежѣ и уже извѣстный своимъ сочиненіемъ „О народныхъ юридическихъ обычаяхъ Архангельской губерніи," а равно и другими изслѣдованіями по Этнографіи того же края, прислалъ въ нашъ Отдѣлъ Сборникъ произведеній народнаго слова, записанныхъ на крайнемъ Сѣверѣ Европейской Россіи. Этотъ сборникъ составленъ былъ отчасти самимъ П. С. Ефименкомъ, отчасти мѣстными жителями, приступившими къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ по программамъ, разосланнымъ отъ Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Онъ заключалъ въ себѣ: нѣсколько старинъ, или былинъ, стихи нищей братіи, значительное число пѣсенъ,—вечериночныхъ, наулочныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, обрядовыхъ, игорныхъ, шуточныхъ и дѣтскихъ, около 600 заклинаній, наговоровъ и оберегонъ, нѣсколько сказокъ, загадокъ и небольшіе сборники пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ, шутокъ и народныхъ изреченій. Тогда-же, по докладѣ Предсѣдателя о содержаніи означеннаго Сборника, рѣшено было благодарить П. С. Ефименка за присланные имъ матеріалы, просить о дальнѣйшемъ сообщеніи такихъ и пригласить членовъ Отдѣла, спеціально занимающихся изученіемъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, заговоровъ и т. д., къ систематической обработкѣ вышеисчисленныхъ матеріаловъ *). Оцѣнку ихъ принялъ на себя д. чл. Общества Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ **).

Между тѣмъ П. С. Ефименко успѣлъ выслать новые матеріалы для этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, могущіе служить пособіемъ преимущественно при описаніи внѣшняго и внутренняго быта означеннаго населенія. Матеріалы эти были слѣдующіе:

1. Планы крестьянскихъ жилищъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, съ краткимъ описаніемъ ихъ (составилъ становой приставъ *Шадринъ*).
2. Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда (волостнаго писаря П. А. Иванова).
3. Одежда Пинежскихъ крестьянъ (его же).
4. Пища Пинежскихъ крестьянъ (его же).
5. О религіозномъ состояніи Пинежскихъ крестьянъ (его же).
6. Расколъ въ Пинежскомъ уѣздѣ (его же).
7. Вѣрованіе Пинежскихъ крестьянъ (его же).

---

*) См Труды Этногр. Отд. кн. III. Вып. 1, стр. 98—100.

**) Тамъ-же; кн. IV, стр. 1, 6. Срв. 2 выпускъ сего изданія, гдѣ помѣщена статья г. Квашнина-Самарина о значеніи былинъ вошедшихъ въ составъ сборника.

8. Вѣрованія крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (миссіонера—священника *І. Павловскаго*).

9. Примѣты Холмогорскихъ крестьянъ (смотрителя Холмогорскаго Уѣзднаго Училища *Бавилевскаго*.

10. Примѣты, гаданія и суевѣрія жителей Архангельской губерніи (учителя Холмогорскаго приходскаго училища *Елизарова*).

11. Обряды, обычаи и игры Пинежскихъ крестьянъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).

12. Хороводныя пѣсни мѣщанъ г. Онеги (бывшаго студента *Фриве*).

13. О народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи (врача *Липницкаго*).

14. Простонародная медицина Шенкурскаго уѣзда (фельдшера *Костылева*).

15. Крестьянскій цвѣтникъ или травникъ (составилъ бывшій студентъ *Тышинскій*).

16. Нарѣчіе Пинежанъ (волостнаго писаря *Иванова*).

17. Нарѣчіе крестьянъ Шенкурскаго уѣзда (чиновника удѣльнаго вѣдомства *Тустановскаго*).

18. Словарь Шенкурскихъ провинціализмовъ (фельдшера *Костылева*).

19. Дополнительныя замѣтки къ этнографическимъ свѣдѣніямъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).

20. Этнографическія свѣдѣнія о населеніи Зимняго Берега Архангельскаго уѣзда (священ. *Рованова*).

21. Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда чрезъ удѣльные приказы.

22. Этнографическія свѣдѣнія о Тулгасскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Макарова*).

23. Этнографическія свѣдѣнія изъ села Усть-Пуй Шенкурскаго уѣзда (свящ. *Меводіева*).

24. Этнографическое описаніе Сумскаго посада Кемскаго уѣзда (чиновника *Шешенина*).

25. Курейско-Сергіевскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (священника *Таратина*).

26. Пингишенскій приходъ Холмогорскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи (свящ. *Колчина*).

27. Описаніе Куростровскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Васильева*).

28. Описаніе Хаврогорскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *П. Павловскаго*).

29. Описаніе Челмохотскаго прихода Холмогорскаго уѣзда (свящ. *Гальбовскаго*).

30. Описаніе Лисестровскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Ѳедорова*).

31. Описаніе Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда (свящ. *Вахрамѣева*).

32. Описаніе Нижмозерскаго прихода Онежскаго уѣзда (свящ. *Дьячкова*).

33. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (волостнаго писаря *П. А. Иванова*).

34. Матеріалы для словаря Архангельскихъ провинціализмовъ (на карточкахъ, Александры *Ефименко*).

35. Программа для этнографическаго описанія Русскаго населенія Архангельской губерніи и другіе матеріалы (*П. Ефименка*).

Всѣ эти матеріалы въ обработанномъ видѣ должны были войдти въ предполагавшееся „описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“; но оно не состоялось, частію по недостатку средствъ, частію по другимъ причинамъ, и этнографическіе матеріалы, для него предназначавшіеся, остались необработанными и неизданными *). Такъ какъ г. Ефименко желалъ видѣть *всѣ* матеріалы, присланные имъ въ Отдѣлъ, изданными въ цѣлой ихъ совокупности, то и рѣшено было напечатать сводъ свѣдѣній, какія можно было извлечь изъ этихъ матеріаловъ, по слѣдующимъ отдѣльнымъ статьямъ: а) общія

*) Тамъ же; кн. IV стр. 4—6.

свѣдѣнія о населеніи; б) внѣшняя обстановка, т. е. поселенія, жилища, хозяйственныя постройки, утварь и посуда; в) одежда и обувь; г) пища и питье; д) свадебные обряды; е) обряды и игры въ теченіе года; ж) нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; з) народное лѣченіе; и) свѣдѣнія о расколѣ, и всѣ эти статьи помѣстить въ первомъ выпускѣ Сборника; ко второму же выпуску отнести прежде полученные матеріалы, т. е. произведенія народной словесности и замѣтки о мѣстномъ нарѣчіи.

Впослѣдствіи г. Ефименко доставилъ еще 12 описаній свадебныхъ обрядовъ, которые и размѣщены были по соотвѣтственнымъ Отдѣламъ (см. главу 5).

Составить общее этнографическое описаніе русскаго населенія Архангельской губерніи по вышепомянутымъ матеріаламъ, собираніе которыхъ относилось къ 1864—1869 годамъ, не представлялось возможнымъ: ибо эти матеріалы касались не всей губерніи, а лишь нѣкоторыхъ уѣздовъ ея, иные же только нѣкоторыхъ селеній; не малая часть ихъ представляла свѣдѣнія отрывочныя и неполныя, а нѣкоторыми уже воспользовался П. С. Ефименко для своего изслѣдованія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Нельзя однакожъ не замѣтить здѣсь, что всѣ свѣдѣнія, какія собраны были бывшимъ тогда волостнымъ писаремъ Пинежскаго уѣзда Прокофіемъ А. Ивановымъ, нынѣ библіотекаремъ городской библіотеки въ Архангельскѣ, отличались и замѣчательною въ сравненіи съ другими полнотою содержанія и яснымъ изложеніемъ. Другая система изданія печатаемыхъ здѣсь свѣдѣній не могла быть принята еще и потому, что весь редакціонный трудъ палъ на Предсѣдателя Отдѣла, и безъ того уже обремененнаго другими занятіями. Главная задача редакціи состояла въ томъ, чтобы не опустить ни единаго, сколько нибудь важнаго въ этнографическомъ отношеніи свѣдѣнія, какое только можно было отыскать въ матеріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ. Вслѣдствіе этого въ каждой главѣ, описывающей какой либо отдѣльный предметъ, легко можно встрѣтить неизбѣжныя повторенія; ибо въ ней свѣдѣнія по одному и тому же вопросу напечатаны не въ общемъ изложеніи, а по порядку мѣстностей, изъ коихъ они доставлены. Такимъ образомъ настоящій выпускъ не представляетъ собою какого либо изслѣдованія по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, но только матеріалъ для онаго.

ГЛАВА I.

ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ О НАСЕЛЕНІИ.

Изъ какихъ мѣстъ получены свѣдѣнія? — Тулгасскій приходъ. — Село Усть-Пуй. — Курейско-Сергіевскій приходъ. — Хаврогорскій приходъ. — Челмохотскій приходъ. — Кѣхотскій приходъ. — Лисестровскія селенія. — Поселки на Зимнемъ Берегу. — Сумскій посадъ. — Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ. — Пинежскій уѣздъ. — Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи.

Почти каждое описаніе какого либо села и приписанныхъ къ нему деревень, составленное мѣстнымъ священникомъ и вошедшее въ сборникъ свѣдѣній, доставленныхъ въ Общество Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ, имѣетъ видъ исторической записки о приходѣ того или другаго села. Немногія однако-жь изъ этихъ описаній излагаютъ подробно свѣдѣнія, какихъ обыкновенно требуетъ программа такихъ записокъ. Особенно подробно описаны топографія и постепенное заселеніе Хаврогорскаго и Лисестровскаго приходовъ. Другія описанія короче, и нѣкоторыя ограничиваются самыми краткими свѣдѣніями о количествѣ поселковъ въ приходѣ и о числѣ жителей въ нихъ. Подробнѣе всего обыкновенно говорится о приходскихъ церквахъ и ихъ исторіи, причемъ нерѣдко приводятся въ копіи жалованныя грамоты, сохранившіяся въ этихъ церквахъ. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній мы выбираемъ здѣсь лишь тѣ, которыя прямо касаются какой-либо мѣстности и ея населенія, ограничиваясь въ историческомъ отношеніи наиболѣе важными извѣстіями *).

Эти топографическія свѣдѣнія касаются лишь тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ имѣется и самый этнографическій матеріалъ, сообщаемый въ слѣдующихъ главахъ.

Тулгасскій приходъ составляетъ частичку Архангельской губерніи, частицу Шенкурскаго уѣзда и часть Кургоминской волости. Онъ лежитъ по лѣвому берегу рѣки С. Двины и получилъ свое названіе отъ рѣчки, среди его протекающей, берущей начало изъ болотъ и озеръ Тулгаса, прежде Тунгала. О началѣ и населеніи этого прихода письменныхъ документовъ не имѣется, что видно изъ памятной книги, находящейся въ Тулгасской церкви, а нѣкоторые изъ старожиловъ повѣствуютъ: «яко бы они слышали отъ своихъ предковъ, что прежде сего въ семъ приходѣ на горѣ, отъ нынѣ построенныхъ церквей въ полуверстѣ, былъ монастырь, жили въ немъ старцы и была церковь во имя Св. Живоначальной Троицы». Но почему и какъ монастырь тотъ рушился, также и церковь Троицкая, о томъ ничего неизвѣстно. Надобно думать, что сей приходъ начатъ не такъ давно и населенъ жителями, которые пришли сюда изъ разныхъ мѣстъ. По господствующимъ фамиліямъ Тулгасскихъ жителей надобно предполагать, что они произошли не отъ Чуди, а отъ Новгородцевъ. Господствующія фамиліи слѣдующія: Гагарины, Кутейниковы, Степановскіе, Киткины, Ракитины, Скорняковы и Востряковы.

Весь Тулгасскій приходъ раздѣляется на двѣ части: верхній и нижній концы, отдѣленные одинъ отъ другаго рѣчкою Тулгасомъ. Верхнимъ концемъ называются у жителей два села: Большое Копеваловское (по уличному Гагаршина) и Малое Копеваловское или Козминское (Боръ), и деревня Дмитріевская (Глѣденово); нижнимъ же остальныя четыре села: Степановское (городъ Ланско), Карповское (Транчиха), Нероновское и Булановское, и три деревни: Масловская, Труфановская и Сысоевская (Степаниха). Первое село и послѣдняя деревня получили свои уличныя названія отъ фамиліи ихъ жителей—въ первомъ живутъ исключительно Гагарины, а въ послѣдней Степановскіе. О причинахъ уличныхъ названій осталь-

*) Копіи съ жалованныхъ грамотъ, вмѣстѣ съ другими историческими матеріалами, касающимися Архангельской епархіи и присланными П. С. Ефименкомъ въ Общество Любителей Естествознанія, переданы, согласно его желанію, въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ныхъ селъ и деревень преданіе ничего не говоритъ. Отчего протекающая чрезъ Тулгасскій приходъ рѣчка Тулгасъ, прежде Тунгалъ, имѣла и получила свое названіе, также неизвѣстно. Въ окрестностяхъ этого прихода кургановъ, городищъ и другихъ урочищъ нѣтъ и вѣроятно не было потому, что народъ не имѣетъ никакого преданія о нихъ.

Церквей въ Тулгасскомъ приходѣ двѣ одноэтажныхъ: теплая во имя Св. Священномученика Климента папы Римскаго (25 Ноября), а холодная во имя священномученика Власія епископа Севастійскаго (11 Февраля); одна колокольня и двѣ часовни. Всѣ означенныя зданія деревянныя. Церковь во имя Священномученика Климента, какъ записано въ памятной книгѣ: «построена въ 1780 году иждивеніемъ и радѣніемъ мѣстныхъ крестьянъ, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, и освящена, по благословенію Преосвященнаго Веніамина епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, благочиннымъ Кургоминскаго прихода священникомъ Ѳеодоромъ Кутейниковымъ 1780 года Ноября въ 26 день».

Церковь во имя Свящ. Власія, какъ написано въ той же памятной книгѣ: «построена въ 1795 году, на мѣсто сгорѣвшей въ 1778 году, по указу и благословенію преосвященнаго Веніамина, и освящена того же 1795 года Іюля 6 дня. Антиминсъ на полотнѣ подписанъ преосвященнымъ Іоасафомъ 1762 года Индикта 1-го, мѣсяца Декабря въ 18 день».

Часовни отстоятъ отъ церквей: одна въ 4 верстахъ, другая въ 2-хъ. Первая — Происхожденіе честныхъ древъ «построена въ 1702 г., во время путешествія блаженныя памяти Государя Императора Петра 1-го по Двинѣ рѣкѣ и въ Архангельскъ, за несносною погодою остановившагося подъ тою горою съ своими судами, гдѣ стоитъ часовня. Самимъ Императоромъ сдѣланъ крестъ и срублена вмѣстѣ съ боярами, при немъ бывшими, сія часовня, почему и теперь называется она царевою». Вторая, отстоящая въ 2-хъ верстахъ, во имя Фрола и Лавра, построена недавно иждивеніемъ прихожанъ.

Село Усть-Пуя находится въ Шенкурскомъ уѣздѣ и отстоитъ на юго-западъ въ 50 верстахъ, отъ уѣзднаго города Шенкурска. Названіе свое оно получило отъ того, что большинство деревень этого населенія сосредоточено болѣе или менѣе около устья такъ называемой рѣчки Пуй, составляющей притокъ рѣки Ваги.

Когда и кѣмъ основана Усть-Пуя, положительно неизвѣстно. По письменнымъ документамъ, хранящимися въ церковной библіотекѣ упоминаемаго селенья, можно полагать однако-жь, что существованіе его очень давнее. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Варлаама Важескаго, жившаго въ срединѣ XV столѣтія, сему преподобному приписывается построеніе, по народному преданію, первой церкви сего селенія во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Принимая при этомъ во вниманіе, что означенный храмъ не могъ быть построенъ, если бы въ то время не было здѣсь жителей и притомъ христіанъ; за очень вѣроятное можно полагать, что начало существованія Усть-пуйскаго селенія восходитъ къ концу XIV или началу XV столѣтій. Нерусскія названія рѣкъ и деревень и темное народное преданіе свидѣтельствуютъ, что около здѣшней мѣстности первоначально обиталъ народъ не русскаго происхожденія. Вѣроятно это былъ какой-либо народъ Финскаго племени, которое мало по малу оттѣснено было Славянами за Волгу, Онежское озеро и другія мѣста нынѣшней Европейской Сѣверо-восточной Россіи. А какъ Заволочье, въ составъ котораго входила значительная часть Архангельской губерніи, въ томъ числѣ и пространство Шенкурскаго уѣзда, въ XV вѣкѣ принадлежало Новгородскимъ посадникамъ, то очень могло быть, что Новгородскіе выходцы, переселялись сюда для промысловъ, смѣшались съ коренными здѣшними жителями, при чемъ преобладающее вліяніе Новгородцевъ, и особенно христіанства, много послужило къ сближенію двухъ разноплеменныхъ народовъ.

Село Усть-Пуя раздѣляется на 11 деревень, названія коихъ слѣдующія: Болкачевская, Палычинская, Рудинская, Пушевская, Митинская, Власовская, Садиловская-Порожская, Перегородская, Бѣлавинская, Аксеновская и Барановская. Почему онѣ такъ называются — совершенно неизвѣстно. Только о Садиловской деревнѣ достовѣрно извѣстно, что прибавочное названіе Порожская произошло отъ того, что протекающая близъ той деревни рѣка Вага у одного берега течетъ порогомъ. Нѣкоторыя изъ показанныхъ деревень, кромѣ помянутыхъ названій, на языкѣ здѣшняго народа имѣютъ еще свои особенныя названія: напримѣръ, деревня Митинская, неизвѣстно почему, почти всегда называется Дубининой, Перегородская — Пустою, вѣроятно по малочисленности дворовъ и жителей, Бѣлавинская — Мухиной, Аксеновская — Бокинской и Барановская — Сѣдухиной.

Въ Усть-Пуѣ находятся двѣ приходскихъ церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, другая Рождества Христова, съ придѣлами во имя святыхъ: Священномученика Власія и Преподобнаго Варлаама Важескаго. Въ рукописномъ житіи послѣдняго говорится, что онъ въ числѣ прочихъ храмовъ, «созда храмъ во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго ея Рождества, яже есть Усть-Пуй рѣки именуемой». Немного далѣе этого говорится, что Преподобный всѣ построенные его иждивеніемъ храмы, слѣдовательно и храмъ Пресвятыя Богородицы, «святыми иконами и книгами и свѣщами и кандилы устрои и украси».

Долго ли существовалъ созданный Преподобнымъ Варлаамомъ храмъ, достовѣрно неизвѣстно. На деревянномъ крестѣ, хранящемся въ церкви и по настоящее время,

есть надпись, въ которой говорится уже о вновь построенномъ храмѣ Рождества Богородицы, что онъ освященъ въ лѣто 7112 (1604) по благословенію святѣйшаго патріарха Іова Московскаго и всея Руси, при преосвященномъ митрополитѣ Исидорѣ великаго Нова-града и Великихъ Лукъ. Хотя достовѣрно ни откуда неизвѣстно, который былъ по числу вновь освященный храмъ, однако-жь съ довольною вѣроятностію можно утверждать, что онъ явился на мѣсто построеннаго Преподобнымъ Варлаамомъ. По свидѣтельству неизвѣстнаго писателя житія преподобнаго Варлаама, этотъ преподобный построилъ означенный храмъ еще до поступленія своего въ монашество, въ которомъ подвизался шесть лѣтъ, и скончался въ лѣто 6977 (1469). Слѣдовательно со времени кончины преподобнаго отца и до 1604 года, въ которомъ освященъ новопостроенный храмъ, протекло времени 135 лѣтъ. Тотъ же писатель въ предисловіи къ упомянутому житію говоритъ о себѣ, что онъ не самовидецъ, но пишетъ лишь то, что слышалъ отъ иноковъ обители преподобнаго, которые также не самовидцы, но сказали ему только слышанное отъ предшественниковъ *). Изъ этого можно видѣть, что писатель житія преподобнаго Варлаама жилъ много спустя послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ если не болѣе, то никакъ не менѣе полустолѣтія. А этотъ же писатель въ своемъ житіи опять свидѣтельствуетъ, что построенные Варлаамомъ храмы «стоятъ и донынѣ утвержены», то-есть находятся въ хорошемъ состояніи.

Теперь, если и построенный Варлаамомъ первый храмъ Рождества Богородицы, просуществовавъ слишкомъ 50 лѣтъ, находился еще въ хорошемъ состояніи,—очень естественно, что въ подобномъ же положеніи онъ могъ просуществовать такое же количество лѣтъ, если даже не болѣе, слѣдовательно могъ достоять до первыхъ лѣтъ XVII вѣка.

Въ 1719 году церковь Рождества Богородицы, по ветхости и потому, что до того времени стояла на осыпистомъ берегу рѣки Ваги, перенесена была нѣсколько далѣе отъ той рѣки на болѣе возвышенное и твердое мѣсто, и вновь построена, и въ слѣдующемъ году, по благословенію архіепископа Холмогорскаго и Важескаго Варнавы, освящена.

Въ 1794 и 1795 годахъ, съ разрѣшенія преосвященнаго Веніамина, епископа Архангельскаго и Олонецкаго, вмѣсто освященной въ 1720 году, но пришедшей въ ветхость Рождественско-Богородицкой церкви, иждивеніемъ мірскаго общества, съ помощію доброхотныхъ подаяній и части церковной суммы, построена новая церковь во имя того же праздника. Въ разные годы послѣ этого до 1856 года церковь подвергаема была различнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ перемѣнамъ.

Когда и кѣмъ первоначально построена въ Усть-Пуѣ другая церковь Рождества Христова, о томъ ничего неизвѣстно ни изъ устныхъ народныхъ преданій, ни изъ письменныхъ свидѣтельствъ. Въ первый разъ объ ней упоминается въ такъ называемыхъ выпискахъ изъ дозорныхъ книгъ и изъ сотныхъ грамотъ древнихъ вѣковъ. Особенно же изъ одной выписки *) изъ таковыхъ грамотъ видно, что храмъ Рождества Христова существовалъ еще до 1619 года. Основываясь на томъ, что въ предыдущей выпискѣ, раньше того времени писанной, такого же почти содержанія, кромѣ того, что въ ней не упоминается о бобыляхъ и попъ и дьячекъ наименованы иначе; основываясь на томъ, что въ этой же выпискѣ говорится только о храмѣ Рождества Богородицы, а о храмѣ Рождества Христова не упоминается, можно предполагать, что послѣдній началъ существовать или съ послѣднихъ годовъ XVI или въ началѣ XVII столѣтія. По словамъ одной изъ послѣдующихъ сотныхъ грамотъ **) можно также предполагать, что церковь Рождества Христова первоначально построена была преимущественно иждивеніемъ мѣстныхъ жителей тогдашняго времени. Долго ли стояла эта первоначально построенная церковь, по неимѣнію никакихъ на то историческихъ данныхъ, опредѣлить трудно. По крайней мѣрѣ, судя по прочности лѣсовъ тогдашняго времени, можно думать, что она была въ состояніи просуществовать около столѣтія.

Въ 1712 году теплая Христорождественская церковь отъ зарону сгорѣла со всѣми своими принадлежностями. Въ 1731 году, по грамотѣ преосвященнаго Варнавы, вмѣсто сгорѣвшей, выстроена новая церковь и освящена съ разрѣшенія архіепископа Германа. 1769 года, съ разрѣшенія преосвященнаго Іоасафа, вмѣсто ветхой церкви, построенной въ 1731 году, по словамъ памятной церковной книги на мірское иждивеніе и сборъ христолюбческаго подаянія, построена новая церковь Рождества Христова, въ коей въ рядъ съ престоломъ храмоваго

*) Въ подлинникѣ это же самое передается такъ: „пишу же не самовидецъ бывъ азъ таковымъ (житія и подвиговъ Варлаама), но еже слышахъ отъ инокъ святаго обители отъ оставшихъ достовѣрныхъ свидѣтелей блаженнаго кои, они не самовидцы же, но отъ прежнихъ отецъ слышавше мнѣ повѣдаше. (Въ концѣ 1 гл. Жит.).

*) Вотъ что говорится въ этой выпискѣ изъ сотной древнихъ вѣковъ: „На усть рѣки Пуй погостъ, а на погостѣ два храма: храмъ Рождества Христова, другой храмъ Рождества Богородицы древянные (в) попъ Іванъ Ильинъ (в) церковный дьячекъ Іванъ Михайловъ (в) просвирница... на погостѣ же безпаметные бобыли. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе бобылей и пустыхъ дворовъ, а затѣмъ говорится: и тѣ дворы пожгли и людей побили литовскіе люди во 7127, по Р. Хр. 1619 году“.

**) Тамъ говорится: „на усть рѣки Пуй погостъ, и на погостѣ храмъ древянъ вверхъ Рождество Христово, да другой храмъ древянъ же клѣтцки Рождество Пресвятыя Богородицы, а вцерквахъ образа и книги и сосуды церковные и колокола мирское строеніе“.

праздника по лѣвую сторону того устроенъ былъ придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама Важескаго.

Въ 1767 году вмѣсто ветхой часовни во имя священномученика Власія, неизвѣстно гдѣ стоявшей, согласно прошенію крестьянъ, первосвященнымъ Веніаминомъ дозволено было въ верху церкви Рождества Христова устроить предѣльный Храмъ священномученика Власія. А въ 1841 году, съ дозволенія епископа Георгія туда же перенесенъ былъ и придѣлъ во имя Преподобнаго Варлаама и поставленъ въ рядъ съ придѣломъ священномученика Власія, что производилось опять на счетъ мірскаго общества съ пособіемъ изъ церковной суммы.

Древнихъ рукописей и документовъ, изъ коихъ бы можно было съ достовѣрностію узнать о началѣ Курейско-Сергіевскаго прихода, Холмогорскаго уѣзда въ архивѣ церковномъ нѣтъ.—Изъ устныхъ преданій извѣтно, что мѣсто сіе издревле принадлежало Московской Сергіевской Лаврѣ, съ находящеюся на немъ деревянною во имя Преподобнаго Сергія церковію. Здѣсь жили иноки Лавры и собирали доходы отъ мірскихъ вотчинъ въ пользу ея. По отъѣздѣ же иноковъ въ Лавру (что послѣдовало надо полагать, въ 1765 году, по уничтоженіи монастырскихъ вотчинъ), подворье сіе обращено въ приходскую церковь, съ причисленіемъ отъ сосѣдняго Срѣтенскаго прихода ближайшихъ къ церкви 4-хъ деревень съ 40 дворами, въ коихъ жильцовъ было; крестьянъ 142 муж. 149 женскаго пола и посадскихъ 4 муж. 3 женскихъ души. Но какъ церковь сія приходила въ ветхость и назначалась къ упраздненію (разобрана въ 1818 году), то въ 1802 году указомъ консисторіи повелѣно соорудить новую церковь-каменную, и чтобы дать болѣе при сооруженіи сей церкви, отъ Курейско-Срѣтенскаго къ сему Сергіевскому приходу половинное число прихожанъ, такъ, чтобы при обѣихъ сихъ церквахъ было прихожанъ по равному числу».

Вслѣдствіе сего указа приписано еще семь деревень съ 85 дворами, въ коихъ было жителей 233 мужскаго 252 женскаго пола, и тогда всѣхъ прихожанъ при сей Сергіевской церкви стало числиться 379 мужскаго, 404 женскаго пола. Усердіемъ этихъ новыхъ прихожанъ, въ 1804 году, по благословенію Преосвященнаго Евлампія, начата строеніемъ настоящая каменная церковь съ деревянною надъ папертью колокольнею. И пожертвованіемъ 2,000 рублей ассигнаціями Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, на личную просьбу прихожанъ во время шествія Его изъ Холмогоръ въ Архангельскъ чрезъ село Курью въ 1819 году, она совсѣмъ достроена, украшена и освящена въ въ 1820 году. Въ память Царскихъ щедротъ сооружена прихожанами икона Божіей Матери съ Св. Вел. княземъ Александромъ Невскимъ, въ кіотѣ и съ подписью (на иконѣ): «Положена сія икона въ церковь Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца въ блаженную память Государя Императора Александра А за пожертвованіе Имъ въ сію церковь на достройку и украшеніе... рубл.» Престоловъ въ церкви два въ холодной во имя Сергія Радонежскаго Чудотворца и въ придѣлѣ тепломъ — во имя Святаго Пророка Божія Иліи. Церковь угодій никакихъ не имѣетъ и содержится доброхотнымъ подаяніемъ своихъ прихожанъ. Коренные жители волости—Финны и есть семейства, которыя считаютъ себя выходцами Новгорода и Москвы около 1658 года во время чумы, Жаравовы, Томаковы, Корельскіе, Пономаревы и многія другія. Въ настоящее время въ приходѣ числится домовъ 125, жителей мужскаго пола 320, женскаго 382 души. Они живутъ въ 11-ти деревняхъ. Смольниковской, Шапинской, Побойской *), Рогозинской, Подграйской, Подлесской, Пограйской, Аѳанасьевской, Ботовской, Подкрестной, Бобровой горѣ. Всѣ эти деревни находятся въ разсѣянности—въ разстояніи одна отъ другой не далѣе $^1/_4$ версты и, начинаясь отъ прежней трактовой дороги внизъ по теченію рѣкъ Курьи и Курополки — по горамъ, простираются до границы Архангельскаго уѣзда на протяженіи 6-ти верстъ.

Хаврогорскій приходъ Холмогорскаго уѣзда расположенъ на протяженіи 12 верстъ, при рѣкѣ Двинѣ, на правомъ берегу по ея теченію, отъ города Архангельска въ 170 верстахъ.

Мѣсто положеніе прихода по своей красотѣ, можно сказать, почти единственное въ Елицкой окрестности. Приходская церковь съ колокольнею деревянная древней архитектуры, построенная въ 1614 году, стоитъ по срединѣ всего прихода въ деревнѣ Пескагорской, почему населеніе прихода и получило раздѣленіе на два конца верхній и нижній, имѣющіе равное разстояніе отъ церкви т. е. въ 6-ть верстъ. Всѣ почти деревни, которыхъ въ приходѣ 32, расположены *подъ гору* при рѣкѣ Двинѣ, кромѣ не многихъ отдѣлившихся не далѣе какъ на полуверстное разстояніе отъ рѣки.

Деревень въ приходѣ 32 и жителей въ нихъ мужскаго пола 770 женскаго 884, всѣ они вѣроисповѣданія православнаго.

Хаврогорскій приходъ хотя стоитъ и на высокомъ берегу, но мѣстоположеніе его болотистое, пресѣченъ частыми ручьями и высокими горами, почему и служитъ предметомъ удивленія для проплывающихъ по Двинѣ, и высотою и крутизною горъ съ раскинутыми полями и

---

*) Есть преданіе: будто бы на мѣстѣ, гдѣ стоитъ дер. Побойская, была битва у Новгородцевъ съ Чудью, отъ чего и деревня эта удержала названіе Побоища. Мѣстность благопріятствуетъ битвѣ.

деревнями на нихъ, доставляетъ взору пріятный видъ, особенно для путника, слѣдующаго по Московской дорогѣ, по противоположной сторонѣ рѣки Двины.

Первоначально Хаврогорскій приходъ по мірскому управленію принадлежалъ Кеврольской десятинѣ, куда всякія мирскія подати, а равно и церковные сборы были относимы, и оттуда получались всякаго рода предписанія; начало свое приходъ получилъ 1492-го года, что видно изъ древнихъ церковныхъ описей, и болѣе всего ясно и утвердительно доказывается сіе благословенною грамотою Преосвященнаго Варлаама митрополита Московскаго и всея Россіи (1512-й) годъ 7020, 30 Марта, даннаго на Москвѣ, въ сходственность таковаго же соизволенія на построеніе церкви въ Хаврогорахъ, даннаго предмѣстникомъ его Симономъ митрополитомъ; и за симъ тоже самое доказываютъ подтвердительныя грамоты 1-я Даніила митрополита всея Россіи 7038 [1530] года 27 Марта и 2-я Макарія митрополита всея Россіи 7050 (1542) года 24-го Марта, данная на Москвѣ. Всѣ эти грамоты сохранились донынѣ.

Такимъ образомъ въ концѣ XV-го вѣка построена прилежаніемъ первая церковь во имя Святаго Іоанна Предтечи въ честь и память Его Рождества, на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ стоитъ нынѣ существующая во имя того же святаго *).

Названіе Хаврогоръ надобно полагать произошло отъ высокихъ горъ, но первоначальные слоги *Хавро* не сохранили о себѣ никакого преданія. Первые обитатели Хаврогоръ были бѣглые и бродяги Новгородскіе; они населились въ XIV и въ XV вѣкахъ, и избрали себѣ мѣстомъ жительства Хаврогоры, какъ мѣсто зарѣчное, гористое, лѣсное и прилежащее къ большимъ ручьямъ и дремучимъ лѣсамъ и потому къ укрывательству бѣглыхъ и бродягъ удобное и надежное. Первое занятіе ихъ было звѣриная и рыбная ловля, они какъ бродяги разныхъ мѣстъ, будучи безъ надзора и безъ всякихъ правилъ общежительства, чинили разбои въ двухъ лѣсистыхъ урочищахъ Тордовѣ и Немчиновѣ. Они грабили проплывающія по Двинѣ суда къ Холмогорамъ, убивали и не боялись никакого преслѣдованія отъ начальства. Кромѣ бѣглыхъ Новгородцевъ были еще и собственно такъ называемые Двинскіе жители «Чудь»; они были идолопоклонники, жили особо отъ Новгородцевъ, удаляясь всегда отъ нихъ. Преданіе указываетъ и самое мѣсто жительства чудскаго племени: они жили близъ святаго колодца, находящагося въ полуверстѣ отъ церкви, на долинѣ ровной; у нихъ не было пеклыхъ печей глиняныхъ, а простыя каменныя, каковыя нынѣ находятся въ черныхъ баняхъ у крестьянъ; кромѣ сего указывается и на кладбищѣ дикого народа, жившаго въ древности на Двинѣ въ Хаврогорскомъ приходѣ ниже церкви въ 3-хъ верстахъ близъ деревни, называемой нынѣ Карзовыхъ (не русское), находящейся близь Двины за ручьемъ, гдѣ высыпаются изъ горы человѣческія кости необыкновенной противъ нынѣшняго народа величины. Но кто изъ жителей Хаврогоръ въ настоящее время принадлежитъ къ Чудскому племени или Новгородскому, сего по причинѣ смѣшенія сихъ племенъ между собою отличить нельзя, а можно только предполагать на томъ основаніи, что Новгородское племя, какъ коренные Славяне, въ разговорномъ языкѣ удерживаютъ славянское окончаніе словъ, что особенно замѣтно въ употребленіи двойственнаго числа, напримѣръ работали двоима, троима и под. Они же въ отличіе отъ Чудскаго племени предпріимчивы, ремесленны и рѣшительны на все полезное, а послѣдніе напротивъ и съ нѣкоторою причудливостію, почему ихъ и называютъ иногда по выведенной пословицѣ «Чудими».

Жителей Хаврогоръ вообще всѣхъ именуютъ «*бевсчетными*», каковое наименованіе получено ими издавна по слѣдующему случаю. Въ торговый день четвертокъ переправляясь предки нынѣшнихъ Хаврогорцевъ чрезъ рѣку Двину на карбасѣ въ село Елицкое, были застигнуты на рѣкѣ бурею, волнами карбасъ былъ опрокинутъ и находившіеся въ ономъ потонули, кромѣ немногихъ спасшихся, которые съ помощію другихъ, отыскавъ погибшихъ, не могли досчитаться до того числа людей, которые находились въ карбасѣ. Всѣхъ ихъ было 40 человѣкъ, а изъ погибшихъ отыскали 50. Хаврогорцы не довольствуясь тѣмъ, что 40 было, а 50 нашли, говорятъ: «еще всѣ не всѣ»; почему за незнаніе ими счета и дано имъ наименованіе *бевсчетныхъ*, каковое слово для Хаврогорцевъ и служитъ упрекомъ и порицаніемъ отъ сосѣднихъ окрестныхъ жителей и извѣстно населенію большей части Холмогорскаго уѣзда.

Въ началѣ XVI вѣка населеніе Хаврогоръ значительно размножилось, что доказывается собственно христіанскою дѣятельностію: въ 1597 году была прихожанами построена другая деревянная церковь во имя Архистратига Михаила, теплая, на угорѣ близъ рѣки Двины у большаго ручья пониже Предтеченской. На имя сихъ обѣихъ церквей въ половинѣ XVI вѣка (не далѣе 1570 года) отказаны крестьянами значительныя въ разныхъ мѣстахъ пахотныя и сѣнокосныя земли въ вѣчное владѣніе, коими Хаврогорская церковь и понынѣ пользуется безпрекословно по имѣющимся на сіе право неоспоримымъ документамъ. Всей сей земли пахатной и сѣнокосной 40 десятинъ 1842 сажени. Земля сія находится въ разныхъ участкахъ; всѣхъ ихъ пять и отъ церкви отстоятъ самые дальные въ 5 верстахъ а прочіе при-

*) Окрестные жители лѣваго берега рѣки Двины называли сію первую церковь Ивана Предтечи Задвинскаго; такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ писали.

лежатъ ближе. Аренды за земли получается церковію 315 рублей, а въ прежніе годы до сего 1866 года, аренды вносимы были зерновымъ хлѣбомъ неравномѣрно и по условіямъ заключаемымъ при торгахъ.

Первопостроенная Хаврогорская Предтеченская церковь стояла до 1614 года всего 122 года и за ветхостію была разобрана, и на томъ мѣстѣ построена новая, нынѣ существующая, еще довольно прочная, снаружи и внутри обшитая половымъ тесомъ, на каменномъ фундаментѣ, который подведенъ въ 1840 году; церковь сія одноглавая, высокая, корпусомъ круглая, первоначально была шатровая, но въ 1849 году 23 Іюня бывшею въ Хаврогорахъ бурею съ сильнымъ вѣтромъ церковь сію значительно поведило, куполъ снесло и нетолько крышу сорвало, но и самыя бревна, къ которымъ оная была прикрѣплена, по направленію вѣтра унесло на четверть версты. Иконы въ сей церкви по своей древности и самый иконостасъ достойны вниманія; онѣ писаны въ 1650 году, и хотя въ 1861 году и были поновляемы по очернѣлости ихъ, но древній типъ вполнѣ сохраненъ.

Челмохотскій сельскій приходъ Холмогорскаго уѣзда находится на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, 170 верстъ выше гор. Архангельска, и 85 отъ уѣзднаго города Холмогоръ.

Онъ раздѣляется на двѣ половины, лѣсными рѣчками: сверху Пукшеньгою, берущею начало изъ болотъ Кеврольской дачи, со многими побочными рѣчками, а снизу Челмохтою, отъ которой и называется. Приходскія церкви стоятъ почти на серединѣ прихода на равномъ мѣстѣ, имѣющемъ песчаный грунтъ.

Приходъ весь занимаетъ пространство въ длину 10 верстъ, 6 вверхъ и 4 внизъ, въ ширину оно незначительно. Съ южной и юго-западной его стороны до рѣки Двины находится около полуверсты сѣнокосный лугъ, тянущійся подлѣ Двины 6 верстъ и поросшій кустарникомъ ивы. Съ юго-восточной и сѣверо-восточной хвойный лѣсъ и рѣчка Челмохта, почему церкви со стороны кажутся зрителю окаймленными лѣсомъ, или же въ лѣсу, особенно съ рѣки Двины.

Рѣчка Челмохта, отъ церквей пересѣкая нижнюю часть деревень прихода, тянется между ими и лугомъ, вдоль на 3 версты къ сѣверо-западу до предпослѣдней деревни, гдѣ впадаетъ въ рѣку Двину. Деревни стоятъ къ сѣверо-западу по теченію рѣчки на правой сторонѣ на возвышенномъ мѣстѣ. На лѣвой, за рѣчкой сѣнокосный лугъ, подлѣ него течетъ Сѣверная Двина. Сзади прихода и деревень, въ близкомъ разстояніи находится лѣсъ и сырыя торфяныя болота. Верхняя часть прихода, находящаяся къ юго-востоку отъ церквей, чрезъ три версты лѣса, на возвышенномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ рѣки Сѣверной Двины, раздѣляется лѣсною рѣчкою Пукшеньгою, тутъ же впадающею въ Двину.

Деревни верхнія съ трехъ сторонъ, кромѣ южной, окружены лѣсомъ и болотами. Деревни, какъ въ верхней, такъ и въ нижней части прихода, одна отъ другой находятся въ близкомъ разстояніи и почти въ продолговатомъ положеніи. Деревень небольшихъ въ приходѣ находится въ верхней части всѣхъ 6 до рѣчки Пукшеньги и 2 за нею. Въ нижней, кромѣ одной у церквей, — за Челмохтою 13, а всѣхъ вообще въ приходѣ 20; объ названіяхъ ихъ будетъ далѣе. Названія ихъ разныя, есть и русскія, но значенія ихъ объяснить основаній не находится. Первые жители, съ достовѣрностію можно полагать, были Новгородцы, поселившіеся чрезъ Олонецкую губернію, или изъ оной, а въ какомъ столѣтіи и году—положительно неизвѣстно. Прозванія крестьянъ нынѣшнихъ большая часть Олонцевыхъ, Ѳедоровцевыхъ, Богдановыхъ, Клишевыхъ и прочихъ, издавна ведущихся отъ выходцевъ, доказываютъ подобныя предположенія, и тѣмъ болѣе, что по преданію извѣстно, что первые жители обитали въ лѣсахъ, по рѣкѣ Пукшеньгѣ, гдѣ и понынѣ есть еще, хотя весьма устарѣлые признаки ихъ жительства. Ремесло ихъ по разсказамъ было грабежъ по рѣкѣ Двинѣ на судахъ. Есть молва о кладѣ, будто бы находящемся около тѣхъ мѣстъ, и были попытки дѣланы къ его отысканію, но тщетно.

Волости: Челмохотская, и Пукшенская.—Съ котораго времени начала существовать Челмохотская волость достовѣрно неизвѣстно, покрайней мѣрѣ, должно полагать, что съ XVI или въ XVII столѣтіи, потому, что самостоятельность Челмохотской волости и прихода послѣдовала въ началѣ XVII столѣтія, а именно 1638 года. До сего 1638 года Челмохотская и Пукшенская волости находились въ зависимости и вѣроятно довольно времени по духовному управленію подъ Сійскимъ приходомъ, по мірскому—подъ Сійскою, Хоробрицкою, и Брилиноволоцкою волостями и составляли одну сотню.

Челмохчане, завися болѣе отъ Сіянъ, платя имъ бывшія тогда повинности, отправляя мирскія службы со стѣсненіемъ, и не имѣя при своей церкви священника, за которымъ для требоисправленій обращались въ Сійскій приходъ чрезъ рѣку Двину за 10, а съ Пукшеньги за 16 верстъ, рѣшились наконецъ отойти отъ Сіянъ волостью, и подали челобитную Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, по которой 1638 году и отдѣлились. Первая церковь была построена прихожанами 1639—1641 года по благословенію Афанасія митрополита великаго Новаграда и Великихъ Лукъ; тогда же переведенъ былъ къ ней священникъ изъ Сійскаго прихода.

Нынѣ въ семъ приходѣ двѣ деревянныхъ пятиглавыхъ, на каменномъ фундаментѣ въ деревянной оградѣ, церкви, съ отдѣльною деревянною на столбахъ колокольнею, обшитыя всѣ тесомъ. Первая теплая, во имя Рождества

Пресвятой Богородицы, построена въ 1709—1711 г. по грамотѣ Рафаила Архіепископа Холмогорскаго и Важескаго прихожанами, вмѣсто обветшалой, построенной 1639—1641 годахъ.

Вторая церковь холодная во имя Св. Великомученика Димитрія Солунскаго съ придѣломъ Праведнаго Прокопія Устюжскаго Чудотворца, одноэтажная. Построена прихожанами 1681 года по грамотѣ Преосвященнаго Корнилія Митрополита Новаграда, и Великихъ Лукъ, освящена по по указу Аѳанасія архіепископа Холмогорскаго и Важескаго 1685 года.

Въ постройкѣ обѣихъ церквей, какъ внѣшней такъ и внутренней, особеннаго нѣтъ. Кто былъ архитекторъ, составлявшій планъ церквамъ—неизвѣстно, равно и иконописецъ, писавшій въ церквахъ иконы. Настѣннаго письма, чудотворныхъ иконъ, мощей и древностей нѣтъ. Плана и фасада не имѣется, кромѣ копій съ актовъ. Подлинныхъ въ церковномъ архивѣ не имѣется, кромѣ копій съ нихъ, которыя съ подлинными свѣрены, въ должности секретаря архангельской консисторіи, коллежскимъ регистраторомъ Петромъ Иконниковымъ. Церкви утварью, ризницею и книгами достаточны.

Ближайшіе къ церквамъ приходы:

Холмогорскій въ 4-хъ, Сійскій въ 10-ти за рѣкою Двиною и Пингишенскій въ 12-ти верстахъ, по одной правой сторонѣ, за рѣчками Пукшеньгою и Пингишею. Сообщеніе съ первымъ и третьимъ труднѣе втораго, особенно въ распутицу и лѣтомъ за ненахожденіемъ удобной дороги, кромѣ береговой подлѣ рѣки Двины и за перевозами.

Приписной церкви въ приходѣ нѣтъ, а находятся двѣ деревянныхъ часовни. Первая разстояніемъ отъ церквей въ 3-хъ верстахъ во имя Святителя Модеста, построенная въ 1722 году, по грамотѣ Варнавы архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, находится въ деревнѣ Часовенской, по случаю бывшаго скотскаго падежа. Почему съ давнихъ лѣтъ бываетъ въ ней крестный ходъ изъ церкви 18 Августа и 18 Декабря. Вторая въ верхней части прихода, въ 4-хъ верстахъ отъ церкви, во имя Святаго Великомученика Георгія, построена по желанію прихожанъ 1717 года.

Кѣхотскій приходъ расположенъ на лѣвомъ берегу Двины, на половинѣ пути между Архангельскомъ и Холмогорами. Онъ занимаетъ пространство на 6 верстъ отъ Востока на Западъ и состоитъ изъ слѣдующихъ деревень Кѣхты, Сосниной горы, Чевакинской горы, Боровской и Острововъ.

Кѣхта,—слово финское,—сочная рѣка или лѣнивая, то есть текущая тихо, безъ шума (Арх. Г. Вѣд. за 1853 годъ, № 5). Кѣхтою называется нѣсколько деревень, расположенныхъ на устьѣ рѣки Кѣхты *), а именно: Григоровская, по просту называемая между крестьянами Подолъ, Реутовская, — иначе Погостъ, Марковская или Гурьевъ Конецъ, Васильевская или Подлѣсье.

Всѣ эти деревни находятся близъ церкви и нынѣ слились почти въ одну нераздѣльную, такъ что не зная названія ихъ по концамъ, можно считать одною. Далѣе на югъ слѣдуютъ отъ церкви деревни: Быковская и Матвѣевская; — жители этихъ деревень перемѣшались домами, то есть числятся въ Матвѣевской деревнѣ, а живутъ въ Быковской и на оборотъ и занимаютъ три отдѣльные околотка: — Залѣсь, Сорочій околотокъ и Заручевье, одинъ отъ другаго отстоящіе не болѣе какъ на 100 сажень. И наконецъ за глубокимъ ручьемъ, на высокомъ мысѣ, Красногорская деревня, иначе называемая Мельницею, потому что подъ горою находится вододѣйствующій мукомольный заводъ; — здѣсь же во 2-й половинѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ лѣсопильный заводъ, на которомъ построено было два фрегата и корабль.

Сосногорская деревня или Соснина гора находится ниже Кѣхты отъ церкви въ 3-хъ верстахъ на небольшомъ холмѣ, а Чевакинская деревня или гора еще ниже Сосниной на одну съ четвертью версту; ихъ раздѣляетъ рѣчка Смердіе, вытекающая изъ озера Смердіе, отстоящаго отъ деревни на 4 версты и принадлежащаго Архангельскому монастырю; рѣчка Смердіе вмѣстѣ съ Кѣхтою тутъ же впадаютъ въ отливъ Двины. По самому крутому берегу этого отлива разстилается Чевакинская деревня, которая дѣлится по концамъ: верхній конецъ называется Микольщиною у Микольскихъ, средина — у креста, гдѣ дѣйствительно стоитъ крестъ, а другая половина срединная — на болотѣ, гдѣ мѣсто ниже и мокрое; и нижній конецъ у Епанъ, гдѣ жили прежде одни Епанины.

Боровская деревня, небольшая—всего 3 дома, иначе называемая Вралёва гора; она находится вблизи Васогорской деревни Кіяжестровскаго прихода, которая также называется Вралевою горою. Около нея находится нѣсколько боровъ или холмовъ, и вблизи, позади деревни, есть небольшое озеро, содержащее въ себѣ соленую воду; когда-то въ нее спущены были и трубы; но вода мало содержитъ соли; въ весеннее время, во время водополья, въ него вливается прѣсная вода изъ рѣчки Смердіе.

Деревни Новинки и Горки, — попросту называемыя

*) Рѣчка Кѣхта въ топографическомъ описаніи называется Булычихою,—а не Кѣхтою. Что отъ чего получило названіе: деревня ли отъ рѣчки или рѣчка отъ деревни, сказать трудно. А по приведенному выше объясненію слова Кѣхта, — Кѣхтою названа рѣка, а не деревня;—названіе же Булычиха вѣроятно усвоено въ недавнее время.

острова,—стоятъ на острову, отъ церкви подъ горою, первая въ 1½ верстѣ, а вторая въ 3 верстахъ. Чрезъ эти деревни по зимѣ проходитъ зимній извозный трактъ.

Всѣ деревни имѣютъ сообщеніе между собою и церковью постоянно удобное; только съ послѣдними — Васогорскою, Чевакинскою и Островами нѣсколько затруднительное во время водополья и рѣкостава, но это продолжается не болѣе сутокъ.

Въ выше упомянутыхъ деревняхъ Кѣхотскаго прихода, по духовной росписи, числится прихожанъ: — государственныхъ крестьянъ мужескаго пола 478 женскаго 562 души и отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семействами мужскаго 12 женскаго 13, а всего 490 мужскаго и женскаго 575 человѣкъ. Къ Кѣхотскому приходу относится Слободской раскольничій скитъ. Онъ основанъ во 2-ой половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ, отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ.

Озеро это въ длину до 7 вертъ, а въ ширину 1 верста и болѣе, изъ него вытекаетъ рѣчька Кѣхта, очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыболовъ; къ нему поселился сбѣглый солдатъ; къ нимъ двоимъ начали селиться и другіе, какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ въ ней поселился одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣпняковъ, изъ петербургскихъ артельщиковъ; онъ много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольникомъ Зеленковымъ, который для этой цѣли послалъ ему заразъ будто бы 40 тысячъ рублей. Теперь, послѣ строгаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 жилыхъ келій, въ которыхъ живетъ старыхъ, издавна поселившихся 14 старухъ, старики всѣ вымерли; впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человѣкъ, мужчинъ было немного, не болѣе 5 человѣкъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мужчинъ и четыре женщины.

Среди скита находится отдѣльная деревянная молельня, построенная 1788 года; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины, мужскую и женскую;—иконостасъ составленъ большею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора,— иконы занимаютъ мѣста не по изображенію на нихъ и не по достоинству письма. Въ молельню собираются всѣ каждодневно по три раза, къ утрени, часамъ и вечерни, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псалмовъ, молитвъ и поученій изъ сборниковъ и пролога, поютъ панихиды, и кажется молебны, читаютъ псалтирь по умершихъ и о здравіи живыхъ; читаютъ всѣ посмѣнно; неграмотные исполняютъ свои часы поклонами.

Вѣрованіе въ скитѣ то же, что и въ приходѣ, то есть Ѳедосѣевское согласіе, и потому одни другихъ поддерживаютъ и матеріально, и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольницы уѣжаютъ въ скитъ на нѣсколько недѣль,—особенно въ великій постъ; на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху пріѣжаетъ много раскольниковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольники сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаяніемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ Петербурга и Архангельска. По зимѣ старухи прядутъ, а помоложе ткутъ полотна; старымъ пособляютъ ткать родственницы изъ прихода; по лѣту садятъ по немногу картофля, рѣдьки, лука, моркови, брюквы и сѣютъ рѣпу; ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами, и собираютъ довольно морошки, которую и продаютъ. Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, но пѣшеходное только по лѣту и по осени, пока не промерзнутъ болота и ручьи.

Лисестровское селеніе находится въ 10 верстахъ отъ города Архангельска. Названіе Лисестрова (или Лисестрово) произошло по народному преданію отъ коренаго жителя Листъ, чудскаго племени, жившаго па семъ островѣ въ родѣ намѣстника или тіуна, собиравшаго доходы окладные, то есть хлѣбные, и не окладные то-есть денежные. О необразованности Чудскаго народа и и доселѣ осталась пословица или поговорка: «што это за Чудь такая». Скажемъ нѣсколько словъ объ этой Чуди. Изъ всѣхъ народовъ издревле по берегамъ Двинскимъ и по берегамъ Бѣлаго моря обиталъ господствующій Чудскій народъ, смѣшавшійся съ Русскими поселенцами; народъ сильный и торговавшій звѣриными промыслами съ Датчанами и Нормандцами, народъ, который подъ именемъ Заволоцкой Чуди извѣстенъ былъ Россійскому дѣписателю Преподобному Нестору. Несторъ полагаетъ сіе Чудское племя между данниками, подвластными Новгородскимъ Славянамъ, во времена, предварившія Рюриково княженіе, начавшееся въ лѣто 862. Сія Заволоцкая Чудь въ христіанскіе вѣка подъ владѣніемъ Новгородцевъ называлась Заволоцкою землею. Сія Заволоцкая земля въ концѣ XV столѣтія подъ самодержавнымъ владѣніемъ Великихъ Государей Россійскихъ переименована Двинскою землею или народомъ, нынѣ Лопарями, Самоѣдами и Зырянами, составляющими Архангельскую губернію. Вѣра у Заволоцкой Чуди была языческая. Заволоцкая земля до просвѣщенія святымъ крещеніемъ почитала идола Іомала или Юмала, о коемъ у Стурлесона упоминается, что прибывшіе въ Біармію отъ короля Шведскаго Олова, прозваніемъ Святаго, для торговли Торстъ и Карлъ съ деревяннаго

сего идола ожерелье сорвали, золото, серебро и чашу серебряную унесли съ деньгами.

Чудскій народъ покоренъ и святымъ крещеніемъ просвѣщенъ въ одинадцатомъ столѣтіи Новгородцами, воспріявшими христіанскую вѣру въ самомъ концѣ десятаго столѣтія. Но въ которые годы сей небесный свѣтъ возсіялъ во тмѣ и сѣни смертней сѣдящимъ Заволочанамъ, какіе въ ихъ обращеніи по Евангелію употребляли способы христіанскіе проповѣдники, сколь долго продолжались ихъ святые подвиги въ крещеніи Заволоцкой Чуди, за крайнею скудостію историческихъ тогдашняго времени свидѣтельствъ, неизвѣстно. А какъ сія страна обще съ Новгородомъ подвластна стала Московскимъ Государямъ, то съ тѣхъ поръ были въ Холмогорахъ намѣстники и тіуны, а послѣ воеводы. Въ 1584 году Ѳедоръ Іоанновичъ велѣлъ заложить при устьѣ Двины новый городъ. Воеводы Нащокинъ и Воейковъ основали городъ, въ 30 верстахъ отъ устья, гдѣ находится Архангельскій монастырь; вслѣдствіе чего и самый городъ получилъ названіе Архангельскаго или Архангельска. Въ Архангельскіе воеводы назначали не только знаемыхъ, но даже и ближайшихъ царямъ людей. Въ это время на Двинѣ находились царскіе даньщики.

Въ 1598 году дана Лисестровскому приходу царская жалованная грамота. Эта грамота исключаетъ уполовническое право брать повинность или подать даньщикамъ ясакомъ, то-есть лисьими и бѣличьими шкурами.

Изъ этой грамоты можно заключить о существованіи прихода Лисестровскаго. Грамота дана отъ Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича, за приписью дьячка Дмитріева по челобитію Лисестровской волости, Воскресенскаго церковнаго старосты Гришки Морозова на Борисовскую пустошь (гдѣ нынѣ деревня Семенова), и писана на Москвѣ 7105 (1597) Марта 23-го дня; въ ней написано: «отъ Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Руссіи на Двину даньщикомъ Томаку Тарасову съ товарищи. Въ прошломъ 7104 (1596) году Марта въ 31 день писана къ вамъ наша грамота по челобитью Лисестровской волости Минки Шудова. А велѣно вамъ тому Минкѣ дати на льготу пустошь Борисова погоста на шесть лѣтъ Марта съ 25-го числа 7104 (1596) году, по тожъ число 7110 (1602) года, а нынѣ били намъ челомъ Лисестровской волости церковный староста Гришка Морозовъ, что той пустоши Борисова погоста половина полъобжи церковная Воскресенія Христова искони вѣчно. А другая половина полъобжи, той пустоши Борисова погоста за волостными лудьми. И намъ ихъ пожаловати тое у нихъ пустоши отнимати не велѣти. А въ писцовыхъ книгахъ Князя Василія Андреева Звенигородскаго съ товарищи 7105 (1597) году написано: въ Лисестровской волости деревни тяглыя церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ пустошь Борисова погоста, а въ ней дворъ пустъ, пашни перелогомъ куды земли впустѣ обжа, а другая половина за волостными лудми. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ у церковнаго старосты у Гришки Морозова тое церковныя Воскресенія Христова, что на погостѣ, пустоши Борисова погоста полуобжи мимописцовыхъ книгъ не отымали и Минкѣ Шудову на льготу не отдавали; а велѣлибъ естя на церковномъ старостѣ имати оброку въ нашу казну по двѣ гривны на срокъ на Госпожинъ день 7105 (1599) году. А съ которыхъ Воскресенія Христова церковныхъ черныхъ деревень емлютъ волостные крестьяне наши подати по своему волостному размѣту лѣхуя себѣ по веревкамъ, а не по писцевымъ книгамъ и не по сошной грамотѣ, а вы бъ волостнымъ крестьянамъ съ тѣхъ церковныхъ деревень нашихъ податей по волостному размѣту по веревкамъ имати не велѣли, а велѣли бы естя съ тѣхъ церковныхъ черныхъ деревень наши подати по сошкамъ и по обжамъ чемъ ихъ описали писцы наши. А прочете еста сію нашу грамоту и списавъ съ нее противень отдали Гришкѣ Моросову назадъ для прежнихъ данщиковъ. Писана на Москвѣ лѣта 7105 (1597) Марта въ 23 день». Подъ симъ черная печать, а на оборотѣ: Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Руссіи. Припись: Дьякъ Дмитріевъ.

Первые поселенцы или выходцы Новгородскіе пришли сюда изъ Новгорода и первоначально поселились въ Холмовской деревнѣ и двухъ выселкахъ при той же деревнѣ и частію на Исаковой горѣ (въ древности Кононовой горѣ), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись приписной къ Лисестровской церкви во имя Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Сія лѣтопись заключаетъ слѣдующее: «Божіимъ изволеніемъ и за предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Дѣвы Маріи и молитвами Святыхъ славныхъ и Всехвальныхъ Апостоловъ и Первоверховъ Петра и Павла скинія каѳолическая, рекше Святая церковь Господа и Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа во имя преждереченныхъ Святыхъ Апостоловъ устроися къ молитвенному храму новымъ зданіемъ алтарь святый и царскія врата и иконостасъ съ прочимъ благолѣпствомъ украсися и освятися чрезъ благодать Святаго Духа по благословенію Германа Архіепископа Архангельскаго и Холмогорскаго, на которомъ мѣстѣ издревле по писцовымъ книгамъ еще отъ лѣтъ седмь тысящь шестьдесятъ перваго года, и далѣе видимо тыже церковь имѣлась древняя, стоящая чрезъ 130 лѣтъ, дондеже за ветхостію совсѣмъ распадеся и развалилась и оттогда на мѣсто той церкви построенъ молитвенный оный храмъ стоявшій лѣтъ 50, даже и донынѣ построенныя святыя церкви; а бытія древнія церкви и молитвеннаго храма (по писцовымъ книгамъ) развѣ безъ мала 200 лѣтъ; самое же начало оныя весьма вяще 200 лѣтъ, аже въ

лѣто седмь тысящь шестьдесятъ первое, 1553 въ царствованіе Іоанна IV Васильевича, итогда уже была безъ пѣнія, а начало пѣнія нами чрезъ записки необрѣтено, токмо отъ старожиловъ глаголемо, ако изъ начала при той церкви священникъ нарочно проживалъ для Божественной службы, пришодшій изъ области Новограда и принесшій нынѣ видимо сіяющіе святые мѣстные образа и Деисусъ на полуденной сторонѣ, который и построилъ реченную древнюю церковь, которой красота одѣяся и нынѣ по писанному новозданная церковь и украсися якоже и древняя туюжъ пресвѣтлую красоту Божества Невѣста Христова воспріяла. Сего не лиши Премилостивый Господь Богъ и Пресвятая Богородица за молитвы свв. апостоловъ Петра и Павла и нынѣшнимъ родомъ Божественную и Пречистую славу свою и всей святой церкви благословляти и славити нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь».

Лисестровскій приходъ, кромѣ села, обнимаетъ собою слѣдующія населенныя мѣста: деревню Часовскую, Нестеровскую, Лукинскую, Исакогорскую съ шестью выселками—Исакова гора, Шурковская гора, Бурминская гора, Малое Заручаево, Большое Заручаево, Нарья,—деревню Холмовскую съ двумя выселками—Малая и Большая Лахты,—Окуловскую, Семеновскую, Амосовскую, Кривлявскую, Любовскую, Лѣтнинскую, Валдушинскую, Кутозерскую—въ просторѣчіи Кривохутскую, Хамьяновскую, Малокорзихонскую, Большекорзихонскую (по рѣчкѣ Корзихонкѣ), Волохновскую съ тремя выселками—Воронье, Невѣрово, Бутырки, деревню Глухопскую, Запольскую, Бакаревскую, Варавинскую, Юрасскую съ двумя выселками—Дряхлицынскимъ и Куропшевскимъ, Журавинскую съ тремя выселками—Новинки, Большой и Малый Кривые Боры. Домовъ во всѣхъ этихъ селеніяхъ считается 465; жителей—1376 м. п. и 1587 ж. пола. Изъ названій деревень видно, что они произошли: или отъ имени перваго поселенца, или отъ свойства мѣстоположенія, или отъ прозванія урочища, при которомъ деревня выстроилась.

Число жителей на Зимнемъ Берегу не велико—418 мужскаго пола. Всѣ они принадлежатъ къ одному приходу · Зимне-Золотицкому и находятся въ слѣдующихъ поселкахъ: Верхней Золотицѣ, Нижней, Инецкомъ выселкѣ, Ручьяхъ, Ручейкѣ, Майденскомъ хуторѣ, Чубальскомъ выселкѣ, Больше-Вазицкомъ выселкѣ, Мегрѣ и Майдѣ, послѣдніе семь хотя и принадлежатъ къ Золотицкому приходу, но находятся на другой части Зимняго Берега—сѣверной.

Деревня Верхняя Золотица, Архангельскаго уѣзда, отъ Архангельска отстоитъ на 180 верстъ. Называется Зимнею потому, что находится на Зимнемъ Берегу и въ отличіе отъ Лѣтней, стоящей на Лѣтнемъ Берегу Бѣлаго Моря въ Онежскомъ уѣздѣ.

Названіе Золотицы деревня получила вѣроятно отъ рѣки Золотицы, протекающей посрединѣ деревни. Часть селенія, расположенная на правомъ берегу рѣки, зовется Зарѣчье, или за рѣкой, а на лѣвомъ Холмомъ, или на Холму потому, что мѣсто, гдѣ стоятъ дома, гораздо выше зарѣчья.

Верхнею деревня зовется отъ того, что стоитъ по теченію рѣки выше Нижней Золотицы (устья), находящейся при самомъ впаденіи рѣки Золотицы въ Бѣлое Море.

Золотица основана первоначально Чудью, и это достовѣрно. Ибо и до сихъ поръ еще на правомъ берегу рѣки, повыше деревни, есть мѣстность, сохранившая названіе Чудской ямы. На этомъ мѣстѣ, по разсказамъ жителей, первоначально поселилась и жила Чудь. Показываютъ также и мѣсто Чудскаго кладбища, на лѣвомъ берегу рѣки, повыше Савина ручья. Нынѣшніе жители Золотицы потомки Новгородцевъ, по разсказамъ крестьянъ, бѣжавшихъ сюда въ то время, когда перемѣняли вѣру. Но это преданіе неправдоподобно. Новгородцы переселились сюда или 1) сами для промысла дорогихъ пушныхъ и морскихъ звѣрей, или 2) переселены сюда для той же цѣли Новгородскими боярами, какъ крѣпостные, или 3) всего вѣроятнѣе, предки Золотичанъ убѣжали изъ Новгорода на Зимній Берегъ потому, что не хотѣли покориться власти князей Московскихъ.

Можно полагать, что нѣкоторые изъ бѣглецовъ приговорены были къ казни даже и тогда, какъ переселились уже въ Золотицу. Ибо и до сихъ поръ осталось, на памяти народа, названіе мѣста Вѣшальная яма, или на Вѣшальной, находящейся пониже деревни, на правомъ берегу рѣки Золотицы.

Названія или прозванія, характеризующаго достоинство или недостатка, золотичане не имѣютъ. Только мудьюжане замѣчаютъ, что зимній проѣздъ золотичанъ въ Архангельскъ всегда бываетъ съ сильною непогодою. Если поднялась сильная непогода, мудьюжане говорятъ: Золотичане въ городъ поѣхали. Объ этомъ странномъ, но всегда къ несчастью золотичанъ, вѣрномъ замѣчанію мудьюжанъ, въ Золотицѣ носится народное преданіе, вотъ какое. Преподобный Антоній Сійскій, однажды проходя по Зимнему Берегу, попросился въ Золотицѣ ночевать, но, никѣмъ непущенный, переночевалъ въ овинѣ, и, когда обратно проходилъ чрезъ Золотицу, сказалъ золотичанамъ: за то, что вы не пустили меня ночевать, всегда будете ѣздить съ погодою по зимнему пути.

Урочищъ, носящихъ какое-либо особенное замѣчательное названіе въ Золотицѣ нѣтъ, ручьи, пожни и мѣстности носятъ названія русскія: или отъ именъ жителей, или ихъ фамилій, или наконецъ отъ самаго свойства и вида мѣстности.

Сумскій посадъ находится въ Кемскомъ уѣздѣ въ 28 верстахъ отъ уѣзднаго города Кеми. Онъ расположенъ

по обѣимъ сторонамъ не широкой, сравнительно крутыми каменистыми берегами, рѣки Сумы, въ трехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Бѣлое Море.

Названіе посада «Сума» по объясненію г. Рейнеке произошло отъ первыхъ здѣсь обитателей финскаго племени suoma-laiset, которое совершенно исчезло и не оставило по себѣ никакихъ преданій *).

Народное предание говоритъ, что Новгородцы, селившіеся по прибрежьямъ Бѣлаго Моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, въ такъ называемомъ загорьѣ (за слободою).

Между Сумлянами извѣстна поговорка, которою они характеризуютъ себя: «Сума не купитъ ума, сама продаетъ». Поговорку эту, какъ говорятъ, сказалъ когда-то одинъ изъ Сумлянъ въ отвѣтъ таможенному чиновнику, грозившему поймать его съ контрабандою.

Въ память жителей, до сихъ еще поръ, посадъ сохранилъ свои старинныя названія, которыми дѣлится на слѣдующія части: «Низовье», населеніе, начинающееся отъ возморья; отъ Низовья слѣдуетъ «Жемчужный рядъ» **), самая средина селенія; за посадомъ слѣдуетъ «Верховье», часть сего послѣдняго, состоящая изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ домиковъ и называющая «Труновымъ рядомъ» ***).

Другая половина посада по другую сторону рѣки, близъ острога, называется «Нагорье или погостъ», далѣе Кислая губа ****) и наконецъ на выѣздѣ «слобода». Холмъ же, на которомъ находятся церкви, называется Городовуха.

Церквей въ Сумѣ двѣ: каменная во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1635 году, и деревянная во имя Николая чудотворца, сооруженная въ 1768 году.

Вотъ тѣ мѣстности, къ которымъ главнымъ образомъ относится этнографическій матеріалъ, собранный сотрудниками П. С. Ефименка. О физическихъ свойствахъ самаго населенія, быть коего описывается въ этихъ матеріалахъ, авторы или ничего не говорятъ, или кратко упоминаютъ, что народъ Архангельской губерніи есть самый русскій, крѣпкій и здоровый. Только П. А. Ивановъ съ свойственною ему подробностію остановился и на вопросѣ о физическихъ свойствахъ населенія Пинежскаго уѣзда, для этнографіи коего онъ представилъ вообще такіе обильные матеріалы. Очень можетъ быть, что природныя свойства остальнаго населенія Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ средней части ея, подходятъ хоть отчасти подъ изображеніе Пинежанъ, предлагаемое г. Ивановымъ. Тѣмъ любопытнѣе должно быть это единственное въ нашемъ «Сборникѣ» описаніе физическихъ свойствъ мѣстнаго населенія. Вотъ что сказано въ немъ:

«Люди, начавшіе первѣе всѣхъ жительство въ настоящемъ Пинежскомъ уѣздѣ, были народъ изъ древняго финскаго племени, кочующій, грубый. (Арх. сбор., ч. I-я стр. 304—315). Впослѣдствіи народъ этотъ былъ названъ Сѣверною Чудью, а Новгородцы называли его Заволоцкою Чудью.

«Какъ повсемѣстно слилась Чудь съ русскимъ населеніемъ славянскаго племени, такъ это произошло и здѣсь. (Списокъ насел. мѣс. Арх. губ., л. XIV). Теперь все народонаселеніе уѣзда составляетъ чисто русскій людъ, или великороссовъ; но примѣсь отдѣльныхъ племенъ съ чистокровными русскими становится въ Архангельской губерніи замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Итакъ настоящіе жители уѣзда — изъ поколѣнія Чуди, сроднившіеся сперва съ удалыми Новгородцами, а потомъ съ другими племенами русскаго населенія.

«Въ жителяхъ уѣзда число женскаго пола душъ превышаетъ мужской. Ихъ и родится и умираетъ болѣе, чѣмъ мужчинъ.

«Крестьяне рѣдкіе переживаютъ 80 лѣтъ. Замѣчено, что женщины здѣсь живутъ до глубокой старости, до какой не доживаютъ мужчины.

«Жители Пинежскаго уѣзда способны къ перенесенію суровости своего полярнаго края. Они спокойно сносятъ всѣ невзгоды, случающіяся въ годины несчастій.

«Освоившись съ климатическимъ вліяніемъ, они имѣютъ то здоровье, которымъ отличается Архангельскій народъ. Некрасиво со стороны, что при здоровьи человѣкъ здѣшній походитъ на заспанную фигуру; но что дѣлать, такимъ уже отпечаткомъ надѣляетъ его полярная природа!

«Люди здѣсь плотнаго, дороднаго тѣлосложенія и одарены силою. Но пріемы ихъ непринужденно лѣнивы, изящества въ тѣлодвиженіяхъ нѣтъ, какъ равно хорошей осанки и особенной ловкости. Съ наружи люди кажутся скорѣе хилыми, а не мало есть и такихъ, которыхъ наружность по худосочію отражается видомъ изнуренности, какъ бы отъ голода или отъ болѣзней, и довольно сухощавыхъ.

«Напротивъ у женщинъ замѣчается тучность, толстота и овислость.

«Уже извѣстно, что сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца и сжимаетъ органическіе сосуды. По этому, живя

---

*) Гидрографическое описаніе Сѣвернаго берега Россіи Изданіе 1850 года. Часть I, стр. 416.

**) Сумляне разсказываютъ, что въ „Жемчужномъ ряду“ жили самые изъ богатѣйшихъ обывателей посада, жены которыхъ украшали себя жемчугомъ.

***) Названіе „Труновый рядъ“ произошло вѣроятно отъ слова „трунъ“, что въ Сумѣ значитъ оборвышъ, бѣднякъ.

****) Сзади „Кислой губы“ лежитъ холмъ съ котораго послѣ дождей и при таяніи снѣга текутъ ручьи, усиливая сырость и зловоніе. Отсюда можетъ быть и происходитъ слово „кислая“. Губою же по всей вѣроятности назвали потому, что въ этой части посада рѣка врѣзывается въ берегъ и образуетъ губу, которая въ лѣтнее время высыхаетъ.

въ полярномъ краѣ, человѣкъ здѣшній вообще малъ ростомъ, какъ и вообще народъ Архангельской губерніи, терпѣливъ, упрямъ и въ духовномъ отношеніи неподвиженъ. Малый ростъ есть печать скудныхъ даровъ отечества.

«Но, разсмотрѣвъ ростъ здѣшняго мужчины ближе и по соображенію съ рослостію въ другихъ уѣздахъ, увидимъ, что мужчины здѣсь роста средняго.

«По физическимъ условіямъ, для пріема въ рекруты жителей Пинежскаго уѣзда, по закону, донынѣ сохраняется прежній ростъ 2 арш. 2¼ вершка (въ другихъ мѣстахъ Россіи 2 арш. 3 вершка).

«Складъ человѣка болѣе правильный, ровный; но замѣтна сутуловатость и нѣкоторая несоразмѣрность членовъ».

Образъ Пинежскаго жителя г. Ивановъ рисуетъ такимъ образомъ:

1). Очертаніе головы шарообразно. Черепы пропорціональны и довольно объемисты; но замѣчается и чрезвычайная величина головъ.

2). Шеи болѣе короткія; съ широкимъ загривкомъ (затылкомъ).

3). Волосы черепа жестки, грубы, не совсѣмъ густые, нѣсколько курчавые и болѣе совершенно гладкіе. Цвѣтъ ихъ: русые и черные, переходящіе въ рыжеватые, такъ что наиболѣе съ свѣтлыми волосами на головѣ. Волосы у женщинъ хватаютъ иногда до задницы и ниже. Длинная коса въ почетѣ.

4). Лобъ широкій, но не такъ высокій и развитый.

5). Уши не выходящія изъ соразмѣрной величины.

6). Физіономія серьезна, въ угрюмой обстановкѣ, исключая молодыхъ женщинъ съ игривой улыбкой.

7). Господствующій цвѣтъ лица бѣлый и немного смугловатый. Въ лѣтнее время лица запекаются солнечнымъ жаромъ. За исключеніемъ 16—25 лѣтнихъ, у прочихъ лица блѣдныя, безъ румянца. У молодыхъ мужчинъ лица бываютъ полныя, а у пожилыхъ—тощія, съ рѣдкими исключеніями. У женщинъ же—полныя, гладкія и румяныя. Красныя здѣшнія бабы, что называется, кровь съ молокомъ.

8). Черты лица округлены и не рѣзки. Люди, вообще невзрачны собой.

9). Женщины вообще красивѣе мужчинъ; но онѣ рано старѣютъ въ замужествѣ.

10). Не мало увидѣть можно людей обоего пола изуродованныхъ оспою, веснушками и бородавками. Рябыя лица показываютъ, что достаточно есть пренебрегающихъ предохранительною оспою.

11). Щеки у мужчинъ хотя бываютъ и широкія, но мало овалистыя, болѣе впалыя; у женщинъ же широкія, овальныя и надутыя или *опухлыя*. Вообще скуловыя кости широки и выдаются угловато; но лица все-таки имѣютъ овальную форму при отличительной ширинѣ. Характеристическая поговорка: *Пинега, Мезень—толста селезень.*

12). Глаза осѣняются высокими, отстоящими другъ отъ друга не густыми бровями: черными, и наиболѣе—свѣтло-русыми. У пожилыхъ онѣ нахмурены, а у молодыхъ не мало въ излучинахъ.

13). Глаза: сѣрые, каріе и черные наиболѣе, съ длинными рѣсницами. Они не малы и выдаются: либо на выкатъ, либо узко, когда впалые въ орбиты.

14). Носы болѣе умѣренные, но замѣтно широковато-плосковатые. Есть толсто-круглые, прямо-тупые, приплюснутые къ верху и попадаются съ горбомъ по срединѣ.

15). Ротъ—органъ ѣденія, вообще, не малъ, а въ частности: большой и малый, т. е. неодинаковъ. Замѣтно выдается немного впередъ.

16). Гортанный звукъ у мужчинъ неблагозвученъ и даже непріятенъ; у женщинъ же чистый голосъ и болѣе или менѣе мужиковатый.

17). Губы толстоваты, полныя.

18). Подбородки толстые, широкіе, круглые и мало выдающіеся, иногда двойные.

19). Зубы небольшіе, бѣлые, здоровые, не очень рѣдкіе, но у нѣкоторыхъ выходящія изо рта на видъ и изъ пропорціи обыкновенной длины.

20). Усовъ и бороды не сбриваютъ. Усы очень малы и рѣдки.

21). Бороды рѣдковолосыя, *клиномъ* т. е. прямыя, строгія, къ вискамъ скудныя. Но есть курчавыя бородки, бороды густыя и крутыя, какъ бараньи шапки, и такія есть *бородачи*, что у нихъ лице бываетъ усѣяно густыми и длинными отъ губъ до шеи и отъ подбородка до висковъ (окладистыми) бакенбардами, усами и бородою, но рѣдко.

22). Цвѣтъ кожи бѣлый. Не мало есть такихъ, у которыхъ обильно растутъ волосы по всему тѣлу.

23). Плечи—обыкновенны; но при сутуловатости широкія. Груди развитыя, широкія и возвышенныя. Полныя груди женщины, на виду, прибавляютъ ей красоту.

24). Руки грубы, съ мозолями на ладоняхъ. Ногти на пальцахъ отращиваются большіе.

25). Станъ нестройный, не гибкій, исключая нѣкоторыхъ немногихъ. Таліи толстыя.

26). Ноги толстыя, не длинныя и косыя. *Ступни* ногъ (стопы) сильно развитыя. Пяты ногъ толсты. На подошвахъ затвердѣлыя мозоли. На нижнихъ пальцахъ ногти наростаютъ безобразно.

27). Походка или поступь не твердая, спокойная, тихо-лѣнивая (тяжела на подъемъ русская натура, по по-

словицѣ), отчасти съ перевальцемъ, какъ бы качающаяся, съ опущенною къ низу головою, нисколько не важная, ни торжественная, ни гордая. Старые ходятъ подпираясь длинными палками, что придаетъ имъ заслуженный почтенный видъ.

28). Косы у здѣшнихъ дѣвушекъ удивительной величины. Распустя ихъ, они совершенно могутъ закрыть себя со всѣхъ сторонъ.

29). Въ формахъ преобладаетъ округлость, и видно накопленіе жира. Въ особенности у женщинъ сквозь кожу просвѣчиваетъ румянецъ.

30). Лиственную сѣру безпрестанно жуютъ особенно дѣвицы. Дѣлаютъ это для того, чтобы сдѣлать пріятнымъ дыханіе. Но отъ того же укрѣпляются у нихъ десны, а зубы получаютъ бѣлизну.

31). Отличія особенностей въ образѣ человѣка здѣшняго уѣзда предъ другими жителями губерніи, мы дать не беремся, потому что въ народѣ почти нѣтъ общей физіономіи и черты нельзя не признать неправильными. Однако извѣстно же, что народъ, населяющій губернію, мало-схожъ между собою, если даже принять въ сравненіе одинъ уѣздъ съ другимъ *).

*) Въ описаніи Тулгасскаго прихода о жителяхъ его сказано: „почти всѣ роста средняго и здоровы тѣломъ, члены котораго соразмѣрны между собой. Господствующій цвѣтъ лица – бѣлый, глазъ—голубой, волосъ—русый, бороды—темнокарій“.

ГЛАВА II.

ВНѢШНЯЯ ОБСТАНОВКА.

Программа для собиранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.—Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищахъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, оклады избъ, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, солныша, палати, окна, украшенія, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственныя службы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для спанья, для стирки бѣлья; домашняя утварь и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ домовъ и усадебъ, представленные А. Шадринымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пуѣ, доставленныя священникомъ Ст. Меѳодіевымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія священника П. Павлова о постройкахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингишахъ.—Свѣдѣнія священника В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же священника І. Глѣбовскаго о Челмохотскомъ приходѣ.—Такія же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленныя г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія священника Ѳедорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія священника Владимірца-Розонова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотицѣ.

Еще для Московской Политехнической выставки 1872 года, на которой между прочимъ предполагалось дать значительное мѣсто изображенію современнаго состоянія строительнаго дѣла въ Россіи, по Архангельской губерніи собирались свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

а). Какой архитектурный характеръ имѣетъ постройка крестьянскихъ избъ въ губерніи? Строятся ли избы одноэтажныя, двухъ-этажныя или болѣе?

б). Какого рода наводятся крыши на избахъ—крутыя или плоскія? Чѣмъ кроются зданія (какъ крестьянскія, такъ и владѣльческія): желѣзомъ, цинкомъ, тесомъ, черепицею, сланцемъ, дранью, гонтомъ, толемъ, картономъ или соломою, и въ послѣднемъ случаѣ какой употребляется способъ покрышки (съ глиняною смазкою, съ тарновкою или обыкновеннымъ способомъ). Необходимо приложить примѣрныя указанія о преобладаніи того или другаго рода крышъ. Есть ли на крышѣ украшенія?

в). Строятся ли избы на каменномъ фундаментѣ или нѣтъ? Есть ли надъ избами подвалы, подъизбицы и т. п.?

г). Сколько въ избѣ комнатъ и какъ онѣ расположены?

д). Есть ли при избѣ лѣстницы, внутреннія или наружныя?

е). Есть ли въ избѣ дымовыя трубы или нѣтъ?

ж). Бываютъ ли при избахъ крыльца или свѣтлицы? Бываютъ дворы крытые или некрытые?

з). Куда обращены окна, какъ великъ ихъ размѣръ, и есть ли на нихъ украшенія?

и). Стоитъ ли жилое зданіе въ связи съ нежилыми или отдѣльно?

і). Какъ размѣщены избы въ селеніяхъ: выходятъ ли онѣ окнами на улицу или стоятъ во дворахъ? Расположены ли строенія рядами безъ промежутковъ или съ промежутками, прямыми улицами или ломаными, съ переулками или безъ нихъ, или всѣ строенія разбросаны отдѣльными хуторами или дворами?

к). Есть ли въ селеніяхъ площади, и чѣмъ онѣ обставлены? Какое положеніе относительно селенія занимаютъ церкви и дома духовныхъ лицъ: стоятъ ли они въ центрѣ селенія или площади, или образуютъ отдѣльные приселки? Стоятъ ли помѣщичьи усадьбы среди селенія, или образуютъ отдѣльные поселки?

л). Расположены ли селенія вдоль рѣкъ, или въ междурѣчныхъ пространствахъ, и какими вообще обстоятельствами обусловливается размѣщеніе селеній—присутствіемъ ли воды, линіями дорогъ и т. п.? Если есть селенія между рѣками и линіями дорогъ, то вслѣдствіе чего они возникли?

м). Существуютъ ли въ селеніяхъ губерніи кирпичныя избы? Замѣтно ли въ новѣйшее время увеличеніе кирпичныхъ построекъ въ городахъ и селеніяхъ?

н). Существуютъ ли въ губерніи мазанки и строенія изъ каменныхъ валуновъ? Суть ли эти постройки—зданія жилыя или не жилыя, и не преобладаютъ ли онѣ въ томъ или другомъ родѣ построекъ, въ той или другой мѣстности губерніи?

о). Откуда вообще, при постройкѣ каменныхъ сооруженій въ губерніи, берутся строительные матеріалы? Какія есть въ губерніи каменоломни? (перечислить ихъ, отдѣляя каменоломни строительнаго матеріала отъ ломокъ камня жерноваго, точильнаго, гипса и камней, служащихъ для украшеній и памятниковъ, каковы: мраморъ, гранитъ, лабрадоръ, и для обжиганія извѣсти). Какіе способы добычи камня употребляются въ губерніи? Какія есть въ губерніи разработываемыя мѣсторожденія глины строительной, горшечной, фаянсовой и фарфоровой?

п). Какой матеріалъ служитъ въ губерніи для шоссейныхъ дорогъ и откуда онъ берется? и

р). Какимъ вообще путемъ привозятся въ губерніи строительные матеріалы, сбываются ли произведенія каменоломенъ—внѣ предѣловъ ея и куда именно?

Хотя матеріалы, доставленные въ отвѣтъ на эти вопросы, не могутъ быть названы ни особенно полными, ни обстоятельными; но нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными, если не въ цѣломъ своемъ видѣ, то хоть въ извлеченіяхъ.

Начнемъ съ извлеченій изъ статьи волостнаго писаря П. А. Иванова: «Жилища и постройки крестьянъ Пинежскаго уѣзда».

Населенныя мѣста въ Пинежскомъ уѣздѣ расположены при рѣкахъ Немнюгѣ (Кеврольской), Покшеньгѣ, Явзорѣ, Немнюгѣ (Кулойской), Кулоѣ, и рѣчкахъ: Чугѣ, Гбачѣ, Цетрогоркѣ, Чушелкѣ, Сурѣ, Нюхчѣ, Выемѣ и Юлѣ и при озерахъ (чѣмъ далѣе отъ уѣзднаго города, тѣмъ менѣе): Курьѣ, Соялѣ, Окатовомъ, Юрольскомъ, Холмовскомъ и Заозерьѣ, а гораздо болѣе половины всего населенія утвердилась по главной здѣсь рѣкѣ Пинегѣ.

Деревни расположились на высокихъ мѣстахъ, такъ чтобы *вешна вода не пообидѣла*. Но есть дома и на низкихъ мѣстахъ и частію на островахъ, гдѣ въ большія воды наводняется и наводненіе дѣлаетъ уносы и поврежденія; такія мѣста называются *поемными*. Впрочемъ неудобства эти можно встрѣтить только въ волостяхъ: Никитинской, Ярушевской, Бирючевской и Совпольской.

Нельзя сказать, чтобы мѣста, на которыхъ расположены селенія, не были выбраны съ умомъ и вкусомъ, ибо вблизи ихъ всегда почти есть проточная вода, а кругомъ растутъ тѣнистыя деревья, или же на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ свободенъ проходъ воздуха и туманы разносятся легкимъ вѣтромъ. Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить разборчивость на дары сѣверной природы: деревни либо очерчиваются замѣчательными рвами, косогорами, дорогою, или обрамляются рѣками, рѣчками, ручьями, нивами и лугами. Вообще мѣста хороши, по взгляду сѣвернаго жителя. Но эта красота является на короткое время. Въ длинную же зиму въ деревняхъ тихо, какъ бы безжизненно, въ полномъ смыслѣ уныло, а вокругъ—мертвая тишина на улицѣ; одно трепетное завываніе сильныхъ порывовъ вѣтра; далѣе—на огромномъ пространствѣ ровный снѣжный покровъ и дремучіе лѣса. Видъ жилищъ дѣлается однообразенъ, печаленъ, сиротливъ; дома заносятся снѣжными сугробами, а внутри ихъ: дымно, грязно, некрасиво, скучно.

На многія деревни понынѣ нѣтъ плановъ. Отъ того и отъ неразборчивости мѣстъ деревни имѣютъ по большой части неправильное расположеніе. Особенно дома, построенные въ давнишнее время, стоятъ, мало того, что хило, какъ старушка стара, но и не по порядку раскинуты тамъ и сямъ, въ разныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ, гдѣ *сгнѣздились* или *прижались вплоть* (очень смежно) другъ къ дружкѣ, а гдѣ напротивъ одинъ отъ другаго далеко, или гдѣ идутъ почему-то ровно, а гдѣ то высунулись впередъ, то ушли назадъ; между ними же образуются *заулки, проулки, переулки* (промежутки между дворами) всегда съ сырою грязью, или же показываются слишкомъ просторныя пустыя мѣста. Все это произошло отъ того, что прежде выбирать мѣста подъ постройки предоставлялось крестьянамъ по собственному ихъ произволу и, разумѣется, каждый занималъ то мѣсто, которое ему нравилось. Только кое-гдѣ, къ удивленію, показываются среди деревень круглыя площадки. Впрочемъ еще съ недавнихъ поръ вошелъ здѣсь въ дѣйствіе строительный уставъ, а время перемѣнитъ и видъ построекъ, и понятія ихъ хозяевъ.

Строиться улицами было издавна въ обычаѣ у русскихъ. Такъ и здѣсь въ деревняхъ есть улицы, но онѣ не имѣютъ особыхъ названій, а дѣлятся на околотки или просто называются: тамъ... на задней улицѣ... позади... назади... впереди... попереди... на томъ концѣ (нижнемъ или верхнемъ), въ томъ или другомъ ряду. Есть улицы широкія, но довольно и узкихъ, кривыхъ и безобразныхъ, которыя по зимѣ отъ снѣжныхъ мятелей дѣлаются непроходимыми и непроѣзжими, а лѣтомъ грязны, вязки, мокры. Мощенныхъ улицъ нигдѣ нѣтъ, а грязныя изрѣдка заваливаются щепьемъ или щебнемъ и пескомъ, и то по какому-либо распоряженію начальства.

Мостовыхъ (мостковъ) около домовъ тоже нѣтъ; а гдѣ ужь очень грязно, тамъ чрезъ улицу кое-гдѣ просто набрасываютъ доски, жерди и колья. Путь бываетъ вездѣ по одной дорогѣ и для конныхъ, и для пѣшихъ.

Дома стоятъ хотя и не на поемныхъ, но большею частію на сырыхъ, необращаемыхъ въ сухія, мѣстахъ; вокругъ ихъ грязь; спереди, съ боковъ и сзади всякая нечистота, и къ ней же прибавляются разные домашніе помои, а отхожія мѣста почти вовсе не вычищаются.

Всякая падаль: скотъ, овцы, собаки, кошки, протухшая рыба, птица и т. п. бросаются куда ни попало, или въ ближайшія озера, а не зарываются въ землю. Стоячія воды въ озерахъ производятъ броженіе и при

тихой атмосферѣ, особенно съ росой, зловоніе рѣзко поражаетъ непривыкшаго къ такимъ деревенскимъ благоуханіямъ, и лишь проносные вѣтры спасаютъ народъ отъ болѣзней, пораждающихся отъ гнилыхъ испареній. О проведеніи же канавъ на улицахъ въ грязныхъ мѣстахъ, или для пропуска воды изъ вредоносящихъ озеръ, не бываетъ и помина.

Избы строятся болѣе на одинъ крестьянскій вкусъ и стройка ихъ довольно хороша собой по сельскимъ понятіямъ. Дома дѣйствительно помѣстительны, удобны, довольно красивы, чисты строеніемъ и, будучи крѣпко построены, вполнѣ защищены отъ стихій. Не даромъ же о сельскихъ постройкахъ въ Архангельской губерніи многіе отзывались хорошо.

Дома всегда строятся продолговатыми *главами* (лицевою стороною зданія) къ рѣкѣ или къ озеру, а боковымъ фасадомъ во дворъ. Любимое же мѣсто обращенное лицомъ къ востоку.

Они становятся болѣе въ два ряда; когда же постройка ведется въ нѣсколько уличныхъ линій, или *порядковъ*, то строенія обращаются передомъ тоже на улицу, но, по ранѣе сдѣланному очерку, и неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дома выходятъ на улицу задомъ. Линіи называются *рядами*, *порядками* и *сторонами*.

Во всемъ уѣздѣ сельскія строенія деревянныя, т. е. изъ плотныхъ бревенъ, и только въ рѣдкихъ деревняхъ на каменныхъ фундаментахъ. Чтобы, вмѣсто каменнаго фундамента, дома были на *ступняхъ* или сваяхъ, мнѣ не случалось видѣть. У нѣкоторыхъ домовъ для прочности, нижніе вѣнцы окалачивались берестою. Дома строятся на ровномъ совершенно мѣстѣ, или на невысокой заваленкѣ (земляной насыпи).

Какъ всякая постройка зданія дѣлается изъ растущаго лѣса, такъ и всякая при этомъ подѣлка бываетъ изъ деревъ же. Строительные матеріалы вездѣ мѣстные, ибо строеваго лѣса въ здѣшнемъ краѣ очень достаточно. Они заготовляются не всѣми одновременно, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и доставляются къ мѣсту работъ постепенно. Гвоздей при постройкѣ дома идетъ самая малость, такъ какъ бревна, полы и потолки, въ случаѣ надобности, скрѣпляются посредствомъ вырубаемыхъ зубцовъ: въ нижней части—*врубки*, а въ верхней—*выемки*.

Постройка начинается съ того, что дѣлается *окладъ* (закладывается основаніе) и не рѣдко случается, что закладка дома дѣлается въ первый годъ, а самая постройка продолжается съ слѣдующаго года.

Форма домовъ четвероугольная.

Бревна, употребляемыя для постройки жилыхъ избъ, выбираются преимущественно толстыя, длинныя и, при всемъ томъ, преимущественно здоровыя.

До начала постройки деревья очищаются отъ верхней коры и просушиваются. Но есть дома, построенные изъ неочищенныхъ отъ коры бревенъ и не просущенныхъ хорошо; такія строенія конечно не бываютъ долговѣчны. Деревья не пилятся въ брусья, какъ это дѣлается сельскими жителями въ другихъ губерніяхъ. Стѣны образуются изъ накладываемыхъ въ квадратъ бревенъ *кругликомъ*, *вершинами* однихъ къ комлямъ другихъ. Только для нѣкотораго уравненія толщины, верхнія и нижнія оконечности дерева отрубаются топоромъ, а по окончаніи постройки всѣ неровные концы отпиливаются вдругъ пилою по угламъ.

Капитальныя стѣны, *чтобы не вевло избное тепло*, проконопачиваются черным мхомъ, особенно полы, пазы (скважины) въ мѣстахъ сращенія деревъ. Мохъ накладывается вездѣ тогда, когда нужно бревно класть выше и выше. Но, сказываютъ, что съ такою укупоркою дома бываютъ не такъ прочны, какъ прочіе; отъ того и отъ мягкаго грунта мѣста, на которомъ построенъ домъ, онъ постепенно съ годами *осѣдаетъ* и *кривится*, а потому нерѣдко дома подводятъ (поднимаютъ) и *жаравятъ* (вставляютъ новыя бревна въ основаніи); разумѣется это дѣлается не вскорѣ, а лѣтъ черезъ 10—25. Бываютъ и такіе дома, въ стѣнахъ которыхъ нѣтъ мха, потому что прежде положенія наверхъ бревна нижняя сторона его выдолблена и вырублена *желобомъ*, конмъ оно уже плотно садится на нижнее бревно, не оставляя сквознаго прохода или щели, которыя проконопачиваются *паклею*. Поэтому такимъ домамъ отдаютъ предпочтеніе въ плотности, да и строятъ ихъ собственно люди богатые.

Постройка производится зодчими изъ туземныхъ *плотниковъ* и нерѣдко самими хозяевами. Инструменты при этомъ употребляются: желѣзные топоры, пилы, скобки, струги, долота и буравы.

Жилыя избы у крестьянъ строятся или небольшими флигелями, въ одинъ этажъ, съ одною избой и нѣкоторыми *пристройками* и иногда комнатками, либо обширнымъ зданіемъ—домомъ въ два этажа съ вышкою, которая отчасти придаетъ дому снаружи видъ трехъяруснаго, въ которомъ однако-жь заключаются не всѣ домовыя службы. Высота стѣнъ у флигелей бываетъ до 6 и 8 аршинъ, а высота двухъ-этажныхъ домовъ до 3 и 4 саженъ.

Всякій домъ дѣлится на *передъ* и *задъ*. Въ двухъярусномъ домѣ верхнія комнаты называются *верхомъ*, а жилыя комнаты въ нижнемъ этажѣ *подызбицей* или *подполицей*. Самые этажи именуются *жилами*. Мезонинъ или свѣтелка—называется *вышкою*, а чердакъ *подволокою*. Чердаки бываютъ сухіе и на нихъ помѣщаются негодныя вещи, развѣшиваются вѣники, а осенью дома украшаются кистями вывѣшенной рябины. Лѣстницы къ нимъ бываютъ изъ сѣней, или неподвижныя съ перилами, или приставныя, обыкновенныя плотничныя.

Отъ стихій, вѣтра, дождя и снѣга, дома закрываются хоромами (крышами). Верхніе ряды бревенъ, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятыя, называются иногда *сараемъ*. Крытіе кровель на домахъ повсемѣстно дѣлается на два ската. Крыши бываютъ довольно высокія; вершины ихъ на срединѣ остроконечны; а дѣлаются онѣ изъ *теса* (досокъ), топорной работы, или иногда изъ *тесницъ*—пильнаго дѣла, полагаемыхъ рядомъ съ покрышкою во второй рядъ по одной доскѣ на двѣ нижнихъ, и нерѣдко съ фронтонами. Концы тесницъ на верху острія крыши укрѣпляются на стропилахъ *князькомъ*, т. е. большимъ выдолбленнымъ бревномъ (или отесаннымъ треугольникомъ), которое скрѣпляетъ крышу на самомъ верху, будучи пропущено во всю ея длину. Это самое верхнее бревно, идущее вдоль крыши, называютъ также *охлупнемъ* (Холмогорскій и Шенкурскій уѣзды). Въ Пингишахъ избы сводятся косякомъ, тесанымъ на два ската. Въ Курьѣ избы закрыты сосновыми досками въ жолобъ подъ охлупень. Князекъ заканчивается съ обоихъ концовъ на подобіе продолговато-остраго, либо тупаго птичьяго носа, а по всему ему сверху наколачивается десять или болѣе макушекъ. Внизу крыша укрѣпляется двумя жолобами (желубами), по той и по другой длиннымъ сторонамъ фасада во дворъ; они служатъ и для стока съ отлогихъ и широкихъ концовъ крыши дождевой и снѣговой воды. Для прочности жолобы осмаливаются и поддерживаются *кочережками* (числомъ отъ 4-хъ до 12-ти съ каждой стороны), которыя вдѣлываются въ верхніе вѣнцы стѣнъ и пропускаются къ *поперечнымъ* стропиламъ, на которыя накрывается плотно тесъ. Эти вбитые въ верхніе ряды стѣны деревянные крюки, поддерживающіе потолокъ съ крышею, носятъ названіе *куриць*. Концы этихъ куриць, называемыхъ еще *окручьями*, снаружи похожи то на коньи головы (морды лошадей), то на голову змѣи съ разинутою пастью, то на голову какого-либо животнаго съ стоячими ушами, или рогами. Вся же совокупность бревенъ, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *стопою*. Но есть не мало домовъ, а въ особенности *полу-домовъ* (не достроенныхъ), на которыхъ крыши плоскія, просто накрытыя тесомъ.

У нѣкоторыхъ домовъ, на концахъ кровель, *выводятся деревянные карнизы* (разныя украшенія), а у оконъ втораго этажа и мезониновъ съ лицевой стороны дѣлаются *навѣсы* (галлереи или балконы) съ перилами, называемые наиболѣе *выходами*; окрашиваются они у рѣдкихъ домовъ; крышъ и куполовъ у нихъ не бываетъ.

Красятъ крыши *) и углы вымазываютъ дегтемъ для прочности только зажиточные хозяева; также очень рѣдко углы околачиваются досками.

*) Господствующій въ окраскѣ цвѣтъ—желтый и отчасти зеленый.

Домовъ образцовыхъ, т. е. выстроенныхъ съ чистою отдѣлкою, либо на каменныхъ фундаментахъ, либо обшитыхъ и окрашенныхъ, или съ раскрашенными крышами и углами, не болѣе двухъ десятковъ.

Лѣстницы дѣлаются большею частію неуклюже. Онѣ бываютъ наиболѣе съ *наулицья*, съ боковъ домовъ, чаще съ южной стороны. Въ другихъ же домахъ входъ бываетъ одинъ съ деревяннымъ *предмостьемъ* (вмѣсто крыльца) изъ толстыхъ брусьевъ, а оттуда входъ идетъ и въ нижній и въ верхній этажи. У нѣкоторыхъ же домовъ входовъ бываетъ два: грязный и чистый. По первому крыльцо низкое, т. е. предмостье, иногда только съ просто сдѣланными перилами,—ведетъ въ низъ;—верхній же входъ состоитъ изъ лѣстницы, о нѣсколько ступеней, которая обыкновенно выводитъ на террасу, называемую рундукомъ. Это крыльцо, крытое, либо не крытое, бываетъ обыкновенно забрано съ двухъ сторонъ досками, или украшенно перилами изъ витыхъ и точеныхъ балясъ. Оно дѣлается на *стойкахъ*, и на немъ иногда устраиваются лавки и бываютъ желѣзныя скобки, для оскобленія ногъ въ грязной обуви. *Надвьсы* (крышка крыльца) у нѣкоторыхъ домовъ украшаются простою рѣзьбою.

Отъ лѣстницъ обыкновенно идутъ и *ворота* въ дома. Они бываютъ всегда однопольныя, отворяются на желѣзныхъ крюкахъ, и запираются толстыми желѣзными полосами. Надъ воротами ставятъ мѣдные или деревянные кресты и иконы.

Сѣни вездѣ раздѣляютъ домъ по срединѣ на двѣ равныя половины; но часто и сами онѣ раздѣляются на дѣлянки съ *перегородками* изъ досокъ: однѣ сѣни *избныя*, другія горничныя; послѣднія часто замыкаются замкомъ и обращаются подъ складываніе разнаго имущества. Вообще сѣни, по большей части бываютъ необширныя, смотря впрочемъ по дому, но иногда онѣ кажутся длинными и темными коридорами. Для освѣщенія сѣней дѣлается просвѣтъ, или просто изъ прорубленныхъ дыръ, или же изъ одного и двухъ небольшихъ оконъ. Сѣни всего болѣе бываютъ холодныя и весьма рѣдко теплыя. Полъ сѣней и самыя сѣни называются *мостомъ*.

Комнаты больше устраиваются *сподрядъ съ избой* и рѣдко съ боку, или сзади дома. Потому задъ его (т. е. другая половина) почти всегда остается болѣе *глухой* (не жилой, холодной). Но, не смотря на то, входы бываютъ особые въ каждую комнату и рѣдко изъ комнаты въ комнату.

По этому и двери дѣлаются почти въ каждую комнату особыя. Однѣ бываютъ постоянно однопольныя и, подобно домовымъ воротамъ, деревянныя, въ три продольныя доски, столярной работы, четырехугольныя довольно низкія, вышиною до двухъ аршинъ, а шириною отъ $1\frac{1}{2}$ аршинъ; отворяются снаружи къ себѣ, а изъ

комнаты отъ себя, и при томъ такъ, чтобы, выходя, ступать чрезъ порогъ приходилось не лѣвой, а правой ногой. Самая пола (створы) называется *дверью*, а косяки около нея въ стѣнѣ—*ободвериною*. Къ дверямъ прибиваются *крюки, тяги, петли, пробои, лебедки, защелки и крючки*. Для тепла въ зимнее время двери заботливыми семьянами обиваются со стороны сѣней рогожами и циновками, а по бокамъ *ободверины*, со стороны избы, приколачиваютъ связанные пуки ржаной соломы, прикрѣпляя ихъ гвоздями и кусками кожи. Всѣ заботы крестьянъ обращены на то, *чтобы на улицу тепло изъ избы не вышло, а стужа—не могла заходить въ избу*, тогда какъ и безъ того избы отапливаются жарко, такъ что стѣны и двери чернѣютъ.

Изба *)—это людская или черная половина крестьянскаго обиталища, гдѣ живутъ всѣ, какъ бы семейство ни было велико; въ ней стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, помѣщаются куры и собаки и (какъ въ верховскихъ деревняхъ) кормится домашній скотъ. Она дѣлается всегда обширною и въ равномъ разстояніи въ какую угодно сторону. Такое разстояніе, взятое въ длину, бываетъ отъ трехъ до четырехъ и болѣе саженъ; въ вышину же изба отъ пола до потолка сажени полтора и менѣе.

Стѣны избы бываютъ внутри голыя, бревенчатыя или *отдѣланныя* (обтесанныя).

Потолки и полы въ избахъ *набираются* обыкновенно брусчатые: изъ деревъ, у которыхъ горбы (горбыли) отпиливаются, и средина дѣлается толстою, а съ боковъ уже; потому самому *половица* и *потолочница* выходятъ въ ширину болѣе въ три и четыре объема, чѣмъ въ толщину. Но бываютъ въ избахъ потолки бревенчатые изъ накатника круглаго или распиленнаго пополамъ (это, когда домъ одноэтажный). Въ двухъ-этажномъ домѣ полъ втораго этажа дѣлается особо, а потолокъ для нижняго жилья также особо. Межъ этими поломъ и потолкомъ накладывается песокъ или земля, *чтобы не уводило тепло въ верхъ* подполки. И при одноэтажномъ домѣ, для удержанія тепла, сухая земля или песокъ насыпаются равно сверхъ потолка. *Потолочницы кладутся на матицы*, которыхъ приходится на комнату по одной и по двѣ, а въ нижнемъ этажѣ по три, и которыя бываютъ толстыя, или изъ круглыхъ, или изъ обращенныхъ въ брусья деревъ; половицы же въ нижнемъ этажѣ кладутся, *настилаются на подполки*, а въ верхнемъ, на балки—(арки) сверхъ потолка нижняго этажа. Потолочницы и половицы сплачиваются деревянными шипами. Такъ какъ полы и потолки на другой же годъ *рвсыхаются и расходятся*, то они разбираются и снова сплачиваются.

*) Это относится до бѣлыхъ избъ; о черныхъ же избахъ см. ниже.

Печи въ избахъ дѣлаются изъ обыкновеннаго краснаго или алаго кирпича, туземной выдѣлки, сцементованныхъ *гнилою* (глиною); но много ихъ бываетъ *глиномятныхъ* т. е. сдѣланныхъ изъ битой глины. Предварительно устраиваютъ *печное мьсто*, ставятъ въ колоду четыре столба; столбы распираютъ въ стѣны избныя поперечинами во всѣ стороны; попéречины эти служатъ грядками или полками. Въ горницахъ печи голландскія. Но главная печь въ избѣ такая же, какъ и вездѣ у сельскихъ жителей въ Россіи,—чисто русская, широкая, какъ слѣдуетъ быть пекарнямъ, всегда четырехугольная и на деревянномъ высокомъ фундаментѣ.

Печь называется *печкою* и раздѣляется народомъ на слѣдующія части:

1). *Напечь* *)—очагъ и лежанку сверху. Тутъ складываются дрова, лучина и все просушиваемое; тутъ же жители отогрѣваются отъ холода.

2). *Боровокъ* (сводъ) и *чело* (фронтонъ отъ устья). На боровокъ кладутся для просушки разныя вещи.

3). *Устье* (отверстіе печи спереди), служащее для накладыванія въ печь дровъ и для поставки и сажанія кушаній въ печь. Оно закрывается *заслонкомъ* изъ листоваго желѣза, а мѣсто предъ печью отъ чела до шестка завѣшивается иногда одной или двумя койками, *занавѣсками*. Къ устью, когда печь топится, дабы *пыло не шло* сильно, приставляются горшки.

4). *Подъ* (калильный полъ въ ней) выкладывается изъ кирпича.

5). *Загнеты* (два бока пола, къ заслону ближайшіе), куда загребаются кочергой уголья и помеломъ сметается зола.

6). *Шестокъ*, (полъ снаружи отъ заслона), *окладенный изъ кирпича*, или же сдѣланный изъ плитоваго камня. Въ послѣднемъ случаѣ шестокъ и называется *плитой*.

7). *Жаратокъ*—стороны шестка, отъ которыхъ продолжается дымовое отверстіе въ верхнюю часть свода.

8). *Кутъ*—дальняя сторона въ печи.

9). *Горнушка*—(безъ поясненій понятно устройство) на шесткѣ.

10). *Опечекъ* или *подопечье*—конурка съ ставнемъ или дверцами. Туда кладутся печныя вещи: дрова, растопка, ухваты, кочерги и прочее.

11). Снаружи печи, съ наружнаго бока и спереди, выдѣлываются *печурки*, въ видѣ небольшихъ окошечекъ, гдѣ хранятся огне-дающіе матеріалы, мыло, мочалки и гдѣ сушатся или согрѣваются рукавицы, чулки, онучи, катанки и т. п.

*) Она еще называется кошачьимъ городкомъ, ибо тамъ любятъ располагаться кошки.

Трубы дымовыя отъ печей обыкновенны: четырехъугольной формы, не высоки, ниже одного аршина сверхъ крышъ и выводятся въ вертикальномъ положеніи; а въ двухъ-этажныхъ домахъ располагаются въ главнокапитальныхъ стѣнахъ, *выходятъ колѣнами*, потому что, при соединеніи трубъ въ одинъ выходъ, своды ихъ ведутся *боровьями*, устроенными въ наклонномъ положеніи; проходы называются *дымоволоками*. Трубы выкладываются изъ кирпича, который цементуется глиною. Когда печь бываетъ истоплена, трубы закрываются, или закутываются чугуннымъ блинчикомъ (кружкомъ, закрывающимъ трубу—ранѣе вьюшки) и чугунною или глиняною *вьюшкою* (сверху блинчика), для чего въ трубѣ и дѣлается гнѣздо. Тутъ, гдѣ труба закрывается, дѣлаютъ входъ для вынманія и закладыванія руками вьюшекъ (во множественномъ смыслѣ подразумѣваются и вьюшка, и блинчикъ); онъ заслоняется желѣзнымъ *ставенькомъ*, или кирпичемъ и иногда по бокамъ затыкается тряпками. Вьюшки бываютъ въ трубахъ отъ каждой печи, или въ началѣ ихъ, или на чердакѣ; въ другихъ же домахъ сверхъ вьюшекъ на подволокѣ, бываютъ пропускаемы въ трубы, въ началѣ ихъ, *листы желѣзные*, которые *выдвигаются* и *задвигаются* по мѣрѣ того, много или мало нужно держать жару. Трубы отъ накопляющейся сажи очищаются шваброю, но очень рѣдко; ибо у крестьянъ есть свой способъ очищенія сажи:—протапливать печи осиновыми и ольховыми дровами *).

У многихъ домовъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется заборкою, перегородкою, называемою *шолнушею*, *солнышею*, или *солнышемъ*. Это—досчатая перегородка по грядкѣ, протянутой отъ сруба печи, начиная отъ угла оной до противоположной стѣны комнаты. Она занимаетъ пространства въ избѣ въ длину немного болѣе печатной сажени, въ ширину равняется съ шириною печи спереди, а въ вышину до потолка не доходитъ. Въ иныхъ домахъ, вмѣсто деревянной *заборки*, бываютъ пестрядиные, холщевые и крашенинные занавѣсы. Въ этомъ отдѣленіи придѣлываются *грядки*, *полатки*, *полки* и *полицы*, вокругъ всей перегородки, и тамъ же хранятся всѣ бабьи домашнія орудія и хозяйственная утварь. У иныхъ хозяевъ въ углу шолнуши за печью устраиваются жернова для молотья круны и хлѣба. Въ нѣкоторыхъ домахъ близь печей дѣлаются небольшія *прилавки* или *голбчики*. Голбецъ передъ печью—составляетъ ходъ подъ полъ, куда кладутся разные припасы, могущіе внѣ избы замерзнуть. Вообще подъ поломъ, въ солнышѣ или избѣ дѣлается *подполье*—не глубокая яма, въ родѣ погреба, иногда съ укрѣпленнымъ бревенчатымъ срубомъ, съ небольшою лѣсенкою и входомъ посредствомъ опускныхъ дверецъ. Если въ избѣ не бываетъ заборки, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша*.

Вообще же уголъ, противоположный запечному, составляетъ собственную принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухонной обстановки, блюдъ, горшковъ, чашекъ и пр. Запечный уголъ—темный: въ немъ помѣщаются жернова для молотья и укрываются хозяинъ и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣнъ передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами прикалачиваются или *полки*, или вмѣсто ихъ оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ—*зынза*. Въ избѣ тоже тянутся, наравнѣ съ другими грядками и воронцемъ, вокругъ стѣнъ надъ окнами, до полатей, печи и солныша, грядки и полки. Иногда выше грядокъ подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляются рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами*, на которыхъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и т. п.; или черныя грядки для сушенія жита.

Въ избѣ, при входѣ, надъ дверью устраиваются какъ бы висящія *полати* или *нары* (антресоли) изъ полатницъ (досокъ гладкихъ), расположенныхъ по грядкѣ отъ стѣны, гдѣ двери, и по воронцу (брусу, протянутому изъ боковой стѣны къ стѣновому столбу сруба, который поддерживаетъ печь). По этому полати бываютъ въ длину равны длинѣ печи, но нерѣдко дѣлаются повыше очага ея, почти наравнѣ съ потолочною матицей. На полати складывается разная ношебная одежда и иногда все, что ни попало, безъ разбора; также онѣ назначены для спанья и помѣщенія дѣтей, такъ какъ на нихъ воздухъ обыкновенно теплѣе избнаго.

Для всхода на печь и на полати къ деревянному основанію печи придѣлываются приступки, лѣстница изъ двухъ или трехъ брусчатыхъ не широкихъ ступеней, къ верху узкихъ, а иногда еще къ двумъ столбамъ, пропущеннымъ по угламъ печи, прибиваются по ниже лежанки перилы, просто изъ одной жерди для облегченія подъема на верхъ. Сверхъ того перилами же служитъ деревянная распорка означенныхъ двухъ столбовъ, обыкновенно приходящаяся наравнѣ съ краемъ очага.

Въ избѣ, отъ *воронца*, къ потолочному матню протягивается березовый *стягъ* (крѣпкая жердь), называемый *очапомъ;* въ потолокъ онъ укрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Къ свободно качающемуся концу очапа привѣшивается дѣтская зыбка (люлька), вродѣ деревяннаго продолговатаго ящика, безъ крышки, или же *корзинка*. Это бываетъ, когда въ семьѣ есть малютка.

Оконъ въ комнатахъ прорубается не всегда четное число и не всегда одинаковой мѣры, что портитъ наружный видъ домовъ. *Окошки* бываютъ четырехъугольныя, продольныя или въ высоту, или въ ширину. Рамы вставляются деревянныя, переплетенныя въ крестъ, со стеклами.

*) Этотъ способъ, принятый крестьянами Архангельской губ., былъ опубликованъ въ журналѣ М—ва Вн. Дѣлъ.

Большею частію оконницы небольшія, опускныя, или вовсе не открывающіяся и состоящія изъ однихъ рамъ лѣтомъ и зимою. Стекла въ рамахъ зеленыя, само собой разумѣется, не чистыя, тусклыя; ихъ въ рамѣ бываетъ три въ ширину и два въ высоту, или на оборотъ, а каждое стекло величиной въ четверть и менѣе. Оконъ дѣлается немного, и они выходятъ на улицу только спереди, а съ боковъ мало. Прибавимъ къ этому, что стекла содержатся въ грязи, бываютъ часто разбитыя, вставляются больше изъ кусочковъ, смазанныхъ толстымъ неровнымъ слоемъ замазки, или замѣняются сахарной и газетной бумагой, и потому лѣтомъ въ избахъ бываетъ темно *середи бѣлаго дня;* а по зимѣ рамы и стекла обмерзаютъ дикими рисунками и сосульками на толстой ледяной корѣ, отпотѣваютъ снутри (отсырѣваютъ), гніютъ и производятъ сырость въ самыхъ комнатахъ. У зажиточныхъ же крестьянъ окна бываютъ *красныя*, *косящатыя и створчатыя* на шолнерахъ отъ *отводовъ* и *косяковъ,* при томъ обширныя, свѣтлыя изъ бѣлаго или полу-бѣлаго стекла съ рамами, выкрашенными бѣлилами на маслѣ, въ шесть кисточекъ, т. е. двѣ въ ширину и три въ высоту съ *порожками* (внизу) и *подъоконья* (нижняго косяка). На зиму у зажиточныхъ въ окна вставляются *двойныя рамы,* межь которыхъ на обоконье всыпается песокъ, а на него иногда кладутся: бѣлый мохъ, вѣтви рябины съ ягодами, куски кирпича, соль въ *тюричькахъ* и т. п.

Окна бываютъ еще волоковыя, небольшія въ два стекла, *въ ставняхъ* (втулкахъ), которыя съ улицы обиваются кожею, или чѣмъ либо другимъ. Ставни эти вставляются на мѣсто лѣтнихъ рамъ на зиму. *Окошечки,* поддерживаемыя снутри на *вертлюжкахъ,* бываютъ вынимаемы изъ ставней, когда надобно что-либо подать изъ избы на улицу: милостыню нищему, рукавицы или ременку ушедшему безъ нихъ мужику, или отвѣтить проѣзжающему на его вопросъ и проч. А въ старо-древнихъ домахъ, которыхъ находится много, есть еще окна изъ *слюды,* вставленной въ желѣзныхъ разнообразныхъ рамкахъ.

У оконъ приколачиваются *наличники* и *карнизы,* а во многихъ домахъ сверхъ того придѣлываются къ *стойкамъ ставни* (дверцы на желѣзныхъ петляхъ) для закрытія оконъ, когда нужно бываетъ. Онѣ *приставляются на день* къ стѣнамъ деревянными или желѣзными *вертлюжками,* или *припорами* (жердями отъ земли), а на ночь зимою для тепла закрываютъ самыя окна. Стороны ставней, открывающіяся наружу днемъ, для прочности вымазываются смолою и дегтемъ, или размалевываются мѣломъ, либо охрою; у хорошихъ же домовъ ставни бываютъ расписныя, т. е. на нихъ для прикрасы рисуются различные цвѣты, рѣзныя линейки и другіе знаки. Однако же ставни бываютъ не у всякаго дома, и крестьяне, вмѣсто нихъ, къ окнамъ на ночь приставляютъ соломенныя *коверки.* Кромѣ того у зажиточныхъ хозяевъ окна въ домахъ завѣшиваются ситцевыми и кисейными занавѣсками.

Изъ сказаннаго выше можно было видѣть, что постоянную мебель крестьянской избы составляютъ: грядки полки, наполненныя разными приборами и посудою, полати, загроможденныя разными разностями, очапъ съ зыбкою и прилавокъ у печки. Кромѣ того за мебель слѣдуетъ считать: 1) *Лавки* въ избахъ или *скамейки* въ горницахъ. Онѣ бываютъ неподвижныя, подлѣ стѣнъ, кругомъ избы. Это низкія сидѣнья (четверти на двѣ съ половиною отъ пола), замѣняющія диваны и стулья, бѣлыя, устроенныя изъ довольно толстыхъ досокъ. Но въ родѣ такихъ лавокъ бываютъ подвижныя бѣлыя скамейки. Онѣ приставляются къ стѣнамъ вдоль ихъ и берутся для сидѣнья, когда встрѣчается надобность (напр. ими обставляютъ праздничные столы). 2) *Стульчики* или низкія *скамеечки*, простаго издѣлія, связанныя изъ ивовыхъ стволовъ, съ дощечкою посрединѣ на верху; стулья изъ простаго бѣлаго дерева съ закругленными спинками. 3) *Столъ*. Онъ составляется изъ столовика (гнѣзда ножекъ) и столѣшницы, длинной и чрезвычайно огромной доски, выдѣланной изъ одного дерева, или изъ нѣсколькихъ сколоченыхъ досокъ. Столъ стоитъ всегда въ *переднемъ углу* *), длиною отъ него къ углу, гдѣ порогъ. На немъ совершается трапеза и стряпаются хлѣбы и другія печенья изъ тѣста. 4) *Наблюдники*. Они еще зовутся *блюдниками* и *блюдешками*. Это рядъ полокъ съ перильцами, прибитыхъ другъ надъ другомъ къ стѣнѣ въ солнышѣ пониже грядокъ; за нихъ кладутся въ прямомъ или покатомъ положеніи: блюды, тарелки, чашки, вилки, ножи, ложки и т. п. 5) *Шкафикъ* съ дверцами надвое или безъ оныхъ, или поставецъ съ посудой въ углу солныша. 6) *Глиняная рукомойка*, или мѣдный *рукомойникъ*, повѣшенный отъ воронца или грядки близь печи, или близь порога въ углу. Подъ рукомойкой *лохань* (ведро-лоханка) на деревянной тумбѣ и тутъ-же *вѣникъ*. Надъ рукомойкой *вымза* (небольшая грядка), на которую кладется мыло. Но главнѣе всего избу украшаетъ *божница* (планки или треугольникъ) въ переднемъ углу, обставленная образами на иконахъ и картинахъ. Кромѣ того въ избахъ иногда бываютъ косыя *зеркала* съ утиральникомъ, и у нихъ лежатъ или висятъ на снуркахъ гребни. Утиральники еще висятъ на особыхъ гвоздяхъ у печей.

Въ домахъ поселянъ рѣдко бываетъ болѣе четырехъ комнатъ: самая обычная постройка въ два и три *покоя*;

---

*) Переднимъ угломъ называется тотъ уголъ, гдѣ божница; а такой уголъ въ избѣ тотъ, который не занятъ солнышемъ.

жилой избы, иногда особой *скотной избы* *) и горенки; но въ нѣкоторыхъ домахъ между избой и горенкой бываетъ четвертая средняя комнатка объ одномъ окнѣ, въ сажень ширины; она называется *чуланчикомъ*.

Горенки у зажиточныхъ крестьянъ бываютъ въ длину и ширину по 3 саж., у незажиточныхъ же онѣ чисто *конурки*, съ двумя или тремя и много четырьмя окнами, съ однѣми рамами, не болѣе $1^1/_2$ саж. въ ширину, 3 саж. въ длину и 1 саж. въ вышину. Капитальныя стѣны бываютъ: или бѣлыя обдѣланныя, или отдѣланныя чистенькими по сельскому вкусу, т. е. обиваются недорогими обоями (шпалерами), или оклеиваются простой *оклейкою* (бумагой), которая *выбѣливается* мѣломъ на клею, иногда смѣшаннымъ съ желтымъ цвѣтомъ выпаренныхъ въ кипяткѣ листьевъ отъ сухихъ березовыхъ вѣниковъ. Потолки въ *горницахъ* большею частію изъ обтесанныхъ брусьевъ, выбѣленныхъ мѣломъ, а полы изъ накатника, чище и бѣлѣе избныхъ. Двери простыя и однопольныя; но въ нѣкоторыхъ домахъ онѣ раздѣляются надвое и бываютъ столярной работы. Печи въ горенкахъ дѣлаются болѣе русскія, какъ въ избахъ, и частію *голанки* (голандскія) изъ кирпича; у послѣднихъ привѣшиваются къ устью чугунныя дверцы.—Трубы уже извѣстны.

Горницы, какъ отхожія комнаты, служатъ для пріема гостей во время праздниковъ и въ торжественныхъ случаяхъ. По этому въ нихъ почти и не живутъ, и онѣ не отапливаются во все это время, исключая развѣ случаевъ, когда *морозятъ таракановъ* и избы *отворяются* (рамы изъ оконъ вынимаются и двери отворяются *настежъ*). Оттого комнаты эти обращаются въ хранилища имущества и не поддерживаются въ порядкѣ и чистотѣ.

Мебель въ горницахъ бываетъ небольшая; но все же есть маленькая роскошь, именно: бѣлыя деревенскія *скамьи* такъ-же, какъ въ избахъ подвижныя и неподвижныя, которыми обставляется почти на округъ горница, иногда простые стулья, деревянные, окрашенные въ красную краску, безъ подушекъ и съ подушками; одинъ или два большихъ раскрашенныхъ *стола* съ точеными ножками, либо обыкновенные складные, либо раздвижные, покрытые лакомъ, накрываемые бѣлыми *скатертями*; одинъ, два и даже три посудныхъ *шкафа*, въ которыхъ на полкахъ подъ стекломъ хранятся: чайники, чашки, стаканы, рюмки, ложки и проч.; *наблюдникъ*, на которомъ, (а также по зымзамъ печи) раскладывается разная посуда; *рукомойникъ* мѣдный, а подъ нимъ такой же тазъ на стулѣ, табуретѣ или скамейкѣ у порога близь дверей, а иногда въ *запечьѣ*; въ простѣнкахъ висятъ или бываютъ поставлены на гвоздяхъ, одно или два безобразныхъ зеркала четырехъ-угольной формы, въ рамкахъ *), иногда еще подъ наклейкою краснаго дерева; и сверхъ ихъ растягиваются чистые *сточники* (полотепца)съ суздальскимъ узоромъ. Случаются въ горенкахъ еще часы старинные: огромные стѣнные, съ боемъ, безъ футляровъ, и карманные луковицеобразные; а иногда не дурной комодъ, накрытый салфеткою съ тремя или четырьмя выдвижными ящиками. Но главное украшеніе комнатъ у крестьянъ—иконостасъ и собраніе картинъ. Извинятъ намъ, если мы поговоримъ объ этомъ предметѣ съ подробностями.

Жители любятъ устанавливать *божницы* (выкрашенныя планки въ видѣ трехъ-угольника) въ переднихъ углахъ. Божница—это завѣтное тябло. Особенно почитаются иконы *стариннаго письма*, хотя бы онѣ были и *оперхавшія* (съ стертой живописью) **). Всѣ имѣющіеся образа большею частію простые, иконописные, произведенія русскихъ художниковъ, и большею частію Суздальскаго письма на доскахъ. Всѣ образа и воздвизательные кресты нерѣдко находятся въ дорогихъ кивотахъ, съ позолоченною рѣзьбою, въ мѣдныхъ, аплике или серебряныхъ окладахъ, — съ мѣдными и серебряными *ризами*, уложенными жемчужными и бисерными роснами, съ мѣднымии серебряными и золочеными вѣнцами, на коихъ навѣшиваются: ручки, ножки, сердца, головы и проч. серебряные слитки, а также медали, кресты, ленты и проч. Если кивота нѣтъ, то иконы задергиваются *пеленой*, тафтичкой-тряпичкой. Кромѣ такихъ образовъ и распятій ставятся мѣдные литые створцы съ изображеніями годовыхъ великихъ, Господскихъ и Богородичныхъ, праздниковъ. У иконъ бываютъ повѣшены лампады съ шкаликами, въ которые наливается деревянное масло, и небольшія паникадила съ восковыми свѣчами. Тутъ же въ щели втыкаются ручныя кадила, а на божницѣ находятся: бутылки съ деревяннымъ масломъ, ладоницы и просфора, а за иконы кладутся пуки вербъ. Картины съ священными предметами и изображеніями духовнаго содержанія, покрывая стѣны горницъ и избъ, составляютъ не столько святыню, сколько настѣнныя украшенія.

Сверхъ того, рѣдкая горенка у крестьянъ не оклеена по стѣнамъ, отъ потолка и до лавокъ, лубочными картинами въ родѣ Погребенія кота, увеселительно-игривыми, или картинками апраксинскаго искуства, болѣе торжественными и патріотическими, какъ-то взятіе Карса, бомбардированіе Севастополя, съ изображеніями разныхъ военныхъ дѣйствій въ Россіи. Есть также картины съ изображеніями лицъ царской фамиліи, русскихъ героевъ:

---

*) Тоже, что черной. См. далѣе.

*) Рамки обклеиваютъ чѣмъ попало: верхушками съ помадныхъ банокъ, конфектныхъ билетиковъ и картинокъ и проч.

**) Когда лики на иконахъ совсѣмъ исчезнутъ, то ихъ спускаютъ на воду.

Кутузова, Суворова, Паскевича, Меншикова и другихъ; а въ хорошихъ домахъ нерѣдко встрѣчаются рамки за стеклами съ портретами, довольно правильно изображающими взятыя для того личности, а также съ съемками монастырей, богоугодныхъ зданій и чтимыхъ народомъ мѣстъ *).

Черныя или *курныя избы* **) суть одножилые флигеля. Онѣ принадлежатъ преимущественно бѣднымъ обывателямъ; но есть и у зажиточныхъ, которые имѣютъ большое скотоводство, большое землепашество или какой либо заводъ, а потому—нѣсколькихъ рабочихъ. Такія избы не всѣ старыя, а и вновь строятся. Избы эти бываютъ мшаныя. Строятся изъ обыкновеннаго матеріала, стѣны и потолки бываютъ голые, бревенчатые; полы стелются изъ накатника; двери простыя, однопольныя. Устройство черныхъ избъ таковое-же, какъ и бѣлыхъ: тѣ же скамьи, грядки, полки, полати, очапы, рукомойки, столы и проч.

Черными или курными (а у хозяевъ при хорошихъ домахъ онѣ называются скотными) избами называются потому, что у нихъ не бываетъ прохода дыма изъ печей обыкновенными трубами, а вмѣсто ихъ въ сѣнныхъ стѣнахъ избъ, близь потолковъ и печей, прорубаются окна, въ родѣ большихъ духовыхъ форточекъ, называемыя *домниками* и *дымоволоками*. Близь печей такихъ же, какъ и въ бѣлыхъ избахъ (только безъ трубъ), на деревянныхъ кочережкахъ вѣшаются котлы съ водою, чтобы не пролетали искры огня, а изъ огромныхъ *черныхъ* печей (надъ шесткомъ не бываетъ свода, ведущаго въ трубу) дымъ идетъ устьемъ ихъ прямо въ отверстіе или въ избу, чрезъ круглые верхи печей, и ходитъ по верху избъ, обнимая чуть не половину квадратныхъ хатъ; потомъ онъ уходитъ по подволокамъ подъ кровли и выходитъ деревянными трубами, послѣ чего окна закрываются деревянными ставнями на крюкахъ. Иногда ставней не бываетъ, а дымоволоки съ отверстіями придѣлываются съ боковъ стѣнъ, возлѣ которыхъ стоятъ печи въ избахъ; такія трубы дѣлаются рѣшетчатыя.

Отъ *чаду* потолокъ и стѣны по полатямъ и грядкамъ такъ коптятся, что грязь лоснится и блеститъ; а оттого онѣ бываютъ грязны пуще бѣлыхъ избъ и воняютъ хуже ихъ, ибо воздухъ отъ дыма дѣлается похожимъ на банный. По верху, начиная съ Вереколы, въ черныхъ избахъ ставятся огромные чаны съ приготовленнымъ кормомъ и пойломъ для скота, куда загоняютъ коровъ утромъ и вечеромъ, кормятъ и доятъ. Во время топки черныхъ печей дѣлается очень холодно; но когда печь истопится и отверстіе въ стѣнѣ закроется, тогда изба скоро и сильно нагрѣвается, словно въ банѣ. Зачастую въ смежности съ черной избой бываетъ горенка.

Отхожія мѣста, называемыя *кужниками*, рѣдко устраиваются. Ихъ замѣняютъ оставленныя въ полахъ надъ хлѣвами дыры, или около стѣнъ на сѣпникахъ, гдѣ нибудь въ углахъ; въ нижнихъ этажахъ, или въ одножилыхъ жильяхъ нерѣдко и ихъ не бываетъ, а для исполненія естественной потребности выходятъ на улицу или на навозъ въ хлѣвы. Иной видъ отхожихъ мѣстъ суть простыя калитки съ узкими дверцами, а больше безъ нихъ, съ маленькимъ четвертнымъ въ квадратѣ окошечкомъ, закрытымъ стекломъ, и чаще вовсе не закрытымъ, съ *рундукомъ*-лавкою, съ двумя или одною круглыми дырами. Проводятся они болѣе надъ хлѣвами, либо возлѣ нихъ.

Въ нежилой (глухой) половинѣ дома чрезъ сѣни, бываетъ *повѣть* или *сѣнникъ*, *сѣновалъ*. Это огромная нежилая пристройка къ заду дома, наравнѣ съ передомъ его, какъ въ ширину, такъ и по вышинѣ и нерѣдко подъ одною, сподрядъ съ нимъ, сплошною крышею. Она не отдѣлывается набѣло. Повѣть всегда надъ *хлѣвомъ*, потому, если домъ низокъ, то повѣть поднимается и крыша надъ нею дѣлается выше домовой кровли.

Входовъ на повѣть бываетъ два и три. Повѣть отъ сѣней отдѣляется: или капитальною стѣною, или же *заборкой*, *перегородкой*. Въ той или другой дѣлаются обыкновенно двери, а для всхода къ нимъ съ сѣней—лѣстница о двухъ или нѣсколькихъ ступенькахъ (ибо полъ повѣти не всегда бываетъ наравнѣ съ поломъ сѣней, какъ уже мы видѣли). Съ улицы на повѣть поднимаются въ распашныя ворота, растворяющіяся въ разныя стороны на желѣзныхъ крюкахъ; къ хатѣ они привѣшиваются на толстыхъ желѣзныхъ полосахъ, и запираются *запорами* (деревянными толстыми закладинами) по *ввозу* (иногда выговаривается просто *звозъ*), т. е. широкой и отлогой бревенчатой плоскости съ перилами о двухъ или трехъ жердяхъ, построенной сзади или съ боку повѣти на *стойкахъ* (копрахъ). На повѣтяхъ, около стѣнъ дѣлаются лѣсенные спуски въ хлѣва; это третій входъ, ибо въ хлѣвы еще двери бываютъ снизу.

Для освѣщенья въ сѣновалѣ оконъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ въ стѣнахъ прорубаются скважины, въ видѣ оконокъ. Въ повѣтяхъ хранятся сѣно и солома, на полу, или на высокихъ *марахъ* (правильнѣе *карахъ*, т. е. помостяхъ), также мохъ, вѣники, земледѣльческія орудія, косы, сани, телеги и проч. *).

---

*) Картинки разнаго содержанія распространяются въ городѣ и по деревнямъ въ праздники, на рынкахъ, торжкахъ и ярмаркахъ смѣло спекулирующими торгашами.

**) Въ уѣздѣ они все еще существуютъ. При учрежденіи въ 1838. (хрон. перев. мѣсяц. 1866 г.). Мин. Госуд. Имуществъ, считалось дымовыхъ избъ 1373, а въ 1860 г. оставалось 425. (изъ отчет. бывш. Окр. Упр. Г. И—въ).

*) Для этихъ предметовъ нѣкоторыми устраиваются особые сараи и навѣсы. См. далѣе.

На повѣти же устраиваются: *кльти*, *засѣки* и *мякчицы*, т. е перегородки или коморки, куда для сохраненія скидываются: всякаго рода хлѣбъ, другіе предметы продовольствія, солома и мякина. Всѣ кладовые чуланы бываютъ устроены или изъ капитальныхъ стѣнъ съ надлежащимъ потолкомъ, или же изъ набора досокъ пильной работы, и ходъ въ нихъ бываетъ: или особо сдѣланными дверьми съ замкомъ, или же разборкою *потолочинъ*. Всходъ на потолокъ совершается: или по приставной легкой лѣстницѣ, или же по неподвижной, пригнанной и для хода на чердакъ. Всѣ вообще чуланы бываютъ небольшіе и невысокіе, всегда почти прижатые къ надворной стѣнѣ сѣнника, въ которой продѣлывается на свѣтъ небольшое и узкое окно, загражденное или вбитое планками, или стекломъ—двумя въ рамкахъ. Нерѣдко кладовыя бываютъ подъ избами, когда домъ порядочно высокъ, а въ нѣкоторыхъ домахъ такихъ бываетъ по нѣскольку. У нихъ двери крѣпкія, на замкахъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за недостаткомъ помѣщеній, въ кладовыя обращаются горничныя сѣни и самыя нежилыя комнаты.

Мы уже сказали, что хлѣвы бываютъ подъ повѣтями, когда дома высоки: переды такого дома на подъизбицахъ, а задъ съ повѣтями подняты надъ хлѣвами. Но устраиваются и особые отъ дома хлѣва, или въ соединеніи съ домомъ, но съ особою *хороминою*, или же пристроиваются наравнѣ съ домами и подъ одною крышею, позади *дворищъ*, а то и *въ исподи*, подъ жилыми комнатами. Въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ ходы къ скоту бываютъ особыми отъ дома дверьми; а во второмъ—чрезъ сѣни, или же дворомъ. Кромѣ того бываютъ лѣсенные спуски съ повѣтей.

Отъ вліянія суровой и холодной погоды, хлѣвы для помѣщенія скота, круглымъ счетомъ, въ теченіе восьми холодныхъ, безтравныхъ мѣсяцевъ, устраиваются прочные, теплые и при всемъ томъ помѣстительные. Строительные матеріалы обыкновенны. Крыши, когда хлѣвы въ особыхъ зданіяхъ, закрываются дранью; овечьи же стаи особо устраиваемыя, кроются шатромъ изъ досокъ. Стѣны квадратныя, бревенчатыя, нечистыя. Потолки изъ накатника на матицахъ. Отчасти хлѣвы проконопачиваются чернымъ мхомъ. Хлѣвы больше бываютъ безъ половъ и вязки; а хотя есть и мощеные, но грязь съ нихъ счищается рѣдко. Оттого воздухъ въ хлѣвахъ постоянно пропитанъ испареніями, и очищается только весной и лѣтомъ, когда ворота двора и двери отворяются совершенно для просушки. Сырые хлѣвы никогда не окуриваются. Однакожь навозъ не остается долго подъ скотомъ, а убирается изъ хлѣвовъ по мѣрѣ накопленія. *Навемъ* (навозъ) вываливается изъ хлѣвовъ на улицу; уборка его бываетъ по утрамъ. Для сего, не выходя отъ скота, въ стѣнахъ прорубаются окошечки съ втулкою. Противъ этихъ отверстій дѣлаются на улицѣ *подмостки* изъ досокъ или *накатника*. На нихъ навозъ хранится въ кучахъ, до тѣхъ поръ, пока его надо увезти *на поле*. Должно полагать, что выкладка навоза на подмостки признана полезною.

Хлѣвы, служа помѣщеніемъ для коровъ, быковъ, лошадей и отчасти овецъ, за неимѣніемъ овчаренъ и конюшенъ, отдѣляются *стоями* и *стойлами*. Раздѣленіе ихъ производится досчатыми невысокими перегородками по обѣимъ сторонамъ *двора* *). Въ стаяхъ и стойлахъ забираются изъ досокъ, отъ стѣнъ хлѣва, не широкія и не такъ высокія, но довольно глубокія *ясли*. Въ нихъ съ повѣтей опускается скоту въ извѣстное время сухой кормъ: сѣно, солома и др. Это дѣлается посредствомъ проходовъ, сдѣланныхъ около стѣнъ въ потолкѣ хлѣвовъ предъ каждыми яслями. Чрезъ эти же отверстія возобновляется воздухъ въ хлѣвахъ. Разумѣется, когда хлѣвы бываютъ въ особыхъ зданіяхъ, кормъ въ ясли сносится просто. Въ яслях остаются *обьѣдки*; они убираются довольно рѣдко, тогда какъ чрезъ то очень чувствительно рождается сырость и гниль, уже не говоря о томъ, что кормъ здѣсь нерѣдко дается гнилой и мерзлый.

Свѣта въ хлѣвахъ бываетъ очень мало, ибо онъ входитъ только чрезъ небольшія, узкія, продолговатыя *окошечки* въ четыре, три, два и одно небольшія стеколка; а у другихъ хозяевъ бываютъ вмѣсто нихъ простыя *продушины*, т. е. вырубленныя въ стѣнахъ дыры, которыя во время стужи затыкаются сѣномъ или соломой; а съ наступленіемъ оттепелей *затычки* оттыкаются.

За симъ всѣ домовыя постройки описаны. Остается сказать про уличныя украшенія домовъ и службъ.

Какъ ни хороша обстройка въ Архангельской губерніи, дома снаружи нерѣдко кажутся болѣе безобразными, чѣмъ благовидными. Кромѣ того снаружи почти всѣхъ домовъ кладутся въ *костры* и въ *столчку* дрова, *слани*, *кряжевникъ*, жерди, колья, тутъ же сани, тѣлеги, бороны, щепа и неприбранныя деревья. Все это окружаетъ строенія, будто бы, для тепла отъ зимнихъ холодовъ, а въ теплое время отъ дождей **).

Деревьевъ, посаженныхъ возлѣ домовъ, вовсе почти нѣтъ. Но въ старое время народъ любилъ обсаживаться ими. Это видно изъ того, что въ древней Кевролѣ въ огородахъ много стоитъ деревъ-саженцевъ, куртинами, т. е. единично. За то флюгера, огороды, заборы и тыны есть.

---

*) Дворомъ называется мѣсто надъ домомъ между хлѣвомъ и стойлами. Въ иныхъ домахъ двери простираются во всю длину домовъ и имѣютъ спереди и сзади большія ворота. Дворы стоятъ рѣдко очищенными отъ навоза. Ворота у нихъ такія же, какія у взвоза на повѣть.

**) По зимѣ еще нѣкоторые хозяева зарываютъ основанія домовъ снѣгомъ, чтобы не вело, не подвѣвало.

Указателями направленія вѣтровъ служатъ крестьянамъ домашнія *флюгарки* (флюгера). Они устраиваются на длинныхъ, гладко обтесанныхъ, жердяхъ, въ видѣ высокихъ корабельныхъ мачтъ, которыя и скрипятъ на вѣтру, словно на суднѣ. Шесты эти укрѣпляются въ землѣ, или на открытыхъ мѣстахъ, или возлѣ домовъ, либо другихъ строеній, болѣе въ углахъ *). Флюгера дѣлаются изъ сукна, кумача, ситцевъ, просто изъ дерева, виляющаго около тонкаго шпенька, или подѣлочнаго, т. е. въ разныхъ фигурахъ, статуэткахъ, изображающихъ пѣтуха, курицу, лошадь и др., или же расширенныхъ крыльевъ и хвостовъ сорокъ, вздѣтыхъ на нитки и защемленныхъ въ планочныхъ жомахъ, которые вертятся на шпенькѣ въ любую сторону.

Живыхъ изгородей нѣтъ, не смотря на то, что множество ивняку пропадаетъ на корнѣ. Частоколы встрѣчаются рѣдко, и то лишь у поселившихся солдатъ. Нивы, луга и гряды обносятся изгородями, называемыми всегда *огорожею* и *огородами*. Онѣ устроиваются изъ еловыхъ и сосновыхъ кольевъ и жердей, и продолжаются *прялами*. Каждое прясло строится изъ шести кольевъ, длиною до $1^1/_2$ саж., въ концѣ заостренныхъ и вколачиваемыхъ горизонтально крѣпко въ землю пластью или обухомъ топора. Колья въ такомъ прялѣ переплетаются ивовыми и *еловыми вязами*, отъ 6 до 8, 10 и 12-ти вязовъ на каждой парѣ кольевъ. Еловые вязы бываютъ крѣпче, и ихъ размягчаютъ надъ огнемъ. На каждый вязъ кладется по одной жерди, длиной въ 2—3 сажени и обтесанной въ толстомъ концѣ; одна жердь приходится на шесть коловъ. Затѣмъ колы подпираются съ одной или съ обѣихъ сторонъ небольшими кольями, косвенно-вбитыми **). Большее или меньшее число вязовъ и жердей въ огородѣ зависитъ отъ мѣстности: такъ, около выгоновъ, гдѣ пасется много рогатаго скота и бродятъ табунами лошади, всегда готовыя сломать изгородь, *огороды плотнье*, или гдѣ много ходитъ овецъ, чтобы не могли заползти за изгородь; а за лѣсомъ, озеромъ, рѣкою и другими естественными преградами, огороды проще, площе, а въ иныхъ мѣстахъ ихъ и вовсе не бываетъ. Длина огородовъ весьма различна: обыкновенно она бываетъ сообразна съ величиною площади огораживаемаго мѣста. У большихъ *ободовъ* (общихъ сѣнокосовъ), въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пролегаютъ проѣзжія дороги, почтовыя, проселочныя и полевыя, тамъ по срединамъ полотна дорогъ устроиваются или раскладочные заборы, или створчатыя ворота, обыкновенная простота которыхъ извѣстна всякому.

*) Флюгера бываютъ еще на вѣтряныхъ мельницахъ и парусныхъ судахъ.

**) Верхушки кольевъ не опиливаются и не обрубаются, какъ это дѣлается крестьянами Архангельскаго и Холмогорскаго уѣздовъ.

Вверху же уѣзда, какъ напримѣръ въ Кеврольскомъ краѣ, а отчасти и *понизу*, вмѣсто означенныхъ огородовъ, изгороди состоятъ изъ столбовъ, въ которыхъ выдалбливаются дыры, такъ чтобы въ нихъ могли проходить жерди, коихъ въ столбѣ бываетъ три, четыре и до восьми. Такія ограды крѣпче, стоятъ дольше, да и матеріалу забираютъ меньше. Кромѣ того, нерѣдко можно встрѣтить плетни, устроенные изъ хвойныхъ жердей съ вѣтвями. Это бываетъ тамъ, гдѣ есть *росчисти*, или гдѣ почва песчаная въ вѣтеръ можетъ переносить песокъ.

Тынами, или *заборами*, обносятся дома рѣдко; ихъ замѣняютъ такіе же огороды, какими обносятся поля и пожни. Имѣющіеся же построены изъ поставленныхъ въ землѣ столбовъ съ набитыми досками пильнаго дѣла. Ворота въ тынахъ бываютъ двойныя, распашныя. Они затворяются *запорами* и *вертлюгами*. Близъ нихъ бываютъ калитки съ небольшими воротами. Тѣ и другія вымазываются смолою.

Что касается остальныхъ службъ, то въ Пинежскомъ уѣздѣ чаще всего крестьянскій домъ и холодныя службы составляютъ одну связь. Но необходимость, или невозможность содержанія помѣщеній всѣхъ вмѣстѣ, заставляютъ возводить особыя зданія въ сторонѣ отъ домовъ, и потому строенія бываютъ *надворныя* и *сторонніе* (отдаленныя). Къ первому отдѣлу можно причислить: сараи, навѣсы, амбары, погреба, колодези и бани, а ко второму: прясла, овины, гумна, мельницы, избушки—скотныя, перевозныя, сѣнныя и заводы—кузнечные, кирпичные, гончарные, кожевенные, скорняжные, красильные, известковые, зольные, угольные, смолокурные и дегтярные.

Сарай есть складочное мѣсто для сѣна. Онъ обыкновенно представляетъ пустое зданіе, построенное изъ растущихъ или сухоподстойныхъ деревъ, не одинаковой длины и высоты, въ четыре стѣны и съ тесовою крышею. Внутри нѣтъ ничего, кромѣ пропущенныхъ отъ одной боковой стѣны къ другой *матенныхъ бревенъ*, на которыя постилаются тесницы, куда и складывается сѣно. Крестьянами сараи выстраиваются очень рѣдко. У нихъ на то есть повѣти.

Навѣсы. Они строятся только изрѣдка, напримѣръ на станціяхъ, для храненія телегъ, саней, повозокъ, а также земледѣльческихъ орудій; тутъ же отъ снѣга и дождя привязываются вспотѣвшія лошади. Строятся они не одинаково: у однихъ просто крыша изъ пильнаго теса на стропилахъ, которыя иногда забираются тесомъ же; а у другихъ стѣны изъ длиннаго накатника въ столбахъ, съ крышами и двойными воротами на замкѣ. На верхъ навѣсовъ нѣкоторыми свозится сѣно.

Амбары—складочные магазины или житницы, устроиваются болѣе *насупротивъ* домовъ хозяевъ, за дорогой или улицей и очень часто по нѣсколько сподрядъ, прямолинейно другъ о дружку, хотя и многихъ хозяевъ; но

столь же часто амбары устроиваются и позади дворовъ, и на концахъ селеній. Устройство амбаровъ не затѣйливо. Они всегда основываются на сваяхъ (стульяхъ). Полъ дѣлается еще выше. Амбаръ всегда одноэтажный; четвероугольныя стѣны выводятся въ квадратъ, изъ растущихъ не толстыхъ деревъ, голыя и промшенныя. Зданія въ длину и ширину отъ 4 арш. до 2 и $2^1/_2$ саж. Полъ и потолокъ накладываются на матицы и балки изъ накатника. За потолкомъ чердакъ, гдѣ всегда дѣлается одно или два небольшихъ *слуховыхъ* окна, которыя, чтобы не залетали въ амбаръ птицы, затягиваются проволочными или веревочными сѣтками. Крыша шатромъ изъ желобоватаго теса, или круглоровныхъ и не толстыхъ деревъ, съ желобами и князькомъ. Въ амбарахъ дѣлаются *закромы* и *полки*, а для просвѣта—окна небольшаго размѣра. Для входа навѣшиваются на крюкахъ и петляхъ однѣ простыя, однопольныя двери, отворяющіяся внутрь и замыкающіяся чрезъ пробои и лебедки висячими и внутренними замками. Когда двери бываютъ сдѣланы такъ же высоко, какъ и полъ въ амбарѣ, то устраивается срубное крыльцо съ *лѣсенкою*, ступени въ двѣ, три и четыре и иногда еще съ перилами.

Жители здѣшніе вполнѣ—жители водъ. И потому къ *колодцамъ* или колодезямъ, т. е. искусственнымъ водохранилищамъ, прибѣгаютъ только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ поселенія на *суходолахъ*, т. е. нѣтъ ни рѣки, ни чистаго озера, а естественные резервуары далеко отъ жилищъ. Колодези копаются безъ разбора удобствъ и благовидности, на улицѣ ли среди дороги, обокъ ли съ домомъ, на задахъ ли, для крестьянъ все равно: имъ не до вкусовъ и удобствъ. Колодези бываютъ различной глубины, смотря по изобилію въ землѣ водяныхъ жилъ. Съ боковъ врубаются накрѣпко деревянныя стѣны. Но часто такіе колодези или изсякаютъ, или засоряются. Надъ колодезями устраиваются болѣе или менѣе высокіе срубы, а возлѣ нихъ устанавливаются высокіе и толстые столбы, называемые *жаравцами* (единст. *жаравецъ*) съ перекладинами на немъ, какъ бы лѣстницею; на верху столба—*журавъ* (оцѣпъ, или бревенчатое коромысло), къ которому на веревкѣ или на цѣпи привѣшивается ведро, опускаемое въ колодезь и вытаскиваемое наверхъ съ водою руками. У нѣкоторыхъ, вмѣсто жаравца, ведро съ водой вытягивается наверхъ по колесу, ходящему на оси въ столбахъ. Чтобы колодезь не засорялся, срубъ его закрывается досчатою *крышкою*, которая у нѣкоторыхъ колодцевъ бываетъ на петляхъ. Но крыши бываютъ не вездѣ, и потому колодези не вездѣ безопасны для дѣтей и мелкаго скота.

Удобными для ледниковъ, а по народному *погребовъ* и *погребицъ*, считаются угористыя мѣста съ плотною, крѣпкою глинистою почвою. Ихъ имѣютъ преимущественно богатые люди. Погребъ—очень обыкновенная постройка: небольшое, квадратное изъ не толстыхъ и не длинныхъ бревенъ строеніе, но хорошо построенное и крѣпко закрытое; фундаментъ его плотно забитъ умятою землею. Оно служитъ и кладовымъ амбаромъ, подъ поломъ котораго въ землѣ бываетъ настоящій погребъ съ опускною дверью, какъ у люковъ и лѣстницею для спуска. Надъ погребомъ у нѣкоторыхъ придѣлываются полки. Погреба ежегодно *набиваются* привозимымъ снѣгомъ, потомъ разбиваемымъ и утаптываемымъ. Въ погребахъ сохраняютъ отъ порчи: рыбу, мясо, молоко, масло, квашенье, грибы, разную пищу и т. п. *).

Баенъ (бань) общественныхъ или торговыхъ нѣтъ въ уѣздѣ и даже въ городѣ. Русская баня довольно извѣстна по своему значенію въ качествѣ врачебной помощи. Поэтому бань въ деревняхъ почти столько же, сколько въ нихъ домовъ. Онѣ обыкновенно относятся отъ домовъ на пустопорожнія мѣста, какъ то: на задворки (позади дворовъ), подъ угоры, на угоры, или около рѣчекъ и озеръ; но не мало есть и неподалеку отъ домовъ. Здѣшнія бани сохраняютъ первоначальный видъ сельскихъ бань **), потому что построены и строятся всегда подъ названіемъ *черныхъ*, т. е. дымовыхъ или курныхъ; бѣлыя бани встрѣчаются очень рѣдко. Постройка бань не чиста. Строятся онѣ преимущественно изъ деревьевъ, негодныхъ на большія постройки. Все зданіе рѣдко превышаетъ 4 саж. въ длину и $2^1/_2$ саж. въ ширину. Фасадъ его вышиною отъ основанія до крыши 5 аршинъ. Крыши бываютъ изъ теса на два ската или крытыя дранью, а у иныхъ бань ихъ не бываетъ: на потолкѣ просто насыпанъ песокъ или земля, нерѣдко пустившая поросли. Полы бываютъ деревянные изъ распиленнаго накатника, но чаще всего ихъ не бываетъ, а вмѣсто нихъ, по незакрытой землѣ, настилается сухая солома. Потолки бревенчатые; стѣны не отдѣлываются. Банная комната есть полутемная изба. Оконъ въ ней бываетъ по одному и иногда по два небольшихъ; у нѣкоторыхъ бань въ окнахъ не бываетъ рамъ со стеклами, а онѣ закрываются толстыми деревянными ставнями. Впереди банной комнаты, отдѣляющейся капитальною стѣной, бываетъ холодная маленькая (въ шагъ и меньше шириною) передняя, или раздѣвальня, или же предбанникъ, называемая туземцами *припередкомъ* и *сѣнцами*, въ которой раздѣваются и одѣваются. Въ ней бываетъ одно или два маленькихъ окна, ничѣмъ не закрытыхъ, либо закрытыхъ негодными вѣниками; лавочка или двѣ для сидѣнія, а поверхъ ихъ одна или двѣ грязныя полки для бѣлья. Въ сѣнцы ведутъ ворота...

---

*) Тамъ, гдѣ въ горахъ есть щели или пещеры (какъ напримѣръ въ Кулогорскихъ деревняхъ, тамъ молоко бабы носятъ и оставляютъ въ горахъ. Для наблюденія учреждается очередный караульщикъ.

**) Арх. Суд. и Общ. Гигіен., № 4, 1864 года, о русск. бан. 26.

съ улицы, а изъ нихъ противъ воротъ двери въ самую баню. Печи въ баняхъ *складываются* изъ одного полукруглаго свода, въ родѣ печи, выбитаго изъ глины, безъ участія извести; на этотъ сводъ накладываются по плотнѣе камни, булыжникъ сѣрый, дресвяной и кирпичные обломки, но такъ, чтобы межъ нихъ проходилъ снизу дымъ. Отъ того онѣ и называются *каменками* (камельки). Дымъ, при топкѣ каменки, выходитъ изъ бани въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ (болѣе южной), въ родѣ слуховаго окна или душника (большой форточки), которое закрывается, по окончаніи топки, втулкою или деревяннымъ ставенькомъ, а не трубою наверхъ, какъ въ бѣлыхъ баняхъ. *Баня готова бываетъ въ три каменки или въ три истопля.* Нагрѣваніе ея происходитъ чрезъ накаливаніе огнемъ камней, по подложеніи въ сводъ зажженныхъ дровъ. Чтобы произвесть въ банѣ большее тепло (жаръ), т. е. необходимый для русскаго крестьянина *паръ*, на раскалившіяся камни наливаютъ по мѣрѣ надобности холодную воду. Въ глиняныхъ или кирпичныхъ основаніяхъ банныхъ печей ставятся *котлы* для нагрѣванія воды. Горячую воду разводятъ холодной въ шайкахъ (деревянныхъ глубокихъ тазахъ). Холодная же вода наносится въ кадки и бочки, или бываетъ въ *ушатахъ*. Кромѣ того въ особомъ ведрѣ приготовляется *щелокъ*. Крестьяне мало моютъ тѣло, а только *парятся* и окачиваются водою; хотя и не всѣми, употребляются однако, сверхъ обмовенія водою, черное мыло и *мочалки*, замѣняющія губки, а для паренья лиственные вѣники изъ березовыхъ вѣтвей, которые, если они засохли, размачиваютъ въ холодной водѣ и бросаютъ на каменки; а когда они размягчатся, то тотчасъ же ими *хвощутся*. Для *сиженка* моющихся въ стѣнахъ отъ полковъ, по переднимъ близь оконъ и боковымъ стѣнамъ, до простѣнковъ дѣлаются деревянныя скамьи, а для паренья — широкія и высокія, чуть не до самаго потолка, *полки* (полати или скамьи), на столбахъ, возлѣ глухой стѣны, рядомъ съ каменкой. На полки и скамейки иногда настилаются сѣно и солома. Грязь въ баняхъ доходитъ до ужасной нечистоты, потому что ее рѣдко очищаютъ. Бани посѣщаются почти еженедѣльно и всего болѣе приготовляются въ субботніе дни; моются же подъ вечеръ, по окончаніи дневныхъ работъ. Но также приготовляются бани наканунѣ большихъ праздниковъ и въ другихъ случаяхъ: въ случаѣ родинъ, предъ вѣнцомъ (свадьбами), предъ именинами, или съ дороги и т. п. *).

Овины строятся всегда на *запольках*ъ, ближе къ полямъ, или возлѣ дорогъ, на неудобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ. Они выстроиваются, или особо, или въ связи съ *гумнами*. Устройство овиновъ очень обыкновенно, какъ и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи. Это небольшая (аршина въ три вышины, иногда поболѣе) почти кубическая горница, рубленная изъ тонкихъ строевыхъ или сухоподстойныхъ *бревешекъ*, неочищенныхъ отъ древесной коры, надъ ямою (сушиломъ), накрытая кое-какъ: плоско, ровно, тесомъ или накатникомъ и законопаченная въ стѣнахъ и углахъ мхомъ. Пола не бываетъ, а на потолокъ иногда насыпается земля. Въ стѣнѣ болѣе на югъ прорубается окно, которое, во время сушки хлѣба, закрывается, либо деревяннымъ *ставнемъ* (втулкою), или пукомъ соломы. Тогда дымъ расхаживаетъ по всему овину и едва-едва выходитъ въ щели крышъ и стѣнъ; въ окно же дымъ выпускается *горькій, смрадный,* когда только теплится овинъ (правильнѣе: топится печь въ овинѣ). Яма въ овинѣ бываетъ четвероугольная, глубиною аршина въ три. Въ ней складывается печь (курильное горно), какъ каменка въ банѣ, куда кладутся дрова. Отъ стѣны до стѣны внутри овина близь потолка вколачиваются *колосники* (или какъ угодно назовите: перекладины, планки, жердочки), на которые садится (развѣшивается) густо колосовый хлѣбъ въ снопахъ. Въ овинахъ рѣдко дѣлаются двери, а вмѣсто ихъ прорубается окно внизу строенія, въ противоположной ставнѣ стѣнѣ, въ которое можетъ войти ползкомъ человѣкъ. Забравшись въ овинъ, одинъ принимаетъ отъ другаго хлѣбъ съ улицы, развѣшиваетъ его тамъ и затопляетъ печь; а другой привозитъ хлѣбъ съ поля или съ пряселъ и подаетъ его находящемуся въ овинѣ. Просушиваніе въ немъ хлѣба происходитъ отъ жаркаго натопленія печи и чрезъ скорое *закутываніе* (закрытіе) проходовъ дыма и печнаго жара. Овины отопляются болѣе въ тихую погоду на ночь, такъ что хлѣбъ высушивается самъ собою, иногда съ присмотромъ, къ утру.

Гумна (гумны) замѣняютъ здѣсь риги и молотильни. Строятся они, или вмѣстѣ съ овинами, или особо, но не вдалекѣ отъ нихъ. Устройство гумна еще проще, чѣмъ постройка овина. Это — просто холодный, длинный сарай о четырехъ стѣнахъ, или какъ будто, переносный срубъ изъ чистыхъ или неочищенныхъ бревенъ, безъ *конопати,* закрытый въ одинъ рядъ досками, а иногда и безъ крыши. Длина гумна въ 4—5 саженъ, которая превышаетъ въ два раза ширину, а высота не болѣе 1 1/2 сажени. Ворота у гумна бываютъ широкія, распашныя надвое, либо однопольныя, двои — съ сѣверной и южной стороны, чтобы вѣтеръ безпрепятственно ходилъ по всему гумну. Вмѣсто пола площадь земли въ гумнѣ *убивается* и гладко *уравнивается*.

При гумнахъ у иныхъ хозяевъ на нетораватую руку устраиваются *мякинницы* — плохенькія конурки изъ досокъ, куда складывается солома и обой хлѣба (мякина).

*) Здѣсь нѣтъ того обыкновенія, чтобы мущины и женщины, всѣ безъ изъятія, мылись въ баняхъ вмѣстѣ (сказываютъ, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арханг. губер. существуетъ).

Къ числу построекъ, полезныхъ при уборкѣ зерноваго хлѣба, можно отнести и *прясла*. Они устраиваются на поляхъ, ближнихъ пожняхъ и въ особыхъ огородахъ, вблизи овиновъ и гуменъ, а иногда и возлѣ домовъ. Прясло—особеннаго рода огорода или стойка изъ 3 и до 12, довольно высокихъ, съ двухъ сторонъ обтесанныхъ столбовъ, которые кладутся горизонтально къ землѣ, на 2 и 3 сажени одно отъ другаго; въ одинаковомъ разстояніи на обоихъ столбахъ вырубаются круглыя дыры, по 3, по 4 и по 5 въ каждомъ, начиная не низко отъ земли, въ кои параллельно *продѣваются* длинныя и обтесанныя въ толстыхъ концахъ жерди, по три и болѣе на каждый рядъ (3 столба), смотря по тому, сколько въ столбахъ его присововъ; на такомъ *жердьи прясятся*, развѣшиваются снопы колосоваго хлѣба, раздѣленные пополамъ, книзу *колосьями*, а къ верху *комлемъ*, такъ что верхніе снопы закрываютъ комли нижнихъ, смотря потому, широко ли отстоитъ жердь отъ жерди. Ширина прясловыхъ жердей прибавляется для сноповъ ржанаго хлѣба, такъ какъ ржаная солома длиннѣе ячной. Рядовъ пряселъ въ одномъ мѣстѣ бываетъ по четыре и болѣе; но нерѣдко они устанавливаются не рядами, а вдоль, прямо возлѣ прясла, такъ что бываетъ только одинъ или два ряда, до 20 деревъ въ каждомъ. Кромѣ того прясла бываютъ не изъ столбовъ, а просто изъ жердей высокой огороды: шесть жердей воткнуто въ землю, въ три стойки и связаны вязами, а на вязы кладутся жерди же,—по три и болѣе.

Въ отношеніи *мукомольныхъ мельницъ* уѣздъ можно раздѣлить на двѣ половины: первый станъ съ *вѣтряными*, а второй съ *водяными* мельницами. Число первыхъ довольно значительно и соотвѣтствуетъ мѣстной потребности. Впрочемъ и въ мѣстахъ нахожденія онѣ есть не въ каждой деревнѣ; да не мало зерноваго хлѣба вымалывается въ крупу и муку въ домахъ крестьянами на ручныхъ жерновахъ. *Вѣтромъ дѣйствующія мельницы* строются во всемъ по плану и фасаду, принятымъ за образецъ вообще въ губерніи. *Становища* ихъ—угористыя и вообще открытыя для вѣтровъ мѣста. Устройство этихъ мельницъ слѣдующее: круглая о 8 или 4 углахъ пирамидальная баба, въ извѣстномъ размѣрѣ и достаточной высотѣ, устроенная изъ положенныхъ рядами (4-хъ и 8-ми въ рядѣ) круглыхъ бревенъ, одного съ верху другаго, внизу длинныхъ, а въ верху короткихъ, въ видѣ тупаго конуса; на бабѣ этой небольшой квадратный амбарчикъ, выстроенный изъ плотно стиснутыхъ деревьевъ въ брусьяхъ, или бревнахъ съ крышею въ видѣ шатра, съ флюгеромъ на верху и дверями на замкѣ, къ которымъ ведетъ выходъ съ перилами и чрезъ которыя затаскиваютъ на верхъ и спускаютъ оттуда хлѣбъ въ мѣшкахъ, и съ опущенною на весъ легкою лѣстницею, служащею, при посредствѣ висящей же жерди, ходомъ на выходъ. Въ амбарѣ томъ вмѣщается весь механизмъ мукомольни, а сквозь него проходитъ толстое бревно, къ коему и вколачиваются досчатыя, довольно длинныя и широкія съ откосами, четыре крыла, поворачивающіяся довольно скоро. Для дѣйствія вѣтра на крылья, посредствомъ длиннаго и толстаго бревна, конецъ котораго укрѣпляется въ землѣ, амбаръ всѣмъ корпусомъ поворачивается въ любую сторону, съ которой только дуетъ вѣтеръ. Молотье на вѣтряныхъ мельницахъ производится болѣе съ утра и оканчивается немного позднѣе полудня; но мелютъ и по вечерамъ и даже ночами. Въ сильные же вѣтры *мелево* на мельницахъ останавливается.

Вододѣйствующихъ мукомольныхъ заводовъ не такъ много. Они устраиваются на *плотинахъ*, устанавливаемыхъ на текущихъ быстро рѣчкахъ или ручьяхъ (конечно теченіе зависитъ отъ склона паденія), имѣющихъ въ запасѣ воду позади себя въ потокахъ и озерахъ, которыя запружаются и выпускаются по надобности, болѣе въ лѣсахъ, почему запруженная вода не вредитъ ничему. Зданія заводовъ похожи на простые сараи; только осмотръ внутренности его убѣдитъ васъ въ существованіи мельницы. Къ ней пристраиваются на сваяхъ мосты изъ бревенъ. На водяныхъ мельницахъ вымалываютъ муку, дерутъ крупу и выдѣлываютъ толокно. Онѣ бываютъ болѣе о двухъ поставахъ и однихъ жерновахъ. Для смазки механизма употребляется смола и ворванное сало.

Стойки скотскія, или скотные загоны (коровники)—просто срубы, только съ немного-покатою лежачею крышею, съ поломъ, а чаще безъ него, и съ свободнымъ ходомъ, дверьми на петляхъ или приставными; на мѣстѣ же чердака иногда бываетъ сѣнникъ. Строятся онѣ изъ нечистыхъ деревъ, какъ строеніе временное, на лугахъ *за рѣками* отъ домовъ.

Сверхъ описанныхъ строеній въ селеніяхъ, особо, въ отдаленности отъ домовъ, устроиваются крестьянами временныя жилища: *перевозныя, сѣнныя и промысловыя, лѣсныя или разволочныя избушки*. Всѣ онѣ походятъ по устройству какъ одна на другую, такъ и на черныя бани, потому что въ нихъ бываютъ такія же печи, такія же окна, такія же скамейки и полки, служащія койками; иногда только печи бываютъ такія, какъ въ черныхъ избахъ, за исключеніемъ банныхъ камней; и еще одна особенность: не бываетъ сѣнцевъ, какія въ баняхъ. Предназначеніе жилищъ этихъ видно уже по самымъ названіямъ. Перевозныя избы становятся на угорахъ рѣкъ, чрезъ кои существуютъ перевозы; сѣнныя—на безопасныхъ лугахъ, когда сѣнокосы отъ дома находятся за 10—30 верстъ, чтобы можно было гдѣ укрыться отъ холода и мокроты и отдохнуть отъ трудовъ спокойно; лѣсныя же въ разныхъ урочищахъ, при скопищахъ водъ

и мѣстахъ *бѣровыхъ*, около которыхъ производятся зимою лѣсные, а по лѣту—рыбные промыслы, верстъ за 10—40.

Кузницы—холодныя помѣщенія устраиваемыя поодаль отъ жилыхъ строеній, на сырыхъ мѣстахъ. Состоятъ онѣ изъ слѣдующаго: на голой землѣ становится изъ бревенчатыхъ стѣнъ срубъ съ однѣми дверями, а возлѣ него *станки* для ковки лошадей, и кузница готова. Въ ней бываетъ *заборка* изъ досокъ—кладовая для угольевъ и инструментовъ. Тутъ же иногда бываетъ и *колодезь*, образующійся изъ бездонной бочки, забитой въ сырое мѣсто, или же дѣлающійся на улицѣ о-бокъ съ кузницей. Посреди сруба, за ненимѣніемъ пола, на голой же землѣ ставится небольшой деревянный срубокъ для горнила. *Горно* бываетъ объ одномъ огнѣ простое, состоящее изъ одного кирпичнаго свода или порядочной горнушки. *Мѣхи* у горна бываютъ одни, ручные и притомъ малые; кожаные съ желѣзною *раздувальнею*. Дымъ отъ огня въ горнѣ идетъ свободно вверхъ на воздухъ, такъ-какъ крыши на кузницѣ не дѣлается; а если бываетъ потолокъ, то для прохода дыма въ немъ предъ горномъ дѣлается окно съ желѣзною рѣшеткою. Инструменты въ кузницахъ: желѣзныя наковальни, вдѣланныя въ деревянныя тумбы, гвоздильни, винтовальныя доски, зубила, разные молоты, тиски, клещи, насѣки, бородка, угольные щипцы и проч. Кузнечатъ здѣсь простыя желѣзныя и стальныя издѣлія: шпильки, разные гвозди, винты, подковы, шила, ножи, топоры, серпы, косы, вилы, лопатки, сошники, шины, крючки, петли, пробои, тяги, лебедки, кольца, обручи, терки, воронки, подсвѣчники, сковородки и сковороды, поваренки, ковши, щипцы, заслонки, кочерги, ухваты, шелепуры, пешни, остроги, напилки. Но кузнечное мастерство не развито значительно, и нѣтъ людей, занимающихся исключительно имъ. По этому самому и устройство заводовъ не завидно. Мѣхи и инструменты убираются изъ кузницъ, какъ только кончается работа. Желѣзо и сталь пріобрѣтаются на ярмаркахъ, а уголь у мѣстныхъ угольщиковъ, или самими выгуливается. Выдѣлка новыхъ и поправка старыхъ мѣдныхъ издѣлій производится особыми мастеровыми—*мѣдниками;* также имѣются особые мастеровые для поправки и изготовленій новыхъ замковъ и ключей. Такихъ особыхъ мастеровъ въ уѣздѣ не много, и работа у нихъ идетъ въ домахъ или баняхъ, въ печахъ или на горнушкахъ.

Кирпичные заводы легкой постройки. Это досчатые шатры, возведенные изъ однѣхъ не высокихъ крышъ, на деревянныхъ стропилахъ, въ мѣстахъ, изобилующихъ кирпичною глиною. Заводы всѣ ручные; инструменты: *заступы* (желѣзныя лопатки), желѣзные *ломы* и *песты*. Особыхъ рабочихъ не бываетъ, да и заводовъ въ уѣздѣ мало. Употребляемые для выдѣлки кирпича матеріалы суть: красная и алая глина, крупно и мелко-зернистый песчаникъ, желтый и красный, и вода изъ рѣкъ, озеръ и болотъ. Кирпичи дѣлаются въ шалашахъ просто: сперва глину топчутъ и бьютъ толстымъ пестомъ, а потомъ формуютъ голыми руками и кладутъ въ доски, гдѣ они и просушиваются; обжигаютъ же длинными дровами въ печахъ, складенныхъ для того нарочито изъ кирпичей. Печей бываетъ по одной въ заводѣ. Онѣ бываютъ о 2—7 устьяхъ и состоятъ изъ калильнаго пода и очага для дровъ. Мелкій красный кирпичъ продается не дороже 30 коп. за сотню, а крупный алый не дороже 6 руб. за тысячу штукъ.

Гончарныя заводскія строенія составляютъ небольшія деревянныя избушки устроенныя гдѣ-либо въ угорьяхъ. Въ нихъ для сушки и обжиганія издѣлій есть небольшія печи изъ бурой глины. Издѣлія выдѣлываются изъ красной (гончарной), синеватой и пепельнаго цвѣта (горшечной) глины просто голыми руками и кладутся въ формы, сдѣланныя въ землѣ. Выдѣлываютъ здѣсь; рукомойники, тазы, кубы, горшки, лотки, формы, блюда, чашки, крынки, крышки, кружки, масляницы, солоницы, сальники (для освѣщенія), вьюшки трубныя, цвѣточники, кибасы (къ сѣтямъ) и проч. Вещи, называемыя *муравленными*, вообще выдѣлываются изъ красной глины; внутренность ихъ полируется (говорятъ: *наводится глянецъ*) свинцовымъ блескомъ.

Устройство *кожевенъ* плохое. Онѣ или пристроиваются къ жилымъ домамъ, или выстроиваются особо отъ нихъ. Образцомъ построекъ служатъ бани, онѣ отапливаются только тогда, когда нужно работать въ холодное время. На кожевенныхъ здѣшнихъ заводахъ выдѣлывается кожевенный товаръ, преимущественно изъ кожъ рогатаго скота, но обработываются и лошадиныя. Вкратцѣ обдѣлка такова: для очищенія отъ волосъ, кожи кладутся въ зольники или деревянныя кадки, гдѣ дубильныя вещества, бѣлая известка и осиновый шадрикъ (пепелъ-зола); очищаются на *колодкахъ* (тумбахъ) простыми *скоблями;* промываются колодезною водою; *квасятся* хлѣбомъ; перекладываются въ дубильные чаны (кади, которыхъ бываетъ иногда по одной, а иногда по двѣ въ заводѣ; *дубятся* нѣсколько дней и недѣль толченымъ *дубомъ* (березовою и ивовою корой); промываются мочкою въ озерахъ на веревкахъ; выжигаются, напитываются ворванымъ саломъ и дегтемъ, окрашиваются синимъ сандаломъ и чернымъ купоросомъ; развѣшиваются на шестахъ, сушатся на воздухѣ и *мнутся* простыми *мялками*. Машинъ на заводахъ нѣтъ. Работаютъ болѣе одни хозяева. Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ кожъ выдѣлываются: замша, нефть черная, бѣлые и черные опойки, выростки и подошвы. Можно купить: нефть за 1 р. 50—3 р. 50 к.; бѣлый опоекъ 50 к.—1 р. 50 к.; выростокъ 30 к.—1 р. 30 к.; черный опоекъ 40 к.—1 р. 50 к., подошвы 4—6 р. За выдѣлку кожъ кушнеры получаютъ отъ 10 к. до 1 р. 50 к. со шкуры, или бе-

рутся выдѣлать изъ-за половинной цѣны; такъ напримѣръ, если шкура стоитъ будетъ 4 р., то за работу берутъ 2 р. и т. п.

Скорняжни не составляютъ здѣсь особаго рода заводовъ, а иногда только помѣщаются въ отдѣльныхъ избахъ, подобныхъ кожевнямъ; болѣе же скорняжество производится въ тѣхъ же избахъ, гдѣ и семейства живутъ, потому что работы бываютъ незначительны. Въ скорняжняхъ почти единственно обдѣлываются шкуры простыхъ русскихъ овецъ. Обдѣлка бываетъ *бѣлая* и *нечистая*, а вкратцѣ она такая: сначала *мездру* (не мѣховую сторону) шкуры вымачиваютъ въ водѣ съ разведенною солью и очищаютъ отъ жиру и приставшаго мяса на *стругахъ* (желѣзныхъ, стальныхъ косахъ), потомъ квасятъ въ кадкахъ съ *хлѣбными квасами* (въ мучномъ киселѣ), и затѣмъ очищаютъ набѣло; растягиваютъ, сушатъ и мнутъ мялками, въ видѣ остраго серпа. Улучшеній не замѣчается. Рабочихъ не бываетъ, а работы производятъ сами мастера-хозяева. Шкуры выдѣлываются болѣе для мѣстныхъ жителей. За выдѣлку берутъ съ *овчины* отъ 3-хъ до 6-ти копеекъ.

Красильня въ здѣшнемъ уѣздѣ очень мало, да и производство на нихъ незначительно. Рабочихъ особыхъ не бываетъ, а управляется работами одинъ хозяинъ. Въ заведеніи бываетъ по одному *кубу*. Для окрашиванія употребляется: *кубовая краска, индикъ* *), известь, зола, сандалъ, купоросное масло, коломенская глина, черный и синій (не зеленый ли?) купоросъ, аравійская камедь, *шубный* или *мевренный* и рыбій *клей*. Красятъ наиболѣе только холсты **). За красочную набивку берутъ отъ 3 до 4 копеекъ за аршинъ. Но окрашиваютъ и нитки, шерстяную пряжу и издѣлія изъ нихъ: чулки, рукавицы и проч.; а сверхъ того шерсть, льняныя и шерстяныя пряжи и издѣлія окрашиваются травою-зеленицею—въ зеленый цвѣтъ, корнями матуры—въ малиновый и вересками—въ желтый цвѣтъ. Этимъ окрашиваніемъ занимаются женщины, но не всѣ, а рѣдкія.

Выжиганіе извести ***) производится изъ камня, извѣстнаго подъ именемъ горнаго бѣлаго известняка. Особыхъ построекъ для выжиганія *извести* почти вовсе нѣтъ, кромѣ закрышки изъ досокъ. Сженая и несженая известь доставляется болѣе всего для кожевенныхъ заводовъ и къ каменнымъ постройкамъ. Продается мѣрою корзины отъ 30 до 50 к. за четверть.

Зольница. Зола выжигается въ обыкновеннныхъ ямахъ, вырываемыхъ въ землѣ. Въ нихъ складываются въ кучи или костры валежныя деревья, корни, вершины и сучья, гдѣ и зажигаются. Потомъ хворостъ подбавляется въ яму постепенно. Уголья отъ вліянія воздуха сгараютъ и превращаются въ пепелъ, пока не будетъ видно, что золы достаточно. Она высыпается въ бочки и доставляется на кожевенные заводы. По малочисленности этихъ заводовъ и небольшой значительности операцій ихъ, зольное производство здѣсь ничтожно.

Угольня. Переугливаніе лѣса здѣсь очень мало. Уголь получается изъ валежныхъ и сухоподстойныхъ деревъ, зажигаемыхъ въ кучахъ, складываемыхъ обыкновенно въ ямахъ болѣе или менѣе обширныхъ. Чтобы огонь не соприкасался съ воздухомъ, ямы закрываются дерномъ, мхомъ и негодною соломою. По окончаніи переугливанія, угольщикъ разгребаетъ покрышку лопатою и убираетъ головни, а кучу сравниваетъ. Когда же она остынетъ, уголь вынимается крюкомъ и затушивается землею. Древесный уголь доставляется на кузницы; прежде его не мало доставлялось на питейную контору *)

Лѣсо-техническое производство вобщее въ Пинежскомъ уѣздѣ начато съ очень недавняго, времени и потому развито еще незначительно. Но познакомиться съ нимъ не мѣшаетъ.

Смолокурня. Въ сухомъ грунтѣ выкапывается круглая яма до 3 сажень глубины. Надъ нею устраивается кирпичная печь, въ длину около 2 саж., а шириною до 2½ саж. Смолу гонятъ непосредственно изъ смолистыхъ длинныхъ полѣньевъ, нарубаемыхъ изъ хвойнаго лѣса, преимущественно сосновой породы, посредствомъ пережиганія ихъ въ печахъ. Дрова въ печи складываются плотно до самаго верха и зажигаются; *очелокъ* же (устье печи), служащій для накладыванія дровъ и вынииманія угольи, закрывается и замазывается. Управленіе огнемъ производится чрезъ отдушники, которые то открываются, то закрываются. Дрова отъ худо-ходящаго въ печи огня постепенно тлѣютъ, пуще смолятся и выпускаютъ на дно наклоннаго пода печи смолу. Отсюда она спускается по наклонному желобу, проведенному изъ углубленія пода подъ печью сквозь землю, и вытекаетъ трубою внѣ печи въ бочки. Печь закрывается деревяннымъ шатромъ, или струбомъ изъ бревенъ-кругляковъ съ крышею. Здѣсь гонится простая черная смола.— Съ такимъ же расположеніемъ устраиваются дегтярныя печи, для гонки изъ смолистыхъ деревъ и бересты жидкаго и густаго дегтя.

Смолу курятъ и деготь сидятъ еще въ ямахъ. Ямы дѣлаются круглыя. Для нихъ выбираютъ мѣста обыкновенно на возвышенностяхъ или холмахъ, гдѣ почва сухая. Бока уколачиваются. Въ особыхъ углубленіяхъ, дѣлаемыхъ на срединахъ ямъ, ставятся, наравнѣ съ подомъ ямъ желѣзные котлы, въ которые принимаютъ

---

*) Индиго.

**) Отъ этого онъ и получаетъ названіе набивки и набойки.

***) Это древній промыселъ.

*) Въ Холмогорскомъ же и Шенкурскомъ уѣздахъ на пароходы.

истекающую смолу и деготь. Дрова бываютъ наколоты длинныя и въ ямѣ складываются въ кучу накосо, но плотно, закладывая пустоты мелкими дровами. Въ такомъ положеніи они зажигаются снизу, а поверхность кучи покрывается мхомъ, кусками дерева, землею, соломою, сѣномъ, въ уровень съ краями ямы, и утаптывается. Между тѣмъ хозяинъ наблюдаетъ за огнемъ: если огонь сталъ проходить чрезъ покрышку, то ненадежныя мѣста закрываетъ землею, а усиливаетъ огонь чрезъ поднятіе покрышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ извѣстное время, когда горѣніе прекращается, яма раскрывается, горящіе уголья тушатся насыпкою земли, а натекъ изъ котловъ, по остуженіи, пореливается въ бочки. Сидка въ ямахъ производится весной и осенью. Въ продажѣ за пудъ бываютъ: смола отъ 30 до 80 коп., а деготь отъ 80 к. до 1 руб., бочкою же смола продается 5 и 6 рублей.

Огонь все еще *добывается* изъ *плитокъ*, *плашекъ*, или стальныхъ *огнивъ* при ударномъ соприкосновеніи кремня на тлѣнѣ, трутѣ *бумажномъ*, *тряпичномъ* или *березовомъ* (изъ березовой губки), при чемъ огонь снимается съ осоры *стринками* (старинными спицами) и на *берестичко* (сухую бересту), а также отъ сажи у *челп* печи и *выдувается на лучинки* съ *живыхъ угольевъ*. Но многіе стали замѣнять *стчку* огня фосфоровыми спичками *).

Къ освѣщенію употребляютъ высушиваемую и зажигаемую березовую и осиновую *лучину*. Она втыкается въ свѣтильню (свѣтецъ—желѣзные щипы), придѣланную на постановленной прямо къ верху палкѣ у конца *тренка* или *треножника*—не глубокаго корыта, поднятаго на трехъ или на четырехъ ножкахъ, въ которое нерѣдко наливаютъ воду, чтобы догорѣвшіе уголья замирали при паденіи. Кромѣ того, свѣтъ получается отъ *сальниковъ* (глиняныхъ плошекъ), въ которыхъ плаваетъ бумажный снурокъ въ налитомъ салѣ. Сальныя свѣчи зажигаются только у зажиточныхъ людей и болѣе въ празднества, или когда бываютъ пріѣзжіе гости, или посѣтители (напр. люди чиновные); вообще же—въ особенныхъ случаяхъ. Онѣ вставляются въ подсвѣчники, къ которымъ прилалагаются щипцы. Свѣчки пріобрѣтаются покупкою изъ лавокъ по 10 — 15 коп. за фунтъ, и не мало льются самими крестьянами въ формахъ на бумажной *свѣтильнѣ* (фитилѣ) изъ своего говяжьяго и овечьяго сала. Для освѣщенія на улицахъ, въ хлѣвахъ, сѣнникахъ, амбарахъ и т. п. мѣстахъ въ темное время, употребляется преимущественно лучина и отчасти фонари. Съ Благовѣщенія (25 Марта) крестьяне не имѣютъ освѣщенія отъ огня, а съ Ильина дня оно возстановляется.

*) „Черканешь и загоритъ; экая диковинка!“ говоритъ крестьянинъ.

Топливо жилыхъ комнатъ состоитъ всегда изъ дровъ, заготовляемыхъ самими семьянами своевременно, такъ какъ лѣса находятся вблизи деревень. Потребности въ топливѣ значительны. Дрова употребляются горныя (не сплавныя). Хорошими считаются: не гнилыя, не мозглыя не труxлявыя, безъ сучьевъ, рубленныя, изъ здороваго лѣса. Цѣны на готовыя дрова въ деревняхъ бываютъ отъ 20 до 50 коп. за *маховую сажень*, а въ городѣ за *печатную сажень*, доставляемую съ подряда, отъ 60 до 90 коп. сер. Дрова получаются почти всегда лѣтомъ и въ лѣсу разсѣкаются на *полѣнья;* зимою же рубятъ *кряжевникъ*. Вывозятся по зимѣ на *дровняхъ*. Кряжевникъ ставится около домовъ въ стоячку, а потомъ сѣчется въ *полѣнницу* прямо, или же пилится продольной пилой въ чурки, которыя уже изрубаются въ плахи (пополамъ), и потомъ въ *полѣнья* *).

Дрова расколотыя складываются въ *костры*, по бокамъ которыхъ дѣлаются изъ тѣхъ же дровъ *клѣтки*. Для отопленія жилищъ дрова употребляются болѣе еловыя и сосновыя **), или смѣсь разныхъ породъ; кромѣ того собирается щепа. Осиновыя и ольховыя дрова кладутся въ печь всего болѣе для очищенія сажи въ трубѣ. Березовыя дрова идутъ почти единственно на *лучину* (освѣщеніе) и на *растопку* (лучину, подкладываемую подъ дрова); на подтопку же идетъ и самая береста. *Березнякъ* высушивается на печахъ и въ печахъ, а потомъ колется въ лучину *лучевниками* (особенными ножами-тупиками). Печи всегда топятся только одинъ разъ въ день, исключая рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаевъ. Онѣ затопляются по утру весьма рано въ 3 — 6 часовъ, а иногда (наприм. въ страдное время) еще раньше. Печи натапливаются очень жарко и потому еще, что трубы закрываютъ, какъ только дрова прогорятъ и обуглятся. Уголь въ печи подбираются *крюками* (кочерьгами) въ загнеты и частію *замазывается* въ кубахъ (заливается водою для самоваровъ); *пепелъ* же *запаривается* помеломъ тоже въ загнеты ***).

Полъ въ занимаемыхъ комнатахъ подметается вѣниками почти каждый день. Обыкновенное мытье половъ въ избахъ бываетъ не часто, болѣе къ воскреснымъ днямъ. Въ горенкахъ полы вымываются только къ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ; тогда же потолки и печи въ иныхъ домахъ *подбѣливаются* мѣломъ. Вообще домашній обиходъ въ деревняхъ выказывается при наступленіи великихъ праздниковъ. Тогда все очищается

*) Въ полѣнья плахи колются рѣдко, а въ печи кладутъ ихъ цѣльныя.

**) Эти дрова предпочитаются всѣмъ прочимъ древеснымъ породамъ, потому что они даютъ большое пламя, и слѣдовательно скорѣе нагрѣваютъ печи.

***) О послѣдующемъ употребленіи золы см. ниже.

до бѣла, т. е. до щекотливой опрятности: полы, стѣны, скамьи, котолки, полати, полки, шкафы и т. п. деревянныя вещи *очищаются* отъ грязи *шорканьемъ вѣхтями* (вѣтками), *дверстою* (дресвою) и пескомъ, *смачиваніемъ* водою, *засушиваніемъ;* на полы въ комнатахъ и сѣняхъ, для сбереженія чистоты, разстилаются *половики* (низкаго сорта холстъ), *рогожки, циновки* и *солома;* окна и ставни выполаскиваются водою; деревянная и мѣдная посуда стирается пескомъ и вымывается водою до блеска; улицы отъ воротъ обметаютъ отъ сора *метлами;* разное *хламье,* производящее немалое безобразіе, убирается.

Спальными крестьянамъ служатъ избы, а по лѣту отъ комаровъ, мошекъ, оводовъ и мухъ уходятъ въ темные *чуланы*, въ холодныя *горницы* и на темныя *повѣти*. Но старые люди согрѣваютъ свои кости на печахъ и по лѣту. Койки бываютъ широкія, *двухспальныя кровати*, изъ простаго дерева, токарной работы, именуемыя *конъками; примостки* низкія, одномѣстныя, неподвижныя кровати, устраиваемыя въ боковыхъ стѣнахъ близь пороговъ; *полати*, печи, подпечки, полы. Кровати съ двумя постелями, множествомъ подушекъ, простынею и одѣяломъ, нерѣдко бываютъ за *пологомъ* (завѣсомъ) ситцевымъ, пестрядинымъ или холщевымъ; но такія кровати болѣе стоятъ въ горницахъ почти безъ употребленія, только напоказъ, что хозяева знаютъ же роскошь. *Мѣста* (постели) состоятъ изъ холщевыхъ, пестрядиныхъ и матрацныхъ тиковыхъ *поволокъ*, набиваемыхъ соломой, оленьею шерстью, птичьимъ перомъ и полупушьемъ; у бѣдныхъ же постелями служатъ оленьи шкуры (онѣ и называются просто постелями), но чаще всего никакихъ постелей не бываетъ, а спятъ на разложенной соломѣ, или собирая подъ себя и въ *изголовье* грязную одежду и укрываясь ею, или же спятъ прямо на голыхъ доскахъ почти такъ, въ чемъ мать родила. — Подушки и покрывала бѣдныхъ теперь извѣстны; *подушки* же у зажиточныхъ бываютъ: холщевыя, пестрядиныя, тиковыя и цвѣтныя, разныхъ ситцевъ, наполняемыя тѣмъ же, чѣмъ набиваются постели, а *покрывалами*, или *окуткою*, служатъ ситцевыя одѣяла, суконныя на овчинномъ мѣху *одъяльницы*, *пасяки*, шерстяныя одѣяла, а болѣе всего верхняя самихъ спящихъ одежда. Постлать на постелю *простыню* холщевую или полотняную съ кружевами—составляетъ уже нѣгу раскошнаго жителя, и ею довольствуются только молодые въ медовый мѣсяцъ.

Крестьяне работаютъ и отдыхаютъ чрезъ правильные промежутки, дѣлая при этомъ различіе между днемъ и ночью. Они акуратно сохраняютъ этотъ обычай (исключая женщинъ, которыя просиживаютъ зимніе вечера за пряжей и вязаньемъ, почти до полуночи, съ огнемъ), такъ что ложатся спать между 7 — 11 часами вечера, т. е. съ *закатомъ солнца*, чтобы встать пораньше, а на утро въ домахъ и на улицахъ все оживаетъ лѣтомъ съ 3-хъ, а зимою съ 6-ти часовъ по полуночи, т. е. встаютъ *съ восходомъ солнца* *).

Бѣлье крестьянами смѣняется чистымъ отнюдь не болѣе одного раза въ недѣлю; въ дорогѣ же бѣлье служитъ безсмѣнно до мѣсяца. Бѣлье *стирается* (моется) женщинами мыломъ въ выдолбленныхъ глубокихъ *корытахъ,* при чемъ грязь изъ нихъ сливается въ *лохани;* послѣ мытья *на нѣсколько водъ,* бѣлье складывается въ глиняные кубы, которые, закрывъ дранками (лучинками), ставятъ *парить* въ *печки* до вечера или до утра; послѣ паренья бѣлье вынимается изъ кубовъ, снова вымывается *щелокомъ* и ополаскивается въ корытахъ, а затѣмъ складывается въ корзины, или напалки, чрезъ плечо и сносится или свозится на водовозныхъ салазкахъ къ рѣкѣ, озеру или ручью и тамъ *выполаскивается* водою: лѣтомъ съ береговъ или плотовъ, а зимою въ *полоскательныхъ прорубяхъ* (мойнахъ). Но у многихъ прачекъ этого не соблюдается: мытье у нихъ состоитъ въ томъ, что бѣлье кладется въ лохань, гдѣ налита горячая вода, бьется тутъ толстою, здоровою палкою и потомъ *полощется* въ рѣкахъ, озерахъ и ручьяхъ, или же *вымывается омойками* въ шайкахъ въ баняхъ. Прошедъ воды, бѣлье развѣшивается на жердяхъ, либо веревкахъ, на улицѣ, въ сѣняхъ, повѣтяхъ, чердакахъ и избахъ; далѣе заносится въ избы и въ нихъ, или на печахъ, просушивается окончательно. По просушкѣ бѣлье катается ручными катками, называемыми катальными палками, которыя женщинами иногда берутъ къ полосканію и вальками колотятъ бѣлье на льду или бревнахъ и доскахъ.

Кто живетъ домкомъ, у того, разумѣется, водится и утварь. Она водится не у всѣхъ однообразная и не у всѣхъ одинаковая,—у однихъ ее болѣе, у другихъ менѣе, смотря по зажиточности хозяина, по степени домоводства по величинѣ семьи и т. д. Каждая вещь, каждая *посудина* въ народѣ носитъ множество различныхъ названій, по разнообразнымъ устройствамъ, видоизмѣненіямъ и употребленіямъ, такъ что все узнать и описать стоило бы большаго труда.

Непремѣнная принадлежность дома: св. образа, кресты или распятія (о нихъ сказано подъ рубрикою горенки); лампадки (лампады) мѣдныя и стеклянныя, на желѣзныхъ и мѣдныхъ цѣпочкахъ; паникадила мѣдныя, на такихъ же цѣпяхъ; кадила мѣдныя ручныя; деревянныя точеныя ладонницы; божницы занавѣски у оконъ и печей; завѣсы солнечныя; грядки, полки, пылицы, прилавки полати, лапы, скамьи, скамейки, стулья и стульчики,

---

*) Есть прибаутка: рано встать — зайцы застать; подольше поспать—живота належать.

столы деревянные. наблюдники деревянные, шкафы деревянные съ полками и съ стеклами комоды, кровати, рукомойники глиняные съ однимъ носкомъ; рукомойники зеленой и красной мѣди съ двумя носками; тазы изъ зеленой и красной мѣди, бѣлаго желѣза, красной глины *) и изъ дерева; зеркала съ разными арабесками; утиральники у зеркалъ и печей: холщевые съ узорами и полотняные съ кружевами, салфетки и скатерти на столахъ, бѣлыя, чистыя или съ цвѣтками и камчатныя; картины, портреты, часы (см. горницу).

Къ убору идутъ: подсвѣчники, жестяные, мѣдные и желѣзные; съемцы (щипчики свѣчные), желѣзныя и мѣдныя; сальники глиняные.

Складочные приборы (кромѣ полокъ, шкафовъ и наблюдниковъ) суть лари и ларцы; сундуки, простые и дубовые, въ которыхъ запирается лучшее имущество; ящики и ящички, обитые желѣзомъ и съ замками (въ меньшемъ видѣ сундуки), въ которые складывается женщинами одежда, холстъ, пряжа и т. п.; деревянныя коробейки на тотъ же предметъ употребляемыя; коробки, корзинки, плетюхи, зобенки, двоеуши или двоеручные короба; кузовы и пехтери, бочки: сороковки, тресковки, (водовозныя) и сельдянки; чаны (кади); кадцы (кадки) поддоны (обрѣзы отъ сороковокъ); баклажки (простые боченки); *боченки* дубовые; дуплянки; фляги мѣдныя (для вина), ушаты деревянные, туесы (бураки) берестяные; доильницы и подойники деревянные; лагуны деревянные съ цѣдилками; *лагуши* и ведра, шайки, лохани и лоханки деревянныя, корыта (см. мыльни); холщевые мѣшки; кувшины глиняные; бутылки разноцвѣтныя, стеклянныя; графины хрустальные и стеклянные; мѣрные стекольные косушки, полуштофы и штофы.

Пекарная посуда: лукошки и хлѣбни лубочныя для муки; рѣшета и сита (см. пищу); квашни и квашенки деревянныя; мутовки деревянныя; крупники, лопатки, которыми выскребаются квашни, т. е. отдѣляютъ тѣсто изъ квашни для печенія хлѣбовъ; коробки берестяныя; скалки (вальки).

Поваренныя: чугунники, мѣденники (желѣзные и мѣдные котлы большіе и малые); горшки глиняные, черные и муравленые; сковороды и сковородки; кострюли красной мѣди; маслянники красной глины; поварени или почерпушки, мѣдныя, желѣзныя, жестяныя и деревянныя; сѣчки желѣзныя съ деревянною рукоятью; сѣчки для капусты и т. п. ложки столовыя, деревянныя; **) ножи, желѣзные и стальные, столовые и кухонные, съ деревянными и костяными черенками *); вилки, солоницы (солонки): мѣдныя, глиняныя, стеклянныя, деревянныя съ накрышками **) и берестяныя (коробки); воронки (лейки) желѣзныя, жестяныя и мѣдныя; ковшики (ковши) мѣдные и бѣлаго желѣза; порочки (деревянные ковши), даже подносы и кофейники.

Печныя: заслонокъ (заслонъ) желѣзный; ухваты желѣзные; крюкъ (кочерга) желѣзный; щипцы угольные, желѣзные; сковородникъ (схватъ) желѣзный; хлѣбная лопатка, деревянная; боровикъ (помело) изъ вереса; судомойка деревянная; лучевникъ (тупой ножъ безъ черна); коромысло деревянное; вѣникъ ***), лиственный изъ березовыхъ вѣтвей) вѣхти, поганый (половой) и чистый (посудный) изъ надранной мочалы; метлы березовыя; уполовники, рогожи и циновки; тертуха желѣзная; фонари: деревянные со стеклами и желѣзные со слюдою. Ножишко-лученникъ, обломокъ косы для щепанья лучины.

Столовая посуда: блюдье (блюды) бѣлой и красной глины и оловянныя малыя и большія ****); латки изъ красной глины *****); миски (мисы) оловянныя; чаши (чашки) и ставцы деревянные, бѣлой фарфоровой и красной глины; тарелки деревянныя и бѣлой глины; квасныя кружки деревянныя, оловянныя и изъ красной и бѣлой глины; хлѣбный ножъ.

Закусочный приборъ: (кромѣ графиновъ, бутылокъ и питейной посуды) братыни жестяныя и мѣдныя; стаканы хрустальные, оловянные и мѣдные; шкальчики и рюмки стеклянныя.

Чайный приборъ: самовары красной и зеленой мѣди съ трубами, комфорками и крышками; подносы желѣзные, малые и большіе; стаканы стеклянные и хрустальные, съ блюдцами бѣлой глины; чайныя чашки съ блюдечками ******), кумки (стаканы съ ручками) изъ бѣлой глины; чайники мѣдные, бѣлой глины и красные съ чернымъ фономъ; чайницы мѣдныя, желѣзныя, стеклянныя и деревянныя; сахарницы бѣлой глины, хрустальныя и деревянныя *******); молочникъ бѣлый; чайныя ложки: серебряныя, оловянныя и мѣдныя.

---

*) Поля и бокъ стѣнъ гончарной посуды, сверхъ свинцовой полировки, украшаются разными фигурами: лошадей, рыбъ, звѣрей, лѣсовъ, цвѣтовъ и концентрическихъ круговъ.

**) Ложки дѣлаются желтыя, разнокалиберныя, нерѣдко съ рисунками цвѣтовъ, рыбъ и съ разными стихами, прибаутками и молитвами.

*) Крестьяне сами отлично дѣлаютъ черенки изъ корельской березы, или витые изъ проволоки, и притомъ навсегда прочные.

**) Сололонки и сахарницы выдѣлываются изъ дерева, въ видѣ птицъ съ крыльями, хвостами и головами.

***) Вѣники каждымъ домомъ заготовляются на всю зиму въ достаточномъ количествѣ, отчасти въ Іюнѣ, а болѣе въ Іюлѣ.

****) Блюдъ и стакановъ болѣе всего бываетъ изъ посуды оловянной. Блюда старинныя.

*****) Дѣлаются въ видѣ рыбы съ носками, какъ бы головой и хвостомъ.

******) На чашкахъ и блюдцахъ рисунки цвѣтовъ, лѣсовъ, судовъ лошадей, коровъ, пастуховъ, замковъ, домовъ и разныхъ видовъ живописи.

*******) Кромѣ того украшаются надписями: „въ знакъ любви“ и „въ день ангела“.

Кстати уже сказать о постройкахъ церквей, колоколень, часовень и крестовъ.

Какъ въ древней Россіи *церкви* были главнымъ украшеніемъ посадовъ, такъ и нынѣ онѣ придаютъ великолѣпіе деревенскимъ поселеніямъ. Онѣ становятся почти всегда въ самой срединѣ села, на широкой площади и на болѣе видныхъ мѣстахъ, у проѣзжихъ дорогъ на возвышенномъ (лобномъ) мѣстѣ, или необрушающемся угорѣ, при чемъ подлѣ многихъ храмовъ выросли деревья, преимущественно же заповѣдныя ели. Постройка церквей болѣе старинная и всѣ на одинъ или два плана; фасадъ, разумѣется на востокъ. Церкви здѣсь небольшія, деревянныя. Ходъ въ церковь бываетъ всегда одинъ съ крытымъ крыльцомъ, на которое ведутъ одна или двѣ лѣстницы съ перилами. На крыльцѣ бываетъ скатъ, и рѣдкія церкви обшиты досками, и потому почернѣвшія стѣны ихъ носятъ на себѣ отпечатокъ древности. Крыши тесовыя, гладкія, у нѣкоторыхъ же чешуисто-рѣзныя. Всѣ церкви одноглавыя, исключая нѣкоторыхъ соборныхъ. Куполы круглые у нѣкоторыхъ покрыты бѣлымъ желѣзомъ, отражающимъ лучи солнца, но чаще деревянные. Оконъ въ церквахъ бываетъ довольно много; но всѣ они небольшія, въ родѣ употреблявшихся въ старину; у нихъ съ внутренней, либо съ наружной, стороны вбиваются фигурныя и простыя желѣзныя рѣшетки. Архитектура церковныхъ зданій вообще проста, и ничто въ нихъ не представляетъ какой либо художественной особенности *). Ограды у церквей вездѣ деревянныя, рѣшетчатыя, обветшалыя, а у нѣкоторыхъ и никакихъ нѣтъ.

Церковныя колокольни построены или въ совокупности съ зданіемъ храмовъ, или отнесены особо не подалеку отъ церквей. Колокольни вездѣ деревянныя, срубчатыя, о 4-хъ и 8-ми углахъ. Архитектура ихъ тоже устарѣлая. Колокола очень не большіе, и вѣсомъ и числомъ.

Часовни становятся на лобныхъ же мѣстахъ въ селеніяхъ, или на почитаемыхъ по преданіямъ. Вездѣ онѣ деревянныя, самого простаго вида съ одною главой, или съ однимъ воздвизальнымъ крестомъ, съ голыми, и кое-гдѣ обшитыми досками, бревенчатыми, стѣнами и однимъ ходомъ. Часовнями же считаются и простые амбары съ иконами, выстроенные на пустопорожнихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя часовни обнесены оградами: либо изъ точеныхъ балясъ, либо гладкими, но окрашенными. У часовень бываетъ по одному и по два колокольца, привѣшанныхъ къ столбу, подъ прикрытіемъ доски на два ската.

Кромѣ сооруженія церквей и часовень, у народа есть весьма распространенный обычай — ставить деревянные *кресты* и столбы, называемые часовенками. Ихъ ставятъ по краямъ улицъ, при въѣздахъ въ деревни, на дорогахъ, при перекресткахъ, на почитаемыхъ почему-либо мѣстахъ, на сѣнокосахъ, въ лѣсныхъ рощахъ и другихъ пустынныхъ мѣстахъ. Они нерѣдко обносятся невеликими оградками. Въ крестахъ просто вырѣзывается изображеніе распятія, а въ столбахъ вкладываются литые, мѣдные воздвизальные кресты, иконы простыя, или съ окладами, въ ризахъ и кивотахъ. Иконы задергиваются *пеленами* и сверхъ ихъ иногда привѣшиваются куски разной матеріи, узорчатаго полотна или холста, на которыхъ вышиваются кресты.

*) Монастырскіе храмы не идутъ тутъ въ счетъ.

Кромѣ этихъ извѣстій въ дополнительныхъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ г. Ивановымъ, имѣются отрывочныя, но иногда не безполезныя замѣтки о постройкахъ и домовой обстановкѣ въ селахъ Пинежскаго уѣзда. Приводимъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ представлены авторомъ:

— Въ каждомъ крестьянскомъ домѣ бываетъ только по одному столу. Исключенія, очень рѣдкія, встрѣчаются лишь въ домахъ, устроенныхъ и убираемыхъ на городской манеръ.

—Полы въ избахъ мостятъ пластинами—досками, которыхъ изъ одного дерева выходитъ только двѣ.

— Избы въ зимнее время такъ сильно натапливаютъ, что для непривычнаго къ тому невозможно быть въ нихъ.

— Для освѣщенія лучина употребляется березовая и сосновая, послѣдняя по преимуществу. Отъ нея распространяется сильный дымъ, заѣдающій глаза.

— Постели и подушки въ деревняхъ больше всего набиты шерстью. Здѣсь, гдѣ такъ значителенъ птичій промыселъ, надо было бы полагать больше этихъ вещей изъ пера и полупушья, но оказывается напротивъ, потому что дичь жители употребляютъ въ пищу себѣ рѣдко, а почти всю проводятъ въ отвозъ.

— Постели для очистки отъ такихъ насѣкомыхъ, какъ вши, выносятъ зимою на сѣни, гдѣ онѣ и уничтожаются силою мороза.

— Станокъ, на которомъ ткутъ холстъ или сукно, занимаетъ чуть не полжилища.

— Иконы въ жилищахъ размѣщаются по красотѣ: въ кіотахъ и въ окладахъ образа ставятся въ горницы, а досчаные образа—въ жилыхъ избахъ.

— Посуда хорошая бываетъ разукрашена цвѣтами, отводками, краями, каемками, узорами.

— Ножи употребляются вообще простые; но оправы изъ какихъ-либо металлическихъ композицій, кромѣ развѣ свинцовой наливки на концахъ у лезвія и закрѣпы, да желѣза или мѣди для укрѣпленія, небываетъ.

— Ставни бываютъ больше одиночные и рѣдко створчатые.

— Какъ ни хороши въ губерніи жилищныя постройки вообще, но среди ихъ встрѣчаются хижины, точно шалаши, на столько бѣдныя, что удивляешься, какъ человѣкъ можетъ въ нихъ жить.

— Стеколъ въ окнахъ больше изломанныхъ чѣмъ цѣльныхъ отъ того, что, какъ извѣстно, стекло легко лопается во время сильныхъ зимнихъ морозовъ.

— Въ деревняхъ рѣдко найдете оштукатуренные внутри дома; но все же есть и такіе.

— Во многихъ крестьянскихъ домахъ, проконопачиваемыхъ дурно, несетъ изъ стѣнъ, изъ подоконниковъ и косяковъ, съ пола и изъ входныхъ дверей.

— Глыбы льда для погребовъ называются кабаны.

— Въ деревняхъ встрѣчаются дома безъ крышъ, квадратные, въ одно бревно длиною, съ однимъ или двумя окнами по срединѣ, а кругомъ ни кола, ни двора.

— Въ кузницахъ работаютъ также подковы для лошадей, подковные гвозди и проч.

— Вѣтряныя мельницы бываютъ выстроены и на девяти точкахъ (стоячихъ деревахъ), о двухъ и объ одномъ поставѣ.

— На верху крышъ ставятся деревянные коньки, изображающіе голову лошади или телку,—одну ея голову; но коньки случаютъ также украшеніемъ и внутри избъ, около печи и у божницы.

— Бѣлила для печей дѣлаютъ иногда съ водою, съ примѣсью молока.

— Къ праздникамъ мало того, что очищаютъ грязь дресвой и пѣскомъ,—столы, стулья, скамейки, стѣны и проч. оскабливаютъ ножами.

— Сѣни, сѣнникъ и все прочее, соединяющееся подъ одними хоромами, называется подворьемъ.

— Есть въ избахъ окна, вдѣланныя въ пазы и по пазамъ задвигаемыя и отворяемыя.

— Скамьи въ крестьянскихъ избахъ одними концами сходятся въ углахъ ихъ, а другими расходятся врозь вдоль стѣнъ.

— Въ зимнее время при крыльцѣ или у воротъ всегда лежатъ два-три вѣника или метлы, которыми опахиваютъ снѣгъ съ сапоговъ или катанокъ.

— Волоковыя окна—съ задвижными ставнями внутри. Нынѣ ихъ нѣтъ здѣсь, или есть, но рѣдко.

— Пивоварни, или строенія, въ которыхъ цѣлыя деревни варятъ пиво на праздники, называются поварнями.

— Терпугъ—крупный рѣдкій напилокъ (напильникъ.)

— Въ верху уѣзда употребляются, вмѣстѣ половиковъ и рогожъ, плетеные изъ дранницы ковры (плетеные такъ же, какъ корзины).

— На повѣтяхъ отъ дыръ, прорубленныхъ въ полу повѣтей (потолокъ хлѣвовъ), идутъ такія же дыры, прорубленныя въ стѣнахъ. Когда же хлѣвъ устроенъ отдѣльнымъ строеніемъ, тогда изъ дыръ въ потолкѣ пропускаются деревянныя трубы. Это дѣлается для того, чтобы не задерживать въ хлѣвахъ зловредные газы.

— Для молоченія и вѣянія хлѣба близъ овиновъ устраиваются обыкновенные глиняные токи: выравниваютъ и утрамбовываютъ землю и потомъ кладутъ жидко размятую глину, съ малой примѣсью песку, потомъ гладко заравниваютъ; въ какомъ видѣ замерзнувъ, токъ дѣлается твердымъ и гладкимъ.

— Очень нерѣдко связанные пучки соломы приколачиваются у входныхъ дверей съ внутренней стороны, т. е. со стороны, ведущей изъ избы, для того, чтобы тепло не могло сквозникомъ въ затворѣ выходить изъ избы въ сѣни.

— Красное окно — окно со стеклами, въ отличіе отъ волокового,—свѣтлое, какъ красная изба съ большими окнами свѣтлица.

— Засѣки, или сусѣки, и закромки устраиваются по бокамъ или внутреннимъ стѣнамъ амбаровъ.

— Прясла нерѣдко устраиваются у самыхъ деревень, смежность постройками; но большею частію нѣсколько вдали.

— Кузнечные мѣхи состоятъ изъ двухъ досокъ съ дырой на верху и двухъ (по бокамъ) сжимаемыхъ кожъ, съ желѣзнымъ дуломъ, наклоненнымъ къ горну. Чтобы получить непрерывный токъ воздуха на огонь дѣйствуютъ рукою по очередно: то той, то другой.

— Кринки и горшки, для непроницаемости, муравлятся дегтемъ и свинцемъ

— Въ недавнее время вошли въ употребленіе дешевенькіе стѣнные часы (1 р.—1 р. 20 к.) мастерскихъ Гаврилова и Главинскаго.

— Входы въ домахъ дѣлаются наиболѣе съ праваго боку. Такъ если домъ стоитъ глазами къ востоку, то ворота ищите на югъ.

— Употребительные стулья дѣлаются нѣсколько въ видѣ стоящей лошади: спинка съ длинными ножками такъ и кажется передомъ лошади, а закорточки отъ ножекъ на верху — ея уши, спинка — шея, сидѣнье—спина и задница, нѣсколько расширяющаяся.

— Бани сооружаются болѣе изъ старья, т. е. изъ лѣса, бывшаго въ постройкѣ потомъ разрушенной.—Иногда до такой степени парятся вѣниками, что не скидываютъ рубашки, а для сѣченія нанимается постороній человѣкъ, который надѣваетъ себѣ на руки рукавицы.

— Амбары нерѣдко сооружаются на столбахъ съ шейками (въ видѣ урны), называемыхъ гребнями.

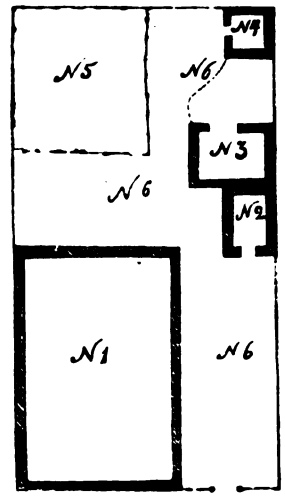
— Внутри домовъ стѣны обтесываютъ нагладко; но при этомъ необтесанными оставляютъ два или три бревна отъ потолка и два или три бревна отъ полу.

— Свящ. Андрей Костылевъ въ „Губ. Вѣд.“ пишетъ: „годовъ десятка полтора назадъ, почти по всему Пинежскому уѣзду, молодой скотъ держали въ тѣхъ же избахъ, въ которыхъ и сами жили. Теперь этотъ обычай, по низу рѣки Пинеги и около города Пинеги, вывелся уже. Для скота тамъ настроили особенныя избы, которыя называются скотными. Но что касается до отдаленной Тимешинской волости, лежащей въ самомъ углу уѣзда и въ захолустьѣ, обычай жить со скотомъ вмѣстѣ вполнѣ сохранился. Внѣшнимъ видомъ здѣшніе дома не отличаются отъ крестьянскихъ домовъ всего уѣзда. Домъ по большей части состоитъ изъ двухъ избъ, подъ одною кровлею. Прямо противъ дома — колодезь съ трубой (желобомъ) притянутой въ избу. Внутренность дома представляетъ для невидавшаго удивительную картину. Близъ входа въ избу стоитъ большой чанъ съ соломой, залитой горячею водой, а кругомъ его—скотъ. Коровъ загоняютъ въ избу только на день, на ночь же выгоняютъ ихъ во дворъ. Что же касается до молодаго рогатаго скота, то этотъ живетъ постоянно въ избѣ. Отъ житья скота грязь въ избахъ ужасная, а отъ грязи одежда крестьянъ и сами они очень—очень грязны. Еслибы такъ жили бѣдные,—имъ бы еще, такъ и сякъ, простительно; но такъ живутъ и зажиточные, богатые крестьяне“ (Губ. Вѣд. 1870 г., № 36). Наше слово: О. Андрей сказалъ вѣрно!....

Послѣ приведеннаго нами описанія домовыхъ построекъ и домашней обстановки сельскаго населенія въ Пинежскомъ уѣздѣ, мы можемъ привести здѣсь выдержки изъ двухъ статей, касающихся Шенкурскаго уѣзда: а) А. Шадрина—чертежи крестьянскихъ домовъ и усадьбъ; б) Свящ. Стефана Мефодіева — описаніе села Усть-Пуи. Чертежи Шадрина представляютъ избы, весьма распространенныя въ деревняхъ удѣльнаго вѣдомства. Вотъ они.

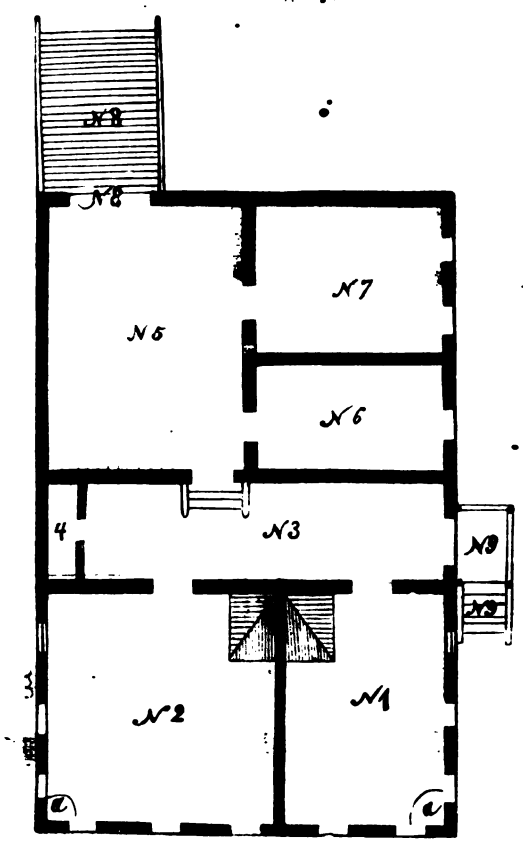
I. **Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилыя и нежилыя строенія, принадлежащія крестьянину деревни Верхолецкой слободки, Великониколаевскаго волостнаго правленія, Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.**

Планъ усадьбы.

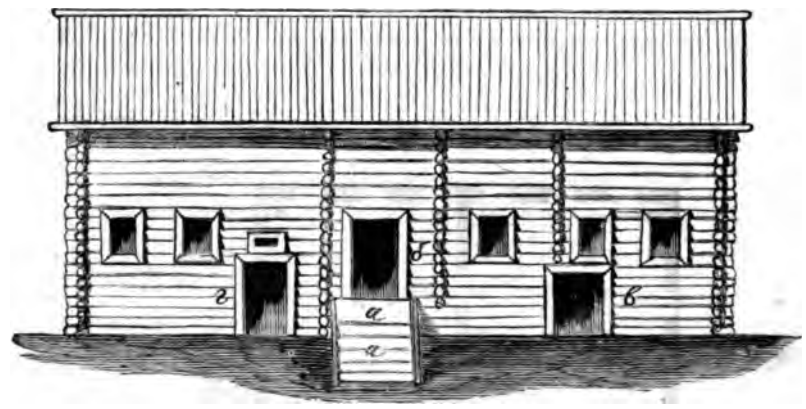


Масштабъ къ плану усадьбы.

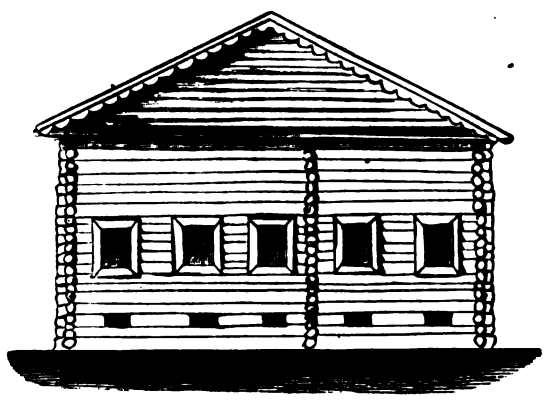
Планъ дому.



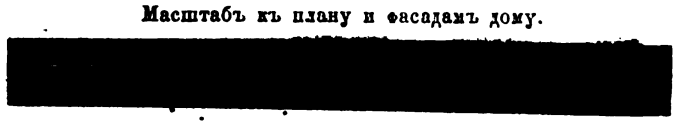
Фасадъ съ боковой стороны.



Фасадъ съ лицевой стороны.

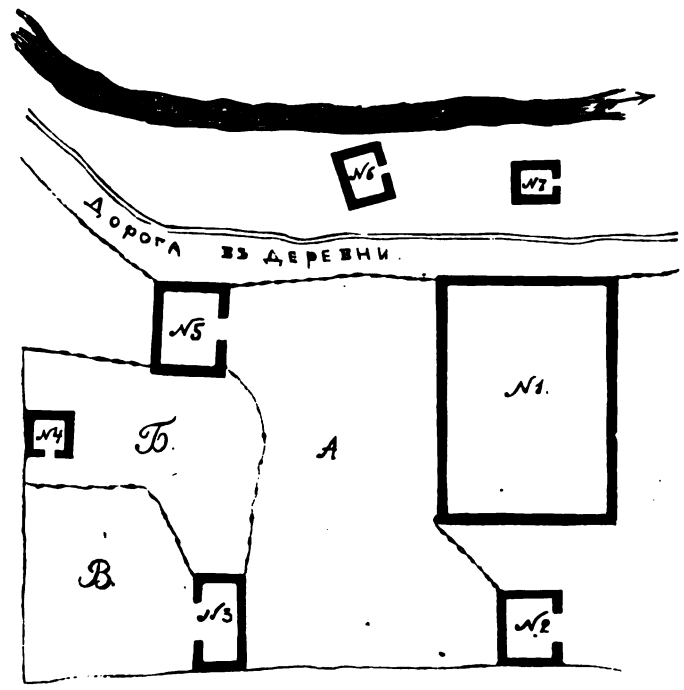


Масштабъ къ плану и фасадамъ дому.

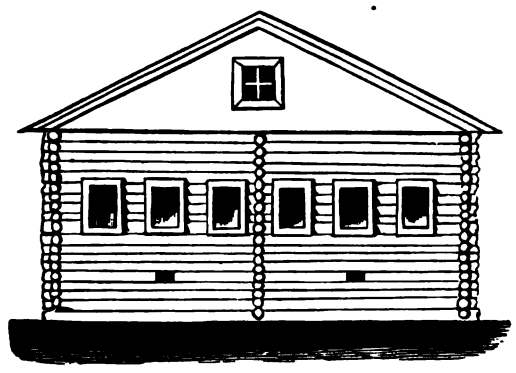


II. Планъ усадебной земли, на которой стоятъ жилыя и нежилыя строенія, принадлежащія крестьянину Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губерніи), Тарасовской волости, Церковническаго прихода деревни Майнемы.

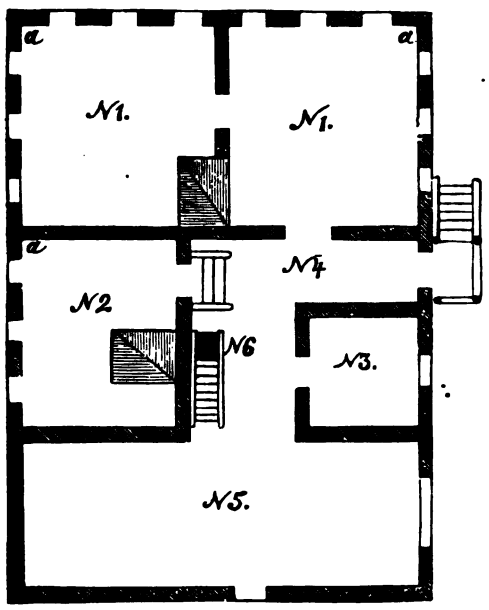
Планъ усадьбы.



Фасадъ.



Планъ дому.



Масштабъ къ плану усадьбы.

Фасадъ съ боковой стороны.

Масштабъ фасадамъ и плану дома.

ОПИСАНІЕ I.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ серединѣ деревни по проселочной дорогѣ, лежащей въ Тарасовскую волость, Церковническаго прихода, при рѣкѣ Леди, въ разстояніи отъ оной въ 20 саженяхъ. Внутреннія и наружныя принадлежности дома плотничной работы, а рамы или оконные переплеты постройки столярной работы.

№ 1 домъ, № 2 погребъ или ледникъ, № 3 гумно, № 4 овинъ, № 5 огородъ и № 6 дворъ. Баня построена на берегу рѣки Леди противъ дома.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 изба съ русскою печкою, кругомъ избы обыкновенныя крестьянскія лавки; въ большомъ углу *а* простой столъ. По всѣмъ стѣнамъ надъ окнами полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. При входѣ въ избу надъ дверьми до воронца палати. У стѣны, отдѣляющей вторую избу, предъ окномъ, ближе къ углу, тоже поставленъ столъ, а возлѣ него простой шкафъ, въ которомъ хранится разная глиняная посуда, какъ-то: тарелки, блюда, кринки и т. под. Изба № 2, она совершенно того же вида и убранства, какъ и первая, имѣетъ тоже русскую печку, лавки, полки и палати, простой столъ, который поставленъ въ большой уголъ *а*, передъ нимъ скамья, а у стѣны въ недальнемъ разстояніи отъ печки сдѣланъ прилавокъ въ видѣ шкафа—довольно широкій. № 3 сѣни, № 4 ретирада, № 5 повѣть, № 6 клѣть и № 7 холодная изба безъ печки. Три послѣдніе помѣщенія построены выше трехъ первыхъ на три четверти аршина. Повѣть служитъ, какъ для свалки сѣна, такъ и для храненія приготовленныхъ подъ наливъ смолы бочекъ. № 8 ворота со въѣздомъ на повѣть и № 9 крыльцо съ помостомъ на столбахъ съ наружной стороны дома.

ПО ФАСАДУ СЪ БОКОВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Подъ лит. *а* крыльцо съ улицы, *б* дверь во внутренность дома, *в* дверь въ подъизбицу или кладовыя, *г* ворота въ скотный дворъ, гдѣ помѣщаются: хлѣвъ, телятникъ, овчарня и конюшня.

ПО ФАСАДУ СЪ ЛИЦЕВОЙ СТОРОНЫ ДОМА.

Лицевая сторона дома заключаетъ пять красныхъ оконъ съ лѣтними переплетами; они съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Въ подъизбицѣ имѣется тоже пять малыхъ оконъ въ видѣ слуховыхъ, которыя въ зимнее время задѣлываются деревянными плашками съ войлокомъ. Особенной отдѣлки или украшеній, какъ внутри, такъ и съ наружи дома нѣтъ.

ОПИСАНІЕ II.

ПО ПЛАНУ УСАДЬБЫ.

Домъ построенъ въ концѣ деревни Майнемы, при дорогѣ, лежащей въ прочія деревни этого прихода. Внутренніе и наружные предметы дома плотничной работы, а оконные переплеты столярной.

№№ 1 домъ, 2 сарай, гдѣ хранятся земледѣльческія крестьянскія орудія, а также тѣлеги и сани, 3 гумно, 4 овинъ, 5 амбаръ для хлѣба, 6 баня обыкновенная крестьянская и 7 погребъ или ледникъ; подъ лит. *А* огородъ, *Б* конопляникъ и *В* пашня.

ПО ПЛАНУ ДОМА.

№ 1 первая и вторая избы съ русскою печкою. Кругомъ стѣнъ сдѣланы обыкновенныя крестьянскія лавки, шириною до 10 вершковъ. Въ большомъ углу *а* простой столъ, передъ нимъ скамья, тоже и во второй избѣ, которая служитъ кухнею. Выше оконъ въ обѣихъ избахъ, кругомъ стѣнъ сдѣланы полки, служащія для поклажи разныхъ предметовъ. Надъ дверьми при входѣ въ первую избу сдѣланы палати. Во второй избѣ имѣется простой шкафъ для храненія посуды, онъ стоитъ у стѣны, отдѣляющей одну избу отъ другой. № 2 тоже изба съ русскою печкою, эта изба построена выше прочихъ на ½ аршина. Въ ней тоже имѣется вдоль стѣнъ лавки, въ большомъ углу *а* столъ, передъ нимъ стулья, а около печки простой диванъ; къ стѣнѣ, отдѣляющей повѣть, сдѣланы полки въ три ряда, на оныхъ хранится чайная посуда. № 3 клѣть, № 4 сѣни, № 5 повѣть, № 6 люкъ съ лѣстницею внизъ, служащая входомъ въ скотный дворъ.

ПО ЛИЦЕВОМУ ФАСАДУ.

Лицевая сторона дома, состоитъ изъ шести оконъ, которыя съ наружной стороны затворяются одностворчатыми ставнями. Окна имѣютъ одни лѣтніе переплеты, каждый переплетъ заключаетъ шесть стеколъ. Въ чердакѣ одно окно съ переплетомъ въ четыре стекла. Внизу подъ красными окнами имѣется два слуховыхъ окна, чрезъ которые проходитъ свѣтъ въ кладовыя или въ подъизбицы.

ПО БОКОВОМУ ФАСАДУ.

Подъ лит. *а* крыльцо съ улицы, при немъ помостъ на столбахъ, *б* дверь служащая входомъ во внутренность дома, *в* наружная дверь въ кладовыя или въ подъизбицу, *г* дверь (ворота въ скотный дворъ, конюшню и въ хлѣвъ и *д* ворота на повѣть со въѣздомъ.

Переходимъ къ статьѣ свящ. Ст. Меѳодіева, подтверждающей и дополняющей свѣдѣнія, ссбранныя П. А. Ивановымъ. Въ ней относительно предмета, насъ занимающаго, сказано слѣдующее:

Всѣ дворы деревень Усть-Пуйскаго селенія, за небольшими исключеніями, расположены параллельно, имѣя разстояніе одинъ отъ другаго отъ 5 до 10 саженъ. Постройки фасадами не одинаковы, смотря потому, на какой сторонѣ рѣки Ваги онѣ находятся. Постройки, лежащія на правой сторонѣ рѣки, обращены лицевою стороной на западъ, а лежащія на лѣвой на востокъ. Впрочемъ есть и незначительныя исключенія, напримѣръ въ такъ называемыхъ деревняхъ: Перегородинской и Бѣлавинской, какъ видно, каждый житель, устроя себѣ жилище, располагалъ фасадомъ своей постройки по личному усмотрѣнію. Амбары, овины, бани, а кндѣ и пивоварни устроены большею частію въ сторонѣ. Всѣ улицы села, при разнообразномъ направленіи, имѣютъ болѣе или менѣе прямое расположеніе.

Избы и прочія вышеименованныя хозяйственныя постройки устроены всѣ изъ дерева. Наружность домовъ довольно несоразмѣрна. Несоразмѣрность эта замѣчается въ томъ отношеніи, что дома, при ихъ громадной длинѣ и порядочной ширинѣ, очень низки, и потому помянутыя зданія по наружности представляютъ очень сплюснутый видъ. Длина описанныхъ зданій простирается среднимъ числомъ до 15 печатныхъ саженъ, ширина отъ 7 до 9, вышина отъ 4 до 6 саженъ. Верхніе ряды бревенъ, на которыхъ утверждается крыша, и самая крыша, вмѣстѣ взятыя, на языкѣ здѣшняго навода называются *сараемъ*. Крайнія корытообразныя бревна, придѣлываемыя къ противоположнымъ концамъ крыши, опускающимся надъ окнами дома, и приспособленныя къ тому, чтобы по нимъ удобнѣе могла стекать дождевая вода, обыкновенно называются *потокомъ*, (въ имен. пад. *потокó*); а вбитые въ ряды стѣнъ деревянные кряжи, поддерживающіе потоко съ крышею, носятъ названіе *куриць*. Верхнее бревно, отесанное треугольникомъ и полагаемое обыкновенно на вершинѣ зданія, называется двояко: или *охлупнемъ*, или *князькомъ*. Вся же совокупность бревенъ, входящихъ въ составъ жилой части описываемыхъ зданій, называется *стопою*.

При входѣ чрезъ ворота на мостъ, замѣняющій мѣсто сѣней, тутъ же на виду помѣщается открытое отхожее мѣсто. Большую часть остальнаго пространства двора занимаетъ такъ называемая *повѣть*, которая, не извѣстно почему, въ параллель отъ моста, почти у всѣхъ строится выше онаго. Кромѣ небольшой лѣстницы, ведущей съ моста на повѣть, остальное во всю ширину зданія, между мостомъ и повѣтью пустое пространство, какъ видно, имѣетъ назначеніе отхожаго мѣста. Повѣть, смотря по состоянію хозяевъ, занята различными предметами сельскаго хозяйства. Для храненія съѣстныхъ припасовъ на повѣти же устроивается чуланъ, называемый *клѣтью*.

Самыя комнаты, по назначенію своему, бываютъ двоякія: *зимнія* и *лѣтнія*, или по народному: *черныя* и *бѣлыя*. Зимнія избы устраиваются большей частью на задней, а иногда и на боковой части зданія. Въ стѣнахъ такого рода жилищъ, для клажи разныхъ мелочей изъ домашней утвари, сверху приколочены толстыя и оструганныя тесины, называемыя *воронцами*, снизу же *лавки*, назначаемыя обыкновенно для сидѣнія. Печи кладутся безъ трубъ. Для выхода же дыма, которымъ наполняется изба во время топленія печи, въ задней стѣнѣ надъ печью устрояется довольно широкое отверстіе, которое, по истопленіи печи и уходѣ дыма, немедленно закрывается столь же широкою доскою. Полъ и стѣны въ этихъ избахъ почти навсегда остаются грязными. Въ нѣкоторыхъ избахъ грязь тѣмъ болѣе умножается, что туда въ извѣстное время дня впускается рогатый скотъ для кормленія и доенія. Разумѣется въ такихъ избахъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ украшеній. У многихъ хозяевъ четвертая часть избы противъ печи отдѣляется перегородкою, называемою *шомушею*, въ углу которой, за печью, для молотья муки и крупы, у иныхъ хозяевъ устрояются и жернова.

Устройство лѣтнихъ компатъ нѣсколько благообразнѣе. Онѣ почти всегда строятся или въ верхнемъ этажѣ, или на лицевой сторонѣ зданія. При входѣ въ дверь, въ переднемъ углу съ правой стороны, если домъ лицевою стороной обращенъ на востокъ, или въ лѣвой — если на западъ, на приколоченномъ къ стѣнѣ карнизѣ, называемомъ божницей, стоятъ иконы посредственнаго письма *). Подъ ними приколочено къ стѣнѣ нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, а у болѣе состоятельныхъ хозяевъ, въ числѣ комнатныхъ украшеній, на стѣнахъ, въ сторонѣ отъ иконъ, помѣщаются изображенія знаменитыхъ русскихъ полководцевъ. Воронцы и лавки въ этихъ комнатахъ составляютъ также необходимую принадлежность. Хотя и въ лѣтнихъ комнатахъ полъ моется не очень часто, однако-жь эти комнаты гораздо чище зимнихъ, такъ какъ печи въ нихъ, для болѣе удобнаго выхода дыма во время топки имѣютъ трубы, и притомъ туда скотъ не впускается. Потолокъ, стѣны, а тѣмъ болѣе полъ какъ въ лѣтнихъ, такъ и въ зимнихъ комнатахъ, ни у кого и ничѣмъ не красятся. Болѣе зажиточные хозяева на лицевой сторонѣ зданія строятъ двѣ лѣтнія комнаты (избу и горницу), которыя извѣстны здѣсь подъ общимъ названіемъ *двойней*.

Устройство овиновъ неудобное. Одна половина стѣнъ

*) Въ зимнихъ избахъ иконы стоятъ также смотря потому, куда обращена лицевая сторона избы.

этого рода построекъ находится въ землѣ, другая поверхъ земли. Вровень съ землею устрояется бревенчатый потолокъ, верхняя сторона котораго, обитая довольно толстымъ слоемъ глины, называется *подомъ*. На *подъ* чрезъ небольшое отверстіе въ стѣнѣ накладываются назначаемые для молотьбы снопы хлѣба. А какъ въ овинахъ печи вовсе не кладутся, то хозяева для сушенія сноповъ, чрезъ проведенное снаружи углубленіе, спускаются подъ самое основаніе овина и тамъ раскладываютъ огонь. Во все время топленія овина дымъ и жаръ отъ огня, чрезъ довольно длинное и широкое на потолкѣ отверстіе, называемое *пазухою,* проходятъ прямо въ снопы. Такое устройство овиновъ имѣетъ свою выгоду развѣ въ томъ отношеніи, что жаръ огня, непосредственно проходя къ снопамъ, скорѣе сушитъ ихъ. Но это же устройство и неудобно, особенно потому, что, какъ признаются сами хозяева, при значительно сильномъ вѣтрѣ топленіе овиновъ соединено съ опасностью.

Амбары имѣютъ двоякое назначеніе. Собственно такъ называемые *амбары* устроиваются при гумнахъ *) для клажи туда соломы, остающейся послѣ молотьбы хлѣбныхъ растеній, и амбары, почти всегда называемые *житницами,* назначаемые для клажи зернового хлѣба. Въ амбарахъ, собственно такъ называемыхъ, существуетъ только одна перегородка, въ которую кладется мякина, остающаяся послѣ молотьбы. Въ житницахъ же находится нѣсколько перегородокъ, называемыхъ засѣками, куда, послѣ молотьбы, высыпаются сѣмена хлѣбныхъ растеній.

Устройство бань не отличается большимъ умѣньемъ. Предъ входомъ въ самую баню устрояются небольшія сѣни, гдѣ идущіе мыться раздѣваются. Въ томъ или другомъ углу отъ дверей кладется печь изъ сѣраго камня. Способъ топленія печей въ баняхъ такой же, какой въ зимнихъ избахъ. Отъ печи и далѣе на сторонѣ отъ печи вдоль передняго угла все пространство занимаетъ такъ называемый полокъ, ширина котораго ровна ширинѣ печи и на которомъ пребываютъ любящіе париться. Къ другой, противоположной полку и печи, стѣнѣ и къ незанятой полкомъ остальной части передней стѣны продѣланы небольшія прилавки, на которыхъ сидятъ моющіеся и стоятъ сосуды съ горячею и холодною водою.

Пивоварни, какъ показываетъ самое названіе, предназначаются для варенія пива. Онѣ бываютъ только у немногихъ хозяевъ. Внутри такого рода построекъ нѣтъ ни пола, ни потолка, однѣ пустыя стѣны. Надъ тѣмъ же мѣстомъ, гдѣ варится пиво, крыша на время варенія открывается.

Всѣ означенныя мелкія хозяйственныя постройки длиною отъ 2 до 3 саженъ, шириною отъ $1^1/_2$ до 2 саж., вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ саж. Крыши на нихъ или плоскія безъ охлупня, или съ охлупнемъ, отъ котораго отдѣляются двумя наклонными поверхностями.

Предметы, относящіеся къ домашней утвари жителей Усть-Пуи, почти общеизвѣстны, какъ по своему устройству, такъ и по назначенію. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны только своими мѣстными названіями.

Такъ какъ всѣ перечисленные о. Меѳодіевымъ предметы, принадлежащіе къ уходу за столомъ, печью и скотомъ, упомянуты были и въ описаніи Иванова, то мы и опускаемъ этотъ перечень. Но приведемъ принадлежности рукодѣлій:

а). Пряжи: прялицы (прялки), веретена, мутовила отъ 6 до 7 четвертей длиною, служащія для мотанія нитокъ.

б). Шитья: иголки, наперстки, ножницы.

в). Тканья: *станины,* длиною около 2-хъ арш., вышиною $1^1/_2$ арш., имѣютъ видъ двухъ двухъ-угольныхъ скобъ, съ того и другаго конца сколоченныхъ поперечными досками; *сволокъ,* длиною около аршина слишкомъ, на концахъ котораго находятся два толстыхъ, туго наложенныхъ круга, опредѣляющіе границы, до коихъ должны простираться нитки, свиваемыя для тканья; влагаемая въ задній конецъ станинъ *пришвица,* длиною равняется сволоку, одинъ конецъ ея довольно шарообразенъ, съ сквозными и крестообразными отверстіями; остальная же часть имѣетъ видъ круглой и довольно толстой палки, на бокахъ которой почти во всю длину ея находится сквозное отверстіе, куда влагается ткань, завиваемая вокругъ палкообразной части пришвицы, влагаемой въ передній конецъ станинъ; *притужальникъ*— довольно тонкая дощечка, шириною около ладони человѣческой руки, длиною около полуаршина, будучи привязана къ станинамъ крѣпко веревочкою, влагается въ одно изъ отверстій шарообразнаго конца пришвицы, чтобы туго завитую около пришвицы ткань удержать въ данномъ ей положеніи; *набилки*—двѣ толстоватыя, гладко струганыя, доски, каждая шириною около двухъ вершковъ, длиною около аршина, налагаемыя одна на другую косвенно; въ концы оныхъ чрезъ сквозныя дыры влагается по одной четвероугольной палкѣ, причемъ верхняя доска довольно легко можетъ приподниматься; *бе́рдо,* устройство котораго состоитъ въ томъ, что, между двумя паралельно отстоящими одна отъ другой палочками, втыкается нѣчто въ родѣ частыхъ зубьевъ гребня, длиною отъ 2 до $2^1/_2$ четвертей, шириною въ $1^1/_2$ вершка: такое бердо влагается между набилками; *нитницы,* по-

*) Гумна не принадлежатъ къ числу построекъ, а находятся при амбарахъ подъ открытымъ небомъ, и суть ничто иное, какъ довольно обширное и продолговатое пространство земли, выстланное глиною, куда раскладываются для молотьбы снопы хлѣбныхъ растеній. Въ предохраненіе отъ топтанія скота и выростанія сорныхъ травъ, на время весны и лѣта гумна накрываются соломою.

добно берду, состоятъ изъ двухъ одна отъ другой параллельно отстоящихъ палочекъ, перевитыхъ нитками, длиною и шириною почти равняющихся берду; въ нитницы и берда влагаются назначенныя для тканья продольныя нитки; *челнокъ*—небольшая палочка, съ довольно острыми концами, въ срединѣ которой на деревянномъ прутикѣ находится, навитая нитками, такъ называемая *чевда*, свитая изъ коры березы; *подножки*—двѣ дощечки, привязанныя къ нитницамъ и опущенныя на полъ; причемъ такъ называемыя *ткеи* (женщины, которыя ткутъ) ногами переступая поперемѣнно на ту или другую подножку, приподнимаютъ и опускаютъ тотъ или другой рядъ вложенныхъ въ нитницу продольныхъ нитокъ, набилками же и бердомъ въ продольнія нитки втыкаютъ поперечныя, вложенныя въ челнокъ.

Къ принадлежностямъ тканья относятся также: *турикъ* — толстый обрубокъ дерева, сердцевина котораго вынута, между краями же того и другаго конца вставляется по одной дощечкѣ, шириною въ вершокъ, съ дырою въ срединѣ; *вьюшка*—много похожа на двухъугольную скобку; на нее, посредствомъ дыръ въ дощечкахъ, влагается турикъ, на который свиваютъ нитки; *воробы* — двѣ длинныя, но узкія дощечки, налагаемыя одна на другую крестообразно; на концахъ этихъ дощечекъ находится по нѣскольку дыръ, куда влагаются веретена, по которымъ раскладывается мотокъ нитокъ, назначаемый для свиванія на турикъ; *подворобица*—толстая, вертикально поставленная палка, вверхъ которой вбитъ въ такомъ же положеніи гвоздь, на который налагаются крестообразно воробы, въ нижній же конецъ подворобницы, для твердости ея стоянія, по бокамъ вбивается нѣсколько палокъ; *скально* состоитъ изъ трехъ небольшихъ дощечекъ, изъ коихъ двѣ стоятъ вертикально на концахъ третьей; чрезъ верхъ стоящихъ дощечекъ проведена палочка, съ крючкомъ при одномъ концѣ, называемомъ *веретномъ*, на острый конецъ котораго, довольно выдавшійся наружу, налагается чевча и на нее, посредствомъ верченія веретена, съ турика свиваютъ нитки.

Принадлежности ухода за разными отраслями сельскаго хозяйства:

а). Обработки пахотной земли: сохи, бороны.

б). Уборки хлѣба и сѣнокоса: серпы, косы, у всѣхъ стойки, вилы, грабли.

в). Уборки корнеплодныхъ растеній: сѣчки, индѣ называемыя копачами или мотыками; большею частію служатъ для копанія картофеля.

г). Уборки лѣсныхъ плодовъ: зобенки, небольшіе коробa, сплетенные изъ коры березы, служащіе большею частію для собиранія и ношенія ягодъ.

д). Ухода за льномъ и коноплею: мялки, состоятъ изъ двухъ, вырубленныхъ съ корнями, древесныхъ обрубковъ, каковые, будучи поставлены на корни одинъ отъ другаго не въ дальнемъ разстояніи, снизу соединяются, вколоченною въ бока ихъ палкою, сверху же—двумя досками, приколоченными концами къ той и другой сторонѣ обрубковъ; въ остающееся между двумя досками разстояніе влагается третья доска, съ одного конца вколоченная туда деревяннымъ гвоздемъ; подъ приподнятую среднюю доску подкладываютъ ленъ или коноплю и, давя тою доской, очищаютъ эти растенія отъ такъ называемой костицы *); *трепалки*—небольшія, довольно заостренныя съ боковъ дощечки, коими треплютъ помянутыя волокнистыя растенія; *щети*—деревянныя палки, одинъ конецъ которыхъ утыканъ свиными щетинами, залитыми еловою сѣрою, другой же, служащій рукоятію, обмазанъ *пекомъ;* щеть служитъ для совершеннаго очищенія льна и конопли.

е). Ухода за бѣльемъ: корыта, буки — въ которыхъ вымытое въ корытѣ бѣлье, посредствомъ насыпанія пепла и наливанія кипящей воды, парится, вѣроятно для большей бѣлизны; *корчаги*—такъ называются большіе глиняные горшки, индѣ называемые *кубами,* у нѣкоторыхъ жителей замѣняющіе мѣсто буковъ; *катушки*—палки, которыми катаютъ или гладятъ вымытое и высушеное бѣлье.

ж). Пивоварня: котлы, щаны (чаны)—большія кадки, въ дно которыхъ вложенъ такъ называемый *стырь,* который есть не иное что, какъ палка, вышиною почти равная кадкѣ; отъ легкаго поднятія стыря, обложеннаго *супою* **) образуется небольшое отверстіе, чрезъ которое процѣживаютъ сусло; *бочки,* индѣ называемыя *лагунами,* назначаются для переливанія въ нихъ пива.

Принадлежности мастерства:

а). Сапожнаго: шило, иглы, дерево, колодка, служащая для выпрямленія сапога, молотки, гвозди.

б). Строительнаго: топоры, стружки, скобели, тежики, которыми тешутъ углы стѣнъ внутри зданія, пазники, служащіе для выдѣлыванія пазовъ, пилы, долото, брусы, точила, ватерпасы, черта,—желѣзная палочка, имѣющая на одномъ концѣ раздвоенный крюкъ, коимъ начертываютъ пазы.

Изъ четырехъ описаній, касающихся разныхъ мѣстностей Холмогорскаго уѣзда: Хаврогорскаго прихода, села Пингишей, Челмохотскаго и Курейско-Сергіевскаго прихода, первыя два даютъ нѣсколько подробностей относительно сельскихъ построекъ въ описываемыхъ ими деревняхъ.

Такъ свящ. Прокопій Павловскій говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее:

---

*) Крайнія доски въ мялкахъ называются щеками, а средняя языкомъ.

**) Супа состоитъ изъ нѣсколькихъ палочекъ, разставленныхъ кругообразно и обложенныхъ соломою; она налагается на стырь, какъ видно, для болѣе удобнаго отдѣленія сусла отъ солода.

варительно для печи приготовляютъ печное мѣсто: ставятъ въ колоду четыре столба. Столбы расширяютъ въ стѣны избныя поперечинами во всѣ стороны; поперечины эти служатъ полками или грядками. Кругомъ избы, около стѣнъ, стоятъ лавки; конецъ этихъ лавокъ у дверной стѣны называется *конникомъ*. Лавки вдалбливаютъ концами въ стѣны. Выше лавокъ, тоже кругомъ избы, изъ стѣны въ стѣну дѣлаются грядки. Въ большомъ углу ставится *божница*. Надъ окнами дѣлаются карнизы, или продольные, большіе, подъ всѣми окнами, или особо надъ каждымъ окномъ. Карнизы эти называются *зымзами*. Изба отдѣляется заборкою отъ печи къ передней стѣнѣ. Мѣсто за заборкою называется *солнышею*. Если не бываетъ заборки въ избѣ, то бываетъ пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша*. Потолокъ въ избѣ бываетъ бревенчатый, иногда на два ската. Подъ потолкомъ на перекрестъ изъ стѣны въ стѣну укрѣпляютъ рядомъ по двѣ жерди, называемыя *марами;* на нихъ сушатъ лѣсъ для подѣлокъ, рыболовныя сѣти и проч. У печи въ стѣнѣ дѣлается *дымникъ*,—просто окно, запираемое ставнемъ; отъ этого окна, съ наружной стороны избы, идетъ деревянный дымникъ или труба. Въ избѣ, кромѣ печи, лавокъ и грядокъ, увидите еще столъ въ большомъ углу, колодку или обрубокъ и табуретъ гнутый изъ ивы. Кромѣ иконъ, на стѣнахъ никакихъ украшеній не бываетъ. Въ передворьѣ устрояется клѣть. Клѣть служитъ въ простую пору для храненія пожитковъ, а во время браковъ—для отвода молодыхъ къ опочиванью.

Передворье и дѣльникъ строятъ въ огромныхъ размѣрахъ для большаго помѣщенія скота и тундры, которую завозятъ въ дворы. Въ передворьѣ помѣщаютъ лошадей и большихъ быковъ; въ дѣльникахъ—коровъ, телятъ и овецъ. Амбары ставятъ двухъэтажные, присособительно низменности мѣстоположенія. Внизу хранятъ муку, или оставляютъ впустѣ; вверху дѣлаютъ засѣки или глубокіе ящики заборомъ, для храненія зерноваго хлѣба. Амбары сводятъ на два ската на сплошныхъ рамахъ, первоначально кроютъ еловой корой, потомъ въ два ряда тесомъ. Овины всегда на половину высоты углубляютъ въ землю; на поверхности земли остается только верхній этажъ, куда помѣщается для сушки хлѣбъ. Въ углубленіи устроиваютъ печь изъ дикаго крупнаго камня; входъ къ овинной печи идетъ чрезъ окно въ яму. Яма эта именуется *загарою*. Потолокъ овинный надъ печью дѣлается плотно изъ толстаго теса; на бокахъ потолка оставляютъ щели, шириною въ два вершка и болѣе. Чрезъ эти боковыя щели тепло сообщается въ верхній этажъ овина и осушиваетъ хлѣбъ. Въ верхнемъ этажѣ овина, по обоимъ концамъ кладутся двѣ балки; на балки въ зазубру накидываютъ рядами колышки, называемые *колосниками*, разстояньемъ на одну четверть одинъ отъ другаго. На эти колосники ставятъ снопы для сушки. При овинахъ большею частію устроиваютъ гумна, крытыя тесомъ съ гладкимъ мостомъ. Бани—маленькія конурки съ каменками. Воду въ баняхъ грѣютъ каменьемъ. Необходимая принадлежность бани—полокъ».

Что касается домашней утвари, то о ней свящ. Колчинъ сообщаетъ лишь краткія свѣдѣнія въ такомъ видѣ:

«Первое мѣсто занимаетъ хлѣбня; она помѣщается на столѣ или въ углу на лавкѣ подъ иконами и всегда прикрыта скатерткой. Хлѣбная дѣлается или изъ осиновой болони, гнутая и точеная изъ дерева, или плетеная изъ корешковъ и прутьевъ. Далѣе слѣдуютъ: деревянныя или глиняныя кружки, для питья; деревянныя кружки дѣлаются изъ вересовыхъ дощечекъ; оловянныя тарелки и стаканы; большія деревянныя чашки, для семейной похлебки, мѣдные котелки для варки пищи; *солонникъ* берестянный, для храненія соли. Сѣяльница бываетъ или плетеная, изъ бересты, или выдѣланная изъ дерева; это родъ круглой большой, но мелкой коробки, употребляемой для сѣянія муки. Полотуха, деревянная продолговатая чашка, овальной формы, съ рукоятками на обоихъ концахъ, употребляется для окатыванія житниковъ. Печатка-деревянная дощечка, вырѣзанная фигурчато, употребляется для печатанія сочней при свадьбахъ и большихъ праздникахъ. Валекъ употребляется для катанія сочней.—Сковородка, мѣдная чашка съ рукояткой, употребляемая для подачи каши въ торжественные праздники. Братыня всегда мѣдная, употребляется въ праздники для подачи пива; а во время браковъ братыней подаютъ водку и пьютъ черезъ край. Ендова родъ братыни, но въ огромномъ видѣ; подъ дномъ у ендовы дѣлаются ножки; употребляется при свадьбахъ, какъ и братыня. Лагунъ родъ ушата или небольшой кадки, съ обоихъ концовъ закупоренный; на верху дѣлается небольшое отверстіе—втулка, а въ низу гвоздь. Лагуны употребляются для храненія пива. Кадка, большой чанъ для варки пива. Ковшъ пивоварный дѣлается изъ огромныхъ древесныхъ наростовъ, съ длинною рукоятью. Ковшъ сѣмянной выдѣлывается тоже изъ древесныхъ наростовъ и корней и употребляется для насыпки зерноваго хлѣба въ амбарахъ. Щипцы, или клещи желѣзныя, употребляются для поднятія горячихъ камней при варкѣ пива. Плетень берестяный, величиною въ квадратный аршинъ и болѣе, съ маленькимъ бутылочнымъ отверстіемъ, употребляется для храненія сѣмени конопляннаго и льняннаго отъ мышей. Доильница, ведро съ носкомъ, употребляется, какъ подойникъ, для доенія молока. Ставецъ небольшая деревянная чашка. *Цѣпельникъ* или *сковородникъ* употребляется для подъема сковородки при печеніи блиновъ. Букъ для бученія бѣлья».

Свѣдѣнія о сельскихъ постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ, доставленныя свящ. Васи-

ліемъ Таратинымъ, не обильны и описаніе домашней утвари не прибавляетъ ничего новаго къ прежнимъ; а потому мы ограничиваемся только описаніемъ построекъ въ этомъ приходѣ.

«Дома и всѣ при нихъ службы построены изъ сосноваго лѣса и закрыты тесанными сосновыми досками въ желобъ—подъ охлупень. Домы построены въ одной связи съ скотными дворами, и отдѣльныхъ отъ домовъ сараевъ нѣтъ.

Дома вообще постройки красивой и отдѣлки чистой. Изъ 125 домовъ около 70 домовъ двухъ-этажные, съ жилыми покоями въ обоихъ этажахъ, и около 30 домовъ одноэтажные съ покоями въ верхнемъ этажѣ. Ширина этихъ домовъ 4½ сажени, вышина 3 саж. и длина дома съ сараемъ 9 саженъ.

Въ домахъ прежней постройки: внизу изба и рядомъ съ ней — съ лицевой же стороны съѣзжій дворъ, ходъ въ избу и лѣстница въ верхній этажъ. А гдѣ нѣтъ внизу жилаго покоя, тамъ кладовая для хлѣба и рыбы.

Въ домахъ нынѣшней построки: изба и рядомъ съ ней горница, входъ въ которую изъ избы. Съ боку устроено крыльцо для входа въ избу и въ верхній этажъ; въ сѣняхъ забраны чуланы для клажи съѣстнаго и домашней утвари. Въ верхнемъ этажѣ построены два и болѣе покоя, которые называются горницами, и чуланы для платья.

Во всѣхъ почти домахъ, при входѣ въ избу, въ заднемъ углу лѣвой руки устроена руская большая печь съ подпечкомъ, въ который складываютъ домашнюю утварь: ухваты, крюки и проч. а иногда въ немъ спятъ дѣти. Отъ печки по задней стѣнѣ полати, которыя обнесены балясами; по бокамъ избы грядка; по полу—лавки; въ переднемъ углу — божница и столъ. Рамы въ шесть стеколъ. На зиму, вмѣсто рамъ, вставляютъ деревянные толстые ставни, обитые войлокомъ или холстомъ, съ меленькою внутри рамкою, а на ночь съ наружной стороны всѣ окона закрываютъ ставнемъ. Потолки штукатурятъ для сбереженія верхнихъ покоевъ отъ гніенія.

Въ горницахъ печи голландскія обыковенной кладки. Рамы въ 6 и 3 стекла; по стѣнамъ на полу устроены скамейки. Въ домахъ богачей стѣны обиты бумагой, полы и двери выкрашены, потолки отштукатурены, мебель столярной работы. Кіотъ съ св. иконами, часы, зеркало, шкафъ и кровать составляютъ принадлежность горницы каждаго не совсѣмъ бѣднаго домовладѣльца. Въ покояхъ и сѣняхъ соблюдается чистота и опрятность во всякое время.

Скотный дворъ (сарай) двухъ-этажный; онъ отдѣленъ мостомъ или поломъ, который настилается на двѣнадцатомъ ряду бревенчатаго сруба и называется повѣтью; внизу двора устроены стаи для скота, а на повѣти хранится сѣно. Въ повѣти устроены, такъ называемыя, мары, и здѣсь, на настилкѣ досокъ и жердья, хранится солома. Для дачи корма скоту съ повѣти противъ яслей сдѣланы отверстія. Для въѣзда на повѣть сзади, а иногда и съ боку сарая, устроенъ изъ бревенъ на столбахъ подъемъ (звозъ), ровная съ повѣтью возвышенность котораго называется *зузкомъ*.

Въ этомъ сараѣ вверху и внизу, во всю ширину его, или только въ углу отдѣлено небольшое пространство бревенчатымъ заборомъ, гдѣ устроены отхожія мѣста.

Бани построены небольшія съ предбанникомъ (сѣнцами). Въ заднемъ углу бани сбита печка (каменка) такимъ образомъ: сзади и боковъ выкладены кирпичемъ стѣнки, въ вышину до 1½ арш., а на переди для дровъ оставлено отверстіе; съ боковъ стѣнокъ сдѣланы кирпичные своды, и на эти своды наложенъ сѣрый камень. Во время топки въ печку бросаютъ камень, и накаленнымъ нагрѣваютъ воду въ ушатахъ и сельдянкахъ.

Для молотьбы хлѣба устроены овины; это не широкіе и не длинные, но довольно высокіе амбары: внизу устроена каменка (вырыта небольшая яма, съ боковъ сдѣланы изъ кирпича отъ 5 до 7 сводовъ и завалены камнемъ); на половинѣ въ вышину овина настланъ полъ, а по бокамъ оставлены отверстія (продухи) для хода жара изъ каменки; съ полъаршина отъ полу устроены колосники для клажи сноповъ».

Еще короче свѣдѣнія о постройкахъ, находящіяся въ описаніи Челмохотскаго прихода, которое составлено свящ. Ильею Глѣбовскимъ. Они имѣютъ видъ замѣтки такого содержанія: «Дома жителей всѣ деревянные, почти всѣ одноэтажные, построены безъ всякаго плана; состоятъ изъ бѣлой жилой избы (есть еще черныя), съ заборкою, а за стѣною оной есть горницы, или чуланы; рядомъ съ избою чрезъ сѣни подъ одною крышею, назади находится повѣть (сѣновалъ), а подъ низомъ оной помѣщается домащній скотъ. Внизу подъ избою погребъ съ ямою для снѣга, гдѣ кладется всякое съѣстное. У состоятельныхъ дома двухъ-этажные, изъ четырехъ покоевъ и даже пяти, съ кладовыми на повѣти. Анбары для ссыпки и храненія хлѣба находятся отдѣльно, большею частію предъ окнами домовъ. Мебель у людей средняго состоянія—лавки изъ досокъ, скамьи, у богатыхъ стулья въ горницахъ, комоды и шкафы подъ краснымъ деревомъ. Иконы въ большомъ углу, но рѣдко въ кіотахъ и съ серебряными ризами».

Переходимъ къ Кемскому уѣзду, изъ населенныхъ мѣстъ коего мы имѣемъ описанными только Сумскій посадъ. Описаніе это принадлежитъ чиновнику Шешенину, и о постройкахъ Сумскаго посада говорится въ немъ слѣдующее:

«Сумскій посадъ не можетъ похвалиться своимъ наружнымъ видомъ. На восточной сторонѣ двумя непра-

вильными рядами тянутся обывательскіе дома, въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, обращенные лицевою стороной къ рѣкѣ; на западной сторонѣ, менѣе населенной (за первымъ рядомъ строеній, т. е. прибрежнымъ), жилища Сумлянъ представляются въ разбросанномъ видѣ.

Позади домовъ, какъ на восточной, такъ и на западной сторонѣ, отдѣльно, не въ дальнемъ разстояніи стоятъ бани, какъ необходимая потребность для трудолюбиваго работника, особенно при непостоянной зимней погодѣ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки, соотвѣтственно обывательскимъ домамъ, группируются амбары, опираясь основаніемъ своимъ на сваи, стоятъ надъ водою, въ видахъ удобства для разгрузки судовъ; за амбарами противъ нѣкоторыхъ домовъ, по восточному только берегу, виднѣются маленькіе, въ нѣсколько небольшихъ грядъ, огороды.

Обѣ части посада соединяются чрезъ рѣку двумя деревянными мостами, построенными на сваяхъ и срубахъ. Одинъ изъ мостовъ находится въ срединѣ посада, а другой въ верхней части его. При обоихъ мостахъ, какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, поставлены большіе деревянные кресты. Такіе кресты встрѣчаются во всѣхъ концахъ посада; въ центрѣ же посада на возвышенномъ западномъ берегу виднѣются древнія стѣны острога, изъ за которыхъ показываются главы мѣстныхъ церквей.

Наружный видъ домовъ нынѣшней постройки ничѣмъ неотличается отъ городскихъ обыкновенныхъ домовъ. Они строятся преимущественно двухъ-этажные въ три окна на лицевую сторону *). Рамы въ окнахъ снаружи бѣленыя и большею частію въ 6 стеколъ. Сзади дома, смѣжно съ нимъ, всегда бываетъ пристройка, раздѣленная на два этажа: въ верхнемъ помѣщается сѣнникъ; сѣнники устроиваются съ выходомъ на заднюю сторону дома, для чего дѣлается изъ бревенъ покотый съѣздъ, а иногда тутъ же пристраиваются и кладовыя; въ нижнемъ помѣщается домашній скотъ. Внутреннее расположеніе въ большей части домовъ посада слѣдующее: нижній этажъ состоитъ изъ избы, или иначе подъизбицы **) и сѣней, изъ которыхъ есть выходъ въ скотный или задній дворъ, изъ одной, или двухъ верхнихъ комнатъ, не соединяющихся между собою, и сѣней, изъ которыхъ идетъ выходъ въ сѣнникъ.

Обстановка же комнатъ большею частію такова въ подъизбицахъ: направо, или налѣво отъ входа изъ сѣней большая русская печь, занимающая собою почти $^1/_4$ часть избы, а иногда и болѣе; нижняя половина печи, начиная отъ полу до шестка, деревянная, окрашенная краскою. Возлѣ печи на стѣнѣ виситъ блюдникъ, въ переднемъ углу божница; у дверей, рядомъ съ печкой — полати: отъ печки къ боковой стѣнѣ придѣлана полка, называемая по народному *голбецъ*, на которой и укрѣпляются полати. Противъ средняго окна ставится столъ; надъ дверью съ наружной стороны у людей религіозныхъ написана бываетъ молитва слѣдующаго содержанія: «Христосъ съ нами уставися вчера и днесь, той же и во вѣки;» и надъ окнами начертены мѣломъ кресты. Въ верхнихъ горницахъ соблюдается чистота и опрятность; для украшенія на стѣнахъ развѣшиваются картины, а въ болѣе зажиточныхъ домахъ стѣны въ горницахъ покрываются обоями; на стѣнахъ — зеркала съ позолоченными рамами (заграничной работы), лакированная мебель».

Относительно мѣстностей Архангельскаго уѣзда въ распоряженіи П. С. Ефименка имѣлись описанія двухъ наиболѣе замѣчательнѣйшихъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ приходовъ: Лисестровскаго и Зимней Золотицы. Первое составлено свящ. Ѳедоровымъ, второе свящ. Владиміромъ Розановымъ.

Вотъ что говоритъ первый о постройкахъ въ его приходѣ: Въ Лисестровскомъ приходѣ на протяженіи всего острова, деревни находятся одна отъ другой на разстояніи $^1/_4$, $^1/_2$, $1^1/_2$, 2, 3, 4 и 5 верстъ, по правую и лѣвую стороны рѣки Двины; а дворы и дома одинъ отъ другаго по большой части въ разстояніи не болѣе 1 и 2 саж.; постройки фасадами расположены въ разныя стороны а также и улицы, смотря по тому, какое имѣютъ направленіе и въ которую сторону текутъ рѣчка или озеро, при которыхъ онѣ построены. Всѣ бани, овины, амбары и вѣтряныя мельницы стоятъ въ сторонѣ. На семъ островѣ замѣчательны правильною постройкою двѣ деревни: Верхнее и Нижнее Ладино Заостровскаго прихода. При сихъ деревняхъ находится до 6 шатровыхъ мельницъ. Лисестровскій приходъ находится отъ Ширшемскаго въ 5 верстахъ и отъ Заостровскаго въ 5 верстахъ.

Постройка домовъ или избъ въ Лисестровѣ отличается какою то патріархальною древнею простотою. Домашнія избы устроиваются большею частію изъ сосноваго лѣса съ прибавкою еловаго. Одинокіе и безземельные люди часто ставятъ домики безъ кровель или безъ крышъ, и вообще немногіе изъ крестьянъ строятъ вновь опрятные и красивые дома правильнаго вида. Дома крестьянскіе состоятъ по большей части изъ верхняго и нижняго этажа. Нижній этажъ обыкновенно строятъ съ двумя покоями: въ первомъ покоѣ изба, въ ней при входѣ изъ дверей на правой сторонѣ находится русская печь, въ противоположномъ углу отъ печи находится два-три, а иногда и до пяти образовъ или иконъ и мѣдный крестъ,

*) Въ Сумѣ есть до 15 двухъ-этажныхъ домовъ, имѣющихъ по фасаду 5 и 6 оконъ.

**) Изба въ нижнемъ этажѣ только тогда называется подъизбицей, когда надъ нею въ верхнемъ этажѣ есть горница.

складни и пашильница; подъ образами столъ, а вокругъ по стѣнамъ лавки, а въ верхнемъ жильѣ, вмѣсто стульевъ, спанья. Въ русской печи обыкновенно приготовляютъ пищу и обряжаютъ сельскій ежедневный обиходъ, относящійся къ скотоводству. Въ стѣнѣ прорублено съ затворкою оконце, для подачи нищимъ милостыни. А во второмъ покоѣ всегда находится чистая комната, для своего употребленія и для принятія гостей — родственниковъ преимущественно въ большіе праздники. Въ верхнемъ этажѣ находятся два или три чистыхъ покоя съ русскаго печью, а индѣ и съ голландскою, съ 3-мя и 5-ю иконами, иногда въ серебряныхъ ризахъ, въ золоченой кіотѣ подъ стекломъ. Сюда принимаютъ гостей рѣдко, наприм. при свадьбѣ и при посѣщеніи священника съ крестомъ о великомъ праздникѣ. За дверями находятся сѣни, замкнутый чуланъ и открытый входъ на повѣть, для складки конской сбруи, для санокъ употребляемыхъ къ выѣзду въ праздники, для складки сѣна и частію соломы, въ зимнее время, а въ весеннее при разлитіи воды — для загона скота. Повѣть всегда пристраивается сзади дома, и всегда бываетъ со взвозомъ, по которому ввозятъ также сѣно и солому для стилки во дворъ скоту; а дворъ находится внизу подъ повѣтью. Въ этомъ дворѣ устраивается, по числу коровъ, до трехъ яслей и хлѣвовъ для житья сихъ коровъ въ зимнее холодное время. Надъ яслями съ повѣти прорубаютъ окно или дыру, сквозь которыя мечутъ коровамъ сѣно хозяйки дома или прислуга, или же дѣвочки. Лѣтомъ коровы по большой части стоятъ во дворѣ; а для коней бываютъ установлены такъ называемыя стойки (или стойла), также съ яслями, гдѣ кони стоятъ въ зимнее и нерабочее для нихъ время. Надъ сими яслями также прорубаютъ окно для смѣтки корма сѣна. Окно это закрываютъ ставнемъ или просто доскою.

Бани въ Лисестровѣ двоякаго устройства. Бани бѣлыя, чистыя, обыкновенно состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: сѣнцовъ, передбанника теплаго и самой бани. Бани строятъ изъ сосноваго лѣса; кроютъ крышей изъ досокъ, сверху выводятъ трубу изъ кирпича. Въ стѣнѣ прорубаютъ для свѣта два окна въ 4 стекла. Внутренность бани составляютъ: печь, которая топится изъ передбанника, каменья для нагрѣванія воды, котелъ для горячей воды, ушатъ съ холодною водой для мытья и полокъ для паренья въ банѣ, а по сторонамъ устраиваютъ лавки. Такія бани имѣютъ 3 саж. въ длину и 2½ въ ширину и въ высоту. Другимъ устройствомъ отличаются черныя бани: онѣ строятся съ однимъ передбанникомъ безъ сѣней; вмѣсто окно, внутри же каменка открытая и печка для нагрѣванія камей. Эта печь, во время топки, распространяетъ по всей банѣ дымъ, который выходитъ дверями, или деревянной трубою; воду нагрѣваютъ камнями.

Овины строятъ также изъ сосновыхъ деревъ въ длину 2 саж., въ ширину 2 сажени — квадратные; сверху закрываются они крышею изъ досокъ, сложенныхъ между собою двухъ-стороннимъ скатомъ; въ срединѣ ската находится балка, для поддержанія и укрѣпленія досокъ; внутри овина настилается полъ изъ досокъ, по сторонамъ двѣ досчатыя полки и два поперечныя бревна съ вырубкою, куда вкладывается до десяти нѣсколько выгнутыхъ круглыхъ жердей или палокъ, на которыя съ приселъ или изъ скирдъ кучей настилаются рожь или ячмень для сушки; а подъ овиномъ дѣлается сводъ изъ кирпичей, сверхъ коихъ накладываются камни, булыжникъ; подъ сводомъ устраивается печь; въ печь кладутъ дрова, ивнякъ и частію еловыя, и, когда нужно, затопляютъ печь; отъ нагрѣванія сей печи дымъ и жаръ, проникая сквозь рожь или ячмень, теплитъ ихъ такимъ образомъ и просушиваетъ. Для просушки ржи или ячменя требуется истопить три каменки, что и называется *теплить овинъ* и просушивать рожь или ячмень.

По просушкѣ овина, три женки или дѣвки и одинъ крестьянинъ на гумнѣ (гумно у нѣкоторыхъ бываетъ деревянное) разстилаютъ ячмень или рожь, и молотятъ *кичигами* или пріузами до тѣхъ поръ, пока не отмолотится отъ колоса зерно. По обмолоткѣ, крестьянинъ собираетъ зерно въ ворохъ и, если есть умѣренный вѣтеръ, вѣялкою. Вѣялка эта или лопата прекрасное и полезное произведеніе рукъ человѣческихъ; она отличается красивою отдѣлкою, чистотою и гладкостію, она состоитъ изъ двухъ частей — рукоятки и самой вѣялки — лопатки, съ небольшимъ и какъ бы незамѣтнымъ по срединѣ углубленіемъ и заостреннымъ концомъ; а также замѣчательна при своемъ объемѣ легкостію, съ какою можетъ поднять ее крестьянинъ въ воздухъ. Взбрасывая ее вверхъ, при извѣстномъ и мѣрномъ направленіи вѣтра, крестьянинъ легко соблюдаетъ, чтобы не несло по сторонамъ содержащагося на ней, готоваго для вѣянія, зерна ржи или ячменя, и чтобы съ правильною точностію поднималась въ воздухъ, одна пыль, долженствующая отдѣлиться, а зерна опускались изъ воздуха на гумно, устроенное на землѣ или въ видѣ утоптаннаго круга, или деревянное въ видѣ продолговатаго квадрата. Польза таковой вѣялки очевидна. Она отдѣляетъ лучше, нежели простая лопатка безъ углубленія, можно сказать, пшеницу отъ плевелъ, или очищаетъ зерна ржи или ячменя отъ колоса и соломы, — посредствомъ вѣянія, такъ что гораздо менѣе нужно употребить времени, при посредствѣ такой вѣялки и гораздо менѣе нужно опахивать метелкой провѣянную рожь, ячмень или пшеницу. И еще для провѣянія всего вороха, при посредствѣ такой искуственной вѣялки, потребно бываетъ, вмѣсто трехъ разъ, только два раза провѣивать, чѣмъ ускоряется ходъ сельскаго хозяйства. По провѣяніи ржи и ячменя, крестьянинъ-

домохозяинъ на гумнѣ собираетъ зерно въ мѣшки и увозитъ въ амбаръ, который ставится вблизи дома. Амбаръ бываетъ не много болѣе овина, кромѣ того выше и длиннѣе, о двухъ ярусахъ: въ высоту 3½ сажени, въ длину и ширину по 3 сажени. Въ верхній ярусъ кладутъ сѣмянную рожь и ячмень для посѣва, къ будущему году; въ нижній ярусъ—рожь и ячмень для домашняго употребленія въ продолженіе года.

Погреба для клажи вещей устраиваются въ землѣ, сажени въ 2½ и 3 въ длину и ширину, и отдѣляются засѣками, или квадратными ящиками, которые дѣлаются изъ тонкихъ досокъ, прикрѣпленныхъ къ кольямъ и связанныхъ прутьями (вичьемъ). По мѣрѣ надобности домохозяйка выноситъ отсюда овощи, для своего употребленія и для продажи на городскомъ рынкѣ.

При каждой деревнѣ находятся двѣ или три вѣтряныя мельницы, объ одномъ жерновѣ и не болѣе какъ о двухъ, съ крыльями и амбарчикомъ сверху для засыпки зерна *). Мельникъ мелетъ въ сутки не болѣе двухъ мѣшковъ ржи или ячменя.

Сельскіе домохозяева обстанавливаютъ полки или воронцы внутри избы мѣдною и частію оловянною посудой. Войдете въ крестьянскую избу и увидите котлы красной мѣди большаго и малаго размѣра; въ большихъ иногда священники крестятъ младенцевъ, вмѣсто купели, за дальностію отъ церкви; вы увидите зеленой мѣди тазики, чайники, братыни и подсвѣчники, солоницы, оловянные стаканы и на деревянномъ крашеномъ наблюдникѣ оловянныя тарелки и желѣзные лучинники для зажиганія лучины по вечерамъ въ бѣдныхъ домахъ. Въ рѣдкомъ домѣ, и то у богатыхъ крестьянъ, найдете комнатки въ верхнемъ этажѣ, порядочно убранныя. Не у многихъ изъ богатыхъ крестьянъ вы найдете и самоваръ съ чайнымъ приборомъ.

Къ домашней утвари можно отнести ткацкой станокъ, *стави*, составляющій принадлежность почти каждой крестьянской избы, для тканія холста или полотна. Для собранія и постановленія красенъ потребно имѣть два валька, воробы, чивчи, челнокъ и подножникъ и *прядено* для крестьянокъ, которое обыкновенно привозятъ здѣшніе крестьяне съ Евдокіевской и Никольской ярмарки».

Наконецъ относительно сельскихъ построекъ у жителей Зимняго Берега свящ. села Зимней Золотицы Владимірецъ Розановъ сообщаетъ нижеслѣдующее:

«Жилища въ Золотицѣ строятъ по большей части изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго. Наружный видъ строеній самый незатѣйливый. Обыкновенно врываютъ въ землю *по два* большихъ пня, или постойку, подъ четыре угла и по столько же подъ середку сѣней; на стойки кладутъ вѣнцы два или три изъ бревенъ, аршинъ 9 длины и вершковъ 6 въ отрубѣ, и въ нихъ врубаютъ подпольныя балки; потомъ еще кладутъ вѣнца два и въ нихъ уже назначаютъ мѣста для оконъ. Окна бываютъ не болѣе аршина въ вышину и 3½ четверти въ ширину; потомъ нарубаютъ еще рядовъ пять и въ пятый врубаютъ потолочную балку—*матицу*; на матицу кладутъ потолокъ—*на двѣ* доски третью, называемый *кіевскій*; сверху еще нарубаютъ рядъ *паровой* или *качерный*, и изба вчернѣ готова. Въ серединѣ между избами, сажени на 1½ оставляется мѣсто для сѣней. На нижнія избы или подъизбицы кладутся въ такомъ же количествѣ *вѣнцы* и для двухъ горницъ: передней и задней, тоже съ сѣнями по срединѣ. Ряду на 20-мъ если лѣсъ тонокъ, ставятся *залобки*; къ залобкамъ прикрѣпляются *стропила*; въ стропила врубаютъ *курицы*, на концы которыхъ кладутся *потоки*, поддерживающіе крышу снизу; вверху же крыша прикрѣпляется къ стропилу *князькомъ*— *охлупнемъ*, т. е. широкимъ и долгимъ, выдолбленнымъ въ срединѣ, деревомъ. Съ боку во всю длину дома прирубается дворъ и закрывается подъ одинъ *скатъ* съ домомъ, почти горизонтальною крышею. Домы же кроютъ почти всегда на два ската; крыша вышиною всегда бываетъ въ треть менѣе широты передней стѣны. Съ фасада дѣлаютъ въ домѣ всегда три большихъ окна и два такихъ же въ стѣнѣ, противоположной двору. Въ сѣняхъ, съ улицы по срединѣ стѣны, отдѣляющей избу отъ сѣней, прорубаются двери; направо или налѣво, гдѣ удобнѣе, рубится въ крюкъ опечекъ, на которомъ кладется печь, челомъ къ свѣту; къ переднимъ и заднимъ частямъ опечка, отъ двери, ставятся стойки: изъ нихъ передній зовется *туркомъ*, къ коему прикрѣпляется рукомойка, а подъ нею лоханка; на турокъ и задній стоёкъ, во всю длину задней, отъ печи, стѣны кладутся брусья и на нихъ стелются доски, или полати, мѣсто покоя ребятишекъ. Передній брусъ у полатей зовутъ *воронцомъ*. Въ углу, по другую сторону двери, ставится *конникъ* — небольшая широкая лавка, мѣсто постели хозяина. Когда въ домѣ кто боленъ, или есть родильница, ихъ также помѣщаютъ на конникъ и завѣшиваютъ завѣсы. Въ переднемъ углу дѣлается божница—треугольникъ съ тупымъ угломъ, изъ доски. Тутъ помѣщаются св. иконы, лампада съ елеемъ, кадильница, а иногда и ладонница. Въ переднемъ углу помѣщается и столъ. Передній уголъ самое почетное мѣсто въ домѣ. Уголъ противоположный передней противъ печи, печной, составляетъ собственно принадлежность хозяйки, ребятишекъ и кухни: здѣсь [illegible], чашекъ и проч. Уголъ запечный темный, въ немъ но-

*) Въ Лисестровѣ нельзя допустить устройства шатровыхъ мельницъ, судя по песчаному грунту земли. Таковыя мельницы устроются въ Заостровскомъ приходѣ о 4-хъ жерновахъ въ видѣ шатра; въ Верхнемъ и Нижнемъ Лединѣ грунтъ земли песчано-глинистый.

мѣщаются жернова для молотья и укрываются хозяинъ и хозяйка, когда не хотятъ кому показаться. Вдоль стѣнъ передней и боковой ставятся лавки; надъ окнами прикалачиваются или полки, или вмѣсто ихъ, оттягивается изъ цѣлаго бревна карнизъ *винза*. Изъ сѣней, противъ дверей переднихъ, избныхъ, дѣлаются двери въ заднюю подъизбицу. Внутреннее расположеніе задней такое же, какъ и въ передней. Въ сѣняхъ, у самыхъ дверей задней, ставятъ лѣстницу въ верхнія сѣни и горницы. Въ горницахъ устройство и наружное, и внутреннее такое же, какъ и въ подъизбицахъ; только у зажиточныхъ крестьянъ горницы рознятся отъ подъизбицъ голандкою, стульями и простенькими покрашенными столами. Внизу, противъ уличныхъ сѣнныхъ дверей, дѣлаются двери во дворъ, а въ верхнихъ сѣняхъ — на повѣть— *верхній дворъ*.

«Внутреннее устройство двора слѣдующее: къ наружной сторонѣ двора ставятся *стаи*—хлѣвы. Хлѣвы бываютъ для каждой породы животныхъ особые; такъ: коиный, коровій и проч. Стаи рубятъ по большей части изъ накатника; мшатъ плотно, чтобы скотинѣ было зимой тепло, въ стаяхъ настилается мостъ—полъ, потому что скотъ стоитъ безъ подстилки, и дѣлаютъ стойла для каждой скотины особо. Въ нижнемъ дворѣ дѣлаются ворота, чтобъ выпускать скотъ, и настилается, или изъ накатника, или изъ *пиловокъ*, полъ. Въ верхнемъ дворѣ повѣти тоже дѣлаются ворота и къ нимъ взвозъ мостъ, по которому поднимаются съ сѣномъ; взвозъ, сколько возможно, дѣлается пологимъ. Въ верхнемъ дворѣ хранится кормъ для скота, разная сбруя и снасть, а у иныхъ даже и хлѣбъ.

«Погреба въ Золотицѣ строятъ такъ же, какъ и вездѣ, только съ осени протапливаютъ раза два три, чтобы высохли стѣны и въ зимніе морозы было тепло.

«Амбары строятъ вездѣ почти изъ сосноваго лѣса, рѣдко изъ еловаго, и всегда изъ пакатника; кладутъ ихъ рѣдко и безъ моху; кроютъ на два ската; двери дѣлаютъ широкія, чтобы можно было ими выкатывать большіе чаны и свободно заносить кули съ мукой; внутри амбара настилаютъ полъ, а наверхъ кладутъ подволоку; внизу кладутъ хлѣбъ, рыбу и припасы, а на верху звѣроловныя и рыболовныя снасти. Амбары дѣлаютъ по состоянію: богатые болѣе и длиннѣе, а бѣдные и поменьше и покороче. Условная длина не бываетъ болѣе 5 саженъ, а вышина сажени $2^1/_2$.

«Бани строятъ сажени въ 4 длиною и 2 шириною съ передбаньемъ, но не высокія, рядовъ изъ 11, изъ накатника; кладутъ бани всегда на мохъ. Въ передбанье снаружи прорубаютъ дверь, а противъ нихъ другую на банной стѣнѣ, отдѣляющей баню отъ передбанья. На правой или на лѣвой сторонѣ отъ двери дѣлается каменница, съ худо-сдѣланной печкой, и тутъ же у каменницы всю остальную длину стѣны занимаетъ полокъ. По другую сторону двери, напротивъ каменницы, ставится кадка съ холодною, для поддаванья и окачиванья, водою—*колода*. Окошко въ банѣ бываетъ или одно большое, или два маленькія; подъ самымъ потолкомъ прорубается окошечко для выхода дыма изъ бани. Бани кроютъ по большей части *либзомъ*, т. е. безъ стропилъ, на одинъ скатъ.

«Овины въ Золотицѣ дѣлаютъ съ однимъ только *садиломъ*, безъ гумна; съ лица прорубаютъ два окна: въ низу маленькое, въ которое выметаютъ насыпавшіеся колосья, и большое окно, куда подаютъ снопы, которые садятъ на колосники—жерди, утвержденныя на переводахъ. Подъ колосниками настилается полъ съ уступами на $^1/_4$, отъ боковыхъ стѣнъ—*пазушками*, чрезъ которыя идетъ жаръ въ снопы; полъ этотъ замазываютъ по пазамъ глиною и какъ можно плотнѣе, чтобы не падали искры въ снопы. Подъ овиномъ кладутъ печь каменницу; ходъ подъ овинъ бываетъ съ боку или сзади, гдѣ какъ удобнѣе. Овиновъ, по малоколичественности пахатной земли и частымъ неурожаямъ, въ Золотицѣ очень немного. Есть ли, нѣтъ ли—на 80 слишкомъ домовъ десятокъ.

«Посуда въ домашнемъ быту Золотичанъ та же, какая и у всѣхъ русскихъ: тѣ же горшки, чашки, ложки и ухваты; есть впрочемъ и имѣющая особое названіе и особенное употребленіе. Такъ когда Золотичане бываютъ на рыбномъ промыслѣ, сваренную въ котлѣ рыбу вынимаютъ на *кару*; *карою* зовется кусокъ доски, въ формѣ треугольника или подноса, съ немного выжелобленною срединою и малымъ возвышеніемъ по краямъ, чтобы только не свалилась вынутая рыба.

«*Подблюдникъ*, такъ зовется подкадываемая подъ блюдо съ рыбою квадратная доска, въ срединѣ которой дѣлается выпуклость, въ видѣ четверти луны,—или только одна выпуклость, сдѣланная изъ круглаго еловаго или сосноваго корешка: какъ та, такъ и другая, кладутся подъ блюдо для того, чтобы оно было нѣсколько наклонно, и чтобы квасъ, подлитый подъ рыбу, стекалъ на наклонную сторону, а рыба оставалась на возвышенномъ краѣ. Подблюдникъ употребляютъ и дома. Подкладка подъ дно котла, чтобы онъ, стоя на столѣ, сохранялъ равновѣсіе, дѣлается изъ веревки и всегда почти мочальной, въ видѣ кольца, и зовется *гомзи*. Для стиранія со стола мокроты, крошекъ и костей, дѣлается въ видѣ кисти мочальная швабра: ручка у ней дѣлается изъ тѣхъ же мочалъ, туго обвитыхъ широкимъ мочаломъ. Черепокъ, для кормленія кошекъ и собакъ, или только выдолбленное въ видѣ корытца мѣсто въ углу у порога, зовется *попырь*.

Для вынманія изъ котла сваренной рыбы, дѣлаютъ лопатку, загнутую къ черенку, по возможности широ-

кую, съ прорѣзомъ въ срединѣ, въ видѣ креста, и называютъ *рыболовкою*. Для прихотей Золотичане употребляютъ туже посуду, какую имѣютъ и во всей Россіи; разница только въ томъ, что она бываетъ, по большей части, заграничная, гамбургскаго издѣлія; на мѣстѣ же зовутъ такую посуду *норвежскою*, потому что вывозятъ изъ Норвегіи, мѣняя по большей части на домашній товаръ. Впрочемъ заграничная посуда употребляется и при столѣ: тарелки для рыбы и мяса, салатники и миски для ухи и щей, молочники и стаканы для кваса. Мѣдныхъ ендовъ и стакановъ, употребляемыхъ въ средней Россіи для питья пива, въ Золотицѣ, нѣтъ потому ли, что пива здѣсь никогда не варятъ, или потому, что не введено изстари въ употребленіе.

«Относительно посуды нужно замѣтить, что въ здѣшнемъ краѣ больше мѣдной, оловянной и фаянсовой посуды, чѣмъ въ быту средне-русскаго крестьянина. Нѣтъ почти ни одного дома, въ которомъ бы не было, по-крайней мѣрѣ, пятка мѣдныхъ вещей; а богатые даже воду каждый день грѣютъ въ мѣдной посудѣ — мѣдянникахъ. Они похожи на обыкновенные чугуны, только немного повыше послѣднихъ и съ вогнутыми краями. Ложки употребляются маленькія, какъ въ другихъ мѣстахъ, надъ ваганскими и устюжскими здѣсь смѣются».

ГЛАВА III.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ.

Свѣдѣнія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и вседневной, и головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обуви. — Одѣянія въ Усть-Пуѣ,—въ Тулгасскомъ,—Хаврогорскомъ и Челмохотскомъ приходахъ,—въ с. Пингишахъ,—въ Мурейско-Сергіевскомъ,—Лисестровскомъ приходахъ,—въ Зимней Золотицѣ,—въ Кахотскомъ приходѣ,—въ Сумскомъ посадѣ.

Народное одѣяніе въ Пинежскомъ захолустьѣ не подвержено колебаніямъ моды. Какъ мужчины, такъ и женщины сохраняютъ національный русскій костюмъ гораздо цѣлѣе, чѣмъ въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ. Старики и старухи проводятъ особенно тутъ свое вліяніе, строго отстаиваютъ старину, освященную временемъ, хотя съ каждою складочкою въ одеждѣ, либо въ уменьшеніи или увеличеніи вещи, скромный деревенскій костюмъ, наживъ себѣ врага—*мѣстничины*, мало по малу теряетъ свое величіе. Говорятъ, что старинный нарядъ стоитъ дорого, и потому его стали замѣнять недорогимъ. Когда дѣвушки являются на общественныя гулянья, одѣтыя въ *старинную лопатину*, народъ, удивляясь, не можетъ удержаться отъ выраженія: *экая краля примѣтьма.... баско, очень басисто, какъ она одѣла материну то пару*! Существуетъ такой обычай, что женщины и даже мужчины къ утренѣ въ церковь идутъ въ такомъ (порядочномъ) платьѣ, а къ обѣдни въ другомъ лучшемъ. Тоже бываетъ на игрищахъ, въ бесѣдахъ,—днемъ въ такомъ, а на вечеринкахъ въ иномъ, или лѣтомъ: въ дневномъ кругу то, а на вечернемъ гуляньѣ другое платье.

Деревенскій народъ украшаетъ себя нарядами; въ будень сѣраго цвѣта, а въ праздникъ краснаго: красный цвѣтъ предпочитаетъ всѣмъ прочимъ. Чтобъ платье *сидѣло хорошо*, такого желанія нѣтъ; для сельчанъ нужно другое условіе—лишь бы блестѣло и пестрѣло. Они пожалуй еще полюбливаютъ, чтобы въ одеждѣ было просторнѣе.

Одежду застегиваютъ съ правой на лѣвую сторону. Обувь не различается на правую и лѣвую ногу. Она вообще коженая.

Женщины безъ стеснѣнія носятъ, кромѣ своей, и мужскую одежду, особенно зимою, также и обувь.

Матеріалы для одежды, какъ-то холстъ, полотно и крестьянское сукно, или работаютъ дома крестьяни, или достаютъ въ деревняхъ; а остальное покупаютъ на ярмаркахъ, въ лавкахъ города Пинеги и у разъѣзжающихъ по селеніямъ торгашей. Для обуви коженный товаръ берутъ у мѣстныхъ и ближайшихъ заводчиковъ и покупаютъ у кожевниковъ въ городѣ.

Одежду шьютъ переходные деревенскіе швецы: портняжки, шубники и портнихи, а тѣловую домашнія женщины. Обувь дѣлаютъ мѣстные *чеботари* и *башмачницы*, или она покупается готовою во время ярмарокъ.

Одежда лѣтняя, ежедневная—рабочая: у мущинъ рубашка, подштанники, кафтанъ сѣрякъ, понитокъ, наботъ, армякъ, кумъ, камарникъ, фартукъ; у женщинъ: сорочка юпка, костычь, китайникъ, набивникъ, печатникъ, крашенинникъ, сарафанъ, фартукъ, нарукавникъ, обтянушка, понитокъ, капотъ.

Лѣтняя праздничная одежда: у мущинъ: штаны, панталоны, жилетка, кафтанъ, плисовый кафтанъ, сибирка, казакинъ; у женщинъ: сарафаны, платья, передники, нарукавники, кумашникъ, штофная пара, епанча.

Зимняя одежда буденная у мущинъ: теплая рубашка бѣлая и нагольная шуба, дубленка, малица, совикъ, сермяжка, армякъ; у женщинъ: фуфайка, душегрѣйка, шубка, тѣлогрѣйка, бѣлая и нагольная шубы, малица.

Зимняя праздничная одежда у мущинъ: синяя шуба, тулупъ, малица; у женщинъ: шуба, полушубокъ, шубейка, куцавейка.

Обувь (обутка) вседневная лѣтняя у мущинъ: коты бахилы, батари съ онучами, уледи, упаки, тюни съ чулками, поршни, сапоги съ онучами; у женщинъ: коты, бахилы, уледи, упаки, тюни, струсни, лапти, чуни.

Обувь лѣтняя праздничная у мущинъ: сапоги съ головками; у женщинъ: съ чулками и подвивками: башмаки, пантуфли, полусапожки, выступки.

Зимняя обувь ежедневная: у мущинъ: катанки, валенки съ чулками, пимы съ лебтами, вачеги, вехтоньки, исподки; у женщинъ: катанки и валенки съ чулками.

Зимняя обувь праздничная у мущинъ: сапоги съ носками, съ чулками, катанки съ чулками, перчатки, рукавицы; у женщинъ: катаны, башмаки, выступки, парижки, лапти, перчатки съ чулками.

Головной уборъ у мущинъ: шляпы, шапки, фуражки, картузы, треухи, колпаки и мѣховыя шапки; у женщинъ: повойники, сверники, кокошники, повязки, косынки, платки, шамшуры.

Украшенія у мущинъ: крестъ у шеи, поясъ, галстукъ, кушаки, ремни, кольцы, перстни на рукахъ, кисетъ въ карманѣ; у женщинъ: булавки, запонки, серьги, наборошники, шаль, поясъ, запястье, кольца и перстни на рукахъ.

Переходимъ къ самому описанію вѣхъ этихъ издѣлій.

Рубаха мужская шьется, на манеръ русской рубахи, изъ разныхъ цвѣтныхъ ситцевъ, крестьянской пестряди (по чему и называется домоткацкою), полотна, домашняго портна, бѣлаго тонкаго, и грубой толстой холстины (холста), набойки, то есть холста, окрашеннаго мѣстными красильщиками въ синюю краску гладко, или съ звѣздочками или клѣточками.

Крестьяне любятъ красныя кумачныя рубахи и считая ихъ нарядными бѣльемъ, носятъ по праздникамъ; лѣтомъ же одѣвая кафтанъ на распашку, оставляютъ такія рубашки открытыми, не употребляя и шейныхъ галстуковъ. Рубашки мужскія опускаются на шаровары. Мужскія рубашки бываютъ довольно длинныя, ниже колѣнъ, широкія и съ вольными широкими рукавами. Мужская рубашка подшивается на спинѣ холстомъ чуть не до таліи, для прочности. Постройка ихъ дѣлается съ прямымъ воротомъ и косымъ или глухимъ воротомъ, застегиваемымъ на правой сторонѣ шеи. Разрѣзъ у ворота мужской рубашки очень не великъ; подолъ простирается почти до колѣнъ, иногда и ниже; подолъ въ штаны прячется рѣдко. Воротъ, а иногда и зарукавье, запястья обшиваются синею или красною, не узкою, тонкимъ гайтаномъ оторочкою (не дорогою тесьмою), а для застежки ворота пришивается съ петелькою мѣдная или бѣло-фарфоровая пуговица, или же завязки (ленточка).

Портки или порты (подштанники) шьются въ родѣ широкихъ штановъ, немного развѣ поуже ихъ, причемъ угузье (задъ) дѣлается отвѣснымъ. Вмѣсто пуговицъ въ опушку втягивается гасникъ, (тесьма называемая подживотникомъ) связываніемъ концовъ котораго подштанники и держатся на мужикѣ. Они въ лѣтнее время замѣняютъ крестьянину брюки; тогда онъ бьется съ работой въ рубашкѣ, подштанникахъ и сапогахъ безъ шапки, либо въ колпакѣ.

Штаны, зачастую безъ клиньевъ и мѣшковатые, лѣтомъ носятъ болѣе въ прохладные дни; ежедневне же ихъ одѣваютъ рѣдко и то если крестьянинъ находится не на работѣ.

Въ будни наволакиваютъ на ноги штаны, сшитые женами и родственницами изъ бѣло-толстаго холста, набивки, пестреди, нанки, халатнаго и матрацнаго тика, бумажныхъ трико и крестьянскаго сѣраго сукна. Штаны же праздничные приготовляются изъ плиса и по возможности изъ тонкаго фабричнаго сукна, такіе штаны одѣваютъ при красной рубашкѣ. У штановъ праздничныхъ пришиваются по бокамъ карианы, у рабочихъ же брюкъ карианы бываютъ рѣдко. Гульфики у брюкъ не застегиваются на пуговицы и они не длинны, развѣ только у новомодныхъ. Рубашка не закладывается въ штаны, а выпускается сверхъ ихъ. Штаны же спускаются въ сапоги. У нихъ бываютъ продольные карманы.

Панталоны суть настоящіе почти брюки, мода которыхъ принята образованными людьми. За нихъ закладывается рубашка и ихъ носятъ на подтяжкахъ (тесемкахъ съ пряжками) въ праздники молодые парни, бывавшіе въ Питерѣ. Это—фавориты въ своемъ обществѣ, титулующіеся *Питербурами*. Они дѣйствительно ходятъ щеголевато, и потому имѣютъ первое мѣсто у деревенской дѣвушки и въ почетѣ и въ мысли. Такіе брюки называются еще шароварами. Нѣкоторыми, для тепла, они шьются съ подкладкой изъ холста. Бываютъ карманы.

Жилетка (жилетъ) обыкновеннаго покроя двухъ-бортная, то есть съ двумя рядами петель и нашитыхъ мѣдныхъ или стеклянныхъ пуговокъ, или обтянутыхъ разными матеріями костяжекъ, съ прямымъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами и безъ оныхъ. Жилеты употребительнѣе полосатые и считаются роскошью; жилеты доходятъ до таліи, застегиваются подъ подбородкомъ.

Матеріалы для нихъ идутъ: плисъ, полубархатъ, разныя матеріи, разносортныя сукна, нанки и трико, а для спинокъ: коленкоры, демикотонъ и нанка. Носитъ не каждый крестьянинъ.

Сѣрмяга изъ самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна; шьется съ тальей и стоячимъ узкимъ воротникомъ, по бокамъ прорѣзы для кармановъ, хотя карманы рѣдко пришиваются, по сѣрому фону воротники иногда окаймляютъ полосками тонкаго сукна.

Сѣрякъ—рабочій кафтанъ шьется изъ сѣрмяжнаго (болѣе бѣлаго) толстаго сукна крестьянскаго издѣлія, похожаго на употребляемое для солдатскихъ шинелей (плащей). Образецъ его схожъ съ обыкновеннымъ русскимъ кафтаномъ. Карманы пристраиваются позади, вдоль по складкамъ отъ таліи; ихъ иногда не бываетъ въ дѣйстви-

башни. Теплая надѣвается на эту сверху головы. Ворота у ней не бываетъ.

Бѣлою шубою называется тотъ теплый кафтанъ или полушубокъ до икры и ниже ея, который просто сшитъ изъ обдѣланныхъ набѣло, но не дубленыхъ сыромятныхъ бараньихъ шкуръ, съ сѣрымъ мѣхомъ, безъ покрышки или поволоки. Къ ней на грудь пришиваются замшевыя висячія петлички и на одномъ лѣвомъ бортѣ рядъ мѣдныхъ, либо оловянныхъ небольшихъ пуговицъ. Пуговицъ на мужской одеждѣ бываетъ отъ 4 до 8.

Нагольной шубой почитается такая же овчинная шуба, сшитая изъ овчинъ продубленныхъ, и потому не бѣлаго, а ранжеваго цвѣта.

Дубленка, она же и романовскій полушубокъ, шьется изъ мягко выдѣланныхъ и продубленныхъ овчинныхъ шкуръ, овецъ не мѣстной породы (да хоть бы и не романовскихъ овчарень) сѣрой и черной шерсти, пониже колѣна, на манеръ казакина, безъ отворотовъ, съ опушью изъ шкуры *нерпы* (родъ лысуновъ) или котика (такъ зовется и шкура морскаго зайца) по подолу, зарукавьямъ и по стоячему узкому воротнику плотно сидячему; застегивается плотно около лифа на желѣзные крючки. Рукава бываютъ отпущены далѣе длины рукъ. Грудь на шубѣ по талью тоже оторочена полосками обшивки въ видѣ квадрата, средина котораго испещряется черными нитками, либо готяжками, разными узорами. На стану романовокъ мелкія сборки.

Тулупъ (тулупъ) общеизвѣстенъ и общеупотребителенъ даже не у однихъ простолюдиновъ. Онъ шьется изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, болѣе же мѣхъ бываетъ изъ черныхъ овчинъ или мерлушекъ и покрывается китайкой, нанкой и наиболѣе сукномъ. Воротникъ бываетъ довольно широкій, откидной изъ одинаковаго мѣха съ полами, или изъ шкурокъ другихъ дорогихъ звѣрьковъ *). Въ дорогѣ воротникъ поднимается и перевязывается около шеи платкомъ, а такъ ходятъ на *стежъ* (на растопашъ). Тулупъ носятъ изъ поселянъ только богатые, зажиточные и питербуры. У хорошихъ, что называется богатыхъ, тулуповъ пола заходитъ далеко на полу.

Синяя шуба шьется на черномъ или бѣломъ овчинномъ мѣху съ крышею изъ синяго или чернаго сукна, на манеръ казакина, а у другихъ кафтаннымъ покроемъ. Воротникъ стоячій и лежачій бываетъ либо узкій и малый, либо большой и высокій. Застегивается на глухо. Воротники у мужскихъ и женскихъ шубъ бываютъ стеганные.

Сермякою называется такая-же шуба, какъ и синяя, но съ тѣмъ только различіемъ, что крыта грубымъ сѣрымъ сукномъ крестьянскаго дѣла, называемымъ сукманиною. Сермяку носятъ люди незажиточные, заботящіеся не о красотѣ, а лишь о теплотѣ и прочности. И потому для крѣпости онѣ бываютъ кожанные; воротникъ, карманы, а иногда борты обшиваются тоже кожею или замшею, или же черными сукномъ. Вмѣсто модныхъ пуговицъ пришиваются мѣдныя пуговки съ замшонными петлями, какъ у лѣтняго сѣряка.

Богатые носятъ широкія дорогія лисьи и песцовыя шубы, съ такими же широкими воротниками.

Малицы привозятся изъ-за Печерскаго края и покупаются готовыми на ярмаркахъ. Это тулупы, сшитые самоѣдками, вмѣсто нитокъ оленьими хребтовыми жилами, изъ 4-хъ или болѣе хорошо выдѣланныхъ шкуръ неблюей (молодыхъ тюленей), въ видѣ широкой, мѣшковатой женской рубахи, во весь ростъ, шерстью къ тѣлу. Въ дорогѣ малица служитъ вмѣсто подушки, а не то и вмѣсто постели.

Но малицы шьются еще и туземными крестьянами изъ овчинныхъ шкуръ нитками. Малица зашивается на глухо безъ разрѣза, съ отверстіемъ только для головы, какъ кабатъ. Къ проходу тому пришивается стоячій двусторонній воротникъ изъ неблюя по возможности черноватаго. Съ концевъ рукавовъ пришиваются изъ такого же неблюя *ошлоги* шерстью наружу. Тутъ же отъ ошлоговъ, или и безъ нихъ, иногда бываютъ пришиты рукавицы изъ кожи, снимаемой съ мордъ оленей, мѣхомъ наверхъ. Къ подолу малицы пришивается какъ бы обшивка или хазы, не узкая *панда,* сшиваемая изъ нѣсколькихъ полосокъ чернаго и бѣлаго неблюя, разбивая цвѣты, и поворачивая шерстью на видъ; чѣмъ болѣе бываетъ сшито такихъ мѣховыхъ полосочекъ, тѣмъ панда — шире, красивѣе и дороже. Подолъ малицы съ наружной стороны обыкновенно бываетъ выкрашенный красною краскою, получаемой отъ взвара-ольховой коры. Для красивости и опрятности, наверхъ малицы надѣваютъ маличныя рубашки изъ пестреди, тика, казинета, ситца; на подержанную малицу наволакивается и холщевая рубашка, или просто кабатъ, служащій лѣтомъ.

Малицы составляютъ верхнюю одежду, оболакиваемую (одѣваемую) сверху на исподнія шубы, или собственно на рубашки. Малица очень теплая одежда, и притомъ легка и не стѣсняетъ, а чтобъ еще было удобнѣе, то подпоясывается кушакомъ. Снаружи маличныхъ рубашекъ у мущинъ иногда устраивается одинъ или два кармана, иногда съ клапанами.

Совикъ, или кушъ, тоже привозится сшитымъ съ Печеры для распродажи на ярманкахъ. Онъ также шьется самоѣдскими женщинами жилами. Совикъ служитъ для тепла въ здѣшнихъ суровыхъ стужахъ и одѣвается сверхъ малицы, какъ бы верхняя шуба, взамѣнъ тулупа; особенно важность его сознается въ дорогѣ. Постройка совика бываетъ большею частію изъ бѣлыхъ 4-хъ съ прибавкомъ мягкихъ оленьихъ шкуръ, шерстью

*) Зимнія шубы у мущинъ по воротнику и бортамъ опушаются иногда барашкомъ.

наружу, запятыхъ на глухо, безъ разрѣза вокругъ, какъ малица, но бываетъ шире ея. Оплага у рукавовъ пришиваются шерстью внизъ; самая же шкура оплаговъ раскращивается баканомъ и сурикомъ, а на самомъ концѣ оплаговъ выворачивается къ верху опушъ. Тутъ же нерѣдко пришиваются такія же рукавицы, какія бываютъ у нѣкоторыхъ малицъ. Подолъ обшивается широкою пандой шерстью наверхъ. Отъ шеи сплошь съ станомъ пришивается мѣховой *куколь* (шапка), то-есть круглый, а не острый, который откладывается назадъ; во время же холода этотъ мѣшокъ или капюшонъ накидывается на голову и затягивается около шеи шерстянымъ краснымъ шнуркомъ, съ узломъ у лба. Такимъ образомъ онъ закрываетъ совершенно шею, голову и лобъ и оставляетъ свободнымъ только одно лицо, начиная отъ закрытыхъ ушей. Капоръ совика подвязывается шнуркомъ подъ подбородкомъ.

Женскія рубашки длинныя ниже колѣнъ, съ небольшимъ разрѣзомъ отъ горла по груди, и съ неузкими рукавами. Грудь немного изъ подъ нихъ открывается. Сорочки женскія шьются изъ полотна, портна, набивки, а болѣе изъ толсто-сѣраго кубоваго холста. Онѣ бываютъ или всѣ изъ одинаковаго матеріала, либо до стана изъ холста, а лифъ и рукава изъ тонкой холстины, портна, коленкора, полотна, набивки, пестреди, ситца, кумача, чтобы изъ подъ сарафановъ не было видно грубости рубашки, или же лифъ и станъ шьются парные, а рукава покрасивѣе. Праздничныя рубашки разумѣется лучшія изъ ихъ бѣлья, женщинами оставляются открытыми наверху изъ подъ платьевъ. Какъ у женскихъ, такъ и мужскихъ рубашекъ у рукавовъ почти всегда вшиваются подъ пазухами (мышками) не одинаковыя съ матеріею рукавовъ ластовицы (трехъугольныя вставки). Рукава бываютъ широкіе и такіе длинные, что закрываютъ и пальцы рукъ. Рукава у женскихъ нарядныхъ рубашекъ бываютъ затканы въ красную нитку въ нѣсколько каемокъ. Да и самыя рубашки строятся долгія, но не широкія.

Воротъ дѣлается прямой отъ плечъ, покуда на нихъ сидитъ рубаха, безъ воротника. Воротъ и рубаха обшиваются синими или красными тесьмами. У дѣвушекъ рубашки бываютъ изъ бѣлаго свое-тканаго портна; но это исключеніе только для зажиточныхъ. У такихъ праздничныхъ рубашекъ зарукавья и подолы украшаются тканью красной нитки полосками снизу широкими, а сверху узкими, а надоплечья (мѣсто рукава на плечахъ) дѣлаются изъ такого же матеріала, какъ и ластовицы.

Пестрядныя рубашки бываютъ синія и красныя, приняты чаще первыя. Ситцы на рубашки идутъ преимущественно съ мелкими цвѣтами, полосками и крапинками, а на платья и сарафаны съ крупными.

У женщинъ щегольства болѣе, чѣмъ у мущинъ. Когда бываетъ надѣта хорошая рубашка, женщина, въ особенности при работѣ, безъ стѣсненія подымаетъ подолъ сарафана и затыкаетъ за поясъ, и такъ ходитъ по улицамъ. Исподницы у такихъ укладываются въ густыя сборки.

Женская юбка сборчатая и доходитъ до щиколки. Она шьется теплою изъ поношенныхъ ситцевыхъ сарафановъ или изъ новыхъ ситцевъ; бываютъ и пестрединныя, выстеганныя на ватѣ, или кудели (льнѣ). Кромѣ такихъ теплыхъ юбокъ шьются и легкія изъ ручнаго портна съ наподольниками (то-есть ткани красной бумаги, такой же какъ у женскихъ рубашекъ) или помазейные (изъ бумаги). Юбка бываетъ широкая съ прорѣхою назади, къ раздвоеннымъ концамъ которой пришиваются завязки, опоясываемыя по тальѣ, на коихъ юбка и держится. Кромѣ такихъ завязокъ къ теплымъ юбкамъ пришиваются холщевые лифы безъ рукавовъ съ воротомъ до тальи; разрѣзъ зашнуровывается. Для толщины (дородливости деревенской), дѣлающей дѣвицу округленною статуей, она навѣшиваетъ на себя вдругъ двѣ и три юбки, одну на другую, а поверхъ ихъ сарафанъ либо платье. Но въ устраненіе такой тяжести для прекраснаго пола, да и издержекъ на заведеніе нѣсколькихъ теплыхъ и легкихъ юбокъ, потихоньку началъ втягиваться кринолинъ. На сѣнокосѣ или на полѣ женщины бываютъ въ одной сорочкѣ и юбкѣ.

Сарафаны. Подъ именемъ сарафановъ можно считать всѣ носимыя не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, деревенскими женщинами платья безъ рукавовъ и узкаго лифа, и какъ рубахи съ станомъ по грудь, висящимъ на плечахъ на *лямкахъ*. Здѣсь же сарафанами называются сарафаны сшитые: изъ пестряди (называется пестреннымъ), набойки (называется печатнымъ), ситцевъ (называются ситниками), касики (называются камчатникомъ), изъ камлота, канифаса, полумериноса. Сарафаны же изъ другихъ матеріаловъ по своимъ особенностямъ не носятъ названія сарафановъ. Подолъ сарафановъ обшивается грубою тесемкою, подсердечникомъ.

Синякъ, онъ же и рабочій сарафанъ, сшитый изъ осиненнаго толстаго холста. Онъ иногда обшивается недорогими (мишурными) хазами какъ по подолу, такъ и спереду сарафана отъ шеи вдоль, въ изображеніе воротоваго разрѣза, и также по шеѣ и у входовъ, въ которые просовываются руки. Сверхъ хазовъ костычъ по вороту оторачивается синимъ или чернымъ шнуркомъ; онъ также пропускается въ два ряда, отъ груди до подола; *между строкъ* этихъ пришивается одна отъ одной неподалеку нѣсколько оловянныхъ пуговокъ. Съ такими украшеніями *синякъ* или *костычъ* служитъ праздничнымъ сарафаномъ не только для состарѣвшихся, но и молодыхъ незажиточнаго состоянія.

Китайникъ, онъ же и *шушунъ* изъ синей или черной русской китайки, такой же сарафанъ, какъ и костычъ, только безъ хазовъ. Прочія же: набивникъ или набиванникъ, крашенинникъ, кумачинникъ, каразейникъ, кашемирникъ и гарнитурникъ—такіе же сарафаны, какъ синякъ, иногда съ хазами, а иногда и безъ нихъ. Въ отличіе отъ общаго названія «сарафанъ» имъ дается другое потому, что они шьются: а) набивникъ—изъ набивки или синей набойки съ звѣздочками, клѣточками, цвѣтами; б) крашенинникъ—изъ крашенины, то-есть портна окрашеннаго черной краской, холста на фабрикахъ окрашеннаго въ кубовую лоснящую черную, либо синюю краску; в) кумашникъ—изъ краснаго кумача; г) карасейникъ—изъ карасея; д) кашемирникъ—изъ шерстяной кашемировой матеріи; е) лопотина—сарафанъ изъ шелковой матеріи; ж) гарнитурникъ—изъ гарнитура. Послѣдній дорогой сарафанъ. Лучшіе изъ нихъ, само собой разумѣется, носятъ молодыя женщины, а по невиднѣе старыя бабы, конечно скряги и пренебрегающія цвѣтомъ.

Платья бываютъ разныхъ образцовъ и покроевъ, бываютъ одноцвѣтныя, полосатыя, затканныя. У женскихъ платьевъ бываетъ по одному продольному карману съ боку. Платья обыкновенно не длинны. Широкіе рукава платьевъ съуживаются на кистяхъ. Платья застегиваются у кистей пуговками. Рукава у женскихъ платьевъ гладкіе, округленные на локтяхъ.

Платья строятся изъ разныхъ ситцевъ и матерій, съ тальею и съ рукавами, которые бываютъ либо съ застежками въ кистяхъ (перламутровыми пуговками), либо греческіе съ фанбарою..

Обтянушка. Это женская куртка по талію, или какъ бы одинъ лифъ отъ шубы, съ широкими отъ плечъ и узкими у кистей рукъ рукавами. Строится изъ цвѣтнаго ситца, съ петельками и маленькими застежками и крючками.

Понитокъ мужская, а *воротушка* женская куртка.

Капотъ длинная женская верхняя одежда, выстеганная на ватѣ или кудели, на подобіе блузы и зимней женской шубы, съ пуговицами отъ воротника до самаго подола съ сборками въ тальи и сборами рукавовъ близь плечъ. Капотъ уже заброшенъ и его можно увидѣть изрѣдка на какой либо женкѣ, особенно на солдаткахъ и женахъ другихъ разночинцевъ.

Шугай и сарафанъ—суть нераздѣльныя вещи, составляющіе штофную пару. Шугай есть ничто иное, какъ кофта безъ рукавовъ, *на парныхъ лямкахъ*, отъ груди узкая, въ подолѣ широкая. Сарафанъ это юбка *поддѣваемая* незамужними женщинами или молодыми отъ таліи, которую въ свою очередь закрываетъ шугай. Подолъ у ней обкладывается (обшивается) обложкою (обшивкою) изъ блестящихъ мишурныхъ хазовъ *), иначе называемыхъ басаментами.

*) Хазы—ленты употребляемыя для обшивки женскихъ платьевъ, хазы шириною въ два и три пальца.

Штофъ—матерія съ разными цвѣтами и травами, золотыми и серебряными рѣками, съ бѣлыми, синими или зелеными, черными и желтыми разводами. Штофная пара шьется изъ штофа и покупается готовою изъ привозныхъ на ярмарки, довольно дорого, такъ что этотъ старинный самый нарядный костюмъ имѣютъ только женщины богатыхъ семей; часто пара переходитъ по поколѣніямъ на нѣсколькихъ плечахъ однокровныхъ дочерей, либо ближайшихъ родственниковъ. На штофную пару затрачиваютъ капиталъ, какъ на вещь неистлѣвающую и всегда цѣнную. Въ случаѣ нужды крестьянинъ можетъ отдать эту драгоцѣнность въ залогъ.

У бѣдныхъ же дѣвушекъ такую дорогую пару замѣняетъ дешевенькій китайникъ, либо кумашникъ съ хазами, а шугай замѣняетъ наброшенный на шею платокъ.

Епанца—свадебный нарядъ. Ее имѣютъ очень рѣдкія. Она шьется изъ цвѣтнаго по красной землѣ штофа, безъ исподницы. Накидывается на плечи какъ мантилья, и привязывается у шеи завязками изъ шелковыхъ лентъ.

Фуфайка—короткій камзолъ безъ рукавовъ, тоже, что и обтянушка, только нѣсколько длиннѣе, посвободнѣе и съ не очень значительнымъ пережимомъ въ таліи. Такую курточку носятъ старые люди. Это та изъ старовѣрческихъ вещей, надъ которыми наиболѣе насмѣхаются свѣтскіе люди.

Тѣлогрѣйки или душегрѣйки, почти одно и тоже, что фуфайка. Особенность лишь въ томъ, что для тепла старухамъ подшивается мякотинный (мягко-шерстный) мѣхъ.

Шубка носится молодыми женщинами незажиточнаго состоянія. Она—обтянушка на мѣху. У женскихъ шубокъ частыя тесемчатыя завязки спереди. У шубокъ карманы бываютъ рѣдко.

Опять же есть другая легонькая *шуба*, такая-жь какъ у мужиковъ синяя шуба, съ недлинною юпкою отъ лифа и съ сборами въ пережимѣ; поволока (верхъ) бываетъ недорога: панчатая, трековая, китайчатая или изъ обносковъ. Мѣхъ у нихъ бываетъ заячій, или изъ тонкихъ овчинокъ.

Женская шуба съ безчисленными складками, или сборами, которую носятъ замужнія жены зажиточныхъ мужей, шьется изъ чернаго или синяго сукна на различныхъ мѣхахъ и походитъ на капотъ. Рукава дѣлаются близь ладоней узкіе, а въ плечахъ—отпущены. У сихъ шубъ воротники дѣлаются косынкой. Талія въ *копытцо*, то-есть отнюдь не шире самаго корпуса. Юбка шубы бываетъ длинна до самыхъ пятъ и пришивается къ лифу въ сборахъ; между лифомъ же и юбкою вшивается пережимъ въ видѣ опояски, какъ корсетъ. Для выложки и наружныхъ краевъ полъ и рукавовъ женскихъ шубъ мѣхъ употребляется такой же, какой на воротники, или покрайней мѣрѣ схожій. Мѣхъ къ женскимъ шу-

(выдѣланнаго опойка) или большой скотины, или же *кирпы*, а почвы (подошвы) изъ сыромятной, дубленой, но не оскобленной скотской кожи. Сапоги для прочности смазываются дегтемъ и ворваннымъ саломъ, или вмѣстѣ тѣмъ и другимъ, какъ и вся почти кожа и обувь изъ выдѣланныхъ шкуръ. Шьются они единственно вервью и дратвою. Голенищи бываютъ длинныя и не узкія, и красиво спускаются по русски сборками. Сапоги шьются на одной подошвѣ, причемъ желѣзныя подковки у сапогъ узкія, высокія. Въ каблукахъ сапоговъ множество желѣзныхъ шляпочныхъ гвоздей, а по подошвамъ иногда наколачиваются въ бокахъ желѣзныя шпильки. Нерѣдко по верху (въ вершинѣ рѣки Пинеги) сапоги снабжаются у каблуковъ желѣзными подковками, какъ водилось встарь. Въ сапоги для тепла и избѣжанія мокра кладутся стельки изъ сѣна и соломы. Сапоги съ вытяжными каблуками называются подборы. У иныхъ сапоговъ бываютъ большіе раструбы, въ видѣ воронки.

Тюни родъ сандалій; прикрѣпляются къ ногамъ веревками, шнурками и ремнями—туфли, только съ задниками. Онѣ работаются изъ шкуръ ногъ убитыхъ коровъ и быковъ, оставляя наверху шерсть. Эта лѣтняя, плотно обнимающая станы ногъ, легкая и мягкая обувь обувается такъ: штаны засучиваются у пятъ и прячутся въ чулки; на чулки набуваются тюни и затягиваются шнуромъ; отъ тюнь пропускаются подвязки, которыми опутываются въ переплетѣ чулки и брюки, такъ что выходитъ нѣмецкій нарядъ. Тюни въ употребленіи у низовцевъ (волостей внизъ по Двинѣ).

Уледи изъ тюленьей кожи въ родѣ башмаковъ съ острыми концами, спереди и сзади, или въ родѣ тюней, но бываютъ болѣе въ размѣрѣ и съ крючковатыми острыми носками. Онѣ надѣваются на сапоги и употребляются по лѣту для ходьбы на боръ (въ лѣсъ) за ягодами, грибами и рубить дрова.

Упаки заимствованы отъ финновъ, весьма употребительны въ шенкурскомъ уѣздѣ. Шьются изъ обыкновенной черной кожи. Носки острые, фасонъ и шовъ такіе же какъ у тюней. Тѣмъ хороши, что въ нихъ зимою ноги не зябнутъ, а лѣтомъ непромокаемы. Упаки по покрою похожи на лапти съ голенищами. Упаки же бываютъ съ кожаными голенищами на подобіе бахилъ.

Струсни и *поршни*—суть кожанныя лапти, похожія на башмаки. Они довольно красивы, потому что округлены вытяжною галошною колодкою изъ сырой, чисто подошвенной кожи и потомъ засушены. По бокамъ на срединѣ пришиваются коженные ушки, отъ которыхъ пропускаются веревки, коими обматываютъ ноги съ брюками, заткнутыми въ чулки.

Выступки. Это особенная, должно быть очень древняго фасона обувь. Онѣ ни то галоши, ни то башмаки. На галоши онѣ будутъ похожи потому, что шьются изъ упругой кожи, пришиваются крѣпко, и каблуки, и *передки* дѣлаются высокіе, а каблуки сверхъ того укрѣпляются порядочнымъ числомъ большихъ гвоздей съ широкими шляпками, отчего выступки при ходьбѣ сильно стучатъ. Сверху передковъ въ проходѣ ноги, края выступковъ обшиваются краснымъ сукномъ, выпушеннымъ снаружи на вершокъ или менѣе ширины. Выступки считаются нарядною обувью и обуваются въ праздники. Употребительны по всему уѣзду и въ особенности у крестьянокъ верховскихъ волостей.

Башмаки очень обыкновенная вездѣ обувь, сшитая изъ черной скотской кожи, или изъ козла и перпы, съ тесемчатыми завязками, подвязываются на щиколкѣ. Носки у башмаковъ круглые, но шьются и угловатые. Еще носятъ старинные башмаки изъ краснаго или розоваго сафьяна. По особенностямъ шитья они переименовываются: собственно башмаки, ботинки, пантуфли, полусапожки или полуботинки.

Парижки—полусапожки, сшитые не изъ кожи, а изъ шерстянаго вязанья разноцвѣтной крашенной шерсти, изъ какой вывязываютъ простые шарфы. Борта и подошвы у парижекъ обшиваются не толстою кожею. Они бываютъ безъ каблуковъ и сверху завязываются снуркомъ, какъ башмаки.

Лапти или лапанци плетутся въ однорядь изъ неузкихъ березовыхъ лыкъ или лентъ бересты. Держатся женщинами только въ *обредню* со скотомъ.

Чуни-туфли, плетенныя изъ суконныхъ кромокъ, лентъ отъ розовыхъ концовъ сукна. Мало употребительны.

Катанцы, или катанки, теплые сапоги, скатанные изъ бѣлой, или сѣрой, или же черной овечьей шерсти. Ихъ катаютъ въ уѣздѣ туземные шерстобиты, но не малою частію покупаются на Пинежскихъ ярмаркахъ привозимыхъ изъ другихъ мѣстъ. Для прочности нерѣдко подошвы катанцевъ обшиваются кожею съ рантиками по бокамъ. Въ катанки кладутъ стельки изъ сѣна и соломы. Голенищи ихъ подвязываются шерстяными поясами у лодыжекъ.

Валенки—коротенькія катанки, точно глубокія галоши, сваленные изъ бѣлой, или сѣрой и иногда черной овечьей шерсти. Ихъ носятъ однѣ женщины. Мущины же носятъ такія валенки съ пришитыми къ нимъ голенищами изъ крестьянскаго коричневаго или сѣраго сукна; тогда въ сгибѣ ноги голенищи тѣ подвязываются подвязками или гасниками, либо шерстяными поясами.

Тоборы (тобуры) или *тобоки* натягиваются сверхъ пимовъ, употребляемыхъ въ холодное зимнее время. Это коротенькіе полупимки или *полуголенки* (какъ еще они называются) какъ бы галоши, сшитыя на крутую руку, съ разрѣзами по обоимъ бокамъ. Шьются онѣ въ Запечерскомъ краю самоѣдками изъ кожи съ мордъ

оленей, шерстью кверху. Для мягкости и тепла въ тобоки накладываются сѣно и солома.

Пимы. Употребленіе этой теплой обуви перешло отъ жителей Мезенскаго уѣзда; она нашивается самоѣдками и вывозится Печерцами на продажу въ Пинежскія ярмарки. Пимы кроятся очень хорошо и хорошо пригоняются къ ногѣ. Шьются пимы изъ лапъ оленьихъ ногъ, называемыхъ *камусами*. Шитье ихъ походитъ на *батары:* выше колѣнъ, съ лоскутками разноцвѣтныхъ суконъ въ швахъ, какъ бы кантами, особенно спереди, и бываютъ пестрые и узорчатые, а также и безъ кантовъ *).

Лебты (пишутся нѣкоторыми люпты) устроиваются въ родѣ длинныхъ чулковъ изъ молодыхъ тонко-шерстныхъ и тонко-мездрыхъ неблюевъ, шерстью къ тѣлу. Они и одѣваются на ноги взамѣнъ чулковъ и сверхъ ихъ натягиваютъ пимы.

Чулки и головки (носки, получулочки) вяжутся деревенскими женщинами изъ льняной пряжи и овечьей шерсти; оттого они называются лѣтніе — нитяными, а теплые шерстянными и суконными. Чулки считаются роскошью и употребляются въ исключительныхъ случаяхъ: при хороводахъ, на гулянкѣ въ праздники, въ гостяхъ; бѣдные носятъ тряпки вмѣсто чулковъ. Для *басы* или *красы* чулки у женщинъ почти всегда бѣлые; для нарядности же окрашиваютъ ихъ голубою или синею краскою, шерсть для вязанія чулковъ окрашивается въ разные цвѣта: зеленый, малиновый, красный и синій. Иногда чулки вывязываются изъ шерсти со *стрѣлами,* проходящими отъ подошвы кверху съ обѣихъ сторонъ ногъ, то-есть по бѣлой землѣ (фону) вывязываются мѣста изъ синей и красной шерсти. Но чаще того чулки окрашиваются одной либо синей, либо голубой краской.

Въ народѣ онучами, портянками, портами и подвертками называются холщевыя тряпки, или куски толстаго холста и сукна, въ которые, за неимѣніемъ чулковъ, обвертываются ноги при обуви. Иногда же на ноги навертываютъ куски сукна такъ или въ два ряда, или же на чулки.

Исподки или *валеги* (варьги) бываютъ вывязанныя изъ овечьей или коровьей шерсти съ однимъ *пакулемъ* на рукавицѣ для толстаго (одного) пальца. Исподки покупаются и вяжутся домашними женщинами. *Верхоньки* же обложены оленьей обдѣланной кожей, наволакиваются сверхъ исподокъ и шьются изъ замши и *ровдуги,* скотской и конинной кожи. Верхоньки покупаются въ городѣ и отчасти шьются самими крестьянами.

Вачеги-вачуги или *мохнушки* суть рабочія рукавицы у крестьянъ. Онѣ шьются изъ шкуръ оленя, волка, медвѣдя и овцы, шерстью вверхъ и натягиваются на руки сверхъ верхонекъ и исподокъ въ холодную пору и во время ѣзды и при управленіи лошадьми.

Рукавицы изъ черной или желтой замши съ подведенными исподками, вывозятся нѣкоторыми крестьянами изъ Петербурга.

Рукавки дѣлаются женщинами для себя изъ стараго или новаго сукна, также нанки и трико, на мѣхахъ: заячьемъ, бѣличьемъ, кошачьемъ и другихъ. Суконныя рукавицы носятся и мущинами; у нихъ на ладоняхъ бываетъ нашита кожа.

Перчанки, или перчатки, болѣе бываютъ вывязаны изъ овечьей шерсти, также выкрашенной, какъ и на чулки; другія же перчатки носятся лавочныя, обыкновенныя. Нарядныя перчатки носятся изъ черной замши на пыжичьемъ мѣху.

Скажемъ теперь о *головномъ уборѣ.*

У мущинъ употребляются: черныя праздничныя шляпы; но *пуховыя шляпы* носятъ не многіе изъ молодцовъ. Онѣ извѣстны болѣе у городскихъ жителей. У валеныхъ шляпъ поля обшиваются тесьмою, чаще черною коленкоровою; тулья же у полей отдѣлывается лентою. Тулья у шляпъ съ верхушками, къ верху шире.

Полуярковыя, валяныя изъ овечьей бѣлой или черной мытой шерсти, шляпы, наиболѣе употребляются въ народѣ на манеръ прямой, либо съ перехватомъ на верховьи, или же просто, какъ колпакъ безъ полей (ровныя). По фасону шляпъ крестьянъ верховскихъ волостей зовутъ *верхотычками* и общимъ именемъ *верхотою.*

Поярковая шляпа—это войлочный колпакъ; поля у шляпъ не широкія. Шляпы валеныя съ широкими полями. Поля шляпъ немного приподняты вверхъ; верхъ ихъ, то-есть валянныхъ, кругловатый. Валеныя шляпы безъ полей, это чисто поповскія камилавки.

Шапки мѣховыя. Старики носятъ болѣе русскія высокія шапки съ широкими и дорогими мѣховыми широкими тульями и съ бархатными накладниками сверху. Бываютъ такъ высоки, какъ поповскія и дьяконовскія. Онѣ дѣлаютъ пожилыхъ людей почетными лицами. У дорогихъ зимнихъ шапокъ верхъ выдается въ видѣ хлѣба; иногда шапки и внутри подбиваются мѣхомъ обыкновенной овчины.

Овчинныя шапки. Это круглыя теплыя шапки съ мѣховыми верхами изъ черныхъ курчавыхъ шкуръ овецъ, на печесной подкладкѣ. Но кромѣ тѣхъ употребительны баранья (бяковыя) шапки съ ушами на манеръ пыжичьихъ шапокъ.

Оленная шапка похожа на колпакъ съ длинными ушами, которыя, мало по малу съуживаясь, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ, или узломъ на верху, чтобы шапка прилегала плотно къ головѣ.

Самоѣдками называются пыжичьи шапки, шитыя самоѣдками изъ молодыхъ черно-лисьихъ пыжиковъ и неблюевъ шерстью кверху и снизу въ двѣ шкурки.

*) Мнѣ извѣстно, что въ пимахъ есть различіе въ цвѣтахъ и потому они дѣлятся: на Имеискія, Пустозерскія и Усть-Цылемскія.

Самоѣдка закрываетъ все положеніе головы въ видѣ скуфьи. Отъ мѣста предъ ушами слѣдуютъ одномѣшные наушники, сшитые въ концахъ вмѣстѣ. У пыжичьихъ шапокъ, которыя не имѣютъ лопастей косъ, пришиваются ремешки, которые привязываются подъ бородой. Иногда шапка и наушники испещряются висячими лоскутками чернаго, краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ суконъ, и у нѣкоторыхъ еще у наушниковъ привѣшиваются простые перлы. Пыжичьи шапки бываютъ и скуфейками, безъ наушниковъ.

Фуражки и *картузы*—русскія шапки съ отвѣсными, круглыми верхами и съ прямыми стоячими околышами. Шапки бываютъ одинаковаго матеріала: суконныя, триковыя и плисовыя. У околыша противъ лба пришиваются широкіе и свѣтлые кондырьки (козырьки), близъ которыхъ, вдоль по околышу развѣшиваются либо ленточки и снурочки съ пуговками, либо бисерные перлышки, перепутанные въ нѣсколько рядовъ. По лѣту старики носятъ высокіе картузы съ большимъ и прямымъ козыремъ, обшитымъ такимъ же сукномъ, какъ тулья и околышъ; свѣтлыми пренебрегаютъ: какой околышекъ, такая и подкладка—плисовая, бархатная и суконная. Козыри у шапокъ бываютъ полукруглые; у стариковъ прямые и длинные, а у молодыхъ наклонные, подогнутые.

Колпаки — сборчатыя шапочки. Не мало мущинъ въ лѣтнее время, вмѣсто шапокъ, носятъ колпаки, похожіе на спальные, вывязанные изъ нитяной пряжи, или вытканные, либо сшитые изъ холста. Чело колпака у лба вышивается или вытканнаются узорчато-красными не широкими каймами. Подъ колпакомъ въ тульѣ бываетъ холщевая подкладка. На верху головы по серединѣ такой шапочки бываетъ привѣшена кисточка. Но бываютъ колпаки пестрядные со сборами на верху и не одинаковымъ кружкомъ. Колпаки одѣваются на голову, чтобы не падали волосы на глаза во время пилки лѣса, рубки лѣса, дровъ и другихъ размашистыхъ работъ.

Треухи въ настоящее время употребляются только нѣкоторыми стариками отъ холода. Шьются они изъ разныхъ *некорыстныхъ* матеріаловъ и на разныхъ мѣхахъ. Вообще треухи схожи съ старушечьими *чебаками*, вышедшими нынѣ изъ употребленія по дороговизнѣ куньихъ и лисьихъ мѣховъ, которыми они облагались. Треухъ—шапка съ тремя отворотами, опускающимися на уши и на затылокъ и опушкою по верху.

Женскій головной уборъ составляютъ:

Головная шапочка, употребляемая нѣкоторыми женщинами, шерстяная, фіолетоваго цвѣта, съ зеленой каемкой.

Повойникъ—головная повязка сшитая изъ штофа, либо изъ гарнитура, шелковыхъ матерій и разныхъ ситцевъ, а наиболѣе изъ кумача и краснаго ситцу. Затягивается на головѣ пропущенными отъ затылка завязками. Многія женщины хорошіе повойники носятъ съ косынками въ родѣ кокошника. По верхъ повойниковъ завязываются платки, когда выходятъ на улицу.

Сборникъ—свадебный кокошникъ или *очапокъ*. Кокошникъ-кичка, оканчивающаяся длиннымъ остріемъ торчащимъ впередъ. Онъ накладывается на голову какъ шапочка. Спереди имѣетъ нѣчто въ родѣ козырька, загнутаго къ верху, лицевая парчевая сторона котораго украшается нерѣдко бусами и жемчугомъ. Тульи кокошника дѣлаются изъ шелковой матеріи или парчи; нерѣдко унизываются бисеромъ и жемчугомъ. Сверху кокошникъ покрывается краснымъ или малиновымъ бархатомъ, или же скройкою, то-есть кружкомъ шелковой матеріи. Бархатъ и полубархатъ на кокошникахъ и повойникахъ фіолетоваго цвѣта.

Шамшура — родъ чепчика, или русскаго набровника, скуфейка, холстинный чепецъ. Ее носятъ подъ кокошникомъ для предохраненія послѣдняго отъ пота.

Повязка, формы цилиндрической, позади ея висятъ кисти-ленты, внизъ по спинѣ. Это тоже кокошникъ недорогой парчи, но повыше его. Она обкладывается (обтягивается) позументомъ и выкладывается (унизывается) напереди жемчугомъ. Верхъ ея ничѣмъ не зашивается. Отъ заду отпускаются лопасти, шелковыя ленты, или изъ другихъ дорогихъ матерій. Повязку носятъ въ торжественныхъ или веселыхъ случаяхъ незамужнія женщины на лбу.

Шапки-мевенки замѣняютъ деревенскимъ женщинамъ капоры барынь.

Косынки. Описанныя повязки, по ихъ дорогой постройкѣ, имѣются только у немногихъ дѣвушекъ изъ богатыхъ домовъ. Бѣдныя же дѣвушки вмѣсто ихъ приспиливаютъ къ волосамъ шелковыя косынки (половина платка, разрѣзаннаго съ угла на уголъ), оставляя сверху волосы непокрытыми. Онѣ называются *чёлками* и *пачелками*. Иногда унизываются немного жемчугомъ. Косынки носятъ и замужнія женщины, но онѣ у нихъ приспиливаются такъ, чтобы не было видно волосъ, и называются *наколками*. *Наколка* родъ вѣнка.

Головные платки дѣвушки и замужнія носятъ или корабликомъ, и наиболѣе въ видѣ повязки и въ видѣ повойника, въ одинъ узелъ или въ треугольникъ, связывая концы на лбу. Они бываютъ разнородны, разноцвѣтны, разновелики и въ видѣ пирога, и разноцѣнны: бумажные, гарусные, кисейные, шелковые, персидскіе, французскіе, аглечкіе; притомъ клѣтчатые или цвѣтные, съ красными, синими, голубыми и желтыми цвѣтами, съ разноцвѣтными мушками и крапинками, и непременно съ широкими койпами. Они завязываются узломъ подъ подбородкомъ или притыкаются у горла на булавкахъ и закрываютъ всѣ волосы на головѣ.

Зимою, вмѣсто обыкновеннаго ихъ убора, женщины

носятъ или мужскія мѣховыя пыжичьи шапки, или больше теплые *платы*, обматывая ими головы съ пропускомъ концовъ по шеямъ назадъ.

Шалью обкутываютъ голову зимою, оставляя лице открытымъ, такъ что оно кажется какъ бы въ рамкѣ.

Въ Курьѣ волосы стригутъ вокругъ головы, и напереди старики выстригаютъ скобкой, а молодые носятъ на косой проборъ.

Молодежь вообще всегда старается быть опрятною и чистенькою, хотя старанія казаться красивою иногда компрометируются самою обстановкою, либо мѣшковатымъ костюмомъ, либо неуклюжею обувью. Для щегольства-то одежда и обувь раздѣляются на ежедневныя и особо праздничныя.

Молодые мущины о праздникахъ вымываются довольно чисто. Не пренебрегаютъ этимъ и женщины. Ногти у рукъ и ногъ срѣзываются не часто, поэтому нерѣдко они доростаютъ до когтей.

Мущины волосы на головѣ носятъ съ прямымъ проборомъ, кружкомъ сзади и скобкою спереди, вырѣзываемою въ ширину лба, по тому укоренившемуся обыкновенію, что кто дѣлаетъ не прямой проборъ волосъ, тотъ несправедливъ. Однако-жь и тутъ мода портитъ старину: волосы стали причесывать на косо. Прическа у пинежскихъ мущинъ довольно оригинальна. Мущины немного занимаются уборкой своихъ волосъ: зачесываютъ просто гладко, или оставляютъ свѣшанными на лобъ. Молодые, особенно Петербуры, причесываютъ на одно ухо, а пожилые на оба; господствующая прическа послѣдняя. Старики пробора не дѣлаютъ, волосы спереди подстригаютъ, а съ боковъ и сзади пускаютъ съ нижнею оконечностію уха.

Женщины, особенно незамужнія, ведутъ себя еще чистоплотнѣе, и тоже имѣютъ претензію на положавость. Онѣ лица свои вымываютъ до возможной бѣлизны, а загаръ лица сгоняютъ сывороткою отъ творога, потомъ вытираются на сухо полотенцемъ. Кромѣ того лица намазываются бѣлилами, а щеки натираются румянами.

У дѣвицъ нѣтъ обычая дополнять украшенія живыми или искусственными цвѣтами; дѣвицъ можно узнать по заплетенной и опущенной косѣ. Волосы у дѣвицъ закидываются за уши. Изъ подъ косынки замужнія выпускаютъ букли.

Волосы женской молодежи причесываются гладко. Сперва ихъ расчесываютъ рѣдкими, а потомъ частыми гребнями, далѣе намачиваютъ водою, иногда еще съ сахоромъ или квасомъ, иногда съ солью и пивомъ, зачесываютъ за уши, дѣлая прямой по носу проборъ; косы (какъ сами говорятъ) заплетаютъ въ одну косу, шелковыми, довольно длинными и яркими лентами, которыя завязываются бантомъ; при бѣдности же косоплетки бываютъ изъ простыхъ тесемокъ. Коса выпускается на спину изъ подъ косынки или платка. Но когда дѣвушки одѣваютъ повязки или челки, то по старинному обычаю, не заплетаютъ себѣ косъ, а волосы распускаютъ по головѣ, расчесавъ ихъ гладко. Искусство плетенія косъ состоитъ въ томъ, что изъ трехъ косицъ, лучеобразно расположенныхъ, крайнія двѣ завертываются съ одной стороны на верхъ, съ другой же внизъ, средняя же служитъ основою. Одна коса свидѣтельствуетъ о свободѣ дѣвушки; двѣ суть доказательство, что она принадлежитъ уже не одной себѣ.

Въ будни дѣвицы заплетаютъ косы въ косоплетки, какъ можно туже, а въ праздникъ какъ можно слабѣе, чтобы коса казалась шире.

Нарядъ нестарыхъ замужнихъ женщинъ отъ наряда незамужнихъ отстаетъ въ праздники немного и только отбрасывается излишняя роскошь. У нихъ дѣвичья коса расплетается на двѣ косы, связываемыя внизу концами одна съ другой посредствомъ тесемки, и косы обматываютъ вокругъ головнаго шара въ видѣ вѣнка, а на голову съ первымъ днемъ замужества жалуется кокошникъ, который закрываетъ всѣ волосы; да и вообще головной уборъ замужнихъ закрываетъ волосы, исключая развѣ причесовъ, опускаемыхъ на лобъ нарочно изъ-подъ косынки.

Чѣмъ болѣе лѣтъ женщина бываетъ замужемъ, или мущина женатымъ, тѣмъ нарядъ ихъ дѣлается скромнѣе, тѣмъ они дѣлаются небрежнѣе къ себѣ и своей личности, какъ отцы и матери, занятые содержаніемъ семействъ и устройствомъ хозяйства. Хорошее одѣяніе замужнія женщины надѣваютъ рѣдко: онѣ сберегаютъ его для своихъ дочерей.

Къ шейнымъ украшеніямъ относимъ: *кресты*, они бываютъ деревянные (кипарисные), мѣдные и серебряные массивные; висятъ на шеяхъ мущинъ и женщинъ, на шелковомъ гайтанѣ, или ленточкѣ, называемыхъ *тятномъ и ткацомъ*, или же (у женщинъ) на серебряной широкой цѣпочкѣ; на томъ же гайтанѣ привѣшиваются: талисманъ въ пуговкахъ или въ тряпкѣ, и мѣдная или костяная уховертка (ухочистка), то есть ложечка для отдѣленія въ ушахъ накопившейся сѣры.

Серьги служатъ украшеніемъ женщинъ; но сережки носятъ и нѣкоторые мущины (болѣе по одной). У богатыхъ женщинъ серьги бываютъ изъ жемчужныхъ пятокъ, а побѣднѣе— серебряныхъ, или другихъ дешевыхъ металовъ (томпака, бронзы и прочихъ); коротнія жемчужныя серьги называются *пясами*, а длинныя *петлями*. Серьги (обыкновенно пара) вдѣваются въ уши въ видѣ колецъ и пуговокъ. Мущины носятъ серебряныя сережки въ которомъ либо одномъ ухѣ. Для чего въ [illegible] ухѣ еще въ малолѣтствѣ прокалываютъ въ нижней

мягкой части дырочки. Чтобы проколотое ухо не заросло, вдѣваютъ сотканный изъ нитокъ снурокъ.

Запонки употребляются иногда у воротовъ женскихъ рубашекъ вмѣсто пуговокъ. Бываютъ въ серебряной оправѣ.

Запястье, снизи, или простые браслеты изъ недорогаго въ нѣсколько нитокъ жемчуга носятъ при кругахъ дѣвушки богатыхъ родителей. Запястья прежде были низанные жемчугомъ по атласу (Г. В. 1869, № 12-й).

Наборошниками называется жемчужное ожерелье, то есть сканый жемчугъ, навѣшиваемый на шею дѣвушкою богатой семьи, на тоненькой ленточкѣ. Наборошники изъ бисера бываютъ такъ густы, что кажутся воротничками. Широкія ожерелья, равно какъ и большія серьги, довершаютъ богатый нарядъ женщины. Ожерелья прежде были жемчужныя, нынѣ янтарныя и изъ дутыхъ бусъ.

Перлы и перлошки, монисты, или бусы. Это наборошники бисерные или изъ простыхъ отшлифованыхъ стеколъ вздѣтыхъ на гайтанъ. Они вѣшаются на женскую шею и замѣняютъ кресты съ цѣпочками, или же вмѣстѣ съ крестами.

Ленты висятъ у повязокъ, шубеекъ, епанчей, фартуковъ; ленты заплетаются въ косы. Ленты въ косахъ дѣвушки ниспадаютъ поверхъ плечъ, и вообще ленты служатъ важными украшеніями праздничнаго одѣянія крестьянъ.

Галстукъ (галстухъ) у мущины состоитъ изъ шелковаго или бумажнаго платка, обвязываемаго около шеи на одинъ или на два раза, съ узломъ либо прямо на переди, либо косо-набоку, либо назади. Также галстухомъ служатъ наматываемыя на шею *сѣтки*, простые шарфы, связанные изъ разноцвѣтной шерсти. Но вообще къ галстукамъ крестьяне, кажется, не охотники, даже питаютъ къ нимъ отвращеніе: они не стягиваютъ шеи и потому болтаются какъ веревки.

Кромѣ того, что платки составляютъ для мущинъ галстухъ, а для женщинъ головную повязку, они бѣлые и красные носятся первыми въ карманахъ, шапкахъ и кляпахъ и называются носовыми, а послѣдними въ рукахъ и за пазухами и называются *ширинками*, но ширинки только по видимому замѣняютъ носовые платки, и сверхъ того накладываются на шею. О праздникахъ каждый, исключая очень бѣдныхъ, имѣютъ цвѣтной носовой платокъ; изъ тщеславія молодые люди любятъ выпускать хвостики платковъ изъ кармановъ. Парадные платки на шеяхъ шелковые, иногда набивные; въ хорошемъ житьѣ молодыя дѣвушки имѣютъ носовые платки съ кружевами. Всякіе платки обрубаются, то есть обшиваются по краямъ. На улицахъ дѣвушки спускающіеся концы платковъ закладываютъ за поясъ. Такимъ образомъ плечи и шея сзади остаются закрытыми, а шея спереди и грудь, увѣшанныя перлами и жемчугомъ, остаются открытыми.

Шали. Это фаты и пледы, простые и съ бахрамами, называемыя шалями и платками. Онѣ бываютъ бумажныя, гарусныя, шелковыя; у очень зажиточныхъ ковровыя и бухарскія. Шали вообще накидываются на плечи, и скрещиваются на груди. Пришпиливаются болѣе или менѣе дорогими булавками, или же затыкаются за поясы и передники. Фата, закрывающая невѣсту, называется *гомылкою*.

Огонки, или хвосты, носятъ женщины для прикрасы и тепла при зимнихъ шубахъ. Они обматываются вокругъ шеи и концы спускаются висячими спереди до подолу или же завязываются у таліи и концы висятъ сзади. Это простые бѣличьи черные хвосты *кругляшемъ*, короткіе, такъ что связанные въ концахъ они накладываются чрезъ голову на шею, какъ галстухъ или ошейникъ (такъ называется).

Кольца и перстни носятся только на правой рукѣ на указательномъ, среднемъ и четвертомъ пальцахъ. Кольца съ гладкимъ металлическимъ ободкомъ, а перстни со вставками и приклепками, украшенными вензелями.

У мущинъ они бываютъ серебряные, а у женскаго пола серебряные, мѣдные и томпаковые; но у тѣхъ и другихъ бываютъ и золотые съ дорогими или недорогими вставками.

Поясъ—непремѣнная вещь христіанина. Рубашный поясъ затягивается просто (нетуго). Поясъ носятъ женщины сверху верхнихъ сарафановъ, а мущины сверху тѣловыхъ рубахъ. Поясы (у мущинъ) рубашечные бываютъ или сѣрые, или красные; кромѣ шерстяныхъ мужскіе поясы бываютъ нитяные полосатые, съ желтыми, синими и красными полосками. У мущинъ опояску составляетъ бумажная или шелковая нешироκая ленточка, или тканый шерстяной поясъ. Опоясываются на рубашкѣ въ одинъ рядъ; концы поясовъ вообще висятъ. На поясъ мущины нерѣдко привязываютъ: ключи, мѣдный или роговой, либо костяной гребешокъ или гребенку и кожаную маленькую сумочку, унизанную свѣтлыми пуговицами, въ которую кладутся деньги, табакъ, спички или огниво съ кремнемъ и трутомъ. По верху же одежды носятъ всегда изъ черной юфти, или не очерненныхъ подпругъ (сырыхъ ремней, идущихъ на конскую сбрую). Пуговицы на ременныхъ поясахъ бываютъ нашиты одна возлѣ другой.

Поясъ у женщинъ узломъ относится на правый бокъ. Поясъ замѣняетъ женщинамъ снуровку. У женщинъ поясы бываютъ толстые шерстяные, тканые и плетеные, шелковые изъ разноцвѣтныхъ нитокъ. Они бываютъ столь долги, что опутавъ на два ряда корпусъ на сарафанахъ и платьяхъ по таліи, спускаются еще до колѣнъ и ниже, концами съ *кисточками* или золотыми мелко-

ками, которыя относятся на лѣвый бокъ. Праздничный поясъ имѣетъ длины отъ 4-хъ до 6-ти аршинъ.

Кушаки охватываютъ талію по верхней одеждѣ. Длинные концы ихъ, украшенные бахромою, свѣшиваются напереди, или затыкаются за перевязь. Кушаки носятся не совсѣмъ широкіе, цвѣтные: бумажные, шерстяные, гарусные и шелковые; щеголеватый кушакъ пестрый. Дорожатъ старинными шелковыми кушаками, называемыми персидскими и также кашемировыми. Концы кушака иногда совсѣмъ подтыкаются внутрь.

Ремни бываютъ изъ бѣлужьей или упругой скотской кожи. Ими опоясываются въ поясѣ по верхней одеждѣ, взамѣнъ кушаковъ, которые держатся для выхода. Но концы ремней пришиваются, или на гвоздяхъ придѣлываются желѣзныя, либо мѣдныя пряжки съ *хватами*. Пряжки страннаго рисунка, похожаго на образецъ, который употребляется на пряжкахъ у Самоѣдовъ съ миѳологическими знаками. Ремни нерѣдко обшиваются вокругъ мѣдными и оловянными пуговицами, а сбоку ихъ пришиваются желѣзныя витыя, либо кожаныя *дужки*, въ которыя вкладываются топоры; у другихъ же къ ремнямъ привѣшиваются ножны—кожанные и деревянные чехлы для ножей.

Подвязки для чулковъ бываютъ: или сшитыя изъ лоскутковъ какого либо ситца или матеріи съ завязочками, или связанныя, или вытканныя домашними женщинами изъ шерсти, какъ пояса, съ такими же для прикрасы кисточками.

Кромѣ упомянутаго крестьяне и крестьянки носятъ:

а) *Бумажники*. Деньги, счеты и документы хранятся въ бумажникахъ сафьянныхъ и кожаныхъ. Это особеннаго рода пертмонэ, съ пришитыми ремешками, на которыхъ бумажники навѣшиваются на шеѣ, на тѣлѣ подъ рубашки; сами же они обматываются ремнями, и сверхъ того ремнями привязываются плотно около человѣка. Но у многихъ такіе же бумажники носятся въ карманахъ.

б) Кромѣ бумажниковъ бываютъ разнаго рода кошельки.

в) *Кисы*—дорожные сакъ-вояжи, длинные и довольно просторные, сшитые изъ нерпичьей или скотской кожи. Затягиваются сыромятными длинными ремнями въ ушкахъ съ кисточками и иногда замыкаются на замки.—Сверхъ того, что берутъ въ дорогу на лошади, ихъ носятъ за плечами какъ мѣшки на лямкахъ.

д) Матерчатые кисеты для курительнаго табаку,—украшаются клѣточками и бахромками; а ихъ язычки, чрезъ которые снуры пропускаются, вышиваются фигурами аллегорическаго значенія.

Въ Усть-Цуѣ рабочая одежда у мущинъ зимою: шуба или полушубокъ овчиннаго мѣха, непокрытаго сверху ничѣмъ, кожаные или катанные на ногахъ сапоги и суконная на головѣ шапка малопыжичья. У женщинъ: тотъ же полушубокъ, сарафанъ шерстяной или портяной крашеный, на головѣ и на шеѣ платокъ, на ногахъ башмаки или катанки. Лѣтомъ у мущинъ сѣрый кафтанъ или полукафтанье, на ногахъ сапоги, на головѣ поярковая шляпа. Праздничный же нарядъ у мущинъ, такой же, только преобразуется онъ въ черный видъ, въ синій кафтанъ или сибирку, суконную или нанковую, на головѣ суконная шапка или шляпа; у женщинъ: ситцевый сарафанъ или ситцевое и гарусное, даже шолковое платье, гарусное и шолковое пальто, у дѣвушекъ большею частію косынки, на шеѣ шолковая или гарусная «шаль», на ногахъ кожаные полусапожки. Однимъ словомъ, въ праздничное время, мущины и женщины, особенно дѣвушки, каждый по силамъ своимъ, стараются отличиться щегольствомъ наряда.

Такъ какъ Тулгашане народъ не бѣдный, то и одѣваются они довольно хорошо. Одежда мущинъ лѣтняя, если день праздничный, рубашка изъ кумачу, по ихнему аглицкаго; плисовые или суконные шаровары; сапоги, а у нѣкоторыхъ и такъ называемые бахилы; кафтанъ изъ чернаго или синяго сукна, шолковый или гарусный кушакъ и картузъ; а если день простой—рубашка и изподницы изъ толстаго портна, бахилы, сукманникъ-кафтанъ изъ сукманины, въ которой основа изъ конопляныхъ нитокъ; шапка или изъ овечьей шерсти, шляпа, ремень и кожаныя рукавицы (по ихнему еще вачеги).

Зимняя одежда мущинъ, если праздникъ,—тѣ же рубашки и шаровары, катанцы, шуба или тулупъ, покрытые сукномъ, тѣ же кушаки, шолковый или гарусный, изъ платка галстукъ, мѣховая шапка, или бухарка шапка изъ пыжиковъ и верхоньки рукавицы, обложеныя оленьей обдѣланной кожей; а если простой день, то таже какая одѣвается и лѣтомъ, только съ исключеніемъ верхней, которую въ зимнее время составляетъ голая шуба. Лѣтнюю одежду женщинъ замужнихъ и дѣвицъ составляютъ: рубашка изъ портна, у которой рукава изъ одного ситцу, а намышники (наплечники) изъ другаго; сарафаны—крашенинникъ, изъ портна, совсѣмъ окрашеннаго черною краскою; набиванникъ изъ портна, набитаго разными фигурами и цвѣтами, — ситникъ, кумачникъ и лопотина—сарафанъ изъ шелковой матеріи *); кафтанъ изъ чернаго сукна на какой либо подкладкѣ и сукманникъ; голову прикрываютъ въ праздникъ кокошникомъ и шелковымъ платкомъ, на ноги одѣваютъ сапоги, а рѣдко коты, родъ башмаковъ, къ которымъ приколачиваются мѣдные подборы (каблуки); а зимнія—всѣ тѣже, исключая верхней одежды и обуви, изъ которыхъ первую замѣняютъ голая шуба и кошулъ—шуба же, только по-

*) Всѣ означенные сарафаны, надобно замѣтить, шьются никуда негоже, весьма узки и до того коротки, что едва покрываютъ у большинства колѣни.

крытая суконъ и обшитая кругомъ мѣхомъ какого-либо не дешеваго звѣрка, а послѣднюю катанцы.

Всѣ означенныя одежды приготовляются дома изъ своего матеріала. Мущины подстригаютъ и причесываютъ свои волосы такъ, какъ дѣлается это у мужика въ полномъ смыслѣ этого слова; а женщины всѣ вообще рѣдко причесываютъ ихъ и плетутъ косы, а собравши волосы назади въ одно мѣсто, перевязываютъ ихъ чѣмъ либо. Не въ модѣ у насъ, скажутъ онѣ, плести косы.

Въ Хаврогорскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда ежедневная одежда мущинъ въ лѣтнее время *понитки* домашняго приготовленія, изъ овечьей шерсти и пряжи изо льна, тканые картузы или шляпы, покупные большею частію изъ коровьей шерсти, сапоги, въ зимнее—шубы, полушубки, кафтаны, катанцы, рукавицы, отчасти домашняго приготовленія, а болѣе покупныя. Въ праздники одѣваются прилично и щеголевато въ суконныя сибирки, мѣховые тулупы. Ежедневная одежда женщинъ состоитъ изъ холщеваго сарафана, осиненнаго, набивнаго, называемаго набивницемъ, и кумачнаго повойника на головѣ, который неотъемлемое достояніе каждой сельской женщины до гроба (повойникъ въ существѣ вещи есть только отличіе женщины отъ дѣвицы). Въ ссорѣ или дракѣ, если посторонній мущина сорветъ съ головы женщины повойникъ, или какъ обыкновенно выражаются окосматитъ или опростоволоситъ, считается таковый поступокъ большимъ порокомъ, и женщина, не смотря ни на что и не взирая на поводъ, учинившій ссору, хотя и ею самою, ищетъ суда и даже платы денегъ за безчестіе, что впрочемъ рѣдко удается имъ выигрывать въ свою пользу, и большею частію дѣла такого рода, хотя иногда разбираются сельскими властями, оканчиваются мировою попойкою, которая для обѣихъ сторонъ не безвыгодна; искательница удовлетворяется, выражаясь: *мухотя опили*. Одежда дѣвицъ, какъ праздничная, такъ и рабочая обыкновенная всего Холмогорскаго уѣзда; но въ настоящее время старинныхъ богатыхъ парчевыхъ юбокъ, полушубковъ и коротеньихъ съ дорогими же серебряными хазами и бахромами водится очень мало, и обладательницы оными только дочери богатыхъ родителей; нарядъ старинный почти выходитъ изъ моды и употребляется только при немногихъ случаяхъ, какъ то: въ принятію святыхъ таинъ, въ Пасху къ утренѣ и вечернѣ, при сочетаніи бракомъ, и во время уличныхъ играній во время святокъ, а вмѣсто стариннаго наряда носятся дѣвицами платья, отчасти шелковыя, а болѣе шерстяныя и ситцевыя, голова при такомъ нарядѣ убирается косынкою, не уборомъ или шапочкою, а кругомъ головы, верхъ которой бываетъ не покрытымъ, косынка сгибается какъ галстухъ и онымъ голова перевязывается, въ косу какъ и при повязкѣ вплетается серебряная или мишурная кисть, или же вмѣсто оной ленты; шея украшается перломъ изъ такъ называемаго дутаго жемчуга, или мелкаго бисера.

Въ Челмохотскомъ приходѣ одежда въ простые дни, рѣдко отличаетъ состоятельнаго отъ бѣднаго. Въ будни одѣваются мущины въ понитки, армяки сѣраго сукна, сапоги (бахилы)—лѣтомъ на подобіе кучерскихъ поярковыя шляпы. Въ лѣсъ лѣтомъ ходятъ въ березовыхъ лаптяхъ, и также къ скоту въ хлѣвы, и около пазему въ нихъ работаютъ.

Зимою носятъ овчинные голые полушубки, пыжиковыя и суконныя шапки, катонки, теплыя рукавицы, сѣрые штаны. Женщины одѣваются въ будни большею частію въ синіе набивные холщевые сарафаны и красный повойникъ на головѣ, на ногахъ кожанные простые выступки, иногда же—въ пестрядные съ бумагою тканые сарафаны, особенно дѣвицы.

Въ праздники мущины одѣваются въ суконные сюртуки, нанковыя сибирки, панталоны суконные, триковые и такіе же жилеты. Зимою въ овчинные мерлужчатые тулупы подъ суконъ, — ситцевыя рубашки, шелковые галстуки, жилеты. Женщины богатыя одѣваются въ гарусные, штофные, ситцевые сарафаны, косынки, повойники, штофные, парчевые, съ вышитымъ золотомъ или серебромъ наверху кружечкомъ. Дѣвицы кромѣ того—въ повязки, высаженныя бисеромъ и дутымъ жемчугомъ, носятъ кофты, шугаи, ситцевые и гарусные капоты, кацевейки, со сборами по таліи. Дѣвицы на груди носятъ перла изъ простаго жемчуга, янтаря—на ногахъ чулки и башмаки даже козловые. Нынѣ женщины и дѣвицы, вмѣсто сарафановъ и штофниковъ, стали болѣе носить гарусныя и ситцевыя платья, нѣмецкаго покроя.

Въ Пингишахъ мущины и женщины одѣваются довольно опрятно. Въ простую пору мущины лѣтомъ носятъ понитки, зимою овчинныя шубы, короткія, чтобы въ работѣ не залетали подолы. Рубашки мужскія дѣлаются съ косымъ воротомъ, подплечье подшивается подкладкою. Праздничная рубаха всегда бываетъ красная, которую молодые ребята носятъ навыпускъ съ плисовыми широкими шароварами. Сибирки со сборами назади, и короткія поддѣвки, у богатыхъ суконныя, а у бѣдныхъ синія нанковыя. Старики носятъ армяки, камзолы и кафтаны, на головѣ четырехугольную съ мѣховою выпушкою шапку и полуярковую шляпу; молодыя ребята носятъ обыкновенные картузы и щегольскія шапки. Женщины иногда безразлично носятъ и мужскую одежду, какъ то понитки, кафтаны и шубу, но большей частію имѣютъ свой особенный костюмъ. Женская рубашка состоитъ изъ подставы поворотья и рукавовъ. Подстава бываетъ всегда изъ самаго дурнаго холста *), поворотье

*) Праздничная подстава по подолу вышивается красной бумагой и фигуры вышиваютъ на подолѣ кошки.

У мужчинъ и молодежи каждодневное платье зимнее: чепная круглая шапка, пальто изъ толстаго фабричнаго сукна, дикаго цвѣту, сюртукъ изъ сѣраго сукна; праздничное: пальто, на лапчатомъ голубомъ мѣху, а нѣкоторые изъ богатыхъ носятъ шубы на лисьемъ и энотовомъ мѣху, покрытыя чернымъ сукномъ, сюртукъ чернаго сукна, саноги выростковые и нерпечьи, а нѣкоторые щеголи носятъ и калоши.

Каждодневное платье лѣтнее: изъ толстаго фабричнаго сукна сюртукъ и изъ сѣраго сукна; праздничное: сюртукъ, изъ чернаго сукна, круглая шляпа или шапка изъ чернаго сукна.

Женщины ежедневное платье зимнее употребляютъ: изъ бумажной домашней ткани сарафаны и повойники, и повязки платкомъ вокругъ головы для выхода на улицу, нагольные тулупы и бумажные платки; праздничное платье для выхода въ церковь и въ гости: шуба на мѣху бѣличьемъ или заячьемъ, съ куньимъ воротникомъ, ситцевое платье, шолковый платокъ и косынка на головѣ, и шапочка съ опушью въ видѣ ярки; а также употребляютъ кацавейки на бѣличьемъ мѣху. Обувь: башмаки, а зимою носятъ и катанки. Платье лѣтнее ежедневное изъ бумажной домашней ткани, повойникъ, обвязанный платкомъ вокругъ головы; башмаки и туфли для домашняго обихода. Праздничное: ситцевое платье и шелковое, шелковый платокъ на шеѣ и косынка на головѣ.

У дѣвицъ платье зимнее праздничное: кацавейка или санъ-пальто на бѣличьемъ мѣху съ куньимъ воротникомъ, или бѣличьимъ, или пальто покрытое (драпомъ) полумериносомъ или шелковою матеріею, платье ситцевое; голову покрываютъ шелковымъ или бумажнымъ платкомъ; ежедневное платье: изъ домашней бумажной ткани, шубка крытая нанкою или саржей, и бумажный платокъ на шеѣ; обувь: башмаки и ботинки.

Дѣвицы употребляютъ повязки и вѣнки, по большей части при лѣтнихъ гуляньяхъ, играхъ и хороводахъ и при свадьбахъ.

Платье въ Золотицѣ носятъ слѣдующее: рабочее зимнее мужское платье состоитъ изъ малицы. У нѣкоторыхъ только есть своей выдѣлки коротенькіе нагольные полушубки. Въ худую ненастную и мокрую погоду работаютъ всѣ вообще въ суконныхъ совикахъ; Праздничное: зимнее платье у большой части крестьянъ тоже малица, только съ нарядною, по большей части краснаго яркаго цвѣта рубашкою. У молодыхъ щеголей сюртуки на бѣличьемъ или бараньемъ мѣху съ выдровыми воротниками. У стариковъ старинныя, коричневаго цвѣта съ серебряными застежками на бараньемъ мѣху и тонкаго сукна полукафтанья.

Рабочій зимній, мужской головной уборъ у всѣхъ вообще — малачьи шапки; праздничный мужской головной уборъ зимою состоитъ изъ заграничныхъ плюшевыхъ и обезьяновыхъ шапокъ, картузовъ, различныхъ матерій и формъ; это у молодыхъ. Старики носятъ баранью съ маленькимъ пухомъ круглыя шапки. У нѣкоторыхъ только стариковъ сохранились четыреугольныя съ маленькимъ бараньимъ пухомъ высокія шапки. Старинныя же въ родѣ бояронъ, высокія съ бобровымъ пухомъ шапки, въ Золотицѣ рѣдкость.

Лѣтнее рабочее платье: у всѣхъ мужчинъ рабочее платье лѣтомъ состоитъ изъ сотканныхъ коротенькихъ кафтановъ, понитковъ и иногда и худыхъ малицъ, коротенькихъ вязанныхъ изъ шерсти своей или норвежской работы, рубашекъ, у нѣкоторыхъ есть парусинныя или клеенковыя голландки.

Головной лѣтній рабочій уборъ: въ лѣтнюю рабочую пору на головахъ носятъ или своей работы или норвежской разныхъ цвѣтовъ и формъ шерстяные колпаки. На случай сырой и дождливой погоды, у многихъ есть заграничныя шляпы. При работахъ всѣ вообще рубаху складываютъ въ шаровары. Шаровары дѣлаютъ или изъ пестряди своего тканья, или изъ покупнаго тику или наконецъ изъ толстой парусины для того, чтобы они были прочнѣе при работѣ.

Праздничное: у молодыхъ драповое и суконное пальто, сюртуки всегда изъ тонкаго сукна, брюки и жилеты иногда и очень цѣнные, и разное нѣмецкаго покроя платье. У пожилыхъ суконныя синяго, зеленаго, коричневаго цвѣтовъ, полукафтанья и тонкаго сукна казакины. У стариковъ своей выдѣлки чернаго и сѣраго сукна коротенькіе кафтаны.

Праздничный головной уборъ. На головахъ носятъ лѣтомъ пуховыя шляпы и разныхъ формъ и матерій картузы, иногда даже и теплыя зимнія шапки. Старинныхъ поярковыхъ шляпъ здѣсь никто не носитъ.

Прическа у всѣхъ въ кружекъ. У стариковъ подрѣзаются волосы пониже уха, а у молодыхъ и щеголей въ полмочки и посрединѣ головы проборъ накось. Нѣкоторые изъ стариковъ выстригаютъ маковицы. Всѣ же вообще надъ лицомъ подрѣзываютъ волосы немного повыше бровей, по прямой линіи отъ висковъ, такъ, чтобы волосы не мѣшали только глядѣть.

Бороды и усовъ никто не брѣетъ, кромѣ щеголей, которые подрѣзываютъ бороду едва-едва примѣтно.

Рабочая зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ бахилъ. Нѣкоторые только и то изъ богатыхъ носятъ валяные сапоги катанки и самоѣдскую обувь. Относительно обуви и одежды въ Кѣхотскомъ приходѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Праздничная зимняя и лѣтняя обувь у всѣхъ состоитъ изъ черныхъ выростковыхъ и опойковыхъ на одну ногу сапоговъ и, надобно замѣтить, всегда щегольскихъ. Бахилы шьютъ вотъ какъ: къ переду пришиваютъ голяшку, стегами снаружи, чтобы не терло ногу, а потомъ и

выше локтя. Русскіе холщевые рукава на концахъ вышиваютъ красною бумагою. Узоры шитья слишкомъ грубы, они представляютъ всегда цвѣты.

Для грязной работы женщины и дѣвицы шьютъ себѣ такъ называемый кабатъ. Кабатомъ зовется фартукъ съ рукавами, или одни только рукава—нарукавники. Кабатъ шьютъ всегда изъ толстой сандальной пестряди.

Поясовъ широкихъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ здѣсь ни мужчины, ни женщины не носятъ. Здѣсь въ большомъ употребленіи шелковые пояски, плетеные въ видѣ сѣтокъ и называемые сѣтками.

Относительно платья мущинъ и женщинъ нужно замѣтить, что оно, хотя и дорого, но скромно. Грудь у женщинъ и дѣвицъ всегда закрыта, если не сорочкой, то платкомъ. Мужчины и женщины изъ пожилыхъ воздерживаются отъ щегольства и любятъ скромность. Иныя даже и при жизни мужей не носятъ ни серегъ въ ушахъ, ни колецъ на рукахъ, ни янтарей на шеѣ.

Что касается Сумскаго посада, то жители его одѣваются щеголевато. Женщины носятъ ситцевыя, шерстяныя, шелковыя и даже бархатныя платья или сарафаны, ситцевые, коленкоровые или кембриковые нарукавники съ манжетами и безъ нихъ; капоты; лѣтомъ въ праздники и во время гуляній бархатныя штофныя шубейки, а нѣкоторыя драповыя пальто. Зимою шерстяныя вязаныя кофты, вывозимыя изъ Норвегіи, обтянутые сукномъ ватныя полушубки, на плечахъ шелковыя шали.

Головной уборъ замужнихъ женщинъ состоитъ изъ новойника, вышитаго золотомъ, а дѣвицъ изъ навязаннаго не широкою повязкою шелковаго алаго платка съ распущенными назадъ концами, между которыми упадаетъ заплетенная коса съ лентою. Мужчины лѣтомъ носятъ суконныя, большею частію темнозеленаго цвѣта, на мѣху кафтаны и пальто; зимою, на мѣху тулупы и пальто, покрытые тоже сукномъ. Рабочая или будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ сѣраго суконнаго полукафтана (бострюка) и такихъ же штановъ, кожаныхъ бахилъ; во время же промысловъ одѣваютъ «ловчяки», то-есть кожанные штаны или сапоги. Голову покрываютъ лакированною шляпою или суконнымъ картузомъ, а въ зимнее время, особенно при переѣздахъ и на промыслахъ, шапкою съ наушниками и подзатыльникомъ, то-есть кожаннымъ треухомъ, подбитымъ волчьимъ или собачьимъ мѣхомъ; при ясной погодѣ наушники эти загибаются кверху и пристегиваются на пуговку; старики также носятъ медвѣжьи муфты.

ковригами. Печеніе ржанаго хлѣба бываетъ въ недѣлю или еще болѣе одинъ разъ, потому что будто бы черствый хлѣбъ спорѣе. Зачерствѣлый хлѣбъ кладутъ въ печь, чтобы снова сдѣлался мягкимъ. Ржаныя ковриги бываютъ довольно тяжеловѣсныя отъ 3 до 10 фунтовъ. Хлѣбы дѣлаются круглые и большіе. Испеченный изъ раствора ячменной муки хлѣбъ именуется житникомъ, коврижкою, короваемъ, коровяжкомъ и мякушкою; а для того, чтобъ житный хлѣбъ былъ постоянно мягкій, его пекутъ небольшими хлѣбцами почти каждый день, почему нѣкоторые отзываются, что житникъ сдобная и мягкая булка (для русака). Ржаной хлѣбъ растворяется или на квасной закваскѣ, или на опарѣ изъ отрубей, вспаренной предварительно въ печи. Закваска состоитъ изъ прокислаго хлѣба; дрожжи не сообщаютъ кислаго вкуса. Хлѣбъ, испеченный изъ муки непросѣянной, называется мякинным; изъ муки, просѣянной чрезъ рѣшета—рѣшетнымъ; изъ муки, просѣянной чрезъ сита, *ситнымъ* и *ситникомъ*. Вообще же хлѣбъ зовется овиннымъ. Хлѣбъ разводится на закваскѣ квасной гущи и пивныхъ дрожжяхъ. Печется съ солью. Ржаные хлѣбы валяютъ, а житные окатываютъ и кладутъ въ крупники, съ которыхъ сажаются на лопаты. Крестьяне нѣкоторые хлѣбъ называютъ *двойнымъ*. Растворенный хлѣбъ отъ время до времени подмѣшивается мутовкой, а предъ окатываніемъ засученными руками. Приготовивъ къ окатыванію густое тѣсто, стряпка дѣлаетъ лопаткой четыреконечный крестъ. Когда же начнетъ окатывать, то изъ концовъ креста еще дѣлаетъ по кресту меньшему. Чтобы хлѣбъ не предавался плѣсени, его разрѣзаютъ ломтями и небольшими кусками и высушиваютъ въ печахъ, чрезъ что онъ получаетъ названіе сухарей.

Прочіе жизненные продукты называются харчемъ, то-есть приварокъ, приварки — *васпой*, приправы — *снадобьемъ*. Что варится въ горшкѣ называется *варевомъ*. Вообще на харчи крестьяне не взыскательны: былъ бы имъ хлѣбъ.

Кушанья приготовляются смотря по времени и раздѣляются на буденныя и праздничныя и между тѣмъ на постныя и скоромныя.

Постная буденная пища: хлѣбъ, пустоваръ, пустова или пусты щи (бурдукъ изъ малаго количества ячной муки и крупы на водѣ); тюря (кусочки ржанаго хлѣба, намоченные въ водѣ или квасѣ съ солью); крошево (изъ размоченнаго въ квасѣ черстваго хлѣба); щерба или селянка (уха изъ рыбы); уха тресковая составляетъ первое блюдо обѣда въ будень и праздникъ; въ жареномъ и вареномъ видѣ рыба, которой ѣдятъ много, по большой части дешевле мяса. Употребляется морская соленая треска, пикшуй, зубатка, сайда, камбала, палтасина (палтусъ), сельди, сухая треска (штокфишъ), свѣжія мерзлыя наваги и сельди; рѣчная и озерная, свѣжая, соленая и сушеная рыба, рѣдька ломтями и стертая *пертухой* (теркой) съ квасомъ *), грибы въ квашеномъ видѣ. Грибы сушатъ нанизанные на лучины, на сковородахъ и доскахъ. Соленые грибы ѣдятъ или такъ себѣ въ прикуску, или же, разрѣзавъ мелко, хлебаютъ съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Грибы для осолки вымачиваютъ въ водѣ и нерѣдко изрѣзываютъ въ ломти; рѣпа—сырая, печеная, пареная и сушеная **); грибница, или грибовница (похлебка изъ сваренныхъ высушенныхъ грибовъ); рѣпница—паренная рѣпа, вымятая и размѣшанная съ квасомъ (щи изъ рѣпы съ прибавкой житной крупы); картофель вареный въ водѣ, или печеный на угляхъ, либо въ золѣ (ѣдятъ очищенный и неочищенный отъ шелухи); осоленная и изрубленная капуста съ квасомъ и иногда еще съ лукомъ. Кочанную бѣлую капусту заквашиваютъ, кладутъ тминное сѣмя; овсяное и житное толокно на квасу, разведенное и иногда съ ягодами; горошница (щи изъ русскаго гороха съ прибавкою крупы); травной лукъ съ квасомъ; свѣжія, замороженныя или вареныя кислыя ягоды такъ себѣ, либо съ квасомъ и толокномъ; опара (густой, кислый хлебальный квасъ). Приправами къ пищѣ въ посты служатъ: постное (конопляное) масло, соль, вода, квасъ и нѣкоторая огородная зелень. Сверхъ обыкновеннаго употребленія означенной пищи: рыба, ягоды, губы (грибы), капуста, горохъ и соль запекаются въ пироги и пирожки изъ тѣста ржаной и ячменной муки. Поэтому такія *стряпушки* и называются: колюбяками, рыбниками, ягодниками, капустниками, гороховниками и солониками. Изъ такого же тѣста пекутся въ коркахъ и безъ нихъ шаньги и калитки (лепешки); налистники (оладьи на высушенныхъ листьяхъ капусты, чемерицы и лапушника), сочни (прѣсныя тонкія лепешки) и продолговато-фигурчатые пироги изъ ячнаго тѣста, раскладенные въ раскатанные валькомъ тонко-ржаные изъ тѣста корки, пирогъ съ грибами—губникъ.

Праздничная постоянная пища улучшается противъ обыкновенной очень на немногое и только развѣ тѣмъ, что бываетъ побольше блюдъ и кушанья изъ той же провизіи и они приготовляются какъ бы повкуснѣе и пріятнѣе. Прибавляются тогда: палтусина—свѣжая и испеченая рыба, каша изъ простаго пшена, гричухи (гречихи) и перловой крупы, иногда бѣлый кисель изъ овсяной муки (заквашенной на отрубяхъ) съ ягодами и масломъ. Тогда еще побольше бываетъ шанегъ и сдобнаго печенья—колобовъ изъ ячменнаго крутаго тѣста.

Въ посты по праздникамъ пекутся ржаные калачи;

---

*) Поговорки: 1) Рѣдька съ квасомъ, рѣдька съ масломъ, да рѣдька съ солью, рѣдька голью, да рѣдька со щами, да рѣдька ломтями. 2) Рѣдьку можно ѣсть и съ господами, а спать—со свиньями.

**) О рѣпѣ прибаутка: а рѣпа брюху не докрѣпа.

ихъ дѣлаютъ изъ заквашеннаго или прѣснаго тѣста изъ ржаной муки, скатавши обвариваютъ въ кипяткѣ и сажаютъ въ печь. Они замѣняютъ крупитчатые и ихъ посылаютъ въ видѣ гостинцевъ.

Скоромную ежедневную пищу составляютъ: треска зажаренная въ прѣсномъ молокѣ и маслѣ, а иногда еще и съ картофелемъ или въ яйцахъ, или же холодная съ подливой кваса, палтусина, камбалы, наваги, сельди запеченыя, говяжьи щи (изъ мяса супъ на водѣ съ засыпою, то-есть горстью житной или овсяной муки, и иногда съ рубленной капустой); бѣлыя или кислыя щи (изъ ячной крупы, забѣленныя сметаной); вареное и жареное свѣжее бычачье жаркое—жарково, коровье, баранье и птичье мясо и говядина, солонина съ квасомъ и тертымъ хрѣномъ. Мозгомъ и мозговыми костями пользуются за обѣдомъ не всѣ, а только нѣкоторые старшины; похлебка изъ коровьихъ почекъ; каша (изъ житной крупы или картофеля); дичь бываетъ болѣе въ похлебкѣ, чѣмъ въ жареномъ видѣ; саломата (житная каша съ говяжьимъ саломъ, вмѣсто масла, называемымъ *шалегою*); шалега говяжье сало и нетопленный жиръ въ кускахъ; грибы свѣжіе и соленые въ сметанѣ и маслѣ; рубецъ (скотская полость) съ квасомъ и лукомъ; студень или заливное (холодное) изъ опаленныхъ коровьихъ, бычачьихъ, телячьихъ и овечьихъ ногъ, головы, губъ и ушей *); зажаренныя кишки (внутренности коровы и быка) съ начинкою крупы; картофель сваренный или зажаренный съ масломъ, молоко въ разныхъ видахъ его и иногда съ нимъ свѣжія сладкія ягоды. Приправы въ кушаньяхъ бываютъ: вода, квасъ, соль, молоко, сметана, грѣтое и пахтусное (пѣхтусное) масло. Но надобно замѣтить, что въ простые дни мясныя кушанья употребляются у рѣдкихъ крестьянъ, да и въ праздничные немного, но̀ филейныя мѣста говядины, баранину и дичь они распродаютъ по сторонѣ.

Въ праздничные скоромные дни, приготовленіе къ столу бываетъ почти тоже самое, лишь только въ прибавокъ больше напекается шанекъ и шанежекъ (круглыя булки, обыкновенно изъ житнаго и иногда изъ ржанаго тѣста, съ рыхлой внутренностію, съ поджаренной на маслѣ исподкой, и помазанныя пѣнною поливой, то-есть сметаной сверху); крупянныя (изъ перловой крупы) шаньги въ ржаныхъ коркахъ; растегаи (продолговатые пироги съ пшенною начинкой); сковородники (жидкія тонкія оладьи); олабиши (оладьи въ видѣ круглыхъ приземистыхъ пряниковъ); налистники (скоромные налистники называются наливками, побольшей части на сковородкѣ наливается жидко-разболтанная мука); сочни (какъ бы засушенные блины); блины житніе; прѣсныя шаньги (сочни съ мучною и сметанною поливою); ватрушки (шанежки изъ творога въ ржаныхъ коркахъ); картофельники (тоже, что и ватрушки изъ картофеля); колюбаки (пироги изъ ржанаго или крупитчатаго тѣста съ запеченною въ немъ рыбою: семгою, сигами, палтусиною и другихъ); жареная дорогая рыбка (пеледи, чиры, сиги, омыли и другія); *скробкіе* или воложные, то-есть разсыпные колобки (изъ крутаго житнаго тѣста на молокѣ); кисель (овсяный) съ молокомъ; каши: житная, пшенная и гричушная; яичница (изъ разбитыхъ куриныхъ яицъ сваренныхъ въ прѣсномъ молокѣ); сладкіе пироги,—о праздникахъ пекутъ съ изюмомъ или черникою въ срединѣ.

Отличительная черта русскаго пиршества—множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Такъ и здѣсь, для особыхъ храмовыхъ, или великихъ, и семейныхъ праздниковъ столъ бываетъ приготовленъ очень роскошно. Тогда варится, печется и приготовляется всего въ довольствѣ и постной, и скоромной пищи, разнаго печенья: ржанаго, житнаго и крупитчатаго. Въ съѣзжіе праздники пьютъ до обморока и ѣдятъ до икоты. Приправами тогда бываютъ: дикій тертый хрѣнъ, пряности, стручковый или горошчатый перецъ, уксусъ хлѣбный и простой.

Предъ ѣдою вымываютъ руки водой и вытираютъ ручниками, а затѣмъ молятся предъ иконами и садятся за столъ. Вмѣсто салфетокъ подаются полотенца. Ножей и вилокъ не употребляютъ; вмѣсто ихъ служатъ пальцы. Ножъ, которымъ рѣжутъ на ломти хлѣбъ, носитъ названіе хлѣбный ножикъ. Послѣ обѣда снова молятся и благодарятъ хозяина и хозяйку за хлѣбъ-соль.

Послѣ яствъ большое значеніе въ питаніи вообще имѣютъ напитки.

Хотя непремѣнную принадлежность крестьянскаго стола составляетъ квасъ, любимымъ общеупотребительнымъ и обыкновеннымъ напиткомъ для семьи служитъ чистая вода; но, кромѣ того, вездѣ въ деревняхъ постоянно на столахъ бываютъ выставлены деревянныя или каменныя кружки, либо чашки съ бѣлымъ квасомъ, который пьютъ очень часто и по многу, не смотря на то, что онъ окисъ или зацвѣтаетъ. Квасъ дѣлается изъ ячныхъ отрубей, съ частицею муки того же хлѣба, и потому называется житнымъ квасомъ. Квасъ разводится въ лагунахъ, ушатахъ съ крышками и цѣдилками. Въ хорошій годъ квасъ можно найти у самаго бѣднѣйшаго крестьянина.

Въ праздники напитки прибавляются: чай, пиво и хлѣбное вино.

Вино пьютъ единственно горячее, сивуху.

О порядкахъ при угощеніи сказано въ праздничныхъ обрядахъ.

Чай пьютъ съ непріятнымъ запахомъ и болѣе *конорку*

*) Сперва ноги бросаютъ въ печку въ пламя огня, чтобы опалить шерсть, затѣмъ нагаръ счищаютъ ножемъ и разрубаютъ. Потомъ куски ногъ кладутъ въ горшокъ съ налитою водой и ставятъ въ печь въ жаръ; наконецъ изъ горшка выдѣляютъ мосолъ, а остальной бульонъ разливаютъ въ сосуды.

(Иванъ-дзю), потому что поселяне не признаютъ за достоинство вкусъ и запахъ, а лишь бы былъ *жирной*, то-есть густой колеръ. Сахаръ употребляется рафинадъ. Раскольники вмѣсто чая пьютъ богородскую траву.

Пиво пьютъ безъ различія пола и возраста. Оно бываетъ своего приготовленія, и варится изъ ячменнаго солода, называемаго здѣсь еще и *ропцею*. Солодъ дѣлается такъ: берется мѣшокъ съ годными зернами ячменя и опускается въ рѣку, гдѣ онъ мокнетъ недѣли двѣ, то-есть до того, какъ будетъ довольно моченія; у нѣкоторыхъ же моченіе бываетъ при домѣ, въ какой-либо кадкѣ или чану, вода тогда рѣдко перемѣняется, а подъ конецъ сливается совсѣмъ. Потомъ, намоченное жито разсыпаютъ въ ростильницы или солодовни (описаніе ихъ относится къ «хлѣбопашеству.») и настилается въ нихъ толщиною въ вершокъ или два. Солодовни ставятъ на лавки или на полъ такъ, чтобы солодъ ростился при умѣренной температурѣ воздуха; притомъ лишаютъ свѣта. Такъ ячмень держится до мѣсяца, будучи изрѣдка орошаемъ водою, гдѣ онъ отпускаетъ ростки и еростается. Затѣмъ жито теребится (то-есть сросшіяся зерна отдѣляются) и насыпается на печи въ нѣкоторыя кучи, которыя закрываются полостью, и сверхъ нея накладываютъ доски, дрова, камни, и тому подобныя тяжести, для того чтобъ паръ не выходилъ, а жито солодилось. Въ такомъ положеніи ячмень лежитъ однѣ сутки, а на другія разсыпается по печамъ, на которыхъ сушится тоже сутки; вообще же высушивается такъ, чтобы онъ могъ размолоться намелко. Послѣ этого жито сграбляется (собирается) въ мѣры (получетверти) и мелется на ручныхъ жерновахъ и на мельницахъ такъ, чтобы солодъ вышелъ покрупнѣе. При варенія пива, солодъ первоначально обваривается въ вынаренныхъ (очищенныхъ отъ дурнаго запаха) кадкахъ или ушатахъ.. Затѣмъ въ кадки или чаны наливается горячая вода, а за нею высыпается солодъ, мѣшается, и на кадки или чаны накрываются крышки. Спустя немного времени, изъ чановъ или кадокъ сливается въ особый сосудъ (кубъ, чугунникъ и тому подобныхъ) сусло, раздѣляемое еще названіемъ *первакъ;* потомъ снова наливается горячая вода, и по истеченіи извѣстнаго времени вторично сливается сусло, съ прибавленіемъ названія *другакъ*. Сусло кипятятъ не сильно. Варятъ пиво на открытомъ воздухѣ, или въ срубахъ, подъ крышами и безъ оныхъ. Приготовленное сусло переваривается въ желѣзныхъ или мѣдныхъ котлахъ *). Когда сусло кипитъ, тогда въ него всыпается хмѣль; нѣкоторыми онъ прибавляется еще немного погодя. Сусло кипятятъ пока оно совершенно не сварится, для узнанія чего и пробуется изъ поваренокъ или ковшей. По окончаніи варки, сусло сливается въ чаны, или кадки, или ушаты; въ нихъ оно охлаждается и его тутъ запускаютъ дрожжами. Когда такой составъ начнетъ *бродить*, пиво разливается въ бочонки. Эти помѣщенія опускаются въ погреба или подполья. Чрезъ недѣлю или нѣсколько времени пиво получаетъ обыкновенную крѣпость. Пиво бываетъ иногда довольно пріятное и забористое, такъ что не пьющіе вина напиваются до пьяна отъ одного пива; но болѣе бываетъ горькое, черное, жидкое, съ дрожжами и малопѣнистое, потому что кладутъ чрезъ мѣру хмѣлю, не умѣютъ сохранять отъ окиси и не изучили еще правильнаго пивоваренія. Прежде чѣмъ пить вино въ праздники, крестьяне выпиваютъ сначала по нѣсколько оловянниковъ (стакановъ) пива. Въ Пуѣ, въ праздникъ, радушно всѣ перегащиваютъ между собою и первое увеселеніе при этомъ пиво; безъ пива и праздникъ не въ праздникъ, говоритъ поговорка. Пивныя дрожжи идутъ на закваску хлѣба.

*) Котлы покупаются сообща деревнею и дѣлаются принадлежностію церквей или часовень, гдѣ берутся за вкладъ денегъ.

На сѣверѣ табакъ почти столь же необходимъ, какъ и пища.

Архангельцевъ съ табакомъ и его куреніемъ первый ознакомилъ Англійскій капитанъ Ричардъ Ченслеръ, занесенный бурею въ Бѣлое море въ 1555 г. (Архангельскій сборникъ, 337 стр., I части). Табакъ въ Россіи скоро пришелся по вкусу и началъ быстро распространяться. Архангельскъ отправлялъ его во внутреннюю Россію.

Въ настоящее время и здѣсь табакъ, преимущественно листовую махорку въ нюшкахъ, стали мущины употреблять значительно, а у иныхъ привычка къ нему обращается въ ежечасную потребность, и затягиваются табакомъ до опьяненія или обморока. Молодые люди табакъ болѣе курятъ въ деревянныхъ и глиняныхъ *трубеціяхъ* (трубкахъ), самодѣльныхъ *скапироскахъ* (папироскахъ) и сигаркахъ (сигареткахъ), свертываемыхъ изъ разной, даже самой негодной бумаги. Нѣкоторые табакъ курятъ съ размельченною лиственною корою и съ вересовыми толчеными ягодами для крѣпости не изъ экономіи. Пожилыхъ же лѣтъ мущины нюхаютъ молотый табакъ, называя его *сухопутнымъ*. Табакъ такой держатъ въ берестянныхъ, корковыхъ, костяныхъ и металлическихъ табакеркахъ и рожкахъ. Для приданія нюхательному табаку пріятности запаха кладутъ корку лимона и душистые цвѣты. Крестьяне приговариваютъ: 1) Табакъ да баба—одна забава. 2) Кто куритъ табачекъ, тотъ хорошій мужичекъ.

Лакомства крестьянъ допускаются лишь только въ праздники. Десертъ у поселянъ составляютъ преимущественно: калачи, крендели, пряники и закуски (тоже пряники), которые покупаются въ городахъ, или въ деревняхъ у тамошнихъ торговцевъ и калачницъ. Калачи продаются связками (вязанками) по 12-ти копѣечныхъ

калачей въ каждомъ, или по 6-ти грошевыхъ пренделей; каждая вязанка продается по гривнѣ (по 3 коп. серебромъ); покупаются въ лавкахъ и калачи — *бараньчики*. Кромѣ того въ тарелкахъ выкладываются и другія пряности, какъ-то: орѣхи кедровые, каленые, щелканцы и прочіе.

Въ Усть-Пуѣ въ праздники радушно всѣ перегащиваются между собою, и первое ихъ увеселеніе при этомъ случаѣ пиво, «*безъ* пива и праздникъ не въ праздникъ,» обыкновенная ихъ поговорка. Употребленіе чая здѣсь еще распространяется довольно медленно: изъ 250 домовъ въ приходѣ развѣ только десятая часть имѣетъ чайные приборы, что составляетъ особенную роскошь, и имѣющему самоваръ невольно присвояется названіе «богачъ» и при угощеніяхъ первое предъ другими мѣсто, хотя вся эта роскошь упомянутаго богача ограничивается единственно только праздниками и расходомъ чаю въ теченіе года какого либо $^1/_2$ фунта, даже менѣе. Но столъ по возможности требуется самый изысканный: предъ каждымъ гостемъ, сидящимъ за столомъ, нужно чтобъ была цѣлая груда разныхъ масляныхъ «шанегъ» и «пироговъ» всѣхъ сортовъ и видовъ, кромѣ ржанаго хлѣба, присутствіе котораго тутъ въ такое праздничное время совершенно предосудительно, и на столъ нѣсколько (по возможности больше) блюдъ изъ рыбы, мяса, у нѣкоторыхъ дичи, бѣлыхъ «шанегъ» и прочихъ необходимостей, приготовленныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, могущаго удовлетворить мѣстному «гастрономическому» вкусу.

Гулянья и вечеринки бываютъ о святкахъ съ праздника Рождества Христова до Новаго года, и въ день заговѣнья предъ постомъ Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, о масляницѣ, и только почти въ послѣдній день бываетъ катаніе, при пѣніи пѣсенъ, на лошадяхъ и съ горъ, не говорю уже, что возліяніе Бахусу, со стороны мужчинъ, бываетъ въ этотъ день самое обильное.

Пища Тулгасскихъ жителей можетъ быть раздѣлена на ежедневную и праздничную, послѣдняя отъ первой, у большинства, мало чѣмъ отличается. Ежедневная пища въ скоромные дни состоитъ: изъ говяжьихъ и картофельныхъ щей, каши густой и крупянной, толокницы, мучницы, молока въ разныхъ видахъ; въ постные дни изъ рыбьей ухи и рыбы въ пирогахъ—стерляди, налимовъ, язенковъ, лещей, морской-палтусины и трески, рѣпы и картофеля. Въ праздники, которые если случатся въ скоромный день, прибавляется къ ежедневной—жареная птица, яичница, парное молоко (вареное), шаньги, пироги, колобы, сочни; а въ богатыхъ домахъ и булки;—а если въ постный—прибавляется къ ежедневной пищѣ лишній рыбникъ. Надобно замѣтить, что всѣ вообще жители къ празднику припасаютъ пищу получше:—у всѣхъ можно найти говядину, если праздникъ въ скоромный день, и рыбу въ разныхъ видахъ и разныхъ сортовъ, если въ постный.—Щи изъ мяса приготовляются просто—мясо, вода и соль, а у иныхъ къ этому прибавляется и крупа;—изъ картофеля—размятый вареный картофель, крупа и вода; каша густая—изъ ячной муки, которая переваривается съ водой и употребляется съ молокомъ и масломъ за завтракомъ; каша изъ крупъ—крупа разваривается въ молокѣ; толокница—толокно варится съ водой и вкушается, если день скоромный, съ масломъ коровьимъ, а если день постный, безъ всякаго приготовленія; мучница—ячменная мука, разболтанная съ водой и переваренная, употребляется такъ-же какъ и толокница;—та и другая въ горячемъ видѣ и съ крошаниной. Уха вообще приготовляется безъ всякихъ приправъ, исключая луку, который подается по принесеніи ее на столъ и даже не очищеннымъ; рыбники, или пироги съ рыбой, приготовляются также просто—рыба, какая бы она ни была, полагается въ *корку* *) изъ ячменнаго теста; рѣпа употребляется въ печеномъ, вареномъ и пареномъ видѣ; въ послѣднихъ двухъ вкушается съ квасомъ; картофель употребляется въ кашѣ и жарится въ маслѣ; жареная птица приготовляется просто и несовсѣмъ хорошо очищается.

Питье ежедневное составляютъ вода и квасъ, или опара, изъ ячной муки (квасъ бѣлый); а также праздничное сусло и пиво, въ богатыхъ домахъ и чай, употребляемый народомъ вмѣстѣ съ водкой и пивомъ.

Кушанья, описанныя выше, подаются на столъ ежедневно, въ порядкѣ; а въ праздникъ, что бываетъ у хозяйки напечено и наварено, все набирается на столъ и вкушается гостями такъ, что кому вздумается.

У жителей Челмохотскаго прихода домашняя пища въ будни, болѣе ячменный или пополамъ съ ржаною мукою печеный хлѣбъ, почти ежедневно приготовляемый, изъ ячной крупы, муки, со сметаною или молокомъ щи. Изъ рыбъ употребляется болѣе морская: сайда, пикшуй, треска, камбала, озерныя соленыя щуки, окуни, сороги, язи, или уха изъ сушеной озерной мелкой рыбы. Тоже почти и въ скоромные дни, кромѣ молока и каши изъ ячменной муки съ молокомъ и масломъ. Мясо употребляется рѣдко, и большею частію овечье или телячье.

Растительная пища состоитъ только изъ картофеля, рѣдьки и рѣпы, и рѣдко изъ капусты, привезенной изъ города Архангельска. Годомъ—также ягоды, волнухи, грузди. Въ воскресные дни и праздники особенно ѣдятъ ржаной хлѣбъ, иногда говядину, или птицу вареную, изъ рыбъ—вышепомянутую, яичницу, ячную иные пшенную кашу, ячныя крупитчатыя шанги, кулебяки со щукою, палтусиною, зимою же и печерскою рыбою. Въ будниплютъ большею частію воду, а богатые изрѣдка

*) Корку называютъ у насъ оздомьсмъ.

квасъ. Къ храмовымъ праздникамъ варятъ пиво, и всякій почти изъ жителей варитъ болѣе изъ ячменнаго солода, но недоброкачественное пиво.

Въ домашнемъ и сосѣднемъ обращеніи жители большею частію смирны, но не безъ исключенія. Гостепріимны по состоянію, особенно въ праздники храмовые, когда богатые угощаютъ близкихъ родственниковъ, кромѣ хлѣба и соли—чаемъ и кофе, да и у ровныхъ жителей нынѣ стали заводится самовары съ принадлежностями. Воровства бываетъ мало. Пьянства невидно. Соблюдаютъ бережливость. Усердны молиться и ходить въ церковь къ службамъ.

Всѣ жители православные и ни одного нѣтъ раскольника. Посты соблюдаютъ болѣе пищею и питіемъ, и третья часть не исполняетъ христіанскаго долга исповѣди и причастія. Большая часть жителей, особенно женщины склонны къ пересудамъ, переговорамъ и держатся разныхъ суевѣрій и предразсудковъ общихъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

Въ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, въ пищѣ и питіяхъ поселяне весьма неразборчивы. Въ простую пору хлѣбъ пекутъ изъ ячменной муки съ примѣсью ржаной—подъ названіемъ *каровашковъ*. Каровашки пекутся ежедневно. Ржаной хлѣбъ пекутъ только къ храмовымъ праздникамъ, свадьбамъ подъ названіемъ *ковриг*. Питье употребляютъ воду, квасу вовсе не дѣлаютъ. Пиво изъ ячменнаго солода варятъ къ праздникамъ и свадьбамъ какъ и ковриги. Изъ харчей въ простую пору употребляютъ пикшуй у немногихъ треску, и мелкую озерную соленую рыбу (окуни, сороги); рыбу не варятъ, а пекутъ на латкахъ съ обильною подливою воды. Варить рыбу считаютъ неспорымъ. Варятъ также мушницу, парятъ рѣпу. Мясной пищи, которая повидимому сытнѣе, здоровѣе и дешевле, поселяне кромѣ праздниковъ вовсе не употребляютъ, вѣроятно по неудобству въ унотребленіи и приготовленіи.

Праздничная пища: рыбники изъ разныхъ рыбъ, загнутые въ ячменную или ржаную корку. Рыбниковъ для свадебъ или въ храмовые праздники напекаютъ отъ 30-ти до 60-ти, потому что народу приходитъ очень много въ продолженіе трехъ дней праздничныхъ; всѣхъ садятъ за столъ, кто бы ни зашелъ въ домъ.

Каша пшенная тоже составляетъ принадлежность праздниковъ.

Топтунъ, кашный блинъ, изъ житной крупы, облитый масломъ, принадлежность дѣвичьей праздничной ватаги.

Пироги на сочняхъ изъ ячменной крупы. Крупу для сего вымачиваютъ въ молокѣ, кладутъ масло, все это перемѣшиваютъ и размазываютъ на сочни, края которыхъ загибаютъ защипомъ; сочни для пироговъ дѣлаютъ продолговатые.

Калитки на сочняхъ—выливаютъ ячменное тѣсто, растворенное на дрожжахъ.

Мѣловашки—квашенныя на дрожжахъ каровашки изъ ячменной муки.

Бѣлый кисель изъ отрубей и мякины.

Пироги, *печатныя сочни*, калитки, ломти хлѣба грудой кладутся на столѣ противъ каждаго человѣка. При обѣдахъ сперва подаютъ рыбники, тамтусовые, изъ мѣстной рыбы, язенковые, лещевые, потомъ изъ сытой рыбы. Послѣ рыбы подаютъ кашу, яичницу и топтунъ, передъ каждой перемѣной подаютъ водку рюмками или стаканами, и вслѣдъ за водкою пиво. Въ пищу не употребляютъ медвѣжины, зайца, козла, свинины; изъ птицъ—куръ, пѣтуховъ, журавлей, лебедей, куликовъ; изъ рыбъ—не имѣющихъ на себѣ плеску и во лбу крестообразной кости, но налимъ исключается изъ числа печистыхъ рыбъ хотя онъ и не имѣетъ плески.

Въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ пища народа однообразна, изысканности въ столѣ нѣтъ. Ѣдятъ обыкновенно три раза въ день, при чемъ въ 8 часовъ утра обѣдаютъ, въ 7 или 8 вечера ужинаютъ.

Завтракъ состоитъ въ скоромный день или изъ крынки молока, или каши—поварихи (густо замѣшивается и варится ячная мука на водѣ) съ молокомъ и масломъ; а въ постный день изъ трески.

Обѣдъ и ужинъ въ скоромный день состоитъ изъ трески, или пикшуя, щей и молока.

Уха тресковая составляетъ первое блюдо въ будень и праздникъ. Щи приготовляются изъ крупы или муки ячной, сваренной на молокѣ или водѣ.

Постный столъ состоитъ изъ трески, крупянки и на закуску кислой опары (изъ ржаной муки) или разсола (испареной и толченой рѣпы), зажиточные же ѣдятъ картофель, ягоды, толокно.

Въ воскресные и праздничные дни каждая хозяйка стряпаетъ шанги изъ ячной муки, и приготовляетъ лишнее противъ будничнаго стола блюдо: печетъ палтусину, яичницу, варитъ какую либо кашу.

Говядину ѣдятъ рѣдко и мало, по непривычкѣ къ мясной пищѣ, и покупаютъ ее только къ народнымъ праздникамъ.

Пиво, вино и чай составляютъ необходимую принадлежность съѣзжихъ праздниковъ, а потому и богачъ, и бѣднякъ все это заготовляютъ на праздникъ въ изобиліи. И чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ болѣе требуютъ гости изысканности въ столѣ; бѣдно празднуетъ, когда за обѣдомъ и ужиномъ перемѣнъ по 7 блюдъ; на богатомъ обѣдѣ бываетъ перемѣнъ отъ 10 до 13-ти: треска, пироги, палтусій, семужій, холодное изъ рыбы, студень, щи, жаркое изъ говядины, рыбникъ, каша, блинный пирогъ, пожалуй яичница, сладкій пирогъ.

Не менѣе этого приготовятъ и въ постный праздникъ; за богачемъ тянется бѣднякъ, и часто тратитъ послѣднюю копѣйку, а иногда и кредитуется, только бы отпраздновать праздникъ «не хуже людей».

Кромѣ народныхъ праздниковъ пива не варятъ, и для питья въ праздникъ и будни употребляютъ изъ ячной муки, или ржаныхъ отрубей—квасъ. Зажиточные каждый день пьютъ чай.

У крестьянъ Лисестровскаго прихода употребляется ежедневная пища въ постные дни: хлѣбъ большею частію ячменный или житный, въ рѣдкость ржаной, похлебка изъ картофеля или изъ другихъ овощей, иногда уха изъ навагъ и сельдей и каша съ постнымъ масломъ; въ скоромные дни: треска въ скоромномъ маслѣ, похлебка изъ картофеля; въ праздничные дни: треска съ масломъ, уха изъ окуней или сороговъ, каша съ масломъ и палтусина, пироги, шанги и молоко, и изрѣдка мясо.

Питье: квасъ и вода; а въ праздники: пиво изъ ячменнаго солода и частію водка.

Пища Сумлянъ въ скоромные дни: а) соленая палтусина (жареная, вареная и въ пирогѣ); б) соленая и сухая треска; соленую поджариваютъ съ яйцомъ въ молокѣ, также употребляютъ въ пирогѣ и варятъ, а изъ сухой трески приготовляютъ щи, съ примѣсью овсяной крупы; в) коровье и оленье мясо, а также мясо дикихъ птицъ: утокъ, рябчиковъ, глухарей, тетеревей и другихъ; изъ мяса коровьяго и оленьяго приготовляютъ щи съ примѣсью небольшой доли крупы, а иногда и капусты; изъ мяса птицъ жаркое, а изъ коровьихъ ногъ — студень; г) варятъ на молокѣ кашу изъ пшена, гречихи, крупы: овсяной, манной и ячменной; чаще же приготовляютъ пшенную; д) варятъ и жарятъ въ маслѣ картофель. Въ праздники стряпаютъ изъ ячменнаго крупчатаго теста, съ подливою сверху растертымъ картофелемъ, пшеномъ, крупой съ примѣсью сметаны, шанги или растегаи. Послѣдніе отличаются отъ шанегъ тѣмъ, что имѣютъ продолговатую форму.

Изъ соленыхъ рыбъ, кромѣ упомянутыхъ выше, употребляются: голецъ, губатка и семга; а изъ свѣжихъ: налимы, щуки, окуни, сиги, ряпушка, ерши, наваги, сельди и камбалы (изъ всѣхъ поименованныхъ рыбъ болѣе варятъ уху и только изрѣдка въ праздники дѣлаютъ жаркое).

Въ посты и постные дни употребляютъ: а) горохъ, который варятъ съ половинною долею овсяной крупы; б) соленые волнухи и грузди; в) изъ ягодъ: морошку и бруснику, (первую ѣдятъ въ будни съ квасомъ а въ праздники съ медовымъ взваромъ); г) соленую и свѣжую рыбу; д) кашу по большей части пшенную съ постнымъ масломъ; е) изъ овощей: рѣпу, брюкву, рѣдьку и картофель съ масломъ. Изъ приправъ въ употребленіи: лукъ, хрѣнъ, горчица, перецъ, чеснокъ и уксусъ; послѣдній употребляется рѣдко, да и то зажиточными жителями. Изъ напитковъ въ употребленіи: чай, въ скоромное время со сливками, шаньгами или растегаями, или же съ булкою; въ постные дни съ лимономъ и безъ него. Кофе пьютъ только въ богатыхъ домахъ и то очень рѣдко; многіе же считаютъ его напиткомъ воспрещеннымъ. *)

Изъ хмѣльныхъ напитковъ въ употребленіи въ зажиточныхъ домахъ: ликеръ или по народному «литера» хересъ, различныя наливки **) какъ-то: кюмель, кіевская, малиновка, вишневка, преимущественно же употребляютъ ромъ; въ бѣдныхъ домахъ по большей части пьютъ горѣлку и развѣ изрѣдка, по какому нибудь болѣе радостному случаю, засѣдаютъ за бутылкою рома; пиво варятъ рѣдко и то плохое. Порядокъ наиболѣе соблюдаемый въ употребленіи кушанья слѣдующій: въ скоромные дни уха изъ навагъ и самая навага; треска зажаренная съ яйцомъ въ молокѣ или въ кулебякѣ; потомъ кулебяка съ зубашкою или съ палтусиною: далѣе (если есть) кулебяка съ семгою, потомъ каша съ масломъ (иногда подаютъ ее съ молокомъ) и наконецъ, если есть, морошка съ шаньгою или съ бѣлымъ хлѣбомъ, или же молоко съ шаньгою.

Въ постные дни подаютъ: а) волнухи ***) или грузди, б) горохъ, в) толокно, и г) морошка или брусника.

---

*) Говорятъ, что кофе выросъ изъ Іудовой утробы.

**) Наливки и вина вывозятся изъ Норвегіи, частію же покупаются изъ имѣющагося въ посадѣ погреба для продажи виноградныхъ винъ.

***) Иногда вмѣсто волнухъ ставятъ рыбу.

ГЛАВА V.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Общее описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, составленное П. А. Ивановымъ.—Свадьба въ селѣ Сурѣ, Бирючевской волости того же уѣзда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.—Три свадебныя причитанія: два изъ Пинежскаго уѣзда и одно изъ Шенкурскаго.—Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ, сообщенное К. Шабунинымъ.—Свадьба въ селѣ Рикулѣ Холмогорскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Дохтуровымъ.—Свадьба въ селѣ Кургоминскомъ, Шенкурскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Сысоевымъ.—Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, сообщенные свящ. Алексѣевымъ.—Свадьба въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, описанная свящ. Колчинымъ.—Свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгаскаго прихода, Шенкурскаго прихода. Свадьба на Зимнемъ Берегу Архангельскаго уѣзда, описанная свящ. Вл. Розановымъ.—Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.—Свадьба въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда.—Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги, записанные со словъ одной мѣщанки въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фриде.—Свадьба мѣщанъ города Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ.

Описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ у русскаго населенія въ Архангельской губерніи, доставлены были П. С. Ефименку изъ девяти мѣстностей, принадлежащихъ къ уѣздамъ: Пинежскому, Шенкурскому, Холмогорскому, Онежскому, Архангельскому, а также изъ Сумскаго посада, городовъ Онеги и Мезени.

Начнемъ съ описанія свадебныхъ обрядовъ, существующихъ вообще въ Пинежскомъ уѣздѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.

Вступленіе въ супружество, говоритъ г. Ивановъ, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни сельчанина, составляетъ самые важные часы самаго лучшаго счастія, а бракъ сопровождается самыми затѣйливыми обрядами и никогда семейная жизнь не облекается такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты, особенно когда свадьба *ведется* у холостаго съ небывшей еще въ замужествѣ.

На свадьбѣ любятъ щегольнуть хлѣбосольствомъ, попойками, любятъ похвастать нарядами и не жалѣютъ ничего на раздольѣ. И потому затѣйливые и съ тѣмъ вмѣстѣ старинные обычаи и обряды очень занимательны; прослѣдить же за каждою особенностію—занятіе довольно сложное и не безъ затрудненій. А между тѣмъ патріархальные обряды, мало по малу измѣняются и изъ употребленія вытѣсняются новыми обычаями.

Сватовство идетъ чрезъ избраннаго женихомъ *свата*. Сватомъ бываетъ или родственникъ жениха, а иногда и невѣсты, или же *бывалый* сосѣдъ, т. е. бывавшій не одинъ разъ сватомъ. Вообще дѣлается: какъ бы ловчѣе, какъ бы сподручнѣе удалось *сватовство*.

Сватъ первоначально призывается въ домъ жениха, здѣсь происходитъ совѣщаніе родителей жениха со сватомъ, и родители благословляютъ сына на женитьбу, сватъ же подчуетъ водкой. Затѣмъ сватъ отправляется въ домъ родителей невѣсты, обыкновенно молится по приходѣ Богу и поздоровавшись съ домашними, остается у порога, не проходя далѣе *воронца*, пока невѣстины родители не пригласятъ его *присѣсть*, говоря, что въ *ногахъ правды нѣтъ*.—Такъ да сякъ въ разговорахъ сватъ объясняетъ причину своего прихода. Вскорѣ является на столъ угощеніе, и сватъ, подъ вліяніемъ постояннаго *потчиванія* попойкою, изливаетъ все свое краснорѣчіе о лучшихъ достоинствахъ жениха, съ прибауткою: *давай—по рукамъ, да и въ баню*.

Разумѣется, за согласіемъ не стоитъ дѣло. Родители уже знаютъ, что дѣвка ненадежный товаръ, залежится съ цѣны спадетъ, а парни по деревнямъ всѣ равны, одинъ не лучше другаго, всѣ на одну колодку дѣланы,—а также и пословицы: *суженаго конемъ не объѣдешь, или суженый уродъ будетъ у воротъ*. Но ужь это таково обыкновеніе, положительнымъ *да* или *нѣтъ* бываетъ всегда неопредѣленная отсрочка, чтобы не оскорбить сватающихъ скорымъ отказомъ, а скорымъ согласіемъ не ввести себя подъ сомнѣніе.

Поблагодаривъ по приличію свата за *необходъ ихъ дочи* (дочери), сватъ уходитъ отъ невѣстиныхъ родителей съ извѣстіемъ къ жениху.

Послѣ этого женихъ и родители его остаются въ ожиданіи результата *сватовства съ невѣстиной стороны*.

Впродолженіе всего времени, взятаго на *отсрочку*, родители невѣсты обдумываютъ, нѣтъ-ли какихъ препятствій съ своей стороны къ выдачѣ въ замужство дочери, узнаютъ мнѣнія о свадьбѣ своихъ родственниковъ и вообще—*обсуждаютъ къ лучшему*.

Достоинства жениха въ расчетъ принимаются по слѣдующимъ условіямъ: богаты, или бѣдны родители его, соображаясь съ своимъ достояніемъ,—каковъ домъ и хозяйство,—мала или велика *семья* у жениха,—рабочъ или лѣнивъ женихъ,—*пьющъ* или воздержный отъ излишества, а также: старъ или молодъ, здоровъ или хилъ, красивъ или уродъ, каковъ *характеромъ* (поступками) въ трезвомъ видѣ и *во всечасно*, уменъ (смѣтливъ, благоразуменъ и трудолюбивъ) или дуракъ (глупъ, вѣтреный и идіотъ).

Собравъ всѣ свѣдѣнія и сообразившись съ своею возможностію, родители невѣсты извѣщаютъ жениха о днѣ, въ который онъ можетъ узнать *вѣрное:* отказъ (несогласіе), или приказъ (согласіе), тотъ день называется *пропоемъ*, *рукобитьемъ и зарученьемъ*, а согласиться на выдачу въ замужство—значитъ *пропить, просандалить* и просватать дѣвку.

Въ назначенный день *рукобитья* у невѣсты собираются ближайшіе родственники. Они и отецъ невѣсты отсюда отправляются къ жениху.

Если отъ родителей невѣсты объявленъ присутствующимъ *прикавъ*, до обѣда или послѣ него, въ домѣ жениха начинается *пропиванье*. Тогда до такой степени напиваются спиртныхъ напитковъ, что бывали случаи, что изъ честныхъ гостей отправлялись скоропостижно на тотъ свѣтъ и именно пьютъ такими стаканами, что въ каждый входитъ $5\frac{1}{100}$ ведра, или прямо *изъ братыни*.

Отъ жениха онъ, отецъ его, сватья и пріѣзжіе гости ѣдутъ въ домъ невѣсты на *смотрины*.

Родители невѣсты, зная что пріѣздъ будетъ, принимаютъ *честныхъ* гостей съ доступными почестями, выходятъ къ крыльцу навстрѣчу, низко кланяются въ поясъ, садятъ перекрестившихся гостей на почетныхъ мѣстахъ за столъ.

Между этимъ церемоніаломъ передъ образами зажигаются свѣчи, тогда всѣ встаютъ съ мѣстъ *кланяются въ землю* и сватъ съ отцомъ невѣсты, перекрестившись схватываются правыми руками, т. е. *бьютъ по рукамъ*. При этомъ, сватъ захватываетъ полу, или рукавъ своего кафтана или сибирки, а мать невѣсты или другіе родственники *разнимаютъ руки ихъ*. Иногда на рукобитьѣ бываетъ священникъ съ крестомъ. Послѣ рукобитья краткій уговоръ заключается на словахъ. Условія объясняются на словахъ, никогда на письмѣ.

Послѣ *зарученья* всѣ садятся за накрытый и заблаговременно приготовленный столъ, указывающій на гостепріимство хозяина. Первое мѣсто за столомъ занимаетъ *священникъ*, потомъ жениховъ отецъ, женихъ, сватъ и прочіе родственники по старшинству. Тутъ идетъ угощенье, женихъ беретъ подносъ и *подноситъ вино* будущимъ тестю, тещѣ и невѣстѣ, при чемъ послѣдней *даритъ кольцо* и приноситъ подарки въ гостинцахъ *). Затѣмъ онъ *чествуетъ*, (подчуетъ, продолжаетъ подносить водку) всѣхъ родственниковъ и родственницъ, сперва невѣстиныхъ, а потомъ своихъ.

При зарученіи невѣста выноситъ на подносѣ *дары*, т. е. шелковыя или бумажныя перчатки, смотря по состоянію. Сперва подноситъ священнику, потомъ жениху и свату. Надо не забыть,. что свата въ сватовствѣ замѣняетъ ловкая баба-*сватья*.

Когда все то исполнится, усаживаются снова за столъ —тогда-то и идетъ свадебный столъ.

Свадебный сговоръ—есть окончательное согласіе на вступленіе въ брачный союзъ, уговоръ о *днѣ вѣнчанія*, сроки которому бываютъ различные, и прочихъ свадебныхъ кондиціяхъ: *приданомъ*, *дарахъ*, расходахъ и проч. Но въ виду моемъ бывали случаи, что все сватовство и свадьба продолжались четыре или семь дней.

Приданое бываетъ отъ невѣсты жениху, оно важное условіе въ свадьбѣ. Въ приданое поступаютъ: постѣль, платья, домашняя утварь, украшенія, деньги и иногда недвижимое имущество. Пословица: *денежка на столъ, такъ и дѣвушка за столъ*.

Какъ скоро дѣвушка бываетъ просватана, на нее накрывается *фата*. Съ тѣхъ поръ она не занимается почти никакою домашнею работою и никуда не выходитъ изъ дому,—ни въ гости, ни на игрища, ни въ церковь, хотя-бы свадьба отложена на довольно продолжительное время.

Съ зарученья съ обѣихъ сторонъ начинаются приготовленія къ свадьбѣ: варится пиво, закупается водка, *покупки* (все нужное), *дары* и проч.

Въ то же время *снаряжаются свадебные чины:*

1). *Священникъ*, который будетъ совершать таинство брака. Къ нему ходитъ женихъ, или отецъ его, объявляетъ о свадьбѣ, условливается о днѣ бракосочетанія и проситъ быть на свадьбѣ.

2). *Благословенный отецъ*. Имъ бываетъ родной отецъ женихов, а если нѣтъ въ живыхъ, то:

3). *Посаженымъ отцомъ* бываетъ крестный отецъ, (т. е. воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

---

*) Водку женихъ привозитъ самимъ купленную.

4). *Тысяцкій*. Имъ бываетъ болѣе крестный жениха (воспріемникъ его), а иногда и другой по приглашенію.

5). *Благословенная мать*—есть родная мать невѣсты, но если ея не имѣется въ живыхъ, то:

6). *Посаженою благословенною матерью* бываетъ божатка невѣсты (крестная мать ея).

7). *Сватъ*, или *сватья* жениховы, они уже выбраны.

8). *Подвѣнечная сватья* жениха избирается невѣстою изъ ближайшихъ родственницъ. Сватья эта бываетъ при невѣстѣ.

9). *Запостельная сватья*—это постельная проводница со стороны невѣсты.

10). *Дружки* или *повозники*—шафера.—Ихъ бываетъ два, по одному съ каждой стороны. Они избираются изъ щеголеватыхъ холостыхъ родственниковъ, или же знакомыхъ. На рукавахъ ихъ кафтановъ, или сибирокъ привязываются или пришиваются *банты*, т. е. розовыя ленточки. Старшій изъ дружекъ бываетъ съ жениховой стороны,—у него перевязывается правый рукавъ. У младшаго же, съ невѣстиной стороны, лента бываетъ на лѣвомъ рукавѣ.

11). *Проводники*.—Со стороны жениха. Это родственники и друзья его, которые провожаютъ съ нимъ холостую жизнь и провожаютъ свадьбу къ вѣнцу.

12). *Поѣзжане*. Это мужчины, родственники и знакомые съ невѣстиной стороны, участвующіе въ свадьбѣ. Поѣзжане—родители и подруги невѣсты, которые ѣздятъ осматривать житье-бытье жениха.

13). *Праворучницы* и *леворучницы*. Ими бываютъ дѣвушки, приглашенныя невѣстою провести послѣдніе дни ея дѣвственности, съ которыми она въ дѣвичествѣ водила дружбу и знакомство. Праворучницы сидятъ въ комнатахъ невѣсты по правую руку ея, потому что были *хорошія подружки*, а лѣворучницы по лѣвую руку, потому что были такъ *себѣ, по середкѣ*.

14). *Плачеи*.—Это женщины, знающія всѣ свадебныя пѣсни и хорошо поющія ихъ; онѣ еще называются *пѣвулями*. Ихъ приглашаютъ нарочно, а другія сами приходятъ безъ зова. За труды имъ *даютъ деньги и десертъ*.

15). *Вѣжливый*, или *клѣтникъ*, колдунъ *). Обязанность охранять *свадьбу отъ порчи*. Онъ осматриваетъ всѣ углы дома, пороги, пересчитываетъ камни въ печи, кладетъ замокъ подъ порогъ, дуетъ на скатерть, одуваетъ, оговариваетъ, отвѣдываетъ каждое кушанье, читаетъ наговоры, нашептываетъ разныя слова въ одежду, дѣлаетъ привѣски къ крестамъ новобрачныхъ, нашептываетъ надъ сбруею лошадей при повозѣ свадьбы (чтобы разрушить чары другаго колдуна). Все это дѣлается для благополучія свадьбы, чего нельзя достигнуть обойдя колдуна: или лошади станутъ (остановятся и не побѣжатъ), либо распрягутся, либо поѣздъ срѣту не увидитъ, либо лошади начнутъ рваться, замѣтать снѣгомъ, или лѣтомъ—пылью, либо колеса съ телѣги спадутъ.

*) Не вездѣ, да вообще я рѣдко его видалъ, на нѣкоторыхъ только свадьбахъ.

16). *Поваряне*. Это посторонніе люди, зрители и приходящіе послѣ вѣнца въ жениховъ домъ попить вина и пива.

Между тѣмъ, подруги въ невѣстиномъ домѣ *кашиваютъ то и се* въ приданое, а по приближеніи дня вѣнчанія, домашнія женщины приготовляютъ во множествѣ пищу.

Если бы во время приготовленій полученъ былъ отказъ съ которой либо стороны (а это иногда случается и даже по уважительнымъ причинамъ), то обиженная (получившая отказъ) сторона требуетъ убытки свои. Такой отказъ сверхъ *причиненія убытковъ считается личною обидою;* но такъ какъ у поселянъ нѣтъ гордости и нѣтъ амбиціи, то обида забывается миромъ по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ.

Браку предшествуетъ *дѣвичникъ*, или какъ еще называютъ: *обручанье*, *смотрины*, *подсвадебье*.

Канунъ этого дня родители и подруги невѣсты ѣздятъ въ домъ жениха по обычаю посмотрѣть его *житье-бытье*. Женихъ встрѣчаетъ *пріѣзжанъ* съ почетомъ и подчуетъ водкою и десертомъ.

Передъ этимъ къ жениху приходятъ изъ своей деревни женщины мыть избу, женихъ угощаетъ *ихъ виномъ*.

Въ этотъ же день невѣста съ подругами, если у ней умерли родители, *ѣздитъ къ ихъ могиламъ*. На нихъ она плачетъ и проситъ позволенія умершихъ родителей на выходъ въ замужство.

Съ кладбища они ѣдутъ къ *невѣстинымъ родственникамъ*. Здѣсь невѣсту и ея свата подчуютъ разными лакомствами, а невѣста во время пѣсенъ рыдаетъ и обвивается руками за шею попеременно каждаго находящагося въ тѣхъ домахъ, куда пріѣзжаютъ они. Всякій, кого *обоймета* невѣста, долженъ дать ей сколько нибудь денегъ (отъ 3 до 50 коп.).

Когда такъ объѣздятъ всѣхъ родственниковъ (разумѣется только близко-живущихъ) невѣсту привозятъ домой и оставляютъ ее тамъ. Подруги же и другія женщины—*пѣвули* усаживаются на нѣсколько саней, или телѣгъ и тихо ѣздятъ на лошадяхъ по улицамъ съ пѣснями; такая поѣздка бываетъ по-вечеру. Кромѣ того *отпѣвальныя пѣсни* поются произвольно всякою женщиною въ своемъ домѣ во всякое время. Вечеромъ этого дня женихъ и невѣста моются въ баняхъ.

Въ дѣвичникъ, находящіяся у невѣсты подруги-дѣвушки пришпиливаютъ *повозникамъ банты* (знакъ), при этомъ дѣвушки дружекъ покалываютъ булавками и игол-

ками, а чтобы онѣ не кололи болѣе, *откупаются отъ нихъ*, т. е. даютъ имъ гостинцу.

Послѣ этого дружки уѣзжаютъ на лошадяхъ *завывать* (приглашать *на свадьбу*) извѣстныхъ родныхъ и знакомыхъ.

Съ утра того дня, въ который положено быть подсвадебью, начинаютъ собираться въ домъ жениха всѣ его родственники и знакомые. Когда всѣ *званые* соберутся и придетъ священникъ то всѣ усаживаются за приготовленный уже столъ; но это дѣлаютъ только для виду. Потомъ всѣ вскорѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и женихъ всѣмъ кланяется и подноситъ въ *стаканахъ* вино.

Послѣ сего священникъ ограждаетъ жениха крестомъ и у иконъ затепляется лампада и зажигаются свѣчи.— Потомъ *отецъ благословляетъ жениха иконою, а мать хлѣбомъ-солью*. Затѣмъ всѣ поѣзжане-проводники и свадебные чины усаживаются въ нѣсколько саней, или телѣгъ, запряженныхъ въ пары лошадей, къ дугамъ привязываются по нѣскольку на каждую *малиновыхъ колокольчиковъ*, бубенчиковъ, шаркуновъ и позвонковъ.

Весь поѣздъ по вечеру *ѣдетъ къ невѣстѣ*.

Въ домѣ невѣсты въ *подсвадебье*, или въ *большія смотрины*, т. е. наканунѣ свадьбы, также собираются ея родственники, непремѣнные члены свадьбы, знакомыя подруги и посторонніе. Любопытнаго народу вообще стекается *подъ свадьбу* множество и отъ того бываетъ тутъ чистый гвалтъ: говоръ, смѣхъ, шумъ, пѣсни, тѣснота и давка. Если *свадьба справляется* зимою, то въ особой комнатѣ, или же въ особомъ домѣ, собирается *вечеринка*, если же свадьба бываетъ лѣтомъ, то мужчины и женщины играютъ въ *разныя игры* въ сѣняхъ, на повѣти, т. е. на улицѣ.

Столъ и всѣ обычныя церемоніи ведутся въ большой, просторной избѣ, невѣста же находится въ особой комнатѣ.

Къ пріѣзду жениха на *свадебный столъ* разстилаютъ *браную скатерть*, на нижній (не въ переднемъ углу конецъ) стола кладутъ одинъ, на другой два ржаные хлѣба, особо испеченные про свадьбу и называемые *столовиками*. На другой конецъ впослѣдствіи кладутся свадебные *пряники*—подарки невѣстѣ отъ жениховыхъ гостей.

Какъ скоро въ домѣ невѣсты услышится звукъ колокольчиковъ женихова поѣзда, немедленно и крѣпко на нѣсколько запоровъ, затворяются ворота въ домѣ и ставни у оконъ. Пріѣхавшій къ дому женихъ съ товарищами *сильно стучитея* въ ворота, но въ домѣ никто не отворяетъ воротъ нарочно, будтобы не слышатъ стуку. Потомъ жениховы проводники берутъ *стягъ* (оглоблю, или подобный ей стягъ), и имъ колотятъ во всю мочь объ уголъ дома, близъ запертыхъ ставнями оконъ. Наконецъ ворота отворяются, и родители невѣсты съ родственниками и гостями встрѣчаютъ жениха и его родню въ сѣняхъ съ нѣсколькими зажженными свѣчами. Женихъ выходитъ изъ повозки, оправляетъ свое платье и волосы и крестясь входитъ въ сборную комнату, зрители отступаютъ, дѣлаютъ для *дорогихъ гостей* свободный ходъ и пѣвуни затягиваютъ хоромъ заученныя пѣсни. За женихомъ входятъ и прочіе пріѣхавшіе и всѣ усаживаются за *убранный столъ*. Тогда будущій тесть подаетъ всѣмъ пріѣзжимъ и пришедшимъ съ подноса пиво, а женихъ, стоя за столомъ, при каждомъ подносѣ постоянно кланяется.

Между тѣмъ невѣста умывается и одѣвается въ лучшее платье. Когда нарядъ невѣсты бываетъ оконченъ, тогда она, покрытая фатой (шелковою шалью) *выводится* отцомъ, матерью и сватьею въ избу, гдѣ находится женихъ; *переходя черезъ порогъ*, невѣста крестится. *Всѣ четверо становятся* на средину избы, молятся Богу и невѣста съ сватьею вдругъ низко раскланиваются на всѣ четыре стороны, гости же, сидящіе за столомъ, не сходя съ своихъ мѣстъ встаютъ, — значитъ — привѣтствуютъ.

Вскорѣ женихъ выходитъ изъ-за-стола и становится рядомъ по правую руку съ невѣстою, которой даютъ подносъ съ *рюмками*, *наполненными виномъ*. Она беретъ его и водкой подчуетъ жениха, тысяцкаго, своихъ и жениховыхъ родителей и каждаго, находящагося за столомъ. На подносъ нѣкоторые кладутъ деньги, и женихъ даритъ невѣстѣ башмаки.

Въ это время *приплакиваютъ* т. е. поютъ *плачеи* (пѣсенницы) жалобныя пѣсни, въ которыхъ высказывается будущая участь невѣсты, тоска разлуки съ родителями и подругами, неизвѣстная будущность и проч. Плачеямъ тогда дружки даютъ деньги и на подносѣ разныя пряности. Когда невѣста окончитъ свое *чествованіе*, такимъ же образомъ начинаютъ подносить вино жениха, но не въ рюмкахъ, а въ стаканахъ всѣмъ родственникамъ. Во все это время невѣста кланяется въ поясъ.

По окончаніи женихомъ подчиванья невѣста со сватьею уходитъ къ проводницамъ въ свою комнату, за ней идутъ плачеи. Женихъ же и всѣ гости садятся снова за столъ и начинаютъ кушать. Но какъ во время смотринъ жениха не гостятъ долго за столомъ невѣсты, то всѣ вскорѣ расходятся изъ дома невѣсты. Передъ тѣмъ подчуютъ пивомъ всѣхъ, кто пришелъ посмотрѣть на подсвадебье.

Между тѣмъ собравшіяся въ особой комнатѣ, куда пошла невѣста, дѣвицы садятся за столъ, *набранный* единственно для нихъ, а невѣста подчуетъ праворучницъ и лѣворучницъ изъ братины пивомъ. Здѣсь дѣвушки причитаютъ припѣвамъ.

Дѣвичникъ со всѣми обыкновеніями оканчивается передъ самымъ утромъ.

Какъ вѣнчаніе болѣе происходитъ до полдня, то и женихъ на другой день дѣвичника *пріѣзжаетъ* за невѣстою по утру не поздно. Онъ одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее и нарядное новое платье.

Замѣтивъ подъѣздъ жениха, невѣста уходитъ изъ той комнаты, гдѣ накрытъ столъ для жениха.

Женихъ входитъ въ домъ невѣсты обыкновенно послѣ тысяцкаго, который съ собою приноситъ икону, и всѣ гости садятся за столъ.

Невѣста же въ ту пору умывается и одѣвается къ вѣнцу въ наилучшее платье, при чемъ навѣшиваетъ какъ можно болѣе украшеній. При готовности же ея вводятъ въ комнату, гдѣ ожидаетъ женихъ.

При видѣ этого, женихъ выходитъ изъ-за стола, подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руку и ведетъ за столъ; затѣмъ женихъ и невѣста садятся рядомъ, а гости: мужчины на сторонѣ жениха, выше къ переднему углу, а женщины на сторонѣ невѣсты ниже. За столомъ пьютъ пиво. Во время этого стола невѣста даритъ повозниковъ платками. За столомъ при пѣсняхъ (напр. „*чтобъ тебя сватушка повытрясло*“) женихъ и невѣста постоянно кланяются. Невѣста подъ фатой плачетъ, таково уже обыкновеніе, а если нѣтъ охоты плакать, то нѣкоторыя намазываютъ вѣки глазъ чесноковкой лука, чтобы лились слезы.

За столомъ женихъ и невѣста, передъ окончаніемъ обыкновеній предъ вѣнцомъ, встаютъ и выходятъ изъ-за стола на *серегину* избы. Тогда *отецъ* беретъ съ божницы образъ, а мать со стола хлѣбъ, ими благословляютъ *обрученныхъ*, приговаривая со слезами жалости: «дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь»,

Послѣ этого женихъ и невѣста съ провожанами отправляются въ церковь. Тогда же въ домъ жениха увозится банникъ, т. е. хлѣбъ, соль и жареная пища, зашитые въ чистую полотняную скатерть.

На самыхъ простыхъ свадьбахъ, брачущіе не ходятъ пѣшкомъ ни въ церковь, ни изъ церкви, а всегда ѣздятъ на лошадяхъ, а большею частію на парахъ. Лошадей подъ жениха и невѣсту ѣхать къ вѣнцу поставляютъ родители послѣдней.

Впереди всей церемоніальной процессіи, составляющейся изъ огромнаго поѣзда обрученныхъ и деревенской родни, съ множествомъ гудящихъ подъ дугами, на оглобляхъ и на шеяхъ лошадей колокольчиковъ, шаркуновъ, бубенчиковъ, позвонковъ—ѣдутъ въ саняхъ, телѣгахъ, или верхомъ на лошадяхъ повозщики съ отпущенными на рукавахъ лентами. Они бросаютъ попадающимся на пути людямъ: витушки, калачи, закуски и пряники, вѣроятно для благополучнаго доставленія поѣзда.

Вслѣдъ за дружками ѣдутъ *безъ шапокъ* *) женихъ и тысяцкій съ иконой, которую онъ держитъ въ рукахъ съ платкомъ; далѣе закрытая фатой невѣста съ *подвѣнечною свахою*, которыя весь путь до церкви кланяются; а за ними ѣдутъ всѣ остальные участвующіе въ свадьбѣ. Въ поѣздѣ замѣчаютъ, что если на пути ѣдущимъ жениху и невѣстѣ встрѣтится идущій возъ съ дровами—*нельзя ожидать счастія* въ жизни *новобрачныхъ*.

Когда женихъ и невѣста уѣзжаютъ въ церковь, тогда въ домъ жениха увозятся сундуки съ приданымъ и постель. Съ кладью этою отправляется *запостельная сватья* *).

По пріѣздѣ въ церковь женихъ и невѣста становятся на паперти. Если поѣздъ прибылъ въ церковь не во время службы, то тысяцкій ходитъ съ просьбою къ священнику въ домъ.

Въ паперти сватья расплетаетъ косу и обвязываетъ распущенные волосы лентою.

За написаніе обыска священоцерковнослужителями *раздѣлываются дружки*.

Расходъ за зажженіе свѣчей въ висячемъ паникадилѣ и вообще подобные расходы несетъ тысяцкій. Потому-то въ званіе это избираются такіе, чтобы они въ состояніи были исполнить всѣ требованія, *не подгадили* свадьбы.

Невѣста и въ церкви бываетъ закрыта до обрученія *союзными кольцами*.

Послѣ этого женихъ и раскрытая уже невѣста уводятся въ церковный предѣлъ. Женихъ становится на срединѣ противъ царскихъ врать по *правую руку* и съ нимъ тысяцкій, а невѣста съ сватьею по лѣвую руку. Жениху и невѣстѣ неприлично говорить во все время священнаго обряда, кромѣ того, какъ спрашиваетъ священникъ. Когда вѣнчаютъ, подъ ноги жениха и невѣсты по полу въ церкви постилаютъ или ситецъ, или *простой холстъ*. Постилка эта поступаетъ въ пользу церковныхъ служителей. День свадьбы и вѣнчаніе, т. е. бракосочетаніе называется *вѣнцомъ*.

Таинство брака одинаково исполняется, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Когда обручающимся налагаютъ вѣнцы, въ ту самую пору приглашенныя со стороны невѣсты *проводницами дѣвушки* поспѣшно уходятъ изъ церкви, будто боясь, чтобъ имъ на головы не наложили брачныхъ вѣнцовъ. Изъ церкви эти дѣвушки уѣзжаютъ въ домъ родителей невѣсты и тамъ угощаются на ихъ счетъ. Потомъ, покатавшись не долго на лошадяхъ по улицамъ, разъѣзжаются по своимъ домамъ.

Замѣчаютъ, что если при бракосочетаніи что нибудь упадетъ—образъ-ли, свѣча-ли, а наипаче кольцо, вѣнецъ и прочее, то обручающіеся жить будутъ нехорошо **).

Свѣчи, которыя во время брака держатъ въ рукахъ женихъ, невѣста, тысяцкій и сватья, по потушеніи огня,

*) Шапка у жениха бываетъ „богатая“ съ высокимъ верхомъ и широкимъ околышемъ, выше и шире чѣмъ у обыкновенно носимой. Если не бываетъ своей, занимаютъ у другихъ.

*) Приданое заготовляется еще ранѣе сватовства, а послѣ его только дополняютъ.

**) 36 прим. Сливер. въ Арх. Губ. Вѣд. № 44—1865 г.

не оставляются въ пользу церкви, а молодые увозятъ съ собою; онѣ сохраняются дотолѣ, пока который либо изъ *бракосочетавшихся* не умретъ, тогда и онѣ ломаются. Кромѣ того замѣчаютъ, что у кого изъ *брачущихся* во время вѣнчанія сгоритъ свѣча болѣе чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ въ супружествѣ.

Послѣ совершенія церковнаго чиноположенія духовнаго брака, молодые тутъ же въ церкви соединяются поцѣлуемъ. Цѣлуются съ новобрачными и другіе. Тутъ поздравляютъ ихъ съ *законнымъ* бракомъ.

Такъ какъ съ замужествомъ волосы скрываются у женщинъ, то послѣ бракосочетанія невѣсту *крутятъ* на паперти, т. е. сватья (ее называютъ крутельщицей) заплетаетъ изъ волосъ ея двѣ косы и на голову надѣваетъ повойникъ.

Когда кончится таинство брака, *дружки увѣжаютъ* въ домъ жениха, чтобы извѣстить его родителей, что *молодые обвѣнчаны* счастливо. Тогда въ домѣ жениха начинаются приготовленія.

Новобрачные называются *молодымъ и молодою*, также *княземъ и княгинею*, а въ пѣсняхъ первый величается *царевымъ* сыномъ, послѣдняя же *царевною*. Послѣ свадьбы вышедшую въ замужство зовутъ *молодицею*.

Изъ церкви молодая выходитъ вмѣстѣ съ молодымъ, закрытая шалью. Оба они безпрестанно кланяются. По пріѣздѣ отъ вѣнца въ жениховъ домъ, отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ. Ими они благословляютъ молодыхъ.

Когда домашніе жениха живутъ зажиточно, то по обычаю, при входѣ молодыхъ въ женихонъ домъ, разсыпаютъ по полу *жито*, *чтобы богато жили*.

Молодые и съ ними всѣ по пріѣздѣ входятъ въ избу и садятся за *княжій столъ*. Молодымъ на столѣ кладутъ *банникъ*, отправленный съ *свадебнаго стола*.

Вскорѣ невѣсту изъ-за стола уводятъ въ другую комнату *окручать*. Въ то же время запостельная сваха представляетъ доставленное ею *приданое*. Она сидитъ на всемъ приданомъ и не отдаетъ его, покуда не дадутъ ей *выкупа* по обычаю: водки, пива, пироговъ и проч.

Между тѣмъ молодая умывается, расчесываетъ волосы, переодѣваетъ другое платье, а на голову надѣваетъ *сборникъ*, накрывшись *фатою*, приходитъ обратно и садится рядомъ съ молодымъ.

Столъ бываетъ — какъ говорится — *полнымъ полнешенекъ*. Къ столу *тещи жениха* привозитъ отъ себя *блины*. Они составляютъ послѣднее кушанье. Ложки раздаются хозяйкою дома изъ чашки.

На торжество въ *жениховъ домъ* съѣзжаются почти рѣшительно всѣ родственники съ обѣихъ сторонъ; а уже извѣстно сколь велика родня у русскаго бываетъ! тутъ бываютъ и другіе приглашенные.

За большимъ этимъ столомъ пьютъ, ѣдятъ кому сколько хочется. Онъ продолжается необыкновенно долго.

Во время обѣда *молодая* со сватьею выходитъ изъза стола и на подносѣ подноситъ каждому сидящему за столомъ по *одному стакану пива*. Есть при этомъ отчасти обыкновеніе, что выкушавшій пиво долженъ опустить въ опорожненный стаканъ *серебряную* или *мѣдную* монету.

Во время-же стола молодая подноситъ *свадебникамъ* изъ ближайшихъ жениха родственниковъ *дары*. Даровъ бываетъ довольно много, смотря по зажиточности невѣстиныхъ родителей. Они суть: *скройки съ подкладью* (верхъ или малинъ сборника и изнанки), сшитыя, или только скроенныя холщевыя рубахи, подштанники, платки, полотенца, матерію на жилеты, ситцы и холстъ на рубашки, платья и сарафаны, ленты и проч. Отцу жениха подносится чаще рубаха и подштанники, а матери его лучшій скроекъ женская рубаха.

Молодаго молодая даритъ въ послѣднихъ лучшимъ *платкомъ*. Его она кладетъ на подносимый стаканъ съ пивомъ, которое молодой выпиваетъ, а усы и ротъ утираетъ платкомъ.

По окончаніи стола, или впослѣдствіи времени, *отдариваютъ молодую* иногда вдвое дороже полученнаго.

Между тѣмъ на *богатой свадьбѣ* дожидающимся на улицѣ *поварятамъ* выносятъ на улицу бочку пива и вино. Пиво пьютъ ковшомъ, а вино оловянниками.

За столомъ княжимъ молодые не ѣдятъ ничего кромѣ *каши*. Долго чаша съ кашей, приготовленная собственно для молодыхъ, стоитъ, испуская вкусный запахъ подъ носы ихъ, долго и молодые церемонятся надъ нею то и дѣло кланяясь, когда другіе пьютъ, ѣдятъ. Вотъ уже одну или двѣ чашки съ кашей и братыню пива, съ накладенными пирогами и шаньгами вынесли народу на улицу,—у нихъ все съѣдено и выпито, а чашки разбиты объ уголъ. Наконецъ молодой беретъ ложку съ кашей и схлебываетъ; потомъ онъ беретъ на ложку опять кашу и *подноситъ къ губамъ молодой*, уже раскрывшейся. Въ ту самую пору сватья накидываетъ молодой платокъ, подъ которымъ молодая *съѣдаетъ кашу*, какъ бы стыдясь ѣсть на виду, и снова раскрывается.

Потѣшно, что въ кашѣ, подаваемой въ чашкѣ молодымъ, дѣлается на срединѣ ложкою нѣкоторое углубленіе, полное налитаго масла; вотъ изъ него-то беретъ кашу молодой, самъ ѣстъ и молодой подноситъ.

Послѣ каши пѣсенницами поется обыкновенная застольная пѣсня. Живо, какъ пропоютъ въ пѣсни стихъ: «теперь-то столъ присталъ, молода спать захотѣла,» молодые ускользаютъ изъ-за стола и уходятъ въ особое отдѣленіе для отдыха. Гости же, пожелавъ въ догонку молодымъ: *въ первую ночь сына да дочь*, доканчиваютъ обѣдъ и пьютъ пиво, а потомъ расходятся.

Дружки и женки невдолгѣ опять приходятъ къ молодымъ.

Послѣ большаго стола молодымъ *становится* особый столъ въ отдѣльной комнатѣ, тогда они кушаютъ во весь свой аппетитъ.

Между тѣмъ сватья приготовляетъ брачное ложе. Его составляютъ перина на кровати, простыня, одѣяло и подушки. Еще, говорятъ, подъ постель кладутъ ухватъ и кочергу—это для *сбереженія отъ притчи*, у нѣкоторыхъ вмѣсто одной постели на кровать кладется двѣ: одна невѣстина подъ низомъ, другая женихова наверху.

Когда закуска кончена и *мѣсто* *) приготовлено, молодыхъ оставляютъ однихъ. Здѣсь есть обычай, состоящій въ томъ, что жена въ знакъ покорности *должна разуть* мужа, т. е. снять съ него его сапоги. Иногда въ правый сапогъ молодой кладетъ немного денегъ.

Такъ же есть обычай сохранять закровавленную сорочку новобрачной.

По не долго продолжается отдыхъ молодыхъ. Бабы пѣсенницы подходятъ къ стѣнѣ отдохновенія и кричатъ, или по туземному охаютъ. Подходятъ такъ дважды.

Первый разъ *женихъ и невѣста* посылаютъ чрезъ дружекъ бабамъ калачи, а во второй разъ сами выносятъ изъ особой комнаты *охальщицамъ* вино, пиво и закуску.

Послѣ этого у молодыхъ уже пріемы простые, домашніе.

По существующему обычаю послѣ бракосочетанія молодые не выходятъ на улицу *три* дня.

Въ послѣдующіе дни не бываетъ патріархальныхъ обрядовъ, прежде соблюдаемыхъ многими нѣкоторыхъ обыкновеній, остатковъ древнихъ обычаевъ.

Такъ:

1). Перваго явившагося поутру другаго дня послѣ вѣнца дружку и отца невѣсты *сватья мараетъ* (пачкаетъ) печною сажею.

2). Въ тотъ день приготовляется особая *колюбака*. Если невѣста оказалась цѣломудренною, то пирогъ бываетъ наполненъ рыбою. Но если она не сохранила до сватьбы дѣвственности, то колюбака та печется съ пустымъ въ тѣстѣ мѣстомъ, въ которомъ должна быть запечена рыба. Колюбака отсылается въ тотъ же день къ родителямъ невѣсты. По полученіи ея они или радуются, или плачутъ. Грустный случай относится, въ особенности къ матери, очень не хорошимъ отказомъ, потому что она не могла свое дитя сберечь отъ постыдства.

3). Это объясняется еще провѣрчиваніемъ дыры въ оловянномъ стаканѣ, въ которомъ подаютъ родителямъ невѣсты пиво.

4). На другой день послѣ обвѣнчанія дружки посылаются топить баню для молодыхъ. Это дѣлается нарочно ради шутки. Дружки набираютъ сколько можно больше *голиковъ*, т. е. негодныхъ вѣниковъ и метелъ и съ ними уходятъ въ баню, будто бы затоплять. Лишь только дружки войдутъ въ баню, всѣ женщины выбѣгаютъ отъ молодыхъ и затворяютъ крѣпко двери такъ, что шафера не могутъ выйдти. Тогда дружки *женщинамъ даютъ выкупъ*, т. е. угощаютъ ихъ орѣхами, закусками, пряниками, калачами и др.

5). Шутка повторяется и съ молодыми. Увѣря ихъ, что баня готова, дружки затискиваютъ въ сѣни скамью и на нее сажаютъ молодаго. Багажъ уже подвигается, но молодые откупаются подарками *дружкамъ платковъ*.

6). Тогда же въ домѣ молодаго дружки нарочно разсыпаютъ на полъ птичье перо и пухъ. Затѣмъ приводятъ молодую и даютъ ей въ руки вѣникъ, чтобы она имъ вымела соръ съ полу. Молодая начнетъ мести вѣникомъ и поднимаетъ его къ верху при каждомъ взмахѣ, а за нимъ вылетаетъ и перо. Потѣшившись этимъ, дружки убираютъ перо и пухъ.

7). Того же молодаго заставляютъ тащить до порога столъ.

8). На 3-й день для молодыхъ топится баня и они ходятъ въ нее мыться. Послѣ этой *первой бани* новобрачные расшиваютъ *банникъ*, разрѣзаютъ *столовики* и ѣдятъ ихъ.

9). Женихъ послѣ трехсуточнаго срока брачной жизни, разсказываетъ своему шаферу нѣкоторые секреты ночныхъ таинствъ супружества.

10). Черезъ три дня молодые съ родителями ѣздятъ въ гости къ тестю и тещѣ; послѣдніе въ честь новобрачныхъ дѣлаютъ у себя обѣдъ, называемый *хльбинами*. На этотъ званый обѣдъ приглашаются многіе изъ родственниковъ какъ съ жениховой, такъ и съ невѣстиной стороны. Тогда молодая получаетъ отъ своихъ родителей окончательное приданое.

11). Чрезъ нѣсколько времени отгащиваютъ, и

12). Въ послѣдующее время молодые ѣздятъ для знакомства къ роднымъ и знакомымъ, отдавая тѣмъ визиты, что называется *полюбовною гостьбою*. Здѣсь молодые послѣ каждой выпитой рюмки вина цѣлуются публично.

Въ дополненіе къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ о свадебныхъ обрядахъ въ Пинежскомъ уѣздѣ имѣется еще описаніе свадьбы въ селѣ Сурѣ Бирючевской волости того же уѣзда, составленное крестьяниномъ Гр. Хрѣновымъ, которое здѣсь и приводимъ:

«Если у жениха и невѣсты нѣтъ родителей: отца и матери, то ихъ мѣсто заступаетъ: мѣсто отца—дядя, братъ отца; если того нѣтъ, то кто либо первый по немъ родственникъ, или крестовый (крестный) также и мѣсто матери—ближайшая родственница.

*) Такъ называется въ Архангельской губерніи всякаго рода постель.

Отецъ жениха предъ началомъ сватовства спрашиваетъ сына, на какой именно дѣвицѣ ѣхать свататься, (если нужда болѣе предстоитъ къ женитьбѣ сына со стороны родителей). Сынъ предлагаетъ имъ по своему усмотрѣнію одну и другую. Если назначенная сыномъ невѣста не нравится родителямъ, либо по бывшимъ непріятностямъ съ ея отцомъ, либо дѣвку начнутъ сыну хулить, что она развѣйка будетъ ихъ житью (нерадивая) и что его не будетъ слушаться (т. е. если дѣвка веселаго вида, разговористая и шутливая), — женихъ, выслушавъ слова отъ родителей, рѣшается посылать по волѣ ихъ. Иногда бываетъ, что женихъ сватается по своему усмотрѣнію, по уступкѣ со стороны отца и матери, которые говорятъ: «съ Богомъ! сынъ, какъ знаешь, не намъ жить, тебѣ;» но чтобы на будущее время не гнѣвить родителей, онъ падаетъ въ ноги и проситъ благословенія, на что бываетъ согласіе. Даже и тогда, когда сынъ впередъ родителей задумаетъ жениться, родитель или другой сватъ по выходѣ изъ дома, предлагаетъ домашнимъ присѣсть на лавкѣ (дерево около стѣны), запираетъ дверь или трубу, или дымникъ (у курятной избы), если они не затворены, а находящихся въ избѣ собакъ и кошекъ выгоняютъ вонъ. Послѣ чего молятся иконамъ (образамъ) говоря: «Господи Боже благослови», прочіе съ «Богомъ», по выходѣ изъ дома, свата хлопаютъ по задницѣ лопатой, (которой хлѣбъ въ печь садятъ) въ знакъ того, чтобы не могли отказать въ невѣстѣ. По приходѣ свата въ домъ, онъ привѣтствуетъ: здравствуйте! встаетъ посерединѣ пола, противъ матицы (дерево противъ потолка, полостинное). Хозяева просятъ садится, но онъ, говоря: «я не за гостьбой пришелъ, а за сватовствомъ,» называя старшаго въ домѣ невѣсты, отца, если есть, или брата, или дядю, не забывая и мать и т. п. что у васъ есть дочь или т. п., а у него есть сынъ, или отъ кого посланъ; нельзя ли ихъ въ одно мѣсто свести (т. е. супружество). Поблагодаривъ свата, просятъ садиться. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, просятъ свата дать имъ сроку на полдня или долѣе, но никакъ не больше сутокъ на первый разъ. Сватъ соглашается. По уходѣ его дѣлается совѣтъ, сначала самими домашними, спрашиваютъ также и невѣсту, которая падаетъ всѣмъ въ ноги и проситъ не отдавать, а подержать ее еще въ дѣвушкахъ и походить (погулять) не для того, что ей не любъ женихъ, а какъ обыкновенно бываетъ всегда. Прослезившись, родители приглашаютъ на совѣтъ другихъ родственниковъ, болѣе заслуживающихъ уваженія и знающихъ обстоятельства и житье-бытье жениха; даютъ совѣтъ, что отдать можно за жениха, котораго выбираютъ по большей части болѣе зажиточнаго, одинокаго и, соображаясь съ характеромъ домашнихъ и его, не подлежитъ ли женихъ рекрутской очереди. Если всѣ родные и родственники будутъ къ тому согласны и препятствующихъ причинъ не имѣется, то спрашиваютъ невѣсту, что идетъ ли она за предназначеннаго ими жениха. Она падаетъ опять въ ноги кому слѣдуетъ, говоря: «воля ваша», не забывая повторять: «за что вы на меня прогнѣвались?» но это означаетъ, что дѣвка согласна. Не пропустивши назначеннаго срока, сватъ является за приказомъ или отказомъ. Если родители изъявятъ согласіе, —даютъ ему дары, а равно и жениху платки, (свату въ 80 коп., а жениху въ 50 коп.). А если ждутъ жениха лучше, то просятъ свата дать сроку: день до 6-ти и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Если же отдать согласны, въ то же время сватъ уходитъ въ домъ жениха, отдаетъ ему дары; потомъ отецъ жениха, или самъ женихъ съ родителями невѣсты, является къ священнику, прося его разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Священникъ узнаетъ о совершеніи лѣтъ жениха и невѣсты, и о родствѣ, и пишутся документы: что со стороны родителей жениха на вступленіе въ бракъ препятствій не имѣется, и что онъ вступаетъ съ благословенія ихъ и съ своего согласія; такъ же и отъ невѣсты (безъ документовъ свадьбы не бываетъ).

Къ документамъ женихъ и невѣста не подписываются, за что отвѣчаютъ родители; затѣмъ укладывается слово на время брака, и даютъ знать роднымъ, но непремѣнно послѣ трехъ впереди имѣющихъ быть праздниковъ, въ кои послѣ литургіи дѣлается оглашеніе: «не знаютъ ли прихожане родства между женихомъ и невѣстой». Препятствій не бываетъ. За соблюденіемъ порядка, послѣ чего бываетъ приглашеніе дѣвушекъ къ невѣстѣ, въ рабочіе дни съ работой, а также и въ праздничные съ какимъ либо шитьемъ или вязаньемъ, гдѣ поются пѣсни свадебныя. У родственниковъ идетъ въ то время заготовка даровъ и пр. для свадьбы. Передъ днемъ свадьбы бываютъ посидки, куда собираются парни и дѣвки и замужнія женки, даже изъ другихъ селъ. Невѣста наряжена бываетъ въ хорошее по мѣстности платье т. е. сарафанъ посредственнаго ситца или же изъ холста, окрашенный мастерами изъ здѣшнихъ жителей. Съ самаго утра невѣста проситъ къ себѣ своихъ подружекъ, дѣвушекъ, которыя шьютъ жениху рубахи и т. п. Невѣста надѣваетъ на голову повязку, газовую или парчевую; смотря по достатку, повязка, вышиною до 6-ти вершковъ, а на верхъ ея—«чолку» (кругъ высаженный бисеромъ) сажается на переднюю лавку, плачетъ съ причитаніемъ событій изъ ея жизни, обыкновенно бѣднится на родителей (на лавку полагается вверхъ шерстью собственная ея шуба для сидѣнія на ней), по временамъ, когда ей вздумается, захватываетъ своихъ родителей и другихъ родныхъ, не забывая и подружекъ, и въ объятіяхъ ея всѣ плачутъ. Для слезъ невѣсты берется особая женщина, которая знаетъ довольно старинныя обрядовыя пѣсни; произношеніе ихъ бываетъ очень, очень

медленно, съ особеннымъ понятіемъ; голосъ женщины — низкій. Захватившись съ невѣстою рука за руку, кланяются по направленію къ дверямъ, довольно низко, невѣста-же кричитъ во все горло (плачетъ), но не отъ того, что она не хочетъ идти замужъ, а только для обычая, принятаго въ мѣстности. Послѣ чего голосу у нея совершенно не будетъ, такъ что нельзя понять ея словъ. Голошеніе бываетъ съ полдня и до вечера; по окончаніи голошенія бываетъ изготовлена дѣвушками баня, потомъ во время пути въ баню, опять начинается голошеніе. Съ невѣстой идутъ умываться дѣвушки, приготовлявшія баню, и женщина голошельница. По выходѣ изъ бани, отъ жениха являются братъ или сестра съ гостинцами (подарки); изъ нихъ у всякаго жениха матери на повойникъ, гребень для расчески волосъ изъ оленьей кости, мыла кусокъ ¹/₄ ф.; иногда калачи или простыя закуски на 10 коп. Тогда уже невѣста стоитъ за столомъ, при поднесеніи подарковъ, посланные кланяются очень низко и просятъ о принятіи, на первый разъ поклоновъ до трехъ. Невѣста беретъ изъ рукъ посланныхъ гостинцы и откладываетъ назадъ къ нимъ, которые просятъ до трехъ же разъ, но никакъ не болѣе; послѣ чего принимаетъ и сдаетъ на руки родственникамъ. Посланныхъ подчуютъ чѣмъ придется, затѣмъ бываетъ спокой.

«На другое утро, при отправкѣ изъ своего дома жениха, зажигаютъ восковую свѣчу у образа (иконы) и одинъ изъ родныхъ съ божницы беретъ мѣдную икону, кладетъ на хлѣбъ съ солью; родители берутъ въ руки тоже свѣчу, приступаютъ къ благословенію сына, причемъ подъ ноги его кладется вверхъ шерстью овчинная шуба, долженствующая быть изъ одномастной шерсти. Когда жениху придетъ время падать въ ноги родителямъ, то подхватываютъ приглашенныя на свадьбу лица. Женихъ, перекрестившись два раза, падаетъ въ ноги, но поклоны относятся къ св. иконамъ, а третій разъ безъ крестнаго знаменія, который воздается родителямъ, притомъ женихъ говоритъ «благословите». Отецъ и пр. говорятъ: «Богъ благословитъ». Затѣмъ начинается выходъ изъ избы слѣдующимъ порядкомъ: впереди должны, какъ и во всякое время свадьбы, слѣдовать сватъ, отецъ, женихъ и пр., они стараются не задѣвать стѣнъ двора, по наученію вѣжливаго человѣка (знахаря), который берется при всегдашнихъ свадьбахъ для того, чтобы никто не могъ поколдовать надъ свадебной процессіей. Кромѣ того вѣжливый всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ, даже и лошадямъ, прилѣпляетъ наколдованный словами воскъ: первымъ на груди къ кресту, а послѣднимъ къ гривѣ. По пріѣздѣ къ невѣстину дому поѣздъ впускаютъ тѣми воротами, чрезъ которыя завозятъ сѣно; здѣсь встрѣчаютъ прибывшихъ, подчуютъ виномъ и пивомъ, и въ пивѣ же томъ, во все время слезъ невѣсты, которымъ платкомъ она утиралась, платокъ тотъ обмываютъ и выжимаютъ его надъ пивомъ досуха, въ знакъ того, чтобы мужъ жену любилъ; знающіе это женихи не пьютъ, а не знающіе само-собой что выпьютъ. Послѣ чего входятъ въ квартиру съ крестомъ (т. е. съ крестнымъ знаменіемъ на себѣ, что соблюдается при всякомъ заходѣ и выходѣ) и садятся за столъ. Чрезъ недолгое время выводятъ изъ особой комнаты невѣсту и спрашиваютъ жениха: «на той-ли ты сватался?» — На той, — отвѣчаетъ женихъ. «Хороша-ли наша невѣста?» женихъ отвѣчаетъ: «хороша;» послѣ чего должна отвѣчать невѣста на вопросъ женихова свата. Затѣмъ опять уводятъ ее въ прежнее мѣсто; послѣ угощенія свадебщиковъ, выводятъ невѣсту въ послѣдній разъ; — во время угощеній женихъ долженъ кланяться.

«Предъ отправкой къ вѣнцу одинъ изъ родственниковъ, а болѣе если отецъ, беретъ за платокъ невѣсту въ руки, приводитъ къ жениху, который беретъ ее за правое плечо, надѣвая на руки рукавицы замшевыя, другія же не позволяются, препровождаетъ невѣсту позади себя и топчетъ ноги взнакъ начальствованія надъ нею, когда станетъ невѣста налѣво подлѣ жениха, отецъ или мать преклоняютъ головы ихъ и берется съ головы невѣсты платокъ, которымъ она прикрыта, а въ другую руку ржаной хлѣбъ, разрѣзанный на двѣ части, завертывается въ платокъ хлѣбъ и обходятъ три раза кругомъ преклоненныхъ головъ; послѣ чего платокъ оставляется опять на головѣ невѣсты.

«Затѣмъ отправляются къ вѣнцу, во время пути женихъ кланяется, а равно и невѣста. У вѣнца особеннаго ничего не бываетъ.

«На первое утро молодой работать ничего не даютъ, а днемъ дается ей прясть шерсть, но другая работа не дается. При вставаніи же съ постели молодыхъ, когда придутъ въ общую избу, кто либо изъ пришедшихъ на нихъ посмотрѣть заставляетъ молодую пахать (подмести) полъ, какъ можно чище; тогда запасается перье мелкое, сорятъ по полу сколько потребно, причемъ полъ смачиваютъ водой, чтобы труднѣе было молодой; послѣ чего тихонечко т. е. не говоря никому, присутствующіе берутъ сажу отъ печки, приходятъ къ молодой марают ея лицо сажей, такимъ образомъ перепачкаются и всѣ; послѣ этой сцены молодая даетъ мыла простаго для умыванія. Сорившимъ послѣ даются пряники взнакъ трудовъ или почтенія. По вечеру же молодая топитъ баню и проситъ въ нее свадебщиковъ, ходитъ лично по домамъ съ кѣмъ либо. Не взирая и на то, что дѣвкѣ женихъ не нравится, ее отдаютъ за него, и она не преступаетъ воли родительской. — При бракѣ не бываетъ безъ того, что она быть можетъ иного жениха держитъ только въ умѣ, чрезъ что бываетъ много непріятностей въ супружеской жизни».

Въ приложеніе къ сему описанію крестьянинъ Гри-

горій Хромцовъ представилъ «свадебное привѣтствіе,» употребляемое въ томъ же селѣ Сурѣ, слѣдующаго содержанія:

«Во время свадьбы, когда женихъ пріѣдетъ за невѣстой и станетъ по обыкновенью за столъ, между тѣмъ тутъ является человѣкъ съ желѣзнымъ крюкомъ (т. е. кочергой, что въ печкѣ ворочаютъ), знающій нижеслѣдующія слова,—причемъ ударяетъ безпрестанно кочергой въ полъ и отрывисто говоритъ, поворачиваясь на всѣ стороны:

«Помилуй, Господи, желаю здравствовать господину хозяину (дома) съ любящими гостями и съ гостьюшками; ѣхали гости не по зву, а по доброму дѣлу, сватовству—ѣхали темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами и ракитовыми кустами, бѣлы снѣга топтали куньи слѣды—велъ куній слѣдъ къ дѣвичину двору, ко невѣстину терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у дверей придверники, у воротъ приворотники, у печи стрянухи и у стола стольники?—стрѣчай съ коньми, вынимай подворотню: кони шли приустали, (чтобы) дабы копытъ не обламали, задавай сѣна до дуги, овса до глазъ (коней). Такъ же и намъ молодцамъ (т. е. довѣренному), питанья, единыя кушанья рыбы, говядины, горней птицы курятины, бѣлый хлѣбъ чтобы тутъ-же былъ, чтобы всѣмъ князьямъ, боярамъ (находящимся въ составѣ свадьбы) было честно, такъ же и намъ молодцамъ—небезчестно, (т. е. незваным гостямъ). Господинъ хозяинъ, какъ ваша молода, первобрашная (первобрачная) княгиня будетъ дарить, такъ же и отдарки принимать, и не чваниться и не ломаться. Ежели она будетъ чваниться и ломаться, то у нашего молодаго (у жениха) первобрашнаго князя есь (есть) на чванку плеть шелкова о трехъ хвостахъ (концахъ): первый хвостъ коротокъ, другой дологъ, третій стегать ловокъ. Здравствуйте, подпорожные гости (т. е. зрители со стороны), званы не званы, усаты, бородаты, холосты и не женаты, молодцы вожоваты (т. е. совѣстны), гладки головы, широки бороды, усы ваши долги. Вамъ стоять не смѣяться и говорить не ухмыляться. Слушайте, послушайте (объ женатыхъ): своихъ женъ на улицу не распущайте, будете распущать, то молодцы ребята будутъ хватать (подчищать). Здравствуйте, маленьки ребятишки, сопливы, возгривы (неумытые), попечики въ гузно не кидать (примѣрно игра въ шашки), пѣть не ходить, на подводахъ не ѣздить, оцей (отцевъ) матерей до коробокъ не доводить (до нищенства). Вамъ не всѣмъ поимянно, всѣмъ вообще низко кланяюсь. Здравствуйте, красны-дѣвицы, пирожны мастерицы, веретенны угодницы (пряжа), горшени пагубницы (т. е. горшки ломаютъ во время варки), широки повязки, золотыя ряски (завязки у повязокъ назади), косы наконечники, умсильные (умильные) взгляды вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, всѣмъ заедино низко кланяюсь. Здравствуйте, добры молодцы, долги поводцы, лясики строцены, то бурки точены, зачулы здрчиваны (неизвѣстно что такое), вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, а всѣмъ вообще низко кланяемся (поклоны). Здравствуйте, красны-дѣвицы, лебеды бѣлы, ягоды зрѣлы, написаны, пасмазаны (дѣйствительно щеки румянятъ), жемчугомъ изнасажены. Вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, а всѣмъ вообще низко кланяюсь (поклонъ). Здравствуйте, молоды молодицы, косы кокошницы (повойники), скоры помошницы, скоро помогаючи, сыспода поднимаючи. Вамъ (имъ) не всѣмъ поимянно, но всѣмъ вообще поклонъ. Здравствуйте, стары старухи, бобровы треухи, собачьи выпушки, покромки широки (на головахъ шапки), долгіе стерлы (неизвѣстно что такое), поганы лапы, тѣмъ поклона нѣтъ (и не кланяется). Тысецкому, человѣку вѣжливому (обходительному), всѣмъ молодымъ храбрымъ (какъ бы вопнамъ) дружкамъ, тутъ же сватьюшки перепелочки, на разъ и съ молодой и первобрачной княгиней. Наша молода первобрашна княгиня (невѣста) сидитъ въ свѣтлой свѣтлицѣ, во высокой горницѣ, личко глажено, головка чесана, рубашка катана, хорошо снаряжена за молодаго князя паложена; у нашей молодой княгини поступочка частинька, походочка бастинька (скосырная, прямая); мы за молоду первобрачную княгину славить не умѣемъ (т. е. обличать) и атамана не имѣемъ (знахаря), хвали прихваливай, говори приговаривай: при днѣ свѣтъ, при солнцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ батюшкѣ Александрѣ Николаевичѣ вся бѣла-свѣтлорусская земля возсесется, его правая рука по всѣмъ портамъ и нѣмецкимъ королямъ нечестивымъ; при священникѣ бачкѣ—мѣсто свято, при боярахъ крѣпко, при донскихъ казакахъ никогда неизмѣнно, весь вамъ дворянскій кругъ съ кормы и до носу (отъ малыхъ да большихъ). Ты тысяцкой сидишь въ большомъ углу въ доброй славѣ, какъ въ куньей шубѣ, пивцо, винцо попиваешь и насъ молодцовъ забываешь (посѣтителей изъ среды которой вышелъ съ кочергой), насъ молодцовъ немного, только сорокъ два да одинъ, сорокъ два да одинъ вышло восемьдесятъ шесть, подари насъ быкомъ да телицей, чтобы всѣмъ было чѣмъ подѣлиться (побольше ждутъ пряниковъ, водки), баранъ да овца да опять съ конца, мы (они) хотя подъ порогомъ стоимъ, про васъ (ихъ) про всѣхъ добро говоримъ, отъ всѣхъ подаренья ждемъ, если будете дарить, будемъ добро говорить».—Послѣ чего даютъ ему по возможности пряниковъ и водки стаканъ, во время произношенія словъ всѣ молчатъ,—затѣмъ свадьба пойдетъ своимъ чередомъ».

Близкими по значенію и употребленію къ приведенному здѣсь приговору—слѣдуетъ считать еще три свадебныхъ причитанія, также находящихся въ матеріалахъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ.

Таково, напримѣръ, причитаніе во время дѣвичника въ Кургоминскомъ селѣ.

«Благослови-ко Господи, да во первой часъ андельской, во второй архандельской, во третій апостольской, съ андельми, архандельми, со всѣми апостолами, воскресенье свѣтлое всѣхъ людей воскресило, стараго и малаго, всякого крещеного и столько прослезило меня красну-дѣвицу, за мои тяжки грѣхи, за мое согрѣшеньицо меня не сталъ Богъ миловать, отецъ, мати жаловать, они о чемъ прогнѣвались, о чемъ воскручинились на году сего года и на сей недѣлечкѣ.

«Я умомъ подумаю, поразмыслю разумомъ, какъ мои ровесницы, милыя подруженьки, сизыя голубушки, онѣ живутъ красуются и живутъ и властвуютъ, ихъ хранитъ Богъ, милуетъ отецъ, мати жалуетъ, на меня ли молоду душу красну дѣвицу, Милодарью Фроловну, Господь Богъ прогнѣвался за мои тяжки грѣхи, за мое прегрѣшеньицо—на году сего года проспала я молода въ году три заутрины: первую благовѣщенску, другую христоскую, третью заутрину на сегоднешной божей день воскресенья свѣтлово.

«Мой родимой батюшко, дакъ свѣтъ Фролъ Ивановичъ тебя какъ то поднесли твои ножки рѣзвыя, ведутъ очи ясныя съ божьей съ Богородицей, моя родима матушка Филиклиста Гурьевна, тебя несутъ рѣзвы ножки, ведутъ ясны очи съ фатой шелковою; поднялись бѣлыя рученьки со фатой шелковою, укрыла бѣло лицо, утулала ясны оци, всево свѣту бѣлаго отъ гостей, отъ госьюшекъ, отъ милыхъ подруженекъ, отъ сизыхъ голубушекъ; ты родимая матушка Филиклиста Гурьевна, чего я у тебя спрошу со родимымъ батюшкомъ, вы несеводнешной Божей день понесли великой гнѣвъ на миня красну-дѣвицу на свою дочь голубушку, Милодарью Фроловну, будто я красна-дѣвица была дѣвка вольная, дѣвка самовольная, дѣвка посѣдѣлая, сорока пяти годовъ. Мой родимой батюшко, со родимой матушкой не мечитесь, не радуйтесь чужему жениху, большему боярину Ермолаю Трифоновичу, со всѣмъ княжимъ приборомъ, ты родимой батюшка и со родимой матушкой, вы не сына жените, не невѣску въ домъ вводите, не замѣна буду-то, не спѣши, не торопись, мой родимой батюшка, да свѣтъ, Фролъ Ивановичъ, не подвигай стола бѣлодубова въ сутки во большой уголъ. Моя родима матушка денная печельница, ночна богомольшица, не носи, голубушка, на столы дубовые шиты, браны скатерти, со хлѣбами съ ситными, со яствы сахарными. Мой родимый батюшка и со родимой матушкой Филиклистой Гурьевной, не подходите близко къ золоту столу къ чужему чуженину, большему боярину Ермолаю Трифоновичу, не тяни правой руки, не примай да не бери отъ чужова чуженина чары зелена вина, ты не порти бѣла лица, ты не пей да не кушай отъ чужа чуженина чары зелена вина питья государева. Мой родимой батюшка со родимой матушкой, я еще побью челомъ еще покланяюся, не подходите близко-по-близко къ злому свату большему Еремію Устиновичу, не давай правой руки, не стряхни рукавчики, не по слову первому къ рукобитью крѣпкому. Моя родима матушка Филиклиста Гурьевна, не носи ты матушка шитыхъ, браныхъ шириночекъ, вы не дарами дарите чужева чуженина, со всѣмъ княжимъ приборомъ подарилъ ты, батюшка, со родимой матушкой чужево чуженина мною красной дѣвицей дочерью голубушкой Милодарьей Фроловною. Ужъ какъ я младюшенька спала, высыпаласе, ждала дожидаласе отъ отца отъ матери побуду раннево наряду поспѣшно, не могла дождатисе побуду раннево и наряду поспѣшно, я ставала молода безъ побуду раннево безъ наряду поспѣшно, выходила молода на двой трой сѣни, посмотрѣла молода и въ окно въ косѣсято на двѣ на три стороны, со восточну сторону изъ-за лѣсу темнаго заря занимаитце и свѣтъ расвѣтаетсе, сходитъ красно-солнышко съ обогревой теплою, въ ту пору, да въ то время я Богу молиласе: Слава, слава Господу, слава Христу небесному. Сходитъ красно солнышко съ обогрѣвой теплою, землю обогрѣть хочетъ, росу обсушить хочетъ. Я еще посмотрѣла да во лѣтню сторону, высоко да по небу облака катаютсе, да еще посмотрѣла въ сѣверную сторону, чисто ясно по небу, тепло, жарко по землѣ, я умомъ подумаю, да поразмыслю разумомъ, какъ во лѣтней сторонѣ не облака катаютсе, въ ту пору, да въ то время туча подымаитсе, изъ-за лѣсу темнаго, темнаго, дремучего, грозна становилася, въ ту пору да въ то время я Богу молиласе, нешто туча грозная она падаетъ опустится на лѣсы на темные; кусъ лѣсу приклонитсе прутьемъ до сырой земли, не могла грозна туча пасти опуститисе да на лѣсы на темные, катитъ потихошенько по полямъ по широкимъ, по лугамъ по зеленымъ, ужъ я въ ту пору да въ то время я Богу молиласе, пронеси Богъ истиной эту тучу грозную тихимъ потихошенько. Нешто падите, опуститсе на поля широкія, на луга зеленые, на травы шелковыя, на цвѣты лазуревы, не могла грозна туча пасти, опуститися, на поля широкія, на луга зеленые, на травы шелковыя, она катитъ потихошенько да къ намъ на нашу сторону да на скатню улицу, она становилася противъ двора хорошего, противъ свѣтлой свѣтлицы, противъ столовой горницы, ужъ я въ ту пору да въ то время Богу молилася, нешто туца грозная она падаетъ, опуститсе на дворы сусѣдніе, не могла грозна туца пасти, опуститися да на дворы сусѣдніе, надкатилась туца грозная на нашъ дворъ колѣсятой, надъ новъ высокъ теремъ и на свѣтлыя свѣтлицы и на столовыя горницы, изъ той туци грозныя, сильные громы грянули, со громомъ да со стукомъ и со Божьей милосью изъ той туци грозныя пошелъ частой дождичекъ. Этотъ частой дождичекъ не топитъ, да не мочитъ: ни отца, ни матери, ни роду, ни племени, ни милыхъ подруженекъ, омочилъ тотъ частой

дожъ меня красну-дѣвицу Милодарью Фроловну, меня съ буйной головы да вплоть до рѣзвыхъ ноженекъ, знобучи зазнобило мое живо ретиво сердце. Я умомъ подумаю не понесу на батюшку со родимой матушкой гнѣву великаго, я понесу великой гнѣвъ на зла свата большаго Ермолая Трифоновича. Онъ ходилъ, ухаживалъ ко двору, ко огороду, ко высоку терему, ко красну крылечушку, онъ тропилъ тропиночку и торилъ дороженьку къ нашимъ свѣтлымъ свѣтлицамъ да ко столовымъ горницамъ, вызывалъ онъ батюшку Фрола Ивановича и со родимой матушкой Фиклистой Гурьевной, на красно крылечушко, скидывалъ съ буйной головы свою пуховую шляпочку, кланялся нижешенько и говорилъ гладешенько, его рѣчь умильная, поговоры гладки. Онъ хвалилъ, нахваливалъ чужу дальную сторону, чужу жару добрую, у чужа чуженина житью жира добрая, будто чаша полная, у чужа чуженина много хлѣба стоялаго, много денегъ лежалыхъ, много платья свѣтнаго грядки изънавѣшены, у чужа, чуженина много скота рогатаго, и семья совѣтная, поля што скатерти, лугова што скачены, на чужой на сторонѣ хорошо жить, красиво при большой дороженькѣ, и приволье славноё и мѣсто противъ породное, его дворъ колѣсатой стоитъ во 500 рублей, его скитня улица стоитъ въ цѣлую тысячу.

«Мой родимый батюшка и со родимой матушкой, не сдавайся батюшка на зла свата большаго, на его рѣчь умильную и на поговорку гладкую, онъ хоть ходилъ, ухаживалъ и хвалилъ, нахваливалъ, говорилъ, обманывалъ, все облыжно сказывалъ. Этотъ чужой чуженинъ добръ до родней, молодецъ не вдостой мнѣ, сужено не вдостой не подверсту, у чужа чуженина житью жира ровная и житье крестьянское, да житье недостаточно. Этотъ большой сватовшикъ, онъ вочью обманываетъ, да все облыжно сказываетъ, да въ глазахъ вилавитце, этотъ большой сватовшикъ вертяче дьявола, у чужа чуженина нѣтъ хлѣба стоялаго, нѣтъ денегъ лежалыхъ, мало платья цвѣтнаго и скота рогатаго и семья не совѣтная, поля горбоватыя, пашни холмоватыя.

«Мой родимый батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, ты не пои да не корми млада ясна сокола чужа чуженина, со всѣмъ княжимъ приборомъ и путь дорожку укажи: они люди негожіе, захожи, заѣзжіе люди незнакомые, они не нашей волости будто птицы залетныя, по мѣстамъ и спадали, долго засидѣлися, ништо огляделися. У родимова батюшки и родимой матушки, у ихъ срядно столъ сряженъ въ 100 руб. и скатертки въ тысячу, на то оглядѣлися, на то осмотрѣлися, на хлѣбы бѣлы ситные, на яствы сахарныя. Мнѣ теперь топеричe да мнѣ-ка присидѣлося за бѣрчаты завѣсой съ милыми подружками съ сизыми голубками. На мнѣ притопялося платье цвѣтное, на мнѣ пригорѣлося да отъ тѣла бѣлаго».

Причитаніе, когда пошли изъ-за стола:

«Ужъ ты чужой чуженинъ добръ дородной молодецъ Ермолай Трифоновичъ, я стану наказывать, да я стану разсказывать на домъ челобитьице твоей родимой матушкѣ, чтобы не надѣялись на слугу на работницу и на замѣну великую, не пасла бы не ладила не толченья, не молотья пшоны бѣлояровы. Откажусь я младешенька при отцѣ, при матери, при всемъ родѣ племени, не слуга и не работница и не замѣна великая, не могу я стойти у раля дубоваго, не могу я ворочати сѣра-бура камени, ручки не тянучи и плеча не могучи».

Причитаніе при переборѣ изъ-за завѣсы въ большой уголъ:

«Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ, дай мнѣ волю вольную и путь дороженьку въ сутки во большой уголъ во мѣсто любимое, я разольюсь росплачуся рѣкой Вигой славною передъ родимымъ батюшкомъ и роскичусь, разсыплюся скатнею жемчуженькой передъ родимой матушкой. Мой родимой батюшка да свѣтъ Фролъ Ивановичъ настигм-ко батюшка того свата большаго во пути дороженькѣ, ты отбери шириночки тонки полотняныя. Откажи ты, батюшка многимъ чужимъ людимъ съ двора не съѣзжаючи и съ ноги не ступлючи. Денная печельница, ночна богомольница, моя родимая матушка, свѣтъ Фиклиста Гурьевна, приотстрочь-ко, матушка, ты младой дѣвичничекъ, хотя взавтра на вечеръ: я еще покрасуюся и еще повластуюся съ милыми подружками съ сизыми голубками. Ужъ ты младъ ясенъ соколъ, мой родимый брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичь, тако есть во теремѣ, да тако есть во высокомъ, дайся въ очи видѣти совѣтъ дума крѣпкая, положи-ко брателко сроки долгіе, хотя на годъ времени; мы станемъ жить по старому хорошѣе прежняго. У меня есть въ теремѣ одноутробная сестрица Федосья Фроловна, приотсрочь голубушка младой дѣвичничекъ, хотя на одинъ часъ времени. Молода невѣстушка да свѣтъ Дарья Федоровна по-разбей у батюшки совѣтъ думу крѣпкую, приотсрочь голубушка мой младой дѣвичничекъ хотя взавтра на вечеръ, молода невѣстушка донеси голубушка честно челобитьице до родимой тетушки до Ирины Михайловны.

«Ахти мнѣ тошнешенько да моему сердеченьку въ забытьѣ позабыла, въ тоскѣ да въ кручинѣ, въ печалѣ великой. У меня помѣшался умъ разумъ въ моей буйной головѣ. Свѣтъ крестовая матушка крестодержанная божатушка Акулина Ивановна, совѣтъ дума крѣпкая, дайся въ очи видѣти на часу тепериче, приотсрочь божатушка да ты младой дѣвичничекъ, хотя завтря на вечеръ.

«Я брала, перебрала да всю лисье бумажное, я брала, выбирала по себѣ печельника, себѣ доброхотника и большаго разговорщика изъ дядей дядюшку, да изъ тетокъ тетушку и изъ братьевъ брателка и изъ сестеръ сестрицу. У меня теперь теперича у меня всѣ въ собраньицѣ великой весь родъ племя, они за одно думу думали и въ

одно слово молвили, меня избываете, красна дѣвица доложусь я родимому брателку да свѣтъ Лазарю Фроловичу.

«Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужъ ты выставь брателко перевары пьяные; мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, ужъ къ чему-то брателко твой варенъ честной канунъ, перевара пьяная; мнѣ-ка глади глянитце въ эту пору времечко, нѣтъ честнаго праздничка, да не дошли поминочки поминать родителей. Хотя мнѣ не скажете, я сама знаю, вѣдаю, млада я взгадаю: у васъ свекренъ честной канунъ, не младой дѣвичникъ, на живую разлуку. Мой родимой брателко, поучи младешеньку ко кресту стобразному, ко молитвѣ святой и ко низкимъ поклонечкамъ: на чужой на сторонѣ меня красну дѣвицу, невдостой тебя, будутъ, станутъ учить переучивать, торить перетаривать, въ ту пору да въ то время. Мой родимый брателко, ты падешь на умъ разумъ, нелѣсня заплачутъ-то мои очи ясныя. Мой родимой брателко да свѣтъ Лазарь Фроловичъ, дай мнѣ волю вольную и волю превольную заводить дѣвичничекъ, ты попой, почествуй переварой пьяною всѣхъ многихъ добрыхъ людей, для злата серебра и для честнова здарьица.

«Мнѣ-ка красной дѣвицѣ стыдомъ не устыдитися и крытьемъ не укрытися и другомъ не заминатися, будетъ доложитися всѣмъ многимъ добрымъ людямъ мнѣ челомъ ударити, низко поклонитисе для честнаго здарьица.

«У насъ есть въ нашемъ дому во высокомъ теремѣ у родимаго батюшки дорогой почтенный гость добръ дородной молодецъ, соколъ бѣлокрыльчатый, младъ наливной яблочекъ, наливная ягодка да свѣтъ Иванъ Даниловичъ. Изволь стать да выступить да изъ мѣста любимаго на свои ножки рѣзвыя, на сапогъ зеленъ сафьянъ, на скобы серебряны, на гвозди полужоные. Ты отца сынъ добраго, матери просужіе, нешто опочинулись да твои ножки рѣзвыя, нешто оглядѣлисе твои очи ясныя, нешто обогрѣлисе твои ручки бѣлыя, изволь стать, да выступить да изъ мѣста любимаго, нешто оправить крыльица, приуладить перьица, залети ясенъ соколъ младымъ яснымъ соколомъ. Аминь молитвѣ святою сысполна Іисусовой, спасетъ Богъ, низкій поклонъ за честное здарьицѣ, на полтинѣ золотѣ, на второй серебряной, что ты честно честь ведешь, честно почитаешь меня, избави душу красную дѣвицу Милодарью Фроловну, такъ и протчимъ».

К. Шабунинъ сообщилъ съ своей стороны слѣдующее дополненіе къ описанію свадебныхъ обрядовъ въ Пинежскомъ уѣздѣ:

«Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ бываетъ такъ: когда пріѣдутъ молодые, одинъ крестьянинъ не изъ участвующихъ на свадьбѣ, беретъ кочергу изъ своего дома или чужаго, когда будутъ за столомъ и поведется угощеніе, является и привѣтствуетъ:

«Господинъ хозяинъ! позволь пѣсню сказать, молодаго князя поздравить съ молодой княгиней. Г. хозяинъ! ѣхали къ вамъ гости не по зву, а по сватовству темными лѣсами, черными грязями, зелеными лугами, ракитовыми кустами, бѣлы снѣга топтали, куньи слѣды попали. Повелъ кунный слѣдъ къ хозяйскому двору, къ дѣвьему терему. Г. хозяинъ, есть ли у васъ у воротъ притворники, у дверей придверники, у печки стряпухи, у стола стольники? у князя кони пріустали, знать копытъ не обломали, отпирай ворота, вынимай подворотню, задавай коням сѣна до дна, овса до глазъ, такъ имъ молодцамъ, князямъ, боярамъ питанья и ѣденья и кушанья пива и вина, рыбы и говядины, нагорной птицы и курятины и бѣлый хлѣбъ; а вамъ, подпорожные гости, прошу покорно на мѣстѣ не смѣяться, а говорить не обмыляться, слушайте, послушайте: на улицу своихъ женъ не спускайте, станете спускать—будутъ молодые ребята подчищать. Желаю здравствовать всѣмъ князьямъ и боярамъ. Прошу покорно свадьбу играть отъ свѣту до свѣту тайнаго совѣту, винограду чернаго, вина зеленаго, сахару бѣлаго, быть человѣку смѣлому, прошу покорно раздаться по лавкамъ въ кругъ, по скамейкамъ въ кутъ, когда будутъ молодыхъ князь бояръ дарить, молодымъ князьямъ боярамъ дары принимать, не смѣяться и брать не ломаться; какъ дарили молодыхъ князей бояръ и какъ они будутъ отдаривать молоду княгиню, молодой княжнѣ принимать отдарки не чваниться, а будетъ чваниться, занадобится шелковая плетка о трехъ хвостикахъ, одинъ хвостъ тонокъ, другой дологъ, а третій стегать очень звонокъ. У нашей молодой княгини походка бастинька, поступка храбринька, рубашка катанная, личико глаженное, къ вамъ наряженное; за нашу молоду княгиню, атамана прихваливай, говори, приговаривай. Мы атамана не смѣемъ приговаривать, не умѣемъ; сколько знаемъ, столько скажемъ: при солнцѣ свѣтъ, при мѣсяцѣ луна, при царѣ Москва, при королѣ Литва, при нашемъ Батюшкѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ вся святая русская земля и вознесется его правая рука такъ крѣпко на всѣ орды, нѣмецки города, и нечестивы всѣ орды нѣмецки побѣжа и короли нечестивы задрожа. При священникѣ мѣсто свято. Богъ дай на радость молодому князю съ молодой княгиней быть многу союзу, съ бѣлой лебедью на синемъ на морѣ, на тихой заводѣ; въ домъ отцу и матери велика-хвала и радость. Богъ дай на радость тысяцкому человѣку, Богъ дай на радость всѣмъ князьямъ боярамъ, Богъ дай на радость двумъ храбрымъ дружкамъ, молодымъ молодцамъ, удалымъ головамъ, кудрявымъ обѣимъ бью челомъ, да низкой поклонъ, желаю здравствовать всѣмъ. Свадебные гости званы незваны, жданные нежданные, усаты, бородаты, холосты неженаты, молоды вожоваты, табашники, желвашники, вшивы, плѣшивы, сопливы и возгривы, по лавкамъ подъ порогъ, по скамейкамъ въ заворотъ, не всѣмъ понимянно, а всѣмъ бью челомъ да

низкой поклонъ, а вамъ, красны дѣвицы, пирожны, мастерицы, горшечные пагубницы, сметаны пакосницы, веретены свертены, серебряны ряски, широки повлеки, долги канесники, не всѣмъ понимянно, всѣмъ бью челомъ да низкой поклонъ, особенно вамъ молоды молодицы долги поводцы строчены, побурки точены, загулы оброчены, а вы молодицы молодушки красны кокошнички, косы подвленички у васъ....»

За симъ предлагаемъ описаніе свадьбы въ селѣ Ракулѣ Холмогорскаго уѣзда, доставленное крестьяниномъ Дохтуровымъ.

Крестьянскій обычай изъ старины ведется: мужикъ выроститъ дѣтей, сына или дочь. Безъ родительскаго дозволенія ничего не позволяютъ дѣлать: по своей любви даже и въ бракъ вступать, безъ согласія родителей, не могутъ женихъ съ невѣстою. Если сынъ себѣ избралъ по согласію и любви невѣсту, то родители его останавливаютъ, не даютъ дозволенія жениться; а хотя жениху невѣста и не нравится, то принуждаютъ ее брать насильно. Такимъ же образомъ и невѣста, хотя женихъ и не нравится ей—принуждаютъ идти насильно, даже и не спросятъ у невѣсты, просватаютъ, съѣздятъ, житье посмотрятъ, да напьются пьяны и сдѣлаютъ смотрины. Когда первоначально женихъ сядетъ за столъ со своими родственниками, невѣстины родственники угощаютъ тѣхъ пріѣзжающихъ водкой. Когда невѣсту выведутъ, то всѣ пріѣзжающіе гости и женихъ встаютъ съ мѣстъ, зажигаютъ съ иконъ свѣчку. Въ то время отецъ невѣсты выводитъ свою дочь, спрашиваетъ первоначально у отца жениха: люба ли? А отецъ и мать жениха смотрятъ и говорятъ, что хороша. Потомъ обращается къ жениху, спрашиваетъ его. А женихъ, не смотря ни на что, отвѣчаетъ: «люба не люба, да судьба привела». Потомъ женихъ выходитъ изъ-за стола, становится съ невѣстой рядомъ: отецъ невѣсты благословляетъ жениха и невѣсту иконою, а мать невѣсты хлѣбомъ-солью. По благословленіи женихъ заходитъ за столъ и садится на свое мѣсто; потомъ невѣстѣ кладутъ на подносъ платокъ, она подаетъ жениху, а женихъ невѣстѣ даетъ кольцо, потомъ уѣзжаютъ домой. Черезъ нѣсколько дней бываетъ такъ называемое плаканье: невѣста плачетъ. Къ ней собирается много народу: молодыхъ ребятъ и дѣвушекъ, и пожилыхъ мужчинъ, и женщинъ. Невѣста плачетъ, а дѣвушки, которыя родственницы и сосѣдки, садятся за столъ, а приходящія стоятъ въ комнатѣ, поютъ пѣсни свадебныя. А молодые ребята ходятъ, такъ называемо, съ приносомъ, заходятъ за столъ къ невѣстѣ и садятъ себѣ невѣсту на колѣни, а женщину, которая при невѣстѣ находится, садитъ напротивъ, и приплакивать этому парню какъ бы—на гуляньи, а парень кладетъ на подносъ деньги—копѣекъ десять и болѣе, а женщина даетъ особенно по копѣйкѣ и по двѣ; потомъ этому парню подаютъ бранницу пива, онъ пьетъ и потомъ уходитъ, и такъ далѣе. А женихъ пріѣзжаетъ въ невѣстѣ съ гостинцами: привозитъ гостинцевъ и разныхъ закусокъ, и пряниковъ, и орѣховъ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, бываетъ большое смотрѣнье. Наканунѣ этого смотрѣнья бываетъ сборище: собирается много народу. Когда женихъ пріѣзжаетъ на большое смотрѣнье, тоже и самъ сватъ сходитъ съ лошади и стучитъ въ стѣну до трехъ разъ, потомъ заходятъ въ квартиру, садятся гости по своимъ мѣстамъ, а сватъ на концѣ стола командуетъ дѣлами. Подлѣ свата сидитъ знатокъ, такъ называемый колдунъ, его угощаютъ водкой. Потомъ какъ невѣсту выведутъ, спрашиваютъ у жениха: «та-ли?» Онъ отвѣчаетъ: «та». Потомъ невѣста обноситъ жениховыхъ родственниковъ водкой, потомъ и своихъ. Послѣ своихъ сосѣдей, какъ обнесетъ ихъ водкой, тогда дарить родителей жениховыхъ; обдарятъ, уводятъ. Невѣста плачетъ. Женихъ выходитъ изъ-за стола, идетъ къ невѣстѣ. А дружка въ родѣ шафера, приговариваетъ: скокъ черезъ порогъ, едва ножки приволокъ, идетъ дружка локоношка, за скобу руками, за молитву зубами; здравствуйте, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, пирожны мастерицы, а стары старушки (повивальны бабушки), горшечны пагубницы, сидите на печи, ѣшьте калачи изъ ржанаго тѣста, тамъ вамъ мѣсто. Раздайтесь, разступитесь на всѣ на четыре стороны, да пустите нашего князя первобрачнаго до княгини первобрачной дать на бѣлы бѣлила, на красны румяна. А ты, красная дѣвица, красна княгиня, первобрачна молодица, не куражься, гордость снѣсь оставляй здѣсь, а низкій поклонъ клади, да къ намъ вези: у насъ горка крутенька, водица близенька, коромыслецо тоненько, ведерышко маленько; подъ гору ходи не запинайся, на гору ходи не задыхайся; у насъ огороды крѣпки, у васъ сарафаны рѣдки: по огородамъ не скачи, сарафановъ не дери; у насъ окошки высоки: по улицамъ ходи, на окошки не гляди молодыхъ ребятъ. За невѣсту отвѣчаютъ:

«Отдалъ меня батюшка не въ малую семью: свекоръ да свекровь да четыре деверя, двѣ золовушки и двѣ старыя тетушки. Отъ вѣнца меня везли, приговаривали: свекоръ говоритъ: «къ намъ медвѣдицу везутъ», свекровь говоритъ: «къ намъ люту змѣю», деверья говорятъ: «неткаху везутъ», золовки говорятъ: «непряху везутъ», стары тетки говорятъ: «немолотильщицу». Ужъ я ночку проспала да и смѣнилась, ты позволь-ка, свекоръ батюшка, по горенкѣ пройдти, слово вымолвить: «свекоръ на палатяхъ, какъ кобель на канатѣ, свекровь на печи, какъ сука на цѣпи, деверья-соколы ваши жены таковы какъ и я. Золовки-плутовки вамъ самимъ замужъ идти, замужъ пойдете, таковы же будете. Стары тетушки сорокосочки, вы сидите на печи, не указывайте,—я васъ поставлю на порогъ, да въ три шеи за порогъ».

Когда женихъ ѣдетъ сватать, то прежде заѣзжаетъ къ

священнику на благословеніе, оба со сватомъ или со сватьей. Потомъ отправляются, куда намѣрены, сватать невѣсту. Высватаютъ невѣсту, возвращаются обратно домой,—заѣзжаютъ въ кабакъ: беруть четверть водки или полведра, по состоянію, даже и ведро. Дожидаются отъ невѣсты смотрѣть житья, а по просватанію невѣсты, родственники отправляются смотрять его житье. Какъ пріѣдутъ къ жениху, онъ выходитъ встрѣчать и кто есть при немъ родственники, зовутъ гостей въ избу, накрываютъ на столъ, наливаютъ по чашкѣ чаю, просятъ за столъ, но гости, не смотря на ихъ прошеніе, всѣ въ квартирѣ стоятъ стоймя и не садятся, и если женихъ не по нраву, идутъ вонъ изъ квартиры. Если женихъ поправу, просятъ невѣстины родственники показать у жениха, что есть имущества на лицо: сколько скота и хлѣба, въ томъ числѣ и одежи. Все просмотрятъ, молятся Богу, и бьютъ рука объ руку, садятся за столъ, пьютъ чай и угощаются водкой до-пьяна. Потомъ возвращаются къ невѣстѣ. Невѣста встрѣчаетъ родственниковъ и плачетъ, бросается каждому въ ноги со слезами. Потомъ сбираются въ той деревнѣ дѣвушки и пожилыя женщины къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ и бросается въ ноги со слезами. Отецъ невѣсты по прибытіи отъ жениха, отправляется въ кабакъ, беретъ водки. Дожидаютъ жениха на смотрѣнье; въ который день смотрѣнье собираются молодыя ребята и дѣвушки, пожилыхъ лѣтъ мужчины и женщины, всѣ приходятъ къ невѣстѣ. Невѣста плачетъ съ причетами, при ней пожилыхъ лѣтъ женщина обучаетъ ее плакать и причитать во время свадьбы. За это время отъ невѣсты плата той женщинѣ чѣмъ-нибудь изъ хлѣба: пирогъ съ рыбой изъ ржанаго тѣста и пироги на прѣсномъ ржаномъ тѣстѣ, начиненные яшиновой на молокѣ простоквашей съ масломъ.

Съ тою же простотой описаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ замѣчательною подробностію, сватанье и сватьба въ селѣ Кургоминскомъ Шенкурской волости, со словъ крестьянина Сысоева. Вотъ это описаніе.

Крестьянинъ-отецъ, вознамѣрясь женить своего сына, говоритъ напримѣръ: «Ванька, тебя станемъ женить».— Нѣтъ батька, мнѣ не хотьце. «Что ты, дуракъ, не хотьце, кому же у насъ робить, вѣдь мати-то одна (называетъ свою жену для сына матерью), да и стара ужъ стала, и хоть хватись и дровъ-то принести некому, вѣдь самъ знаешь, одинъ у каши-то не споръ, но ужъ не говори будемъ женить».—«Старикъ, (жена называетъ своего мужа) да на чьей дѣвкѣ-то, думаешь женить?»—«Вотъ тѣ на чьей, да хоть поѣдемъ къ Пашѣ Благочинному, (по прозвищу называютъ одного мужика)». «Словъ нѣтъ, мужикъ знаетъ, что у насъ все есть, давай пожалуй, дѣвака-то на работу ядрена, кого пошлешь въ сватовцы-то?» «Не знаю, кого же, да хоть Василья Горя, который настоящій плачея (одному мужику дано прозвище Васька Горе-плачея), онъ лучше другаго высватитъ».—«Дакъ что, старикъ, сходи, пошли него, да вочто: вели нему Ваньку-то нашего хвалить, ну! что мужъ, какъ пойдетъ такъ ужъ будетъ хвалить, а не пойдетъ дакъ пошли Московку, (называютъ по прозвищу одну женщину), она не хуже, знаешь, Васьки Горя». Приходитъ старикъ (отецъ Ваньки) къ Васькѣ Горю, говоритъ: «выйди-ка, сватъ, со мной на пару словъ на дворъ!» Васька Горе говоритъ: «оболокчись (т. е. одѣться), али въ одной рубахѣ?» «Да хоть въ рубахѣ». Выходятъ на дворъ (въ сѣни). Говоритъ старикъ: «во что сватъ (называетъ Ваську Горя по маленькой роднѣ), я тебя хочу послать къ Пашѣ Благочинному». «Зачѣмъ?» «Да вотъ здумали со старухой-то женить Ваньку, у него кабыть дѣвка хороша». «Да что говорить, хороша, я знаю всѣхъ наперечетъ дѣвокъ-то». «Да какъ эта дѣвка не хороша, дакъ гдѣ другую-то лучше этой найдешь?»

Васька Горе приходитъ къ Пашѣ Благочинному. Говоритъ: «Павелъ, выйди на дворъ со мной не надолго»! Не надолго выходятъ на дворъ. Говоритъ Васька Горе: «Павелъ, послалъ меня къ тебѣ Тарасъ Архиповчевъ, здумалъ сына женить, да что отдай дѣвку-то, парень-то хорошой». «Знаю, что хорошой, да что у меня вотъ большуха-то скажетъ» (Павелъ называетъ жену свою большухой). «Да что пойдемъ переговоримся!» Приходятъ въ избу Павла. Говоритъ Васька Горе (женѣ Павла). «Что, Яковлевна, (называетъ по отечеству) я пришелъ къ вамъ за дѣвкой (отъ Ваньки Козла) отъ Тараса Верхорѣчнаго, отдай за парня-то,—какъ хошь, давай дѣвку —парень хорошой стоитъ дѣвки, знаешь, вѣдь парень табаку не пыть (т. е. не нюхаетъ и не куритъ)». Потому это при первомъ разговорѣ объясняютъ, что здѣсь больше раскольники, этого табаку ненавидятъ: основываются на своемъ законѣ—что этотъ табакъ выросъ не на землѣ, а у одной блудницы дѣвки на естественной части, поэтому его ненавидятъ и это считаютъ за грѣхъ великій, и легче, говорятъ, жить необрачно холостому парню съ дѣвицей, или даже съ женой чужой, съ замужнею, это считаютъ за грѣхъ свальный, и стоитъ отъ этого грѣха получить прощеніе: взять въ куриное яйцо т. е. въ скорлупу порожнюю влить, сколько войдетъ, воды, на себя вылить: тѣмъ получаютъ прощеніе и этимъ себя очищаютъ, а за употребленіе табаку человѣкъ проклятъ. Да вотъ еще почему многіе изъ православныхъ совращаются въ расколъ, что живя многія лѣта значитъ и много имѣютъ грѣха, и чтобъ отъ грѣха избавиться, приглашаютъ по ихнему названію старшину старообрядческаго, просятъ его, чтобъ онъ перекрестилъ хотя-бы кого не было, изъ православія въ старую вѣру привелъ; тотъ старшина сейчасъ погружаетъ въ кадку, наполненную водою, совершаетъ свои молитвы и тотъ, перекрестившись чрезъ сего старшину въ водѣ, считаетъ себя спасеннымъ,

Спасибо тебѣ, батюшка,
На великомъ благословеньи,
Дайте во очи видити мнѣ родимую матушку,
Отдай-ко мнѣ, матушка, да велико благослове. . . .
Дала ты мнѣ-ка матушка, да велико благослове. . .
Спасибо тебѣ, матушка, на великомъ благословень. . .

Пѣсня эта поется въ то время, когда женихъ приходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами. Послѣ этой пѣсни будутъ дѣлать причетъ невѣстѣ насчетъ родительскаго благословенья.

Въ этомъ причетѣ слова иногда не допѣваются. При распѣвѣ онаго нужно обратить вниманіе на склонъ, каждаго стиха; а что написано: послѣ окончанія сватанья поется «боетце и зыченъ голосъ»,—это ошибочно, потому что плачея оный разсказывала въ родѣ сказки, а какъ начала нараспѣвъ, при пособіи дѣвушекъ, то вышло иное. Этотъ стихъ при первомъ случаѣ при причётахъ плачныхъ употребляется, но прежде этого стиха, когда женихъ расподаетъ принесенное вино, тогда до этого еще стиха про жениха поется пѣсня, которая съ самаго начала употребляется еще ранѣе сего стиха.

Пѣсня во время сватанья, употребительна сначала до плачныхъ причтовъ:

О диво лелю, младу мою.
Иванъ Василисте напитца даетъ (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Даетъ онъ даетъ, приговариваетъ (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Отмойся бѣло да ходи хорошо (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Черезъ тынъ не скачи, красиковъ не дери (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Черезъ мостъ не ходи, своихъ пятъ не коли (2 раза)
О диво лелю, младу мою.
Наша Василиста не плакуша была (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Два поля шла и не плакала (два раза).
О диво лелю, младу мою.
А третье пошла и заплакала (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Лузи болота вода понела (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Князья бояра перевозятся, перевозятся. переносятся (два раза).
О диво лелю, младу мою.
Нашей Василисты не перевезутъ, не перенесутъ (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Нашей Василисты чужа сторона (два раза)
О диво лелю, младу мою.
Незнакома, не родимая (два раза)
О диво лелю, младу мою. . . .

Плачный причетъ жениху во время сватанья:

Да ходилъ, гулялъ ясенъ-соколъ по чистому полю *)
Заряжалъ да добрый молодецъ калену стрѣлу. . .
Говорилъ же добрый молодецъ рѣчи, таково слово . . .
Полети ты калена стрѣла на чужу, дальну сторону. . .
У моего у батюшки да ворота незатворенныя. . .
Да у моей-то у матушки двери незатворенныя . . .
У меня у красной дѣвицы да завѣса незадернута. . .
Залетѣла калена стрѣла да въ домъ ко солнышку батюшиѣ
Да ко солнышку ко батюшкѣ, да ко родимой ко мат. . .
Устрѣлила калена стрѣла во ретивое сер. . .
Стые да поры времени да весела не быва. . . .
Да стые поры времени да до сыта не ѣдала. . . .
Да стые поры времени да до плотна не сыпа. . . .
До сель мои родители были добры и жало. .
Жилось у родителей да до поры да до вре. . .
Пропилъ меня батюшка да на винѣ на зеле. . .
Пробилъ да руку правую съ дорогимъ злаченымъ перс. .
Да названой чужой брателко да Иванъ сударь Тара. . .
Меня усудятъ подивуютъ да со сторонъ добрые лю. . .
Да почему-же красной дѣвицѣ чужой названной мой брат. . .
Не-одной то воли города, не-одной подвинскіе ге. . .
Этотъ тотъ да добрый молодецъ славны топеской во. . .
Да въ топеской во волости да все дородны добры мол. . .
Все дородны добры молодцы, да хороши красны дѣв. . .
Тамъ дороденъ добрый молодецъ да добрымъ людямъ на за. . .
Да добрымъ людямъ на завидость да лихимъ на издивле. . .
Ростомъ вѣточка зеленая, лицемъ наливная ягодка. . .
Въ три часу даливаласе, да во одинъ часъ исполня. . .
Кудри твои волосы, да золотыя коси. . .
Въ три ряду да завивалисе. . .
Въ первый рядъ да завивалисе да по плечамъ рази. . .
Въ другой рядъ да завивалисе да ко уху привива. . .
Въ третій рядъ да завивалисе да изъ кольца въ кольцо мета. . .
Да на всякой на кудриночкѣ да по скатной бисер. . .
Да на всякой волосиночкѣ да по золотой пота. . .
Тотъ средился доброй молодецъ да добрымъ людямъ на за. . .
Да добрымъ людямъ на завидость, да лихимъ на издивле. . . .
Своему-то отцу матери да столько на посмотре. . .

*) Окончаніе словъ не допѣвается.

Буду я ходити ко Божьей святой ко церкви
Ко ранной ко заутрене да ко священной къ обѣднѣ. . .
Стану класть на суда Бога сударь солнышка батюшка. . .
Сталъ онъ меня давати-то на чужу дальну сторону
Большой сватовецъ силой не отымаетъ да боемъ не отбиваетъ. . ,
Большому-то сватовцу да повелѣное дѣло. . .
Какъ пойдешь да большой сватовецъ да на чужу дальну сторону
Да во путь да во дороженьку тебя виномъ напоятъ
Впередь большому сватовцу много даровъ насуля. . .
Не радуйся ты сватовецъ да даромъ не веселися. . .
Тебѣ не сто локотъ даровъ достантце, тебѣ не цѣлая тысяча. . .
Только обойдется тебѣ одна мѣрная искосинка
У большаго у сватовца жена не пряха, не ткаха.
Куды-же искосинку да подернути будешь.
Не знать себѣ да на портяночки, не знать женѣ на искосинку.
Я пряла простыночку да во филиповое говинье
На кирпичной на печкѣ да подъ дымолочнымъ окошкомъ.
Ткала простынечку да во великое говинье. . .
Окна не выставляла да близемъ не разсшивала. . .
У меня у красной дѣвицы на патонко прядено да и не начисто выткано. . .
Не на круто кручено, да и не набѣло бѣлено. . .
Не на дары лажено. Лажена простынечка да на бѣлыя рубашечки
Не могите на меня чужы добрые люди
Судомъ да посудити, да дивомъ подивовати,
Подошелъ-то ко мнѣ брателько близко не подалеку,
Поднесъ да во бѣлыхъ рукахъ много злата и серебра. . .
Спасибо тебѣ, брателько, да на многомъ приношеньиче. . .
На многомъ да приношеньиче да на бульшемъ подар. . .
На рублѣ денегъ, на полтинѣ, на цѣлой золотой гривнѣ.

Эти причеты поетъ плачея вмѣсто невѣсты.

Тотчасъ послѣ сватанья будетъ приготовленіе свадьбы какъ у невѣсты, такъ и у жениха (у той и другаго вопервыхъ заваривають пиво). Къ невѣстѣ во время дѣвичника собираются всѣ дѣвушки, также и молодые парни той волости, въ которой она находится. Къ жениху собираются на дѣвичникъ родные и знакомые и приближенные сосѣди, для угощенія пивомъ, водкой (сивухой), частію хлѣбомъ-солью. Столъ во время мужскаго дѣвичника приготовленъ съ перемѣнами: на первый разъ тогда имѣются у нихъ щи съ говядиною, во вторыхъ кулебяки изъ соленой трески, въ третьихъ изъ палтусины, въ четвертыхъ изъ соленыхъ сиговъ, послѣдняя перемѣна у нѣкоторыхъ—свѣжая рыба, послѣ этого сочни т. е. тонкія лепешки разосканы, величиною въ рѣшето, изъ ячной муки; а въ постное время для ухи варится сухая треска, мелко крошится, кладется въ глиняный горшокъ, прибавляется часть крупы и соли, все это уваривается, какъ слѣдуетъ и употребляютъ при первой перемѣнѣ. Тотъ же самый столъ, какъ во время дѣвичника и свадьбы у невѣсты, въ приготовленіи кушанья съ перемѣнами находится и у жениха. Къ невѣстѣ во время дѣвичника собираются всѣ дѣвушки въ самомъ нарядномъ приборѣ, также молодые парни (а особливо щеголки); родные невѣсты сидятъ за приготовленнымъ столомъ, которыхъ отецъ и мать угощаютъ пивомъ, водкой (сивухой). Когда соберутся всѣ дѣвушки и усядутся по лавкамъ и скамьямъ, тогда плачея будетъ продолжать плачный причетъ, одному какому либо парню богатому и хорошему, отъ котораго намѣрены получить гостинцы. Парень несетъ невѣстѣ гостинцы, также и плачеѣ денежнымъ количествомъ, по возможности своей, а дѣвушекъ даритъ пряниками. За симъ женихъ, во время дѣвичника своего, приглашаетъ сперва родныхъ своихъ, потомъ знакомыхъ ему пріятелей, въ княжескій поѣздъ, а равно крестнаго отца, котораго у нихъ называютъ тысяцкимъ и крестную мать по женихѣ, называемую сватьей. Ежели вблизи живутъ, какъ тысяцкой такъ и сватья, то во время дѣвичника спрашиваютъ у приглашенныхъ: заготовлены ли у васъ колокольчики? (обычай въ здѣшнемъ мѣстѣ, ежели поѣдуть за невѣстой, то привязываютъ къ дугѣ колокольчиковъ, около 12-ти штукъ; это дѣлается въ зимнее время). Въ отвѣтъ жениху во время дѣвичника, отвѣчаютъ, что колокольчики заготовлены. Онъ говоритъ имъ: «такъ пріѣзжайте заутра поранѣе всѣ»; а сторожъ тоже приглашается послѣ сватанья вскорѣ: онъ въ поѣзду главное лице, и потому называется главнымъ, что предохраняетъ отъ порчи какъ невѣсту, такъ и жениха. Послѣ съ дѣвичника уходятъ домой, и назавтра пріѣзжаютъ всѣ поѣзжане, которые были приглашены въ домъ жениха, изъ оныхъ женихъ, какъ-то изъ ближайшихъ брата своего, а ежели нѣтъ его, то и зятя назначаетъ въ дружки, а сторожъ ранѣе поѣзжанъ находится при женихѣ; поѣзжане къ жениху не вдругъ всѣ сбираются, кто пріѣдетъ прежде, того угощаетъ женихъ на повѣтѣ водкой и пивомъ, за каковое угощеніе пріѣхавшій даетъ жениху гостинцы—бараньихъ ходилъ, обернутыхъ платкомъ, ежели нѣтъ ходилъ, то даритъ кулебякой; такимъ же образомъ женихъ принимаетъ всѣхъ до послѣдняго и угощаетъ вышеписанными гостинцами. Когда всѣ поѣзжане съѣдутся, тогда начнетъ сторожъ приготовлять столъ къ кушанью: разстилаетъ первоначально скатертку во весь столъ, потомъ сажаетъ жениха, тысяцкаго (т. е.

У Ивана та свѣта
У Тарасова сына (2 раза)
Были кудри золотыя
Золотыя, навитыя
Навитыя накладныя,
Что съ по этимъ по кудрямъ
Шуримъ зятя любуетъ
Онъ за зятемъ то ходитъ,
Примѣрно сказать,
Марфу душу выводитъ,
Зять съ лавицы сойдетъ,
Съ головы шапку сойметъ,
Онъ челомъ пріударитъ
У насъ этого дару
Дару дома-то нѣту,
Што у батюшки роднаго
И у матушки родныя.

За этимъ вскорѣ невѣсту принимаютъ опять тѣ же проводники и уводятъ изъ-за стола въ клѣть (гдѣ она одѣвается покрасивѣе подъ надзоромъ невѣстиной сватьи), а сторожъ тогда скажетъ: не облисни другой невѣсты. Когда срядятъ, невѣстина сватья ведетъ ее за столъ и отдаетъ жениховой сватьѣ, женихова сватья накладываетъ привезенный ей платокъ и закрываетъ все лицо и сажаетъ на старое мѣсто. Посидѣвши тутъ немного, находящійся за столомъ сторожъ распоряжается. проситъ у хозяйки какъ выше описано, щей или ухи, неразломанныхъ кулебякъ, потомъ ячныхъ пироговъ и сочней, а отъ хозяина вина (полугару). Сначала подаетъ хозяину и хозяйкѣ, а далѣе, какъ выше описано; поѣзжане въ это время закусываютъ. Когда окончатъ водку и закусятъ порядочно, вдругъ встаютъ, молятся, какъ было сказано, и читаютъ молитву: «Отче нашъ», потомъ выходятъ изъ-за стола всѣ поѣзжане, а невѣсту изъ-за стола берутъ проводники за платъ и сажаютъ на приготовленную лошадь. Урядивши, какъ слѣдуетъ, всѣхъ лошадей, сторожъ опять кругомъ оныхъ обхаживаетъ, какъ ѣхали за невѣстой т. е. кому за кѣмъ падлежитъ. Ранѣе было за женихомъ ѣхала сватья, а нынѣ невѣста со своими проводниками, за невѣстой—певѣстина сватья, за оной женихова сватья, а сторожъ самый послѣдній. Проѣхавши немного вдругъ дружки воротчаются назадъ къ бывшему хозяину (т. е. невѣстиному отцу) и, зайдя въ избу, произносятъ слова: «здравствуй, господинъ хозяинъ, нашъ князь первобрашный столовалъ, пировалъ, не изломалъ-ли мѣднаго, желѣзнаго, оловяннаго и деревяннаго, ежели изломалъ, то завтра будутъ разплачиваться серебромъ и золотомъ». Послѣ этихъ словъ хозяинъ угощаетъ ихъ водкой. Когда пріѣдутъ къ вѣнцу, заходятъ первоначально въ трапезу, невѣста садится тогда возлѣ жениха по лѣвую руку, а сватья невѣстина возлѣ невѣсты. Потомъ вѣнчаются какъ слѣдуетъ. Когда обвѣнчаются, тогда женихъ съ своей женой садится въ одни сани, а прочіе поѣзжане по прежнему, и отъѣзжаютъ отъ церкви къ жениху въ домъ. По прибытіи туда, родственники встрѣчаютъ обвѣнчанныхъ ржанымъ хлѣбомъ, которымъ колотятъ въ темя того и другаго до трехъ разъ, а отецъ жениха встрѣчаетъ ихъ съ иконой, кладетъ имъ на голову и такимъ же образомъ продолжаетъ, послѣ этого икону даетъ цѣловать тому и другому (мать жениха въ это время къ невѣстѣ кидается подъ закрытый платокъ и смотритъ въ лице ея, правильно ли наложено на голову и кромѣ того любуется, хороша ли привезена сыну своему жена), а прочіе родственники подаютъ по рюмкѣ вина и по стакану пива. Въ это время некасательныхъ къ свадьбѣ лицъ собирается множество, такъ что трудно войдти поѣзжанамъ въ избу. За этимъ заходятъ въ избу всѣ, кланяются Богу, какъ невѣста такъ и прочій народъ. Обвѣнчанные уходятъ прямо за столъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ и сватьей и садятся на средину женской лавки. Послѣ чего сторожъ приступаетъ собирать на столъ кушанье. Собравши такимъ же образомъ, какъ выше сказано. засвѣчаетъ свѣчку. свитую изъ двухъ. становится по прежнему и читаетъ молитву: «Отче нашъ» и т. д. По прочтеніи всѣ садятся: какъ сидѣли у невѣсты во время стола, такъ должны сидѣть и у жениха т. е. кому за кѣмъ слѣдуетъ, а проводники невѣстины садятся въ большой уголъ, т. е. возлѣ тысяцкаго. Усадившись, какъ должно быть, хозяинъ приноситъ вина и угощаетъ: подаетъ сначала тысяцкому, потомъ сватьѣ невѣстиной, далѣе молодымъ, самъ выпьетъ съ женой по рюмкѣ, послѣ того подноситъ сторожу, потомъ всѣмъ поѣзжанамъ по порядку, а молодая вмѣстѣ со сватьей низко кланяется каждому, кто приметъ чарку вина. По обносѣ всѣхъ виномъ, начинаютъ кушать всѣ, не исключая и молодыхъ, которые до этого времени не употребляли какъ хлѣба, такъ и питья. Покушавши немного, опять обносятъ виномъ такимъ же образомъ, а прочіе домашніе родственники угощаютъ всѣхъ пивомъ. Молодой, т. е. мужъ своей женѣ, а столомъ говоритъ потихоньку: ѣшь, и подкладываетъ подъ руки ея кулебяки, изъ какой-нибудь рыбы, и прямо тутъ, что есть на столѣ. Когда отѣдятъ, тогда невѣстина сватья раздаетъ привезенные съ собой гостинцы, сначала сидящимъ за столомъ, потомъ на сторону прочему народу: сочни изъ ячной муки (смотря по времени какое позволяетъ кушать т. е. постное или скоромное, а нѣкоторымъ пшеничные пироги). Когда соберутъ со стола кушанье въ корзины, каждый изъ поѣзжанъ въ это время кидаетъ по скосу ржанаго хлѣба; этимъ себя оказываютъ т. е. честь отдаютъ молодымъ, сторожъ собравши со стола все, отдаетъ хозяйкѣ. Столы затѣмъ убираютъ прочіе. Мать

тивое; не учена моя буйная голова, не торено мое сердце ретивое, не торилъ и не училъ меня надежда-родитель-батюшка и не жалѣлъ торить и учить и научивать. Я побью челомъ, да и покланяюсь, что пропивалъ меня надежда родитель-батюшка, печальную сизу-голубушку, на томъ тебѣ не спасибо и укинулся на чашку на пивную, на чарку на винную; ужъ еще побью челомъ, да покланяюсь тебѣ, надежда родитель-батюшка, не во гнѣвъ поставь, что попеняла тебѣ печальная сиза-голубушка, когда буду я въ чужомъ домѣ, тепловитомъ гнѣздышкѣ, побью тебѣ челомъ, да покланяюсь, въ гости жалуй мой родитель-батюшка, въ чужой домъ и ко мнѣ печальной сизой-голубушкѣ, тори путь-дорожку широку въ чужой домъ и ко мнѣ до тепловата гнѣздышка, не вычитывайся изъ роду, изъ племени и не забывай меня сизой-голубушки». Далѣе припѣваетъ, если пьющій женихъ:

«Случилось слышать мнѣ, дѣвицѣ печальной,—что злодѣйка—неволя (женихъ разумѣется) великая, что испытываетъ горчицу зелено вино, выпивается изъ ума, да изъ разума, не выходитъ изъ царева кабака». Если пьющій рекрутъ, то говорятъ:

«Еще привторило, прибавило, что боится слушая набору солдатскаго».

б) Дядьямъ: *Сердечный ласковый дядюшка!* спасибо, что поднялся пожаловалъ и ко надежи родителю батюшкѣ и ко надежи родимой матушкѣ и ко мнѣ ко дитяти печальному, здравымъ здрава, а не весела, а не въ весельи и не въ великой радости и заручена моя буйная голова и отсулена печальная сиза-голубушка ужъ не на чужу и не на дальную сторону, за ближняго сосѣда окольнаго и къ одной красы веселью великому и къ одной церкви пресвященной (см. выше стихи къ родителямъ).

Слѣдуетъ обращеніе къ подругѣ:

«Милая подруга любовная! сядемъ мы съ тобою по прежнему, посидимъ, да побесѣдуемъ, побасимъ да посовѣтуемъ, ужъ теперь все прошло, да миновалося, меня вздумали отдать, да отсѣять. Разумѣй, моя подруга любовная, моей злой тоски и кручины великія и разставанію, есть у тебя родитель-батюшко и надежа родитель-матушка, ужъ ты не гляди на то, что добры да ласковы, будто вешны ледочки подпойчивые, ужъ не трещатъ да подломятся».—Засимъ плачея обращаются къ какой-либо плачущей дѣвицѣ: «ужъ ты о чемъ растужилась, да расплакалась, жалѣть видно меня сизу-голубушку, либо пало тебѣ въ буйну голову, что ты не смѣешь надѣяться на надежу родитель батюшку и матушку, такъ же отдадутъ тебя, да отсѣятъ, какъ меня сизу-голубушку, у тебя страшатся глаза, очи ясныя, унываетъ сердце ретивое».

«И осталась побѣдна сиза-голубушка будто пустое поле безъогородное и будто пуста хоромина некрытая, я ходила побѣдна, сиза-голубушка съ того глупаго ума да разума селами, ходила по міру по крещеному по-подоконью по высокому, послѣ жила по нянькамъ работницамъ и натерпѣлась небылицы-напрасницы, ужъ не подай Божья Мать Богородица жить по нянькамъ, казачихамъ и работницамъ, ты вздумалъ меня отдавать, да отсѣивать и т. д. (какъ выше къ родителямъ).

Наканунѣ брака женихъ съ дружкою *зазываютъ своихъ родственниковъ* на свадьбу. На лошадь одѣвается хорошая сбруя; къ высокой раскрашеной дугѣ привязывается до 5 колокольчиковъ, на сани разстилаются нарядные ковры. И вотъ ѣдутъ и по пути каждому встрѣчному низко кланяются. По входѣ въ домъ величаютъ хозяина по имени и отечеству и присовокупляютъ: «такой-то нашъ батюшка и такая-то наша матушка просятъ васъ на бракъ къ нашему князю первобрашному, такому-то (а женихъ говоритъ: ко мнѣ на бракъ) и въ *поѣздъ* хлѣба соли покушать; просимъ покорно (трижды) не оставьте нашего прошенія». Такая же честь дѣлается и прочимъ лицамъ, случившимся въ домѣ. Къ 7-ми или 8-ми часамъ вечера званые гости собираются въ домъ жениховъ и предварительно разсаживаются за столомъ по мѣстамъ, чтобы въ столѣ невѣстиномъ не пришлось занять послѣдняго мѣста имѣющему право на первое мѣсто. Гость, посаженный не на свое мѣсто, или получившій худые дары, или мало угощенный, капризничаетъ и не сочтетъ за стыдъ на чужомъ пиру расшумѣться. По окончаніи этой церемоніи разстилаютъ на полу шубу, на которой женихъ падаетъ въ ноги родителямъ, прося у нихъ благословенія жениться и обнимаетъ ихъ. Потомъ всѣ гости (поѣздъ), кромѣ матери, становятся среди избы и тысяцкій со св. иконою трижды обходитъ вокругъ поѣзда, читая молитву: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Затѣмъ послѣ испрошенія двумя дружками позволенія у тысяцкаго отправиться въ путь, словами произносимыми трижды: «г. тысяцкій! благослови въ путь шествовать!» и послѣ полученія отвѣта: «святые отцы благословляютъ, и праведники Бога молятъ», поѣздъ отправляется съ колокольчиками на смотрѣнье, провожаемый и встрѣчаемый у каждой деревни толпою народа съ огнемъ въ рукахъ. Впереди ѣдутъ дружки, потомъ женихъ съ тысяцкимъ, а далѣе прочіе поѣзжане. Подъ конецъ пути поѣздъ ѣдетъ тихо, а въ это время дружки, оставляя поѣздъ, стремглавъ ѣдутъ къ невѣстѣ и у запертыхъ сѣней трижды стучатъ съ молитвою: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». За дверями отецъ невѣсты отвѣчаетъ: «Аминь» и вводитъ ихъ въ домъ, гдѣ дружки, называя родителей невѣстиныхъ по имени и отечеству, говорятъ: такой-то и такая-то (имя отечество родителей жениховыхъ), господинъ тысяцкой и князь первобрачный приказали вамъ кланяться и спросить: «здорова ли ваша

нику и ко мнѣ, ко дитяти печальному; была вѣра съ тобою попроститься».

Отецъ и мать и прочіе родные приходятъ, обнимаютъ невѣсту и кладутъ на столъ что либо (деньги).

Послѣ завтрака еще разъ ходятъ дружки докучать желаемое получить, а вслѣдъ за ними идутъ отъ родителей невѣсты послы къ жениху и приглашаютъ его къ себѣ со всѣми любящими гостями, которые и идутъ. Тутъ бываетъ *пониманье*.

По приходѣ жениха со всѣми любящими гостями въ домъ, выводятъ невѣсту совсѣмъ приготовленную къ вѣнцу: на головѣ у ней повязка, а поверхъ повязки фата (повязка снимается предъ наложеніемъ вѣнцовъ брачныхъ, а фата передъ бракомъ), волосы въ распущенномъ положеніи; отецъ ея, сажаетъ жениха и невѣсту на лавку, а равно и прочихъ людей, потомъ молятся Богу, отецъ благословляетъ ихъ на шубѣ иконою трижды, обведя оною кругомъ головъ и приговариваетъ жениху, называя его по имени и отечеству: «благословляю тебя Божіимъ милосердіемъ и моею дочерью (имя и отечество). Вотъ тебѣ тетерька не теребленая, самъ тереби, а отъ людей береги». Затѣмъ идутъ на отведенную квартиру и тамъ, оставивъ невѣсту со сватьями, женихъ съ тысяцкимъ и дружками возвращается въ домъ невѣсты на блины. Надобно замѣтить, что женихъ и невѣста до брака ничего не вкушаютъ; за блинами мать невѣсты подноситъ жениху платокъ, сложенный вчетверо углами вмѣстѣ. Женихъ отогнетъ первый уголъ платка—мать поклонится, второй, третій и четвертый—тоже, послѣ того, принявъ развернутый платокъ, отдариваетъ ее деньгами. Наконецъ отправляются къ вѣнцу,—женихъ съ тысяцкимъ, а невѣста со сватьей. Вслѣдъ за ними родители отправляютъ въ домъ жениховъ приданое, укладенное въ ящики, коробейки и накопленное заботливою матерью невѣсты и посылаютъ хлѣбъ и разные рыбники, пироги со пшеномъ, мясо птичье, и другое и проч.

Послѣ брака въ церкви заплетаютъ у молодой косу и одѣваютъ на голову косынку и послѣ молебна новобрачные съ поѣздомъ отправляются въ домъ мужній; тамъ садятся за столъ, за которымъ поѣзжане угощаются *курятиной*; эти рыбники и хлѣбъ, привезенные съ приданымъ, разрѣжетъ тысяцкій на мелкія части и разложитъ на четыре тарелки; курятину на двухъ тарелкахъ унесутъ для молодыхъ и для стряпухъ, а остальныя двѣ для поѣзжанъ. Закусивши немного, беретъ отецъ жениховъ приготовленный на этотъ случай хлѣбецъ и обходитъ онымъ трижды надъ головами молодыхъ, которые во время закуски стоятъ за столомъ; потомъ завертываетъ хлѣбецъ этотъ фатою, которою закрывалась невѣста поверхъ повязки, и кладетъ этотъ хлѣбецъ въ шапку жениха, который послѣ уноситъ его съ собою; послѣ чего сватьи отъ невѣсты дарятъ отца и мать жениховыхъ, братьевъ, сестеръ и тетокъ, если онѣ есть. Потомъ выводятъ молодыхъ изъ-за стола и они благословляются, падая въ ноги отцу и матери на шубѣ, и уходятъ въ горенку, гдѣ кормятъ ихъ курятиной, которая была унесена со стола, и угощаютъ чаемъ и затѣмъ ведутъ ихъ спать въ холодную клѣть, по-большей части.—Дружки и сватьи, а также и посторонній народъ сопровождаютъ ихъ. Молодица раздѣваетъ у молодаго верхнее платье и сапоги, въ кои кладутся иногда деньги. Иной молодой кривитъ ногу, чтобы не скоро молодица сняла сапоги, и вотъ за труды послѣдняя получаетъ вознагражденіе изъ сапоговъ.—Потомъ молодица величаетъ молодаго N N: «нельзя-ли пустить меня къ себѣ въ товарищи?» и тотъ отвѣчаетъ: «радъ товарищу».

Затѣмъ въ домѣ молодыхъ бываетъ столъ, называемый *большимъ*. Тутъ угощаются родители невѣсты со всѣми любящими гостями. Столованье продолжается во всю ночь; подъ конецъ онаго являются молодые, подносятъ пирующимъ гостямъ,—женихъ вино, а невѣста пиво, а тѣ полагаютъ имъ въ чарку деньги.

На другой день мать молодаго приготовляетъ для молодыхъ баню; вымывшись въ ней, молодые благодарятъ мать за парную баню и молодица даритъ чѣмъ либо. Потомъ мать подаетъ блины, за коими молодица опять даритъ свою свекровь.

Затѣмъ родители молодицы посылаютъ пословъ къ родителямъ молодаго звать ихъ съ молодыми дѣтьми и любящими гостями на *хлѣбины*. На хлѣбинахъ угощаются только ближайшіе родственники. При этомъ столованьи молодаго даритъ сестра молодицы, если есть. Этимъ и оканчивается свадебная процессія.

При входѣ послѣ вѣнца въ домъ, молодая говоритъ: «первая, другая, я иду третья, цыцъ! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ».

А принятый въ домъ молодой говоритъ, глядя на потолокъ: «я иду, звѣрь лапистый и гордъ-гордастый, гордъ-горластый, волкъ зубастый, я есть волкъ, а вы есть овцы мои».

Описаніе свадьбы въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, представленное священникомъ Колчинымъ, даетъ слѣдующій матеріалъ:

Выбравъ невѣсту по общему согласію родителей и жениха, посылаютъ свата. Сватъ, разрядивши лошадь жениха въ лучшемъ уборѣ, съ бубенцами и позвонками, сватаетъ невѣсту и выряжаетъ *здарье* *). Когда сватъ

*) Выряжаютъ отцу рубаху и платокъ; матери—рубаху, поясъ, платокъ на шею и сарафанъ. Братьямъ—по красной рубахѣ и галстуку, сестрамъ по шолковому платку и всѣмъ роднымъ по платку. Безъ здарья свадьба не совершается, хоть-бы женихъ и хотѣлъ, но родители не несутъ того безчестья, чтобъ у сына не получить даровъ Часто случается, что по этому тягостному обычаю отказываютъ хорошимъ, достойнымъ женихамъ. Или

На мою-то дѣвью красоту.
Какъ моя-то дѣвья красота
Похудѣла, потемнѣла вся,
Какъ земля подорожная,
Какъ трава подкошоная.

Беретъ повязку въ руки прижимаетъ къ груди и продолжаетъ:

Я возьму свою дѣвью красоту
Во свои да руки бѣлыя,
Снесу свою я дѣвью красоту
Во темные лѣса дремучіе,
Я повѣшу дѣвью красоту
На березу кудреватую,
Я запру свою дѣвью красоту
Въ сундуки окованные,
Я спущу свою дѣвью красоту
Въ синее море.
Се млада, дѣвья красота
Въ 30 лѣтъ бы не состарѣла,
Стара' бабка женина старается
Въ три часа меня состарить,
Въ три минуту покручинить.

Въ день брака утромъ дѣвицы приходятъ къ жениху и застаютъ его на постели и будятъ пѣснями.

1. Гусли, гусли мои и проч.
2. Въ саду, саду
Что подъ яблонью кровать,
Подъ зеленой тесова
Кровать тесовая.
Ножки точеныя
Да позолоченыя,
На кровати перина,
На перинѣ простыня,
На простынѣ молодецъ
Первобрачный князь.
Князь молоденькой,
Князь хоробринькой.
Скороходъ къ нему пришелъ
Скороходъ молодой:
Ужъ ты стань, пробудись,
Первобрачный князь:
Еще на морѣ корабль,
Съ краснымъ золотомъ идетъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Да съ чистымъ серебромъ.
Не могу я, братцы, стать,
Да головы своей поднять:
Голова моя болитъ,
Да ретиво сердце болитъ;
Что подъ яблонью кровать
Подъ зеленой тесова.

(Повторяютъ до слова: «скороходъ къ нему пришелъ»).

Ужь ты стань, пробудись,
Первобрачный князь:
Еще на морѣ корабль
Съ красной дѣвицей пришелъ.
Онъ вскочилъ, побѣжалъ:
На босу ногу сапогъ,
На право плечо кафтанъ.
Вы, друзья, братцы мои!
Перейміте вы корабль,
Дамъ я выкупъ вамъ большой!

Въ церковь съ женихомъ и невѣстой пріѣзжаютъ только: тысяцкой, сватья и дружки. Въ ящикѣ привозятъ ватрушки и раздаютъ народу. Невѣсту, послѣ брака *крутятъ* т. е. переодѣваютъ въ повойникъ и везутъ закрытую платкомъ въ домъ жениха. Послѣ перваго стола, молодыхъ отводятъ *на подклѣть*, угощаютъ тамъ приглашенныхъ родныхъ и оставляютъ молодыхъ для отдыха. На другой день у родителей невѣсты бываетъ сборный столъ подъ названіемъ *горячихъ*. Тѣмъ и кончается свадьба. Чрезъ три дня привозятъ приданое невѣсты.

Далѣе помѣщаемъ свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго прихода Шенкурскаго уѣзда.

Свадьба начинается въ Тулгасскомъ приходѣ обрядомъ, называемымъ *„закрыванье“*. Обрядъ этотъ начинается такъ: по пріѣздѣ жениха съ такъ называемыми поѣзжанами, невѣста со своими подругами-дѣвицами уводится женщиной родственницей, или знакомой, если есть другая комната, то въ нее, а если нѣтъ, то въ клѣть и одѣвается тамъ, или въ *крашенинникъ*, или *ситникъ*. Въ первый костюмъ одѣваются невѣсты бѣдныя и нежелающія выйдти въ замужство за помолвленнаго жениха потому, что онъ или бѣденъ, или не красивъ собою, или же худъ характеромъ. Въ послѣдній костюмъ, т. е. ситникъ одѣваются тѣ, которыя изъ богатаго житья выходятъ за женіховъ богатыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ нравящихся имъ. Во время одѣванія невѣсты, женихъ и его поѣзжане угощаются разными яствами и питіями отъ родителей, если они есть, или родственниковъ невѣсты. Одѣвши невѣсту, ведетъ ее женка-родственница или знакомая и приводитъ въ ту комнату, гдѣ сидитъ женихъ и прочіе гости закрытую куколемъ, сшитымъ изъ бѣлаго холста съ разными прикрасами, и, вошедшіе, молятся святымъ иконамъ. Невѣста, помоливши сь. иконамъ, если есть священникъ, котораго почти всегда приглашаютъ для этого, проситъ у него благословенія, а если нѣтъ, то у отца своего и матери. У священника проситъ благословенья обыкновенно, т. е. о. N. благослови! у отца же и матери слѣдующими словами:

«Батюшка и матушка! благословите *мыкать горе великое*
И со слезами горючими,
Отведите вы горя великаго за три горы высоки,
А горючихъ-то слезъ за три Дунай-рѣки быстрыи.

Точно также просятъ благословенія у братьевъ и другихъ родственниковъ, если отца и матери нѣтъ въ живыхъ. По окончаніи означенныхъ выше словъ, отецъ и мать благословляютъ, изображая крестъ на просящей благословенія. Повидимому дѣло начинается какъ нельзя лучше, но что же дальше? Невѣста, получивши благословеніе, проводится до лавки своими подругами, которыя сажаютъ ее среди себя, начиная приплакивать. На этомъ свадебномъ обрядѣ приплакиваютъ только одному сватовцу—такъ:

«Что у насъ у батюшка за пиръ, за праздничекъ, годовой, да настоящій?
Зачѣмъ у насъ у батюшка за столомъ сидятъ гости незнамые и незнакомые?
Ко батюшку родимому по-зву званные гости,
Ко матушкѣ родимой долго жданые гости,
А ко мнѣ красной дѣвицѣ не минующіе гости.
Гости не минующіе будетъ не миновать.
По что тя, большой сватовецъ, лѣшій носилъ не путемъ, не дорогою,
По утру по ранному, да по позднему вечеру?
Мнѣ отъ больша сватовца все горе привязалось.
Да тебѣ на сто локотъ достанется, да не цѣлая тысяча,
Сколько тѣ достанется что одна мѣрна искосинка,
Той тебѣ искосинкой не одѣтися и нагимъ находитися.
У больша у сватовца жена не ткаха, да не пряха, сущая безпоряха.
Изъ того большой сватовецъ видно вился, лукавился да на кривдѣ божился».

При этомъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что когда дѣвушки поютъ сію пѣсню, невѣста плачетъ, какъ можетъ, и ударяетъ кулаками о колѣни, какъ позволяютъ ей силы. Это дѣлается у нихъ, какъ онѣ говорятъ, по модѣ. Отступи отъ этой моды невѣста—скажутъ: «рада, не реветъ и не бьется». Боясь этого, всѣ невѣсты, выражаясь языкомъ здѣшняго простонародья, «ревятъ», какъ могутъ и убиваются до того, что руки и колѣни дѣлаются синими и опухаютъ. Когда кончится приплакиваніе сватовцу, женихъ начинаетъ угощать водкой прежде всего невѣсту, потомъ *всю родню* ея и свою, а наконецъ и всѣхъ кто есть въ той комнатѣ, гдѣ онъ сидитъ. Поподчивавъ такимъ образомъ всѣхъ отъ мала до велика, женихъ прощается съ родными невѣсты и уходитъ, или уѣзжаетъ съ поѣзжанами во свояси. Тоже дѣлаютъ и прочіе гости, исключая *дѣвушекъ*, которыя остаются по просьбѣ невѣсты для подкрѣпленія себя пищею и питіемъ; послѣ чего также расходятся.

Этимъ и оканчивается такъ называемое „*вакрываніе*“.

Наканунѣ вѣнца бываетъ *дѣвичникъ*, который начинается съ 5 часовъ вечера и продолжается до 2—3-хъ и далѣе часовъ по полуночи. Предъ дѣвичникомъ готовятъ для невѣсты баню. Приготовляя ей баню, подруги ея опять приплакиваютъ такъ:

«Если у тя батюшка сыновья ясны соколы,
Что моей буйной головушкѣ соколы братцы родимые,
Подойди ко мнѣ ты, брателко, близко неподалеку,
Стану падать брателку въ рѣзвые-ноженьки,
Насѣки-ко ты мнѣ брателко сухихъ березовыхъ дровъ,
Кормилица ты моя родимая матушка,
Тако есть у тя дочери и сизыя голубушки
Зарученой красной дѣвицѣ, да сестрицы родимыя,
Подойди ты, моя сестрица близко неподалеку,
Истопи ты мнѣ, сестрица, теплу жаркую банечку
Помыться да пожариться, на бѣло поумываться,
Не ради чужи стороны, а ради порогу церквенаго
Святой церкви Божьей, да вѣнца золотаго».

Когда баня будетъ совсѣмъ приготовлена, тогда дѣвушки подруги невѣсты становятся среди комнаты, берутъ въ руки длинное полотенце и поютъ:

«Ты, кормилица моя, моя родимая матушка,
Неси моя кормилица тонко бѣло полотенышко,
Отпусти меня кормилица въ теплу парную баньку,
Голубушки сизыя, мои сестрицы родимыя,
Становитесь, мои сестрицы, среди высока терема:
Правая праворучица, моя крестовая сестрица,
Становись ты, сестрица, ко сестрицамъ родимымъ;
Лѣвая-то лѣворучица моя крестовая сестрица
Становись ты, моя сестрица, ко крестовой ко сестрицѣ;
Мои милыя, любимыя, мои любыя подружиньки,
Становитесь вы, подруженьки, среди высока терема,
Вы берите во бѣлы-руки шитой, браной платочикъ,
Низко мнѣ кланяйтесь и ласково говорите:
Добро жаловать зарученная въ теплу парную банечьку,
Мнѣ помыться, да попариться, да бѣло поумываться.
Ясно мое солнышко, сударь солнышко-батюшка,
Подойди ты, мое солнышко, близко неподалеку.
Безъ вашего благословеньица никуда я не ходила,
Скована и связана сижу я въ брусовой во лавицѣ,
Не могу стати, не поднятися на рѣзвыя ноженки:
У меня-то на-во рѣзвыхъ ногахъ да колоды дубовыя,
Благослови ты меня солнышко идти на широкую улицу
На улочьку на широкую, да въ тепло парную банюшку.
Не утица плавучая изъ гнѣзда вылетала,

За собою она выводила сердечныхъ маленькихъ дѣточекъ,
Выходила заручена на широкую улицу
Со радостью вышла со племенемъ,
Съ честными родителями,
Со милыми подруженьками».

По окончаніи сей пѣсни, отецъ и мать изображаютъ на невѣстѣ крестное знаменіе и сопровождаютъ ее до выхода изъ дома, а подруги до самой бани. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея всѣ останавливаются и поютъ:

«Стой ты, банька парная, стой не перепадайся,
Не король идетъ со силою, да не война подступаетъ,
Идетъ-то заручена въ теплу парную баньку,
Иде мытись и паритися, да бѣло умыватися и хорошо снаряжатися;
У насъ хороша божена, тепла парная банюшка
На косякъ сѣнцы забираны, да по угламъ кисти навѣшены.
У насъ каменка хрустальная, камешки самоцвѣтные,
У насъ квашеночьки дубовыя, да обручики березовые,
У насъ полы двоедубные, да стѣны двоетесаны».

Пропѣвши это, невѣста отправляется въ баню съ сестрою, если есть, а если нѣтъ, то съ одною, или двумя изъ своихъ подругъ. Во все время, пока она моется въ банѣ, дѣвицы стоятъ у бани и поютъ разныя пѣсни, подобнаго же содержанія. Когда невѣста вымоется и выйдетъ изъ бани, дѣвицы опять припѣваютъ:

«Мнѣ сказали люди добрые таковыя рѣчи:
Не ходи ты заручена въ теплу парную банечьку,
Смоешь ты съ головы дорогу дѣвью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью кибалу.
Сомыла я съ головы дорогу дѣвью красоту,
Падется на чужой сторонѣ мнѣ мѣсто неиздачно,
Семья мнѣ не по обычью, не по своей да душѣ черной сынъ отецкой,
Послѣдній разъ сходила въ теплу парную баньку,
Душой да красной дѣвицей, съ дорогой дѣвьей красотой.
Коль не судитъ Богъ бывать душой красной дѣвицей
Не въ дорогой дѣвьей красотѣ,
Раскатись тогда ты, моя банечька,
Покатись тогда ты, моя банечька,
Покатитесь вы бревешечки подъ-круту гору высокую
Во Дунай рѣку быструю,
Унесетъ тотъ Дунай рѣка во глухи темны лѣса.
Становитесь вы, бревешечьки, на стары пенечьки,
Разсыпься ты, хрустальная каменка, по одному камешечку,
Покатитесь камешечки на старыя мѣстечки».

По окончаніи сей пѣсни, невѣста и всѣ ея спутницы отправляются на могилы своихъ родныхъ и поютъ:

«Спыхните, вѣтры буйные, съ понизовую сторону
Понесите вы мой зычёнъ голосъ въ поверховную сторону *)
На Буево, на Власьевско,
На Климанску площадь
У меня не всѣ въ скопѣ, въ собраньицѣ мои честны родители,
У меня дѣдушка и бабушка въ скоромъ помираньицѣ.
Разступись ты, мать сыра земля,
Отставай ты, гробова доска, отъ нова домовищица,
Бѣло-савано-полотенышко да во трубу завивайся,
Ты лѣвой-то рукой подопрись, а правой-то перекрестись,
Выходите, мои родители, да изъ сырой земли матери,
Дайте мнѣ, родители, велико благословеньицо.
Плотно спятъ, не пробуждаются мои честны родители,
Не даютъ мнѣ родители велика благословеньица,
Не сумятся, да сряжаются на тихъ дѣвій вечеръ.
Безъ тѣхъ честныхъ родителей у меня пиры не пируются,
Я съ тоской бѣдна загинула, да съ горя загоревалась».

Съ могилъ своихъ родныхъ невѣста съ сопровождающими ее дѣвицами отправляется къ своимъ родственникамъ и знакомымъ на кашу, приготовляемую изъ ячменной муки и называемую въ простонародіи *густой кашей*. Поѣвши этой каши, невѣста выходитъ изъ-за стола, благодаритъ за нее хозяйку и приглашаетъ ее къ себѣ на вечеръ, или по ихнему, на дѣвичникъ. Все это повторяется во всѣхъ домахъ, гдѣ невѣста побываетъ. Отправивши дѣвичій послѣдній визитъ своимъ родственникамъ и знакомымъ, невѣста идетъ въ свой домъ и, приближаясь къ нему, дѣвушки начинаютъ пѣть:

«Пойду я заручена въ домъ ко солнышку батюшку да ко родимой ко матушкѣ.
Встрѣчаетъ меня батюшка со пути да со дороженьки:
Мое все да приходилося сердечное дитятко!
Во рукахъ онъ выноситъ скринку зеленаго вина
Да пей ты, чадо милое, стаканъ зеленаго вина».

Во время пѣнія сей пѣсни отецъ и мать невѣсты выходятъ на крыльцо, подаютъ ей стаканъ сивухи и просятъ выкушать. Исполнивши просьбу отца и матери, невѣста входитъ въ ту комнату, въ которой будетъ играться дѣвичникъ, и останавливается у дверей, а спутницы ея поютъ:

«Ты кормилица моя, моя родимая матушка,
Ты тяни, моя кормилица, срядны золоты столы,
Ты стели на столы шиты браныя скатерти,
Ты неси на золоты столы много ситнаго хлѣба,
Ты сади моихъ подружечекъ за срядны золоты столы
Вы уже пойте-чествуйте своего роду племени, своихъ честныхъ родителей».

*) Такъ припѣваютъ тогда, когда невѣста живетъ ниже церквей, а если выше, то на оборотъ.

Мать, слушаясь своей дочери, дѣйствительно приготовляетъ обѣдъ для ея *подружекъ* и сажаетъ ихъ за столы, убраные яствами и питьями разнаго рода. Во время стола дѣвушка-невѣста кланяется имъ, проситъ покушать и угощаетъ русскимъ горячимъ.—Поѣвши и попивши почти до опьянѣнія, дѣвушки расходятся до вечера (дѣвичника) по своимъ домамъ, а невѣста отправляется на отдыхъ.

Часовъ въ 5 или 6-ть по-полудни начинается такъ называемый нашими крестьянами и крестьянками *дѣвичникъ*.

Дѣвичникъ, или *дѣвичій вечеръ*, обыкновенно начинается съ 5 или 6 часовъ вечера и продолжается до 12 часовъ вечера и даже до 1 и 2-хъ по-полуночи. На немъ преимущественно присутствуютъ дѣвицы, которыя собираются со всей волости и раньше другихъ гостей.

Собравшись, гости-родственники невѣсты, около означеннаго выше времени, начинаютъ праздновать дѣвичникъ. Празднованіе дѣвичника всегда и у всѣхъ начинается сажаніемъ своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ за набранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать, и пѣніемъ дѣвицами нижеслѣдующихъ такъ называемыхъ по ихнему *приплакиваній*: дѣдушку и бабушкѣ со отцовской стороны, которыхъ невѣста на сѣнихъ, или повѣти встрѣчаетъ съ рыданіемъ и паденіемъ въ ноги:

«Добро жаловать дѣдушко и бабушка
На тихъ на дѣвій вечеръ!
Садите вы, родители, моихъ дѣдушка и бабушку,
За срядны золоты столы».

Это же самое поется, когда приходятъ дѣдушка и бабушка съ *материной стороны*.

Не на всякомъ дѣвичникѣ приплакиваютъ дѣдушкамъ и бабушкамъ, хотя они и въ живыхъ еще, по той причинѣ, что старики и старухи въ нашей мѣстности большею частію раскольники, а раскольники не только что старые, даже и молодые не ходятъ на подобныя празднованія. Этого требуетъ ихъ правило, чтобы «неизміршиться».

Когда соберутся всѣ гости, родственники невѣсты и близкіе знакомые ея родителямъ, и усядутся за столъ, тогда посылаютъ лошадь за священникомъ и его женою. Священникъ и его жена, входя на повѣть, или, если есть корридоръ, встрѣчаются невѣстою съ толпою подружекъ, послѣднія поютъ первоначально священнику:

«Добро пожаловать, духовной батюшко, да свѣтъ N. N.
На тихъ, на дѣвій вечеръ
Ко мнѣ красной дѣвицѣ
Спобѣдныхъ пѣсенъ слушать,
Ко батюшку, ко матушкѣ
Хлѣба-соли кушать,
Садите, родители, духовнаго батюшка
За срядны золоты столы,
Пойте вы и чествуйте духовнаго батюшка».
Потомъ его женѣ:
«Добро пожаловать, духовная матушка, да свѣтъ N. N.
На нашъ на дѣвій вечеръ». . .
Прочее все тоже, что и священнику.

Во время пѣнія означенныхъ стиховъ отецъ невѣсты, мать, или братъ приглашаютъ священника и его жену войти въ ту комнату, гдѣ празднуется дѣвичникъ. Священникъ и прочіе, бывшіе въ корридорѣ, или повѣти, входятъ въ комнату, наполненную народомъ разнаго пола и возраста до того, что едва можно пробраться. Священника и его жену по входѣ въ комнату, просятъ сѣсть за убранный разными яствами столъ, хлѣба соли покушать. Невѣста же и близкія ей дѣвицы садятся на *лавку*, такъ называемую *женскую*, а прочія по скамьямъ, или же стоятъ. Когда все это прекратится, дѣвицы начинаютъ пѣть, а невѣста убиваться и ревѣть такъ же, какъ было въ закрыванье. Припѣваютъ первоначально родственникамъ невѣсты, послѣ которыхъ и чужимъ—знакомымъ только. Припѣванія родственникамъ особеннаго вниманія не заслуживаютъ, потому мы на нихъ и не обратимъ онаго, а скажемъ, какъ припѣваютъ парнямъ изъ богатаго житья, красивымъ собою и хорошо одѣтымъ, женщинамъ, дѣвицамъ и парнямъ изъ плохаго житья—небогатымъ. Вотъ эти припѣванья:

1. Парню изъ богатаго житья.

«Изъ-за горья-горья тихой вѣтерокъ подуваетъ,
Да корабль выбѣгаетъ,
О двѣнадцати, о парусахъ,
О полтринадцати о якоряхъ,
Бѣжитъ, подбѣгаетъ, да къ бережку приставаетъ,
Подъ Тулгосску волость, да подъ Власьевску церковь.
Мостили да со корабля
Выстилали да со корабля втрое сукно дорогое,
Выводили да съ корабля коня-добру лошадь.
Обузданъ конь-добра лошадь черкасскимъ сѣделышкомъ,
На конѣ доброй-лошади дорогой добрый молодецъ
По *платью*, *да по цвѣтному*
Кабыть сынъ *купца*, гостя дорогаго,
По низкимъ по поклонамъ сынъ попа, отца духовнаго.
По рѣчамъ, по пословицѣ молодца обознавали,
По говорѣ тихой-смирной именемъ называли:
Жалостливый брателко N N,
Дородень добрый молодецъ
Добрымъ людямъ на *завидость*,
Лихимъ на *удивленье*,
Ты не ѣздилъ добрый молодецъ
На гульбу молодецку,

У тя поступочка бурлацка,
Честь хвала *молодецка*;
Ты много наживалъ злата, серебра,
Средилъ на могучи плеча дорого свѣтло платьицо.
Ко бѣлу тѣлу пристанетъ бѣла бумажна рубашка,
Ко рубашечькѣ пристанетъ да галунецъ золотой,
На ноженьки пристанутъ сафьяны сапожки,
На рученьки пристанутъ радужьи перчаточки,
На головушку пристанетъ соболинова шапочка.
Лежитъ слава про молодца,
Что *молодецъ на женитьбѣ*.
Женись ты, добрый молодецъ,
У Архангельска города.
Возьми ты, добрый молодецъ,
Да купеческу дочерь.
Со купеческой дочерью ть приданаго много:
Города да съ *пригородками*,
Терема съ *притеремками*,
Цѣлы лавицы съ *товарами*
Да *ральцы* окованные.
Далеко тебѣ вести, ясенъ соколъ,
Крестоваго батюшка, да крестовую матушку,
Далеко тѣ подыматися съ молодымъ бранымъ поѣздомъ,
Да съ молодыми поѣзжанами.
Женись ты, доброй молодецъ, славной Тулгасской волости,
Возьми ты, добрый молодецъ, у богатаго отца одну дочь одинокую—
Зрослу. хорошую, бѣлую, да кудрявую,
Было-бы тебѣ съ кѣмъ явитися
Ко отцу да ко матери,
Было-бы чѣмъ похвастати
Ири друзьяхъ да при товарищахъ».

Когда будетъ приближаться эта пѣсня къ концу, тогда тотъ парень, которому припѣвали, подходитъ къ невѣстѣ кланяется и даритъ ей 10, 15 и даже болѣе копѣекъ, а дѣвушкамъ за то, что онѣ такъ его выхвалили и наобѣщали ему разныхъ небылицъ, бросаетъ пряники, закуски или калачи. За такіе гостинцы дѣвушки отъ лица невѣсты и себя благодарятъ его слѣдующими словами:

«И спасибо тѣ, добрый молодецъ,
На добрыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На рублѣ денегъ, на полтинѣ
На цѣлой золотой гривнѣ».

Всѣ, кому приплакиваютъ, приходя къ невѣстѣ: если мужчина, то дѣлаетъ такъ, какъ выше описали, а если женщина замужняя и дѣвица, то кланяются, обнимаютъ невѣсту, а также дарятъ что-либо. Кто что подаритъ невѣстѣ, того такъ и благодарятъ.

2. Женщинамъ.

Не утрення заря-зелена занималася
Да высоко возникалася,
Выше церкви Божьей-святой,
Выше шатра полотянаго
Да креста животворящаго,
Опускалась заря утрення
Ниже церкви Божіей-святой,
Ниже темнаго лѣсу,
Не быть да зарѣ утренней
Молодой молодицею.
Бѣлая лебедушка
Да молодая молодушка N. N.

Благодарятъ за гостинцы:

Спасибо, лебедь бѣлая,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На многомъ приношеньицѣ,
На медовомъ сладкомъ пряничкѣ.

3. Дѣвицамъ.

Каталася жемчужина
По торгамъ, по базарамъ
Во великій день говеньица
Въ Евдокіевску ярманку,
Изъ Евдокіевской ярманки въ Алексіевску;
Да не быть земляникѣ-ягодкѣ,
Быть душѣ красной дѣвицѣ.
Милая, любимая, дорогая подруженька
Подруженька любимая N. N.
Тебѣ сряжено, снаряжено много цвѣтнаго платьица,
Твоя буйная головушка въ грамоту поучена,
Прибита рука права ко перу лебединому,
Приложена лѣва рука къ листу бѣлой грамоты,
Присмотрѣны очи ясныя къ скорописчатой грамотѣ.
Пойдутъ, да ноѣдутъ съ чужой стороны
Большіе сватовцы.
За тебя схоже солнышко (отецъ) дорого дорожится,
Матушка родимая горою становится.
«Цѣло мнѣ родители мѣсто выбираютъ,
Выбрали мнѣ родители не по уму, не по разуму
Чужу дальну сторону;
Мнѣ не по уму не по разуму
Чужи честны родители,
Не по своей душѣ крѣпкой
Ссужай сынъ отецкой.
Вы лучшимъ такъ отказывали,
А за худаго давать позволили.
Вы чего убоялися, да чего устрашилися,
Мои честны родители:
Знаю схоже мое солнышко, моя родимая матушка».

Благодарятъ:

«Спасибо тебѣ, подруженька,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ
На италіанскомъ *платочкѣ*».

4. Парню изъ невогатаго житья.

Не пень въ радѣ чернѣетъ,
Да не гнилая колодина
Чернѣетъ во теремѣ,
Да удалой добрый молодецъ N. N.
Нѣтъ у тебя добра молодца
Ни злата, ни серебра,
Не на што тѣ средить дорого свѣтло платье,
Ты ходишь добрый молодецъ
На долги вечеренечьки,
Тебя дѣвицы-то не любятъ
И женочьки не голубятъ.

Благодарятъ:

«Спасибо тебѣ, доброй молодецъ,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ,
На пяти мѣдныхъ копѣечкахъ».

(Послѣднія слова благодарности произносятъ, чтобы больше сконфузить, какъ можно громче).

Кромѣ напечатанныхъ здѣсь «приплакиваній» поются на дѣвичникѣ разныя простонародныя пѣсни. Когда покончится дѣвичникъ, невѣстѣ и ея подругамъ дѣвицамъ хозяйка дома собираетъ ужинъ. Во время приготовленія ужина дѣвицы отъ лица невѣсты поютъ отцу ея, стоящему предъ своею дочерью съ братыней пива, слѣдующее:

«Въ забытьѣ позабыли, на умѣ не подержали,
Подошелъ да схоже солнышко близко не подалеку,
Благословясь-то стала я да поранному утрицу,
Тутъ умъ за умъ ходитъ; дума думу спобиваетъ:
О чемъ меня матушка въ забытьѣ позабыла,
Во многихъ-то дочеряхъ, да во числѣ помѣшалась.
Сама собой я вышла изъ новорубленой горенки,
Заходила заученная въ новый высокой теремъ
Я бѣло не умывалася, да хорошо не наряжалася.
Попросила я у батюшки мѣдныя рукомоечки, да таза полуженаго,
У сестрицы у родимой свѣжей воды ключевой,
У братенька родимаго туга пѣннаго мыла,
У невѣстушки любимой тонка бѣла полотенышка.
Ничего мнѣ не сказываютъ да путь дорожку показываютъ.
Сидитъ мое схоже солнышко на брусовой лавочкѣ
Говоритъ онъ рѣчи—таково слово:
Откажу сегодня дочери я отъ хлѣба, отъ соли,
Отъ хлѣба отъ соли отказываютъ, да путь дороженьку указываютъ,
Отказываетъ мнѣ *кормилица отъ дѣла, отъ работушки.*
Сидятъ мои братья на брусовой лавочкѣ,
Говорятъ мои братья рѣчи—таково слово:
Откажемъ *сегодня сестрицъ въ теремъ мѣсто,*
Ни во теремѣ мѣста, ни во лавкѣ бесѣды.
Вамъ спасибо, мои родители, во очи и за очи!
Какъ у тя схоже солнышко уста-то отворилися:
Вы къ чему мнѣ отказываете отъ хлѣба отъ соли?
Я ваше чадо милое, ваше сердечное дитятко.
Я пошла заученная на широкую улицу.
На широкую на улицу, подъ круту гору высокую,
Къ Двинѣ рѣкѣ быстрой, бѣло умыватися да хорошо снаряжатися.
Плывутъ по славной по Двиночкѣ бѣлы скоблены барочки,
Плывутъ на этихъ барочкахъ *купцы гости торговые,*
У купцовъ плывутъ работнички да добрые молодцы;
Кричатъ они молодцы рѣчи—таково слово:
«Тутъ три вдовы оставалось, да горя наоставляли,
Первая вдова умылася, да поповская дочь,
Другая вдова умылася, горе-горькая солдатка,
Третья вдова умылася, крестьянская дочь».
Я тутъ да не умылася да назадъ воротилася,
Я слезами да умылася, да тоской утерлась,
Я пойду да провѣдаю въ чужу дальную сторону.
Стоитъ темна темница между горами высокими, да ручьями глубокими,
По праву руку у темницы глухи-темные лѣса,
У ней сучье не обрублено, да кора не оскоблена,
Углы у ней неотесаны, да околенки брюшинны,
Я зашла въ темну темницу да увидѣла:
Въ большомъ углу на лавицѣ лютой змѣй извивается,
Прямо печи на лавицѣ люта змѣя извивается,
На печномъ столбѣ дикой голубь воркуетъ;
Прямо малаго угла по лавицѣ сороки щекочутъ,
Подъ порогомъ у окошечка кокушка кокуетъ.
Сидитъ чужъ отецкой сынъ на брусовой лавицѣ,
Въ карточки играетъ, да въ ладыжки цатаетъ».

По пропѣніи этой пѣсни невѣста начинаетъ приготовляться къ встрѣчѣ жениха съ поѣзжанами—умываться и одѣваться... Когда же пріѣдетъ женихъ за ней и зайдетъ въ комнату, родители невѣсты садятъ его со всею свитою за набранный разными яствами и питіями столъ, и дѣвицы поютъ пѣсню:

«На чистомъ полѣ не туманъ занимался,
На прекрасномъ крылечкѣ да не громы загремѣли,
На вѣтляной повѣточкѣ громко заговорили.
Откуда палачи напали, да гонцы нагонили?
Гонцы эти нагонены да изъ сырой земли матери,
Они правятъ челобитную, отъ дѣдушки отъ бабушки

Да отъ умершихъ родителей.
Корминица моя, родимая матушка!
Тяни моя корминица дубовые столы,
Стели ты на дубовые столы рогожны скатерти,
На столы ты неси дробиннаго квасу,
Да изъ бочекъ воды ржавчины,
Несите *утицу плавучу*, да жорава долгоногаго,
Мнѣ-ка на чужой на сторонѣ будетъ укора великая,
Мнѣ отъ стараго отъ малаго, отъ рѣдоваго.
Тяни моя корминица золоты столы,
Стели на золоты столы браны скатерти,
Несите вы на бранны скатерти ситнаго хлѣба,
Приставляйте къ золотымъ столамъ бочку хмѣльнаго пьянаго пива,
Несите на золоты столы скрюнку вина зеленаго,
Ниже нынѣ кланяйтеось, ласковѣе говорите,
Пойте чествуйте чужаю роду племени, чужихъ родителей.
Гордо княжаго тысяцкаго, да гордо княжую сватью.
Дай мнѣ схоже солнышко правую праворучицу,
Матушка родимая лѣвую лѣворучицу.
Попросить мнѣ у родителей великаго благословенія
Дай мнѣ, схоже солнышко, велико благословеньице:
Твое-то благословеньице (будетъ) на водѣ правителемъ,
А на сырой землѣ матушкѣ сохранителемъ.
Дай и ты мнѣ матушка таковое же благословеньицо!
Куда меня одѣли, да хорошо снарядили?

. . . . . .

Это свѣтло платьице мнѣ раньше не приставало:
Въ ширину было широкое, въ долину было долгое.
Не бывала я столько хорошо снаряжена ни о Христовѣ-днѣ, ни о праздничкѣ...
Не вставайте мои братьицы со брусовой лавицы,
Не молитесь вы, не кланяйтесь Свѣту Господу Богу,
Не благословляйтесь мои братьицы
У чужаго роду племени, у чужихъ честныхъ родителей,
Не вознимайте меня, братьицы, да подъ могучія плечи.
У меня у братьицовъ-родимыхъ шелковыя рученьки,
На шелковыхъ-то рученькахъ бумажныя перчаточки.
У чужа сына отецка желѣзныя рученьки, да булатныя перстики,
Поднесъ во бѣлыхъ рукахъ столовую братенечку,
Во братынечкѣ подноситъ хмѣльно, пьяно пиво.
Стой ты, схоже солнышко, на вѣтляномъ повѣточкѣ,
Придержи ты ручки бѣлыя да ко столовой братынечкѣ
Присмотри ты очи ясны на сердечнаго дитятка,
Каково чадо милое было ростомъ и дородствомъ,
Каково да чадо милое бѣлинствомъ и румянствомъ?
Ростомъ вѣточка луговая, лицемъ наливная ягодка.
Схоже мое солнышко—сударь, солнышко батюшка!
Я съ тоски затосковалась, съ горя загоревалась:
Мнѣ-ка жаль стало тошнешенько дѣвья житья красованья,
У васъ часы часуются, да времена временуются.
Какъ за грѣхъ, да не въ часъ приду въ чужу дальную сторону,
Надо мною станетъ крататься, да собою возвышаться.
Какъ *уйдетъ да сынъ отецкій* по царевымъ кабакамъ,
Долгимъ вечеренечкамъ, да по душамъ краснымъ дѣвицамъ,
Мнѣ посидѣться будетъ бѣдной по позднему вечеру,
Мнѣ пождаться бѣдной будетъ вѣнчальнаго мужа.
Изъ кабака идетъ шатается, да надо мною разъѣзжается,
Стромко и грозно идетъ, стромко отворяетъ ворота
Да полотяныя двери, да по терему срядны золоты столы,
Бѣдна я тутъ изпужалася, бѣдна я вся перепалася,
Не могу стать-поднявшись на рѣзвыя ноженьки,
Не несутъ да рѣзвы ноженьки по высокому терему.
Я сегодня у Господа безъ числа согрѣшила,
Я сегодня у чужихъ людей безъ вины виновата,
Я въ ступени приступилася, въ словѣ проговорилася.
Такъ спасибо схоже солнышко въ очи и за очи,
Ты выбралъ мнѣ не по уму да не поразуму...
Такъ спасибо, схоже солнышко, на столовой братынечѣ,
На хмѣльномъ пьяномъ пивѣ»...

Пропѣвши отцу невѣсты эту пѣсню, дѣвицы начинаютъ пѣть ея матери, если она есть, тоже стоящей передъ дочерью съ братыней пива.

«Не въ колоколъ ударили, да не въ звоны прозвонили,
Со мною матушка родимая рѣчи заговорила.
Ты корминица моя, родимая матушка,
Посмотри, моя корминица, по скамьямъ да по лавицамъ:
Веселы, да радостны сидятъ мои любыя подруженьки,
Свѣтла у нихъ на головахъ дорога дѣвья красота,
Одна сидитъ не весела, одна душа красна дѣвица
На брусовой лавочкѣ, да подъ кручинным окошечкомъ,
На ней платьицо печально, да слезенно покрывальцо.
Ты не сына женишь матушка, да не невѣстку берешь,
Свою дочерь, да любиму со двора провожаешь,
Хоть вы меня избудете, да небогатѣе будите;
Вамъ не два свѣту освѣтитъ, да не два солнышка проглянетъ,
Корминица моя, моя родимая матушка!
Только вы меня избудете, въ терему да не увидите,
Сорокъ недѣль матушка во утробѣ меня носила,
Тридцать недѣль матушка въ пелены пеленала,
Полтора года корминица къ сердцу прижимала,
Полтретья года матушка въ зыбочкѣ качала,
До пяти годовъ корминица со бѣлыхъ рукъ не спускала.

До десятка годочковъ изъ устъ не опускала,
До *15-ти годочковъ* слугой не называла,
16-ти годочковъ стала слугой называти,
17-ти годочковъ стала замужъ выдавати,
Молодымъ я молодехонька, да зеленымъ зеленехонька,
Да не въ годы привязалось мнѣ великое *горюшко*,
Не на недѣлечки приходили зло горючія слезы.
Страшна мнѣ кажется чужая дальня сторона,
Мнѣ страшнѣе того кажется чужой *сынъ отецкой*;
Учить онъ будетъ переучивать, да *торить, переторивать*,
Не учена, не торена душа красная дѣвица.
У чужа сына отецкаго гроза молодецка,
Поступочка бурлацка, да честь хвала молодецка,
Придутъ вѣсточки не радостны на *родимую сторону*,
Сегодня чадо милое *бранено и бито*,
Сегодня чадо милое не *пило, да не ѣло*.
Ты кого моя матушка побудишь рано по ранному утрицу?
Кого же нарядишь *на дѣло, на работу?*
Спасибо тебѣ матушка въ очи и за очи.
Ты побей челомъ, покланяйся на правую руку,
Ты сади, моя кормилица, за срядны золоты столы,
Пой ты чествуй любыхъ моихъ подруженекъ».

Послѣ двухъ этихъ пѣсенъ невѣста и дѣвицы сходятся ужинать. Поужинавши послѣднія поютъ нижеслѣдующую пѣсню, а пропѣвши, уходятъ по своимъ домамъ, впрочемъ, многія остаются у невѣсты по той причинѣ, что бываютъ довольно выпивши *).

Пѣсня послѣ ужина.

«Мнѣ на всю свѣтлу недѣлечьку не пилось, да не ѣлось,
Мнѣ сегодня у родителей попилось, да поѣлось;
Я сидѣла у схожа солнышка да въ *большемъ углу на лавицѣ*,
Гдѣ попы да сидятъ діаконы, гдѣ судьи, да начальники.
Я не ѣденаго наѣлась, не питаго напилась.
Вамъ спасибо золоты столы, что на ногахъ постояли,
Вамъ спасибо бранны скатерти, что на столахъ полежали,
Вамъ спасибо хлѣбы ситные, что во уста покатились,
Спасибо пиво пьяное, что до пьяна напоило...
По конецъ стола мнѣ насидѣтися на чужой сторонѣ,
Мнѣ натого напитися до того поѣстися»...

Послѣ этой пѣсни совершенно оканчивается дѣвичникъ. На слѣдующій день ни-свѣтъ, ни-заря, какъ говорится, дѣвицы-подруги невѣсты, если расходились по своимъ домамъ, приходятъ къ ней, а если тутъ же спали, то встаютъ и, не успѣвши, можно сказать, умыться и перекреститься, поютъ отъ лица невѣсты, которая не умылась еще и не одѣлась въ свадебный костюмъ:

«Я спала, спала у батюшки въ новой рубленой горенкѣ,
На тесовой кроваточкѣ, да на пуховой периночкѣ,
Дожидалась я отъ матушки ранняго пробужденьица,
Отъ батюшки родимаго—частаго покликаньица,
Отъ батюшки духовнаго свѣтлы ранни заутрени,
Отъ дьякона пресвѣщеннаго—пресвѣщенны обѣдни.
Отъ пономаря церковнаго звону-благовѣсту.
Не могла я отъ духовнаго батюшки дождаться свѣтлы ранни заутрени,
Отъ родимаго отъ батюшки частаго покликаньица.

Сидѣніе жениха и его свиты за столомъ продолжается неболѣе полуторыхъ часовъ. Къ концу сидѣнья кто либо изъ *родственниковъ невѣсты* беретъ ее за полотенце длиною въ $3^1/_2$ арш., привязанное къ правой рукѣ, приводитъ къ жениху, сидѣвшему за столомъ и поднимаетъ какъ можно выше. Женихъ долженъ взяться за полотенце *нѣсколько повыше* руки того, кто привелъ *къ нему невѣсту*; этимъ обыкновеніемъ означается у простаго люда то, что женихъ, какъ будущій супругъ *приведенной невѣсты*, будетъ во всѣхъ случаяхъ жизни выше своей жены, будетъ, какъ выражаются, *командовать* ею. Женихъ, поймавши поднятое полотенце повыше руки приведшаго, ведетъ свою будущую жену за столъ, *обводитъ трижды* кругомъ себя и *толкаетъ* ее, чтобы она не сѣла и упала на лавку; когда такъ сдѣлано будетъ, тогда поѣзжане жениха кричатъ какъ могутъ: «ура, ура, ура!.. Побѣдилъ.... Сватовецъ табаку! Женихъ княжьяго пива и вина» дѣвицы, подруги невѣсты поютъ:

«Не ступай комнѣ на рѣзвыя ноженки,
Не толкай подъ могучія плеча,
Не давай грозы великой въ дому у солнышка батюшка.»
«Мнѣ-ка хаять чужа сторона—не расхаята будетъ,
Мнѣ-ка тужить чужа сына, да не утужить будетъ.»

И такъ называемый *дружка* *) вынимаетъ изъ запазухи двѣ восковыя свѣчи, соединяетъ ихъ винтообразно **) зажигаетъ и ставитъ къ той иконѣ, которою благословлена невѣста и которая повезется въ церковь, потомъ беретъ въ руки хлѣбъ, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе и рушаетъ его и наконецъ *угощаетъ попъжанъ* пивомъ, а прочихъ гостей, такъ называемыми *сочнями*, которые не попадаютъ имъ, а бросаются *во всѣ четыре стороны*.

---

*) Дѣвицы въ нашей мѣстности почти всѣ съ 8-ми лѣтъ пьютъ довольно хорошо водку.

*) Знахарь, хранитель брачущихся.

**) Винтообразное соединеніе свѣчъ означаетъ, чтобы молодые хорошо любили другъ друга.

Женихъ исполняетъ требованіе своихъ *поѣзжанъ*, выставляетъ имъ *бочку пива* и *ведра-два вина*; все это поѣзжанами и близкими знакомыми жениха и невѣсты впродолженіе часа рѣшается до капли, почему означенныя лица *почти* всегда пріѣзжаютъ въ церковь *совершенно пьяными*.

По совершеніи таинства брака новобрачные изъ церкви отправляются въ домъ родителей, куда приглашаютъ и священника съ причтомъ. Здѣсь особеннаго ничего не дѣлается и не бываетъ кромѣ того, какъ вскрываютъ молодую и какъ *дарятъ священника*, отца, матерь, братьевъ и сестеръ молодаго. *Скрываніе молодой* дѣлается такъ: когда пріѣдутъ изъ церкви молодые супруги и пройдутъ за столъ, за которымъ не сидятъ, а стоятъ, *тогда матерь молодаю* супруга снимаетъ шаль съ головы молодой и сильно кланяется сватовцу, говоря: «спасибо тебѣ, сватовецъ, ты ѣздилъ не гористо, вывезъ добристо!...»

Дарятъ прежде всего *священника*, если онъ есть, и дарятъ такъ: *наливаютъ стаканъ пива*, въ который полагаютъ *какой-либо платокъ* и *подносятъ все это* священнику и просятъ принять. Священникъ, принявъ дары и выпивши стаканъ пива, долженъ *отдарить молодую* (потому что подноситъ она) положить въ стаканъ какую либо монету. Также подносятъ подарки отцу, матери, братьямъ и сестрамъ молодаго. Отдаривши всѣхъ, молодые садятся и кушаютъ, а покушавши, уходятъ на отдыхъ до слѣдующаго дня.—Въ слѣдующій день рано утромъ молодой съ родителями и родственниками начинаетъ собираться къ тещѣ на *блины*, или по ихнему—*хлѣбины*.

На хлѣбинныхъ, или *красномъ столѣ*, особенно достойно замѣчанія слѣдующее обыкновеніе: теща, подавши на столъ послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ блиновъ и масла, проситъ зятя кушать ихъ. Когда же онъ возьметъ блинъ и начнетъ окунать его въ масло, тогда кто либо изъ гостей, сидящихъ за столомъ, старается подмѣтить этотъ моментъ для того, чтобы вмѣстѣ съ блиномъ окунуть въ масло у молодаго и руку. Впрочемъ невсегда удается желающему сдѣлать это, по той причинѣ, что молодой, такъ какъ видалъ и знаетъ это обыкновеніе, ловитъ ту минуту, въ которую всѣ ротозѣйничаютъ и окунаетъ въ масло блинъ въ одно мгновенье. За такое проворство и ловкость называютъ молодаго острымъ человѣкомъ: — вострый, говорятъ, онъ человѣкъ.

Этими хлѣбинами у Тулгаскихъ крестьянъ совершенно оканчиваются свадебные обряды.

Но когда женихъ съ поѣзжанами пріѣдетъ за невѣстой въ вѣнчальный день, первоначально они не впускаются въ домъ невѣсты. Дружки или сторожъ свадьбы, пришедши къ закрытымъ воротамъ дома невѣсты, говоритъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй намъ. Аминь. Если у васъ супротиво нашего молодаго князя молитву сотворить, или *Аминь* отдать».

Отвѣчаютъ родные невѣсты: «Аминь вашей молитвѣ», и говорятъ: «что вы за люди, зачѣмъ пріѣхали?» Пріѣхавшіе въ лицѣ дружки отвѣчаютъ: «мы люди Божіи да государевы: *два посла посланника*, *двѣ дружки перепьжіе*. Посланы мы отъ князя первобрачнаго; мы пріѣхали къ вашему дому нешально, не нахально, *по первому ву*, *по сеатовству*, *повторому—ву данью рукоданью*. *по третьему ву—рукобитью*, ѣхали *мы не путемъ* не *дорогою, а зелеными лугами*, чистыми полями, поволочными мѣстами, дремучими лѣсами, зыбучими болотами, чрезъ грязи топучія, чрезъ тихія озера глубокія, чрезъ быстрыя рѣки широкія, черезъ ручьи ребеновы, чрезъ мосты калиновы, черезъ узки переулки. *Искали мы куницы лисицы* и ничего не нашли, только одинъ *куній слѣдъ*. Тѣмъ куньимъ слѣдомъ мы ѣхали, палили, лошадей своихъ притомили; ѣхали-палили изъ Москвы до Сибири въ красныхъ саняхъ подъ синими полстями. Доѣхали мы до бѣлаго шатра, до вашего дому; есть-ли въ вашемъ домѣ господинъ хозяинъ, *куній слѣдъ*. *отводи куда ушелъ*, *или красную дѣвицу выводи*; наши кони прибились, молодцы притомились, давайте нашимъ конямъ сѣна зеленаго, овса ядреннаго, чтобы сѣна до колѣна, овса до глазъ.»

«Есть вашимъ конямъ солома ржаная, да и тая гнилая, а овса своего зачѣмъ ни привезли?»

«Господинъ хозяинъ! мы пріѣхали къ тебѣ не по рожь и пшеницу, а по красную дѣвицу.»

«Какія на вашей дѣвицѣ примѣты?» — «На нашей красной дѣвицѣ примѣты: бѣлобисерной почелокъ, стоитъ въ кругу народа, въ высокомъ терему, въ бѣломъ шатрѣ, въ бабьей бесѣдѣ, въ дѣвьемъ порядкѣ, на брусовой лавкѣ, головой покачиваетъ, ручками подъ черной фатой помахиваетъ, подъ бѣлымъ платкомъ умильно причитываетъ, своимъ родителямъ припѣваетъ, насъ молодцовъ дожидаетъ... Еще, г. хозяинъ, есть-ли у васъ уворотъ *приворотники*, у дверей *придверники*, у стола пристольники, у пива *наливники*, у печи *стряпки*?»

«Стряпка отъ печи бросилась, на курьемъ полѣ раскатилась, за полъ зубами ухватилась.» — «Есть-ли нашимъ конямъ караульные люди, чтобы тѣ караульные ворота отпирали, высокія подворотницы вынимали, дабы наши кони ногъ не переломали и копытъ не заломали?» — «Своихъ приставьте.» — «Отпирай и отворяй ворота, г. хозяинъ?»

Хозяинъ открываетъ ворота и впускаетъ пріѣзжихъ гостей, которые входя въ ворота, говорятъ: «г. хозяинъ, въ этотъ день ты не хотѣлъ воротъ запирать и дверей затворять; почему же ты ворота заперъ и двери затворилъ! Кто тебѣ приказалъ?»

«Я потому ворота запиралъ, что весь вашъ княжескій поѣздъ въ одно время ждалъ.» — «Это все ваши не отговорки, нашъ княжескій поѣздъ не въ разсоркѣ» (заходятъ въ избу).

Вошедши въ избу и помолившись иконамъ, говорятъ: «здравствуйте, молодыя молодицы, красныя дѣвицы! Подберите рѣзвыя свои ноженки, дайте свѣту изъ окошечка подойти къ сударынѣ и подать ей гостинчики.... Ты, сударыня, прими мои гостиньчики, на бѣлыя бѣлила, на красный румянчикъ за то, что *тонко пряла, ситко ткала* т. е. бѣло бѣлила, на камешкѣ колотила, намъ, молодцамъ норовила. И ты, сударыня, не плачь, не вопи, ни о чемъ не тужи, — у нашего батюшки горы низеньки, ушатки маленьки, коромыслы тоненьки; ты, сударыня, не будь горда и спѣсива, а будь всегда говорлива, гордость и спѣсь спрячь, лѣнь потяготу кинь въ подполье; ты не ломайся, сама разувайся, у насъ побудешь и насъ разуешь, ежели ты будешь горда и спѣсива, то тебѣ будетъ плеть учлива». Послѣ этого дружки обращаются къ хозяину дома и говорятъ: «здравствуй, господинъ хозяинъ!... Нашъ князь первобрачный сего числа столовалъ, пировалъ, не поломалъ ли какой посуды каменной, оловянной, щепеной, деревянной? Если что поломалъ, то завтряшняго числа расплатится златомъ и серебромъ, нескатнымъ жемчугомъ, а теперь у насъ денегъ нѣтъ, просимъ не осудить.»

Хозяинъ, выслушавши послѣднія рѣчи, сажаетъ всѣхъ пріѣхавшихъ за столъ, набранный разными явствами и питіями *).

---

*) Поясненіе словъ, преимущественно употребляемыхъ крестьянами и встрѣчающихся въ настоящемъ описаніи свадебныхъ обрядовъ:

Клѣть—кладовая

Крашанинникъ—сарафанъ, сшитый изъ окрашеннаго черной краской холста.

Сишникъ—сарафанъ, сшитый изъ ситцевой матеріи.

Приплакиваніе—пѣть заунывно, пѣть пѣсни грустнаго содержанія.

Сватовецъ—этимъ именемъ называютъ того, кто высваталъ невѣсту.

Немилующіе гости—весьма неправящіеся гости.

Не столокотъ (портна) или очень много достоинствъ за трудъ сватовцу.

Одна мѣрка искосинки—весьма мало и то отрѣзанное наискось.

Дѣвичникъ—дѣвичій вечеръ, на которомъ мущинъ почти не бываетъ.

Праворучица—крестовая сестра по крестному.

Лѣворучица - крестовая сестра по крестной.

Иде идетъ, всѣ глаголы въ нашей мѣстности употребляются подобнымъ образомъ, а иногда съ прибавленіемъ шо напр иде-шо, ѣде-шо, дѣлае-шо.

Квашеночки—шаечки, употребляемыя въ бакѣ для мытья.

Кибала—иначе кокошникъ, женскій головной уборъ.

Домовище—гробъ.

Загинула - сдѣлалась хуже.

Въ описаніи народнаго быта въ селеніи Зимней Золотицѣ, что на зимнемъ берегу Архангельскаго уѣзда, составленномъ священникомъ Влад. Розоновымъ, находимъ слѣдующія данныя о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ этой мѣстности:

«Женихъ подговариваетъ невѣсту на вечеринкѣ; если она даетъ ему честное слово, сначала уговорятся между собою и, чтобы не обмануть другъ друга,—*подарятся*. Потомъ, когда настанетъ время жениться, женихъ, падая отцу и матери въ ноги, говоритъ: *благословите меня*, батюшко и матушка жениться,—при этомъ женихъ поминаетъ имя *избранной*. Отецъ и мать, если избранная невѣста люба имъ, говорятъ: *Богъ благословитъ, дитятко*. Получивши дозволеніе родителей и *священника*, женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты свата. *Сватъ* бываетъ большею частію изъ *близкихъ родныхъ*, *рѣдко* изъ дальныхъ или вовсе чужихъ. Сватъ приходитъ въ домъ невѣсты утромъ, а болѣе вечеромъ. Взошедши въ избу, сватъ становится вдоль полу, шапку и рукавицы держитъ въ рукахъ, потомъ вызвавъ отца невѣсты на сѣни, тихонько переговаривается о дѣлѣ, за которымъ пришелъ. Невѣста, почуявши себѣ невзгоду, забирается на печь и тамъ плачетъ. А если женихъ не по уму, тотчасъ же по уходѣ свата *падаетъ* въ ноги *отцу, а особенно матери, чтобы не отдавали за нелюбаго.—Отецъ мать иногда и слушаютъ* невѣсту. Если же захочетъ отецъ отдать дочь, то назначаетъ свату еще *срока два*, или три, въ которые онъ доженъ придти затѣмъ же къ отцу невѣсты. *И здѣсь уже назначаютъ время рукобитья и смотрѣнья; на рукобитьи пьютъ женихово вино родные невѣсты. Въ смотрѣнье выводятъ невѣсту на показъ жениху* и при этомъ спрашиваютъ: *Люба-ли, люба ваша, нелюба наша*? Родные жениха и женихъ отвѣчаютъ: *«очень хороша*. На смотрѣнье впереди ходитъ *сватъ* и всегда съ фонаремъ—*поискать человѣка*. На смотрѣньи *будущіе сватовья* бьютъ по рукамъ. *Отецъ жениха беретъ* за руку по выше локтя отца невѣсты, при чемъ оба прихватываютъ собственные рукава рубашекъ и казачинъ,—неголой рукой. Когда станетъ бить по рукамъ *мать невѣсты* съ будущими сватомъ и сватьею, прихвативши тоже рукава своей рубашки, *ущипнетъ каждаго* изъ нихъ и очень больно. А для чего? По своему разумѣнію, чѣмъ сильнѣе она ущипнетъ свата и сватью, тѣмъ сильнѣе свекоръ, а особенно свекровь будутъ *любить ея дочь*. Во время вѣнца новобрачные *не становятся всею* ногою на *подножія*, а только касаются его пальцами. Кто стоитъ на подножіи, у того

Густая каша кипяченая вода, смѣшанная густо съ ячменной мукой

Скрюнка—полштофъ.

Ситный хлѣбъ—хлѣбъ изъ муки просѣянной чрезъ-сито.

Пойте-чествуйте —какъ можно лучше угощайте.

По пріѣздѣ изъ церкви родители благословляютъ первобрачныхъ иконою, хлѣбомъ, сыплютъ на нихъ зерновый хлѣбъ (жито, къ богатому житью) и сажаютъ за столъ. За столомъ до обѣда первобрачная даритъ своихъ новыхъ родителей условными приносами, и всѣ провожаютъ молодыхъ отдыхать (на подклѣть), хотя бы то было часу въ 3-мъ дня, а гости обѣдаютъ. Подъ конецъ обѣда молодые приходятъ и подносятъ гостямъ вино.

На завтра поутро молодые идутъ въ баню, истопленную дружками, и ожидаютъ сватью съ блинами.

Днемъ бываетъ обѣдъ (будильный). Съ гостями обѣдаютъ и молодые; предъ сладкимъ пирогомъ молодые подносятъ гостямъ по рюмкѣ водки и общимъ хоромъ поютъ тропарь: Спаси Господи люди твоя.... весь до конца три раза, пьютъ рюмки и цѣлуется мужъ съ женою, и это вторится для каждой пары, такъ что приходится иногда просидѣть за однимъ пирогомъ болѣе часа и прослушать поющійся тропарь до ста разъ.

Отъ описаній сельскихъ свадебъ Архангельской губерніи обращаемся къ описанію свадебъ городскихъ. Переходомъ отъ сельскихъ къ городскимъ обрядамъ послужитъ намъ свадьба посадская, въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда. Здѣсь сватовство идетъ такимъ порядкомъ.

Парень, задумавшій жениться, подговариваетъ себѣ невѣсту на вечеринкѣ. Если она дастъ ему честное *слово*, что идетъ за него, или согласіе свое подкрѣпитъ *залогомъ*, *) то онъ посылаетъ къ роднымъ ея свата.

Если сватъ высватаетъ, т. е. если не получитъ отъ родителей невѣсты отказа, то извѣщаетъ объ ономъ жениха и въ тотъ-же день идетъ съ нимъ и съ его родителями и ближними радственниками къ невѣстѣ на рукобитье.—

Тутъ женихъ даритъ невѣсту кольцомъ, а та отдариваетъ его *платомъ*; иногда невѣста при рукоданьѣ даетъ подарки и родственникамъ жениха.

Послѣ рукоданья невѣста сзываетъ къ себѣ подругъ и дѣлаетъ вечеринки, на которыя собираются холостые играть съ дѣвицами *шестеркой и утушкой* **) и приходитъ женихъ въ сопровожденіи дружки съ *гостинцами*, которые подаетъ невѣстѣ. Вечеринки продолжаются два и три дня.

Наканунѣ вѣнчальнаго дня у невѣсты бываетъ *рукобитье* ***), на которомъ женихъ даритъ невѣсту и ея родственниковъ, а та отдариваетъ какъ жениха, такъ и всѣхъ его родственниковъ, это бываетъ во время стола. Когда столъ кончится, женихъ уходитъ изъ дома невѣсты, а та начинаетъ «вопѣть.» Кромѣ того еще прежде, нежели начнется рукобитье, утромъ того же дня невѣста идетъ на *могилчица* и тамъ вопитъ на могилахъ своихъ родственниковъ и поклоняется мощамъ Св. Елисѣя, причемъ бываютъ и подруги.

Того же утра она тоже въ сопровожденіи подругъ ходитъ также вопѣть въ дома къ своимъ родственникамъ, а нѣкоторыя изъ невѣстъ вопятъ даже *у воротъ родственныхъ* домовъ.

Въ вѣнчальный день женихъ посылаетъ дружку зазывать къ себѣ въ домъ дѣвицъ въ *чесны*.

Чесныя въ сопровожденіи дружки изъ дома жениха идутъ въ домъ невѣсты, которая дѣлаетъ *имъ столъ*.

Послѣ стола пѣвицы играютъ шестеркой и утушкой.— Въ тоже время какъ женихъ сзываетъ чесныхъ, невѣсты посылаетъ посла къ своимъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ и приглашаетъ ихъ женскаго пола въ *приставницы*.

Приставницы приходятъ къ невѣстѣ съ *хлѣбомъ* и *солью* и разными подарками, а та имъ вопитъ *) *каждой особо*.

Потомъ приходитъ женихъ съ поѣзжанами и садится за столъ вмѣстѣ съ поѣзжанами и родственниками невѣсты; за столъ подаютъ *рыбники* и булки съ водкой и ромомъ.

Во время нахожденія жениха за столомъ приводятъ изъ другой комнаты невѣсту, которая и садится по лѣвую руку жениха **); по окончаніи закуски невѣсту закутываютъ въ шаль и ведутъ, или везутъ вмѣстѣ съ женихомъ къ вѣнцу.

При выходѣ изъ избы, въ сѣняхъ, жениха и невѣсту родители послѣдней *благословляютъ иконою*, которую и *несутъ* въ церковь впереди жениха и невѣсты. Во время вѣнчанія ***) дѣвицы, бывшія на свадьбѣ по приглашенію, ѣдутъ на лошади въ домъ жениха съ постелью, при чемъ поютъ пѣсни.

Послѣ небольшаго угощенія со стороны жениха, дѣвицы гуляютъ на лошадяхъ кругомъ посада, а послѣ этого возвращаются въ домъ къ невѣстѣ, откуда расходятся по домамъ,—иныя на другой день, а иныя спустя 3—4 дня. Находясь въ домѣ молодой, дѣвицы не играютъ уже утушкой и шестеркой, а только сидятъ по вечерамъ «вечины», которыя ничѣмъ не отличаются отъ каждодневныхъ вечеринокъ.

---

*) Залогъ заключается въ нѣсколькихъ платьяхъ, въ жемчугѣ и т. п.—

**) При игрѣ шестеркой нерѣдко мужики пляшутъ подъ русскую скрипку.

***) Послѣ рукобитья въ тотъ же день иногда бываетъ столъ у жениха, на который приглашаются всѣ родственники невѣсты мужескаго пола.—

*) Каждая приставница приходитъ сама по себѣ, а не вмѣстѣ съ другими.

**) Иногда женихъ не приходитъ получать невѣсту въ ея домъ, а прямо идетъ въ церковь, куда приходитъ и невѣста.

***) Обрученіе совершается въ церкви за нѣсколько минутъ до вѣнчанія.

Изъ церкви молодые сопровождаются священникомъ, дьякономъ и дьячкомъ до дома съ церковными пѣснопѣніями.

Во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ проходятъ молодые, владѣльцы ставятъ въ окна свѣчки, чтобы оказать молодымъ почетъ.

По приходѣ изъ церкви молодыхъ, *дружка* зазываетъ какъ родственниковъ молодаго, такъ и родственниковъ молодой, на *приводный* столъ.

Но случается и такъ, что приводный столъ бываетъ не въ вѣнчальный день, а спустя 2—3 дня.—

Изъ городскихъ свадебъ въ матеріалахъ, доставленныхъ въ этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія находятся описанными: Онѣжскій и Мезенскій.

Свадебные обряды мѣщанъ города Онеги.

(Записаны были со словъ одной мѣщанки въ Онежской тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе и изложены въ такомъ порядкѣ:)

1. *Сватовство.*—Женихи парни и невѣсты дѣвушки слюбливаются между собою больше на вечеринкахъ и хороводахъ, описаніе которыхъ будетъ помѣщено въ слѣдующей книгѣ, чтобы можно было видѣть, насколько вообще молодежь близка другъ къ другу при встрѣчахъ, и насколько тверда нравственная сторона горожанъ Онеги. Чтобы случился *грѣхъ*, или вообще тайное любовное сожительство между молодыхъ парнемъ и дѣвушкой—невѣстой, намѣревающимися хотя мысленно вступить другъ съ другомъ въ законный бракъ, до сватовства,—этого почти вовсе не случается; но что по сторонамъ, т. е. не съ тѣми парнями, на которыхъ имѣется разсчетъ, какъ на жениховъ, или же даже съ женатыми кутилами,—у дѣвушекъ невѣстъ сношенія бываютъ очень у многихъ, за малыми развѣ исключеніями; парня же, въ послѣднее время, чтобы онъ былъ цѣломудренъ до женитьбы—изъ тысячи одного невозможно найти. На это впрочемъ и смотрѣть стоитъ сквозь пальцы; честность и допропорядочность считается за такой невѣстой—дѣвушкой, которая, слюбившись, умѣетъ хорошо скрываться и не рожаетъ ребятъ.

И такъ, когда молодежь, какъ парни, такъ и дѣвушки, придутъ въ возрастъ, считающійся достаточнымъ для женитьбы, они стараются заранѣе выбрать другъ друга по сердцу. Въ тоже время родители, найдя уже возможнымъ сбирать свадебку, начинаютъ раздумывать о томъ. Начинается дѣло тѣмъ, что отецъ и мать парня—жениха, разсудивъ промежъ собою, что пора Петрушу поженить, и придя къ положительному заключенію, объявляютъ о томъ самому Петрушѣ; его обязанность въ этомъ случаѣ—желаетъ-ли, или нѣтъ онъ душевно разстаться съ холостою жизнью,—состоитъ въ томъ, чтобы нѣкоторое время отнѣкиваться и за тѣмъ уже, исполнивъ церемонію отнѣкиванія, упасть въ ноги батюшкѣ и матушкѣ съ изъявленіемъ своей покорности. Тогда собираются на совѣщаніе имѣющіеся родные и родственники и изъ нихъ избираютъ болѣе расторопнаго человѣка, все равно будетъ-ли это мужикъ или женка, въ *большіе сваты* и чаще всего—божитку (крестная мать) или сестрѫ; изъ мущинъ-же крестнаго отца или брата-жениха. Когда разсудятъ желанія жениха о томъ, въ какой домъ идти свататься и къ какой дѣвушкѣ, зажигаютъ свѣчи или лампаду передъ образомъ въ переднемъ углу, молятся всѣ вмѣстѣ за начатіе дѣла и, въ видѣ послѣдняго и главнаго начала дѣла, сватъ бьетъ съ женихомъ по рукамъ, безъ чего сватовство не начинается. Въ то время какъ большой сватъ (положимъ на этотъ разъ будетъ божитка), отправляется за своимъ дѣломъ, оставшееся дома собраніе родныхъ занимается своего рода волхованіемъ: копаютъ *вагитой* (лучиной) уголья въ *жаратькѣ* (углубленіе на шесткѣ печи, съ лѣвой руки, куда загребаются угли, для очистки печи для печенія хлѣбовъ и проч.) и волочатъ по избѣ столъ,—все это дѣлается для того, чтобы получить со стороны сватовей невѣсты и ея родныхъ согласіе. Съ этою же цѣлью бойкіе, т. е. знающіе свое дѣло, большіе сваты, походя (отправившись) съ сватовствомъ, берутъ въ карманъ пѣтушиную голову; это впрочемъ явленіе изъ рѣдкихъ.—

Большой сватъ, зная всю точность, необходимую при подобномъ дѣлѣ, выбираетъ, во-первыхъ, время для своего перваго визита,—вечеръ или сумерки—и во-вторыхъ—случай, чтобы встрѣтить гдѣ нибудь по дорогѣ отца или мать дѣвушки, за которую намѣревается свататься, если же подобнаго случая не выдается, то не входя въ избу, а только постучавшись, вызываетъ къ себѣ того, или другаго сосѣда—и все это въ виду того, чтобы скрыть по возможности сватовство въ началѣ нетолько что отъ сосѣдей, или постороннихъ людей, но и отъ прочихъ домашнихъ—родныхъ невѣсты. Иногда же пріискиваетъ большой сватъ какой либо хитрый предлогъ, входитъ какъ будто за постороннимъ дѣломъ въ самую избу; исправивъ это постороннее дѣло, пустится въ разговоръ о новостяхъ дня, и уже во время своего ухода, когда хозяинъ или хозяйка провожаютъ его въ до выходныхъ дверей, въ это только время, наединѣ сѣни передаетъ главное, почему приходилъ. На этотъ вопросъ отвѣтъ всегда и во всѣхъ случаяхъ бываетъ одинъ и тотъ-же: «понавѣдайся-ка утромъ.» Причина тому заключается въ желаніи передать роднымъ, близкимъ и семьѣ не вскорѣ предложеніе сбата, перетолко-

вать и поразсудить промежь себя, какъ вообще о сватовствѣ, такъ и о женихѣ въ частности,—что и исполняется обыкновенно въ промежутокъ времени до того часу, когда нужно ждать втораго посѣщенія свата. Отецъ или мать невѣсты ходитъ въ это время по домамъ родныхъ, т. е. къ замужнимъ дочерямъ, женатымъ сыновьямъ, братьямъ, сестрамъ, дядьямъ, теткамъ и проч., спрашивая совѣта по поводу явившагося сватовства: отдавать ли за этого жениха, или нѣтъ. Даже въ случаѣ если бы женихъ сразу, по одному имени, не подходилъ къ невѣстѣ и самъ отецъ и мать это знали-бы изъ первыхъ словъ свата, отвѣтъ на первый визитъ остается непремѣннымъ т. е. все таки просятъ понавѣдаться на другой день.

Въ назначенное время, на другой день, большой сватъ является снова въ домъ невѣсты. Возьмемъ первый случай,—если нужно дать отказъ, въ избѣ остается по уговору между собою, для пріема свата, одинъ изъ хозяевъ, отецъ или мать. Ставится самоваръ и прибывшій сватъ приглашается садиться, начинается чаепитіе, за нимъ разговоры, сначала о томъ да о другомъ, а потомъ, когда сватъ напоминаетъ, что онъ *опять* за *старымъ дѣломъ пришелъ*,—высказывается отказъ и, преимущественно въ извѣстныхъ уже формахъ, чтобы не охулить чѣмъ жениха; говорятъ что или невѣста молода еще слишкомъ, или въ настоящее время не могутъ собраться устроить необходимое ей приданое, или что жаль еще ее, по молодости, отдавать въ большую трудную работу и проч. т. под. Между тѣмъ чаепитіе кончилось, большой сватъ начинаетъ откланиваться, *прося прощенія за напрасное утружденіе* ихъ *своимъ приходомъ*, на что обыкновенно въ отвѣтъ получается политическій комплиментъ въ такомъ родѣ, что женихъ своимъ предложеніемъ сдѣлалъ ихъ дому много чести, что просятъ благодарить его и проч. Въ отмщеніе за свое неудачное сватовство, большой сватъ обыкновенно выдѣлываетъ слѣдующую штуку съ домомъ гордой невѣсты: выходя съ сѣней, онъ идетъ задомъ, спиной на передъ; перешагиваетъ такимъ образомъ порогъ сѣней, и если случится, спускается по всѣмъ ступенькамъ лѣстницы тѣмъ-же способомъ, но принимаетъ мѣры, чтобы это дѣйствіе не было замѣчено хозяевами. Штука эта дѣлается съ той цѣлью, чтобы въ тотъ домъ не ходили болѣе сваты отъ другихъ жениховъ,—есть повѣрье, что это сбывается.

Теперь второй случай, когда предложеніе принимается. Въ противность предыдущему случаю, всѣ домашніе встрѣчаютъ большаго свата, когда онъ явится на другой день утромъ, весело, радостно: усаживаютъ его, начинаютъ поить чаемъ, а во многихъ случаяхъ кофеемъ. Идутъ разговоры, въ которыхъ даютъ свату положительный отвѣтъ, т. е. что женихъ любъ и родители согласны отдать за него свою дочь. Затѣмъ иногда является и полштофикъ, за которымъ—развязные языки—родители и большой сватъ заводятъ рѣчь о дарахъ со стороны невѣсты, т. е. о подаркахъ свадебныхъ отцу, матери, теткѣ, сестрѣ и проч. имѣющимся близкимъ родственникамъ. При этомъ интересно замѣтить, что между здѣшними мѣщанами, хотя приданое и дается за всякой невѣстой, смотря по состоянію, но о немъ заранѣе ни условій, ни распросовъ со стороны жениха не бываетъ: что придетъ съ невѣстою, то и ладно.—Дары бываютъ такого рода:

а) Отцу женихову (свекру) ситцевая рубаха, портки полотняныя съ гашникомъ изъ тесьмы, платокъ на шею бумажный (у богатыхъ шелковый).

б) Матери (свекрови) сорока (головной уборъ замужнихъ женщинъ и старухъ, нынѣ выходящій изъ употребленія) изъ широкаго позумента (плетня золотаго) и золотной парчи, рубаху всю коленкоровую, сарафанъ ситцевый.

в) Брату (деверю) рубаха ситцевая, портки, какъ свекру, платокъ такой-же (изъ трехъ вещей смотря по состоянію, даютъ двѣ только).

с) Сестрѣ (золовкѣ) рубаху съ полотнянымъ низомъ (станомъ) и съ коленкоровымъ верхомъ и рукавами, платокъ гарусный.

д) Женѣ женихова брата (снохѣ) тоже что и золовкѣ.

Другимъ же, не такъ близкимъ родственникамъ, отъ невѣсты даровъ не идетъ, но послѣ свадьбы они обдариваются молодикомъ по пріѣздѣ отъ вѣнца уже заранѣе заготовленными родителями жениха подарками.

Разсужденіе о дарахъ между большимъ сватомъ и родителями невѣсты во время сватовства имѣютъ большое значеніе: такъ что бываютъ случаи, что свадьба или сватовство изъ за большаго или меньшаго количества даровъ окончательно расходится. Когда родители выскажутъ, какіе дары они въ состояніи будутъ сами справить, и когда большой сватъ выскажетъ требованіе съ жениховой стороны, то обыкновенно сторона невѣсты спрашиваетъ:

— А сколько будетъ *поданаго* отъ васъ?

Поданое—это значитъ денежная помощь, подмога, для покупки даровъ. Большой сватъ возражаетъ на то: сколько желаете получить?

Количество денегъ въ видѣ подмоги обыкновенно назначается по возможности больше, опять же смотря по богатству обѣихъ сторонъ: рублей 15, 10 и даже 7. Сватъ обыкновенно не даетъ и начинается торгъ. Когда уже ниже извѣстной цифры родители невѣсты не спускаютъ, сватъ самъ не оканчиваетъ дѣло, а рѣшается объяснить о томъ лицамъ, пославшимъ его. Когда же однако дѣло обошлось съ обѣихъ сторонъ согласно, то

при отходѣ свата домой—межъ имъ и родителями невѣсты бываетъ такъ называемое *маленькое рукобитье* т. е. засвѣчаютъ передъ образомъ лампаду или свѣчу, берутся за руки, молятся и затѣмъ условливаются, когда должно быть рукобитье. Стараются однако время рукобитья назначить передъ рынкомъ, т. е. вторникомъ, съ тѣмъ, чтобы быть увѣреннымъ, что уже свадьба не растроится и что закупаеман на свадьбу провизія на рынкѣ не пропала даромъ.

2) *Рукобитье.* Если однако большой сватъ при переговорахъ о дарахъ и подмогѣ не рѣшится окончательно согласиться на какое либо условіе, то, не окончивъ еще уговора, возвращается домой къ жениху, гдѣ и передаетъ, какіе дары хотятъ дѣлать и сколько просятъ подмоги. Въ такихъ случаяхъ, если невѣста, особенно нравится жениху и самое сватовство начинается по его желанію, большой сватъ,—передавая родителямъ жениха, сколько просятъ подмоги—говоритъ не всю сумму, чтобы только скорѣе получить согласіе; а что не достаетъ по желанію невѣстиныхъ родителей, онъ беретъ то у жениха. На пр. положимъ просятъ подмоги 15 р. большой сватъ говоритъ старикамъ, что подмоги нужно 10 руб., а остальные 5 р., не говоря о нихъ родителямъ, беретъ у жениха изъ его скопленныхъ денегъ.

На рукобитье отправляются всѣ имѣющіеся родственники жениха, кромѣ его самого. Крестный отецъ, или,—если есть расторопный братъ жениха, несутъ съ собою обыкновенно четверть вина (бываетъ у богатыхъ и больше, но меньше не несутъ), которая берется за деньги жениховой стороны, т. е. родителей. Въ невѣстиномъ домѣ прибывшихъ на рукобитье встрѣчаютъ всѣ родные невѣсты, ея же самой не бываетъ; она обыкновенно прячется гдѣ нибудь въ задней комнатѣ, или же у сосѣдей и по обязанности *ревитъ* (плачетъ) благимъ матомъ.

Между тѣмъ въ избѣ столъ уже покрытъ скатертью и на немъ лежитъ *мякушка* (коровай) ржанаго хлѣба, съ солонкой на верху и по обѣимъ сторонамъ коровая по рыбьей кулебякѣ, около каждаго рыбника по вилкѣ: все это заранѣе приготовлено для закуски послѣ выпивки вина, которое обязаны принести родители жениха. Гости разсаживаются съ помощью приглашеній большаго свата; четверть, завернутая въ платокъ, становится на столъ и большой сватъ проситъ тотчасъ у хозяюшки подносъ и пару стакановъ. Большой сватъ держитъ за тѣмъ подносъ со стаканами, а братъ, или крестный отецъ жениха наливаютъ изъ четверти стаканы: оба они стоятъ за столомъ. Начинается угощенье съ невѣстиной родни; приглашаются во-первыхъ батька и матка (отецъ и мать), они берутъ по стакану, отецъ пьетъ прямо, приговаривая только: «благослови, Господи, начать и окончить дѣло въ благополучіи.»

Матка же отпиваетъ сначала немного, съ тѣмъ же приговоромъ и собирается недопитый стаканъ поставить на подносъ, въ виду приличій, если-бы даже она извѣстна была за хорошую пьянчугу; но угощающіе и прочіе жениховы родные не дозволяютъ ей этого, безсчетное число разъ кланяются и просятъ:

— По пальчиковъ-то, по пальчиковъ-то откушайте, просимъ покорно, насъ-то полюбить по первости, нашего-то жениха полюбите и т. д. Матка, послѣ многихъ отнѣкиваній, допиваетъ вино.—

Угощеніе продолжается затѣмъ по порядку старшинства: крестнаго отца, божитку, тетку, дядю, брата, сестру, двоюродныхъ и остальныхъ всѣхъ. Затѣмъ идетъ «по другому стакану», начиная тостъ съ главныхъ лицъ невѣстиной стороны и кончая прочими присутствующими на рукобитьи. Если кто вина принесъ много, то достается по третьему стакану. Каждый выпившій, послѣ каждаго стакана обращается къ одной изъ кулебякъ, закусывая съ вилки.

По окончаніи угощенія батька невѣсты засвѣчаетъ передъ образомъ лампаду или свѣчу: всѣ начинаютъ молиться за благополучіе начатаго дѣла. Потомъ уже совершается самый обрядъ рукобитья: большой сватъ со стороны жениха, и батька со стороны невѣсты, каждый захватываетъ правой рукой двумя пальцами рукавъ рубахи, или кафтана, въ чемъ одѣтъ, и протягивая другъ къ другу руки, тремя свободными пальцами каждый берется за верхнюю часть выше локтя руки противустоящаго; при этомъ каждый говоритъ:

— «Теперь будемъ другъ на друга надѣяться, чтобъ наше—вѣрно.» Тотъ же обрядъ повторяется и прочими родственниками попарно съ каждой стороны по представителю.

Большею частію тутъ же и расходятся по домамъ; и когда останутся только женки и займутся пѣніемъ пѣсенъ, общихъ или хороводныхъ.

Утромъ слѣдующаго дня большой сватъ получаетъ отъ родителей жениха, а иногда и отъ самого его выдѣльникъ, условленную сумму на подмогу заготовки даровъ невѣстиной сторонѣ и несетъ деньги въ домъ невѣсты. Тутъ онъ узнаетъ отъ родителей невѣсты, когда они намѣрены отправиться къ торговцамъ за покупкою даровъ и проч. Ему говорятъ что, сего-дня же. Онъ, возвратясь домой, говоритъ о томъ родителямъ жениха, которые въ большей части случаевъ идутъ для своихъ закупокъ, тоже даровъ или подарковъ, о которыхъ узнаемъ впослѣдствіи, въ тоже время, когда намѣреваются идти невѣстины родители, чтобы закупать вмѣстѣ, такъ какъ обыкновенно при большомъ заборѣ можно купить дешевле, что нибудь выторговать. Въ это

же время родители обѣихъ сторонъ уговариваются межъ собою, чтобы *ввечеру* (т. е. вечеромъ того же дня) и женихъ съ кольцемъ шелъ.

3) *Женихъ съ кольцомъ*. Собираясь идти вечеромъ къ невѣстѣ, женихъ заготовляетъ въ тотъ же день шелковую розовую косынку, которая назначается для повязки головы молодой; такъ же вѣнчальное кольцо (серебряное или золотое) и разнаго рода сластей (здѣсь говорятъ—десерту): обыкновенно орѣхи, конфеты леденцы и сортовъ двухъ *закуски* (пряники). Кольцо и косынку онъ оставляетъ при себѣ, а сласти отдаетъ божиткѣ, которая считается въ тоже время *свахой жениха*.

На этотъ разъ идутъ съ жениховой стороны немногіе: *онъ самъ*, большой сватъ, божитка, крестный, братъ, сестра, человѣкъ 5—7 не больше. Батька и матка не ходятъ. Впрочемъ въ нынѣшнее время стараются играть свадьбу возможно скорѣе,— большею частью *рукобитье и женихъ съ кольцомъ* бываютъ одно вслѣдъ за другимъ, въ одинъ вечеръ, и тогда отецъ и мать жениха, бывшіе на рукобитной, присутствуютъ и на этотъ разъ.

Войдя къ невѣстѣ со всей своей свитой, женихъ, по обыкновенію молится образамъ, раскланивается на всѣ стороны присутствующимъ и, когда по просьбѣ свата ему вручается тарелка, онъ кладетъ на нее косынку, а сверху кольцо и кланяясь передаетъ невѣстѣ, которая стоитъ уже посреди избы въ ожиданіи даровъ. Невѣста, принимая съ тарелки вещи, кланяется: кольцо надѣваетъ на средній палецъ правой руки, а косынку передаетъ кому-нибудь изъ близь стоящихъ родныхъ. Тарелку изъ жениховыхъ рукъ въ тоже время беретъ его божитка и передаетъ ее невѣстиной божиткѣ. Та въ свою очередь кладетъ на тарелку шелковый шейный платокъ мужской съ разводами и даетъ невѣстѣ, которая съ поклономъ передаетъ его жениху. Женихъ кланяется, благодаритъ, беретъ платокъ съ тарелки, отираетъ имъ раза два губы и кладетъ въ карманъ.—Затѣмъ послѣ напоминаній родныхъ—онѣ цѣлуются и невѣста беретъ за руку жениха и ведетъ его за столъ. Столъ стоитъ посреди избы подъ печнымъ воронцомъ; въ большемъ же углу помѣщаются дѣвушки подруги невѣсты. Когда пара зайдетъ за столъ, то цѣлуются три раза крестъ-на-крестъ, дѣвушки же затягиваютъ первую пѣсню жениху съ невѣстой. Тутъ же невѣстины родные приносятъ и ставятъ на столъ двѣ тарелки съ ягодами—морошкой и брусникой, которыя посыпаны сверху сахаромъ и кладутъ у каждой тарелки по деревянной ложкѣ. Между тѣмъ божитка жениха проситъ подносъ, накладываетъ на него въ отдѣльныхъ кучкахъ жениховы сласти.

Дѣвушки поютъ:

1.

Полькомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ *),
Уѣзжена широка саночками,
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ эту дорожку Григорій господинъ,
Уѣздилъ широкую—Ивановичъ;
Все хожучи къ Марьѣ своей
Все ношучи гостинцы:
Первый гостинецъ изюмецъ,
Другой гостинецъ пряничекъ,
Третій гостинецъ—бѣлъ сахаръ,
Четвертый гостинецъ
Не тесанъ теремъ, не скобленъ,
Только хорошо разкрашенъ,
Всякими, разными красками наведенъ;
Неученъ Григорій, не школенъ,
Неученъ, Ивановичъ, не школенъ,
Только хорошо снаряженъ
Во всякое платье цвѣтное;
Не шелкова ленточка къ стѣнкѣ льнетъ,—
Григорій передъ батюшкой челомъ бьетъ;
Благослови сударь батюшка жениться
На душѣ, на красной дѣвицѣ,
На младой, на Марьѣ Ивановнѣ!
Ой сборы, сборы Марьюшкины!
Ой сборы, сборы Ивановнины!
Собирала Марья всѣхъ подругъ,
Собирала Ивановна всѣхъ сестрицъ,
Садила подружекъ за свой столъ,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила буйную головушку ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ,
Сестрицы мои, да подруженьки
Придумайте вы мнѣ, да пригадайте,
Какъ будетъ назвать люта свекра,
Какъ будетъ назвать свекровушку,
Какъ будетъ назвать деверьицевъ,
Какъ будетъ назвать золовушекъ?
Мнѣ свекромъ назвать да безчестно,
Батюшкомъ назвать не хочется!
Убавлю я спѣси гордости,
Прибавлю смирности, кротости,
Назову я люта свекра батюшкой,
Назову свекровушку—матушкой
Назову деверьицевъ—братьицами
Назову золовушекъ—сестрицами,

*) Каждый стихъ поется дважды.

Назову я Григорья да ягодою,
Назову Ивановича душечкою.

2.

Въ Сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
На горѣ, на великія,
На красы на великія,
Въ полатѣ бѣлокаменной,
Чтой на стулѣ, на бархатѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Противъ чистаго заморскаго,
Андріанъ чесалъ кудри,
Свѣтъ Семеновичъ разчесывалъ,
Къ кудрямъ приговаривалъ:
«Катерина, завей кудри,
Васильевна, завей русы
По едину русу волосу.»
Не твоя я теперь служанка,
Не тебя я хочу слушаться,
Я послушаю батюшки
Я сударыню матушку.—
Въ Сентябрѣ, въ первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ было вечерѣ,
и проч. и проч. до:
По едину русу волосу,
Что по маленькой по маковцы,
По золоченой по жемчужинѣ.»
Я твоя теперь служенька
Я тебя хочу слушати:
Серебромъ кудри перевью
Жемчугомъ русы высажу.

3.

Во соборѣ Михайла—Архангела,
Виноградіе краснозеленое.
Что у ранней воскресной заутрени
Виноградіе, краснозеленое.
Не женатый молодецъ Богу молится
Виноградіе, краснозеленое.
Богу молится низко кланяется,
Виноградіе и проч.
Ужъ онъ крестъ-отъ кладетъ по писанному,
Виногр. и проч.
Онъ поклонъ-то кладетъ по ученому.
Виноградіе . . . . . .
Впереди его стоятъ попы—діяконы,
Виноградіе . . . . .
По праву руку стоятъ князья, бояре,
Виноградіе . . . .
По лѣву руку стоятъ друзья—братія,
Виноградіе. . . . . .
Позади его стоитъ православный людъ.
Виноградіе . . . .
Еще князья—бояре дивовались молодцу,
Виноградіе . . .
Еще гости—торговцы нарадовались.
Виноградіе . . . .
Не заря-ли тебя, молодецъ, спородила на свѣтъ?
Виноградіе . . . .
Что не часты мелки звѣзды воспеленовали?
Виноградіе . . . .
Не свѣтелъ-ли тебя мѣсяцъ воспоилъ, воскормилъ?
Виноградіе . . .
Ужъ вы, глупые князья—да бояре,
Виноградіе . . .
Неразумные гости—торговые,
Виноградіе . . . .
Что на свѣтъ-то спородила родна-матушка,
Виноградіе . . . .
Воспеленовали няньки—мамушки,
Виноградіе . . . .
Воспоилъ-воскормилъ сударь батюшка,
Виноградіе . . . ,
Что чесала буйну голову родна сестра,
Виноградіе . . .
Завивала русы кудри богосуженая,
Виноградіе . . . .
Богосуженая Анна Ефимовна
Виноградіе . . . .

—

Въ то время, когда дѣвушки поютъ жениху пѣсни, межъ прочими происходитъ слѣдующее: женихъ, принявши отъ своей божитки подносъ съ десертомъ, подчуетъ имъ невѣсту, передаетъ весь подносъ ей въ руки и шепотомъ говоритъ, чтобы она подчивала гостей. Невѣста встаетъ, подноситъ гостямъ, сидящимъ по близости вкругъ стола, десертъ, угощаетъ ихъ, проситъ, кланяется, не выходя изъ застола. Когда отпочиваетъ десертомъ, такимъ же способомъ онъ беретъ обѣ тарелки ягодъ и угощаетъ ими, начиная съ жениха. Подчиванье повторяется нѣсколько разъ съ небольшимъ промежуткомъ. Въ тоже время, въ сосѣдней комнатѣ разливается чай и затѣмъ разносится чашками гостямъ, кромѣ дѣвушекъ, которыя права на чай лишены, равно какъ и вообще на особенное вниманіе невѣсты: на пр. десертъ и ягоды имъ передаются уже въ концѣ, послѣ того какъ нѣсколько разъ обнесутъ главныхъ гостей, когда остается немного. Занятіе же почетныхъ гостей, пока дѣвушки надрываются пѣснями, заключаются главнымъ образомъ въ прихлебательствѣ чая и пересудахъ, разумѣется шепотомъ, такъ что, или нетакъ сдѣлано, или чего мало изъ угощеній и проч., безъ чего не обходит-

ся ни одна свадьба; вообще подобное встрѣчается межь женскимъ поломъ, уже въ замужествѣ состоящимъ.

Дѣвушки, пропѣвъ подрядъ всѣ три пѣсни жениху, не вставая съ своихъ мѣстъ, кричатъ молодымъ:

«Поздравляемъ васъ, Андріанъ Семенычъ (имя жениха), съ Катериной Васильевной и васъ Катерина Васильевна съ Андріаномъ Семеновичемъ». Молодые встаютъ, кланяются дѣвушкамъ и благодарятъ. Вслѣдъ за тѣмъ дѣвушки поютъ пѣсню невѣстиному батькѣ, пѣсню жениху и маткѣ, какъ называются подобныя пѣсни въ отличіе отъ *холостыхъ*, какія поютъ жениху:

4.

Дымно—дымно въ полѣ,
Чадно—чадно въ чистомъ!
У Лаврентьева двора
Были трои ворота,
У Матвѣевича трои широкихъ
Дымно и проч.
Какъ въ первыя ворота
Соколъ пролеталъ,
Дымно и проч.
Какъ въ другія ворота
Сторый конь прогналъ,
Дымно и проч.
Какъ во третьи ворота
Да Лаврентій проѣзжалъ,
Дымно и проч.
Свѣтъ Матвѣевичъ
Въ трои широкія.
Дымно и проч.
Катерина-то его
Выходила на крыльцо,
Дымно и проч.
Свѣтъ—Никитишна
На прекрасномъ стояла,
Дымно и проч.
На прекрасномъ стояла,
Правой ножкой топнула,
Дымно и проч.
Правой ножкой топнула,
Лѣвой ручкой махнула:
Дымно и проч. . .
«Воротить, воротись,
«Мой надежда—господинъ!
Дымно и проч. . . .
«Воротись, воротись,
«Я тѣ радость скажу,
Дымно и проч.
«Я тѣ радость скажу,
«Тебѣ сына рожу,
Дымно и проч. . .
«Я другую скажу,
«Тебѣ дочь я рожу.»
Дымно и проч.
Ужъ я для ради сына
Не ворочусь назадъ,
Дымно и проч. . . .
Ужъ я ради дочери
Ворочусь назадъ;
Дымно и проч. . . . .
Ужъ какъ сыночъ у меня
Всегда домашній гость,
Дымно и проч. . . .
Ужъ какъ дочь у меня
Всегда гостьюшка;
Дымно и проч. . . . .
Воспою ей, воскормлю
Ей и замужъ отдаю!
Дымно и проч. . . . . .

—

За пѣсней идетъ поздравленіе въ той же формѣ, какъ жениху съ невѣстою, невѣстинымъ батькѣ и маткѣ.

5). Пѣсня свекру и свекрови.

жениховымъ родителямъ)

Во горницѣ, во новой
Во новой;
Во свѣтлицѣ паровой,
Паровой;
Стоятъ столы дубовы,
Дубовы;
На столахъ ковры шелковы,
Шелковы;
На коврахъ чара золота,
Золота;
Полная меду-то налита,
Налита.
А кто чару наливалъ,
Наливалъ;
Кто золотую дополнялъ,
Дополнялъ?
Наливалъ чару Алексѣй—господинъ
Алексѣй—господинъ!
Дополнялъ чару Филатьевичъ
Филатьевичъ.
Онъ до милой доходилъ,
Доходилъ;
Онъ раздумы говорилъ,
Говорилъ:
—Катерина, другъ моя,
Другъ моя;
Ужъ ты Павловна, сердце мое,
Сердце мое;

Ты любишь-ли другъ меня,
Другъ меня?
Прими чару ты отъ меня,
Отъ меня;
Выпей ты чару-то всю до дна,
Всю до дна,
Спороди сына ясна сокола,
Ясна сокола,
Возрасти-то во меня,
Во меня
Бѣлымъ лицемъ во себя,
Во себя!
Спороди дочерь—бѣлую лебедь
Бѣлую лебедь,
Возрастишь-то во себя,
Во себя!
Бѣлымъ лицемъ во меня
Во меня!
Женимъ сына у попа,
У попа,
Отдамъ дочерь за дьячка,
За дьячка—
Пусть причетнички всѣ родня
Всѣ родня!

Поздравляютъ свекра съ свекровью и начинаютъ пѣть *тысячкому* (обыкновенно крестный отецъ жениха).

6.

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ
По частымъ переходочкамъ,
Туда ходила—гуляла
Молодая боярыня,
Молодаго боярина,
Да Никиты Ивановича,
Молодая боярыня
Татьяна Ивановна.
Во рукахъ она носила
И два яфонта всячешные,
Двѣ алмазныя запоны.
Чтой сама она говорила:
«Ужъ вы, яфонты, яфонты,
«Двѣ алмазныя запоны!
«Полежите вы малешенько,
«Докуль я молодешенька
«Схожу во свѣтлую свѣтлицу,
«Во столову нову горницу,
«До споряду дубова стола,
«Гдѣ сидитъ мой любезный мужъ
«Со друзьями, со товарищами,
«Сидитъ пьетъ проклажается,
«Онъ музыкой забавляется
«Онъ женою похваляется:
«У меня жена умная,
«У меня душа разумная,
«У ей походка павлиная,
«Тиха рѣчь лебединая!
«Она ходитъ тихошенько
«Говоритъ по малешеньку,
«Очи яснаго сокола,
«Брови чернаго соболя,
«И чернаго Сибирскаго,
«У Сибирскаго, заморскаго,
«У яснаго, перелетнаго,
«У дародѣя, добра молодца
«У Никиты Ивановича,
«Молодой боярыни
«Татьяны Ивановны». *)

Поздравляютъ тысяцкаго съ его женою. Затѣмъ, если у жениха есть женатый братъ, поютъ ему женатую пѣсню:

7.

Не бушуй, не бушуй холоденъ сѣверъ!
Не раскачай, не раскачай звонки колоколы!
Не разбуди, не разбуди у Андрея жены:
Вечоръ Палагея, вечоръ Палагея со пиру пришла
Семеновна, Семеновна со пиру пришла;
По утру рано, по утру рано сына спородила
Башка, баушка была съ Трубецкаго двора,
Кумъ-отъ былъ, кумъ-отъ былъ да свѣтлѣйшій князь,
Кума то была, кума-то была государыня сама**).

Продолженіе этой пѣсни составляетъ повтореніе ея-же сначала до конца и съ тою только разницею, что во второй разъ вмѣсто словъ: «сына спородила, поется—дочерь спородила». По окончаніи пѣсни такое же поздравленіе, какъ и въ предыдущихъ пѣсняхъ. Замѣтить слѣдуетъ, что невѣстинымъ роднымъ, какъ вообще хозяевамъ, не поется пѣсенъ, кромѣ только отца и матери невѣсты, какъ выше приведено. Какъ примѣръ холостой пѣсни возьмемъ пѣсню неженатому брату жениха, въ случаѣ если таковой имѣется:

8.

Какъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
Удалой да добрый молодецъ,
Алексѣй да Александровичъ.
Загулялъ онъ въ свѣтлу—свѣтлицу
Во столову, нову горницу
И за липову за грядочку,
За берчатную за занавѣсъ—
Ко душѣ, ко красной дѣвицѣ
Свѣтъ Авдотьѣ Матвѣевнѣ.

*) Строка повторяется дважды.
**) Строка повторяется дважды.

Ужъ онъ бралъ да руку правую
Во свою руку, во лѣвую,
Прижималъ руку объ руку,
Изломилъ злаченый перстень
Съ тремя вставками алмазными,
Съ четвертымъ драгимъ камушкомъ.
Тутъ Авдотья расплакалася
Свѣтъ Матвѣевна растужилася:
«Ужъ я какъ скажу да батюшкѣ,
Я сударынѣ матушкѣ?»
Алексѣй то хитеръ,—да мудеръ
Александровичъ догадливъ былъ:
—Ты скажи, скажи Авдотьюшка,
Ты скажи, скажи Матвѣевна,
Я ходилъ во зеленый садъ гулять,
Я упалъ о сыру мать, о землю,
Изломилъ злаченый перстень
Съ тремя вставками алмазными
Съ четвертымъ драгимъ камешкомъ.—
«Ужъ вы няньюшки, мамушки мои
Вы хороши верховски дѣвушки!
Вы берите золоты мои ключи,
Отмыкайте кованы сундуки,
Вынимайте одинцовое сукно,
Отдавайте швецамъ—мастерамъ,
Государевымъ закройщикамъ,
Ужъ вы кройте Алексѣю кафтань,
Ужъ вы шейте Александровичу,
Ай чтобы ему не дологъ былъ,
Ай чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбленный,
Противъ сердца перестишистый,
Чтобы легче на добра коня скакать,
Поскорѣе со коня сходить,
Передъ короля ставиться
Передъ короля Турскаго (?),
Передъ князя—друга царскаго,
Покрасивѣй у вѣнца постоять.

Въ этой пѣснѣ строки повторяются дважды; слово-же «верховски дѣвушки», встрѣчающееся при этомъ, есть названіе мѣстное, зависящее отъ той части города, гдѣ живетъ невѣста и гдѣ слѣдовательно играется свадьба, —по этому смотря по частямъ города, поютъ также: «низовскія дѣвушки,» «почищенскія дѣвушки» и проч.

Когда всѣмъ болѣе важнымъ лицамъ пѣсни спѣли, одна изъ дѣвушекъ идетъ съ тарелкой собирать за пѣсни: начинаетъ съ домохозяина, отца невѣсты, затѣмъ къ жениху съ невѣстой и кончая младшими лицами. Ко всякому она подходитъ со словами: «пожалуйте за пѣсню», и каждый по желанію и состоянію глядя, бросаетъ отъ себя мѣдную монету въ 3, 5 коп. и рѣдкіе больше, только женихъ даетъ коп. 15—20.

Затѣмъ старики и женатые большею частію расходятся по домамъ и остаются только жених съ холостою молодежью и дѣвушками, которыя тутъ-же сочиняютъ вечеринку, въ продолженіе которой уточка, игры и танцы подъ пѣсни смѣняютъ другъ друга, забавляя молодыхъ. Только особенное уваженье оказывается жениху съ невѣстой: когда затѣвается игра; какой—нибудь изъ молодежи начавшій игру парень беретъ себѣ пожеланію одну изъ дѣвушекъ, а та другою рукой непремѣнно беретъ жениха, а женихъ невѣсту и т. далѣе. Вечеринка идетъ часу до втораго, потому что это послѣдній вечеръ женихова посѣщенія, и онъ больше не долженъ ходить до самаго *смотрѣнья;* да и для невѣсты это собственно послѣдняя дѣвическая вечеринка.

Передъ уходомъ дѣвушекъ по домамъ, невѣста проситъ кого нибудь изъ родителей поставить самоваръ для жениха, а иногда у богатыхъ для него же готовится и ужинъ. За чаемъ, или за ужиномъ находятся только невѣста, женихъ и одна—двѣ дѣвушки, самыя близкія невѣстины подруги, прочіе же гости и дѣвушки всѣ уже разошлись, а всѣ домашніе невѣстины родные уже спятъ. За чаемъ идетъ самая непринужденная бесѣда, любезности между молодой парочкой, смѣхъ и шутки общія; нерѣдко раздаются поцѣлуи между женихомъ и невѣстою; женихъ же непремѣнно имѣетъ для этого случая сласти въ карманѣ и подчуетъ теперь ими невѣсту. Провожаетъ жениха невѣста въ самыя сѣни, со свѣчей и на прощанье цѣлуются.

4. *Заплачка.* На другой день, съ утра собираются къ невѣстѣ дѣвушки подружки и одна изъ нихъ, часа за два до полдня, принимается чесать ей голову; эта дѣвушка должна быть невѣстѣ ближе другихъ, другомъ невѣсты. Разсчесавъ волосы, она начинаетъ ихъ на этотъ разъ заплетать *особеннымъ образомъ въ косу*, именно заплетаетъ косу какъ можно туже, навязываетъ до *семи*, восьми узловъ, натыкаетъ въ нее нѣсколько булавокъ и въ заключеніе привяжетъ къ концу, по здѣшней мѣщанской модѣ, широкую ленту; дѣлается это, какъ позднѣе будетъ видно, съ тѣмъ, чтобы дольше нельзя было расплетать, да и вообще, чтобы тѣмъ, кто будетъ расплетать досталось, на долю какъ можно больше узловъ и труда, затѣмъ дѣвушки ожидаютъ *стиховодницу*, за которой уже съ утра было отправлено.

Стиховодницей бываетъ обыкновенная женка (замужняя женщина) расторопная и опытная, бывшая на своемъ вѣку на множествѣ свадебъ и слѣдовательно узнавшая до тонкости всѣ обряды заплачекъ и стиховъ, т. е. какимъ образомъ невѣста должна оплакивать, покидая дѣвичество, свое вольное житье, и какія должна произ-

носить при этомъ тирады. *На всю Онѣжу стиховодницъ не болѣе 3—4-хъ.*

Часу въ первомъ является наконецъ стиховодница, которая и садится гдѣ нибудь на лавкѣ. Въ тоже время невѣста изъ сосѣдней комнаты, или изъ за завѣсы входитъ въ избу уже въ повязкѣ и одѣтою, хотя не особенно парадно, въ ситцевомъ или гарусномъ сарафанѣ, даже безъ фартука, поклонится на всѣ четыре стороны, а потомъ молится въ передній уголъ и садится, окруженная всѣми дѣвушками, исключая заплетавшей ей косу,—на лавку межъ двухъ оконъ, обращенныхъ на улицу. Когда всѣ усядутся по сторонамъ невѣсты, она обращается къ дѣвушкѣ, сидящей по правую руку, склоняется головой къ ней на колѣна, захватываетъ и заматываетъ на свою руку *косу*, насколько можетъ крѣпко, не давая ее расплетать дѣвушкамъ; дѣвушки же, окруживъ ее, стараются сначала отнять ея руку, для чего бьютъ по рукѣ, а потомъ, забравъ поскорѣе косу, отвязываютъ ленту и расплетаютъ косу на перебой, по повѣрью, *что если которая раньше расплететъ, та раньше и замужъ выдетъ*; невѣста же съ той минуты, какъ садится на лавку начинаетъ истинно-ли, притворно-ли плакать, — *ревѣть* по здѣшнему выраженію и причитать нижеслѣдующій стихъ, еще пока безъ помощи стиховодницы и самымъ растяжистымъ образомъ: этотъ стихъ она должна знать сама, иначе подвергается насмѣшкамъ и пересудамъ присутствовавшихъ. Присутствующихъ же постороннихъ любопытныхъ, сосѣднихъ женокъ, дѣвокъ и ребятъ набирается довольно много.—И такъ невѣста начинаетъ причитать:

а) Что за чудо это, что за диво великое
По сегоднишнему-то
Что за сборъ-то родни, природы сердечной,
Моимъ милымъ подружкамъ—сердечнымъ,
Моимъ ближнимъ-то сусѣдкамъ порядным?
Хоша сбираются родня природы сердечной,
Прежде этой поры, прежде времени,
О честныхъ, о господнихъ, о праздникахъ;
Хоша сбираются мои милыя подруженьки любовны,
Мои ближнія-то сосѣдки порядовыя,—
Ужъ вы не троньте, мои милыя подружки любовныя,
Моей миленькой, часто плетеной косы русой.

(Дальше идетъ различіе, какъ поетъ богатая невѣста и какъ бѣдная; возьмемъ стихъ бѣдной невѣсты, *нужнаю житья.*

б) Моя маленька частоплетъ коса русая,
Не успѣла я, глупа сиза-голубушка,
Приотрастить своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ходила-ко по робамъ, казачихамъ *нахлѣбницамъ* *),
По пыльнымъ-то заводамъ, мусорнымъ *),
Наживала мою несчетну золоту казну,
Заводила себѣ *покруту* **) покрасу великую,
Я *и хорошимъ-то жемчугомъ перевязану.*
Какъ чесала-то мою да буйну голову
Изъ подругъ-то моихъ подружка любовная,
Изъ сестрицъ-то моихъ сестрица родимая,
Голубушка Катерина да Семеновна;
Заплетала-то она частоплетъ косу туго,
Посереди-то моей косы русыя
Вонъ тридевять булавокъ буланатыхъ,
Подъ конецъ-то моей частоплетъ косы русыя
Вплетали семи шелковый гайтанъ (снурокъ),
Вплетали тридевять узловъ шелковыхъ,
Подъ конецъ моей частоплетъ косы русыя
Ввязати семи-шелковая ленточка.
У васъ ручки бѣлыя, у васъ ручки бѣлыя;
Ужь вы не *трудницы* будете, не работницы
Своимъ да сердечнымъ родителямъ,
Ужь вы не держите надѣи-то ***) крѣпкія,
На своихъ-то сердечныхъ родителей;
Ужь какъ взыщутся лихіе люди, ненавистные,
На вину-то на печальную младу буйну голову,
Отдаютъ насъ-же глупыхъ, сизыхъ голубушекъ
За эту-же *злую неволю великую.*

*) Т. е. была въ работницахъ.

в) стихъ невѣсты богатой.

Моя маленька частоплетъ коса руса,
Не успѣла я глупа, сиза-голубушка
Приотрастить своихъ вольныхъ, сердечныхъ волосовъ,
Ужь я спала млада сиза-голубушка
До обѣда, до поздняго, полуденнаго,
Не знала я, млада сиза-голубушка
Въ коей сторонѣ выкатается доброхотъ солнце красное.

(Далѣе также какъ и предыдущей со словъ: «Какъ чесала-то мою буйну голову» и проч. до конца).

Къ концу этого стиха противъ невѣсты становится скамья, на которой и помѣщается стиховодница. Кончивъ стихъ, невѣста приподнимается съ расплетеной уже косою съ колѣнъ своей подруги, а стиховодница затягиваетъ слѣдующій стихъ, невѣста съ дѣвушками подтягиваютъ.

г) Благослови-тко доброхотъ солнце красное,
Мой батюшко, Петръ Васильевичъ,
Благослови моя матушка, Агафья Кондратьевна,
По сегоднешнему, по долгому, по денечку,

*) Т. е. была въ работѣ на какомъ, либо лѣсопильномъ заводѣ.
**) Покрута, одежда вообще.
***) Надежда.

Что по тихому, по позднему, по вечеру
Попустить мнѣ шибкозычные голосы
По родительскому дому, тепловатому по гнѣздышку,
Сослужитка нонѣ мнѣ ручка правая,
Положить мнѣ какъ чуденъ крёстъ:
Сперва-на-первы, глупа сиза-голубушка,
На печальную мою младу буйну голову,
Съ печальной-то младой буйной головы
Противъ зяблаго сердца ретиваго,
Что отъ зяблаго-то сердца
На плечико-то на правое,
На второе-то на лѣвое,
} творитъ три раза кресты.
Ты послушай моя слезинка доброхотная,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Что я стану говорить, разговаривать
Своимъ *глупымъ дѣвьимъ умомъ*, своимъ разумомъ.
Ты сходитко, моя желанная доброхотница
Во свою да въ ново-рубленую клѣточку,
Готовы-ли-тка золотые ключи ланцы *),
Отмыкай-ка мои кованные сундуки,
Тамъ не садъ стоитъ съ виноградомъ,
Тамъ стоитъ моя жемчужная перевязочка,
Принеси ты-ко, моя желанная доброхотница,
Во дѣвью тихую бесѣду смиренную.
Во вторыхъ-то, принеси-тко рыбной гребень дорогихъ гостей,
Разчеши мою младу, буйную голову,
Положи-ко мнѣ жемчужную перевязочку.

Въ это время мать приноситъ изъ клети, изъ дочерняго сундука, ея лучшую перевязку, большею частію украшенную дутымъ жемчугомъ и рѣдко настоящимъ, и гребень: садится къ дочери, которая прося ее разчесать еебѣ волосы, съ плачемъ и причитаньемъ кланяется матери въ ноги; затѣмъ мать чешетъ ей голову и онѣ причитаютъ уже вмѣстѣ:

д) Сама-то мнѣ говори, да разговаривай.
Ты держись крѣпче, жемчужна перевязочка,
За мою, за печальную, за молоду, буйну голову.
Тебѣ спасибо, моя желанная доброхотница,
Принесла мнѣ жемчужну перевязочку
Во дѣвью тихую бесѣду смиренную:
Зачесала мнѣ младу, буйну голову,
Пробрала каждый волосъ къ единому волосу,
Положила мнѣ жемчужную перевязочку.

(Въ это время постороннія присутствующія женки уговариваютъ мать уйдти отъ невѣсты, чтобъ не раздражать ее лишними слезами, говоря: «ну! иди, иди, мамка, будетъ ревѣть-то, примучишь дѣвку и проч.).

Сослужитко мнѣ, моя ручка правая,
Положить мнѣ какъ чуденъ крёстъ:

*) Ключъ, ланецъ—однозначащія слова

(и проч., какъ въ предыдущемъ случаѣ, при чемъ невѣста три раза крестится).

е) Помолилась я, печальна сиза-голубушка
Во родительскомъ тепломъ во гнѣздушкѣ,
На стѣны, да на ограды бѣлокаменны:
Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,—
Нонѣ помилуй меня, Божья мать Богородица,
Нонѣ меня-то печальну, сизу-голубушку.
Я еще-то помолюсь, глупа сиза-голубушка,
Въ родительскихъ новыхъ сѣняхъ,
Помолюсь я Николѣ многомилостивому,—
Нонѣ помилуй меня, Божья Мать Богородица,
Слугой служити мнѣ глупой сизой-голубушкѣ
Отъ своихъ свѣтовъ, сердечныхъ родителей.
Есть па славномъ-то синемъ соленомъ морѣ,
По край славной Дунай рѣчки быстрыя
Есть отстойчиво, чистомелкое знаменье,
Тамъ стоятъ-то Божія церкви преосвященныя,
Воздвиженіе Креста Животворящаго,
Помилуй меня нонѣ, Божья Матерь Богородица,
Воздвиженье Крестъ Животворящей *).

—

ж) Случилось мнѣ слышати, глупой сизой голубушкѣ,
Отъ своихъ свѣтовъ, сердечныхъ родителей,
Есть за три губы синя, солена моря,
Есть чистое мелкое отстойчиво знаменье **),
Стоятъ Божія церкви пресвященныя,
На церквахъ-то главы золочены,—
На главахъ-то крёсты чудёны,
Помолилась я, глупа сиза-голубушка,
Соловецкимъ чудотворцамъ, Зосимѣ и Савватію,
Нонѣ помилуй мя, святые угодники Зосимъ и Савватій,
Нонѣ помилуй мя, Божья Матерь Богородица;
Теперь дай-ка мнѣ, Божія Мать Богородица,
Много участи, закону великаго
За этой же злой неволей великой ***).

—

з) Нонѣ послушай-ко доброхотъ солнце красное,
Мой батюшко, Нетръ Васильевичъ,
Что ласкательница моя и доброхотница
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Что-то я стану говорити, разговаривати
Своимъ глупымъ, дѣвичьимъ умомъ, своимъ разумомъ:
Выбирайте вы мнѣ, сердечные родители,
Вы сторожей, вы сбережателей,

*) Тутъ невѣста обращается къ монастырю, во имя Воздвиженія Животворящаго Креста, который находится на Кій-островѣ.
**) Островъ.
***) Впродолженіе всего этого стиха невѣста, не вставая съ лавки, постоянно крестится.

По сегодняшнему, по долгому денечку,
По глухому, позднему вечеру,
Не по зрячему выбирайте, не по багачеству;
Выбирайте вы по роднѣ своей сердечной!

(Этимъ стихомъ она проситъ дать ей, въ видѣ подружки, или помощи *дѣвушекъ сподручныхъ* для того, чтобы онѣ ее унимали отъ слезъ и кручины; взяли подъ руки и *подвели* къ *образамъ*,—что далѣе, по мѣрѣ ея стиховодства и приводится въ исполненіе):

и) Подъ правую руку меня дитя милое
По крещенью-то мною *крестно дитятко*,
Я и *кресненку* свою, Анну Ивановну *)
Подъ лѣвую-то руку меня дитя милое,
Поласкатница-ли ея доброхотницѣ, Агафьѣ Кондратьевнѣ,
Племяненка Катерина Андреевна.
Сама-то я про то знаю, да вѣдаю:
Ноньче маленькой вотъ умъ, въ буйной въ головѣ,
Ноньче маленьки вышли годы робячьи,
Ужь подъ праву-то руку меня дитя милаго,
Свою милую сестрицу, родимую, Пелагею Федоровну,
Подъ лѣву-то руку меня—дитя милое,
Двоюродну милу сестрицу, родимую, Катерину Федоровну.
Ужь стою вытемши, мои милыя сестрицы, родимыя,
Не неситесь-ка многимъ богатствомъ, богатымъ,
Хорошими, жемчужными перевязочками.

(Дѣвушки при этомъ сильно плачутъ, и затѣмъ берутъ ее подъ руку и становятся посреди избы, обращаясь къ образамъ въ передній уголъ).

і) Утулись-ка тоска, кручина великая,
Уймитесь вы, слезы горькія, горючія,
Дайте мнѣ волю глупой сизой-голубушкѣ,
Усмотрѣть глупой сизой-голубушкѣ,
За толпой-ли свѣчъ воску яраго, передъ Матерью Божіей.
Ты послушай, мой доброхотъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Пожалѣлъ ты много несчетной золотой казны,
Меня поить, кормить, заводить мнѣ *покруту, покрову* великую.
Тебѣ спасибо, доброхотъ, солнце красное,
Что затеплилъ-ли свѣчу воску яраго, передъ Матерью Божіей.
Помолилась я глупа, сиза-голубушка,
Я и за бѣлаго-то на земли, я и за царя-батюшку,
Я и за матушку-царицу,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Имъ царствовать на царствѣ,
Имъ добра много, здоровья великаго (земной поклонъ).
Я еще да помолилась за полки за солдатъ,
Имъ дай Божья Матерь Богородица,
Служить имъ вѣрою, да правдою (земной поклонъ).
Я еще помолилась за доброхота, красно-солнышко,
Я за батюшку, Петра Васильевича,—
Ему дай, Божія Матерь Богородица,
Что и добро много, здоровья, много участи, да талана;
Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я за матушку, Агафью Кондратьевну,
Ей дай Божья Матерь Богородица
Ей добра много, здоровья, много участи, да талана,
Я еще да помолилась глупа сиза-голубушка,
Я и за братца, Петра Андреевича,
Ему дай да Божья Матерь Богородица...

(И т. д. въ тѣхъ же словахъ о всѣхъ имѣющихся только въ наличности живыхъ родныхъ, если есть умершіе, любившіе родители: отецъ, мать, или божитка—молится и о нихъ).

Я и помолилась печальна сиза-голубушка,
Я и за вторую крестную божитку,—
Ей дай, да Божья Матерь Богородица,
Ей въ будущемъ вѣкѣ, ей Царство Небесное.

(Объ умершихъ, проживщихъ долго, оставившихъ въ народѣ по себѣ память, невѣста молится такимъ же образомъ):

Помолилась я глупа сиза-голубушка
За васъ, милыя подружки любовныя,
Я и за всѣхъ вмѣстѣ—за одно за единое.
(Остальное какъ у другихъ).
Вы послушай-те, мои милыя подруженьки, любовныя,
Нонѣ, что-то я у васъ спрошу:
Чего-ко мнѣ спросить себѣ у Господа Бога,
Добраго-ли мнѣ здоровья, или много участи, талана великаго?
Али скорыя мнѣ-ка смерти скоропостижны?
Ужь сама-то я про то знаю, про то вѣдаю,
Что придетъ мнѣ-ко скорая смерть скоропостижная,
На таинькомъ-то почасочку.
Ужь помолюсь я развѣ глупа сиза-голубушка:
Дай мнѣ-ко Божья Матерь Богородица,
Мнѣ добра много, здоровья великаго;
Мнѣ за *этой жить злой неволей великія!*

(Тутъ невѣста, окончивъ всѣ нужныя въ этомъ случаѣ молитвы, поворачивается лицемъ къ печи, около которой стоятъ ея отецъ, мать, родные и сосѣди).

Отворочусь я, глупа сиза-голубушка,
Лицемъ къ красному-то солнцу угрѣвному,
Ко батюшкѣ, ко Петру Васильевичу.

(Кланяется ему въ ноги и ведетъ стихъ одна, безъ помощи стиховодницы).

*) Сестра и вмѣстѣ крестница.

Ты послушай-ко доброхотъ, солнце красное,
Что-то я стану говорить, разговаривать,
Своимъ глупымъ дѣвьимъ умомъ, я разумомъ:
Ты на что нынче солнце красное пріобидѣлся,
Сталъ меня давать, да прочь отсѣвать,
Ужь я не трудница развѣ тебѣ была, не работница,
Ужь не ловка я была свѣжей рыбкой животрепещущей *)
Я была виноградомъ хорошимъ людямъ.

Цѣлуетъ много разъ отца, обнимаетъ его, падаетъ къ нему въ ноги и едва въ силахъ оторваться отъ избытка своихъ дочернихъ чувствъ. *Если же отца нѣтъ дома*, что случается въ здѣшней мѣстности почти по-постоянно, если онъ гдѣ нибудь въ далекой работѣ, въ Петербургѣ, или въ сосѣднихъ губерніяхъ, и свадьба играется безъ него, то невѣста послѣ первыхъ трехъ строкъ своего обращенія къ отцу, причитаетъ слѣдующее:

Ужь гдѣ-то ходитъ мое солнце угрѣвное,
Ужь *что за чудо*, за диво великое,
Не могу призвать, глупа сиза-голубица,
Моего батюшку, Петра Васильевича?
Видно нѣтъ въ своемъ дому тепловатомъ, во гнѣздышкѣ,
На трудахъ онъ, на работкахъ тяжелыхъ,
Наживаетъ онъ многу, несчетну золоту казну!
(Обращается къ матери:)
Гдѣ-то ходитъ моя желанная доброхотница,
Моя матушка, Анисья Кондратьевна?

(Далѣе говоритъ совершенно то же самое, тѣ же слова, что и отцу).

Невѣста обращается тогда къ самой близкой ей, по душѣ, личности, именно къ крестной матери (говорятъ также *крестовая матерь*, а чаще божитка).

к) Я прикличу, призову свою *крестную*,
Втору-божитку, Александру Ивановну,
Въ дѣвью тихую бесѣду смиренную.

(Кланяется ей въ ноги; божитка поднимаетъ ее, беретъ въ объятія и сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою на лавку).

Ужь ты послушай-ко воспріемна втора-божитка,
Ужь мы сядемъ на одну, на брусовую лавочку,
Промежь два свѣта окошечковъ косячатыхъ,
Приходитъ мое солнце красное, угрѣвное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ:
Спросился-ли у тебя, моя втора крестна-божитка,
Какъ *задумалъ меня давать* за эту злу неволю великую,
Ужь *притокнула-ли* **) ты меня *давати, божитка?*
Ужь приходитъ твое солнце красное, угрѣвное,
Да ужъ притокнула я, глупа сиза-голубушка,
Отдавали тебя за эту злу неволю великую.
(если женихъ бѣденъ)
Вы на что же нынѣ приблазнилися,
Вы на зрячество-ли, въ недородство?
Али на покруту-то, на покрасу великую,
Али на домъ, на тепловатое на гнѣздышко,
Али на хорошіе, роскошистые поминки,
Али на чистыя, широкія поля?
(*Если же женихъ пьющій*):
Вы на что же нынѣ приозорились?
Охота же этой злой неволѣ великой,
Ходить по кружкамъ, по деревнямъ, по кабакамъ,
Испить много хлѣбнаго зелена вина.
Да ужь какъ мнѣ-ка надо обживатися,
Надо держати мнѣ рѣзвыя ножки на дорожкѣ,
Бѣлыя-то ручки на заложкѣ.
Ужь вошкитна-же *) *эта зла неволя великая*,
Столбовой мнѣ-ка надо умъ и буйную голову,
Ужь теперь маленьки мои годы, ребячьи,
Не учена моя млада, буйна голова,
Не торено мое зябло, ретиво сердце.
Вотъ жила я, глупа сиза-голубушка
У препростыхъ, у своихъ сердечныхъ родителей.
Ужь приходилъ твое красно солнце, угрѣвно!
Да ужь не присовѣтовала я, глупа сиза-голубушка,
Прочь давать, да прочь отъ себя откидывати,
Божитка отвѣчаетъ:
Ужь теперь-то тебѣ мое крестное дитятко,
Столбовой тебѣ умъ въ голову въ буйную,
Ужь какъ придетъ-то это зла неволя великая,
Со кружковъ, со царевыхъ, со кабаковъ,
Да ужь прирасходится надъ тобою мое дитятко!

(Дальнѣйшія слова тирады божитки суть тѣже, какія идутъ отъ нея же въ отвѣтъ на предыдущіе упреки невѣсты).

Такъ ужь ты не сказывай про свою про обиду великую,
Не держи сто подругъ возлестивныхъ,
А держи одну лишь подруженьку, пуховую подушку.

(Божитка, поклонившись и попричитавшись вмѣстѣ съ невѣстой, которая нѣсколько разъ падаетъ ей въ ноги, или сама наконецъ отходитъ, или ее отрываютъ).

Затѣмъ невѣста встаетъ съ лавки и начинаетъ призывать далѣе:

л) Я прикличу, призову въ дѣвью, тихую бесѣду смиренную.
Свою милую сестрицу, Елену Петровну.

*) Этотъ стихъ вѣрно указываетъ обязанности въ семьѣ мѣщанской дочери.

**) Притокнуть—согласиться, сказать. токъ.

* Т. е женихъ любитъ уходить изъ дома на работу въ Петербургъ и др. мѣста.

Сестра подходитъ; невѣста падаетъ ей въ ноги, та поднимаетъ ее и сама кланяется, какъ невѣстѣ, такъ и причитавшимъ дѣвушкамъ, благодарящимъ за причитанье.

Тоже самое происходитъ и со всѣми прочими имѣющимися на лицо родными и родственниками, равно какъ и ближайшими сосѣдями, которымъ подобное вниманіе очень нравится и которые въ противномъ случаѣ сердятся на семейство невѣсты.

Въ заключеніе заплачки, ближніе къ невѣстѣ закрываютъ ей голову небольшимъ платкомъ и стараются унять ея страшно разстроенные нервы отъ рыданій, причитаній, слезъ,—такъ какъ все это продолжается безпрерывно часа 4—5.

Затѣмъ лишній народъ и любопытные всѣ расходятся, и невѣста съ стиховодницей и дѣвушками садится пить чай; стиховодницу угощаютъ особенно: ей ставятъ водки, а потомъ спустя немного кормятъ ужиномъ. Вообще здѣсь будетъ къ мѣсту сказать, что *стиховодницъ въ это время большой почетъ, безъ нея нельзя* и *свадьбы играть*. до самой *свадьбы она присутствуетъ* почти все *время при невѣстѣ* и ея кормятъ и *угощаютъ* тутъ *на столько*, что, какъ выражаются, *пышь—не хочу*.

Сверхъ угощеній, *платой* стиховодницѣ обыкновенно бываетъ *головной платокъ*, или *ситецъ* на *рукава* (здѣшнія мѣщанки осенью и вообще въ холодное время, когда однако надѣваютъ шубы, носятъ *ватные рукава*, поверхъ рукава рубашки, чтобы защитить часть руки отъ холода).

5. *Вечеринка съ женитьбою барина и боемъ быка*: Вечеромъ того же дня, когда производилась заплачка, дѣвушки составляютъ въ домѣ невѣсты вечеринку, на которой однако сама невѣста или вовсе не бываетъ, или если бываетъ, то покрывшись большимъ платкомъ, хоронится отъ гостей и не принимаетъ никакого участія въ удовольствіяхъ и играхъ молодежи. *Жениха тоже не бываетъ*.

Когда, какъ и на обыкновенныхъ вечеринкахъ, собирается нѣсколько дѣвушекъ и парней, молодежь ходитъ «уточкой», составляютъ кадрили подъ пѣсни: «Эхъ, Карлуша не робѣй» и друг., играютъ «въ царева сына», въ «столбичекъ» и другія игры, поютъ пѣсни и танцуютъ. Особенности же этой вечеринки встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ деревенскихъ свадьбахъ и стоющая изъ нихъ того, чтобы быть упомянутой, состоитъ въ двухъ свадебныхъ шуточныхъ играхъ, именно:

а) *Женитьба барина*. Парни, желая повеселиться, просятъ у хозяина, или хозяйки позволенія *барина женить*, и если они дадутъ обѣщаніе хозяину, что особенныхъ неприличій и безобразій при этомъ у нихъ не будетъ (если хозяинъ не отличается особенною пуританскою строгостью нравовъ, то обыкновенно дается имъ на то разрѣшеніе), тогда они уходятъ на сарай, гдѣ и выбираютъ въ роль барина самыхъ отчаянныхъ, такъ сказать—отпѣтыхъ шалуновъ парней, и барина ради смѣха одѣваютъ самыя ненужныя морхни, т. е. *тряпье:* достаютъ заброшенный совершенно *ровный* (изорванный) кафтанишка, такого же роду шапку и покрываютъ съ головы *грязной подстилихой*, т. е. холстомъ грубымъ, который обыкновенно кладется у дверей въ избѣ, чтобы вытирать ноги. Онъ нахлобучивается на лобъ, спину и укрываетъ такъ, что оставляетъ одинъ только глазъ незакрытымъ, чтобъ его не могли узнать; затѣмъ сажаютъ барина на чунки, т. е. маленькія санки и берутъ въ избу, гдѣ собрались дѣвушки, при общихъ крикахъ: «барина везутъ, барина везутъ»...

При въѣздѣ въ избу чунки съ бариномъ, останавливаются передъ близъ сидящей дѣвушкой и одинъ изъ находящихся при баринѣ парней провозглашаетъ имя дѣвушки, наприм. Алёна Климовпа.

Тутъ шутовской баринъ начинаетъ измѣненнымъ, писклявымъ голоскомъ, выкрикивать вовсеуслышанье то, что онъ знаетъ, наслышанъ самаго скандальнаго и непозволительнаго объ этой дѣвушкѣ, а чаще и самъ прикладываетъ ради общаго смѣха и удовольствія разныя *небылицы* на ея счетъ, при этомъ ни дѣвушки, ни близкія лица не могутъ вступиться за ея честь, или обижаться, потому что такъ заведено съ искони вѣка. Это обличеніе всегда бываетъ такъ грязно, сквернословно, что невозможно привести его цѣликомъ; но вотъ небольшія выдержки изъ него и его сущность:

«А, Алена Климцева! пищитъ баринъ: о, о, о! она съ *Кутыринкой* (мелкимъ чиновникомъ) Иваномъ Дурмановымъ давнымъ давно водится, все съ себя на него издержала и кольцо послѣднее въ ходъ пошло».

Или: «А, Матрена Иванова! о, о, о! и съ Мишурой Гавриловымъ подъ возомъ застали, всего-то, его, милягу она»...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ, снисходя только въ выраженіяхъ, въ отношеніи къ богатымъ и уважаемымъ невѣстамъ.

То что баринъ говоритъ, остальная молодежь выкрикиваетъ во все горло, чтобы всѣ слышали. Постепенно чунки съ бариномъ подъѣзжаютъ и останавливаются предъ каждой дѣвушкой по порядку сидѣнья *съ провозглашеніями* ея *тайныхъ, явныхъ* и *воображаемыхъ* пороковъ. И ни одна дѣвушка не можетъ избѣгнуть такого сраму; если убѣжитъ, то должна знать, что за глаза про нея наговорится въ десятеро болѣе.

Объѣхавъ всѣхъ дѣвушекъ, подъ предлогомъ, что баринъ *выбираетъ себѣ невѣсту* и *не находитъ* себѣ по вкусу, останавливается предъ послѣдней, обыкновенно еще дѣвочкой-подросткомъ, о которой нечего сказать и

спрашиваютъ барина: *люба-ли эта?* Отвѣчаетъ баринъ наконецъ: «люба». Затѣмъ барина сводятъ съ чуномъ и ведутъ за столъ, гдѣ онъ садится на мѣстѣ жениха, и гдѣ съ нимъ вмѣстѣ сейчасъ же насаживаются сами собой избранные поѣзжане: большой сватъ, тысяцкой, дружки и проч. Въ тоже время выбранная имъ дѣвушка въ невѣсты, оставшись въ своемъ обыкновенномъ нарядѣ, надѣваетъ только на голову какую нибудь старенькую заброшеную повязку и закрываетъ голову платкомъ. Сваты ведутъ тогда ее къ столу, гдѣ дается ей въ руки какое нибудь деревянное или оловянное блюдо со стаканомъ, который наполняется водой; она съ поклономъ подноситъ сначала барину-жениху, тотъ осушаетъ его до дна. Затѣмъ пьетъ сама и подноситъ всѣмъ поѣзжанамъ поочередно.

Въ это время между тѣмъ дружка жениха достаетъ какой нибудь обрубокъ доски и раскладываетъ на ней, принимая ее за подносъ, жениховы дары, какъ это позднѣе увидимъ, бываетъ на смотрѣньи: опорки старыхъ сапоговъ (башмаки невѣстѣ), кусокъ битаго стекла (зеркало), разное тряпье (изображаетъ чулки и проч. дары). Тогда женихъ подаетъ невѣстѣ дары, а дружка перечисляетъ ихъ такимъ же образомъ, какъ это будетъ видно далѣе на смотрѣньи. Невѣста принимаетъ дары, кланяется, и швыряетъ ихъ куда нибудь въ уголъ, или къ двери. Невѣстина же сватья приготовила между тѣмъ невѣстины дары, т. е. набрала тоже разнаго тряпья, начинаетъ дарить съ жениха, и именно слѣдующимъ способомъ: кладетъ назначенное ему тряпье на лопату, употребляемую обыкновенно при печеніи хлѣбовъ, и съ поклономъ подноситъ ихъ; женихъ беретъ, а сватья тутъ же хлопаетъ ему по головѣ опростанной лопатой. Такимъ-то образомъ она дарить и всѣхъ жениховыхъ поѣзжанъ, т. е. мужчинъ, которые какое бы слово и даръ ни получили, не претендуютъ на то, потому что это считается отплатой за недавній позоръ присутствующихъ дѣвушекъ. Одаривъ поѣзжанъ, сватья бьетъ тогда лопатой во всѣ стороны, по всѣмъ присутствующимъ и тѣмъ заканчивается женидьба барина.

6) *Битье быка.* Когда всѣ обряды бариновой женитьбы кончаются, дѣвушки начинаютъ снова пѣть свои пѣсни, заводятъ ходить уточкой, молодежь же, парни съ бариномъ идутъ обратно въ сарай, чтобъ снарядить быка на бой. Обряжаютъ быка очень просто: выворачиваютъ мѣхомъ вверхъ полушубокъ, надѣваютъ на кого нибудь, подобнаго же подростка—парня, какой былъ и въ роли барина, подпоясшутъ кушакомъ, а голову и лице стараются замаскировать какой нибудь мохнатой шапкой и обвяжутъ также подстилавой. Играющій роль быка идетъ тогда въ избу на четверенькахъ, а одинъ изъ провожающихъ его парней, хозяинъ быка, взявши за кушакъ, ведетъ его при общихъ крикахъ: «быка ведутъ, быка ведутъ»!

Быкъ останавливается среди избы, хозяинъ предлагаетъ присутствующимъ купить быка и запрашиваетъ большую цѣну, рублей напр. 20, начинаютъ торговаться съ нимъ при общихъ шуткахъ: одинъ даетъ 10, другой 7, третій 5 руб., и т. д.; хозяинъ не уступаетъ. Тогда онъ вынимаетъ приготовленный имъ заранѣе безмѣнъ, т. е. кушакъ, свернутый въ видѣ жгута и предлагаетъ зрителямъ мяса въ розницу: для этого требуется сперва убить быка. Достаютъ глиняный горшокъ, надѣваютъ на палку, которая помѣщается около головы быка, затѣмъ бьютъ по горшку обухомъ топора, представляя, что бьютъ быка въ голову, горшокъ разлетается въ мелкіе куски, а воображаемый быкъ падаетъ на полъ, изображая предсмертныя агоніи убитаго. Хозяинъ и торговецъ обращается снова къ публикѣ и проситъ купить говядину, расхваливая и выставляя на видъ всѣ достоинства быка и его мяса. Находятся покупатели, но наперед просятъ купца дать имъ для провѣрки его безмѣнъ; онъ вручаетъ имъ скрученый кушакъ, а они пробуютъ безмѣнъ на его спинѣ, не щадя ни спины, ни безмѣна.

Оставшись довольными вѣрностію безмѣна, покупатели передаютъ его обратно купцу, сами же по одиночкѣ подходятъ выбирать себѣ нужныя мѣста изъ туши быка.— «Взять мнѣ-ка гузенную кишку на большую струну! говоритъ одинъ.—А мнѣ рогъ подъ табакъ! кричитъ другой. — Я никакъ ноги на студень возьму, говоритъ третій». Купецъ же, между тѣмъ, каждому покупщику тѣмъ же безмѣномъ отвѣшиваетъ по спинѣ достаточное число фунтовъ покупки. Когда всѣ парни, волею или неволею купятъ говядины по нѣсколько фунтовъ, тогда сговариваются нѣкоторые изъ нихъ, которые посмѣлѣе, увести быка: они хватаютъ быка за поясъ и тащутъ его вонъ; купецъ за концы пояса его удерживаетъ и бьетъ парней безмѣномъ безъ милости, пока быкъ не будетъ выпровоженъ.

По окончаніи этихъ двухъ игръ (которыя, мимоходомъ сказать, исполняются нынѣ весьма рѣдко, — все рѣже и рѣже), вечеринка идетъ своимъ чередомъ и совершенно ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной вечеринки.

Послѣ вечеринки нѣкоторыя близкія къ невѣстѣ подруги дѣвушки ночуютъ у нея.

6) *Невѣста по гостямъ идетъ.* На слѣдующій день въ домѣ невѣсты съ утра поднимается стряпня и другія приготовленія къ вечеру, когда должно быть *смотрѣнье*. Невѣста же просыпается и сидитъ, еще не одѣваясь, съ подружками на постели и ждетъ посѣщенія божитки. Божитка же между тѣмъ, *обрядившись* съ утра, съ при-

готовленными угощеніями невѣстѣ съ подружками, приходитъ *къ невѣстѣ и зоветъ ее къ себѣ*.

«Пожалуй-ка, милое мое крестовое дитятко, со всѣми любящими подружками своими ко мнѣ въ гости» — и затѣмъ слѣдуетъ поясной поклонъ. Невѣста на то отвѣчаетъ:

Тебѣ спасибо, моя *вторая* крестная божитка,
Что ты позвала меня глупу, сизу-голубушку,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми моими милыми подружками, любезными.

Божитка уходитъ домой, а невѣста съ дѣвушками начинаетъ одѣваться. Шубейка невѣстой надѣвается самая лучшая и перевязка тоже, именно та самая, въ которую обрядила ее мать на заплачкѣ, и которую она носитъ постоянно вплоть до свадьбы; сарафанъ же въ этомъ случаѣ берется простенькой, гарусный. Одѣвшись, невѣста съ дѣвушками идетъ въ большую избу (т. е. переднюю комнату), гдѣ и садится на томъ же мѣстѣ, на которомъ сидѣла во время вчерашней заплачки. Стиховодница находится также здѣсь и онѣ завоютъ снова стихи:

Ты, послушай, мой доброхотъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ да Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя доброхотница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Отпусти-же-ка меня глупу, сизу-голубушку,
Меня въ гости, да на гостьбище любовное,
Меня ко вторыя крестны божитушкѣ,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
Со всѣми милыми подружками, любовными.

Затѣмъ поднимаются на ноги вмѣстѣ съ невѣстою, *дѣвушки подходятъ къ образамъ и молятся*.

Выходя на улицу, невѣста-дочь обращается къ родителямъ съ слѣдующими стихами:

Ты, послушай-ка, мой доброхотъ, солнце красное,
Мой батюшка, Петръ Васильевичъ,
Моя ласкашница, моя доброхотница,
Моя матушка, Агафья Кондратьевна,
Ужь не буду я, подлая, въ домъ, тепловато во гнѣздышко,
По сегодняшнему, по долгому по денечку,
По тихому, по позднему, по вечеру,
Приведу я васъ во стыдъ, во срамоту великую,
Продавшись глупа, сиза-голубушка
Ко вторы крестовы божитушки,
Во рабы, казачихи, во похльбницы.
До поста я, до говѣнья великаго,
Повѣбуду я тогда глупа сиза-голубушка
Той неволи великія.

Зимой, когда можно легко достать лошадей, невѣста съ стиховодницей и съ дѣвушками садятся въ сани и въ этихъ случаяхъ рѣшительно не стѣсняются величиной и вмѣстительностію саней: на двухмѣстныя сани, гдѣ обыкновенно съ трудомъ помѣщается ящикъ и два сѣдока, садятся иногда до 15 дѣвушекъ. Лѣтомъ же невѣста отправляется по образу пѣшаго хожденія.

Свадьба же мѣщанъ города Мезени описана бывшимъ студентомъ Никольскимъ. Описаніе это даетъ слѣдующіе матеріалы:

Прежде чѣмъ парень началъ свататься на той дѣвушкѣ, *которая ему приглянулась*,—онъ идетъ къ своему отцу и матери, *падаетъ имъ въ ноги, объявляетъ о своемъ желаніи и проситъ ихъ благословенья навѣки нерушимаго. Получивши его, они съ общаго согласія выбираютъ свата*, котораго и посылаютъ къ роднымъ невѣсты. Сватъ въ праздничной одеждѣ является въ домъ невѣсты, становится подъ матицу и говоритъ: я пришелъ за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ на вашей дочери за такаго то. Не давая свату никакаго положительнаго отвѣта о своемъ согласіи, говорятъ ему, что онъ можетъ получить отвѣтъ только тогда, какъ объ этомъ посовѣтуются родные невѣсты, и просятъ его придти за отвѣтомъ, или вечеромъ того же дня, или на другой день, а иной разъ и чрезъ нѣсколько недѣль. Между тѣмъ свата, пришедшаго съ предложеніемъ, *угощаютъ* какъ только могутъ.

По истеченіи *назначеннаго* срока, сватъ снова является къ родителямъ невѣсты и, если они согласны отдать свою дочь за того жениха, отъ котораго онъ ходитъ, то «кладутся со сватомъ на слово» и приглашаютъ чрезъ него жениха съ ближайшими родственниками; по приходѣ этихъ гостей «бьютъ порукамъ» т, е. окончательно условливаются обо всемъ, что относится къ предстоящей сватьбѣ. Во все время этого посѣщенія женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и они обмѣниваются между собою подарками: женихъ обыкновенно даритъ ей ситцу на сарафанъ, а невѣста ему платокъ. За тѣмъ до самой свадьбы бываютъ «вечера» въ домѣ невѣсты, — и тѣмъ чаще, чѣмъ богаче ея родные. На всѣхъ вечеринкахъ бываютъ женихъ съ братомъ, или кѣмъ либо изъ *ближнихъ родственниковъ* (который все таки въ этомъ случаѣ *называется братомъ*) и каждый разъ приноситъ невѣстѣ *подарки*, *которая* въ свою очередь *отдариваетъ* его чѣмъ либо.

Какъ только дѣвушка объявлена просватанной, на *всѣхъ вечеринкахъ* и др. собраніяхъ, гдѣ приходится быть въ виду постороннихъ, — она *считаетъ долгомъ плакать*. Этотъ плачъ *продолжается* до самой *сватьбы*; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ она закрываетъ лице платкомъ и, качаясь изъ стороны въ сорону, начинаетъ ревѣть, насколько хватаетъ силъ; уже черезъ нѣсколько минутъ отъ этого крика лице наливается кровью, а такъ какъ иной разъ приходится ей проплакать часовъ 6—7, то подъ конецъ вечера она не можетъ говорить, до того

осипнетъ ея голосъ. Рёвъ невѣсты усиливается тогда, какъ дѣвушки, находящіяся на вечеринкѣ, запоютъ какую нибудь свадебную пѣсню; если бы невѣста рѣшилась не плакать, то это было бы поставлено ей въ величайшую вину, и даже женихъ считалъ бы себя почему то обиженнымъ.

Вскорѣ послѣ битья по рукамъ бываетъ посѣдка, во время которой съ невѣсты снимаютъ повязку, особый головной уборъ, надѣваемый на дѣвушку на вечеринкахъ и т. п., какъ только она просватана. Снявши повязку, расплетаютъ у ней косу. При всей этой церемоніи невѣста плачетъ навзрыдъ, а дѣвушки, нанятыя ея родными, поютъ отъ ея лица, обращаясь къ матери. «Подойди моя денна печальщица, ночная богомольщица, родная моя матушка, подыми свои руки бѣлыя на мою на буйну голову, на дорогу да на дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга». Когда повязка снята—«ужъ и какъ подвинулись твои руки бѣлыя на мою буйну голову, на дорогу дѣвью красоту, на повязку красна золота съ присадкой скатна жемчуга?» Обращаясь къ сестрѣ, или замѣняющей ее ближайшей родственницѣ: «Подойди комнѣ, сестрица ты родная, ужь ты выплети изъ трубчатой косы да ленту алую, расплети трубчату косу, какъ моя трубчата коса всему городу краса». Къ ней же «придетъ весна красна, разольются рѣки быстрыя, ужъ какъ выростетъ шелкова трава, разцвѣтутъ цвѣты алые, пойдешь моя милая, пойдешь по наливны сладки ягодки, вспомяни меня младешеньку;» если же невѣста сирота, то: «злосчастную, или горюху горегорькую, или кукушу безпомощную, разпрегорьку птицу пташицу, я охоча была ходить, ѣздить по наливны сладки ягодки со подружками со любезными, со дѣвицами со красными, со сосѣдками порядовными, я охоча была шутить играть». Если же невѣста имѣла до свадьбы ребенка, то прибавляется: «пристыдила я, прибезчестила всѣхъ своихъ родителей». Когда коса расплетена, то на распущенные волосы снова надѣвается повязка, при чемъ поется: «подойди подружка, полюбовная, сосѣдка порядовная (такая то), наложи на мою да буйну голову дорогу дѣвью красоту, хоть повязку красна золота, со присадкой скатна жемчуга, наложи ее плотнешенько, привяжи ее ладнешенько, чтобы вѣкъ она не свалилась». Передъ всѣмъ этимъ плаканьемъ мать благословляетъ невѣсту на плачъ: «Благослови моя мати родимая, благослови мнѣ оказать голосъ трубчатый, причетъ лебединый».

Передъ самой свадьбой у невѣсты бываетъ *рукобитье;* оно бываетъ обыкновенно вечеромъ, и на него приглашаются всѣ родные невѣсты. Женихъ приходитъ со своими родными, садится рядомъ съ невѣстой, родня же размѣщается у стола, за которымъ сидятъ женихъ и невѣста, по старшинству. На столѣ разставлены различныя сласти, орѣхи, пряники и т. п.; во весь вечеръ продолжается угощенье и родные невѣсты стараются перещеголять этимъ угощеніемъ такъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Невѣсту выводятъ сватья и отецъ; она кланяется сначала жениху, потомъ на всѣ четыре стороны; женихъ, а за нимъ всѣ, находящіеся за столомъ, встаютъ,—первый кланяется невѣстѣ и всѣмъ роднымъ. За тѣмъ невѣста подноситъ жениху рюмку вина, тотъ принимаетъ ее, кланяется на всѣ стороны и выпиваетъ. Возвращая рюмку невѣстѣ, онъ даетъ ей какой либо *подарокъ*, напр. ситцу на сарафанъ или же деньги. Невѣста отдариваетъ его (обыкновенно платкомъ), за этотъ подарокъ женихъ долженъ снова положить что либо на подносъ, за тѣмъ невѣста подноситъ вино сначала родственникамъ жениха, а потомъ и своимъ. Обошедши всѣхъ родственниковъ, невѣста становится посреди комнаты, женихъ же выходитъ изъ за стола, подходитъ къ ней, кланяется на всѣ стороны и цѣлуетъ ее три раза; потомъ беретъ за руку, ведетъ за столъ и сажаетъ рядомъ съ собою. Тогда начинаютъ подавать всѣмъ сидящимъ за столомъ чай; прежде всѣхъ подносятъ жениху; онъ беретъ одну чашку,—ставитъ невѣстѣ, (а иной разъ даже нальетъ ей на блюдце), — потомъ беретъ себѣ. Послѣ чаю подаютъ водку.

Во все время пока родственники жениха и невѣсты сидятъ за столомъ,—въ другой комнатѣ бываетъ вечеринка. Вблизи же стола сидитъ нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, которыя поютъ различныя свадебныя пѣсни.

Подъ конецъ вечера невѣста выходитъ изъ за стола, становится на средину комнаты и плачетъ. Отъ ея лица поется: «поворочусь я млада отъ столовъ дубовыхъ, отъ скатертей перчатныхъ, отъ кушаній сахарныхъ, отъ питей разналивчатыхъ». Женихъ тоже выходитъ изъ за стола, подходитъ къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ее поцѣловать. По обыкновенію невѣста упирается и тогда онъ беретъ ее одной рукою за косу, другой поднимаетъ платокъ, которымъ закрыта, и цѣлуетъ,—потомъ отступаетъ шага на три назадъ, снова подступаетъ и цѣлуетъ, — это повторяется три раза. Понятно, что иной разъ, когда невѣста сильно сопротивляется, — женихъ сильно надеретъ ей волосы. Во время цѣлованья поется: «пристыдилъ, да прибезчестилъ чужой *сынъ отеческій* дѣвицу красную при компаньи, при собраньи людей добрыхъ.» Послѣ жениха съ невѣстой цѣлуются всѣ женщины, находящіяся въ комнатѣ, и при этомъ даютъ невѣстѣ, кто сколько можетъ (среднимъ числомъ 5 — 10 коп. сер. каждая). Простившись съ невѣстой, женихъ уходитъ съ родственниками, родственницы же остаются на ужинъ. Во все время ужина невѣста ничего не ѣстъ, сидитъ, закрывшись платкомъ. При началѣ ужина, когда уже поставлено на столъ первое кушанье, выходитъ на середину одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, кланяется невѣстѣ и говоритъ: «дѣвица душа красна, кня-

гиня первобрачна, невѣста заручена (такая-то), просимъ покорно у нашей невѣсты хлѣба соли покушать, дѣвицы красны, молодцы удалы, сосѣди порядовны.» Всѣхъ присутствующихъ онъ перечисляетъ поимянно, потомъ обращается ко всѣмъ вообще съ тѣмъ же приглашеніемъ. Когда онъ окончитъ свою рѣчь, встаетъ невѣста, кланяется въ ту сторону, гдѣ сидятъ гости со стороны жениха, потомъ своимъ гостямъ, но все это дѣлаютъ молча; при подаваньи каждаго новаго кушанья повторяется таже исторія. Такъ какъ иной разъ бываетъ подано до 20 блюдъ, то ужинъ продолжается до самаго утра.

Прежде былъ обычай, что когда подавали на столъ «шти», то прежде чѣмъ приступать къ ихъ ѣдѣ, миску, въ которой онѣ налиты, закрывали тарелкой, затѣмъ объявляли, кто варилъ ихъ (эта женщина называется *штинница*), и варившая ихъ должна была *перецѣловаться со всѣми, сидящими за столомъ*, и уже только тогда начинали ѣсть. Когда подавали кашу, то тоже *кашница должна была* со всѣми *поцѣловаться*. При подаваньи дичины кухарка *отдѣляла у гуся заднюю часть* (при хвостовыхъ позвонкахъ) и передавала ее одному изъ гостей; тотъ отправлялся къ какой либо дѣвушкѣ,—родственницѣ жениха и передавалъ ей. При этомъ необходимо было поцѣловаться, иначе заставляли съѣсть данный кусокъ, что считалось крайне неприличнымъ дѣломъ. Дѣвушка должна была передать мужчинѣ и т. д., такъ что кусокъ обходилъ всѣхъ обѣдающихъ.

Обычай этотъ остался и до сихъ поръ, но уже примѣняется не на *рукобитьѣ*, а *на почестномъ*.

При концѣ ужина невѣста встаетъ и начинаетъ снова плакать. *Плакальщицы* отъ ея лица поютъ новый плачъ, въ которомъ благодарятъ гостей за приходъ, просятъ не осуждать за то, что это послѣдній дѣвій вечеръ и ужинъ; вспоминаютъ всю молодость невѣсты, какъ ей весело было жить на волѣ у отца-матери; затѣмъ, обращаясь къ родителямъ, благодарятъ, что вспоили, вскормили, одѣли въ цвѣтное платье и т. под.; благодарятъ родственниковъ и подружекъ. Этотъ плачъ продолжается до конца ужина, послѣ котораго всѣ гости, поцѣловавшись съ невѣстой, расходятся по домамъ; съ невѣстой же остаются ближнія ея подруги на всю ночь. По уходѣ гостей невѣста снова плачетъ, а отъ ея лица поется ея отцу и матери плачъ, въ которомъ упрекаются они за то, что выдаютъ ее такъ рано замужъ, не дали ей натѣшиться привольной дѣвичьею жизнію и т. п.; наплакавшись вдоволь, невѣста ложится спать.

По утру мать невѣсты приходитъ будить ее и сама плачетъ, говоря: «вставай мое дитятко милое съ своей со постели со пуховыя, сряжайся подъ вѣнцы золоченые, убирайся во цвѣтное платье, готовься ко чужому, незнакомому добру молодцу.» Невѣста, проснувшись, начинаетъ плакать, а за ней и оставшіяся на ночь подружки.

Во все время *сватовства* при женихѣ находятся двое молодыхъ дружекъ. Въ самый день сватьбы *женихъ* угощаетъ ихъ чаемъ, кофе и водкой, послѣ чего *посылаетъ въ домъ невѣсты* поблагодарить за угощенье, бывшее наканунѣ и спросить невѣсту про здоровье и готова-ли она подъ вѣнецъ. Дружки отправляются туда въ лучшемъ своемъ платьѣ и непремѣнно на лошади. Ихъ встрѣчаютъ родственники невѣсты, проводятъ въ горницу, гдѣ плачетъ невѣста. Они обращаются ко всѣмъ присутствующимъ и говорятъ: здравствуйте, молодцы удалы и дѣвицы красны. Есть ли у вашей невѣсты батюшка и матушка? Имъ отвѣчаютъ:—есть.—Нельзя ли ихъ позвать среди свѣтлой свѣтлицы?—Отецъ и мать являются на сцену,—дружки имъ кланяются, называютъ по имени и отечеству и говорятъ: «извольте насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то). Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ: честь воздать и поклонъ отдать и приказалъ поблагодарить за вчерашную веселую бесѣду, за винныя чарки, за пивные стаканы, за чайныя чаши, за кушанье сахарное, за напитки разналивчатые, за хорошее принятіе, за ласковы рѣчи, за учтивую поговорку, за низкіе поклоны, за дорогіе подарки, за веселыя пѣсни, за всю вашу веселую бесѣду и за весь вашъ пріятный разговоръ. Нашъ князь первобрачный (имя) приказалъ намъ доходить до дѣвицы души красной, до княгини первобрачной, до невѣсты зарученной и приказалъ про свое здоровье объяснить, а про ея спросить. Сами ли у ней спросите, или намъ прикажете?» Отецъ и мать отвѣчаютъ: «сами спросите, только теперь не время.» Дружки отправляются домой, и черезъ нѣсколько времени возвращаются за тѣмъ-же; родственники невѣсты, какъ только завидятъ ихъ издали, запираютъ ворота. Дружки, подъѣхавши, *колотятся у воротъ*. Ихъ спрашиваютъ со двора: *кто тамъ?—Люди.—Чьи люди?—Люди Романовы, Государя Романова.*—Зачѣмъ стучитесь?—Идемъ отъ князя новобрачнаго до княгини первобрачной, прося здоровье спросить.—Унасъ нѣтъ невѣсты, обернулась лисицей, убѣжала въ чистое поле,—не знаемъ гдѣ взять. Дружки уѣзжаютъ обратно, проѣзжаютъ раза 2 или 3 по городу,—показывая видъ, будто ѣздили къ жениху и затѣмъ снова подъѣзжаютъ къ воротамъ и стучатся въ нихъ говоря: «ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у нашего князя первобрачнаго псы кормленые, бѣгали, рыскали по чистому полю, увидѣли въ полѣ лисій слѣдъ, увидѣли и лисицу,—забѣжала къ вамъ въ теремъ, надо быть у васъ въ терему. Извольтежь доложить и допустить до дѣвицы души красной, до княгини первобрачной, до невѣсты зарученной.»

брачной и дозвольте намъ про свое здоровье объяснить, а про ея спросить». Имъ отвѣчаютъ: «у насъ послѣ этого обернулась невѣста бѣлой лебедью и улетѣла; не знаемъ, гдѣ взять.» Снова уѣзжаютъ дружки не надолго, снова ворочаютъ домой къ невѣстѣ и колотятся у воротъ говоря»: мы ѣздили, гуляли ко князю первобрачному; есть у князя ясные соколы, летали они по синимъ моремъ прекраснымъ, по вешнимъ заводьямъ и налетали на лебедушку въ чистомъ полѣ и догоняли до высоко терема. Извольте допустить до княгини первобрачной, про ея здоровье спросить». — Тогда дружекъ ведутъ къ невѣстѣ, которая сидитъ и плачетъ въ лучшей комнатѣ, сюда же набирается обыкновенно множество постороннихъ. Подойдя къ невѣстѣ, дружки говорятъ: «здравствуй, дѣвица душа красна, княгиня первобрачна, невѣста заручена.» Невѣста встаетъ и кланяется имъ низко. Дружки продолжаютъ: «Извольте отъ насъ прислушивать, мы будемъ вамъ сказывать. Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго (отъ такого-то); нашъ князь первобрачный приказалъ намъ, дружкамъ, подходить къ вамъ близко, кланяться вѣжливо и низко, приказалъ стоять прямо, говорить браво. — Нашъ князь первобрачный приказалъ поблагодарить за вчерашнюю веселую бесѣду, за винныя чары, за пивные стаканы, за чайныя чаши, за кушанья сахарныя, за напитки разноличатые, и за низкіе поклоны, за дорогіе подарки, за ласковыя рѣчи, за пріятную встрѣчу, за весь вашъ пріятный вечеръ и за все ваше пріятство. Нашъ князь первобрачный Божіею милостію, царскою свѣтлостію, батюшковымъ и матушкинымъ благословеніемъ, при семъ часу времени оставался отъ насъ живъ и здоровъ, и благополученъ. Нашъ князь первобрачный приказалъ про свое здоровье объяснить, а про ваше спросить; вы же, дѣвица душа красна, княгиня, первобрачна, не извольте сами себя трудить, а насъ дружекъ поминать, просимъ покорно о своемъ здоровьи объяснить, мы же будемъ князю первобрачному про ваше здоровье доносить и низко кланяться.» Невѣста все время плачетъ и чрезъ довольно большой промежутокъ времени плакальщицы отвѣчаютъ за нее: «здорова млада, да не весела.» Дружки, получивъ такой отвѣтъ, обращаются къ отцу и матери невѣсты. «Мы посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ князя, отъ первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ, къ пріѣзду его князя первобрачнаго къ вашему высокому терему за невѣстою, чтобы были у васъ отперты ворота и приворотни, чтобы были налажены конямъ стойла, хомутамъ клѣтки, ременкамъ *) спички, чтобы намъ дружкамъ съ козелъ не сходить и воротъ вашихъ не отворять; чтобы были у воротъ приворотники, у дверей придверники, среди двора со свѣтомъ дворники. Когда нашъ князь первобрачный придетъ къ вамъ на высокій теремъ и пройдетъ по бѣлымъ сѣнямъ и проступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы за дубовые, не вѣкъ вѣковать, не годъ годовать, одинъ часъ часовать; и въ кою пору, въ кое время дѣвица душа, красна княгиня первобрачна ключевой водой умывается, во цвѣтное платье снаряжается и въ божью церковь сподобляется; немного времени минуется, дайте честь и мѣсто *свату* и *тысяцкому* и князю первобрачному совсѣмъ *княжескимъ* поѣздомъ и съ нами *нижайшими дружками*».

Имъ говорятъ: «Просимъ покорно.» Далѣе дружки обращаются къ присутствующей при этомъ молодежи: «здравствуйте, удалые молодцы, женатые и холостые, и красныя дѣвицы. Посланы посланники отъ Бога вышняго, отъ царя земнаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ свата, отъ тысяцкаго, отъ князя первобрачнаго. Нашъ князь первобрачный послалъ насъ, дружекъ, къ вамъ; когда нашъ князь первобрачный пріѣдетъ къ вамъ на широкій теремъ и вступитъ въ свѣтлую свѣтлицу и станетъ за столы дубовые, дайте честь и мѣсто, — передній уголъ свату и тысяцкому и князю первобрачному со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками. А вы, красныя дѣвицы, подайтесь въ кутъ половицы, за печатныя новыя завѣсы, сами себя потыните, другъ друга не вередите, на столахъ напитокъ не расплещите, столовъ не пошатните, брюхатыхъ жонокъ не раздавите и дайте честь и мѣсто свату и тысяцкому и князю первобрачному со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ и съ нами дружками.» Обращаются къ невѣстѣ: «дѣвица душа красна, княгиня первобрачна невѣста, заручennый нашъ князь первобрачный приказалъ тебѣ мыться бѣлешенько, ходить хорошенько, *гордость и спесь подальше спрячь, дѣвичьи поступки дома оставляй, низки поклоны съ собой запасай.* У нашего князя первобрачнаго горница нова, въ горницѣ новой есть кровать тесова, на кровати тесовой есть перина пухова, надъ периной пуховой есть спичка дубова; *на спичкѣ дубовой есть плетка шелкова о трехъ долгихъ концахъ. Первый конецъ долгъ, второй долгъ, третій до вашего брата очень ловокъ. — где хвоснетъ, тутъ и кровь брызнетъ.* У нашего князя первобрачнаго есть горы круты, коромысла толсты, ушаты больши: носи воду не лѣнись, *насъ молодцей не безчести.*» Затѣмъ обращаются къ старухамъ: «Вы что, старыя старухи, зачѣмъ здѣсь? Вы-бы сидѣли дома на печи, грызли калены кирпичи, пили-бы кислый квасъ, а здѣсь мѣсто не про васъ, — тѣсно и безъ васъ.» Если есть кухарки, то къ нимъ: «Вы что, молодыя молодицы? Мы видимъ надъ вами большую не-

*) Ременка—кнутъ

исправность: у васъ блины съ заплатками и пироги съ заплатками, хлѣбы перепечены, рыбники вовсе недопечены».

Пока невѣста одѣвается, *дружки приносятъ ей подвѣнечные башмаки и чулки*, а также *зеркало*. Потомъ *пряниковъ и разныя сласти*, которыя невѣста беретъ съ собою въ *новую свою семью*. *Это называется передать*. Передать дается и всѣмъ родственникамъ невѣсты.

Какъ скоро невѣста одѣлась, она подходитъ къ столу. Является женихъ, беретъ за руку и заводитъ за столъ. Отецъ *передаетъ ее женихy и говоритъ*: «*пой корми, одѣвай, обувай, добру научай, а ты, дочи, слушай.*»

За тѣмъ отецъ и мать благословляютъ невѣсту и *женихъ уводитъ ее*. Отправляясь въ церковь, *женихъ* съ братомъ садится на отдѣльныя сани или роспуски,— и ѣдетъ впереди, а уже за нимъ *невѣста съ тысяцкимъ*.

По окончаніи обряда вѣнчанія новобрачная выходитъ въ трапезу и здѣсь волосы ея, остававшіеся во все время *вѣнчанья распущенными*, заплетаются уже *въ двѣ косы*, а на голову надѣвается *повойникъ*.

По пріѣздѣ изъ церкви молодые получаютъ *благословенье отъ родителей* новобрачнаго и при этомъ молодой дѣлается ими какой либо *подарокъ*.—Затѣмъ начинается угощенье, послѣ котораго молодыхъ уводятъ въ особую комнату. Черезъ нѣсколько времени туда являются отецъ и мать мужа и они *обязаны выпить четыре рюмки водки* отъ двухъ новобрачныхъ, отъ тысяцкаго и сватьи, и послѣ *этого поятъ виномъ* всѣхъ родныхъ, какъ мужа, такъ и жены.

За этимъ угощеньемъ бываетъ ужинъ, на которомъ бываютъ самые близкіе родственники и проводники.

Утромъ на другой день бываетъ завтракъ для *ближайшей родни*, послѣ котораго всѣ гости (обыкновенно сильно подкутившіе) катаются по городу съ пѣснями на тройкахъ. Какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ поѣздкахъ дружекъ съ начала сватовства къ дугамъ лошадей привязываются колокольчики.

Послѣ катанья *почестный* столъ, на которомъ родъ *невѣсты садится уже выше рода жениха*. Во время этого обѣда спаиваютъ всѣхъ гостей, такъ что къ концу его уже нельзя найдти ни одного трезваго.

На третій день молодая ходитъ по всѣмъ родственникамъ мужа и зоветъ ихъ въ *баню*. Собираются обыкновенно только ближайшіе родственники и моются въ банѣ послѣ выхода оттуда молодыхъ.

Тысяцкимъ выбирается обыкновенно крестный отецъ жениха, или вообще кто-либо изъ ближайшихъ его родственниковъ. *Сватья*—ближайшая родственница невѣсты.

Родственники жениха *дарятъ невѣсту*, а ея родственники *дарятъ жениха*. *Подарки* передаютъ обыкновенно *въ день рукобитья* и состоятъ по большей части изъ *съѣстныхъ припасовъ*.

Молодая даритъ въ тотъ день, какъ идти въ баню: мужу портки и рубаху, тоже самое и свекру; свекрови рубаху и повойникъ; этотъ послѣдній навертывается на ручку вѣника, которымъ будетъ париться свекровь;— сестрамъ незамужнимъ на рукава, замужнимъ повойники; деверю платокъ.

ГЛАВА VI.

ОБРЯДЫ И ИГРЫ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА.

Обычаи, соблюдаемые въ Пинежскомъ уѣздѣ: при полевыхъ работахъ,—при родинахъ, крестинахъ и именинахъ.—Таковые же обычаи въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Пинежскіе обычаи при новосельи, при смерти и похоронахъ.—Похоронные обряды въ Тулгасскомъ, Хаврогорскомъ и Курейско-Сергіевскомъ приходахъ.—Годовые празднества въ Пинежскомъ уѣздѣ и пріуроченные къ нимъ обычаи. Святки, Крещенье, масляница, вербница, Свѣтлая недѣля, радуница, весеннія игрища и сборища, Егорьевъ день, Троицынъ день, Аграфена купальница, Иваны-купалы, Петрово заговѣнье и богомолье, круги и хороводы, борода, игра въ столбы, въ пары, кануны, братчины, конный праздникъ, Ильинъ день, Спасовъ день, Рождество и Покровъ Богородицы, вечерники и игры на оныхъ, бесѣды, день пятницы—Параскевы, Филиповки, посидки и супрядки съ ихъ играми, Никола зимній, день Рождества Христова и Новый годъ, славленье, виноградье.—Повседневныя игры и забавы: скопки, въ золото, въ нимки, въ шопотки, въ хохлы, качели, скаканье, въ мячъ, изъ—за сухой трески, въ Самоѣды, кружалами, въ жернова, катанье, въ бабки, въ орлянку, изъ—за попа, въ рюхи, въ бѣглые, въ прятки.— Обрядъ „бороды“ въ Усть-Пуѣ.—Народные игры въ Тулгасскомъ приходѣ.—Народныя увеселенія въ Сумскомъ посадѣ.—Святочные обряды тамъ же.—Праздники въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Обряды при закладкѣ дома и при входѣ въ него на житье тамъ же.—Нѣкоторые обряды въ Хаврогорскомъ приходѣ.—

Къ этой главѣ мы относимъ всѣ матеріалы, какіе только можно было выбрать изъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей касательно обычаевъ и игръ, соблюдаемыхъ при празднованіи какихъ либо особенно чтимыхъ въ году дней. Сюда же отнесены и обряды крестинные и похоронные, такъ какъ по скудости достовѣрныхъ о нихъ свѣдѣній послѣднія не могли составить изъ себя особой главы. Но даже и остальные обряды, соблюдаемые въ годовые праздники, описаны съ нѣкоторою обстоятельностію лишь въ Пинежскомъ уѣздѣ П. А. Ивановымъ. Съ нихъ мы и начнемъ, печатая ихъ, какъ это принято нами и въ другихъ главахъ, въ томъ самомъ порядкѣ, какой нашли у автора.—

Предъ посѣвомъ. Отправляясь сѣять, крестьянинъ беретъ корзинку, кладетъ въ нее хлѣбъ и соль, молится Богу и ѣдетъ на поле съ сохою.

Нѣкоторые пекутъ небольшіе *хлѣбцы* въ видѣ извѣстныхъ колобовъ. При посѣвѣ ихъ раскладываютъ по одному на каждый изъ четырехъ угловъ поля.

При случившихся праздникахъ *послѣ посѣва*, по полямъ съ колосовыми хлѣбами, носятся хоругви и иконы, гдѣ есть приходскія церкви. Съ этими крестными хожденіями отслуживаются, по просьбамъ владѣльцевъ полей, духовенствомъ молебствія и нивы окропляются св. водою.

Время уборки хлѣбовъ и сѣна называется, вообще, *страдою*, или *страднымъ временемъ*; убирать хлѣба и травы—*страдать*, а все время работъ *бабьимъ лѣтомъ*.

Кончить жатву хлѣбовъ на поляхъ значитъ *обжаться*.

При хорошемъ урожаѣ хлѣбовъ и, даже при посредственномъ, труды свои жители Пинежскаго уѣзда отпраздновываютъ кашею. Впрочемъ, каша бываетъ не у всякаго поселянина, а у болѣе зажиточныхъ и у тѣхъ, у кого недостаточно на полевыя работы семейныхъ рукъ. *Каша* бываетъ тогда, когда уборка оставшихся несжатыми хлѣбовъ на поляхъ производится *помочью*. Помочь эта составляется изъ созванныхъ *жнеей*, женщинъ. Обязанность ихъ придти съ утра на поля звавшихъ хозяевъ съ своими серпами и, при пѣсняхъ, окончить въ одинъ день недоконченную жатву и связать колосья въ снопы. Обыкновенно *конецъ* жатвы всегда приходится вечеромъ. Тогда на поляхъ кричатъ всѣ въ голосъ: *Слава Богу, слава Богу, обжался* (такой-то, хозяинъ), и затѣмъ съ пѣснями и серпами отправляются въ хозяйскій домъ.

Въ домѣ этомъ, между тѣмъ, топятъ печи и пекутъ множество *шанегъ*. По приходѣ *кашницъ* горячія; *съ огня* (такъ говорятъ), шаньги кладутся на огромныхъ

блюдахъ на столѣ и выставляется водка, которую, обыкновенно, подносятъ. Тутъ женщины напиваются почти такъ-же, какъ напиваются изрядно мущины и, закусивъ шаньгами, отправляются по деревнѣ пѣть пѣсни, захватившись рука за руку. Иногда женямъ даются лошади, и съ пѣснями онѣ ѣздятъ по улицамъ на нихъ. Не мало времени эти пьяныя женщины бродятъ или ѣздятъ по улицамъ съ своими монотонными и неразборчивыми напѣвами, и потомъ заходятъ снова въ домъ хозяина, гдѣ для нихъ устраивается столъ. Тогда онѣ *ужинаютъ*. Главнѣе за ужиномъ каша и шаньги. На столѣ для добра иногда кладутъ снопъ колосоваго хлѣба. Послѣ ужина опять поютъ и расходятся. (Пѣсни, употребляемыя при кашахъ, собраны Арсеніемъ Николаевичемъ Симановскимъ, студентомъ университета, живущимъ въ Пинегѣ, и печатаются во второмъ выпускѣ). При первой сушкѣ хлѣба въ овинахъ оставляютъ въ немъ пукъ *не выбитаго* (невымолоченнаго) въ колосьяхъ хлѣба. Это дѣлается для того, чтобы на будущій годъ былъ хорошій умолотъ.—

Кромѣ того, изъ перваго вымолота пекутъ *хльбцы* и кладутъ по нѣскольку *на божницы* и *въ кльти*, гдѣ есть въ засѣкахъ хлѣбъ. Такіе хлѣбцы стряпаютъ еще въ Великій четвергъ на страстной недѣлѣ Великаго поста. Ихъ то и раскладываютъ на поляхъ при посѣвахъ.

Часто случается, что уборка сѣна у крестьянъ кончается помочью, безплатно, за одно угощеніе; о согласіи на это оглашаются хозяиномъ свои односельцы и желающіе изъ нихъ собираются на пожни съ косами въ праздничный день.

Разумѣется, сѣнокосъ бываетъ оконченъ тогда же въ домѣ хозяина, за закуской. Окончаніе косовицы празднуется попойкой водкою, выряженной при уговорѣ помочью въ косьбѣ. Тутъ то бываетъ русское веселье: участвовавшіе напиваются до пьяна и бродятъ по улицамъ съ криками и пѣснями.

Что касается обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Иванова, при родинахъ и крестинахъ, то они суть слѣдующіе:

Рожденіе людей у жителей Пинежскаго уѣзда не сопровождается особенно торжественными обрядами. Уменъ или глупъ, счастливый или несчастливый родился человѣкъ, угадываютъ, смотря по времени рожденія.

Послѣ родовъ родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ, водятъ въ баню. Тамъ обѣихъ ихъ обмываютъ.

Воспріемниками отъ купели выбираютъ болѣе изъ родственниковъ, кого либо изъ односельцевъ, преимущественно зажиточныхъ. Бываетъ, что воспріемниковъ ставятъ за очно, что воспріемникъ бываетъ иногда одинъ: либо крестный, либо крестная. Воспріемникъ называется кумомъ, а воспріемница кумою.

Священники даютъ имена новорожденнымъ по желанію родителей, несмотря на то, что будетъ или былъ день его святаго, который нареченъ ангеломъ. Имя заявляетъ мать.

При крещеніи, на шею младенца крестнымъ отцомъ надѣвается на гайтанѣ мѣдный или серебряный крестъ. Онъ остается на немъ во всю жизнь. Потеря сего креста предзнаменуетъ большое несчастіе.

На ручки купели съ одной стороны привязывается полотенце для утиранія рукъ совершающаго таинство крещенія, а съ другой—платокъ, который отъ крестной матери назначается въ даръ ему. При крещеніи соблюдается обрядъ постриженія т. е. остригаютъ немного волосковъ съ дитяти.

Послѣ крестинъ у родителей бываетъ крестинный столъ. Къ столу на угощеніе приглашаются родственники. Тогда крестный и крестная даютъ деньги, какъ бы початкою, подъ названіемъ: роженицѣ въ кашу и бабкѣ на зубокъ.

При именинахъ держатся слѣдующихъ обычаевъ:

Въ день своего ангела тезоименитый одѣвается въ лучшее платье.

День ангела—у него свой праздникъ. Онъ ходитъ къ литургіи, если церковь не очень далеко; въ тотъ день не работаетъ. Отъ именинниковъ и именинницъ носятъ житные и крупчатые пироги къ родственникамъ, особенно, если есть въ живности, къ крестнымъ отцу и матери. Въ припасахъ того дня всего главнѣе пироги, называемые растягаями.

Именинники, находящіеся въ услуженіяхъ, приносятъ своимъ хозяевамъ калачи и кренделя. Хозяева отдариваютъ ихъ деньгами, початками и иными подарками.

День ангела проводится, по силѣ возможности, въ празднествѣ. Именины празднуются обѣдомъ и другимъ угощеньемъ. Въ гости приходятъ родные, съ кѣмъ именинникъ ведетъ знакомство и тѣ, у кого именинникъ или именинница сами бываютъ на именинахъ.—

Куманекъ (крестный отецъ) и кумушка (крестная мать), послѣ воспринятія младенца, дѣлаютъ другъ другу подарки, т. е. передариваются недорогими бумажными платками. При состоятельности же, кумъ даритъ кумѣ ситцу на платье, а кума отдариваетъ шелковою матеріею на жилетъ, и черезъ кумовство считается въ родствѣ съ нимъ.

До полученія отъ духовнаго отца очистительной молитвы, родильница не выходитъ изъ дому и не ѣстъ вмѣстѣ съ другими. Но работать она начинаетъ иногда по прошествіи недѣли послѣ родовъ.

Въ дополненіе къ сказанному объ обрядахъ родильныхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ можемъ привести здѣсь небольшую замѣтку о таковыхъ же обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, заимствуя оную изъ статьи священника Таратина:

«Родильница ходитъ до послѣдняго часа, не давая домашнимъ замѣтить своихъ болѣзней, и для сего иногда скрывается въ скотскій дворъ, гдѣ и разрѣшается отъ бремени. Когда родитъ, мужъ идетъ за бабкой (до родинъ бабки рѣдко приходятъ), и затапливаетъ баню. По истопкѣ бани, родильница съ бабкой и младенцемъ идетъ (въ нее) и парится отъ 4 до 6 часовъ (это паренье повторяется завтра и послѣ завтра, непремѣнно въ трехъ баняхъ), а мужъ приглашаетъ кума и священника, и совершается святое крещеніе. Послѣ крестинъ непремѣнно бываетъ обѣдъ или ужинъ, на которомъ необходимое и главное блюдо составляетъ пшенная каша. При подачѣ на столъ каши, бабка подноситъ находящимся въ домѣ по рюмкѣ водки, за что получаетъ отъ всѣхъ деньги (отъ 1 до 10 копѣекъ); обычай этотъ называется «класть въ кашу».

Что касается обычаевъ, соблюдаемыхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ при новосельѣ, то они вытекаютъ изъ народнаго вѣрованія въ домоваго. По такому суевѣрію, при переходѣ на житье въ новопостроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и раскланиваются во всѣ четыре угла избы, говоря: «хозяинушко—господинъ,—пойдемъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье бытье, набогатество.» Если такъ не позвать двороваго значитъ неминуемо навлечь гнѣвъ его на себя и несчастіе (прим. мѣры см. въ статьѣ Селиверстова, Губ. В. № 45—1865.) Въ новый домъ нѣкоторые хозяева, въ видахъ гаданія, вносятъ пѣтуха и пускаютъ его по полу въ комнатахъ. Если пѣтухъ пойдетъ въ большой уголъ избы—знакъ добрый. Если же онъ устремится назадъ—худо: кто нибудь изъ семейныхъ скоро умретъ и жизнь ихъ будетъ несчастна.

Новоселье у крестьянина есть нѣсколько торжественное событіе. Входящій въ новопостроенный домъ приглашаетъ духовенство освятить его и созываетъ родныхъ и знакомыхъ. По освященіи дома, устраивается столъ, ведется угощеніе и идетъ попойка.

Идущій поздравлять новосельца, по обыкновенію, приноситъ въ домъ что либо хозяйственное: хлѣбъ и др. Иные, чтобы не быть безъ ничего, приносятъ даже по полѣну дровъ. Обряды, соблюдаемые при смерти и похоронахъ, таковы. Крестьяне замѣчаютъ: 1) если на кровлѣ дома, въ которомъ есть больной, сидитъ и кричитъ воронъ—это предсказываетъ больному смерть; 2) если носъ чешется по переносью—то будетъ изъ среди односельцевъ покойникъ; 3) если черезъ отворенное окно залетитъ въ комнату ласточка, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ въ томъ же году; 4) въ которомъ году случатся два покойника изъ одного дома, то въ томъ же году умретъ и третій.

При смерти умирающій составляетъ свое завѣщаніе. Подробности его идутъ въ отвѣты на программу обычнаго права. Благочестивыми дѣлами при смерти почитаются: 1, прощать вины; 2, прощать долги и 3, каяться въ своихъ винахъ и прегрѣшеніяхъ, открывая тайны. При смерти—исповѣдываются и пріобщаются св. Таинъ.

Остающихся въ живыхъ своихъ родственниковъ умирающій изъ своихъ рукъ благословляетъ иконою. При предсмертномъ томленіи читается отходная.

По смерти, мать или жена покойника, ничего не дѣлаютъ изъ обычныхъ занятій. Ихъ дѣло плакать съ жалобными рыданіями. Коль скоро человѣкъ умеръ т. е. потерялъ признаки жизни, его обмываютъ водою и облекаютъ въ чистую одежду: рубаху, подштанники или же саванъ и чулки, сшитые изъ холста.

Облеченіе покойника шьется и одѣвается чужими людьми. Шьется впередъ иголкою, т. е. напротивъ того пріема, съ какимъ шьется только одежда для живаго человѣка. Не рѣдко бываетъ, что все облеченіе заготовляется самимъ умершимъ за нѣсколько даже годовъ до времени смерти. Покуда гробъ бываетъ не сдѣланъ, покойника кладутъ на скамью противъ иконъ, у которыхъ затепливается лампадка и зажигаются свѣчи.

При положеніи этомъ руки у умершаго складываютъ крестъ на крестъ, правая на лѣвую; изъ пальцевъ правой руки слагаютъ изображеніе креста и кромѣ того, на грудь кладутъ икону, болѣе литые изъ мѣди створцы (собраніе изображеній всѣхъ годичныхъ или нѣкоторыхъ великихъ праздниковъ),. на ротъ иногда кладется мѣдная монета.

Гробъ, въ который кладутъ покойника, называется гробомъ и домовищемъ. Онъ дѣлается непремѣнно на улицѣ изъ досокъ, околоченныхъ желѣзными гвоздями. Крыша бываетъ такаяже. Гробы украшаютъ очень рѣдкіе.

Стружки при дѣланіи гроба не разсариваются, а складываются въ гробъ же съ прибавленіемъ вѣничнаго листа (листьевъ березы.)

Гробъ вносятъ въ комнату и кладутъ почему то болѣе на лавки, а не на столъ. Затѣмъ въ него постилается полость, какъ бы простыня, и кладется обыкновенная, или набитая березовыми листьями подушка и переносится самый покойникъ. Гробъ съ покойникомъ кладется головою къ иконамъ на востокъ.

Вскорѣ по извѣстію, собираются сосѣди, мущины и женщины. Распросивъ о послѣдней волѣ покойнаго и предсмертныхъ слѣдствіяхъ, женщины начинаютъ оп-

лакивать потерю покойнаго, т. е. въ мѣрныхъ причѣвахъ жаловаться на несчастія, какія постигаютъ семейство съ смертію его. Жена же умершаго импровизируетъ о добродѣтеляхъ его во все горло тянущеюся прозою.

Чтобы не тосковать по умершемъ, ближніе родственники отрѣзываютъ ножницами нѣсколько прядей волосъ съ его головы и привязываютъ себѣ къ гайтану на шеѣ съ крестомъ.

Покуда покойникъ находится въ домѣ, приставляютъ къ нему читальниковъ или читальницъ. Это — грамотѣи, которыхъ приглашаютъ единственно для чтенія надъ усопшими въ домѣ до 9 дней. Ихъ иногда называютъ могильными мухами.

Въ комнату, гдѣ положенъ умершій, ложатся спать близь него никто другой, какъ одни родственники. Но на постелю, на которой скончался покойникъ, не ложатся долго и по смерти.

Во все время пребыванія покойника въ домѣ, а также когда и понесутъ, воютъ (плачутъ) и голосятъ (причитаютъ) женщины изъ родственницъ и особо нанимающіяся плакальщицы, онѣ ужасно гнусятъ какіе то причѣвы. Въ послѣдній день нахожденія покойника въ домъ приходятъ на проводины не только родные, имѣвшіе свойство и бывшіе въ дружбѣ съ умершимъ, но и не такъ знакомые.

Въ домѣ духовенство по приглашенію отслуживаетъ панихиды. Во время ихъ всѣ бывающіе стоятъ съ зажженными восковыми свѣчами, — а по окончаніи панихидъ прикладываются къ мертвому (цалуютъ его руки).

Хоронятъ умершихъ черезъ два, три и болѣе дней по смерти.

Покойника въ гробѣ выносятъ изъ дому съ незакрытою крышкою.

Гробъ несутъ люди руками на веревкахъ, либо полотенцахъ, либо на палкахъ, или же везутъ на дровникахъ (саняхъ), хотя бы время похоронъ было лѣтомъ; послѣднее случается у кого мало родни и въ бѣдности живутъ.

При выносѣ тѣла, за гробомъ бываетъ всегда большое или малое шествіе родныхъ и постороннихъ безъ шапокъ; встрѣчающія ихъ тоже снимаютъ шапки и крестятся. По отпѣвѣ въ церкви съ наложеніемъ вѣнчика и съ пѣніемъ: вѣчная память, — крышка приколачивается къ гробу и гробъ съ покойникомъ уносится или увозится на кладбище. На кладбище ходятъ не всѣ, кто бываетъ при выносѣ: одни уходятъ обратно, а другіе уходятъ въ домъ, гдѣ бываютъ похороны.

Духовенство не всегда напутствуетъ гробъ въ священномъ облаченіи. Оно прибываетъ потомъ.

На кладбищѣ бываетъ послѣднее прощанье и затѣмъ гробъ опускаютъ въ могилу, которую зарываютъ.

Могилы устраиваютъ родные умершаго, или за плату особые могилокопы. Всякій, кто бы не былъ при погребеніи умершаго, долженъ бросить на гробъ въ могилѣ отъ себя хоть горсть или кусокъ земли. А чтобы не тосковать по покойномъ, родственники берутъ съ могилы немного земли и кладутъ ее себѣ въ карманъ.

Палки, на которыхъ былъ несенъ гробъ покойника до кладбища, по зарытіи его въ землю, втыкаются къ ногамъ во гробѣ преставившагося.

На кладбище и отъ него не всѣ ходятъ пѣшіе, а ѣздятъ на лошадяхъ. Ихъ поставляютъ домашніе умершаго.

Расходы на погребеніе падаютъ или только на семейныхъ, или и другихъ неоднодомныхъ, но усердныхъ родственниковъ.

Послѣ похоронъ, въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ во гробѣ, накрывается большой столъ, за который усаживаются всѣ проводники, по предварительномъ совершеніи священникомъ съ причетниками молитвословія. Въ похороны ѣдятъ сколько влѣзетъ и пьютъ водку до совершеннаго опьянѣнія.

Главнѣе похоронный столъ составляютъ: хлѣбъ, соль, водка, щи, каша и блины; но бываетъ и другая пища и другіе напитки.

При похоронахъ подаютъ всѣмъ просящимъ деньги и хлѣбъ: печеный, измолотый и зерновой.

Послѣ смерти большака семьянина семейные соблюдаютъ трауръ до года. Кромѣ того: 1) если умеръ отецъ, сынъ не можетъ жениться, а дочь выдти замужъ до истеченія одного года по смерти главы; 2) когда умретъ мужъ, овдовѣвшая жена не заплетаетъ волосъ въ косу шесть недѣль и не можетъ выдти за другаго въ замужество до истеченія года; 3) если умерла жена, овдовѣвшій мужъ не ходитъ въ баню шесть недѣль и не можетъ жениться на другой ранѣе минутія цѣлаго года по смерти первой жены.

Умершихъ, для отрады душъ ихъ, поминаютъ часто. Особенныя поминовенія объ усопшихъ рабахъ Божіихъ совершаются въ 3-й, 6-й и 9-й и наконецъ очистительный 40-й дни по смерти.

Въ дни поминовеній служатъ похоронные молебны, отправляютъ панихиды на могилахъ съ окуреніемъ оныхъ, прочитываютъ поминанники; подаютъ особенно нищей братіи денежныя и хлѣбныя подаянія и даютъ себѣ льготу отъ работъ.

Кромѣ означенныхъ дней, поминки бываютъ: чрезъ годъ послѣ смерти умершаго, въ день ангела покойнаго и въ родительскія субботы. — *Родительскими субботами* называются субботніе дни передъ заговѣньями,

а также субботы: Дмитріевская (приходящаяся между 16—24 числами октября) и Троицкая (предъ праздникомъ св. Троицы).

Сверхъ священнаго поминовенія, поминаютъ усопшихъ блинами, оладышами (оладьями), шаньгами сальными, саламатомъ и кутьею. Кутью ѣдятъ по благословенію священника.

Г. Вальневъ говоритъ (Губ. Вѣд. № 25 за 1865 г.), что и славяне поминали умершихъ блинами, и воображали, что покойные въ это время встаютъ изъ гробовъ и вмѣстѣ съ живыми ѣдятъ блины.

Жители вѣрятъ въ фантастическіе призраки, признавая ихъ за дѣйствительныя и страшныя явленія.

Говорятъ, что привидѣнія являются въ самую полночь.

Утопленниковъ, самоубійцъ и вообще погибшихъ отъ своихъ рукъ т. е. умершихъ неестественною смертію, не отпѣтыхъ, не хоронятъ на общихъ кладбищахъ.

Народъ вѣритъ, что такіе умершіе являются живыми и бродятъ по ночамъ, потому что требуютъ исполненія христіанскаго долга.—Идя мимо кладбищъ въ ночное время, всякій творитъ молитву и крестится.

Я знаю коротко одного почтеннаго старичка, который былъ поднятъ на дорогѣ и лежалъ больнымъ очень долго. Онъ разказывалъ вотъ что. Зимою въ какой то день, по случаю, онъ долго пробылъ въ г. Пинегѣ и оттуда отправился въ свой домъ, версты за полторы, уже ночью. Ночь была несвѣтла и идти нужно было какъ разъ мимо городскаго кладбища. Шелъ онъ все какъ слѣдуетъ по подгорью (по льду рѣки около гористаго берега), и немного объ чемъ то и призадумался. Но, поровнявшись съ кладбищемъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и продолжалъ путь. Отошелъ онъ не далеко, оглянулся и видитъ, что на угоръ вышелъ какой-то мертвецъ весь въ бѣломъ. Старикъ оробѣлъ, но не останавливался. Посмотрѣлъ онъ еще разъ назадъ и увидѣлъ, что мертвецъ спустился съ горы и идетъ позади его не очень подалеку; старикъ пустился бѣжать, а мертвецъ въ бѣломъ саванѣ за нимъ... Наконецъ, старикъ въ изнеможеніи и безъ чувствъ упалъ на дорогу, гдѣ и былъ поднятъ сыновьями, которые начали безпокоиться о долгомъ отсутствіи отца. Да и не переслушаешь всѣхъ росказней объ этомъ.

Жители исповѣдуютъ о безсмертіи души и имѣютъ хотя не совсѣмъ ясное понятіе о будущей жизни; но вѣруютъ и въ то, что мертвые въ домахъ и въ могилахъ слышатъ относящіяся до нихъ слова. По этому то бываютъ припѣвы и причеты; по этому же въ поминки ходятъ къ могиламъ и плачутъ у нихъ; потому же нѣвесты ѣздятъ на могилы родителей и просятъ ихъ благословенія на выходъ въ замужство».—

Свѣдѣнія о похоронныхъ обрядахъ въ другихъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи въ остальныхъ матеріалахъ, доставленныхъ П. С. Ефименкомъ,, имѣются самыя скудныя. Мы отыскали въ нихъ лишь три краткія замѣтки, относящіяся къ этому предмету.

Вотъ одна изъ нихъ, касающаяся Тулгасскаго прихода Шенкурскаго уѣзда:

«При погребеніи всякаго лица особеннаго ничего не дѣлается Тулгасскими крестьянами и крестьянками, исключая одного суевѣрнаго обряда, именно: когда погребаютъ кого либо изъ членовъ семейства, то какая либо изъ близкихъ знакомыхъ, лишившихся любимаго сердцу человѣка, старушка, а иногда и пожилая женщина, беретъ съ могилы горсть земли и кладетъ на шею за рубашку.—Это означаетъ то, чтобы лишившаяся любимаго своему сердцу женщина не скучала о немъ и не боялась его».....

Другая, болѣе подробная, относится къ Хаврогорскому приходу Холмогорскаго уѣзда:

«При похоронахъ употребляются причитанія, каковыя до того пронзительны и оглушительны и не внятны, что изъ слышаннаго нельзя усвоить ни одного слова; исполняются оныя нанятою для того *плачеею*, при чемъ родные во весь голосъ, съ криками: «Охъ!» и «Ахти мнѣ!», поднимаютъ плачъ, падая на полъ и во всю силу хлопая руками. Еще сильнѣе раздается плачъ, когда *процессія съ умершимъ слѣдуетъ* мимо какой либо *деревни*. Приближаясь къ ней, плачея позади гроба напѣваетъ свои причеты, а родные, крича во весь голосъ и ударяя руками въ гробъ, иногда и съ притворно намѣренными слезами, проходятъ мимо деревни, выражая симъ дѣйствіемъ, что очень скорбятъ о невозвратной потерѣ, и если не выполнить этого,—то почтется отъ людей осужденіемъ и порицаніемъ родныхъ умершаго, что они не сожалѣютъ и не хотятъ попламать. Причитанія прилагаются ко всѣмъ вещамъ и предметамъ, особенно любимымъ оплакиваемымъ, какъ при свадьбахъ, такъ и при похоронахъ, неисчислимо. При провожденіи на кладбище, въ селахъ священникъ не всегда провожаетъ умершаго до могилы и въ это время, какъ окончательное на семъ свѣтѣ для умершаго, такъ и послѣднее для лицезрѣнія родныхъ, бываетъ причитаніе дорогою, а въ другомъ обращеніи и къ священнику, которое начинается такъ: «Вы отцы попы духовны, вы причетники церковны, попойте, почитайте, поболѣе и подолѣе, дайте мнѣ насмотрѣться, наглядѣться на моего на желаннаго, на сердечнаго, въ остаточны послѣдни дни, съ той, съ той пути дорожки, нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки, нѣтъ словесно челобитья; осталась я какъ кокуша горе горька, ахти мнѣ-ченко, тошнехонько.» Умершіе въ деревняхъ рѣдко бываютъ

носимы на рукахъ до могилы, а всегда лѣтомъ и зимою сопровождаются на лошади, заложенной въ дровни, чему служатъ причиною путевыя неудобства и незаботливость самихъ крестьянъ о исправленіи проселочныхъ дорогъ, особенно въ Хаврогорскомъ приходѣ по его мѣстоположенію. По преданіи умершаго землѣ, на могилѣ—тѣже причитанія съ крикомъ и ревомъ, но оныя выполняются только однѣми женщинами, и преимущественно пожилыми, а мущины остаются хладнокровны и въ своей скорби умѣренны. По возвращеніи въ свой домъ, сопровождавшимъ умершаго бываетъ поминальный обѣдъ, а также и для нищихъ подаяніе печенымъ хлѣбомъ и малою частію зерноваго; но отличительною чертою на сихъ обѣдахъ служитъ то, что на оныхъ нѣтъ мѣста довольному угощенію водкою, и въ слѣдствіе этого шуму и разгулу; но впрочемъ не какъ съ упрекомъ, а въ родѣ шутки иногда за столомъ и высказывается кѣмъ либо при принятіи чарки: «помянуть покойника, любилъ выпить чарку.» При чемъ вторится другими, въ подтвержденіе сказанныхъ словъ: «да, любилъ, и со мною бывало!»..... Но всѣ эти вспоминанія происходятъ тихо, и столъ заканчивается молитвою о умершемъ, а оставшимся въ семействѣ пожеланіемъ добраго здоровья и терпѣливаго перенесенія постигшаго ихъ горя. По выходѣ изъ дома сосѣдей и бывшихъ на поминкахъ, въ тотъ часъ же приготовляется баня, въ которой моются семейные дома, въ которомъ былъ умершій, и окачиваются водою, въ которую всыпается земля, принесенная съ могилы умершаго, въ знакъ того, чтобъ много не скорбѣть и смыть съ себя тоску—печаль; таковое дѣйствіе не остается безъ нашептыванія знахарокъ—старухъ, и называется «*унять тоску,*» и принадлежитъ къ ремеслу повивальныхъ бабокъ.»

Третья замѣтка относится къ Курейско-Сергіевскому приходу Холмогорскаго же уѣзда и гласитъ слѣдующее:

«Умершаго поверхъ рубахи одѣваютъ въ длинный до пятъ портянный халатъ, а женщину въ такой же сарафанъ и портянные калишки, кладутъ на лавку, закрываютъ портяннымъ покровомъ и читаютъ псалтырь. Предъ выносомъ въ церковь умершаго кладутъ въ гробъ, всегда не крашеный, и несутъ, а иногда и везутъ на саняхъ. Во время цѣлованія, по каждомъ умершемъ чинятъ женщины, иногда совершенно чужія, причитанія безъ слезъ,—громкія, раздирающія сердце и слухъ присутствующихъ. При зарытіи могилы дѣти берутъ земли, чтобы не тосковать по умершемъ родителѣ. На поминальный обѣдъ идутъ всѣ—знаемые и незнаемые, и всѣмъ дается по новой деревянной ложкѣ, на память объ умершемъ.»—

Возвращаемся по общему описанію всякаго рода обрядовъ и обычаевъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ и описанныхъ П. А. Ивановымъ.—Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ по этому поводу, отличаются однакожь нѣкоторою отрывочностью. Держась правила: не измѣнять ни содержанія, ни порядка изложенія въ матеріалахъ, нами издаваемыхъ, мы и на сей разъ послѣдуемъ за самою рукописью г. Иванова.

Прежде всего онъ касается годовыхъ празднествъ и къ нимъ приуроченныхъ обычаевъ. По его словамъ, жители сами говорятъ, что празднества, обряды, обычаи и игры, соблюдаемые ими, суть: досельныя, старинныя, коренныя, заведенныя. Слова эти приняты для того, что они показываютъ большую отдаленность времени введенія тѣхъ обрядовъ. Если народъ говоритъ, что это старинное, значитъ оно очень древнее, стародавнее, потому что у него мало что измѣняется.

Святки. Святочнымъ временемъ называется время отъ 26 декабря на второй день Р. Х. по 5 Января (канунъ крещенія).

Въ святки переряживаются. Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что дѣлаются шуликонами, т. е. мущины мѣняются одеждою своей съ женщинами, а женщины съ мущинами, кромѣ того маскируются иные: надѣваютъ звѣриныя шкуры, лице свое марaютъ сажею, представляютъ живыя чучелы: быковъ, коровъ, лошадей и т. п.

Вообще шуликонство грубо, невѣжественно, исполняется кое-какъ безъ всякаго значенія. Масокъ не носятъ изъ боязни дьявола, такъ какъ надѣть маску—значитъ одѣть лице черта.

Въ святки занимаются гаданіемъ.

6 Января. Праздникъ Богоявленія Господня въ народѣ именуется просто *Крещеньемъ.*

Канунъ дня Богоявленія Господня называется сочельникомъ. 5 Января многіе не вкушаютъ ни хлѣба, ни соли до вечерней звѣзды. Въ сочельникъ священники ходятъ по домамъ съ крестомъ и съ освященною водою. Кромѣ того, народъ вечеромъ этого дня ходитъ въ церкви къ вечернѣ съ туесками для взятія воды, которую почитаютъ цѣлебною въ болѣзняхъ.

Жители вѣрятъ, что въ полночь наканунѣ Крещенія Господня, ангелъ сходитъ съ неба и освящаетъ воду въ рѣкахъ.

Въ Богоявленіе Господа, какъ и вездѣ у православныхъ, исполняется тоже торжественная религіозная церемонія: бываетъ крестный ходъ къ Іордану, у котораго совершается Богослуженіе съ погруженіемъ въ воду Распятія Христова.

Послѣ молебствія, всѣ находившіеся у Іордана обмываютъ свои лица св. водою. Которые же ходили въ святки *шуликонами,* тѣ раздѣваются до нага и купаются въ прорубяхъ (майнахъ), на мѣстѣ Іордана, не смотря ни на какую суровую погоду, дабы освященною водою смыть съ себя личину бѣса.

Въ крещенье всѣхъ лошадей хозяева водятъ на рѣки чтобы напоить св. водою.

На масляницѣ, катаясь на горахъ, поютъ пѣсни.

Послѣднія недѣли межговѣнья послѣ Филиппова поста: *сплошная* (мясопустная) и *пестрая*, называются въ народѣ еще мясною и масляною, а послѣдняя еще называется безпорточною (если можно такъ сказать).

Погулять о масляницѣ, особенно въ послѣдніе дни, или другими словами проводить масляницу почитается необходимостію. Даже есть поговорка: «послѣднюю юбочку заложить, а маслену проводить»..

Масляница и въ городѣ, и въ деревняхъ, сопровождается наибольшимъ разгуломъ. Она проводится въ празднествахъ своеобычайно, весело и какъ то дружелюбно въ обществѣ, чего не замѣчается въ другое время гуляній.

Разумѣется, пиры тянутся съ утра до вечера и позже, а главное угощеніе—вино, котораго заготовляется довольно, и за нимъ пиво.

Хлѣбъ и соль—символъ гостепріимства, а вино—елей радости. Впрочемъ пиво и вино—суть главныя праздничныя развлеченія низшаго класса, повсюду на русской землѣ, да и русскій народъ издавна славится любовью къ попойкамъ, у него самого даже есть пословицы: «Русакъ—дуракъ пьетъ съ горя и съ радости; —что Русскому здоровье, то нѣмцу смерть;—молодецъ тотъ, кто идетъ не торопится, и пьетъ не морщится; —для праздника Христова выпить рюмочку простаго;— рюмочку винца да стаканчикъ пивца — куда хорошо; —выпить въ честь—рюмочекъ пять, шесть;—перва рюмочка то коломъ, а вторая соколомъ».

Вообще хозяинъ, у котораго идетъ пиршество, заботливо старается какъ можно лучше угостить гостей, т. е. накормить до сыта и напоить до пьяна, до упаду.

Пища о масляницѣ бываетъ праздничная.

Въ праздники, общій столъ составляется изъ нѣсколькихъ столовъ, придвинутыхъ одинъ къ другому. Накрытыя бѣлыя скатерти аккуратно раскладываются: разрушенный ломтями ржаной и житный хлѣбъ, ножи, ложки, всякаго рода шаньги, булки и пироги. Все это закрывается утиральниками (полотенцами), подаваемыми вмѣсто салфетокъ, пока не подадутъ кушаній на столъ на столько персонъ, сколько предполагается откормить особъ.

Всякій приготовляющійся къ трапезѣ, т. е. передъ ѣдою омываетъ руки водою, вытираетъ ихъ ручникомъ (полотенцемъ), молится Богу и садится за столъ.

За столомъ, рабы обычаевъ—мужчины и женщины, посиживаютъ чинно; ну хоть первоначально то. Во время обѣда за столомъ соблюдается мѣстничество. Большой уголъ—высокое мѣсто за столомъ принадлежитъ духовному отцу—священнику, возлѣ него усаживаютъ причтъ, а за тѣмъ (по правой рукѣ) садится старшій домохозяинъ или отецъ семейства; хозяйка обряжается и подаетъ на столъ ѣду (пищу). Линіей, сподрядъ съ хозяиномъ, сидятъ мужики по старшинству родни, свойства и дружбы. По лѣвой сторонѣ сидятъ женщины, смотря тоже по близости родственной связи и дружбы.—Всѣ они кушаютъ за однимъ столомъ, и если кушающихъ не очень много—то они ѣдятъ изъ одного сосуда.—

Столъ праздничный состоитъ не менѣе 10—15 перемѣнъ кушаньевъ. Сперва подаютъ горячія жидкія кушанья, потомъ жареныя и печеныя и наконецъ въ прикуску—холодныя.

Кто пришелъ во время стола, говоритъ: «хлѣбъ да соль,» а ему отвѣчаютъ: «милости просимъ съ нами хлѣба ись,» или: «просимъ покорно съ нами отобѣдать.»

Столъ ведется необыкновенно долго. И до стола и во время стола, и послѣ обѣда (говорятъ при подчиваніи —выть позолотить) идетъ постоянная попойка. Подчиваніе бываетъ на подносахъ вдругъ: и пивомъ въ стаканахъ, и водкою въ рюмкахъ.

Послѣ обѣда всѣ кушавшіе встаютъ вдругъ со скамей и молятся Богу, а потомъ благодарятъ хозяевъ и хозяекъ: «спасибо за хлѣбъ за соль.»

Есть еще прибаутка: «благодаримъ за хлѣбъ за соль, за щи спляшемъ, за кашу пѣсенку споемъ, а за кисло молоко выскочимъ высоко.»

Но и послѣ обѣда столъ не убирается почти всегда во весь день.

Чай для гостей въ употребленіи у поселянъ только у нѣкоторыхъ близьгородныхъ: въ отдаленныхъ же отъ города весяхъ и деревняхъ его не употребляется жителями, съ исключеніями нѣкоторыхъ привыкшихъ къ чаепитію, какъ къ необходимой потребности въ домохозяйствѣ.

Чай пьютъ до обѣда; вечеромъ же рѣдко.

О кофеѣ въ деревняхъ болѣе говорятъ съ оттѣнкомъ отвращенія, относя потребленіе его къ необузданной роскоши комфортебельныхъ людей. Въ масляницу, сверхъ обыкновеннаго праздничнаго приготовленія для стола, варятъ пиво, пекутъ блины, сочни, шаньги, приготовляютъ кисели.

О масляницѣ ѣздятъ для гостьбы по окольнымъ, нетолько ближнимъ, но и дальнымъ деревнямъ.

Въ каждой извѣстной деревнѣ празднество ведется одинъ день. Такъ напримѣръ: въ мясное заговѣнье (въ воскресенье мясопустной недѣли) гостятъ изъ окрестныхъ деревень и г. Пинеги въ Цимоочкѣ;—въ понедѣльникъ—на Холму и Заборьѣ; во вторникъ—въ Кулогарахъ; въ среду въ Валдускурьѣ; въ четвергъ въ въ Вонгѣ; въ пятницу въ Воспалѣ; въ субботу въ За-

Пасхальная недѣля называется *свѣтлою недѣлею*.

Къ Пасхѣ варятъ и красятъ куриныя яйца, дѣлаютъ сыры и стряпаютъ *куличи*.

У немногихъ есть придурь: въ Христовъ день, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ утрени и къ обѣднѣ стрѣлять изъ ружей съ колокольни, или съ чердаковъ и изъ оконъ домовъ. Въ утрени *Свѣтлаго Христова Воскресенія*, нѣкоторые носятъ съ собою въ церковь крашеныя яйца.

Когда священникъ выходитъ съ крестомъ на амвонъ, тогда всѣ *христосуются*, а равно при встрѣчѣ, и при посѣщеніи. При этомъ отдариваютъ другъ друга яицами. Есть пословица: *дорого яичко въ Христовъ день*.

Въ Пасху священники ходятъ по домамъ и съ освященною водою.

Во всю недѣлю Пасхи малые и большіе парни и даже женатые мущины, бьются на улицахъ яйцами. Какъ во всю недѣлю Пасхи бываютъ цѣлодневные звоны на церковныхъ колокольняхъ, то у мущинъ и женщинъ, холостыхъ и женатыхъ, замужнихъ и дѣвушекъ, есть обычай ходить послѣ перваго дня на церковныя колокольни толпами.

Остающіеся отъ Пасхи несъѣденными шаньги, пироги, калачи и проч. съѣстные изъ хлѣба, высушиваются и хранятся до Пасхи въ другой годъ. Тогда пасху (сухари) съѣдаютъ наголодно.

Въ пасхальную недѣлю качаются на качеляхъ.

Вторая пасхальная недѣля у туземцевъ называется Ѳоминою и Радоницею.

По вечеру субботы Свѣтлой недѣли, по верховью Пинеги, ребята бѣгаютъ безпорядочно и съ крикомъ по улицамъ, держа въ рукѣ каждый палку, съ привязанными колокольцами. Дѣлать это значитъ встрѣчать Ѳому.

Въ Ѳомино воскресенье, по верховью Пинеги, крестьяне ѣздятъ на лошадяхъ, запряженныхъ въ сани съ дугами и навѣшенными къ нимъ во множествѣ колокольчиками, бубенчиками и шаркунами.

Есть еще старинная прибаутка: *и въдь не такой, какъ Ѳома за рѣкой*; *блины пекъ и безъ ужина спать легъ*.

Лѣтнія гулянья, начинающіяся съ Пасхи, называются здѣсь: игрищами и сборищами.

Игрища бываютъ по одному дню въ каждой деревнѣ, по заведенному каждый годъ порядку.

Но въ нѣкоторыхъ, большихъ селеніяхъ гулянья продолжаются нѣсколько дней: одинъ день въ томъ околодкѣ, другой—въ другомъ—и т. д. Такъ напримѣръ: въ Кулегорскомъ селеніи проводится играми въ разныхъ околодкахъ вся Свѣтлая недѣля; въ Воспалѣ и на Сѣрой горѣ Николинъ день; въ Вознесеньевъ день—въ Запольѣ, Заврагѣ, въ Крестной горѣ и на Великомъ дворѣ; въ Троицынъ день—въ Устъ Воспалѣ; въ мясное заговѣнье въ Цимолѣ; въ чистое заговѣнье—въ Пинегѣ; въ Ивановъ день въ Вешкомѣ; въ Петровъ день—въ Кулогорахъ и Юровѣ; въ горній праздникъ—на Молетинѣ; въ Прокопьевъ день въ Воксѣ; въ Ильинъ день—въ Воспалѣ, Великомъ дворѣ, Запольѣ, Заврагѣ и на Крестной горѣ и проч.; въ Богословъ день—на Гбачѣ; въ Покровъ въ Соселѣ.

Годичный кругооборотъ времени составляетъ здѣсь какъ бы три промежутка гуляній: лѣтніе праздники съ Пасхи до страды, масляница и празднества Рождественскія.—О масляницѣ и частію о послѣднихъ празднествахъ мы уже сказали; о гуляньяхъ же лѣтнихъ будетъ сказано подробнѣе подъ рубрикою «богомолье».

23 Апрѣля. Егорьевъ день. Въ день св. Великомученника Георгія совершаются крестные ходы. Хоругви и иконы носятся вокругъ деревень, полей и пашенъ.

Тоже бываетъ и *въ Преполовеніе* по Пасхѣ.

Троицынъ день. У нѣкоторыхъ въ деревняхъ, а въ городѣ почти у всѣхъ, есть обыкновеніе въ день праздника св. Троицы обсаживать домы стволами срубленныхъ березокъ. Онѣ стоятъ тутъ и Духовъ день и долѣе... Кромѣ того, березки получаются жителями въ церквахъ освященныя и кладутся въ домахъ за иконы, какъ вербы.

23-го Іюня. День этотъ отмѣчается *Агриппиною купалкицею*.

Въ этотъ день, нарочно, многіе вытапливаютъ бани. Вымывшись и выпарившись въ нихъ вѣниками, идутъ къ рѣкѣ и мокрые вѣники бросаютъ въ воду. Замѣчаютъ при этомъ: если вѣникъ всплыветъ, то тотъ, кто бросилъ его настоящій годъ проживетъ здорово, а ежели вѣникъ утонетъ—то умретъ. (58 примѣта Силивер. № 44—1865 г. Губ. Вѣд.) Но случается, что если бани расположены около озеръ, то, оставляя въ сторонѣ стыдливость, всѣ моющіеся выходятъ нагіе и вѣники бросаютъ въ озеро, подобно тому какъ въ рѣки.

24 Іюня. Ивановъ день или Ивана-Купала, такъ называется день празднованія Рождества Св. Іоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня.

Въ ночь на сей день собираютъ цвѣты и травы.

Г. Вальневъ говоритъ, что собираніе травъ на Ивановъ день есть воспоминаніе языческаго празника богу Купалѣ, въ который славяне-язычники собирали травы, купались, зажигали костры и прыгали черезъ нихъ (Губ. Вѣдом. № 25—1865 г.). Намъ извѣстно, что у Славянъ Купала былъ богъ—плодородія, а Ладо богъ—живы и всякаго благополучія. Славяне дѣлали Купалѣ кумиры и имъ поклонялись.

Говорятъ, что кто въ ночь на 24 Іюня дождется того, какъ станетъ разцвѣтать папортникъ, тотъ получитъ огромнѣйшее счастіе.

Также разцвѣтаетъ на одну минуту въ Ивановскую ночь растеніе *разрывъ*. Кто успѣетъ его сорвать въ *полномъ цвѣту*, то ему не будетъ преградъ; когда онъ спрячетъ разрывъ въ разрѣзанную ладонь: *дочего лишь только дотронется, то и полетитъ прочь.*

Въ Ивановъ день ходятъ на воду кресты; этотъ день считается постнымъ, хотя бы праздникъ пришелся не въ понедѣльникъ, среду или пятницу. Въ народѣ есть пословица: *Иванъ постный укралъ день молочный.*

Въ Ивановъ и Ильинъ дни, по укоренившемуся обычаю, многіе ничего не работаютъ, и хотя нѣтъ престольнаго праздника—празднуютъ по обыкновенію.

Въ Ивановъ день особенно купаются въ рѣкахъ и купаютъ лошадей.

Петрово заговѣнье. Въ послѣднюю молочную субботу Петрова заговѣнья, т. е. въ предпослѣдній день мѣжговѣнья, къ Петрову посту, по заходѣ (закатъ) солнца, въ ночь на Воскресенье, по обычаю издревле, въ деревняхъ почти всѣ жители варятъ и ѣдятъ во множествѣ куриныя яйца 29 Іюня. Въ Петровъ день духовенство получаетъ отъ прихожанъ ругу. Петровская руга состоитъ изъ масла и сметаны.

Богомолье.—Это есть особый отъ храмовыхъ праздниковъ праздникъ въ городѣ Пинегѣ. Такіе же праздники бываютъ и въ деревняхъ, но тамъ они не называются *богомольями*. а *гуляньями, игрищами. сборищами. кругами и праздниками.*

Въ г. Пинегѣ богомолье бываетъ въ первое воскресенье *Петрова поста.* Въ тотъ день бываетъ торжественное хожденіе съ хоругвями и иконами.

Праздники эти празднуются, какъ мы еще ранѣе замѣтили, по установленному издавна порядку въ окольныхъ мѣстностяхъ. Въ другихъ деревняхъ они приведены въ дни ихъ храмовыхъ праздниковъ.

На праздники эти съѣзжаются пировать мужики, бабы и дѣвки изъ очень дальнихъ деревень. Такъ напр. въ городъ пріѣзжаютъ на гулянье и въ гости изъ Кулоя (за 55 в.) изъ Немнѣги (за 70 в.) Такая отдаленность здѣсь не составляетъ для туземцевъ большаго затрудненія.

Праздники эти отличаются трехдневною гулянкою. Тогда, сверхъ обыкновеннаго угощенія, гостей кормятъ: завтраками, обѣдами, паужинами и ужинами.

Вообще же въ лѣтніе праздники народъ, особенно молодежь, высыпаетъ на улицу толпами.

Въ богомолья, или просто въ лѣтніе праздники, дѣвушки (съ 16 лѣтъ) *водятъ круги*, т. е. *хороводы* (по туземному *каравады*), и играютъ въ другія игры.

Вообще увеселенія начинаются *и послѣ* молитво-приношенія. Такъ: кругъ водится послѣ полудня перваго праздника. Въ остальное время трехдневнаго праздника, дѣвушки съ мущинами играютъ въ пары и столбами; въ первый день съ 8 час. вечера и до 4 утра, а въ другіе дни какъ отъ обѣда до паужны, такъ и съ вечера до утра.

Кругъ. Мѣсто, гдѣ играютъ на улицахъ лѣтомъ и водятъ круги, перемѣняется съ каждымъ праздникомъ, хотя бы деревня съ деревнею находилась бокъ о бокъ.

Въ теплую погоду собираются болѣе на холмахъ или на ровныхъ лугахъ, а въ дождливую собираются въ гумны. Обычай водить дѣвушками кругъ есть ни что иное, какъ выставка живыхъ вещей изъ сельскихъ произведеній на показъ публикѣ.

Кругъ водится ширинкою на самомъ незначительномъ пространствѣ, потому что огромное стеченіе зрителей мало по малу стѣсняетъ и заполоняетъ дѣвушекъ вокругъ въ нешироное мѣсто, такъ что едва только можно поворачиваться ходящимъ. Только энергическая баба или пьяный мужикъ иногда пособляютъ давать свободу кругу.

Во главѣ, вождемъ круга стоитъ дѣвушка, извѣстная своею непорочностію и богатствомъ родителей. Но и на это право установлены свои дѣвичьи правила; наприм: когда богомолье бываетъ въ городѣ, тутъ передовою дѣвушкою бываетъ не изъ городскихъ, а изъ какой нибудь деревни (напр. изъ Вонги), по преимуществу; горожанка же бываетъ первою въ деревнѣ (напр. въ Цимолѣ) и т. п.

Разставливаніе въ кругу дѣвушекъ, по степенямъ ихъ значенія и репутаціи, зависитъ отъ самихъ круговодницъ потому, что всякая знаетъ свою степень знатности, степень преимуществъ другихъ передъ нею и славу про себя.—За вождемъ конечно слѣдуютъ и войска. Такъ и тутъ весь женскій полкъ выступаетъ одна за другою скромно и безмолвно, безъ пѣсенъ, на извѣстномъ разстояніи вокругъ, т. е. взадъ и впередъ. Извѣстно уже положеніе женщинъ среди народа, и потому нѣтъ надобности распространяться о томъ, что для видимой скромности губы бываютъ сжаты, глаза безъ движенія, члены неповоротливые, станъ недвижимъ, поступь—льстиво рабская.... По приближеніи времени къ паужны круговодницы уходятъ въ домы, а съ уходомъ ихъ удаляется и любопытный народъ, остаются только нѣкоторые мужики и парни. Съ окончаніемъ круга—мущины борются, а у замужнихъ бабъ заводится трактація о дѣвушкахъ; тутъ то и сплетни. Пошлыя сплетни, какъ и вездѣ, отъ нечего въ деревняхъ дѣлать — суть главная забава народа при встрѣчѣ и въ бесѣдѣ.

Извѣстно уже, что въ томъ обществѣ, гдѣ каждый знаетъ всѣ подробности жизни другаго, самыя незначительныя повидимому слова получаютъ большое значеніе.

Борьба. Мущины остаются послѣ круга для борьбы.

Забава у крестьянскихъ геркулесовъ состоитъ въ борьбѣ—*съ носка*.—

Борьба есть проба силы: два человѣка схватываются однѣми руками другъ за дружку, а другими за шиворотъ (за воротники верхней одежды), заносятъ назадъ ноги, барахтаются и расходятся. Но, почти всегда, тутъ же бываютъ и кулачные бои, оканчивающіеся тѣмъ, что у кого нибудь бываетъ *разбитъ въ кровь носъ*. у другаго подѣланы *подглазницы* или *подглазные фонари*, у третьяго разорвана хорошая бекешка, рубашка, выдраны волосы, нанесены увѣчья и т. п. послѣдствія.

Игра столбами. Игра эта проста и походитъ на игру въ *горьлки*.

Становится въ обширный обозначенный кругъ человѣкъ двадцать парней и дѣвушекъ, которые расходятся по парамъ, одна отъ другой въ нѣкоторомъ разстояніи. Потомъ изъ каждой пары по очереди, выбѣгаетъ одинъ человѣкъ въ сторону по солнцу, приставая къ другой парѣ т. е. къ другому столбу, такъ чтобы безъ пропуска стать на свое мѣсто. Между тѣмъ, въ кругу бѣгаетъ парельщикъ, стараясь стать ранѣе кого нибудь на праздное мѣсто, т. е. къ тому столбу, который представляетъ одинъ только человѣкъ, за уходомъ другаго къ слѣдующему столбу и по неявкѣ новаго изъ предъидущаго столба. Если онъ успѣетъ занять чужое мѣсто, то и останется на немъ игрокомъ; неуспѣвшій же завладѣть тѣмъ мѣстомъ отправляется исполнять обязанность парельщика. При этой игрѣ поются пѣсни.

Игра въ пары. Состоитъ изъ очень простаго обыкновенія.

Дѣвица беретъ молодаго парня и становится на ряду съ нимъ, на удобномъ мѣстѣ, захватившись за его руку или за выкинутый имъ собственно для того платокъ; беретъ также и другая дѣвушка, другаго парня, третья, четвертая и т. д. и всѣ становятся въ парную ширинку.

Между тѣмъ, одинъ мущина съ названіемъ *парельщика*, становится поодаль глазами противъ нихъ, иногда съ свитымъ платкомъ.

Устроившись такимъ образомъ, первая пара изъ строя, т. е. первая молодежь и дѣвушки выходятъ, и разцѣпившись, разбѣгаются по разнымъ направленіямъ. Тогда то стараются быть по прежнему парою, но лишній мущина въ туже пору препятствуютъ этому, бѣгая и стараясь поймать дѣвушку.

Если дѣвушку рабилъ (поймалъ, догналъ, дотронулся) тотъ мужчина, который стоялъ съ ней парою ранѣе,—то они снова становятся въ строй, только не напередъ прочихъ уже, а назади ихъ.

Если же урабитъ дѣвушку парень-парельщикъ, то уже этотъ и становится съ нею парою, а обзѣвавшійся идетъ париться.

Затѣмъ, съ такимъ же обыкновеніемъ выходитъ другая пара по порядку, третья и проч., пока не прекратится игра, т. е. не перестанутъ играть этою игрою.

Если молодцевъ бываетъ въ игрѣ мало противъ дѣвушекъ, то ихъ въ парахъ и парельщикахъ замѣняютъ наличныя дѣвушки.

Сверхъ храмовыхъ и нехрамовыхъ праздниковъ, въ селеніяхъ Пинежскаго уѣзда празднуются такъ называемые *кануны*.

Они празднуются въ переходное время. Такъ: 21 іюня въ Соялѣ; 24 іюня въ Чушелѣ; 24 іюня въ Гбачѣ; 29 іюня въ Вонгѣ; 9 іюля въ Цимолѣ; 10 іюля въ Великомъ; 19 іюля въ Кулогорахъ; 20 іюля на Оленаевѣ.

Кануны посвящаются болѣе угодникамъ Божіимъ: Николаю чудотворцу, великомученику Георгію, Иліѣ пророку, Іоанну Предтечи, Флору и Лавру и проч.

Празднованіе канунovъ въ деревняхъ установлено съ давнихъ временъ по обѣтамъ, даннымъ предками въ бѣдственныя у нихъ времена и въ память чрезвычайныхъ случаевъ или происшествій: мора людей, падежа скота, необыкновеннаго нашествія медвѣдей, волковъ или другихъ хищныхъ звѣрей, ужасныхъ пожаровъ, гибельныхъ ураганovъ, совершеннаго побитія хлѣбovъ и др. Но во многихъ деревняхъ забыты преданія въ память чего празднуются ими кануны.

Въ дни канунovъ носятся изъ приходскихъ церквей въ празднующія деревни хоругви и иконы. Тогда дома, поля, пожни и скотъ окропляются св. водою.

Кануны импровизируются не всегда каждымъ домохозяиномъ въ деревнѣ особо, а цѣлою общиною деревни въ чьемъ-либо домѣ.

Это бываетъ поочередно, или и не по очереди, а съ добраго согласія крестьянина, который можетъ имѣть средства. Въ такой домъ приносятъ изъ всей деревни матеріалы и изъ складчины этой варится довольно пива.

Составивъ братчину, пиво изъ *братынь*, а вино изъ рюмокъ и *оловянниковъ* (стакановъ) въ канунъ же распивается въ томъ домѣ.

Въ этомъ участвуютъ только старые и пожилые мущины и женщины. Люди эти, угостившись вдоволь, захватившись рука за руку выходятъ на улицу, шляются мимо домovъ до вечера и напѣваютъ монотонныя, заунывныя, русскія пѣсни; разумѣется, охмѣлѣвшіе шатаются то въ ту, то въ другую сторону.

18 іюля. День Фролу и Лавру, называется *конным праздникомъ*. Въ этотъ день не работаютъ на лошадяхъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ празднуютъ по обыкновенію.

20 іюля. Ильинъ день. Въ этотъ день бываетъ торжественное хожденіе со крестами по нивамъ и лугамъ.

1 августа. Спасовъ день. Бываетъ крестный ходъ на Іорданъ.

Въ этотъ день купаютъ въ рѣкахъ лошадей и особенно водятъ ихъ къ рѣкамъ на пойло.

8 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. День этотъ замѣчается сроками работниковъ, нанимающихся съ *Прокопьева дня*.

1 октября. Покровъ (Пресвятой Богородицы). Въ этотъ день кончается срокъ работницамъ.

Около Покрова покрываются иногда льдомъ рѣки. Тогда перевозчики въ деревняхъ ходятъ поздравлять народъ со льдомъ.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы бываетъ необыкновенное стеченіе дѣвушекъ къ слушанію литургіи. Въ моленіи онѣ произносятъ особую молитву: *Пресвятая Богородица! покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подватыльникомъ.* Объ этомъ же молятся на сей день *всю ноченьку на пролетъ*!

Съ Покрова начинаются *вечеринки*.

Вечеринки называются *вечереньками* и *пирищами* (сходбищами).

Они устраиваются въ зимніе вечера, въ межговѣнья (не посты) съ Покрова до Филиппова поста и съ Рождества до Великаго поста. Собираются въ домахъ, принадлежащихъ одинокимъ старухамъ, или бѣднымъ поселянамъ за нѣкоторую плату. У зажиточныхъ въ домахъ не дозволяется *собирать вечеринокъ* потому, что допустить это—значитъ впустить въ домъ нечистую силу на три года (62-я примѣт. Селиверст.).

Вечеринки бываютъ въ дни: понедѣльникъ (если только бываетъ праздникъ), вторникъ, среду (въ праздникъ) и въ воскресенье.

Вечеринки собираютъ по большей части молодыя ребята, дѣлая на уплату денегъ за наемъ квартиры и за нѣсколько свѣчь *складчину*, т. е. сборъ на расходы, но иногда собираетъ на свой счетъ молодецъ.

Чтобы пришли на вечеринки дѣвушки, посылаются съ приглашеніями малыя ребята зазывать или заколачивать (оглашать). Молодцевъ не заколачиваютъ: они должны, какъ говорится имъ, *сами знать по духу*.

Сходятся на такой сельскій вечеръ около 6-ти часовъ по полудни, а расходятся въ 12, въ часъ, въ два, и три часа по полуночи.

Свѣчи становятся на грядки въ видѣ люстръ.

Игра парами на вечеринкахъ. На вечеринкахъ поютъ и ходятъ парами. Дѣвушка приглашаетъ въ первыхъ. Она приглашаетъ молодца знаками, указывая на него рукою или платкомъ; впрочемъ *зовутъ* (предлагаютъ) и словами, называя кавалера по имени и отчеству.

Игра въ сосѣди. На вечеринкахъ играютъ еще сосѣдями. Въ эту игру играютъ *или* особенно или же и въ ту пору, какъ играютъ въ короли (будетъ послѣ сказано). Всѣ сидятъ по лавкамъ; только одинъ, или одна ходитъ по полу. Этотъ спрашиваетъ по порядку каждаго сидящаго: *любъ-ли сосѣдъ*, или *люба-ли сосѣдка?* Если кто либо можетъ сказать: *нелюбъ*, или *нелюба*, продолжаетъ вопрошать: *кто по нраву?* По указанію отвѣчающаго, спрашивающій призываетъ садиться подлѣ желавшаго. Самъ парельщикъ садится на мѣсто отозваннаго, а отозванный заступаетъ мѣсто парельщика.

«О вечеринныхъ пѣсняхъ и обыкновеніяхъ, была приготовлена статья Г. Силиверстовымъ; по этому я мало собиралъ свѣдѣній о нихъ. Такъ какъ статья его не вышла изъ печати, то можно обратиться прямо къ нему. На сколько я знаю, прибавляетъ г. Ивановъ, Г. Силиверстовъ, старательно собиралъ полныя свѣдѣнія».

Впрочемъ, мы помѣщаемъ слѣдующую пѣсню:

У воротъ, у воротъ,
Да воротъ у батюшкиныхъ,
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Воротъ батюшкиныхъ,
Да воротъ матушкиныхъ,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть украдуся,
Да нагуляюся,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
А что струна-то говоритъ,
Да мнѣ жениться велитъ,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Мнѣ жениться, раззориться,
Да стару вдовушку взять,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Стару вдовушку взять,
Да на печи въ углу держать,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
На печи въ углу держать,
Да киселемъ ее поить,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть во корень раззорюсь,
Да на вдовушкѣ не женюсь,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай;
Хоть въ растяжку повалюсь,
Да на вдовушкѣ не женюсь,—
Дунай мой Дунай, веселый Дунай.

(Конца этой пѣсни нѣтъ оттого, что я слышалъ ее только одинъ разъ и безъ окончанія).

Игра веревочкою. На вечеринкахъ не всегда играютъ ходя только парами и сосѣдями, а водятъ веревочку.

Гуляя веревочкою—ходятъ круто, взявшись рука за руку каждый играющій по порядку; тутъ ходятъ всѣ,

а не нѣкоторыя. Кругъ этотъ водится хитростными извилинами. Поводя его, первые постепенно отстаютъ отъ веревочки и садятся. Но когда такъ отцѣпится много, тогда берутся въ игру снова сидящіе, хотя бы они уже прошлись нѣсколько разъ.

Веревочка иногда составляется столь огромная, что бываетъ играющимъ тѣсно въ избѣ, и потому если нѣтъ другой комнаты въ смежности съ избой, толпа тянется въ сѣни, изъ сѣней въ избу, изъ избы въ сѣни и т. д.

Пѣсни при этой игрѣ поются вечериночныя обыкновенныя; но есть и особая на тотъ случай пѣсня:

Ужъ я улчкомъ шла,
Да переулчкомъ шла,
Клубокъ ниточекъ нашла,—
А клубокъ катится,
Да нитка тянется,
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Нитка долѣ, долѣ, долѣ,
А я за ниточку взялась;
Моя нитка сорвалась.

При послѣднихъ словахъ отцѣпляются по одиночкѣ.

Еще играютъ иначе. Куча собравшихся молодцевъ и дѣвушекъ раздѣляется на двѣ стороны; на каждой сторонѣ бываетъ по ровну человѣкъ; всѣ они, каждый въ своей партіи, цѣпляются цѣпью рука подъ руку. За тѣмъ сторона къ сторонѣ попеременно подходитъ, кланяясь, и поетъ пѣсню:

1-я сторона идетъ къ другой, которая стоитъ въ ожидательномъ положеніи.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой ди *) младо, сѣяли, сѣяли,

Сказавъ, 1-я сторона ретируется обратно вспять.

2-я сторона подходитъ къ 1-й, которая стоитъ въ строю, выслушивая:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой ди младо, вытопчемъ, вытопчемъ,

Сказавъ, 2-я сторона уходитъ на свое мѣсто.

1 со 2-й Да чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой ди младо, вытоптать, вытоптать?
2—1. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой ди младо, выпустимъ, выпустимъ,
1—2. А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой ди младо, переймемъ, переймемъ,
2—1. Да чѣмъ же вамъ перенять, перенять,
Ой ди младо, перенять, перенять?
1—2. А шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой ди младо, поводомъ, поводомъ.
2—1. А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой ди младо, выкупимъ, выкупимъ.
1—2. Да чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой ди младо, выкупить, выкупить?
2—1. А мы дадимъ сто рублевъ, сто рублевъ,
Ой ди младо, сто рублевъ, сто рублевъ.
1—2. А намъ не надо тысячи, тысячи,—
Ой ди младо, тысячи, тысячи.
2—1. А мы дадимъ молодца, молодца,
Ой ди младо, молодца, молодца.
1—2. А намъ не надобно молодца, молодца,
Ой ди младо, молодца, молодца.
2—1. Да что же вамъ надоть-то, надоть-то,
Ой ди младо, надоть-то, надоть-то?
1—2. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой ди младо, дѣвицу, дѣвицу.—
2—1. Объ этомъ и слова нѣтъ, слова нѣтъ,
Ой ди младо, слова нѣтъ, слова нѣтъ.

(Между этимъ уходитъ дѣвица отданная, а иногда и не одна, т. е. сколько просятъ).

1—2. А мы скакали, скакали,
Ой ди младо, скакали, скакали;
2—1. А о чемъ же вы скакали, скакали,
Ой ди младо, скакали, скакали?
1—2. А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой ди младо, прибыло, прибыло.
2—1. А мы плакали, плакали,—
Ой ди младо, плакали, плакали.
1—2. А о чемъ же вы плакали, плакали,
Ой ди младо, плакали, плакали?
2—1. А нашего полку убыло, убыло,
Ой ди младо, убыло, убыло.

По окончаніи такой сценической комедіи должно быть древняго творенія, молодцы выбираютъ дѣвушекъ для паръ и всѣ кружатся то въ ту, то въ другую сторону; но танцы эти бываютъ не всегда. Порядокъ и конецъ много однообразенъ съ игрой при пѣсни: *холуй*. Если еще такая игра продолжается, то сѣтъ и даетъ выкупъ прежняя 2-я сторона, и получаетъ 1-я.

Бесѣды. Бесѣды собираются въ домахъ въ тоже зимнее время, когда бываютъ вечеринки. Бесѣды или дневныя вечеринки собираются тогда, когда нельзя играть на вечеринкахъ по вечерамъ; такъ напримѣръ: случись въ пятницу праздникъ, въ пятницу бываетъ вечерняя вечеринка, въ субботу—дневная, а въ воскресенье—опять вечеромъ. Игры и пѣсни въ дневныя вечеринки тѣ же, какія и на вечеринкахъ по вечерамъ.

28 Октября. День св. Параскевы нареченной пятницею. Въ день этотъ, какъ и въ Покровъ Пресвятыя Богородицы, собирается въ церковь къ литургіи много дѣвушекъ.

*) Должно быть, испорченныя слова: Дидъ и Ладо, языческіе боги.

Св. Великомученицѣ Параскевѣ посвященъ предѣлъ церкви Валдоскурскаго прихода; тамъ бываетъ большое стеченіе народа въ престольный праздникъ. Любопытнаго немедленно поразитъ удивленіемъ скопище въ церкви дѣвицъ. Дѣвушки молятся между прочимъ: *Св. Параскевея, пошли жениха поскорье*, или: *Пятница-Параскевея! пошли женихи поскорье.*

Въ продолженіе Филиппова поста, съ 15 ноября по 25 декабря чуть не каждый день бываютъ: *посидки*, такъ называются *супрядки* или *посидѣлки*.

Посидки бываютъ въ каждой деревнѣ особо. Тутъ дѣвушки, а бываетъ что и замужнія женщины, сходятся съ работою вѣроятно для веселья, кто прясть, кто шить, кто вязать; но и молодцы къ нимъ приходятъ. На посидкахъ не бываетъ тѣхъ увеселеній, какими сопровождаются вечеринки въ межговѣнья. На нихъ уже не играютъ и не поютъ вечериночныхъ пѣсенъ. Дѣвушки тутъ бываютъ заняты работою, а молодцы, пошучивая между прочимъ съ ними, ведутъ *промежду собой заговоры о равныхъ равностяхъ*, разсказываютъ сказки, тянутся палкою, выводятъ петлю изъ ножницъ и проч.

Г. Силиверстовъ вообще собираетъ всякія народныя пѣсни и вѣроятно написалъ и обыкновенія, я же бывалъ на посидкахъ мало.

Но однако-жъ изъ-за работы дѣвушки и парни играютъ *въ короли*.

На студья, или на неподвижныя скамейки, садятся въ кружокъ, сколько бы захотѣло поиграть молодцевъ и дѣвушекъ, придвинувшись другъ къ дружкѣ.—Который или которая нибудь во первыхъ кладетъ свою правую руку на свое или чужое колѣно. За ней, или за нимъ, кладетъ свою руку другой, или другая на верхъ, и за ними и всѣ прочія, все на верхъ, выше и выше. Наконецъ, когда сладутъ свои ладони рука на руку всѣ участвующіе въ этой забавѣ, нижняя рука должна выбраться изъ подъ низа и полагается наверхъ. Затѣмъ, также, выходитъ наверхъ другая, третья и выбираются такъ вся колода рукъ.

При этомъ считается: перва, друга и т. д. до числа десяти; при выговорѣ же 10 и при перемѣнѣ десятой руки, выговоръ смѣняется счетомъ: нижня, задня, верхня, краля, король. При послѣднемъ словѣ тотъ или та признается за короля, а остальныя получаютъ приказанія его, что либо дѣлать. Такъ наприм. парню прогуляться нѣсколько разъ по полу взадъ и впередъ съ назначенною дѣвушкою; другому король велитъ поцѣловать такую-то дѣвушку; иной приказываетъ подрать за ухо или за волосы какого нибудь молодца; или: молодцу велитъ поклониться къ ногамъ дѣвушки и т. п.

Разумѣется, потѣшныя выдумки ложнаго короля исполняются въ точности, иначе виновный въ ослушаніи отрѣшается отъ компаніонства. Мнѣ случилось видѣть такія выходки въ приказаніяхъ, какъ напримѣръ: королева говорила другой рабѣ—достать нупомъ потолокъ; король приказывалъ одному парню привезти сорокъ-сороковъ воды, и исполнитель по этому дѣлалъ скрипъ телѣги подъ тяжестію бочки съ водою своимъ лбомъ, по неровной бревенчатой стѣнѣ избы, сорокъ разъ; или: королева секретно приказывала спросить (у такого-то) не любитъ ли онъ (такую-то?)

При перемѣнѣ складочныхъ рукъ существуетъ такое обычное правило, что если человѣкъ, чья рука получила призъ короля, тою же рукою прихлопнетъ прочія руки, т. е. уже въ излишкѣ положитъ ее въ кучу, то въ ту же минуту лишается полученнаго званія, а имъ пользуется слѣдующій.

Когда желающихъ потѣшаться игрою въ короли бываетъ мало, то въ такомъ случаѣ изъ состязателей на верховное величество употребляютъ каждый обѣ свои руки въ кучу другихъ.

Но когда желающихъ бываетъ много, тогда игра въ короли разводится на нѣсколько особняковъ.

Исполненіе этой игры существуетъ впрочемъ иногда и на вечеринкахъ между тѣми, которыя не водятъ паръ.

Вмѣсто пѣсенъ, на супрядкахъ припѣваются стихосплетенія тутъ же посидѣлокъ; каждая изъ нихъ представляетъ свое двустишіе.

Собраніе такихъ стишковъ есть немалое счастіе этнографу. Они ясно показываютъ то, какъ думаютъ одни о другихъ и какіе, по ихъ разумѣнію, нужно принимать мѣры съ порочными, строптивыми уродинами. Одинъ изъ такихъ стиховъ мы сообщаемъ здѣсь.

Стихъ.	Объясненіе.
Ивану коромысло, Жена его не корыстна.	Назначается такой бабѣ только носить лохани къ скоту и обряжаться съ нимъ.
Александру палка, Жена его бахвалка.	Указывается мѣра: за бахвальныя слова бить и колотить.
Прокопью плеть, Жена его блѣдь.	Изъ пѣсни слова не выбросишь, говорится къ тому, что прибрать покрѣпче къ рукамъ невѣрную союзу.
Кузьмы-то ларь, Жонка враль.	Забывать все, что жена вретъ мужу.
Алексѣю-то мушка, Жена его чернушка.	Обращаться снисходительно, какъ съ существомъ небольшимъ.

Михаилу безъ ушка, Жена его навязушка.	Упрекъ мужу, что онъ не слышитъ и не знаетъ о развратномъ поведеніи жены.
Митрею туасъ, Жена его урасъ.	Урасъ значитъ упрямство со вспыльчивостію или капризъ. Велится взять туасъ холодной воды и обмыть его.
Затею хлѣвецъ, Онъ ходитъ вдовецъ.	Тутъ уже понятно безъ объясненія.
Меркурью-то дорога, Жена его черноногa.	Насмѣшка надъ неряшествомъ. Говорится мужу сдѣлать для жены дорогу, чтобы она непачкала свои ноги.
Матюшкѣ борона, Жена его мудрена.	Изъясненіе, что съ благоразуміемъ жены отлично повелось хозяйство.
Семену-то доска, Жена его баска.	Срисовать портретъ красавицы и любоваться имъ.
Федору лопата, Жонка горбата.	Совѣтуютъ быть женѣ за печью, гдѣ лопаты и проч. или очищать лопатою грязь въ хлѣву.
Евдокиму осока, Жонка предъ нимъ высока.	Сравненіе: если мужъ зайдетъ въ осоку, то жена не увидитъ его.
Ефрему три пилы, Жена до пилы.	Даютъ совѣтъ употребить жену въ пилованье, потому что ей не нужно сгибаться.
Григорью-то колодка, Жена такъ молодка.	Желаютъ ему такихъ же хорошихъ дѣточекъ, какъ хороша жена.
Трофиму-то два куба, Жена толстогуба.	Отнять губы и въ каждый кубъ положить по одной; думаютъ, что изъ нихъ наварится много щей.
Василью панюжало, Жена убѣжала: Алексѣю-то дуга, Жена его слуга.	Наказать еще, чтобъ не убѣгала болѣе. Т. е такая добрая и послушная, что запрягай ее мужъ въ сани и она будетъ таскать.
Дорофею хрѣнъ, Жонка его дрень.	Указывается средство вывести жену изъ неповоротливости въ живость.
Никифору ремень, Жена его лѣнь.	Понуждать къ трудамъ пословица: лѣнь за ремень.
Ермину краюха, Жена толстобрюха.	Говорится объ обжорствѣ жены. *)
Ефиму топорище Жена ворища. И проч. к проч.	Болѣе ничего уже не дѣлать, хоть отправить на тотъ свѣтъ.

6 декабря. Никола-зимній. Около этого времени бываетъ въ г. Пинегѣ Никольская ярмарка. На ней закупаются *обковы*, чтобы прибаситься о великомъ праздникѣ Р. Х. Болѣе всего на этотъ счетъ претензій у женщинъ.

Съ ярмарочнаго времени женщины бываютъ заняты шитьемъ. За четыре или за три дня до Рождества начинается уже обыкновенный домашній обиходъ.

25 декабря. Рождество Христово. Къ Рождеству: 1) стряпаются изъ ржанаго тѣста хозули (козули); изображаютъ овецъ съ рогами и безъ роговъ, коровъ, оленей съ вѣтвистыми рогами, 2) болванятъ изъ тѣста уточки въ видѣ куръ, 3) стряпаютъ, или покупаютъ крупичатые витушки и денежные калачики; тѣ и другіе формою похожи на человѣческій пупъ. Въ народѣ водится прибаутка, должно быть перечетъ забытаго порядка празднованія: *Рождество на Матигорахъ* (*въ Холмогорскомъ уѣздѣ*) *Рождество на Пильегорахъ*, *Рождество на Марьегорахъ*, *Рождество на Шетогорахъ*, *Рождество на Кулогорахъ*.

Канунъ перваго дня праздника Р. Х. называется *сочельникомъ* 24 декабря, тогда многіе не вкушаютъ ни хлѣба, ни соли до *вечерней звѣзды*. Должно быть это соблюдается въ память звѣзды, явившейся волхвамъ, по которой они нашли лежащаго въ Виѳлеемскихъ ясляхъ Іисуса Христа.

По какому-то предубѣжденію слушать Божественную службу во время утрени о Р. Х. не ходятъ дѣвушки. Въ три дня, посвящаемые празднеству, на церковныхъ колокольняхъ звонятъ въ колокола.

Въ Рождество Христово священники ходятъ по домамъ съ освященною водою. Въ праздникъ этотъ у жителей есть обыкновеніе дарить работниковъ и работницъ платками, или ситцами на рубашки и на платья. Работницъ дарятъ еще при отелѣ коровъ.

Нѣкоторые полученныхъ козуль не ѣдятъ отъ *Рождества до Рождества*. На другой годъ, въ первый день Рождества, ихъ съѣдаютъ *наголодно*, какъ бы просфоры.

Какъ въ первый, такъ и въ слѣдующіе дни Рождества Христова до *Новаго года славятъ Рождество*. Славить Рождество было въ обычаѣ еще въ XVII вѣкѣ. Петръ 1-й самъ ѣздилъ *славить Христа*. *Славленье* онъ обратилъ въ лицедѣйство для осмѣянія обычаевъ

*) Вообще въ крестьянскомъ быту считается, и въ дѣвическомъ состояніи особенно, нехорошимъ ѣсть столько, сколько требуетъ желудокъ по аппетиту.

старины. *Славить* Рождество ходятъ изъ дома въ домъ мальчики и дѣвочки богатыхъ и бѣдныхъ родителей. Они такъ бываютъ рады этому празднику, что еще до отхода утрени толпами и съ мѣшочками въ рукахъ бросаются подъ окна домовъ съ своимъ *лекочёмъ;* послѣ же литургіи *христославцы* славятъ *не по подоконьямъ*, а въ домахъ или сѣняхъ. Славятъ Рождество или просто безо всего, или со звѣздою. Если ходятъ безъ звѣзды, то поютъ: «*Рождество Твое Христе Боже нашъ*» и «*Дѣва днесь*». По окончаніи этихъ церковныхъ пѣсенъ прибавляется прибаутка: «*хозяина съ хозяюшкой съ праздникомъ, — рюмку вина, да пива стаканъ,*» или «*господину нашему да пріятелю, да подателю, да подай ему Господь-Богъ много лѣтъ на здравье со всѣмъ благодатнымъ домомъ, — будь же здоровъ, вамъ многа лѣта*». Когда все это перечитывается круто и въ хорѣ ребятишками, нѣтъ возможности разобрать, что такое они поютъ, потому что все сливается въ одну общую дисгармонію.

Звѣзда дѣлается изъ палокъ, бумаги и слюды. Въ срединѣ бываетъ склеенный изъ бумаги кругъ, въ которомъ бываютъ и зажигаются восковыя свѣчи. Отъ круга протянуты по тонкимъ палкамъ *рожки* (лучи). Для украшенія звѣзда оклеивается цвѣтами разновидною бумагою, и даже отъ конфетъ. Звѣзда прикрѣпляется къ большой палкѣ, такъ что она прикасается пола, на которой обращается около освѣщеннаго круга, отъ движенія руками, дѣлаетъ безпрестанные обороты, за которыми освѣщаются пустые внутри изъ бумаги рожки, и представленіе выходитъ привлекательное. Со звѣздою христославцы поютъ хоромъ рождественскіе гимны: «*Рождество Твое*» «*Дѣва днесь*» и странно риемованную прозу: «РАЧЕЯ,» вотъ она:

«Изыде звѣзда отъ Іакова, свѣтъ возсія отъ Израиля, — Дѣва Бога раждаетъ, ангели удивляются, Персидстіи цари дари приносятъ, избранному младенцу поклоняются; — онъ съ небесъ сходитъ, небесныхъ возводитъ — возрадуемся! Народился нашъ Спаситель, всему міру искупитель, пойте, воспойте лики во вѣки, торжествуйте, ликоствуйте, возликуйте, воспѣвайте, возыграйте!»

«Пророки предъувѣданы суще клятвы; во вселенной днесь, прежде вѣкъ, се Богъ-человѣкъ воплотися, родися, во плоти явися и во ясляхъ сповися. Звѣзда глянетъ отъ востока на рожденнаго пророка, — тріе цари преблагіе дари во смиренному даютъ, цѣлы пребогато. Отецъ будущаго вѣка, пришелъ спасти человѣка, — днесь прежде вѣкъ, сей Богъ-человѣкъ, воплотися, родится, во плоти явися и въ ясляхъ сповися. Достойно есть удивленію и духовному веселію: нынѣ на небеси звѣзда явися, паче свѣтъ свѣта произвѣщаетъ, нашего Бога на землѣ проявляетъ, яко дождь на руну — тако да снидетъ смиренный Христосъ, на землю пріидетъ, днесь соП речистою Дѣвой Маріей, — родился яко младенецъ, пеленами сповиванъ, — горніи чини дивятся, земнороднії человѣцы о томъ веселятся; мы же випупѣ возрадуемся. — День Христова рожденія, весеаимся здѣсь, благодать вездѣ, Хвала Богу! печи наши полны. — На звѣзды ангелъ-пастырь возвѣстилъ нарожденнаго, Бога нашего, царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ, младенцевъ побилъ. Они бились и ругались, яко убійцы, злы разбойницы: кличутъ дѣтки, плачутъ матки, яко насмѣшницы; отъ персей ихъ отрывали; — волосы дерутъ, малыхъ не даютъ. Гласа въ небѣ испугались, сердечно кричали. Новая радость во всемъ мірѣ! намъ явися, Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи, въ вертепѣ родися; родился тамъ — ангели на небесѣхъ дивятся, дивятся; земнородни же человѣцы о томъ веселятся, веселятся, випупѣ радуются; мы же тако вопіемъ вѣрнымъ Отцомъ: — Слава въ вышнихъ Богу, мы же вопіемъ: торжествуйте, славу Богу дайте, воспѣвайте, возыграйте».

«Дай Богъ вамъ, господамъ, господиновымъ женамъ вообще-купно здравствовать. Вивать, вивать! многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта».

«Маленькій юночикъ, отъ Пречистой Дѣвы Маріи воспѣвочикъ... Былъ я во градѣ Виѳлеемѣ, видѣлъ я чудо великое: Ангели на небѣси возгремѣли; съ этого грому падъ на землю, не могъ я встати, по дорогѣ убѣжати. Вы, господа, подивитеся; златомъ, серебромъ, подѣлитеся. — Маленькій отрочекъ, Божій червячекъ, — книгъ я не знаю, читать не разумѣю; я не для того пришелъ, а Христа прославить, васъ проздравить, съ честнымъ вашимъ домомъ, благодатнымъ родомъ, съ всѣми дѣточками, голубяточками, какъ хозяинъ въ дому, да такъ Адамъ въ раю, а хозяйка въ дому, да какъ аладья на меду. Вивать! вивать! многая лѣта, многая лѣта, многая лѣта».

Со звѣздою ходятъ и днемъ, и по вечерамъ. Съ нею ходятъ человѣка по три и по четыре; но, если звѣзда очень замѣчательна по своей величинѣ, устройству и много въ ней слюды, то къ ней причисляется человѣкъ до десяти взрослыхъ парней.

Выславленное партіи христославцевъ дѣлятъ между собою уравнительно, давая пай дѣлежа болѣе тѣмъ, кто дѣлалъ звѣзду, кто доставлялъ на постройку ея матеріалы, кто носилъ ее въ славленьи, кто былъ мѣхоношей, т. е. *казначеемъ*, или завѣдывающимъ общею кальгою и кто былъ лучшимъ запѣвалою.

Христославцамъ подаютъ христославное: ржаныя казули, крупчатые и ржаные калачи, витушки и пряники, а также: всякія шаньги, муку и деньги. Бываетъ, что одна партія со звѣздою насбираетъ въ день денегъ до 4-хъ руб. сер.

Славить по домамъ ходятъ еще старики и старухи. Кромѣ церковныхъ пѣсенъ, они поютъ стихъ:

«ВИНОГРАДЬИ».

Какъ у свѣта у Михаила Архангела
На правомъ крилосѣ
Передъ чудными святыми передъ образами
Горятъ свѣщи воску яровыя,
Тутъ стоитъ богомолецъ
Со слезами Богу молится,
И этому молодцу дивовались господа,
Кто его молодца на свѣтъ породилъ,
Кто его молодца споилъ и вскормилъ,
Кто этому молодцу голову чесалъ,
Кто ему кудри завивалъ,
На первый рядъ чистымъ серебромъ,
На второй рядъ краснымъ золотомъ,
А на третій рядъ скатнымъ жемчугомъ.
Не утренняя-ли заря породила молодца?
Не красное-ли солнышко вспоило, вскормило?
Не ясный-ли мѣсяцъ вылелѣялъ его?
Не часты-ли звѣзды, кудри завивали?
Не вечерняя-ли заря пріукрасила его?
Вышелъ молодецъ на улицу гулять,
Дивовались его красотѣ господа и крестьяне,
Отвѣчаетъ добрый молодецъ:
Глупы вы крестьяне, а неразумны господа!
На свѣтъ породила меня матушка,
Воспоилъ и вскормилъ родной батюшка,
Голову чесала красна-дѣвица,
Красна дѣвица родна сестра,
На первый рядъ завивала кудри родна сестра,
На первый рядъ завивала чистымъ серебромъ,
На второй рядъ краснымъ золотомъ,
На третій рядъ скатнымъ жемчугомъ,
А платья заводилъ самъ на себя.

—

По морю, морю Синему, по Хвалынскому,
Выходило, выплывало 30-ть черныхъ кораблей съ одними кораблемъ.
Какъ одинъ же корабль напередъ выходилъ,
Напередъ забѣгалъ, какъ соколъ леталъ,
Отъ хоботы бросаетъ по змѣиному,
У корабля бока сведены по туриному,
Носъ да корма, по звѣриному,
Мѣсто же по каменну драгоцѣнному,
Мѣсто бровей у корабля по соболю по сибирскому,
На кораблѣ бесѣда пріукрашена,
Пріукрашена бесѣда ритымъ бархатомъ,
Приколочена бесѣда золотымъ звѣздьемъ,
Покрыта бесѣда чистымъ серебромъ,
Позолочена бесѣда краснымъ золотомъ,
Пріувѣшена бесѣда скатнымъ жемчугомъ.
На этой бесѣдѣ добръ удалъ молодецъ,
Добръ удалъ молодецъ, Петръ Савичъ,
Во правой рукѣ держалъ булатный ножъ,
Въ лѣвой держалъ кипарисъ деревцо,
Онъ стружечку строгалъ во синее море,
И уронилъ П. Сав. златъ перстень съ правой руки
Съ небольшаго пальчика мизинчика,
Закричалъ П. С. громкимъ голосомъ своимъ:
Есть ли при мнѣ слуги вѣрные мои?
Опускайте парусы полотнянные,
Берите якори булатные,
Опускайте въ сине-море,
Берите сходную дубовую,
Опускайте на желты пески,
Выходите по сходенкѣ на круту гору,
На круту гору, къ моему батюшкѣ въ высокъ теремъ,
Попросите у батюшки шелкова невода.
Не ослушались друзья, братья, товарищи его,
Опускали парусы полотнянные,
Брали якори булатные,
Опускали въ сине-море,
Брали сходенку дубовую,
Бросали сходенку на желты пески,
Выходили по сходенкѣ на круту гору
Къ его, моему батюшкѣ, N N въ высокъ теремъ,
Попросили у него шелкова невода,
Притянули неводъ къ синему морю.
Приказалъ П. С. закинуть тони рыбныя,
Первую закинулъ—нѣтъ ничего,
Другую закинулъ—и не выволокли,
А третью закинули и выловили три рыбицы златоперчатыя,
Перва рыбица въ пятьсотъ рублей,
Втора рыбица во тысячу,
А третья рыбица—цѣны ей нѣтъ.
Общѣнщики каменной Мосивы и въ славномъ Питерѣ,
А закупщики въ Архангельскомъ и славныхъ Холмогорахъ.
Перва рыбица батюшка,
Втора рыбица матушка,
Третья рыбица Петръ Савичъ
У Пѣлехова въ дому мовзкахъ,
Во высокомъ терему,
На имя молодецъ, П. С. соколъ.
Затѣмъ этому молодцу
На житье, на бытье и на богатство—
Полтораста коровъ и полтретья быковъ,
Они на пойву идутъ помыкиваютъ,
Съ пойвы идутъ поигрываютъ,

Дай Богъ господину Петру Савичу
На житье, на бытье и на богатство.

—

У Николы во соборѣ,
У Святителя Христова,—
Виноградье красно-зеленое.
Со слезами богомолецъ
Богу молится стоитъ,—
Виноградье красно-зеленое.
Въ три ряда кудри
Завивались на главѣ,—
Виноградье красно-зеленое.
Въ первый рядъ завивался
Чистымъ серебромъ,
Виноградье красно-зеленое.
Во второй рядъ завивался
Краснымъ золотомъ,—
Виноградье красно-зеленое.
Въ третій рядъ завивался
Скатнымъ жемчугомъ;—
Виноградье красно-зеленое.
По праву руку стоятъ друзья,
Братья, товарищи его,—
Виноградье красно-зеленое.
Друзья, братья
Товарищи его, дивовалися кудрями;—
Виноградье красно-зеленое.
Не утрення-ли заря
Спородила молодца?—
Виноградье красно-зеленое.
Не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ
Воспоилъ да воскормилъ?—
Виноградье красно-зеленое.
Не часты ли мелки звѣзды
Возлелѣютъ молодца?
Виноградье красно-зеленое.
Спроговоритъ, смолвитъ
Удалой молодецъ,—
Виноградье красно-зеленое.
Да еще имя-то
Прокопій Алексѣевичъ,
Виноградье красно-зеленое.
Когда же утрення заря
Спородитъ молодца?—
Виноградье красно-зеленое.
Когда же свѣтелъ мѣсяцъ
Воскормитъ да вспоитъ?—
Виноградье красно-зеленое.
Когда же мелки звѣзды
Взлелѣютъ молодца?—
Виноградье красно-зеленое.
Спородила молодца
Родна матушка,—
Виноградье красно-зеленое.
Воскормилъ да воспоилъ,
Родной батюшка;—
Виноградье красно-зеленое.
Возлелѣютъ молодца
Да родны сестрицы,—
Виноградье красно-зеленое.
Затѣмъ бы-те Прокопьюшко
Жениться здорово,—
Виноградье красно-зеленое.
Гдѣ бы ты задумалъ,
Тамъ невѣста тебѣ;—
Виноградье красно-зеленое.
Подай Богъ Прокопьюшкѣ,
На житье, на бытье, да на богатство;
Виноградье красно-зеленое.
Приданаго бы съ ней
Да пятьсотъ рублей;—
Виноградье красно-зеленое.
Злата-серебра
Хоть лопатами греби,—
Виноградье красно-зеленое.
Скаченаго жемчугу,
Хоть полмѣрами мѣрь;—
Виноградье красно-зеленое.
Затѣмъ бы те Прокопьюшко
Въ Божьей церкви сходить.—
Виноградье красно-зеленое.

(Конца нѣтъ и я не могъ нигдѣ найдти знающаго).

Сельскія *игры* бываютъ въ домахъ, на улицахъ и на лугахъ, въ присутствіи пожилыхъ и старыхъ людей. Старые люди обыкновенно ищутъ удовольствія въ покоѣ, любятъ вести серіозные разговоры и чтеніе св. книгъ; но по праздникамъ выходятъ на игрища и гулянья.

Женатые мужчины любятъ въ праздники кутнуть за всѣ рабочіе дни. Для этого они гостятся въ своей деревнѣ и ѣздятъ по праздникамъ въ другія деревни; между же собою водятъ разговоры болѣе про житейское. Замужнія женщины находятъ развлеченіе въ гостьбѣ и разговорахъ, также гостятся и поютъ пѣсни дома, въ кануны и на свадьбахъ. Кромѣ того въ посты ходятъ по сосѣдямъ съ работою, прялками и вязаньемъ. Дѣвушки играютъ и забавляются на сходкахъ, вечеринкахъ, бесѣдахъ, супрядкахъ, на лѣтнихъ гуляньяхъ, костюмируются, катаются съ горъ, качаются на качеляхъ, скачутъ на доскахъ, играютъ въ мячикъ, водятъ хороводы При этомъ распѣваютъ пѣсни.

Молодые парни препровождаютъ время зимою: игра-

ютъ въ скопахъ, на посидѣлкахъ, вечеринкахъ, бесѣдахъ, ѣздятъ на лошадяхъ въ бѣги, катаются съ ледяныхъ горъ и по льду на коньках, маскируются, играютъ въ карты и шашки (въ древности они назывались тавлеи); малолѣтнія дѣти играютъ зимою: изъ за бабы, шарикомъ (въ лунки), изъ за сухой трески, самоѣдами, катаются съ горъ, таскаются на саняхъ, играютъ въ кружала и жернова, славятъ Рождество, катаются на коникахъ, бьются яйцами. Лѣтомъ: въ бабки, орлянку, въ городки, изъ за попа, въ рюхи, въ мячикъ, прятки, бѣглыми, бѣгаютъ съ кружалами, взапуски, таскаются на тележкахъ, играютъ въ бабушки и куклы, пускаютъ бумажн, змѣйки, стрѣляютъ изъ самострѣловъ, строятъ конуры, удятъ рыбу, купаются. Сверхъ того врываются туда, гдѣ бываютъ увеселенія старшихъ.

На игры молодцы и дѣвушки стараются одѣться въ лучшее платье. Инструментальная музыка здѣсь не въ употребленіи, исключая гармоникъ, и танцы не въ обыкновеніи. О костюмированіи, славленьи Рождества, праздествахъ, канунахъ, хороводахъ, лѣтнихъ гуляньяхъ, катаньи съ горъ и играхъ: столбами, въ пары, на вечеринкахъ въ сосѣди, веревочкою, въ короли, и увеселеніяхъ на вечеринкахъ, бесѣдахъ и супрядкахъ—сказано уже при описаніи праздниковъ и обычаевъ при нихъ.

Теперь намъ предстоитъ сказать объ остальныхъ играхъ, о которыхъ мы могли составить себѣ понятіе.

Скопки. Скопкою называется собраніе играющихъ дѣвушекъ, а иногда и молодцовъ съ ними. Они бываютъ въ какомъ либо домѣ, гдѣ есть дѣвушка или нѣсколько, къ которымъ пріѣзжаютъ и приходятъ гости — дѣвушки. Опредѣленнаго времени скопкамъ не полагается, а собираются они случайно.

Обыкновенно дѣвушки на скопкѣ, между прочимъ препровожденіемъ времени, поютъ пѣсни, и играютъ въ короли, золото хоронятъ, въ жмурки, въ шепотки и въ хохлы.

Игра въ золото. Здѣсь она называется «золото хоронить,» (у чеховъ же золото: «въ золото и перстень» Руск. Вѣсти. XXXVII). Она очень не хитра, а именно: на лавкахъ, которыя дѣлаются всегда кругъ избы, усаживается наличное число молодцевъ и дѣвушекъ. Съ перваго ряда изъ нихъ выходитъ на середину избы два дѣйствующія лица. Одному завязываютъ глаза платкомъ и отводятъ къ порогу въ уголъ; другой же беретъ свое или чужое кольцо, и съ нимъ опуская свои руки въ платки, растянутые на колѣняхъ каждаго изъ сидящихъ и прикрытые руками, кладетъ между этимъ кольцо въ чей либо подолъ, такъ чтобы отгадывающій не могъ замѣтить кому оно отдано, иногда порядокъ этотъ исполняется два раза. Когда золото будетъ захоронено съ припѣвомъ: «ужъ я золото хороню, хороню,—чисто серебро берегу, берегу»,—«говорятъ парельщику (который въ углу). Онъ поворачивается лицомъ къ публикѣ, на угадъ сказываетъ, у кого въ колѣняхъ похоронено золото. Но иногда парельщику не завязываютъ глазъ платкомъ, а просто отводятъ къ углу, тогда онъ при словѣ *пора*, неговоря ни чего, подходитъ къ подозрѣваемому, гдѣ, по его мнѣнію, скрывается отыскиваемое и требуетъ выдачи его. Если онъ, или она такъ или сякъ не отгадаетъ мѣста спрятаннаго кольца, то выходитъ по порядку изъ сидящихъ другой, хоронящій золото, и прячетъ кольцо также, какъ оно было прятано въ первый разъ; такие точно прячутъ въ случаѣ неотгадыванія, всѣ прочіе. Но если парельщикъ истинно угадаетъ, у кого хранится золото, то тотъ или та, у кого хранилось кольцо, заступаетъ мѣсто парельщика; отгадавшій хоронить золото, а предмѣстникъ его садится на мѣсто поступившаго парельщика.

Игра въ имки (жмурки). Избираютъ парельщика и ему завязываютъ глаза платкомъ, такъ чтобы онъ не могъ видѣть ничего дѣлающагося. Потомъ завязаннаго берутъ съ той и съ другой стороны, обводятъ нѣсколько разъ кругомъ комнаты, или просто то туда, то сюда, такъ чтобы онъ забылся и остановился напр. у дверей, спрашиваютъ: гдѣ стоитъ? Онъ, разумѣется, закружившись соврет. За тѣмъ, похлопавъ по спинѣ парельщика, оставляютъ его, а всѣ играющіе разбѣгаются въ разныя стороны, чтобы спрятаться отъ его поисковъ.

Парельщикъ, бредя безсознательно, дѣлаетъ руками круги, дабы поймать кого нибудь. Между тѣмъ, спрятавшіеся то и дѣло снуютъ близь него и поколачиваютъ его въ спину, или же притаятся гдѣ нибудь, прислонившись за стуломъ, за столомъ, въ углу и т. п. Поймавъ кого либо, парельщикъ одною рукою задерживаетъ его, а другою снимаетъ съ себя завязку и навязываетъ ее на глаза пойманнаго. За тѣмъ, идетъ таже сцена покуда не устанутъ и не надоѣстъ игра.

Игра въ шепотки. Вокругъ всей комнаты, игорнымъ сборищемъ, садятся тутъ находящіеся всѣ налицо. Тогда избираютъ изъ среды своей того, кому слѣдуетъ быть парельщикомъ. Такому выбранному завязываютъ платкомъ глаза и ставятъ напрот. къ порогу. Затѣмъ, кто нибудь изъ сидящихъ приходитъ къ нему и шепчетъ на ухо что нибудь. Потомъ также съ шепотками приходятъ другой или другая и, сказавъ парельщику, садятся на лавкѣ въ прежней позѣ.—Только лишь первый шепнулъ парельщику слово, парельщикъ, не отвязывая завязки, долженъ отгадать, кто ему сказалъ и догадку свою объявить вслухъ. Если онъ дѣйствительно отгадаетъ, кто ему шепталъ, тому онъ сдаетъ службу парельщика, а самъ садится на его мѣсто. Но покуда этого не сдѣлаетъ, до тѣхъ поръ долженъ носить завязку и отгадывать.

Игра съ хохлы. Составляется кругъ изъ парней и ребятъ и они сцѣпляются рука за руку. На средину круга выходитъ парень, за кругъ, другой. Послѣдній приходитъ въ кругу и по сцѣпившимся рукамъ поколачиваетъ, спрашивая: колъ, колъ, колъ, — дома-ли хохолъ? Ему отвѣчаютъ на это: нѣтъ хохла, поди прочь отъ окна. За этимъ онъ идетъ и, такие поколачивая, приговариваетъ: стукъ, стукъ, стукъ. Его спрашиваютъ: кого тебѣ надо? Онъ отвѣчаетъ хохла, а ему: нѣтъ хохла, поди прочь отъ окна. Но наконецъ они должны уже сказать, что хохолъ дома. Тогда сцѣпленныя руки расцѣпляются противъ сыщика и онъ впускается въ средину круга. Стоявшій же все время въ кругу (будто бы не видали его) хохолъ живо проскакиваетъ подъ цѣпь, убѣгаетъ изъ круга и бѣгаетъ около его. Спрашивавшій хохла, какъ бы ища его въ кругу, выбѣгаетъ изъ него. Между тѣмъ хохолъ забѣгаетъ въ кругъ. Наконецъ, хохолъ попадается въ руки сыщика и онъ становится сыщикомъ, а сыщикъ дѣлается хохломъ.

Качели. Качели, а по здѣшнему прала, вѣшаются очень просто. Черезъ бревно козелъ на улицѣ, на повѣтяхъ черезъ перекладины дерева, во дворахъ, или черезъ воротецъ въ избахъ перекладываются неньковыя или мочальныя веревки, а иногда и канаты; концы ихъ растягиваются и на нихъ прикрѣпляются концы доски. На доску садятся нѣсколько человѣкъ, свѣсивши ноги; одинъ на ту, другой на другую сторону, чтобы качель не косилась, а двое становятся на концы и раскачиваютъ доску съ сидящими. Всѣ поютъ пѣсни. На качеляхъ качаются съ Пасхи и, кажется, до Вознесенья или до Троицына дня.

Салочки. Начиная съ Свѣтлой недѣли, кромѣ качель, у дѣвушекъ принята игра: скачутъ на доскахъ. Берутъ деревянную плаху (полѣно) или что либо другое, не катающееся на землѣ, и на него кладутъ въ равновѣсіи доску. На каждый конецъ доски становится по дѣвушкѣ, а на середину садится третья. Каждая изъ сидящихъ попеременно вскакиваетъ съ верху и потомъ снова отпрянетъ сверху скатными ногами свой конецъ доски.

Игра съ мячикомъ. Мячикъ здѣсь называется мячемъ. Согласившись на передъ нѣсколько человѣкъ играть и они собираются въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ бы можно раскласивать мячикъ широко. — Приводятъ такъ, чтобъ играющихъ было четное число: 4, 6, 8, 10 и д., изъ нихъ по большинству голосовъ избираются двѣ матки, которыя преимущественно ловки въ игрѣ. Къ маткамъ присоединяются равно къ каждой число дѣтенышей,— напр. къ одной маткѣ—4 и къ другой—4. Но и дѣтеныши отдѣляются не какъ нибудь, а по жребію, именно, они расходятся по парамъ, берутъ напр. одинъ щепку, другой сорванную траву и идутъ къ маткамъ, которыя стоятъ въ ожиданіи и говорятъ: матки, матки, щепники или травники (угодно). Матки избираютъ по счастью, какъ заблагоразсудится получить травинку или щепицку. По изъявленному желанію поступаютъ къ маткамъ и дѣтеныши. Конечно, другой разъ, къ одной маткѣ попадаютъ удальцы, а къ другой мелюзга,—но ужъ таковы правила и пословица: играть не плакать и отцу и матери не жаловаться. Для игры установляется два сала, т. е. по два пункта упражненія, въ примѣрномъ разстояніи, болѣе по знакамъ: такъ напр. отъ столба до столба. Въ каждому салу становятся раздѣленныя партіи, т. е. по маткѣ и поровну дѣтенышей. Впрочемъ вмѣсто сала называютъ: откуда гоняютъ мячикъ мѣстомъ, и гдѣ за нимъ бѣгаютъ—полемъ. Кто первѣе долженъ клескать мячъ, уговариваются стороны или мечутъ жребій. Первѣе другихъ мячикъ клещетъ матка и 2 раза. Клеснувъ во второй разъ, она кидаетъ палку, которою ударяла въ мячикъ, и послѣдній улетаетъ далеко: или въ высоту, или по поверхности земли. Кинувъ палку, она бѣжитъ къ тому салу, гдѣ поле. Тутъ то находящіеся въ полѣ ловціе стараются ловить его и ударить схваченнымъ мячемъ для того то парящіеся разставляются въ полѣ по разнымъ направленіямъ.

Но часто случается, что въ чужую матку попадаютъ мячикомъ. Иной разъ матка хлестонетъ мячикъ далеко такъ далеко, что добѣжитъ до сала полевщиковъ и убѣжитъ обратно къ своему, а стоящія въ полѣ не успѣваютъ кинуть мячикъ въ бѣгущаго ловчака; этою выходкою матка пріобрѣтаетъ право клеснуть мячикъ еще послѣ дѣтей. Послѣ матки клещутъ дѣтки. Они цѣнятъ право клеснуть мячикъ палкою только одинъ разъ. Клеснувъ мячикъ, игрокъ бѣжитъ вслѣдъ за нимъ въ полю. Оттуда выбѣгаютъ рѣдкіе и потому остаются у чужаго сала до выкупа.—За первымъ дѣтенышемъ клещетъ мячикъ второй, и бѣжитъ такие въ другому салу. Между тѣмъ, засѣвшій т. е. находившійся до выкупа въ чужомъ краю, бѣжитъ къ своему, а парящіеся стараются угодить въ котораго нибудь изъ перебѣжчиковъ кинутымъ мячикомъ. Если дѣтенышей не осталось болѣе т. е. такихъ, которые бы не клескали, или если во время игры полевщики не изловили мячика руками съ полета, то очередь снова начинается съ матки, которая и прежде клескала.—Между тѣмъ у него дѣтеныши въ плѣну. Онъ выбѣгаетъ тотчасъ, какъ только матка увлеснетъ мячикъ. За тѣмъ гоне мячика пойдетъ тѣмъ же чередомъ. Поймать мячикъ руками, пока онъ на лету, а не упалъ на землю, значитъ поймать доробку. Если такъ схватятъ полевщики, они идутъ клескать, а клескавшіе идутъ въ поле париться. Они клещутъ такъ-же, какъ и бывшіе, начиная съ матки. Иногда дѣвушки вмѣсто гонки мячика палкою, — варятъ кашки, т. е. партіи разставляются на двѣ противоположныя стороны, а на середину между ними становится дѣвушка. Она стоитъ и

вскидываетъ къ верху мячикъ и потомъ схватываетъ онятъ руками, не давая упасть ему на землю, а другія съ которой либо стороны (только не вдругъ съ обѣихъ, а поперемѣнно) перебѣгаютъ отъ сала къ салу. Кашница торопится схватить мячикъ и его кидаетъ въ бѣгущихъ. Если она попадетъ, то идетъ къ салу и уловленный варитъ кашу.

Игра изъ за сухой трески. Самое названіе игры разумѣется глупое, данное ребятами. Оно только безъ подробностей и интересуетъ любителей, а на самомъ дѣлѣ игра эта довольно непріятна. Скопище грязныхъ ребятишекъ (хорошихъ родителей дѣти не допускаются) выбираетъ себѣ для игры мѣсто на улицѣ, напр. около кабака, и находитъ голикъ, метлу, вѣникъ, или другую вещь, названную сухою треской. Окончивъ предварительно маленькія и нетяжелыя приготовленія ребята вызываютъ зачинщика игры. Ну, вотъонъ нашелся, стоитъ на мѣстѣ наренья и у ногъ его къ его услугамъ лежитъ голикъ, а вокругъ парельщика толпа кричащихъ ровней съ нимъ. Съ размаху парельщикъ бросаетъ сухую треску ногою съ намѣреніемъ попасть ею въ кого либо, тотъ (въ кого попала треска) какъ ни прискакиваетъ, чтобы брошенный по землѣ голикъ не задѣлъ его, долженъ пихать его такимъ же порядкомъ. Тогда ребята съ быстрымъ налетомъ нападаютъ на парельщика и бьютъ его кулаками, вѣроятно для того, чтобъ онъ былъ половчѣе; парельщикъ, замѣшанный въ кричащую толпу, уже не въ силахъ бросать сильно свое непріятное орудіе. Но кое-какъ, съ трудомъ и слезами, приступомъ отражаетъ крикуновъ и со всею горячею ребячею силою кидаетъ наугадъ въ нихъ голикъ. Положимъ что голикъ ударился о ноги Петрушки,— теперь также борется съ непріятелями онъ бѣдненькій, какъ въ поту и съ горемъ пополамъ бились Митька, Васька и Пашка и другъ. Конецъ такой игрѣ приходитъ съ темнотою вечера, тогда отцы или матки утащатъ весело разыгравшихся дѣтей за волосы, или же съ потасовкою, а не то, еще и съ поволочкою.

Игра въ самоѣды. Похожа на игру въ прятки. Также прячутся ребята, но на половину, а другая половина ходитъ для разыскиванія ихъ; конецъ же заканчивается такъ-же, какъ въ игрѣ бѣглыми. Въ игрѣ этой употребляется нижеслѣдующее четверостишіе, когда идутъ искать:

Пойдемъ Самоядь искать,
Самоядочку трепать;
Ужъ мы Самоядь найдемъ,
Пополамъ разорвемъ.

Нельзя ли допустить предположенія, что это отрывокъ либо сочиненія древняго, либо собственнаго созданія народной поэзіи по случаю покоренія дикарей, Самоѣдовъ.

Игра кружалами. Въ ледъ на рѣкѣ, или на озерѣ, вбиваютъ колъ и его замораживаютъ тутъ. Но этотъ колъ надѣваютъ черезъ дыру на серединѣ доску. На одинъ конецъ доски привязывается конецъ веревки отъ салазокъ или драчатыхъ санокъ, на которыя садится мальчикъ. Силою другаго мальчика, другой конецъ доски постепенно шибче и шибче подвигается, вертится на колѣ, мальчикъ бѣгаетъ съ концомъ доски вокругъ кола, а сани съ сѣдокомъ кружатся. Мѣсто кружала на льду бываетъ чисто и гладко, потому что отчищаютъ нанесенный и натоптанный снѣгъ.

Игра въ жернова. Вырубаютъ ребята изъ льда на рѣкѣ или озерѣ двѣ круглыя льдины. Въ серединѣ ихъ выдалбливаютъ дыры. Потомъ ихъ кладутъ она на другую и дырами просовываютъ палку, замороженную во льдѣ. За тѣмъ, верхніе жернова пускаютъ въ верченіе около палки, подвигая пѣшенкою, которою управляетъ мальчикъ. Тогда отъ звука тренія поднимается шумъ и всѣ ребята кричатъ и скачутъ.

Катанье. На коникахъ бѣгаютъ малые ребята и подростки — парни по установившемуся льду, покуда не занесетъ его укрѣпляющимъ снѣгомъ. Коники суть деревянныя подковы во всю ступню ноги, съ узенькими, кованными, желѣзными полосами, называемыми укладами, которыя напереди загибаются къ верху. Коники привязываются къ ногамъ кожаными и веревочными ремнями, въ переплетъ. Иные бѣгуны при катаньи на конькахъ берутъ съ собою копья —пѣшенки.

Игра въ бабки. Игра въ бабки или суставы, т. е. въ кости — повсемѣстно наврядъ ли извѣстна не каждому, поэтому я не нахожу необходимости вдаваться въ подробности, тѣмъ болѣе, что игра эта очень затѣйлива и для описанія ея надо много мѣста. Мѣсто ставки т. е. гдѣ поставляютъ бабки, называется кономъ; мѣсто, откуда слѣдуетъ бить въ конъ—сало; положеніе ногъ, когда надобно бить—приступъ; если сдѣлалось во время мета (снаровки) неловко—говорятъ чуръ, наново; состязаніе на призъ—казаться; бить конъ—сшибать; сбить его—сшибчи, собью, сбилъ; не сбилъ—промахнулся, далъ промаха; играющіе—бабошникъ—ки; сообщничество въ выигрышѣ или проигрышѣ — кальга, а участвующіе въ ней—однокалежники; кости—бабки; одна бабка—шляха (когда остается лишнею отъ гнѣздъ); двѣ бабки—гнѣздо; болѣе паръ, столько и гнѣздъ; бабки продаются здѣсь по ¼ коп. 2 гнѣзда, на деньгу—4 гнѣзда, на копѣйку 8, на 2 к.—16 и т. д. Бьютъ поставленныя бабки такими же бабками, камнями, кирпичами и желѣзными плитками. Бабка, которою бьютъ—битокъ; такая же бабка, но со впущеннымъ въ середину ея свинцомъ — свинчатка. Большинство принимается, когда кажутся, т. е. бросаютъ битки наугадъ, какъ случится имъ упасть: 1— король, 2—орлоцка (вѣроятно выдумано такое прозвище въ шутку надъ мастеровыми), 3 — жохъ (старожилъ),

4—дика. При этомъ принимается въ расчетъ, чей битокъ далѣе и чей ближе и говорится: дальній, дальняя, т. е. если у васъ жохъ далѣе, а у меня ближе къ кону—такъ вы бьете ранѣе меня, а я за вами уже; также старшимъ признается и надъ дальними королемъ, если бабка не ляжетъ, а станетъ; въ дикѣ же различается такъ: если бабка лежитъ на правомъ боку, та старше той, которая расшиперилась, т. е. легла не бокомъ, а на спину.

Игра орлянка. Это денежная у ребятъ игра. Выигрышъ состоитъ тутъ въ счастіи, т, е. если угадаетъ, что выпадаетъ, когда бросятъ монету на столъ или на полъ: орелъ (гербъ) или рѣшетка (цифра цѣны). Есть еще другая денежная игра. Собирается толпа оборванныхъ ребятишекъ около крѣпкой стѣны поиграть по копѣечкѣ (¼ к. с.) Каждый ударяетъ о стѣну своею деньгою. Первый изъ нихъ, т. е. тотъ, чья монета ближе къ стѣнѣ всѣхъ другихъ, мѣряетъ четвертью (растянутыми большимъ и указательнымъ пальцемъ) до первой; если хватитъ четверть тотъ, кому принадлежитъ монета, отдаетъ коп. ассигнац. и т. д.; отсюда онъ измѣряетъ четвертью до другой ближней монеты и тоже получаютъ ¼ к., если пальцы хватятъ.

Игра изъ-за попа. Играть изъ за чижа, какъ говорится въ другихъ краяхъ, здѣсь называется изъ за попа, или въ попа. Чижъ дѣлается величины въ ¼ арш. длины, изъ толстой палки, съ вострымъ къ верху концомъ. Передъ игрою берется взголовье, т. е. хламина или плаха изъ дровъ. На нее кладется однимъ концомъ доска такъ, что одинъ конецъ на землѣ, а другой выше и показываетъ скатъ. На высоту, т. е. на самый кончикъ ставятъ попа. Изъ за чижа играютъ молодые парни и ребята.

Всякій, желающій играть въ него, отыскиваетъ себѣ въ аршинъ или болѣе палку. Всѣ становятся къ лобной доскѣ для метанья жребія; поворотившись глазами по скату доски отъ ней, они кидаютъ всякъ свою палку черезъ свою голову. За тѣмъ повѣряется, чья палка упадетъ далѣе и чья ближе. По освидѣтельствованію, кому принадлежитъ ближняя палка, тотъ долженъ париться, т. е. бѣгать за ускочившимъ отъ удара чижомъ, а кому принадлежитъ дальняя палка, тому бить ранѣе другихъ.

Для битья чижа отмѣривается мѣсто, за которое битокъ не долженъ переступать далѣе шага; мѣра бываетъ такова: сколько игроковъ, на такое разстояніе отводится мѣсто, полагая далѣе и далѣе по длинѣ палки на каждаго человѣка. Если ударившій чижа палкой ударитъ его такъ хорошо, что онъ улетитъ далѣе, чѣмъ улетѣла палка, онъ бѣжитъ, чтобъ опять взять палку; воспользовавшись этимъ случаемъ — онъ имѣетъ право клеснуть попа опять послѣ другихъ, не бившихъ до сего. Но если не бываетъ возможности выбѣжать къ доскѣ съ палкою, то оставляетъ ее до выкупа, т. е. выручки изъ этого положенія хорошимъ битокомъ другихъ. Бѣгущій съ схваченною имъ своею палкою долженъ ударить концемъ ея о доску, на которую становится чижъ. Парельщикъ же между тѣмъ, схвативъ скорѣе брошеннаго чижа, бѣжитъ къ доскѣ и старается бросить его въ доску ранѣе, нежели бѣжавшій ударитъ палкою. Если это случится, то париться долженъ тотъ, кто не успѣлъ ударить палкою; но ежели случится напротивъ, то парится старый парельщикъ. Случается, что онъ освобождается отъ этой трудной, погонной обязанности слѣдующимъ случаемъ. Всякій старается попарить парельщика и, въ огражденіе себя, сгоряча кидаетъ палку въ попа, но дѣлаетъ промахъ: чижъ останется на доскѣ, а палка улетитъ далеко, или же она задѣнетъ чижа не сильно и чижъ лишь только свалится, слѣдовательно не бываетъ возможности выбѣжать, не рискнувъ видимо принять изъ за смѣлости должность парельщика. Такимъ образомъ палки отдаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ пали, а послѣдній битокъ чаще нарочно бросаетъ палку на авось помимо попа, будто бы съ промаха и для той выгоды, что палка улетитъ далѣе другихъ. Когда палки всѣ въ бездѣйствіи, въ полѣ, парельщикъ отмѣриваетъ три шага отъ доски и взятымъ въ руки чижомъ старается ударить въ ближе всѣхъ лежащую палку.—Потомъ если не попалъ въ палку, онъ продолжаетъ цѣлить въ другія слѣдущія палки, но уже не отъ доски, а отъ мѣста, гдѣ лежала палка, въ которую онъ мѣтилъ только что предъ тѣмъ. Тотъ, въ чью палку парельщикъ попадетъ чижомъ, долженъ париться, но нерѣдко случается, что онъ попадаетъ въ нѣсколько палокъ, когда онѣ однѣ отъ другой не подалеку; тогда хозяева этихъ палокъ мечутъ жребій—счастіе, т. е. кидаютъ черезъ головы палки. Чья палка упадетъ ближе къ доскѣ, чѣмъ другія — тотъ закабаливается париться, а игра начинается снова, какъ было въ началѣ. Вотъ и все.

Игра въ рюхи. Рюха есть отшлифованный круглый кусокъ дерева, въ 1½ верш. толщины въ роспилкѣ, съ обоихъ концовъ толщиною равный, а длиною вершка 3 или 3½. Рюхи имѣетъ не всякій парельщикъ, а преимущественно матушкинъ сынокъ изъ зажиточнаго семейства. Игрою въ рюхи занимаются, неупоминая уже о малолѣтнихъ, довольно взрослые парни: 17, 18 и 19 лѣтъ. Затѣвающіе эту игру, разумѣется, бываютъ въ сговорѣ и соглашаются играть въ нее для развлеченія.

Положимъ въ примѣръ для этой игры 8 челов. (всегда бываетъ ихъ четное число). Изъ нихъ избираются 2 матки, безспорно сильныхъ, ловкихъ и большеросльхъ; остальные же шестеро расходятся по сторонамъ на 3 партіи по 2 человѣка. Одни, первые двое, берутъ кто щепку, а кто травку, и идутъ парою, взявшись подъ руки, къ матками говоря: матки; матки (чего вамъ надо)—щетинки ли травинки? Матки выпрашиваютъ любое. Другіе двое, подобно

первымъ двумъ, берутъ: одинъ вицу (прутъ—значитъ метлу, другой широкую щепку, разумѣя лопату), тоже приходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: матки, матки метлы или лопатки? Третья пара тождественно, придумавъ что либо взять, является къ маткамъ и поступаетъ къ нимъ какъ бы работниками. Наконецъ, каждая сторона составляется изъ четырехъ человѣкъ: одной матки и трехъ подмогъ или дѣтенышей. Иногда допускается, что если на которой либо сторонѣ дѣтеныши все ребята мелочь, то для уравненія причисляется въ помощь еще одинъ сверхъ-штатный.

Составивши двѣ стороны, каждая партія палками чертитъ на землѣ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, два города, противоположно, одинъ противъ другаго, въ видѣ рисунка квадратнаго плана. На серединѣ между городами вколачивается въ землю небольшой колъ, означающій половину рекогносцировки. На первой чертѣ каждаго дѣтскаго города поставляются рюхи стопкомъ; онѣ ставятся: или попарно черезъ всю черту, или кучею на серединѣ ея и сверху кладется рюха, попъ съ острою верхушкою. Сочтемъ, что города готовы къ осадѣ, что рюшное войско въ ожидательномъ военномъ порядкѣ и что стоитъ непріятелю только двинуться и города загорятъ, запылаютъ. Но нѣтъ, и тутъ еще пойдутъ переговоры о томъ, чьей сторонѣ зажигать напередъ. Для этого берутъ палку, которыхъ бываетъ по двѣ у каждаго мальчика, какъ двѣ руки, и по ней выводятъ, кому бить сперва, а именно: одна матка бросаетъ палку въ руки другой, и по которому мѣсту та захватитъ палку, поперемѣнно оттуда къ верху пережимаетъ, до самаго конца, кулакъ возлѣ кулака, то та, то другая матка;— наконецъ, видя что уже нельзя того дѣлать болѣе, захватившій палку въ послѣдній разъ, въ такомъ положеніи какъ ее держитъ, долженъ обнести поверхъ, головы вокругъ себя и потомъ, вскинувъ ее вверхъ, схватить на паденіи. Если во время такого дѣйствія палка упадетъ на землю, или когда кинута и тотъ не успѣетъ ее схватить на лету, то онъ не можетъ быть въ рюхѣ въ первыхъ, а зажигаетъ та матка, которая оставалась въ бездѣйствіи. Но ежели случится благополучный выводъ, то зажигаетъ конечно та сторона, матка которой мастерски управлялась съ палкою. Отъ города (своей постройки), который будетъ бить другая (противная) сторона, передовая матка, бросаетъ палку (въ чужой) городъ, назначенный ей жечь, но палка не сшибла ни одной изъ поставленныхъ рюхъ; бросаетъ и другую, но и тутъ безуспѣшно. Теперь выходитъ дѣтенышъ и со всѣмъ мужествомъ бросаетъ свое орудіе въ черту осаднаго города, дабы попасть, но хотя онъ и попалъ въ кучу рюхъ, да такъ плохо, что не вышибена изъ города, т. е. не выкатилась изъ черты,—это значитъ наквасилъ или наварилъ кашу; онъ же кидаетъ туда другую палку, отъ того же мѣста, и вотъ выкачиваются изъ города двѣ или три рюхи. Тогда уже другая подмога бьетъ городъ съ половины; онъ бросаетъ палку и даетъ промахъ, бросаетъ другую, но палка, двинувъ изъ кваса лежащую рюху, заставила ее повалиться на боковую черту города, значитъ сдѣлалъ попа. Этого попа становятъ въ стоячку и тогда уже третій подручный, за прегрѣшеніе втораго отправляется бить отъ другаго города, и ежели направленною со всею силою палкою собьетъ попа, то идетъ бить съ другой руки (т. е. другою палкою) съ ½ между городами. Такимъ же образомъ зажигаетъ чужой городъ большакъ, матка другой стороны и бьютъ также дѣтеныши ея. Такъ ведется поперемѣнно до тѣхъ поръ, пока въ которомъ либо городѣ не остается ни одной невынесенной рюхи; въ такомъ случаѣ матка съ дѣтенышами, которые не могли вышибить остальныхъ рюхъ изъ города, который все били, за столько же разъ, за сколько очистила другая сторона, за этотъ неуспѣхъ должны поставить въ прежнее стоячее положеніе оба города, и сверхъ того, они не могутъ въ первыхъ бить или зажигать городъ; первенство въ этомъ принадлежитъ выигравшей. Зажигъ партій, которая потерпѣла неудачу, по уговору замѣняется другимъ наказаніемъ, именно: люди, принадлежащіе обанкротившейся сторонѣ, обязаны на плечахъ своихъ кокарешками переносить тѣхъ, которые у нихъ отыграли партію, нѣсколько разъ отъ города до города: тогда каждая сторона строитъ по одному городу. Но если же обиженная сторона, по спору или почему либо, не захочетъ исполнить обычая игры, то, сверхъ безчестія называться килою виновники кладутся на палки, разложенныя по землѣ, одна отъ другой не подалеку, и таскаются на нихъ требователями исполненія, будучи подергиваемы то въ ту, то въ другую сторону, и за головы, и за ноги; затѣмъ прогоняются битьемъ и считаются негодными въ товариществѣ, какъ трусы и спорщики.

Добавимъ, что городъ бить дается одной сторонѣ не одинъ и тотъ же, а поперемѣнно тотъ и другой: первая сторона бьетъ въ тотъ городъ, который ранѣе былъ битъ второю, а вторая жжетъ городъ, битый до нея первою стороною.

Игра въ былые. Предварительно приготовляется нѣсколько пучковъ розогъ, въ примѣръ для наказанія бѣглыхъ. Потомъ въ условленномъ мѣстѣ мальчики собираются въ партію и послѣ шума раздѣляются на сыщиковъ и бѣглыхъ. Сыщики остаются на мѣстѣ у сала, а бѣглые убѣгаютъ спрятаться. Спустя немного времени, сыщики пускаются въ погоню за бѣглецами, и поймавъ котораго нибудь, тащатъ на арканѣ къ салу.

Тутъ дезертира кладутъ на землю и сыщикъ, наложивъ на его грудь колѣно свое, спрашиваетъ: смерти или живота? или захвативъ за носъ, тянетъ его крѣпко къ себѣ, спрашивая: дубъ или квасъ?

Если бѣглецъ скажетъ на первый разъ: живота, а на второй отвѣтитъ: ни дубъ, ни квасъ, иди прочь отъ насъ, то онъ тогда же отпускается на волю.

Но ежели онъ скажетъ только, что ему не надо смерти, то его минуть до тѣхъ поръ, пока онъ, уже изнеможенный, не скажетъ имъ: надо живота. Или буде лежащій скажетъ «дубъ,» то его тянутъ къ низу со смѣхомъ: дубъ такъ тяни до губъ. Въ случаѣ же отвѣта: «квасъ», тянутъ носъ къ верху съ насмѣшкою: квасъ—такъ тяни до глазъ. Но тѣ, которые сами явятся изъ бѣговъ, освобождаются отъ наказанія.

Перебравъ такимъ образомъ всѣхъ бѣглые дѣлаются сыщиками, а бывшіе сыщиками бѣглыми.

Игра въ прятки. Собирается довольно значительное число мальчиковъ и всѣ они строются во фрунтъ. Большой изъ нихъ — начинщикъ (ловкій) дѣлаетъ указанія приложеніемъ руки на грудь каждаго, составляющаго общество игры прятками, начиная съ себя, и произноситъ:

(себѣ) Анка
2—Драка
3—Унтеръ
4—Чмока
5—Ень
6—Бень

7—Бобъ. Кого приведется прихлопнуть въ словѣ «бобъ» тотъ удаляется изъ круга, значитъ вышелъ. Потомъ, тотъ же предводитель и съ тѣми же словами дѣлаетъ рукоприкладство на остальныхъ, начиная со слѣдующаго за бобомъ.

1—Анка
2—Дранка
3—Унтеръ
4—Чмока
5—Ень
6—Бень

7—Бобъ. Значитъ 7-й уходитъ тоже; за тѣмъ, остается не вышедшихъ пять человѣкъ. Мы беремъ для примѣра партію въ 7 челов., но играютъ мальчиковъ иногда, до 20-ти.—Чаще случается, что изъ строя выходитъ бобомъ тотъ, кто начальствуетъ. По выходѣ его замѣняетъ другой, по желанію всѣхъ. Это продолжается дотолѣ, пока останется не вышедшихъ два мальчика. Въ этомъ случаѣ удовлетворяются, кому прикладывать руку себѣ или къ своей груди напередъ. Послѣ этого тотъ, кому пришелся ударъ съ словомъ бобъ; пристаетъ къ другимъ, получившимъ боба, а послѣдній долженъ остаться у сала. Когда ребятъ бываетъ много, тогда они становятся вокругъ распорядителя и причитаній дѣлается болѣе, а именно:

Анка,	Бобъ,	*Кто*,	Вышелъ
Дранка,	Упрынцы,	Его,	Духомъ
Фика,	Трынцы,	Подниметъ,	Вонъ,
Дрока,	Волынцы,	Тотъ,	На убогъ
Унтеръ,	Яблочекъ,	Воевода,	Домъ,
Чмока,	Катился,	Воеводскій,	Съ золотымъ,
Ень,	Вокругъ,	Сынъ,	*Костылемъ.*
Бень,	Огорода	Шишелъ,	

Или:

Перводанъ,	Поди,	Кони	Сладкой
Другопанъ,	Пятьсотъ,	Новы,	Вицей,
На четыре,	Судья,	Чѣмъ,	Подполицей,
Угадалъ,	Пономарь,	Погонятъ,	Нижній,
Палецъ,	Ладья,		

За печь. Тогда выходитъ изъ круга при ударѣ съ словомъ *за печь.*

Саломъ у ребятъ называется то назначенное мѣсто, у котораго остается парень, не получившій «боба» или «костыля», или «запечья.» Мѣсто такое бываетъ: или высокій столбъ, стоящій наединѣ, или болѣе уголъ какого нибудь зданія. Сало заплевывается слюною всѣми участвующими въ игрѣ и къ нему приказывается стать парельщику (не бобу) лицемъ къ салу такъ, чтобы онъ не могъ видѣть, въ которыя стороны и куда кто забѣжалъ спрятаться.

Спрятавшись, всѣ онѣ кричатъ: пора! Тогда парельщикъ отправляется искать по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, на хоромахъ и вездѣ разыскиваетъ ихъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ спрятавшихся высматриваютъ: если парельщикъ отошелъ далеконько отъ сала—то немедленно выбѣгаютъ къ нему изъ своихъ убѣжищъ и плюютъ слюною въ сало съ приговоркою: чуръ я быкъ.

Иногда парельщикъ, завидя бѣгущаго къ салу, старается прибѣжать и плюнуть въ него ранѣе того. Тогда неуспѣвшій сдѣлать сего скорѣе парельщика считается телицею и остается до времени у сала; у него же остаются и тѣ, кто ранѣе успѣетъ плюнуть, чѣмъ парельщикъ и телица, пока не явятся тутъ всѣ. Впрочемъ, если парельщикъ видитъ, что телица у него есть, а тѣмъ болѣе ежели еще и не одна, то онъ вызываетъ неотысканныхъ крикомъ: «на быка,» которыхъ онъ уже никакъ не можетъ заплевать.

Послѣ этого телица остается парельщикомъ, а бывшій имъ убѣжитъ съ другими прятаться.

Но если телицъ набралось много, то заплевавшій ихъ парельщикъ имѣетъ право оставить на мѣсто свое изъ нихъ кого его угодно. Однакожъ такое право распространяется не на всякаго парельщика; инымъ нѣтъ въ этомъ довѣрія, а наипаче, когда парельщикъ по одной лишь

злобѣ оставляетъ парiться такого, который уже парился разъ, либо болѣе. Въ такомъ случаѣ парельщикъ беретъ щепинку и плюетъ слюну на нее, а одинъ изъ кандидатовъ на должность парельщика спрашиваетъ другаго, чего ему надо: суха или моря, если тотъ скажетъ, что нужно: моря, а кинутая на произволъ вверхъ лучинка повернется стороною безъ слюны, сухою, то желавшій моря долженъ париться. Или же, вмѣсто того, кидаютъ къ верху и рукавицу; поджеребьевый просилъ верхоньки, а упавшая рукавица повернется къ верху съ пальцемъ то несчастливый долженъ париться.—

Дополненіемъ къ краткому описанію обряда «Бороды», представленному П. А. Ивановымъ, приводимъ здѣсь болѣе подробное, заимствуя его изъ описанія села Усть-Пуи Шенкурскаго уѣзда.

Нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ, остающіеся для сжатія уже послѣднихъ полосъ, разсѣвомъ на пять и болѣе четвериковъ,—сжинаютъ ихъ въ нѣсколько часовъ, сбирая для сего со всей деревни знакомыхъ дѣвицъ. Сжатіе такимъ образомъ поля послѣдняго у хозяина называется «борода». Жать приходятъ дѣвицы въ хорошихъ нарядахъ, жнутъ съ пѣснями, и когда будутъ дожинать, то жавшая съ правой руки первая дѣвица оставляетъ на полѣ горсти съ три не сжатаго ячменя, связываетъ солому ячменя лоскуткомъ или лентой, самые колосья срѣзываетъ, солому до связки разгибаетъ на стороны, кладетъ въ средину на солому горсть земли,— и тогда начинается завитіе бороды, состоящее въ томъ, что всѣ дѣвицы съ веселыми пѣснями сбираютъ на межахъ около полей разные цвѣтки, украшаютъ, убираютъ ими кругомъ всю оставленную и связанную горсть соломы и на ней землю. По завитіи такимъ образомъ бороды, всѣ дѣвицы съ пѣснями идутъ съ поля въ домъ хозяина, гдѣ угощаются чаемъ, а женщины, если онѣ были приглашены на бороду, и водкою. При питіи первой чашки чая, каждая дѣвица поздравляетъ хозяевъ словами: «будьте здоровы, съ вѣдромъ и отрадой, съ счастливой бородой, съ бѣлымъ хлѣбомъ и съ зеленымъ сѣномъ». Послѣ чаю, пока хозяевами сбирается на столъ обѣдъ, дѣвицы у дома хозяина водятъ хороводы, поютъ пѣсни. За обѣдомъ угощаются—въ скоромные дни—мясомъ въ разныхъ видахъ, кашею, сладкимъ пирогомъ, пивомъ;—въ постные дни мясо замѣняютъ разнаго рода рыбы. Вообще обѣды на бородахъ довольно роскошны; за ними бываетъ до восьми перемѣнъ. Послѣ обѣда дѣвицы, поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ-соль, отправляются съ пѣснями въ свои дсмы.

Объ *Играхъ* въ Тулгасскомъ приходѣ, въ матеріалахъ П. С. Ефименка имѣются слѣдующія данныя:

Во всю свѣтлую седьмицу парни и дѣвки ходятъ съ колобами и ящиками по колокольнѣ, гдѣ, позвонивши часа два-три, собираются въ притворѣ церкви биться и катать яицами и угощать другъ друга колобами. Въ Петровъ день (29 іюня) дѣвицы и парни собираются на лугу въ верстѣ отъ деревень играть въ *мышку*, т. е. всѣ парни и дѣвицы становятся парами одна подлѣ другой и лишній становится впереди всѣхъ и, изъ разбѣжавшейся первой пары, долженъ ловить которое либо одно лицо. Если поймаетъ, то становится самою послѣднею парою, а оставшійся безъ пары долженъ тоже дѣлать. Поигравши въ мышку, ходятъ хороводомъ съ пѣніемъ пѣсенъ и *реутъ рѣдьку*, т. е. всѣ сколько есть, дѣвицы и парни захватываются другъ за друга подъ мышки и первое лицо (довольно сильное) бѣгаетъ во всѣ стороны, чтобы разорвать схватившуюся вереницу.

Въ празднованіе Флору и Лавру (18 августа) всѣ домохозяева, исключая раскольниковъ, приводятъ своихъ лошадей къ часовнѣ означенныхъ святыхъ, для кропленія святаго водою.

Касательно увеселеній въ Сумскомъ посадѣ, вотъ что говорится въ его общемъ описаніи: Сумляне большую часть года проводятъ вдали отъ своихъ семействъ на трудныхъ и опасныхъ морскихъ промыслахъ; по этому въ зимнее время они, при меньшихъ трудахъ, какъ бы отдыхая въ своемъ родномъ уголкѣ, по своему веселятся.

Любимая прогулка Сумлянъ по посаду въ 8 или 9 часовъ вечера, толпами отъ 20 до 30 человѣкъ, съ громкими пѣснями, которыя иногда одновременно раздаются во всѣхъ концахъ посада.

Въ толпахъ этихъ гуляютъ кромѣ холостой молодежи и молодыя женщины со своими мужьями.

Послѣ этой прогулки молодцы идутъ къ дѣвицамъ на вечерину. Чтобъ быть на ней, необходимо по обыкновенію «подаватца» (попроситься). Желающій быть на вечеринѣ стоитъ въ простѣнкѣ у окна того дома, гдѣ вечерина, царапаетъ руками по ставню или по рамѣ и мяукаетъ, или поддѣльнымъ голосомъ въ умоляющемъ тонѣ произноситъ на распѣвъ: «а на вечерину»! Получивъ по знаку изъ избы дозволеніе, молодецъ входитъ въ избу, и у порога дверей, снявъ съ головы шапку, помолясь въ передній уголъ иконамъ, идетъ къ лавкѣ, и, садясь на нее, привѣтствуетъ вечеринщицъ словами: «дѣвицамъ краснымъ», а если до него пришли сюда же подобные ему товарищи и сидятъ на вечеринѣ, то и къ нимъ: «молодцамъ удалымъ». Развязный вечеринщикъ не сидитъ на вечеринкѣ камнемъ. Онъ находчивъ здѣсь въ разговорѣ и смѣшитъ вечеринщицъ. Варакоситъ имъ, что попало (вретъ, что на умъ сбрело), а дѣвки галянятъ до переса (смѣются до изнеможенія).

При этомъ случаѣ онъ сводитъ знакомство съ тою, которая ему больше нравится, мѣняется въ тихомолку кольцемъ, такимъ образомъ заручается на взаимность и дѣлается названнымъ. Не рѣдкость здѣсь встрѣтить дремлющихъ, полуспящихъ вечеринщиковъ, которые въ болѣе

бойкой дѣвушкѣ вызываютъ такъ называемую шутку «морока колоть». Для этого свертываютъ шерстяную нитку, и всовываютъ ее въ ноздри сони, который очнувшись платитъ за эту шутку неумѣстною, непривѣтливою фразою и чрезъ нѣсколько времени снова всхрапываетъ. Такимъ рѣзкимъ невѣжествомъ и грубостію подшутившая дѣвушка, ни мало не оскорбившись, скажетъ только: «Досугъ! *навникаю*», другими словами: «не велико дѣло! наплевать»!

Таковы зимніе повседневныя вечеринки. Но вотъ наступаютъ Святки; дождались и Рождества Христова,—Сума становится болѣе оживленною, начинается разгулъ. Съ перваго дня праздника, днемъ и вечеромъ Сумляне ходятъ хухольниками *) (наряженными). Каждый вечеръ устраивается вечеринка, но эта вечеринка имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ будничная или повседневная; сюда дѣвушки являются въ самыхъ лучшихъ своихъ платьяхъ.

Чтобъ болѣе дать понятія о вечеринкахъ, зайдемте въ домъ и посмотримъ на нихъ поближе. Изба полна народомъ, зрителями, хухольниками и ребятишками. Тепло въ ней, душно и тѣсно; русская печь, съ боковою стѣною, къ которой тѣснится народъ, въ видѣ предупредительныхъ мѣръ, на скорую руку обита досками. По передней стѣнѣ поставлено вмѣстѣ одной высоты нѣсколько столовъ, покрытыхъ бѣлыми скатертями, и на нихъ въ одинъ рядъ разставлено нѣсколько зажженныхъ свѣчъ въ подсвѣчникахъ (пропорціонально числу вечеринщицъ). Въ промежуткахъ между огнями, показываются на тарелкахъ кедровые и каленые орѣхи, изюмъ и закуски. За такимъ составнымъ длиннымъ столомъ, ярко освѣщеннымъ, сидятъ вечеринщицы дѣвицы, какъ гости; у каждой въ рукахъ по бѣлому носовому платку, который довольно часто служитъ вмѣсто вѣера. Противъ нѣкоторыхъ дѣвушекъ, болѣе привлекательныхъ наружностію или дочерей зажиточныхъ родителей, лежитъ на столѣ по кучкѣ новыхъ веретенъ. Это сюрпризы отъ хухольниковъ, почитающихъ избранныхъ дѣвицъ.

Но вотъ начинается игра въ «утушку». Молодецъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, сидящихъ за столомъ, и молча кланяется ей; та выходитъ, молодецъ беретъ ее за руку и ходитъ съ нею взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ сидящія дѣвушки поютъ въ это время пѣсню, и, когда пѣсня кончается, дѣвушка, вызванная молодцомъ, благодаритъ его поклономъ, послѣ чего онъ тотчасъ же оставляетъ ее, а она уже выбираетъ изъ среды молодцовъ другаго и, проходивши съ нимъ до конца начатой пѣсни, оставляетъ его и садится на свое мѣсто; а выбранный ею молодецъ заступаетъ ея мѣсто и приглашаетъ другую дѣвушку и они поступаютъ точно такъ же какъ и первые.—Въ этомъ заключается сущность «утушки», и молодежь забавляется ею до 4 или 5 часовъ утра.

Къ тому же Сумскому приходу относится замѣтка, описывающая хожденіе со звѣздою на Рождество Христово:

Въ первый день Рождества, послѣ утрени, нѣсколько мальчиковъ и подростковъ, отдѣльными маленькими партіями, по изстари сохранившемуся обычаю, спѣшатъ изъ дома въ домъ, предлагая почти въ каждомъ: «не угодно-ли Христа прославить? Это христославцы».—Одинъ изъ нихъ всегда ходитъ вмѣсто звѣзды съ фонаремъ.

Получивъ на предложеніе согласіе, христославцы поютъ ирмосъ: «Христосъ раждается», тропарь: «Рождество Твое Христе Боже нашъ» и кондакъ: «Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ». Но этимъ еще не заканчиваютъ. Подъ управленіемъ главнаго изъ нихъ, христославцы поютъ «рачеи или рацеи», которыя предлагаемъ здѣсь буквально съ голоса.

«Достойно днесь удивленія и духовнаго веселія. Нынѣ звѣзда на небеси явися! Паче свѣта свѣтаетъ и тѣмъ провозвѣщаетъ Бога нашего, и на землю проявляетъ: Яко нашъ наруночный пріидетъ, принесетъ Пречистая Дѣва Марія! Радуйся, яко младенецъ пеленами обвиванъ; горніи чины дивятся, вкупѣ возрадуются. Ты же, господинѣ хозяинъ, вкупѣ съ супругою своею и съ чадами своими утѣхи насладися! Тому же господину хозяину отъ всѣхъ восторжествуемъ, велегласно поздравляемъ»!

«Изыде звѣзда отъ Іакова и свѣтъ возсіи отъ Израиля, Дѣва Бога рождаетъ, Ангели удивляются, персидскіе цари приходятъ, рожденному младенцу дары приносятъ. Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ и небесная возводитъ, затѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ на многая лѣта»!

«Многая лѣта! Новая радость, во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися, явися! Богъ, царь славы отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ родися, родися! Тому же Ангели на небеси дивятся, дивятся! Земнороднія человѣцы о томъ веселятся, веселятся! Мы же тако воспіемъ Вышнему Творцу: Слава Вышнихъ Богу! мы же воспіемъ: торжествуйте, ликоствуйте, Хвалу Богу дайте, воспѣвайте, взыграйте! Дастъ Богъ вамъ, господамъ, госпожамъ, господиновымъ женамъ, во всѣ купѣ здравствовать! Вивать, вивать, многая лѣта»!

«День Христовъ, веселимся здѣ! благодать вездѣ! Хвала Богу пѣти нашему полу на звѣздѣ! Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ нарожденнаго Бога нашего. Царь же Иродъ всѣмъ возвѣстилъ, младенцевъ побилъ. Били-бились и клияли ругалися, яко убивцы, злы разбойники! Кричатъ дѣти, плачутъ матки, яко разбойницы

*) Маски не употребляются, ихъ замѣняютъ платки. Одѣваются же женщины въ платье мужчинъ, а мужчины въ платье женщинъ кто какое кому достать сподручно.

отъ ихъ персей отрывали, рубили ихъ, и топтали ихъ, съ матерями попрощались, жалко плакали».

За все это пѣніе, три или пять человѣкъ христославцевъ бываютъ довольны, если даютъ имъ на всѣхъ 5 коп. и связокъ маленькихъ олонскихъ калачей, извѣстныхъ подъ названіемъ баранокъ.

О праздникахъ Курейско-Сергіевскаго прихода въ матеріалахъ П. С. Ефименка говорится:

Съ праздника Введенія во храмъ Богородицы хозяйки начинаютъ стряпать козули: замѣшиваютъ густо ржаную муку на водѣ, и изъ сего прѣснаго тѣста дѣлаютъ барашковъ, коровъ, быковъ, пѣтуховъ и проч. Въ праздникъ Рождества Христова, тотчасъ по отходѣ обѣдни, дѣти обоихъ половъ славятъ подъ окнами домовъ Христа, поютъ страннымъ напѣвомъ и нарѣчіемъ тропарь праздника, или ирмосъ I пѣсни, и за свое христославленье получаютъ отъ домохозяина козули или крупичатые калачи (барашки). По вечеру славятъ Христа дѣвицы съ молодцами, и особенно отъ нихъ мужчины со звѣздою; послѣдніе поютъ *рацеи*. Славленье это продолжается два дня.

Послѣ христославленья начнутъ ходить «наряженые». Молодые парни одѣваются въ женскіе наряды, самоѣдскую и цыганскую одежды, принимаютъ видъ волковъ, медвѣдей; лице маранотъ сажей и закрываютъ платкомъ. Наряженые купаются 6-го января въ Іорданѣ. А дѣвицы о своихъ суженыхъ-ряженыхъ гадаютъ по банямъ, льютъ воскъ, олово, слушаютъ въ баняхъ, подъ окнами домовъ, у амбаровъ, на перекресткахъ дорогъ, для чего, очертившись ножикомъ, закутываются одѣваломцею и замѣчаютъ по звону колокольчиковъ, лаю собакъ и проч. о своей судьбѣ-кручинѣ.

Въ описаніи того же Курейско-Сергіевскаго прихода упоминаются еще *Обряды при закладкѣ дома и при входѣ въ него на житье*:

«При закладкѣ дома на первый рядъ бревенъ кладутъ серебряныя или мѣдныя деньги и сыплютъ зерновой хлѣбъ (жито). При входѣ въ полночь въ новопостроенный домъ на житье, несутъ икону, хлѣбъ и пѣтуха, и всѣми силами заставляютъ его пѣть; а хозяинушку (домовому) кланяются, чтобъ онъ, «господинъ нринялъ ихъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богачество». Сосѣди несутъ на новоселье полѣно дровъ, или хлѣбъ. Точно также при началѣ молотьбы, овинъ окуриваютъ ладономъ, и просятъ хозяинушка сберечь овинъ отъ несчастія».

Наконецъ о сельскихъ обрядахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, въ общей запискѣ о немъ сказано:

«Обряды — общіе всему Холмогорскому уѣзду; но частный въ Хаврогорскомъ приходѣ, есть только тотъ, что во Фроловъ день, какъ храмовой приходскій праздникъ, со всего селенья къ церкви приводятся лошади, и послѣ литургіи окропляются святою водою. Цѣль сего обряда болѣе религіозная, но отчасти и удовольственная послѣ страдной работы: какъ бы за трудъ отъ родителей дѣлается удовольствіе молодымъ людямъ, исключительно мужикамъ, прокатиться на лошади по всему приходу въ праздничномъ платьѣ и показать удальство своей лошади».

ГЛАВА VII.

НРАВЫ, ВѢРОВАНІЯ, СУЕВѢРІЯ, ГАДАНІЯ, ПРИМѢТЫ.

Общая характеристика нравственной природы Архангельскаго населенія вообще и Пинежскаго въ особенности. — Вліяніе суровой природы и скудной обстановки на нравы жителей. — Замкнутость и молчаливость сѣвернаго человѣка. — Формы обращенія къ другимъ людямъ. — Положеніе женщины. — Воспитаніе дѣтей. — Ученіе. — Чтенія грамотѣевъ. — Вѣрованія Пинежанъ. — Нечистая сила и средство для борьбы съ ней. — Лѣшій и разсказы о немъ. — Домовой и дворовой хозяинушко. — Нѣжить. — Байнушко. — Водяной. — Баба-яга. — Знахари, колдуны. — Ворожба. — Гаданія и разные виды ихъ. — Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ. — Народныя представленія о солнце, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, молніи, дождѣ, землѣ, водѣ. — Клады. — Повѣрья о животныхъ. — Суевѣрныя примѣты. — Вѣрованія жителей Тулгаскаго прихода: — о Богѣ, святыхъ, твореніи міра, душѣ. — Представленія ихъ же о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ, — о землѣ и подземныхъ царствахъ, знахаряхъ, богатыряхъ, о животныхъ и растеніяхъ, о нечистой силѣ, о человѣкѣ. — Сельскохозяйственныя и другія примѣты, суевѣрія и гаданія. — Повѣрья, гаданія и примѣты жителей Курейско-Сергіевскаго прихода. — Повѣрья жителей Зимняго Берега. — Гаданія жителей Сумскаго посада. — Повѣрья жителей Хаврогорскаго прихода.

Къ этой главѣ мы отнесли всѣ данныя, какія только нашлись въ матеріалахъ, находившихся у насъ подъ руками, относительно вѣрованій русскаго населенія Архангельской губерніи. Большая половина этихъ данныхъ принадлежитъ П. А. Иванову и касается Пинежскаго уѣзда; остальныя свѣдѣнія доставлены изъ пяти мѣстностей. Г. Ивановъ предпослалъ своему изложенію народныхъ повѣрій и суевѣрій общую характеристику нравственной природы Архангельскаго населенія, въ особенности же въ Пинежскомъ уѣздѣ. Съ этой характеристики мы и начинаемъ настоящую главу.

Народъ Пинежскаго уѣзда любитъ уединенную замкнутость. Пустыя и отдаленныя отъ центра уѣздной жизни мѣста въ Архангельской губерніи благопріятствуютъ уединенной жизни. Предоставленные самимъ себѣ, жители здѣшніе склонны болѣе къ задумчивости, чѣмъ къ веселью и шуму. Преобладаніе думы обнаруживается изъ угрюмаго вида и спокойнаго, тихаго характера, свойственнаго меланхолическому темпераменту. Самая жизнь идетъ глухо и однообразно. Но она имѣетъ свою родственную прелесть.

Обстановка деревень здѣсь замыкаетъ удрученнаго судьбою человѣка въ незавидныхъ жилищахъ, въ одномъ мѣстѣ, и дѣлаетъ небойкимъ. Сильный холодъ замедляетъ біеніе сердца, сжимаетъ органическіе сосуды и имѣетъ вліяніе на ростъ человѣка. Отъ холода, до ходящаго въ суровую зиму до невыносимой крайности, цѣпенѣетъ всякая жизнь, какъ и жизнь человѣка! Лѣсная же жизнь способствуетъ одичанію человѣка.

Крестьянинъ потому самому остается при своихъ невѣрныхъ дѣйствіяхъ, теряетъ способность самосознанія, суевѣритъ въ своихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ, что называется грубымъ невѣжествомъ, ему никто не откликнется въ дикой и глухой сторонѣ, ничто не встрепенется мыслію въ домѣ. У него нѣтъ духовныхъ убѣжденій, съ которыми бы онъ боролся и которыми бы онъ занимался съ увлеченіемъ. По этому-то онъ обращается въ спокойствіе и размышленіе, задумывается о себѣ, становится недовольнымъ самимъ собою и окружающею его природою, желаетъ бѣжать... Но таинственная привязанность къ родинѣ и семейству, привязываетъ къ суровой отчизнѣ, неблагодарной землѣ и неудачнымъ промысламъ!...

Онъ остается на мѣстѣ навсегда, привыкаетъ къ уединенію, привязывается къ непріятной жизни, сроднается съ апатичнымъ терпѣніемъ, усвоиваетъ себѣ отсутствіе желаній *) и удобствъ и совершенно свыкается съ выпавшею долею, по пословицѣ: живи пока живется, обживешься — такъ и въ аду хорошо!

Но вліяніе обстановки жизни крестьянина выказывается почти во всемъ. Онъ набоженъ, богобоязливъ,

---

*) Крестьянинъ ограничиваетъ, повидимому, всѣ житейскія требованія двумя предметами — ѣдой и тепломъ, все другое почитается лишнимъ.

смиренъ, очень трусливъ изъ болѣзни, скрытенъ, застѣнчивъ и недовѣрчивъ подъ кроющимся сомнѣніемъ къ искусному, изящному, недосягаемому для его собственнаго понятія и вкуса. Уничтожая себя, онъ остается невѣждою.

Получивъ прямое наслѣдіе отъ древнихъ и кровныхъ соплеменниковъ Новгородцевъ, жители здѣшніе рабы обычаевъ и имѣютъ сильно—слѣпую приверженность къ старинѣ. Многіе не только не благоволятъ къ нововведеніямъ, но негодуютъ, и мысленно злятся на нарушеніе заведеннаго порядка.

Живутъ крестьяне *всякъ своимъ умомъ*, а примѣры берутъ съ людей *), имѣющихъ на нихъ вліяніе, конечно рутинеровъ, и оказывается, что они живутъ какъ жили предки, праотцы ихъ, съ небольшимъ развѣ измѣненіемъ, вѣря, что человѣческій родъ съ теченіемъ времени становится безнравственнѣе и слабѣе. Многіе вѣкъ свой проживаютъ дома, около себя; многіе не совсѣмъ понимаютъ жизнь внѣ своей деревни; многіе очень далеко отъ деревни, не знаютъ куда и какъ проѣхать; но однако многіе молодые стыдятся сидячей жизни. Разъединеніе населенія на большомъ пространствѣ дѣлаетъ жителей покорными, съ смирнымъ характеромъ.

Вся жизнь крестьянъ проходитъ въ постоянныхъ заботахъ о семействѣ, хозяйствѣ, землѣ и скотѣ,—къ чему употребляются всѣ ихъ труды. Ведя же скромный образъ жизни, здѣшній крестьянинъ скряжничаетъ. При томъ замѣчено, что онъ корыстолюбивъ и жаденъ къ прибыли. При всѣхъ этихъ качествахъ, поселяне здѣшніе живутъ, нельзя сказать, что бѣдно... Но они не имѣютъ понятій объ изящномъ и не отличаютъ внѣшняго и наружнаго отъ внутренняго; алчность закрываетъ глаза отъ прекраснаго, высокаго, нравственнаго...

Къ тому же есть много семействъ, чрезвычайно бѣдныхъ. Несчастные годы въ промыслахъ и урожаяхъ хлѣба привели и поставили ихъ въ крайне тягостное положеніе.

Но и при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы жители были глупы и лишены смышленности, переимчивости, благоразумія, сметливости и вѣрныхъ соображеній.

Они имѣютъ, хотя медленный, но основательный умъ, дѣльную опытность; судятъ просто, но здраво и толково. Надо же, впрочемъ, сознаться, что холодность и несообщительность удерживаютъ ихъ отъ увлеченія къ любознательности, а потому они не очень развиты.

Опытность и знанія обыкновенно составляютъ гордость надѣленнаго такими преимуществами. Такъ и нашъ крестьянинъ имѣетъ свойственную жизни своей самонадѣянность и самоувѣренность, хотя это ничто иное, какъ узкій эгоизмъ.

При замкнутости и молчаніи, у нихъ нѣтъ возвышенной, человѣческой общежительности, и Богъ вѣсть когда человѣчество достигнетъ совершенства.

Отъ недовѣрчивости къ незнакомымъ людямъ и отъ невѣжества, народъ здѣшній несообщителенъ. Въ своемъ же обыкновенномъ кругѣ обращеніе его отзывается простотой и естественностію, свойственными русскому человѣку; различіе только то, что у молодыхъ природная веселость, свобода мыслей и обращенія, а у пожилыхъ сдержанность, если не упоминать о томъ, что расположеніе духа тѣхъ и другихъ непостоянно. Столько намъ удалось узнать въ семь лѣтъ пребыванія въ обществѣ здѣшнихъ крестьянъ, сношенія наши оставляютъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе потому, что сельчане постоянно кажутся недовольными.

Въ обращеніи допускается самая задушевная русская уважительность на *ты;* когда же относятся къ неровному (чиновному) лицу, или хотятъ польстить, выучились звать *вы*, *они*, *васъ*, *ихъ* и т. под.

Замѣчательно, что крестьяне нерѣдко не знаютъ своихъ сосѣдей по родовой фамиліи, потому что они носятъ *приватныя прозванія*. Прозвища эти по своей странности, во-истину изумительны. Клички даются по немочамъ, безобразію, рѣдкимъ замѣчательностямъ. Названія, данныя народнымъ кликомъ, не могутъ не поразить всякаго, мало видавшаго всю грубость деревенскаго люда. Напримѣръ: Васька - Васькинъ, Олека - сколотной, Николко-Матвѣевъ, Тереха-толстобрюхой, Митька-хромой, Микита-киланъ, Агашка хромушка, конь, князь, царь, цыганъ, помѣщикъ и т. под. Деликатное обращеніе, въ родѣ Иванъ Петровичъ, Кузьма Миколаичъ, можно услышать рѣдко, и только тогда, когда говорящее лице желаетъ оказать другому уваженіе, обращается къ неровному лицу, или заискиваетъ у того или другаго расположенія къ себѣ. Себя же тогда говорящій называетъ уменьшительнымъ полуименемъ. Вообще очень непріятно видѣть раболѣпство и подобострастіе здѣшнихъ крестьянъ, особенно, когда они себя унижаютъ и говорятъ: «мужикъ—деревня, голова тетерья, ноги уточьи, ж..а курочья».

О положеніи женщины въ средѣ крестьянскаго населенія кажется довольно сказано подъ рубрикой «обычное право». Остается сказать, что, при неправильномъ настроеніи понятій о женщинѣ, и почтеніе къ прекрасному полу, какъ говорится, *узенькое*, *маленькое*. Никогда не снимаетъ шапки мущина передъ женщиной напередъ; напротивъ, женщина скромно склоняетъ предъ нимъ свою голову и тогда только мущина поднимаетъ фуражку, а нѣтъ и такъ проходитъ, безъ отданія чести на поклонъ. Но бываетъ еще и то, что въ критическія минуты, какъ напр.: когда *попадется жинка мужику подъ пьяну*

*) Въ крестьянахъ всегда слишкомъ сильна потребность опереться на другихъ, равно какъ и держаться своихъ старинныхъ обычаевъ.

руку, онъ, пожалуй несправедливо, *посмѣется бабу на чемъ свѣтъ только стоитъ*.

Крестьянскія женщины добры, смирны, сострадательны и чувствительныя матери.

Отцы обязанность воспитанія дѣтей слагаютъ исключительно на матерей, а себя предъ дѣтьми держатъ строго.

Дѣтей воспитываютъ нерадиво, неправильно, невѣжественно и грубо. Ухода большаго за ними нѣтъ.

Пеленаютъ до извѣстнаго возраста не свивальникомъ, а поясами, обрывками, рубцами, покромками, а нерѣдко простою веревкою, обоими концами вкругъ и на груди непремѣнно крестомъ.

Въ пеленкахъ дитя находится до году, а чаще — гораздо долѣе. Сверхъ того держатъ въ зыбкахъ. Грубыя тряпицы служатъ ребенку постелью и одѣяломъ.

Дитя кормитъ сама мать. Но, вслѣдствіе бѣдности, недосуга, тѣсноты—такое воспитаніе постоянно невозможно, и потому парятъ въ печахъ коровье молоко, или вскармливаютъ ребенка сырымъ молокомъ, которое искусственно даютъ ему чрезъ *титьку*—простую *соску*, или костяной *рожокъ*, съ привязаннымъ къ нему сосцемъ коровы.

Воспитаніе идетъ безъ присмотра и особеннаго вниманія. Няньками бываютъ сами матери, или подростки-дѣвочки и парни, свои или нанятые для того, чтобы укачивать въ *зыбкѣ* и *водяцца*, если кричитъ дитя, и вообще качаютъ каждый разъ, какъ только оно расплачется. Если же ребенокъ уже вышелъ изъ люльки, его кладутъ на печь или на палати, а между тѣмъ *татки* и *мамки*, или матки, уходятъ изъ дому, дѣти падаютъ, ушибаются и остаются на вѣкъ *стройниками* (увѣчными). Но зачастую и *выбочныхъ* оставляютъ безъ старшихъ съ соскою или рожкомъ. Не смотря на холодную погоду, женщина, уходя въ гости или по дѣлу, несетъ съ собой и дитя, кое какъ завернутое въ свою *шубейку*, или—просто въ корзинѣ.

Подросшихъ дѣтей держатъ въ заперти, или напротивъ даютъ имъ полную, безграничную волю. Только тогда-то, на вольномъ просторѣ и ничѣмъ неудержимой свободѣ, дѣти развиваютъ свои способности. Иначе бываетъ то, что за небольшой проступокъ, а иногда ни за что ни про что, бьютъ дѣтей, дѣлаютъ подневольными мучениками, пугаютъ, устращиваютъ, и дѣти, разумѣется, наконецъ, представляютъ вырожденный и выхоленный типъ тупоумія и суевѣрной боязни.

Чтобы слѣдить за тѣмъ, что дѣти дѣлаютъ и отстранить ихъ отъ дурнаго, этого не водится въ крестьянствѣ; о внушеніи же чувствъ и говорить нечего. Да и какое же можетъ быть возбуждено чувство высокое, когда дѣти присутствуютъ при всякихъ кровавыхъ зрѣлищахъ, внушающихъ страхъ.

Къ чистотѣ и опрятности родители пріучаютъ дѣтей мало. Но они считаютъ себя въ правѣ осыпать ребенка бранью за замаранье новыхъ сапоговъ, новаго кафтанишка и т. под.

Не давъ окрѣпнуть въ силахъ, ребятъ заставляютъ ѣздить на лошадяхъ, рубить дрова, носить тяжести и пособлять отправлять тяжелыя работы.

И, не смотря но это, спросите крестьянъ, каково воспитаніе у нихъ дѣтей,—и они вамъ отвѣтятъ: и мы вѣдь съ ребятами обходимся ласково и балуемъ ихъ. И это правда потому, что таково ихъ пониманіе, такова родительская любовь.....

Большаго влеченія къ ученью въ здѣшнихъ жителяхъ нѣтъ, но нельзя сказать, чтобы потребность образованія не увеличивалась. Крестьяне чувствуютъ, однако, антипатію не потому, чтобы отвергали пользу ученія, а просто потому, что ужъ «*такъ предки жили и безъ этого,*» или «*ужъ такъ на роду написано*» (жить дикаремъ). Да они, по правдѣ сказать, такъ и живутъ и нѣкоторые боятся ученія; а между тѣмъ, говорятъ «*мы темные люди, ничего не знаемъ*».

Жители, живущіе близь города и по тракту отъ Холмогоръ къ Пинегѣ, болѣе любятъ грамотность. Въ верхъ же по рѣкѣ Пинегѣ ученіе принимается не такъ охотно, потому что тамъ существуетъ наиболѣе расколъ, или народъ недоброй нравственности.

Хорошею нравственностію хвалятся крестьяне Никитинской волости (жители древней Кевроли), а самою худою—прихожане Чакольскаго и Перемскаго (Перема въ переводѣ Погимоста, чертова земля) приходовъ.

Кромѣ трехъ сельскихъ штатныхъ училищъ, существовали здѣсь до конца Управленія Государственныхъ Имуществъ въ церковныхъ трапезахъ элементарныя школы грамотности почти при каждой приходской церкви и учащихся было довольно. Обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ нихъ занимались мѣстные причты. На содержаніе школъ особой суммы назначено не было, а существовали таковыя на счетъ пожертвованій разныхъ лицъ. Въ настоящее время такихъ школъ, ни содержимыхъ обществомъ, ни благотворительностію частныхъ лицъ нѣтъ нигдѣ. Не имѣя ни малѣйшей матеріальной поддержки къ существованію и содержимые единственно пожертвованіями весьма немногихъ учащихся, эти разсадники умственной пищи—постепенно закрывались и ученіе прекратилось наконецъ во всѣхъ.

Не мало учится еще дѣтей у разныхъ грамотѣевъ: поповъ, дьяконовъ, дьячковъ и писарей. Читать и писать женщины умѣютъ очень немногія, такъ что численность ихъ предъ числомъ грамотныхъ мущинъ какъ 1: 10.

Въ народѣ есть охота слушать чтеніе печатныхъ книгъ. Въ воскресные дни, когда рѣдкіе гостятся, *му-*

мается ни днемъ, ни ночью, исключая тѣхъ случаевъ, когда нужно идти мыться въ баню. Говорятъ, что еще лучше носить около живота, вмѣсто тесемчатаго пояса, вязанныя сѣточки, такъ какъ изъ нитокъ ихъ вывязываемы бываютъ молитвы.

г) *Головня.* Головня и теперь, по вѣрованію жителей, имѣетъ силу противъ дьявола. Ее носятъ по полямъ предъ сѣвомъ хлѣбовъ. Головнею очертываются при гаданіяхъ на разстаньяхъ; черти не могутъ перейти черты круга.

д) *Пастушеская палка.* Она и теперь имѣетъ то значеніе, что если перебросить ее черезъ скотину—она не будетъ уходить отъ дому далеко, куда уводитъ лѣшій.

е) *Молнія.* О силѣ ее сообщено ранѣе.

ж) *Звонъ* (звукъ) колоколовъ. Заслышавъ звонъ церковныхъ колоколовъ, дьяволъ бѣжитъ прочь отъ человѣка. Замѣчаютъ еще, что если выйти изъ дому, войти въ него, кончить что либо въ самое начало звона—есть предвѣстіе добра.

з) *Пѣніе пѣтуха.* Если пѣтухъ запоетъ ранѣе полуночи, т. е. ранѣе обыкновеннаго, то значитъ, что онъ видитъ дьявола и пѣніемъ своимъ прогоняетъ его.

и) *Иконы.* Ихъ вносятъ въ домы и обносятъ вокругъ деревень, чтобъ отогнать злыхъ духовъ. Священники окропляютъ водою въ домахъ и на улицахъ тоже для того.

Лѣшій. Тотъ же дьяволъ называется еще *лѣснымъ, лѣсовикомъ, лѣшакомъ и полевикомъ.*

Лѣшій — хозяинъ лѣсовъ. Онъ живетъ въ лѣсной трущобѣ и непроходимой чащѣ.

Раздается по лѣсу эхо, т. е. отдается голосъ на голосъ. значитъ *откликается лѣшій.*

Народъ вѣритъ, что если человѣкъ сбился съ извѣстнаго пути, то значитъ *его обвелъ лѣшій*; онъ будто бы затмѣваетъ память.

Лѣшій похожъ на человѣка.

Онъ старается лишить путешественника разума и ввести его въ заблужденіе.

Лѣшій показывается иногда выше лѣса.

Обманувъ человѣка, лѣшій хлопаетъ въ ладоши и громко смѣется.

Говорятъ, что заплутавшагося человѣка *ветръ не тронетъ* потому, что его охраняетъ лѣшій, которому *захотѣлось пошутить.* Чтобы избавиться отъ блужданій, заплутавшій долженъ выворотѝть свое платье и надѣть его на изнанку.

Лѣшій — злой. Онъ сядится въ сани къ проѣзжающимъ, особенно къ пьяному ямщику, правитъ лошадьми и завозитъ туда, откуда трудно выдраться. Или когда промышленники находятся въ промысловыхъ избушкахъ, приходитъ къ нимъ посмотрѣть, и если ему не понравится тамъ, ломаетъ, бьетъ что попало и шутитъ.

Что лѣшій гонитъ звѣрей—и теперь въ то вѣруютъ. Такъ, если является много рыщущихъ волковъ—значитъ *волкъ идетъ на войну, а лѣшій потѣшается.*

Разсказъ о лѣшемъ (подлинныя слова): «Человѣкъ около шести или семи собирали на лѣсномъ болотѣ, знаете, ягоды; все были мужики, нужно знать. Собирали они долго и набрали ягодъ множество, а время стало эдакъ на сумеркахъ. Черту жалко что-ли стало, вотъ онъ и явился. Такъ таки человѣкъ да и только, худо и различить, но ужъ большой и въ какомъ то красномъ невиданномъ нарядѣ. Онъ не шелъ, а ѣхалъ на вороно̀мъ большущемъ конѣ, да и очень скоро. Но, только поровнялся съ огородами, не поѣхалъ вѣдь въ ворота, а они были отперты,—отворотилъ и конь перескочилъ черезъ огороду, знать потому, что пораньше немножко проѣхалъ старый старикашка, тутошный крестьянинъ, да передъ самыми то воротами перекрестился,—былъ онъ, знаешь ли, больно набожной».

Злыхъ духовъ боятся особенно ночью.

Запаху ладона приписываютъ силу отгонять духовъ. Вслѣдствіе этого и курятъ ладонъ въ извѣстные дни, случаи и праздники, нося курящіяся кадила по всѣмъ комнатамъ и въ сѣни.

Домовой, еще называется *дворовикомъ, хозяйнушкомъ и дѣдкомъ.*

Нѣтъ дома безъ него, безъ его призора и ухода.

Онъ не считается злымъ. Онъ дѣлаетъ хозяйствамъ пользу въ несчастіяхъ.

Домовой даетъ знать о какомъ нибудь счастливомъ или несчастномъ приключеніи тѣмъ, что давитъ кого нибудь изъ односемьянъ во время ночнаго сна.—Онъ если любитъ хозяина: 1) ложится на грудь поперекъ длины человѣка, давитъ и душитъ такъ, что тотъ неможетъ повернуться (это—кошемаръ, болѣзнь); чтобы узнать—о предстоящей ли радости или печали извѣщаетъ домовой, нужно спросить домоваго *къ добру или худу онъ давитъ*, или же можно узнать потому, теплый или холодный онъ: теплый — къ радости, а холодный — къ худу.

2.) Извѣщаетъ такъ: если на подволокѣ, въ амбаръ или хлѣву будетъ ревѣть хозяйнушко, то онъ этимъ даетъ знать, что въ домѣ приключится несчастіе.

3.) Передъ бѣдою: передъ пожаромъ, передъ смертью, извѣщаетъ тѣмъ, то будитъ хозяина ночью своимъ воемъ или сильно ущипнетъ.

4) Кого любитъ, тому дворовикъ навиваетъ ночью на головѣ и въ бородѣ кины (косы) изъ *волосьевъ*, такъ что ихъ не расплетешь.

Домовой смотритъ за хозяйскимъ скотомъ. Которое животное любитъ хозяйнушко, то бываетъ здорово, гладко, чисто,—тому онъ навиваетъ въ гривѣ *космы* (тоже косы). Но когда свистятъ *въ жилой хороминѣ*,

чего не любитъ *домовой хозяинъ*, случается, что и любимая скотинка заболѣваетъ; значитъ, что хозяйнушко откладываетъ попеченіе о ней. Когда домовой не любитъ домашнюю скотину, напримѣръ лошадь—гоняетъ ее по двору всю ночь, такъ что она потѣетъ и фыркаетъ; у ней онъ крадетъ кормъ и подкладываетъ его той, которая *ко двору;* послѣдняя ежедневно жирѣетъ, а первая постепенно чахнетъ, и напослѣдокъ остается только одна кожа да кости и, наконецъ, умираетъ.

Есть еще повѣрье, что лошадей *заговариваютъ,* такъ что хотя бы купившій ее жилъ за 300 верстъ, она прибѣжитъ къ старому хозяину, пренебрегая всякими опасностями. Вѣруя въ это, покупающій старается чрезъ знахаря *снять съ лошади уходъ.*

Но есть особаго рода нечистая сила, вселяющаяся въ домы, называемая *нежитъ* (злой духъ).

Народъ думаетъ, что черти всего болѣе обрѣтаются въ пустыхъ, нежилыхъ домахъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ случались несчастные случаи, какъ-то убійство, повѣсившіеся; говорятъ, что въ нихъ *пугаетъ.* Но есть и такіе домы, мимо которыхъ въ темное время боятся ходить многіе. Да и вообще, воображеніе суевѣритъ наиболѣе среди темноты и тишины.

Жители также думаютъ, что плотники имѣютъ секретъ въ постройкѣ, т. е. могутъ построить зданіе къ худу и къ хорошему, какъ имъ захочется. Такъ чтобъ закласть домъ *на чью нибудь голову*, т. е. чтобъ кто нибудь умеръ изъ хозяевъ новаго дома, стоитъ зодчему только поставить къ верху комлемъ то дерево, которое считается въ основаніи дома *главнымъ.*

Замѣчаютъ, что если въ домѣ нерѣдко бываютъ покойники, тотъ домъ несчастный, въ немъ пребываетъ *нежитъ,* хозяйнушко не любитъ живущихъ. Въ такомъ домѣ опасаются жить.

Если по ночамъ что нибудь постукиваетъ на чердакѣ, то думаютъ, что въ домѣ *завелась нежить.* Это же означаетъ, что *домовой выпираетъ жильца изъ дому, что ужъ тѣтъ больше жиры.*

Когда появится въ домѣ много крысъ и мышей—квартирантъ *не уживается* долго въ немъ. Это тоже означаетъ, что *напущенная тварь домовымъ выживаетъ жильцевъ.*

Байнушко. Бани совершенно считаются нечистыми зданіями. Но ходить въ баню мыться долженъ всякій. Кто не моется въ нихъ, тотъ не считается добрымъ человѣкомъ.

Въ банѣ не бываетъ иконъ и не дѣлается крестовъ.

Съ крестомъ и поясомъ не ходятъ въ баню, они снимаются и оставляются въ домахъ. Тоже дѣлается женщинами предъ мытьемъ половъ.

Да и вообще все, изъ чего моются, считается нечистымъ: тазы, кадки, ушаты, шайки, ковши въ баняхъ.

Пить въ банѣ воды, приготовленной для мытья, хотя бы она была чистая—нельзя. Также вода въ рукомойникахъ почитается нечистою и ею нельзя даже выполаскивать посуду, а не только что пить.

Говорятъ, что если есть охота увидать черта въ банѣ, надо зайти въ нее въ ночное время и, заступивъ одного ногою за порогъ, скинуть съ шеи крестъ и положить его подъ пяту ноги.

Жители не ходятъ въ баню *въ третій паръ*, т. е. послѣ двухъ разъ мытья безвыходно послѣ каждаго приготовленія бани, потому что третій паръ оставляется *байнушку*, который будто бы тоже и моется, и парится. Иные оставляютъ для этого воду и вѣники.

Въ банѣ нельзя стучать и говорить громко. Иначе, байнушка разсердится и напугаетъ.

По выходѣ изъ бани благодарятъ такъ: «*спасибо те, байнушко, на парной байночкѣ.*»

Баня называется испорченно *байною.*

Водяной, такой же черный и мохнатый, какъ и лѣшій. Водяниха имѣетъ большія отвислыя груди и длинные волосы.

Разсказываютъ, что многіе видали, какъ водяниха выходитъ на камень разчесывать длинные волосы свои.

Водяной живетъ въ глубочайшихъ ямахъ, въ озерахъ или рѣкахъ. Надъ тѣми ямами *вертитъ воду.* Такія мѣста называются *чертовыми домовищами.* Слѣдственно водяной *живетъ домомъ,* т. е. имѣетъ семейство.

Водяниха изъ воды выходитъ нагою въ полночь и садится на камень; тутъ она разчесываетъ свои волосы большимъ гребнемъ.

Народъ вѣритъ, что утонувшій утонулъ не самъ собой, нечаянно постигшею смертію, а *стащилъ его водяной.* Говорятъ, что и тонутъ люди болѣе тамъ, гдѣ есть домовища. Водяной сперва утягиваетъ человѣка въ воду, потомъ *заверчиваетъ* до смерти. Иногда же всовываетъ въ хворостъ, въ верши, подъ камень, сдираетъ кожу, свертываетъ голову и т. под. Въ концѣ же всего, *натѣшившись,* водяной выбрасываетъ мертваго.

Народъ представляетъ изуродованія предсмертной агоніей утопленника въ истерзаніи водянымъ.

Водяной играетъ, т. е. дурачится болѣе лѣтомъ въ Ивановскую и Ильинскую недѣли. Тогда онъ *ради шутки,*— ждетъ всячесихъ жертвъ.

Доказываютъ, что случаи утонутія больше всякаго времени случаются въ эти недѣли.

Въ старину, въ случаѣ бури, для умилостивленія, бросали людей по жеребію. Нынѣ этотъ суевѣрный обычай замѣнили *перечетомъ* извѣстныхъ *плюшивыхъ*; число ихъ означаютъ зарубками на палочкѣ, и палочку эту съ пришёвомъ бросаютъ въ рѣку или озеро, гдѣ застигла буря.

Баба яга. О ней водится въ народѣ слѣдующая *перегудка* (прибаутка).

Баба—яга,
Поротая нога,
Она спитъ, пердитъ,
Колесомъ вертитъ,—
Лишь пуговицы рвутся,
Прорѣхи дерутся.

Баба-яга почитается воровкою дѣтей, по этому и пугаютъ дѣтей: «у! у! хамъ-те..... баба-то яга.... схватитъ.... поднко, поди..... вотъ она, тутъ и есть за дверями». Или пугаютъ ребятъ и просто *букою;* ее считаютъ черною, оборванною женщиною;—у молдаванъ же букою называются полевыя крысы (Сѣверная Почта № 117. 1862 г.)

Малороссійскую пословицу: баба да чертъ, то собе рідня,—здѣсь замѣняетъ пословица: *мужъ да жена— одна сатана.*

Къ *знахарямъ* деревенскіе жители обращаются во многихъ случаяхъ. Суевѣріе, со всею своею нелѣпостью существуетъ не только въ деревняхъ, но и въ городѣ. Оно велико и обнимаетъ почти всѣ отношенія и соприкосновенія человѣка въ жизни.

Но вѣра въ *знахарей* обща простому сельскому народу. *Случится ли покража, пропадетъ ли у коровы молоко, заберетъ ли ревность, вахочется ли прилюбить* (*присушить*), *случится ли болѣзнь*,—мужикъ и, особенно, женщина бѣжитъ къ знахарю или ворожеѣ, и тотъ или другая *поворожитъ* или *покудесничаетъ.*

Народъ вѣритъ и просьбы бываютъ удовлетворяемы безотказно. Знахари способны на все, все знаютъ, всесильны и содержатъ всѣ способы сохраненія здоровья и всѣ пособія на разные случаи: отъ бѣдъ, золъ, напастей.

Чародѣйствія приписываютъ сверхъестественной силѣ.

Знахари суть люди очень обыкновенные, но проныры, лгуны, шарлатаны и отъявленные злодѣи. Посмѣяться, сдѣлать зло—такая практика, таково сужденіе у другаго во всю его жизнь; да и такъ какъ *колдунъ* состоитъ всю жизнь въ зависимости отъ дьявола,—то что можетъ сдѣлать служитель злаго духа?!

Предсказавшему или пособившему въ горѣ чародѣю дѣлается особенное уваженіе, *вѣжливость* (въ истинномъ значеніи слова), и нѣтъ почти конца благодарностямъ: ему *почетъ* о праздникахъ и на свадьбахъ какъ главному лицу, вездѣ онъ—какъ говорится—*правая рука*, вѣкъ его не забываютъ и дарятъ.

Они въ народѣ называются: *знатоками, знающими* (отъ того, что *знается* съ дьяволомъ), *знахарями, шептунами, заговорщиками, лекарями, ворожбами, икотниками, колдунами.* – Въ древности знахарь назывался *кудесникомъ.*

Говорятъ, чтобъ узнать силу и искуство колдуновъ, т. е. *сознаться* и *водиться* съ чертями, нужно снять съ шеи крестъ, положить его въ сапогъ подъ пяту и ходить такъ нѣсколько времени, говоря слова: *отрекаюсь Бога и Животворящаго Его Креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ;* кромѣ того, нужно отказаться отъ родныхъ. Вѣрятъ, что колдунамъ непремѣнно содѣйствуютъ дьяволы, которыхъ они видаютъ въ лицахъ.

Потеря знанія колдуна составляетъ еще для насъ нѣкотораго рода секретъ. Бываетъ, что колдунъ теряетъ свое знаніе тогда, когда противъ его дѣйствій пойдетъ болѣе сильный знахарь, или если постараться разбить носъ колдуна мужицкимъ кулакомъ такъ, чтобы вытекла кровь.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о колдовствѣ здѣшнихъ знахарей можно найти въ главѣ о заклинаніяхъ, наговорахъ и оберегахъ, помѣщаемой въ слѣдующемъ выпускѣ.

Крестьяне вѣрятъ и нынѣ, что болѣзни, особенно лихорадки, являются женщинами во время сна.

Они говорятъ и вѣрятъ, что смерть предъ кончиною жизни человѣка, назначенной судьбою, является въ видѣ человѣческаго скелета, а иногда и сказываетъ, что *пришла похитить такого-то.* Вѣрованію въ это способствуютъ картины, гдѣ смерть показывается безтѣлесною и съ косою, на подобіе *литовки* (русской косы).

Заклинаніе, или *наговоры, заговоры* и *подходы,* бываютъ къ властямъ, на любовь (дѣвушки, на разлуку замужней, на любовь всѣхъ),—на исцѣленіе отъ ранъ, недуговъ и болѣзней (отъ урока, сглаза, отъ вередовъ и чирьевъ, отъ нечистоты, отъ истеченія крови, прикоса, призора, отъ ожога, отъ грыжи, отъ пьянства, отъ ушибовъ, на притчи, отъ стрѣлъ, отъ полунощницы, отъ зубной боли),—на полученіе уваженія, счастія, корысти.

Обереги бываютъ разные отъ всѣхъ золъ и напастей (на сохраненіе скота, живота, при родахъ, при поѣздѣ свадьбы).

Напуски и порчи бываютъ на болѣзни, на учиненіе всякаго зла (*насадить грыжу, килу, стрѣлы, икоту, останавливать свадьбы, прятать незамѣтно вещи, угонять скотъ отъ вида*).

Ворожба бываетъ въ случаяхъ воровства, для узнанія вора. Кромѣ того употребляются *оприкосы*, или заклинанія отъ глазу и порчи, *правила* промышленникамъ и охотникамъ на звѣря, птицу и рыбу. Смотри подробнѣе въ слѣдующемъ выпускѣ сего Сборника.

По мнѣніямъ знахарей, болѣзни бываютъ двухъ родовъ: однѣ рождаются отъ воды, отъ лѣсу, отъ могилы, отъ земли и т. п., другія же происходятъ отъ *порчи* недобрыхъ людей.

Чтобы узнать, отчего произошла болѣзнь, колдунъ беретъ крестъ отъ больнаго и опускаетъ въ воду, въ которой разсматриваетъ по своему искусству.

Болѣзни въ простонародіи подраздѣляются на *скорбь, черную болѣсть, падучую болѣзнь, болѣчь, немочь, призоръ, прикосъ, сглазъ, урокъ, исполохъ, худъ, овёву, икоту.*

Порча, въ обширномъ смыслѣ, разумѣется вообще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства.—Порча бываетъ и тогда, когда кто идетъ, *да перешагнетъ* чрезъ порогъ *не благословясь,* т. е. не перекрестившись и съ худыми мыслями.

Скорбь—сердечная болѣзнь.

Черная болѣсть—холера, а также сифилитическая.

Немочь—вообще естественно рождающіяся болѣзни.

Сглазъ, или урокъ. *Иной разъ захвораешь или слѣдетъ те чирей отъ худаго глаза*, слыхалъ я разговоръ крестьянъ. Они, по этому, стараются сирывать отъ посторонняго взора ребятъ, больныхъ, невѣстъ; думаютъ, что могутъ случиться съ ними болѣзни отъ дурныхъ глазъ злыхъ и хитрыхъ людей.

Урокъ значитъ сухота.

Призоръ, или прикосъ, по мнѣнію суевѣрныхъ, происходитъ отъ недоброжелательнаго, завистливаго взгляда чужаго человѣка. Объ этомъ случаѣ говорятъ: *ему съ глазъ пришло* (нездоровое),—*ужъ его вѣрно кто нибудь оприкосилъ.*—Когда хвалятъ родство или красоту, или, напротивъ, ругаютъ—*оговариваются* и *отплевываются.*

Озева происходитъ тоже *отъ сглазенья*, отъ дурнаго недобраго глаза, или отъ словъ, сказанныхъ кѣмъ либо *въ сердцахъ* про другаго съ досадою, со злобною завистью, или же *отъ зьвоты и потяготы* при одолѣніи лѣности на кого нибудь. Есть что-то (прибаутка или наговоръ): «*ленъ потягота, поди на Ѳедота, съ Ѳедота—на Якова, а съ Якова—на всякаю.*»

Оговоръ напускается также отъ какихъ либо словъ завистливаго чужаго человѣка, сказанныхъ хотя отъ добраго сердца и даже ласковыхъ, но не въ добрый часъ. Оговореннаго вспрыскиваютъ чрезъ уголь холодной водой.

Исполохъ—есть мгновенный испугъ. Испугавшагося обрызгиваютъ водою, или *исполохъ унимаетъ* знахарь.

Леченіе больныхъ фокусниками—знахарями производится въ одно и тоже время врачебными средствами и заклинаніями, т. е. остатками древнихъ языческихъ молитвъ, по мнѣнію народа, съ волшебнымъ участіемъ нечистой силы.

Врачеваніемъ у знахарей служатъ большею частію травы, такъ напримѣръ, какой-то *воронецъ* отъ умниковъ, *плакунъ* отъ икоты, настой въ винѣ изъ *цвѣта* и *полуцвѣта* отъ всякой болѣзни; однакожъ идутъ въ дѣло кошачье сало, сорочьи мозги и проч. Но главная сила какъ въ леченіи, такъ и въ заговорахъ, оберегахъ, подходахъ и *напускахъ*, состоитъ въ нашептываніи.

Нашептываніе производится въ воду, квасъ, пиво, вино, скипидаръ, соль, сливки, деревянное и коровье масло, въ хлѣбъ, калачи, пряники, въ перчатки, въ скатерти, платье, на кольцо, кресты. Чтобы получить желаемую пользу отъ *колдовства*, надобно воду, квасъ, пиво, вино, сливки — выпить, — скипидаръ, соль, масло — вытереть на тѣло,—а изъ одежды одѣть или положить около себя. Водой еще сбрызгиваютъ и окачиваютъ; при этомъ нерѣдко употребляется ножъ или ножницы. Отъ того, изъ суевѣрной боязни получить напускъ, крестьянинъ, начавъ что либо пить, *одунетъ* питье кресто-образно и сотворитъ Іисусову молитву; жидкое все, молоко, воду и другое — закрываютъ, если *не покрышками,* то двумя лучинками, на крестъ положенными.

Народъ вѣритъ отчасти, что мущина, выпившій *спитки* (остатки отъ чего нибудь жидкаго) воды, кваса, пива, водки и др. послѣ питья женщины, привяжется къ ней и будетъ волочиться за нею. Бываетъ тоже—говорятъ—и наоборотъ съ дѣвушкою, или замужней женщиною, выкушавшею опитки мущины.—По этому, всегда почти, остатки тѣ выливаютъ изъ сосуда вонъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться оттого такъ, что безъ женщины, или ей—безъ мущины, нельзя будетъ ни жить, ни быть.

Кромѣ наговоровъ и подходовъ на любовь дѣвицъ, есть еще магическія средства. Такъ, носятъ коровью кость, составляющую проходъ съ ложечкою дѣтороднаго уда; когда, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, выползаютъ лягушки и кричатъ, должно взять на желѣзный крючекъ тѣхъ, которыя будутъ въ совокупленіи, и повѣсить въ соединительномъ положеніи, чтобы онѣ такъ околѣли и высохли; потомъ, такія лягушечьи скелеты, носятъ припрятавши съ увѣреніемъ, что которые ихъ имѣютъ, тѣмъ ни въ чемъ не откажетъ ни одна дѣвушка.

Ворожба. Чтобъ узнать кто укралъ, знахарь беретъ рѣшето, ноженки, ковригу хлѣба и икону. Первѣе на столъ кладетъ хлѣбъ, а на хлѣбъ икону; рѣшето же обечкою налагаетъ на ножницы, а расширенныя ножницы

беретъ въ руки, и, приспособляя, устанавливаетъ, чтобы онѣ съ рѣшетомъ держались на ногтяхъ пальцевъ рукъ. Потомъ произноситъ имена тѣхъ людей, которыхъ подозрѣваютъ въ винѣ. Когда, изъ прикосновенныхъ по подозрѣнію въ кражѣ, подходитъ къ хлѣбу съ стоящей на немъ иконой, смотря на нее (какъ бы присягая), рѣшето должно тогда же качнуться въ которую либо сторону. Если оно качнется прочь отъ обвиняемаго,— то значитъ, что онъ непричастенъ въ разъясняемомъ преступленіи; но ежели рѣшето наклонится въ сторону приводимаго, то онъ виновенъ въ воровствѣ. Этому вѣрятъ болѣе, чѣмъ бы застать вора на его дѣяніи.

Въ другихъ случаяхъ ворожбы гадаютъ различными способами: смотрятъ въ чашки съ водою, бросаютъ въ рѣку стружки, дѣлаютъ какіе-то знаки на лучинкахъ, бросаютъ въ огонь бересту. Тогда, узнавая вора, знахарь не называетъ имени его, а только разсказываетъ въ общихъ чертахъ примѣты, платье, обувь.

Въ дополнительныхъ замѣткахъ къ статьѣ объ обычаяхъ г. Иванова, находимъ еще слѣдующія данныя:

— Когда бываешь на лѣтнихъ гуляньяхъ въ деревняхъ, то, по расходѣ дѣвичьяго круга и борьбы мущинъ, знакомые приглашаютъ васъ къ себѣ такими словами: «просимъ поужинать». Если же вы переждете въ деревнѣ и вечернюю и ночную пору, то васъ позовутъ такъ: «просимъ поужинать съ нами, да переночевать».

— Точно какъ передъ сѣвомъ, такъ и передъ просьбой хозяйки приготовляютъ обыкновенные колоба на маслѣ.

— Въ день праздничный многіе уходятъ изъ домовъ слушать обѣдню въ мѣстныхъ церквахъ, гдѣ празднича отъ. Послѣ этого расходятся по гостямъ и живутъ *до закатимаю* т. е. до самой ночи; другіе-же ночуютъ.

— На Покровъ Пресв. Богородицы, дѣвушки вымаливаютъ жениховъ еще такъ: «*Господи! наведи мнѣ мужа умнаго-разумнаго!*»

— Въ Михайловской волости вмѣстѣ съ гробомъ покойника везутъ *хлѣбню* съ шаньгами, пирогами и колюбакой. По отпѣваніи этой провизіей пользуются священно-церковно-служители. Трапеза совершается въ церкви. Остатки отъ стола раздаются нищимъ.

— Въ день «Сорока Святыхъ» (мучениковъ, 9 марта) есть обычай печь изъ чернаго и бѣлаго тѣста (конечно, особо изъ каждаго) печенья въ видѣ птички или, какъ говорятъ, «уточки». Это означаетъ прилетъ жаворонка. Кромѣ того въ этотъ день пекутъ *сочни* не изъ тѣста, а изъ *опары* на ягодахъ брусники, и непремѣнно 40 числомъ, или дважды 40.

— Въ праздники ничего не дѣлаютъ, а бражничаютъ, потому что если работать—«Богъ руки отниметъ», если заниматься умственно—«Богъ разумъ отниметъ».

— Въ свадебные дни двери дома, гдѣ празднуется свадьба, остаются открытыми. Лишь въ домѣ невѣсты запираютъ ворота, когда благословляютъ родители передъ отъѣздомъ.

— Въ переломъ говѣнья, т. е. на 4-й недѣлѣ великаго поста, пекутъ *колобы* на постномъ маслѣ.

— При ходьбѣ съ «кашными пѣснями» схватываются руками и идутъ женщины впереди, а мужчины (отдѣльно) позади.

— Кончивъ на послѣднемъ полѣ жатву, кашницы собираются вокругъ и становятся глазами на востокъ. Затѣмъ всѣ въ голосъ и громко кричатъ, крестясь при томъ: «слава Богу, слава Богу, (такой-то) обжался, (такой-то) обстрадался». Потомъ берутъ серпы и женщины отправляются къ хозяину на пиръ съ пѣснью, которую поютъ и передъ домомъ поле-хозяина, пока онъ не растворитъ у себя воротъ и не попроситъ войдти въ избу.

— Въ первый день Пасхи не метутъ половъ и не варятъ каши, даже не завариваютъ скоту парева, по тому суевѣрію, что иначе: выпашешь изъ дому, или сваришь Христа.

— О Пасхѣ на колокольни дѣвки собираются около полудня. Прежде, сказываютъ, на колокольняхъ водили круги, а въ церковныхъ оградахъ упражнялись въ разныхъ играхъ и забавахъ.

— Въ «*чистый понедѣльникъ*»: а) рано утромъ скатываются по три раза съ ледяныхъ горъ: «на ленъ и коноплю», т. е. на урожай ихъ; б) моются въ баняхъ-очищаются; в) не варятъ «горячаго»,— не приготовляютъ вареной и жареной пищи; г) не зажигаютъ весь вечеръ огня для своего освѣщенія.

— Послѣ мытья въ банѣ, въ церковь въ тотъ день не ходятъ, ибо это грѣшно.

Касательно гаданій въ Пинежскомъ уѣздѣ читаемъ слѣдующее въ статьѣ П. А. Иванова:

Въ настоящее время гаданіе есть ничто иное, какъ одна бабья философія; прошло много времени и древнія творенія потеряли значеніе, потому что потеряли силу въ глазахъ людей съ понятіями.

Главныя гаданія бываютъ о *святкахъ, въ святые вечера*. Такими вечерами называются вечера 22, 23, 24 и 31 декабря и 5 января; святыми же называется періодъ времени отъ Рождества до Крещенья. Также гадаютъ и въ переломъ великаго поста, т. е. въ ночь съ среды на четвергъ 4-й недѣли.

1). *Льютъ воскъ и олово*. Верутъ кусокъ олова или воска и растапливаютъ на огнѣ; а потомъ горячее оно опускается въ холодную воду. Какая фигура образуется изъ слитка, то и означаетъ будущее: выльется круглая пуговка, въ видѣ головки,—родится дитя; сольется

олово или воскъ въ пластинку,—значитъ гробъ—смерть и т. п.

2). *Смотрятъ въ зеркала.* Для этого иконы убираются изъ предназначенной комнаты, окна съ улицы заслоняются ставнями или завѣшиваются изъ нутри, крестъ скидывается съ *ворота* (съ шеи) и кладется подъ пяту. На средину комнаты ставятся два стола, на нихъ полагается по одному большому зеркалу и передъ ними зажигаются восковыя свѣчи. Гадающая раздѣвается въ сорочку, садится въ средину межъ столами и въ такомъ положеніи ожидаетъ полуночи. Въ 12 часовъ по полуночи, будто бы является въ зеркалахъ тѣнь того самаго жениха, который возьметъ гадальщицу въ замужество,—или придетъ покойникъ,—или же покажется гробъ. Говорятъ, что этотъ способъ очень страшенъ и что не мало гадавшихъ лишалось отъ страха жизни.

3). *Жгутъ бумагу.* Берутъ примѣрно поллиста бумаги (мягкой и тонкой) писчей и ее складываютъ какъ мѣхи у гармоники. Сложенную такъ бумагу устанавливаютъ въ стоячку на гладкомъ мѣстѣ (на столѣ, на подносѣ) ближе къ стѣнѣ. Свѣчу съ огнемъ опускаютъ ниже, такъ чтобы свѣтъ показывался не много изъ подъ стола или чего другаго. Поставленную бумагу зажигаютъ сверху, во всѣхъ направленіяхъ вдругъ. При тишинѣ она постепенно горитъ и сгараетъ въ трутъ, который свертывается въ разнообразные виды. Виды эти показываютъ отъ тѣни рисунокъ на стѣнѣ; по нимъ-то и узнаютъ, что будетъ въ жизни слѣдующаго года. Мнѣ не разъ случалось видѣть гаданія всякаго рода и показалось, что всегда ими болѣе выливается, показывается и слышится то, о чемъ настроены мысли, и какъ человѣка постоянно занимаетъ не одинъ предметъ, или не одна мечта, хотя всѣ думы не въ одинаковой степени воображенія, то непременно предугадыванія кажутся согласными съ бродящими въ головѣ планами.

4). *Гадаютъ на зерно.* Каждая изъ собравшихся дѣвушекъ беретъ *пригоршню* зерноваго хлѣба и высыпаетъ ее изъ рукъ на полъ кучкою. Такихъ кучекъ высыпается на полъ въ разныхъ мѣстахъ столько, сколько гадаетъ дѣвушекъ; всякая знаетъ свою. По полу пускаютъ пѣтуха. Замѣчаютъ: чью кучку напередъ станетъ клевать пѣтухъ,—та выйдетъ замужъ ранѣе прочихъ.

5). *Слушаютъ на разстаняхъ,* (мѣстахъ, гдѣ сходятся, или расходятся вѣтви дорогъ). Вотъ разсказъ объ этомъ гаданіи. Не очень давно собралось нѣсколько дѣвушекъ послушать *въ святой вечеръ на разстани.* Взяли они съ собой не трусливой руки парня и вышли *на разстаню.* Тутъ они зажгли взятую лучину и углемъ отъ нея очертили по снѣгу кругъ, такъ около себя, въ чертѣ котораго всѣ и усѣлись. Сидѣли всѣ съ трепетомъ, боясь проговорить одно слово. Кресты съ шей у нихъ были сняты и оставлены въ домѣ, гдѣ сговаривались идти слушать. Вотъ подходитъ полночь,—слышатъ звукъ колокольчика, гдѣ-то далеко. Ѣдутъ, сказали, и всѣ переглянулись, подумавши, что будетъ свадьба,—значитъ, которая нибудь изъ дѣвушекъ выйдетъ *замужъ.* Наконецъ, видятъ: ѣдетъ на лошади баринъ, весь въ латахъ,—за нимъ катятся коляски и въ нихъ народу *тьма-тьмущая.* Всѣ ѣдущіе были вооружены: кто ружьемъ, кто пистолетомъ, кто саблею, а кто и штыкомъ. Вотъ подъѣхали они къ тому мѣсту, гдѣ *слушальницы* и подняли такой вой и крикъ, что Боже упаси; всѣ вдругъ кинулись на нихъ, но перейдти за очертанный кругъ не могутъ *да и только,* оттого, что онъ сдѣланъ со *святыми словами,* да и *оружья* занести не могутъ, какъ бы и въ воздухѣ *дьяволенку* сдѣлана стѣна. Долго такъ бѣсы пугали *слушальницъ* нашихъ и говорили «вотъ, вотъ ту стрѣляй» ничего не могли сдѣлать. А дѣвки-то всѣ и трухнули, прижались другъ къ дружкѣ, и лежатъ ни живы, ни мертвы,—знать *впервой* случилось. Подъ конецъ всего стала *заниматься заря* и всѣ черти удрали. Въ послѣдствіи одна дѣвка померла *съ испугу,* а изъ другихъ ни одна не вышла *замужъ* въ тотъ годъ, да и парень-то долго поминалъ *про это,* и бредилъ *во снахъ.*

6). *Слушаютъ у прорубей* на рѣкахъ и озерахъ. Вечеромъ, ближе къ полночи, дѣвка одѣваетъ на ноги чулки и бѣжитъ *къ проруби.* Выслушавъ, что ей надо было, она возвращается домой, и, не снимая съ ногъ чулковъ, ложится на печь спать. Замѣчаютъ: если ночью чертъ потащитъ чулокъ съ правой ноги, мужъ у дѣвушки будетъ хорошій, *путный,*—а ежели тащить чулокъ будетъ съ лѣвой ноги,—мужъ будетъ худой, пьяница.

7). *Слушаютъ у замковъ при церквахъ.* Тутъ отгадываютъ по гулу или звуку, отдающемуся въ церкви: звенитъ,—*къ хорошу,*—шумитъ—*къ худу,*—гремитъ—будетъ что нибудь еще опаснѣе.

8). *Слушаютъ у домовъ* подъ окнами. Замѣчаютъ: если слышится ревъ дѣтей,—въ тотъ годъ у слушающаго родится ребенокъ;—если говорятъ о поѣздкѣ куда либо, будетъ *дальная дорога,*—если поютъ—жить въ году будетъ весело и т. п.

9). *Слушаютъ у пустыхъ строеній.* Замѣчаютъ: если слышится, что пересыпается жито,—годъ будетъ хорошій;—катаются бочки—къ худому году;—тешется или пилится тесъ,—къ покойнику.

10). *Слушаютъ за тынами* (оградами). Тутъ, дождавшись перваго проходящаго, не выходя изъ-за забора, спрашиваютъ: кто идетъ? т. е. какъ зовутъ мужчину. Примѣчаютъ дѣвушки при этомъ, какое будетъ имѣть имя тотъ мужчина, съ такимъ же именемъ будетъ у слушавшей дѣвушки мужъ.

11). *Ходятъ ночью на гумно.* Тутъ, зажмуря глаза дергаютъ зубами изъ овина рожь. Замѣчаютъ: если выдерется полный колосъ—знакъ богатой жизни въ будущности, тощій—напротивъ.

12). *Строятъ на ночь подъ постелью мосты.*

13). *Гадаютъ по дровамъ.* Задумавшей погадать дѣвушкѣ завязываютъ глаза платкомъ. Потомъ ее ведутъ къ костру дровъ, съ тѣмъ чтобы она вынула одно полѣно изъ средины костра.—Замѣчаютъ въ избѣ: если полѣно попадается гладкое—мужъ у дѣвушки будетъ чистый лицомъ, *красавчикъ*; ежели же суковатое и съ кривыми сердцевинами, лице будущаго мужа будетъ шадровитое или нечистое: угреватое, съ пятнами, съ веснушками, или будетъ онъ красивой, но косой.

14). *Замѣчаютъ въ святые вечера.* Отправляясь нарочно по дорогѣ, дѣвушка узнаетъ, что мужа ея (въ мечтахъ) будутъ также звать, какъ зовутъ перваго встрѣтившагося мужчину; такъ и у мужчинъ—жена будетъ съ такимъ именемъ, какое имѣетъ первая встрѣчная женщина.

Кромѣ такихъ гаданій *въ святки*, которыя имѣютъ цѣлью преимущественно узнать суженаго, или суженую,—бываютъ еще особыя на разныя случаи, которыхъ и называютъ примѣтами.

Вотъ еще потѣшный способъ отгадыванія. «Если, напримѣръ ты (такъ слушалъ я исторію фокуса) хоть, захочешь узнать счастье въ своемъ положенномъ на умишкѣ намѣреньи, возьми не глядя (закрыть вѣками глаза), а пальцы у рукъ сожми въ кулакъ,—и оставь не сжатыми только средній палецъ у каждой руки, и руками верти вокругъ (безграничнаго круга) какъ можно шибче; потомъ сведи ихъ мгновенно вдругъ. Если угодишь такъ, что палецъ щелкнетъ о другой палецъ, то намѣреніе твое сбудется счастливо; а если пальцы проскочутъ мимо другъ дружки—то неудача будетъ.

Сверхъ всего вѣрятъ, особливо женщины:

1) въ сны и грезы, съ придачею имъ значенія;

2) изреченіямъ лже-народныхъ дураковъ и дуръ;

3) шарлатанственнымъ ясновидѣніямъ цыганъ, подобнымъ тому, какъ слѣдующая глупая отгадка: у кого природныя черты на ладоняхъ рукъ направлены промежъ-пальцы,—тотъ никогда не будетъ богатъ и напротивъ—деньги *пройдутъ прахомъ*. У кого же онѣ идутъ въ самые пальцы,—тотъ узнаетъ расчетъ въ деньгахъ, у того будутъ копиться деньги, тотъ будетъ имѣть счастіе быть богатымъ;

и 4) ворожбѣ знахарей съ ихъ чудесничаніемъ, которое должно составлять отдѣльную категорію.

Льютъ слова, гадая о своей судьбѣ по той формѣ, какую принимаетъ слитокъ; такъ наприм. походитъ на телегу—гадалица представляетъ себѣ: будетъ путь,—кажется поѣздъ повозокъ—у гадалицы будетъ сватьба и т. п. Часто слитокъ принимаетъ *неопредѣленную* форму и тогда завязывается общій споръ о значеніи слитка.—Слитки сохраняютъ до другихъ святокъ.

—

Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ.

Мы знаемъ только, что въ понедѣльникъ:

1). Не отправляются въ дальный путь потому будтобы, что онъ будетъ несчастливый.

2). Не дѣлаютъ труднаго и не начинаютъ важнаго. Говорятъ, что если дѣлать въ понедѣльникъ что либо трудное и великое, придется всю слѣдующую недѣлю биться въ трудахъ съ неуспѣхомъ и несдѣлать начатаго.

3). Особенно не даютъ въ долгъ, а стараются какъ бы деньги получать, потому что, если давать въ долгъ въ понедѣльникъ, все раздашь, что имѣешь, и не получишь въ возвратъ, а ежели получать будешь деньги въ понедѣльникъ—онѣ прибывать будутъ.

4). Замѣчаютъ, что если въ этотъ день случится что нибудь, выходящее изъ круга скромной обыденной жизни, то тоже самое будетъ повторяться въ послѣдующіе за понедѣльникомъ дни.

5). По понятіямъ русскаго человѣка понедѣльникъ вообще почитается тяжелымъ днемъ, по преимуществу рабочимъ, трезвымъ днемъ.

Замѣтимъ, что обычай ничего не дѣлать въ понедѣльникъ, т. е. почти праздновать, происходитъ изъ Тюрингена, съ 16 столѣтія (Сѣверная Почта № 62. 1862 г., Истор. Очерки церковныхъ установленій въ Западной Европѣ. Статья Штакельберга).

Пятница считается вообще несчастнымъ днемъ; но если Благовѣщенье случится въ день пятницы, то совершенно не предпринимаютъ и не говорятъ важнаго. *).

—

Прибавляемъ двѣ прибаутки:

1-я Въ воскресенье—на веселье.
Въ понедѣльникъ—на похмѣлье.
Во вторникъ—на торгъ **).
Въ среду—на мѣру.
Въ четвертокъ—на посадъ ***).
Въ пятницу—на мельницу.
Въ субботу—на работу ****).

2-я Суббота—на бабъ работа, на дѣвокъ сухота, на ребятъ вертежъ, на старухъ пердежъ...

---

*) Въ другихъ краяхъ считаются несчастными 7 и 13 числа.

**) Въ г. Архангельскъ.

***) Въ уѣздныхъ городахъ Арх. губерніи базары бываютъ почти вездѣ по четвергамъ.

****) Въ субботніе дни не ходятъ въ гости.

Солнце, мѣсяцъ, паденіе звѣздъ, громъ, молнія, стрѣлы.

(*Отвѣты на программу миѳическихъ свѣдѣній*).

— Солнце далеко менѣе земли.

— Мѣсяцъ (луна), тоже что и солнце; она замѣняетъ солнце на ночь.

— Видимое паденіе звѣздъ признается за дѣйствительное; при видѣ падающихъ звѣздъ повторяютъ три раза *аминь* (истинно).

— *Сполохи* (сѣверное сіяніе) считаются ночными свѣтилами неба. Частая *игра* ихъ (постоянное и ужасное переливаніе яркихъ и исполненныхъ сильнаго блеска лучей сѣвернаго сіянія) признается предвѣстникомъ войны за отечество.

— Громъ гремитъ отъ того, что по небу ѣздитъ на огненныхъ коняхъ въ колесницѣ святой Илья Пророкъ.

— Чтобъ избавиться отъ удара грозы нужно имѣть при себѣ *громовую стрѣлу*; (это камушекъ, на подобіе стрѣлы и въ видѣ грифеля, употребляемаго учениками для письма на аспидныхъ доскахъ); ее находятъ болѣе въ камняхъ при берегахъ рѣкъ.

— Молнія—*Божья благодать*, (называютъ *молоньею*) и громовая стрѣла. Она, по повелѣнію Вышняго гоняется за дьяволами, такъ: она убивала праведниковъ потому, что около нихъ были дьяволы, искушавшіе угодниковъ Божіихъ въ святой ихъ жизни; она производитъ лѣсные пожары отъ одного дерева сосноваго или лиственнаго, о которое она ударяется и гдѣ прячется злой духъ; дерево это колетъ въ вершинѣ, отбиваетъ въ куски, превращаетъ въ щепки, средину сверлитъ нажогою и вылетаетъ опять къ верху; молнія проходитъ въ трубы и окна потому, что ищетъ убѣгающаго чорта; убиваетъ она людей и скотъ тоже потому, что видитъ въ нихъ бѣса.

Пятна на лунѣ, олицетворенiе временъ года,

На лунѣ обозначается картина злаго убійства Каиномъ брата Авеля, для указанія людямъ прегрѣшенія человѣка перваго рода.

О борьбѣ времени года, я не получалъ ни отъ кого свѣдѣній, но слышалъ только, что когда открывается весна—то значитъ, что *бурка идетъ на горку, а сивка бѣжитъ подъ горку*, а когда наступаетъ осень съ морозами,—то значитъ, что *сивко* (снѣгъ) *идетъ на горку* (нападаетъ сверху), *а бурко идетъ подъ горку* (земля поступаетъ подъ снѣгъ).

Времена года, затмѣнія, луна, звѣзды, пожаръ отъ молніи, дождь, земля.

Въ какихъ образахъ представляются у жителей Пинежскаго уѣзда времена года—я тоже не знаю. Слышалъ только, что говорятъ: *—весна красна лѣто красное,—зима бѣла,—осень черная.*

Какъ затмѣній небесныхъ свѣтилъ ожидаютъ *перемены свѣта*, т. е. втораго пришествія Іисуса Христа.

— Появляется не полная луна—*нарождается.*

— Съ явленіемъ луны наступаетъ холодъ.

— Въ новолуніе хорошо клюетъ на удочки рыба въ озерахъ.

— Изъ звѣздъ въ народѣ извѣстны: *Медвѣдица, Лось* (созвѣздіе Большой Медвѣдицы) и *Зорница*.

— Пожаръ, происшедшій отъ молніи нельзя затушить ничѣмъ, какъ только молокомъ.

— Дождь, падающій когда сіяетъ солнце,—благодѣтеленъ для произрастенія.

— Земля плоска.

— Стоитъ она (иные такъ толкуютъ) т. е. земной шаръ, на трехъ огромной величины китахъ; одинъ изъ нихъ уже умеръ.

Подземное царство, теплая сторона, востокъ, земля, вода, блуждающіе огни.

Подъ землей еще есть земля и на ней живутъ люди; землю нашу люди тѣ считаютъ небомъ.

— Теплая сторона та, гдѣ былъ земной рай и окрестности его нахожденія.

— Востокъ—пребываніе Бога на небѣ наиболѣе. По этому и церкви строятся фасадомъ къ Востоку, да и дома болѣе туда *глазами*.

— *Мать—сыра земля. Земля—матушка, кормилица наша.*

— Вода употребляется какъ лѣкарство: брыжжутъ отъ испуга и чародѣи *наговариваютъ* колдовства отъ болѣзней; а какъ очистительное средство: моются въ баняхъ, моются съ утра отъ сна, купаются въ рѣкахъ или окачиваются водою послѣ водоосвященія съ крестными ходами.

— Блуждающіе огоньки, къ которымъ боятся подходить, въ лѣсу, на кладбищахъ, въ заповѣдныхъ рощахъ, гдѣ были прежде поселенія, или разрушенныя строенія, вообще же на холмахъ—показываютъ *клады*, о которыхъ повѣрье сохранилось въ народныхъ преданіяхъ доселѣ.

К л а д ы.

Огни показываются сіяніемъ изъ подъ земли, или съ блескомъ золота; такъ, будто бы, горятъ на мѣстахъ кладовъ *воскуповыя свѣчки*, стоятъ *золотые петухи*, кажутся *золотыя карты* и т. п. неправдоподобщины, чарующія въ грезахъ суевернаго мужика, который принимаетъ тѣ явленія за сверхъестественыя, чудесныя. Когда покажется счастливцу кладъ, онъ долженъ проговорить: «*чуръ, чуръ, свято мѣсто, — чуръ Божье,*

да мое» и накинуть на мѣсто открытаго клада шапкою съ головы, что значитъ оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать о тайнѣ; потомъ проговорить: *аминь, аминь, аминь—разсыпься*. Говорятъ, что клады сохраняютъ золото и серебро, деньгами и вещами. Ихъ находятъ въ желѣзныхъ и мѣдныхъ котлахъ, въ глиняныхъ горшкахъ, въ берестянныхъ коробкахъ, въ деревахъ, и просто въ землѣ.

Начало кладовъ относятъ ко временамъ Чуди. Отыскиваютъ ихъ потому, что прежде Чудь бѣжала отъ Новгородцевъ въ лѣса; тамъ она скрывала свое имущество отъ непріятелей, тамъ же погребала своихъ покойниковъ, съ которыми зарывала и часть ихъ богатства; въ лѣсахъ же, люди изъ Чуди погребались живыми въ глубокихъ рвахъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Находятъ древности и въ глиняныхъ горшкахъ.

Далѣе слѣдуютъ отрывочныя замѣтки, также предназначенныя къ главѣ о суевѣріяхъ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ расположены самимъ авторомъ.

– *Праведно:* такъ величается солнце.

— *Порогъ*—какъ бы стража. На немъ сидѣть или стоять нельзя. Подавать, брать или разговаривать чрезъ него тоже нельзя.

— На осинѣ—говорятъ—повѣсился Іуда, предавшій Спасителя. Листья на осиновомъ деревѣ трепещутся—означаютъ предательскую трусость Іуды; осенью они дѣлаются красными—означаютъ напрасно пролитую кровь Іисусомъ Христомъ.

— Родительское проклятіе—непремѣнно исполнимо.

— Спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся, потому что будешь подобенъ Іудѣ предателю.

— Медвѣдь былъ прежде человѣкомъ, но, по повелѣнію Господню, за убійство родителей, сдѣлался хищнымъ лѣснымъ звѣремъ.

— Лягушка была человѣкомъ; но, будучи—заклята угодниками Божіими, превратилась въ тварь. Къ ней, какъ къ несчастному существу, питаютъ жалость къ убійствѣ, какой не бываетъ къ другимъ пресмыкающимся.

— Рябчикъ былъ прежде огромная птица, но какимъ-то чудомъ по жалобѣ тетеревей, половина бѣлаго его мяса перешла къ тетерямъ. Оттого рябчикъ сталъ малъ, а тетери большіе и у послѣднихъ выходитъ разительное несходство мяса.

— Черные тараканы (въ родѣ жука) своимъ появленіемъ приносятъ въ домъ счастіе, и потому ихъ не убиваютъ какъ другихъ таракановъ.

— Горностая, появившагося на жительствѣ подъ домомъ, тоже не убиваютъ, вѣря, что при нахожденіи его въ домѣ увеличивается богатство хозяина.

— Голубь почитается священнымъ существомъ. Его не убиваютъ, а нарочно прикармливаютъ, чтобы водились въ домахъ, вѣря, что *гдѣ* водятся голуби, тамъ водится и счастіе отъ Божественной благодати.

— Вороны—предвѣстники смерти.

— Воронъ—предвѣстники дождя.

— Сороки—предвѣстники гостей.

— Повѣрья о миѳологическихъ или вымышленныхъ животныхъ поддерживаютъ въ народѣ лубочныя, нецензурованныя картины.

— Выпавшіе зубы дѣтей бросаютъ за печи съ приговоркою: «мышка, мышка, на тебѣ зубъ костяной, дай коренной». Пожилые люди выпавшіе зубы сохраняютъ въ тряпкахъ.

— Стриженные или выпадающіе при прическѣ волосы собираютъ въ кучки и кладутъ въ небольшія печурки. Говорятъ, что нельзя выбрасывать волосъ на улицу; иначе, заболятъ головы.

— Утерять съ шеи крестъ—къ покойнику.

— Двойчатый орѣхъ (сросшіеся два орѣха)—счастливый. Его держатъ при себѣ въ карманахъ или у крестовъ.

— Также найдти луговую травинку, обыкновенно съ двумя круглыми листочками, на которой три листка: значитъ найдти счастье. (Луговой трилистникъ или клеверъ).

— Крестятъ ротъ для того, чтобы туда какъ нибудь не залетѣла нечистая сила.

— Число 13-ть—«*Чертова дюжина*». Этотъ предразсудокъ занесенъ изъ Петербурга.

— О лунѣ есть такое вѣрованіе, что мѣсяцъ изображаетъ вѣсы и на этихъ вѣсахъ вѣшаются Каинъ и Авель; Авель перетягиваетъ Каина.

Приметы у Пинежанъ.

1). Западъ (вѣтеръ) съ дождемъ, и лѣтникъ (югъ) съ напастью (болѣзнями).

2). Ежели на востокѣ небосклона покажутся на ночь *синевицы* (облака тускло-синяго цвѣта) и солнце станетъ *перекрывать* (скрывать облаками) будетъ на завтра: лѣтомъ дождь, а зимою мокрая погода (снѣгъ).

3) Если послѣ вѣтра слѣдуетъ иней, переходящій въ туманъ, то погода будетъ не хорошая, ненастная.

4). Вѣнцы или бѣловатые круги вокругъ солнца луны или звѣздъ—признаки дождя.

5). Если зимою мало снѣга, мало будетъ и дождей лѣтомъ.

6). *Ивановски дожди, лучше золотой горы*. Они бываютъ очень благопріятны росту хлѣбовъ.

7). Замѣчаютъ перемѣну погоды по вакушамъ (лягушкамъ): если у лягушки кожа сѣраго цвѣта—будетъ дождь, а ежели у *клоктуши* кожа желтая, передовое время будетъ *вёдро*.

духъ возвратится къ вечеру. Говорятъ: «утромъ смѣешься—вечеромъ досыта наплачешься».

34. Чтобы растолстѣть, надо покупать у нищихъ *христарадные куски* и ѣсть ихъ.

35. Читая изъ книги, ее нельзя оставлять не закрытою, потому что будетъ читать тогда дьяволъ и читатель все позабудетъ прочтеное.

36. Когда кошка предварительно смотритъ въ окно—значитъ поджидаетъ прибылаго.

37. Извѣстно, что *чихнуть* во время увѣреній или разговора, есть подтвержденіе, что говорящій высказываетъ правду. Но это подразумѣвается еще такъ,: если *чихъ* вышелъ вдоль пола въ комнатѣ—правда, а ежели поперекъ пола—кривда (ложь).

38. Рѣдкозубый человѣкъ—навѣрное враль.

39. Злой, хитрый и о себѣ думецъ тотъ человѣкъ, у котораго волосы на головѣ и въ бородѣ рѣдкіе.

40. Если кто въ чужой квартирѣ оставитъ что-нибудь изъ своей собственности и забудетъ о томъ, а воротится по уходѣ за порогъ—значитъ тотъ опять будетъ когда нибудь въ той самой квартирѣ, хотя бы объ этомъ тогда и не предполагалъ.

41. Несчастенъ тотъ человѣкъ, у котораго длиненъ первый (толстый) палецъ у ноги.

42. Кто очиститъ рѣпную кору, начиная отъ *борта до хвостика* однимъ разомъ, вырѣзывая кору неправильно-образною лентою и лента эта не сорвется въ кору очистки, то тотъ жить будетъ долго; а у кого порвется и тѣмъ не менѣе еще не одинъ разъ, тотъ не можетъ долго зажиться.

43. Обрѣзанные или обритые волосы слѣдуетъ сожигать въ печи. Если вымести ихъ съ полу и вынести на улицу—будетъ постоянно болѣть голова, въ особенности весною, оттого что тогда птичка собираетъ *волосья* себѣ въ гнѣздушко.

44. Не доливать чашку чаемъ—значитъ имѣть жену толстогубу.

45. Если собаку будешь удерживать или другимъ образомъ держать за хвостъ, то она будетъ *накостить*.

46. У кого изъ человѣчества тѣло бываетъ обросшее густою шерстью—счастливецъ тотъ.

47. Кто прощается пожатіемъ руки чрезъ порогъ—съ тѣмъ случится бѣда.

48. На которомъ дому соберется на посидку множество галокъ или воронъ, то въ томъ домѣ будетъ свадьба.

49. У кого икается послѣ обѣда или ужина, тотъ скупой человѣкъ.

50. Имѣть Георгіевскій грошъ (старинную монету съ изображеніемъ Св. Великомуч. Георгія) хорошо для пріобрѣтенія денегъ.

51. Если за столомъ у кого-*либо* останется несъѣденный кусокъ хлѣба и тотъ, не замѣтя этого куска, будетъ рушать себѣ цѣлый ломоть отъ краюхи, то у того кто нибудь изъ родныхъ сидитъ голоднымъ.

52. Кто будетъ ходить ступая ногами на чужіе слѣды, тотъ не получитъ роста болѣе имѣющагося.

53. Тяжеловѣсный человѣкъ недолговѣченъ.

54. Крошить крошево или *крошанины* въ горячія щи надобно всякому, ибо у того, кто не будетъ крошить, убѣжитъ жена.

55. Стоитъ только потрясти скатертью на столѣ, скоро прибредетъ тотъ, кого ожидали къ обѣду, но который не пришелъ къ началу его.

56. Если вертѣть шапку на головѣ или на чемъ нибудь другомъ, то у хозяина шапки разболится голова.

57. Если болитъ голова, значитъ предстоитъ какая нибудь забота.

58. У кого каріе глаза—тотъ пьяница.

59. Если *хлыкчится* не за столомъ, то значитъ кто нибудь ругаетъ.

60. Оставлять кусочки хлѣба отъ своего ломтя послѣ ужина значитъ оставлять свое счастье.

61. Если какое-либо кушанье будетъ пересолено, т. е. слишкомъ положено будетъ въ него соли, то стряпка въ кого нибудь влюбилась.

62. Если при игрѣ въ карты, карты у *пасовщика* выпадутъ изъ рукъ, то это значитъ будущую ссору.

63. Если при высѣченіи огня кремнемъ объ огниво, или фосфорною спичкою, долго не получаются искры, то у того, кто *добываетъ* огонь будетъ непослушная жена.

64. Непредвидимое потушеніе огня на свѣчѣ, когда идешь въ двери, означаетъ прибытіе гостя, а погашеніе свѣчи отъ *магара* — извѣщаетъ о предстоящей *бранн*.

65. Когда чешется подошва ноги—значитъ занадобится идти куда нибудь непредвидимо. При этомъ еще замѣчается: если чешется подошва у правой ноги—то дорога будетъ пріятная, а если у лѣвой—то худая.

66. Если нечаянно упадетъ на одежду самимъ плюнутая слюна, то будетъ въ народной молвѣ какая нибудь напраслина про-того.

67. Кто идетъ сзади человѣка и ступаетъ своими ногами на чужіе слѣды—тотъ скоро помретъ.

68. Если начнетъ кто какую либо работу—не долженъ спать послѣ обѣда, потому что иначе работа непойдетъ ладомъ.

69. У кого на головѣ много *перхотины* (сыни), у того накопилось много печали о важномъ дѣлѣ.

70. Появленіе мышей осенью болѣе обыкновеннаго предзнаменуетъ дороговизну хлѣба.

71. Кто родится въ мать, т. е., образомъ схожъ и лицемъ и прочимъ всѣмъ съ матерью, тотъ бываетъ счастливъ.

72. Послѣ бани въ зеркалѣ нельзя смотрѣться; иначе будетъ жена коса.

73. Дымъ изъ трубы несетъ къ низу—тепло, а къ верху высоко—къ холоду.

74. (Къ сельскому календарю) 1) на Ѳедосью (29 мая) птица прилетаетъ. 2) Кузминка (1-го ноября) начались сходы на бесѣду.

75. Борисъ и Глѣбъ (2 мая)—добры люди сѣютъ хлѣбъ.

76. Курица или пѣтухъ прячутъ ноги въ крылья —къ холоду.

77. Кто спитъ и *харчитъ* или *храпитъ* (производитъ шипящіе звуки) тотъ недолго будетъ жить.

78. Утерять крестъ съ шеи—къ покойнику.

79. Три свѣчи зажженныя и поставленныя на столъ обозначаетъ, что въ домѣ будетъ покойникъ.

80. Если иконы, мебель и стѣны трещатъ, то тоже будетъ покойникъ; трескъ этотъ бываетъ также предъ выходомъ съ квартиры.

81. Собака, наклонившись къ землѣ, завоетъ всегда передъ покойнымъ.

82. У того, на кого ворона бросила свой пометъ, умретъ отецъ или мать, точно такъ же и у того, кто ходитъ въ одномъ сапогѣ или въ одномъ чулкѣ.

83. Если чешется переносье, то будетъ въ роднѣ покойникъ. Унеся нечаянно свѣчу съ панихиды, человѣкъ лишается кого нибудь изъ родныхъ.

84. Если кошка перебѣжитъ путь, то путешествіе кончится несчастливо, а если собака то напротивъ.

85. Соль разсыпать—передъ ссорой между домашними, гдѣ разсыпана соль.

86. Чтобъ иголку, булавку, ножъ и вообще острое орудіе подарить, то нужно предварительно уколоть палецъ тому, кому даришь—иначе разсоришься.

87. Признакомъ обновки есть то, что нечаянно плюнешь себѣ на платье; а также появленіе на ногтяхъ правой руки бѣлыхъ пятнышекъ.

88. Въ томъ домѣ будетъ свадьба, если четыре человѣка здороваясь или прощаясь подадутъ руки одинъ другому такъ, что образуютъ крестъ.

89. Холостой мущина, если сядетъ на порогъ, то не женится, потому предупреждаютъ сѣвшаго на порогъ словами: «не садись на порогъ невѣсты *ульдутъ;*» съ дѣвицей же будетъ то, что у ней женихи *ульдутъ,* если она сядетъ на порогъ.

90. Появленіе черныхъ таракановъ въ комнатѣ—знакъ наступающаго богатства и счастія,

91. Появленіе бѣлыхъ пятнышекъ на ногтяхъ лѣвой руки предсказываетъ *напраслину* (наговоръ). Пятнышки эти называются напраслинными.

92. Встрѣчи съ священникомъ или покойникомъ нужно избѣгать, потому что послѣ этого будетъ несчастіе: или ногу переломишь или руку вывернешь, вообще пострадаешь физически.

93. Правый глазъ чешется значитъ приходится радоваться, лѣвый же наоборотъ.

94. Правая ладонь чешется передъ полученіемъ денегъ, а лѣвая—напротивъ.

95. Если усъ чешется, то признакъ того, что быть въ гостяхъ и пить вино или ѣсть гостинцы, смотря потому пьетъ ли тотъ, у кого чешется усъ, или нѣтъ.

96. Примѣты счастливаго человѣка бываютъ различны: родившійся въ *сорочкѣ,* покрытый по всему тѣлу шерстью, имѣющій близко сошедшіяся брови у основанія носа и, наконецъ, не умѣющій пѣть нисколько.

97. Ступивши съ кровати утромъ лѣвой ногой, проведешь тотъ день въ дурномъ расположеніи духа.

98. Собак авоетъ, поднявъ рыло къ верху, передъ пожаромъ.

99. Воронъ возвѣщаетъ своимъ крикомъ несчастіе тому дому, надъ которымъ онъ прокричитъ.

100. Появленіе кометы возвѣщаетъ войну, голодъ, моръ и язву.

101. Предъ гостемъ вылетаетъ при топленіи печи уголь; кошка болѣе опредѣляетъ гостя: смотря потому съ которой стороны умываясь, водитъ по мордѣ лапкою, съ той и гость придетъ.

102. Волоса падаютъ на головѣ означаетъ, что произойдетъ какая нибудь перемѣна.

103. Жалующійся на то, что укололъ при шитьѣ палецъ, изобличаетъ себя въ любви.

104. Признаками плодороднаго года будутъ служить: если въ Филипповъ постъ проглянетъ солнце хотя на одинъ день, пушится верба къ Вербному Воскресенью и если осенью будутъ туманные дни и деревья покроются инеемъ.

105. Если наступишь нечаянно на ногу другому, то покумишься.

106. Гнусь (мышь) приноситъ несчастіе, если забѣгаетъ въ одежду людей: въ сапогъ, въ карманъ и т. под. Несчастіе состоитъ преимущественно въ потерѣ скота.

107. Берегитесь, дѣвушки, смотрѣть на молодыхъ людей чрезъ зажженную свѣчу.

108. Число кружковъ на макушкѣ головы, называемыхъ вихорками, опредѣляетъ число женидьбъ, напр. если мущина имѣетъ два такихъ кружка, то будетъ вдовцомъ и женится на другой женѣ.

109. Волосы на головѣ трещатъ, искрятся—признакъ страстной натуры.

110. Въ путешествіи водою мельницы не поминаютъ т. е. о мельницѣ не говорятъ, чтобы не навликать на себя бѣды, а бѣда эта есть буря, сильный вѣтеръ.

111. Если ворона будетъ вить гнѣздо на деревѣ высоко, то говорятъ, что разлитіе рѣки будетъ больше и наоборотъ.

112. Трещаніе кузнечика въ стѣнѣ означаетъ перемѣну квартиры, но если это трещаніе похоже на стукъ молотка, то означаетъ, что въ этомъ домѣ будетъ покойникъ.

113. Коровы, лежащія на землѣ, предвѣщаютъ теплую погоду; точно также и вороны предсказываютъ погоду своимъ купаньемъ въ лужахъ или снѣгу.

114. Ласточки летаютъ низко надъ землею всегда передъ дождемъ. Это по той причинѣ, что ласточки питаются мухами, а какъ начинаетъ небо заволакиваться тучами, то мухи спускаются ниже къ землѣ. Слѣдовательно примѣта эта очень естественна.

115. По числу куkованія кукушки человѣкъ узнаетъ сколько еще лѣтъ онъ проживетъ на свѣтѣ. Кукушку называютъ вѣщею.

116. Кошка, грѣясь на печкѣ, предсказываетъ холодъ.

117. Первую пойманную рыбу рыбакъ всегда съѣдаетъ самъ, чтобы рыба въ сѣти больше попадалась.

118. Если найдутъ трилистникъ о четырехъ листкахъ (что случается очень рѣдко), то это растеніе зашиваютъ въ тряпку и привязываютъ ко кресту на шеѣ, или кладутъ въ кошелекъ, потому что съ этою находкою весь годъ будешь счастливъ. Растеніе это называется въ простонародіи *счастьемъ*, которое ищутъ на Иванъ-день.

119. Примѣчаютъ, что если человѣкъ наканунѣ большихъ праздниковъ веселится и смѣется, то въ праздникъ будетъ плакать и скучать.

120. Страшно огорчаются старики и старухи, когда дѣти при вскрытіи рѣки отъ льда бросаютъ въ нее камешки. Они не позволяютъ имъ это дѣлать, на томъ основаніи, что рѣкѣ отъ этого бываетъ тяжело, трудно, точно такъ же, какъ родильница мучится при родахъ въ присутствіи хитраго, злаго человѣка. Хозяинъ скотины иногда самъ призываетъ посидѣть въ своей избѣ *простаю* человѣка, пока его скотинушка разрѣшится благополучно.

121. Чтобы узнать, любитъ ли *хозяинъ* лошадь, стоитъ только взглянуть на хвостъ и гриву, волосы которыхъ бываютъ такъ спутаны и перевязаны, что нисколько не уступятъ Гордіеву узлу.

122. Близость дороги въ лѣсу узнается по муравейнымъ кучамъ, которыя стоятъ всегда покатостію къ дорогѣ.

123. Въ понедѣльникъ денегъ не отдаютъ изъ опасенія, чтобы *съ легкаю денька понедѣльника*, деньги не таяли, яко воскъ въ продолженіе всей недѣли.

124. Замѣчательна примѣта и та, что въ какомъ состояніи духа находится человѣкъ въ свои именины, въ такомъ и будетъ находится въ продолженіе всего года.

125. Вихрь, образующійся отъ столкновенія двухъ и болѣе вѣтровъ, многіе называютъ чертовой свадьбой.

126. Ножъ, поставленный на обухъ, лезвіемъ къ верху и острымъ концомъ на человѣка, поссоритъ того, кто поставилъ такъ ножъ съ тѣмъ, на кого онъ поставленъ острымъ концомъ.

127. На новорожденнаго младенца заботливая мать не позволитъ посмотрѣть лукавому человѣку изъ опасенія, что малютка ея будетъ уродомъ. Очень жалѣетъ мать, когда ея ребенокъ — уродъ, и говоритъ: *сглазили* кто нибудь.

128. Если паука убить мизинцемъ правой руки, то отпускается сорокъ грѣховъ.

129. Если ѣвши, поперхнешься въ горлѣ, то это есть знакъ того, что кто то торопится.

130. Когда икнется, тообы кновенно говорятъ: «кто-то вспоминаетъ». Но если вспоминаютъ кого нибудь съ съ другой стороны—то примѣта этому такая, что начинаютъ щеки горѣть.

131. На Ильинской и Ивановской недѣлѣ не купаются, *боясь водянаго*, который преимущественно въ эти дни недѣль ловитъ купающихся, и когда вытащатъ утонувшаго, то всегда находятъ синія пятна, которыя образуются отъ того, что водяной, захватывая своими желѣзными руками, оставляетъ такіе знаки.

132. Залетѣвшая сова въ комнату знаменуетъ сватьбу въ томъ домѣ, куда она залетѣла. «Сижу я—такъ у ейна, разсказывалъ мнѣ одинъ знакомый крестьянинъ, вдругъ въ окно влетаетъ совенокъ и прямо въ печь, думая, что тутъ дупло какое, да упоровилъ въ горшекъ, тутъ и изжарился. Предъ чѣмъ? думаю, а не много погодя, приходитъ сватья и говорятъ: отдай Стеху-то за нашего Федьку... А! думаю, вотъ передъ чѣмъ сова-то залетѣла, и отдалъ Стешку».

133. Снимая нагаръ со свѣчи, да потушишь ее, есть знакъ того, что кто нибудь придетъ (къ прибылому); точно также если уронишь вилку со стола, то тоже къ прибылому, — придетъ женщина, а если ножикъ — мущина.

134. Крикъ гагаръ предвѣщаетъ дождь.

135. Надъ пойманною мышью не *галятся* т. е. ее не мучатъ, а прямо убиваютъ или топятъ; иначе ихъ разведется въ домѣ очень много. Чтобы избавиться ихъ, пойманную мышь опалятъ и пустятъ.

136. Рыболовы попавшуюся маленькую рыбу сѣкутъ, приговаривая: пошли отца, пошли мать, пошли тетку и такъ далѣе и отпустятъ опять въ рѣку, думая, что уже такая мелочь не будетъ попадаться на удочки, а попадутъ болѣе крупныя рыбы.

137. Пастухъ, пася скотъ, не ѣстъ въ лѣсу ягодъ, опасаясь, чтобы медвѣдь не задралъ одну изъ скотинъ, отданныхъ ему подъ присмотръ.

138. Когда начинаетъ звонить въ которомъ нибудь ухѣ отъ накопившейся тамъ сѣры, то въ то время загадываютъ что нибудь, и сбудется ли то, о чемъ загадываютъ, спрашиваютъ у другаго: въ которомъ ухѣ звонитъ? Если отвѣтъ будетъ не такъ, то тому добродушно и повѣрятъ.

139. Въ Троицкомъ Ухр-островѣ есть старинный каменный крестъ, поставленный въ часовнѣ, который предсказываетъ больному смерть или здоровье: крестъ этотъ обмываютъ водою, и если на немъ будутъ водяные пузырьки, какъ потъ на тѣлѣ человѣка, то больной поправится, а напротивъ, если вода сбѣжитъ съ него досуха, то больной умретъ.

140. При вѣнчаніи жениха и невѣсты замѣчается, что если у кого изъ нихъ болѣе сгоритъ свѣчи, то тотъ прежде и умретъ.

141. Свѣчи вѣнчальныя уносятъ домой и зажигаютъ тогда, когда гремитъ громъ, чтобы *стрѣла* (молнія) не залетѣла въ комнату.

142. Волосы у дѣвушки раздвояются передъ замужествомъ, у холостаго мущины передъ женитьбою.

143. На пути встрѣтится трубочистъ — путь кончится благополучно.

144. Признакомъ того, что домовой любитъ скотину, служитъ то, что у скотины изъ шерсти сыпятся искры съ трескомъ.

145. Въ стаканѣ налитомъ чаемъ, если будетъ плавать пѣнка, то тотъ, кто пьетъ этотъ стаканъ чаю, получитъ *корысть* (прибыль).

146. Крестьяне никогда не ѣдятъ съ ножа изъ опасенія быть сердитымъ.

147. За обѣдомъ или ужиномъ не смѣются, потому что бѣсъ станетъ въ кушанье испражняться.

148. Начальника своего не поминаютъ часто изъ боязни, чтобы онъ не пришелъ сердитымъ.

149. Чтобъ выпросить у кого нибудь что нибудь, то должно того сперва обойти кругомъ три раза.

150. Еще признакомъ счастливаго человѣка служитъ его широкая ступня.

151. Если сахаръ, при кусаніи расколется не пожеланію, то это служитъ признакомъ того, что будетъ гость.

152. Кошку боятся держать близко себя, чтобы она не чихнула въ носъ и ротъ, отъ чего зародятся въ головѣ человѣка или лягушки, или маленькія змѣи.

153. Падающая звѣзда съ неба обозначаетъ кончину праведника на землѣ, почему и говорятъ въ то время до трехъ разъ «аминь» и крестятся.

154. Чтобы была въ любви удача всегда, то для этого находятъ самца на лягушкѣ самкѣ, кладутъ въ буракъ со множествомъ просверленныхъ на немъ дырочекъ и ставятъ на муравейную кучу. Муравьи заходятъ въ отверстія бурака и лягушекъ съѣдаютъ такъ, что останутся одинѣ кости. Въ то время какъ муравьи ѣдятъ лягушекъ, сіи послѣднія производятъ страшный писк, такъ что положившій ихъ на муравейникъ, если не заткнетъ уши пальцами и не отойдетъ, не оборачиваясь назадъ, то оглохнетъ. Потомъ изъ оставшихся костей лягушекъ выбираютъ косточки, похожія по формѣ на крючекъ и петельку. Если задѣнешь этимъ крючкомъ понравившуюся дѣвушку или кого другаго, то непремѣнно эта дѣвушка полюбитъ, напротивъ, если надоѣстъ ея любовь, то стоитъ только задѣть петелькой.

155. Если слышишь въ первый разъ кукованіе кукушки сзади себя, то умрешь.

156. При кукованіи кукушки держать въ рукахъ деньги, чтобы онѣ не издерживались и размножались.

157. Для того же держатъ въ рукахъ серебряную монету и гладятъ ее при нарожденіи луны.

158. Чтобы была *повѣтерь* (попутный вѣтеръ), то для этого насвистываютъ.

159. Тотъ гребень, которымъ причешутъ покойника, кладутъ или въ гробъ, или бросаютъ на улицу.

160. Замахнувшійся ножомъ лишается покровительства Ангела-хранителя на три года.

161. Число морщинъ между бровями надъ носомъ обозначаетъ число разъ овдовѣнія.

162. Съ кладбища ничего не уносятъ изъ боязни, чтобы покойникъ не пришелъ ночью за своею собственностію.

163. Большіе сосцы у мущинъ свидѣтельствуютъ о его счастіи.

164. Тотъ, кто боится щекотанія, ревнивый.

165. Туловище длинно, а ноги коротки—признакъ человѣка лѣниваго.

166. Чтобы перестать лѣниться, то стоитъ только, при конвульсивномъ потягиваніи сказать на человѣка: лѣнь —потягота, поди на Федота, съ Федота на Якова, съ Якова на всякаго.

167. Если въ домѣ умерло два человѣка въ одномъ году, то въ томъ же году нужно еще ожидать и третьяго покойника.

168. Если человѣкъ въ своей жизни три раза тонулъ, да не утонулъ, то хоть и случится еще тонуть—не утонетъ.

169. Тотъ недолго проживетъ на свѣтѣ, у кого, если онъ купается да выйдетъ, не образуется водяныхъ капель на тѣлѣ, а все тѣло всплошь мокро.

170. Чтобы сжить бородавки съ тѣла, то для этого берутъ нитку и навязываютъ на ней столько узелковъ, сколько бородавокъ, и потомъ эту нитку бросаютъ на

улицу, и кто черезъ нее перешагнетъ, къ тому и перейдутъ бородавки.

171. Для узнанія суженой—ряженой, или суженаго-ряженаго берутъ стаканъ съ чистой водой и ставятъ на столъ; въ стаканъ кладутъ кольцо, а подъ стаканъ монету. Такъ уставивъ смотрятъ въ кольцо до тѣхъ поръ, пока не покажется человѣческая фигура. Это гаданіе происходитъ о святкахъ, особенно вечеромъ на новый годъ.

172. О святкахъ же льютъ растопленный свинецъ, стеаринъ или воскъ въ воду. Вылитое въ воду принимаетъ весьма разнообразныя изображенія, такъ что тѣнь отъ вылитаго изображаетъ иногда лошадь, возокъ, гробъ и т. под. Такъ жгутъ бумагу, остатки которой тоже представляютъ своею тѣнью разныя формы, изъ которыхъ также выводятъ (какъ и изъ тѣни вылитаго въ воду воска, стеарина, свинца) заключенія.

173. Вечеромъ наканунѣ новаго года дѣвушки доятъ солому. Это производится такъ: берутъ небольшую связку соломы, кладутъ на столъ, а на солому ставятъ мѣдяникъ (мѣдный горшокъ) дномъ къ верху. Потомъ начинаютъ доить; солома издаетъ звуки, въ которыхъ дѣвушки стараются отличить имена. Если солома выговариваетъ имя Федоръ, то у той дѣвушки мужъ будетъ по имени Федоръ.

174. У котораго ребенка на рукахъ ясный, природою созданный *пережимъ* у кистей—тотъ *не живучъ*.

175. Если положить ножъ такъ, что остріе лезвія будетъ на верху—то случится что нибудь дурное.

176. Зима снѣжная—быть урожаю.

177. Съ поля снѣгъ сходитъ, а по дорогамъ *черепомъ* держится—къ неурожаю.

178. Вода весною идетъ въ гору, а не держится въ своемъ ложѣ—плохой будетъ годъ.

179. Малоснѣжная зима и ранняя весна служатъ предвѣстниками жаркой погоды лѣтомъ.

180. Вороны часто кричатъ—къ бурной погодѣ.

181. Если кошка лежитъ къ верху носомъ, (а иногда и лапами) будетъ на завтра *ведріе* (сухая погода).

182. Ломота въ поясницѣ (колики) и боль въ увѣчныхъ мѣстахъ тѣла у пожилыхъ людей—предвѣстники перемѣнъ погоды съ хорошей на худую.

183. Мѣсяцъ (луна) рожками книзу (когда она не полна бываетъ)—къ теплу.

184. Ласточки летаютъ низко—къ дождю.

185. Если дождь пошелъ (началъ выпадать) съ полудня, то будетъ продолжаться до полуночи.

186. Чтобъ узнать, какой завтра подуетъ вѣтеръ, нужно опустить въ воду (на улицѣ) указательный палецъ руки и поставить его къ верху такъ, чтобы онъ торчалъ. Съ которой стороны почувствуется по пальцу холодъ, съ той будетъ и вѣтеръ.

187. *Безпятый* (у котораго *пяты* у ногъ не выдаются назадъ, т. е. замѣтно) ребенокъ *неживучъ*.

188. Та худая будетъ корова, когда въ первый разъ отелясь принесетъ телку; хорошею же бываетъ та, которая сначала въ три раза родитъ три бычка.

189. Жители хотя имѣютъ понятіе о часахъ (впрочемъ не всѣ—другіе не знаютъ различать знаковъ циферблата), но опредѣляютъ мѣру дня иначе по теченію солнца, луны и по другимъ свѣтиламъ небеснымъ.

За симъ выписаны у г. Иванова на отдѣльныхъ лоскуткахъ еще кратчайшія замѣтки:

— *Сколотныя* дѣти бываютъ счастливы въ жизни.

— Крупный комаръ—къ доброму (урожайному) году.

— До Иванова—дня (24 іюня) убьешь комара—рѣшето прибудетъ, а послѣ Иванова дня—рѣшето убудетъ.

— Пришелъ Борисъ-Глѣбъ (24 іюля): поспѣлъ хлѣбъ (въ полѣ).

— На Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися: не начинай такъ рано употреблять новаго хлѣба, чтобъ потомъ не было недостатка.

— Горло ноетъ: либо къ питью (вина), либо къ битью.

— «Илья лѣто кончаетъ»....

— Если курица запоетъ пѣтухомъ—это предвѣщаетъ покойника или другое большое несчастіе.

— Споткнутся, зацѣпиться, значитъ встрѣтить задержку, быть остановлену какимъ либо препятствіемъ.

— Волковъ появится въ необыкновенномъ числѣ—война возникнетъ.

— Заяцъ, перебѣжавшій дорогу, предвѣщаетъ неудачу и несчастіе.

— Кошка умывается (облизывается и утирается лапкой)—къ гостямъ въ домѣ хозяина.

— На кого потянется собака (иные примѣчаютъ тоже и за кошкой)—тому придетъ корысть.

— Встрѣча съ собакою признается счастливою.

— Если собака роетъ яму на дворѣ, то непремѣнно къ покойнику: выратая ею яма намекаетъ на скорую необходимость въ могилѣ.

— Собака брасается, на пришедшаго въ избу человѣка—знакъ, что онъ пришелъ не съ добрымъ намѣреніемъ.

— Февралъ (мѣсяцъ) враль.

— Никому не слѣдуетъ подавать ничего остраго (ножа, ножницъ, вилки, иглы, булавки и пр.) острымъ концомъ, не то—поссоришься.

— Если въ ночь на Егорьевъ день пойдетъ заморозокъ, то будетъ еще сорокъ морозныхъ утренниковъ *).

*) Это испытали старики. Они набирали сорокъ щепокъ, клали ихъ въ корзинку и съ каждымъ утренникомъ выбрасывали по одной щепкѣ.

— Восточный вѣтеръ, по примѣтамъ Пинежанъ, есть здѣсь: и ледоколъ, и рѣкоставъ.

— Чтобъ не быть пьяницей, никогда не слѣдуетъ допивать остатковъ вина другой особы,—а должно выливать ихъ на полъ на *опашь*.

— Чтобы узнать, дѣйствительно-ли былъ вредоносный морозъ, смотри на грибы: если почернѣли—былъ таковъ, а если нѣтъ—пустяки.

— Если по ночамъ въ стѣнахъ куютъ безпрестанно насѣкомыя, то тотъ, въ стѣнахъ коего куютъ эти кузнечики, или небудетъ жить въ томъ домѣ или умретъ.

— У кого въ день именининъ сломается чашка или рюмка, то именинникъ, въ тотъ годъ, будетъ жить хорошо, безбѣдно.

— Иканіе означаетъ, что кто нибудь вспоминаетъ отомъ, у кого это дѣлается. А что бы узнать, кто вспоминаетъ, помачиваютъ мизинецъ правой руки слюною и проводятъ имъ по правой брови загадавъ на передъ на кого либо: если на перстѣ окажется волосинка отъ брови, то признается, что поминалъ тотъ, на кого было загадано.

— Если въ церкви при бракосочетаніи, что нибудь случится, то есть упадетъ ли образъ, или свѣча и т. п. то обручающіеся будутъ жить не хорошо.

— Шерсть на тѣлѣ—признакъ богатаго житья на старости лѣтъ.

— Радуга зимою—къ морозу, либо къ снѣгу.

— Обыкновенные угли дѣлаются твердыми и звучными—къ холоду.

— День холодный и ясный въ Николу (6 Декабря) означаетъ будущій годъ хлѣбороднымъ.

— Если идущаго человѣка признаютъ по ошибкѣ за другаго, то ему будетъ какая нибудь прибыль.

— Говорятъ: «ѣшь горѣлый хлѣбъ, на водѣ не потонешь».

— *Бабье лѣто* (время страды)—также у Русиновъ въ Галичинѣ (Отечест. Зап., 1867 год. № 23,498).

— Соль просыпать—къ холоду; а чтобы отъ этого худаго не случилось, надо виновнаго ударить по спинѣ въ шутку.

— Уха сварится черная съ пригарью—къ теплой погодѣ, а чистою—къ холодной,—ясной.

— Если Митрій на конѣ, то Егорій въ лодкѣ. (Упоминаемые: Дмитрій Селунскій и Георгій Великомученникъ. Первому празднуется 26 октября, а второму 23 апрѣля. Оба почитаются побѣдителями и оба изображаются всадниками на коняхъ).

— Если опахать ноги другаго вѣникомъ, то у него будетъ неласковая теща.

— У кого много на тѣлѣ родимыхъ пятенъ,—тотъ счастливый человѣкъ.

— На Новый годъ дня прибываетъ на куричій шагъ.

— На Илью (20 іюля) до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.

— Пришелъ Ѳедоръ Студитъ (11 ноября) землю студить.

— У кого изъ мущинъ на рукахъ или ногахъ пальцы налегаютъ другъ на друга,—у того жена (будущая) будетъ большичать надъ нимъ.

— У кого голова (т. е. волосы) глацка, тотъ отцу не кормилецъ (нестарательный).

— Апрѣль—берегамъ прѣль.

— Зѣвать двумъ вдругъ—вмѣстѣ водку пивать.

— Съ Ильина дня первый *лучь*, т. е. первый огонь съ лученіемъ рыбы, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ жилищахъ.

— Съ Ильина дня—*сива-коня въ полѣ не видно*.

— Если мужъ и жена будутъ ѣсть въ потемкахъ, то у нихъ ребенокъ родится съ пороками вора.

— Катать палками бѣлье на человѣка, примѣта: желать ему скорой смерти.

— Холостому мущинѣ негодится сидѣть на дверномъ порогѣ: не пойдетъ за него въ супруги никакая дѣвушка.

— Зашивать одежду, надѣтую на человѣкѣ, нельзя, такъ какъ съ заштопаньемъ дыры на платье зашивается и умственное развитіе хозяина его.

— Затмѣніе солнца или мѣсяца, а также всѣ кометы, предвѣщаютъ войну и моръ людей.

— Коли ягодно, то и хлѣбно *).

— Поймать вошь на ногѣ—узнать новость.

— Есть мушка (муха),—будетъ и мучка (хлѣбъ).

— Потѣется за обѣдомъ, значитъ, ѣда въ тукъ ему идетъ.

— Рыба не клюетъ въ рѣкѣ послѣ грома, на озерахъ ничего, клюетъ.

— Если залетитъ въ растворенное домовое окно птичка (только не ласточка), значитъ къ прибыли.

— 3-й Спасъ (16 августа). Съ этого дня начинаютъ всѣ ѣсть огородные овощи. Другіе же начинаютъ съ Преображенія (6 августа).

— Небесная радуга (свѣтовое явленіе) представляетъ благопріятный признакъ, обѣщающій хорошую погоду.

— Полагаютъ, что при возрастаніи луны увеличиваются и возрастаютъ растенія и вообще развивается жизнь въ природѣ.

---

*) Г. Носовичъ сообщивъ Бѣлорусскую пословицу: „Кто съ календаря сѣецъ, мало вѣецъ", объяснилъ, что такъ говорятъ вопреки замѣчаніямъ экономовъ, держащихся календаря въ сѣяніи, имѣя въ виду собственные земледѣльческіе опыты. (Зап. Геогр. Общ., 1867 года, т. I, 459).

— [illegible] рыбы подъ водою [illegible] [illegible] [illegible].

— [illegible] (къ [illegible]) [illegible] — [illegible].

[illegible]. [illegible] 17 марта [illegible] (Сборн. т. I, 178).

— [illegible], т. е. [illegible] [illegible], утромъ и вечеромъ, [illegible].

[illegible] къ [illegible] холоду.

[illegible] на [illegible] въ сторону сидящаго за [illegible] человѣка, значитъ, желать быть ему [illegible].

— Въ [illegible] полагаютъ, что если здѣсь [illegible] чайка, то это появленіе означаетъ, что Двина уже [illegible]. (И такъ думаютъ, напримѣръ: вѣроятно, чайка [illegible] въ устьяхъ Двины, и съ оттепелью удаляется на [illegible]).

[illegible] подрости, если [illegible] подъ дождемъ съ открытой головой.

— Осенью говорятъ: и поле хлѣбомъ урожу, а весна говоритъ: и еще потяну:

Петры и Павлы [illegible] въ ловъ.

— До Ильина дня сѣно [illegible], все равно, что нудъ [illegible] [illegible]:

На *Петрова* день полосъ, на Ильинъ — половъ.

— Прошли *Сидоры* (14 мая), прошли и сиверы.

Второй Спасъ (6 августа), бери рукавицы про запасъ:

Кузьма (1 ноября) съ мостомъ, *Никола* (6 декабря) съ гвоздемъ, т. е. съ морозомъ.

Птицы утромъ весело поютъ — передъ ведренной погодой:

— Съ нынѣшнимъ на поле овцы высоко и весело прыгаютъ — къ хорошей погодѣ.

Если луна рожками въ верху — къ морозу, а если внизъ — то къ холоду.

[illegible] «быть къ [illegible]».

[illegible] жители [illegible], чѣмъ увѣрены въ томъ, что каждый високосный годъ [illegible] тѣмъ или другимъ [illegible] [illegible]: неурожаемъ травы или хлѣба, [illegible] на людей, падежемъ на скотъ, [illegible] и пр. «Если [illegible] не на [illegible], говорятъ крестьяне, то на скотъ, а если не на скотъ, то [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]» [illegible], указывается на [illegible] 1848 и 1853 г. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] къ [illegible].

— [illegible] въ [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible]: [illegible] въ Х [illegible] [illegible], а въ Z [illegible] [illegible]; [illegible] въ Х [illegible] [illegible], а въ Z [illegible]. (Подольск. Губ. Вѣд. 1879 г. № 27) *).

— Примѣта: съ Егорьева дня заморозь — будетъ еще 40 утренниковъ [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible]. Хорошо, если всѣ 40 утренниковъ исполнятся, и худо, если наоборотъ. [illegible] [illegible] 40 суконныхъ или ситцевыхъ лоскутковъ, и если утренники идутъ послѣ 23 апрѣля, то выбрасываютъ за каждую изморозь по лоскутку. Такимъ образомъ устанавливаютъ сколько дѣйствительно случилось утренниковъ. Замѣчаютъ, сколько остается лоскутковъ, столько ночныхъ морозовъ потомъ выпадетъ на недоспѣвшій хлѣбъ на поляхъ.

— Охотники замѣчаютъ, что если вынуть изъ застрѣленной птицы дробину или пулю, и опять впустить въ ружье, то никакая первая утка или гусь не уйдетъ отъ этого роковаго выстрѣла.

— Которые удачнѣе будутъ изъ хлѣбныхъ посѣвовъ, раннія или позднія, примѣчаютъ по *коровушкамъ птицъ*. Если *стопчее* ребро санца все было пестрое — урожай будетъ превосходный, все красное — будетъ неурожай, красное съ передней части — ранніе посѣвы удачнѣе, красные сзади — удачнѣе послѣдніе.

— Тоже замѣчаютъ по молокамъ первой изловленной весною щуки.

— Сорокъ необыкновенно болѣе видать на улицахъ — къ снѣгу.

— Дурно очищать съ верху ногтей, хотя бы то была и грязь: очищать — значитъ очищать свое счастье.

— Високосный годъ — годъ тяжелый для здоровья людей.

— Окошки плачутъ (стекла дѣлаются мокрыми) — къ мокру (мокрой погодѣ).

— На Егорьевской недѣлѣ (въ концѣ апрѣля) птицы исполняютъ законъ природы. На Никольской недѣлѣ (въ началѣ мая) рыба идетъ бросать икру — плодъ любви.

— Акулина рассадница (4 мая).

— Домашняя кошка сидитъ на полу — къ теплу, а забралась на печь или на полати — къ стужѣ.

— Много весною рыбы *[illegible]* (задыхающей) — къ недоброму году.

— Въ Пинежскомъ краѣ всѣ удостовѣряютъ, что всегда, въ какой бы нибыло годъ, въ ночь на день

*) [illegible] приводитъ [illegible] примѣту, что „растенія съ южной стороны [illegible] много [illegible], а съ сѣверной только [illegible] [illegible]". [illegible] [illegible]: „[illegible], что [illegible] и [illegible] съ южной стороны [illegible] [illegible], а сѣверная сторона [illegible] [illegible]". Губ. Вѣд. 18[illegible] г. № [illegible].

«*Алексѣя-Ѳалелея*» (20 мая мученика Ѳалелея и обрѣтеніе мощей св. Алексѣя митрополита) бываетъ сильный холодъ. Падетъ морозъ—бѣда, и такъ говорятъ здѣсь: «Тепло, хоть на колодѣ посѣй, такъ вырастетъ хлѣбъ».

— Сѣверуха (вечерняя бабочка) летаетъ въ комнатѣ—къ *сѣверу* (сѣверному вѣтру).

— Долго передъ утромъ спится — къ дождю днемъ.

— Ребенокъ, употребляющій въ игрѣ подобія церковныхъ обрядовъ и церемоній, умираетъ до совершеннолѣтія.

— Если именинникъ въ день св. своего ангела получаетъ на руки деньги, а тѣмъ паче долгъ, то будетъ получать ихъ цѣлый годъ.

— Къ старой постройкѣ нельзя дѣлать пристроекъ, какъ нельзя и прорубать дверей; иначе умретъ хозяинъ скоро.

— Рѣдкіе крики чаекъ и видимый страхъ животныхъ (напр. овецъ, коровъ) предвѣщаютъ бурю.

— Если у дѣвушки руки не красивы по формѣ, то у ней будетъ мужъ—красавецъ.

— Когда облака густы и всѣ одного цвѣта, тогда скоро будетъ дождь.

— Когда же облака станутъ разсѣиваться, т. е. покажутся свѣтлыя мѣста, дождь вскорѣ прекратится.

— Дождь будетъ, если рыбы выскакиваютъ изъ воды и плаваютъ по поверхности ея.

— Тоже, когда мухи не даютъ покоя, кусаютъ и скрываются въ домы съ жужжаніемъ.

— Когда ласточки залетаютъ низко—жди дождя.

— Обильная утренняя роса—обѣщаетъ бездождіе.

— Не будетъ дождя, если облака *идутъ* съ одной стороны и противъ вѣтра.

— Когда покажется радуга двухъ цвѣтовъ: краснаго и желтаго—конецъ дождю.

— Пѣтухъ не въ обыкновенную пору поетъ — *къ ведрію*.

— Отрыгается—къ питью, либо къ битью.

— Чешетъ незамужняя женщина волосы вечеромъ—выйдетъ за пастуха.

— По субботамъ гостящихъ называютъ «*вшивыми гостями*».

— Коротторукія бываютъ счастливы.

— Самоваръ нечаянно заглохнетъ или перестанетъ кипѣть, значитъ, дожидается кого нибудь приходящаго гостя, который и будетъ непремѣнно.

— Кто испечетъ луковицу прежде, чѣмъ убранъ весь лукъ съ грядъ, у того онъ весь засохнетъ.

— Кости болятъ и подколѣнки свербятъ—къ дурной погодѣ.

— Глазъ свербитъ—плакать.

— У него горятъ уши, того гдѣ нибудь хулятъ или хвалятъ, т. е. придется ему услышать худой или хорошій о себѣ отзывъ.

— Губы чешутся—кушать гостинцы.

— Если чешется лобъ—кланяться съ пріѣзжимъ.

— Кто изъ молодой четы, женихъ или невѣста, вступитъ, во время вѣнчанія, прежде на разостланный на полу ситецъ, тотъ и будетъ властвовать въ домѣ.

— Остриженныхъ волосъ нельзя кидать зря, какъ попало; иначе послѣдуетъ головная боль (поэтому, волосы собираютъ, свертываютъ вмѣстѣ и затыкаютъ въ печурки).

— Чешется ладонь правой руки, значитъ получать деньги или имѣть прибыль; лѣвая ладонь чешется — отдавать (убытокъ).

— Отдавать деньги къ ночи—не хорошо: они не будутъ водиться въ запасѣ.

— Разбитіе зеркала—зловѣщая примѣта.

— Черный глазъ — опасный (Бойся чернаго да каряго глаза).

— Если дымъ стелется по землѣ, то смотри по времени, будетъ зимою оттепель, лѣтомъ—дождь.

— Частыя сѣверныя сіянія предвѣщаютъ крѣпкіе морозы.

— Кто играетъ своею шапкою, у того заболитъ голова.

— Замѣчаютъ, что тотъ сдѣлается богатъ, кто виданный не разъ, хотя бы однажды не узнанъ сразу.

— О хорошемъ или худомъ годѣ для хлѣбовъ узнаютъ по числу яицъ, кладущихся воронами въ гнѣздахъ весною (въ апрѣлѣ и началѣ мая). Когда въ одномъ гнѣздѣ находятъ одно или два яйца—къ худу, болѣе—къ добру. Въ нынѣшній (1869) годъ любопытные нашли по 5 яицъ въ гнѣздѣ, и поэтому заключаютъ, что годъ будетъ урожайный.

— Около котораго дома ребята бѣгаютъ въ запуски, подражая свадебному поѣзду, быть въ немъ свадьбѣ.

— Земледѣльцы боятся, если случится морозъ 20-го мая. Въ этотъ день въ 1869 году былъ холодъ ночью, до мороза, и потому заключили, что урожай будетъ не такъ хорошъ, если еще не будетъ неурожая.

— Филинъ *шукаетъ* передъ дурной погодой. При томъ онъ лишается аппетита.

— Родиться въ сорочкѣ—величайшее счастіе.

— Если звенитъ въ ухѣ—слышать неожиданныя новости и при томъ: если въ правомъ — хорошія, а если въ лѣвомъ—непріятныя.

— Если черезъ открытое окно влетитъ въ комнату птица и вылетитъ — предвѣщаетъ смерть кому нибудь въ томъ домѣ.

— Дарья (19 марта) прозывается «говнопрорубкой» потому, что въ проруби на рѣкахъ начинаетъ стекать всякая нечистота.

— Свойственные географическому положенію здѣшняго края вѣтры приносятъ: а) Сѣверный и Сѣверо-Западный —холодъ; б) Западный—влажность и дождь; в) Юго-Западный и Юго-Восточный—теплоту и немного влажности; и г) Восточный и Сѣверо-Восточный—сухость.

— Кто любитъ съѣсть накипѣвшую на молокѣ *пѣнку*, тотъ на видъ скоро состарѣется.

— Не будетъ града, а будутъ губны дожди, и ягодъ и грибовъ будетъ вдоволь.

— Къ сельскому календарю: Власьевскіе морозы (3—10 февраля).

— 12 декабря *Спиридонъ солнцеворотъ* (поворачивается солнце на лѣто, а зима на морозъ).

— *Бабье лѣто* — осень (доканчиваніе сѣнокосовъ, жатва хлѣба, сборъ грибовъ и ягодъ и заготовка вѣниковъ).

— Въ перемѣну погоды съ нарожденіемъ мѣсяца — сильно вѣрятъ.

Изъ примѣтъ, которымъ вѣрятъ жители Холмогорскаго уѣзда вообще, были записаны гг. смотрителемъ мѣстнаго уѣзднаго училища Базилевскимъ и учителемъ онаго Елизаровымъ слѣдующія:

Безвѣтріе во время святокъ и много инея на вѣтвяхъ деревъ—предвѣщаетъ добрый годъ. Если на снѣгу будетъ много звѣздочекъ, то годъ будетъ *ягодный*.

Каковъ день (ясный или пасмурный) въ мясное заговѣнье, т. е. Воскресенье передъ Сырной недѣлей, таковъ будетъ и въ Пасху.

Если первый день Великаго поста хорошъ, то весна будетъ прекрасная. По второму дню Великаго поста судятъ о состояніи лѣта, а по третьему—объ осени.

Если 1 марта вѣтеръ, то лѣто скоро наступитъ; но если 25 числа того же мѣсяца подуетъ сѣверный вѣтеръ, то весна протянется еще на долго.

Если на Срѣтеньевъ день будетъ вьюга и перенесетъ снѣгомъ дорогу, то цѣны на сѣно возвысятся, такъ что къ веснѣ сдѣлается оно очень дорого.

Сколько на Благовѣщеньевъ день останется снѣгу на крышахъ строеній, столько же въ Георгіевъ день (23 апрѣля) будетъ его на землѣ.

Ничего важнаго не должно предпринимать въ тотъ день, въ который былъ праздникъ Благовѣщенія. Напримѣръ: если этотъ праздникъ былъ въ субботу, то во всѣ субботы въ теченіе года до слѣдующаго Благовѣщеньяго дня ничего важнаго не должно предпринимать.

Если въ Георгіевъ день будетъ утренникъ, то послѣ него еще будетъ 40 утренниковъ; а если въ этотъ день по утру будетъ тепло, безъ приморози, то все время послѣдующее будетъ стоять теплое.

Если весною ручьи бѣгутъ шибко, шумно, то годъ будетъ добрый, хлѣбородный; и на оборотъ, если они бѣгутъ тихо спокойно.

Если рѣка вскроется, или пойдетъ ледъ, въ скоромный день, то коровы въ этотъ годъ молока будутъ доить, за то рыбы мало будетъ въ уловѣ; если же въ постный, то коровы недойны будутъ, а рыбы много будетъ въ уловѣ.

Если птицы рано прилетятъ съ Юга, то скоро настанетъ весна; если онѣ по прилетѣ, *не говорятъ*, т. е. не кричатъ или не поютъ, то продлится еще холодъ, или, какъ говорятъ, будетъ еще *засиверка*.

Если озимь не вездѣ взойдетъ, а останется на полосахъ много пустыхъ мѣстъ, то годъ этотъ будетъ *губный*.

Примѣчаніе. Подъ именемъ *губъ* здѣсь разумѣютъ грибы: рыжики, грузди, волнушки и проч., всѣ вмѣстѣ взятые. Отдѣльно же взятый родъ этихъ произведеній природы называютъ собственнымъ именемъ.

Дождь съ большими пузырями предвѣщаетъ, что во всю ту недѣлю онъ непрестанно будетъ идти.

Облака, являющіяся красными передъ восхожденіемъ солнца, предвѣщаютъ вѣтеръ; если онѣ красныя и черныя, то будетъ дождь. Облака же красныя передъ закатомъ солнца предвѣщаютъ ясную погоду.

Гуси, или утки, или вороны—моющіеся—предвѣщаютъ дождь.

Солнце, выходящее ясно и жарко—предвѣщаетъ ясный день; но если оно выходитъ блѣдное, то значитъ, что будетъ дождь.

Если собака на кого тянется, то она обѣщаетъ тому прибыль.

Если собака воетъ, поднявши вверхъ рыло, или роетъ яму, то предвѣщаетъ либо покойника, либо пожаръ.

Если малыя дѣти, играя, закрываются платкомъ, то они этимъ предвѣщаютъ, что будетъ свадьба въ той деревнѣ, или непремѣнно въ сосѣдней.

Дѣти, играющія на улицѣ солдатами — предвѣщаютъ войну.

Если кто намѣренъ идти куда нибудь, и нечаянно надѣнетъ на себя что-либо изъ платья на лѣвую сторону, то это значитъ, что онъ встрѣтитъ для себя что-нибудь непріятное.

Во́ронъ, сидящій на кровлѣ дома, въ которомъ есть больной, и кричащій—предзнаменуетъ больному смерть.

Сорока, сидящая близь окна и кричащая, обѣщаетъ гостей, а если есть больной въ томъ домѣ, то — здоровье.

Если у кого чешется лобъ, то это знакъ, что будетъ онъ съ кѣмъ нибудь здороваться; а если затылокъ, то быть бранному.

Когда правая бровь чешется, то хвалятъ того; а лѣвая—хулятъ.

Если лѣвый глазъ чешется, то значитъ чему нибудь радоваться; а если правый—плакать.

Если у кого либо звенитъ въ правомъ ухѣ, то это знакъ слышать ему хорошія вѣсти; а если въ лѣвомъ—непріятныя, дурныя. Также означаетъ хорошіе или худые о немъ разговоры.

Если кто родился осенью или зимой, и у того въ которомъ нибудь ухѣ закипитъ сѣра, то это знакъ, что будетъ холодъ. Напротивъ же, кто родился весною или лѣтомъ, и у него въ какое бы то нибыло время года закипитъ сѣра въ ухѣ, то это знакъ, что будетъ тепло *).

Ежели носъ у кого чешется по серединѣ, тому слышать о покойникѣ; а если у кого конецъ чешется, то это знакъ, что онъ скоро будетъ пить гдѣ-нибудь вино или водку.

Если у кого случится быть прыщику на языкѣ, то это знакъ, что его злословятъ.

Бѣлыя пятнышки на ногтяхъ той или другой руки, время отъ времени появляющіяся, означаютъ слѣдующее: на ногтѣ мизинца — счастіе, на ногтѣ втораго отъ мизинца—несчастіе, на ногтѣ средняго—радость, на ногтѣ указательнаго — печаль, на ногтѣ большаго пальца — обновку.

Если кто будетъ вытирать руки о скатерть, то непремѣнно пристанетъ заусеница.

Когда хозяинъ дома купленную имъ лошадь или корову приведетъ и поставитъ въ свой хлѣвъ или конюшню, тогда непремѣнно долженъ раскланяться во всѣ четыре угла, съ произношеніемъ слѣдующихъ словъ: хозяинушко! (такъ называютъ домоваго) вотъ тебѣ скотинка! люби ее да жалуй, пой, корми, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся *).

Заяцъ, повстрѣчавшійся съ кѣмъ нибудь на дорогѣ, и особенно перебѣжавшій оную, велитъ остерегаться чего нибудь худаго.

Иголкою, ножикомъ и булавкою не дарить, чтобы не поссориться. Въ отвращеніе ссоры надобно, чтобы принимающій ножикъ купилъ его какою нибудь монетою, а принимающій иголку или булавку позволилъ себя уколоть немного той или другой.

*) И такъ у иного сѣра кипитъ въ ухѣ къ теплу, а у другаго —къ стужѣ, смотря потому, кто въ какое время родился.

*) По понятіямъ простолюдиновъ, домовой крадетъ кормъ у той скотины, которую не любитъ, подкладывая оный той, которая ему мила. Сія послѣдняя ежедневно жирѣетъ, а у той на послѣдокъ останутся кожа да кости.

Кошка умывающаяся предвѣщаетъ гостей. Если она садится на шестокъ или въ печурокъ, то предзнаменуетъ стужу, а если бѣсится, бросаясь изъ угла въ уголъ, то брань и ссору.

Муха попавшая въ кушанье или питье означаетъ подарокъ. Тоже самое означаетъ, если попадется и уголь.

Если пѣтухъ поетъ раньше полуночи, то значитъ, что онъ видитъ *нечистую силу*, т. е. дьявола, и пѣніемъ своимъ прогоняетъ его.

Если кто нибудь двое скажутъ одно и тоже слово вмѣстѣ, вдругъ, то значитъ, что будутъ гости, или покрайней мѣрѣ кто нибудь посторонній придетъ за чѣмъ нибудь.

Если нечаянно упадетъ съ лопаты или хлѣбъ, или пирогъ, или шаньга, или ватрушка, во время сажанія ихъ въ печь, то вѣрный знакъ, что будутъ гости.

Соль нечаянно просыпанная предзнаменуетъ ссору и брань. Въ отвращеніе сего должно велѣть себя выбранить или ударить по лбу щелчкомъ.

Когда женихъ и невѣста идутъ къ вѣнцу и встрѣтятъ на пути идущій возъ съ дровами, то нельзя ожидать въ жизни новобрачныхъ счастія.

Когда женихъ и невѣста пойдутъ къ налою, и когда кто нибудь изъ нихъ первый станетъ правой ногой на подножіе, то это знакъ, что тотъ во всю жизнь будетъ первенствовать надъ другимъ; но если стунитъ много или всею ногой, тотъ подверженъ будетъ вередамъ или чирьямъ.

У кого изъ бракосочетающихся во время вѣнчанія свѣча сгоритъ болѣе, чѣмъ у другаго, тотъ изъ нихъ прежде умретъ.

Когда новобрачные въ первый разъ двое останутся въ своей комнатѣ (наединѣ), то одинъ изъ нихъ вѣроятно начнетъ какой-нибудь разговоръ, и кто первый начнетъ говорить въ это время, тотъ непремѣнно будетъ во всю жизнь первый же и заговаривать съ своей половиной *).

Иканіе, или икота, означаетъ, что кто нибудь вспоминаетъ объ икающемъ.

Если начнутъ сѣять, косить или жать, или другую какую работу, то въ этотъ день не должны тѣ послѣ обѣда спать; иначе не будетъ никакой удачи, никакого успѣха въ томъ дѣлѣ, или работѣ.

Женщина, во время беременности, не должна злостно браниться, ибо новорожденное ею дитя будетъ или злое, или съ другими какими нибудь пороками.

*) Знатоки этого дѣла стараются одинъ другаго перемолчать, или прибѣгаютъ къ такимъ способамъ, по которымъ одинъ изъ нихъ непремѣнно заговоритъ первый.

Когда въ знакъ почтенія подносятъ кому нибудь хлѣбъ-соль, то, не смотря ни на какое лицо подносящаго, не должно отказываться отъ принятія; ибо кто отказывается отъ хлѣба-соли, тотъ отвергаетъ отъ себя счастіе.

Кошка, умываясь, одну лапу выставляетъ вверхъ костылемъ и если, пощупавъ этотъ костыль, находятъ его холоднымъ, то замѣчаютъ шутя: «гость будетъ изъ дороги дальней»; а если костыль былъ тепелъ, то гость будетъ изъ своихъ кто либо.

Кошка сидитъ на столѣ или на окнѣ и смотритъ въ окно—къ прибылому.

Когда же кошка моется на срединѣ полу на противъ дверей, то къ нечаяннымъ и небывалымъ гостямъ.

Когда хлѣбы садятъ въ печку, то, въ это время, избѣгаютъ ходьбы дверьми, для сохраненія своего семейства, для этого же, во время обѣда неподметаютъ полу.

Во время печенія хлѣбовъ, не становятся спиною къ шестку печки, изъ опасенія, чтобъ не сдѣлаться горбатымъ.

Послѣ ужина всего стола не моютъ, а оставляютъ часть его сухою. Это дѣлается для того, чтобъ на морѣ не потонулъ кто-либо изъ своихъ.

Дѣвушка, имѣющая привычку ѣсть, сидя за прялкою, будетъ имѣть ворготливую (брюзгливую) свекровь.

Если дѣвица, хлебая что либо, отъ неосторожности льетъ съ ложки на скатерть,—то у нея будетъ мужъ пьяница.

Когда дѣвушка пашетъ полъ и, неподметя его, отбѣгаетъ къ другому дѣлу не надолго, или по какой нибудь надобности, то у той дѣвушки мужъ будетъ буйнаго характера, т. е. жена будетъ терпѣть отъ него частые побои.

Если женщина оставляетъ вехоть въ помояхъ, или собираетъ соръ въ подолъ послѣ подметанія пола, то у нея родятся своробливыя (нечистоплотныя) дѣти.

Женщина, имѣющая середній перстъ очень длинный, имѣетъ власть надъ мужемъ.

Если кто либо послѣ ужина чихнетъ, то замѣчаютъ, что счастливый чихаетъ къ прибылому въ домъ человѣку, а несчастливый человѣкъ чихаетъ къ убылому.

Глаза чешутся къ слезамъ, а переносье къ покойнику; конецъ же носа, шиковица къ вѣстямъ о рожениць (родильницѣ).

У той дѣвушки, которая нечасто подметаетъ полъ, будущій мужъ будетъ имѣть много долговъ и будетъ въ бѣдной жизни.

Если осенью ночью дождь, а днемъ солнышко некетъ (грѣетъ), то къ тяжелому болѣзненному году. Или если листы падаютъ осенью съ деревъ лѣвою стороною (нижнею) верхъ отъ земли, то также къ болѣзненному году.

Зимою въ избѣ на ночь для тепла открываютъ у печки заслонъ и на мѣсто его, посреди устья, ставятъ вертикально лучину, примѣчая отъ старыхъ людей, что печку недолжно оставлять открытою безъ приставки къ ней лучины, чтобъ домовой не пошутилъ.

Когда стряпаютъ, то на томъ столѣ недопускаютъ, чтобъ были рогатки (мутовки), опасаясь семейной ссоры.

Изобильный урожай рябины—къ мокрой осени и къ богатымъ сельдянымъ промысломъ.

Въ годовые праздники испортить или неосторожно поломать что нибудь изъ посуды, значитъ—къ несчастію которое постигнетъ кого либо изъ семейства.

Крыса упадетъ въ квашню, или во что либо изъ посуды—не къ добру.

Ключей не должно класть на столъ или ложекъ всѣхъ въ кучѣ полоскать, чтобъ не было въ семействѣ ссоры.

Мутовокъ послѣ киселя не облизываютъ женщины и дѣвицы для того, чтобы не ошибиться при вышивкѣ на полотенцахъ узоровъ; а дѣти чтобы не быть тупоумными при обученіи грамотѣ.

Малыя дѣти не спятъ долго ночью передъ вѣтренными людьми т. е. тѣми, которые пріѣдутъ изъ дороги.

Голикомъ (вѣникомъ) лавокъ не должно подметать—раздоръ отъ этого въ семьѣ живетъ (бываетъ).

Если подметаютъ полъ и кто нибудь не сойдетъ съ своего мѣста, а его обметутъ вокругъ, то послѣ, того человѣка будутъ обходить люди (т. е. чуждаться, презирать).

Лѣтомъ по закатѣ солнца не матаютъ нитокъ, чтобъ не продлилась дорога въ морскомъ пути—за противными вѣтрами.

Скотъ, пока пасется на поскотинѣ (пастбищѣ), не бьютъ для мяса. И если случится, что какая нибудь скотина пропадетъ, то съ нея и шкура не снимается, а зарывается въ мохъ. Это соблюдается въ предосторожность отъ того, чтобъ медвѣдь скота не обидѣлъ.

Послѣ отъѣзда кого либо не пашутъ полъ въ комнатахъ три дня, если же вымести, то тотъ, кто уѣхалъ, не воротится болѣе.

Если идешь и на встрѣчу попадется дѣвка, то путь, куда идешь, будетъ дуренъ, если же встрѣтится нищая съ корзиной, то хорошъ.

Миѳологія народа Тулгасскаго общества и прихода, что въ Шенкурскомъ уѣздѣ.

Небо, свѣтила и небесныя явленія.

Тулгасскій народъ, находясь на той степени развитія и образованія, на какой онъ стоитъ въ настоящее время, имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть о мірахъ невидимомъ и видимомъ вѣрованія и убѣжденія, не согласныя съ законами—религіознымъ, нравственнымъ и естественнымъ.

Вѣрованія и убѣжденія его о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ вотъ какого рода:

Небо.

Небо, по понятію Тулгасскихъ обывателей, есть нѣчто матеріальное, состоящее не изъ металла какого либо, или стекла, но изъ чего то неопредѣленно-чистаго и свѣтлаго. На небѣ этомъ находятся свѣтила небесныя—солнце, луна и звѣзды и кружатся (обращаются) вокругъ плоской земли.

Солнце. Солнце — кругъ, наполненный отъ Бога огнемъ и отъ того огрѣвающій въ продолженіе дня землю и живущихъ на ней, а ночью уходящій подъ землю и отдающій свой свѣтъ лунѣ (по народному—мѣсяцу).

Луна. Луна—кругъ, находящійся поближе къ землѣ, чѣмъ солнце, и вращающійся тоже около земли.

Пятна на лунѣ. На лунѣ живутъ Каинъ и Авель съ того момента, въ который Каинъ убилъ Авеля, и смотрятъ на земныхъ, убивающихъ другъ друга, отъ этого и пятна на лунѣ. Перемѣны луны происходятъ отъ солнца и называются новолуніе—маленькая краюшечка, полнолуніе—цѣлый кругъ.

Затмѣнія свѣтилъ. Затмѣнія какъ луны, такъ и солнца, происходятъ отъ нечистой силы — діавола, который, летя на землю мимо этихъ свѣтилъ, затемняетъ собою ихъ и тѣмъ предвѣщаетъ живущимъ на землѣ какое либо несчастіе: — войну, или голодъ, или моръ людей и скота. О затмѣніяхъ луны есть вѣрованія другаго рода—затмѣнія мѣсяца, говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, дѣлаются отъ колдуновъ, которые, если затемнятъ мѣсяцъ, могутъ портить людей.

Фазы луны. При перемѣнахъ луны, народъ особеннаго ничего не наблюдаетъ, а замѣчаетъ только въ погодѣ, напр. въ лѣтнее время, какова погода при рожденіи луны, такова, убѣжденъ онъ, простоитъ всю половину мѣсяца, и потому боится косить траву, если при рожденіи была погода дождливая. Тоже самое замѣчается и при полнолуніи.

Звѣзды. Звѣзды народъ считаетъ зажженными у Бога свѣчками.

Воздушные камни. Воздушные камни—есть наказаніе Божеское. Богъ, оскорбившись на людей за дѣланіе худаго, Ему противнаго, повелѣваетъ своимъ Ангеламъ бросать на землю камни, чтобы избить людей, творящихъ беззаконіе. На этомъ основаніи старухи—няньки говорятъ дѣтямъ, когда тѣ, ѣвши кусокъ хлѣба, бросятъ его:—«Богъ камнемъ убьетъ».

Столбы, круги и кресты. Столбы, круги и кресты, появляющіеся около солнца и луны суть предвѣстники того же, что предвѣщаютъ затмѣнія солнца или луны, именно: войну, или голодъ, или моръ, но только не отъ діавола, а по Божьему велѣнію. *Громъ и молнія; громовыя стрѣлы.* Громъ происходитъ отъ огненной колесницы св. пророка Иліи, катающагося въ ней по небу, а молнія — искры отъ подковъ коней Святаго Иліи. Молнія здѣсь называется *молонья*, ищется и находится въ землѣ, около расщипнутыхъ ею деревъ и столбовъ, въ видѣ каменнаго пирошка, который, если цѣлъ, при появленіи грозы снова улетаетъ на небо.—Бывало на вѣкахъ, разсказывала мнѣ одна старушка: двѣ женщины пришли на полосу жать и нашли стрѣлу. Одна изъ нихъ взяла да и положила стрѣлу въ рукавицу, а на это время поднялась тученька, стрѣла вмѣстѣ съ рукавицей и улетѣла на небо. — Стрѣлы гоняются за нечистой силой вообще и, желая поразить ее, онѣ не щадятъ даже изображенія Божія. Говорятъ: стрѣла, бывало, гонялась за діаволомъ; ему пришлось некуда дѣваться, такъ онъ за божницу, за образъ спрятался,—думалъ, что стрѣла больше не погонится за нимъ. «Образа Божія, сказала стрѣла, не пощажу, да діавола поражу», и поразила. На томъ основаніи, что стрѣла гоняется за діаволомъ, народъ во время грозы, чтобы бѣсъ не прятался за него, изображаетъ на себѣ крестное знаменіе.

Пожаръ отъ молніи. Пожаръ, причиненный молніей, не иначе можно загасить, какъ молокомъ только.

Дождь снѣгъ, градъ, иней, туманъ и роса. Дождь, снѣгъ, градъ, иней, туманъ и роса посылаются на землю Богомъ. Въ дождь, падающій при солнцѣ бываетъ *раковъ пожаръ*:—раки, говоритъ народъ, горятъ въ это время. На этомъ основаніи, поймавшій рака, безъ клешни, говоритъ о немъ: былъ въ пожарѣ.—Какъ и отчего происходитъ раковъ пожаръ—народу неизвѣстно.

Какъ узнается пожаръ отъ поджога. Чѣмъ тушатъ пожаръ вообще. Онъ хорошо узнаетъ причину пожара, произшедшаго отъ поджога. Если пожаръ произошелъ отъ этой причины, то въ пламени горящаго вещества показывается человѣкъ, но какой именно—узнать невозможно, потому что фигура человѣческая представляется очень неясно; а если пожаръ произошелъ отъ зарона, то человѣкъ никогда не показывается. Сильно распространившійся отъ сихъ причинъ пожаръ хорошо и скоро гасится, если въ него будешь бросать сырыя куриныя яйца.

Кометы Явленіе кометъ бываетъ непремѣнно предъ великой войной. По этому, говорятъ, предъ 12-мъ годомъ явился *воликъ-звѣзда*, предъ австро-итальянской войной явилась звѣзда съ хвостомъ. — Словомъ явленіе кометъ есть предвѣщаніе всеобщаго какого либо несчастія.

Земля, по понятію народа, какъ я выше замѣтилъ, имѣетъ видъ плоскій и конецъ ея находится далеко, далеко тамъ, — гдѣ съ земли люди ходятъ на небо. Вѣрованіе въ хожденіе людей на небо «тамъ гдѣ то да-

нево» поддерживается и распространяется чрезъ сказки, напр. чрезъ сказку Конекъ-горбунокъ, которая существуетъ въ народѣ съ разными, противъ печатнаго, измѣненіями. Земля, окруженная небомъ, держится на семи большихъ и шести маленькихъ китахъ, которые вѣкъ должны носить ее на себѣ, и когда пошевелятъ хвостомъ или хребтомъ, производятъ землетрясеніе. На восточной сторонѣ земли находится теплая сторона, въ которой, ближе къ намъ, живутъ православные христіане, за ними арабы, за тѣми маленькіе (карлики) и одноногіе люди, а на западной—холодная сторона такая же, какая на сѣверѣ, въ которой живетъ все нехристь: — нѣмцы, агличане, французы.

Востокъ и Западъ. Первый считается жилищемъ Бога, а послѣдній жилищемъ сатаны, — почему, говоритъ народъ, мы и не обращаемся съ молитвой на западъ, а на востокъ, и церкви наши устрояются алтаремъ на востокъ.

Уваженіе къ землѣ. Земля не олицетворяется, а матерью называется по той причинѣ, что первый человѣкъ Адамъ взятъ изъ земли. На этомъ же основаніи народъ питаетъ къ ней такое уваженіе, что если бы кто вздумалъ въ шалости стегать плетью землю, то тому старшіе непремѣнно бы замѣтили, чтобы онъ пересталъ наказывать мать сыру землю. Изъ этой матери сырой земли берутся всѣ воды, текущія по рѣкамъ и ручьямъ въ моря, въ которыхъ есть ямы (пучины), величиною въ діаметрѣ 25-ть верстъ, и если какой корабль попадетъ въ эту яму, то ужъ никогда не воротится.

Вода. Вода какъ лѣкарство, употребляется въ обурочиваніи, сглазеніи въ болѣзни лица. Въ послѣднемъ случаѣ вода преимущественно употребляется дѣвицами и при вскрытіи льда. Весною сего 1866 года мнѣ случилось видѣть, какъ только ледъ тронулся па Двинѣ, тотчасъ десятки дѣвицъ побѣжали на берегъ мыться.—Для чего, спросилъ я у одной попавшейся мнѣ старушки, дѣвицы ваши бѣжатъ такъ скоро къ Двинѣ—«Мыться, батюшка, отвѣчала она. Вѣдь эта-то вода лучшіе всякаго зедья, чтобы лицо сдѣлать бѣлымъ да красивымъ. Старые люди намъ бывало говаривали, что первая весенняя вода лучше всякаго зелья».

Подземныя царства. Въ нѣдрахъ земли или подъ землей находятся разныя царства,—золотыя, серебряныя и мѣдныя, которыми управляютъ—Вихорь, летучій Змѣй и Яга-баба. Въ царствахъ этихъ на вѣкахъ—когда-то бывали люди — Иванъ Царевичъ, Иванъ крестьянскій сынъ, Иванушка Медвѣжьи ушки и другъ. Вѣрованіе въ подземныя царства, ихъ управителей и бываніе въ нихъ людей поддерживается также старушками, бабками и нянъками и стариками-дѣдами посредствомъ сказокъ.

Огонь. Первый огонь данъ человѣку Богомъ, а живой огонь и огонь на болотахъ—кладъ показывается.

Кладъ, большое количество денегъ, положенное въ разныя мѣста жившею нѣкогда Чудью съ разными заговорами и условіями напр. такими: въ такомъ то мѣстѣ говорятъ старожилы, есть кладъ и онъ достанется пятой головѣ т. е. четыре лица одинъ за другимъ, достающія кладъ, должны непремѣнно уже рыть тутъ же. Кладъ, чтобы достался и пятому лицу, долженъ быть очурканъ трижды: «чуръ мой кладъ съ Богомъ на пополамъ»....

Огоньки на кладбищахъ. Огоньки на кладбищахъ суть знаки, даваемые отъ Бога людямъ, что тѣ лица, на могилахъ которыхъ они видаются, скоро будутъ прославлены. Въ нашей мѣстности явленіе огоньковъ на кладбищахъ, особенно на раскольническомъ въ Кургоминскомъ приходѣ, заставляетъ раскольниковъ ожидать скораго явленія мощей своихъ собратовъ. Они если услышатъ, что такой то крестьянинъ видѣлъ огонь на кладбищѣ, то непремѣнно придутъ къ нему, подробно распросятъ о мѣстности, на которой показался огонекъ, и въ заключеніе всѣхъ своихъ сужденій выведутъ, что огонекъ показался на могилѣ такого-то старца—раскольника, всю свою жизнь не бывшаго въ еретической церкви т. е. нашей, и никогда не принимавшаго еретическаго причастія.

Вихрь-чертъ. Вихрь—есть нечистая сила, которая, увидѣвши, что поднимается гроза, бѣжитъ отъ нея дальше, чтобы не поразила стрѣла. Желающій видѣть нечистую силу — вихрь, какъ учатъ старики и старухи малыхъ дѣтей, должны, снявши съ себя крестъ, смотрѣть въ наклонномъ положеніи межъ ногъ. Смотрящіе такимъ образомъ, будто бы, видѣли вихрь въ видѣ огромнѣйшаго человѣка, машущаго руками и бѣжащаго *какъ мога*....

Эхо—откликъ нечистой силы—въ лѣсу лѣшаго, около домовъ — домоваго, около бань—банника или баннаго, мельницы—мельника, овиновъ—овинника.

Видѣнія. Блазнитъ и чудится — происходитъ также отъ нечистой силы и есть предсказаніе чего либо будущаго. Между ними различія почти не существуетъ въ народѣ. Преимущественно блазнитъ и чудится народу съ Николина дня (6 декабря) до Крещенія (6 января), такъ какъ въ этотъ промежутокъ времени сатана повелѣваетъ своимъ слугамъ ходить по землѣ и предсказывать людямъ ихъ судьбу, чтобы больше и лучше любилъ ихъ народъ.

Еретики. Еретикомъ слыветъ въ настоящее время у насъ тотъ, кто совершенно не вѣруетъ въ Бога и отвергаетъ его законы, или кто еще не раскольникъ. Такое понятіе объ еретикѣ распространено и поддерживается въ народѣ раскольниками и раскольницами.—Бы-

вали же такіе люди, которые ходили ночами по деревнямъ, хватали людей и ѣли. Еритики—были люди не живые, а умершіе, почему, если они сильно надоѣдали людямъ, то народъ собирался днемъ къ могилѣ извѣстнаго въ жизни колдуна, раскалывалъ ее, доставалъ ницъ лежащаго еритика и жегъ на кострѣ, или же забивалъ ему въ спину осиновый колъ, не позволявшій еретику болѣе вставать и выходить изъ могилы. Одинъ и тотъ же человѣкъ — кудесникъ, знахарь и порчельникъ называется въ жизни колдуномъ, а по смерти, если бы онъ заходилъ по ночамъ и сталъ бы ѣсть людей,—что бывало на вѣкахъ,—еретикомъ.

Знахари и колдуны. Кудесники, знахари, порчельники уважаются народомъ, который въ случившихся несчастіяхъ — у кого что потеряется, или кого кто испортитъ, обращается съ просьбами о помощи необъяснимо рабски. Чары этихъ людей народу совершенно неизвѣстны по той причинѣ, что они всѣми мѣрами стараются скрыть обманъ свой отъ народа и при передачѣ секретовъ чародѣйства другому, не позволяется никому передавать одной іоты, въ противномъ случаѣ чары будутъ недѣйствительны. Секреты чародѣйства передаются передъ смертію и принимающій ихъ не иначе долженъ поступить при пріемѣ, какъ снять съ себя данный при крещеніи крестъ и положить его въ сапогъ подъ пяту.

Богатыри—люди очень рослые и обладающіе такой силой, что толпа обыкновенныхъ людей на одного изъ нихъ ничего незначитъ. Богатырь Никита (sic!) Поповичъ обладалъ, еще въ молодыхъ годахъ, такой силой, что кого изъ парней, однихъ съ нимъ лѣтъ, схватитъ за голову—голова прочь, за ногу—нога прочь. Еруслапъ Лазаревичъ размахомъ метлы убивалъ цѣлыя тысячи войска. Вѣрованіе въ таковыхъ людей,—каковы Никита Поповичъ и Еруслапъ Лазаревичъ, поддерживается и распространяется въ народѣ посредствомъ картинъ Суздальской работы, которыя можно найти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ подлѣ изображенія Святыхъ.

Случалось видать, во время хожденія по крестьянскимъ домамъ съ крестомъ и святою водою, что къ изображенію Еруслана Лазаревича, прибитаго близь святыхъ иконъ, поставлена зажженная восковая свѣча.

Изба и ея принадлежности. Постройку первой избы и прорубку въ ней оконъ приписываютъ Богу—«Богъ, говорятъ, научилъ человѣка.» Тоже говорятъ о домашней утвари, сохѣ, боронѣ, телегѣ, саняхъ, ихъ употребленіи и объ одеждѣ; а объ украшеніяхъ — кольцахъ, серьгахъ, вѣнкахъ и друг. напротивъ, т. е. что носить ихъ научилъ человѣка самъ сатана.

Вѣрованіе Тулгасскихъ обывателей въ происхожденіе животныхъ и растеній, исключая табаку, рѣдьки и чесноку, болѣе согласно съ религіей; а вѣрованіе въ свойства и принадлежности животныхъ, впрочемъ не всѣхъ, и растенія хмѣля рѣшительно противно здравому смыслу. Табакъ произошелъ отъ сѣмени дѣвицы, блудодѣйствовавшей съ діаволомъ; рѣдька и чеснокъ сотворены сатаной; а одурящее свойство хмѣля дано бѣсомъ, которой имъ искусилъ (когда-то?) Ноеву жену, и изъ котораго научилъ человѣка дѣлать хмѣльно-пьяное питіе на пагубу душъ христіанскихъ. Касательно происхожденія табака и одуряющаго въ хмѣлѣ свойства существуютъ въ народѣ, преимущественно между раскольниками, легенды, изъ которыхъ одну прилагаю при семъ (см. 2 вып.) Козелъ первоначально сотворенъ былъ безъ бороды, но за нарушеніе Ноя ѣсть виноградъ до опьяненія награжденъ сатаной бородою. Летучія мыши происходятъ изъ обыкновенныхъ мышей, къ которымъ за съѣденіе на престолѣ крошечки оставшейся отъ агнца, прирастаютъ крылья. Сороки, бывшія Кіевскія вѣдьмы, имѣющія свойство предсказывать своимъ щекотаньемъ прибытіе гостей.—Воронъ, сова, филинъ, кукушка и пѣтухъ со свойствами предвѣщать несчастія.... Воронъ, если сядетъ на церковь, то передъ покойникомъ; если сядетъ на тотъ домъ, гдѣ есть больной, то тотъ больной непремѣнно умретъ.—Сова и филинъ, если прилетятъ въ деревню и будутъ кричать, то предъ пожаромъ.—Крикъ кукушки, если кто услышитъ въ первый разъ,—въ лѣвое ухо, то тотъ оглохнетъ, въ правое—получитъ какую либо радость;—въ глаза—будетъ плакать,—въ затылокъ—умретъ. Пѣтухъ если рано сядетъ на сѣдало и запоетъ, непремѣнно будетъ покойникъ..... Осина еще по сіе время мучится за то, что удавился на ней Іуда предатель. Мученіе осины народъ находитъ въ дрожаніи листьевъ, при совершенно тихой погодѣ.....

Изъ чародѣйскихъ травъ въ устахъ народа существуетъ ломъ и цвѣтокъ невидимка. Первая и послѣдній находятся въ полночь на Ивановъ день (8 мая), въ которую первая выростаетъ, а послѣдній цвѣтетъ; чтобы достать ихъ, не слѣдуетъ въ означенную ночь спать, и сидѣть тамъ, гдѣ онѣ растутъ, чтобы никто незналъ. Растутъ эти травы, говорятъ старухи, на сухихъ высокихъ мѣстахъ и только въ означенную ночь. Завладѣвшій травою-ломъ можетъ пройти подъ всякій замокъ: стоитъ только приложить къ замку ломъ-траву, потому что она имѣетъ силу разрывать желѣзо; а завладѣвшій цвѣткомъ-невидимкой можетъ ходить по всѣмъ магазинамъ и лавкамъ среди бѣлаго дня и брать изъ товаровъ что и сколько ему вздумается потому, что цвѣтокъ невидимка скрываетъ человѣка.—

Изъ лѣкарственныхъ травъ собираются народомъ и употребляются въ болѣзняхъ: дикая трава, грыжа, ты-

сящелистникъ, листье репейника, поддорожника и другихъ.

Животныя народомъ нашей мѣстности не употребляются въ пищу тѣ же, которыхъ не позволяетъ употреблять и Моисей въ своемъ законѣ (Второзак. 14 глава) только съ небольшимъ исключеніемъ именно: Моисей не позволяетъ ѣсть удавленины, а у насъ она употребляется въ пищу, на пр. птицы. Законъ Моисеевъ о неупотребленіи въ пищу животныхъ, кромѣ сказаннаго исключенія, строго содержится преимущественно раскольниками, чрезъ которыхъ распространяется и на прочій народъ... Всѣ вообще животныя находятся подъ покровительствомъ Господа; въ частности рогатый домашній скотъ: быки, коровы и овцы находятся подъ особымъ покровительствомъ Святаго Священномученника Власія Епископа Севастійскаго (11 фев.) а лошади подъ покровительствомъ Флора и Лавра (18 августа). Перваго и послѣднихъ народъ называетъ богами домашняго скота, и въ случаѣ потери или болѣзни его обращаются къ этимъ святымъ угодникамъ. Вѣра въ покровительство животнымъ означенныхъ Св. Угодниковъ Божіихъ укоренилась въ народѣ чрезъ ихъ жизнеописаніе..... Изъ животныхъ—птицъ особенно любимы колдунами всѣ, такъ называемыя народомъ вѣщія птицы—сороки, совы, филины, кукушки и др.....

О духѣ нечистомъ народъ говоритъ то, что онъ, какъ діаволъ,—не красивый, черный, съ рогами, когтями и хвостомъ; ростомъ выше лѣсинъ, пугаетъ людей крикомъ и рукоплесканіемъ—это лѣшій; черный, съ длинными волосами, играетъ съ подобными себѣ въ карты, и, если проиграется, дерется съ обыгравшимъ его, засыпаетъ его жилище пескомъ, и беретъ скотъ—это чертъ. Нечистые духи, по мнѣнію народа, обитаютъ въ лѣсахъ, рѣкахъ, домахъ, баняхъ, овинахъ, поляхъ и друг. мѣстахъ, отъ которыхъ они и носятъ свое названіе, напр. нечистый духъ, живущій въ лѣсу, называется лѣшимъ и лѣшакомъ; въ водѣ—водянымъ и чертомъ; въ банѣ—банникомъ, въ овинѣ—овинникомъ. Всѣ эти нечистые духи видаются народомъ, что видно изъ разсказовъ не старухъ, или малыхъ дѣтей, но людей здравомыслящихъ. Слышалъ я разсказъ о видѣніи черта и его скота. Въ Тулгасскомъ приходѣ протекаетъ рѣчка Тулгасъ, отъ которой приходъ получилъ свое названіе. Выше отъ прихода по рѣкѣ Тулгасу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни годъ назадъ крестьянинъ села Кузьминскаго, теперь умершій, Алексѣй Скорняковъ видѣлъ цѣлое стадо бураго скота, пасомаго самимъ чертомъ—человѣкомъ толстымъ, съ длинными черными, какъ смола волосами. Только что чертъ замѣтилъ этого крестьянина, очень скоро началъ гонять скотъ въ воду. Чрезъ нѣсколько минутъ стадо бураго скота и чертъ скрылись въ водѣ.—Разница между чертомъ, бѣсомъ, сатаной, діаволомъ, лѣшимъ и другими та, что чертъ и лѣшій не искушаютъ людей; а бѣсъ или діаволъ, по приказанію начальника своего, сатаны, прилетаютъ въ міръ для искушенія рода человѣческаго и дѣланія ему разныхъ пакостей. Всѣ означенные нечистые духи прогнаны съ неба Архангеломъ Михаиломъ за возстаніе противъ Бога; они имѣютъ способность производить дѣтей, почему народъ вѣритъ, что у всѣхъ нечистыхъ духовъ есть жены, которыя называются — чертихой, лѣшухой, діаволицей; а дѣти—чертенки, лѣшенки, діаволенки и бѣсенки.

Къ категоріи нечистыхъ духовъ принадлежатъ—Яга-Баба, Полудница, или Ржица. Яга-баба—нечистая сила женскаго пола, не имѣющая мужа, ростомъ большая, собой столь корпусна, что, какъ говорится въ сказкахъ, сидитъ въ избѣ на печномъ столбѣ, ноги на лавкахъ, груди на полкахъ, голова на кожухѣ; ѣздитъ въ ступахъ и пожираетъ людей.—Полудница есть таже Ржица. Ржицею называется потому, что живетъ во ржи; а полудницею—ходитъ во ржи въ полдень..... Рокъ и судьба одно имѣютъ значеніе у народа, а понятія объ нихъ народъ рѣшительно не имѣетъ никакого.....

Полканъ—великанъ и богатырь имѣющій верхнюю половину туловища человѣческую, а остальное все конное. Этихъ чудовищъ теперь нѣтъ. Жили они въ теплой сторонѣ и очень давно и воевали съ богатырями—Еруслановъ Лазаревичемъ и разными царями. Кромѣ силы полканы обладали свойствомъ дѣлать по полуверстѣ прыжки. Вѣрованіе въ нихъ также, какъ и въ богатырей Еруслана Лазаревича и другихъ, поддерживается и распространяется въ народѣ посредствомъ картинъ суздальской работы.

Въ превращенія людей въ медвѣдей, сорокъ и другихъ животныхъ народъ вѣрустъ и вѣру свою подтверждаетъ бывалымъ на вѣкахъ. Такъ когда-то и чей-то купецъ, отправляясь на ярмарку съ большою суммою денегъ, побоялся ѣхать безъ товарищей; дорогой, чтобы не убили, превратился въ медвѣдя и побѣжалъ прямымъ путемъ чрезъ лѣса и болота, но дорогою напалъ на охотниковъ и былъ ими убитъ. Снявши шкуру, охотники увидѣли, что убитый ими медвѣдь, былъ обворотень человѣкъ, одѣтый въ жилетѣ и брюки и несшій съ собой нѣсколько тысячь денегъ.—Въ сорокъ превращались и превращаются колдуны и колдуньи. Секреты превращенія людей въ животныхъ и наоборотъ—народу неизвѣстны.

Въ силу родительскаго проклятія, посыланія къ черту и лѣшему—народъ крѣпко вѣритъ и подтверждаетъ вѣру свою разнаго рода разсказами:—неблагоденствіемъ того человѣка, который за что либо былъ проклятъ отцомъ или матерію; безвозвратною потерею то-

го, который отправляясь куда либо безъ согласія родителей, получилъ отъ нихъ напутственное слово—понеси лѣшій, или иди къ черту.

Вотъ повѣрья, относящіяся къ людямъ и ихъ хозяйственнымъ работамъ.

Собственно о человѣкѣ повѣрій не существуетъ, а есть повѣрья о жидкостяхъ его, находящихся въ носу и ртѣ. Слизистыя носовыя жидкости и слюни даны человѣку по просьбѣ сатаны, собакой, которая въ вознагражденіе за то, получила на тѣло шерсть..... Младенцы, родившіеся глупыми, по мнѣнію народа, есть обмѣныши или обмѣненные нечистой силой, которая дѣлаетъ обмѣнъ тогда, когда младенцы бываютъ непросвѣщены святымъ крещеніемъ и оставляются матерью, во время ея отлучекъ по дому, безъ благословенія.—Рожденіе младенцевъ слѣпыми, хромыми, безрукими и другихъ родовъ уродами—приписывается Богу и есть отъ него наказаніе родителямъ родившагося урода.

Повѣрье объ огненныхъ змѣяхъ въ народѣ есть такого рода, что были они когда-то и жили не на землѣ, а надъ землей въ своихъ царствахъ. Повѣрье это вошло въ народъ и поддерживается въ настоящее время посредствомъ сказокъ, въ которыхъ огненные змѣи изображаются царями подземныхъ царствъ, выходящими на землю для хватанія только и пожиранія людей.

Въ сельско-хозяйственныхъ работахъ повѣрья есть:—при началѣ посѣвовъ, кошенія травы и жатвы народъ наблюдаетъ и у знающихъ людей справляется: не празднуетъ-ли церковь въ тотъ день, въ который онъ хочетъ начать свою работу Апостолу какому либо, Святому Іову многострадальному (6 мая), Преподобному, или Священномученнику, или не въ тотъ ли день было Благовѣщеніе (25 марта)? И если ему скажутъ, что въ тотъ день, въ который онъ хочетъ начать свою работу, празднуется Апостолу или Священномученику, то ни за что не начнетъ своей работы въ тотъ день. Впрочемъ не наблюдается это, когда работа хоть немного, но была начата раньше.... При концѣ посѣвовъ яровыхъ наблюдается, чтобы они кончены были до дня Дороѳея распрягальника (5 іюля), а озимыхъ, чтобы покончить ихъ до *третьяю Спаса* (16 августа). При ловлѣ рыбъ, птицъ и звѣрей тѣ лица, которыя занимаются этимъ, ни за что и никогда спрашивающему о вознагражденіи трудовъ не скажутъ правды, сколько они уловили. Если же сказать правду, то, по мнѣнію ихъ, больше ужъ ловиться такъ не станетъ.

Переходимъ къ примѣтамъ, извѣстнымъ Тулгасскимъ жителямъ.

Вечеромъ если небо будетъ багроваго цвѣта, то передъ ясной погодой.

Если солнце закатится не въ моромѣ, также передъ ясной погодой.

Туманъ если поднимется, а не падетъ на землю, то передъ дождемъ.

Если старые люди чувствуютъ вечеромъ ослабленіе въ тѣлѣ, то передъ дождемъ.

Если домашній рогатый скотъ сильно будетъ рычать, не смотря на то, что кормомъ доволенъ, то передъ пожаромъ.

Если гагара зареветъ, то передъ сѣвернымъ вѣтромъ и дождемъ, а если закричитъ, то передъ ведромъ.

Если воробьи будутъ летать стаей, то передъ сѣвернымъ же вѣтромъ.

Скотъ, спущенный осенью на волю, если будетъ рваться во дворъ, то передъ холодомъ или снѣгомъ.

Зажелтѣвшій лѣсъ предвѣщаетъ скорое паденіе снѣга.

Красныхъ ягодъ если въ лѣсу будетъ много, то передъ всеобщими слезами, на пр. передъ наборомъ.

Если черныхъ ягодъ будетъ много, то передъ тѣмъ, что синіе льны будутъ хороши.

Рябины много—передъ хорошимъ урожаемъ ржи; рябины мало—передъ худымъ.

Если льду много останется по берегамъ рѣкъ весной, то передъ тяжелымъ для людей годомъ, если же не останется, на оборотъ.

Чтобы не былъ лѣтомъ въ паствѣ звѣрь—медвѣдь, нужно сходить ночью на Георгіевъ день (23 апрѣля) въ паству и покричать какъ можно сильнѣе.

Если въ святки нехорошая погода, то рожь не выцвѣтетъ.

Мышь если во что либо изъ посуды упадетъ и найдена будетъ мертвою, то непремѣнно передъ бѣдой.

Въ Варваринъ день (4 декаб.) рѣшета въ руки не берутъ по той причинѣ, что будто бы Варвара Великомученица укрылась отъ отца подъ рѣшетомъ.

Въ Саввинъ день (5 декабря) не берутъ въ руки иголки и не шьютъ ничего, чтобы не зашить Саввы.

Ворона реветъ къ теплу и дождю.

Столъ въ комнатахъ долженъ стоять вдоль по полу, чтобы дольше прожить на одномъ мѣстѣ.

Много бѣлки и птицъ въ лѣсу означаетъ то, что война у лѣшаго съ другимъ лѣшимъ.

Чтобы выросъ хорошій и длинный ленъ, женщины должны скатиться съ горки на доскѣ въ чистый понедѣльникъ т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста.

Чтобы бѣлой ленъ въ слѣдующее лѣто былъ хорошъ, женщины должны въ чистый же понедѣльникъ очесать нѣсколько горстей льну, оставшагося отъ прошедшаго лѣта.

Сорока щекочетъ къ гостямъ, а углы домовъ конопатитъ своимъ клювомъ—къ холоду.

Въ новый годъ ничего не покупаютъ; въ противномъ случаѣ цѣлый годъ будешь покупать что либо.

Въ Крещенье, когда пойдутъ крестнымъ ходомъ на Іордань, понесетъ снѣгъ—передъ урожайнымъ годомъ.

Въ Срѣтеніе (2 февр.) если перемететъ дорогу—сѣна той весной будутъ дороги.

Въ Пасху не подаютъ скоту корма вилами, въ противномъ случаѣ Христа заколешь.

Не должно качать люльки безъ ребенка, въ противномъ случаѣ ребенокъ мало будетъ спать.

Не должно ребенка щупать за подошвы потому, что онъ въ полночь не будетъ спать.

Въ чистый понедѣльникъ въ амбаръ (житницу) не ходятъ; въ противномъ случаѣ не хватитъ на годъ хлѣба.

На новый годъ если звѣздочекъ на снѣгу будетъ много, то въ лѣсу ягодъ будетъ много.

Весной на озими если будетъ много плесени, то въ наступающее лѣто въ лѣсу много будетъ рыжиковъ.

Чтобы рождались ягнята бѣлые, нужно на великій четвергъ къ дверямъ поставить бѣлое полѣно, а чтобы —черные, то головню.

Если на Пасху будетъ лаять собака, то лѣтомъ много будетъ звѣрей въ лѣсу, на пр. медвѣдей, волковъ и другихъ хищныхъ.

А вотъ мѣстная легенда о созданіи кота: Когда родъ человѣческій долженъ былъ погибнуть отъ потопа, ему способствовалъ болѣе всего діаволъ, желая истребленія рода человѣческаго. Господь захотѣлъ сохранить породу человѣка и всѣхъ звѣрей, скота и птицъ. Для этого Богъ велѣлъ Ною построить ковчегъ и войти туда самому съ семействомъ и съ животными. Чортъ, видя, что Богъ хочетъ сохранить людей, рѣшился во что бы то ни стало погубить Ноя съ ковчегомъ и для этого придумалъ такую штуку. Не имѣя силы творить животныхъ чистыхъ, онъ создалъ *гнусовъ*, т. е. мышь, крысу и крота, давъ имъ возможность скрываться въ землѣ тайно и ночью взобраться въ ковчегъ. Гнусы должны были, когда ковчегъ будетъ плавать по водѣ, прогрызть и источить его дно дырами, и такимъ образомъ потопить. Когда Ной вошелъ въ ковчегъ со всѣмъ живымъ, которое должно было сохраниться отъ потопа, тогда онъ замѣтилъ невиданныхъ имъ до того времени гнусовъ, зашедшихъ въ ковчегъ; онъ понялъ, чья это была продѣлка, но поймать и истребить гнусовъ не было возможности, такъ какъ они были очень малы и скрывались въ кучахъ корма, приготовленнаго для животныхъ и людей. Тогда одинъ изъ звѣрей, именно левъ, взявъ со всѣхъ звѣрей по клочку шерсти, а также и своей, и все это прогрѣлъ. Черезъ нѣсколько времени левъ вырыгнулъ кота, много подобнаго себѣ, только очень маленькаго и безъ гривы, но такого же свирѣпаго, легкаго и съ острыми когтями. Котъ этотъ, какъ только былъ готовъ, тотчасъ бросился на гнусовъ и истребилъ ихъ, а послѣ потопа онъ вмѣстѣ съ куною произвелъ разношерстную породу кошекъ. Вотъ почему у кота шерсть, какъ взятая отъ всѣхъ звѣрей, чиста; а какъ онъ ѣстъ гнусовъ, то внутренность его не чиста; за шерсть и услугу онъ допускается въ алтарь, а какъ питается гнусами, твореніемъ чорта, по этому считается не чистымъ и въ пищу не употребляется. Звѣрь левъ за выдумку свою поставленъ Ноемъ царемъ всѣхъ звѣрей вообще и скотовъ въ особенности.

Изъ гаданій приводимъ слѣдующее:

Желающій узнать свою судьбу отправляется съ разными препаратами въ какое либо мѣсто, раньше присмотренное или придуманное. Молодежь большею частію отправляется узнавать свою судьбу цѣлою толпою. Пришедши на мѣсто, узнаватели своей судьбы усаживаются другъ передъ другомъ, очуркиваются, очерчиваются трижды столовымъ ножикомъ, кладутъ передъ собою укругъ хлѣба и покрываются скатертію.—Касательно узнаванія судьбы помѣщаю сюда разсказъ одного молодаго человѣка.—Въ одинъ изъ декабрьскихъ вечеровъ 1865 года зашелъ ко мнѣ въ квартиру одинъ молодой парень, которому я, между прочими разговорами, предложилъ вопросъ: чѣмъ молодежь занимается по вечерамъ?—Какъ чѣмъ, отвѣтилъ мнѣ молодой дѣтина.—Чѣмъ же именно?—Ѣздимъ по вечеринкамъ, ходимъ слушать..... гадаемъ (о гаданіяхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ).—Куда же вы ходите слушать и для чего?—Какъ куда?.... то на растани (перекрестки), то къ амбарамъ, то къ жилымъ домамъ, то въ бани, и овины..... и мало-ли кто куда вздумаетъ и гдѣ себѣ мѣсто приберетъ.

— Для чего?

— Чтобы узнать, не женится ли кто изъ партіи, не умретъ ли кто, въ солдаты не возьмутъ ли.....

— Какъ же вы узнаете все это?

— Какъ узнаете!.. Если кому почуются колокольчики, тотъ значитъ женится въ этотъ годъ; если же почуется, что идетъ полкъ солдатъ,—въ солдаты возьмутъ; если—тешутъ доски,—умереть.

— А къ житницамъ зачѣмъ ходите?

— Чтобъ узнать, каковъ будетъ годъ—хлѣбородный или нѣтъ, и дорогъ ли будетъ хлѣбъ.

— Будто сбывается то, что вамъ представляется, или какъ по вашему *чудится*?

— Знаю дѣло, что сбывается..... Лонись (въ прошедшемъ году) Петрушѣ нашему (двоюродному брату)— почудилось—тешутъ доски—и умеръ въ четвертокъ предъ великимъ заговѣньемъ. *).

Гаданія преимущественно совершаются народомъ въ святки съ 25 декабря до 6 января. Гадаютъ вотъ какъ:

Бесѣдующій со мною въ одинъ изъ декабрьскихъ вечеровъ прошедшаго года молодой дѣтина, говорилъ на мой вопросъ: гадаете-ли вы? слѣдующее:

— Гадаемъ—льемъ изъ олова разныя фигурки, смотримъ въ зеркало, выносимъ на морозъ ложку съ масломъ или водой. Гадаемъ такъ для того, чтобы узнать каково будетъ жить въ этотъ годъ. Если изъ олова выльется фигурка хорошая, то передъ хорошимъ чѣмъ нибудь, а если некрасивая, на пр. яма, то передъ худомъ. Въ зеркало смотрятся для того, чтобы увидѣть свою *сужену* (будущую жену), или не умрешь ли въ тотъ годъ. При смотрѣніи въ зеркало нужно отворить не благословясь двери, ворота и трубу и не отвертываться безъ зачуранья въ случаѣ, если покажется что либо страшное на пр. смерть въ видѣ изсохшаго человѣка.—Въ холодное мѣсто выносятся налитыя ложки съ масломъ или водой съ тою цѣлію, чтобы узнать, не умретъ-ли кто изъ гадающихъ. Если въ той ложкѣ, кому она принадлежитъ, налитое масло или вода,—замерзнетъ съ ямкой на срединѣ, то тотъ умретъ, если безъ ямки, то напротивъ.

Переходимъ къ повѣрьямъ жителей Курейско-Сергіевскаго прихода, Холмогорскаго уѣзда.

Олицетворяя природу въ живыхъ образахъ, народъ во всемъ находитъ таинственное значеніе, у него все имѣетъ живой смыслъ. Такъ напр., народъ вѣритъ встрѣчѣ человѣка и животныхъ; вѣритъ въ полетъ птицъ, крикъ животныхъ, примѣчаетъ шумъ вѣтра, шелестъ древесныхъ листьевъ, журчаніе ручья, и проч. и проч.;—и все это свидѣтельствуетъ о какомъ нибудь духѣ, невидимомъ миѳическомъ существѣ въ образѣ дерева, птицы и такъ далѣе,—все это знаменуетъ что либо таинственное. Этихъ языческихъ суевѣрій въ народѣ многое множество, и многія изъ нихъ уже записаны въ «Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ».

Замѣчу лишь тѣ суевѣрія и воззрѣнія, которыя еще не описаны, а болѣе тѣ, которыми опутанъ нашъ народъ въ области религіозной жизни, и которыя надобно полагать, достались ему отъ язычествовавшихъ предковъ, а впослѣдствіи приправлены въ нихъ тенденціями нашей доморощенной, апокрифической и раскольнической литературой.

Такъ напр. вмѣсто языческаго Перуна—громовержца нашъ народъ чтитъ теперь громовержцемъ св. Пророка Илью; вмѣсто языческаго Велеса—скотья бога, чтитъ скотьимъ покровителемъ святаго священномученика Власія; покровителями лошадей—святыхъ Флора и Лавра; врачами—святаго Антипа, Сесинія и проч. Естественно, что при этомъ неизбѣжно должны были сохраниться, и сохранились въ простонародіи и нѣкоторые обряды изъ славяно-языческой религіозной практики. Такъ напр.:

Входитъ хозяинъ въ новый домъ и входитъ непремѣнно въ полнолуніе и въ полночь; несетъ святую икону и вмѣстѣ съ нею пѣтуха, котораго заставляетъ пѣть; молится Господу Богу «о сохраненіи отъ всякаго вреда невредимыми восхотѣвшихъ въ немъ жити,» и раскланивается во всѣ четыре угла хозяинушку, чтобъ онъ «господинъ, принялъ ихъ на богатый дворъ, на бытье, на житье, на богачество.»

Купилъ хозяинъ скотину и молится вмѣстѣ съ продавцомъ Господу Богу, и не возьметъ голыми руками вязки или узды; творитъ молитву Іисусову, а самъ три раза обводитъ вокругъ себя коня и кланяется хозяинушкѣ: «пой, корми, рукавичкой гладь.»

Носитъ на шеѣ святой крестъ, и вмѣстѣ съ нимъ на той же ленточкѣ узелокъ съ ртутью, травами и разными своедѣльными словами, записанными на бумагѣ, и этимъ узелкамъ приписываетъ силу, отклоняющую и прекращающую всякую болѣзнь и всякое другое бѣдствіе, безъ всякаго содѣйствія иныхъ средствъ.

Послѣ св. причастія, считаетъ непростительнымъ грѣхомъ плевать на землю въ продолженіе шести недѣль изъ опасенія «выплюнуть св. причастіе.»

Плевать считается у народа дѣломъ опаснымъ для нравственности и въ теченіе всего говѣнья, потому что по слюнѣ злой духъ узнаетъ сокровенныя помышленія человѣка, и въ такомъ случаѣ употребляетъ всѣ свои старанія, чтобъ навести на умъ человѣка грѣховные помыслы, а слюнамъ даютъ чудесную способность говорить за людей, оставляющихъ оныя.

Привыкнувъ смотрѣть на болѣзни и другія несчастія, какъ на слѣдствіе колдовства или очарованія, помощь противъ болѣзней и несчастій полагаютъ въ заговариваніяхъ, направляемыхъ на разочарованіе колдовства; и для сего берутъ воду, иногда святую, богоявленскую, и ножомъ творятъ въ ней крестъ, молятся за раба Божія (Ивана) Богу, призываютъ при этомъ и бѣса.

*) Великимъ заговѣньемъ—простой народъ называетъ послѣднее воскресеніе предъ Великимъ постомъ—недѣлю сыропустную.

Предъ самымъ исходомъ души, близъ головы умирающаго ставятъ въ чашкѣ воду, и это для того, чтобъ «душа, вылетая изъ тѣла, могла въ чашкѣ съ водой омыться отъ грѣховъ своихъ, а живымъ видѣть, какъ вода заколыхается въ чашкѣ, когда душенька, выходя изъ воды, обмывается.» И этимъ замѣняется нерѣдко предсмертное напутствованіе. Затоскуютъ и загорюютъ родные, что душа улетѣла, не омывшись отъ грѣховъ: —пропала! говорятъ, хотя бы умершій предъ смертію и исповѣдался, да не было воды близъ головы.

При ѣздѣ по водѣ, молятся святому Николаю, и вмѣстѣ съ симъ бросаютъ въ воду хлѣбъ на повѣтерь,— для того, чтобы подулъ попутный вѣтеръ.

При несогласіи мужа съ женой соединяются двѣ свѣчи и ставятъ ихъ святому.

Для отысканія потеряннаго или украденнаго ставятъ святому Іоанну свѣчу «вверхъ ногами» (свѣтильнею внизъ).

Тоже дѣлаютъ, чтобъ получить вѣсть объ отсутствующихъ родныхъ.

При встрѣчѣ со священникомъ—путь будетъ не хорошъ, и плюютъ въ сторону.

Вставая на молитву, обдуваютъ персты правой руки, для очищенія ихъ отъ всякой нечистоты.

Берутъ святую книгу (большею частію псалтирь), переворачиваютъ три раза на головѣ, разгибаютъ и читаютъ: изъ прочитанныхъ первыхъ строкъ узнаютъ свою судьбу—кручину.

Въ день Аграфены-купальницы народъ, на зарѣ Иванова дня, умывается росой, собираетъ травы для очищенія отъ недуговъ, порчи и вліянія злыхъ духовъ, связываетъ изъ листьевъ вѣникъ, парится въ банѣ, купается въ рѣкѣ, и бросаетъ вѣникъ въ воду, замѣчая: если утонетъ вѣникъ, то не жить болѣе бѣднягѣ на бѣломъ свѣтѣ.

Въ Великій четвергъ въ каждый домъ закупаютъ непремѣнно, хотя съ фунтъ, соли, и хранятъ ее въ теченіе цѣлаго года, назначая ее для скотины, въ случаѣ какой нибудь немочи на нее. Иногда пользуются этою солью и люди больные.

Спать нужно головою къ святымъ иконамъ; а если спать будешь къ порогу, а не къ образамъ, то, пожалуй, отправишься на тотъ свѣтъ.

Берутъ изъ подъ церкви (алтаря) земли, завязываютъ въ тряпку, и поятъ нездоровыхъ дѣтей, чтобы скорѣе померли.

Совѣтуютъ хранить извѣстныя 12 пятницъ въ году, и придаютъ имъ большое значеніе въ дѣлѣ душевнаго спасенія, напр. кто не вкушаетъ пищи въ пятнину предъ Благовѣщеніемъ, тотъ заслужитъ у Ангела Хранителя откровеніе дня своей кончины; а кто ѣстъ въ Великую пятницу скоромное, того считаютъ антихристомъ.

Въ какой день былъ праздникъ Благовѣщенія, въ тотъ день въ теченіе цѣлаго года не нужно начинать никакой работы, иначе не будетъ успѣха въ начатомъ дѣлѣ.

А на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы не начинаютъ никакого дѣла, потому что въ этотъ день птица гнѣзда не завиваетъ.

Въ имянины тѣсто-неудача,—знакъ нехорошей жизни въ теченіе всего года.

Въ новопостроенномъ домѣ кто нибудь долженъ умереть (зн. обновить домъ), и съ безпокойствомъ живутъ на новосельѣ, пока не умретъ кто нибудь, или не падетъ животное.

Воронъ кричитъ на церкви или на дому,—къ покойнику.

По уносѣ умершаго въ церковь для отпѣва, тотчасъ же моютъ полъ въ избѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, чтобъ очистить домъ отъ смертности; изгнать смерть вонъ, и тѣмъ избавить отъ нея оставшееся семейство, а вмѣстѣ и заградить доступъ покойнику изъ могилы;—и метутъ на улицѣ соръ къ дому, чтобы жильцы не выводились изъ дома.

При зарытіи покойника, берутъ съ могилы земли, чтобы не тосковать по немъ.

Воротясь съ похоронъ, дома нужно ухватиться за печь, чтобы въ домѣ не было мертвеца.

Если у покойника открыты глаза или ротъ, то въ скоромъ времени кто нибудь изъ родныхъ его умретъ.

Выдергиваютъ изъ савана покойника нитки, и ими укрощаютъ жены неспокойныхъ своихъ мужей, зашивая эти нитки въ одежду ихъ.

Широко вырытая могила предвѣщаетъ другой гробъ родственнаго лица погребенному.

Хранятъ мыло, которымъ омывали покойника, и этимъ мыломъ моютъ дѣтей, чтобы они были спокойнѣе, и моются сами, чтобы казаться нездоровыми, напр. во время рекрутскаго набора.

Маленькимъ дѣтямъ на голову кладутъ соль, чтобы пришедшія съ улицы лица не оприкосили ихъ.

Болѣзнь лихорадку дѣлятъ на 12 родовъ или видовъ, представляя ихъ подъ образомъ 12 сестеръ «Иродовыхъ дочерей», и отъ этой боли въ большомъ ходу у народа разнаго рода заговоры и чудесныя симпатическія вещи, напр. обвязываютъ около больнаго—по брюху мертвую змѣю, кладутъ въ изголовье больнаго зубатку (рыбу), и читаютъ слѣдующій заговоръ: «во городѣ во Ставѣ, стоитъ дерево самолично; подъ тѣмъ деревомъ самоличнымъ стоитъ Сисиній Пр. Онъ пошолъ во путь во дорогу, на встрѣчу ему попалися 12 дѣвъ—12 сестеръ, косыя, кривыя, косоротыя, косоребрыя... Сисиній Пр. спросилъ ихъ: «что вы есть за люди?» Онѣ ему отвѣчали: «мы есть люди—Иродовы дочери». «Куда идете?» «Во святую Русь». «Зачѣмъ?» «Тѣло знобить, кости

ломать, во гробъ забивать». Сисиній Пр. на нихъ прогнѣвался,—пошелъ вырѣзалъ сто прутовъ, ударилъ ихъ по сту разовъ. Онѣ ему возмолились: «Сисиній Пр. не бей насъ: кто эту молитву будетъ знать и въ дому читать, не станемъ въ тотъ домъ ходить, тѣло знобить, кости ломать, во гробъ забивать».

При совершеніи таинствъ святой церкви народъ, при недостаткѣ умственнаго развитія, не обнимая и не возносясь мыслію къ освящающимъ и спасающимъ дѣйствіямъ ихъ, останавливаетъ свое вниманіе исключительно на одной внѣшней, символической сторонѣ, и здѣсь, въ этихъ символахъ ищетъ совсѣмъ не того смысла, какой даетъ святая церковь. Такъ, при совершеніи Таинства Крещенія примѣчаютъ: если младенецъ, когда воспріемникъ принимаетъ его отъ купѣли на ризки, громко плачетъ или чихнетъ, то значитъ жить новорожденному на свѣтѣ.

Слѣдятъ за воскомъ, въ который завертываютъ волосы и опускаютъ въ купель, и замѣчаютъ: если воскъ потонетъ, то младенецъ умретъ; а не потонетъ, будетъ жить. И не смотря на безчисленные опыты, что воскъ никогда не тонетъ, все продолжаютъ подмѣчать.

Воспріемники новорожденнаго тотчасъ послѣ крещенія не садятся, но ходятъ, чтобъ крестникъ ихъ скорѣе заходилъ; а если сядутъ, то крестникъ ихъ долго не заходитъ, и, пожалуй, будетъ сѣдунъ.

По выходѣ священника отъ больнаго послѣ напутствованія, домашніе гасятъ на божницѣ свѣчу, и если дымъ со свѣчи бросится на избу за священникомъ, больной помретъ.

При причащеніи больнаго Святыми Тайнами замѣчаютъ, если вложенная въ потиръ частица потонетъ на днѣ, больному суждено умереть, и напротивъ, когда больному предопредѣлено свыше выздоровѣть, тогда эта частица будетъ плавать на верху.

Если больной послѣ причащенія уснетъ, то это знакъ выздоровленія: а не будетъ сна—знакъ смерти.

Причастники непремѣнно должны блюсти себя отъ грѣха, покрайней мѣрѣ 6 недѣль; иначе принятіе сего Таинства дѣлается не только безполезнымъ, но и вреднымъ для спасенія души.

Новобрачные не могутъ причащаться, потому что не могутъ сохранить себя въ теченіе 6 недѣль отъ плотскихъ супружескихъ отношеній.

Если въ церкви при бракѣ что нибудь случится: образъ или свѣча упадетъ, то брачущіеся будутъ жить несчастливо.

Который изъ брачущихся прежде ступитъ на подножье во время брака, тотъ ранѣе и умретъ.

Если подъ вѣнцомъ невѣста уронитъ платокъ, а женихъ подниметъ, то самъ скоро помретъ.

Особоровавный все равно что отпѣтый (живой мертвецъ),—и кто бы онъ ни былъ, мужчина, или женщина, старый или молодой, если послѣ особорованія выздоровѣетъ, то ни въ какомъ случаѣ не долженъ никогда ходить въ баню, на браки, и долженъ навсегда разлучиться съ брачнымъ ложемъ, а жить мужу съ женой, какъ брату съ сестрой; дѣвица и молодецъ не должны вступать въ бракъ. И это нелѣпое вѣрованіе до того вкоренилось въ народѣ, что Таинство Елеосвященія у насъ почти не въ употребленіи.

О суевѣріяхъ и предразсудкахъ народа въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ, Холмог. уѣзда.

Трудно обозрѣть всѣ многоразличные виды суевѣрія и предразсудковъ у народа.—По понятію его, вся природа, всѣ стихіи и явленія ея олицетворяются въ живыхъ образахъ—существахъ, и имѣютъ непосредственное, роковое вліяніе на судьбу человѣка, въ рукахъ которыхъ находится счастіе и горе людей. Каждое изъ этихъ таинственныхъ существъ, называемыхъ духами, имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія и вліянія. А потому народъ вѣруетъ въ различныхъ духовъ, и куда бы ни пошелъ, въ поле, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру или на гору,—вездѣ воображенію его представляются эти невидимыя миѳическія существа, отъ которыхъ онъ не можетъ никуда уйдти. Вѣря въ могучую силу этихъ миѳическихъ существъ, и боясь гнѣва ихъ, суевѣрный народъ всегда старается не раздражать ихъ, угодить имъ, умилостивить ихъ, и чествуетъ ихъ поклонами и, пожалуй куреніемъ. Такъ, построилъ хозяинъ домъ, и при входѣ въ него накрываетъ столъ, и раскланивается во всѣ четыре угла съ произношеніемъ словъ: «хозяинушко господинъ, прими насъ на богатый дворъ, на бытье, на житье, на богачество». И когда нравятся хозяинушку жильцы дома,—все обстоитъ благополучно, хозяинушко смиренъ, его не видать, не слыхать; а когда жильцы не нравятся, тогда онъ застучитъ, загремитъ въ сѣняхъ, покояхъ, на чердакѣ (говорятъ: завязалась нежить—нечистая сила), и выживаетъ хозяевъ изъ дома. Быть скоро бѣдѣ въ домѣ,—хозяинушко зареветъ на подволокѣ, въ амбарѣ, въ хлѣву.

Купилъ хозяинъ скотину (коня, корову) и при вводѣ во дворъ приговариваетъ «мохнатой звѣрь на богатой дворъ; пой, корми хозяинушко, рукавичкой гладь». И смотритъ: если скотина тогда не гладка, то не ко двору,—хозяинушку не люба, и старается скорѣе, хотя бы за полцѣны, продать ее.

Моется хозяинъ въ банѣ: остерегается громко стучать и говорить, чтобы не оскорбить байнушка, и не навлечь на себя непріятностей и гнѣва его: вымывшись, оставляетъ ему вѣникъ и воду, чтобы онъ попарился и помылся. По выходѣ же изъ бани благодаритъ: «спасибо тебѣ, байнушко, на парной баничкѣ».

Купается хозяинъ въ рѣкѣ: боится хозяинушка водъ (водянаго), котораго онъ видалъ въ рѣкѣ со всѣмъ его семействомъ играющимъ на водѣ, разчесывающимъ длинные волосы и проч.; въ Ивановскую и Ильинскую недѣли ни за что не будетъ купаться въ рѣкѣ, потому что тогда играетъ водяной и жаждетъ всяческой жертвы.

Зашелъ хозяинъ въ лѣсъ: въ чащѣ его видитъ жилище духа лѣсовъ (лѣшаго), остерегается громко смѣяться и особенно свистать, чтобы не раздразнить этого сильнаго-могучаго богатыря, который чрезъ рѣки и озера шагаетъ, и, въ гнѣвѣ, все, что попадается ему на дорогѣ, ломаетъ и уноситъ; при вихрѣ говорятъ: «лѣшій идетъ».

Идетъ хозяинъ изъ гостей и сбился съ пути-дороги, вмѣсто «Соломбалы» очутился у городской заставы, говоритъ: «лѣшій пошутилъ».

Собирается хозяинъ хлѣбъ молотить, скромно мететъ овинъ и куритъ въ немъ ладаномъ для умилостивленія хозяинушка гуменнаго.

И этихъ миѳическихъ духовъ, хозяинъ видитъ и во снѣ, и на яву, и всегда гадаетъ о милости или гнѣвѣ ихъ.

Сбились въ клокъ волосы въ бородѣ или головѣ; это дѣло хозяинушка,—знакъ любви его.

Улегся спать хозяинъ, и что-то душитъ его (чрезъ необычайное нажиманіе на грудь); этимъ способомъ хозяинушка извѣщаетъ о предстоящей ему (хозяину) радости или печали, и если домовой—теплый, то будетъ радость, если холодный—къ богатству, а голый—къ бѣдности.

Ночью при входѣ на повѣть (сѣнникъ), видитъ въ сарафанѣ своей жены хозяинушка, который кормитъ и холитъ его чернуху, и моритъ пеструху (корову), или по утру во дворѣ находитъ своего бурка (коня) всего мокраго въ пѣнѣ, и вѣритъ, что всю ночь хозяинушко мучилъ его.

Разскажетъ: «у такого-то хозяина бывало хозяинушко по ночамъ поилъ скотъ, и на себѣ возилъ воду, а однажды, въ гнѣвѣ на хозяина, передавилъ весь скотъ».

— «Въ банѣ съ бабы, которая бранила и посылала своихъ дѣтей къ чорту, байнушко сорвалъ кожу съ ногъ до головы».

— «Годовъ пятнадцать назадъ, водяной три дня поутру и повечеру гилилъ (игралъ) въ рѣкѣ предъ головою нашего Николы».

— «Одинъ лѣшій влюбился въ бабу, и отъ любви такъ измаялся, что не могъ дѣлать ничего, и женился на ней. Старуху Маланью онъ возилъ на себѣ бабить новорожденнаго у него сына, за труды бабкѣ раздѣлался честно».

— «Въ прошломъ году ходила я въ лѣсъ по ягоды. Настигъ меня мой муженёкъ; собирали мы съ нимъ ягоды въ одно мѣсто, и пошли домой; вдругъ мужъ мой захохоталъ, да и прыгнулъ въ лѣсъ, а въ коробу очутились сосновыя шишки».

— «Дядя Андрей срубилъ жилье лѣснаго (вѣковую елку), и не радъ былъ; надъ нимъ долго гилилъ лѣшій и провожалъ его до деревни, а на другой годъ овинъ сжогъ у него».

Подобными этимъ анекдотами опутанъ въ своей жизни народъ, и долго, кажется, не освободится отъ нихъ. Почти всѣ несчастія въ домѣ, въ лѣсу, въ пути и проч. онъ приписываетъ шуткамъ или гнѣву одного изъ миѳическихъ существъ, или извѣстному классу людей, которыя, находясь въ сообществѣ съ злымъ духомъ, приобрѣли чрезъ то волшебную способность, или сверхъестественное искуство, при произнесеніи нѣкоторыхъ словъ и проч., разрушать по произволу имущество и всѣ пожитки человѣка, разстроивать здоровье его и т. п.; ихъ называетъ колдунами, знахарями, колдуньями и знахарками.

Далѣе слѣдуетъ сказать о примѣтахъ или случайныхъ предсказаніяхъ, которымъ вѣрятъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ едва-ли не всѣ жители.

Урожай—жизнь и счастіе для народа, неурожай—голодъ, бѣдствіе; а потому крестьяне наши съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за приближеніемъ весны, и подводятъ многіе дни ея, по характеру погоды, подъ какое нибудь миѳическое замѣчаніе на счетъ будущаго урожая или неурожая. Такъ для 1-го дня марта, для самаго начала весны, есть слѣдующая примѣта: если этотъ день хорошъ,—красный, то вся весна будетъ хороша, благопріятна для посѣвовъ.

Если въ чистый понедѣльникъ погода будетъ ясная, то весна будетъ сухая и теплая; вторникъ показаваетъ лѣто; среда—осень.

Если 23 апрѣля, въ Георгіевъ день будетъ утренникъ (морозъ), то будетъ еще 40 утренниковъ.

Если на 29 іюня на засѣянныхъ поляхъ будетъ колосъ, то на 20 іюля—колобъ.

Темная на Пасху ночь и тихія рождественскія святки предвѣщаютъ хлѣбородный годъ.

Если во 2-е февраля, или чистый понедѣльникъ перенесетъ (погодою) дорогу, то весною будетъ сѣно дорого.

Если на 23 апрѣля сломается лёдъ, то 9-го мая будетъ для скота подножный кормъ. Говорятъ: «Георгій съ водой, Никола съ травой».

Если въ 26-е октября поѣдешь по рѣкѣ на конѣ, то въ 23-е апрѣля—въ лодкѣ. Говорятъ: «Дмитрій на конѣ, Георгій въ лодкѣ».

Если въ 4-е августа (Евдокіи—сѣногнойки) будетъ дождь, то страда будетъ мокрая – дождливая.

Сколько снѣгу на кровляхъ домовъ въ 25-е марта, столько будетъ его на землѣ въ 23-е апрѣля.

Если лѣтомъ задуетъ всточина (востокъ), то будетъ всячина (дождь и солнце).

Если кукушка застанетъ сѣмяна въ засѣкѣ (амбарѣ) т. е. до начала сѣва закукуетъ, то будетъ неурожай.

Громъ и молнія ростятъ на полѣ хлѣбъ.

Корова во время сна держитъ во рту соломенку (сѣна), кротъ рѣетъ по осени луга,—къ дорогому сѣну.

Ледъ несетъ (весною) изъ рѣки Курополки въ рѣку Курью; крупная икра въ весенней щукѣ—къ хлѣбородному году.

Гнусъ бьетъ въ зернѣ хлѣбъ; мало густеги (снѣгу) на лѣсу,—къ неурожайному году.

Паденіе густеги въ лѣсу, предвѣщаетъ близкую весну.

Ледяныя сосульки на крышахъ домовъ во время весенняго снѣготаянія обѣщаютъ продолжительную весну.

Сѣянъ (хлѣбъ) горстью и собирать нужно горстью; станешь косить, земля не станетъ родить.

Нужно оставлять въ амбарѣ зерно; иначе выведется (не будетъ) хлѣбъ.

Обильный урожай рябины предвѣщаетъ мокрую осень.

Если листъ долго не падаетъ по осени, то годъ будетъ болѣзненный.

Мужчины во время косьбы кладутъ за голень сапога траву, а женщины во время жнива—за спину колосъ, чтобы не устать на работѣ.

Если отъ жатья (хлѣба) распухнетъ рука, то стоитъ только перевязать ее ниткою, которую должна взять изъ своей косы женщина, родившая двойниковъ, и боль пройдетъ.

Замѣчаютъ по днямъ первой недѣли великаго поста: если первый день хорошъ, то весна хороша; второй день показываетъ лѣто, а третій—осень.

Если 1-е ч. марта бываетъ вѣтряно, то весна не продлится, скоро наступитъ лѣто. 25-е марта красный день обѣщаетъ прекрасную погоду веспой; а горній вѣтеръ *) (одинъ изъ южныхъ), въ скоромъ времени теплое лѣто. Если же вѣтеръ дуетъ съ моря т. е. сѣверный, то весна будетъ продолжительна; тоже предзнаменуютъ большія ледяныя сосульки, по туземному выраженію, свѣчки, образовавшіяся при таяніи на кровляхъ домовъ снѣга.

Когда курицы, не говоря о старыхъ, долго не несутся весною, то не скоро будетъ теплое лѣто. Когда онѣ кырлы даютъ (стонутъ) и комшатся (чистятся въ перьѣ своемъ), то будетъ стужа. Если кошка приютится на печкѣ, то, значитъ, чуетъ (предчувствуетъ) холодъ.

Когда лѣтомъ осы вьютъ гнѣзда на деревѣ, то будетъ мокрая (дождливая) осень; а если на землѣ, то къ сухой осени.

Замѣчаютъ о скоромъ направленіи вѣтра съ той стороны, на которую ложатся спиною животныя, какъ-то собаки, кошки, овцы и проч., или откуда облака на чистомъ небосклонѣ начинаютъ показываться. Игра морскихъ звѣрей, во время тишины на морѣ, служитъ вѣрною примѣтою близкой бури, и вѣтра на-встрѣчу игравшимъ морскимъ животнымъ. Вечерами замѣчаютъ весною, на которой сторонѣ небосклона болѣе облачно, оттуда на другой день будетъ вѣтеръ; а осенью—ждутъ на другой день вѣтра съ той стороны, гдѣ болѣе небо, на сумеркахъ, ясно.

Если 6-е января, во время освященія воды на Іорданѣ, послѣ тишичы подуетъ горній вѣтеръ, то предзнаменуетъ хлѣбородный годъ, а если сѣверный,—то обильные морскіе промыслы.

Тихія святки (безъ вѣтровъ) и множество на деревьяхъ густеги (снѣгу),—къ хлѣбородному году.

Когда на св. Пасху ночью бываетъ видно много звѣздъ на небосклонѣ, то много будетъ морошки; если же темно, то къ хлѣбородному году; если же темнота или звѣзды не на всемъ горизонтѣ, а въ сторонѣ, ближе къ морской поверхности, то къ лучшимъ морскимъ промысламъ.

Крикъ воронъ, галокъ и блѣяніе овецъ—къ дождю.

Сорока прилетаетъ къ жилью и стрекочетъ—къ вѣстямъ.

Уголь выпрыгиваетъ изъ печки во время ея топленія—къ гостямъ.

Собака валяется въ снѣгу (катается по снѣгу)—къ снѣжной погодѣ, къ мятели.

Кошка блюётъ (рвота у кошки)—къ сырой погодѣ.

Воронъ кричитъ на церкви—къ покойнику.

Тоже предзнаменуетъ, если кошка спитъ вверхъ турбою (мордою), или пѣтухъ запоетъ ночью ранѣе обыкновеннаго, или когда курица во время сна отбрасываетъ крыло, или завоетъ собака.

Собачій вой и лай, во время освященія воды на Іорданѣ, признается зловѣщею примѣтою немалаго несчастія.

Самымъ удобнымъ временемъ для совершенія гаданій считаются у жителей Сумскаго посада Святки т. е. періодъ отъ 4 декабря до 6 января.

Чтобы лучше познакомить читателя, съ нѣкоторыми изъ нихъ, мы считаемъ удобнѣе раздѣлить ихъ. на вечернія, полуночныя и на сонъ грядущій.

Вечернія гаданія начинаются съ появленіемъ вечернихъ огней подслушиваніемъ и подсматриваніемъ.—Потомъ: зажмуривъ глаза, берутъ изъ костра (дровъ) полѣнья. Не гладкое полѣно знакъ богатаго жениха *).

Льютъ воскъ или олово въ снѣгъ или холодную воду, или выливаютъ яичный бѣлокъ въ стаканъ съ водою, и, по вылитымъ фигурамъ, разгадываютъ грядущее. Наливаютъ ложки водою и замораживаютъ: если вода

*) Дующій съ материка или суши, который въ Архангельской губерніи называется горой.

*) Въ Пинежскомъ уѣздѣ не гладкое полѣно—знакъ не краснваго-жениха.

замерзла на ложкѣ булдыремъ, то къ жизни, напротивъ углубленіемъ, къ смерти, а если горизонтальною ровною поверхностію, то къ неудачной жизни.

Дѣлаютъ изъ кудели кружки, въ видѣ колецъ, и въ срединѣ поджигаютъ. При горѣніи этого кольца замѣчаютъ, гдѣ прежде покажутся воротцы, (т. е. раздѣленіе)—въ той сторонѣ замужемъ быть.

Нѣсколько подругъ дѣвушекъ—дѣлаютъ изъ хлѣба по катышку, или насыпаютъ по кучкѣ жита (ячменя) и выпускаютъ къ нимъ пѣтуха. Чей катышекъ или кучку пѣтухъ начнетъ клевать прежде, той изъ подругъ раньше замужемъ быть.

Въ полночь три подруги отправляются на прорубь. Двѣ изъ нихъ погружаютъ въ воду лучины и потомъ обѣ вмѣстѣ лучины свои зажигаютъ у третьей подруги, принесшей огонь. У которой, послѣ купанья, прежде загорится лучина, той раньше замужемъ быть.

Нѣкоторыя болѣе смѣлыя гадальщицы, смотрятся въ зеркало, узнавая своего суженаго.

При этомъ гаданіи ворота и двери гадальщица растворяетъ и въ то же время запираетъ съ приговоромъ: «не благослови Господь», снимаетъ съ себя крестъ и поясъ; и садится за ранѣе накрытый ею столъ и смотрится пристально въ зеркало, предъ которымъ горятъ сальныя свѣчи,—до появленія ожидаемаго призрака.

Также поодиночкѣ смотрятся въ оловянную воду (такъ называется вода, въ которую раньше вечеромъ было лито олово), перевалившись чрезъ столъ и накрывшись скатертью—надъ котломъ съ водою, къ которому прилѣплена восковая свѣча.

Въ полночь же бѣгаютъ на прорубь въ чулкахъ мочить ноги и, прибѣжавъ домой, ложатся въ мокрыхъ чулкахъ спать, приговаривая: «кто суженой будетъ, тотъ и разуетъ». Или берутъ наперстокъ воды, наперстокъ соли и наперстокъ муки, смѣшавъ все вмѣстѣ, берутъ въ ротъ съ приговоромъ: «кто суженой будетъ, тотъ и пить принеси». Или наматываютъ тридевять (27) лучинокъ, ложась спать, кладутъ ихъ себѣ подъ подушку и замѣчаютъ: какой домъ во снѣ покажется, въ такомъ домѣ и въ замужствѣ быть.

Почти всѣ жители Хаврогоръ не отрицаютъ бытія *лѣшихъ*, *домовыхъ*, *банныхъ*, *водяныхъ* и другихъ, съ назначеніемъ мѣсто-жительства всякому изъ нихъ въ своемъ, опредѣленномъ самой природою кругѣ. Въ преданіи особенно при собраніяхъ много разсказовъ передается отъ одного къ другому, и въ настоящее время есть очевидцы и испытатели дѣйствій надъ ними самого лѣшаго, который, какъ выражаются обыкновенно, въ такое-то время пошутилъ надо мною такимъ-то образомъ, и начинается разсказъ. Болѣе всего шутки лѣшаго осуществляются тогда, когда человѣкъ въ лѣсу бываетъ одинъ. Если случится ему ночевать въ лѣсу въ избушкѣ, *) и, войдя въ оную, онъ не спроситъ позволенія у хозяинушка, то непремѣнно долженъ встрѣтить пытку за дерзновенный входъ, каковая состоитъ изъ ворочанія крыши на избушкѣ, отверстія дымника, дверей и другихъ безпокойныхъ дѣйствій. Но не менѣе сего лѣшій выказываетъ свои шутки надъ человѣкомъ, встрѣчаясь съ нимъ въ видѣ знакомаго, водитъ по лѣсу, занимаясь тѣмъ же предметомъ съ нимъ, оставляетъ на незнакомомъ мѣстѣ, съ вихремъ и смѣхомъ удаляясь, такъ что весь лѣсъ затрещитъ. Такіе же и подобные разсказы есть и о другихъ духахъ; но домовому дается названіе *дѣдка*: замѣтится что либо въ домѣ надъ скотомъ, или въ домѣ произойдетъ безпорядокъ и нестроеніе, то говорятъ и увѣрены, что надъ всѣмъ этимъ *дѣдка шутитъ*, *или не любитъ*.

Понятія Хаврогорцевъ о небѣ и землѣ и вообще о природѣ таковы, какъ каждому изъ нихъ хочется о сихъ предметахъ мыслить и думать; но всѣ увѣрены въ величіи Творца, и что все Его творческою рукою создано и по Его волѣ происходитъ. Въ лѣтнее время, когда стоитъ засуха или ненастье въ страдное время, это считаютъ наказаніемъ для себя и прогнѣваніемъ на нихъ Божіимъ. Но нельзя же сказать, чтобъ не было также и суевѣрности; напр. громъ гремитъ, простаки и особенно женщины старыя скажутъ: «это кормилецъ Илія Пророкъ по небу катается на огненной колесницѣ».

По *птицамъ* и *рыбамъ* суевѣрія почти нѣтъ, а по нимъ любятъ предугадывать погоду, будущность лѣта, урожай хлѣба, ягодъ и проч., но довольно часто ошибаются; напримѣръ, при налетѣ въ весеннее время утокъ, гусей и проч., если они, налетѣвъ, много не кричатъ,—это считается добрымъ предзнаменованіемъ къ плодоносному лѣту, если же напротивъ, то въ малодушныхъ замѣтно уныніе и неупованіе на Бога, что Онъ печется о всѣхъ, и поговаривается такъ: «*и птица-то чуетъ, что холодъ будетъ*».

Но есть еще источникъ новыхъ суевѣрій,—это *открытіе пароходства* по Двинѣ, которое своимъ появленіемъ породило новое предреченіе къ приближенію свѣто преставленія; это суевѣріе впрочемъ не самими мѣстными жителями составилось, а заимствовано отъ раскольниковъ, по мнѣнію которыхъ, пароходы и подаваемые оными свистки суть «*огненные зміи*», а телеграфъ—связь всей земли желѣзными нитями.

*) Избушка въ лѣсу строится для промышленниковъ маленькая, безъ печки, вмѣсто оной каменка; вмѣстить въ себя для ночлега можетъ человѣкъ пять.

ГЛАВА VIII.

НАРОДНОЕ ВРАЧЕВАНІЕ.

Свѣдѣнія о народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи, сообщенныя врачемъ Липницкимъ: Архангельскіе знахари и знахарки, собираемыя ими травы, способы лѣченія, средства противъ разныхъ болѣзней; взглядъ народа на происхожденіе болѣзней, участіе колдовства въ лѣченіи ихъ, икота и икотницы.—Свѣдѣнія о простонародномъ врачеваніи въ Шенкурскомъ уѣздѣ, доставленныя фельдшеромъ Костылевымъ: болѣзни отъ духа, отъ порчи, отъ животныхъ, отъ самого себя.—Свѣдѣнія о народной медицинѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ, собранныя П. А. Ивановымъ: причины болѣзней, лѣчебныя средства, икота и икотницы.—О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ свящ. Глѣбовскаго. — Какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни молятся въ разныхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи.

Исцѣленіе тѣлесныхъ недуговъ, болѣзней, само по себѣ принадлежитъ къ медицинѣ; но по связи народнаго врачеванія съ вѣрованіями народа, и этотъ вопросъ можетъ быть отнесенъ къ этнографіи. Въ главѣ свѣдѣній о народныхъ способахъ лѣченія разныхъ болѣзней въ Архангельской губерніи мы ставимъ сообщеніе, принадлежащее перу врача Липницкаго.

Онъ говоритъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ знахарей въ томъ значеніи, какое они имѣютъ въ другихъ губерніяхъ, то есть людей, обладающихъ секретными, имъ однимъ доступными и принадлежащими знаніями цѣлебныхъ силъ природы, и которые поэтому слывутъ въ народѣ исключительными знатоками лѣченія болѣзней, составляя особенную и сказочную касту по своимъ знаніямъ и занятіямъ, передающимся по наслѣдству отъ одного лица къ другому. Правда, встрѣчаются старухи, занимающіяся собственно собираніемъ травъ, какъ промысломъ, но въ незначительномъ количествѣ; всего двѣ, три травы составляютъ весь ихъ гербарій. Польза въ различныхъ болѣзняхъ нѣкоторыхъ растеній, употребляемыхъ, кажется, по всей Россіи и въ медицинѣ (и растущихъ здѣсь въ изобиліи), имъ вовсе неизвѣстна. Между тѣмъ на лучшихъ пашняхъ растутъ тысячелистникъ (achillea millefolium), чернобыльникъ (artemisia vulgaris), трилистникъ горькій (trifolium febrinum), многомлечникъ (polygala amara), мать и мачиха (tussilago farfara), дикая рябина (tanacetum vulgare), булдырьянъ, маунъ (valeriana officinale), и многія другія травы, знаніе свойствъ которыхъ составляетъ знахарство, благодѣтельное для больнаго. Исландскій мохъ, который разводится по всей Европѣ для медицинскаго употребленія, здѣсь идетъ на прокормленіе скота. Также неизвѣстна польза и употребленіе тресковаго жира. Нѣтъ также обыкновенія, распространеннаго въ Южной Россіи, настаивать водку на различныхъ извѣстныхъ цѣлебною силою травахъ; здѣсь предпочитаются кабацкія.

Изъ травъ, собираемыхъ знахарками, большую роль играетъ такъ называемая по мѣстному—грыжная трава,—венерины волосы (capilli veneris), она составляетъ предметъ промысла и торговли знающихъ мѣста ея произрастенія старухъ, потому что она растетъ не вездѣ, часто далеко отъ деревень на болотистой почвѣ. Потому не всѣ деревни могутъ имѣть, такъ сказать, собственную, а побольшей части покупаютъ у извѣстныхъ въ околодкѣ старухъ; цѣлебная сила ея до того считается полезною, что каждая хозяйка считаетъ долгомъ имѣть эту траву въ запасѣ; потому ей цѣна около рубля за фунтъ. Изъ этого можно видѣть, что употребленіе ея всѣмъ извѣстно, потому-то и сказано мною, что нѣтъ знахарства, такъ какъ и другія немногочисленныя средства и очень несложные способы леченія тоже распространены въ массѣ народа; они притомъ такъ просты, что и не заслуживаютъ названія способовъ лѣченія.

Грыжная трава употребляется вообще противъ болей, при различныхъ отправленіяхъ половыхъ органовъ у женщинъ, называемыхъ въ простонародіи (почему-то) грызями, откуда и названіе травы. Такимъ образомъ она употребляется при красныхъ и бѣлыхъ грызяхъ (при недостаточной и обильной менструаціи), то есть при разстройствѣ менструаціи и при бѣляхъ (fluor albus), для усиленія потугъ при родахъ, для остановленія по-

слѣдняго кровотеченія и для отдѣленія послѣда. Съ подобною-же цѣлію употреблялась эта трава въ старой медицинѣ и отчасти въ новой, особенно Французами, въ видѣ прибавленія къ другимъ средствамъ.

Употребляется, вѣроятно по аналогіи, также и въ другихъ боляхъ живота, называемыхъ тоже грызями, при которыхъ предполагается, образованіе грыжи внутренностей. Вообще понятіе объ этихъ грыжахъ такъ сбивчиво и неопредѣленно, что смѣшиваются различныя боли, исключая воспалительныхъ, въ различныхъ органахъ живота. При большой славѣ и распространеніи этой травы она входитъ также въ составъ сборовъ, о чемъ будетъ сказано ниже. При лѣченіи этихъ болей, какъ вспомогательное средство, употребляются различнаго рода растиранія и разминанія тѣла и живота руками, суконками, преимущественно совершаемыя въ банѣ; приставляютъ также грѣтые горшки, въ видѣ сухихъ банокъ, что совершается обыкновенно старухами, которыя и называются знахарками.

Лѣченіе болѣзней горячечныхъ, простудныхъ и сыпныхъ горячекъ, воспалительныхъ очень просто: главную роль играетъ баня, печь и теплое содержаніе. Совѣтъ горячечному больному лежать не на печкѣ, а въ болѣе прохладномъ мѣстѣ и не укрываться тепло, принимается недовѣрчиво, какъ несообразность.

Весь процессъ лѣченія такой: первоначально даютъ выпить рюмку водки, потомъ слѣдуетъ баня съ растираніемъ и разминаніемъ, послѣ бани вплоть до выздоровленія лежаніе на печи. Часто преніе въ банѣ повторяется чрезъ день, два. При боли и жарѣ въ головѣ прикладываютъ творогъ, глину, смоченную водой, угощаютъ больнаго чѣмъ ни попало, особенно кислымъ хлѣбнымъ квасомъ, замѣняющимъ у нихъ всѣ прохладительные напитки; часто въ горячкахъ, соединенныхъ съ болью подъ ложечкою отъ сочувственнаго страданія желудка, даютъ сокъ тертой рѣдьки, творогъ, вещи не только безполезныя, но вредныя. Слабительными служатъ масло или вода съ солью; возбудить рвоту не знаютъ чѣмъ, хотя часто сознаютъ полезное ея дѣйствіе. Другаго лѣченія въ сказанныхъ болѣзняхъ никакого нѣтъ; травъ и кореньевъ никакихъ не употребляютъ. Есть еще лѣченіе воспаленій органовъ, основанное на суевѣрномъ взглядѣ на происхожденіе болѣзни, о чемъ будетъ сказано ниже. Еще менѣе дѣятеленъ ихъ способъ лѣченія въ болѣзняхъ хроническихъ. Здѣсь полагается вообще вся надежда на время и Бога; въ случаяхъ, не уступающихъ времени, обращаются охотно къ врачу, если есть возможность; на лѣкарство смотрятъ съ суевѣрностію въ его непремѣнное, и при томъ немедленное дѣйствіе и помощь, и которыхъ ожидаютъ всегда немедленно

Наружныя болѣзни лѣчатся очень просто: рожистое воспаленіе обкладываніемъ листьями растеній, особенно подорожника (plantago major), тѣстомъ и т. п. Язвы хроническія, ожоги и другія лѣчатъ ежедневнымъ обмываніемъ щелокомъ изъ золы и перевязкою изъ намаслянныхъ тряпицъ, прикладываніемъ осиновой коры и т. п. Для размягченія нарыва прикладываютъ лепешки изъ меду и луку.—лѣченіе общеупотребительное по всей Россіи. Раны, ушибы и т. п. размываютъ и примачиваютъ мочею.

Есть (народное) спеціальное лѣченіе нѣкоторыхъ болѣзней, методическое, составляющее спеціальность знатоковъ-старухъ, преимущественно городскихъ, часто пользующихся огромною извѣстностію и практикой. Такъ есть между ними кобрировки, другія лѣчатъ однѣ язвы, воспаленіе ноготнаго сустава, повитухи и т. д. Вообще нарывы, по понятію народа, происходятъ отъ «волоси».

Интересно лѣченіе воспаленія ноготнаго состава (panaritium), называемаго въ народѣ *волосомъ*, причемъ предполагается, что все—воспаленіе, боль и опухоль—зависитъ отъ развитія червячка подъ кожей. Потому все лѣченіе направляется къ извлеченію предполагаемаго червячка, для чего всегда услышишь просьбу въ этомъ случаѣ произвести отверстіе въ кожѣ и дать мази, чтобъ проѣло. Въ народѣ славится въ этомъ случаѣ такъ называемая травка противъ волоса, которая держится подъ секретомъ и извѣстна только спеціалистамъ по этой части. Это землистый черный порошокъ, въ которомъ трудно и замѣтить растительныя части и ѣдкій до того, что приложенный на кожу, обыкновенно въ видѣ тѣста со сливками, производитъ пузырь и омертвѣніе тканей. Вѣроятно въ составъ этого порошка входитъ волчье лыко Daphne mezereum, а можетъ быть и сулема, которая употребляется съ подобною цѣлью въ этой болѣзни и сама по себѣ; достигнувъ упомянутымъ порошкомъ или сулемою червяка, его присыпаютъ сулемою или мазью изъ нея и умерщвленный такимъ образомъ червякъ выходитъ на перевязку изъ спуска въ видѣ зеленаго гноя.

Разбирая это лѣченіе, можно видѣть въ немъ своего рода раціонализмъ:—они стараются вскрыть нарывъ, но средства, которыми они достигаютъ этого, нераціональны и уступаютъ разрѣзу ножемъ, болѣзнь обыкновенно длится долго и образующіеся рубцы обезображиваютъ палецъ.

Таже травка употребляется и при язвахъ гнилыхъ, гангренозныхъ, при язвахъ съ затвердѣлыми краями (налезлыхъ), обыкновенно въ видѣ мази со сливками для оживленія язвы и разрушенія частей омертвѣлыхъ.

Есть спеціалисты, занимающіеся собственно лѣченіемъ язвъ, при томъ каждая изъ нихъ имѣетъ свой методъ. Такъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій способъ лѣченія. Дѣлается спускъ изъ слѣдующихъ частей: сосновой сѣры, воску, пластырю изъ шпанскихъ мушекъ, пластырю

изъ скотскаго жиру. Эта мазь употребляется для перевязокъ. Вообще при язвахъ круглой формы обсыпаютъ кромѣ того края ихъ жженными квасцами. Полагаютъ образованіе язвъ изъ общаго худосочія, потому всегда употребляется внутреннее лѣченіе декоктомъ изъ сбора травъ, числомъ до 12-ти, между которыми главныя — грыжная трава и сарсапариль, далѣе слѣдуетъ ромашка, бузинный цвѣтъ, трифоль, розовый цвѣтъ, мята, чистозванъ, романникъ, шалфей, полынь и тысячелистникъ. Этотъ сборъ признается полезнымъ во всевозможныхъ болѣзняхъ органовъ грудныхъ и брюшныхъ, при различныхъ худосочіяхъ. Поэтому травы эти продаются въ лавкахъ и покупаются старухами.

Но самымъ важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ въ народѣ считается кровопусканіе, или по народному метаніе руды, оно есть средство предохраняющее или предупреждающее вообще болѣзни. Обыкновенно говорятъ: кровь мучитъ, будетъ ли то ревматическое воспаленіе сочлененія съ жаромъ и лихорадкою или нарывы на тѣлѣ, воспаленіе грудныхъ или брюшныхъ органовъ, или параличъ нижнихъ конечностей, головная боль, хроническое разстройство пищеваренія или цынготное худосочіе — все подводится подъ одну категорію. Потому кровопусканіе распространено сильно. И рѣдко можно встрѣтить среднихъ и старыхъ лѣтъ мущинъ и женщинъ, бросавшихъ кровь 10 и 15 лѣтъ сряду ежегодно, все отъ увѣренности, что рабочему человѣку нельзя прожить безъ кровопусканія, иначе кровь замучитъ. Любятъ употреблять также кровососныя банки, но не вездѣ есть возможность пользоваться ими, обыкновенно банки эти состоятъ изъ концовъ воловьихъ роговъ; насѣчки дѣлаются бритвой или ланцетомъ, операцію производятъ всегда въ банѣ. Роль фельдшеровъ исполняютъ въ обоихъ случаяхъ по большой части Мезенскіе коновалы, которые образуютъ цѣлое сословіе ученыхъ этому искусству, расхаживаютъ по всѣмъ закоулкамъ и болѣе практикуютъ на людяхъ, нежели на скотѣ. Часто искусствомъ своимъ злоупотребляютъ. Потому, что искусство ихъ, собственно говоря, состоитъ только въ умѣньи производить эту операцію безъ всякаго понятія о показаніяхъ къ ней и о дѣйствіи кровопусканія. Ими руководитъ въ этомъ случаѣ только алчность и желаніе нажить нѣсколько копѣекъ. Мнѣ случилось однажды видѣть крестьянина среднихъ лѣтъ, хорошаго тѣлосложенія; на другой день послѣ метанія руды, онъ не могъ стоять, потому что его *обносило*, т. е. у него кружилась голова отъ малокровія. Слѣдить за этимъ злоупотребленіемъ и предотвратить его не можетъ никакая полиція, потому что, зная законное запрещеніе, кровопусканіе производятъ тайно, и оно остается тайной между паціентомъ и операторомъ.

Эти же коновалы считаются отличными докторами болѣзней сифилитическихъ, хотя способы ихъ лѣченія извѣстны по всей Россіи въ народѣ: они даютъ растворъ сулемы (по народному бѣль) и обкуриваютъ киноварью. Но за ними остается практика по преимуществу, потому что они всегда имѣютъ эти средства, которыми и снабжаютъ всякаго желающаго. .

Растворъ сулемы употребляется очень сильный (золотникъ на штофъ), по ложкамъ; безвредность пріема можно объяснить только поддѣлкою или нечистымъ приготовленіемъ препарата, неизбѣжнымъ при контрабандномъ его употребленіи. Въ этихъ же болѣзняхъ употребляется корень сарсапарили, настойка его на водкѣ, или крѣпкій отваръ, приготовляемый въ закупоренномъ сосудѣ. Впрочемъ не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ понимать подъ этими болѣзнями. Въ Пинежскомъ уѣздѣ эта болѣзнь въ первичной формѣ встрѣчается очень рѣдко. По большей части можно наблюдать застарѣлыя формы у людей, бывшихъ въ большихъ городахъ и столицахъ; между ними можно видѣть образцы страшнаго разрушенія организма. Потому народъ смотритъ на эту болѣзнь, какъ и вездѣ, съ ужасомъ и готовъ считать самый невинный прыщъ, ломоту и язву совершенно другихъ свойствъ за сифилисъ, если только больной имѣетъ какое нибудь столкновеніе съ сифилитикомъ. Этимъ объясняется обширная практика коноваловъ на этомъ поприщѣ, а также истребленіе въ огромномъ количествѣ сарсапарили, извѣстной подъ именемъ дорогой травы (фунтъ ея въ вольной продажѣ стоитъ около 2 руб.). Такимъ образомъ употребленіе сулемы и особенно дорогой травы стало народно. Сарсапариль стали употреблять при этомъ и въ другихъ болѣзняхъ: ломотѣ, язвахъ, параличѣ и даже при страданіи дыхательныхъ органовъ. О размѣрахъ употребленія ея можно судить изъ того, что двумя купцами въ Пинегѣ продавалось прежде около пяти пудовъ въ годъ. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не знали дорогой травы и не пили бы ея. Изъ аптечныхъ препаратовъ въ народѣ извѣстны: тягучій пластырь, мушка, александрійскій листъ и тому подобное; случается услышать просьбу дать маковыхъ головокъ для усыпленія неспокойнаго дитяти — этимъ и ограничиваются ихъ свѣдѣнія по части фармокологіи, и такимъ образомъ можно видѣть, что въ народѣ нѣтъ ни медицины, ни знахарскаго искусства: что достаютъ немногіе, то достается и извѣстно всѣмъ, исключеніе составляютъ городскія знахарки спеціалистки, какъ пользующія секретными средствами.

Вѣрованіе въ силу колдовства, наговоровъ и т. под., какъ сверхъестественное, составляетъ принадлежность народовъ всѣхъ временъ и поколѣній. Насколько оно распространено въ Пинежскомъ уѣздѣ и участвуетъ въ лѣченіи болѣзней, мнѣ неизвѣстно: мнѣ не случалось никогда видѣть при больныхъ ни знахарокъ, ни колдуновъ, никакихъ нашептаваній, но они существуютъ. На-

родъ впрочемъ полагается больше на время и авось, что Богъ дастъ; въ случаяхъ, не уступающихъ времени, обращается какъ сказано охотно къ врачу, на лѣкарство смотритъ съ увѣренностію въ его непремѣнное дѣйствіе и помощь. Впрочемъ всегда отдаетъ предпочтеніе фельдшеру, какъ лицу нечиновному и болѣе, по понятіямъ народа, доступному.

Такимъ образомъ есть нѣсколько болѣзней, происхожденіе которыхъ приписывается колдовству; сюда относится такъ называемая икота, распространенная особенно въ Пинежскомъ уѣздѣ и извѣстная даже въ смежныхъ уѣздахъ; объ ней составилось опредѣленіе, употребляющееся какъ бранное слово: Пинежская икота. Колдовству же приписывается напущеніе *стрѣлъ*, наговоръ болячекъ или килы и другихъ язвъ, не говоря уже о порчѣ и болѣзняхъ съ *лизу*,—повѣрьи, общемъ для всего русскаго народа.

Икота—болѣзнь, приписываемая народомъ особенному существу, которое напускается или вгоняется въ тѣло больнаго колдуномъ. Колдунъ или колдунья остаются всегда неизвѣстными, обратиться съ просьбой къ нимъ о помилованіи нѣтъ возможности; а потому и икота остается въ тѣлѣ всегда на всю жизнь,—лѣченіе никакое не поможетъ. Вообще про такихъ колдуновъ говорятъ, но ни на одного не укажутъ, между тѣмъ увѣренность въ напускѣ этой болѣзни простирается до того, что народъ и слушать не хочетъ о другомъ происхожденіи болѣзни и ея лѣченіи. Сущность этой болѣзни и ея проявленія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что больной при видѣ непріятныхъ для него предметовъ, слыша непріятныя слова, когда не соглашаются окружающія съ его желаніями и мнѣніями и т. п., икаетъ, т. е. издаетъ по большой части отрывистые звуки непроизвольно, судорожно, похожіе на лай, то протяжно завываетъ,—при этомъ злится, чувствуетъ головокруженіе, тошноту, ощущеніе такъ называемаго истерическаго шара (globus hystericus) и т. под. и всегда послѣдующее утомленіе.

Припадки икоты проявляются, напримѣръ: слабость, при видѣ курящаго табакъ, при видѣ какихъ нибудь орудій, инструментовъ, что производитъ въ простомъ народѣ страхъ или отвращеніе. Иногда видъ самыхъ обыкновенныхъ вещей (напримѣръ случалось видѣть, что одно названіе сайды, рыбы общеупотребительной), производитъ долгія икотныя завыванія.

Припадки эти продолжаются минуту, двѣ и три, но очень легко вызываются и повторяются.

Этой болѣзнью одержимы почти единственно женщины, часто ихъ бываетъ по нѣскольку въ одномъ домѣ и всѣхъ возрастовъ; подобныхъ мущинъ мнѣ не встрѣчалось видѣть; но за то послѣдніе, разсказывая о болѣзни, напримѣръ: боли подъ ложечкою, о которой говорится *серче болитъ*, вообще о болѣзняхъ брюшныхъ органовъ непремѣнно предложатъ вопросъ: не икота ли это? такъ какъ мѣстомъ жительства этой послѣдней предполагается брюшная полость. Между дѣвушками эта болѣзнь тоже встрѣчается рѣдко—вѣроятно изъ боязни жениховъ потерять; но за то можно видѣть, что на первый и второй годъ замужества онѣ пріобрѣтаютъ ее.

Это объясняется тѣмъ вниманіемъ и ласковымъ обращеніемъ, которыми стараются окружить больную домашніе и всѣ знакомые: стараются не безпокоить непріятными словами, удалять предметы, которые могутъ вызвать припадокъ, предупреждать желанія, однимъ словомъ, не дразнить икоты, не желая мучить больной и боясь, чтобъ икота и самихъ не посѣтила. Развѣ иногда потѣшится молодой пареиь, поддразнивая старуху, любуясь ея кривляніями, криками и злостью. Это предупредительное обращеніе съ икотницами, я считаю причиной, что икота часто встрѣчается, т. е. я полагаю, что болѣзнь эта часто притворная. Я постараюсь объяснить это, разобравъ сущность и причины этой болѣзни нѣсколько научнымъ образомъ.

Разсматривая припадки этой болѣзни, и ничтожныя причины, ихъ вызывающія, я нахожу большое сходство ихъ съ истерическими припадками женщинъ высшаго круга. Это таже увеличенная дѣятельность психической сферы (и преимущественно воображенія и чувствительности), соединенная съ явленіями отраженныхъ судорогъ и спазмовъ, происходящими, по теоріи Гассе очень вѣроятной, отъ одновременнаго разстройства питанія всей нервной системы. Въ обоихъ случаяхъ такой болѣзненности сильно поражаются чувствительность и воображеніе, что ведетъ за собою одинаковые судорожные припадки: кривлянья въ мускулахъ лица, спазмы въ грудобрюшной преградѣ и гортанной щели, отъ чего появляются судорожное пыханіе, икота, крикъ и вой, при истерикѣ судорожный смѣхъ, вой, лай, а въ мускулахъ живота и желудка рвота, въ пищеводѣ—чувство давленія, и проч. Не могу сказать, на сколько сходны спазмы въ мочевыхъ путяхъ, мнѣ не приходилось спрашивать больныхъ объ этомъ; но впрочемъ я полагаю, что и здѣсь существуетъ большое сходство — такъ какъ замѣчалъ, что больные послѣ припадка тотчасъ-же выходили изъ комнаты.

Обыкновенно начало и причину истерики, такъ какъ она случается только у женщинъ и притомъ отъ времени развитія половой зрѣлости до прекращенія ея — полагаютъ въ разстройствѣ нервовъ половыхъ органовъ. Полагаю, что эти положенія примѣнимы во многихъ случаяхъ, и объясняю это такимъ образомъ: нерѣдко болѣзненныя состоянія съ пораженныхъ мѣстныхъ нервовъ сообщаются другимъ нервамъ и вліяютъ на центральные органы. Такимъ образомъ мѣсячное очищеніе у мно-

гихъ здоровыхъ женщинъ влечетъ за собою разныя легкія нервныя разстройства и особенное психическое настроеніе. Истерика при началѣ болѣзни отъ патологическаго состоянія половыхъ органовъ будетъ аналогична съ разстройствомъ во время менструаціи. Въ основаніи развитія истерики въ этомъ случаѣ могутъ лежать различныя патологическія состоянія «матки» и сосѣднихъ съ нею органовъ, язвы рыльца и всевозможныя раздраженія матки. Такимъ же образомъ наоборотъ, часто психическое вліяніе, при совершенно здоровомъ состояніи половой сферы, можетъ быть причиной истерики,—положимъ у непорочныхъ старыхъ дѣвъ, то есть, нервное разстройство здѣсь можетъ развиться отъ постоянныхъ волненій и сожалѣній, которыя испытываетъ женщина, видя неисполнимыми свои желанія и несбывшимся прямое назначеніе ея въ жизни. Всѣ остальные случаи можно подвести къ недостатку воли, вслѣдствіе изнѣженнаго, балованнаго воспитанія, вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, отъ жизни такъ сказать нервной въ ущербъ физической. При чемъ часто встрѣчается холерина или анемія, кромѣ того эти послѣднія состоянія крови, ведутъ за собою всегда разстройство нервовъ, и могутъ быть сами по себѣ причиною истерическихъ страданій.

Теперь возвратимся къ икотѣ. Прежде всего я долженъ сказать, что мои наблюденія здѣсь поверхностны, такъ какъ ни одна изъ икотницъ не была въ моемъ пользованіи и подъ долгимъ наблюденіемъ. Отдѣльные случаи, видѣнные мною, представляли женщины среднихъ лѣтъ съ изнуреніемъ отъ частыхъ родовъ, или тяжелой работы при скудной пищѣ, при неправильности отправленій, чаще же всего съ хроническими катарами желудка, болями подъ ложечкою и т. п. Не могу сказать, на сколько вѣрно въ этомъ случаѣ предположеніе доктора Гросса о томъ, не зависитъ ли икота отъ laenia solum,—мнѣ не представлялось наблюдать ни одного подобнаго случая.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ солитеръ встрѣчается и быть можетъ условливаетъ икоту, но мнѣ не приходилось слышать ни отъ одной больной о выхожденіи его.

Здѣсь обращаемъ еще вниманіе то, что икота поражаетъ почти всѣхъ старухъ—чѣмъ и отличается отъ истерики.

Нѣкоторыя старухи встрѣчались съ видомъ сильнаго изнуренія отъ разныхъ хроническихъ болѣзней. Во всѣхъ этихъ случаяхъ на почвѣ этихъ разстройствъ можетъ еще развиться страданіе нервовъ. Но все таки остается много случаевъ здоровыхъ, молодыхъ, полныхъ женщинъ икотницъ, у которыхъ причины болѣзней будутъ загадкою,—и этихъ послѣднихъ я считаю притворщицами ради того вниманія, которымъ ихъ окружаютъ.

Но все это не объясняетъ еще вопроса, почему икота встрѣчается болѣе всего Пинежскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, и почему ея нѣтъ въ другихъ—какъ напримѣръ говорятъ въ Онежскомъ. Условія жизни кажется болѣе или менѣе одинаковы. Пища тотъ-же хлѣбъ, свѣжая и соленая рыба, молоко,—вода въ рѣкахъ Пинеги не имѣетъ ничего отличительнаго,—мѣстность селеній возвышена, берега рѣкъ глинистые и песчаные, кругомъ лѣсъ, съ множествомъ озеръ, болотъ и часто безконечной тундрой—однимъ словомъ картины, общія всей Архангельской губерніи. Гдѣ же скрывается тайна происхожденія этой болѣзни?

Уже не въ самомъ ли дѣлѣ это дѣло колдовства и икоты, какъ духа и существа невидимаго? Или же источникъ ея кроется въ самомъ духѣ народной жизни? Но такъ какъ леченія въ простомъ народѣ никакого нѣтъ, или же по русской пословицѣ «клинъ клиномъ выгоняютъ;» стало быть, излѣченіе икоты предполагается только возможнымъ для колдуновъ. Но ихъ никто не знаетъ, потому и икота у больныхъ остается на всю жизнь. Никакого лѣченія нѣтъ, кромѣ сказаннаго паліативнаго, то есть, что стараются не вызывать припадка.

Нѣкоторыя, уже болѣе частныя, свѣдѣнія о народной медицинѣ, и при томъ касающіяся только Шенкурскаго уѣзда, сообщилъ фельдшеръ Костылевъ, обратившій вниманіе и на суевѣрную сторону народнаго врачеванія.

Всѣ народныя преданія, говоритъ онъ, легенды и повѣрья доказываютъ, что древній сѣверный народъ много страдалъ отъ суроваго климата, отъ дремучихъ лѣсовъ отъ хищныхъ звѣрей и отъ разноплеменной междоусобицы. Находясь въ полудикомъ ростояніи, онъ страдалъ и незналъ, какъ пособить своимъ страданіямъ, потому что не зналъ физической природы и ея порядка. Правда его языческія вѣрованія и легендарныя преданія ему не позволяли наблюдать страданія просто, какъ они есть, и увлекали мысли его въ область духовнаго міросозерцанія; во всякомъ физическомъ явленіи онъ искалъ присутствія боговъ, во всякомъ физіологическомъ страданіи бѣдствіе отъ злаго духа. При такомъ воззрѣніи на болѣзни, для лѣченія ихъ онъ считалъ достаточнымъ или умилостивить и задобрить злой духъ, либо застращать и прогнать его посредствомъ баснословной силы разныхъ заговоровъ, заклятій, камней, корней, травъ, цвѣтовъ и т. п. Остатки такого повѣрія можно встрѣтить повсюду и въ настоящее время. И теперь еще простой народъ вѣритъ, что всѣ болѣзни происходятъ или отъ злаго духа (особыхъ миѳическихъ существъ), или отъ порчи лихого человѣка (отъ колдуновъ), либо отъ зарожденія животнаго въ тѣлѣ, или наконецъ отъ себя самого.

1. Болѣзни отъ духа.

Народное міросозерцаніе и легендарныя преданія создали особыя миѳическія существа, которыя производятъ болѣзни у человѣка, называемыя вѣдуницами

или вѣщицами. Эти вѣщицы въ народномъ понятіи суть нѣчто среднее между чертомъ и оборотнемъ и скорѣе подходятъ къ послѣднему, съ тѣмъ различіемъ, что оборотня можно видѣть всегда простымъ глазомъ въ видѣ животныхъ — волка или медвѣдя, а вѣщицу можно видѣть только изрѣдка въ видѣ женщины; тождество же обоихъ состоитъ въ томъ, что сначала они были людьми, и потомъ первые въ слѣдствіе колдовства, а послѣднія въ слѣдствіе проклятія превратились въ нечистыхъ духовъ. Вѣщицы— болѣзни представляются старыми, безобразными и злыми женщинами съ котомками за плечами, какъ странницы, и больные знатоки, видѣвшіе ихъ лицомъ къ лицу во снѣ или въ горячечномъ бреду, увѣряютъ, что они, когда находятъ на человѣка, бываютъ привѣтливы и цѣлуются, а когда отходятъ, бываютъ сердиты, ругаются и часто сказываютъ больному, что имъ не по сердцу, чего они испугались и отъ чего уходятъ. Вѣщицы не имѣютъ осѣдлаго жительства во вселенной, а странствуютъ изъ государства въ государство, изъ края въ край, и горе тому народу, который онѣ полюбятъ! О происхожденіи вѣщицъ народное воображеніе составило легенду, состоящую въ томъ, что всѣ онѣ сначала были простые смертные люди, дочери нечестиваго царя Ирода, которыя, наслѣдуя родительское нечестіе, жили душепагубно, особенно злѣйшая изъ нихъ—дѣвка чернавка, которая еще будто во плоти на землѣ выпросила у отца своего главу Іоанна Предтечи; за это онѣ были прокляты Богомъ и людьми и, какъ проклятыя, не были приняты ни матерью сырою землею, ни кромѣшнымъ адомъ, и стали скитаться по бѣлому свѣту и мучить родъ человѣческій.

Главныхъ вѣщицъ 12-ть, изъ коихъ каждая имѣетъ по нѣсколько подручныхъ или подчиненныхъ, занимающихся отдѣльно всякая своею спеціальностію. Мнѣ случалось слыхать слѣдующія имена главныхъ вѣщицъ: Огнея или огневое, трясли или трясовицы, мимохода, лихорадки и дѣвки чернавки.

Огнея, или огнева, распаляетъ человѣка или, какъ говорятъ, человѣкъ въ огнѣ горитъ, хотя ушатъ воды выпей, не утушаетъ, при этомъ всякой суставъ распаляется и умъ затмѣвается. Сюда относятся горячки всѣхъ видовъ и внутреннія воспаленія.

Трясея, или трясовица, производитъ трясеніе въ тѣлѣ и его членахъ. Сюда относятся перемежающіяся лихорадки и всякія болѣзни съ конвульсіями.

Мимохода есть болѣзнь чистаго поля, которая поражаетъ человѣка какъ бы вѣтеркомъ въ мозги, отъ того дѣлается головокруженіе, затмѣніе разсудка и даже смерть. Сюда относятся: родимецъ, помѣшательство ума, апоплексическій ударъ, параличъ и пр.

Подъ именемъ лихорадки разумѣются всѣ трудныя страданія съ труднымъ дыханіемъ, колотьемъ въ груди, кашлемъ и отхаркиваніемъ.

Говорятъ, когда лихорадка идетъ тогда ладно и когда найдетъ—не ладно, задавитъ.

Когда же трупъ начинаетъ разлагаться и отдѣлять сукровицу изъ рта, носа, ушей, тогда говорятъ—лихорадка выходитъ.

Болѣзнь дѣвки чернавки зѣло лютая: какъ только коснется до человѣка, онъ умираетъ.

Сюда относятся эпидемическія болѣзни съ большою смертностію.

Впрочемъ холера въ понятіяхъ народа болѣзнь спорная, и предметъ пока еще не рѣшенный: по мнѣнію однихъ она напущенная отъ порчи лихаго человѣка, а по мнѣнію другихъ отъ миѳическаго существа. Болѣзнь прикасается къ человѣку въ то время, когда онъ встанетъ не благословясь и пойдетъ не перекрестясь; когда же она вселится въ него, тогда, говорятъ, не выгонишь ее ни постомъ, ни крестомъ, только развѣ тѣмъ, чего она боится и отъ чего убѣгаетъ, на примѣръ: трясавица боится костей отъ головы зубатой рыбы или кобыльей, и для того эти вещи кладутся подъ постель больнаго, огнева, смолы, можжевельника, ременки, оси телѣжной и травы чертополоха. Впрочемъ этой послѣдней травы и всѣ болѣзни побаиваются, а потому вѣтку чертополоха можно видѣть подъ потолкомъ почти во всякой избѣ Шенкурскаго уѣзда. Подобно этому вѣщицы боятся извѣстнаго сна Богородицы.

Смолою намазанный крестъ надъ домовыми воротами дѣлается съ цѣлію не впускать болѣзни въ домъ.

Вотъ молитва отъ нечистаго духа, какъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби: Ангель мой, Сохранитель мой, сохрани душу мою, скрѣпи сердце мое, Маркъ да Лука, да Иванъ Богословъ, Никита мученикъ за Христа душу мучитъ, Крестомъ ограждаетъ, сатану проклинаетъ. Врагъ сатана, поди прочь отъ меня. Самъ Христосъ приступись ко мнѣ. Аминь.

2. Болѣзни отъ порчи.

Отдѣлъ этихъ болѣзней признается за произведеніе человѣческое.

Болѣзни передаются отъ лихого человѣка посредствомъ колдовства, заговоровъ и наметываній въ видѣ пищи, питья, и спускаются по вѣтру. Сюда принадлежатъ болѣзни: озевы, призоры, объурочилъ, сглазилъ, икота, напущена кила, привязана (абцессы, вереда, всякіе наросты, прыщи и часто сифилитическія язвы въ зѣвѣ), животъ отнятъ и стрѣлы пущены (ревматизмъ лихорадочный и летучій). Отдѣлъ этихъ болѣзней лѣчится противодѣйствующею сильнѣйшею силою заговоровъ и нашептываній. Знахари дѣлаютъ нашептыванья въ пищу, питье, соль, лѣкарство, обливанья, полосканья, и т. п. а одними лѣкарствами тутъ ничего ни подѣлаешь, гдѣ надобно снять озевъ или призоръ заговорами. И на этотъ случай есть вѣрный талисманъ отъ всѣхъ колду-

новъ и ихъ заговоровъ и порчи: стоитъ только носить поясъ изъ сѣтки на голомъ тѣлѣ, и тогда не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча.

При накладываніи пояса говорятъ: Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое, и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ, и запру, и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ Окіянъ море, и взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебѣ раба Божія (имя рекъ) не отыскать, и кто ключи достанетъ тотъ и отомкнетъ. Аминь.

Заговоръ отъ призоровъ и прикосовъ:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь. Стану я рабъ Божій и благословясь и пойду перекрестясь, отцемъ своимъ прощенъ и матерью благословленъ, изъ избы дверьми, изъ двора воротьми въ домъ, въ чистое поле подъ восточную сторону; течетъ огненная рѣка и есть черезъ огненную рѣку мѣдянной мостъ. и ѣздитъ мѣдянной мужъ на своемъ мѣдянномъ конѣ съ мѣднымъ войскомъ и съ мѣдными стременами. И помолюсь я рабъ Божій (имя рѣкъ) Спасу и Пресвятой Богородицѣ и мѣдянному мужу: ой еси ты мѣдянной мужъ! полно тебѣ ѣздить черезъ огненную рѣку по мѣдянному мосту, и поѣжай ты мѣдянной мужъ ко мнѣ р. б. N на правое плечо, а съ праваго на лѣвое, и съ лѣваго подъ правую пазуху, подъ лѣвую пазуху, а изъ подъ лѣвыя въ мою сердечную утробу, и въ горячую кровь, и черную печень, и въ семдесятъ суставовъ, и въ семьдесятъ жилъ и подъ правое яйцо. И самъ ты мѣдянной мужъ вынимай изъ раба Божіяго N всякую скорбь и болѣзнь, и всякія притчи и призоры, и прикосы, и оговоры, и вѣтренны переломы, и вѣтренные пострѣлье и всякія грыжи, и самъ ты мѣдянной мужъ на конѣ выѣзжай, и копемъ своимъ выкармливай и очми своими высматривай. Да въ чистомъ полѣ ѣдетъ встрѣчь черемневый мужъ и несетъ булатный мечъ. и доидоша до черемнаго камня и разсѣкаетъ черемный мужъ булатнымъ мечемъ черемный камень на четыре части и раскинетъ на четыре стороны и развѣетъ буйными вѣтрами по чистому полю, по темному лѣсу, такожъ дабы отъ раба Божія N разсыпалась, всякая скорбь, оговоры, призоры, прикосы, вѣтренные переломы и всякіе пострѣлы по чистому полю, по темному лѣсу, всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. аминь.

Указъ трижды на говорить на воду и эту воду отдать пить больному.

3. Болѣзни отъ животныхъ.

Народъ вѣритъ, что въ тѣлѣ человѣка могутъ зарождаться животныя, какъ то: змѣи, ящерицы, скокухи (лягушки), блисты (глисты, которые и есть дѣйствительно) ройки и волосъ (въ наукѣ волосатикъ) или само собою или искуственно, напримѣръ: зарожденіе змѣй и лягушекъ можетъ произойдти отъ питья стоячей воды, въ которой есть наливочныя животныя, либо отъ того, когда змѣю или лягушку высушатъ, превратятъ ее въ порошекъ и даютъ выпить съ живучимъ квасомъ, при этомъ если попадетъ змѣя самка, тогда навѣрное разведется гнѣздо въ брюхѣ.

Свищевые ходы, бываемые послѣ нарывовъ, означаютъ болѣзнь роекъ. Костоѣда съ выпаденіемъ косточекъ нарывается наркомъ, эти нарки бываютъ разной величины поодиночкѣ и гнѣздами. Всѣ хроническія язвы начинаются отъ зарожденія волоса въ тѣлѣ и лѣчатся щелочными ваннами въ томъ убѣжденіи, что волосъ выходитъ изъ тѣла въ щелочную воду. Подъ именемъ грыжи принимаются всѣ ненормальныя отдѣленія изъ проходовъ какъ то: кровавая моча, бѣли, маточныя и геморроидальныя кровотеченія и, смотря по цвѣту отдѣленій, называются грыжею бѣлою, красною, желтою и проч. всѣхъ грыжъ много, вотъ и заговоръ уничтожать грыжу.

Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына, и Святаго духа. Есть море Окіанъ, въ томъ морѣ Окіанѣ есть бѣлой камень латырь, высота его въ сажень, толщина его 60 сажень; поперекъ его 60 сажень, на томъ на камени латыри стоитъ хрустальный теремъ. въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на этомъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась залотымъ поясомъ, подперлась золотымъ поясомъ. Государыня ты красная дѣвица! дай ты мнѣ рабу Божію N грыжныхъ словъ добрыхъ. Грызетъ у меня раба Божія N вотчину золотная (маточная) грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая грыжа, красная грыжа, отрочная грыжа, родимая грыжа, привязаная грыжа, кила грыжа, троетечная грыжа, сердечная грыжа, десная грыжа, поясовая грыжа, водяная грыжа, кровавая грыжа, пригнойная грыжа, суставная грыжа, нутренная грыжа, верхняя грыжа, ручная грыжа и ножная грыжа. Грызетъ та грыжа вѣтха мѣсяца, и въ молода мѣсяца, и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зарямъ и по вечернимъ зарямъ, и по всякой день и по всякой часъ и по всякое время.

И возговоритъ красная дѣвица: ой еси грыжа, вошла еси ты въ раба Божія N во вотчину щукою и ты выйди изъ него окунемъ, и пойди къ бѣлому камню, буди тамо до скончанія вѣка, да свѣй себѣ грыжа въ каменю гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня раба Божіяго ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая грыжа, у меня раба Божія N ни крови, ни тѣла и проч. грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять горъ головы, а не ѣшь ты у меня раба Божія N и проч.

6. Небрежность о себѣ. Въ палящій морозъ малютки бѣгаютъ босикомъ по снѣгу, единственно въ одной рубашкѣ съ голою грудью. Также и взрослые безъ заботно стоятъ нѣсколько часовъ на улицѣ въ трескучіе морозы, еще и со спеленанными младенцами въ одномъ легонькомъ кафтанѣ или сарафанѣ, а нѣтъ—и безъ нихъ, безъ шапокъ, безъ галстуховъ, въ сапогахъ и башмакахъ на босую ногу. — Весною, лѣтомъ и осенью, не смотря ни на холодъ, ни на вредность воздуха и вѣтровъ, ни на мокроть, ни на женскую стыдливость: мущины въ рубашкахъ и подштанникахъ, а женщины нерѣдко въ однѣхъ сорочкахъ ходятъ по обыкновенію по улицамъ босыя. — Кромѣ того мущины поднимаютъ чрезвычайныя тяжести, не соображаясь съ здоровьемъ и силой, а на промыслахъ борются со многими непріятностями; деревенскія же женщины вообще небережны своею беременностію. Только дня за два до разрѣшенія женщина перестаетъ дѣлать тяжелыя работы, — ходить же не перенося тяжестей, не перестаетъ до послѣдней крайности, а по прошествіи недѣли послѣ родовъ, рѣдкая баба не принимается за свое дѣло въ хозяйствѣ. Мнѣ извѣстны были случаи, что женщины рождали, уйдя изъ своего дома въ чужой, дорогою и на пожняхъ.

Собственныя лѣкарственныя средства.

Отъ головной боли. 1. Прикладываютъ ко лбу листья кислой капусты.

2. Пьютъ холодную воду.

3. Во время жаровъ и страдныхъ работъ окачиваются озерною, рѣчною и ключевою водою, или купаются въ ней. Холодныя купанья вообще составляютъ полезное средство для сохраненія здоровья, уничтожая чувствительность кожи къ перемѣнамъ температуры.

Отъ угара. 1. Даютъ угорѣвшему ѣсть мерзлыя ягоды: морошку, рябину, клюкву, или бруснику; ягоды такія запасаются въ каждомъ домѣ и замораживаются.

2. На голову льютъ холодную воду.

3. Угорѣвшаго укладываютъ въ постели и окутываютъ теплою одеждою плотнѣе, а въ уши кладутъ холодныя ягодки клюквы или брусники.

4. Но когда угаръ силенъ, больнаго вытаскиваютъ изъ избы на холодъ, окладываютъ повсюду снѣгомъ, поливаютъ водою и качаютъ, чтобы вырвало.

5. Даютъ угорѣвшему пить водку для той будто бы пользы, что угаръ скорѣе проходитъ, когда умъ съ разумомъ смѣшается.

Отъ безсонницы. Ѣдятъ выкапываемые изъ земли коренья; они иначе и не называются. Сладкое это коренье сушатъ на зиму; лѣтомъ же продаютъ ихъ ребята и дѣвочки цѣлыми корзинами за малую цѣну.

Отъ бѣльма на глазу. Бѣльмо сгоняется крѣпкимъ щелокомъ и нюхательнымъ табакомъ. Первымъ вымывается глазъ, а табакомъ присыпается.

Отъ засорѣнія глаза. 1. Вытираютъ въ засоренномъ глазу намоченнымъ слюною концемъ платка. 2. Сводятъ языкомъ, т. е. очищаютъ засоренія пускаемымъ въ глазъ языкомъ. На это средство бываютъ особенные знатоки.

Ячмень на глазу. Въ народѣ болѣзнь эта называется сучьимъ—сучкомъ. На сучекъ прикладывается теплый мякишъ только что испеченнаго ржанаго хлѣба.

Отъ золотухи. 1) золотушныя мѣста обмываютъ щелокомъ съ мыломъ, 2) золотушные выпариваются въ баняхъ.

Отъ свороба и сыпи на головѣ. Употребляется ртуть, заморенная въ сметанѣ, т. е. ртутная мазь.

Отъ боли въ ушахъ. Свертываютъ въ длинный узкій тюрикъ писчую бумагу и кладутъ ее въ уши. Потомъ бумагу зажигаютъ, чтобъ вытянуло дурь.

Отъ жабы. Пьютъ горячій, не густой чай изъ шалфея.

Отъ зубной боли. 1. Жуютъ лиственную сѣру самотечку, особенно женщины.

2. Кладутъ на больные зубы чернильные орѣшки и корни лихорадки.—Есть и заговоры:—

1-й. «Взять три земляничныхъ корешка, пустить въ воду и сказать три раза: какъ земляника эта засыхаетъ и увядаетъ, такъ чтобы и у раба Божія (имя его) зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и пути занѣмѣли, по сей день, по сей часъ. И положить эти корешки на зубъ и послѣ пить эту воду.»

2-й. «Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Мѣсяцъ (въ какой бываетъ заговоръ). Спрашивалъ я, рабъ Божій (имя заговорщика) у Іоанна Богослова: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Іоаннъ Богословъ спрашивалъ у Самого Истиннаго Христа: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Рече ему Истинный Христосъ: не болятъ у мертвыхъ зубы до втораго Святаго пришествія Христова. Также не болѣли бы зубы у раба Божія (имя его) до втораго Святаго пришествія Христова.» Просить Антипу зубнаго исцѣлителя, ставить къ образу его свѣчу и молиться усердно.—

Отъ кашля (по крестьянски—кашлюха):

1. Ѣдятъ пучки (луговое зонтичное растеніе).

2. Пьютъ вмѣсто чая: душмянку (душицу), перечневую мяту, шалфей и сушеную малину.

3. Лежатъ и парятся на высокихъ полкахъ въ баняхъ.

4. Чтобъ избавиться отъ кашля закрываются множествомъ мѣховыхъ вещей, такъ чтобъ потъ на тѣлѣ лилъ ручьями.

5. Когда надобно ложиться спать, привязываютъ къ шеѣ шерстяной чулокъ, нагрѣтый отъ накаленной печи.

Отъ насморка. Насморкъ почти не считаютъ вреднымъ для здоровья и не стараются много объ освобожденіи отъ него.

1. Стоитъ только сходить въ баню погрѣться и крестьянинъ здоровъ; 2) на ночь намазываютъ переносецъ и косицы (виски) свѣчнымъ саломъ; 3) есть еще и симпатическое средство: «Кому нужно избавиться отъ насморка. Возьми, высморкай носъ и намажь скобу у дверей,—знай, что кто первый станетъ отворять дверь за ту скобку, у того будетъ насморкъ, а кто намаралъ скобу, у того какъ рукой сниметъ.»

Отъ простуды. Когда вспотѣетъ занемогшій, спину у него натираютъ сокомъ изъ истертой на теркѣ обыкновенной русской рѣдьки.

Отъ лихорадокъ. 1. Пьютъ отваръ вересовыхъ горячихъ (можжевеловыхъ) ягодъ; 2. Выпариваютъ еловую кору и даютъ пить больному этотъ отваръ; 3. Также—отваръ изъ осиновой коры; 4. Натираютъ тѣло больнаго сокомъ тертой рѣдьки; 5. Исполняютъ всѣ желанія и прихоти больнаго.—Есть и заговоръ: «На морѣ, на Окіянѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ камень алтырь. На томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями, идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы куда идете, грѣшныя, окаянныя, проклятые? Идемъ въ міръ, у людей кости ломать да силу вынимать.—Воротитесь, грѣшныя, проклятыя, окаянныя!—Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать, да по три раза въ годъ читать.» 12 сестеръ лихорадокъ называютъ по именамъ 12 Иродовыхъ дочерей, отъ которыхъ будтобы они произошли: 1)—трясея или трясся, 2—желтея, 3—розея, 4—знобея, 5, леденея, 6—огнея или огнева, 7—лашея, 8,—хрипуша, 9—лихоманка, 10—мокрота, 11—сухея, 12—довея. (Кеврола, ст. Постникова въ Арх. губ. Вѣд. 1865 г.).

Оспа.—Оспопрививаніе въ Россіи введено болѣе ста лѣтъ тому назадъ. По сочувствію къ расколу, народъ какъ то все еще не очень жалуетъ предохранительное оспопрививаніе скотскою оспою.—Мѣръ противъ натуральной оспы я не видалъ, кромѣ того что больному связываютъ руки.

Отъ кори. Средство одно то, что больной лежитъ до прохода болѣзни подъ теплымъ одѣяломъ.

Отъ рожи. На синюю сахарную бумагу нѣкоторые намазываютъ простое мыло, на него кладутъ паклю и сверхъ нее присыпаютъ скобленый мѣлъ съ камфорой и листъ бумаги прикладываютъ къ зараженному мѣсту.

Отъ наружныхъ болѣзненныхъ нечистотъ:

Отъ угрей. При сбличеніи въ банѣ вытираться заднею частію грязнаго бѣлья.

Отъ веснушекъ. Говорятъ, что онѣ сходятъ отъ земляничнаго сока, но очищающемуся отъ веснушекъ запрещается ѣсть землянику.

Отъ бородавокъ. 1. Раскаливаютъ желѣзную вещь и ее прикладываютъ къ бородавкамъ; 2. Срѣзываютъ въ баняхъ, когда бородавки сдѣлаются мягкими, или сдираютъ.—Есть и ложное средство: «Взять ленточку (должно быть ластную) и сколько больной имѣетъ бородавокъ, должно навязать столько же узелковъ, потомъ бросить на улицу, на произволяющаго; кто подниметъ тесемку, тому перейдутъ бородавки.»

Отъ загару. Загорѣвшее лицо вымываютъ сывороткой отъ кислаго молока (творога).

Отъ мозолей. 1) Ихъ намазываютъ свѣчнымъ саломъ; 2) срѣзываютъ въ баняхъ, гдѣ онѣ размягчаются, или сдираютъ.

Отъ ногтоѣды. 1) Вмазываютъ въ больные ногти свѣчное сало. (Вообще свѣчное сало служитъ во многомъ большимъ пособіемъ у простаго народа). 2) Къ разболѣвшимся пальцамъ привязываютъ сырой картофель.

Отъ чесотки. 1) Отъ зуда (зудится, чешется) у дѣтей употребляется ртутная мазь. 2) Соль, распущенная въ водѣ и водкѣ.

Отъ укушенія осы. 1) Опухнувшее мѣсто просто завязывается платкомъ. 2) Прикладываютъ къ нему сукно съ натертымъ на него мыломъ.

Отъ трескапія рукъ и ногъ. 1) Растрескавшіяся руки и ноги натираютъ свѣчнымъ саломъ; 2) болящія трещины на ногахъ дѣтей (воровьи сапоги) вымываютъ теплою водою и потомъ человѣческою урипою.

Отъ обжога. 1) Крапивою — пострадавшія мѣста тѣла намазываютъ соплями; 2) кладутъ на обожженное мѣсто паутину; 3) прикладываютъ вату, напитанную постнымъ масломъ; 4) прикладываютъ теплый творогъ; 5) варятъ спускъ изъ соразмѣрныхъ частей: воска, еловой сѣры и деревяннаго масла. Пластырь (такъ называется еще спускъ), намазанный на ветошку, подогрѣвается у печи и прикладывается къ обжогу; 6) варятъ спускъ изъ оливковаго масла, въ равныхъ частяхъ съ воскомъ, и его прикладываютъ съ корпіею.

Отъ отмороженія и помороженія. 1) Не входятъ въ тепло и оттираютъ пострадавшіе отъ мороза члены снѣгомъ; 2) кладутъ такіе члены въ холодную воду или обмываютъ ихъ ею; 3) оттираютъ холоднымъ сукномъ или шерстяными рукавицами, принесенными съ холода; 4) не дотрогиваются до обмороженнаго здоровыми руками, чтобъ не вспузырилось; 5) больныя мѣста обмазываютъ мозгами изъ головы убитой сороки; 6) мажутъ обмороженныя мѣста гусинымъ саломъ.

Отъ укушенія собаки. Бѣшеную собаку схватываютъ и отрѣзаютъ нѣсколько ея шерсти. Шерсть эту прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ.—Другіе сожигаютъ собачью шерсть и прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ пепелъ (золу) отъ нея.

Отъ кровотеченія изъ носу. Когда идетъ изъ носа красуха (сукровица), въ ноздри пускаютъ теплую воду. Но кровотеченія изъ носа не останавливаютъ ничѣмъ: пройдетъ самоходка—лучше будетъ, говорятъ крестьяне.

Отъ кровотеченія. 1) Мѣсто откуда течетъ кровь, завязываютъ тряпками; 2) укрощая кровотеченіе накладываютъ трута, употребляемаго для высѣканія огня; 3) накладываютъ также паутину и вату; 4) прибѣгаютъ къ заговору знахаря; 5) «летитъ воронъ черезъ Чермное море, несетъ нитку, шелковинку; ты нитка оборвись, а ты кровь уймись.» Слова эти говорятъ шопотомъ надъ мѣстомъ истеченія крови до трехъ разъ и послѣ каждаго раза дуютъ надъ порубомъ или порѣзомъ.

Отъ всякаго рода ранъ: 1) Чирьи и вереда завертываютъ въ сухія холщевыя тряпки. 2) Парѣзы завязываютъ намоченными въ водѣ тряпками. 3) Намазываютъ ушибы, вереда, раны и ссадины свѣчнымъ саломъ. 4) Накладываютъ паутину. 5) Прикладываютъ на вереда сапожный или кабацкій варъ. 6) Помазываютъ чирьи, вереда, раны и ссадины деревяннымъ масломъ иногда съ ватою. 7) По заноженнымъ рукамъ и ногамъ прикладываютъ кислое—молоко (творогъ). 8) Къ заболѣвшимъ съ воспаленіемъ мѣстамъ прикладываютъ листья подорожниковъ — 9) Вмѣсто пластыря, берутъ кусокъ самой тонкой бересты, какъ чайная хлопчатая бумага, и прикладываютъ, какъ корпію къ вередамъ и чирьямъ. 10) На раны и разрѣзы прикладываютъ скобленый порошокъ изъ чертова пальца. Это камень, находимый на берегу рѣкъ съ другими каменьями. Онъ палковаго формата, съ бѣлыми слоями и такъ мягокъ, что, при малѣйшемъ напряженіи и прикосновеніи къ нему, разсыпается иголочно и солью. 11) Къ увѣчьямъ прикладываютъ живучій (обыкновенный медицинскій) пластырь. 12) Къ нарывамъ прикладываютъ испеченныя и потомъ разрѣзанныя чесновки лука. 13) Къ заноамъ, вередамъ, нарывамъ, застарѣвшимъ ранамъ прикладываютъ разжеванную во рту еловую сѣру; ее дѣлаютъ лепешкою и прикладываютъ съ ветошкою. Сѣра эта имѣетъ у крестьянъ цѣлебное свойство во множествѣ случаевъ; особенно она похваляется въ легкомъ и скоромъ вытягиваніи гноя и дури (матеріи). Ее запасаютъ съ осени и хранятъ въ тряпкахъ или берестянныхъ коробкахъ. 14) Отъ этого исчезаетъ опухоль, отъ уразины, полученной чѣмъ и какъ нибудь въ лобъ, безъ причиненія ранъ, прикладываютъ къ ушибу немедленно что нибудь желѣзное, отъ этого изчезаетъ опухоль. 15) отъ сильныхъ порубовъ и ушибовъ, употребляется сало, вытапливаемое изъ шуровъ (навозныхъ червей, которые употребляются для наживки при ловлѣ рыбы). 16) При сильныхъ полученныхъ ушибахъ пускаютъ жильную кровь.

Отъ опьяненія. 1) Льютъ на голову и на затылокъ холодную воду; 2) Разщеляютъ зубы и впускаютъ въ ротъ человѣческую урину. 3) Вливаютъ въ ротъ также молоко; 4) Щекотятъ въ носу птичьими перышками чтобы вырвать чихъ; 5) Подносятъ къ носу возбудительные: рѣдьку, хрѣнъ, горчицу и др.

Отъ рвоты и тошноты. Пьютъ чай изъ перечневой мяты, богородской травы (тиміянъ полевой—Tymus vulgaris).

Вѣтры въ животѣ. Весь животъ, отъ паховъ (отъ нижняго прохода) къ груди, разглаживаютъ на печи руками съ растертымъ коровьимъ масломъ. Также и въ дѣтской грыжѣ, съ выправленіемъ пупа. Дѣтей, еще вмѣсто бань, парятъ въ домовыхъ печахъ. Вообще постановленіемъ живота въ здоровое состояніе занимаются болѣе бабки—лѣкарки.

Поносъ и боль въ животѣ. 1) Ѣдятъ хлѣбные ржаные сухари; 2) Пьютъ отваръ изъ тѣхъ сухарей; 3) Ѣдятъ тресковую уху съ перцемъ и вообще уху изъ соленой рыбы: трески, палтусины и проч. 4) Пьютъ вино съ стручковымъ перцемъ; 5) Пьютъ водку съ поваренною солью; 6) Ѣдятъ высушенныя ягоды черемухи; 7) Даютъ больному отдыхъ и онъ забирается подъ теплое покрывало.

Отъ глистовъ. 1) Ѣдятъ пищу съ чеснокомъ; 2) Въ пищѣ болѣе употребляютъ конопляное масло; 3) Пьютъ коровье масло; 4) употребляютъ медъ: съ горячею водою, съ чаемъ, съ хлѣбомъ, съ калачемъ, съ кисслемъ и въ сухомятку (безо всего).

Отъ водянки. Принимаютъ нѣсколько разъ въ день рѣдечный сокъ.

Отъ цынги. 1) Дѣлаютъ взваръ изъ еловыхъ шишекъ и пьютъ его; 2) прикладываютъ къ больнымъ мѣстамъ листья лопуха и рѣпейника, перемѣняя ихъ, сколь скоро высыхаютъ; 3) привертываютъ къ ногамъ балаболки (листья плауна).

Отъ ломоты и опухолей. 1) Парятся въ баняхъ и натираютъ тѣ мѣста, гдѣ ломитъ, тертымъ хрѣномъ или тертою рѣдькою. 2) Страждущія мѣста мажутъ дегтемъ и вороннымъ саломъ (изъ морскихъ звѣрей). 3) Прикладываютъ къ нимъ жгучую крапиву (малую крапивку) иногда ее завариваютъ кипяткомъ; 4) Пьютъ въ видѣ чая можжевеловыя ягоды; 5) прикладываютъ теплые человѣческіе экскременты или скотный калъ; 6) лѣчатся муравейникомъ. Муравьевъ съ яичками набираютъ въ туесъ (буракъ);

тутъ же ихъ раздавливаютъ. Потомъ ихъ пересыпаютъ въ лахань или ушатъ или наливаютъ на нихъ кипятку. Въ процѣженный теплый и настоенный отваръ, такъ что можетъ терпѣть здоровый членъ тѣла, опускаютъ больныя руки и ноги, и держатъ, пока не остынетъ эта ванна.—7) обкладываютъ руки и ноги мокрицею, собираемою послѣ росы.

Отъ вывиховъ. Какъ можно скорѣе вывихнутые суставы. раздвигаютъ и устанавливаютъ въ нормальное положеніе. Потомъ, натираютъ ихъ виномъ и мыломъ и кладутъ въ полукруглыя доски. Доски накрѣпко сжимаютъ увязкою веревокъ. За тѣмъ больнаго относятъ въ постелю и онъ лежитъ запеленанный въ доскахъ недѣлю и болѣе.

Искусствомъ выправлять вывихи у крестьянъ славятся только рѣдкія, нѣкоторыя старухи.

Отъ сифилиса. Я слышалъ что отъ сифилиса вылѣчивають нѣкоторые знатоки водкою, напитанною *бѣлью* (такимъ же ядовитымъ веществомъ какъ и *сулема*) въ такой части, какая не приноситъ внутренняго вреда. Говорятъ, что и *сулема* идетъ въ составъ средства отъ сифилиса.

Если остановится моча, то ѣдятъ и пьютъ конопляное масло и ягоды водяницы.

Больнаго въ родимцѣ придерживаютъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ какого либо поврежденія такъ какъ часто больной при сопровождающихъ припадокъ судорожныхъ движеніяхъ колотится головой о полъ, рветъ на себѣ волосы и т. п.

При отмороженіи какой либо части тѣла не согрѣваютъ ее разомъ, а трутъ снѣгомъ, пока не возвратятся чувствительность, движеніе и краснота, и не пройдетъ бѣлый ея цвѣтъ.

Отъ чесотки: кожа чесоточныхъ намазывается легкимъ слоемъ ртутнаго состава, но не втирается въ кожу, а только размазывается по ней.

Чтобы освободить глазъ отъ инородныхъ тѣлъ, отворачиваютъ нижнее вѣко и стараются извлечь тѣло это посредствомъ промываній холодною водою и лизаніемъ языкомъ.

Если попадаетъ въ ухо насѣкомое, то его задушаютъ помощію маслистой ваты, запихиваемой туда.

На обожженное мѣсто прикладываютъ вату.

Пузырь отъ ожоги прокалываютъ, чтобъ выпустить воду.

Отъ обморока вспрыскиваютъ лице холодною водою. По приходѣ же въ себя человѣку даютъ напиться холодной воды.

Истрескавшіяся руки трутъ свѣжимъ саломъ.

Отъ зубной боли: а) приложеніе кусочковъ кипариснаго дерева; б) помазываніе зубовъ настоемъ гвоздики на ватѣ.

Отъ простуды и глухоты пьютъ чай изъ корней пырея, выкапываемыхъ въ прибранныхъ поляхъ.

Еловую сѣру добываютъ такъ: на высотѣ груди снимаютъ съ дерева двѣ или три полосы коры съ заболонью; чрезъ эти обнаженныя мѣста выступаетъ самородная смола, которая сначала содержа эѳирное масло, бываетъ жидка, а потомъ густѣетъ, по мѣрѣ улетучиванія масличныхъ частей.

Въ горячкахъ, для прохлажденія, даютъ больнымъ воду, либо квасъ, когда больныхъ позываетъ на кислое.

При кашлѣ пьютъ отваръ сухой малины.

Летучій огонь засѣкаютъ искрами огня, высѣкаемыми огнивомъ о кремень.

Въ народѣ сильно распространено во многихъ случаяхъ употребленіе камфоры, разведенной въ водкѣ.

На вереда, чирья и стрѣлянья въ ушахъ или «верчу ушей», есть тоже особые заговоры.

Когда «вертитъ уши», или когда внезапно нападаетъ глухота во время купанья въ рѣкѣ, либо окачиваясь въ банѣ, натираютъ воскъ на бумагу и изъ нея свертываютъ подобіе восковой свѣчи. Затѣмъ, зажигаютъ ее съ одного конца, а другимъ приставляютъ къ больному уху или ушамъ.

Отъ простуды ногъ употребляется говяжье сало: ноги кладутъ въ тепло и потомъ натираютъ теплымъ саломъ.

Болѣзнь—недостатокъ столькоже физическій, сколько духовный, и потому побѣждается лишь свыше.

Когда заболѣваетъ глазъ, то пекутъ маленькій хлѣбецъ и горячій прикладываютъ къ больному глазу. Это значитъ попарить. Потомъ весь хлѣбецъ отдаютъ первой попавшейся на глаза собакѣ: собака съѣстъ и глазъ перестанетъ болѣть.

Если у кого либо «заложитъ ухо», то другой человѣкъ приставляетъ къ нему свой ротъ и тянетъ въ себя. Говорятъ, что это чудесное средство.

Говорятъ, что собачій языкъ (лизанье) имѣетъ большое цѣлебное свойство: онъ затягиваетъ раны, заживляетъ накожные нарывы, прыщи, коросты, также высасываетъ дурную матерію.

Кила—это мѣстная болѣзнь въ пахахъ или грыжа подъ бородкомъ, происходящая отъ нечистоты и условій климата.

Медикаменты не употребляютъ, сколько отъ невѣжества, а столько и потому, что они дороги для бѣдняка и притомъ крестьянинъ знаетъ, что такое «снадобья» (домашняго приготовленія), а что за лѣкарства даетъ докторъ,—онъ не знаетъ и, не испытавъ на себѣ ихъ пользы, (хотя конечно легкомысленно) осуждаетъ ихъ, бра-

нитъ..... Врачамъ своя шкура дороже чужой, а мнительность, при положеніи поселянина, очень не удивительна, а потому и отзывы его должны быть простительны, какъ безсознательные.

Икота, Въ Пинежскомъ уѣздѣ всего болѣе развита болѣзнь икота. Она встрѣчается повсемѣстно, почти въ каждой деревнѣ. (Губ, Вѣд. № 23 за 1865 г.). Ею страждутъ преимущественно женщины.

Икота еще въ началѣ XVIII столѣтія обратила на себя вниманіе Правительства и Духовенства. Такъ называемыя кликуши, обвиняющія кого либо въ порчѣ ихъ, или въ причиненіи имъ золъ посредотвомъ колдовства или злыхъ духовъ, по закону подлежатъ заключенію въ смирительномъ домѣ. По этому предмету съ 1737 по 1845 годъ послѣдовало восемь указовъ Правительствующаго Сената, вошедшихъ въ Сводъ законовъ. (13 ст. XIV т., изд. 1857 г. Уст. о преступл. и проступк.).

Объ икотѣ и икотницахъ вышла въ свѣтъ обширная статья г. Евфименки. Лекарь Кенигсфельдъ помѣстилъ важную статью объ икотѣ въ медицинскомъ отношеніи (Арх. Губ. Вѣд. № 23—1865 г.). Г. Постниковъ выписалъ изъ источниковъ для книги: «Годъ на Сѣверѣ» В. Максимова судебный актъ объ икотѣ, по дѣлу, происходившему въ Пинежскомъ уѣздѣ (Арх. Губ. В. № 30—1865 г.). Въ актѣ этомъ заключаются объясненія знахаря, какъ онъ напущалъ икоту и какъ самъ пріобрѣлъ знаніе объ этомъ.

Всѣ употребленныя означенными лицами старанія довольно разъяснили свойства болѣзни икоты, такъ что намъ нечего и присовокупить. Развѣ то:

1) что истерическій припадокъ съ икотницами доходитъ въ безсознательности до такой степени, что несчастныя женщины иногда хватаются за ножъ или другое острое орудіе, чтобъ нанести себѣ ударъ.

2) что икотница во время припадка (когда икота сильная, или какъ говорятъ простолюдины: вся жена —одна икота) бываетъ такъ сильна, что не могутъ удержать ее отъ движеній двое здоровыхъ мущинъ.

3) что икотницы дѣйствительно прихотливы и неудовлетвореніе ихъ прихотей рождаетъ припадки. Онѣ отвращаются отъ иной пищи и непремѣнно желаютъ другой. Такъ, какъ я замѣчалъ, нѣкоторыя нерѣдкія любятъ пищу болѣе прокислую, но въ икотѣ отъ этого отвращаются. Я зналъ еще одну женщину, которая во множествѣ ѣла береговой песокъ.

4) что нѣкоторыхъ изъ икотныхъ раздражаетъ звукъ гармоники или гортанный свистъ.

5) что крики икоты женщины не издаютъ при видѣ начальственной особы, облеченной правительствомъ властію.

6) что если икотница хочетъ скрыть конвульсіи своего припадка, тогда задерживаетъ воздухъ зажатіемъ рта и ноздрей и достигаетъ своего старанія. Тогда припадокъ проходитъ однимъ позѣвомъ и больная засыпаетъ.

и 7) что люди другихъ уѣздовъ губерніи и даже другихъ губерній, называютъ Пинежанъ икотниками. Они опасаются ихъ, какъ колдуновъ, потому (будто бы), что напускаютъ разныя болѣзни, отъ которыхъ скоро не вылѣчиться.—

Я признаю однакожъ, что икота болѣзнь притворная, и могу прибавить только, что икотница ругается сперва медленно, потомъ все болѣе горячась; что чиная икотница помнитъ каждое изъ словъ, произнесенныхъ ею въ припадкѣ; что припадки сказывающихся больными икотою бываютъ вообще однообразны; что физіономія икотницъ предъ припадкомъ, повидимому, показываетъ внутреннее возбужденіе; но случается, что икотница на затрогиваемое ея чувство отвѣчаетъ грустной миною. Наконецъ замѣчу, что икотницы просятъ удовлетворить ихъ прихоть такъ: червя заморить, словно пьяницы, когда просятъ опохмѣлиться.

Многіе изъ крестьянъ на болѣзни вообще смотрятъ какъ на Божеское наказаніе, какъ на кару, ниспосланную высшими силами и считаютъ ихъ недоступными для человѣческаго искусства.

Крестьяне въ болѣзняхъ уповаютъ слѣпо на авось, небось, да какъ нибудь,—или на милость Божію и задаютъ себѣ обѣты пилигримствовать по святымъ мѣстамъ для поклоненія чтимымъ угодникамъ.

Но, во многихъ случаяхъ, деревенскіе жители обращаются къ знахарямъ. Кромѣ того, по суевѣрію, прибѣгаютъ къ разнымъ симпатичнымъ и магичнымъ средствамъ. Такъ напримѣръ: скелетъ водянаго воробья держатъ въ домахъ отъ болѣзней людей, а трупъ горностая—отъ болѣзней лошадей.—

О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда имѣются немногія свѣдѣнія, доставленныя священникомъ Глѣбовскимъ.

Изъ болѣзней, существующихъ въ народѣ, говоритъ онъ, извѣстны мнѣ волосси, тресся, грыжа, стрѣлы, родимецъ, сучій сучекъ и утинъ. Лѣчатся онѣ первоначально знахарями и знахарками, которые если не помогутъ больному своими словами и травами, то позволяютъ призвать фельдшера. Волосси—волосы въ ногахъ или рукахъ, входящіе въ означенныя части тогда, когда человѣкъ бродитъ въ стоячей водѣ босикомъ, напр. въ луговыхъ озерахъ, въ которыхъ лѣтомъ бродятъ лошади и оставляютъ отъ хвостовъ своихъ волосины, на слѣдующее лѣто оживающія. Чтобы вышли изъ означенныхъ членовъ живые конные волосы, больной ими человѣкъ долженъ держать болящій членъ свой въ щелоку — въ водѣ, скипяченой съ золой.... Тресся — лихорадка, какъ она лечится, не знаю. Грыжа—болѣзнь, прогрызающая дыры въ паху. Лѣчится

она травой грыжей, которой не видалъ и потому не могу дать ей настоящаго названія. Болѣзнь *стрѣлы* напускается людьми, а вылѣчивается чрезъ глаженіе больнаго въ банѣ и будтобы вытираются изъ тѣла разныя колючія вещества—иголочки, стеклышки и песокъ. Родимецъ—падучая болѣзнь, появляющаяся въ человѣкѣ отъ испуга во время сна. Свойство ея то, что больной изъ совершенно здравоумнаго въ одно мгновеніе дѣлается рѣшительно безсознательнымъ, падаетъ какъ и гдѣ не попало и трясется нѣсколько минутъ, послѣ чего засыпаетъ, проспавши минутъ 15—20, встаетъ совершенно здоровымъ. Такіе припадки у больнаго родимцемъ повторяются въ сутки 6, 10 и 15 разъ. Лечится родимецъ словами и травами; названія послѣднихъ не знаю и по народному.—Сучій сучекъ—ячмень на рѣсницѣ глаза, появляющійся отъ посмотрѣнія на *сучью свадьбу* т. е. когда за сукой гоняется стая псовъ. Лѣчатъ эту болѣзнь прикладываніемъ теплаго хлѣба, который когда простынетъ бросается собакѣ.—Утинъ—спинная болѣзнь. Лѣчится утинъ преимущественно старухами слѣдующимъ образомъ: больной спиной долженъ лечь ницъ черезъ порогъ и когда онъ такъ ляжетъ, лѣкарка—старуха кладетъ на спину его листоватикъ вѣникъ и ударяетъ по нему остріемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ по вѣнику, больной долженъ спрашивать: что сѣчешь? Утинъ сѣку, отвѣчаетъ лѣкарка. Сѣки крѣпче, говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больнаго утиномъ, долженъ быть вынесенъ имъ на улицу и брошенъ «на отмашку».

Наконецъ изъ разныхъ мѣстностей Архангельской губерніи были доставлены свѣдѣнія о томъ, какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни обыкновенно молятся въ народѣ. Вотъ общій сводъ этихъ свѣдѣній:

О прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ молитесь Пресвятей Богородицы Казанской іюля 8. О исцѣленіи болѣзни очныя святому мученику Минѣ египтянину ноября 11 дня, о томъ же святому мученику Лаврентію архидіакону, августа 10 дня, о томъ же святому мученику Логину сотнику окября 16 дня, о исцѣленіи отъ главныя болѣзни святому пророку Іоанну Предтечѣ августа 29 дня.

О исцѣленіи зубныя болѣзни священномученику Антипѣ, апрѣля 11 дня.

О исцѣленіи отъ трясовичной болѣзни преподобному Марону, февраля 14 дня, о томъ же мученицѣ Фотинѣ Самарянынѣ, марта 20 дня.

О томъ же преподобному Василію новому, марта 26 дня; о исцѣленіи грыжной болѣзни великому Артемію, октября 20 дня.

О разрѣшеніи неплодства и безчадія преподобному Роману чудотворцу, ноября 27; о томъ же преподобному Ипатію, марта 31 дня.

Освобожденія отъ труднаго рожденія женѣ просятъ у Пресвятой Богородицы Федоровской, августа 16 дня, тоже у великомученицы Екатерины, ноября 24.

Аще возненавидитъ мужъ свою жену неповинно—святымъ мученикамъ Гурію, Самону и Авиву ноября 15 д.

О сохраненіи здравія младенецъ—Пресвятой Богородицѣ Тихвинской, іюня 26 дня; о томъ же праведному Симеону Богопріимцу, февраля 3 дня.

О избавленіи младенца отъ родимца—святому мученику Никитѣ, сентября 15.

О изцѣленіи младенца отъ оспы—святому мученику Конону Саврійскому, марта 5 дня.

О просвѣщеніи разума къ ученію грамотѣ—святымъ безсребреникамъ Козмѣ и Даміану, ноября 1 дня.

О изученіи иконнаго писанія—святому апостолу Іоанну Богослову, сентября 26 дня.

О сохраненіи отъ внезапной безъ покаянія смерти священномученику Сидору, октября 19 дня; о томъ же великомученницѣ Варварѣ, декабря 4 дня—о томъ же священномученику Харлампію, февраля 10 дня; о томъ же преподобному Онуфрію великому, іюня 12 дня.

О избавленіи отъ муки умершихъ безъ покаянія преподобному Паисію великому, іюня 19 дня.

О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ человѣка и скотовъ—преподобному Нифонту декабря 23 дня, о томъ же Маруфѣ, февраля 16 дня.

О избавленіи отъ блудныя страсти—преподобному Мартиніяну, февраля 13 дня, о томъ же преподобному Іоанну многострадальному, іюля 18 дня; о томъ же преподобному Моисею Угрину, іюля 25 дня; о томъ же святой мученицѣ Фомаидѣ, апрѣля 13 дня.

О избавленіи отъ виннаго запойства—мученику Вонифатію, декабря 19; о томъ же—преподобному Моисею Мурину, августа 28 дня.

О сохраненіи отъ пожара и молніи—Пресвятой Богородицѣ—неопалимой купинѣ, сентября 4 дня; о томъ же святителю Никитѣ новгородскому, января 31 дня.

О бездождіи и о ведрѣ святому пророку Иліи, іюля 20 д.

О избавленіи отъ потопленія на водѣ, либо печали—святителю Николаю чудотворцу, декабря 6 дня.

О избавленіи скотскаго паденія, святителю Модесту—декабря 18 дня; о томъ же священномученику Власію февраля 3 дня.

О избавленіи падежа конскаго—мученикамъ Фролу и Лавру, августа 18.

О сохраненіи скота отъ съѣденія звѣрей—святому великомученику Егорью, апрѣля 23 дня.

О обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ—мученику Ѳеодору Тирону, февраля 17 дня; о томъ же—мученику Іоанну Воину, іюля 30 дня.

О сохраненіи отъ злаго чарованія—священномученику Кипріяну и мученицѣ Устиніи, октября 2 дня.

ГЛАВА IX.

РАСКОЛЪ СРЕДИ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Свѣдѣнія, сообщенныя П. А. Ивановымъ, о раскольникахъ Пинежскаго уѣзда: причины успѣховъ раскола, мѣста его наибольшаго распространенія, число въ 1841—1865 годахъ, ихъ книги, иконы, перстосложеніе, обряды во время молитвословія, богослуженіе, пѣніе, посты, заѣзжіе лжепастыри, отходъ въ расколъ, браки, погребеніе, отношеніе къ православнымъ, брадобритіе, пища и питье, табакъ, посуда, стряпня, одежда, занятія, ожиданіе антихриста и скончанія міра.— Свѣдѣнія, доставленныя священникомъ Вахрамѣевымъ, о раскольникахъ Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда: число ихъ, совлеченіе православныхъ въ расколъ, отношеніе къ православной церкви.—Слободскій раскольническій скитъ.—Расколъ въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ г. Шешенина —Свѣдѣнія о раскольникахъ въ Лисестровскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, сообщенныя свящ. Ѳедоровымъ.— Свѣдѣнія свящ. Макарова о раскольникахъ въ Тулгасскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда.

Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ этой главѣ, касаются той части русскаго населенія Архангельской губерніи, которая, не отличаясь отъ массы въ племенномъ (этнологическомъ) отношеніи, отдѣляется отъ нея религіозными особенностями, повліявшими и на самый ея бытъ. Въ своей жизни раскольникъ во многомъ чуждается православнаго, и потому настоящая глава является необходимымъ дополненіемъ къ предшествовавшимъ. По обычаю и здѣсь начинаемъ съ Пинежскаго уѣзда.

Расколъ развился въ Пинежскомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Архангельской губерніи, несмотря на то, что историческихъ причинъ къ тому доискаться трудно. Къ расколу расположены почти всѣ жители Пинежскаго уѣзда. Одни открыто принадлежатъ къ нему, другіе находятся только подъ сильнымъ вліяніемъ раскола, третьи живутъ убѣжденіями раскольниковъ, а четвертые— пребываютъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ послѣдователямъ раскола. Расколомъ заражаются люди обрего пола и не только изъ крестьянъ, но и изъ мѣщанъ, купцевъ и чиновниковъ, предавшихся въ отставкѣ размышленіямъ *о суетѣ міра сего*. При постоянномъ рвеніи къ внушеніямъ и толкованіямъ со стороны устарѣлыхъ людей и вслѣдствіе вліянія зажиточныхъ людей, отстаивающихъ прежнія охранительныя начала, не удивительно, что жители поддались вліянію проповѣдниковъ издавна, такъ сказать, зачерствѣли въ содержаніи старообрядческаго ученія, распространяя расколъ не только въ своихъ семействахъ, но и между посторонними, идущими по примѣру предковъ. Затѣмъ пропаганда, пагубное дѣло въ духовномъ отношеніи, насадила цвѣты на хорошей почвѣ, разрослась и окрѣпла. Отдаленность жилищъ отъ храмовъ Божіихъ, рѣдкое посѣщеніе даже донынѣ церковныхъ богослуженій и слѣдовательно малыя христіанскія понятія были причинами и благопріятствовали введенію раскольническихъ заблужденій на слабой почвѣ, находившейся въ зависимости отъ силы.

Въ ближнихъ отъ города деревняхъ, кажется, какъ будто нѣтъ раскола; за 175 же верстъ отъ города Пинеги вверхъ поражаетъ картина приверженности жителей къ расколо-ученію, и отъ Верхольскаго монастыря до самой границы уѣзда подошло народонаселеніе, насквозь проникнутое жалкимъ духомъ старообрядства.

Раскольниковъ прежде было и теперь находится болѣе всего изъ жителей церковныхъ приходовъ: Сояльскаго, Вонгскаго, Валдоскурскаго, Перемскаго, Ивардоменскаго, Неюхченскаго и еще того болѣе—Лавельскаго, Веркольскаго и Сурскаго.

Скитовъ, раскольническихъ молеленъ и раскольническихъ вожаковъ въ здѣшней мѣстности нѣтъ. Однако-жъ въ 1865 году становой приставъ открылъ молельну въ деревнѣ Заозерской, въ домѣ крестьянина Небритова. Говорятъ, что здѣсь были прежде скиты и молельни, но разрушены, а раскольники разогнаны преслѣдовавшими ихъ властями. Не имѣя притоновъ для общинъ, къ которымъ такъ склонна братія-раскольники, они отправляются въ скиты Архангельскаго уѣзда: Бѣлозерскій и Ануфріевскій. На содержаніе скитниковъ, туземные жители даютъ вспомоществованія, а скитники сверхъ того посылаютъ своихъ членовъ объѣзжать за подаяніями.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, число раскольниковъ въ Пинежскомъ уѣздѣ было въ 1841 г. 1347 *); въ 1851 году: пріемлющихъ священство 35 мужскаго, 70 женскаго, и безпоповщинской секты 306 мужчинъ, 271 ж. =794 **), въ 1852 г. 325—432=757 ***), въ 1853 году: терпимыхъ сектъ 793 *), въ 1863 году: 157—245=452 ***) въ 1865 г. 173—301=474 *).—Разумѣется мы не завѣряемъ этихъ свѣдѣній, но беремъ только для приблизительныхъ статистическихъ данныхъ. Невѣрность цифръ сама собой показываетъ, что писалось не всегда вѣрно. Однако-жъ и изъ того уже можно заключить, что расколъ преобладаетъ надъ женщинами, воображеніе которыхъ беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

Здѣсь раскольники (по всѣмъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ)—*принадлежатъ къ сектѣ безпоповщины, Филипповскаго согласія* (толка), по ученію котораго не принимаются священники и всѣ совершаемыя ими таинства, кромѣ крещенія и брака.

Къ православнымъ священникамъ раскольники на *духъ не ходятъ*, къ себѣ ихъ не принимаютъ и вообще питаютъ неуваженіе къ духовенству.

Чтобы раскольники не сознавали пользы отъ грамотности, нельзя сказать. Они очень старательно обучаютъ другъ друга, между собою, или въ какомъ либо скиту, читать печатному и письменному, на славянскомъ (церковномъ) языкѣ. И потому, чуть не всѣ раскольники умѣютъ читать церковныя книги; пишутъ же они своеобразно-искусно, на манеръ печатно-книжнаго шрифта. У нихъ, въ бумагахъ, письмахъ и вообще всякихъ письменахъ, почти всегда въ началѣ и концѣ бываютъ написаны молитвы, напримѣръ: 1) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь. Любезному моему благопріятелю N N, первымъ долгомъ считаю пожелать тѣлеснаго здравія, душевнаго спасенія, благоноспѣшенія, благоденствія, земныхъ и небесныхъ благъ, всякаго благополучія, нижайше кланяюсь и молюсь о здравіи вашемъ и сродниковъ вашихъ... Доброжелатель N N». 2) «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, Аминь. Сожительницѣ моей N N, желаю добраго здравія, душевнаго спасенія и прочее. Теперь живъ и здоровъ, а впредь уповаю на Бога и на святыя ваши молитвы. N N».

И говорятъ раскольники болѣе серьезно и книжнымъ слогомъ. Разговоръ ихъ сходитъ болѣе на тему о смерти и душевномъ спасеніи. Въ частности же раскольники не словоохотливы.

Изъ книгъ у раскольниковъ чаще обрѣтаются: святцы, часовники (часословы великіе и малые), псалтыри простыя, требники, каноники, шафистники, молитвословы, четьи-минеи, минеи общія, служебныя и праздничныя, цвѣтники, обиходы, евангелія, прологи, кормчая книга, уставы, апостолы, ирмосы пѣвчіе, ирмосы старинные, житія и чудеса святыхъ отецъ: Ефрема Сирина, Николая Чудотворца, Изосимы (Зосимы) и Савватія Соловецкихъ, также сунодикъ, тріодь постная, тріодь цвѣтная. Кромѣ того держатся сочиненія о житіи и страданіи раскольническихъ вожаковъ: Аввакума, Лазаря, Никифора, Епифанія, Трифилія и Перфилія, которые раскольниками причислены къ лику святыхъ *), а также о ереси (отступничествѣ отъ раскола, напримѣръ: «о Никонѣ зломъ патріархѣ и его сподвижникахъ), Стоглавникъ и прочія книги, которыя раскольники держатъ при себѣ и называютъ богодухновенными книгами.—Какъ святыня хранятся книги церковныя старинныя, писанныя (будто бы только, хотя попадаются фальшивыя) до Никона. И потому съ благоговѣніемъ чтутся книги по заглавію съ индиктомъ «въ благополучное царствованіе Благовѣрнаго Государя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича Всея Великія и Малыя Россіи». За такой антикъ платятъ отъ 10-ти до 100 рублей.—Кто не имѣетъ книгъ настоящихъ, (т. е. дѣйствительно писанныхъ до исправленій Никона), тотъ имѣетъ древніе списки съ нихъ. Я самъ тому бывалъ свидѣтелемъ, какъ эти отпадшіе отъ единой церкви, промышляютъ чрезъ своихъ комиссіонеровъ, не продаются ли гдѣ старинныя книги или иконы. И всѣ старанія употребляютъ для того только, чтобы святыни сіи не попали въ нечестивыя руки и не были поруганы непрѣвовѣрующими, по тому увѣренію, что они будутъ отвѣчать за небреженіе на страшномъ судѣ. Другія же, пользуясь расположеніемъ прочихъ, подъ видомъ усердія, ведутъ въ такихъ случаяхъ отличныя спекуляціи; корыстолюбіе же особенно свойственно раскольникамъ. И это ничего, не грѣхъ!

Читать «книги Никоновскаго исправленія», составляетъ для раскольника великій грѣхъ.

Иконъ на божницахъ въ домахъ раскольниковъ бываетъ болѣе, чѣмъ у православныхъ, и украшаются онѣ лучше.—Иконы деревянныя, преимущественно, старинной лико-живописи. Раскольники говорятъ, что иконы новаго Суздальскаго письма черезъ-чуръ нарядны, соблазнительны и написаны табачниками. Изъ любимыхъ иконъ стараго письма, раскольники избираютъ себѣ въ покровители тѣ, которыя отличаются рѣзкимъ очертаніемъ или суровымъ и грознымъ выраженіемъ изображаемыхъ святыхъ лицъ. За мнимо-древніе образа, безъ щепотей и съ словомъ Іисусъ Христосъ (вмѣсто Іисусъ Христосъ), платятъ также баснословно дорого, какъ и за старыя книги. Кромѣ

*) По свидѣтельству Окружнаго Управленія.
**) Губ. Вѣдом. 1854 г. № 3.
***) Памятной книги 1864 года.

*) Я имѣлъ случай видѣть тропарь имъ и молитвоприношеніе простое, списанное на бумагѣ

деревянныхъ иконъ, У раскольниковъ бываютъ и литыя мѣдныя иконы, называемыя створцами, которыя по большей части изображаютъ скаймленные образы годовыхъ великихъ Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ, но бываютъ и отдѣльные, изображающіе одинъ или нѣсколько главныхъ праздниковъ; распятіе изображающее Іисуса Христа по срединѣ, а по сторонамъ Богородицу и Іоанна Крестителя. Воздвизательные же и осѣнятельные кресты обыкновенно мѣдные. Православный осьмиконечный крестъ именуютъ «Честнымъ крестомъ»; крестъ же католическій, четвероконечный—«латинскимъ крыжемъ». Ѳеопластика, то есть изображеніе Божества, или представленіе Бога на картинахъ, не принято раскольниками, и они тѣмъ похваляются говоря, что картины, въ строгомъ смыслѣ, искажаютъ лико-писаніе. Однако-жь, нерѣдко можно увидѣть и у раскольниковъ картины «страшнаго суда», «рая», легендарной «райской птицы», сирены и прочихъ.

Кромѣ крестовъ мѣдныхъ и створцевъ, въ домахъ старовѣровъ можно видѣть: деревянныя распятія (рѣдко), образа: Вседержителя, Воскресенія Господня, Сошествія Спасителя во адъ по Воскресеніи, Богоявленія Господня, Спасителя, Нерукотворенный образъ Спаса, Богоматери, Пресвятой Богородицы по чуднымъ явленіямъ иконъ ея: Владимірской, Иверской, Казанской, Смоленской, Тихвинской, Архистратига Михаила, Николая Чудотворца, Великомученика Георгія, Зосимы и Савватія, Іоанна Предтечи и другихъ; бываютъ и Ангела-хранителя, по именамъ, носимымъ хозяевами. Но иконы Митрофанія Воронежскаго Чудотворца нѣтъ у раскольниковъ...

Иконы большею частію раскольниками держатся въ кіотахъ за стеклами, чтобы отъ поклоненія имъ православныхъ они не лишились благости Божіей, если бы не были за стеклами. Равно, и книги мало держатся на виду, они хранятся въ крѣпкихъ сундукахъ за замкомъ.

У иконъ вѣшаются мѣдныя или стеклянныя лампадки, втыкаются кадильницы, висятъ лѣстовки-четки, сшитыя изъ черной кожи и становятся восковыя свѣчи. Свѣчи къ иконамъ ставятъ купленныя у частныхъ лицъ, потворствующихъ расколу, или просто заботящихся о своей выгодѣ. Свѣчь же церковныхъ они никогда не зажигаютъ у себя, и почитаютъ ихъ нечистыми. Также не стоятъ на божницахъ въ ихъ домахъ ни вербы, ни просфоры.

Раскольники ограждаютъ себя большимъ истовымъ крестомъ, почитая его старинным (дониконовскимъ) изображеніемъ креста, на которомъ распятъ Спаситель міра. Въ изображеніе знаменія креста, персты сжимаются двойнымъ сложеніемъ (можно видѣть по иконамъ). Крестъ же въ троеперстномъ сложеніи, признаваемый православною церковью, называютъ «щепотью», съ ироническимъ прибавленіемъ, что щепотью нюхаютъ табакъ, и щепотью же молятся Богу. Вотъ какъ они говорятъ диктаторскимъ тономъ: «а кто щепотью знаменуетъ лицо свое, той отвержется Христа Іисуса и предастся сатанѣ, занеже та есть антихристова печать».

Молитвословіе старообрядцы приносятъ пособь отъ мірскихъ. И потому комната (изба), ради богослуженія раскольниковъ, раздѣляется на двѣ половины завѣсою или деревянною перегородкою. Для богомолья избираютъ даже чердаки, чтобы не было въ то время никого изъ постороннихъ. Они придерживаются пословицы: «что люди не видятъ—то Богу въ честь»...

Прежде всякихъ разговоровъ, по входѣ въ жилище, старообрядецъ снимаетъ шапку и моетъ руки;—молитва, приносимая не совершенно чистыми руками, по ихъ мнѣнію, не чиста. Затѣмъ, беретъ въ лѣвую руку лѣстовку и обращается къ молитвѣ предъ иконами, крещеніемъ правой руки съ земнымъ поклономъ, который кладется въ *подручникъ* (небольшой коврикъ или мягкая подстилка, иной разъ какъ бы подушка, подосланная на полъ предъ собою, на которую преклоняетъ колѣна, опирается руками и прикасается головою молящійся), и даже въ *коробейку* (лубочный ящикъ, который обыкновенно стоитъ вблизи подъ иконами, наполненный священными книгами). Но когда уставомъ не положено земныхъ поклоновъ, тогда старообрядецъ склоняетъ голову на подручникъ, положенный уже на коробейку,—а не на полъ. Если же придется молиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни подручника, ни коробейки, съ земными поклонами преклоняются на подолѣ своего платья, или же подручникъ замѣняютъ рукавицы молельщика.

Вмѣсто аналоя предъ иконами, у раскольниковъ употребителенъ небольшой столикъ.

Во время молитвы, старовѣры всегда стоятъ чинно; при томъ нога возлѣ ноги, которыя бываютъ ровно прижатыя одна къ другой.

Во время бдѣнія также не допускается никогда не только шуму, но и разговоровъ. Если же бываетъ что либо необходимо нужно сдѣлать или сказать, то раскольникъ, оставляя на время молитву, отходитъ отъ иконъ, дѣлаетъ что нужно, и потомъ опять приходитъ для продолженія пріостановленнаго моленія.

Какъ дѣлается знаменіе, уже извѣстно изъ прежде-сказаннаго. Осѣненіе же крестомъ такъ: сперва *персты* полагаютъ на лобъ, возлѣ самаго пробора волосъ, на пупъ и потомъ первоначально на правое, а далѣе—на лѣвое плечо; при томъ какъ можно дальше затягиваютъ правую руку. Осѣненіе дѣлается не круто, какъ многіе изъ христіанъ дѣлаютъ, а тихо, съ разстановкою на каждомъ изъ четырехъ мѣстъ каждаго положенія креста. Когда же молитва творится про себя (мысленно), руки слагаются на груди: лѣвая подъ низъ, а правая наверхъ. Послѣ этого обряда и бываетъ колѣнопреклоненіе съ опущеніемъ рукъ на *землю*.

Во время молитвы у старообрядцевъ соблюдается правило—обращаться другъ къ другу и падать взаимно въ ноги, съ произношеніемъ словъ: прости Христа-ради меня грѣшнаго,—грѣшную;—Богъ тебя проститъ. Затѣмъ опять молятся.

Богослуженіе (невседневное) при собраніи въ воскресные и праздничные дни нѣсколькихъ старообрядцевъ бываетъ въ домахъ, гдѣ болѣе иконъ и книгъ *).

Особенно долго продолжающееся моленіе у раскольниковъ происходитъ съ кануна—дня передъ мяснымъ заговѣньемъ къ Великому посту.

Богослуженіе у раскольниковъ совершается не въ одно время съ православною церковію, а всегда ранѣе, будто бы по *небесному* и потому, что «молитва въ одно время съ мірскими непріятна Богу». У нихъ даже твердо убѣжденіе, что на томъ (въ будущемъ) *свѣтѣ* они будутъ по правую, а *козлища* (мы, православные)—ошую (лѣвую руку).

Въ богослуженіи у нихъ полагается признавать правильнымъ семь просфоръ, вмѣсто пяти, какъ установлено священными обрядами православной церкви.

Аллилуія у раскольниковъ повторяется только дважды, а не троекратно. Въ протестѣ ихъ на этотъ счетъ было сказано: «*не трегубите аллилуія. сія нѣтъ православныхъ преданія, но латынская вѣра;—не славятъ бо Троицу, но четверятъ*». Вмѣсто «Господи помилуй», въ молитвѣ произносятъ «О, Господи помилуй»... Есть и другія несогласія въ формулахъ; но пускаться въ объясненія по этому предмету, значитъ коснуться богословія, что намъ неудобно...

Хожденіе у раскольниковъ *посолонь;* православное же хожденіе противъ солнца признается ими ересью. Такъ: когда молятся предъ иконами и обращаются къ другимъ кланяться то поворачиваются съ лѣва на право, также отмолившись, поворотъ дѣлаютъ по *солнцу*, а не на лѣвый бокъ.

Старовѣры очень сердятся, если названіе дневнаго свѣтила небеснаго произносится солнце, а не по ихнему—*солнице* (напр. въ Рождественской пѣснѣ: тебѣ кланяемся солнцу, а не солницу праведному).

У раскольниковъ новогодіе считается не по Юліанскому лѣтосчисленію, то есть начинается Новый годъ не съ 1-го числа января мѣсяца, а по какой-то старой эрѣ, съ дня Семена-Столпника, то есть съ 1 числа сентября мѣсяца.

Пѣніе во время Богослуженія собравшихся старовѣровъ происходитъ внутри избраннаго зданія; но неявное—а тихое, протяжное, унывное, носовое, непріятное для слуха. Для большей способности къ строю такого страннаго пѣнія многіе натягиваютъ на носы старинныя очки съ огромными стеклянными кругами, не исключая и женщинъ-старухъ, которыя поютъ по книгамъ. Разумѣется, которые не умѣютъ читать, тѣ безъ очковъ.

Постъ раскольниками соблюдается строже, воздержанія отъ излишествъ «тѣлесной плоти» у нихъ болѣе, чѣмъ у православныхъ и чаянно они ничѣмъ не нарушаютъ этой заповѣди; соблюдая же по такимъ правиламъ, (непонятнымъ для нихъ вполнѣ), нѣкоторую часть гигіены, раскольники доживаютъ до глубокой старости... Когда раскольникъ начинаетъ поститься, то предварительно побываетъ у всѣхъ своихъ единовѣрцевъ для прощенія во грѣхахъ.

Хотя и считаютъ всѣхъ здѣшнихъ раскольниковъ, принадлежащими къ терпимой безпоповщинской сектѣ, но мнѣ удалось самому видѣть, что въ здѣшній уѣздъ пріѣзжаютъ изъ Олонецкой и Вологодской губерній коноводы сектаторовъ, заѣзжіе ихъ попы, извѣстные у нихъ подъ словомъ *большаки*. Эти исправляютъ требы, собираютъ отъ раскольниковъ приношенія и переходятъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Раскольники всячески стараются скрыть присутствіе ихъ у себя и избѣгаютъ вообще полицейскаго надзора, а потому не удивительно, что ни духовенство, ни мѣстныя власти не доносятъ о расколоучителяхъ и причинахъ распространенія раскола.... Лже-пастыри эти одѣваются одинаково съ мірянами, оказываютъ гдѣ нужно подобострастіе и умѣютъ быть знахарями (лѣкарями). Архи-мошенники эти, своими тремя ремеслами, отлично наживаются насчетъ своихъ адептовъ: они много увозятъ восвояси хлѣба и денегъ, и тамъ живутъ припѣваючи...

Кромѣ такихъ таинственныхъ пастырей, здѣшніе сектанты имѣютъ изъ своей братіи уставниковъ. Уставникъ исправляетъ первые обряды до прибытія попа. Всѣ уставники пользуются патріархальнымъ уваженіемъ, потому что они бываютъ старожилы, начитанные грамотники, имѣющіе у себя много старовѣрскихъ книгъ и иконъ, и ведущіе очень строгую жизнь.

Раскольники учатъ, что причастившійся Тѣла и Крови Христовой не долженъ плевать слюны 40 дней, а предъ совершеніемъ Святыхъ Таинъ, по крайней мѣрѣ, сутки не ѣсть и не пить ничего, особливо съ отпущенія грѣховъ.

Раскольники здѣшніе на молитвахъ молятся за спасеніе Государя; но у нихъ онъ титулуется не Императоромъ, а Царемъ.

Отходъ въ расколъ бываетъ наиболѣе съ 50 лѣтъ, то есть послѣ «мірскихъ похожденій». Малолѣтніе, къ счастію, остаются не тронутыми ересью, до достиженія

*) Разумѣется у богатаго раскольника или раскольницы, начетника,—начетницы. Владѣтель такого драгоцѣннаго достоянія раскольниковъ чтится у нихъ правовѣрующимъ и правоправящимъ

мапушку; но пробора на волосахъ не дѣлаютъ.—Кто носитъ волосы на головѣ съ косымъ проборомъ, тотъ, во мнѣніи раскольниковъ, «*маймистъ*» *) жалкій грѣшникъ, а кто въ добавокъ носитъ длинные волосы, на его счетъ прибавляютъ названіе «маркитантъ».

Брадобритіе — грѣховное дѣло **). Брадобривецъ, по ихнему, «богоотступникъ», «арианинъ ***) отпавшій отъ чадъ Божіихъ» — «священныя правила православнымъ христіаномъ всѣмъ возбраняютъ не брити честныхъ брадъ и усовъ не постригати; таковая нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія». Раскольники въ стриженіи брады и усовъ еще видятъ искаженіе образа Божія въ человѣкѣ... Отъ того-то раскольники побаиваются рекрутской повинности. Въ этомъ случаѣ они дружно выкупаютъ погибающаго своего собрата, попадающагося въ руки «усо-брадо-власо-брейцевъ» и которому не можетъ быть свободно исповѣданіе вѣроученія среди православныхъ.

Вообще, раскольники не жалѣютъ ни слезъ, ни денегъ, почти рѣшительно ничего, если дѣло идетъ по ихъ дудкѣ. Но и надо сказать, что раскольники живутъ почти всѣ богаче и зажиточнѣе мірянъ. У нихъ можно найти хорошее гостепріимство, странноприимство, наслушаться разныхъ *словесовъ*. Но и въ жизни своей наврядъ ли не пуще всего стараются, какъ бы только побольше нажить денегъ и имущества, хотя бы «неправымъ путемъ».

Отъ лѣкарствъ многіе изъ раскольниковъ отвращаются и считаютъ ихъ антихристовымъ ядомъ.

Картофеля многіе раскольники не употребляютъ въ пятницу, ибо ими найдено, что «овощь сія стоитъ въ святомъ писаніи на одной строкѣ съ табакомъ». Картофель они называютъ «чертовыми яйцами».

Чай и кофе, тоже не въ употребленіи между раскольниками потому, что «чай—заморское зеліе, замариваемое змѣинымъ саломъ» и потому, что «чай проклятъ на 7-ми Вселенскихъ Соборѣхъ, а кофей—на 12 Соборѣхъ». Вмѣсто чая, раскольники пьютъ съ медомъ отваръ изъ «Богородичной-травки». Между тѣмъ, скорѣе у раскольниковъ, чѣмъ у православныхъ можно найдти самоваръ или кофейникъ...

Сахаръ нѣкоторые изъ нихъ не употребляютъ потому, что въ составѣ его есть часть мясныхъ костей; а какъ жизнь они ведутъ подобно монахамъ, то и «не подобаетъ имъ вкушати сего лакомства»....

---

*) Въ переводномъ значеніи слова—маймистъ: Финнъ, Чухонецъ, долговолосый.

**) Въ иностранномъ произношеніи брадобритіе — поганотомія.

***) Арианинъ римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Много есть раскольниковъ, пристрастныхъ къ «любовному напитку» (водкѣ). Если гдѣ приходится выпить «зелена вина», у нихъ въ карманахъ имѣются запасные шкальчики; вообще-же, раскольники, даже во время поголовнаго пьянства, пьютъ изъ своей рюмки. Но разумѣется, это соблюдается до извѣстнаго градуса опьяненія, когда уже пьютъ наравнѣ съ мірскими и изъ одной посуды съ ними.....

Оміряться въ безсознаніи своего проступка не считается большимъ грѣхомъ, ибо «содѣлалъ согрѣшилъ-бо пьяный, самъ не свой»..... У нихъ «постъ и молитва очищаютъ все».... Пить много хотя и считается у раскольниковъ за «душепагубное», немалымъ грѣхомъ; но раскольники зачастую напиваются пьянѣе православнаго. Пьяный-же раскольникъ имѣетъ охоту пѣть, спорить, либо драться... Тутъ уже беретъ верхъ природа, а не привычки секты.—Та только особенность у раскольниковъ, что они не «опохмѣляются».

Табакъ рѣшительно не терпимъ у раскольниковъ. Гнушаются имъ потому, что табакъ «есть богомерзкое, бѣсовское зелье, проклятое святыми отцами». Протѣхъ, кто куритъ или нюхаетъ табакъ, у нихъ есть поговорка, обратившаяся въ аксіому: «табачники—аду прикащики». Исторію рожденія табака всѣ раскольники разсказываютъ въ родѣ слѣдующаго очерка. Въ первое время человѣчества дѣвка двѣнадцати лѣтъ сотворила грѣховный блудъ, чрезъ что родилась у ней дочь; дочь эта тоже сдѣлала блудодѣяніе двѣнадцати лѣтъ и принесла дочь; опять и сія дѣвка тоже не побоялась — попустилась въ грѣхъ и сродила дочь-же. Вотъ, какъ эта то сблудовала двѣнадцати лѣтъ, отъ испражненія ея на землѣ разцвѣлъ цвѣтъ, «веліе поганый»...

Инструментальная музыка, говорятъ раскольники, есть «дьявольское потѣшеніе», а всѣ театральныя представленія ни что иное какъ «бѣсовскія навожденія», отъ того что «ахтеры знаются (будто-бы) съ дьяволами»; маски-же—«дьявольскія личины и хари» (превращенія образа Божія въ образину дьявола). Телескопы, пароходы, телеграфъ и тому подобное, таже «хитрая выдумка дьявола». Такъ обо всемъ отзываются раскольники, кажущіеся святошами.

По духу нетерпимости, Великоруссъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ, нежели Южно-руссъ. Такъ и раскольники здѣшніе, мрачные и грубые по характеру, непоколебимо упрямы въ своемъ. Воспитанные съ сосцевъ матери въ духѣ консерватизма и ненависти ко всему новому въ свѣтѣ, раскольники не ослабѣваютъ въ своихъ вѣрованіяхъ и понынѣ держатся погрѣшимостей и заблужденій изъ одной привязанности къ старинѣ, и отъ души презираютъ тѣхъ, кто не держитъ завѣтнаго самаго пустаго обычая. Однакожъ есть и исключенія, какъ и вездѣ во всемъ. Изъ рас-

кольниковъ не мало и такихъ, которые не могутъ дать себѣ даже отчета, изъ-зачего они раскольничаютъ и поступаютъ въ расколъ, (кромѣ случаевъ, приведенныхъ ранѣе) только потому, что де вѣра старообрядцевъ «старая-правая» (или истинная) и исполняется уважительнѣе,—не такъ какъ православными.

У отъявленныхъ раскольниковъ употребляется посуда больше деревянная и изъ красной горшечной глины, ибо они пренебрегаютъ другою. Посуда обмывается только снаружи по очистительной силѣ воды отъ «скверности,» съ внутри же она обмывается только въ такихъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ ней была такая пища, которая можетъ присохнуть къ чашкѣ или блюду. Въ этомъ отношеніи раскольники негодные невѣжды.—На деревянныхъ ложкахъ иногда надписываются молитвы..... Прикасаться православному губами къ посудѣ раскольниковъ нельзя; а иначе-значитъ «осквернение» и посуда или неупотребляется послѣ, или обмывается какъ можно чище разными способами.—Изъ опасенія «опоганенія», раскольники не держатъ кошекъ и собакъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ жилищахъ, какъ «погань». Вся та посуда, до которой лишь только дотронется кошка или собака—или разбивается, или выкидывается какъ негодная къ дальнѣйшему употребленію.*

Состряпанное, или что-либо сдѣланное руками послѣдователей антихриста (православными), покупаемое христіанами (раскольниками), берется и употребляется безпрепятственно, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, и оно очищается куплею» (то есть мздоимствомъ антихриста,) и устною «Іисусовою молитвой» благочестивыхъ старовѣрцевъ.

Извѣстно, что раскольники пьютъ и ѣдятъ особо отъ мірскихъ и изъ особой посуды; нѣкоторые православные изъ крестьянъ такъ деликатны къ раскольникамъ, что запасаютъ особую посуду (не мірскую) на случай, если бы привелось угощать раскольниковъ, которую и не употребляютъ для себя. Но еще раскольники, какъ молятся тайно, такъ и питаются безъ присутвія посторонних людей, почему и говорятъ: «Богъ напиталъ, — а никто не видалъ!»... Православные ѣдятъ, какъ извѣстно, три и четыре раза въ день; а раскольники только — дважды. При этомъ люди «по вѣрѣ» пищу употребляютъ болѣе суровую (хотя можетъ быть ѣдятъ болѣе количествомъ питательности) и вообще избѣгаютъ «сластолюбія» (но не сладострастія только)....

Нѣкоторые изъ раскольниковъ не моются въ одной банѣ съ православными, вѣроятно отъ болѣзни прилипчивости «мірскаго» и «осквернения».

[redacted]

Странно, почему раскольники носятъ [redacted] козырьковъ? Также странно, что шапки [redacted] снимаютъ для отданія чести предъ большими [redacted] облеченными властію.

Изъ презрѣнія-ли, страха-ли къ нарядамъ и украшеніямъ (мидокостіи), или изъ ненависти къ иноземному, старовѣры на счетъ новомоднаго и для поддержанія стариннаго выдумали преградою наказаніе Божіе, что «несчастія стали посѣщать болѣе, какъ стали заводиться въ простомъ народѣ заморски заведенья, заморски сюртуки, модные картузы, на высокихъ каблукахъ сапоги, да красно-платенное»... Впрочемъ, многіе въ преобразованіи одежды видятъ «иноземныя измѣны и нѣмецкій обычай—путь нечестія».

Кто застегиваетъ нижнее и верхнее платье лѣвою полою или стороною на верхъ правой или на правую, тотъ, какъ они полагаютъ, лишенъ благости Божіей....

У раскольниковъ есть обычай, или подраженіе «скитничкамъ,»—дарить «добрыхъ начальниковъ» и особенно слугъ ихъ поясками и сѣточками, вѣроятно, съ вытканными или вывязанными молитвами....

Занимаются раскольники тѣмъ-же, чѣмъ занимаются православные; но упервыхъ болѣе духа промышленности и предпріимчивости. А какъ они живутъ зажиточнѣе православныхъ, то въ рукахъ ихъ забрана вся торговля. Торгуютъ они и тѣмъ, что осуждаютъ правила ихъ; но хорошій барышъ въ виду склоняетъ на давно замѣченное въ Пинежскомъ народѣ корыстолюбіе *). странно-же: съ одной стороны раскольники ждутъ скораго «скончанія міра,» а съ другой—не упускаютъ выгоды настоящей жизни!

Вообще, раскольники всячески стараются имѣть большой вѣсъ въ обществѣ примѣрною жизнію, (смиреніемъ и скромностью) строгими правилами, ложною философіей и мудростію, ссудою денегъ и хлѣба и вообще всѣмъ тѣмъ, что по ихъ расчету можетъ служить къ

*) Отзывъ А. Пошмана въ его описаніи Арх. губер.

исполненію слова Евангелія: «просящему дай, нагаго обуй, больнаго посѣти» и т. д. и въ чему не такъ усердствуетъ православный; но въ тоже время раскольники не любятъ служить на пользу общества въ службѣ по выборамъ и вообще въ государственныхъ интересахъ общества. И къ счастію ихъ и общества, состояніе въ расколѣ освобождаетъ раскольниковъ отъ присяги и служебныхъ правъ по выборамъ, которыми такъ дорожатъ люди образованные....

Имѣя постоянное вліяніе на народъ и всегдашнее расположеніе его къ себѣ, ловкіе вожаки раскольниковъ и дѣйствительно не стараюся убѣждать другихъ въ правотѣ своихъ дѣйствій. При этихъ средствахъ раскольники имѣютъ еще ловкость изрѣдка похаживать къ тебѣ, дѣлая видъ, что посѣщенія тѣ дѣлаются съ цѣлію благотворительности, а между тѣмъ толкуютъ «о томъ, о семъ и прочемъ», читаютъ въ праздничные дни священныя книги «въ потѣ лица Твоего Господи», воскуриваютъ ѳиміамъ (лесть), стараются какъ бы такъ поскорѣе покончить..... и въ концѣ концовъ постараются-же сбить тебя съ толку—и дѣлаютъ тебя своимъ единомышленникомъ..... За тѣмъ и польется у старцевъ медовыя рѣчи объ антихристѣ, съ приложеніемъ на дѣйствительную жизнь человѣка.

По преданію старообрядцевъ, «въ нынѣшнюю восьмую тысячу (годовъ) народился антихристъ:—духъ богомерскаго отступленія отъ истинной вѣры», что теперь уже многое стало антихристово: начальство «неблагочестиво», устройство «по дьявольскому наущенью», книгопечатаніе, кокарды, печати на паспортахъ, лѣнарства, орлы на монетахъ, гербы на бумагѣ,—все—«ядъ и печать антихриста»; что дать присягу—значитъ «присягнуть антихристу», что записываніе въ списокъ, въ ревизскую сказку, въ показаніе—«подпаденіе подъ власть антихриста», а подписаться «подпись подъ антихристову печать»; что «во всѣхъ (по нашему мнимыхъ) отступникахъ отъ старой вѣры воцарился антихристъ»; что теперь антихристъ занабалилъ много душъ и наложилъ на нихъ подушный окладъ; что «Папа Римскій—предтеча антихриста»....

Это явленіе не удивительно въ наше время. Еще тысячу лѣтъ спустя отъ Рождества Христова, «на которыя связанъ былъ сатана», страшная мысль объ антихристѣ перепугала всю Европу!...

Раскольники очень исполнены мыслями о душеспасеніи и о загробной жизни и лелѣютъ мысль, что «второе пришествіе Господне» будетъ тогда, когда «Сійскія пески» *) обратятся въ кровь и потекутъ рѣками, что подкрѣпляютъ тѣмъ, будто одинъ изъ трехъ китовъ, на которыхъ держится земля, уже умеръ; что въ послѣднее время «скончанія вѣка» на землѣ явится всякаго рода зло и будетъ увеличиваться до «свѣта-преставленія къ всемірному страшному суду Божію» (воскресенію), «сему бо царству расширитися, а злодѣйству умножитися. Охъ, увы!».....

Переходимъ къ свѣдѣніямъ о раскольникахъ, живущихъ въ Кѣхотскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, доставленнымъ священникомъ Вахрамѣевымъ.

Между жителями Кѣхотскаго прихода, по духовной росписи, значится раскольниковъ мужескаго 7-мь, женскаго 44 человѣка и вновь отпадшихъ, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ и не бывшихъ подъ судомъ за отпаденіе отъ православныя вѣры, мужескаго 7-мь, женскаго 40 человѣкъ. Всѣ раскольники безпоповщинскаго толка Ѳедосѣевской секты. У нихъ, какъ и у другихъ безпоповщинскихъ сектъ, только два таинства: крещеніе и покаяніе. Православное крещеніе, по ихъ мнѣнію, не есть крещеніе, а паче скверненіе, и потому необходимо нужно перекрещиваться, и послѣ перекрещиванья простятся всѣ грѣхи, какъ содѣланные, такъ и будущіе; безъ ихъ крещенія никому цельзя спастись. Но кто у нихъ креститъ, не сказываютъ,—даже и православные не проговариваются? Сами раскольники говорятъ, разумѣется, предъ священникомъ, что они не крестятся и не кому крестить перешедшихъ къ нимъ, или же сказываютъ, что крещены въ младенчествѣ, или такимъ лицемъ, котораго нѣтъ въ живыхъ. Есть правда въ Чевакинской деревнѣ раскольникъ крестьянинъ Илья Сидоровъ, который занимается требоисправленіемъ въ своей деревнѣ и въ Княжестровскомъ приходѣ, а въ Кѣхтѣ ему не совсѣмъ довѣряютъ;—развѣ въ крайности,—и то правда, что безъ крайней нужды мало и крестятся,—а всегда въ болѣзни сильной или послѣ болѣзни. Въ теченіе 13-ти лѣтъ, я замѣчалъ, что всѣ раскольники, отпадшіе въ это время, отпадали послѣ болѣзни, особенно мущины, и послѣ исповѣди православному священнику, и пріобщенія Святыхъ Таинъ, какъ бы сознавая необходимость этихъ важнѣйшихъ таинствъ святой церкви, или—въ болѣзни болѣе дѣйствуютъ раскольники. Извѣстно, что они стараются особенно увлечь зажиточныхъ; и, если видятъ, что тотъ не *поддается* имъ то выжидаютъ его болѣзни и не отстаютъ отъ него до самой смерти, если не прямо сами то черезъ родныхъ и рѣшаются крестить тогда, когда человѣкъ теряетъ сознаніе. *) Крестятъ же старухи рас-

*) Песчанное пространство на трактѣ отъ Селецкой станціи въ Холмогорскомъ уѣздѣ.

*) Одинъ крестьянинъ, умершій въ 1857 году, былъ исповѣданъ мною и пріобщенъ Святыхъ таинъ за недѣлю до смерти, и увѣщанъ сохранить Святую Вѣру до конца жизни, зная,—что ему будетъ сильное искушеніе отъ раскольниковъ. По смерти

кольницы.—Думаю, что ръшаются и на это—по своей смѣлой дерзости, если не мущины то женщины. Что касается до исповѣди, то завѣрное выдаю, что старухи раскольницы исповѣдываютъ за явные грѣхи,—особенно за *смѣшеніе*, то есть когда раскольникъ или раскольница соединяются съ православными, *въ пищѣ и питіи*, или участвуютъ и благословляютъ дѣтей при бракахъ,—да кажется за этотъ одинъ только грѣхъ и полагается явная эпитимія при собраніяхъ; а до того съ таковыми не ѣдятъ и не молятся вмѣстѣ. Бракъ православной церкви признаютъ законнымъ,—и предъ бракомъ, если священникъ потребуетъ, чтобы лице неправославное было исповѣдано и пріобщено Святыхъ Таинъ, то не отказываются отъ исполненія этого; а кто не желаетъ соединиться съ православною церковію, тотъ и остается *безбрачнымъ*. Впрочемъ раскольниковъ, вступающихъ въ бракъ, очень мало;—уклоняются въ расколъ болѣе въ годахъ пожилыхъ; а до тѣхъ поръ ходятъ въ православную церковь, даже исповѣдываются и пріобщаются Святыхъ Таинъ хоть изрѣдка.

Раскольники называютъ себя *христіанами старовѣрами* и *по вѣрѣ*—такъ называютъ ихъ и другіе; а случается въ насмѣшку величаютъ ихъ и *купанцами*. Впрочемъ они вообще пользуются уваженіемъ;—для этого-то уваженія нѣкоторые и уклоняются въ расколъ;—а бѣдные уклоняются для того, чтобы болѣе получать пособія въ жизни и пользоваться подаяніемъ по смерти богатыхъ раскольниковъ.

Слободскій раскольническій скитъ.

Къ Кѣхотскому приходу относится слободскій раскольническій скитъ. Опъ основанъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, при озерѣ Слободскомъ,—отстоящемъ отъ селенія около 25 верстъ. Озеро это въ длину до 7—верстъ, а въ ширину 1 верста и болѣе;—изъ него вытекаетъ рѣчка Кѣхта,—очень изобильная рыбою. Первоначально при немъ была одна рыболовная избушка, въ которой по лѣтамъ проживалъ рыболовъ; къ нему поселился бѣглый солдатъ; къ нимъ то двоимъ и начали селиться и другіе—какъ изъ Кѣхотскаго прихода, такъ и изъ сосѣднихъ. Около 20-хъ годовъ поселился къ нему одинъ зажиточный крестьянинъ Иванъ Рѣпняковъ изъ Петербургскихъ артельщиковъ; онъ много содѣйствовалъ къ устройству скита и распространенію раскола; былъ знакомъ съ знаменитымъ петербургскимъ раскольникомъ Зеленковымъ, который для этой цѣли послалъ ему заразъ будтобы 40 тысячь рублей. Теперь *послѣ строгаго воспрещенія селиться вновь и уничтоженія вымершихъ келій, въ немъ остается 16 жилыхъ келій, въ которыхъ живетъ старыхъ издавна поселившихся 14 старцевъ*; старики всѣ вымерли, впрочемъ и въ лучшее время скита, когда въ немъ было постоянныхъ жителей до 40 человѣкъ, мущинъ было не много, не болѣе 5 человѣкъ. И вновь, въ теченіе послѣднихъ двухъ годовъ, поселилось въ него двое мущинъ и 4 женщины. *)

Среди скита находится отдѣльная деревянная молельня; она построена въ 1788 году; она внутри раздѣлена заборкою на двѣ половины—мужскую и женскую;—иконостасъ составленъ большею частію изъ мелкихъ иконъ и безъ всякаго разбора; иконы занимаютъ мѣста, не по изображенію на нихъ и не по достоинству письма,—а по древности письма *и по принадлежности*, предъ ними большею частію возжигается масло, а также и восковыя свѣчи, которыя есть и въ продажѣ. Въ молельню собираются всѣ ежедневно, по три раза—къ утрени, часамъ и вечернѣ, которыя состоятъ изъ чтенія положенныхъ псалмовъ и молитвъ, и поученій изъ сборниковъ и пролога. — Поютъ панихиды и молебны, читаютъ псалтирь по умершимъ и о здравіи живыхъ;—читаютъ всѣ посмѣнно и грамотные, и неграмотные, — неграмотные исполняютъ свои часы вмѣсто чтенія поклонами. Вѣрованіе въ скитѣ то же, — что и въ приходѣ, то есть, *Ѳедосьеевское согласіе*, и потому одни другихъ поддерживаютъ и матеріально и нравственно. Нѣкоторыя старухи раскольницы изъ деревень уѣзжаютъ въ скитъ на нѣсколько недѣль, — особенно въ великій постъ; а на праздники Рождества Христова, Благовѣщенія и Святую Пасху пріѣзжаетъ много раскольниковъ, а вмѣстѣ съ ними и православные, которые, во время молитвословій, а равно и раскольники сомнительной нравственности, стоятъ въ притворѣ, какъ древле оглашенные.

Живущіе въ скитѣ содержатся преимущественно подаяніемъ, которое доставляется изъ разныхъ мѣстъ, а болѣе изъ городовъ—Петербурга и Архангельска.

его слухъ разнесся, что его окрестили. Но какъ окрестили?.. Такъ же послѣ напутствія одного старичка, тоже уже умершаго, желая узнать его твердость вѣры, я спросилъ:—а что А. М. вѣдь и ты крестишься?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—развѣ окрестятъ такъ, какъ окрестили Л. М.; и по просьбѣ моей за тайность разсказалъ мнѣ,—что онъ хотя самъ и не видѣлъ, а слышалъ за вѣрное отъ своего зятя,—сосѣда покойнаго Л. М. и бывшаго при крещеніи его,—что его вытащили изъ тои мертвымъ,—значитъ крестили насильно,—безъ его воли и едвали не мертваго?

*) Не знаю, есть ли какое основаніе,—вновь селиться въ скиты? А Кѣхотское Волостное Правленіе, вмѣсто того, чтобы стараться объ уничтоженіи, населило оный—выдавая вновь населяющимся въ оный на жительство виды, которые велѣно было сельскимъ управленіемъ выдать въ доказательство принадлежности раскольниковъ къ волости, и для отличія ихъ отъ всѣхъ посторонныхъ и другихъ сословій; такъ въ 1853 году высланы были изъ скита Архангельскій мѣщанинъ съ женою и дочерью, —отставной солдатъ и солдатская дочь.

По зимѣ старухи прядутъ, а помоложе ткутъ полотна, старымъ пособляютъ ткать родственницы изъ прихода; по лѣту садятъ по немногу картофель, рѣдьку, лукъ, морковь, брюкву и сѣютъ рѣпу; — ловятъ на озерѣ рыбу удами и мордами и собираютъ довольно морошки, которую и продаютъ.

Сообщеніе съ селеніями имѣютъ постоянное, — не только по лѣту и по осени, пока не промерзнутъ болота и ручьи, пѣшеходное.

Расколъ въ Сумскомъ посадѣ болѣе распространенъ между женщинами, чѣмъ въ мужскомъ населеніи. Сумлянки почти всѣ заражены расколомъ. Онѣ называютъ себя христіанами старовѣрами; а православныхъ мірскими, Никоновцами и щепотниками.

Сумскіе раскольники Филипповскаго толка; они помѣшаны на убѣжденіи, что «которая вѣра гонима, та и права.» Удержаніе ихъ правительствомъ отъ совращенія въ расколъ они признаютъ за гоненіе. Главныя различія съ православными у Сумлянъ заключаются въ слѣдующемъ: а) Они признаютъ двухъ-перстный старообрядческій крестъ, называя его истовымъ. Въ немъ нѣкоторые изъ раскольниковъ понимаютъ соединеніе въ числѣ Божества и человѣчества; другіе же, ничего не зная, думаютъ только, что такъ лучше и потому этому двуперстному сложенію отдаютъ святость, говоря: «такъ святые отцы молились и спаслись.» Трехперстнымъ же сложеніемъ, какъ они выражаются, можно только нюхать табакъ, а отнюдь не молиться. б) Они убѣждены, что хожденіе вокругъ купѣли, при совершеніи крещенія, дѣлается не съ той стороны. в) Они вѣрятъ, что многія слова въ молитвахъ умышленно измѣнены какъ напримѣръ: въ молитвѣ «Богородице Дѣво радуйся» вмѣсто «благодатная» употребляютъ «обрадованная» Матерь Марія, «въ седьмомъ членѣ символа Вѣры «Его же Царствію не будетъ конца» удерживаютъ «нѣсть конца», оспариваютъ, что Іисусъ неправильно произносится и пишется; правильно «Исусъ», Іисусъ же есть сынъ Іосифовъ. г) Проскомидію слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, совершать на семи просфорахъ, и д) не ѣдятъ изъ одной посуды съ православными и поклоняются особымъ иконамъ, для чего каждая баба-раскольница имѣетъ за печкою свой особенный образъ. При моленіи употребляютъ лѣстовки и подстилаютъ передъ собою на полъ платокъ, или сшитую подстилку, дѣлая на нее земные поклоны. При этомъ раскольники держатся страннаго предразсудка, по которому, молясь Богу, должно имѣть на себѣ поясъ ниже пупа.

На патріарха Никона существуетъ между ними наслѣдственная злоба и много страшныхъ на него наговоровъ, напримѣръ, говорятъ, въ исправленіи книгъ Никону помогалъ нѣкто Арсенко, по воображенію раскольниковъ, нѣчто въ родѣ злаго духа.

Не позволяютъ себѣ изъ прихотей курить или нюхать табакъ и пить кофе. Пьютъ чай и не чужды вина, но очень воздержны въ послѣднемъ.

Расколъ въ Сумѣ получилъ свое начало въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія отъ родственной связи одного Сумскаго семейства съ раскольничьимъ семействомъ деревни Сороки.

Почти въ одно и тоже время въ деревушку Пертозеро за 15-ть верстъ отъ Сумы поселилась закоренѣлая раскольница, вдова прапорщика Анна Карташева съ сыномъ и дочерью. Карташева въ короткое время успѣла собрать около себя приверженцевъ раскола и образовала скитъ. Зимою она выѣзжала въ Суму и проповѣдывала гонимую вѣру, за что и получила названіе матушки-наставницы о душевномъ спасеніи.

Карташева по отзывамъ образованныхъ людей, не говоря уже о раскольникахъ, была женщина умная, много начитанная, въ догматахъ вѣры столь убѣдительная, что возражать ей на нихъ нужно человѣку, спеціально знакомому съ богословскими науками. Къ тому же она, говорятъ, имѣла необыкновенно осмысленныя и правильныя черты лица. По всему этому она отлично могла дѣйствовать не только на довѣрчивыхъ женщинъ, но и на мущинъ. Умирая на Пертозерѣ, Карташева завѣщала продолжать начатое ею дѣло дочери своей, которая вполнѣ исполняла волю матери.

При Холмовской церкви Лисестровскаго прихода, въ Мало-Лахонскомъ скитѣ, или выселкѣ, есть раскольники — Даниловскаго толку. Въ сей мѣстности они завелись издавна и поселились при рѣкѣ Илоссѣ, и по западную сторону Холмовскаго озера. Какъ и откуда пришли сюда первые поселенцы, за давностію времени и понеимѣнію вѣрныхъ объ нихъ свѣдѣній, неизвѣстно. Въ семъ выселкѣ находится молельня, въ которой они прежде отправляли по старопечатнымъ книгамъ заутреню, часы и вечерню. Но нынѣ, по отобраніи сихъ старинныхъ книгъ и обрядныхъ принадлежностей мѣстнымъ исправникомъ въ 1853 году, службы въ сей молельнѣ не отправляются. Наставникомъ у нихъ прежде былъ изъ ихъ среды крестьянинъ. Заблужденія въ вѣрѣ состояли, въ непризнаніи за истинныхъ пастырей правильно поставленныхъ священниковъ, и служащихъ не по старопечатнымъ книгамъ; а также въ непризнаніи брака, совершеннаго священникомъ, за истинный. Между тѣмъ какъ самъ наставникъ ихъ живетъ съ дѣвкою, не вѣнчанною съ нимъ православнымъ священникомъ, и другихъ влечетъ къ тому же заблужденію. Впрочемъ дѣтей незаконно прижитыхъ подвергаетъ крещенію православнаго священника, и уклоняетъ, когда они придутъ въ возрастъ, отъ исповѣди и Святаго Причастія въ православной церкви. Имѣетъ ли сношенія наставникъ ихъ

съ раскольниками другихъ мѣстъ—неизвѣстно. Инородцевъ здѣсь также немѣется.

Раскольники, которыхъ въ Тулгасскомъ приходѣ насчитывается до 60 лицъ обоего пола, принадлежатъ къ двумъ главнымъ сектамъ, къ Ѳеодосіевщино-Филиповщинѣ и Авроновщинѣ, которыя въ свою очередь подраздѣлены на толки, носящіе названіе отъ своихъ расколоучителей, такъ напримѣръ: Никифоровщина, Дерягиновщина, Киржавщина и другіе. Всѣ они называютъ себя православными христіанами древняго благочестія,—древле-Восточной церкви; а православные называютъ ихъ старовѣрами и раскольниками. Они появились въ этомъ приходѣ лѣтъ не больше ста назадъ чрезъ совращеніе Кургоминскими и Топецкими расколоучителями; а въ настоящее время поддерживаются ими же и разными изъ поморья проповѣдниками и посланіями. Заблужденія этихъ раскольниковъ состоятъ въ слѣдующемъ: въ православной церкви царствуетъ теперь антихристъ чувственно; второе пришествіе Христово будетъ черезъ годъ, а много черезъ два; православные храмы построены на седмиглавомъ зміѣ и суть обиталище антихриста, потому лучше ходить въ кабакъ, или еще хуже куда, чѣмъ въ нихъ. Священники слуги антихристовы, потому ихъ слушать не слѣдуетъ, что бы они ни говорили. Чиновники, особенно пристава, суть приставники антихристовы. Солдаты и всѣ военные чины—воинство антихристово. Уважаютъ и молятся преимущественно мѣднымъ иконкамъ; любятъ иконы старинной живописи, по этому, проходя мимо церквей:—церкви святаго Климента, молятся, такъ какъ въ ней иконостасъ старинной живописи, а церкви святаго Власія не молятся—иконостасъ новый. Всѣ седмь церковныхъ таинствъ называютъ еретическими, антихристовыми, на томъ основаніи, что они совершаются печатію антихристовою, а не истиннымъ крестомъ (ихъ сложеніемъ перстовъ для крестнаго знамени), а потому ихъ и принимать не слѣдуетъ, напримѣръ, лучше жить блудно, чѣмъ ходить въ церковь вѣнчаться. Перекрещивать въ настоящее время можетъ всякій—старикъ, мущина пожилыхъ лѣтъ, старуха, женщина и дѣвка, и перекрещиваніе имѣетъ силу снимать всѣ грѣхи, какъ чешую.

Съ православными вмѣстѣ не молятся и не ѣдятъ. Ѣдятъ и пьютъ на своемъ столѣ и изъ своей посуды, изъ которой лучше дать поѣсть и напиться собакѣ или кошкѣ, чѣмъ человѣку не ихъ вѣры. Молятся, не дотрогиваясь земли, для чего у каждаго раскольника есть такъ называемый подручникъ (маленькая подушечка). Каждый толкъ раздѣляется на три категоріи—чашки большую, среднюю и малую. Принадлежащіе къ первой чашкѣ называются прочими святыми и уважаются не только своей братіей, а даже православными, и потому живутъ въ особыхъ домикахъ, не молятся вмѣстѣ съ принадлежащими къ остальнымъ двумъ чашкамъ и не ѣдятъ съ ними изъ одной посуды и за однимъ столомъ. Ложе ихъ голый полъ или каменья.

Большечашники считаютъ за большой грѣхъ встрѣтиться со священникомъ, а съ православнымъ при встрѣчѣ здороваться. Строго содержатъ вообще всѣ посты въ пищѣ, а не въ употребленіи. Подобно золоту хранятъ, читаютъ и слушаютъ старопечатныя книги и разныя бредни расколоучителей. Новыхъ книгъ, особенно журналовъ и газетъ, совсѣмъ не слушаютъ. Не почитаютъ четыреконечнаго креста и изображенія Распятаго на немъ.

Сношеніе Тулгаскіе раскольники имѣютъ съ Кургаминскими, Топецкими и Заостровскими, а чрезъ нихъ съ Поморскими, но дѣла, касающіяся вѣры или избранія попа, рѣшаются на сходбищахъ, которыя бываютъ преимущественно въ Топсѣ. Къ Кургаминскимъ расколоучителямъ обращаются раскольники изъ нижняго конца Тулгова, къ Топецкимъ изъ верхняго, къ Заостровскимъ изъ одного дома Большаго Коневаловскаго села по той причинѣ, что раскольники того же дома Авроновцы съ первыми немолящіеся и невкушающіе, потому что допускаютъ бракъ. Раскольниковъ Нижняго конца наставникъ Кургоминскій крестьянинъ Никифоръ (фамиліи не знаю), который на недавнемъ сходбищѣ едва ли не отставленъ; Верхняго Топецкаго—Дерягинъ.

Вотъ все, что я знаю касательно раскольниковъ Тулгасскаго прихода, замѣчаетъ г. Макаровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Глава I. Общія свѣдѣнія о населеніи: Изъ какихъ мѣстъ получены свѣдѣнія?—Тулгасскій приходъ.—Село Усть-Пуй.—Курейско-Сергіевскій приходъ.—Хаврогорскій приходъ.—Челмохотскій приходъ.—Кѣхотскій приходъ.—Лисестровскія селенія.—Поселки на Зимнемъ Берегу.—Сумскій посадъ. Свѣдѣнія топографическія и историческія объ этихъ мѣстностяхъ.—Пинежскій уѣздъ.—Физическія свойства русскаго населенія поименованныхъ частей Архангельской губерніи . . . . . 1—13

Глава II. Внѣшняя обстановка: Программа для собиранія свѣдѣній о постройкахъ въ Архангельской губерніи.—Свѣдѣнія, собранныя П. А. Ивановымъ, о жилищахъ и постройкахъ крестьянъ Пинежскаго уѣзда: расположеніе селеній, улицы и ряды, оклады избъ, части ихъ, внѣшняя и внутренняя отдѣлка, печь, голбецъ, палати, окна, украшенія, убранство горницъ; черныя избы, дворовыя постройки, хозяйственныя службы, промысловыя постройки, заводы; освѣщеніе, топливо, мѣста для спанья, для стирки бѣлья; домашняя утварь и посуда.—Церковныя постройки.—Дополнительныя свѣдѣнія, представленныя г. Ивановымъ.—Чертежи крестьянскихъ дворовъ и усадебъ, представленные А. Шадринымъ.—Свѣдѣнія о постройкахъ въ селѣ Усть-Пуѣ, доставленныя свящ. Ст. Меѳодіевымъ.—Его же свѣдѣнія о разнаго рода рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ орудіяхъ.—Свѣдѣнія свящ. П. Павлова о постройкахъ въ Хаврогорскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія свящ. А. Колчина о постройкахъ и домашней утвари въ селѣ Пингишахъ.—Свѣдѣнія свящ. В. Таратина о постройкахъ и утвари въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія о томъ же свящ. І. Глѣбовскаго въ Челмохотскомъ приходѣ.—Такія же свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ, доставленныя г. Шешенинымъ.—Свѣдѣнія свящ. Ѳедорова о постройкахъ въ Лисестровскомъ приходѣ.—Свѣдѣнія свящ. Владимірца Розанова о постройкахъ и утвари въ селѣ Зимней Золотицѣ . . . . . 14—48

Глава III. Одежда и обувь: Свѣдѣнія П. А. Иванова о крестьянской одеждѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ: мужской и женской, лѣтней и зимней, праздничной и вседневной, о головныхъ уборахъ и другихъ украшеніяхъ; объ обуви.—Одѣянія: въ Усть-Пуѣ,—въ Тулгасскомъ,—Хаврогорскомъ и Челмохотскомъ приходахъ,—въ с. Пингишахъ,—въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ,—въ Зимней Золотицѣ,—въ Кѣхотскомъ приходѣ,—въ Сумскомъ посадѣ . . . . . 49—66

Глава IV. Пища и питье: Крестьянская ѣда въ Пинежскомъ уѣздѣ: время ѣды, пища постная и скоромная, повседневная и праздничная, напитки, лакомства.—Употребленіе табаку. Пища и питье въ Усть-Пуѣ, въ Тулгасскомъ, Челмохотскомъ приходахъ, въ селѣ Пингишахъ, въ Курейско-Сергіевскомъ, Лисестровскомъ приходахъ, въ Сумскомъ посадѣ . . . . . 67—73

Глава V. Свадебные обряды: Общее описаніе свадебныхъ обрядовъ, существующихъ въ Пинежскомъ уѣздѣ, составленное П. А. Ивановымъ.—Свадьба въ селѣ Сурѣ, Бирючевской волости, того же уѣзда, описанная крестьяниномъ Гр. Хромцовымъ.—Три свадебныя причитанія: два изъ Пинежскаго уѣзда и одно изъ Шенкурскаго.—Поздравленіе молодыхъ послѣ вѣнца въ Пинежскомъ уѣздѣ, сообщенное К. Шабунинымъ.—Свадьба въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Дохтуровымъ.—Свадьба въ селѣ Кургоминскомъ, Шенкурскаго уѣзда, описанная крестьяниномъ Сысоевымъ.—Свадебные обряды, соблюдаемые въ Турчасовскомъ приходѣ Онежскаго уѣзда, сообщенные свящ. Алексѣевымъ.—Свадьба въ селѣ Пингишахъ Холмогорскаго уѣзда, описанная свящ. Колчинымъ.—Свѣдѣнія о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ между крестьянами Тулгасскаго и Шенкурскаго приходовъ.—Свадьба на Зимнемъ Берегу Архангельскаго уѣзда, описанная свящ. В. Розановымъ.—Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.—Свадьба въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда.—Свадебные обряды мѣщанъ г. Онеги, записанныя со словъ одной мѣщанки въ тюрьмѣ бывшимъ студентомъ Фризе.—Свадьба мѣщанъ г. Мезени, описанная бывшимъ студентомъ Никольскимъ . . . 74—132

Глава VI. Обряды и игры въ теченіе года: Обычаи, соблюдаемые въ Пинежскомъ уѣздѣ: при полевыхъ работахъ,—при родинахъ, крестинахъ и именинахъ.—Таковые же обычаи въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Пинежскіе обычаи при новосельи, при смерти и похоронахъ.—Похоронные обряды въ Тулгасскомъ, Хаврогорскомъ и Курейско-Сергіевскомъ приходахъ.—Годовыя празднества въ Пинежскомъ уѣздѣ и пріуроченные къ нимъ обычаи: Святки, Крещенье, масляница, вербница, Свѣтлая недѣля, радуница, весеннія игры и сборища, Егорьевъ день, Троицынъ день, Аграфена-купальница, Иванъ-купала, Петрово заговѣнье и богомолье, круги и хороводы, борода; игры: въ столбы, въ пары;—канупы, братчины, конный праздникъ, Ильинъ день, Спасовъ день, Рождество и Покровъ Богородицы, вечеринки и игры на оныхъ, бесѣды, день Пятницы-Параскевы, Филипповки, посидки и супрядки съ ихъ играми; Никола зимній, день Рождества Христова и Новый годъ, славленье, виноградіе.—Повседневныя игры и забавы: скопки, золото, въ ними, въ шопотки, хохлы, качели, скаканье, въ мячъ, изъ-за сухой

Стран.

тресни, въ Самоѣды, кружалами, въ жернова, катанье, въ бабки, въ орлянку, изъ-за попа, въ рюхи, въ бѣглые, въ прятки.—Обрядъ „бороды“ въ Усть Пуѣ.—Народныя игры въ Тулгасскомъ приходѣ.—Народныя увеселенія въ Сумскомъ посадѣ.—Святочные обряды тамъ же.—Праздники въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.—Обряды при закладкѣ дома и при входѣ въ него на житье тамъ же.—Нѣкоторые обряды въ Хаврогорскомъ приходѣ . . . . 133—159

Глава VII. Нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты: Общая характеристика нравственной природы Архангельскаго населенія вообще и Пинежскаго въ особенности.—Вліяніе суровой природы и скудной обстановки на нравы жителей.—Замкнутость и молчаливость сѣвернаго человѣка.—Формы обращенія къ другимъ людямъ.—Положеніе женщины.—Воспитаніе дѣтей.—Ученіе.—Чтеніе грамотѣевъ.—Вѣрованія Пинежанъ.—Нечистая сила и жертва для борьбы съ ней.—Лѣшій и разсказы о немъ.—Домовой и дворовый хозяйнушко.—Нѣжить.—Байнушко.—Водяной.—Баба-яга.—Знахари, колдуны.—Ворожба.—Гаданія и разные виды ихъ.—Повѣрья о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ. Народныя представленія о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, молніи, дождѣ, землѣ, водѣ.—Клады.—Повѣрья о животныхъ.—Суевѣрныя примѣты.—Вѣрованія жителей Тулгасскаго прихода.—Представленія ихъ о небѣ, свѣтилахъ и небесныхъ явленіяхъ,—о землѣ и подземныхъ царствахъ, знахарихъ, богатыряхъ, о животныхъ и растеніяхъ, о нечистой силѣ, о человѣкѣ.—Сельскохозяйственныя и другія примѣты, суевѣрія и гаданія.—Повѣрья, гаданія и примѣты жителей Курейско-Сергіевскаго прихода.—Повѣрья жителей Зимняго Берега.—Гаданія жителей Сумскаго посада.—Повѣрья жителей Хаврогорскаго прихода . . . . . 160—196

Глава VIII. Народное врачеваніе: Свѣдѣнія о народномъ лѣченіи въ Архангельской губерніи, сообщенныя врачемъ Липницкимъ: Архангельскіе знахари и знахарки, собираемыя ими травы, способы лѣченія, средства противъ разныхъ болѣзней; взглядъ народа на происхожденіе болѣзней, участіе колдовства въ лѣченіи ихъ, икота и икотницы.—Свѣдѣнія о простонародномъ врачеваніи въ Шенкурскомъ уѣздѣ, доставленныя фельдшеромъ Костылевымъ; болѣзни отъ духа, отъ порчи, отъ животныхъ, отъ самого себя.—Свѣдѣнія о народной медицинѣ въ Пинежскомъ уѣздѣ, собранныя П. А. Ивановымъ: причины болѣзней, лѣчебныя средства, икота и икотницы.—О народномъ лѣченіи въ Челмохотскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ священника Глѣбовскаго.—Какимъ святымъ о избавленіи отъ какой болѣзни молятся въ разныхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи . 197—210

Глава IX. Расколъ среди сельскаго населенія: Свѣдѣнія, сообщенныя П. А. Ивановымъ, о раскольникахъ Пинежскаго уѣзда: причины успѣховъ раскола, мѣста его наибольшаго распространенія, число раскольниковъ въ 1841—1865 годахъ, ихъ книги, иконы, перстосложеніе, обряды во время молитвословія, богослуженіе, пѣніе, посты, заѣзжіе лжепастыри, отходъ въ расколъ, браки, погребеніе, отношенія къ православнымъ, брадобритіе, пища и питье, табакъ, посуда, стрижня, одежда, занятія, ожиданіе антихриста и скончанія міра.—Свѣдѣнія, доставленныя свящ. Вахрамѣевымъ, о раскольникахъ Кѣхотскаго прихода Архангельскаго уѣзда: число ихъ, совлеченіе православныхъ въ расколъ, отношеніе къ православной церкви.—Слободскій раскольническій скитъ.—Расколъ въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ г. Шешенина.—Свѣдѣнія о раскольникахъ въ Лисестровскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, сообщенныя свящ. Ѳедоровымъ.—Свѣдѣнія свящ. Макарова о раскольникахъ въ Тулгасскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда . . . . . 211—221

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX, вып. 2.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

подъ редакціей Н. А. Попова.
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 3 РУБ. 50 КОП.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1878.

Печатается по опредѣленію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.

Президентъ **Г. Щуровскій**.

Марта 10 дня
1878 г.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

д. чл. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

ЧАСТЬ 2.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1878

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно опредѣленіямъ Этнографическаго Отдѣла, состоявшимся въ засѣданіяхъ: 19 Марта и 22 Декабря 1874-го, 9 Февраля, 23 Марта, 4 Мая и 30 Сентября 1875-го и 17 Апрѣля 1877 года, приступлено было въ прошломъ году къ печатанію «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранныхъ д. чл. Общества Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ. Первый выпускъ, состоящій изъ девяти главъ и представляющій описаніе внѣшняго и внутренняго быта русскаго населенія вышеозначенной губерніи, вышелъ въ свѣтъ - въ прошломъ октябрѣ. Произведенія же народной словесности Сѣвернаго края рѣшено было помѣстить во второмъ выпускѣ, каковой нынѣ и издается въ свѣтъ.

Первую главу въ немъ занимаетъ статья Н. Д. Квашнина-Самарина: «О былинахъ, содержащихся въ сборникѣ П. С. Ефименка», читанная въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 22 Декабря 1874 года, авторъ которой весьма опредѣленно высказался о достоинствахъ печатаемыхъ нынѣ былинъ, а равно и о собранныхъ П. С. Ефименкомъ заклинаніяхъ, которыя, по необыкновенной полнотѣ и разнообразію, а также и по замѣчательной свѣжести языка, должны составить вмѣстѣ съ былинами драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки.

Во второй главѣ помѣщено девять старинъ или былинъ про древне-русскихъ богатырей: изъ нихъ шесть былинъ записаны священникомъ Вл. Розоновымъ на Зимнемъ Берегу Бѣлаго моря, въ селѣ Зимней Золотицѣ, а три—А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени.

Въ третьей главѣ напечатаны стихи, распѣваемые нищею братіею, счетомъ двѣнадцать: изъ нихъ первые десять записаны А. М. Никольскимъ, а послѣдніе два священникомъ Вл. Розоновымъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя, по полнотѣ заключающагося въ нихъ разсказа, два стиха: Еленинскій (еллинскій?) и Алексѣевскій.

Въ четвертой главѣ помѣщены записанныя тѣмъ же г. Никольскимъ въ г. Мезени пѣсни, которыя онъ раздѣлилъ на: наулочныя (всего 57), вечериночныя (75), свадебныя (24), виноградье (3), рождественскія (4), причитанья (3) и рекрутскія (3).

Пятую главу составляютъ пѣсни, записанныя въ Пинегѣ и ея уѣздѣ И. Селиверстовымъ, А. Н. Симановскимъ, П. А. Ивановымъ, П. Костылевымъ, свящ. Таратинымъ и г. Базилевскимъ. Въ ихъ число вошли: вечериночныя (31), пѣсни кашницъ, распѣваемыя на помочахъ или общихъ работахъ (7), дѣвичьи (10) и колыбельныя (14).

Шестая глава заключаетъ въ себѣ описаніе Онежскихъ игръ и поющіяся во время ихъ пѣсни. Записывалъ ихъ г. Фризе. Тутъ описаны онежскія вечеринки, начинающіяся обыкновенно такъ называемою «уточкою», семь вечериночныхъ игоръ и приведены пѣсни, употребляющіяся какъ на вечеринкахъ, такъ и въ лѣтнихъ хороводахъ, всего до тридцати шести.

Седьмая глава содержитъ въ себѣ чрезвычайное любопытное собраніе народныхъ заклинаній, наговоровъ и обереговъ. Хотя этотъ отдѣлъ народной словесности обращалъ и прежде на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, редакцій разныхъ журналовъ и губернскихъ вѣдомостей, но до сихъ поръ народныя заклинанія печатались крайне отрывочно. Предлагаемое же здѣсь собраніе отличается значительною сравнительно съ другими полнотою. Оно обязано этимъ единственно трудамъ П. С. Ефименка, который воспользовался не только сообщеніями двадцати восьми лицъ, но и нѣсколькими старинными рукописными сборниками,

присланными ему изъ разныхъ мѣстъ Архангельской губерніи. Кромѣ того онъ пополнилъ свое собраніе изъ старинныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Архангелогородской губернской канцеляріи, и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ, каковы: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Памятная книжка Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Архангельскія Губернскія Вѣдомости. Всѣхъ статей въ этомъ отдѣлѣ помѣщено двѣсти пятьдесятъ пять, и при каждой изъ нихъ читатель найдетъ указаніе на источникъ, изъ котораго она заимствована.

Въ слѣдующей главѣ помѣщены три старинныхъ сказанія, которыя и до нынѣ ходятъ въ рукописяхъ между населеніемъ Архангельской губерніи, и двѣнадцать сказокъ, изъ коихъ нѣкоторыя очевидно переводныя и зашли въ народъ книжнымъ путемъ, иныя-же—чисто народныя и притомъ мѣстнаго происхожденія и третьи не что иное, какъ стихи шуточнаго содержанія, разсказываемые въ забаву дѣтямъ.

Въ девятой главѣ напечатано: 190 загадокъ, 586 пословицъ и поговорокъ и 73 шутки и прибаутки. Въ надлежащихъ мѣстахъ указано, откуда заимствованъ матеріалъ, помѣщенный какъ въ этой, такъ и въ предъидущей главѣ.

Наконецъ въ послѣднюю или десятую главу вошелъ словарь мѣстныхъ рѣченій. Словарь этотъ выбранъ изъ матеріаловъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ и г-жею Ефименковою, а также П. А. Ивановымъ, г. Тустановскимъ и другими. Всѣ слова, помѣщенныя уже въ словаряхъ: Академическомъ и Даля, были при этомъ устранены; оставлены только слова, или ненаходящіяся въ названныхъ словаряхъ, или хотя и показанныя въ нихъ, но съ другими значеніями или объясненіями; оставлены также нѣтоторыя дополненія къ имѣющимся въ помянутыхъ словаряхъ объясненіямъ. Замѣтки объ особенностяхъ Архангельскаго говора, найденныя въ вышеназванныхъ матеріалахъ, также не печатаются здѣсь, какъ не дающія особенно новыхъ свѣдѣній противъ имѣющихся въ предисловіи къ словарю Даля. Число словъ, имѣвшихся на карточкахъ собирателей, превосходило напечатанное здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцать разъ, ибо въ нихъ было не мало повтореній. Въ концѣ объясненія каждаго слова обозначено, въ какомъ уѣздѣ оно записано.

Таковъ порядокъ, которому слѣдовала редакція при изданіи этого выпуска,—указанный отчасти самими собирателями ихъ.

Этнографическій Отдѣлъ не теряетъ надежды видѣть и въ слѣдующихъ книгахъ своихъ «Трудовъ» новые матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи.

9 Марта 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. О БЫЛИНАХЪ, содержащихся въ Сборникѣ П. С. Ефименка,—чтеніе Н. Д. Квашнина-Самарина . . . 1— 9

ГЛАВА II. СТАРИНЫ ИЛИ БЫЛИНЫ. . . . 10—37

1. Про Добрыню Никитича и Илью Муромца 9
2. Про Владимірову свадьбу. 11
3. Про Иванушка Годенова. 14
4. Про Дюка Степанова 17
5. Про Илью Муромца. 19
6. Про Василья Окульева. 21
7. Про Алешу Поповича. 25
8. Про Илью Муромца. 32
9. Про Дюка Степановича 35

ГЛАВА III. СТИХИ НИЩЕЙ БРАТІИ . . . . 38—49

1. Свѣтлое Христово Воскресенье. 3
2. Пречудная Царица Богородица. . . . . —
3. Ходилъ человѣкъ по Сіонскимъ горамъ . . . . . —
4. Речетъ Божья Мати Пресвятая. 39
5. Съ восточной стороны летѣли два ангела. . . . . —
6. Человѣкъ на земли живетъ, какъ трава растетъ . . —
7. Иноки идетъ по дорогѣ 40
8. Жили были два брата родные, два Лазаря. . . . —
9. Еленинскій (еллинскій) стихъ. 41
10. Алексѣевскій стихъ. 43
11. Про пьянство и сквернословіе 47
12. О Михаилѣ Архангелѣ. 48

ГЛАВА IV. ПѢСНИ МЕЗЕНСКІЯ. . . . . 50—97

А. Науличныя (50—65):

1. Ты Надеминьна, мой милъ сердечный другъ. . . . 50
2. Спровожу дружка во дорожечку . . . . . —
3. Отъѣзжаетъ милый во дорожечку . . . . . —
4. Я вечеръ-то вечеръ, добрый молодецъ, загулялъ. . —
5. Свѣтилъ, свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ. 51
6. Ты раздушечка удалый молодецъ . . . . . —
7. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго . . . . . —
8. На лугахъ, да на лугахъ зеленыхъ 52

Стр.

9. Что ты парень такой бравый 52
10. Катюшечка душечка. . . . . —
11. Чесалъ милый кудри 53
12. Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ . . . . . —
13. Нападетъ роса на темны лѣса . . . . . —
14. Размолодецкіе молодчики, дружки мои. . . . . —
15. Отлетаетъ мой соколикъ. 54
16. Въ хороводикѣ дѣвушки на лужку. . . . . —
17. По весны по красной. . . . . —
18. Я мала была, да горя не было . . . . . —
19. Говорилъ я своей любушкѣ. 55
20. Житье мое житье . . . . . —
21. Часто ходишь, милъ, кругъ моего двора. . . . . —
22. Калина съ малиной не во время разцвѣли . . . . —
23. День ты мой денечекъ. 56
24. Не бушуйте—тюсь вѣтры буйные со чиста поля. . —
25. На зорюшкѣ зарѣ, на вечерней. . . . . —
26. Что вы, дѣвушки, да призадумались? . . . . . —
27. Выйду-ль я на рѣченьку. 57
28. Что кому за дѣло. . . . . —
29. Умъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ. . . —
30. Размолоденькій дѣтинушка. . . . . —
31. Умъ вы, дѣвушки подружки 58
32. Полно, солнышко, изъ за-лѣсу свѣтить . . . . . —
33. Мимо Москвы проѣзжаемъ. . . . . —
34. Премілы дѣвушки, придите къ намъ въ гости посидѣть. —
35. Нанатись, навались туча темна, грозна 59
36. Разливалася мати весенняя вода . . . . . —
37. Не ясенъ-то соколъ по горамъ леталъ . . . . . —
38. Любила я дружка, любезнаго любила . . . . . —
39. Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой . . . . . —
40. Распечальное дѣвье сердце всегда замываетъ. . . . 60
41. Что ты дѣвушка не нарядна ходишь. . . . . —
42. При долинушкѣ есть калинушка . . . . . —
43. Размальчишка миленькій. . . . . —
44. Я съ малешенька глупешенька росла 61

Стр.

45. За Дунаемъ, тамъ гуляемъ. 61
46. Молодость молодецкая. . . . . —
47. Не бѣлы-ли снѣжки выпадали. 62
48. Во славномъ было во городѣ во Астрахани . . . . —
49. Ужь ты степь наша, степь Саратовска. . . . . —
50. Цвѣли-то цвѣли въ полѣ цвѣтики, цвѣли да повяли. —
51. Катя легонькій умокъ 63
52. Край пути-дорожки. . . . . —
53. Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ. —
54. Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ. . . . 64
55. Жена мужа любила. . . . . —
56. Прешпехтъ, прешпехтивая путь-дороженька. . . . —
57. Не во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ. . . . —

Б. Вечериночныя (65—85):

1. Кумъ-отъ ѣдетъ лугомъ. 65
2. Молодость, ты молодость. . . . . —
3. Шла дѣвица за водой. . . . . —
4. Отдаютъ Федьку въ солдаты. 66
5. Улка ты, улка моя. . . . . —
6. Соколъ ты, соколъ. . . . . —
7. Стояла рябинушка на городи . . . . . —
8. Сяду, присяду къ зеленому саду. . . . . —
9. Простучала, прогремѣла. 67
10. Заюшка мой бѣленькій. . . . . —
11. Въ государевой конторѣ. . . . . —
12. Ты Иванушка казакъ. 68
13. Продай мужъ корову. . . . . —
14. Вечоръ дѣвки. . . . . —
15. Какъ задумалъ недоросточекъ жениться. . . . . —
16. Потянули вѣтры буйны со горы 69
17. Кычи гуси домой. . . . . —
18. За топью, за рѣчкой за быстрою. . . . . —
19. Съ вечера хмѣлинка незаборчива была. . . . . —
20. На улицѣ мужикъ со разсадой сидитъ. . . . . —
21. Сковородка въ печи . . . . . —
22. По жердочкѣ шла. 70
23. На плотѣ было на мелешкѣ. . . . . —
24. Не наметывай порохи. . . . . —
25. У воротъ дѣвка стоитъ. 71
26. Красна дѣвица коровъ доила. . . . . —
27. Не бѣги, не бѣги. . . . . —
28. Зимочка зима. 72
29. На улицѣ диво. . . . . —
30. Пошли наши гусли. . . . . —
31. Подъ тыномъ было подъ тыночикомъ . . . . . —
32. Ходилъ гулялъ Ванюша. . . . . —
33. Шелъ дѣтина изъ гостей. . . . . —
34. Торна, моторна моя. 73
35. Выходилъ душа полковникъ. . . . . —
36. Не рюмочки по столу бренчатъ. . . . . —
37. Во два верхала нѣмецкихъ. . . . . —
38. Соловей мой, соловей. 74
39. Сострой ты, любезный. . . . . —
40. По маню корабличекъ. . . . . —
[illegible]ненько приходилъ. 75

Стр.

42. Зелено вино въ карманѣ. 75
43. Ужъ ты вдовка, ты вдовка моя. 76
44. Противъ солнца на востокѣ. . . . . —
45. Ужъ я горькая злосчастна. . . . . —
46. Изъ Питера любезный . . . . . —
47. Какъ у нашего сусѣда. 77
48. По край быстрой было рѣчьки. . . . . —
49. Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала. 78
50. На горкѣ калина. . . . . —
51. Изъ-за барскаго двора. . . . . —
52. Дѣвки шили коверъ, да вышивали. 79
53. Улкомъ шла, переукомъ шла. . . . . —
54. Собиралися ребятушки. . . . . —
55. Изъ-за лѣсу, съ крутыхъ горъ . . . . . —
56. Заюшко по сѣничкамъ 80
57. У нашего двора . . . . . —
58. Ѣхалъ мальчикъ изъ Казани . . . . . —
59. Черезъ рѣченьку жердяночка лежала. . . . . —
60. Мой миленькій, любименькій . . . . . —
61. Куревушка, курева . . . . . —
62. Дѣвица садочкомъ шла. 81
63. Молодость, молодость дѣвичья красота . . . . . —
64. Ужъ ты Танюша, Татьяна . . . . . —
65. Я вечоръ въ гостяхъ гостила. 82
66. Ужъ я по полю хожу—таки хожу. . . . . —
67. Изъ подъ дубу, дубу, дубу. . . . . —
68. На улицѣ морозъ 83
69. Идетъ Ваня по угору . . . . . —
70. Соряжается король . . . . . —
71. Въ первой день понедѣльникъ 84
72. Подлѣ рѣчьку, подлѣ мостикъ. . . . . —
73. Дѣтинушко, сиротинушко. . . . . —
74. Соловей мой, соловей . . . . . —
75. По мосту, мосточку, по калиновому. 85

В. Свадебныя (85—93):

1. *Невѣстѣ*: Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго . . . . . —
2. *Жениху*: Что сказали не грозенъ. 86
3. *Когда отдаютъ невѣсту на чужую сторону*: Что ты, что ты сине море . . . . . —
4. Что не павушка по двору ходила. . . . . —
5. Во саду, саду да эхи 87
6. *Если нѣтъ у невѣсты родныхъ*: Много, много у сыра дуба. . . . . —
7. На горы на высокой . . . . . —
8. Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ 88
9. Течетъ винная рѣченька . . . . . —
10. *Холостымъ гостямъ*: У воротъ вереюшки . . . . —
11. *Вдовамъ*: Чья это нива 89
12. *Женатымъ*: Что по сѣничкамъ, сѣничкамъ . . . . —
13. *Новобрачнымъ*: Во горницѣ во новой. . . . . —
14. *Когда женихъ приходитъ на вечеринку*: Долго, долго соколъ не бывалъ 90
15. *Женатымъ*: Дымно, дымно въ полѣ . . . . . —
16. Ужъ по мосту, мосту да рай, рай, рай. . . . . —
17. Свѣтъ наша обманщица 91

Стр.

18. Не отъ вѣтра, не отъ вихоря 91
19. Что не павушка пава . . . . . —
20. Вился хмѣль въ огородѣ 92
21. Хитеръ, мудеръ первобрачный князь . . . . . —
22. Катилася карета ра̀ю, ра̀ю, ра̀ю . . . . . —
23. *Въ ожиданіи жениха на смотрѣнье*: Долго, долго соколъ не бывалъ (варіантъ). 93
24. *По пріѣздѣ невѣсты отъ вѣнца*: Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго (варіантъ) . . . . . —

Г. Виноградье (93—95):

1. *Для женатыхъ*: мы ходили, мы гуляли . . . . . —
2. *Для холостыхъ*: Во соборѣ у Михаила Архангела. 94
3. *Для дѣвушекъ*: Во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ 95

Д. Рождественскіе стихи (95—96):

1. Днесь пресвѣтлая . . . . . —
3. Достойно есть удивленія . . . . . —
2. Днесь Христово рожденіе 96
4. Новая радость . . . . . —

Е. Причитанья (96—97):

1. *На могилѣ*: Я иду бѣдна—злосчастна . . . . . —
2. *Въ домѣ*: родитель мой маменька . . . . . —
3. *Въ церкви*: Вы, попы, отцы духовные . . . . . —

Ж. Рекрутскія (97):

1. Во деревнѣ злой народъ живетъ 97
2. Воля ты моя, волюшка . . . . . —
3. Ужъ ты воля, наша воля (варіантъ) . . . . . —

ГЛАВА V. ПѢСНИ ПИНЕЖСКІЯ . . . . . 98—119

А. Вечериночныя (98—111):

1. Не нападывай, пороша 98
2. Изъ подъ ели, ели, ели. 99
3. Вечеръ соколъ. . . . . —
4. На первой было на меленькѣ . . . . . —
5. Сѣнокосъ сѣно косилъ . . . . . —
6. Подъ кустомъ олень . . . . . —
7. На улицѣ диво 100
8. Посѣяли дѣвки ленъ . . . . . —
9. Изъ-подъ дубу, изъ-подъ вязу. 101
10. Нападала порошица . . . . . —
11. Я вечеръ въ гостяхъ гостила . . . . . —
12. На улицѣ дождь поливаетъ 102
13. Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала. . . . . —
14. Черезъ поле у сосѣда. . . . . —
15. Ты утушка луговая 103
16. Что, Ваня, не бѣлъ, не румянъ . . . . . —
17. Зелено вино въ кармашкѣ. 104
18. Какъ у моего милаго . . . . . —
19. У воротъ дѣвка стоитъ 105
20. Что подъ бѣлою, да подъ-березою 106
21. Вы дѣвицы красавицы . . . . . —
22. Простучало, прогремѣло 107
23. Голубица надъ водицей . . . . . —
24. Во саду-ли, въ огородѣ . . . . . —
25. Ѣхала кума 108

Стр.

26. Мимо Пашеньку Шинкова. 108
27. За тынью. . . . . —
28. Какъ сказали про дѣвицу . . . . . —
29. Ужъ ты зимушка зима. 109
30. Вдоль было по травкѣ . . . . . —
31. Поѣду завтра въ городъ 110

Б. Пѣсни нашницъ (на помочахъ)—(111—113):

1. По сѣничкамъ, сѣничкамъ 111
2. Какъ по горницѣ столовой . . . . . —
3. Какъ по морю, морю синему 112
4. По морю, морю суденко бѣжитъ . . . . . —
5. Ты гуляньицо-ли, наше гулянье 113
6. У нашихъ было у воротъ . . . . . —
7. *Пѣсня во время страды*: Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ. . . . . —

В. Дѣвичьи пѣсни (113—117):

1. Сидѣла Дунюшка въ горенки една . . . . . —
2. Ахъ на посадѣ дѣвка взрощена 114
3. Ахъ тонокъ, да дологъ . . . . . —
4. Кустъ, кустъ . . . . . —
5. Ахъ, голубица по водицу . . . . . —
6. Ты раскурвинъ сельскій писарь 115
7. У Макарова двора . . . . . —
8. А я куда съ горя дѣваюся . . . . . —
9. Что кому за дѣло 116
10. Стояла рябинушка на городѣ 117

Г. Пѣсни колыбельныя (117—119):

1. Бай, бай . . . . . —
2. Васинька дружечекъ . . . . . —
3. Каты по каты . . . . . —
4. Байки по байки . . . . . —
5. Тпруни, тпруни у Петруни 118
6. Приди котикъ ночевать . . . . . —
7. Байки по байки, да матери китайки . . . . . —
8. Спи, поспи по ночамъ, да рости по часамъ . . . —
9. Бай, бай, бай, лю, лю, лю . . . . . —
10. Соболи, куницы въ головкахъ спятъ . . . . . —
11. Спи, Аннушка моя . . . . . —
12. Спи, пока заботъ не знаешь . . . . . —
13. Спи, спи мое дитятко . . . . . —
14. Баюшки бай, люлюшки лю 119

ГЛАВА VI. ОНЕЖСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ . 120—138

А. Уточка (120—124):

1. Уточка поплавай-ка 120
2. Утка лебедку гонила—гонила . . . . . —
3. Ходитъ гуляетъ . . . . . —
4. Не летай-ка соловьюшка 121
5. Я пойду-ли пойду, загуляю . . . . . —
6. Не ходи, моя милая . . . . . —
7. Во садику была я 122
8. На ручью было, на мѣдвяномъ . . . . . —
9. Что не штофики по горницѣ бречатъ . . . . . —
10. Какъ у насъ въ горенкѣ хорошій 123
11. Двое ходятъ не велики . . . . . —

Стр.

12. Чивиль-чивиль, воробей 123
13. Деревня отъ деревни . . . . . —

Б. Игры (124—130):

1. Царевъ сынъ 124
2. Не новъ монастырь становился 125
3. Барина женить 126
4. Дружина 127
5. Столбичекъ 128
6. Косая огорода . . . . . —
7. По горамъ ходить 129

В. Вечерницы вообще (130—133):

1. Шила брала коверъ 130
2. По Дону гуляетъ . . . . . —
3. Умъ вы горы, горы высокія 131

Г. Лѣтніе хороводы (133—138):

1. Безпечальное, беззаботное. 134
2. Я единой дочкой у батюшки . . . . . —
3. Не весела компаньица 135
4. Объ чемъ мальчикъ сумнѣвался . . . . . —
5. Какъ цвѣли-то, цвѣли 136
6. Снѣжки бѣлые, пушистые 137
7. Вы, премилыи мои дѣвушки . . . . . —
8. Отлетаюшко, дѣвушки, запоемъ . . . . . —

ГЛАВА VII. ЗАКЛИНАНІЯ, НАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ . . . . . 139—222

А. На любовь (26): Слова присушать дѣвицъ,—тоску напустить,—подходы на любовь всѣхъ людей,—на приключеніе,—навести красоту,—снять тоску,—на разлученіе,—на устудну . . . . . 139—145

Б. При бракѣ (12): Подходъ свата,—свадебные обереги,—свадебные отпуски,—слова отъ порчи. . . . . 145—152

В. Подходныя слова на общественныя отношенія (17): На царскія очи,—во властямъ,—къ начальству,—во всякому нужному человѣку . . . . . 152—156

Г. Отношенія къ природнымъ и сверхъестественнымъ силамъ (32): Къ грому,—къ звѣздамъ,—къ дождю,—къ вѣтру,—къ домовому,—къ дворовому,—къ банному,—къ лѣшему,—къ немиту,—къ нечистому духу,—при исканіи кладовъ,—при собираніи папоротника,—при купаніи,—при высѣканіи огня,—на сонъ . . . . . 157—166

Д. На промыслы и домовое хозяйство (57): Правило пастуху скотъ пасти,—обереги скота отъ звѣрей,—чтобъ скотина стояла,—отъ ляганья,—отъ падежа,—на ноготь,—отъ медвѣдя,—слова у скотины путь украсть,—отпускъ пастуха лошадей пасти,—противъ конскихъ болѣзней,—пчелиныя слова,—на рыбную ловлю и уженье,—охотничьи слова,—на птичью стрѣльбу,—обереги отъ ворона,—отъ злаго человѣка на охотѣ,—приносныя слова на звѣря,—слова утечьи,—слова горносталіе,—какъ ловить,—заячьи правила,—слова и приносы . . . . . 166—197

Е. Обереги человѣка отъ недуговъ, волшебства и внѣшней силы (111): Отъ всякой болѣзни,—при родахъ,—отъ родинца,—отъ полуношницы,—отъ чесотки,—отъ зубовъ,—отъ грыжи,—отъ ячменя,—отъ сучьяго сучца,—отъ овѣса,—въ ушахъ,—отъ утина,—отъ безсилія,—отъ стрѣлъ,—отъ сердечной тоски,—отъ трясавицъ и лихорадокъ,—отъ вереда или пупыша,—заговоры крови и на унятіе руды,—отъ ранъ,—на крѣпость тѣла,—отъ уразу или ушибу,—отъ ожогу или обвару,—отъ пьянства,—отъ лѣни и долгаго спанья,—отъ портева съ вѣтра,—на манокосъ,—отъ оговора, сглаза, басенной нечисти и испугу,—отъ уроковъ, призоровъ и приносовъ,—на притчу,—отъ колдуновъ,—отъ порчи и икоты,—отъ всякаго погубленія. 197—222

ГЛАВА VIII. СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ . . . 223—237

А. Сказанія (223—225):

1. Сказаніе о муцѣхъ. 223
2. Пятничный свитокъ . . . . . —
3. Отчего уставися вино душегубное 224

Б. Сказки (225—237):

1. О молодцѣ и прекрасной дѣвицѣ, полячавой душѣ . 225
2. Диво дивное, чудо чудное 226
3. О Марьѣ царевнѣ 227
4. О старикѣ и старухѣ и о сынѣ ихъ Ѳедорѣ Ивановѣ 228
5. О солдатѣ Мартышкѣ. 230
6. О разбойникѣ Колотыгѣ 232
7. О волкѣ и лисицѣ. 233
8. О старухѣ волшебницѣ 234
9. Что случилось на островѣ Грумантѣ (Новой Земль) —
10. Всего свѣта не поворотишь. 236
11. О похищеніи вихремъ дѣвицъ . . . . . —
12. Дѣтская сказка. 237

ГЛАВА IX. ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИБАУТКИ. . . . . 238—253

А. Загадки (190) 238

Б. Пословицы и поговорки (586) 243

В. Шутки и прибаутки (73) 250

ГЛАВА X. СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ РѢЧЕНІЙ . 254—276

Адамовикъ—Батманъ 254
Батогъ—Борода завить 255
Бородачъ—Вальчагъ. 256
Валявецъ—Галить 257
Галуха—Днище 258
Догнуть—Желѣзныя ворота 259
Жерновой зубъ—Закройка. 260
Залази—Ишъ 261
Избомытье—Клопы морскіе 262
Клѣтка—Крещоный 263
Куглина—Лихимъ матомъ 264
Лопатить—Молочиво 265
Морна колоть—Накровъ 266
Налистникъ—Оплывъ 267
Оплыть—Пикша 268
Пирожки—Подѣлъ 269
По заявью—Присевой 270
Прискать—Пустова 271
Пустогай—Сарай 272
Сарафанная почта—Стрѣлыня 273
Стѣна—Ухайбать 274
Ухвоить—Шишульки 275
Шкивидорка—Ясачить 276

ПОПРАВКИ.

На стр. 9, столб. 1, строка 16 снизу, напечатано: „накалкѣ“, слѣдуетъ читать: „на Калкѣ“.

Стр. 51, столб. 1, строка 1 снизу, напечатано: *Л. М.* вм. *А. М.*

Стр. 64, столб. 2, строка 11 снизу, стоитъ: 51 вмѣсто 57.

Стр. 85, столб. 1, строка 20 снизу, стоитъ: 85 вм. 75.

Стр. 97, столб. 1, стр. 10 сверху, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ оставлено пустое мѣсто между словами: „въ“—„пожить“, слѣдуетъ читать: „въ любви пожить“.

Стр. 103, столб. 2, стр. 9 снизу, напечатано: „бѣелъ“, вм. „бѣлъ“,

Стр. 107, столб. 2, между строками 3 и 4 снизу, слѣдуетъ поставить: 24, такъ какъ третьей строкой начинается новая пѣсня.

Стр. 114, столб. 1, строк. 1 снизу, стр. 117, столб. 2, строк. 3 снизу и стр. 165, столб. 1, строк. 25сверху, вмѣсто *П. Н.* слѣдуетъ читать *П. А.*

Стр. 123, столб. 2, стр. 7 снизу, напечатано: 3, вмѣсто 13.

Стр. 174, столб. 2, стр. 19 сверху, вм. „Нижне-озера“ слѣдуетъ читать: „Пижмозера“.

Стр. 216, столб. 1, строки 10—11 сверху, вм. „Колчинскимъ“, читай: „Колчинымъ“.

Стр. 219, столб. 1, строк. 11 снизу, напечатано: „Тешенинъ“, надо: „Шешенинъ“.

I. О БЫЛИНАХЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКѢ П. С. ЕФИМЕНКА.

(Читано въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 22-го декабря 1874 г.)

Узнавъ изъ отчета о засѣданіи 19 марта *), что въ нашъ Отдѣлъ доставлено П. С. Ефименкомъ значительное количество этнографическихъ матеріаловъ изъ Архангельской губерніи, и въ томъ числѣ десять былинъ, я поспѣшилъ познакомиться съ этими новыми научными сокровищами, что, благодаря нашему предсѣдателю, удалось мнѣ весьма легко. Всего болѣе привлекали меня былины и онѣ не обманули моихъ ожиданій. Каждая изъ нихъ представляетъ что нибудь новое, а нѣкоторыя имѣютъ великую важность для изученія русскаго эпоса. Въ настоящее время я считаю не лишнимъ предложить вниманію господъ членовъ Отдѣла нѣсколько замѣчаній о значеніи этихъ былинъ для науки и о содержащихся въ нихъ новыхъ фактахъ.

Всѣхъ былинъ въ сборникѣ 10: шесть изъ нихъ записаны священникомъ Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, четыре остальныя А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени. Мезенскія былины сохранились лучше и отличаются весьма значительнымъ объемомъ; вообще же и тѣ, и другія довольно близки по складу къ Олонецкимъ, представляя однако легкія отличія въ языкѣ и нѣкоторыя особенныя выраженія. Самый разсказъ иногда уклоняется отъ общепринятыхъ Олонецкихъ преданій, но разница выходитъ только въ частностяхъ; вообще мы имѣемъ дѣло съ тѣми же самыми личностями, съ тѣмъ же строемъ жизни, съ тѣмъ же богатырскимъ міромъ, какъ и въ Олонецкомъ эпосѣ, и остается только удивляться крѣпости богатырскихъ типовъ, которые, разъ сложившись въ народной жизни, безвредно проходятъ вѣка и остаются вѣрными древнѣйшимъ образцамъ, гдѣ бы ни была записана былина—на Бѣломъ ли морѣ, на Волгѣ, или на Уралѣ.

Мы займемся сначала Розановскими былинами. Всего важнѣе изъ нихъ первая: объ ней стоитъ подробно поговорить.

Содержаніе слѣдующее. Въ городѣ Рязани у гостя торговаго Никиты Романовича родился сынъ Добрыня Никитичъ. Рано потерявъ отца, онъ достигаетъ полнаго возраста и начинаетъ совершать богатырскіе подвиги. Молва о немъ расходится по землѣ, доходитъ и до города Мурома, до стараго козака Ильи Муромца. Илья хочетъ посмотрѣть, что за новый богатырь проявился. Ѣдетъ «Осударь» (такъ постоянно величаетъ Илью былина) къ городу Рязани и, подъѣзжая, удивляется внезапной славѣ, пріобрѣтенной этимъ городомъ, и говоритъ съ недоумѣніемъ: «Досель Рязань слободой слыла, нонѣче Рязань слыветъ городомъ». Вспомните, что Рязань была пригородомъ Мурома, долго уступая ему въ значеніи, такъ что слова эти особенно замѣчательны въ устахъ Муромца и намекаютъ на старинное соперничество старшихъ и младшихъ городовъ. Илья пріѣзжаетъ въ Рязань; дѣти, играющія на улицѣ, указываютъ ему домъ Добрыни. Кричитъ Осударь зычнымъ, крычнымъ голосомъ, такъ что палата съ боку на бокъ колыбается. Выходитъ Добрынина матушка и привѣтствуетъ Илью по имени. «Почему ты меня знаешь?», спрашиваетъ Илья.—«Я бывала у васъ въ Муромѣ, знаю тебя съ молодечества».—Чуть ли здѣсь нѣтъ намека на какія нибудь древнія преданія о происхожденіи Добрыни, но объ этомъ скажемъ ниже. Добрыни нѣтъ дома и Осударь ѣдетъ искать его въ поле. Выѣхалъ онъ на шеломя окатистое (это древнее слово очень обыкновенно въ Архангельскихъ былинахъ) и видитъ: въ полѣ богатырь потѣшается, тяжку палицу подбрасываетъ подъ облако. Точно такъ же, по словамъ другихъ былинъ, встрѣчается Илья со своимъ сыномъ Збутомъ-Борисомъ. Илья требуетъ поединка, а Добрыня поступаетъ опять такъ сходно со Збутомъ: спускаетъ сокола съ руки и посылаетъ къ своей матушкѣ извѣстить ее, что онъ въ опасности. Въ пѣснѣ о Збутѣ послѣдняя черта впрочемъ изгладилась: бога-

*) См. «Труды» Этнографическаго Отдѣла, кн. III, вып. I, с. 98—100.

тырь отпускаетъ сокола просто потому, что ему теперь не до него, да и въ той былинѣ, которую мы разбираемъ, посылка сокола не приводитъ ни къ какимъ послѣдствіямъ; но эта самая незаконченность эпизода показываетъ, что были и такіе варіанты, въ которыхъ являлась матушка Добрыни (а можетъ быть и Збута) и прекращала поединокъ своимъ вмѣшательствомъ. Какъ бы то ни было, богатыри вступаютъ въ бой. Описаніе его то же, что въ былинѣ о Збутѣ. Дѣло кончается рукопашной схваткой и въ ней Добрыня одолѣваетъ Илью не силой, а искусствомъ, ибо онъ «мастеръ былъ съ крутой—съ носка спущать». Побѣжденный Илья, послѣ долгихъ отказовъ, наконецъ объявляетъ свое имя и тогда Добрыня падаетъ ему въ ноги и проситъ прощенья въ своей дерзости. «Богъ проститъ», отвѣчаетъ Илья и богатыри заключаютъ между собой братство. Затѣмъ, они ѣдутъ въ Рязань и пируютъ въ Добрыниныхъ палатахъ.

Въ такомъ видѣ сохранилась эта пѣсня. Главное достоинство ея въ томъ, что это единственная былина о Добрынѣ, въ которой вовсе не упоминается объ Кіевѣ. Не только Добрыня является исключительно Рязанцемъ, но и самъ Илья исключительно Муромцемъ. Былина эта не принадлежитъ къ циклу Владимира: это былина, Суздальскаго цикла, въ настоящее время единственная.

О существованіи въ древней Руси особеннаго круга Суздальскихъ преданій, весьма богатыхъ и еще болѣе историческихъ, чѣмъ Кіевскія, было извѣстно и прежде. Многія лѣтописи (всѣхъ болѣе Тверская) сообщаютъ намъ довольно подробные разсказы о Суздальскихъ богатыряхъ и разсказы эти имѣютъ довольно историческій характеръ, будучи весьма обстоятельны и не заключая въ себѣ ничего сверхъестественнаго. По словамъ ихъ богатырь Добрыня былъ не Кіевлянинъ, а Рязанецъ и носилъ прозвище Златой поясъ. Находился онъ на службѣ у великаго князя Константина Всеволодовича, вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ, Нефедомъ Дикуномъ, своимъ оруженосцемъ Торопомъ и многими другими героями, которыхъ преданія насчитываютъ до семидесяти.

Старшимъ между ними былъ Поповичъ. Всѣ эти «храбры», какъ называетъ ихъ лѣтопись, оказали большія услуги Константину, особенно при осадѣ его города Ростова братомъ и соперникомъ Константина Юріемъ Всеволодовичемъ и потомъ на Липецкомъ бою. Но когда, по смерти Константина, сѣверное великое княженіе досталось этому самому Юрію, то «храбры» должны были перейти на службу къ великому князю Кіевскому Мстиславу Романовичу. Тотъ принялъ ихъ съ великою честью, но вскорѣ всѣ они вмѣстѣ со своимъ княземъ погибли на Калкѣ и въ мукахъ, такъ сказать, умерло русское богатырство.

Преданія эти, очевидно, были совершенно независимы отъ Кіевскаго цикла, но въ послѣдствіи Владиміръ заглушилъ въ народной памяти Константина и Мстислава и Суздальскіе герои или вовсе изгладились изъ былинъ, какъ напримѣръ Нефедъ Дикунъ, или слились съ Кіевскими богатырями, носившими сходныя имена. Александръ Поповичъ еще остался Ростовцемъ, но былъ перенесенъ въ Кіевскій кругъ; Добрыня Никитичъ и вовсе сдѣлался Кіевляниномъ и притомъ, не торговымъ гостемъ, а племянникомъ Владиміра по матери. Мы уже имѣли случай указать, что этотъ герой, по всему вѣроятію, замѣнилъ въ Кіевскихъ былинахъ древнѣйшаго богатыря Андриха Добренковича, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись. Но только что разобранная нами былина совершенно чужда этого смѣшенія личностей и потому крайне любопытна. Замѣтимъ впрочемъ, что и у Кирши Данилова одинъ разсказъ объ Добрынѣ начинается словами: «Доселева Разань селомъ слыла» и проч., и тутъ же говорится о рожденіи Добрыни отъ богатаго гостя, но затѣмъ дѣйствіе немедленно переходитъ въ Кіевъ, а Добрыня оказывается племянникомъ Владиміра.

Что же касается до очевиднаго сходства нашей былины съ пѣснью о Збутѣ, то мы объясняемъ его тѣмъ, что какъ южный эпосъ присваивалъ себѣ сѣверныхъ богатырей, такъ и, наоборотъ, Суздальскія преданія занимали у Кіевскихъ богатырскія личности и въ особенности самые мотивы. Какъ кажется, древнѣйшій богатырь Илья Муромецъ, по общерусскому возрѣнію, дѣйствующій по преимуществу въ Кіевѣ, въ частномъ Суздальскомъ эпосѣ — былъ опять перенесенъ въ свой родной Муромъ и сдѣланъ отцемъ мѣстнаго Суздальскаго богатыря Добрыни Никитича. Приэтомъ, разумѣется, были взяты образы и краски изъ былины о Збутѣ. По крайней мѣрѣ, сквозь теперешній видъ Розановской былины очевидно просвѣчиваетъ, что-то древнѣйшее и уже непонятное теперешнимъ пѣвцамъ.

Во второй былинѣ говорится о свадьбѣ Владиміра Новаго то, что богатыря Дуная, который указываетъ невѣсту Владиміру, приводятъ не изъ царева кабака,

а изъ тюрьмы, куда онъ посаженъ за что-то княземъ. Замѣчательно выраженіе — «Копье бусурменское» встрѣчающееся въ этой былинѣ и въ одной изъ слѣдующихъ. До сихъ поръ было извѣстно только копье мурзамецкое или мурзовецкое; изслѣдователи обыкновенно производили это прилагательное отъ мурза, что едва ли не противно духу нашего языка. Теперь, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что мурзавецкій есть искаженіе слова бусурманскій, или можетъ быть мусульманскій, хотя впрочемъ послѣдняя форма кажется не встрѣчается въ древнемъ русскомъ языкѣ. Отмѣтимъ еще хорошую подробность въ эпическомъ вкусѣ. Когда Дунай вышибаетъ изъ сѣдла Нѣпру корелевичну и она падаетъ на землю, тогда «приступилъ копытомъ его добрый конь», то есть придержалъ плѣнницу. Остальныя разпорѣчія представляютъ мало характернаго.

Третья былина о свадьбѣ Ивана Годиновича. Въ ней замѣчателенъ конецъ. Содержаніе ея извѣстно: Иванъ отправляется въ Черниговъ сватать Марью, дочь Черниговскаго князя, но получаетъ отказъ, ибо она уже сговорена за царя Кощея. Иванъ однако беретъ ее силой и ѣдетъ въ Кіевъ. На дорогѣ его догоняетъ царь Кощей. Единоборство кончается въ пользу Ивана, но Марья передается на сторону язычника Кощея и помогаетъ ему связать Кіевскаго богатыря. Ивана привязываютъ къ дубу, надъ его головой садятся два вѣщихъ голубя и человѣческимъ языкомъ пророчатъ гибель Кощею, тотъ пускаетъ въ нихъ стрѣлку, но она отскакиваетъ отъ дерева и попадаетъ ему въ сердце. Затѣмъ, по словамъ большинства варіантовъ, Иванъ обѣщаетъ Марьѣ прощеніе, употребляя при этомъ двусмысленныя слова, но, получивъ свободу, рубитъ ее на куски. Только одинъ варіантъ разсказываетъ, что Марья не повѣрила его обѣщаніямъ и хотѣла отрубить ему голову, но вмѣсто того перерубила веревку, которою онъ былъ связанъ. Но и этотъ варіантъ выражается довольно неясно. Въ нашей былинѣ напротивъ того, разсказъ совершенно отчетливый и прямо говорится, что Ивану грозила смерть отъ руки невѣсты и онъ спасся только случайно. Голуби объясняются двумя ангелами; самая развязка, то есть казнь Марьи, разсказана сходно съ однимъ, уже извѣстнымъ, Олонецкимъ варіантомъ, но приэтомъ есть любопытныя подробности. По словамъ этого варіанта Иванъ убиваетъ Марью не тотчасъ, а везетъ ее въ Кіевъ; по подъѣхавъ къ рѣкѣ, приказываетъ ей сойти съ коня и принести ему воды. Та отвѣчаетъ: «Не воду хочешь ты пить, а меня губить», и тогда Иванъ рубитъ ей голову. Въ нашей былинѣ прибавлена любопытная черта: Иванъ приказываетъ Марьѣ разуть ему сафьянный сапогъ и зачерпнуть воды. Спрашивается, зачѣмъ ему нужна вода? Соображая послѣдующія слова былины, можно думать, что онъ хочетъ вымыть свою саблю послѣ убійства, но это упоминаніе о сапогѣ невольно заставляетъ искать во всемъ эпизодѣ какого нибудь болѣе древняго и общаго смысла. Извѣстно, что сниманіе сапога было исконнымъ свадебнымъ обрядомъ, выражаемымъ подчиненіе жены мужу. Сравните лѣтописный разсказъ о Рогнѣдѣ, нехотѣвшей разуть Владиміра и за это потерпѣвшей такое страшное наказаніе. Кажется, что въ древнѣйшихъ варіантахъ былины объ Иванѣ Годиновѣ отказъ Марьи снять съ него сапогъ и выставлялся окончательною причиной ея смерти. Дѣло въ томъ, что, по словамъ былины, Марья княжеская дочь, а Иванъ человѣкъ незнатнаго происхожденія. Тотъ же самый мотивъ, что и въ легендѣ о Рогнѣдѣ; причемъ роль Ярополка играетъ царь Кощей. Замѣтимъ, что и въ этой и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ, собственныя имена довольно перепутаны. Напримѣръ, Кощей названъ Вахрамеемъ, князь Черниговскій княземъ Ляховецкимъ, и пр. Отмѣчать этихъ очевидныхъ ошибокъ мы не видѣли надобности.

Убивъ Марью, Иванъ моетъ саблю въ Почай-рѣкѣ и возвращается въ Кіевъ; Алеша Поповичъ встрѣчаетъ его насмѣшками: «Здоровъ женился, не съ кѣмъ тебѣ жить». На что Иванъ отвѣчаетъ: «Я женилъ свою саблю вострую». Четвертая былина о Дюкѣ Степановѣ не представляетъ ничего особеннаго. Пятая говоритъ о борьбѣ Ильи Муромца съ Соловьемъ. Есть кое что новаго. Черниговцы, освобожденные Ильей отъ осады, зовутъ его на воеводство въ такихъ словахъ:

«Поди къ намъ, хоть царемъ служи,
Хоть королемъ слыви».

Выраженіе «княземъ служить» уже встрѣчалось въ одномъ варіантѣ, но представлялось чѣмъ-то единичнымъ. Въ Архангельскихъ былинахъ находится еще одно сходное мѣсто, о которомъ скажемъ ниже.

Соловей изображенъ людоѣдомъ. Когда Илья везетъ его прикованнаго къ стремени, дочери разбойника говорятъ, что это должно быть ихъ батюшка везетъ какого нибудь плѣнника на съѣденье малымъ дѣтушкамъ. Но всего замѣчательнѣе окончаніе былины. До сихъ поръ

всѣ варіанты утверждали, что Соловей былъ казненъ въ Кіевѣ, но, по словамъ нашей пѣсни, дѣло окончилось иначе. Илья взялъ выкупъ съ разбойника и раздѣлилъ его на церкви Божіи, на городъ Кіевъ и на «сиротъ православныхъ» (крестьянъ?). А Соловья отпустили домой, взявъ съ него «роту великую». Это древнее слово кажется первый разъ встрѣчается въ эпосѣ. Если, какъ многіе думали, историческимъ прототипомъ Соловья разбойника былъ лѣтописный Могутъ, то нашъ варіантъ ближе другихъ подходитъ къ древнѣйшимъ преданіямъ; ибо, по словамъ Никоновской лѣтописи, Владиміръ помиловалъ Могута. Послѣдніе стихи былины относятся къ страшному людоѣду даже съ какимъ-то особеннымъ добродушіемъ:

«Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ къ своему широку двору,
Оставался Осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ Кіевѣ».

Шестая былина не принадлежитъ къ Кіевскому циклу. Рѣчь идетъ о царѣ Соломонѣ. Замѣчателенъ запѣвъ:

«Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Во Новѣградѣ, прекрасный царь Василій сынъ Окульевичъ».

Варіанты былины о Соломонѣ довольно рѣдки и поэтому имѣютъ особенную цѣнность; что же касается до нашего, то онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ, имѣя значительный объемъ и заключая много хорошихъ подробностей. Особенно хорошо мѣсто, гдѣ говорится о морѣ и корабляхъ. Это объясняется мѣстностью, гдѣ записана былина. Врагъ Соломона прекрасный Василій посылаетъ Василія Пустоволосовича (новое имя) увезти Соломонову жену. Василій Пустоволосовичъ нагружаетъ три корабля сокровищами и, подъ видомъ купца, отправляется въ Царьградъ.

«Приходилъ онъ въ гавань корабельную,
Въ гавань входитъ—платитъ пошлину,
Якоря кладетъ—платитъ пошлину,
Паруса ронитъ—платитъ пошлину».

Затѣмъ, онъ зоветъ царицу Соломониду на корабли, чтобы оцѣнить грузъ. Тамъ онъ подноситъ ей питья забыдущаго.

«Заспала царица Соломонида
Во той каютѣ корабельной,
Выходитъ Василій изъ каюты корабельной,
На тую на палубу дубовую:
«Ужъ ты гой еси дружинушка хоробрая,
«Отсѣкайте якори булатные,
«Выпущайте парусы полотняные».
Въ ту пору дружина не ослышалась,
Отсѣкала якори булатные,
Развивала парусы полотняны;
И пошли изъ гавани изъ корабельныя,
Падала тутъ повѣтерь способная,
Выходилъ Василій на сине море,
И тутъ русская земля-то потаилася,
А невѣрная земля возвременилася».

Когда Соломона берутъ въ плѣнъ и ведутъ на казнь, то онъ, зная, что сейчасъ явится его дружина на встрѣчу, совѣтуетъ бѣгущему за нимъ народу разойтися по домамъ.

«Ужъ вы гой еси, народы православные,
Воротитеся вы пановья-улановья:
Соломонова-то смерть страшна будетъ.
Мудрый народъ воротилися,
А глупый народъ-то впередъ идетъ» и проч.

Окончаніе извѣстное: враговъ Соломона вѣшаютъ на приготовленной для нихъ висѣлицѣ.

Переходимъ къ первой Мезенской былинѣ—перлу всего сборника. Съ ней можетъ поспорить только былина о Добрынѣ Рязанцѣ, но если эта и представляетъ болѣе важности для исторіи русскаго эпоса, то Мезенская превосходитъ ее изяществомъ и обиліемъ подробностей. Самый объемъ ея замѣчателенъ: до 600 стиховъ.

Былина состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой говорится о пріѣздѣ въ Кіевъ Алеши Поповича. Содержаніе совершенно новое. Извѣстно, что хотя объ Алешѣ Поповичѣ и весьма часто упоминается въ эпосѣ, но онъ является въ немъ почти всегда второстепеннымъ лицомъ и притомъ съ самою скверною ролью. Былинъ спеціально ему посвященныхъ до сихъ поръ было извѣстно двѣ: одна о первомъ его пріѣздѣ въ Кіевъ, другая объ освобожденіи имъ своей сестры. Послѣдняя, пожалуй, можетъ быть отнесена и къ Суздальскому эпосу, такъ какъ имя Кіева въ ней не упомянуто. Теперь къ ихъ числу присоединяется еще третій разсказъ. Онъ описываетъ тоже первый пріѣздъ, но совершенно иначе. У Левонтья, попа Ростовскаго, родился сынъ Алеша. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ проситъ у отца дружину хоробрую и отправляется съ ней во чисто поле.

Попъ Левонтій, такимъ образомъ, оказывается имѣющимъ дружину, что не должно насъ удивлять, ибо въ древней Руси протопопы большихъ городовъ близко подходили по значенію къ архіереямъ, а послѣдніе имѣли большой дворъ, иногда же (какъ въ Новгородѣ) и дружину. Алеша пріѣзжаетъ къ тремъ дорогамъ: одна въ Кіевъ, другая въ Черниговъ, третья къ Синему морю. Замѣтимъ эти три дороги: онѣ имѣютъ великое значеніе въ эпосѣ, на этомъ-то перекресткѣ и совершилось большинство подвиговъ воспѣтыхъ былинами. Алеша колеблется между Кіевомъ и Черниговомъ, дружина отсовѣтываетъ ѣхать въ послѣдній городъ. «Во Черниговѣ вина заборчивы, калачницы хорошія, какъ заѣдемъ такъ и загуляемъ—и пройдетъ про насъ славушка не малая, дойдетъ до города Ростова, до Левонтья попа Ростовскаго. Лучше ѣхать въ Кіевъ, поклониться Божіимъ церквамъ». Ѣдутъ къ Кіеву, но этотъ городъ осажденъ Василіемъ прекраснымъ. Богатыри разгоняютъ Татаръ и такимъ образомъ Алеша Поповичъ является освободителемъ Кіева отъ кочевниковъ, что согласно съ разсказомъ Никоновской лѣтописи о древнѣйшемъ богатырѣ Александрѣ Кіевскомъ. Они молятся въ церквахъ Божіихъ и уѣзжаютъ домой. Владиміръ не догадался позвать ихъ на пиръ. Но про ихъ подвигъ прошла славушка не малая:

«Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли города до Кіева,
До тоё ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатиста,
До тоё березоньки кудрявыя,
До того шатра бѣлополотняна,
До того ль удала добра молодца
А по имени до Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того Алешиньки Поповича».

Ставка Ильи, знаменитая Кіевская застава богатырская, описана и въ другихъ былинахъ сходными чертами. Она стоитъ при трехъ дорогахъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, на горѣ Сорочинской и подъ «славнымъ сырымъ дубомъ Невидомъ». Дубъ этотъ въ нашей былинѣ замѣненъ сѣверной березонькой и эта замѣна очевидно поздняя. Что же касается до горы Черниговка, то хотя и можетъ съ перваго разу показаться, что это мѣсто искажено и что рѣчь должна собственно идти о городѣ Черниговѣ, но съ другой стороны и гора Сорочинская имѣетъ уже слишкомъ общее значеніе и отзывается позднимъ временемъ. А потому весьма возможно, что древнѣйшее имя богатырской горы было именно Черниговка, а эпитетъ—Сорочинская—образовался изъ худо разложеннаго стиха: со тоей горы да со Черниговской. Примѣры подобныхъ искаженій часты и даже слишкомъ часты въ нашемъ эпосѣ. Имя Черниговка нѣтъ причинъ ставить въ связь съ городомъ Черниговомъ, ибо самое названіе города очевидно происходитъ отъ именъ собственнаго Чернигъ (сравни Смолигъ). Чернигъ былъ вѣроятно какой нибудь мѣстный Сѣверскій герой, который могъ дать свое имя многимъ Сѣверскимъ урочищамъ.

Дружина Алеши, убѣждая его напасть на Татаръ, говорила, что когда про это узнаетъ Илья Муромецъ, то «не дошедши, старый, намъ поклонится». Илья дѣйствительно отправляется разузнавать про новаго богатыря и, пріѣхавъ въ Кіевъ, спрашиваетъ Владиміра, заѣзжалъ ли къ нему Алеша. Князь наивно отвѣчаетъ: «Были добрые молодцы въ Кіевѣ, молились церквамъ соборнымъ и поѣхали домой; я ихъ тогда на пиръ не позвалъ». Илья приказываетъ устроить теперь пиръ и послать за Алешей Добрыню Никитича. Алеша долго ломается, наконецъ ѣдетъ послѣ того, какъ Добрыня зоветъ его отъ имени Ильи и всѣхъ богатырей поименно. Князь и княгиня встрѣчаютъ его съ великою честью. При этомъ былина, описывая нарядъ Опраксы, говоритъ, что у ней руки по локоть наряжены въ золото, ноги по колѣно въ серебро и на груди камень самоцвѣтный. Былина разумѣетъ нарядъ, но это описаніе напоминаетъ золотыя руки и серебряныя ноги миѳическихъ героевъ, какъ напримѣръ Ярилы, и, очевидно, зашло въ Кіевскій эпосъ изъ миѳическихъ пѣсней. Владиміръ спрашиваетъ Алешу,—какой онъ желаетъ награды, а тотъ требуетъ, чтобы его дружину даромъ поили въ Кіевѣ. Послѣ двухнедѣльнаго пира Илья забираетъ всѣхъ богатырей къ себѣ въ шатеръ и тамъ опять начинается пированье. Этимъ и оканчивается первая половина былины.

Вторая сообщаетъ не столь новыя вещи, но въ сущности важнѣе, потому что дѣло идетъ о единственномъ любовномъ похожденіи Ильи Муромца, похожденіи, о которомъ въ былинахъ до сихъ поръ встрѣчались только намеки. По свидѣтельству множества пѣсней, у Муромца былъ сынъ равный ему силой. Имя его сильно искажено въ большинствѣ варіантовъ, только одинъ Кирша Даниловъ сохранилъ его въ чистомъ видѣ: Збутъ-Бо-

рисъ королевичъ. Равнымъ образомъ, былины по большей части молчатъ и о происхожденіи этого героя съ материнской стороны, а Кирша называетъ его внукомъ короля Задонскаго, то есть вѣроятно Козарскаго. На Козарство указываетъ и двойное имя героя: Збутъ-Борисъ. Збутъ звучитъ вполнѣ по Славянски, но Борисъ есть имя древне Болгарское или точнѣе Угорское, слѣдственно могло употребляться и у Козаръ. Какимъ образомъ произошло знакомство Ильи съ матерью Збута, этого и Кирша не объясняетъ.

Одинъ пѣвецъ разсказывалъ г. Рыбникову, что Илья побѣдилъ однажды паляницу Авдотью Горынчанку и что Збутъ былъ ея сыномъ, но онъ уже не могъ пропѣть объ этомъ былины. Въ одной пѣснѣ изъ сборника Кирѣевскаго мать Збута дѣйствительно говоритъ сыну, что Илья ее въ чистомъ полѣ побилъ и сдѣлался ея любовникомъ, но ничего болѣе нельзя извлечь и изъ этой пѣсни. Всѣ эти намеки сообщаютъ преданію какой-то варварскій оттѣнокъ и нѣкоторыя изслѣдователи даже выражались такъ, что этотъ эпизодъ кладетъ тѣнь на имя Ильи Муромца, хотя съ другой стороны выходитъ страннымъ, что былины какъ будто приписываютъ Ильѣ такой поступокъ, въ которомъ не рѣшаются обвинять и Алешу Поповича. Новооткрытая былина полагаетъ конецъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ и, такъ сказать, завершаетъ нашъ эпосъ. Могутъ открыться пѣсни о новыхъ богатыряхъ, могутъ найтись неизвѣстные еще эпизоды о старыхъ, но въ общихъ чертахъ нашъ эпосъ можетъ уже и теперь считаться полнымъ и законченнымъ.

Илья выспался послѣ пира и, выйдя изъ шатра, смотритъ въ поле. Видитъ онъ, ѣздитъ паляница преудалая, тяжку палицу подбрасываетъ подъ облако. Занятно старому стало, долго онъ смотрѣлъ на гулянку паляницыну. Слово «паляница», слѣдуетъ замѣтить, нѣсколько темно. Олонецкіе пѣвцы объясняютъ его богатыршой, но употребляютъ и въ мужескомъ родѣ, и это употребленіе весьма древнее, ибо встрѣчается у князя Курбскаго. Да и въ нашей былинѣ Илья называетъ паляницу паляницей, еще не зная, что передъ нимъ женщина. Равнымъ образомъ, неясно и самое происхожденіе слова. Пѣвцы иногда произносятъ паляница, такъ что объ полѣ трудно въ этомъ случаѣ думать; впрочемъ существуетъ другое объясненіе отъ слова «палить». Если это такъ, то паляница вѣроятно было въ старину эпитетомъ какой нибудь богини и всего скорѣе Симарглы-синей Молніи, (сравни имя Зореница, которое дается Зарѣ), а въ послѣдствіи его стали примѣнять и къ земнымъ героинямъ. Но довольно объ этомъ. Илья посылаетъ Алешу Поповича спросить паляницу: «Кто она и что ей нужно?» Вмѣсто того Алеша наскакиваетъ на нее съ поднятымъ копьемъ. Но паляница вырвала у него копье, забросила въ поле и говоритъ таковы слова:

«Ужъ ты гой еси Алешинька Поповичъ младъ,
Ужъ ты силою не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
А не спрашивалъ ни имени, ни вотчины,
А и хочешь я тебя смерти предамъ,
Поѣзжай-ко се ты ко бѣлу шатру
И пошли-ко се самого Илью Муромца:
Мнѣ-ка хочется съ нимъ поназваниться».

Пристыженный Алеша возвращается и ничего не говоритъ. Илья посылаетъ Добрыню, тотъ исполняетъ порученіе какъ слѣдуетъ. Паляница отвѣчаетъ ему въ такихъ словахъ:

«Поѣзжай-ко ты Добрынюшка Никитичъ младъ
И пошли-ко се ты ко мнѣ старого:
Про его прошла вѣдь славушка не малая,
Ото востока прошла слава и до запада,
До тоя орды великой, до того Мамая сильного:
Сторожитъ-де старъ козакъ онъ три дороженьки
широкіихъ».

Опять три дороги, которыя мы видѣли уже въ началѣ былины. Это тѣ же, по которымъ совершились три значительныя поѣздки Ильи Муромца. Одна по Черниговской дорогѣ: тамъ Илья нашелъ замокъ прекрасной королевичны. Другая по дорожкѣ къ синему морю, и къ землѣ Греческой, гдѣ онъ разбилъ разбойничью заставу. Третья — черезъ Кіевъ въ землю Латынскую: тамъ онъ нашелъ кладъ. На самомъ пересѣченіи дорогъ лежитъ бѣлъ горючь Латырь камень, на которомъ Муромецъ прочелъ извѣстную пророческую надпись. Этотъ Латырь камень не разъ упоминается въ былинахъ при описаніи богатырской заставы и помѣщается возлѣ сыра дуба Невида. А самое поле, гдѣ по преимуществу дѣржатся богатыри, зовется въ былинахъ Куликовымъ, что конечно есть искаженіе. Встрѣчается другое имя поле Елескино, но объ древности и значеніи его покамѣсть трудно что нибудь сказать.

Илья, услышавъ дерзкое требованіе паляницы, приходитъ въ гнѣвъ и скачетъ въ чистое поле. Начинается бой съ чертами извѣстными изъ былины о Збутѣ. Отмѣтимъ только одну подробность. Когда герои начи-

наютъ биться палицами, то «отъ рукъ палицы загорѣлися, по спаямъ палицы распаялися». Илья наконецъ одолѣваетъ и разстегиваетъ кольчугу у врага, чтобъ его заколоть, но видитъ, что это женщина. «Какъ на то старый былъ жалостливъ», замѣчаетъ пѣсня. Онъ спрашиваетъ имя, паляница не отвѣчаетъ, какъ и требуетъ богатырскій этикетъ, но Илья все таки подымаетъ съ земли, ведетъ въ свой шатеръ и сажаетъ за столы убранные, за яства сахарныя. Тамъ они проводятъ три дня и три ночи. «И сами двоима забавлялися и тайными словами занималися». Ни объ какомъ пасиліи такимъ образомъ нѣтъ и рѣчи. Пріѣздъ паляницы на богатырскую заставу совершенно сходенъ съ классическимъ преданіемъ о томъ, какъ царица Амазонокъ пріѣзжала къ Александру Македонскому, чтобы имѣть отъ него сына богатыря.

Отпуская паляницу, Илья даетъ ей перстень со ставкою драгоцѣнною, и подписью именною старого. Черта весьма обыкновенная въ сходныхъ преданіяхъ, но въ нашемъ эпосѣ встрѣчается еще въ первый разъ. Онъ говоритъ ей такія слова: «Если родишь дочь, то дай ей перстень въ приданое, если родишь сына, корми его до полнаго возраста, дай ему этотъ перстень и посылай въ чистое поле, да скажи ему, что если увидитъ онъ въ чистомъ полѣ старого (то есть Илью), такъ не дошедши пускай поклонится». Уѣхала паляница къ синему морю, къ сѣрому камешку, къ палатамъ бѣлокаменнымъ, стала жить въ палатахъ бѣлокаменныхъ. Мѣсто означено правильно, ибо Хозарія лежала при Каспійскомъ морѣ. По словамъ нашей былины, въ ней, какъ мы уже видѣли, царствуетъ Мамай, его, то дочерью кажется и была паляница. У Кирши Данилова вслѣдъ за истребленіемъ Мамая и его войска является какая-то паляница Мамаигна и вызываетъ на поединокъ богатырей, впрочемъ наконецъ погибаетъ. Это очевидно одно лицо съ нашей паляницей преудалой. И родила она чадо милое, дала ему имя сильный, могучій богатырь Подсокольникъ. Въ другихъ варіантахъ правильно: Сокольникъ. Это впрочемъ прозвище, настоящее имя Збутъ-Борисъ. Ростетъ молодецъ до 7 годовъ; сталъ ходить на улицу широкую, съ малыми ребятками потѣшатися. И называютъ его ребятки безотеческимъ: нѣтъ-де у тебя родна батюшка. Обидѣлся молодецъ, идетъ къ родной матушки: государыня родна матушка, отчего же у меня нѣтъ батюшка? Та даетъ ему въ утѣшеніе золотой перстень. Надѣлъ его богатырь на руку. А все носилъ этотъ перстень, не любя, а все зло несетъ на батюшка. Такъ рано зараждается въ немъ ненависть противъ отца. Очевидно, что здѣсь дѣло не въ мести за оскорбленіе матери, какъ думали иные, а въ оскорбленномъ самолюбіи молодого королевича.

Достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, богатырь ѣдетъ въ чистое поле. Мать предостерегаетъ его на счетъ Ильи, не сказавъ впрочемъ, что это его отецъ; но богатырь не обращаетъ вниманія на предостереженіе и вступаетъ въ бой съ Муромцемъ. Дальнѣйшій разсказъ большею частью извѣстенъ. Есть и отличія. Збутъ, одолѣвъ отца, запоситъ на него ножъ, и тутъ-то Илья узнаетъ свой перстень. Взмолился старый къ Господу и осилилъ врага. По разспросамъ онъ убѣждается, что это его сынъ отъ «той лютой Златогорки сильной». Въ другомъ мѣстѣ Златыгорка, что напоминаетъ бабу Латыгорку, встрѣчающуюся въ другихъ былинахъ. Латыгорка объясняли отъ Латырь-гора; какая форма древнѣе, трудно сказать. Илья называетъ Сокольника сыномъ любимымъ и говоритъ таковы слова: «Гуляй, дитятко, по чисту полю, не проливай крови безвинныя, не губи силу напрасную; поѣзжай ко синю морю, поклонись отъ меня своей матушкѣ». У Кирилы Данилова Илья совѣстится признаться сыну и онъ ограничивается тѣмъ, что посылаетъ поклонъ. Этотъ стыдъ приличествуетъ Ильѣ, но и мѣстѣ сто, которое мы привели, имѣетъ свои достоинства. Козарскій богатырь приходитъ въ бѣшенство, узнавъ, что онъ незаконный сынъ Муромскаго крестьянина. Онъ ѣдетъ къ синю морю и подъѣхавъ къ палатамъ, немедленно кричитъ громкимъ голосомъ: «Ужъ ты гой еси злолихо, паляница преудалая, встрѣчай сына изъ чиста поля». Выбѣгала паляница преудалая, встрѣчала сына любимаго. Встрѣтилъ ее молодецъ острымъ копьемъ, пала паляница на сыру землю. Богатырь ѣдетъ къ шатру Ильи и нападаетъ на соннаго отца. Но его копье сокрушается о чуденъ крестъ, а разъяренный Муромецъ вскакиваетъ, съ просонковъ подбрасываетъ сына подъ облако и разбиваетъ его на куски. По нашему варіанту королевичъ является такимъ образомъ матереубійцею; другія былины молчатъ объ судьбѣ паляницы, только у часто поминаемаго Кирилы намекается, что она послѣдовала за сыномъ въ чистое поле, желая, вѣроятно, предовратить отцеубійство и погибла отъ руки Добрыни (сравни былину о Добрынѣ Рязанцѣ). Но Кирила уже самъ не понималъ, что рѣчь идетъ о матери Збута, почему его разсказъ и вышелъ слишкомъ блѣденъ. Такъ

или иначе, по эпосъ долженъ былъ похоронить и мать героя: иначе не было бы надлежащей закопченности.

Этотъ страшно трагическій разсказъвстрѣчается чуть не у всѣхъ народовъ, но убійство сына отцемъ происходитъ всегда по ошибкѣ и въ этомъ-то и заключается трагизмъ событія. Вѣроятно и наши древнѣйшія преданія объясняли дѣло такъ же, но Кіевскій эпосъ отнесся къ нему уже съ другой—религіозной точки зрѣнія. По общему строю нашихъ былинъ, изъ незаконной связи великаго, и чуть ли не святаго, богатыря съ языческой героиней и не могло выдти ничего хорошаго. Похожденія, которыя проходятъ даромъ Добрынѣ и другимъ богатырямъ, не могли пройти даромъ для первенствующаго героя и страшная кара, ниспосланная Ильѣ, необходима для примиренія эпоса съ его личностью.

Слѣдующая былина представляетъ варіантъ пѣсни о битвѣ богатырей съ царемъ Мамаемъ. Варіантъ впрочемъ весьма самостоятельный и очень изящный. Царь Мамай приходитъ подъ Кіевъ и посылаетъ своего зятя, царя Василія: этотъ герой по настоящему долженъ являться только въ пѣсняхъ о Соломонѣ и пожалуй о Михайлѣ Потыкѣ. Мамай приказываетъ зятю писать письмо Владиміру, да не простое: «Заголовье печатай краснымъ золотомъ, посередкѣ частымъ серебромъ, а ужъ мы подпишемъ, высадимъ скатнымъ жемчугомъ, по угламъ посадимъ по камню самоцвѣтному». Съ такимъ письмомъ Василій отправляется въ Кіевъ. Владиміръ не знаетъ, что дѣлать. Какъ водится пріѣзжаетъ Илья и проситъ отсрочки. Посолъ послѣ долгихъ отказовъ соглашается и за это его дарятъ соболями и золотыми блюдами. Илья посылаетъ Потаню хроменькаго (упоминается и въ предыдущей былинѣ: этотъ герой собственно принадлежитъ къ Новгородскому кругу) сзывать богатырей. Они перечислены по имени и почти тѣ же, что въ былинѣ о Збутѣ. Замѣтимъ, что въ числѣ ихъ упомянутъ Михайло Игнатьевичъ съ племянникомъ. Это, какъ видно, братъ Данилы Игнатьевича, пошедшаго въ монахи; о сынѣ его, Михайлушкѣ Даниловичѣ, есть особая былина. Эти два богатыря Данило и Михайло суть, какъ мы уже имѣли случай показать, одно лицо съ мужиками Залѣшанами: Михайло въ другихъ варіантахъ обыкновенно называется Никитой. Въ нашей былинѣ упомянуты кромѣ того новые богатыри: два брата Шапы Иванычи и два брата Суздальцы. Изъ Шаповъ извѣстенъ по другимъ варіантамъ только Давидъ Шапъ, по прозвищу Поповъ, соперникъ Солóвья Будимировича. Суздальцы являются первый разъ, если не считать довольно загадочнаго Суровца Суздальца у Кирши. Богатыри говорятъ, что они рады стоять за Кіевъ, только изволь, Владиміръ, выставить въ чистое поле по сороку бочекъ хлѣба бѣлаго и чернаго и зелена вина, чтобъ было богатырямъ чѣмъ утѣшиться по пріѣздѣ съ побоища. Но они принимаются утѣшаться и раньше. Наконецъ Илья начинаетъ думать, кого бы послать осмотрѣть татарскую силу. Послать не кого: Самсонъ Колуванъ силенъ, да не поворотливъ, Дунай задоренъ; остальнымъ не сдѣлать этого дѣла; надо ѣхать самому. Касательно этого Самсона Колувана или Колыванова слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе. Въ нашей послѣдней статьѣ о былинахъ (въ 9 и 10 книгахъ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ) мы, говоря о богатырѣ Самсонѣ, объясняемъ его имя библейскимъ заимствованіемъ, а отчество Колывановичъ сочли остаткомъ древнѣйшаго имени этого исполина. Но недавно Ѳ. А. Гиляровъ указалъ намъ мѣсто въ 4 й Новгородской лѣтописи, гдѣ упомянуто о Самсонѣ Колывановѣ. Оказывается, что это былъ Новгородецъ, ходившій въ XV-мъ вѣкѣ на Югру и погибшій со всею дружиной, изъ чего выходитъ, что ни въ имени Самсона нельзя искать чего нибудь библейскаго, ни въ имени Колывана чего нибудь древняго или тѣмъ болѣе миѳическаго. Самсонъ Колывановъ есть позднѣйшій герой, котораго въ послѣдствіи перенесли въ Кіевскій кругъ, подобно многимъ другимъ богатырямъ. Возвращаемся къ разсказу. Илья является въ станъ Мамая переодѣтый калѣкою. Мамай по обыкновенію разспрашиваетъ его про Илью Муромца, что Илья описываетъ весьма скромными чертами. Мамай смѣется: что же это за богатырь? вотъ у меня Рославнѣй Рославнѣевичъ ѣстъ по быку за разъ. Такимъ образомъ Идолище погапое другихъ былинъ получаетъ собственное имя хотя и не древнѣе (Еруслань). Илья разсказываетъ извѣстную притчу о прожорливой собакѣ. Дѣло кончается дракой: Илья убиваетъ Мамая и его зятя, вскакиваетъ на коня и пачинаетъ расправляться. Слѣдуетъ превосходное мѣсто:

«И добрался до свого добра копя,
Скоро старый на коня вскочилъ:
И смутились у старóго очи ясныя,
Разгорѣлось у старóго ретивó сердце.
Не увидѣлъ, старый, свѣту бѣлаго,
Не узналъ тугъ, старый, ночи темныя.
Расходились у его плечи могучія,

Размахнулись у его руки бѣлыя:
Зазвенѣла его палица боевая
И зачивкала то сабля его вострая,
Затрубилъ тутъ старый да во турій рогъ.
И наѣхали удалы, добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормлёные,
Тѣ же сильные могучіе богатыри....»

Остальное понятно. Богатыри побили силу и ѣдутъ домой. Братьевъ Суздальцевъ оставили въ станѣ, чтобы было кому встрѣтить богатырей, но они не утерпѣли, приняли участіе въ битвѣ и послѣдними вышли изъ боя. Ѣдутъ они и похваляются: «Кабы была тутъ сила небесная, мы бы и съ ней справились». Только молвили, Татарская сила ожила и встала на ноги. Въ страхѣ они догоняютъ богатырей и каются. Тѣ возвращаются, но не могутъ ничего сдѣлать. Наконецъ Илья молится Богу: «Ты прости насъ во первой винѣ, за тѣ слова глупыя, за тѣхъ братьевъ Суздальцевъ». Сила падаетъ опять на землю, а богатыри поѣхали молиться къ пещерамъ Кіевскимъ и тутъ всѣ переставились. Былина эта переходитъ, такимъ образомъ, въ былину о гибели русскихъ богатырей, но развязка всетаки смягчена. Герои умираютъ за свою вину, но по крайней мѣрѣ умираютъ по христіански: не каменѣютъ въ полѣ, какъ по другимъ варіантамъ.

Былина о гибели богатырей образовалась главнымъ образомъ на основаніи преданія о битвѣ накалкѣ, гдѣ по словамъ многихъ лѣтописей погибли всѣ богатыри и погибли именно за гордость. Эта битва на первыхъ порахъ прошла безслѣдно для русской земли, ибо Татары вернулись домой, но богатырство окончилось. Братья Суздальцы, изъ за которыхъ вышла бѣда, по древнѣйшимъ преданіямъ не были съ Александромъ Поповичемъ и Добрыней Рязанцемъ, которые, по увѣренію лѣтописей, пришли въ Кіевъ изъ Суздальщины и считались сильнѣйшими между богатырями.

Третья былина о Дюкѣ не изъ лучшихъ, но представляетъ крайне странную вещь. При описаніи Дюкова двора говорится, что тамъ три церкви: первая Спасу, другая Богородицѣ, третья его Дюковой родной матушкѣ. Изъ этого грубо двоевѣрческаго мѣста слѣдуетъ, что матушка Дюка Степановича есть какъ бы богиня, да ниже она и изображена съ божественными примѣтами: солнце во лбу и на затылкѣ мѣсяцъ. Выходитъ, что пѣсни о Дюкѣ не столь поздняго сложенія, какъ это обыкновенно думали, и что въ первоначальныхъ былинахъ его неслыханное богатство объясняли очень просто тѣмъ, что это богъ, являющійся въ кругу смертныхъ. Напротивъ того теперешняя редакція этихъ пѣсней конечно относится къ тому времени, когда уже стали проступать сословныя различія, то есть къ довольно поздней эпохѣ. Мезенская былина сохранила и другую любопытную черту. Во всѣхъ варіантахъ Дюкъ, превосходя другихъ богатырей, вовсе приниженъ передъ Ильей; здѣсь же этого нѣтъ. Дюкъ вмѣстѣ съ Ильей, Добрыней и Алешей отправляется скакать черезъ Нѣпру-рѣку. Этотъ скачекъ удается только Дюку: всѣ остальные богатыри погибаютъ. Замѣтимъ, что вслѣдствіе божественнаго происхожденія героя самое хвастовство его дѣлается понятнѣе, а то если видѣть въ немъ только Галицкаго боярина, то невольно приходится удивляться сочувствію, которое обнаруживаютъ былины къ этому привередливому щеголю.

Четвертая былина говоритъ о сорока каликахъ и ихъ атаманѣ Михаилѣ Потыкѣ. Она озаглавлена «Еленинскій стихъ»; въ текстѣ же былины говорится, что калики поютъ Владиміру Еленскій стихъ (Еллинскій?). Отъ пѣнья князь чуть живъ сидитъ въ повозкѣ; увалился Аленька извощичекъ, увалился Добрынюшка запятничекъ. Разсказъ очень полный: особенно подробно описываются искушенія, которымъ подвергала Потыка княгиня Опраксія и хитрость, употребленная ею съ цѣлью погубить героя. Чара Владиміра названа братиной.

По краткости времени мы не могли ознакомиться съ остальными матеріалами, какъ они того заслуживаютъ. Но уже и теперь считаемъ себя вправѣ заявить, что собраніе заклинаній, по необыкновенной полнотѣ и разнообразію, а также и по замѣчательной свѣжести языка, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки. Равнымъ образомъ и въ остальныхъ частяхъ сборника найдутся цѣнныя вещи. Весь сборникъ заслуживаетъ напечатанія; былины же всего болѣе.

Н. Квашнинъ-Самаринъ.

II. СТАРИНЫ ИЛИ БЫЛИНЫ.

1. СТАРИНА ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА И ИЛЬЮ МУРОМЦА *).

Жилъ, былъ торговый гость
Никитушка Романовичъ.
Живучись-то Никитушка приставился.
Оставалась у Никиты любима̀ семья,—
Любима́ семья, молода́ жена,
Еще оставалось чадо милое,—
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитичъ.
Сталъ-то Добрынюшка на возрастѣ,
Какъ ясной соколъ на возлѣтѣ.
Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ съ крутой,—съ поска̀ спущати.
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ.
Дошла эта слава до славнаго города до Мурома,—
До стара́ козака̀ до Ильи до Муромца.
Собирался Осударь нашъ Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ Осударь Илья Муромецъ ко славному городу,
ко Рязани.
Самъ своимъ умомъ размышляетъ:
Досель Рязань—городъ слободо́й слыла,
Нониче Рязань слыветъ городомъ.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
Во славный горо́дъ во Рязань.
Ѣдетъ Осударь по Рязани
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
«Скажите про Добрынинъ про широкій дворъ».
Доводили тутъ ма́лы ребяточки
До Добрынина широка двора.
Сидитъ Осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то Осударь зычнымъ голосомъ.
Сыра-то земля потрясалася,
Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
Отпирала Добрынюшкуна матушка
Окошечка немножечко;
Говорила съ Осударемъ потихошеньку:
«Ужъ ты здравствуй, старый козакъ Илья Муромецъ!»
Говоритъ Осударъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь».
Говоритъ вдова благочестивая:
«Я была у васъ въ Муромѣ,
«Я видала тебя изъ молодечества.
«Еще знать молодца по постункѣ,
«Еще знать со̀кола по полѣту».
Говоритъ: «добро жаловать ко мнѣ
Хлѣба-соли ѣсть».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«У тея гдѣ чадо милое?»
Говоритъ вдова благочестивая·
«Уѣхалъ у меня чадо милое
«На тѣ ли на тихи вешни заводи
«Стрѣлять гусей и сѣрыхъ уточекъ.
И пернастыхъ малыхъ утятокъ".
Немного богатырь нагво̀рилъ
Поѣхалъ изъ города, выѣхалъ на ше́ломя ока́тисто.
Смотритъ Осударь Илья Муромецъ, —
Смотритъ по чисту полю.
Завидѣлъ во чистомъ полѣ
Бога̀тырь потѣшается:
Высоко онъ мечетъ палицу по подпебесью,
На бѣлиньки ручьки подхватываетъ.
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ,
Пріѣхалъ ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричитъ-то зычитъ крычнымъ голосомъ:
«Тебѣ полно бога̀тырь потѣшатися
«Намъ пора съ тобой потягатися!

*) Первыя шесть старинъ записаны св. Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Поются онѣ протяжно, всѣ на одинъ голосъ.

Снимаетъ Добрынюшка со правà плеча ясна сокола
Посылаетъ ко матери ко родимыя:
Скажитко ясный соколъ: «наѣхалъ на меня богàтырь».
Разъѣхались богàтыри по чисту полю
Съѣхались богàтыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми:
Они другъ друга не ранили.
Разъѣхались братаны во второй накòнъ;
Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися, —
Другъ друга богàтыри не ранили.
Разъѣхались братаны во третьéй наконъ,
Копьями они ударились; —
Другъ друга богàтыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье за подбрудное,
По колѣнъ-то въ сыру землю втоптался.
По Добрынюшкину было по счастьицу
У Осударя права ножка подвернулася, —
Лѣва ручька оскользнулася.
Мастеръ былъ Добрынюшка боротися,
Сшибъ Осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ Осударю на бѣлы груди.
Вымаетъ изъ цынгалища булатенъ ножъ.
Самъ сидитъ-то Добрыня приразду́мался:
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ты коего города, коéй земли?
«Какъ тя мòлодца именéмъ зовутъ»?
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Кабы былъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Не спросилъ я у тя ни про родину,
«Споролъ бы у тебя бѣлы груди».
Спрашиваетъ Добрыня во второй наконъ.
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Кабы сидѣлъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Споролъ бы я у тебя бѣлы груди,
Посмотрѣлъ бы у тебя рѣтивà сердца».
Говоритъ Добрыня во третей наконъ!
«Ты коегò города, коей земли?
«Тебя, какъ мòлодца именéмъ зовутъ»?
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Я изъ славнаго города изъ Мурома,
«Старый козакъ, Илья Муромецъ».
Соскачетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Беретъ его за ручку за правую,
Подымаетъ Осударя на рѣзвы ноги,
Падатъ Осударю во рѣзвы ноги:
«Прости меня въ таковой винѣ»!
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Тебя Богъ проститъ, Добрынюшка Никитичъ,
Ужъ тутъ братаны побратались,
Побратались, покрестовались:
«Ты будь Добрынюшка малый братъ.
А я Осударь, старшій братъ».
Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрынинои.
Въѣхали въ городъ во Рязань
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкой дворъ.
Встрѣчаетъ ихъ вдова благочестивая,
Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

II. СТАРИНА ПРО ВЛАДИМІРОВУ СВАДЬБУ.

Заводился у Владиміра почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру пьяны, веселы, —
Всѣ на пиру напивалися,
Ужъ какъ всѣ на пиру наѣдалися.
Ужъ какъ всѣ на пиру приразхвастались:
Иной-то хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Глупой-то хвастаетъ молодой женой,
А неразумной похваляется родной сестрой.
Ходитъ Владиміръ по палатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Всѣ у меня въ городѣ поженены,
«Всѣ красны дѣвицы исподаваны.
«Одинъ-то я Владиміръ холостъ хожу,
«Холостъ хожу, — не женатъ слыву;
«Не знаетъ ли кто мнѣ обручницы, —
«Обручницы мнѣ-ка сопротивницы,
«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ, сверстна,
«Бѣлое лицо будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы, будьто маковъ цвѣтъ,
«А ясны очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя,
«Чтобы было кому поклонитися»?
Спрашиваетъ Владиміръ во второй наконъ:
«Не знаете ли мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы

«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна».
Изъ за того стола изъ за окольнаго
Изъ за той изъ за скамьи бѣлодубовой
Выходитъ дородній добрый молодецъ
На имя Добрынюшка Никитичъ нашъ;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Благослови—тко се Владиміръ слово молвити,
«Не могитко се меня за слово скоро сказнити,
«Ужъ я знаю тебѣ обручницу,
«Обручницу, знаю сопротивницу.
«Она возрастомъ не мала, — умомъ сверстна;
«Бѣло лицо будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы будьто маковъ цвѣтъ,
«А ясны-то очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя.
«Ужь я самъ не видалъ, такъ отъ людей слыхалъ.
«Ужъ я слышалъ отъ брата названаго, —
«Отъ названаго — отъ крестоваго —
«Отъ сильнаго Дунаюшка Иванова.
«Сидитъ-то Дунай въ темномъ погребѣ.
Сидитъ-то Дунай ровно три года».
«Бери-тко Добрынюшка золоты ключи,
«Отмыкай-ко темны погребы,
«Выпущай-ко Дунаюшка на бѣлый свѣтъ?
«У меня, право, Дунай въ забытьи пришелъ».
Ужъ беретъ-то Добрыня золоты ключи,
Отмыкаетъ Добрыня темны погребы.
Сидитъ-то Дунай въ темномъ погребѣ.
Читаетъ книгу Дунай Ивановичъ.
Самъ сидючись, прирасплакался:
«На что я Владиміру понадобился,
«Или хочетъ сказнить меня, вѣсити?»
Говоритъ-то Добрынюшка Никитичъ:
«Добро жаловать ко Владиміру на почестенъ пиръ,
«На почестенъ хлѣба соли ѣсть,—
«Хлѣба соли ѣсть, пива меду пить».
Выходитъ Дунаюшко Ивановичъ,—
Выходитъ изъ темна погреба;
Идутъ-то Дунай въ палаты бѣлокаменны,—
Идутъ на почесенъ пиръ съ Добрынюшкой Никитичемъ.

Идутъ во гридню княженецкую.
Зашелъ-то Дунай въ гридню княженецкую.
Онъ крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому:—
Бьетъ-то челомъ князю Владиміру,
Всѣмъ русскимъ богатырямъ по обычаю.
«Садись-ко Дунаюшко за дубовой столъ—
«За дубовой столъ хлѣба соли ѣсть?»
Садили Дуная во больше мѣсто—
Во больше мѣсто во большой уголъ.
Наливали чару зелена вина,—
Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьянаго,—
Пива пьянаго полтора ведра.
Принимаетъ вино Дунаюшко единой рукой,
Выпиваетъ Дунаюшко единымъ духомъ,
Запиваетъ Дунай пивомъ пьянымъ.
Хмѣлина у Дуная въ головѣ появилася.
Говоритъ-то Володиміръ стольно-кіевскій:
«Ужъ ты гой еси Дунаюшко Ивановичъ!
«Не слыхалъ-ли ты мнѣ-ка обручницы,
«Обручницы мнѣ сопротивницы,
«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
«Бѣло-то лице, какъ бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы-то будто маковъ цвѣтъ,
«Ясны-то очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя,
«Чтобы было кому поклонитися?»
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ужъ я знаю тебѣ обручницу,—
«Знаю тебѣ сопротивницу;
«Есть у короля Задонскаго
«Есть у короля двѣ дочери.
«Перва дочь Настасья королевишна.
«Настасья королевишна не тебѣ верста.
«Ѣздитъ во чисто поле—полякуетъ,
«Слыветъ паляницей преудалою.
«А есть Опраксея королевишна.
«Сидитъ Опраксея въ новой горницѣ,
«Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
«Чтобы лишни-то люди не взрили.
Говоритъ-то Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ты гой еси Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты бери силы, сколько надобно,
«Ты бери казны, сколько надобно»?
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Мнѣ не надо твоя сила великая,
«Мнѣ не надо твоя золота казна;
«Ужъ я съ силой-то пойду не воевать стану; —
«Казной твоей не торговать стану.
«Ужь я силой возьму богатырскою,

А грозою возьму книженецкою.
«Только дай мнѣ-ка два брателки названныя; —
«Два названыя крестовыя:
«Во-первыхъ-то Добрынюшку Никитича,
«Во-вторыхъ Олешеньку Поповича».
Говоритъ-то Владиміръ стольно кіевскій:
«Беритко Дунай что тѣ надобно».
Сбирается Дунай, со братьями крестовыми».
Пошли да братаны на конюшенъ дворъ;
Берутъ-то коней своихъ добрыихъ;
Уздаютъ во уздицы во тесмянныя;
Сѣдлаютъ во сѣделечка Черкасскія; —
Сбираются богатыри, сряжаются.
Провождаетъ Владиміръ стольно-кіевскій
Провожаетъ со чести со радости.
Поѣхали братаны во чисто поле.
Во чистомъ полѣ курева стоитъ.
Ѣдутъ ко царству ко Задонскому.
Къ тому королю ко Задонскому, —
Заѣзжаютъ въ королевство Задонское,
Въѣзжаютъ къ королю на широкій дворъ.
Они мечутъ коней на широкомъ дворѣ, —
Непривязанныхъ мечутъ, неприказанныхъ, —
Не разнузданныхъ, не разсѣдланныхъ.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ужъ ты брателко Олешенька Поповичъ,
«Останься-ко Олешенька на широкомъ дворѣ
«Сѣки-ко ты Татаръ стараго и малаго,
«Не покидай ни единаго на сѣмена».
Пошли со Добрыней со Никитичемъ,
Пошли на новы сѣни.
Оставляетъ Добрынюшку Никитича,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Съ боку на бокъ палата сколебается.
«Сѣкитко стараго и малаго,
«Не оставляй ни единаго на сѣмена».
Пошелъ-то Дунаюшко Ивановичъ;
Зашелъ въ палату королевскую;
Кланяется чуднымъ образамъ;
Онъ крестъ-отъ кладетъ по писанному,
Поклонъ-отъ ведетъ поученому,
Челомъ бьетъ королю Задонскому:
«Здравствуй король земли Задонскія»!
—«Здравствуй Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты за чѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ,
«Жить — служить по старому»?
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Я пріѣхалъ жить къ тебѣ не по старому —
«Не по старому — не по прежнему, —
«Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься,
«Что на той Опраксеѣ королевишнѣ —
«Да на той же на Настасьѣ Королевишнѣ».
Говоритъ-то король земли Задонскія:
«Кабы была Настасья Королевишна,
«На долонь бы посадила, другой сжала
«Межь долонями мокро стало».
Лишё тутъ-то Дунаю за бѣду пало,
Горячá кровь раскипѣлася—
Лѣпота въ лицѣ перемѣнилася.
Хватилъ татарина онъ за ноги,
Сталъ татариномъ помахивать;
Прибилъ всѣхъ пановей улановей—
Всѣхъ поганыхъ татаровей.
Вышелъ Дунай на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
Пошелъ-то Дунай во высокъ теремъ.
Свернулъ Дунай 12 замочниковъ висучіихъ;
Онъ прибилъ тутъ всѣхъ крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то въ горницу высокую
Ко той Опраксеѣ Королевишнѣ.
Сидитъ Опраксея Королевишна
Вышиваетъ ширинку красна золота.
Встала Опраксея на рѣзвы ноги;
Беретъ-то Дунай за праву руку
Опраксею Королевишну;
Повелъ-то Дунаюшка Ивановичъ.
Идетъ-то Опраксея Королевишна
Идетъ по новымъ сѣнямъ.
Тутъ Опраксéя прирасплакалась.
«Ты умѣлъ меня батюшка вспоить вскормить.
«Не умѣлъ меня батюшко замужъ отдать.
Отдаешь ты меня не съ чести, не съ радости,—
Не съ чести, не съ радости, — съ кровопролитьица.
Выходитъ король земли Задонскія,
Зоветъ онъ Дунаюшка Иванова.
«Добро жаловать Дунаюшко Ивановичъ,
«Хлѣба соли ѣсть, вина съ медомъ пить».
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
«На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
«На отъѣздѣ гостя не уподчивать»;
Подходитъ Дунай ко добрымъ конямъ.

Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садилъ позади себя.
Поѣхали Дунаюшка Ивановичъ,
Поѣхали вонъ изъ города.
Ѣдутъ Дунай по чисту полю,
Наѣхали, Дунай ископыть глубокую.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ты братецъ Добрынюшка Никитичъ,
«Бери-тко Опраксею Королевишну.—
«Бери-ткось на добра́ коня.
«Я поѣду по ископыти глубокія».
Отдаватъ Добрынюшкѣ Никитичу,
Говоритъ: «поѣзжай-ко Добрынюшка Никитичъ
«Поѣзжай во красѣнъ Кіевъ градъ
«Со той съ Опраксеей Королевишной.
«Я поѣду по ископыти глубокія».
Еще тутъ братаны разъѣхались.
Наѣхалъ Дунаюшко паляницу преудалую
Разъѣхались съ паляницей преудалою.
Какъ ударилъ копьемъ Бусорменскіимъ,—
Вышибъ паляницу преудалую—
Пала паляница на сыру землю,—
Приступилъ-то копытомъ его добрый конь.
Беретъ паляницу за бѣлы руки,
Садитъ паляницу на добра коня.
Поѣхалъ Дунаюшко Ивановичъ.
Наѣхалъ Добрынюшку Никитича.
Ѣдутъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаютъ въ Кіевъ скорошенько.
Встрѣчаютъ ихъ во Кіевѣ,—
Встрѣчаютъ со чести, со радости:
Встрѣчаетъ Владиміръ стольпо-кіевскій.
Повелось пированьице—почестенъ пиръ.
Пировали,—столовали по первой день
И законъ Божій приняли,—
Тутъ Дунаюшко обручился
Съ той Настасьей Королевишной.

III. СТАРИНА ПРО ИВАНУШКО ГОДЕНОВА.

Заводился у Владиміра почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру пьяны—веселы.
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Новой хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новой хвастаетъ сбруей лошадиною.
Владиміръ ходитъ по гриднѣ княженецкія,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ что же ты Иванушко не пьешь,—не ѣшь,
«Не пьешь ты не ѣшь—не кушаешь»?
Выходитъ Иванушко Годеновичъ
Изъ того изъ за стола дубоваго
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Бласлови-тко-се мнѣ Владиміръ женитися»?
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Тебя Богъ бласловитъ Иванъ женитися,
«Хошь ты въ Кіевѣ женись, хошь въ Черниговѣ,
«Хошь у князя женись, хошь у боярина».
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
«Не хочу я женитися во Кіевѣ,
«Не хочу я женитися во Черниговѣ.
«Только дай мнѣ ка благословеньице—великое.
«Есть у короля Ляховинскаго,
«Есть Овдотья—лебедь бѣлая.
«Сидитъ-то Овдотья въ новой горницѣ,
«Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
«Чтобы лишни-то люди не зазрили,
«Бласлови мнѣ-ка туда ѣхати»?
«Богъ бласловитъ Иванушко женитися,
«Бери ты силы, сколько надобно
«Бери ты золотой казны, сколько надобно».
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
«Ужъ я съ силой пойду, не воевать стану,
«Съ золотой казной, не торговать стану;
«Ужъ я силой своей возьму богатырскою
«А грозой возьму княженецкою».
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ-то Иванъ на широкой дворъ.
Онъ беретъ коня,—лошадь добрую.
Поѣхалъ Иванушко изъ Кіева.
Провожаютъ Ивана съ чести, съ радости.
Поѣхалъ Иванушко по чисту полю
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю.
Пріѣзжаетъ къ царству Ляховинскому,
Ко тому королю Ляховинскому.
Заѣзжаетъ Иванъ на широкій дворъ,
Онъ мечетъ коня на широкомъ дворѣ,—
Не приказана мечетъ, не привязана;—
Не разнуздана мечетъ, не разсѣдлана.

Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Зашелъ Иванъ во гридню княженицкую..
Крестомъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,—
Кланяется чуднымъ образамъ.
Бьетъ челомъ королю Ляховинскому:
«Ужъ ты здравствуй король земли Ляховинскія!
Отвѣчаетъ король земли Ляховинскія:
«Ужъ ты здравствуй Иванушко Годеновичъ!
«За чемъ Иванушко пріѣхалъ,
«Или пріѣхалъ съ данью—съ пошлиной,
«Или пріѣхалъ посломъ пословать?»
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не посломъ пословать,
«А пріѣхалъ сватомъ свататься,
«Что на душечкѣ Овдотьѣ лебедь бѣлыя».
Говоритъ король земли Ляховинскія:
«У меня, право, Овдотьюшка засватана,—
«У меня, право, запоручена
«За того короля Вахромеища».
Говоритъ-то Иванъ во второй наконъ:
«Отдай дочку за меня замужъ»
Говоритъ король земли Ляховинскія:
«У меня дочка просватана,—
«Просватана,—запоручена—
«Бѣлыя ручьки исподаваны,
«Злачеными перстнями не помѣнялось».
Говоритъ Иванъ во третей наконъ.
Говоритъ король земли Ляховинскія:
«У меня пельзя тебѣ Овдотьи взять.
«Сидитъ Овдотья въ новомъ теремѣ
«За тридевять замочками висучими,
«За тридевять сторожами крѣпкими».
Горяча кровь въ Иванѣ раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ перемѣнилася;
Хватилъ онъ поганаго татарина,—
Татарина хватилъ за ноги.
Сталъ татариномъ помахивать:
Куда махнетъ, тамъ и улица
Отмахнетъ назадъ, переулочки.
Прибилъ-то всѣхъ паповей улановей.
Пошелъ Иванъ на новы сѣни.
Сдернулъ Иванъ двѣнадцать замочиковъ,
Прибилъ-то двѣнадцать крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то во высокъ теремъ
Ко той къ Овдотьѣ—лебедь бѣлыя.
Сидитъ Овдотья въ новомъ теремѣ,—
Вышиваетъ Овдотья ширинку красна золота
Тому-то царищу—Вахрамеищу.
Скакала Овдотья на рѣзвы ноги,
Говорила Овдотья таковы рѣчи:
«Ужъ мнѣ ждать-то гостя,—не дождатися,
«Звать-то мнѣ гостя, не дозватися,
«Теперь ко мнѣ гость самъ пришелъ».
Беретъ-то Овдотью Иванушко за бѣлы руки
Цѣловалъ Овдотью во уста сахарныс.
Повелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Повелъ онъ изъ того терема высокаго;
Вывелъ Иванъ на новы сѣни,
На новыхъ-то сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти—хти мнѣ тошнешенько!
«Ты умѣлъ меня батюшко вспоить, вскормить,
«Не умѣлъ меня батюшко замужъ отдать».
Повелъ Иванъ на широкій дворъ.
Выходитъ король земли Ляховинскія:
«Добро жаловать Иванъ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, чару съ медомъ пить!»
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
«На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
«На отъѣздѣ гостя не учествовать.
Садился Иванушко Годеновичъ,
Садился Иванъ на добра коня,
Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ изъ царства Ляховинскаго.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю.
Сустигала Ивана темная ночь.
Онъ разставилъ бѣлой шатеръ,—полотняный.
Съ Овдотьюшкой легъ подъ бѣлой шатеръ.
Тотъ король земли Ляховинскія
Посылаетъ гонца скоро—на скорѣ.—
Къ королю Вахрамею земли поганыя:
«Что былъ-то Иванушко Годеновичъ
«Увезъ-то Овдотью—лебедь бѣлую»:
Господь ночь-то пронбситъ,
Господь день даетъ:
Спитъ-то Иванъ во бѣломъ шатрѣ.
Немного тому времени миновалося
Наѣхалъ поганое идолище.
Кричитъ-то рычитъ зычнымъ голосомъ:
«Тебѣ полно богатырь спать—проклажатися,
«Пора намъ съ тобой поборотися!»

Встаетъ-то Иванушко Годеновичъ.
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра;
Умывается Иванушко свѣжой водой;
Утирается тонкимъ полотенышкомъ;
Онъ молится Спасу пречистому
Матери Божьей—Богородицѣ.
Садился Иванъ на добра коня.
Разъѣхались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми.
У нихъ палицы поломалися,
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во второй наконъ,
Ударились сабельками вострыми
У нихъ сабельки пощербалися,—
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во третей наконъ,
Ударились копьицами вострыми,
У нихъ копьица по яблокамъ ломалися,-
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье, за подбрудное.
По колѣнъ въ сыру землю втоптался.
По Иванушкову было по счастьицу,
По Иванушковой по участи:
Какъ у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Сшибъ какъ Иванушко Годеновичъ,—
Сшибъ татарища поганаго,—
Сшибъ царища на сыру землю.
Сѣлъ-то царищу на черны груди.
Забылъ-то Иванушко Годеновичь свой булатенъ ножъ,
Забылъ свой булатенъ ножъ во бѣломъ шатрѣ.
Кричитъ-то зычитъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты душечка Овдотья,—лебедь бѣлая,
«Неси-тко ты мой булатенъ ножъ,
«Забылъ-то я свой булатенъ ножъ,
«Забылъ во бѣломъ шатрѣ»!
Бѣжитъ-то Овдотья—лебедь бѣлая
Несетъ Овдотья булатенъ ножъ.
Подошла Овдотья—лебедь бѣлая близехонько.
Говоритъ царище Вахроменище:
«Ужъ ты душечка, Овдотья—лебедь бѣлая
«Спехнитко Ивана со моихъ грудей
«За Иванушкомъ ты будешь жить служаночкой,
«За мной будешь царицею;
«Будутъ тѣ люди поклонятися».
Тутъ Овдотья призадумалась;
У бабы волосы долги, а умъ коротенькой.
Спехнула Иванушка Годенова.
Скакалъ-то царище Вахрамеище
Хочетъ у Иванушка спороть груди бѣлые
Говоритъ Овдотья—лебедь бѣлая:
«Ужъ ты гой-еси, царище Вахромеище!
«Ты опутай его въ опутыни шелковыя,
«Броси ты его подъ сырой дубъ».
Опуталъ Иванушка опутами шелковыми,
Бросилъ его подъ сырой дубъ.
Самъ легъ опочивъ держать
Со того со устатку со великаго.
Лишь тутъ-то спитъ царище Вахромеище
Темну ночиньку осеннюю.
Господь ночь проноситъ, Господь день даетъ.
Выходитъ Овдотья—лебедь бѣла
По утру ранымъ ранешенько,
Увидала Овдотья: два голубя
Сидитъ надъ Иваномъ Годеновымъ,—
Не два голубя сидитъ: два Ангела.
Говоритъ-то Овдотья—лебедь бѣлая:
«Ужъ ты гой еси, царище Вахромеище!
«Ужъ ты выди-тко царище изъ бѣла шатра,
«Затяни-тко свой лукъ разрывистой,
«Подстрѣлико-се мнѣ-ка голубятинку.
«Захотѣлось мнѣ-ка голубятинки».
Выходитъ поганое царище Вахроменище,
Выходитъ изъ бѣла шатра.
Затягиваетъ свой лукъ разрывистой,
Кладетъ стрѣлочку каленую.
Спустилъ какъ свой лукъ разрывистой,
Полетѣла стрѣлочка каленая
Падала царищу въ груди черные,
Порола царищу груди черные.
Стоитъ-то Овдотьюшка,—лебедь бѣлая,
Стоитъ Овдотья приразумалась,
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти мнѣ, ахти мнѣ тошнехонько!
«Отъ того бережку откачнулася
«Ко другому бережку не прикачнулася.
Еще слышитъ Иванушко Годеновичъ
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты душечка Овдотья — лебедь бѣлая,
«Ты распутай путни шелковыя,

«А не положу на тебя таковой вины,
«Только дамъ поученьице по женскому.
Лише хватила Овдотья саблю вострую,
Хочетъ у Ивана отсѣчь буйну голову.
Какъ тюкнула Овдотья, лебедь бѣлая,
Пересѣкла Овдотья путыни шелковыя.
Скакалъ Иванушко на рѣзвы ноги.
Пошелъ Иванъ ко добру коню.
Ко добру коню, ко бѣлу шатру,
Онъ Овдотьюшку ведетъ позади себя.
Садился Иванъ на добра копя
Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ по чисту полю;
Не доѣхавши Иванъ до города Кіева,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты душечка, Овдотья — лебедь бѣлая!
«Сойди-ко Овдотья со добра коня,
«Разуй ко у меня сафьянъ сапогъ,
«Захотѣлось мнѣ напитися»
Ужъ тутъ-то Овдотья прирасплакалась;
«Не пить-то ты хочешь, — кровь пролить»
Сошла то Овдотья со добра коня.
Соходитъ и Иванушко Годеновичъ.
Махнулъ-то Иванушко саблей вострой по бѣлой шеѣ.
Онъ отсѣкъ у Овдотьи буйну голову.
Размѣталъ онъ Овдотью по чисту полю.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ Иванъ на Пучай-рѣку
Омывать саблю вострую.
Садился Иванъ на добра коня
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Встрѣчаютъ его русскіе богатыри.
Во глаза Олеша насмѣхается:
«Здорово! женился? тебѣ не съ кѣмъ жить.
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
«Я женилъ-то свою саблю вострую.

IV. ПРО ДЮКА СТЕПАНОВА.

Нѣту на силу Самсонову
Что того же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье Осударя Ильи Муромца.
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешеньки Поповича,
На имѣнье Садка — купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова.
Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ.
Крытъ былъ мѣдью зеленою,—
Зеленою мѣдью козарскою,
Котора дороже красна золота,
Кругъ Дюкова широка двора
Оградушка ведена была булатная.
По той по оградѣ булатныя
Сажены были вѣнчики красна золота.
Во той вограде булатныя
Надѣланы были бойни, — кузницы,
Теплы конюшни стоялыя;
Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
Пьютъ-то, ѣдятъ траву шелковую,
Запиваютъ водой свѣжей, ключевою.
Во той-то оградѣ булатныя,
Было триста столбовъ серебряныхъ,
Четыреста было золоченыхъ,
Мѣдныхъ и желѣзныхъ
Числа смѣты нѣтъ.
Хорошо-то было у Дюка устроено,
Крылечко у Дюка хрустальное,
Тетивка у Дюка позолочена.
Дворцы у Дюка хрустальныя,
Колечко у Дюка красна золота,
Подворотенка у Дюка рыбій зубъ;
Мостики у Дюка всѣ казёные,
Печки у Дюка муравлены,
А топятъ дровами калёными,
Помёлышкомъ пашутъ самошелковымъ.
Въ сыту воду купаютъ медвяную.
Пекутъ-то колачики крупичаты:
Колачикъ съѣшь, другаго хочется,
А третьяго колачика душа бѣжитъ.
Не бѣлинька березка къ землѣ клонится
Ужъ какъ Дюко-тъ передъ матушкой
Челомъ бьетъ:
«Благослови меня матушка родимая
«Мнѣ-ка съѣздити во городо-ть во Кіевъ-отъ
«Посмотрѣть мнѣ на князя со княгинею,
«Посмотрѣть мнѣ всѣхъ Русскихъ богатырей»
Говоритъ ему матушка родимая:
«Ты напьешься Дюкъ зелена вина,
«Во хмѣлю мое чадо неустройное.
«На рѣчахъ мое чадышко зашибисто,
«Похвастаешь Дюкъ широкимъ дворомъ,

«Похвастаешь Дюкъ золотой казной».
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Говоритъ во второй наконъ:
«Благослови-тко се матушка родимая,—
«Съѣздить ко городу ко Кіеву?»
Говоритъ ему матушка родимая:
«Ты похвастаешь широкимъ дворомъ,
«Ты похвастаешь золотой казной
«Ты похвастаешь родной матушкой».
Говоритъ-то Дюкъ во третей наконъ:
«Благослови-тко матушка родимая
«Съѣздить ко городу ко Кіеву
«Посмотрѣть князя со княгинею.
Русскихъ могучихъ богатырей».—
«Тебя Богъ благословитъ, дитятко,
«Ѣхать ко городу ко Кіеву»,
Сбирается Дюкъ сынъ Степановичъ;
Ведетъ-то лошадочку молешеньку,
Малешенька лошадочка, удалёшенька.
Поѣхалъ Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву
На той на лошадочкѣ малешенькой,
На малешенькой лошадочкѣ, удалешенькой,
Она горы и долы промежъ ногъ беретъ,
Быстры рѣчки перескакиваетъ.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ;
Ѣдетъ Дюкъ къ Божьей церквѣ;
Соходитъ со добра коня;
Привязываетъ ко злату кольцу.
Пошелъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ
Во ту церковь Воскресенскую.
Служатъ тамъ читаютъ
Службу воскресенскую.
Зашелъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ
Во ту церковь во Божію.
Крестъ-то кладетъ по писаному
Поклонъ-то ведетъ по ученому.
Кланяется чуднымъ образамъ,
Еще кланяется на всѣ четыре стороны.
Ставился во мѣсто во удаленое.
Никто Дюка не можетъ признати
Служатъ,—поютъ попы церковные.
Отслужили обѣдню воскресенскую,
Пошли-то отъ обѣдни воскресенскія;
Пошелъ Владиміръ стольно-кіевскій
Со своими русскими богатырями.
Пошелъ Осударь Илья Муромецъ,
Идетъ Осударь Илья Муромецъ;
Призналъ онъ Дюка Степановича.
Что быть-то Дюку Степановичу.
Зоветъ Дюка на почестенъ пиръ;—
Зоветъ Дюка Степановича.
Пошли-то изъ Божьей церкви.
Садились они на добрыхъ коней,
Поѣхали они по городу.
Поѣхали они по городу по Кіеву.
У нихъ кони скакомъ скачутъ
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говоритъ Дюкъ: «У меня такія лошадочки водовозныя».
А говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Ты не хвастай Дюкъ Степановичъ».
Пріѣхали ко Владиміру на широкій дворъ.
Заходили ко Владиміру во палаты бѣлокаменны,—
Во гридню княжескую.
Повелся у Владиміра почестенъ пиръ;
Садили-то Дюка во больше мѣсто,—
Во больше мѣсто,—во большой уголъ,
Обносятъ по чарѣ зелена вина;
Хмѣлина во Дюкѣ появилася.
Сидитъ-то Дюкъ прирасхвастался;
Вотъ-то колачики круничаты,—
Объѣдаетъ корочки верхнія,
Нижнія корочки подъ столъ спущаетъ:
«У васъ пахнутъ колачики на сосенку,
«У нашей у матушки
«Колачикъ съѣшь, другаго хочется
«О третьемъ колачикѣ душа бѣжитъ».
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ:
«Есть-то у меня добрыхъ коней,—
«Добрыхъ коней наступчивыхъ,
«Есть-то у меня золотой казны».
Говорятъ-то бояра Владиміру:
«Что наѣхалъ мужикъ—засельщина».
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ:
«Еще нѣтъ у васъ имѣнья столько въ Кіевѣ;
«Я ношу каждый день платьице перемѣнное».
Говорятъ бояра Владиміру:
«Посадить надо его въ крѣпость высокую!»
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ:
«Поѣзжайте ко матушкѣ родимыя,
«Берите бумаги со чернилами,

«Опишите мой широкой дворъ;
«Накланяетесь вы служаночкамъ».
Тутъ поѣхалъ Михайлушко Петровичъ
Со Олешей со Поповичемъ.
Никто за Дюка не ручается.
Поручился за Дюка Илья Муромецъ.
Пріѣхали ко матушкѣ родимыя,
Заходятъ во палаты бѣлокаменны.
Идутъ-то Дюковы служаночки,—
«Здравствуй Дюкова матушка!»
Отвѣчаютъ Дюковы служаночки:
«Мы не Дюкова матушка,—
«Мы Дюковы служаночки».
Идутъ Дюковы портомойницы:
«Здравствуй Дюкова матушка!»
«Мы не Дюкова матушка,—
«Мы Дюковы портомойницы».
Идетъ-то Дюкова матушка:
«Здравствуйте русскіе богатыри!
«Гдѣ мое чадышко, Дюкъ Степановичъ?»
Отвѣчаютъ-то Михайлушко
Со Олешенькой Поповичемъ:
«Остался во городѣ во Кіевѣ.
«Хвастался Дюкъ широкимъ дворомъ,
«Хвастаетъ Дюкъ золотой казной,
«Хвастаетъ Дюкъ добрыми коньми».
Говоритъ-то имъ матушка родимая:
«Опишите вы широкій дворъ».
Писали-то Михайлушко широкій дворъ
Что со тѣмъ Олешей Поповичемъ.
Не стало у нихъ чернилъ со бумагою.
Говоритъ-то имъ матушка родимая:
«Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровичъ!
«Свези Осударю Ильѣ Муромцу
«Сапожки ободочки
«Подъ пяты пяты, хоть яйцо кати,
«Подъ носки носки, воробей полѣти:
«То Дюковы ободочки».
Поѣхали Мухайлушко
Съ Олешенькой ко Кіеву.
Пріѣхали Михайлушко ко Владиміру.
Отвѣчаютъ они Владиміру:
«Не стало-то у насъ бумаги со чернилами,—
«Не могли описать широка двора;
«Не пустымъ дѣтина похваляется».
Отдаютъ сапожки Осударю Ильѣ Муромцу.
Тутъ Дюкъ съ Осударемъ поназванились,—
Поназванились, покрестовались.

V. СТАРИНА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Перва поѣздка Ильи Муромца
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома.
Клалъ-то онъ заповѣдь великую,—
Клалъ на палицу тяжелую:
До славнаго до города до Кіева
Не отковывать отъ стремени булатнаго,
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На сабельку на вострую:
Неотковывать отъ стремени булатнаго.
До славнаго города до Кіева.
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На копье бурсоменское:
Не отковывать отъ стремени булатнаго,
До славнаго города до Кіева.
Собирался Илья Муромецъ
Изъ города Мурома.
Зазвонили честну раннюю заутреню,—
Читали третью каѳизму воскресенскую.
Еще ѣдетъ Осударь по чисту полю,
Завидѣлъ подъ градомъ по Чиженцемъ:
Обступила кругомъ сила невѣрная.
Еще ѣдетъ Осударь Илья Муромецъ
Ко той силѣ да невѣрной;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Прости меня Господь въ таковыхъ грѣхахъ:
«Что клалъ я заповѣдь великую
«На ту же сабельку на вострую».
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ
Во туже силу да невѣрную,
Сѣкетъ онъ стараго и малаго,
Не покидаетъ ни еднаго на сѣмена.
Присѣкъ-то всю силу невѣрную.
Выходятъ мужики изъ Чиженца,
Отпираютъ ворота, стѣны городовыя,
Выносятъ чашу красна золота,
Сами говорятъ таковы рѣчи:
«Уже ли намъ послалъ Господь Ангела,
«Не ужъ-то послалъ Архангела,
«Или русскаго могучаго богатыря»?
Говорятъ мужики города Чиженца:
«Земли русской сильный богатырь!
«Поди къ намъ, хоть царемъ служи,

«Хоть королемъ слыви,
«Бери злата, сколько тебѣ надобно».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Мнѣ не надо ваша золота казна
«Скажите про дорожку прямоѣзжую, —
«Куда ѣздятъ во красенъ Кіевъ градъ?
Говорятъ мужики города Чиженца:
«Прямоѣзжая дорожка, нечиста крѣпко;
«Есть три заставушки великія:
«Первая застава—грязи черныя,
«Втора заставушка дремучи лѣса,
«Третья заставушка есть рѣчинька, —
«Рѣчинька, Смородинка.
«У той рѣчиньки Смородинки
«Нѣтъ перескоку лошадинаго, —
«Есть-то у рѣчинки каленый мостъ.
«У того же мосту у каленаго
«Сидитъ соловей на семи дубахъ,
«Ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ;
«Ни ясному соколу проѣзду нѣтъ.
«Окольной дорожкой ѣхать три года».
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ
По той дорожкѣ прямоѣзжія.
Пріѣхалъ къ первой заставушкѣ—грязи черныя
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой мостъ моститъ,
Проѣхалъ заставу — грязи черныя.
Пріѣхалъ къ заставѣ — дремучимъ лѣсамъ;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубы рветъ.
Пріѣхалъ ко третьей заставушкѣ—
Ко той рѣчкѣ Смородинкѣ
Ко тому мосту каленому:
Сидитъ Соловей на семи дубахъ.
Заревѣлъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ по соловьиному,
Подъ богатыремъ конь спотыкается.
Спотыкается конь, ужахается.
Ужъ какъ бьетъ Осударь добра коня—
Бьетъ по тучнымъ бедра́мъ:
«Не слыхалъ ли ты крику богатырскаго,
«Не слыхалъ ли ты свисту соловьинаго?»
Затягиваетъ Осударь лукъ разрывистой,
Кладетъ стрѣлочку каленую.
Стрѣльнулъ стрѣлочкой каленою.
Пала стрѣлочка Соловью во пра́вый глазъ;
Палъ Соловей со семи дубовъ,
Палъ Соловей на сыру землю.
Беретъ Осударь Илья Муромецъ.—
Беретъ-то его на добра коня.
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ.
Случилось ѣхать мимо Соловьина гнѣздышко
Увидѣли Соловьины дѣточки:
Больша дочь говоритъ:
«Вотъ батюшко ѣдетъ, мужика везетъ».
Средня дочь говорила таковы рѣчи:
«Батюшко ѣдетъ мужика, везетъ
«На съѣденье малымъ дѣточкамъ».
Меньша́ дочь говорила таковы рѣчи:
«Мужикъ-то ѣдетъ везетъ батюшка,
«Приковалъ онъ ко стремени булатному».
Больша дочь хватила подворотенку,
А середня хватила коромысельце,
Меньша́ хватила помелышко.
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
«Не гнѣвите-тко сердца богатырскаго,
«Насыпайте телѣги красна золота,
«Возите ко городу ко Кіеву,
«Выкупайте родимаго батюшка».
Поѣхали Осударь Илья Муромецъ
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ.
Разъѣхался Осударь Илья Муромецъ
Ко тому ко князю ко Владиміру
На широкій дворъ.
Онъ мечетъ коня середи двора,
Оставляетъ Соловеюшка у стремени
У стремени булатнаго.
Пошелъ Илья Муромецъ
Во гридню княженецкую.
Крестомъ кладе́тъ но писа̀ному,
Поклонъ-отъ ведетъ по учено́му,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ князю Владиміру
И всѣмъ русскимъ могучимъ богатырямъ
И всѣмъ боярамъ по обычаю,
Понесли перву яству лебедь бѣлую,
Садили Осударя во больши мѣста,
Наливали чару зелена вина,—
Не малу чару полтора ведра;
Принимаетъ Осударь единой рукой
Выпиваетъ единымъ духомъ.

Хмѣлина въ головѣ появилася.
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Я ѣхалъ дорожкою прямоѣзжею,
«Очистилъ дорожку прямоѣзжую,
«Я привезъ Соловьюшка Рахманова».
Говорятъ-то ему князи бояри:
«Паѣхалъ мужикъ засельщина,
«Засельщина деревеньщина;
«Пустымъ-то мужикъ похвалятся»,
Говоритъ-то Осударь Илья Муромецъ:
«Пойдемте на широкій дворъ».
«Пошли всѣ бояра на широкій дворъ;
Сидитъ Соловей у стремени булатнаго.
Говоритъ-то Владиміръ стольно-кіевскій:
«Засвисти Соловей по соловьиному»
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
«Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Ужъ ты гой еси Соловеюшко Рахмановичъ!
«Засвисти Соловеюшко по соловьиному,
«Зареви Соловей по звѣриному»
Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
Съ боку на бокъ палата сколыбалася,
Ужахается Владиміръ стольно-кіевскій.
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Не могу я слышать свисту Соловьинаго»,
Подъ праву руку подхватывалъ
Добрынюшка Никитичъ,
Подъ лѣву Олешенька Поповичъ.
Всѣ-то князи бояра испопадали,
Отъ того свисту Соловьинаго,
Отъ того рѣву звѣринаго.
Говоритъ-то Владиміръ стольно-кіевскій
«Ты гой еси Осударь, Илья Муромецъ!
«Закличь Соловеюшка Рахманова»
Закликалъ Осударь Илья Муромецъ.
Натянули его дѣточки роженые
Натянули злата серебра,
Выкупать батюшку родимаго.
Беретъ Осударь Илья Муромецъ злата серебра.
Первую ношу кладетъ во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красенъ Кіевъ градъ.
Выпущаетъ Соловеюшка Рахманова
Беретъ съ него роту великую:
«Не сидѣть то тебѣ на семи дубахъ».
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору.
Остался Осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ во Кіевѣ.

VI. СТАРИНА ПРО ВАСИЛЬЯ ОКУЛЬЕВА.

Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Въ Новѣградѣ служилъ прекрасный царь Василій Окуловичъ.
Не было на силу Самсона Колыбанова,
Не было на смѣтку Осударя Ильи Муромца.
На вѣжество Добрынюшки Никитича;
На ярость Олеши Поповича;
На золоту казну Дюка Степанова;
На богатство Садка купца богатаго;
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева;
На красоту Василья царя Окульева.
Заводился у Окульева почестенъ пиръ
На многихъ пановей-улановей,
На злыхъ проклятыхъ татаровей.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы.
Василій царь по горницѣ похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ.
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ вы гой еси, панове-уланове!
«Всѣ у насъ въ городѣ испоженены;
«Красны дѣвицы исподаваны;
«Одинъ я Василій царь холость хожу,—
«Холостъ хожу,—не женатъ слыву;
«Не знаетъ ли мнѣ кто обручницы,
«Обручницы мнѣ, сопротивницы,
«Чтобы бѣло лице, какъ бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
«Ясны-то очи будто у сокола,
«У того у сокола перелетнаго,
«Брови у ней какъ у соболя
«Того соболя Сибирскаго;
«Чтобъ возрастомъ не мала
«Умомъ сверстна,—
«Чтобъ было кому поклонитися,
«Было кого чтобъ назвать царицею?»
Большой хоронится за средняго,
А средній хоронится за малаго,
А отъ малаго татарина отвѣту нѣтъ.
Говоритъ Василій царь во второй наконъ;

Говоритъ Василій во третій наконъ;
Все большой хоронится за средняго,
Средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго татарина отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ стола изъ за окольнаго,
Со той со скамейки бѣло-дубовой
Выходилъ удалый добрый молодецъ
По прозванью Василій Пустоволосовичъ
Младый Василій Таракашковъ сынъ.
Подходитъ Василій къ царю близехонько,
Самъ говоритъ потихохоньку:
«Прекрасный царь Василій Окульевичъ!
«Благослови мнѣ Василій, слово молвить
«Не могико меня за слово скоро сказнити,
«А скорѣе того, чтобы повѣсити».
Говоритъ царю Василій Окульевичъ:
«Говори Василій, что тѣ надобно».
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ;
«Я знаю тебѣ обручницу,—
«Обручницу знаю, сопротивницу;
«Бѣло лице будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы будто маковъ цвѣтъ;
«Ясны очи будто у сокола,
«Того сокола перелетнаго;
«Черныя брови будто у соболя,
«Того соболя Сибирскаго.
«Ростомъ не мала и умомъ сверстна.
«Есть кому поклонитися,
«Есть кого назвать и царицею.
«Есть у царя у Соломона
«Есть у него молода жена--
«Молодая царица Соломонида.
Говоритъ царь Василій Окульевичъ:
«Ты какъ можешь у живà мужа жену отнять?»
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
«Ты гой еси, Василій Окульевичь!
«Плохо у живà мужа жену отнять
«Дай-ко-се ты мнѣ три корабля,—
«Три червленыихъ;
«Нагрузи ихъ товарами заморскими:
«Первòй нагрузи краснымъ золотомъ,
«Другой нагрузи чистымъ сéребромъ,
«Третій скатнымъ жемчугомъ,
«Наклади еще напитковъ забудущихъ
«Пойду я Василій во Святую Русь
«Привезу тебѣ царицу Соломòниду».

Эти рѣчи царю во любви пришли,—
Во любви пришли, очень поглянулися.
Далъ ему три кòрабля, три червленыя;
Нагрузилъ ихъ товарами заморскими:
Первый нагрузилъ краснымъ золотомъ,
Второй нагрузилъ чистымъ серебромъ,
Третій нагрузилъ скатнымъ жемчугомъ,
Наклалъ напитковъ забудущихъ,
Пошелъ тогда Василій на Святую Русь.
Приходитъ во гавань корабельную.
Въ гавань заходитъ—платитъ пошлину;
Якорь кладетъ—платитъ пошлину;
Паруса ронитъ—платитъ пошлину;
Беретъ онъ подарочки великіе.
Что во ту пору во то время
Соломòна дома не случилося.
Уѣхалъ во иностранныя гòроды
Собирать дани пошлины
За тѣ двѣнадцать годовъ вышедшихъ.
Взявши онъ подарочки великіе,
Идетъ ко царицѣ Соломòнидѣ.
Отворяетъ Василій двери на пяту.
Не кститъ своево лица чернаго,
Не кланяется чуднымъ òбразамъ
Бьетъ челомъ царицѣ Соломòнидѣ:
«Здравствуй царица Соломòнида!»
Говоритъ царица Соломонида:
«Здравствуй Василій Пустоволосовичъ!
Зачѣмъ пришелъ, что просишь ты?
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
«Ужъ ты гой еси, царица Соломòнида
«Я пришелъ къ тобѣ съ подарками великими».
Подаетъ царицѣ Соломòнидѣ
Тѣ подарочки великіе.
Принимала царица Соломонида
Тѣ подарочки великіе.
«Ужъ ты гой еси, царица Соломòнида!
«Добро жаловать ко мнѣ на червленъ корабль
«Оцѣнить мои товары заморскіе,
«Чего мои корабли будутъ стоити?
Говорила царица Соломòнида:
«Поди Василій къ себѣ на червленъ корабль,
«Буду я къ тебѣ на червленъ корабль,—
«Посмотрю твоихъ товаровъ заморскіихъ.
Пошелъ Василій на червленъ корабль.
Пошла царица Соломòнида

Къ Василію на червленъ корабль.
Бьетъ челомъ Василій царицѣ Соломо́нидѣ:
«Здравствуй царица Соломо́нида»!
Бьетъ челомъ въ каюту корабельную.
Заходитъ царица Соломо́нида
Въ ту каюту корабельну,
Напоилъ тутъ царицу Содомо́ниду
Тѣми напитками забыдущими.
Заспала тутъ царица Соломо́нида
Во той каютѣ корабельныя.
Выходитъ Василій изъ каюты корабельныя
На ту палубу дубовую.
«Ужъ ты гой еси дружинушка добрая!
«Отсѣкайте якори булатныя,
«Распущайте парусы полотняны»!
Въ ту пору дружина не ослышалась:
Отсѣкла она якори булатные,
Развивала парусы полотняны;
Пошли изъ гавани каробельныя.
Падала повѣтерь способная.
Выходитъ Василій на сине море.
И русска земля потаилася
А невѣрна земля возвременилася.
Пробудилась царица Соломо́нида,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Ужъ ты гой еси, Василій Пустоволосовичъ!
«Ты куда меня везешь, куда повезъ»?
Говоритъ Василій Пустоволо́совичъ:
«Ужъ ты гой еси, царица Соломо́нида!
«Везу тебя къ царю Василію Окульеву,
Везу тебя за него замужъ».
Приходитъ Василій Пустоволосовичъ
Во ту во гавань корабельную.
Кладетъ Василій якори булатные,
Подвилъ парусы полотняны;
Выдернулъ флаги шелковые.
Увидѣлъ Василій, царь Окульевичъ,
Тѣ свои три корабля червленыя.
Пошелъ встрѣчать Василій, царь Окульевичъ,
Что того же Василія Пустоволосова.
Увидалъ онъ царицу Соломо́ниду.
Беретъ онъ ее за бѣлы руки
Цѣлуетъ въ уста сахарные.
Повелъ въ палату бѣлокаменну.
У Василія повелся тогда почестенъ пиръ
Со того со веселья со великаго.

Во ту пору во то время
Пріѣзжаетъ Соломонъ, царь Давидовичъ
Во тѣже полаты бѣлокаменны,
Не встрѣчаетъ его Царица Соломо́нида.
Говоритъ Соломонъ Царь Давыдовичъ:
«Ужъ вы здравствуйте князи, бояри!
«Ужъ вы гой еси князи, бояра,
«Что же не встрѣчаетъ меня молода жена,
«Развѣ больна она у меня находится,
«Или ее въ домѣ не случилося»?
Говорили тогда князи, бояри!
«Ужъ ты гой еси, Соломонъ, царь Давыдовичъ.
«Приходилъ къ намъ Василій Пустоволосовичъ,
«Приходилъ онъ на трехъ корабляхъ червленыхъ,
«Увезъ твою царицу Соломо́ниду
«Къ тому царю Василію Окульеву,
«Повезъ къ Василью за него за мужъ.
Эти ему рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досаду за великую.
Сталъ тогда Соломонъ собиратися,
Сталъ онъ со дружиной собрунятися.
Собралъ онъ дружину хоробрую,--
Собралъ тридцать безъ единаго
Самъ былъ тридцатый.
Отправились они сухимъ путемъ.
Ѣхать надо было три года;
Переѣхали они въ три мѣсяца,
Не доѣхали они до Новгорода,
Становились они во чистомъ полѣ,
Разставили они бѣлы шатры.
Говорилъ-то имъ Соломонъ царь Давыдовичъ
«Ужъ вы гой еси, дружина храбрая!
«Я вамъ стану что наказывать:
«Исполните вы мое наказанье,
«Пойду я калѣкой перехожею,
«Ко тому царю Василію Окульеву,
«Просить я милостыни спасеныя
«Для ради царя Христа небеснаго;
«Только слушайте мое наказанье:
«Я заиграю во дудочку во мѣдную,
«Хватайте вы тогда коней добрыихъ;
«Заиграю во дудочку въ серебряну,
«Сѣдлайте вы коней добрыихъ;
«Заиграю во дудочку во золоту,
«Тогда скачите на добрыхъ коней,
«Тогда рубите стараго и малаго,

«Не покидайте ни единаго па сѣмена
Тогда пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Тою калекою перехожею.
Приходитъ ко гридни княженецкія,
Кричитъ зычнымъ голосомъ,
Проситъ милостыни спасеныя
Для ради Христа царя небеснаго.
Окульева тогда дома не случилося.
Услышала царица Соломо̀нида,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Не калѣка пришелъ со Святой Руси
«Пришелъ-то Соломонъ, царь Давыдовичъ.
«Добро жаловать ко мнѣ Соломонъ
«Хлѣба-соли ѣсть, пива-меду пить».
Пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Во ту во спальну во царевую.
Сидятъ, пьютъ, прохлажаются.
Во ту пору во то время
Пріѣхалъ Василій царь Окульевичъ.
Говоритъ царица Соломо̀нида:
«Ты Соломонъ, царь Давыдовичъ!
«Куда я тебя укрою,
«Есть у меня да окованъ сундукъ
«Ложись-косе ты въ окованъ сундукъ,
«Не увидитъ тебя Василій царь Окульевичъ?»
Легъ то Соломонъ во кованъ сундукъ.
Замкнула его царица Соломо̀нида.
Приходитъ Василій царь Окульевичъ;
Стали пить, ѣсть—прохлажатися;
Говоритъ царица Соломо̀нида:
«Сказали про Соломона на Святой Руси:
«Что на Святой Руси Соломонъ хитеръ-мудеръ
«А теперь Соломона глупѣе нѣтъ,
«Лежитъ онъ въ сундукѣ кованомъ».
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
«Ужъ ты гой еси, царица Соломо̀нида!
«Выпущай-ко Соломона Давыдова,
«Ссѣку я у него буйну голову».
Отмыкала царица Соломо̀нида окованъ сундукъ,
Скакалъ Соломонъ на рѣзвы ноги,
Беретъ Окульева за бѣлы руки;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«У насъ на Руси не сѣкутъ царей;
«Сдѣлай ты реину высокую,
«Повѣсь на ней три петельки великія:
«Первую петельку варовую,
«Втору липову,
«А третью шелковую».
Говоритъ царица Соломо̀нида:
«Ты гой еси, Василій царь Окульевичъ,
«Пора тебѣ на Соломона указъ чинить,
«Пора ему голову сказнить.
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говорилъ Василій царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Стали дѣлать реину высокую,
Повѣсили три петельки великія:
Первую петельку варовую;
Вторую липову,
Третью шелковую.
Повели Соломона на реину высокую
Со той со славой со великою.
Говорилъ-то Соломонъ царь Давидовичъ:
«Ужъ вы гой еси, народы православные.
«Воротитесь вы папове-уланове,
«Соломонова смерть страшна будетъ».
Мудрой-то народъ воротилися,
А глупой народъ впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во второй наконъ:
«Воротитесь панове-уланове,
«Соломонова смерть страшна будетъ».
Мудрый-то народъ воротилися.
А глупый-то впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во третей наконъ:
«Воротитесь вы панове-уланове
«Соломону смерть страшна будетъ».
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупой-то впередъ идетъ.
Пришли ко реинѣ высокія.
Ступилъ Соломонъ на перву ступень,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Благослови Василій царь
«Поиграть во дудочку во мѣдную,
«Царя съ царицей приутѣшити,
«А мнѣ край смерти взвеселитися».
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
«Играй-ко Соломонъ сколько тѣ надобно».
Говоритъ царица Соломо̀нида:
«Пора тебѣ Соломону указъ чинить—
«Указъ чинить, голова сказнить,
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говоритъ Василій, царь Окульевичъ:-

«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Заигралъ во дудочку во мѣдную,
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣдлали, нуздали коней добрыихъ.
Ступилъ Соломонъ на втору ступень.
«Благослови, Василій царь,
«Сыграть во дудочку во серебряну
«Тебя съ царицей приутѣшити,
«А мнѣ по край смерти взвеселитися»
«Играй-ко Соломонъ, сколько тѣ надобно».
Говоритъ царица Соломонида:
«Пора Соломону указъ чинить—
«Указъ чинить—голова сказнить;
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говоритъ Василій, царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Заигралъ во дудочку серебряну.
Услыхала дружинушка хоробрая—
Легко скачетъ на добрыхъ коней.
Вступилъ Соломонъ на третью ступень.
«Благослови Василій царь
«Сыграть во дудочку въ золоту».
«Играй Соломонъ сколько тѣ надобно».
Говорила царица Соломонида:
«Пора Соломону указъ чинить.—
«Пора ему голову сказнить.
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью.
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Заигралъ во дудочку во золоту:
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣкутъ стараго и малаго.
Беретъ Соломонъ Василья за бѣлы руки,
Кладетъ Окульева во петельку шелковую,
А царицу Соломониду въ варовую,
А Василья *) во липову,
Пускай виснетъ, а не давится.
Вотъ тѣмъ дѣло окончилось.

VII. СТАРИНА ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА **)

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое,
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ
По имени Алешинька младъ,
И сталъ Алешинька конемъ владѣть.
И сталъ Алешинька мечемъ владѣть,
Приходитъ Алешинька ко своему родителю
Ко тому попу Ростовскому
И падаетъ ему во рѣзвы ноги,
И проситъ у него благословеньица
Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко сиию морю,
На тѣ-же тихи заводьи
Стрѣлять гусей бѣлыхъ лебедей,
Перистыхъ пушистыхъ сѣрыхъ утицей.
И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
Во то ли вострее ножевое.
И просилъ онъ себѣ у роднаго батюшки
У того ли попа Ростовскаго
Себѣ дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую,
И далъ ему Ростовскій попъ
Своему чаду милому
Благословенье съ буйной головы до рѣзвыхъ ногъ
И пошелъ же Алешинька на конюшенъ дворъ
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыихъ,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія,
И затягивали подпруги шелковыя,
И застегивали костылечки булатные
Во ту-ли кость лошадиную,
И сами коню приговариваютъ:
«Ужъ ты конь, ты конь лошадь добрая!
«Не оставь ты конь во чистомъ полѣ
«Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
«Чернымъ воронамъ на возграенье,
«А сильнымъ паляницамъ на восхваленье».
Надѣвали на коней узду тесмяную
И сами коню приговариваютъ:
«То не для-ради басы,—ради крѣпости,
«А не для ради поѣздки богатырскія,
«Для ради выслуги молодецкія».
Надѣвалъ Алешинька латы кольчужныя,
Застегивалъ пуговки жемчужныя
И нагрудничекъ булатный.
И бралъ свою сбрую богатырскую:
Во первыхъ копье долгомѣрное,
Во вторыхъ саблю острую,

*) Пустоволосовича.

**) Эта былина, вмѣстѣ съ слѣдующими за нею двумя, записана въ городѣ Мезени А. М. Никольскимъ.

Во третьихъ палицу боевую—
Въ налушничекъ тугой лукъ
Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленыихъ;
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ.
А не видѣли поѣздки богатырскія,
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.—
У рѣкъ молодцы не стаивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіевъ градъ,
Друга дорожечка во Черниговъ градъ,
Третья дорожечка ко Синю морю,
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На тѣ-же тихи вешни заводьи,
И говорилъ тутъ Алеша Поповичь младъ,
«Ужъ ты гой еси дружина добрая,
«Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
«Въ Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ
«Аль къ тому морю Сипему?»
И говоритъ дружина хоробрая:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Если ѣхать намъ да во Черниговъ градъ,
«Есть во Черниговѣ вина заморскія,
«Вина заморскія да заборчивыя,
«По стаканчику выпьемъ, по другому хочется,
«А по третьему выпьешь, душа горитъ;
«Есть тамъ калашницы хорошія,
«По калачику съѣдимъ, по другому хочется,
«По другому съѣдимъ, по третьему душа горитъ.
«Есть тамъ дѣвушки хорошія,
«Если на дѣвушку взглянешь, такъ загуляешься,
«И пройдетъ про насъ славушка не малая,
«Ото востока слава до запада
«До того города до Ростовскаго,
«До того ли попа до Ростовскаго,
«До твоего батюшки родителя.
«Поѣдемъ ко мы Алешинька въ Кіевъ градъ
«Божьимъ церквамъ помолитися,
«Честнымъ монастырямъ поклонитися».
И поѣхали они ко городу ко Кіеву
Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Солучилося несчастьице великое:
Обостала его сила невѣрная
Изъ той орды да великія,
По имени Василій Прекрасный,
И страшно, грозно подымается
Нехорошима словами похвалялется:
Хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
Святыя церкви въ огонь спустить,
А силу Кіевску съ собою взять,
А князя Владиміра повѣсить,
Евпраксію Никитишну въ замужъ взять,
И говорилъ то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ужъ ты гой еси дружинушка хоробрая!
«Не поѣдемъ ко мы теперича во Кіевъ градъ
«А напустимся на рать силу великую
«На того ли Василія Прекраснаго,
«И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіевъ градъ;
«Выслуга наша не забудется;
«А пройдетъ про насъ слава великая
«Про выслугу нашу богатырскую,
«И узнатъ про насъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Не дошедши старикъ намъ поклонится».
И попускалъ опъ съ дружинушкой хороброю
На ту силу рать великую,
На того Василія Прекраснаго,
И прибили тое силу рать великую
Кое сами, кое кони топчутъ,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракитовымъ,
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіевъ градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.
И спросилъ то ихъ Владиміръ князь:
«И откуль таки вы добры молодцы,
«И коими дорогами какимъ путемъ?»
«Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею».
И не просилъ ихъ князь на почестенъ столъ,
И садились тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Ко тому-ли городу Ростовскому,
Ко тому-ли попу Ростовскому.
Прошла славушка не малая
Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,

До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявыя,
До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешиньки Поповича;
И самъ же старый да удивляется,
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали удалы добры молодцы ко старому
Хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Садится старъ да на добра коня,
Пріѣзжаетъ старъ да въ крашенъ Кіевъ градъ
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжевскому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.
Не ясенъ соколъ да опускается,
А то старъ казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
И заходитъ во свѣтлу гридню,
И приходитъ старый Богу молится,
На всѣ стороны поклоняется.
Челомъ бьетъ ниже пояса:
«Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-Кіевскій!
«Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
«Поздравляемъ васъ съ побѣдою немалою.
«Залесталиль сюды добры молодцы,
«По имени Алешенька Поповичъ младъ
«Со своей дружинушкой хороброю?»
Отвѣчаетъ ему князь стольно-кіевскій:
«Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ монастырямъ,
«Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
«И уѣхали они во далечо чисто поле».
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
«Собериткося князь Владиміръ почестенъ пиръ,
«Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
«Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
«И уподчуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
«Зеленымъ виномъ да медомъ сладкимъ,
«И подариткося Алешу подарочкомъ великимъ.—
«И прошла ужъ славушка не малая
«Про того Алешиньку Поповича
«До той орды до великія,
«До той Литвы до поганыя,
«До того Батея Батеевича.»
—«Да кого же намъ послать за Алешинькой,
«Да попросить его на почестенъ пиръ?»
«И послать намъ Добрынюшку Никитича»
И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Не дошедши Добрынюшка низко кланялся:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Поѣдемъ-ко ся во крашенъ Кіевъ градъ
«Ко ласкову князю ко Владиміру
«Хлѣба соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить
«И хочетъ тебя князь пожаловать».
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ младъ:
«На пріѣздѣ гостя не уподчивалъ
«На отъѣздѣ гостя не уподчивать».
Говоритъ тутъ Добрынюшка во второй наконъ:
«Поѣдемъ Алешинька во крашенъ Кіевъ градъ
«Хлѣба соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
«И подаритъ тебя князь подарочкомъ хорошимъ.
«Да еще звалъ тебя старой казакъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«Да звалъ тебя Дунаюшко Ивановичъ,
«Да звалъ тебя Василій Касимеровъ,
«Да звалъ тебя Потанюшко хроменькій,
«Да звалъ тебя Михайлушко Игнатьевичъ».
Тогда садился Алеша на добра коня
Со той дружинушкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кіеву.
И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовыя,
Мимо тое башенки наугольныя
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколъ съ воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ,
У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго;
А оставили коней неприказаныхъ, непривязаныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старый козакъ
Со княземъ со Владиміромъ, со княгинюшкой Апраксіею;
По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотѣ
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ

На груди у Апраксіи камень и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешинькѣ Поповичу:
«Ужъ многолѣтно здравствуй ясенъ соколъ,
«А по имени Алешинька Поповичъ младъ!
«Побѣдилъ ты не мало силы понь,
«И слободилъ ты нашъ крашенъ Кіевъ градъ
«Отъ того ли Василія Прекраснаго;
«Чѣмъ тебя мы станемъ теперь Алешу жаловать—
«Пожаловать намъ села съ приселками,
«А города съ пригородками!
«И тебѣ будетъ казна не затворена,
«И пожалуй ко ся ты къ намъ на почестенъ столъ».
И брала Алешиньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовыя,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
За напитки розналивчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владиміръ стольно кіевскій:
«Слуги вѣрные наливайте-тко-сь зелена вина
«А не малую чарочку,—въ полтора ведра;
«Наливайте-тко-сь еще меду сладкова,
«Наливайте-тко-сь еще пива пьянаго,
«А всего четыре ведра съ половиною».
И принимаетъ Алешинька одною рукой,
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны
И выпивалъ Алешинька чары до суха;
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.
И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшіимъ,
А середніимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ,
И стали Алешиньку тутъ жаловать:
Села съ приселками, города съ пригородками,
А казна-то была ему не закрыта.
И ставалъ тутъ Алеша на рѣзвы ноги
И говорилъ Алеша токово слово:
«Не надоть мнѣ-ко села съ приселками,
«Не надоть мнѣ города съ пригородками,
«Не надоть мнѣ золотой казны,
«А дай-ко мнѣ волю по городу Кіеву,
«И чтобы мнѣ-ко кабаки были не заперты,
«А въ трактирахъ чтобы гулять дозволялося».
И бралъ онъ тутъ свою дружинушку хорошую да хоробрую,
И своихъ братьицей названныхъ.
И гуляли они времени не мало тутъ—
Гуляли недѣлю, гуляли двѣ,
А на третью недѣлю просыпалися,
И садилися удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое,
Ко той же рѣки ко Черниговкѣ,
Ко той же горы ко высокія,
Ко той же шеломя окатистой,
Ко той же березонки кудрявыя,
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И поставили они своихъ добрыхъ коней,
И раздернули шатры, столы убраные.
Начали молодцы пить, ѣсть, кушати,
Начали молодцы разговаривать.
Выходилъ же въ ту пору старъ козакъ изъ бѣла шатра
И смотрѣлъ старикъ изъ трубки подзорныя на всѣ четыре стороны:
Во первыхъ глядѣлъ на сине море,
На тѣ же тихи заводья,
Во вторыхъ смотрѣлъ во чисто поле,
Да увидѣлъ во чистомъ полѣ во раздольицѣ кучу не малую,
А потомъ усмотрѣлъ добра коня,
А на конѣ усмотрѣлъ паляницу преудалую
А и ѣдетъ она потѣшается;
На лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ,
На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречетъ,
Да палица у ей боевая тридцати пудовъ,
Правой рукой она ее выкидывала выше лѣсу стоячаго
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукой подхватываетъ,
А до земли палицу не допускиваетъ.
И тутъ старому занятно палося
И долго старый позамѣшкался,
Засмотрѣлся на гулянку паляницы
И самъ тому удивляется.
Вскрикнулъ тутъ Алешу Поповича:
«Ужъ ты гой еси Алешинька Поповичъ младъ!
«На тебя будетъ служебка накинута,
«Сади-тко-сь Алешинька на добра коня

Поѣзжай-ко-ся во чисто поле,
Ко той же паляницѣ преудалыя,
«Ты спроси-тко-сь у ей: какой земли,
Какого городу, какого роду, отца матери,
«И какъ зовутъ тебя по имени, величаютъ по изотчеству,
«И спроси-тко ты Алешинька Поповичъ младъ:
«Куда же ты ѣдешь, куда путь держишь.
«Али ты ѣдешь въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
«Али ты посмотрѣть хочешь стара козака»?
И скочилъ тутъ Алеша скорешенько на добра коня,
А полетѣлъ-то Алешинька во чисто поле.
Доѣхалъ онъ до паленицы преудалыя.
Не спрашиваетъ у ей имени, отчины,
Ни роду ни спрашиваетъ, ни племени,
Оборачиваетъ Алешинька востро копье
И хочетъ принять на его ту паляницу преудалую,
Да была Паляница на то ухватчива —
Ухватила у его востро копье,
Да убросила его во чисто поле,
А хватила Алешинька за шиворотъ,
Да сбросила съ добра коня сдолой
И сказала ему таково слово:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Ужъ ты силой не силенъ, да напускомъ смѣлъ.
«Не спрашиваешь ни имени, ни отчины,
«Напускаешься на паляницу преудалую,
«А хочешь я тебя смерти предамъ;
«Поѣзжай-ко-ся ты ко бѣлу шатру,
«Пошли-ко-ся ты самого Илью Муромца,
«Мнѣ ка хочется съ нимъ поназваниться».
Садился Алешинька на добра коня и ѣхалъ ко бѣлу шатру,
А что было то Алеша не сказывалъ,
Посылалъ тутъ старый Добрынюшку во второй наконъ:
«Узнай-ко ся Добрынюшка, кто ѣздитъ во чистомъ полѣ»?
Садился тутъ Добрынюшка на добра коня, да и ѣхалъ во чисто полѣ;
Не доѣхавши Добрынюшка шапку складывалъ
И соходилъ съ добра коня низко кланялся:
«Ужъ ты здравствуй-кось паляница преудалая
Какого же ты города, какой земли,
Какого же ты отца, матери,
Какъ-же тебя звать по имени,
Звеличать тебя по изотчеству.
«Куда же ты ѣдешь: въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
«Или ѣдешь отъ синя моря,
И хочешь увидать стара казака?»
Отвѣчаетъ ему паляница преудалая:
«Поѣзжай-ко ты Добрынюшка Никитичъ младъ!
«Пошлиткось ты ко мнѣ стараго:
«Прошла про его славушка не малая,
«Ото востока прошла слава до запада,
«Отъ той орды великія, отъ того же отъ Мамая сильнаго,
«Сторожитъ де старъ казакъ три дорожечки широкихъ».
Поѣхалъ ли тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И не доѣдучи старому разсказывалъ;
И на то-ли старому за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Садился старый на добра коня,
Ѣхалъ да во чисто поле ко той паляницѣ преудалыя,
Разъѣхались тутъ удалы въ первой разъ,
Кололися копьицами вострыми,
А по посадочки копьица ихъ сверцулися,
И тѣмъ боемъ они другъ друга не ранили.
Рубилися потомъ сабельками вострыми,
И тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Потомъ билися палицами боевыми;—
Отъ рукъ палицы загорѣлися,
По спаямъ палицы распаялися,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Соскочили они съ добрыхъ коней,
И хватилися они боемъ рукопашнымъ,
Не много они времени поводилися,
А по колѣно въ землю утоптался;
По участи было по старого,
По злосчастьицу было паленицыну,
Правая рука у ей опустилася,
Хватилъ же ее старый за бѣлы груди,
Падала тутъ паленица на сыру землю.
Наскакивалъ тутъ старый на бѣлы груди къ ей,
Отстегивалъ пуговки вальянскія,

Отворачивалъ латы кольчужныя,
Вынимаетъ чинжалище, вострый ножъ,
Хочетъ пороть ей груди бѣлыя,
Хочетъ смотрѣть ретиво сердце.
На то старый былъ жалословъ:
Увидалъ у паляницы бѣлы груди,
А на бѣлы груди былъ упадчивый.
И почалъ онъ тутъ ее спрашивать:
«Откуль ты и какой земли?
«И какого ты отца матери,
«Какъ тебя именемъ зовутъ»?
Говорила же тутъ паленица преудалая:
«Была бы ужъ я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Я не спрашивала бы имени отчества,
«Порола бы я бѣлы груди, да смотрѣла ретиво сердце».
Бралъ же тутъ ей старый да за бѣлы руки,
И подымалъ ей на рѣзвы ноги,
И цѣловалъ ей въ уста сахарныя,
И обнималъ ей за шею бѣлую,
И садилъ ей на добра коня,
И велъ ей ко своему шатру бѣлополотняному,
И садилъ ей за столы убраные,
И пили ѣли они кушали,
И сами двоима забавлялися,
И тайными словами занималися,
И ночи по три они проспали,
И понесла она отрока.
И далъ ей съ правой руки злачень перстень
Со ставкою со драгоцѣнною,
Со надписью именною старою.
Самъ же ей онъ уговаривалъ:
«Принесешь если ты дочь засѣну,
«Отдай ей перстень въ приданое;
«А если принесешь удала добра молодца,
«Благослови его дорогимъ перстнемъ,
«Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле
«А пошли его, наказывай:
«Если увидитъ онъ во чистомъ полѣ стараго,
«Такъ не дошедши пусть поклонится.
Поѣхала отъ стараго Паляница преудалая
Ко тому же ко синю морю,
Ко тому же ко камешку ко сѣрому,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
И почала жить у синя моря,
И ожидать себѣ время засѣяно,
И спородила она себѣ чадо милое,
Не яснаго сокола, а удала добра молодца,
И дала ему имя сильный, могучій
И славный богатырь по имени Подсокольникъ.
Удалъ молодецъ не по годамъ растетъ, а по часамъ;
Сталъ же добрый молодецъ шести годовъ,
Сталъ онъ на улицу похаживать,
Сталъ съ ребятами поигрывать,
А ребята были не схватчивы,
Называли его безотеческимъ,
Называли его *сколотышемъ* *).
Еще нѣтъ у тебя родна батюшка.
На этомъ молодцу за бѣду встаетъ,
За великую досаду ему кажется;
Подходилъ онъ къ матушкѣ родимой:
«Ужъ ты гой еси матушка родимая!
«Отчего же у меня нѣту батюшки родителя?» —
Подарила она ему тогда злачень перстень,
А на злачномъ перстнѣ имя, изотчина.
Наложилъ тутъ Подсокольничекъ перстень на руку,
А все носитъ этотъ перстень нелюбя,
И все зло несетъ на батюшка;
Сталъ Подсокольничекъ двѣнадцати лѣтъ,
Не ясенъ соколъ на возлетѣ,
Подсокольничекъ сталъ па возрастѣ,
Сталъ Подсокольничекъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольничекъ и конемъ владѣть,
Да садился Подсокольничекъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольничекъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
«Ты поѣдешь да во чисто поле,
«Ты увидишь во чистомъ полѣ да стараго,
«Не дошедши старому да кланяйся,
«А челомъ бей о сыру землю».
И поѣхалъ тутъ Подсокольничекъ во чисто поле,
И прямо ѣдетъ ко бѣлу шатру.
Кричалъ тутъ Подсокольничекъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты гой еси, русскій богатырь
«Удалый добрый молодецъ, а по прозванью Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ,
«Тебѣ не пора ужъ спать, а пора вставать,
«Пора вставать да время ѣхати,

*) Въ Мезени слово *незаконнорожденный* не употребляется, а вмѣсто него—*сколотный*.

«Пріѣхалъ къ тебѣ непріятель невѣрный
«И хочетъ онъ съ тобой поборотися»
Ого сна ли старый пробужается,
Садился старый на добра коня,
Съѣхались тутъ удалы да во чистомъ полѣ,
И ударилъ Подсокольничекъ стараго по правой щекѣ,
И подхватилъ копьемъ долгомѣрнымъ подъ правой пахъ,
И выпихнулъ изъ сѣдла черкальскаго
Со добра коня со сивушка,
И палъ старый на сыру землю, какъ овсяный снопъ,
И вышибъ онъ стараго изъ ума изъ памяти;
Садился Подсокольничекъ старому на бѣлы груди,
И отстегивалъ пуговки жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И вынималъ чинжалище острый ножъ,
И хочетъ пороть бѣлы груди,
И хочетъ смотрѣть ретиво сердце.
А тѣло хочетъ разбросать по чисту полю.
Увидѣлъ тутъ старый на правой рукѣ именной перстень,
И взмолился онъ Спасу пречистому и вздохнулъ крѣпко:
«Стоялъ я за церквя божіи, за тѣ же честны монастыри,
«И хранилъ я стольной Кіевъ градъ,
«Да еще хранилъ я Черниговъ градъ,
«Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую».
И слетѣлъ Подсокольничекъ у Ильи со бѣлыхъ грудей,
И слетѣлъ Подсокольничекъ какъ овсяный снопъ.
Наскакивалъ тутъ старый ему на бѣлы груди,
Отстегивалъ пуговки жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И устращивалъ добра молодца, самъ его спрашивалъ:
«Ты какой земли какого рода племени,
«Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?»
Тутъ молодецъ отвѣтъ держитъ:
«Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
«Не спрашивалъ бы роду племени,
«Не спрашивалъ бы я отца матери,
«Поролъ бы я бѣлы груди, смотрѣлъ бы ретиво серце.
«Разбросалъ бы я бѣло тѣло по чисту полю,
«Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
«Чернымъ воронамъ на возграсенье.,
«На славу всему міру, всѣмъ людямъ».
Говоритъ тутъ старый во второй наконъ:
«Ты какой земли, какого города?
«Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
«Я отъ моря—моря синяго,
«Отъ камешка отъ сѣраго,
Отъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ.
«Отъ той паляницы преудалыя,
«Отъ той отъ Златыгорки отъ сильныя.
«А батюшка себѣ не знаю я.
«И какъ поѣхалъ я во чисто поле,
«Тогда мнѣ-ко матушка наказывала:
«Какъ увидишь стара казака Илью Муромца,
«Не дошедши ему низко кланяйся.
«И велѣла она сойти съ добра коня,
«И велѣла бить челомъ сыру землю».
На то старый былъ жалостливъ,
Узналъ, что тотъ его Подсокольничекъ
Отъ той лютой отъ Златыгорки;
Бралъ онъ его за бѣлы руки,
И цѣловалъ его въ уста сахарные,
Называлъ его сыномъ родимымъ,
Благословилъ его благословеньицемъ великимъ:
«Ты гуляй-ко, дитятко, по чисту полю,
«Не проливай крови безвинныя,
«Не губи силу напрасную,
«Поѣзжай-ко ся да ко синю морю
«Ко своей матушкѣ родимой,
«И скажи-тко отъ меня низкій поклонъ,
«Низкій поклонъ отъ меня отъ стараго
«Отъ своего родна батюшка».
И поѣхалъ добрый молодецъ ко синю морю,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко той же матушкѣ Златогоркѣ.
Подъѣзжаетъ онъ ко красну крыльцу
И кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты гой еси, зла лиха паляница преудалая!
«Встрѣчай-ко меня добра молодца!»
Выходитъ тутъ Златогорка на красно крыльцо,
Встрѣчала его, низко кланялась:
«Ужъ ты здравствуй дитятко родимое,
«Ты удалый добрый молодецъ, по имени Подсокольничекъ».

А встрѣтилъ-то ее добрый молодецъ вострымъ копьемъ,
И падала тутъ она на красно крыльцо.
Оборотилъ онъ коня да во чисто поле,
И подъѣхалъ онъ, добрый молодецъ, ко бѣлу шатру,
И засталъ тамъ стараго да спящаго,
И оборотилъ онъ на стараго востро копье,
И ткнулъ стараго въ ретиво сердце
Своимъ копьемъ вострымъ,
А у стараго былъ на груди чуденъ крестъ,
Вѣсу-то былъ онъ трехъ пудовъ,
И пало копье въ чуденъ крестъ,
По посадочку копье извернулося.
Тутъ ли старый отъ сна просыпается,
Не отъ лютой ли хмѣлинки пробужается.
Ретиво его сердце загорѣлося,
А могучи плеча расходилися,
Бѣлыя руки подымалися,
И хватилъ онъ тутъ Подсокольничка
За буйну голову, за русы кудри,
И отхватилъ онъ буйну голову,
И разрубилъ его на части мелкія,
И разбросалъ по чисту полю,
И тутъ Подсокольнику славу поютъ.

VIII. СТАРИНА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ за тѣхъ же горъ, изъ за высокихъ,
Изъ за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ за той же сторонушки восточныя,
Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соряжается
На тотъ же на крашенъ Кіевъ градъ,
И хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
И бралъ онъ себѣ силы много множество—
Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей,
Да бралъ своего зятя любимаго,
Своего Василія прекраснаго,
И бралъ за имъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топищѣ краснаго солнца не видать было,
А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару конскаго померкнулъ весь,—
Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.
Дошла до Мамая славушка не малая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ,
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто всѣ сильные богатыри во чисто поле разъѣхались.
И подходила сила Мамаева ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому,
Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ верстахъ
Развернули шатры бѣлополотняные,
Разостали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую,
И говорилъ тутъ Мамай таково слово:
«Ужъ ты гой еси любимый зять, Василій Прекрасный!
«Ты садись-ко Василій на ременчатъ стулъ,
«И пиши-тко дитятко ты ярлыки скорописные,
«Не на бумагѣ пиши не перомъ, не чернилами,
«А пиши-тко ся ты на красномъ бархатѣ,
«Ты печатай-ко заголовья краснымъ золотомъ,
«А по самой серединкѣ чистымъ серебромъ,
«А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жемчугомъ,
«А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
«Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было;
«А пиши ты на бархатѣ не ласково,
«Со угрозами пиши съ великими,
«Пиши не давай сроку ни на время, ни на малое»
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять.
И говорилъ тутъ любимый зять таково слово:
«Ужъ ты гой еси батюшко Мамай, строгій царь!
«Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ?»
Говорилъ Мамай таково слово:
«Ужъ ты гой еси, любимый зять!
«Тебѣ ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
«А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ
«Со своимъ войскомъ съ любимымъ».
Садился тутъ Василій на добра коня.
Поѣхалъ Василій во Кіевъ градъ,
Не дорогой ѣхалъ не воротами,
Черезъ стѣны скакалъ городовыя
Мимо башенки тѣ наугольныя;
Подъѣзжаетъ ко двору ко княжескому

И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню,
И подходилъ онъ къ столамъ дубовыимъ,
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколъ да подымается,
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ,
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню,
А Владиміръ стольно-кіевскій
Горючими слезами уливается;
Не подымаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у его очи ясныя,
Говорилъ же онъ тутъ таково слово:
«Ты бери-тко-ся старый ярлыки скорописчатые,
«Ты читай ко ихъ скоро на скоро,
«И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано
«И что на бархатѣ напечатано».
И началъ старый читать скоро на скоро,
Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покатилися,
И въ слухъ читалъ, всѣ слышали
А что же въ ярлыкахъ написано
И сроку въ ярлыкахъ не дано:
«Не спущу изъ Кіева ни стараго ни малаго,
«А самаго Владиміра-буду тяпуть очи косицами,
«А языкъ-то теменемъ,—съ живаго кожу драть буду,
«А княгинюшку Апраксію возьму за Василія Прекраснаго».
Тогда говорилъ старъ козакъ таково слово:
«Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
«Ужъ ты дай-ко ся мнѣ сроку на три года».
«А не дамъ я вамъ сроку на три года».
«А дай ко ты намъ хошь на два года».
«А не дамъ я вамъ сроку на два года».
«Дайте сроку хошь на полгода,
«А безсрочныхъ, сказалъ старъ козакъ, и на землѣ нѣту».
Даваетъ Василій сроку на полгода,
И угощать стали Василія Прекраснаго
Зеленымъ виномъ, пивомъ пьянымъ, медомъ сладкіимъ,
И начали дарить золотой казной:
Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошихъ,
Дарили еще соболями сибирскіими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили краснымъ.
Принималъ Василій подарочки великіе,
И везъ къ Мамаю въ бѣлополотнянный шатеръ.
Во ту пору, во то время пошелъ старый по Кіеву граду,
Пашелъ дружинушку хорошую, того ли Потанюшку Хроменькаго,
Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьицамъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колувану,
Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василію Касимерову,
Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ,
Во пятыхъ-то къ Потоку Ивановичу,
Во шестыхъ-то къ Добрынюшкѣ Никитичу,
Во семыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Въ восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потанюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соѣзжалися,
Ко тому ли Владиміру собиралися,
И почали думу думати совѣтъ совѣтывать,
И началъ старый у ихъ спрашивати:
«Ужъ вы удалы добры молодцы!
«Постоимъ-ко ся мы за вѣру христіанскую,
«И зъ тѣ же за храмы за божіе,
«И за тѣ-же честные монастыри
«И своею мы кровью горячею,
«И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
«На рать силу великую,
«Поѣдемъ мы всѣ покаемся.
«А и ты Владиміръ стольно-кіевскій!
«Ты пошли ко намъ да во чисто поле
«Сорокъ возовъ хлѣба бѣлаго,
«Да сорокъ сороковъ зелена вина,
«Да сорокъ возовъ хлѣба чернаго.

«Ужъ какъ мы живы пріѣдемъ изъ рать силы великія;
«Тогда вздумамъ позабавиться,
«И тогда не дошедши моимъ ребятамъ низко кланяйся,
«А не пріѣдимъ изъ того побоища Мамаева, —
«Похорони наши тѣла мертвыя
«И помяни русскихъ богатырей,
«И пройдетъ славушка про насъ не малая».
Садились добры молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали добры молодцы во чисто поле,
И разставили они шатры бѣлополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвилися,
И начали они думу думати, совѣтъ совѣтывати,
И сталъ старый у ихъ спрашивати:
«Ужъ вы гой еси сильные русскіе богатыри!
«Кому же изъ васъ съѣздить въ рать силу великую,
«Ко тому же Мамаю богатому,
«Посмотрѣть войско изрядное,—
«Со которой стороны начинать намъ будетъ».
«На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать силу великую:
И на то старому слово понравилось:
«Еще Самсона послать, — силой силенъ, да не поворотливый.
«Потеряетъ онъ у Мамая буйну голову;
«А если Дуная послять, Дунай—онъ задорливый,
«Позадорится заѣхать во рать силу великую;
«Есть во рати три переката глубокіихъ,
«А наставлены въ перекатахъ копья вострые:
«Во первыхъ онъ потеряетъ добра коня;
«А во вторыхъ потеряетъ буйну голову;
«Не пріѣхать ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.
«Если Добрыню мнѣ послать, Добрыня все не высмотритъ,
«И не узнать Добрынѣ силы Мамаевой;
«Если Василія послать—не сосчитаетъ онъ силу
«И не пересмотритъ ее со краю на край,
«Потеряетъ Василій буйну голову долой,
«Больше мнѣ послать и некого.
«Будетъ мнѣ-ка старому самому идти.
«Вы гуляйте-ко суточки теперь первые
«И гуляйте вы други сутки,
«На третьи сутки соряжайтеся
«И къ ратному дѣлу поѣзжайте,
«Какъ зазвенитъ палица боевая
«И зачнкаетъ моя сабля острая
«И затрублю я во турій рогъ.
«И во середку въ силу не ѣздите,
«А рубите силу со краю на край
«И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,
«И никого неоставляйте Мамаю на сѣмя».
И всѣ стали удалы добры молодцы на рѣзвы ноги
И поклонилися всѣ низко старому,
И поѣхалъ старъ во рать силу великую
И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,
Соскакивалъ тутъ старый со добра коня,
И заходилъ старый во шатеръ бѣлополотняный,
Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.
Увидалъ тутъ Мамай, въ шатрѣ человѣка странаго,
Говорилъ же Мамай таково слово:
«Ужъ ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!
«И зачѣмъ ты ходишь, и что тебѣ надобно,
«И откуль ты идешь и откуль путь держишь,
«Изъ Кіева идешь, али изъ Чернигова?»
«Иду же я изъ города изъ Кіева».
«А и что же нонѣ во Кіевѣ то дѣется,
«Незнаешь ли ты то добрый молодецъ,
«И не слыхалъ ли ты да про стараго?
«Разскажика ты мнѣ, какой онъ ростомъ,
«И сколь широкъ онъ плечьми?»
Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:
«Ужъ ты гой еси Мамай, богатый царь!
«Довольно видѣлъ я Илью Муромца.
«Ты гляди на ево все равно какъ на меня же,
«Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
«Лицо у ево постное, пиво пьетъ онъ по стаканчику,
«А вино то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ,
«А закусываетъ да по калачику.
«У стараго то бородушка сивая,
«Сивая бородушка да красивая».
А и тутъ Мамай да прирасхонулся:
«Напрасно же шла славушка великая про стараго,
«Отъ востоку шла и до запада,
«До той орды до великой,
«До меня ли Мамая грознаго,
«Лучше меньше гонить бы силы войска,
«Еще есть-ко при мнѣ Рославнѣй Рославнѣевичъ!
«Приготовь-ка для него говядины быка заразъ,
«А зелена вина пивной котелъ,

«А промежъ глазъ у него калена стрѣла,
«А промежъ плечами двѣ сажени печатныхъ».
Отвѣтъ держитъ тутъ старый казакъ:
«Ты безумный богатый царь!
«Какъ у насъ то во городѣ во Кіевѣ,
«Собирался у князя Владиміра почестенъ пиръ,
«А была у Владиміра собака обжорлива,
«По подстолью собака водилася,
«Косьемъ та собака подавилася;
«Тутъ собакѣ и смерть пришла.
«Не уѣхать тебѣ Мамай отъ города отъ Кіева,
«Срубитъ у тебя старъ козакъ буйну голову».
Тутъ Мамаю за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
И хватилъ то Мамай чинжалище вострый ножъ,
И шибъ въ стараго вострымъ ножомъ,
А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки,
И обратилъ старый острый ножъ,
И закололъ старый Мамая, и срубилъ ему буйну голову.

И разбилъ палачей много множество,
И добрался до своего добра коня
Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ,
И сомутилися у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,
Не узналъ старый ночи темныя,
И расходились у его плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя,
И засвистѣла у его палица боевая,
И зачивкала его сабелька острая,
И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленые,
Тѣ же сильные могучіе богатыри,
И начали силу рубить со краю на край.
Не оставляли они ни старого, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единаго на сѣмена,
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья по облака.
Оставалися только во лагеряхъ у старого,
Два брата,—два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей, кому быть.
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
И поѣхали во ту рать силу великую.

А и пріѣхалъ тутъ старъ козакъ со другомъ,
А встрѣтить-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать силы великая,
Тѣ два брата, два Суздальца.
И сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
«И всѣ бы мы побили ею по полю».
Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое,
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.
И пріѣхали они ко старому,
И ко тѣмъ дружинушкамъ хоробрымъ,
И начали они разсказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро,
И сами имъ во всемъ повинилися.
Тутъ поѣхала дружинушка хороброя
Во ту рать силу великую,
И начали бить съ краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставать силы больше прежняго.
Узналъ старый предъ собой вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости насъ въ первой винѣ,
«За тѣ же слова глупыя,
«За тѣхъ же братовъ Суздальцей».
И повалилась тутъ сила кроволитная,
И начали копать мать сыру-землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы па добрыхъ коней;
Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
Во тѣ же пещеры во Кіевски;
Тамъ всѣ они и представилися.
Тутъ старому славу поютъ.

IX. СТАРИНА ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА.

Было у Дюка испостроено,
Все было у Дюка исподѣлано:
Домъ у его на семи верстахъ,
А и крытъ онъ мѣдью казарскою,
Еще которa была дороже красна золота;
Огородочка была да на 70 верстахъ
Еще триста столбовъ да серебряныхъ,

Еще 400 столбовъ да позолоченыихъ,
А и мѣднымъ да желѣзнымъ еще счету нѣтъ;
Въ дому его было три церкви, три божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушкѣ.
Просился Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Пусти-ка меня мати ко князю ко Владиміру,
«Еще на людей посмотрѣть да себя показать».—
«Ужъ ты гой еси мое чадушко, родимое да любимое,
«Ты еще годами молодешенекъ, а умомъ глупешенекъ;
«Поѣдешь ко Владиміру, еще прирасхвастаешься
«Своимъ житьемъ бытьемъ да богатствомъ».
А и поѣхалъ тутъ Дюкъ да не дорогою,
Выѣзжалъ ли Дюкъ да не воротами,
Горы да долы промежъ ногъ опъ бралъ,
Быстрыя рѣки перескакивалъ;
Пріѣзжаетъ онъ во крашенъ Кіевъ градъ,
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Перескакивалъ черезъ башни наугольныя,
Доѣзжалъ до князя до Владиміра,
Оставлялъ онъ коня не приказана да не привязана.
Заходилъ Дюкъ да на красно крыльцо,
Заходилъ онъ да во новы сѣни,
Новыя сѣни выгибалися.
Заходилъ тутъ Дюкъ да во свѣтлу гридню:
«Ужъ ты гой еси княгинюшка Апраксія!
«Ужъ и гдѣ у насъ Владиміръ да стольно-кіевскій»?
Владиміра да дома не случилося,
Владиміръ то былъ во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился,
Поѣхалъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ
Ко той ли, да ко Божьей церкви.
Становилъ коня не приказана да не привязана,
Самъ пошелъ Дюкъ да во Божью церковь,
Становился Дюкъ во мѣстечко гостинное.
На отходѣ у Владиміра служба стала,
Посылалъ да Владиміръ своихъ слугъ вѣрныхъ:
«Ужъ вы гой еси, да слуги вѣрные!
«Вы спросите-тко да добра молодца:
«Какого онъ отечества, какого молодечества»?
Говорилъ онъ имъ: «зовутъ меня Дюкъ Степановичъ».
Подходилъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
Ко тому ли да добру молодцу:
«Ужъ ты здравствуйка, Дюкъ Степановичъ!
«Просимъ милости ко мнѣ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить»:
Пошли они изъ Божьей церкви,
Сѣли на коней своихъ добрыхъ,
Ѣдетъ Дюкъ ступью бродовою,
А Владиміръ ѣдетъ во всю рысь лошадиную,
Доѣхали до палатъ княжевскихъ,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сѣни,
Заходили они во свѣтлу гридню,
Садились они за столы за дубовые,
Садились они за скатерти за перчатныя,
Садились они за кушанья за сахарныя,
Садились они за столы за медвяные.
Принесла тутъ княгиня перву ѣству калачики;
Верхню-то корочку Дюкъ ѣстъ,
А исподню-то подъ столъ спущаетъ.
Говорилъ тутъ Владиміръ да стольно кіевскій:
«Что ты Дюкъ, да сынъ Степановичъ!
«Верхню корочку ѣшь, а исподню подъ столъ спущаешь».

Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
«Пахнутъ у васъ калачики да на сосенку,
«Пашутъ увасъ печи да помелышками сосновыми,
«Да купаютъ помелышки въ ключевой воды.
«У меня-то матушка да испечетъ калачики—
«Первый съѣшь да пуще хочется,
«И второй-то съѣшь да пуще хочется,
«На третей—отъ калачикъ душа бѣжитъ,
«А и пашетъ она помелышками шелковыми,
«Акунатъ-то она помелышки да въ медову воду».
И разспорилъ тутъ Дюкъ да со Владиміромъ:
«Проношу, говоритъ, три года платье на обновочку».
И выискалось тутъ три боярина у Владиміра:
«Проносимъ, говорятъ, и мы три года платье на обновочку».

Носили тѣ бояра платье на обновочку,
А носили они годъ да полгода.
А Дюкъ то Степановичъ носилъ три года,
А и каженный день носилъ онъ обновочку,
А въ послѣдній день носилъ онъ сапожки шиты краснымъ золотомъ,
Высажены сапожки скатнымъ жемчугомъ.
Посылалъ тутъ Владиміръ Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
«Поѣзжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушкѣ
«Отнимите вы все его имѣнье богачество».
Ужъ и говоритъ имъ Дюкъ Степановичъ:

«Ужъ вы гой еси, Алешинька Поповичъ да Илеюшка Муромецъ»!
«Ужъ накланяетесь вы моимъ да портомойницамъ
«Вмѣсто моей родимой матушки».
Пріѣхали они да ко Дюкову дому,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они да во свѣтлу гридню
И кланялись они Дюковымъ портомойницамъ
Вмѣсто Дюковой родной матушки.
Говорятъ имъ портомойницы
«Мы не Дюкова родна матушка
«Мы ли да портомойницы:
«Дюковой матушки дома не случилося,
«Дюкова матушка да во божьей церкви».
Пошли тутъ они да во божью церковь,
А на встрѣчу имъ идутъ да портомойницы,
Они кланяются да тѣмъ портомойницамъ,
Да вмѣсто Дюковой родной матушки.
А Дюкова матушка позади идетъ;
По косичкамъ у ей часты звѣзды,
На затылкѣ у ей младъ ясенъ мѣсяцъ,
А во лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушкѣ.
Говоритъ-то имъ да Дюкова матушка:
«Ужъ вы здравствуйте удалы добры молодцы,
«Просимъ милости хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить».—
«Мы пришли къ тебѣ не хлѣба соли ѣсть,
«Мы пришли къ тебѣ имѣніе — богачество описывать».

Заводила она ихъ да во перву комнату;
Не могли они описать всего имѣнія и въ одной комнатѣ.

Тутъ приносила она имъ перву яству колачика:
Ужъ какъ первый съѣшь, пуще хочется,
И второй-отъ съѣшь да пуще хочется,
На третей-отъ калачикъ душа бѣжитъ.
Тутъ поѣхали они ко князю ко Владиміру,
И разсказали ему все, что съ ними прилучилося
И похвасталъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты продай, говоритъ, крашенъ Кіевъ градъ,
«Ты купи-ко бумаги со чернилами,
«Поѣзжай да описывай мой широкій дворъ.
«Ужъ вы гой еси, Илья Муромецъ, Добрынишка да Алешинька,
«Поѣдемъ-ко скакать черезъ быстру рѣку
«На тѣхъ же коняхъ добрыихъ».
Приразъѣхались удалы да на три поприща:
Скакалъ первый Дюкъ Степановичъ,
Добрый конь его горы промежъ ногъ бралъ,
Выскакивалъ онъ да черезъ быстру рѣку.
А и не могли тѣ выскочить черезъ быструю,
Тутъ де они и уходилися.

III. СТИХИ НИЩЕЙ БРАТІИ *).

1.

Свѣтлое Христово Воскресенье
Дошло до Христова Вознесенья.
Возносился Христосъ на небеса
Съ ангелами, съ херувимами,
Съ грозными серафимами;
Восплакалась тутъ нищая братья
Возрыдала убогая сирота:
На кого ты насъ Господи оставляешь,
На кого ты насъ убогихъ спокидаешь,
Кто насъ обуетъ, одежитъ,
Кто насъ тепломъ обогрѣетъ?—
Не плачь-те ка нищая братія,
Не рыдайте убогая сирота;
Оставлю я вамъ гору золотую,
Оставлю я вамъ рѣку медовую,
Оставлю я вамъ садъ съ виноградомъ;
Промежу собой горой подѣлитеся—
Всѣ будете сыты и пьяны,
И обуты, и одѣты,
И отъ темной ноченьки укрыты.
Іоаннъ Злотоустъ возглаголалъ:
Истинный Христосъ Царь небесный
Нищимъ горой не увладѣть
Промежу собой горы не раздѣлить:
Наѣдутъ князи и боярѣ,
Наѣдутъ вси, пестрыя власти,
Отберутъ у ихъ гору золотую,
Отберутъ у ихъ рѣку медовую,
Отберутъ у ихъ садъ съ виноградомъ.
Ты оставь лучше Христово имя
Ходить по селамъ, по городамъ
Ходить по городамъ, по пригородкамъ.
И всѣ будутъ сыты и пьяны,
Всѣ будутъ обуты и одѣны
И отъ темныя ноченьки укрыты.
Слава тебѣ Христу Богу!

*) Записаны въ Мезени г. Никольскимъ.

2.

Пречудная Царица Богородица!
Услыши молитвы рабъ своихъ,
Прими наши слезы горячія,
Не лиши насъ царства небеснаго,
Избави насъ отъ муки отъ вѣчныя,
Отъ вѣчныя отъ муки, отъ безконечныя.
Земля ты сыроматерая!
Мы тобою земля—мати спороженые
Мы тобою земля будемъ спогребеные.
Гробы колоды бѣлодубовыя
Намъ домовища превѣчныя,
Превѣчны домовища безконечныя.
Долго намъ жить да помереть будетъ,
Велики богатства останутся;
Намъ слезами отъ смерти не отплакаться,
Чистымъ серебромъ отъ смерти не откупитися!
Я скажу человѣку чѣмъ душу спасти:
Душу спасти—постомъ, молитвою,
Въ рай-отъ дойти, да чистой милостиней.—
Грѣшны, вы грѣшны грѣшники
Вы подите-ка во пустыни во пустыя,
Постригитесь во ризы во черныя,
Наложите на себя схиму спасенную,
Вы молитесь-ка Спасу пречистому.—

3.

Ходилъ человѣкъ по Сіонскимъ горамъ,
Смотрѣлъ человѣкъ но всей землѣ, по всей Руси:
Чѣмъ это земля изукрашена,
Чѣмъ это земля изнаполнена,
Чѣмъ это земля изнасажена.—
Изукрашена земля церквами божьими,
Изнаполнена земля душами праведными,
Изнасажена земля душами грѣшными,—
Что про этихъ про грѣшныхъ протекала рѣка,
Протекала рѣка, рѣка огненная.
Черезъ огненну рѣку перевозчики стоятъ.
Михаилъ Архангелъ да Гавріилъ свѣтъ!

Перевезите вы насъ черезъ огненну рѣку,
Черезъ огненну рѣку къ своему Христу,
Къ Пресвятой мати Богородицѣ.
Не перевеземъ-то мы васъ черезъ огненну рѣку
Къ самому Христу, къ Пресвятой Богородицѣ—
Въ божью церковь вы не хаживали,
Пѣнья, чтенья церковнаго не слушивали,
Звону колокольнаго не вѣровали
Великаго поста не постовали,
Среды, пятницы Христовы не праздновали,
Земныхъ-то поклоновъ не сполнивали.

4.

Речетъ Божья Мати Пресвятая
Пречистая дѣва Марія:
Гдѣ ты ночью ночевала
Гдѣ ты ночью опочивала?
Во самомъ во городѣ Виѳлеемѣ
Во самомъ святомъ вертепѣ.
Мнѣ во истину мало спалося
Мнѣ много сновъ удалося—
Какъ единое чадочко спородила,
Я во пелены пеленала,
Я во поясъ увивала.
Я во пелены берчатыя
Я во поясы шелковые,
На святой рѣки Ердани окунала,
Надъ святой рѣкой Ерданомъ
Выростало свято дерево,
Свято дерево кипарисное.
Явился на деревѣ чуденъ крестъ
Чуденъ крестъ, крестъ Господень—
Быть Христу на крестѣ распяту,
Быть Христу на крестѣ убіенну,
Отъ книжницъ, фарисеевъ,
Разбойниковъ, душегубцевъ.
На крестѣ Христа свѣта распинали,
Руци, пози пригвоздиша,
Тростью голову проломиша,
Копьемъ ребра прободоша,
Горячую кровь проливаша,
На святое лице наплеваша,
Какъ земля то мати вся потряслася,
Красно солнышко потемнѣло,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ весь смеркнулъ,
Звѣзды частыя всѣ потухли,
Небесныя облака весь свѣтъ совивали,
Церковныя завѣсы раздиралися
Съ верхняго конца до нижняго.
Какъ изъ раны его течетъ кровь и вода.
И спровѣдала Божья Мать Христова,
Ко Христу Божья Мать пришла
Устами она глаголала:
Ужъ ты сладкое мое чадо дорогое!
Почто волею дался на распятье
Книжницамъ и фарисеямъ,
Разбойницамъ душегубцамъ?
Ужъ тутъ истинный Христосъ возглаголалъ:
Не плачь мати, не возрыдай!
Не слези мати ясныя очи,
Не скорби мати свою утробу.
Моя мати,—моя смерть живоносна;
Ужъ я самъ мати по тебя буду,
Ужъ я самъ изъ тебя душу выпу,
Спишу твой ликъ на икону,
Положу твою икону въ божью церковь,
Въ божью церковь да за престолъ.
Начнутъ твоему лику молитися,
Начнутъ твоему лику покланятися.

5.

Съ восточной стороны летѣли два ангела,
Летѣли два храпителя.
Ужъ вы гдѣ были, гдѣ летали?
Ужъ мы летали на разстаньюшкѣ,
Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
Разставалася — не простилася,
Не простилася—воротилася.
Ты прости, прощай, тѣло грѣшное!
Тѣло грѣшное, грѣхи тяжкіе,
Ужъ тебя тѣло въ землю кладутъ,
А меня душу на отвѣтъ ведутъ,
На отвѣтъ ведутъ, отвѣчать велятъ
Самому Христу Царю Небесному.
Ужъ я чѣмъ буду оправдатися,
Ужъ я чѣмъ буду боронитися?

Библіотека Нила Александровича

6.

Человѣкъ на земли живетъ, какъ трава растетъ,
Всяко слово человѣческо яко цвѣтъ цвѣтетъ:
Ввечеру человѣкъ, во бесѣдѣ сидитъ,
А по утру человѣкъ во гробу лежитъ,
Ясны очи помрачилися, — и языкъ умолче,

Бѣлы руки приложилися къ ретиву сердцу.
Самъ отходитъ и преходитъ въ незнакомый міръ,
Тамо зритъ лице вещи преужасныя.
Вы помилуйте добрые ангелы!

7.

Инокъ идетъ по дорогѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи, онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ.
На встрѣчу ему Царь Небесный.
Вопрошаетъ его Царь Небесный:
Очемъ инокъ слезно плачешь
Во слезахъ пути не видишь?
Отвѣчаетъ младой инокъ:
Какъ мнѣ Господи не плакать,
Былъ у меня ключъ церковный;
Потерялъ я этотъ ключъ,
Уронилъ его я въ сине море.
Утѣшаетъ царь небесный:
Не плачь, не плачь младый инокъ,
Выкину я тебѣ ключъ церковный
На крутъ красенъ бережечикъ,
На желтенькій на песочекъ,
И возмущу я сине море
Превеликими волнами.
(Далѣе снова повторяются первыя 9 строкъ, а потомъ:)
Потерялъ я злату книгу.
Утѣшаетъ Царь Небесный:
Не плачь, не плачь младый инокъ!
Напишу тебѣ злату книгу
И своима я руками.

8.

Жили были два брата родные, два Лазаря.
Первой-отъ братъ богатый, другой убогой;
Убогій къ богатому прихаживаетъ
Честную милостыньку выпрашиваетъ:
«Братъ ты мой братецъ, братенко родной,
«Подай-ко мнѣ братецъ честную милостыню,
«Напой, накорми, обуй и одѣнь
«Въ темную ноченьку притули».
Выходитъ богатый на красно крыльцо,
Говоритъ богатый таковы слова:
«Что ты мнѣ за братъ, что ты за родня,
«Есть у меня братьица,—князи бояра,
«Гости и торговы,—то мои родны;
«Есть у меня да два лютые пса,
«По подстолью крошечки посбирываютъ,
«Горячія раны зализываютъ,
«То тебѣ братьица, то тебѣ родны».
Пошелъ убогій прочь отъ окна
Выходитъ убогій во чисто поле;
Взмолился убогій Господу Богу:
Господи, Господи Спасъ Милостивой,
Пришли мнѣ Господи лютыхъ ангеловъ,
Лютыхъ и свирѣпыхъ и немилосливыхъ,
Выняли бы душечку не честно, не хвально и не бережно,
Посадили бы душечку на остро копье,
Понесли бы душечку на небеса,
Бросили бы душечку во кромешный адъ.
Услышалъ Господь молитву его,
Увидѣлъ Господь горючи слезы,
Послалъ ему Господь тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и крѣпкихъ и милосливыхъ;
Выняли его душу честно, прехвально и пребережно,
Посадили душечку на рамы свои,
Понесли душечку на нѣбеса,
Посадили душечку въ пресвѣтлый рай.
Выходилъ богатый среди каменныхъ палатъ,
Смолился богатый Спасу многомилосливому:
Господи, Господи, пречистый Спасъ!
Пришли ты мнѣ Господи тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и кроткихъ и милосливыхъ.
Услышалъ Господь молитву его:
Послалъ ему лютыхъ ангеловъ,
Лютыхъ и свирѣпыхъ, немилосливыхъ.
Взяли его душечку нечестно, нехвально и небережно,
Посадили душечку на остро копье,
Понесли душечку на небеса,
Бросили душечку въ кромешный адъ,
Въ огнь неутишимый, въ смолу кипячу.—
Увидалъ богатый брата своего:
«Братъ, ты мой братъ, братенко родной!
«Посмотри братецъ на мое житье, на горе горькое,
«Обмокни-ка братецъ во мое житье конецъ перста своего».
Говоритъ убогій таковы слова:
«Что ты мнѣ за братъ, что ты за родня,
«Есть у тебя братцы—князи, бояра,
«Гости и торговы—то твоя родня.

«Есть же у тебя два лютые лиса
«По подстолью крошечки собирываютъ
«Горячія раны зализываютъ—
То мои братьица, то моя родня!».

9. ЕЛЕНИНСКІЙ СТИХЪ *).

Отъ моря морюшка отъ синяго,
Отъ синяго моря студеная,
Отъ озера Маслеева,
Собиралися калики перехожіе,
Сорокъ каликъ со каликою.
Собиралися ко кресту Леванидову,
Еще клали они заповѣдь великую
Великую заповѣдь тяжелую:
«Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
«Не ходить намъ къ королямъ королевичамъ;
«Кто изъ насъ братцы заворуетъ,
«Кто изъ насъ братцы заплутуетъ,
«Кто изъ насъ братцы за блудомъ пойдетъ,
«Намъ судить таковаго своимъ судомъ,
«Намъ копать таковаго въ землю по поясу,
«Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
«Очи де ясныя косицами,
«Ретиво-то сердечушко плечьми».
Пошли-то калики по чисту полю,
День идутъ и другой идутъ.
На встрѣчу каликамъ идетъ Владиміръ князь,
Не доѣхалъ до каликъ, онъ съ коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся.
«Ужъ вы здравствуйте удалы добры молодцы,
«Вы калики перехожіе,
«Здравствуй-ко Дунай сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Касьянъ сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Михайло сынъ Михайловичъ!»
Тѣхъ-то каликъ лучше краше нѣтъ.
Платье на нихъ словно маковъ цвѣтъ,
Сумочки были лита бархата,
Подсумочки были хрусчатой камки.
«Гой еси удалы добры молодцы!
«Спойти-ко мнѣ Еленинскій стихъ;
«Захотѣлося мнѣ отъ васъ послушати».
Ужъ и тутъ калики не ослушалися.
Во сыру землю копьица потыкали,
Занѣли калики Еленинскій стихъ,
Занѣли, захотали въ полъ-крикъ
Земля-то мати потрясалася,
Во озерахъ воды всколыхалися,
Темные лѣса пошаталися,
На горахъ-де сыры дубы выгибалися.
Не можетъ Владиміръ стоючи стоять,
Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;
Увалился его Алешинько извощичекъ,
Увалился его Добрынюшко запятничекъ.
Говорилъ имъ Владиміръ таковы слова:
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы,
«Не могу я стоючи стоять,
«Не могу я сидючи сидѣть,
«Не могу я лежучи лежать,
«Увалился мой Алешинько извощичекъ,
«Увалился мой Добрынюшко запятничекъ,
«Ужъ вамъ полно пѣть Еленскій стихъ».
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Брали сумочки бархатныя,
Пошли калики во чисто поле.
Ужъ и тутъ Владиміръ возговорилъ:
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы!
«Пойдете вы мимо крашенъ Кіевъ градъ,
«Приворачивайте-ко къ молодой княгинюшкѣ Апраксіѣ.
«Милости просимъ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить».
Пошли тѣ калики по чистому полю,
День они идутъ и другой идутъ,
Доходятъ они до палатъ княженскихъ,
Ко тое-ли околенки стеклянныя.
Запросили они милостинку Христа-ради,
Для ради Христа царя небеснаго.
Попросили они въ полъ-крику:
Земля-то мати потрясалася,
На озерахъ вода всколыхалася,
На столахъ-то кушанья всплескалися,
Муравлены печки помитусились.
Услыхала тутъ княгинюшка Апраксія,
Высовывалась она въ окошечко по поясу:
«Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
«Вы калики перехожіе,
«Здравствуй-ко Дунай сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Касьянъ сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Михайло сынъ Михайловичъ!

*) Его скорѣе нужно причислить къ былинамъ, но такъ какъ сами пѣвцы, отъ которыхъ я записалъ его, причислили къ этому разряду, то и я послѣдовалъ ихъ примѣру. Прим. Никольскаго.

«Просимъ милости хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть да пива съ медомъ пить
«Ко младой княгинѣ ко Апраксіѣ».
Заходили калики на красно крыльцо,
Ступешекъ до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сѣни,
Новы сѣни выгибалися;
Заходили калики въ свѣтлу гридню,
Ужъ и крестъ кладутъ они по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ да по ученому.
«Ужъ ты здравствуй-ко княгинюшка Апраксія!»
Заходили они за столы за дубовые,
За тѣ скатерти за перчатныя,
За тѣ же за кушанья сахарныя.
Тутъ калики поѣли, покушали,
Бѣлыя лебедушки порушали.
Выходили изъ за столовъ дубовыхъ,
Выходили изъ за скатертей перчатныхъ,
Ужъ и крестъ кладутъ по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ по ученому.
«Благодарствуй княгинюшка Апраксія!»—
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы!
«Ужъ и день идетъ ко вечеру,
«Ужъ и солнышко клонится къ западу,
«Не пора-ли вамъ калики опочивъ держать,—
«Выведу я васъ да по единому».
Стали калики да опочивъ держать,
Развела она ихъ да по единому.
Брала къ себѣ Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,
Ложила его на периночку пуховую,
На подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Случилося ночи во первомъ часу
Соходила княгинюшка со печки со муравленыя,
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
«Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
«Ты влюбись-ко-ся въ меня княгиню Апраксію,
«Ты наймись-ко-ся къ князю Владиміру во работники.
«Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
«За едино жить, да любовь творить».
— Ты поди-ко прочь княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ зоворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ пойдетъ,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать таково въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.
Ушла княгиня на ту печьку на муравленную.
Случилось ночи во второмъ часу
. . . . . .
(То же, что и въ первомъ).
Случилося ночи во третьемъ часу,
Заспалъ тутъ Михайлушка крѣпкимъ сномъ.
Соходила княгиня со печки со муравленыя,
Брала тутъ сумку лита бархата,
Разшила, разтягала сумку бархатную,
Клала въ нее братыню серебряную,
Изъ которой братыни князь съ пріѣзда пьетъ.
Зашила, застегала сумку по старому.
Вставали калики рано по утру,
Ключевой водой умывалися,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ утиралися,
Снарядилися калики перехожіе,
Пошли калики во чисто поле.
Пріѣхалъ тутъ Владиміръ князь.
— Ужъ ты гой еси княгинюшка Апраксія!
Гдѣ моя братынюшка серебряная,
Изъ которой я съ пріѣзда пью?—
«Ужъ ты гой еси, Владиміръ князь!
«Ночевали у насъ калики перехожіе,
«Украли у насъ братынюшку серебряную».—
Кому была служебка надмечена,—
Алешинькѣ была служебка явлена:
Поѣзжай-ко ты Алешинька во чисто полѣ.
Состыги ты каликъ да во чистомъ полѣ,
Отбери у ихъ братынюшку серебряную.—
Не видали поѣздки богатырскія,
Только видѣли во чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, дымъ столбомъ валитъ,
Изъ ушей, изъ поздрей коня пламя огненное.
Выѣхалъ Алеша на шеломя окатистое,

Посмотрѣлъ Алеша въ трубку подзорную
Да на всѣ четыре дальнія сторонки—
И завидѣлъ каликъ да на чистомъ полѣ,
Завылъ, закричалъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы гой еси,-калики перехожіе!
«Ночевали вы у князя Владиміра
«Украли братынюшку серебряную».
Ужъ и тутъ каликамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Подождали Алешиньку близко—наблизко,
Хватали Алешиньку со добра коня,
Алешинькѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали Алешинькѣ жопеночку сколько надобно,
Посадили Алешиньку на добра коня,
Привязали Алешиньку ко стременамъ.
Едва-едва онъ на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Выходилъ Владиміръ на высокъ балконъ,
Смотрѣлъ Владиміръ въ трубку подзорную.
Увидалъ, что Алешинька едва на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Доѣзжаетъ Алешинька ко Владиміру:
«Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ догналъ я каликъ да во чистомъ полѣ,
Зазычалъ я, закричалъ громкимъ голосомъ:
Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
Почевали вы у князя Владиміра,
Украли братынюшку серебряную.
Ужъ и тутъ пождали меня близко-наблизко,
Хватали меня со добра коня;
Ужъ и мнѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали жопеньку сколько надобно;
Посадили меня на добра коня,
Да и привязали меня ко стременамъ».
Кому служебка была подмѣчена—
Добрынюшкѣ была служебка явлена.
Выѣхалъ Добрынюшка на шеломя окатистое,
Завидѣлъ каликъ да во чистомъ полѣ.
Объѣхалъ Добрынюшка дорожками постороннимі,
Ѣдетъ онъ каликамъ на встрѣчу,
Не доѣхалъ, со коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
«Ужъ вы здраствуйте, калики перехожіе!
«Не попалась ли какъ къ вамъ братынюшка серебряная,
«Изъ которой братыни князь съ пріѣзду пьетъ».
Тутъ калики другъ на друга осердилися,
И стали по сумочкамъ похаживать,
Доходятъ до сумочки Михайлушки Михайловича,
Расшили сумочку лита бархата
И вымали братынюшку серебряную,
Отдали ее Добрынюшкѣ Никитичу,
И уѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
И стали они казнить Михайлушку своимъ судомъ
И копали его въ землѣ по поясу,
Рѣчистъ то языкъ тянули къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечми.
И отъѣхали они близко-наблизко,—
Идетъ Михаилушка здоровешенекъ.
Казнили они его во второй наконъ,—
Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
Казнили они его въ третій наконъ,—
Идетъ Михайлушка по прежнему.
Подождали тутъ Михайлушку.
«Ужъ ты гой еси, Михайлушко Михайловичъ!
«Ужъ и какъ тебѣ попалася братынюшка серебряная».
«Ночевалъ я у княгинюшки Апраксіи
И случилося ночи во первомъ часу:—

(Повторяется тотъ же разсказъ, который былъ приведенъ выше).

. . . . . .

И положила она мнѣ братынюшку понасердкѣ».—
Тутъ калики распростилися,
Пошли калики во чисто поле,
День идутъ и ночь идутъ.
Дошли калики до Іерусалима града;
Тутъ они Богу помолилися,
На плакунѣ травѣ покаталися,
Во Іорданѣ рѣкѣ искупалися.
Тутъ калики всѣ представились.

10. АЛЕКСѢЕВСКІЙ СТИХЪ.

Во славномъ Римскомъ царствѣ,
При младомъ царѣ при Анорьѣ,
Былъ жилъ князь благочестивый
Богатый князь Ефимьянъ.
У его жены не было плоду,
Ни женскаго полу, ни мужскаго.
Охочь Ефимьянъ въ церковь ходить,
Охочь Ефимьянъ Богу молиться,
Охочь Ефимьянъ Господу трудиться.
Молился Господу отъ желанья,
Отъ великаго желанья со слезами;

Проситъ у Господа Бога:
«Создай мнѣ-ко Господи чадо,
Чадо милое, дитя любимое,
Сына либо дочерь,
При младости лѣтъ на потѣху,
При старости лѣтъ на замѣпу,
При смерти тѣла на погребенье,
Послѣ смерти души на поминанье».
Княгиня его проситъ къ тому же.
Богородица гласомъ прогласила
Великое чудо сотворило:
«Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ князь богатый!
Ты поди-ко вонъ изъ Божей церкви,
Изъ того же великаго собору,
Въ свой домъ, бѣлокаменну палату».
Заходилъ онъ въ особливу теплу спальну.
Лежитъ его княгиня при постели
При мягкой перины пуховой;
Лежучи она сына спородила.
Тутъ Ефимьянъ князь зрадовался,
Пошелъ по поповъ, патріарховъ,
Звалъ онъ дьяковъ, митрополитовъ,
Звалъ всѣ духовныя власти,
Звалъ себѣ кума со кумою.
Не изъ князей бралъ, не изъ бояровъ
Не изъ тѣхъ же купцей, гостей торговыхъ;
Бралъ онъ убогую сироту,
Приводилъ онъ сына въ вѣру крещеную,
Нарекалъ ему имя Алексѣй,
Алексѣй святый Божій человѣкъ.
Сталъ Ефимьянъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына
На много лѣтъ поздравляти.
Не мало тому времени минуло
Прошло того времени лѣтъ пяти, шти.
Задумалъ Ефимьянъ сына грамотѣ учити,
Отдавалъ онъ въ училище на три года.
Скоро свѣту грамота далася,
Скорѣй того въ умъ принялася,
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Пошелъ Ефимьянъ сына выкупати
Давалъ учителямъ три златницы.
Учители златницъ не принимали,
Такъ его свѣта отпущали.
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Со возлюбленнымъ сыномъ Алексѣемъ
Во свой домъ, бѣлокаменны палаты.
Сталъ Ефимьянъ нонь пировати,
Сталъ Ефимьянъ нонь столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло;
Прошло тому времени года два, три,
Задумалъ Ефимьянъ сына учити
Во то же святое рукописанье.
Отдавалъ онъ въ училище на три года.
Скоро свѣту писанье далося
Скоро того въ умъ привилося.
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Во свой домъ бѣлокаменны палаты,
Сталъ Ефимьянъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло,
Прошло времени всего лѣтъ двѣнадцать
Задумалъ Ефимьянъ сына женити,
Въ томъ же Индѣйскомъ славномъ царствѣ,
У того же короля у вельможи,
На той же младой княгинѣ,
На младой княгинѣ Катеринѣ.
Поѣхали въ Индѣйское славно царство
Къ тому же королю вельможѣ,
Ко той же младой княгинѣ Катеринѣ;
Златыми перстнями помѣнялися
Жемчужными кольцами обручалися.
Поѣхали во славное римское царство
Ко тому же великому собору;
Заходили они да во Божью церковь
Становились они на единъ подножникъ,
Одѣвали имъ вѣнцы златые.
Принимали они законъ божій.
Пошли они вонъ изъ божей церкви,
Крестъ-отъ кладутъ по писанному,
Поклонъ-отъ ведутъ по ученому.
Поѣхали они ко князю Ефимьяну,
У богатаго князя Ефимьяна
Не пиво варить, не вино курить;
Садились за столы дубовые,
За тѣ же скатерти перчатныя,
За тѣ же кушанья сахарныя,
За тѣ же питья розналивчатыя.
Алексѣй-отъ хлѣба соли не вкушаетъ,
Медвянаго питья да не испиваетъ,
Все горючими слезами слезно плачетъ.

Услыхалъ его батюшка родимый:
«Ужъ ты гой еси, мое чадо милое,
«Что ты хлѣба соли не вкушаешь,
«Медвянаго питья да не испиваешь,
«Все горючими слезами слезно плачешь,
«Али мы тя млада женили,
«Али тебѣ княгиня не по мыслямъ?
На то Алексѣй имъ не отвѣчаетъ,
Бралъ свою княгиню Катерину
За бѣлую правую ручку,
За тѣ же перстни за злаченые.
Пошелъ въ особливу теплу спальню,
Ложилася княгиня на постелю,
На мягкую перину на пухову,
На маленьки подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Засвѣтилъ Алексѣй свѣчу воску яраго,
Молился Господу отъ желанія.
Говорила княгиня таково слово:
«Ужъ ты гой еси, Алексѣй человѣкъ Божій!
«Полно Алексѣй Богу молиться
«Пора Алексѣй спать ложиться».
Потушилъ Алексѣй свѣчу воску яраго
И ложился ко княгинѣ на постелю.
Случилося ночи во первомъ часу,
Богородица гласомъ прогласила
Великое чудо сотворила:
«Полно Алексѣй тебѣ-ко спати,
«Пора Алексѣй тебѣ вставати,
«Пора путь дорожку коротати».
На то Алексѣй не ослышался,
Вставалъ Алексѣй со постели,
Свѣжей водой ключевой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирался,
Засвѣтилъ онъ свѣщу да воску яраго,
Господу Богу да помолился.
Говорилъ своей княгинѣ обрученной:
«Ужъ ты гой еси, обрученная княгиня!
«Какъ ты меня нонь называешь,
«За кого ты меня нонь почитаешь?»
Говорила ему обрученная княгиня:
«Ужъ ты гой еси, человѣкъ Божій!
«Называю я тебя нонь Алексѣемъ,
«Почитаю тебя да аки брата».
Бросился Алексѣй во книгу псалтирную,
Нашелъ Алексѣй таковое слово:
Не подобаетъ брату съ сестрой спати,
«Пора брату съ сестрой раставаться».
Скидовалъ тутъ съ правой руки злаченъ перстень,
Отдавалъ своей обрученной княгинѣ Катеринѣ:
«На моя, обрученная княгиня!
«Хорошъ злаченъ перстень;
«Когда нападетъ на тебя тоска кручина,
«Ты наложь-ко хорошъ злаченъ перстень
«И отпадетъ отъ тебя тоска кручина».
Отпоясалъ отъ себя хорошъ шелковъ поясъ,
Отдавалъ своей обрученной княгинѣ:
«Ужъ какъ на, моя обрученная княгиня!
«Хорошъ шелковъ поясъ;
«Когда заберутъ худыя мысли,
«Опояшь ты хорошъ шелковъ поясъ,
«Отпадутъ отъ тебя худыя думы, мысли».
Княгиня перстня, пояса не примаетъ,
Все горючими слезами слезно плачетъ.
Скидовалъ съ себя Алексѣй платье цвѣтное,
Надѣвалъ на себя ризу власяную.
Склался Алексѣй свѣтъ во котомку;
Пошелъ Алексѣй свѣтъ во дорожку.
Шелъ онъ по чистому полю,
Пришелъ ко синему морю.
Просился къ купцамъ-гостямъ на корабликъ.
Купцы-гости на корабликъ не примаютъ,
Господь имъ тишень не даваетъ
Способной имъ тишени и споносной.
Отдавалъ имъ Алексѣй три златницы.
Скоро припяли Алексѣя на корабликъ.
Господь имъ тишень даваетъ
Способный имъ повѣтерь и споносный.
Изъ синя моря якори катали,
Корабельныя сходенки обирали,
Тонки паруса да поднимали;
Пошли они да черезъ сине море
Во славное индѣйское царство,
Пришли они ко пристани корабельной.
Алексѣй человѣкъ Божій съ корабликa сбѣгаетъ.
Пошелъ онъ ко индѣйскому славному царству,
Заходилъ онъ во божью церковь,
Становился Алексѣй по правую руку,
И молился онъ тутъ да лѣтъ двѣнадцать.
На каждую субботу онъ покаялся,
На кажный день воскресный причащался,
И вкушалъ онъ по одной просвиркѣ на день;
И о томъ Господу молился,
Чтобы его родные не узнали

И обручная княгиня не признала.
Богородица гласомъ прогласила:
«Ужъ ты гой еси Алексѣй человѣкъ Божій!
«Ты поди-ко-ся во Римское славно царство;
«Отецъ-матушка тебя да не узнаютъ,
«Что обручная княгиня не признаетъ».
На то Алексѣй не ослышался;
Пошелъ онъ изъ божьей церкви,
Крестъ-отъ кладетъ да по писанному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому.
Склался Алексѣй свѣтъ въ котомку,
Пошелъ Алексѣй свѣтъ въ дорожку,
Пошелъ Алексѣй свѣтъ во чистое поле;
Шелъ онъ да ко синему морю
Къ той же пристани корабельной,
Просился къ купцамъ-гостямъ на корабликъ.
Купцы-гости его не примали.
Господь тишени имъ не даваетъ.
Отдавалъ имъ Алексѣй три златницы;
Скоро приняли его на корабликъ,
Господь имъ тишень даваетъ
Способну повѣтерь и поносну;
Скоро якоря изъ моря катали,
Скоро корабельныя сходенки убирали,
Скоро тонки паруса поднимали,
Пошли они въ Римское славно царство.
Собѣгаетъ Алексѣй да со корабликъ,
Пошелъ Алексѣй по Римскому царству,
И встрѣтился Ефимьянъ князь богатый.
Даваетъ Алексѣю три златницы,—
Калика златницъ не примаетъ;
Проситъ у Ефимьяна келейку подъ крылечкомъ
Для ради сына Алексѣя.
На то Ефимьянъ скоро прихватился:
«Ужъ ты гой еси убогая калика,
«Какъ ты моего сына знаешь,
«Почему ты его да почитаешь?».
Говоритъ убогая калика:
«Ужъ ты гой еси Ефимьянъ князь богатый,
«Какъ я твоего сына да не знаю,
«Какъ я твоего сына да не почитаю,
«Въ одномъ мы училищѣ учился,
«Одну книгу псалтирную читали,
«Съ одного плеча платьице носили,
«Съ одного блюда пили ѣли».
Далъ ему Ефимьянъ князь богатый
Келейку да подъ крылечкомъ.
«Ужъ ты гой еси убогая калика,
«Что я самъ буду пити, ясти,
«То и тебѣ буду преставляти».
Что самъ Ефимьянъ ѣстъ и ньетъ,
То и каликѣ съ холопами преставляетъ.
Холопы сами все съѣдятъ,
Алексѣю одни костки приставляютъ,
И за то Алексѣй Господа благодарилъ.
Богородица гласомъ прогласила
Великое чудо сотворила.
«Ужъ ты гой еси Алексѣй человѣкъ Божій!
Ты бери-ко-ся бумагу и чернилы,
Ты пиши все свое да похожденье,
Скоро тебѣ будетъ да свѣта-представленье».
Послалъ Алексѣй холоповъ,
Просить у Ефимьянъ чернилъ и бумаги,
Да не на долгое время.
Принесли ему чернилъ и бумаги;
Писалъ онъ свое да рукописанье,
Писалъ онъ свое похожденье.
Пришло ему свѣта представленье,
Пошли по всей Ефимьяновой пустынѣ
Демьянные *) духи.
Посылаетъ Ефимьянъ князь богатый
Своихъ слугъ и холоповъ
По своей да пустынѣ,—
Нѣтъ ли гдѣ въ пустынѣ святаго,
Не лежатъ ли святыя мощи,
Не лежитъ ли гдѣ рукописанье.
Ходили они по всей Ефимьяновой пустынѣ,
Нигдѣ не нашли они святаго,
Не лежатъ нигдѣ святыя мощи.
Заходили они въ келейку, подъ крылечкомъ
Лежатъ тутъ святыя мощи,
Держатъ въ рукахъ рукописанье,
Пашутъ отъ нихъ демьянные духи.
Господу Богу они помолились,
Ко святымъ мощамъ приложились,
Сказали они князю Ефимьяну;
Пошелъ онъ звать поповъ, патріарховъ.
Пришли они въ келейку подъ крылечкомъ.
Лежали тутъ святыя мощи,
Держатъ въ рукахъ рукописанье,
Господу Богу помолились,
Ко святымъ мощамъ приложились,
И брали они изъ рукъ рукописанье,—

*) Демьянные—ладонные, по объясненію пѣвца.

Рукописаньице имъ не удалося.
Приходили отецъ съ матушкой родимой.
Господу Богу они помолились,
Ко святымъ мощамъ приложились,
Брали изъ рукъ рукописанье,—
Рукописаньице имъ отдалося.
Читалъ Ефимьянъ рукописанье,
Читалъ, самъ слезно плакалъ,
«Рвалъ опъ съ себя ризу золотую:
Ужъ ты гой еси чадо милое,
Пошто же ты чадо не сказалося,
Кого ты чадо убоялося?»
Прочитала его матушка родимая,
Съ буйной головы волосы рвала:
«Ужъ ты гой еси чадо милое,
Кого же ты чадо убоялося,
Пошто же ты не сказалося?»
Приходила его обручная княгиня,
Слезно жалобно она рыдала:
«Ужъ ты гой еси Алексѣй человѣкъ Божій,
Кого же ты да убоялся,
И пошто же ты да не сказался?»
Сдѣлали ему гробъ серебряный,
Понесли его по чистому полю,
Во ту же божью церковь.
И кидаетъ Ефимьянъ князь богатый,
Горстьемъ опъ злато и серебро,
Никто злато и серебро не береть;
Всѣ къ мощамъ попадаютъ.
Чудеса творилъ опъ великія:—
Кто былъ безглазый,—тому давалъ зрѣніе,
Кто былъ безногій,—тому ноги,
Кто былъ безрукій,—тому руки,
Кто былъ глухой,—тому слышанье.
Захоронили тутъ Алексѣя человѣка Божія.

11. СТИХЪ ПРО ПЬЯНСТВО И СКВЕРНОСЛОВІЕ *).

Слава есть Василью Великому
Кесарійскому чудотворцу!
Стоялъ Василій
Двадцать пять лѣтъ
Во божьей церкви, во паперти
У притвора, на молитвѣ.
Молился Василій
Господу Богу отъ желанья,
Со теплыми сердцами
Съ горючими слезами.
Свѣтъ Пресвятая Бородица
Съ небеси гласомъ гласила:
Ты свѣтъ, Василій!
Хошь молишься Господу Богу
Со теплыми сердцами
Съ горючими слезами,
Господь молитвы твоей не принаетъ:
Пахнутъ отъ тебя
Хмѣльнаго и злаго
Кореня духи».
Свѣтъ Василій
На землю падаетъ:
«Ты свѣтъ, Присвята Богородица!
Хмѣльнаго питья
Двадцать пять лѣтъ
Я не вкушаю».
Свою главу до крови
Разбиваетъ.
Свѣтъ Присвята Богородица
Съ престолу долой сходила,
Отъ себя пречисты
Руки отлагала,
Василью Великому
Подъ главу подлагала,
Василія Великаго
На ноги поднимала.
И сама глаголетъ:
«Ты свѣтъ Василій Великій:
Великій Кесарійскій Чудотворецъ!
Нѣтъ твоей молитвы
Ко Господу больше,
Стопы твои ко Господу
Услышаны».
О! горе тому человѣку,
Кто въ пьянствѣ умреть,
Изъ того костья человѣческаго
Двадцать пять лѣтъ
Хмѣльнаго и злаго
Корня, — духи
Вонъ не выходятъ.
Не велѣно съ пьяницей
На дорогѣ встрѣчаться.
Аще встрѣтишься
Съ пьяницей на дорогѣ,

*) Стихъ этотъ, равно и слѣдующій, распѣваемые калеками-перехожими, записаны св. села Зимней Золотицы Вл. Розоновымъ.

И станешь пьяницу
На добро учить,
И тутъ же пьяницу
Раздразнишь,
Пьяница ножемъ
Зарѣжетъ,
Либо палкой убьетъ,
И та душа его замѣнитъ
И въ адъ пойдетъ.
Не велѣно священнымъ
Архіереямъ и іереямъ, —
Попамъ и протопопамъ,
Хмѣльнаго въ уста
Впущати.
Только велѣно
Священнымъ
Архіереямъ и іереямъ,
И попамъ и протопопамъ
Божья литургія
Составляти.
Не велѣно пьяницу
Въ Божью церковь,
Впущати;
Пьяница идетъ
Въ Божью церковь
Смѣшитъ и галдитъ.
Пьяница стоитъ
На богомольи,
Не Богомъ страждетъ.
О, горе тому человѣку!
Кто глядитъ на пьяницу
И смѣется
И на свою душу
Грѣхъ перенимаетъ,
И того грѣха
На своей душѣ
Несполагаетъ,
Отцу духовному
На исповѣди не исповѣдаетъ.
О! горе тому человѣку,
Кто сквернословится
И по матерну бранится —
Ту же мать оскверняетъ.
И поноситъ того,
Кой сотворилъ небо и землю
И тварь плодовитую
И родъ человѣческій.

Трижды небо и земля
Потресется, —
Аще ли женскій родъ
Сквернословится,
Трижды небо и земля
Потресется,
Трижды кровью
Ея уста запекутся.
Есть у Господа Бога
Построено три покоя:
Рай пресвѣтлый,
Царство небесное
Для ради душъ
Много праведныхъ;
Адъ кромешній —
Мука ти вѣчная,
Огни горящи
Котлы кипящи
Змѣи ядовиты
Для душъ многогрѣшныхъ.

12. СТИХЪ О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

Слушайте, послушайте,
Про Божье писанье
Про небесно наказанье.
Течетъ рѣка,
Рѣка огненна
Отъ востоку рѣка
Вплоть до западу
Тутъ идетъ
Михаилъ Архангелъ:
Вы ставайте живы
Идущи мертвы,
Онъ вострубилъ
Трубою золотою.
Праведныя души по правую,
Многогрѣшныя души по ошую,
Многогрѣшныя души идутъ плачутъ:
«Зачѣмъ же, Михаилъ Архангелъ,
Насъ прочь отсылаешь,
Небеснаго царствія лишаешь!»
«Отойдите вы души
Грѣшны окаянны;
Жили вы на бѣломъ свѣту,
Что вы тогда не спасались,
Другъ друга не любили,

Братъ брата не почитали,
Сосѣдъ сосѣда не нарекали,
Нищихъ умершихъ
Въ церковь не провожали,
Нищихъ бѣдныхъ
Не поили, не кормили,
За то вамъ будетъ
Мука вѣчная
Да сама безконечная»
Слава тебѣ Христу Богу!

IV. ПѢСНИ МЕЗЕНСКІЯ *).

А. НАУЛИЧНЫЯ.

1.

Ты надежинька, мой милъ сердечный другъ.
Побывай, радость, у меня въ гостяхъ.
Посмотри, радость, на мое житье,
На мое житье, на горе горькое,
Горе горькое несчастливое.
У меня ли дѣвицы журить,бранить—есть кому,
Любить, жаловать меня не кому.
Что единъ-то былъ задушевный другъ,
Но и тотъ со мной теперь не въ любви живетъ,
Не въ любви живетъ, не въ согласьицѣ.
Промежъ нами со милымъ дружкомъ,
Извивается змѣя лютая, подколодная.

2.

Спровожу дружка во дорожечку,
Не во дальнюю; да жаль, тошнешенько:
Воротися, мой любезный, поскорешенько,
Не воротишься, такъ помереть съ тоски;
Надорвется серце слезно плакавши,
Слезно плакавши, да рыдаючи,
Все тебя, мой милый, вспоминаючи.
Вспомяни, милъ, во дорожечки,
Ужъ я тебя вспомяну всегда:
Ужъ вы ласки, ласки дружка милаго,
Вы слова, слова къ серцу пріятливы!
Со восточную, да со сторонушку,
Со петербурскую славну дорожечку
Пишетъ миленькій ко мнѣ грамотку,
Ко мнѣ грамотку, вѣсть нерадошну:
Не сиди-тко дѣвица, поздно вечеромъ,
Не просиживай до полуночи;
Ты не жги свѣчу, да воску яраго,
Ты не жди, не жди, гостя милаго;
Я не гость пришелъ, да не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ къ тебѣ, радость, проститися,
За любовь твою да поклонитися,
Ты дозволь мнѣ-ко женитися. —
Еще тутъ дѣвушка испугалася,
Горючьми слезами уливалася,
Во слезахъ слово дѣвушка молвила,
Во рыданьицѣ да рѣчь говорила:
Ты женись, женись дуракъ безсовѣстный,
Ты возьми, возьми, да кого я велю,
Кого я велю, кого я люблю;
Ты возьми, возьми мою подруженьку.
Мнѣ подружку взять, да будешь гнѣвъ держать.
Ужъ мнѣ взять,да взять, самою тебя.

3.

Отъѣзжаетъ милый во дорожечку,
Не во дальную, да не во знаемую,
Ты прости, прощай, моя милая.
Ты еще прощай, моя любезная,
Во послѣдній разъ я цѣлую тебя,
Когда счастливъ былъ, со милой жилъ,
А теперя я злонесчастливъ сталъ,
Злонесчастливъ сталъ, отъ милой отсталъ,
Отъ милой отсталъ отъ любезныя,
Я ронилъ слезы, все горячія.
Сквозь темный лѣсъ зоря взошла,
Черезъ сѣрой боръ орелъ летѣлъ,
Во когтяхъ несетъ востру сабельку,
Подъ правымъ крыломъ, скоро-письмеце,
Скоро-письмеце, челобитьице,
Своей Любушкѣ, низкой поклонъ.

4.

Я вечеръ-то вечеръ, добрый молодецъ загулялъ,
Я со любушкой, со своей сударушкой, долго застоялся,
Я у любушки, у сударушки слова дожидался,
Ты скажи-ко, скажи любушка, сударушка,
Ты скажи-ко, скажи, кого любишь, объ комъ тужишь;
Ничего то моя любушка на то не сказала—промолчала;
Только молвила любушка грубое словечко:

*) Пѣсни эти записаны въ городѣ Мезени бывшимъ студентомъ Петербургскаго университета Л. М. Никольскимъ.

Ты отстань-ко, отстань добрый молодецъ, отстань
по любови,
По любови коли дружокъ не отстанешь, отстань
по неволи.
Что съ того-то Грубаго словечка былъ я добрый
молодецъ въ кручинѣ.
Во кручинѣ я былъ добрый молодецъ, въ горюшкѣ
несносномъ
Тосковалъ я добрый молодецъ цѣлую недѣльку;
Никто то, никто моему горюшку не пособитъ, не
поможетъ,
Ни батюшка, ни матушка, ни братъ, ни сестрица,
Ни жена-то, жена моя хозяюшка молодая,
Потужитъ ли по мнѣ погорюетъ красная дѣвица;
Не воръ-то я былъ добрый молодецъ, не разбой-
никъ,
Былъ я молодецъ, до красныхъ дѣвицъ большой
охотникъ,
Я очень-то охочь былъ добрый молодецъ гулять,
По уличкамъ, частымъ переулочкамъ стояти,
Какъ увидѣли, да запримѣтили добраго молодца,
да на большомъ переулкѣ,
У присушницы красной дѣвицы на новыхъ сѣняхъ.

5.

Свѣтилъ, свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Ноне сталъ сноблекать,
Любилъ парень дѣвченочку,
Ноне пришлось спокидать.
Ракитовы кусточки безъ вѣтра шумятъ,
Лавровые листочки во садочкѣ журятъ,
Не журите вы лазуревы, во зеленомъ саду;
Не давайте-тко надзолышки сердцу моему,
Ужъ и такъ мое сердечушко изныло во мнѣ,
Изныло все ретивое, не знаю объ чемъ.
За рѣченькой, за быстрою фонталики вьютъ,
Мою прелюбезную къ вѣнчанью ведутъ,
Женихъ ведетъ за рученьку, милый за другую.
Третій стоитъ слезы ронитъ;
Любилъ бы, любилъ да нельзя,
Поилъ, кормилъ до возраста, желалъ за себя.
Досталась прелюбезная иному не мнѣ,
Кабы мнѣ она досталась невѣстой была,
Невѣстушка голубушка, платкомъ дарила,
Уже я этотъ бы платочекъ любя износилъ,
Не въ шляпѣ не въ кармашкѣ,—на шеѣ галстуч-
комъ.

6.

Ты раздушечка удалый молодецъ,
Чернобровый, черноглазый душа мой!
Неразлучная наша любовь съ тобой,
Во дороженьку поѣдешь душа мой,
Во дорожкѣ тяжеленько вздохни,
Меня горькую, злосчастну вспомяни,
Вспомни миленькій веселые часы,
Мы въ которы веселилися съ тобой,
Веселились, забавлялись, мы по садику погуливали,
На зеленыхъ лужкахъ посиживали,
Говорили сокровенныя слова,
Во саду слышали прекрасты дерева.
Я со тѣхъ со деревъ яблочки брала,
Я рвала, брала—милому дарила;
Я со тѣхъ со поръ сударушкой слыла
Сударушкой красной дѣвушкой
Я семи дружкамъ зазнобушку дала,
Я восьмаго то новысушила,
Девятаго повыкрушила,
Десятому спустила сухоту,
Спустила сухоту по всему я животу.

7.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго дремучаго,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая
Со вѣтрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки поѣхала,
Жалобно, слезно заплакала,
Во зеленый садъ заѣхала,
Среди саду становилась,
Подъ ракитовъ кустъ садилась,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловьюшко,
Соловей мой, птица вольная,
Птица вольная бездомовая,
Полетай, мой соловеюшко!
На родимую мою сторонушку,
На родиму на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушкѣ большой поклонъ,
Роду, племени челобитьице,
Дружку милому большой поклонъ.

8.

На лугахъ да на лугахъ зеленыхъ,
На травахъ да на травахъ шелковыхъ,
На цвѣтахъ то цвѣтахъ лазоревыхъ,
Выростала тутъ грушица зеленая,
Разцвѣтала ли яблоня кудрявая,
Что подъ яблонью той было подъ кудрявою,
Что подъ грушицей той было подъ зеленою,
Молодецъ ли дѣвушку журилъ, бранилъ,
Онъ журилъ, бранилъ, дѣвкѣ наговаривалъ,
Разговаривалъ, дѣвушку обманывалъ:
Не ходитко дѣвка молода взамужъ,
Молода дѣвка взамужъ за стараго,
Что за стараго, дѣвка, за сѣдатаго,
Не теряйко, дѣвушка, своей красоты,
Не расплетывай своей трубчатой косы,
Не выплетывай ты ленты алыя,
Ленты алыя подареныя,—
Подареньице друга милаго.
Не во пору дарилъ не во время,
На проходѣ то дарилъ весны красныя,
На пролетьѣ то дарилъ лѣта теплаго,
На зачиньѣ дарилъ осень грязныя.

9.

Что ты парень такой бравый,
Вдругъ за ласковый такой,
Вложилъ мысли въ мое сердце
И залилъ тоску печаль.
Скука злая, страсть большая
Не могу горя забыть.
При компаньи въ томъ собраньи
Парень дѣвушку обнялъ,
Тутъ дѣвицѣ стыдно стало,
Полились слезы изъ глазъ,
Молодцу то жалко стало,
Сталъ дѣвицу унимать,
Вынялъ розовый платочекъ,
Сталъ онъ слезы утирать:
Ты не плачь, не плачь дѣвица!
Не плачь душечка моя,
Не плачь милая моя,
Не забуду я тебя,
Не забуду, не покину,
Возьму взамужъ за себя.
Ужъ ты бѣденъ, я богата,
Нейду замужъ за тебя.
Хоть я бѣденъ, ты богата,
Я красавецъ предъ тобой,
Поровняемся съ тобой,
Обвѣнчаемся пойдемъ.—

10.

Катюшечка душечка,
Едина въ горенкѣ сидитъ,
Шила, вышивала
Дружку милому платокъ,
Сошила рубашечку,
Сама къ батюшкѣ пошла:
Родитель мой батюшка!
Что ты думашь обо мнѣ?
Дитя мое, Катинька,
Не моя воля—твоя,
Хочешь ты поди взамужъ,
Не хошь дѣвушкой сиди,
Дитя мое, Катинька,
Поди въ дѣвій монастырь.
Родитель мой, батюшка,
Въ монастырь я не гожа,
Кельи разворочаю,
Монастырь весь раззорю,
Молодыхъ монашенокъ
Въ стыдъ, безчестье приведу,
Старой я игуменьѣ
Ризу раздеру.
Сватался на Катинькѣ,
Изъ за моря купецъ,
Сказывалъ житья бытья,
Двѣсти тридцать кораблей.
Катя думала, подумала,
Я за этого нейду.
Сватался на Катенькѣ
Изъ Питера купецъ,
Сказывалъ житья бытья,
Двѣсти тридцать душъ крестьянъ.
Катя думала, подумала
Я за этого нейду.
Сватался на Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ,
Сказывалъ: житья бытья—
Стара скрипка да гудокъ.
Думала, подумала,

Я за этого пойду,
Когда сыта, голодна,
Завсегда я весела,
Завсегда плясать пошла,
Выйду я на улицу,
Ото всѣхъ мнѣ честь, хвала:
Кто идетъ по улицѣ?
Музыкантова жена!

11.

Чесалъ милый кудри,
Расчесалъ милъ русы,
Пухову шляпу надѣлъ.
Шляпочка пухова,
Сибирочка нова,
Панталоны триковы,
Рубашечка красна,
Манишечка бѣла,—
Спорядился молодецъ,
Самъ ко любушкѣ пошелъ
Ходилъ милъ по бережку,
Гулялъ по крутому,
Перевозу милъ искалъ,
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тоненьку.
Самъ по жердочкѣ пошелъ.
Жердочка сломилась,
Шляпочка свалилась,
И любезный потонулъ.
Дѣвушки подружки,
Собирайтесь вы ко мнѣ
На горе великое,
Выбирайте дѣвушки,
Выбирайте красныя,
Шелковые новы невода,
Вынимайте дѣвушки,
Вы бросайте, красныя,
Во Дунай быстру рѣку.

12.

Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ,
Не смотрѣлъ бы я на это окошечко,
На окошечкѣ лежитъ примѣточка,
Не примѣточка лежитъ, горюшко печаль моя,
Не печаль горе лежитъ,—лежитъ сухота моя,
Изсушилъ я искрушилъ, мальчикъ, красну дѣвушку,
Безъ бѣлилъ, безъ румянъ щеки у ней алыя,
Свѣтло-русая коса у ней часто уплетеная,
Во русой ли во косы у ней лента алая,
Лента алая, Дуня дѣвка бравая.
Ваня Дунюшку любилъ, Ваня счастливъ былъ,
Прочь отъ Дунюшки отсталъ,
Ванюшка безсчастенъ сталъ.
Что у кустышка было у ракитоваго,
У колодечка было у студенаго
Молодецъ коня поилъ;
Ванюша жену училъ,
А жена-то жена мужу покорялася,
Въ праву ноженьку ему покланялася.

13.

Нападетъ роса на темны лѣса,
На лѣса дремучіе на кудрявые,
На станки поджаровые;
Нападетъ тоска горюшко,
На мила дружка на сердечнаго,
Парня не здѣшняго на чуже-пріѣзжаго,
На пріѣзжаго на Ванюшку бѣлаго,
Что на бѣлаго Ванюшу кудряваго.
Не во времячко бѣлы снѣжки выпали
По весны по красной, по лѣту по теплому,
По теплому — на наше гуляньице,
На землю на палу, на траву мураву,
Протекала рѣченька не широка, быстрая.
Въ городѣ Саратовѣ у купца богатаго
Росла дочь хорошая, Машинька пригожая.
Звали нашу Машу за рѣку гулять,
За рѣку гулять на ту сторону,
На ту сторону, любить парня браваго,
Любить парня браваго, Ванюшу кудряваго.
Не хочу Ваню любить, хочу весну такъ прожить,
Весну такъ прожить, — лѣто безъ гуляньица,
Безъ гуляньица, безъ худой безъ славушки,
Безъ худой безъ славушки, безъ тебя безъ Ванюшки.

14.

Размолодецкіе молодчики, дружки мои,
Ужъ вы ласковыя распріятливыя къ сердцу слова,
Безъ огоничька мое вы сердце разожгли,
Безъ вѣтра-то мои мысли съ думой разнесли,
Разнесли-то мои мысли по чистымъ широкимъ полямъ,
По росейскимъ славнымъ городамъ.
Кто бы, кто бы моему горюшку помогъ,
Кто бъ помогъ, пособилъ, моего дружка воротилъ,

Воротися дружекъ разлюбезненькій, милый назадъ,
Наглядитеся очи ясны на дружка въ запасъ,
Что въ запасъ-оть, въ запасъ на цѣлый кругленькій годъ.
Не сидѣла бы красна дѣвица въ горницѣ одна,
Не лежала бы бѣлой грудью на окнѣ,
Не ронила бы горючи слезы за окно,
Не глядѣла бы въ чисто поле далеко,
Не ругала бы чужу дальню сторону;
Злодѣй, ты злодѣй, чужа дальна сторона!
Разлучила меня съ отцемъ, съ матушкой родной,
Во вторыхъ-то меня съ любезненькимъ дружкомъ.

15.

Отлетаетъ мой соколикъ
Высоко и далеко,
Онъ высоко и далеко.
Отъѣзжаетъ мой любезный
Жить во дальны города,
Жить во дальны, незнакомы,
Въ славный городъ Питербурхъ,
Я не мало слезъ ронила
По голубчикѣ своемъ,
Во слезахъ дружка молила:
Хошь немножко поживемъ,
Ужъ мы крошечку немножко,
Единъ кругленькій годокъ.
Ой, нельзя, нельзя немножко,
Нельзя любушка пожить,
Злые люди замѣчаютъ,
Всѣ сусѣдушки бранятъ,
Не совѣтуютъ любить
Меня горькую злосчастну,
Велятъ бросить позабыть.
Я тогда тебя забуду
Когда с к р о ю т с я глаза,
Призакроютъ тѣло бѣло
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Призакроютъ очи ясны,
Что желтымъ мелкимъ пескомъ,
Навалятъ-то сѣрый камень на меня,
Я на камень все срисую,
На бумажку все спишу,
Всѣмъ подружкамъ закажу:
Вы, подруженьки мои,
Не любите никого.

16.

Въ хороводикѣ дѣвушки на лужку
Сѣли; онѣ пѣсню запѣли.
Мальчикъ жалостну пѣсню внимаетъ,
Рѣчь забавну съ любушкой говоритъ,
Рѣчь забавную, таку похабную,
Все деревеньку нашу бранитъ:
Деревенюшка наша Ярославска!
Зачѣмъ молодца сушишь каждый разъ.
Не деревенька молодца изсушила,
Сушитъ дѣвица мила дружка,
Сушитъ Сашенька ли черноброва.
Уродилась дѣвушка хороша,
Лицомъ бѣла, щеки алы,
Развеселеньки-ль ея глаза,
Взглянь-ко душа радость на меня,
Сдѣлай милость Сашенька для меня,
Сдѣлай милость таку радость,
Выйди взамужъ за меня.
Я радешенька бы взамужъ выйти,
У меня волюшка у дѣвушки не своя,
У меня есть воля поболѣ
Родной батюшка отецъ,
Если батюшка меня просватаетъ
Родна матушка взамужъ отдастъ
Не отстану я оть васъ.

17 *).

По весны по красной,
По лѣту по теплому,
На тихой на заводьи,
На тихой лебединой,
Тутъ плыветъ-то сизый селезень;
У сизаго у селезня,
Въ три ряды косы заплеталися,
Во четвертый разъ косы по воды пловутъ.
У добраго у молодца,
Въ три ряды кудри завивалися.
Завивала кудри у добраго молодца,
Завивала кудри красна дѣвица.

18.

Я мала была, да горя не было;
Я повыросла, да горя прибыло;
Я куды съ горя дѣваюся,
Со печалюшки да подѣваюся?

*) Поется въ началѣ весны.

Пойду съ горя въ темны лѣса.
Во зеленыхъ-то лугахъ тамъ ростетъ трава,
Ростетъ травонька шелковая,
Разцвѣли цвѣты лазоревые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые анисовые.
Я со той травы цвѣтокъ сорву,
Я цвѣтовъ нарву, вѣнокъ совью
Милу дружку на головушку.
Носи, миленькій, не уранивай,
Люби дѣвушекъ, не обманывай.
Какъ вѣночекъ спалъ, любить милый не сталъ
Онъ любить не сталъ, смѣяться сталъ,
Надъ Дунюшкой смѣяться сталъ—
У Дунюшки слово тайное, рѣчь забавная:
Ужъ я всѣмъ дружку понравилась,
Бѣлымъ лицемъ подхожая,
Мыслями дружку прехитрая,
Во кампаньюшкѣ веселая,
Во дѣвицахъ красавица.

19.

Говорилъ я своей любушкѣ,
Говорилъ я своей сударушкѣ,
Говорилъ, крѣпко наказывалъ
Честью, лестью наговаривалъ:
Посмирняе живи, любушка,
Посмирняе живи, голубушка,
Наказу ты не повѣрила,
Наговору ты не послушала,
Со инымъ дружкомъ позналася,
Познавшись-то съ нимъ гулять пошла.
Ужъ я стала дружка выспрашивать:
Ужъ едну ли ты меня сушишь, крушишь?
Я сушу-то крушу семь дѣвушекъ,
Восьму вдову, девяту мужнюю жену,
Десяту тебя оставляю для себя.
Гулять хочется да воли нѣту,
Любилъ миленькій, да здѣсь его нѣту,
Една была во полѣ дороженька,
Но и та снѣгомъ западала.

20.

Житье мое житье,
Житье горькое житье,
Ты житье мое бѣда:
Мужъ старикъ, я молода,
Ему надобны палати,
Мнѣ охота бы гуляти,
Погулять бы съ молодымъ,
Не со старымъ, со сѣдымъ.
Это все бы ничего,
Что старость-то его;
Намъ бы старость нипочемъ,
Какъ онъ сварливъ-то притомъ;
Какъ бы не былъ онъ сварливъ,
Онъ ревнуетъ-то бѣда,
Не спущаетъ никуда,
Запираетъ ворота;
Это все бы не запоръ,
Запираетъ онъ заборъ,
Впрочемъ заборъ нипочемъ,
Перескачемъ, перейдемъ.

21.

Часто ходишь, милъ, кругъ моего двора,
Мнѣ понравилась походочка твоя,
Походочка твоя молодецкая, заговорочка веселенькая,
Знакъ-примѣта черна шляпа пухова,
Бѣлы лайковы перчатки со строкой.
Чтожъ ты, миленькій, не зайдешь посидѣть?
Разлюбезная не смѣю доложить,
Къ твоему двору, слѣдочка проложить,
Ввечеру приду—въ кампаньюшкѣ сидишь,
Въ полдень приду—тебя не изойду,
Въ полночь приду—жалѣю разбудить,
По утру приду—отецъ мати не спятъ,
Отецъ матушка не спятъ, съ укорствомъ говорятъ,
Меня молодца ругаютъ и бранятъ.

22.

Калина съ малиной не во время разцвѣли,
О ту пору времячко мати сына родила,
Вспоила, вскормила до 17 годовъ,
Мать сына во солдаты отдала.
Построй, построй, маменька, легкое суденышко,
Легкое суденышко, золотое донышко,
Мачтовы деревца, шелковы паруса,
Выйду я на горочку, посмотрю на рѣченьку,
Посмотрю на рѣченьку, погляжу на быструю.
Дитя мое дитятко, воротись дитя назадъ,
Родимая маменька воротиться мнѣ нельзя,
Легонько суденышко супротивъ воды нейдетъ
Шелковые паруса противъ вѣтра не берутъ.

23.

День ты мой денечекъ,
День прекрасный веселой,
Я не видѣла денечька,
Когда денечекъ прошелъ,
Я нигдѣ дружка не вижу,
Ни въ долинахъ, ни въ лужкахъ,
Я увидѣла милаго,
У сусѣда ввечеру,
У сусѣда во бесѣды,
Унимала ночевать:
Ты ночуй, ночуй любезный,
Ночуй ночьку у меня.
Я радешенекъ остаться,
Боюсь ноченьку просплю.
Ты не бойся мой любезный,
На зорюшкѣ разбужу.
Я до утренней зорюшки,
Тя далече спровожу.
Я до тѣхъ поръ провожала,
До зеленыхъ до лужковъ,
Гдѣ кончалась любовь.
Гдѣ кончалась разставалась,
Слезно плакала по немъ,
Слезно плакала рыдала,
Со слезъ рѣчка протекала.
Течетъ рѣченька Казанка,
Не широка глубока,
Не широка есть глубока,
Перевозу на ней нѣтъ,
Хоша есть онъ, да не здѣсь,
На другой онъ сторонѣ,
На другой-то на сторонкѣ
Лежитъ легонькій стружокъ,
Раскрашенный карбасокъ,
Раскрашенный, оснащенный,
Тонки бѣлы паруса,
Веселышки гибовы,
Всѣ ребята молоды,
Черны шляпы пуховы,
Я по бережку ходила,
По крутому гуляла,
Ужъ я стала молода къ рѣкѣ,
Прижала руки къ сердечку,
Грудью пала на воду,
На воды рѣчь говорила:
По тебѣ дружокъ тону,
По тебѣ ли, по себѣ,
По любови по твоей.
Полюбилъ парень дѣвченку,
Лѣтъ 16-ти дѣвченку;
Лѣтъ 16-ти дѣвченка
За гульбой рано пошла.

24.

Не бушуйте-ткось вѣтры буйные со чиста поля,
Не мечите снѣгу буйнаго на мое подворье:
Не травонькой, не муравонькой мой садъ заростаетъ,
Не зелеными лапушечками зелень застилаетъ,
Не ясенъ-то соколъ со тепла гнѣзда слетаетъ,
Со фатерушки доброй молодецъ долой съѣзжаетъ
Никто-то, никто добра молодца не спровожаетъ;
Ни отецъ-то, ни матушка, ни родна сестра,
Спровожаетъ его красная дѣвица, сама слезно плачетъ.
Сама слезно плачетъ. Разговаривалъ ей добрый молодецъ:
Ты не плачь, не тужи красна дѣвица, объ моемъ несчастьи,
Со здоровьицемъ наживешь инаго любезнаго,
Если лучше наживешь, такъ позабудешь,
Если хуже наживешь—такъ воспомянешь,
Воспомянешь, слезно заплачешь.

25.

На зорюшкѣ зорѣ на вечерней,
Вечеръ дѣвушка глупость сдѣлала,
Глупость сдѣлала, дружка распрогнѣвала.
Затѣмъ рано дружка запримѣтила;
Назвала дружка: горькій пьяница
Миленькій пропоица, милый безпокоица,
Онъ и въ кабакъ—отъ идетъ шатается,
За полынь траву милый заплетается,
По чернымъ грязямъ миленькій валяется,
За полынь траву милый захватается,
Полынь горькая съ корнемъ вырывается.
Увидала изъ окошечка, увидала изъ косящатаго,
Что не мой ли милый пьяница лягается,
Не доходя ворота да отпираются.
У него у пьяницы кулаки да засыкаются,
Я скорѣ молодешенька да убираюся,
За рѣшоточку да запрятаюся.

26.

Что вы дѣвушки да призадумались?
Разкрасавицамъ жить не весело,

Жить не весело, любить не кого,
Изъ молоденькихъ ребятъ да выбрать не кого.
Выбирай-ка дѣвушка себѣ ровнюшку.
Себѣ ровнюшку да парня браваго,
Парня браваго да единакаго.
Единаки-то да не однакіе,
Не однаки жить проклятые,
Единакъ-отъ горькій пьяница,
Горькій пьяница миленькій прощоница;
Гдѣ онъ рубль-отъ наживетъ, въ кабакѣ пропьетъ,
Гдѣ полтину наживетъ, дѣвкамъ отдаетъ,
Краснымъ отдаетъ, мнѣ-ко не несетъ.

27.

Выйду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю-ль на быструю,
Не летитъ ли ко мнѣ соловейко,
Не несетъ ли мнѣ письма.
Откуль взялся сизенькій голубчикъ,
Началъ голубь виться надо мной,—
Полно тебѣ сизенькій кружиться,
Опустися со мной на лужокъ,
Сядемъ вмѣстѣ съ тобой подъ кустокъ,
Подъ лавровый зелененькій листокъ,
Будемъ вмѣстѣ горе горевать,
Кого къ милому будетъ послать.
Припаду предъ голубочкомъ,
Стану голубя просить:
Полети-ко сизенькій голубчикъ,
Въ саму дальную сторонку;
Ты найди-тко сизенькій голубчикъ,
Мнѣ-ко милаго дружка,
Ты скажи про несчастье про мое,
Про такое про несчастье,
Сашу взамужъ отдаютъ,
Отдаютъ-то не за милаго дружка,
Не за милаго Сашеньку дружка,
За стараго за сѣдаго старика,
У старого было у сѣдаго,
Трое дѣточекъ было у него,
Первый Гриша, другой Миша,
Третей Ванюшка щеголекъ.

28.

Что кому за дѣло,
Что я къ милому сѣла,
Сѣла Машенька, посидѣла,
Разговоръ имѣла,
Разговоръ-то красавица имѣла.
Гулять захотѣла,
Пѣсенки запѣла,
Пой-ко Машенька котора миляе,
Коя лучше, красавица, всѣхъ.
Пойду, выйду я за ворота,
Гдѣ лужки болота;
Пойду, выйду за новые,
Гдѣ ужъ лужка зеленые.
Ходилъ Ванюша, Ваня по базару,
Все искалъ товару,
Купилъ Ванюша вострую косу,
Да для сѣнокосу,
Косилъ Ваня чужу травку,
Своя въ полѣ сохнетъ,
Любилъ Ваня чужу жонку,
Своя слезно плачетъ.
Не плачь, Маша, не печалься,
Сходи, дѣвушка, въ садикъ разгуляйся,
Посмотри на травоньку,
Не стелется травонька, вьется,
Не про насъ ли съ тобой,
Ваня славушка несется.

29.

Ужъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ,
Во единый кругъ на зеленый лугъ,
Мы подумаемъ-ко ребята думу крѣпкую,
Запоемте-ко ребята пѣсню новую,
Котору мы пѣли на синемъ морѣ.
Мы не пѣсенку братцы пѣли,—горе мыкали,
Что бывалъ-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ.
Что видалъ ли нашъ полковничекъ страсти-ужасти.
Разыгралася погодушка на синемъ морѣ,
Расходилося сине море изъ краю въ край, изъ конца въ конецъ,
Что ударила морска волна въ черенъ корабль;
Тутъ испугался нашъ полковничекъ, осполошился,
Подломились ножки рѣзвыя, опустились руки бѣлыя.
Покатилась буйна голова съ могучихъ плечь,
Что упалъ-то нашъ полковничекъ на черенъ корабль.
Тутъ металися матросики да въ легки шлюпочки,
Что вывозили-то полковничка на круту гору,
Хоронили-то полковничка на красну гору.

30.

Размолоденькій дѣтинушка,
Парень молодой!

Моему-то сердцу на свѣтѣ
Радость дорогой!
Не стой, не дожидай
Любезненькій мой.
Мнѣ не столь было тошненько
Дѣвушкѣ едной,
Сидѣть бы было въ горенкѣ едной.
Доведу я дружка,
До напасти до бѣды;
Я сама ли дойду,
Да любезнаго друга доведу.

31.

Ужъ вы дѣвушки подружки,
Вы придите, посидите у меня,—
Подумайте, погадайте про меня,
Обо мнѣ ли объ несчастной,
Только я одна сиротка,
Да безъ милаго дружка.
Я безъ милаго дружка,—
Одоляетъ грусть тоска (bi).
Кручинушка велика!
Я кручину прочь откину,
Печаль горе отложу,
Постоянно буду жить,
Постоянно, безобманно,
Еднова буду любить.
Мнѣ не воля не охота
Чужедальняя сторонка.
На меня милый сердитъ,
Мимо ходитъ, не глядитъ,
Ничего не говоритъ.
На дорожкѣ повстрѣчалъ
Пухову шляпу снималъ:
Здравствуй Саша, здравствуй Маша,
Здравствуй милая моя,
Не забуду я тебя;
Не забуду, не покину
Возьму взамужъ за себя.

32.

Полно, солнышко, изъ за лѣсу свѣтить,
Полно, красно, въ саду яблоки сушить.
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить,
Полно, красная, по удаломъ тосковать.
Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакать, не тужить:
Такого дружка на свѣтѣ не нажить.
Свѣтелъ мѣсяцъ на улицѣ просвѣтилъ,
Заря бѣла, свѣтъ въ окошечко взошли,
Хошъ бы миленькій на часъ въ гости пришелъ.

33.

Мимо Москвы проѣзжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постучаемъ,
Ты вдовушка вдова,
Ты пусти-тко ночевать,
Ночевать да постоять.
Еще вдова отвѣчаетъ,
У мнѣ домъ-отъ не стоялый,
Фатерушка не больша.
Еще гости отвѣчали,
Не больша да хороша.
Гости силой ворвалися,
На фатерку забралися,
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше,
Еще стала вдова къ печки,
Прижала руки къ сердечку,
А большой-отъ сталъ спрошать,
Ты давно-ль вдова вдовуешь,
Ты давно-ли сиротуешь.
Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать.
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ко ты пониже,
Сними съ меня пухову шляпу,
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Обручальный нашъ съ тобой.

34.

Премилы дѣвушки, придите къ намъ въ гости посидѣть,
Попросите у батюшки меня въ гости къ себѣ,
У родимой матушки въ зеленъ садикъ погулять,
Есть у насъ во садику забавушка хороша,
Забавушка милая—на древахъ листье шумитъ,
Подъ кусточкомъ птичечки шибко, громко говорятъ,
Молодой соловьюшко летитъ, свищетъ мимо садъ,
Спрошу у соловушка, тужитъ-ли милый обо мнѣ?
Я ли, красна дѣвица, кажный часъ объ немъ тужу.

Зайду въ нову горницу—уливаюся слезами,
Зайду въ теплу спаленку, лягу вницъ я на кровать,
До тѣхъ поръ лежать буду пока два часа не бьетъ,
Два часа ударило, — ко мнѣ милъ въ гости придетъ,
Три часа ударило,—ко мнѣ миленькій пришелъ
Миленькій хорошенькій, до чего-жъ меня довелъ?
Довелъ красну дѣвушку до славушки до худой,
До худой до славушки, вынялъ краску изъ лица.
Милая, хорошая у васъ краски въ лицѣ не было
Хотя была краска,—бѣлыя бѣлила, румяна.

35.

Накатись, навались туча темна, грозна,
Повыпади изъ тучи стрѣла громова,
Ты убей, зарази постылаго мужа,
Сохрани, сбереги сердечнаго друга.
Накатилась, навалилася туча темна, грозна,
Повынала изъ тучи стрѣла громова,
Убила, заразила сердечнаго друга,
Сохранила, сберегла постылаго мужа.
Ужъ я знала-бъ молода,—Богу не молилась,
Понапрасну свѣчъ не становила-бъ,
Денегъ не губила-бъ.

36.

Разливалася мати весенняя вода,
Потопила всѣ зеленые луга.
Распроклятый воръ женатый,
Его жизнь очень бѣдна,
Есть хозяюшка вольна (bis)
Не спущаетъ никуда,
Хоша пуститъ, съ глазъ не спуститъ,
Все въ окошечко глядитъ.
Я не вѣрила подружкамъ,
Почему милаго жаль;
Я повыросла побольше,
Стала милаго жалѣть.

37.

Не ясепъ-то соколъ по горамъ леталъ,
Леталъ-то леталъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ искалъ,
Онъ нашелъ-то нашелъ, на крутой горѣ
На всей красоты сидятъ,
Все сидятъ-то сидятъ, все бѣлешеньки,
Словно бѣленькій снѣжокъ,
Что една-то, една, лебедь бѣлая всѣхъ поспарядливѣй,
Поснарядливѣй, да подогадливѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала,
Письма, вѣсточки перенашивала,
Что мой-отъ милый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то, гулялъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль, самою себя,
Жаль саду зеленаго,
Зеленаго саду жаль; въ садику трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая,—все лазоревы цвѣты.

38.

Любила я дружка, любезнаго любила,
Не въ долгое время, ровно три годочка,
На четвертой-то годочекъ пришло разставанье,
Разставанье—слезно уливанье.
Я слезами дѣвка уливалась,
Съ кручиной прощалася, съ другомъ разставалася:
Не простившись миленькій поѣдешь на чужу сторонку.
Во дорожкѣ милый тяжело вздыхаетъ,
Тяжело вздыхаетъ,—Питеръ вспоминаетъ:
Прощай, прощай славный Питеръ,
Со питейными домами, со частыми кабаками,
Съ быстрою со рѣчкой,—съ матушкой Невою,
Съ матушкой Невою, съ дѣвицей душою,
Съ дѣвицей душою, съ бѣлыми грудями,
Съ русою косою, съ лентой голубою,
Съ ясными очами, съ черными бровями.

39.

Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой,
Не съ единой-ли сторонки мы съ тобой,
Не поѣдешь-ли товарищъ, другъ домой,
Скажи любушкѣ нижайшій поклонъ,
Не ждала бы все лѣтичько домой,
Во все лѣтичько, до самой до зимы,
А замерзли быстры рѣчки и губы,
Западали всѣ дорожки и пути.
Мнѣ нельзя-сто ко дѣвушкѣ идти,
Среди города дорожка широка,

Моему-то сердцу на свѣтѣ
Радость дорогой!
Не стой, не дожидай
Любезненькій мой.
Мнѣ не столь было тошнешенько
Дѣвушкѣ едной,
Сидѣть бы было въ горенкѣ едной.
Доведу я дружка,
До напасти до бѣды;
Я сама ли дойду,
Да любезнаго друга доведу.

31.

Ужъ вы дѣвушки подружки,
Вы придите, посидите у меня,—
Подумайте, погадайте про меня,
Обо мнѣ ли объ несчастной,
Только я одна сиротка,
Да безъ милаго дружка.
Я безъ милаго дружка,—
Одоляетъ грусть тоска (bi).
Кручинушка велика!
Я кручину прочь откину,
Печаль горе отложу,
Постоянно буду жить,
Постоянно, безобманно,
Еднова буду любить.
Мнѣ не воля не охота
Чужедальняя сторонка.
На меня милый сердитъ,
Мимо ходитъ, не глядитъ,
Ничего не говоритъ.
На дорожкѣ повстрѣчалъ
Пухову шляпу снималъ:
Здравствуй Саша, здравствуй Маша,
Здравствуй милая моя,
Не забуду я тебя;
Не забуду, не спокину
Возьму взамужъ за себя.

32.

Полно, солнышко, изъ за лѣсу свѣтить,
Полно, красно, въ саду яблоки сушить.
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить,
Полно, красная, по удаломъ тосковать.
Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакать, не тужить:
Такого дружка на свѣтѣ не нажить.
Свѣтелъ мѣсяцъ на улицѣ просвѣтилъ,
Заря бѣла, свѣтъ въ окошечко взошли,
Хошъ бы миленькій на часъ въ гости пришелъ.

33.

Мимо Москвы проѣзжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постучаемъ,
Ты вдовушка вдова,
Ты пусти-тко ночевать,
Ночевать да постоять.
Еще вдова отвѣчаетъ,
У мнѣ домъ-отъ не стоялый,
Фатерушка не больша.
Еще гости отвѣчали,
Не больша да хороша.
Гости силой ворвалися,
Па фатерку забралися,
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше,
Еще стала вдова къ печки,
Прижала руки къ сердечку,
А большой-отъ сталъ спрошать,
Ты давно-ль вдова вдовуешь,
Ты давно-ли сиротуешь.
Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать.
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ко ты пониже,
Сними съ меня пухову шляпу,
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Обручальный нашъ съ тобой.

34.

Премилы дѣвушки, придите къ намъ въ гости посидѣть,
Попросите у батюшки меня въ гости къ себѣ,
У родимой матушки въ зеленъ садикъ погулять,
Есть у насъ во садику забавушка хороша,
Забавушка милая—на древахъ листье шумитъ,
Подъ кусточкомъ птичечки шибко, громко говорятъ,
Молодой соловьюшко летитъ, свищетъ мимо садъ,
Спрошу у соловушка, тужитъ-ли милый обо мнѣ?
Я ли, красна дѣвица, кажный часъ объ немъ тужу.

Зайду въ нову горницу—уливаюся слезами,
Зайду въ теплу спаленку, лягу вницъ я на кровать,
До тѣхъ поръ лежать буду пока два часа не бьетъ,
Два часа ударило, — ко мнѣ милъ въ гости придетъ,
Три часа ударило,—ко мнѣ миленькій пришелъ
Миленькій хорошенькій, до чего-жъ меня довелъ?
Довелъ красну дѣвушку до славушки до худой,
До худой до славушки, вынялъ краску изъ лица.
Милая, хорошая у васъ краски въ лицѣ не было
Хотя была краска,—бѣлыя бѣлила, румяна.

35.

Накатись, навались туча темна, грозна,
Повыпади изъ тучи стрѣла громова,
Ты убей, зарази постылаго мужа,
Сохрани, сбереги сердечнаго друга.
Накатилась, навалилася туча темна, грозна,
Повынала изъ тучи стрѣла громова,
Убила, заразила сердечнаго друга,
Сохранила, сберегла постылаго мужа.
Ужъ я знала-бъ молода,—Богу не молилась,
Понапрасну свѣчъ не становила-бъ,
Денегъ не губила-бъ.

36.

Разливалася мати весенняя вода,
Потопила всѣ зеленые луга.
Распроклятый воръ женатый,
Его жизнь очень бѣдна,
Есть хозяюшка вольна (bis)
Не спущаетъ никуда,
Хоша пуститъ, съ глазъ не спуститъ,
Все въ окошечко глядитъ.
Я не вѣрила подружкамъ,
Почему милаго жаль;
Я повыросла побольше,
Стала милаго жалѣть.

37.

Не ясенъ-то соколъ по горамъ леталъ,
Леталъ-то леталъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ искалъ,
Онъ нашелъ-то нашелъ, на крутой горѣ
На всей красоты сидятъ,
Все сидятъ-то сидятъ, все бѣлешеньки,
Словно бѣленькій снѣжокъ,
Что една-то, една, лебедь бѣлая всѣхъ поспарядливѣй,
Поснарядливѣй, да подогадливѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала,
Письма, вѣсточки перенашивала,
Что мой-отъ милый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то, гулялъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль, самою себя,
Жаль саду зеленаго,
Зеленаго саду жаль; въ садику трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая,—все лазоревы цвѣты.

38.

Любила я дружка, любезнаго любила,
Не въ долгое время, ровно три годочка,
На четвертой-то годочекъ пришло разставанье,
Разставанье—слезно уливанье.
Я слезами дѣвка уливалась,
Съ кручиной прощалася, съ другомъ разставалася:
Не простившись миленькій поѣдешь на чужу сторонку.
Во дорожкѣ милый тяжело вздыхаетъ,
Тяжело вздыхаетъ,—Питеръ вспоминаетъ:
Прощай, прощай славный Питеръ,
Со питейными домами, со частыми кабаками,
Съ быстрою со рѣчкой,—съ матушкой Невою,
Съ матушкой Невою, съ дѣвицей душою,
Съ дѣвицей душою, съ бѣлыми грудями,
Съ русою косою, съ лентой голубою,
Съ ясными очами, съ черными бровями.

39.

Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой,
Не съ единой-ли сторонки мы съ тобой,
Не поѣдешь-ли товарищъ, другъ домой,
Скажи любушкѣ нижайшій поклонъ,
Не ждала бы все лѣтичько домой,
Во все лѣтичько, до самой до зимы,
А замерзли быстры рѣчки и губы,
Западали всѣ дорожки и пути.
Мнѣ нельзя-сто ко дѣвушкѣ идти,
Среди города дорожка широка,

По загуменью тропиночка торна,
Торпымъ торна, пробита до песка;
Еще кто это дорожечку торилъ?
Молодой парень за дѣвушкой ходилъ:
Онъ не такъ ходилъ,—гостинчики носилъ,
Гостинечки сладки,—прянечки на меду,
Безъ разсчета золотой казны носилъ,
Безъ размѣра сладкой водочкой поилъ.

40.

Распечальное дѣвье сердце всегда занываетъ.
Тоскѣ придаваетъ, дружка наживаетъ;
Нажила я дружка по мыслямъ, по вѣрпымъ,
Что по мыслицамъ по вѣрпымъ, по любви по прежней.
На что было дружка лучше,
До меня дружекъ былъ ласковъ,
Былъ соколикъ ясный.
Какъ соколъ, соколъ летаетъ,
Все меня-ль пытаетъ,
Все разлуку чаетъ.
По разлукѣ моя радость
Самъ прочь отъѣзжаетъ.
Оставляетъ дѣвку въ горѣ,
Во слезахъ—что въ морѣ,
Оставляетъ во кручинѣ,
Што корабличекъ въ пучинѣ;
Молодецъ' во кручинѣ,
Во кручинѣ, во печали,
Пиши ко мнѣ письмо.
Напишу письмо слезами,
Отошлю съ друзьями,
Я со тѣмъ ли со дружечкомъ,
Съ сизымъ голубочкомъ,
Подъ правымъ крылочкомъ,
Что подъ правымъ подъ крылочкомъ,
Подъ сизымъ перочкомъ.
Стану голубя имать,
Стану сизаго хватать,
Стану письма отбирать,
Слова два, три прочиталъ,
Назадъ отсылалъ.
Я тобой дружокъ довольна,
Да гулять съ тобою полно.
Полно радость перестану,
Отъ тебя дружокъ отстану,
Ко ину дружку пристану,
Любить его вѣчно стану.

41.

Что ты дѣвушка не нарядна ходишь,
Головушки не чешешь.
Скажи дѣвушка, скажи красотка,
Скажи: кого любишь?
Люблю я дѣвушка, люблю маіора,
Люблю полковаго.
Во вторыхъ-то я люблю сенатора,
Я съ которымъ, дѣвушка, водилась,
Вчерась побранилась.
Палась съ миленькимъ дружкомъ побранка,
Палась небольшая.
Я не знаю какъ же мнѣ-ко быть
Какъ съ дружкомъ мириться,
Распроклятое такое во мнѣ сердце злое.

42.

При долинушкѣ есть калинушка,
Она вырастала;
При калинушкѣ есть малинушка,
Она разцвѣтала.
На малинушкѣ соловеюшко сидитъ,
Громко свищетъ;
По насвистушкѣ соловеюшко,
Громко выговариваетъ.
Во сыромъ бору, во темномъ лѣсу
Не кукушечка вскуковала;
Во неволюшкѣ добрый молодецъ,
Сидитъ письмо пишетъ,
Не къ отцу-то, не къ матери,—
Къ любушкѣ сударушкѣ:
Растоскуйся по мнѣ любушка сударушка,
По мнѣ разгорюйся.
Ужъ я самъ по тебѣ самъ я сгоревался,
Малешенекъ послѣ батюшки сынъ остался,
Родительницы матушки самъ я не запомню,
Еще ктожъ тебя, добрый молодецъ, вспоилъ, вскормилъ?
Вспоилъ, вскормилъ меня провославный міръ.
Провославный міръ, Волга матушка,
Снарядила молодца любушка сударушка.

43.

Размальчишка миленькій,
Такой парень разбезсовѣстный,

Что ты сдѣлалъ надо мной,
Не своимъ ли глупымъ разумомъ,
Лишилъ дѣвушки спокою,
Спокою дѣвка лишилась,
Я на свѣтѣ еднова,—
Еднова ли дружка милаго,
Сердечнаго своего.
Страданье, мое страданьице,
Страданьице дѣвушкино,
Страдала ли разкрасавица
Во зеленомъ саду.
Пріуснула на часокъ,
Страшенъ сонъ дѣвкѣ привидился.
Будто въ моемъ во саду,
Соловеюшко поетъ,
Поетъ свищетъ соловеюшко,
Мнѣ надзолушка даетъ.

44.

Я съ малешенька глупешенька росла,
Я не слушала ни матери ни отца,
Не любила молодую молодежь,
Полюбила женатаго браваго;
У женатаго есть жена зубатая,
Она сойдется, ругается на меня,
При чужихъ братьяхъ наложницей зоветъ:—
Ты наложница, разлучница моя,
Разлучила съ молодымъ мужемъ меня,
Не дала ты единъ годичекъ прожить,
Единъ годичекъ прожить,
Да малыхъ дѣточекъ нажить.

45.

За Дунаемъ, тамъ гуляетъ
Казакъ молодой,
Тамъ есть дѣвица плачетъ,
За быстрой рѣкой:
Объ чемъ дѣвушка плачешь,
И кого тебѣ жаль?
Отца съ матушкой жалко,
Сестеръ своихъ.
Со своимъ роднымъ,
Не вѣкъ будешь жить,
Со мной молодцомъ,
Вѣкъ радостной быть;
За праву за ручку,
Цыганка брала,
Смотрѣла, гадала,
Качала головой:
Дѣвица потонетъ,
Въ день свадебный свой.
Ужъ я выстрою мостъ,
Длинный, чугунный,
На тысячу верстъ;
Ужь я стражу поставлю,
Пятьсотъ на передъ,
Двѣсти въ то мѣсто,
И сто по бокамъ.
По чугунному мосту
Подковы гремятъ,
Прекрасна дѣвица
Ко вѣнчанью катитъ;
Раскатилась карета
Съ дѣвицей въ Неву;
Дѣвица вскричала:—
Прощай бѣлый свѣтъ!
Еще повторила:
Прощай милый мой.
Прощай, прощай милая,
Невѣста моя,
Осталась вторая
Совсѣмъ не така.

46.

Молодость молодецкая,
Молодецкая, безотецкая
Незапомню я когда ты прошла,
Прошла ты прокатилась,
Пора времячко скоро миновалось,
За единъ часъ показалась,
За единъ часъ за минуточку.
Свѣтлы празднички будетъ мнѣ не хаживати,
Цвѣтнаго платьица не нашивати,
Все прошло мое прокатилося.
Не въ гульбахъ да въ прохладахъ,
Во работушкахъ тяжелыхъ.
Въ чужихъ людяхъ добрыхъ,
Ужъ вы други мои пріятели,
Вы сусѣдушки мои порядовые,
Пособите мнѣ-ко думу думати,
Думу думати, да мысли мыслити,
Мнѣ женитися или холосту гулять,
Холосту гулять да не женатому,
Мнѣ женитьба-то палась не по счастію,
Молода жена палась не по разуму,

Малы дѣточки не по надобью,
Отдаютъ да добра молодца во неволюшку,
Во неволюшку да службу царскую,
Службу царскую да государскую,
Остается да молода жена.

47.

Не бѣлы ли снѣжки выпадали,
Со полуночи порошица землю покрываетъ,
Что не ржавчинка, не болотинка,
Бѣлый снѣгъ съѣдаетъ,
Ахъ! бѣлый поѣдаетъ.
Не печаль кручинушка добра молодца,
Печаль сокрушаетъ.
Что сушитъ, крушитъ добра молодца,
Чужа сторонка,
Чужа да не знакомая,
И во-вторыхъ сушитъ добра молодца,
Красная дѣвица,
И куда мнѣ добру молодцу дѣватися,
Со бесѣдушки долой да собиратися.

48.

Во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Появился тутъ дѣтинушка, незнаемъ человѣкъ,
Незнаемъ, незнакомый изъ новыхъ городовъ.
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Плисовый кафтанъ на распашечку таскаетъ,
Синій шелковый кушакъ на правомъ на плечѣ,
Сѣрая шляпа пуховая на буйной головѣ.
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Онъ военнымъ услужителямъ челомъ парень не бьетъ,
А гражданскимъ обывателямъ не кланяется,
Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ,
Подъ судъ нейдетъ, головы не гнетъ.
Услыхалъ нашъ губернаторъ про удалого молодца:
Ужъ вы слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите удалого молодца:
Какъ схватили молодца среди Волги рѣки,
Среди Волги рѣки на царевомъ кабакѣ;
Еще началъ губернаторъ его строго спрашивати:
Ты откуль, скажи дѣтинушка, незнаемъ человѣкъ,
Ты Казанецъ, аль Рязанецъ, или Астраханецъ,
Ты изъ-за моря купецъ иль купеческій сынокъ.—
А не тебѣ-ли, губернаторъ, строго спрашивати,
Да не мнѣ-ли, добру молодцу, отвѣтъ держать,
Я со матушки со Волги, со Камы рѣки,
Атамана Сеньки Разина сынъ;
Хотѣлъ-то мой батюшка сюды въ гости побывать,
Не умѣть тебѣ встрѣтить, умѣть подчивати,
Умѣть подчивати, низко кланятися.
Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече въ бѣлокаменну тюрьму.
Что по матушкѣ по Волгѣ, по Камы рѣки,
Легка шлюпочка скорешенько плыветъ,
Что во этой легкой шлюпкѣ Сенька Разинъ атаманъ:
Вы подайте-ка ребятушки съ правой руки воды,
Какъ во славномъ во городѣ во Астрахани,
Мое дитятко посажено сидитъ;
Погребайте-ка ребятушки по Волгѣ рѣкѣ,
Я гражданскому губернатору не стану челомъ бить,
Челомъ бить да кланятися,
Я гражданскаго губернатора въ полонъ сейчасъ возьму.
А своего дитятко къ себѣ возьму,
Астрахань городъ въ огонь спущу.

49.

Ужъ ты стень наша, степь Саратовска,
Далеко и ширако ты степь протянулася,
Протянулась наша степь отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера до села Царицина,
Отъ села Царицина до князя Голицина.
Что никто-то, никто по этой дорожкѣ не ѣзживалъ,
Тутъ и шли прошли молоды извощичьки,
Млады извощичьки все коломенски.
Они везли-то везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастьице—
Заболѣлъ да захворалъ младой извощичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлыя,
Подломились ноги рѣзвыя.
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ;
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка,
Дарила красна дѣвица;
Подарила приговаривала:
Ты носитко платокъ да не хвастай мной,
Когда выносишь похвастайся.

50.

Цвѣли-то цвѣли въ полѣ цвѣтики, цвѣли да повяли.
Любилъ парень дѣвушку, любилъ да спокинулъ.

Спокинувши красной дѣвицѣ въ глаза насмѣялся,
При всемъ при народѣ, большомъ хороводѣ,
Еще снялъ-то, сорвалъ съ красной дѣвицы шалевый платокъ,
Отпоясалъ съ красной дѣвицы шелковъ поясочекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль золотой казны,
Мнѣ жаль-то, жаль мила дружечка.
По городу по Саратову дѣвица гуляла,
Не плису, не бархату дѣвка закупала;
Закупала дѣвка гербовъ листъ бумаги.
Молодаго себѣ писаря въ гости зазывала,
На мила дружка просьбу сочиняла,
Что гражданскому губернатору просьбу подавала:
Ты прими-тко мою просьбу, прими поскорѣе,
Читай-ко ся мою просьбу читай повернѣе;
Ты судитко мою просьбу, суди по закону;
Если жь не обсудишь дойду до Сенату.
Ужъ ты глупая красна дѣвица, глупа не разумна.
Что безъ утренней зорюшки солнышко не взойдетъ,
Безъ осенней темной ноченьки мѣсяцъ не освѣтитъ,
Безъ причинушки добрый молодецъ дѣвушки не задѣнетъ,
Что безвинно-то, безвинно красной дѣвицы не задѣнетъ.

51.

Катя легонькій умокъ
Твой глупенькій разумокъ;
Было въ рукахъ счастьице,
Не умѣла содержать.
Любила любезнего,
Не могла любовь признать.
Стала познавать
Сталъ миленькій отставать,
Миленькій, любезненькій,
Ко иной въ гости гулять.
Батюшка свѣтелъ мѣсяцъ.
Свѣти во всю темну ночь;
Просвѣти дорожечки,
Куды милый мой пойдетъ.
Пошелъ, пошелъ миленькій,
Вдоль по улицѣ гулять;
Зашелъ, зашелъ миленькій,
Въ самый крайній новый домъ.
Въ этомъ въ домикѣ,
Молода вдова живетъ.—
У этой у вдовушки
Хороша дочка растетъ.
Катюшечка душечка,
Една въ горенкѣ сидитъ.
Чесала головушку,
Частымъ гребнемъ—гребешкомъ.
Родимая маменька
Русу косу заплела;
Родимая сестрица,
Въ косу ленту заплела;
Эту алу ленточку
Родимъ батюшка купилъ,
Милый денежки платилъ;
За эти за денежки
Ровно три года ходилъ.

52.

Край пути дорожки,
Край широкой было Московской
Стояла зеленая еленка
Не толста собою ровная
Со вершиночки до самаго комля.
Что подъ той же зеленой еленкой
Не кокушица звонко вскуковала,
Вскуковала она, сгоревала,
По зори то рано летала,
Все летала, горевала,
Все мила дружка искала;
Нашла дружка не на долго,
Не на долго на денечекъ,
На одинъ часочикъ.

53.

Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
На прибѣгищѣ на Лодейномъ,
Что на пристани корабельной,
Тутъ построена изба новая,
Изба новая караульная.
Что во той избѣ новой,
Восемьсотъ удалыхъ молодцовъ сидитъ,
Межь ими то красна дѣвица,
Она гораздна была играть въ шахматы.
Обыграла удалаго добра молодца,
Проигралъ то добрый молодецъ три черныхъ корабля:
Первый съ чистымъ серебромъ,

Второй съ краснымъ золотомъ,
Третій съ скатнымъ жемчугомъ.
Закручинился, запечалился добрый молодецъ,
Повѣсилъ буйну голову со могучихъ плечъ,
Потупилъ очи ясныя во матушку сыру землю,
Что прижалъ да руки бѣлыя къ ретиву сердцу.
Разговаривала красна дѣвица добра молодца:
Не кручинься, не печалься добрый молодецъ,
Ты не вѣсь своей головы со могучихъ плечь,
Не тупи да очи ясныя во сыру землю!
Мы пойдемъ ко во Божью церковь,
Наложимъ да вѣнцы золотые,
Приемъ да законъ Божій;
Ужъ и будемъ съ тобой по закону жить.—
Отступаюсь я отъ черныхъ кораблей,
Я нейду съ тобой въ Божью церковь,
Не примаю законъ Божій,
Не хочу съ тобой по закону жить.—

54.

Калипушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ,
Не веселая бесѣда, гдѣ милаго нѣтъ,
Веселая кампаньюшка, гдѣ любезный пьетъ,
Онъ пьетъ, не пьетъ, за мной младой шлетъ.
Я млада младешенька да призамѣшкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичькою, за журавонькою.
Журавонька птичка по бережку погуливала,
Мураву траву потаптывала,
Ключеву воду заклевывала,
За рѣченьку за быструю посматривала.
За рѣченькой за быстрою слободка стоитъ.
Не малая слободушка четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы.
Ужъ вы кумушки, голубушки, подружки мои,
Кумитеся любитеся, любите меня,
Ужъ вы пойдете во зеленъ садъ, возмите меня,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Ужъ вы будете вѣнки свивать, совейте и мнѣ,
Ужъ пойдете вы на рѣченьку, возмите меня,
Ужъ вы станете вѣнки спускать, спустите и мой.
Ужъ и всѣ вѣнки поверхъ плывуть,
Только мой единъ ко дну ушелъ;
Всѣ дружки съ Москвы пришли,
Только мой единъ остался тамъ.

55.

Жена мужа любила,
Въ тюрьмѣ мѣстечко купила;
Дорого дала;
Она мужа извела:
Ужъ ты мужъ муженекъ,
Вотъ те вѣчный уголокъ.
Того больше не имѣю.
Одну ручку протяни,
Меня младу вспомяни!

56. *)

Прешпехъ, прешпехтивая путь дороженька;
Мнѣ по тебѣ будетъ не бывати,
Мнѣ мила дружка не видати,
Мнѣ любезнаго будетъ не любити;
Что задумалъ миленькій жениться:
Еще завтра будетъ у милаго рукобитье,
Послѣ завтра у милаго будетъ свадьба.
Куды мнѣ будетъ съ печали дѣвушкѣ дѣваться;
Обернусь я млада голубочкомъ,
Сяду я къ милому на окошко,
Что не взглянетъ-то милый, не увидитъ.
Наряжусь я млада *сиротинкой*:
На плечи-то надѣну кафтанишко,
На головушку надѣну треушишко
Въ праву руку возьму батожишко;
Пойду я млада да на свадьбу;
Ужъ я стану ко печному ко столбочку;
Ко кирпичному ко шесточку.
Отцу матушкѣ милый покорялся,
Вы попойте, покормите эту сиротину.
Путь дорожку ей укажите, впредь ей закажите,
Чтобы впредь эта сиротина болѣ не ходила,
Меня добраго молодца болѣ не стыдила,
Моего бы лица бѣлаго болѣ не страмила

51.

Не во далечемъ, далечѣ во чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ во раздольѣ.
Стоитъ-то постоитъ бѣлая березонька,
Бѣлая сама кудреватая;
По корешку береза она корениста;
По серединочкѣ береза она кривлевата;
По вершиночкѣ она шипучиста:
Что подъ той-то березонькой,
Что подъ бѣлой кудреватой,

*) Поется, если любовникъ беретъ себѣ другую.

Не сизъ-то голубь со голубушкой сидитъ, воркуетъ;
Дѣвица съ молодцомъ рѣчи говорила,
Что о душечкѣ, о красной дѣвицѣ.
Не дождичкомъ бѣло лицо смочило,
Не морозомъ ретиво сердце познобило,
Смочило бѣло лице слезами,
Познобило-то сердце тоской кручиной.

Б. ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ.

1.

Кумъ-отъ ѣдетъ лугомъ,
Кума огородой,
Кумъ-отъ машетъ черной шляпой,
Кума алыимъ платкомъ.
Подойди кума поближе,
Поклонись пониже.
Подкати милый карету,
Сяду да поѣду;
Подкати милый вторую,
Сяду на любую;
Чтобы лугомъ не скрипѣла,
Мостомъ не гремѣла;
Чтобы люди то не чули,
Сосѣдка не знала;
Сосѣдушка узнала,
Батюшкѣ сказала.

2 *).

Молодость, ты молодость,
Премилая, молодость,
Чѣмъ тебя то молодость
При младости вспомянуть,
При старости воздохнуть;
Спомяну я молодость,
Тоскою кручиною (bis),
Печалью великою;
Не пила-бы я не ѣла,
Все-бъ на милаго глядѣла,
Не дремала бы, не спала,
Въ гости мила друга ждала,
Ѣдетъ милый ввечеру
Не дорогой, по двору (bis).

Сама пойду подъ гору (bis),
По ключевую воду,
Съ ведрами, ушатами,
Съ новыми дубовыми,
Ведра брошу подъ гору,
Сама сяду на траву
Раскинусь я яблонью,
Яблонью кудрявою,
Грушицей зеленою;
Изъ подъ этой грушицы,
Да протекла рѣченька,
Неширока, быстрая,
Что по этой по рѣкѣ,
Да съѣзжались мужики,
Съѣзжалися мужики,
Съ семьюдесять городовъ,
Семьюдесять молодцовъ.
Они сѣкли грушицу,
Да не подъ самый корешокъ,
Сдѣлали изъ грушицы
Звончатыя гуслицы.
Кто по гусляmъ-играть,
Кто по мыслямъ танцовать?
Играть будетъ Ванюша,
Плясать станетъ Танюша.

3.

Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой,
Сзади парень молодой
Кричитъ: дѣвица постой,
Красавица подожди!
Ужъ ты парень, паренекъ,
Твой глупенькій разумокъ!
Не кричи во весь народъ,
Мой батюшка у воротъ
Зоветъ, манитъ въ огородъ
Чесноку, луку полоть;
Во правую руку луку,
Во лѣвую чесноку,
Я по цвѣтикамъ пойду.
Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла —
Цвѣта алаго искала,
Не нашла цвѣту алаго
Противъ своего милаго.

---

* Подъ эту пѣсню пляшутъ.

Мой-отъ миленькій хорошъ,
Чернобровъ душа пригожъ,
Мнѣ подарочекъ принесъ
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой;
Не хочу перстня носить,
Хочу на воду бросить.
На водѣ перстень не тонетъ,
На огнѣ онъ не горитъ,
Знать, что миленькій сердитъ.

4.

Отдаютъ Федьку въ солдаты,
Не за деньги, не за плату,
Поймали на лужку,
Ручки, ножки сковали,
Въ ямски избы отправляли,
За дубовый столъ садили,
Чаемъ, кофеемъ поили.
Какъ оружья забрянчали,
Командиры закричали:
Ставьте Федора подъ мѣру,
Ему брѣйте волоса.
Федоръ плачетъ и рыдаетъ,
Свои волосы сбираетъ,
Съ кораблями отправляетъ
Отцу, матери на горе,
Молодцамъ на похвальбу,
Краснымъ дѣвкамъ на печаль.

5.

Улка ты, улка моя,
Широка улка, истоптаная,
Красна дѣвица не смотреная,
Молодица не цѣлованая!
Для чего люди въ людяхъ живутъ,
Для чего людей люди улаживаютъ,
Для чего свекровь уноравливаютъ?
У меня была свекровушка лиха,
Она лиха была не ласковая,
Посылаетъ туда и сюда,
Въ темной погребъ, за пивомъ, за виномъ;
Въ погребу долго замѣшкалася,
Зелена вина натрескалася,
Холостому стаканъ меду подала,
Не женатому зеленаго вина.
Холостой-отъ стаканъ меду не принялъ,
Бѣлы рученьки ко серцу прижималъ,
Цѣловалъ у ней колечушко,
Золото вито серебряное.
Для чего люди въ людяхъ живутъ?
Пособи Богъ вечерка дождать,
Вечерка дождать, сынка сождать,
Не роднаго сына, пасынка;
Ты сходи-ка въ новый городокъ,
Ты купи-ка шелковую плеточку,
Поучи-ка свою молоду жену.
Мнѣ не диво въ новой городокъ сходить,
Не убытокъ шелкову плетку купить,
Мнѣ безчестье молоду жену учить.

6.

Соколъ ты соколъ,
Не летай ты соколъ высоко,
Не маши ты крыльемъ широко.
Много бояръ въ Москвѣ,
А и больше крестьянъ на Руси,
Нѣтъ таково молодца,
Дородна добра молодца:
На горы-то соболя убилъ,
Въ подъ горою лисицу задавилъ,
На заводьи уточку,
На песочку лебедушку,
Въ терему ли красну дѣвицу.

7.

Стояла рябинушка на городи,
Сѣкли рябинушку на четверо,
Сдѣлали рябиновы гуслицы.
Кто въ гусли играетъ, поигрываетъ,
Игры поигрываетъ (такой-то),
Тѣшитъ, потѣшитъ (такой-то).
Что же ты, дѣвица, не весело сидишь,
Что же ты, красная, не весело глядишь;
Я же тебя не насилу въ замужъ бралъ.
Напередъ отъ себя сватовей посылалъ,
Сваты сватались, низко кланялись,
Молитву творили, слова говорили.

8.

Сяду, присяду къ зеленому саду,
Куды милый пойдетъ,—мимо не обойдетъ.
Кабы съ миленькимъ гулять, не кого впрягать,
Сивка и бурка, все въ Петербургѣ.
Сани въ Казани, хомутъ на базарѣ.
Дуги да оглобли спрашивай на Волги,
Худы завертки у (имя рекъ) на горки.

Простучала, прогремѣла,
Сынъ дворянскій проѣзжалъ
Калина, калина
Калинушка моя *).
Катя вышла на крылечко:
Ты пожалуй, мой милой,
На широкій дворъ со мной!
Привяжи добра коня
Ко точеному столбу,
Къ золоченому кольцу.
Ты пожалуй, мой милой,
Въ нову горницу со мной,
Скидывай шляпу, сертукъ
Вѣшай, миленькій, на крюкъ,
Ты пожалуй, мой милой,
Въ нову спаленку со мной.
Въ нову спаленку вошелъ,
На ту пору, на тотъ часъ,
Мужъ изъ Питера сейчасъ.
Что у те Катюша,
Что за конь вороной?
Вечеръ въ рыночекъ ходила,
Ворона коня купила,
Триста семьдесять платила.
Въ нову горенку взошелъ:
Что у те, Катюша,
Что за мальчикъ за такой?
По тропиночкѣ я шла,
Сиротинушку нашла
Нать сиротку напоить, накормить,
Въ сертукъ, шляпу снарядить,
На добра коня посадить.
Дружка мила спровожала,
Слезно плакала рыдала.
Что у те, Катюша,
Призаплаканы глаза,
Призатерты рукава?
Я у маменьки была,
Да лежитъ она больна.

10.

Заюшка мой бѣленькій,
Бѣленькій, самъ сѣренькій.
Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,
Гдѣ ты сѣрый побывалъ?
Заюшка кого видалъ,
Сѣренькій кого видалъ?
Видѣлъ, видѣлъ, парень мой,
Двѣ дѣвицы хорошихъ,
Двѣ красавицы пригожихъ.
Заюшка бѣленькій,
Не били-ль тебя,
Не бранили-ль тебя?
Били, били парень мой,
Били, били сердце мой.
Ты скажи чѣмъ били?
По бокамъ кулаками,
По плечамъ кирпичами.
Заюшка ты не плакалъ ли?
Плакалъ, плакалъ сердце мой;
Плакалъ, плакалъ парень мой.
А скажи, какъ плакалъ,—
Хини, хини парень мой,
Хини, хини сердце мой.

11.

Въ государевой конторѣ
Сидитъ молодецъ въ уборѣ.
Пришла дѣвица въ снарядѣ,
Во кисейной бѣлой юпкѣ,
Во голубомъ полушубкѣ.
Бѣла юбка съ вомбарами,
Полушубокъ со хазами,
Что на шеѣ шаль Бугарска,
На головкѣ хазъ повязка,
Въ ушахъ серьги зерновы,
Чорны глазы веселы.
Чернымъ глазикомъ взвела,
Изъ конторы вонъ пошла,
Всю зазнобушку дала;
Молодецъ то не стерпѣлъ,
Дѣвкѣ въ слѣдъ онъ поглядѣлъ;
Бросилъ письма и дѣла:
Мнѣ не дороги дѣла,
Пришла дѣвица мила.
Уродилась хороша,
Во дѣтинушку дружка,
Въ Александрушка *).

*) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

*) Или же какое либо другое имя одного изъ присутствующихъ.

12.

Ты Иванушка казакъ,
Вставай завтракати,
На работу поспѣвай,
На работу на таку,
Да черну пашенку пахать.
Я пашу, пашу, пашу,
Да все на солнышко гляжу.
Стало солнышко сворачивати,
Какъ чужи то жены,
Мужьямъ ѣсть принесли.
Какъ моя курва жена,
Мнѣ обѣдать не несетъ.
Ужъ я выпрягу лошадку,
Да поѣду я домой,
Мимо рощи зеленой;
Ужъ я вырублю лозу,
На свою курву жену.
Пріѣзжаю ко двору,
Жена ходитъ по двору,
Набѣленая да нарумяненая,
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во парчевыхъ рукавахъ.
Ужъ я брошу лозу,
Поцѣлую жену.
Ужъ ты гдѣ жена была,
Мнѣ обѣдать не несла?
Я была да у попа,
Пила пиво и вино,
За твое сударь здоровье,
Стаканъ водки выпила.
Ой! спасибо жена,
Не забыла старика.

13.

Продай мужъ корову,
Продай мужъ кобылу,
Продай мужъ теленка,
Продай жеребенка.
Купи мужъ ты юбку,
Купи парчевейку,
Купи мужъ сережки,
Да со яхонтами,
Купи мужъ колечко,
Да со словечками,
Купи мужъ чулочки,
Да со стрѣлочками.
Какъ сусѣди-то вставаютъ,
Коней запрягаютъ,
Во лѣсъ поѣзжаютъ,
Какъ и мой-то мужъ вставаетъ,
Жену запрягаетъ.
Тяни, тяни юбка,
Тяни парчевейка,
Тяните сережки,
Да со яхонтами,
Тяните колечки,
Да со словечками.
Ко двору онъ пріѣзжаетъ,
Во дворъ запущаетъ,
Сѣна надаваетъ.
Сяду я на печку,
Призадумаюся:
Продай мужъ ты юбку,
Продай парчевейку,
Продай мужъ сережки,
Продай и колечко;
Купи мужъ корову,
Купи мужъ кобылу,
Купи мужъ теленка,
Купи жеребенка.

14.

Вечоръ дѣвки (bis).
Вечериночкой сидятъ,
Пришелъ къ дѣвкамъ (bis),
Нежданый гость,
Нежданъ, незванъ (bis),
Добрый молодецъ,
Ужъ мы чѣмъ будемъ (bis).
Гостя подчивати,
Пивцомъ, винцомъ (bis),
Сладкой водочкой,
Една дѣвка (bis),
Суровешенька была,
Брала парня (bis),
За правую за руку,
Черезъ скамью (bis),
На разрывъ его тащитъ.

15.

Какъ задумалъ недорасточекъ жениться,
Какъ жена-то недоростка не любила,

Повела-то недоростка въ чисто поле,
Привязала недоростка ко березкѣ.
Три недѣли недоростка не смотрѣла
На четвертую недѣлю посмотрѣла,
Каково-то недоростково жированье,
Не корыстово жена да жированье.
Мнѣ березова корочка да пріѣлась,
Мнѣ болотная водица припилася,
Отвязала недоростка отъ березки,
Побѣжалъ недоростокъ по дорожкѣ.—

16.

Потянули вѣтры буйны со горы,
Обронили шляпы добры молодцы,
Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Мое сердце не ворошится,
Покориться во мнѣ того нѣтъ.—

17.

Кычи гуси домой,
Кычи лебеди домой
Со ржавченки,
Со болотинки,
Да со свѣжія воды,
Со Дуная со рѣки,
Этотъ нашъ (bis),
Этотъ нашъ гусенекъ,
Гусь сѣренькой,
Развеселенькой.
Я во всю зиму кормила,
Во все лѣто берегла,
Берегла стерегла,
Охорашивала,
Огораживала,
Отъ лютаго отъ звѣрища,
Да отъ волчища,
Вотъ пришелъ,
Вотъ увелъ,
Негдѣ взять,
Архирейскій зять.

18.

За топью за рѣчькой за быстрою,
Выгоню я пару сѣрыхъ лошадей,
Лошади у насъ держать не можно,
Кучеръ—отъ у насъ (—) господинъ,
Голубушка при немъ (—) госпожа,
Они сойдутся, обоймутся,
Свидятся, поклонятся,
Поклонятся, поцѣлуются.—

19.

Со вечера хмѣлинка незаборчива была,
Забрала меня хмѣлинка,
Полюбилъ парень дѣтинка,
Парень дѣвушку любилъ,
Золото кольцо купилъ.
На рукѣ кольцо горитъ,
Родна маменька бранитъ,
Гулять ей не велитъ,
Не велитъ во садъ ходить,
Молода парня любить.
Ужъ ты парень молодой,
Спроводи дѣвку домой,
Не дорогой,—стороной,
Подъ голубой подъ полой,
Да подъ лѣвой стороной.

20.

На улицѣ мужикъ со разсадой сидитъ,
Немножка разсадушки на денежку даетъ;
Купить, не купить мнѣ на весь пяточекъ,
Разсадить ли мнѣ разсадушку на весь огородъ:
Расти, моя разсадушка, тонка и высока,
Тонка и высока,—перомъ широка.
Всѣ люди капусту заламываютъ,
Только я молода въ огородѣ не была,
Бѣлыя капусты не заламывала.

21.

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи,
Блиновъ испечи
Десяточка два, три.
Двое ходитъ,
Двое бродитъ,
Двое сойдутся,
Обоймутся,
Поцѣлуются,
По старинному закону,
По 400 на кону.
Пришелъ нонича указъ,
Цѣловаться одинъ разъ,
Цѣловать въ уста,
Ноне нѣтъ поста,
Время заговенье,

Пора масляница.
Куплю сахару на рубь,
Поцѣлую какъ нибудь;
Куплю ево на пятакъ,
Поцѣлую дѣвку такъ.
Сколько на печи печины,
Столько на сердцѣ кручины;
Сколько на гряды моркови,
Столько на сердцѣ любови;
Сколько на морѣ трески,
Столько на сердцѣ тоски.
Ой, спитъ тоска на голыхъ доскахъ,
На голенькихъ дощечкахъ,
На полатинкахъ.
На что щегольно ходить,
Когда некого любить?
На что мыломъ умываться,
Когда не съ кѣмъ любоваться?
На что платомъ утираться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться?
На что мягко слать,
Когда не съ кѣмъ спать?

22.

По жердочкѣ шла
Да по тоненькой,
По сосновенькой,
Тонка жердочка не гнется,
Не ломается,
Хорошо съ милымъ живется,
Не стоскнется,
Хоша стоскнется
Разгуляется.
Пойду выйду молода
За новые ворота,
За новые, кленовые,
За рѣшотчатые;
Стану, стану молода,
Ко притворному столбу,
Туды, сюды погляжу,
Я милаго не вижу.
Счастливый выходъ мой,
Что на встрѣчу мой милой.

23.

На плотѣ было на меленкѣ,
На вторая на серебряной
Золота была черпаница,
Дѣвица воду черпала,
Душа (имя рекъ) воду черпала.
По бережку конь бѣжитъ,
По крутому сивой рыжій;
На кони сидитъ удалый молодецъ,
Удалый молодецъ (имя рекъ),
Ко двору приворачиваетъ.
Онъ плеточкой посвистываетъ,
Уздой пошевеливаетъ,
Ко двору ко батюшкову,
Къ терему ко матушкину,
Ко лугу то ко дѣвушкину. (иногда поется имя).
Красна дѣвица выйди на дворъ,
Ты возьми коня за поводъ,
Ты отдай коня конюхамъ,
Пусть накормятъ да пшеницею,
Напоятъ ключевой водой.

24.

Не наметывай порохи
Что на талую землю,
На злое коренье
Въ Петрово говѣнье,
Во перво воскресенье.
Что по той бѣлой порохѣ
Шелъ Ванюша хорошій
Шелъ Иванушка хорошій,
Бѣлый кудреватый.
Онъ бѣлый кудреватый,
Холостъ не женатый.
Припадаетъ вдругъ Ванюша
Ко бѣлому ко снѣгу.
Онъ кидаетъ да бросаетъ
Ко Паранѣ во окошко:
Выйди, выйди вонъ Параня,
Выди Парасковья.
Мнѣ нельзя идти Паранѣ,
Нельзя Парасковьѣ,
Есть у батюшки то гости,
Да у матушки гостьи;
Есть у братыщей подъячи,
У сестеръ дѣвицы,—
То мои подружки.
Я тутъ Ванюшѣ сказала
Взаболь отказала.

Пошелъ Ванюша печаленъ
Головой качаетъ,
Самъ головушкой качаетъ,
Себѣ размышляетъ:
Какъ же мнѣтка быти,
Кого полюбити?
Мнѣ мужня жена любить—
Прибитому быть,
Мнѣ вдовушку любить—
Казною дарить,
Красну дѣвицу любить—
Щегольно ходить,
Хоть не щегольно ходить,
Красну дѣвицу любить.

25.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ,
Знать что миленькій сердитъ,
Ничего не говоритъ,
Въ зеленый садъ манитъ;
Пойдешь дѣвица во садъ
Раскрасавица плясать,
Сорву съ травоньки цвѣтокъ
Со муравоньки алой.
Завяжу этотъ цвѣтокъ
Во тальянскій во платокъ,
Во пѣмецкій узелокъ.
Ужъ я брошу то платокъ,
На кроватку въ уголокъ,
Гдѣ узеликъ-отъ лежитъ,
Тесова кровать дрожитъ,
Я помѣшкаю часокъ,
Развяжу да узелокъ,
Посмотрю я на цвѣтокъ,
Ужъ онъ вянетъ ли не вянетъ,
Мой лазоревой цвѣтокъ;
Ужъ онъ тужитъ ли не тужитъ,
Онъ мой миленькій дружокъ,
Мой опъ миленькій дружокъ
На чужой онъ сторопы,
Во матушкѣ во Москвы,
Во пѣмецкой улицы.
Сидятъ дѣвки въ горницы,
Они судятъ разсуждаютъ,
Мила друга снаряжаютъ,
На добра коня садятъ.
Ноги въ стремена кладутъ,
Въ руки поводъ подаютъ,
Дружку наказываютъ,
Наговариваютъ:
Ты гуляй, гуляй дѣтина,
Да не загуливайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.
Хороши то пригожи,
Часовы не вѣковы,
Ужъ я худенька худа,
Да вѣковѣчная твоя.
Вѣковѣчная твоя,
Да подвѣнечная жена.

26.

Красна дѣвица коровъ доила,
Скрозь тряпичку молоко цѣдила,
Молокомъ молодца поила,
Поила наговаривая:—
Не женись, не женись молодецъ,
Не женись, не женись удалой,
Промежъ нами ты такъ проживешь,
Промежъ нами дѣвушками,
Промежъ пами голубушками.

27.

Не бѣги, пе бѣги,
Красна дѣвица душа,
Полюби, полюби,
Ты меня молодца,
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая,
Будешь тѣльнистая;
Я люблю тебя душой,
Подарю казной,
Кажный праздникъ обновкой,
Буду милую дарить,
По пирамъ, по *кампстамъ*
Буду дѣвицу водить.
Ради радости такой
Есть особенный покой;
Зеркалами и цвѣтами,
Вашу спальню уберу,
Красна дерева кровать
На коврѣ будетъ стоять,
Что на бархатной перинѣ

Будетъ Саша почивать.

28.

Зимочка зима,
Холодная зима морозливая,
Хорошая жена
Мужа выучила,
Въ полуночи-то будила,
На работу посылала,
На работу на такую
Въ лѣсъ дрова идти рубить.

29.

На улицѣ диво,
Чернецъ варилъ пиво.
Чернечикъ ты мой,
Чернечикъ молодой *)
Я пиво сливала,
Меня разбирало,
Спускалася хмѣлинка
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйную головушку.

30.

Пошли наши гусли,
Пошли звончатыя,
Дошли наши гусли,
До молодца пана,
До бѣла румяна,
Тутъ гусли упали,
За рученьки брали,
Въ уста цѣловали,
Милымъ называли.

31.

Подъ тыномъ было подъ тыночикомъ,
Подъ зеленой было сосенкой,
Дѣвки мылись, умывались,
Хорошо они сряжались,
Обойду я двоетынъ, троетынъ,
Я любаго себѣ выберу,
За собою парня выведу.

32.

Ходилъ гулялъ Ванюша,
Вдоль по улицѣ,
На Паранино окошечко,
Часто взглядывалъ
Про Поранино здоровье
Часто спрашивалъ,
Ужъ ты спишь, не спишь Параша,
Али такъ лежишь?
Ужъ я спать не сплю, Ванюша,
Боле такъ лежу,
На умѣ держу,
Научить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить (bis),
Какъ меня любить;
Ты не днемъ ходи,
Да поздно вечерами,
Ты не голосомъ кричи,
Да соловьемъ свищи,
Чтобы я красна дѣвица
Вздогадалася,
Со бесѣдушки сдолой
Да собиралася.
Я подружечкамъ скажу,
Что голова болитъ;
Отцу матушкѣ скажу,
Скажу—вся больна;
Ко милу другу пойду
Да здоровешенька,
Отъ мила друга пойду
Да веселешенька.
Я умоюсь, соряжусь,
Я къ обѣденкѣ пойду,
Напередъ всѣхъ становлюсь,
Чтобы видѣлъ весь народъ.
Со слезамъ Богу молюся,
Бога милости прошу:
Ты, слеза моя горючая,
Пади къ милому на грудь.
Позади его стояла
Его маменька родна,
Со насмѣшкою сказала:
Не твоя ли тутъ горюха
По тебѣ слезы ронитъ?
Полно маменька смѣяться,
Пуста твоя пословица
Вѣчно дѣвушекъ бранить.

33.

Шелъ дѣтина изъ гостей,
Со великихъ радостей;
Онъ торопится бѣжитъ,

*) Припѣвъ этотъ поется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Къ своему двору спѣшитъ;
Сзади дѣвица бѣжитъ,
Кричитъ: молодецъ, постой!
Не женатый, холостой,
Не женатый, вожеватый,
Разголубчикъ, любчикъ мой!
Ты не смѣйся надо мной,
Надъ дѣвушкой молодой,
Назадъ парень обернулся,
На дѣвушку разсмѣхнулся;
Сталъ дѣвицу дожидать,
Съ ноги на ногу ступать,
Ума разума пытать:
Ты скажи, скажи, Катюша!
Скажи лапушка моя,
Едново-ль любишь меня?
Я по правды то скажу:
Едново тебя люблю;
Я по совѣсти скажу:
Семерыхъ съ тобой люблю.

34.

Торна, маторна моя,
Фигурна, мигурна моя,
Красно золото не тягивала,
Серебро не волакивала.
Что желты пески разсыплются,
Быстры рѣченьки разольются,
У молодца кудри разовьются;
Завивала кудри лапушка,
Завивала кудри сударушка,
Завивала приговаривала:
Что не думала сегодня угорѣть;
Пришелъ вечеръ,—голова стала болѣть,
Расшумѣли самовары на столѣ,
Расходился угаръ въ головѣ.

35.

Выходилъ душа полковникъ
На красно крылечко,
Выносилъ душа полковникъ
Молодковы карты,
Еще клалъ душа полковникъ
На дубовый столъ;
Приглашалъ душа полковникъ
Красну дѣвицу въ компанью.
Меньша большой говорила,
На добро учила:
Не играйка-ся сестрица
Въ молодковы карты,
Ты не пейко-ся сестрица
Дорогова вина.

36.

Не рюмочки по столу бренчатъ.
Не стаканы выговариваютъ;
Еще кто же ходитъ по терему,
Еще кто же ходитъ по высокому.
Дѣвица ходитъ по терему,
Душа красная по высокому;
Она бѣлится, румянится,
Очень модно снаряжается,
Погулять ей хочется.
У кого же она спросится,
У кого же она доложится?
Она у (имрекъ) молодца спросится,
Она у (отчество) удалова доложится:
(Имя) душечка,
(Отчество) ягодка!
Ты спусти въ гости ко батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ.
Ты (имя дѣв.) душечка,
Ты (отчество) ягодка,
Посиди у меня въ теремѣ,
Посмотри па мою красоту,
На удала добра молодца,
На (имя и отечество).

37.

Во два верхала нѣмецкихъ,
Сидятъ два молодца турецки.
Калина, малина *).
Они сидятъ у стола,
Писать очень мастера;
Подмастерье съ мастерами
Цвѣтно платье составляли,
Двѣ цѣпочки золотыя.
Музыканты молодые,
Заиграли въ струны.
Струны серебряныя;
Утѣшали, увѣщали,
Красну дѣвку въ терему:
Не плачь дѣвица мила,
На тѣ лента голуба (bis).—
Подаренье паренька.

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Парень дѣвушку любилъ,
По часту въ гости ходилъ (bis),
Да сладки пряничка носилъ.
Въ семнадцать дѣвка лѣтъ,
Полюбила парня ввѣкъ (bis),
Что нигдѣ такого нѣтъ,
Ни въ Казани, ни въ Рязани,
Нѣтъ ни въ Астрахани;
Откуль взялся, проявился?
Во Мезени городу (bis),
Во гостиновомъ двору (bis)—
У вдовушки у вдовы
Есть три дочки хороши.
Ужъ какъ первая милѣе,
Втора лучше, веселѣе;
Еще третья черноброва,
Завсегда плясать готова.
Пляшучи дѣвка упала,
Парню на руку попала.
Постой молодецъ не чура,
Я сама дѣвка не дура,
Петербургская натура;
Я во Питерѣ была,
Три науки поняла.
Ужъ и первая наука—
Я купила соловья;
А вторая-то наука—
Полюбила молодца;
А и третья-то наука—
Раззорила до конца.
Раззорился парень бѣдный,
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный;
Раззорился подъ конецъ,
Купилъ дѣвкѣ семь колецъ:
Три витыя золотыя,
Три серебреныя,
А четверто позолоченое,
Продалъ худенько дворишко,
Купилъ аленько платишко,
Завидуетъ вся деревня
На солдатское житье:
Солдатъ подати не платитъ,
Куды денежки дѣвать.

38.

Соловей мой соловей,
Голосистой соловей!
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
За синія моря,
На чужіе берега;
Не найти тебѣ милой,
Горемычнѣе меня.
У меня ли у младой,
Крупенъ жемчугъ на руки,
Жаръ-колечко на груди.

39.

Сострой ты, любезный,
Да червончатый корабь;
Я найму тебѣ любезный
Гребцовъ—молодцевъ,
Да десять пѣсельничковъ;
Всѣ ребятушки гребутъ,
Веселы пѣсни поютъ;
По червончату кораблику,
Да погуливаютъ,
Съ ножки на ножку
Переступываютъ;
Сапогъ о сапогъ
Поколачиваютъ,
Ко любезной ко своей
Да приворачиваютъ.
Ты, любезная моя,
Не забыла ли меня (bis)?
Не болитъ ли голова?
Ужъ я рада бы забыть,
Не могу тебя избыть.

40.

По морю корабличекъ
Бѣжалъ, таки бѣжалъ,
По кораблику Васильюшка
Гулялъ, таки гулялъ,
Въ звончаты гусельцы
Игралъ, таки игралъ.
Поиграйте гусли въ мысли,
Вы теперича при мнѣ,
При Васильѣ молодцѣ,
При Ивановичѣ.
А Василья материна
Таки рѣчи говорила:
Полно Ваня перестань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань!
Родимая моя мать!

Да тебя меня не унять (bis),
За быстру рѣку гулять (bis),
Ко вдовушкѣ спобывать;
У вдовушки есть Катюша.
Ей любить таки любить,—
Брови черны соболины,
Очи ясны соколины,
А походочка павина,
Тиха рѣчь лебедина,
Она баетъ, разсуждаетъ,
Сверхъ погодой посыпаетъ.

41.

Милъ поздненько приходилъ,
Гостинечки приносилъ,
Гостинечки прянички,
Корешочки яблочки.
Я гостинечки взяла,
Друга въ горенку свела;
Ужъ какъ въ горенку свела,
На постельку уклала.
Стала выспрашивати,
Стала вывѣдывати:
Почему ты милый любишь,
Али по дому мому,
По богачеству большому?
Я за то тебя люблю,
За то жаловать хочу,
За умъ разумъ дорогой,
За обычай молодой.
Съ утра барочка въ отвалъ,
Ты сударушка прощай,
Ко Петрову дни не буду,
Къ Ильину дни подожди,
Привезу тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Гранитуровый платокъ,
Не тащи другъ живота,
Не купи дѣвкѣ плата,
Купи золото колечко,
Чтобы ноило сердечко,
Занывало, замирало,
Тоски сердцу придавало.
Раззорился парень бѣдный,
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный.—
Раззорился до конца
Купилъ мѣдныхъ два кольца:
На сударушка носи,
Золотаго не проси,
За мной взади не ходи,
Болѣ меня не люби.
Не любовница твоя,
Не любила никогда.

42.

Зелено вино въ карманѣ,
Сахаръ во бумажкѣ.
Зеленое вино пью,
Сахаръ на закуску,
Знаю у моего милаго,
Два сада зеленыхъ;
Во первомъ саду, садочкѣ,
Кукуетъ кукушка,
Во второмъ саду садочкѣ,
Поетъ птичка пташка,
Поетъ пташечка прекрасна,
Разнымъ голосочкомъ.
Спишу пташинъ голосочекъ
На тонкой листочекъ,
Что на тонепькій листочекъ,
На бѣлу бумажку;
Отошлю я голосочекъ,
Въ дальный городочекъ,
Что во дальный городочекъ,
Своему милому:
Ты велишь-ли моя радость,
Щегольно ходить,
Ты умойся, уберися,
Баско снарядися.
Не ходи, моя милая,
Къ сусѣду въ бесѣду;
У сусѣда во бесѣдѣ
Все сидятъ холосты,
У холоста глаза востры,
Сами завидущи,
Холостъ ходитъ,
Глазомъ водитъ,
Изъ ума выходитъ,
На траву ступаетъ,
Разума пытаетъ,
Ума разума пытаетъ,
На дворъ вызываетъ,

Подарочекъ желаетъ,
Подарочекъ дорогой,
Персидскій платочекъ,
Во персидскомъ во платочкѣ,
Золото колечко.

43.

Ужъ ты вдовка, ты вдовка моя,
Вдовья, вдовина, побѣдна голова,
Твое личико разгарчивое,
Ретиво серце доносливое.
Подлѣ рѣчку, подлѣ быструю рѣку,
Стоялъ кустышекъ ракитовый,
На кусту-то соловеюшко,
Соловей птица пѣсни поётъ,
Молодой принасвистываетъ,
Холостой приговариваетъ:
Поиграйте вы, дѣвушки,
Поиграйте молодушки,
Во своей волѣ у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки;
Скоро Сашу въ замужъ отдадутъ,
Скоро волюшка минуется,
Красота съ лица стеряется.
Ты каморочка, каморочка моя,
Мелкотравчатая, узорчатая,
Недавайся ты развертываться,
Что не князю, не боярину,
Не саму сыну купеческому;
Что купеческій сынъ,
Онъ и волюшку беретъ,
Онъ каморочку развертываетъ,
Вси узоры высматриваетъ.

44.

Противъ солнца на востокѣ,
Монастырь келья стоитъ,
Въ этой келейкѣ монашенко спасается,
По утру рано встаетъ да наѣдается.
Что пошелъ чернецъ въ кабакъ.
Да свою ризку пропивать,
Свой клобукъ закладать,
Цѣловальникъ не прималъ,
Чернеца въ шею толкалъ:
Поди вонъ калугерь,
Твоя келейка пола,
Да незаперты ворота.
Незаложенныя.
Дѣвка въ рощѣ грибы брала,
Чернеца-то не видала,
Ходитъ чернецъ по тропы,
Да въ высокомъ клабуки.

45.

Ужъ я горькая злосчастна,
Уродилася несчастна,
Какъ же мнѣ-ка быть,
Во несчастьѣ жить,
Во несчастьицѣ мнѣ жить?
Печаль горе отложить,
Не стану тужить,
Я объ томъ тужить не стану,
Болѣ плакать перестану.
Една въ тебѣ лесть,
Бить-любить тебя не буду,
Замужъ выдать-то не чаю,
Нѣтъ те жениховъ.
Сватался женихъ,
Изъ-за моря старикъ,
Девяносто лѣтъ,
Зубовъ во рту нѣтъ:
Хошъ люби, хошъ нѣтъ,
Эдака бѣда,
Любить старика.
Я бѣла свѣта отстану,
Любить старика не стану,
Либо утоплюся,
Либо удавлюся.

46.

Изъ Питера любезный
Письмецо мнѣ присылалъ,
Пишетъ милый дорогой
Объ любови объ своей.
Пишетъ милый ко мнѣ знать,
Чтобы я вышла гулять.
Я у батюшки спросилась,
У матушки доложилася;
Позволенье мать дала,
Гулять съ миленькимъ пошла
Лишь успѣла выйти вонъ
Милъ стоитъ передо мной
Разговаривать со мной:
Много ждалъ я, дожидался,

Во дорожку отлучался,
Не печалься, не тужи,
Я сейчасъ буду сюды,
Изъ Питера пріѣду,
Подарокъ привезу
Атласу для прикрасу,
Синетюру на салопъ,
На бѣлую грудь цѣпочки,
А на шею жемчугу.
Благодарствуй, другъ любезный,
Любишь, жалуешь меня,
Не теряй своей любови,
Мнѣ обида дорога.
Я вечоръ была больна.
На вѣтру долго стояла,
Простудилась молода,
Съ той простуды груди ломитъ,
Голова моя болитъ,
Безъ огня лицо горитъ.
Ужъ мы сядемъ, посидимъ,
На подружекъ поглядимъ:
Ужъ вы дѣвушки,
Подружки несчастливыя,
Только я една счастлива,
Молода парня любила.
По поступкѣ парень бравъ,
По природѣ веселой,
Онъ на личико красивъ,
Гулять въ гости не спѣсивъ
Чисто ходишь, гдѣ берешь,
Дай расписку, съ кѣмъ живешь?
Я росписки не даю,
Съ кѣмъ гуляю не скажу.

47.

Какъ у нашего сусѣда
Собрана была бесѣда
Очень хороша,
Весьма пригожа.
Мнѣ случилося идти,
Я не могъ мимо пройти,
Постучаться сталъ.
У окошка постучался,
Со опасностію,
Со великою,
Дѣвки бросились въ окно,
Отвѣчали за едно:
Съ кѣмъ ты тутъ стоишь,
Съ кѣмъ ты говоришь?
Я умѣлъ сказать: единъ,
Ко воротамъ приходилъ;
Дѣвки отперли ворота,
Красны впустили меня.
Въ свѣтлу свѣтлицу вошелъ,
Все весельице нашелъ;
Веселиться сталъ,
Что по прежней по любови
Забавляться сталъ,
Дѣвка шутокъ не внила,
Парня въ щоку оплела:
Этакой дуракъ,
Да разбезсовѣсный,
Ты програешь, просмѣешь,
Меня въ замужъ не возмешь.

48.

По край быстрой было рѣчьки,
На прекрасномъ на мѣстечкѣ
Стоялъ зеленъ садъ,
Стоялъ виноградъ,
Въ саду дѣвицы гуляли,
Алы цвѣтики срывали,
Вьютъ себѣ вѣнки,
Вьютъ дороги;
Свила дѣвица вѣнокъ,
Во рукахъ держитъ цвѣтокъ.
За рѣкой рѣкой
Калиновый мостъ;
По калинову мосточку
Бѣжалъ Ванька, торопился,
Калинъ мостикъ подломился.
На сію бѣду,
На Ванюшину,
Перва мила подбѣжала,
Бѣло платье поджимала,
Зоветъ во лѣсокъ:
Пойдемъ Ваня во лѣсокъ
На единый на часокъ
На минуточку,
Погуляемъ Ваня здѣсь,
Пока воля для насъ есть,
Съ полуночи часъ прибудетъ,
У насъ платье сухо будетъ,

Пойдемъ ко дворцу
Ко батюшкову.
Не дошедши до дворца
Цѣловала молодца:
Ты прощай, прощай милая,
Прощай радость дорогая,
Не забудь меня.
Я тогда тебя забуду,
Жива на свѣтѣ не буду;
Али въ замужъ отдаютъ,
Отдаютъ молоду
На чужую сторону
Не заровнюшку
За старенькаго;
Мнѣ ко стараго любить
Горючи слезы ронить,
Плакать завсегда.

49.

Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала,
Да вечоръ тоска напала,
Во всю ночь молода не сыпала,
Тесовая кровать простояла,
Соболиное одѣяло продержалось,
Все мила дружка да дожидала,
Я насилу его да дождалася,
Я изъ горницы во горницу гуляла,
Я изъ свѣтлыя во свѣтлую ходила,
Всю хрустальную посуду разбирала,
Поболѣ стаканчикъ выбирала,
До полна я сладкой водкой наливала,
Я милу дружку да подавала,
Милу дружку да Иванушку:
Прими, выкушай душа радость, молодецъ,
На меня на красну дѣвку не надѣйся,
У меня красной дѣвицы безвременье,
Безвременье да раззоренье;
Меня батюшка да въ замужъ отдаетъ,
За такого за сякаго за урода,
Что ему ли уроду мной владѣть,
Что ему ли въ узорочье снаряжать,
Владѣть ли, не владѣть милу дружку.

50.

На горкѣ калина,
Въ подгорьѣ малина;
Тамъ дѣвица гуляла
Малинушку ломала,
Въ пучечьки вязала,
Въ козаченька бросала.
Козаченька душа радость,
Дружекъ мой!
Слышу ѣдешь, душа радость, во походъ,
Ты возьми меня съ собой,
Я тебѣ буду слугой,
Пару коней уберу,
Овса, сѣна задаю,
За дубовъ столъ посажу,
Чаемъ, кофеьмъ напою,
На кровать спать укладу,
Поцѣлую, обойму.—,

51.

Изъ за барскаго двора
Выѣзжаетъ самъ халуй.
Дунай мой Дунай
Веселый Дунай *).
На встрѣчу халую
Сама барыня идетъ
Сама барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ,
За собой дочку ведетъ
Сама спрашиваетъ:
Ты, разсукинъ сынъ, халуй,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Да ты гдѣ ночевалъ?
Сударыня барыня,
Я у васъ на дворѣ,
Я у васъ на дворѣ,
Во высокомъ терему,
Во высокомъ терему,
Во горницѣ во новой,
Во горницѣ во новой,
На кровати тесовой,
На кровати тесовой,
Съ вашей дочерью родной.
Ты, разсукинъ сынъ, халуй,
Зачѣмъ сказываешь?
Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
Ты, разсукинъ сынъ, халуй,

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Со двора я вонъ сгоню.
Сударыня барыня
Самъ съ охотою пойду,
Самъ съ охотою пойду,
Вашу дочку уведу.
Сударыня барыня!
Я вамъ дровецъ наколю,
Я вамъ дровецъ наколю,
Въ спальнѣ печку истоплю.
Разсукинъ сынъ, халуй,
Я блиновъ те испеку.

52.

Дѣвки шили коверъ, да вышивали,
Вышивали коверъ да говорили:
Ты не вей гнѣзда да при долинѣ,
Ты совей гнѣздо да при бесѣды,
При которой бесѣды дѣвица сидѣла,
Гдѣ-ко дѣвицы сидѣли, молодцы гуляли.

53.

Улкомъ шла, переулкомъ шла,
Клубокъ ниточекъ нашла
Клубокъ катится,—нитка тянется
Клубокъ долѣ, долѣ, долѣ,
Нитка тоне, тоне, тоне;
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась,
У заюшка, да у бѣляюшка
Что ушки были долги
Да ножки тоненьки,
Зайка въ сторону скочилъ,
Много золота хватилъ.—

54.

Собиралися ребятушки
На едину они улицу,
На единое крылечушко,
Что едину думу думали,
Единъ совѣтъ совѣтывали:
Гдѣ-бы, гдѣ-бы намъ дѣвицу увидать,
Гдѣ-бы, гдѣ-бы намъ красавицу увидать.
Единъ молодецъ догадливъ былъ,
Нарядился сѣрой козонькой,
Пошелъ къ милой подъ окошечко.
Увидала красна дѣвица-душа
Увидала изъ косящата окна:
Ужъ ты маменька, родимая моя,
Пусти козу на надворьице,
Ко матушкѣ въ нову горницу,
Ко мнѣ младой на тесовую кровать.
Я не буду ни спать, ни дремать
У козы была не козья стать,
У козы молодеческой взглядъ,
Рубашечка ситцевая,
Жилеточка матерчатая,
На шейкѣ гранитуровый платокъ.

55.

Изъ за лѣсу, съ крутыхъ горъ
Подымались туча громъ
Со великимъ дождемъ;
Что со этаго дождя
Да стала улица грязна (bis),
Стала, Сашенька, дурна,
Мнѣ пѣшкомъ идти нельзя.
Я пѣшечкомъ не пойду
Я извощичка найму,
Я извощичка лихаго,
Сама найду скрипача.
Я не сяду съ тобой рядомъ,
Я сердита на тебя,
Хотя сяду съ тобой рядомъ,
Въ глаза выговорю,
За вчерашнюю обиду
Дружка выругаю:
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Ты послушай-ко невѣжа,
Погадай-ко негодяй!
Я за то тебя люблю,
За то жаловать хочу:
Я сидѣла за цвѣтами,
Уливалася слезами,
Уливалась, увѣрялась,
Куда миленькій идетъ.
Пошелъ, пошелъ мой милой
Недалече ко иной,
Ко Машенькѣ Долиной.
Черезъ три поля бѣжала
Безъ стыду ему кричала:
Воротися, воротися!
Воротись милый ко мнѣ,
Язабыла те сказать, —

Если къ маменькѣ пойдешь,
Не садись возлѣ меня,
Не гляди милъ на меня,
Не гляди милъ, не смотри,
Не любовница твоя.
Радъ бы, радъ бы не глядѣть,
Да мои глаза глядятъ,
Полюбить тебя хотятъ.

56.

Заюшко по сѣничкамъ
Дыбы таки, дыбы,
Сѣренькій по новенькимъ
Гулялъ таки, гулялъ,
Некуда заюшкѣ таки выскочити,
Некуда сѣрому выпрянути.

57.

У нашего двора
Полно озеро воды.
Ай люли ай люли *)
Полно озеро воды
Съ берегами наровень,
Что во этомъ озерѣ
Молодецъ коня поилъ,
Молодецъ коня поилъ,
Ко воротамъ приводилъ,
Ко воротамъ приводилъ,
За колечико вязалъ,
За колечико вязалъ,
Красной дѣвицѣ сказалъ:
Красна дѣвица душа,
Сбереги добра коня,
Сбереги добра коня,
Не сорвалъ бы повода,
Не сорвалъ бы повода,
Повода шелковые,
Повода шелковые,
Удила серебряныя.
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ,
Что на дѣвицѣ перо
Восемьсотъ рублей дано,
Восемьсотъ рублей дано,
Издалеча везено,
Издалеча везено,
По любови дарено,
По любови дарено,
Да пожаловано.

58.

Ѣхалъ мальчикъ изъ Казани,
Полтораста рублей сани,
Восемьсотъ рублей дуга,
Мальчикъ дѣвушкѣ слуга.
Вы позвольте, господа,
Мнѣ въ магазины сходить,
Плису, бархату купить,
Мнѣ-ко милой подарить.

59.

Черезъ рѣченьку жердяночка лежала,
Черезъ быструю жердяночка лежала.
Еще что въ торгу сдешевѣло?
Сдешевѣли въ торгу да мужиченки,
Еще сто мужиковъ да па одну копѣйку,
Полтораста даютъ да на полушку.
Еще что же на торгу да вздорожало?
Еще сто рублей да една дѣвица,
Полтораста да русокосая,
Полтретьяста да черноглазая.

60.

Мой миленькій, любименькій,
Крутымъ бережкомъ идетъ,
Радость пѣсенки поетъ,
Ко душѣ красной дѣвицѣ
Въ теремъ голосъ подаетъ,
Чтобы слышала мила,
Не дремала не спала,
На крылечко выходила,
Съ молодцомъ рѣчь говорила:
Здравствуй душечка молодчикъ,
Удалая голова!
Про насъ люди говорятъ,
Вси сусѣдушки бранятъ,
Любить дружка не велятъ.
Земляночка во лѣсѣ,
Остаюсь я видно здѣся.
Отъѣзжаетъ милъ въ Москву,
Оставляетъ всю тоску.

61.

Куревушка, курева
Закрутила, замела

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Всѣ дорожки и пути,
Нельзя къ милому идти.
Я пошла по дрова,
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла,
Да поздоровалася:
Здравствуй, мой миленькій!
Въ гости гости,
Да не подалеча садись;
Люди нынѣшніе догадливые,
Накутятъ, намутятъ,
Съ милымъ дружкомъ разлучатъ.

62.

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ,
На ней платье бѣленепько,
Косыночка алешенька,
Въ правой рукѣ розовый цвѣтокъ,
Во лѣвой нѣмецкій аверокъ (вѣерокъ?),
Иверомъ дѣвка помахиваетъ.
На ней молодецъ поглядываетъ,
Со дѣвицей поговариваетъ:
Здравствуй, нѣжная, манежная моя,
Красота неучиненная твоя!
Ужъ я сколько бесѣдъ перешелъ,
Тебя лучше—краше не нашелъ;
Хоша лучше—краше тебя есть,
Во моемъ сердцѣ желанной такой нѣтъ,
По тебѣ моя сударушка,
Душа красна дѣвица.

63.

Молодость, молодость, дѣвичья красота,
Я не думала молодость измыкати тебя,
Измыкала молодость чужая сторона,
Чужа дальная сторонка:
Въ чужихъ людяхъ живучись,
Много горя видучись;
По утру рано встаютъ,
Да долго ѣсть не даютъ.
Я у батюшки, у матушки
Тѣшена дочька была;
Я безъ спроса безъ велѣнья,
Не ходила ни куда,
Я безъ рыбки ужъ не сяду,
Безъ калачика не съѣмъ,
Безъ милаго спать не лягу,
Безъ надежды не усну,
Хотя усну, во снѣ вижу,
Что сказали про милаго—
Милый не живъ не здоровъ,
Что сказали про милаго—
Милый безъ вѣсти пропалъ;
Что недавно мой милой,
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Шибко, громко просвисталъ,
На окошко проглядѣлъ.
На моемъ ли на окошкѣ,
Тамъ лежала да примѣтка,
Съ винограда вѣтка.

64.

Ужъ ты Танюша, Татьяна,
Таня горькая, несчастна,
Уродилася безчастна,
Не знаю какъ быть
Безъ милаго жить,
Безъ милаго безъ дружка,
Нападетъ печаль тоска.
Кину, брошу грусть—тоску,
Постоянно буду жить,
Еднова дружка любить,
Во несчастьѣ младой жить,
Печаль горе отложить.
Не буду тужить,
Да себя крушить,
О пустомъ тужить не стану,
Слезно плакать перестану.
Все это пусты—наносны слова,
Не боюсь наносныхъ словъ,
Пошлю къ миломуословъ,
Чтобы побывалъ,
Хотя на малый часъ.
Идетъ милый въ вечеру
Огородой ко двору;
Шляпою махнулъ,
Головкой качнулъ.
Я завидѣвши милаго,
Не терявъ часу втораго,
Во зеленъ садъ пошла,
Къ милому зашла.
Поклонъ милому отдавши,

Цѣловались съ нимъ обнявшись.
Сѣли на траву
Подъ яблонь въ саду,
Ужъ я тѣмъ себя сгубила
Другу тайность объявила,
Что многихъ любила,
Впрежъ да его.
На то милый осердился
Пошелъ, со мной не простился,
Сталъ меня бранить:
Эка дура навязалася,
Отдалъ бы тебя въ замужъ,
Нѣту жениха,
Хоть стараго старика.
Какъ посватался женихъ,
Изъ Романова старикъ;
Девяносто лѣтъ
Зубовъ во рту нѣтъ.
(и т. д, какъ въ № 45).

65.

Я вечоръ въ гостяхъ гостила,
Во компаньицѣ была;
Я хорошаго молодчика
Во любовь себѣ взяла.
Мнѣ не стыдно съ нимъ водиться,
Можно радостью назвать (bis),
Въ компанью себѣ взять;
Въ поступкахъ политиченъ,
Тароватъ во всѣхъ дѣлахъ,
Въ убранствѣ, чистомъ срядѣ,
Право веселъ и хорошъ;
Онъ хорошъ пригожъ и счастливъ,
Разговористъ на словахъ.
Между прочимъ разговоромъ
Прежде въ рѣчь меня водилъ;
Онъ пріятнымъ своимъ взоромъ,
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ;
Прострѣливши, заразивши,
На колѣнки посадилъ.
Со колѣней меня снявши,
Танцовать съ собой просилъ:
Я не долго танцовала,
Милый руку больно жалъ.
Ужъ я рукъ не отнимала,
Появился въ лицѣ жаръ.
Вышла въ сѣни простудиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать;
Не слыхала, какъ жаръ вышелъ,
Милъ стоитъ предо мной,
Говоритъ рѣчи со мной,
Зоветъ въ горницу съ собой:
Во горницу—въ свѣтлицу,
За дубовъ столъ посажу,
Стаканъ водки поднесу.
Чаю кофею не пью,
Во любовь съ тобой пейду,
Съ кѣмъ гуляю не скажу.

66.

Ужъ я по полу хожу-таки хожу,
Я по миленькомъ тужу, таки тужу,
Я не знаю къ чему дружка приложить
Жемчугъ-дорогъ вѣсовой, вѣсовой,
Мой миленькій часовой, часовой.
Примѣню дружка къ перстеньку,
Перстенечекъ на руки, на руки,
Мой миленькій на уми, на уми.
Примѣню дружка къ соколу,
Соколъ птица вольная,
Мой миленькій у меня, у меня.

67.

Изъ подъ дубу, дубу, дубу,
Изъ подъ липова коренья,
Мое горе разоренье
Протекало скрозь ученье.
Что во этихъ ручеечкахъ,
Дѣвки мыли тутъ платочки:
Они мыли колотили,
Платокъ въ воду упустили.
Откуль взялся паренекъ,
Подалъ дѣвушкѣ платокъ.
Спасибо другъ тебѣ,
Ты помогъ моей бѣдѣ.
Завтра поздно въ вечеру,
Приди къ моему двору;
Что у нашего двора
Есть гулянье завсегда.
Въ саду дѣвушки гуляли,
Про любовь нашу не знали.
Отворяли ворота,
Запущали молодца.
Есть батюшка во пиру.

Есть матушка въ торгу;
Братецъ во гостяхъ,
Невѣстушка въ горестяхъ,—
Отъ того же въ горестяхъ.
У ей мужъ былъ во гостяхъ.
На улицѣ дождь поливаетъ,
Въ теремъ дѣвокъ прибываетъ.
Хозяинъ волю даваетъ,
Хозяюшка дозволяетъ.

68.

На улицѣ морозъ,
На печи-то лѣто;
Ты зачѣмъ сюда пришелъ,
Тебѣ дѣла нѣту.
Здѣшни дѣвки кралечки,
Любятъ сладки прянечки,
Молодицы—сухари,
Всѣ ребята водку,
Водку пили, булку ѣли,
Гулять захотѣли.
Я на горочки стоялъ,
Да слезы катятся,
Мнѣ женитья велятъ,
Да мнѣ не хочется,
Мнѣ невѣсту даютъ,
Да мнѣ не глянется,
Хошь и глянется,
Да мною чванится.
Еще дюжъ мой-отъ мужъ,
Выѣхалъ на рѣчьку,
Я молила кабы сдохъ,
Я поставлю свѣчку,
Я поставлю свѣчку сальну.
Сама пойду въ спальну,
Въ спальнѣ сидитъ любчикъ,
Сизенькій голубчикъ,
Мы совѣтъ совѣтали,
Жеребій метали,
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка,
Иванушку щеголюшку,
Красна дѣвушка.
Что сказали про дѣвицу,
Не быль не былицу,
Что сказали про дѣвицу,
Я по молодцу тужу.
Не тужи моя милая,
Я те не забуду,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу подарокъ,
Кумачу, китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Что китаечка не къ моду,
Кумачъ не на згоду,
Привези мнѣ, сынъ отечкой,
Золото колечко
Ко красну крылечку,
Чтобы юкало колечко,
Взвеселило бы сердечко.

69.

Идетъ Ваня по угору,
На плечѣ несетъ кокору,
Эдаку матёру,
Не для Саши, не для Маши,
Ради душечки Катюши.
Катерина выходила,
Веретена выносила,
Веретены не точены,
Не точены золочены,
У бурлака подарены.
Еще, Саша, бурлаки
Сертуки носятъ модные,
Верхохона то грязные,
Верхохона то въ артели,
Всѣ артели то проѣли,
На закускахъ всѣ проѣли,
На орѣшкахъ прощелкали,
На бесѣду поѣзжали,
На бесѣды заплясали,
Каблуки у нхъ отпали,
Домой уѣзжали,
Каблуки пришивали,
Къ сударушкамъ заѣзжали.

70.

Соряжается король,
Сподобляется животъ,
Встаетъ въ утряхъ,
Раненько, ранешенько,
Утирается бѣленько,
Бѣлешенько,

Трется платочкомъ,
Бѣлымъ полотенцемъ,
Взявъ въ руки полотенцы,
На войну пошелъ,
Дѣвицъ смотрѣть,
Красныхъ примѣчать:
Котора же мила,
Котора дорога,
(имя) мила,
(отчество) дорога.

71.

Въ первой день понедѣльникъ,
Развеселый день во вторникъ,
Сива, сива середа свѣтъ,
Полевое въ четвертокъ,
Соловая была пятница,
Въ субботу во коверъ, во коверъ,
Въ воскренье выводилъ, выводилъ.
Красна дѣвка горожаночка,
Въ городу дѣвка родилася,
Во посадѣ была взрощеная,
Пряниками она выкормленая,
Въ деревеньку въ замужъ выданная,
За хрестьянина богатаго,
За дѣтину тароватаго,
За (имя рекъ)

72.

Подлѣ рѣчьку, подлѣ мостикъ,
Трава росла муравая,
Муровая, шелковая.
Ужъ я въ три косы косила,
Ради дружка, ради гостя дорогаго,
Ради своего милаго, любезнаго.
Ты поѣдешь, моя радость,
Другъ жениться
Не на душечкѣ, на красной на дѣвицѣ,
На злощастной на вдовицѣ.
Какъ поѣдешь другъ жениться,
Приворачивай проститься,
Если ты не приворотишь
Другъ проститься,
Черезъ рѣченьку поѣдешь,
Другъ потонешъ,
Черезъ быструю поѣдешь
Обернешься,
Обернешься моя
Захлебнешься,
Что тогда меня м.
Какова я молодеш
По утру ранымъ
На плечики салоп
На головушку пл
На босу ногу баш
Я скорѣ того на
Черезъ рѣченьку
Черезъ быструю г
Чтобы ты мой ми
Догадался, вороти

Дѣтинушко, сирот
Кудряватая голов
Кудряватая, глад
Ты зачѣмъ поздно
Сиротиной называ
Кто-бы, кто-бы с
Кто-бы, кто-бы,
Сиротинушку дру
Сиротинушкѣ руб
Тонку бѣленьку
Дружку милому г
Что на свѣтѣ мой
Сиротину на кров
Сама-жъ лягу во
Сиротинкѣ много
Животу, сердцу х
Сиротинкѣ Богъ
Сиротинка сталъ
Сталъ на дѣвуше
Сталъ по плечик
Что котора дѣвка
Стала у той дѣви
Что котора румя
Всегда молодцу р
Что котора дѣвка
То дѣвка молодц
Что котора покол
Вы берите-тко ту

Соловей мой, сол
Сизокрылый, мол
Чернобровый, вес

Соловей гнѣзда не вей
Край дорожки, край пути,
На ракитовомъ кусту,
На малиновомъ листу.
Кабы кустышекъ не милъ,
Соловей гнѣзда не вилъ,
Малыхъ дѣтокъ не плодилъ;
Кабы дѣвка не мила,
Не любилъ-бы я тебя,
Цѣловалъ и миловалъ,
Колечушкомъ подарилъ,
Серебряно колечко,
Перчатное сердечко,
Съ подзолотой перстенекъ,
Сушитъ крушитъ дружепекъ.
У меня-ли у младой,
Три забавы великихъ,
Есть три ленты широки:
Перва лента алая,
Безпечальна малая,
Втора лента вишная,
Прошла слава лишная,
Третья лента со кистьми,
Идетъ милый со вѣстьми.

По мосту мосточку, по калиновому,
По калинову мосточку, по малиновому,
Тутъ и шелъ, прошелъ дѣтина,
Голубой на ёмъ кафтанъ,
Изъ семи шелковъ кушакъ,
Да опоясался не такъ,
Золотымъ кистьемъ назадъ,
Полы машутся,
Разкамзетовый кушакъ,
Раздувается на ёмъ.
Шиты-бранныя манжеты
Накрахмалены стоятъ,
Кругъ шеички платокъ,
Словно аленькій цвѣтокъ,
Во карманчикѣ второй,
Вотольянскій голубой,
Въ правой рукѣ тросточка камышевая,
Вокругъ тросточки ленточка пакетовая,
Молодецъ тростьемъ подпирается,
Пакетовой лентой похваляется:
Эта лента, эта лента,
Эта ленточка ала,
Да мнѣ сударыня дала.
Не ты-ль меня сударушка повысушила,
Повысушила, повыкрушила,
Спустила сухоту по моему животу,
Разсѣяла печаль, по моимъ яснымъ очамъ,
Заставила сударыня гулять по ночамъ,
Что ночамъ, ночамъ, ночамъ,
Да по позднимъ вечерамъ,
Приневолила сударыня гостинички носить,
Гостинички сладки, прянички.

В. СВАДЕБНЫЯ.

1. Невѣстѣ.

Изъ за-лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго, дремучаго,
Тутъ летаетъ стадо сѣрыхъ гусей,
Сѣрыхъ, маленькихъ утицъ,
Какъ второе бѣлыхъ лебедей.
Неумѣла лебедушка
По мелкимъ ручьямъ да плавати,
По гусиному да кикати,
Лебединымъ тонкимъ голосомъ;
Еще начали сѣры гуси
Какъ бѣлу-то лебедь щипати,
Чго бѣла-то лебедь кикати:
Не щиплите вы сѣры гуси,
Сѣры маленькія утицы,
Не сама я къ вамъ залетала,
Не своею я охотою,
Злой великою неволею,
Занесли да вѣтры буйные,
Злы погодушки великія:
Не умѣла (имя невѣсты)
На головушкѣ управити.
Злой свекровушки уладити,
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители,
Журить, бранить (невѣсту);
Какъ дѣвица стала плакати:
Не журите вы, чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я къ вамъ во дворъ пришла,

Что завелъ меня самъ младъ князь,
На своихъ онъ добрыхъ коняхъ,
На добрыхъ, на ступчивыхъ,

2. Жениху.

Что сказали не грозенъ (женихъ),
Что сказали не страшенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, немилостивъ,
Что гроза его великая,
Красота его неизрѣченная.
Онъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
Онъ ходилъ, гулялъ по широкой;
Заходилъ онъ ко тестю во дворъ,
Что ко тещѣ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во горницу,
Во горницу за завѣсу
Души красной дѣвицы,
Ко княгинѣ первобрачной,
Ко невѣстѣ нареченной;
Бралъ ее за правую за руку,
Прижималъ рука о руку,
Поломалъ у ей злачень перстень,
Съ дорогой модной ставочкой.
Тутъ дѣвица испужалася,
Душа красна перепалася:
Ужъ я какъ скажу батюшку,
Ужъ я какъ скажу матушкѣ?
Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
Ужъ ты такъ скажи матушкѣ, —
Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтанъ,
Чтобы ему не дологъ былъ,
Чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбистый,
По серѣдкѣ пережимистый,
По подпазушкамъ перехватистый,
Чтобы онъ легко на коничка скакалъ,
Хорошенько разъѣзживалъ.

3. Когда отдаютъ невѣсту на чужую сторону.

Что ты, что ты сине море
Стоишь, не колыблешся?
Что ты, что ты березонька,
Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты красна дѣвица (невѣста),
Сидишь, не разсмѣхнешься?
Мнѣ чему-же разсмѣяться,
Мнѣ чему же радоваться.
Мнѣ ночесь молодешенькой,
Мнѣ ночесь мало спалося,
Мало спалось, во снѣ видѣлось,
Что на нашей улицѣ,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромина,
Есть пустая, не крытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отецъ мать отступилися,
Родъ племя отказалися.
Вы, подружечки голубушки,
Посудите, пожалуйте,
Если вы не присудите,
Я сама знаю, вѣдаю.
Молода я догодалася,
Что пустая хоромина,
Чужа дальная сторона,
Что пустая некрытая,—
Злодѣйка незнакомая,
Углы прочь отвалилися,—
Богоданные родители,
По бревну раскатилися,—
То чужи незнакомые;
По полу ходитъ гусыня,—
То свекровушка матушка,
На печи то котище лежитъ
Богоданный свекоръ батюшка,
Что по лавочкамъ ласточки,—
То деверьина братьица,
По окошечкамъ то голуби,—
То голубушки сестрицы,
А во горницѣ ясенъ соколъ,—
То мой богосужсенный.

4.

Что не павушка по двору ходила,
Не павины сизы перьи ронила.
Что (имя невѣсты) по горницѣ ходила,
Что (отчество) по свѣтлой гуляла,
Ко стекляннному шкапу да подходила,
Со нѣмецкимъ замкомъ да говорила:

Ты нѣмецкій замокъ да отоприся,
Кипарисная двѣрь да отворися,
Отецъ матушка да пробудитеся,
Ты сударыня моя да разбудися,
Мнѣ не вѣкъ же да у васъ вѣковать,
Мнѣ не годъ же да у васъ годовать.
Не весну-то у васъ да весновать,
Не лѣто у васъ да лѣтовать,
Мнѣ не осень у васъ да снаряжатися,
Не зиму у васъ да проклажатися,
Одну ноченьку осталось ночевати;
Ужъ я какъ-же ей буду коротати,
Ужъ не стоя-ли ей да простояти,
Ужъ не сидя-ли ей да просидѣти,
Ужъ не стать-ли да Богу помолитися,
Съ отцомъ матушкой думу думати,
Съ подружечками да рѣчь говорити.

5.

Во саду, саду
Да эхи *).
Во зеленомъ во саду
Что подъ яблонью кровать,
Подъ кудрявой тесова,
На кровати перина,
На перинѣ зголовье,
На зголовьи молодецъ.
(Такой-то).
Еще около его,
Слуги вѣрные его.
Они ходятъ вкругъ него.
Обуваютъ, разуваютъ,
Распоясываютъ,
Спать укладываютъ,
Уговариваютъ:
Ужъ ты спи-тко спи (имя),
Спи (отчество) сударь,
Скоро часъ ночи прошелъ,
Скороходъ скоро пришелъ,
Скору вѣсточку принесъ,
Вѣсть не радостную.
Шелъ изъ-за моря корабь,
Съ чистымъ серебромъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Съ скатнымъ жемчугомъ,
Съ красной дѣвицей душой.

*) Послѣ каждаго стиха.

Не могу я братцы встать,
Голова моя болитъ,
Кругъ сердечушка щемитъ,
Глаза не глядятъ,
Уста не говорятъ,
Резвы ноги не несутъ,
Бѣлы руки не берутъ.

6.

Если нѣтъ у невѣсты родныхъ.

Много, много у сыра дуба,
Много, много вѣтвей и повѣтвей,
Много листу зеленаго
Только нѣтъ у сыра дуба
Золотой вершинки, позолоченой маковки,
Много, много у (имя рекъ) роду, племени,
Ближнихъ родителей, Больше милыхъ подружечекъ,
Порядовыхъ сусѣдушекъ,
Только нѣтъ у (имя рекъ),
Нѣтъ родителя батюшки,
Родительницы матушки.
При нонешнемъ времени
При сегодняшнемъ вечерѣ
Спорядить то младу не кому,
Благословить то некому,
Благословляетъ молодешенку
Воспріемный крёстный батюшко,
Споряжаетъ молодешеньку
Воспріемна крёстна матушка,
Выводилъ молодешеньку
Родимый братлеко,
Становилъ молодешеньку
До спорядна дубова стола,
Отдавалъ молодешеньку
(Имя) на руки,
(Отчество) на вѣки.

7.

На горы на высокой,
На красы на великой
Что построенъ храмъ божій,
Что въ томъ храму божьемъ
Два отрока вѣнчаются
Молодецъ со дѣвицей
(женихъ съ невѣстой).
Говорила, спромолвила

Красная дѣвица:
Ужъ ты свашенька,
Воспріемна хрёсна матушка,
Попроси государя батюшку
Обо мнѣ молодешенькой,
Спорядилъ бы ладнешенько,
Спроводилъ бы хорошешенько
Онъ меня молодешеньку
Въ послѣдній разъ, въ остаточный,

8.

Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ большемъ вечерѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На стулѣ красна дерева,
На подушкѣ шита бархата,
Противъ зеркала хрустальнаго
Противъ чистаго заморскаго
Чесалъ кудри (имя рекъ),
Расчесывалъ русы,
На расчесъ кудри раскладывалъ:
Ужъ вы кудри, вы кудри мои,
Золоты кудри, серебряныя,
Черезъ волосъ позолоченыя.
Онъ дѣвицу (имя рекъ) заставливалъ,
Красавицѣ приказывалъ:
Ты дѣвица, завей мои кудри
Сквозь серебряно колечушко,
Золотымъ веретешечкомъ.
Я не ваша сударь служечка,
Я не васъ же сударь слушаю,

9.

Течетъ винная рѣченька,
Сахарная источинка,
По сахару рѣка текла
По изюму разливалася,
Далеко рѣка во садъ прошла,
Не далече во зеленый протекла,
До родителя до батюшки,
До родительницы матушки.
У родителя у батюшка, (имя рекъ)
Было умное дитятко,
Было умное разумное,
Было тихое смиреное.
Оно ходило, похаживало,
Гуляло погуливало,
По высокимъ новымъ горницамъ,
Изъ горницы въ шатеръ взошло
Къ удалому добру молодцу:
Она будила пробуживала:
Ужи ты встань душа, умный мой,
Я пришла къ вамъ, ни пить, ни ѣсть,
Я не чаю, кофею кушивати,
Я пришла къ вамъ разгулятися,
Во игры играть, во шахматы;
Обыграла красна дѣвица душа,
Удалого добра молодца,
Проигрался удалой молодецъ,—
Со правой руки злаченъ перстень
Съ дорогою модной ставочкой,
Со финистыма заморскими,
Со работою Московскою,
Съ подзолотой Ярославскою.
Обыгралъ и ей удалой молодецъ,
Проигралася красна дѣвица душа,
Удалому добру молодцу,
Проиграла свою вольну волюшку,
Свою буйную головушку,
Со головки кунью шапочку,
Хазъ повязку красна золота,
Со присадкой скатни жемчуга.

10.

Холостымъ гостямъ.

У воротъ верею̀шки,
У широкихъ точены,
Точены, золочены.
Не сами становилися,
Становили плотнички,
Плотнички работнички,
Мастера корабельные,
Стружечки заморскіе,
Топоры литовскіе.
У молодца (имя) то кудри,
(Отчество) то русые.
Не сами кудри вились,
Не сами завивались;
Завивала маменька,
На колѣняхъ держала,
Тремя мылами вымыла,
Приговоръ говорила:

Ты расти, расти чадо,
Расти сынъ мой любезный!
Будь уменъ и разуменъ,
Ко дѣвицамъ приглядѣнъ,
Ко невѣстамъ счастливъ.

11.

Вдовамъ.

Чья это нива,
Нива безъ огорода?
Чей это высокъ теремъ,
Теремъ верхъ непокрытый?
Чьи это новы сѣни,
Сѣни безъ потолоку?
Чья это кунья шуба,
Шуба безъ паволоки?
Чья это бѣдна вдова,
Чьи это малы дѣти?
Сговорила, спромолвила (имя рекъ):
Моя это нива,
Нива безъ огороды,
Мой это высокъ теремъ,
Теремъ верхъ непокрытый,
То мои новы сѣни,
Сѣни безъ потолоку,
Это я бѣдна вдова,
Млада овдовѣла,
То мои малы дѣти,
Отъ отца малы остались.

12.

Женатымъ.

Что по сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходинкамъ,
Тутъ ходила, гуляла младая боярыня,
Младая боярыня (такая-то).
Она на блюдечкахъ носила
Два яхонта шарчатыихъ,
Два алмазные запона,
Приговоръ говорила:
Ужъ вы яфонты, яфонты,
Два алмазные запона!
Полежите малешенько,
Пока я малодешенька
Я зайду въ нову горницу
Къ своему другу милому,
Ко пріятелю сердечному.
Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ,
За столами за дубовыми
За скатертями перчатными,
Что за кушаньемъ сахарнымъ
За питьемъ за наливчатымъ?
Онъ сидитъ забавляется,
Онъ женой похваляется;
У меня жена умная,
У меня жена разумная;
Она ходитъ тихошенько,
Говоритъ по малешеньку,
У ней походка павлиная,
Тиха рѣчь лебединая. —

13. Новобрачнымъ.

Во горницѣ во новой,
Во свѣтлой столовой,
Стоятъ столы дубовы,
На столахъ ковры шелковы,
На коврахъ чара золота,
Полна меду налита,
Полна сладкаго, полна.
Еще кто эту чару наливалъ,
Кто златую дополнялъ?
Наливалъ чару (имя),
Дополнялъ злату (отчество),
По горницѣ проходилъ,
По свѣтлой проступалъ,
До умной доходилъ,
До разумной доносилъ,
До (имя и отчество):
Прими чару отъ меня,
Выпей (отчество) душа,
Золотую всю до дна,
Спороди сына сокола,
Станомъ возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ лицемъ, другъ, въ меня,
Брови черна соболя,
Очи ясны сокола.
По горницы проходилъ,
По свѣтлой проступалъ,
До умной доносилъ,
Выпей чару отъ меня,
Золотую всю до дна,
Спороди дочерь бѣлу лебедь,
Станомъ возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ лицемъ, другъ, въ себя,

Брови черна соболя,
Очи ясны сокола.

14. Когда женихъ приходитъ на вечеринку.

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Долго, долго ясенъ не бывалъ,
Видно соколъ на горы леталъ,
Видно ясенъ высоко леталъ.
Долго, долго (имрекъ) не бывалъ,
Видно молодецъ въ Москву уѣзжалъ,
Какъ теперича противъ тестева двора,
Противъ тестева высока терема,
Воткнулъ копьемъ широки ворота,
Разнесъ ворота среди широка двора,
Среди двора батюшкова.
Ужъ мы по двору похаживали,
Нянюшки, мамушки погуливали,
Ужъ вы нянюшки, мамушки,
Вы (имрекъ) подруженьки,
Сбѣгайте спровѣдайте.
Ужъ и спитъ ли, не спитъ,
(Имя и отчество жениха)?
Я ночесь молода,
Во всю ночь не спала,
Все его прождала,
Все уборъ рядила,
Я коверъ вышила,
На коня-то уборъ,
То коню красота,
На санях-то коверъ,
Молодцу похвальба,—
Подъ ковромъ молодецъ,
Цѣпы ему нѣтъ.

15. Женатымъ.

Дымно, дымно въ полѣ,
Чадно, чадно въ чистомъ (припѣвъ).
У (имрекъ) дворъ,
Были трои ворота,
Во первые соколъ пролеталъ,
Во вторые скору ногу прогналъ,
Въ третьи самъ (имрекъ) проѣзжалъ,
Выходила (жена его) на крыльцо,
Махала тонкимъ бѣлымъ полотномъ:
Воротись душа назадъ,
Тебѣ радость скажу,
Тебѣ сына рожу.
Я для сына своего,
Не ворочаюсь назадъ,
Еще сынъ-отъ у меня,
Завсегда будетъ въ дому.
Воротись душа назадъ,
Тебѣ радость скажу,
Тебѣ дочи рожу.—
Я для дочери своей,
Ворочусь душа назадъ,
Еще дочи у меня,
Честна гостьюшка въ дому.
Тебѣ сына рожу.

16.

Ужъ по мосту, мосту
Да рай, рай, рай (припѣвъ),
По калиновому,
Тутъ бѣжала карета,
Карета золотая,
Пара коней вороныхъ,
Уздила были, да золотые,
Кучера были лакеи молодые,
Что на кучерахъ кафтаны голубые.
Что во этой во каретѣ,
Что во этой золотой,
Тутъ сидитъ, душа дѣвица,
Тутъ дѣвица заручена,
Княгиня первобрачна,
(Имя и отчество невѣсты);
Она жалобно плачетъ,
Жалобно причитаетъ,
Свою волю вспоминаетъ,
Свою вольную волю,
Свою нѣжную нѣгу:
Я у батюшки во воли,
Я у матушки во нѣгѣ,
Я у братцей во снарядѣ,
Я у сестрицей во прохладѣ.
Мимо ту, мимо карету,
Мимо ту золотую,
Не соколъ пролетаетъ,
Не ясенъ пролетаетъ,
Молодецъ (имрекъ) проѣзжаетъ,
Ко кареты припадаетъ,
Онъ дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь душа-дѣвица,
Ты княгиня первобрачна,

Невѣста заручена,
Я изъ воли везу въ волю,
Я изъ нѣги везу въ нѣгу,
Изъ прохлады во прохладу,
Изъ снаряды во снаряду,
Изъ веселья во веселье.

17.

Свѣтъ, наша обманщица,
Зла велика подговорщица,
Намъ сказала (невѣста):
Я сего года въ замужъ не иду,
Я на новый годъ не думаю идти,
Я пойду млада во келейку,
Постригуся я во старицы,
Ужъ я васъ молодыхъ подружичекъ
Я къ себѣ возьму въ клюшницы,
Я во клюшницы, въ сундушницы.
Ужъ какъ нонича, теперича,
Пошла, пошла (имрекъ)
Не за князя, не за боярина,
Не за гостя торговаго,
Не за купца здѣшняго города,
Не за хрестьянина богатаго,—
За молодца тароватаго.
Ты на что душа прельстилася,
На орѣшки ли, на прянички,
На изюмны, сладки яблочки?
Я прельстилась, красна дѣвица-душа,
На дородна добра молодца,
На его же на русы кудри.

18.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Воротечки отпиралися,
Веречки пошаталися.
Она только услышала,
Какъ бояра на дворъ взъѣхали,
Она только увидѣла,
Что (имя же) вступилъ въ горницу,
(Отчество) въ свѣтлую,
Она тутъ испужалася,
Она тутъ перепалася,
Подломились ножки рѣзвыя,
Опустились руки бѣлыя,
Помутились очи ясныя,
Прокатились горючи слезы изъ глазъ,
Во слезахъ слово молвила,
Въ возрыданьи рѣчь говорила:
Вотъ идетъ раззоритель мой,
Вотъ идетъ погубитель мой,
Вотъ идетъ расплести косу;
Вотъ идетъ отнять волю.
Ужъ не я же раззоритель твой,
Ужъ не я же погубитель твой,
Раззоритель твой батюшка,
Погубительница матушка;
Отнимали волю друженьки.

19.

Что не павушка пава,
Не павино перье ронило,
Не куна жалобилась,
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому:
Ужъ ты братъ, братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Попроси сударь, братецъ мой!
Ты родимаго батюшку,
Ты родимую матушку,
Зачѣмъ рано воскручинилась
На меня молодешеньку,
На мою же буйну голову,
На дорогую дѣвью красоту,
На повязку красна золота,
Съ присадкой скатна жемчуга?
Ты сестрица родимая,
Не клади судьбу, жалобу
Что на брата на родимаго,
Ты клади судьбу жалобу,
На злодѣйку сватью большую,
На большую, лукавую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю седьмиглавую;
Она ходила, похаживала,
Не путемъ, не дорогою,
Хоботами змѣиными,
Тропами собачьими,
Она хвалила, нахваливала,
Богоданнымъ-то родителямъ;
Богоданны то родители,
Они добры были, ласковы,
Они ласковы, пріятливы.
Ужъ какъ нонича, теперича,
Богоданны-то родители,

Недобры они, неласковы,
Неласковы, непріятливы.
Чтобы тебѣ сватьюшкѣ,
Тебѣ пивомъ-то запитися,
Калачемъ задавитися,
Отъ насъ бы те уѣхати,
Домой бы не доѣхати,
Въ лѣсу бы заблудитися,
Сѣрымъ волкомъ навытися,
Бѣлымъ зайкомъ наскакатися.
Чтобы тебѣ сватьюшкѣ,
Во печь бы провалитися,
Тебѣ щами обварится.

20.

Вился хмѣль въ огородѣ,
Ищетъ хмѣль пространства.
У (имя рекъ) домъ пространенъ,
Горницы были большія,
Подволы широкіе,
Окошечки частыя,
Околенки свѣтлыя,
Малы дѣточки игривые,
Ховяюшка веселая,
Будто куколка увитая.
Наливаетъ чару золотую,
Поитъ гостей до пьяна,
Чтобы вси пьяны напились,
Домой бы поѣхали.
У чужихъ воротъ колотилися,
Къ намъ бы воротилися,
Это намъ было бы честно,
Честно было, не безчестно.

21.

Хитёръ, мудёръ первобрачный князь,
Хитряй, мудряй его не было;
Онъ ходилъ въ торги, да закупалъ шолки,
Закупалъ шолки, да разноличные,
Разноличные шолки, да шамаханскіе.
Онъ плёлъ съ шолковъ колыбелюшку себѣ,
Онъ вѣситъ колыбелюшку на улицу,
На улицу, да на широкую,
На дорожечку, да на проѣзжую.
На проѣзжую дорожку противъ тестева двора,
Противъ тестева двора, высока терема,
Противъ суженыя предъ окошечко.
Противъ ряженыя предъ косячатое.
Садился Иванъ въ колыбелюшку себѣ,
Садился Ивановичъ, онъ самъ говорилъ,
Самъ говорилъ таковы словеса:
«Ой вы всѣ друзья, всѣ товарищи мои,
Двѣ друженьки, двѣ хоробрые,
Два молодца, два отобраные,
Два брателка, да два названые,
Два щоголя жаравовскіе:
Подите-ко сюда да поскорешенько,
Раскачайтя колыбель мою порыше всѣхъ,
Чтобы видѣть мнѣ подальше всѣхъ.»
Еще что же моя суженая посуживаетъ,
Еще что же моя ряженая поряживаетъ;
Она золотомъ шьетъ, жемчугомъ нижетъ,
Съ руки на руку колечко перебрасываетъ,
Сама кольцу приговариваетъ:
Водою-ли, водою-ли ко двору пришла,
Павою-ли, павою-ли я во дворъ зашла.
Я на лѣсенку взлетѣла перепелышкой,
По сѣнямъ шла красной дѣвицею,
Въ нову горницу зашла молодицею,
Ко свекру батюшку пришла я невѣстушкой,
Ко свекрови матушки пришла я служаночкой,
Я ко мужу-то пришла молодой женой,
Я ко всей семьи пришла слугой вѣрною.

22.

Катилáся карета
Рáю, рáю, рáю *),
Что карета золотая
Пара коней—вороные,
Кучера молодые;
Мимо ту ли карету,
Соколъ пролетаетъ,
Не ясенъ просвитаетъ,
Ко кореты припадаетъ,
Княгиню утѣшаетъ,
Первобрачну утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь княгиня,
Не тужи первобрачна,
Я изъ воли везу въ волю,
Изъ гулянья въ гулянье,
Изъ прохлады въ прохладу.
Княгиня отвѣчаетъ,
Первобрачна отвѣчаетъ:

*) Этотъ варіантъ къ № 16 записанъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.

Еще чортъ будетъ неволя,
И въ Святой — негулянье.
Что будетъ воля:
По утру рано вставати,
Печка топити,
Да каша варити,
Всю семью кормити,
Свекра да свекровку,
Деверя, золовку,
Да пятаго мужа.
Еще гдѣ воля дѣвалась,
Гдѣ утерялась,
Въ лугу-ль загулялась,
Въ лѣсахъ ли заблудилась?

23.

Въ ожиданіи жениха на смотрѣнье *)

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Долго, долго ясенъ не бывалъ;
Вѣрно соколъ за горы улетѣлъ,
За высоки ускакалъ.
Какъ сказали, Иванъ зелена вина не пьетъ,
Какъ сказали, Иванычъ въ ротъ не беретъ?
Еще мало по мало вѣсть на дворъ,
Вѣсть на дворъ, вѣсть не радошна
Къ тестю батюшку, да къ тёщѣ матушкѣ.
Еще вашъ-то Иванъ въ царевѣ кабакѣ,
Зелено вино пьетъ, безъ просыпу спитъ, не пробудитце.
Мало по мало втора вѣсть на дворъ,
Вѣсть на дворъ, вѣсть та радошна
Ѣдетъ Иванъ съ каменной Москвы
Ѣдетъ онъ съ славной ярмарки;
Еще конь подъ нимъ полтораста рублевъ,
Уборъ на кони пятьдесятъ рублевъ,
Коверъ на саняхъ-то другіе пятьдесятъ,
Молодецъ на саняхъ, то цѣны ему нѣтъ.
Въ правой руки плёточка шолковая,
Во лѣвой руки копье, двадцать пять рублевъ дано
Заѣхалъ Иванъ средь широка двора,
Средь двора середь батюшкова.
Онъ ткнулъ копьемъ въ широкіе ворота,
Онъ отнесъ ворота средь широка двора.
Онъ скрычалъ, скрычалъ громкимъ голосомъ своимъ:
Вы хорошія побойскія дѣвушки,
Вы хорошія побойскія молодушки,
Вы сбѣгайте, попровѣдайте,—
Еще спитъ ли, нѣтъ Анна моя?
Ежели спитъ, не будите вы ей,
Ежели не спитъ, посылайте сюда.
Горазна Анна отвѣтъ держать,
Горазна Анна отщалкивати:
Ужъ я сплю, не сплю и къ нему нейду,
Право Иванъ всю ночь не спала,
Все уборы рядила, коверъ вышила,
Этотъ уборъ-то коню красота,
Этотъ коверъ, молодцу похвальба,
Молодцу похвальба, людямъ завидость.

24.

По пріѣздѣ невѣсты отъ вѣнца *).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Лѣтитъ стадо сѣрыхъ гусей,
Что второе бѣлыхъ лебедей.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебедушка,
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣла лебедушка,
По мелкимъ ручьямъ плавати,
По гусиному кикати;
Начали гуси щипати,
Бѣла лебедь стала кикати,
Не щиплите вы, сѣрые гуси,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Злой великою невзгодою;
Завезли меня добры кони,
Добры кони Михайловы,
Наступчивы Ивановичевы.

Г. ВИНОГРАДЬЕ **)

I.

Для женатыхъ.

Мы ходили, мы гуляли,
По Мезени городу,
Мы ходили, мы искали,
Господиновъ дворъ,

*) Варіантъ въ № 14, записанный также въ Куройско-Сергіевскомъ приходѣ.

*) Варіантъ къ № 1 записанный въ Куройско-Сергіевскомъ приходѣ.

**) Припѣвъ: виноградье красно-зелено.

Господиновъ дворъ,
На семидесяти столбахъ;
Что на каждомъ столбушкѣ,
По свѣчкѣ горитъ,
Что на каждой на свѣчкѣ,
По жемчужинкѣ.
Повелижъ, сударь хозяинъ,
Ко твому двору прійти,
На красно крыльцо взойти,
По новымъ сѣнямъ пройти,
Въ свѣтлу свѣтлицу взойти,
Противъ матицы встати,
Виноградье спѣти.
Что во далечемъ далечѣ, въ чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ, да на украинкѣ,
Тутъ стоялаль яблонь кудреватая,
Что подъ той ли же подъ яблонью кудреватою,
Испостроена кроватка слоновыхъ костей, зубья рыбьяго,
Ножки точеныя, позолоченыя,
На кроваткѣ периночка пуховая лежитъ,
Зголовьице косещатое,
На зголовьицѣ подушечка пуховая лежитъ,
Наволочки тафтяныя,
На перины одѣяло черныхъ соболей лежитъ,
Опочивъ держитъ (такой-то) господинъ,
Онъ съ своей, со душой, со (такой-то) госпожей,
Про межъ ними катается злаченъ перстень,
Дума крѣпкая, слово тайное,
Слово тайное, необъявное.
Они думали думу заединую,
Ясна сокола сряжали,
По поднебесью пущали,
Черновыжлака сряжали,
Во темны лѣса спущали.
Черенъ корабль сряжали,
Во сине море спущали,
Черновыжлакъ-то бѣжитъ,
Онъ куницъ, лисицъ тащитъ,—
Это моей госпожѣ, на кунью шубу;
Какъ ясенъ соколъ летитъ,—
Лебедь бѣлую тащитъ,
Это мосму хозяину, на почестенъ столъ,
На возрушанье, на во вкушанье;
Какъ черенъ корабь бѣжитъ,
Животa много тащитъ,—
Это моему хозяину, на житье бытье, на богатство.
Хозяинъ во дому, какъ Адамъ во раю,
Хозяюшка въ дому, какъ аладейка въ меду,
Малы дѣточки въ дому, какъ пряженчики въ меду
За тѣмъ, здравствуешь хозяинъ,
Всему дому господинъ,
Со любезными гостями,
Хоть бы съ нами молодцами,
Хозяинушко, нашъ батюшко,
Ты раздѣлайся добромъ,
Принеси вина ведромъ,
Намъ по рюмочкѣ винца,
По стаканчику пивца,
На закуску калачка.
(На забаву дѣвицу,—припѣваютъ нѣкоторые).

2.

Для холостыхъ.

Во соборѣ у Михаила Архангела
Зазвонили часто раннюю заутреню Рождественскую,
Ото сну ли молодецъ (такой-то) просыпается,
Со великоя хмѣлины пробужается.
Онъ встаетъ молодецъ со кровати сотесовы,
Со перины со пуховы,
Во софьянныя сапожки обувается,
Ключевой свѣжей водой умывается,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирается,
Въ кунью шубу да одѣвается.
Надѣваетъ на главу да черну шляпу пухову.
Что пошелъ, то пошелъ добрый молодецъ да Божью церковь.
Тамъ вставаетъ молодецъ на правую на руку,
Да ко правому крылосу.
Онъ и крестъ-отъ кладетъ да по писанному,
Онъ поклонъ-отъ ведетъ да по ученому
Отъ желанья богомолецъ Богу молится,
На всѣ стороны четыре покланяется.
Въ три ряды тутъ завивались кудри молодца:
Во первой разъ завивались чистымъ серебромъ,
Во второй разъ завивались краснымъ золотомъ
Во третей разъ завивались скатнымъ жемчугомъ
Вси бояра и купцы сдивовали молодцу:
Не заря ли добра молодца спородила,
Что не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ вспоилъ, вскормилъ
Не часты ли ярки звѣздки звозсіяли молодца?
Ужъ вы глуные бояра, неразумы христіане!

Ужъ какъ бы то заря спородила молодца,
Ужъ какъ бы то часты звѣзды снарядили молодца?
Спородила молодца родна матушка (имя),
Воспоилъ вскормилъ роденъ батюшка (имя),
Снарядила молодца красна дѣвица (имя),
Знать те молодцу жениться пора,
На хорошей, на пригожей, красной дѣвицѣ-душѣ (такой-то).
Намъ не дорого ни злато, ни серебро,
Дорога наша любовь молодецкая:
Злато серебро минуется,
Молодецкая любовь да не забудется,
Хоть забудется, да воспомянется.
Затѣмъ здравствуешь, хозяинъ
(и т. д. какъ въ предъидущей пѣснѣ).

3.

Для дѣвушекъ.

Во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ по украинкѣ, на приталинкѣ,
На крутомъ бережку, на желтомъ песку,
Тамъ стоялъ, постоялъ бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Бѣлъ полотняный шатеръ, столы дубовые,
Столы дубовые, ножки точеныя, позолоченыя,
Что за этимъ за столомъ сидитъ красна дѣвица душа (имя).
Во рукахъ она держитъ тонко бѣло полотно о четырехъ углахъ,
Первый уголъ вышивала: свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
Второй уголъ вышивала: красно солнце съ маревами,
Третій уголъ вышивала: круты горы со лѣсами,
Со лѣсными со звѣрями,
Четвертый уголъ вышивала: сине море съ кораблями,
Со бѣлыми парусами, со алыми со флагами,
Съ удалыми молодцами,
Въ серединѣ вышивала всю Россію со людями,
Со божьими со церквами,
Со попами, со дьяками, со причетниками,
Съ отцемъ съ матушкою.
На той стороны, на крутомъ берегу,
Тутъ и шелъ-то прошелъ удалой молодецъ (такой-то);
Онъ куницами, лисицами обвѣшался,
Онъ чернымъ бобромъ опоясался,
Вострымъ копьемъ подпирается,
Небылыми онъ рѣчами похваляется:
Ужъ я былъ бы и былъ на той стороны,
На той стороны, на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу, на желтомъ песку,
Разбилъ бы, разнесъ бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Ужъ я вывелъ бы, вывелъ красну дѣвицу душу,
Ужъ я вывелъ бы, вывелъ за правую руку,
Я повелъ бы, повелъ во божью церковь,
Я принялъ бы принялъ законъ божій-отъ.
(Окончанье такое же какъ въ предъидущихъ пѣсняхъ).

Д. РОЖДЕСТВЕНСКІЕ СТИХИ *)

1.

Днесь пресвѣтлая
Небу и земли царица,
Христа царя рождаетъ,
И млекомъ его питаетъ,
Пеленами увиваетъ,
Въ ясли полагаетъ
Звѣзда пути являетъ,
Надъ вертепомъ сіяетъ;
Волсви же пониже
Христу царю пріидоша,
Трои дары принесоша:
Злато, ливанъ, смирную,
Вещь предивную.

2.

Достойно есть удивленія,
Духовнаго веселія,
Нынѣ звѣзда явися,
На востокѣ остановися,
Паче свѣтъ свѣту произвѣщаетъ,
Бога нашего на земли являетъ,
Тако дождь нарушніетъ,
Тако смиренно Господь на землѣ пріидетъ,
Отъ пречистыя Дѣвы Маріи,
Родися яко младенецъ
Пеленами повиванъ,
Горніе дивятся,
Земные о томъ веселятся,
Вкупѣ возрадуются.

*) Поются дѣтьми, которые ходятъ на Рождествѣ со звѣздою. Печатаемые здѣсь стихи, по замѣчанію записавшаго, лучшіе изъ слышанныхъ имъ; есть такіе, въ которыхъ никакого смысла.

3.

Днесь Христово рожденіе,
Веселимся здѣсь,
Благодати есть.
Хвалу Богу начнемъ пѣть.
Въ полу на землѣ звѣзда,
Ангели пастыри
Возвѣстили нарожденнаго,
Бога нашего,
Царь же Иродъ,
Во всемъ мірѣ,
Мирѣ намъ явися,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи
Надъ вертепи родися.
Во всемъ мірѣ,
Младенцей побили,
Били, сѣкли, ругали,
Лежитъ тако воронковъ,
На поляхъ снопковъ,
Маткамъ ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Мира мируютъ,
Жалостны матки,
Соболи дѣтки.

4.

Новая радость,
Во всемъ мірѣ,
Мірѣ намъ явися,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи,
На земли родися,
Дайте, воспѣвайте,
Возыграйте,
Дай Богъ вамъ,
Вамъ господамъ
Господиновымъ женамъ,
Скупно здраствовати,
Виватъ, виватъ,
Многая лѣта.—

Е. ПРИЧИТАНЬЯ.

1.

На могилѣ.

Я иду бѣдна—злосчастна,
На крѣпкое домовище,
Ко родителю ко матушкѣ,
Катеринѣ-то Ивановнѣ.
Расколися мать сыра земля,
Откройся гробова доска,
Раскинься саванъ бѣлой,
Росчепитесь руки бѣлы,
Отъ ретиваго отъ сердечка,
Взгляните очи ясны,
На меня бѣдну злосчастну,
Проговорите уста сахарны,
Со мной бѣдной злосчастной.
Немогла бѣдна злосчастна,
Не упросить, не умолить,
Закатилось солнце красно,
За круты горы высоки
И за лѣса дремучи.
Не освѣтитъ мѣсяцъ ясный,
Да не обогрѣетъ солнце красно,
Не проговоритъ родитель
Со мной бѣдною злосчастной.
Вѣрно съ той пути дороженьки
Нѣтъ ни вѣсти, ни павѣсти,
Ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни скорописчатой-то грамотки.

2.

Въ домѣ.

Родитель мой, маменька,
Ты куда снарядилась,
Ты куда да сподобилась,
Въ котору путь дорожечку,
Въ котору да незнакому?
На кого меня оставила,
На кого меня спокинула,
На круту ли гору высокую,
На крѣпку-ли стѣну каменну,
На родителя на батюшка,
На Кипріяна Ивановича?
Ты родитель мой батюшка,
Неоставь меня, не спокинь.
Безъ денной моей печальницы,
Безъ ночной богомольницы.

3.

Въ церкви.

Вы, попы, отцы духовные,
Церковные служители,
Вы попойте-ко подолѣ,
Почитайте-ко по болѣ,

Ужь намъ дайте наглядѣться,
Ужь намъ дайте насмотрѣться,
На родителя, на маменьку,
На Ографену Кипріановну
Въ остáнной разъ, послѣдній.

Ж. РЕКРУТСКІЯ.

1.

Во деревнѣ злой народъ живетъ,
Злой народъ, безсовѣстный,
Не даютъ-то съ дружкомъ въ ложить,
Въ любви пожить, живота нажить,
Кроватку купить, кровать новую тесовую,
Перину пуховую, одѣялышко черно-соболиное,
Занавѣсочки модно ситцевыя.
Запустѣла моя кроватушка
Безъ удаленькой головушки,
Безъ дородна, добра молодца,
Безъ надежиньки дружка милаго.
За три годика сердце слышало,
За недѣльку все спровѣдало,
За три деничька все сказало мнѣ:
Отдаютъ-то дружка во солдатушки,
Во солдатушки новобраные.
Хорошо дружка снарядили,
Далеко его спроводили,
Что за три поля широкія,
Что за три моря глубокія.
Среди матушки каменной Москвы,
Что не братъ съ сестрой распрощаются,
Что не мужъ съ женой разставаются.
Разставается красна дѣвица
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

2.

Воля ты моя, волюшка,
Отъ весны воля до осени:
На осень воля означится,
Волюшка пріозначится,
Время пріостанется;
На осень будетъ солдатчина,
На три города россійскіихъ:
На первый городъ на Мамορфисъ,
На второй городъ на Верейскій,
На третій городъ на Ворецкій,
На сиротскихъ малыхъ дѣточекъ,
На дѣтей на маленькихъ,
Что отдаютъ ихъ въ солдаты новобраные,
Одѣваютъ въ мундирушки, шляпы солдатскія.

3 *).

Ужь ты воля, наша воля,
Со весны воля до осени,
Волюшка до-осени.
На осéнь будетъ большой наборъ,
На три города губернскіе,
На первой городъ Архангельской,
На другой городъ Саратовской,
На третéй городъ на Вологду,
На Волынски славны вотчины,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ.
У сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ
Ни отца нѣту, ни матери,
Повезутъ ребятъ въ солдатушки,
Во казенную палатушку,
Забривать будутъ ребятушкамъ
Волосы кудрявые,
Скидывать будутъ сибирочки,
Надѣвать будутъ шинелочки,
И все сѣрыя.
Ахъ прощайте дѣвки, бабы,
Намъ теперя не до васъ,
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдатушки поѣдемъ,
Съ горя пѣсни запоемъ,
Съ горя ноженьки не носятъ,
Глаза на свѣтъ не глядятъ.

*) Варіантъ, записанный въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.

V. ПѢСНИ ПИНЕЖСКІЯ.

А. ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ.

Пѣсни эти исключительно поются на вечеринкахъ *).

Молодые ребята собираются въ домъ, гдѣ хотятъ собрать вечеринку, предварительно сдѣлавши складчину на покупку свѣчъ и на уплату за помѣщеніе вечеринки; посылаютъ малолѣтнихъ ребятъ закликать, т. е. приглашать дѣвушекъ. Часовъ въ 8 или въ 9 собираются дѣвушки. Обрядовая сторона вечеринки не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, далеко не сложна, а скорѣе монотонна и утомительна. Дѣвушки сидятъ въ нерѣшимости, посматриваютъ одна на другую, перешептываются и видимо желаютъ, какъ бы поскорѣе нашелся такой смѣльчакъ, или смѣльчанка, которые бы затянули пѣсню. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, запѣвается пѣсня, лица оживляются.

Больше всѣхъ предпочитается игра въ пары. Она производится такъ: нѣсколько дѣвушекъ, выйдя на середину избы, выбираютъ каждая себѣ по личному своему вкусу и желанію молодца, и потомъ, взявшись съ молодцами рука за руку, запѣваютъ пѣсню, идутъ одна пара за другой и, когда одна ихъ нихъ дойдетъ до конца комнаты, молодецъ оставляетъ дѣвицу, идутъ оба, по сторонамъ идущихъ впередъ паръ, назадъ, чтобы опять сойтись и идти за послѣднею нарою и т. дал. По окончаніи пѣсни, тѣ дѣвушки, которыя приглашали молодцовъ, садятся на свои мѣста, а выбранные ими молодцы заступаютъ ихъ мѣсто и поступаютъ совершенно такъ же. Такъ идетъ весь вечеръ.

Существующія другія игры: «Заинько», «По морю» и проч. не пользуются ни репутаціей, ни особымъ расположеніемъ отъ матушекъ, которыя, отпуская дочерей своихъ на вечеринку, долгомъ считаютъ вдолбить имъ въ голову, что это непотребныя игры. «Вишъ нонѣ какія дѣвки-то стали», говорятъ они при этомъ случаѣ «и въ пѣсняхъ-то у нихъ все дружки да душеньки».

Вотъ пѣсни, сопровождающія игры въ пары. Онѣ помѣщены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ поются:

1.

Не нападывай пороша 2
На талую землю, 2
Что на талую на землю, 2
Въ Петрово говѣнье, 2
Что въ Петровое говѣнье 2
Въ перво воскресенье. 2
Что по той бѣлой пороши, 2
Шелъ Ваня хорошій, 2
Шелъ Иванушко хорошій, 2
Бѣлой кудряватой, 2
Ваня бѣлой кудряватой, 2
Холостъ не женатой. 2
Зажимаетъ праву руку, 2
Ко бѣлому снѣгу, 2
Зажимаетъ, самъ бросаетъ, 2
Къ Парани въ окошко: 2
Ты пойди, выйди Параня, 2
Выйди Парасковья; 2
Есть у батюшка гости, 2
У матушки гостьи, 2
Есть у братьица подъячи, 2
У сестеръ дѣвицы, 2
У сестрицы есть дѣвицы, 2
У Парани Ваня. 2
Я шутя Вани сказала, 2
Взаболь отказала, 2
Пошелъ Ванюша не веселъ, 2
Голову повѣсилъ, 2
Пошелъ Ванюша печаленъ, 2
Головой качаетъ, 2
Самъ головушкой качаетъ, 2
Себѣ размышляетъ; 2

*) Предлагаемыя здѣсь вечериночныя пѣсни жителей Пинежскаго уѣзда суть по большей части собственно хороводныя пѣсни, утратившія свой первоначальный характеръ вмѣстѣ съ переходомъ веселыхъ и разнообразныхъ хороводныхъ игръ, пріуроченныхъ къ этимъ пѣснямъ въ другихъ губерніяхъ, въ монотонныя вечериночныя игры жителей Пинежскаго уѣзда. *П. Ефименко.*

Ужъ я какъ буду жить, 2
Кого полюбити, 2
Мнѣ стара баба любить, 2
Стыдно къ ней ходити, 2
Мнѣ мужня жена любить, 2
Убитому быти, 2
Молода вдова любить, 2
Денежно носити, 2
Красну дѣвицу любить, 2
Щегольно ходити, 2
Хоша щегольно ходити, 2
Дѣвицу любити. 2

2.

Изъ подъ ели, ели, ели 2
Течетъ рѣчька быстра, 2
Течетъ рѣченька быстренька, 2
Водица мутненька, 2
Мнѣ нельзя воды пить, 2
Нельзя почерпнути, 2
Мнѣ нельзя жены бить, 2.
Нельзя поучити, (2)
Ужъ я билъ жену часъ (2)
Самъ плакалъ недѣлю, (2)
Исприплакалъ ясны очи, (2)
По четыре ночи, (2)
По четыре темны ночи, (2)
Темныя осенни. (2)

3.

Вечеръ соколъ,
Вечеръ ясенъ
Сыры боры (3) облѣталъ,
Алексѣюшко,
Свѣтъ Яковлевичъ,
Свои кудри (2) свои русы расчесалъ;
Дарьюшкѣ,
Свѣтъ Матвѣевнѣ
Два словечка (2), полдесятка сказалъ: (2)
Дарьюшка,
Свѣтъ Матвѣевна,
Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорошъ,
Коль я пригожъ
Наливная ягодка, наливна сахарная. (2)

4.

На первой было на меленькѣ,
Да на второй на серебреной,
Золотая была черпаница,
Да серебренна вычерпальница,
Да какъ Дарья воду черпала.
Да Матвѣевна вычерпывала.
Не побережку конь бѣжитъ,
Не по крутому сивой вороной,
На конѣ сидитъ удалой молодецъ,
Да по имени Алексѣй молодецъ,
По отечеству Яковлевичъ господинъ;
Онъ-то плеточкой посвистываетъ
Стременами пошевеливаетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Да ко двору, да все ко батюшкову:
Да ты Дарья отворяй ворота,
Да ты Матвѣевна встрѣчай молодца,
Ты бери коня за поводъ,
Ты отдай коня конюхамъ,
Накорми коня пшеницею,
Да напой его водицею.

5.

Сѣнокосъ сѣно косилъ,
Да водовозъ воду возилъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй то сѣно коситъ,
А какъ Дарья воду возитъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй-то приспотѣлъ,
Да испить воды захотѣлъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй-то тароватъ,
Да за чѣмъ долго не женатъ.
Ой калина, да ой малина!
А какъ Дарья лебедь бѣла,
Мнѣ жениться не велѣла,
Ой калина, да ой малина!
Мнѣ жениться не велѣла,
За меня за мужъ хотѣла.
Ой калина, да ой малина!

6.

Подъ кустомъ олень,
Люли, люли!
Подъ ракитовымъ олень,
Люли, люли!
Не озябъ-ли олень,
Люли, люли!
Не окутать ли олень?
Люли, люли!

Съ молодца рукавца,
Люли, люли!
Съ молодца эпанча,
Люли, люли!
Съ красной дѣвицы платокъ,
Люли, люли!
Потерялся перстенекъ
Люли, люли!
Со Дашиной руки.
Люли, люли!
Проявился перстенекъ
Люли, люли!
У Якова во дому,
Люли, люли!
У Алексѣя на рукѣ,
Люли, люли!
Ты, Алешинка, соколъ,
Люли, люли!
Ты отдай перстенекъ,
Люли, люли!
Ты, Дашенька, душа, 2
Люли, люли!
Когда будешь умеия,
Люли, люли!
Перстень будетъ у тебя,
Люли, люли!

7.

На улицѣ диво,
На широкой было,
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
На широкой было,
Варилъ чернецъ пиво,
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
Я пиво сливала,
Меня разнимало,
. . . . . !
Бросалась хмѣлинка,
Во ручьки, во ножки,
. . . . . !
Во ручьки, во ножки,
Во буйну головку,
. . . . . !
Во буйну головку,
Въ ретиво сердечко,
. . . . . !
Не дастъ мнѣ стрехнуться,
Не дастъ взворохнуться,
. . . . . !
Я пойду стрехнуться,
Встану взворохнуться,
. . . . . !
Пойду взворохнуся,
Съ милымъ распрощуся,
Чернечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!

8.

Посѣяли дѣвки ленъ, 2
Ходи браво, гляди прямо, говори, что дѣвки ленъ
Посѣяли въ огородъ, 2
Ходи . . . . . въ огородъ
Во частинькой во новой, 2
Ходи . . . . . во новой
Повадился въ этотъ ленъ, 2
Ходи . . . . . ленъ
Дѣтинушка, парень молодой, 3
Ходи . . . . . молодой
Со льну цвѣтикъ сорывалъ, 2
Ходи . . . . . сорывалъ,
Въ Дунай рѣчьку побросалъ,
Ходи . . . . . побросалъ
Дунай рѣчька неприматъ, 2
Ходи . . . . . неприматъ,
Ко бережку прибиватъ, 2
Ходи . . . . . прибиватъ,
Ко бережку ко кругу, 2
Ходи . . . . . ко кругу,
Ко желтому ко песку, 2
Ходи . . . . . ко песку,
Ко сѣрому камешку; 2
Ходи . . . . . камешку.
Въ сѣромъ камнѣ искры нѣтъ, 2
Ходи . . . . . нѣтъ,
Въ своей жены правды нѣтъ, 2
Ходи . . . . . нѣтъ;
Въ чужой жены правда вся,
Ходи . . . . . вся:
Куплю своей жены лапотки, 2
Ходи . . . . . лапотки
Чужой жены башмачки, 2
Ходи . . . . . башмачки

Своей жены костычекъ, 2
Ходи . . . . . костычекъ,
Чужой жены сарафанъ, 2
Ходи . . . . . сарафанъ;
Носи, жена, береги, 2
Ходи . . . . . береги.
По праздничкамъ годовымъ, 2
Ходи . . . . . годовымъ,

9.

Изъ подъ дубу, изъ подъ вязу,
Изъ подъ липова коренья,
Ой калина, да ой малина!
Изъ подъ липова коренья,
Протекала сквозь рученье,
Ой калина, да ой малина!
Что во эвтомъ ручеенкѣ,
Мыли дѣвушки платочки,
. . . . . !
Онѣ мыли, колотили,
Платокъ въ воду обронили,
. . . . . !
Еще кто-бы-то тому,
Моему горю помогъ,
. . . . . !
Выискался паренекъ,
Подалъ дѣвушкѣ платокъ.
. . . . . !
Какъ спасибо, другъ, тебѣ,
Что помогъ моей бѣдѣ,
. . . . . !
Завтра поздно ввечеру,
Ступай къ нашему двору,
. . . . . !
Какъ у нашихъ у воротъ,
Все гуляньицё живётъ,
. . . . . !
Еще дѣвушки гуляютъ,
Про любовь нашу не знаютъ.
. . . . . !
Запускала молодца,
Въ домѣ не было отца,
. . . . . !
Какъ тятинька во торгу,
А маменька во пиру,
. . . . . !
Родной братецъ во гостяхъ,
Невѣстушка въ горестяхъ,
. . . . . !
Отъ того въ горестяхъ,
Что сидитъ мужъ во гостяхъ,
. . . . . .
А сестрица въ терему,
Она не скажетъ ни кому.
Ой калина, да ой малина.!

10.

Нападала порошица,
Нападала молодиньна,
Что на землю на талую.
На траву на муравую,
На цвѣточки лазуревы;
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молодинькой,
Не бѣлъ заюшко скачетъ,
Не бѣляюшко пляшетъ.
Еще скокъ, поскокъ зайко,
Скокъ по чистому полю,
По широкому раздолью,
Еще хлынь по хлынюшки:
Выбирай селезнюшки,
Себѣ ростомъ дородствомъ,
Себѣ наровень обычьемъ,
Красотою дѣвичьей.
Зайко, зайко, загуляйко,
Загуляй, душа, дѣтинка!
Въ саду ягода малинка.
Приходилъ вечёръ не рано,
Приносилъ даровъ не мало,
Двадцать пять рублевъ въ карманѣ,
По четыре рубля въ штофѣ,
Мнѣ на пару гранитуру,
На вторую дародору,
Мнѣ на третью каленкору,
Мнѣ на шею шаль бухарску,
На головушку платочикъ,
Модной, аленькой цвѣточикъ.

11.

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
Во компаніи была,
Я хорошаго молодчика,
Во любовь себѣ взяла;
Мнѣ не стыдно съ нимъ водится,
Можно радостью назвать,

Во кампанью себѣ взять.
Онъ хорошъ собою, славенъ,
Весьма ласковъ на словахъ,
Изъ поступки парень бравой,
Тароватъ по всѣмъ дѣламъ;
Между прочимъ разговоромъ,
Прежде въ рѣчь меня вводилъ,
Пріятнымъ своимъ взоромъ
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ,
Прострѣливши, заразивши,
На колѣни посадилъ.
Я не много посидѣла,
Танцовать съ милымъ пошла,
Я не много танцовала,
Милой крѣпко руку жалъ,
Я руки не отымала,
Проявился въ лицѣ жаръ.
Вышла въ сѣни простудиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать,
Не успѣла выдти вонъ,
Милъ стоитъ передо мной,
Милъ стоитъ передо мной,
Разговаривать со мной:
Ужъ ты нѣжная, манежная сударыня моя.
Да не-ты-ль меня сударушка повысушила,
Безъ морозу ретиво сердце повызнобила,
Спустила сухоту, да по моему животу,
Разсѣяла печаль по моимъ яснымъ очамъ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ,
Приневолила любить чужемужнюю жену.

12.

На улицѣ дождь поливаетъ, 2
Во деревнѣ дѣвокъ прибываетъ, 2
Дѣвушки поиграйте! 2
Молоды молодки не плошайте! 2
Вы, молодежь, не глядите! 2
Гляженьемъ дѣвушекъ не возмешь:
Взять, не взять съ полюбови, 2
Съ батюшкова дозволенья, 2
Съ матушкина позволенья. 2
Сохнетъ по дѣвушкѣ дружочикъ, 2
Тоненькой осиновой листочикъ, 2
Машинька дочь офицерска, 2
Вышла за мужъ за енерала 2
За енерала молодаго, 2
За молодаго, холостаго, 2
Пѣшъ она къ обѣдни не ходитъ, 2
Все она на коничкахъ гуляетъ, 2
Конички вороные,
Извощички молодые, 2
На нихъ кафтаны голубые. 2

13.

Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала, 2
Мнѣ вечеръ тоска нападала, 2
Во всю ночь молода не сыпала, 2
У тесовыя кровати простояла, 2
Соболино одѣяло продержала, 2
Все мила дружка дожидала, 2
Все мила дружка Иванушка; 3
Я на силу его дождалася, 2
Я изъ горницы во горницу ходила, 2
Я изъ свѣтлицы во свѣтлицу гуляла, 2
Я раскрашены шкапы отпирала, 2
Я хрустальную посуду разбирала, 2
Я по больше стокашикъ выбирала, 2
Пополнѣе сладкой водкой наливала, 2
Я милу дружку подавала; 2
Поди, выкушай душа, доброй молодчикъ, 2
Отъ меня отъ красной дѣвки стаканъ водки,
На меня на красну дѣвку не надѣйся, 2
У меня у красной дѣвки безвременье, 2
Безвременьице, разореньице, 2
Раззоряетъ меня матушка родная,
Отдаваетъ за такого, за сякого, 2
Да ему-ли уроду мной владати? 2
Да ему-ли узорочьемъ снаряжати? 2
Ужъ владать, не владать кому иному, 2
Своему дружку любезному! 2
Я котораго во дѣвицахъ любила, 2
Золотымъ витымъ колечкомъ дарила; 2
За колечюшко маменька бранила, 2
За серебрено сударыня журила, 2
Ты куда, шельма, колечко дѣвала ? 2
Прости, маменька, виновата! 2
Вечеръ долго по садику гуляла, 2
Золоту, виту капустку поливала, 2
Между грядъ кольцо обронила, 2
Нелюба моя подружка находила, 2
Своему дружку подарила, 2
Своему дружку Иванушку. 2

14.

Черезъ поле у сосѣда,

Собрана была бесѣда,
Очень хороша!
Весьма пригожа!
Случилося мнѣ идти,
Я не могъ мимо пройтти,
Сталъ до постоялъ! 2
У окошка постучался,
Во стекольце побречалъ,
Со опасностью,
Со великою!
Дѣвки бросились въ окно,
Отвѣчали за одно,
Съ кѣмъ милой стоишь?
Съ кѣмъ говоришь?
Я сказавшись, что единъ,
Къ воротишкамъ подходилъ,
Дѣвки отперли!
Красны впустили!
Въ нову горницу зашелъ,
Все весельице нашелъ,
Веселиться сталъ!
Забавляться сталъ!
Стало молодцу обидно,
Едной дѣвицы не видно,
Котору желалъ,
Прежде цѣловалъ!
Я помѣшкавши маленько,
Бѣжитъ дѣвица скоренько,
Ты моя милая,
Свѣтикъ дорогая,
Я по старой по любови,
Началъ шуточки шутить,
Заигрывати! 2.
Дѣвка шутокъ невзлюбила,
Во глаза парня ругать,
Что ты за дуракъ!
Что ты за свинья!
Ты програешь, просмѣешь,
Меня за мужъ не возмешь,
Куда я пойду!
Куда побряду!
Отдаютъ молоду,
На чужу сторону,
Не заровнюшку!
Не заровнюшку!
Не заровней Машѣ жить,
Горючи слезы ронить,
Плакать завсегда!
Плакать завсегда!
Не плачь, Машенька моя,
Не забуду я тебя.
Возьму за себя!
Возьму за себя!

15.

Ты утушка луговая, 2
Луговая! 2
Ты молодка молодая 2
Молодая! 2
Гдѣ ты ночесь ночевала? 2
Ночевала? 2
Ночевала во садочку, 2
Во садочку! 2
Подъ ракитовымъ кусточкомъ, 2
Подъ кусточкомъ! 2
Подъ малиновымъ листочкомъ, 2
Подъ листочкомъ! 2
Наши люди веселые, 2
Веселые 2
Пинежанки игромыя, 2
Игромыя! 2
Брали парня молодого, 2
Молодаго! 2
Не жената, холостаго, 2
Холостаго! 2
На улицѣ мятелица, 2
Мятелица! 2
Кутитъ, мутитъ, въ глаза мечетъ, 2
Въ глаза мететъ! 2
Меня милой дружекъ кличетъ, 2
Дружекъ кличетъ! 2
Василь, Василь, Васильечикъ, 2
Васильечикъ! 2
Василь миленькой дружочикъ, 2
Вотъ дружочикъ! 2

16.

Что, Ваня, не бѣлъ, не румянъ?
Гдѣ, Ваня, румянецъ потерялъ?
А-ли на дорожки обронилъ?
А-ли красной дѣвицѣ подарилъ
Бѣлая румяная моя!
Все, радость печальна за все а:
Тужишь ли, плачешь обо мнѣ
Все я по тебѣ, милой, тужу,
Темные ночи мало сплю;

Вес я надзираю надъ тобой,
За твой за хорошій приговоръ,
Лапушка, за ласковы слова,
Свѣтелъ, за пріятливыя!
Помнишь, какъ гуляли мы съ тобой?
Щипали, ломали виноградъ,
Вѣточки бросали мимо садъ,
Летѣли соколы мимо насъ,
Видѣли въ садочку двое насъ.
Лапушка мнѣ до того:
Пилъ бы я пиво и вино,
Жилъ бы я съ милой хорошо.
Съ пивушка головушка болитъ,
Съ вина просыпанье тяжело.
Есть на насъ не другъ супостатъ,
Съ нами въ едной улицѣ живетъ,
Все на насъ нутитъ и мутитъ,
Все на насъ насказываетъ,
Свѣтикъ наговариваетъ:
Дуня такова и сякова,
Авдотьюшка этакова,
Дуня у чужихъ воротъ стоитъ,
Дунюша Ванюшу манитъ:
«Подь, подь Иванушко дружокъ,
Подь, подь малиновой душекъ,
Я тебѣ словечушко скажу,
Я тебя колечкомъ подарю!»
То Вани честь и хвала,
Дунюша три платка дала,
Авдотья пожаловала,
Первымъ платкомъ шелковымъ,
Вторымъ полушелковымъ,
Третьимъ миткалиновымъ платкомъ. 2

17.

Зелено вино въ кармашкѣ, 2.
Сахаръ во бумажкѣ! 2.
Зеленое вино выпьемъ, 2.
Сахаромъ закусимъ! 2.
Промежду собой братаны, 2.
Совѣтъ совѣтали, 2.
Они совѣтъ совѣтали! 2.
Жеребей метали! 2.
Кому деньги, кому платье, 2.
Кому красна дѣвка! 2.
Доставались деньги Мишкѣ, 2.
Цвѣтно платье Гришки! 2.
Иванушку щеголюшку, 2.
Красная дѣвица! 2.
Какъ у моего милаго, 2.
Два сада зеленыхъ: 2.
Во первомъ саду, садочку, 2.
Дѣвица гуляетъ; 2.
Во второмъ саду, садочку, 2.
Поетъ пташка пѣсни, 2.
Она поетъ, воспѣваетъ, 2.
Разнымъ голосочкомъ. 2.
Кабы знала, я списала, 2.
Эвтотъ голосочикъ, 2.
Что на топенькой листочикъ, 2.
На бѣлу бумажку, 2.
Что на бѣлу на бумажку, 2.
На гербовъ листочикъ; 2.
Я пошлю эвту бумажку, 2.
Въ разны городочки. 2.
Ты велишь ли, моя радость, 2.
Щегольно ходити, 2.
Ты ходи, моя милая, 2.
Ходи наряжайся! 2.
Не ходи, моя милая, 2.
Ко сосѣду на бесѣду! 2.
У сосѣда на бесѣды, 2.
Все сидятъ холосты! 2.
У холостыхъ глаза востры, 2.
Сами завидущи! 2.
Холостъ глазынькомъ паводитъ, 2.
Изъ ума выводитъ! 2.
Черны брови подымаетъ, 2.
На дворъ вызываетъ! 2.
Онъ на дворъ-то вызываетъ, 2.
Подарокъ вымаетъ! 2.
Онъ подарочокъ вымаетъ, 2.
Персидской платочикъ! 2.
Во персидскомъ во платочкѣ, 2.
Золото колечко! 2.

18.

Какъ у моего милого, 2.
Четыре примѣты, 2.
Что первая то примѣта 2.
Его лице бѣло, 2.
Что втора его примѣта, 2.
Волосы кудрями. 2.
Что третья-то примѣта, 2.

Шубочка съ морхами, 2.
Что четвертая примѣта 2.
Шапка съ козыречкомъ 2
Загануть лите любезна 2.
Шесть загадокъ: 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Выше лѣсу? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Краше свѣту? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ коренья? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ замочку? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ цвѣточку? 2
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ любови? 2.
Не прогнѣвайся любезной, 2.
Все я отгадаю: 2.
Выше лѣсу, любезной, 2.
Свѣтелъ мѣсяцъ 2.
Краше свѣту, любезной 2.
Красно солнце; 2.
Безъ коренья, любезной, 2.
Сѣрой камень, 2.
Безъ замочку, любезной, 2.
Быстра рѣчка 2.
Безъ цвѣточку, любезной, 2.
Полынь травка 2.
Безъ любви, любезной, 2.
Мы съ тобою 2.
Научить ли тя, любезна, 2.
Какъ ко мнѣ ходити? 2
Не дорогою ходи, 2.
Ходи переулкомъ; 2.
Не ступенями ступай, 2.
Соколомъ лѣтай 2.
Не воротами во дворъ, 2.
Ходи подворотней, 2.
Не языкомъ говори, 2.
Соловьемъ свищи. 2.

19.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Да въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ.
Ай люли, ай люли!
Да въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ,
На што, миленькой сердитъ,
Да ничего не говоритъ,
Ай люли, ай люли!
Ничего не говоритъ,
Ничего неговоритъ?
Да въ зеленъ садъ гулять манитъ?
Ай люли, ай люли!
Да въ зеленъ садъ гулять манитъ.
Пойдемъ дѣвица во садъ,
Да раскрасавица гулять,
Ай люли, ай люли!
Раскрасавица гулять.
Сорвемъ съ травоньки цвѣтокъ,
Да со муравоньки алый,
Ай люли, ай люли!
Да со муравоньки алый,
Мы завяжемъ цвѣтокъ,
Да во тальянской во платокъ,
Ай люли, ай люли!
Да во тальянской во платокъ.
Во тальянскій ли платокъ.
Во нѣмецкой узелокъ,
Ай люли, ай люли!
Да въ нѣмецкой узелокъ.
Мы положимъ узелокъ,
Да на кроватку въ уголокъ,
Ай люли, ай люли!
Да на кроватку въ уголокъ.
Мы помѣшкаемъ немножко,
Поноровя часокъ,
Ай люли, ай люли!
Поноровя часокъ.
Мы развяжемъ узелокъ,
Да посмотримъ на цвѣтокъ,
Ай люли, ай люли!
Да посмотримъ на цвѣтокъ,
Еще вянетъ ли, не вянетъ ли,
Да нашъ розовый цвѣтокъ.
Ай люли, ай люли!
Да нашъ розовый цвѣтокъ?
Еще тужитъ-ли, не тужитъ-ли,
Мой миленькой дружокъ,
Ай люли, ай люли!
Да мой миленькій дружокъ?
Тужитъ, тужитъ обо мнѣ,
На чужой на сторонѣ,
Ай люли, ай люли!

На чужой на сторонѣ;
На чужой на сторонѣ,
Да во матушкѣ во Москвѣ,
Ай люли, ай люли!
Да во матушкѣ въ Москвѣ.
Во матушкѣ въ Москвѣ,
Да въ Нѣмецкой улицѣ,
Ай люли, ай люли!
Да въ Нѣмецкой улицѣ,
Во Нѣмецкой улицѣ,
Сидятъ дѣвки въ горницѣ,
Ай люли, ай люли!
Сидятъ дѣвки въ горницѣ;
Онѣ сидятъ, разсуждаютъ,
Дружка въ Питеръ спровожаютъ,
Ай люли, ай люли!
Дружка въ Питеръ спровожаютъ.
На добра коня садятъ,
Въ стремена ноги кладутъ.
Ай люли, ай люли!
Въ стремена ноги кладутъ.
Въ стремена ноги кладутъ,
Въ руки поводъ подаютъ.
Ай люли, ай люли.
Въ руки поводъ подаютъ,
Онѣ сами дружечку
Наказываютъ,
Ай люли, ай люли!
Да наказываютъ:
Ты гуляй, гуляй дѣтинка,
Не загуливайся,
Ай люли, ай люли!
Не загуливайся!
На хорошихъ да на баскихъ,
Не засматривайся!
Ай люли, ай люли!
Не засматривайся!
Какъ хороши да баски,
Часовы не вѣковы,
Ай люли, ай люли?
Часовы не вѣковы,
А я худинька, худа,
Вѣковѣчная твоя,
Ай люли, ай люли!
Вѣковѣчная твоя,
Вѣковѣчная твоя,
Да подвѣнечная жена,
Ай люли, ай люли!
Да подвѣнечная жена;
Ужъ я слушаю тебя,
Послушаю молодца,
Ай люли, ай люли!
Послушаюсь молодца.

20.

Что подъ бѣлою,
Да подъ березою,
Дѣвка сѣетъ, высѣваетъ,
Рѣшетомъ конопле:
Уродися добрѣ,
Конопелышко;
Что не долго, не коротко,
Въ саду вишенье,
Да людямъ слышанье.
Захотѣли меня,
Что за стараго отдать,
За стараго, за сѣдатаго,
За семейнаго, за дѣтейнаго.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ,
Кому не тошно,
Тому не по что.

21.

Вы дѣвицы красавицы,
Люли, люли!
Вы сидите, не дремлите,
Люли, люли!
Молодежь скоро подкатитъ,
Люли, люли!
Молодежь непроста,
Люли, люли!
Все цыганы, да ваганы,
Люли, люли!
Пинежскіе братаны,
Люли, люли!
Алексѣюшко прикатитъ,
Люли, люли!
Еще Дарьюшку подхватитъ,
Люли, люли!
Поцѣлуетъ, обоймета,
Люли, люли!
Онъ своею назоветъ
Люли, люли!

Дарьюшка моя душа
Люли, люли!
Замѣню вездѣ тебя.
Люли, люли!...

22.

Простучало, прогремѣло,
Сынъ боярской проѣзжалъ,
Калина, калина, калинушка моя!
Выходила Катерина
За новыя ворота.

. . . . . .

Ты пожалу-ко милой
На широкой ко мнѣ дворъ,

. . . . . .

Ты пожалуй-ко милой,
Въ нову горенку со мной,

. . . . . .

Ты пожалуй-ко милой
Въ теплу спаленку со мной;

. . . . . .

Скинь-ко шляпу да сертукъ,
Повѣсь, милинькой, па крюкъ.

. . . . . .

Какъ на эвтотъ на злой часъ
Мужъ изъ Питера тотчасъ.

. . . . . .

Что у тя, Катюша,
За конь вороной?

. . . . . .

Что за конь вороной,
За уборъ золотой?

. . . . . .

Я вчера въ рынокъ ходила,
Ворона коня купила.

. . . . . .

Ворона коня купила,
Триста семьдесятъ платила.

. . . . . .

Что у тя, Катюша,
За шляпа, за сертукъ?

. . . . . .

Вчера гости у мня были,
Сертукъ, шляпу позабыли.

. . . . . .

Въ нову спаленку зашелъ
Молода парня нашелъ

. . . . . .

Что у тя, Катюша,
За купчикъ молодой?

. . . . . .

Вчера поздно вечерочкомъ
Сиротинушка пришелъ;

. . . . . .

Неужели сиротинку
Не напоить, не накормить?

. . . . . .

Напоила, накормила
Во дорожку спроводила;

. . . . . .

Во дорожку проводила,
Слезно плакала по немъ.

. . . . . .

Что у тя, Катюша,
Призаплаканы глаза.

. . . . . .

Вчера у маменьки была,
Моя маменька больна.
Калина, калина, калинушка моя!

23.

Голубица надъ водицей,
Голубь надъ водою,
Хорошая, любезная
Говори со мною.
Говори, радость, со мною,
Какъ братецъ съ сестрою.
Говори, радость, не тайся,
Въ тоску не вдавайся.
Тоска придетъ, горе найдетъ,
Послы скоро будутъ;
Послы будутъ, вѣсти скажутъ,
Что я самъ прибуду,
Что я самъ скоро прибуду,
Все самъ перебаю.
Ужъ ты все сидишь въ компаньи,
Ничего не знаешь.
Ужъ мы пьемъ, ѣдимъ во здравье:
Здравствуй, моя радость!
Здравствуй радость дорогая,
Утѣха другая!
Во саду-ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляетъ:
Невозможно про то вѣдать,

Чья она такая.
Она писаря шветскаго *)
Всячески ругаетъ,
Молодого офицера
Весьма восхваляетъ.
Ты, раскурвинъ шветскій писарь,
Что въ гости не ходишь?
Ужъ ты, что въ гости не ходишь.
Гостинцевъ не носишь?
Радъ бы, Машинька, ходити,
Нечѣмъ мнѣ дарити.
Я поѣду, душа Маша,
Самъ въ Питеръ гуляти.
Привезу я, душа Маша
Дорогой подарокъ,
Дорогой парчи на юбку,
Глазету на шубку.

25.

Ѣхала кума,
Люли, люли!
Изъ за кумова двора,
Люли, люли!
Повстрѣчалася бѣда,
Люли, люли!
Поломалася дуга,
Люли, люли!
Сорвалися гужи,
Люли, люли!
Гужи шелковые,
Люли, люли!
Полушелковые;
Люли, люли!
Да еще мой-то мужъ дуракъ
Люли, люли!
За охотою ходилъ,
Люли, люли!
Перепелочекъ ловилъ;
Люли, люли!
Изловилъ голубка,
Люли, люли!
Сизокрыльнаго,
Люли, люли!
Сизоперинькаго.
Люли, люли!
Сизокрылой голубокъ
Люли, люли!
Сизы перышки расправь,
Люли, люли!
Куда хошь полетай.
Люли, люли!

26.

Мимо Пашеньку Шинкова,
Мимо Сеньку Кузнецова,
Ай, люшеньки, съ полюли,
Мимо Сеньку Кузнецова.
Алексѣй тутъ проѣзжалъ,
Да Дарью просвѣщалъ,
Ай, люшеньки, съ полюли,
Да Дарью просвѣщалъ!
Онъ не столько просвѣтилъ,
Сколько Дарьи подарилъ:
Ай, люшеньки, съ полюли,
Сколько Дарьи подарилъ
Модну юбку, модну шаль,
На головушку платокъ,
Ай, люшеньки, съ полюли,
На головушку платокъ.
На головушку платокъ,
Да нарученьку перстенекъ.
Ай, люшеньки, съ полюли,
Да нарученьку перстенекъ!

27.

За тынью, 2
За тынью, за рѣчкой быстрою, 2
Выгоню я, 2
Выгоню я, пару голубей, 2
Голубь-то у насъ, 2
Голубь-то у насъ, Алексѣюшка, 2
Сизой-то у насъ, свѣтъ Яковлевичъ 2
Голубка при немъ 2
Голубка при немъ, свѣтъ Дарьюшка 2
Сизая при немъ 2
Сизая при немъ, Матвѣевна,
Сайдутся они, 2.
Сойдутся они, обоймутся, 2.
Свидятся они, 2.
Свидятся они, поцалуются, 2.
Они прочь пойдутъ, 2.
Они прочь пойдутъ, поклонятся.

28.

Какъ сказали про дѣвицу

*) Вѣроятно, сельскаго.

Небыль, не былицу,
Будто я, красна дѣвица,
По молодцѣ тужу!
Не тужи, мая милая,
Тебя незабуду,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу подарокъ.
Привезу тебѣ подарокъ:
Кумачу, китаекъ.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо;
Привези-ко сынъ отецкой,
Золото колечко,
Золото-ли-то колечко.
Ко красну крылечку.
Пойду, выйду на крылечко,
Взвеселю свое сердечко,
Стукну, брякну околечко,
Взвеселю сердечко.
Заплету тоску кручину,
Коню сиву гриву,
Сивой конь бѣжитъ, подткнется,
Ушва растрехнется.
Сива грива растрехнется,
Тоска разойдется.
Разойдетъ тоска кручина
По чистому полю,
Обростетъ тоска кручина
Травой муравою,
Травой, травой муравою,
Алыми цвѣтами.
Ужъ какъ всѣ цвѣты алые,
Единъ всѣхъ алѣе;
Еще всѣ дружки милые,
Единъ всѣхъ милѣе.

29.

Ужъ ты зимушка зима,
Холодна, студена,
Зима морозливая!
Заморозила зима
Удалого молодца,
У удала молодца
Горитъ сердце и душа:
Есть дѣвица хороша!
Дѣвка маленькая,
Головка гладинькая!
Безъ бѣлилъ дѣвка бѣла,
Безъ румянъ румяна!
Что безъ платьица толстенька.
Безъ башмачекъ высока!
Задумала голова
Во всю ночь гулять една!
Въ ту ноченьку прогуляла
Любезнаго не видала!
Не видала, не слыхала,
Въ худу славушку попала!
Не боюсь я худой славы,
Здѣсь не городъ Ярославль;
Не боюся никого,
Полюблю я едного.
Едного дѣвкѣ любить
На бѣлила не нажить!
Семерыхъ полюбить,
Голувушки не сносить!
Нолюблю я едного,
Своего любезнаго.
Я куплю своей сударышкѣ
Червончатой корабль!
Я найму своей сударушкѣ
Гребцовъ молодцовъ,
Славныхъ песѣльничковъ;
Гребцы грянутъ и гребутъ,
Веселы пѣсни поютъ!
Веселы пѣсни поютъ,
Въ теремъ голосъ подаютъ!
Чтобы слышала мила,
Не дремала, не спала!
Не дремала, не спала,
Дружка въ гости ждала!
Не успѣла сѣсть на лавку,
Милой стукъ у воротъ!
Подъ окошкомъ постучалъ,
Ульянушкой взвеличалъ!
Ульянушка, Ульяна,
Ульяна Васильевна!
Не про насъ ли съ тобой Яша,
Люди говорятъ!
Люди говорятъ?
Всѣ сосѣдушки бранятъ.

30.

Вдоль было по травкѣ

Вдоль по муравкѣ *)
Ай люли, ай люли!
Донской казакъ гуляетъ,
Онъ ходитъ и гуляетъ
Себѣ невѣсту выбираетъ
Ай люли, ай люли!
Себѣ невѣсту выбираетъ.
Ты хороша, ты пригожа,
Пойди за мужъ за меня **)
Ай люли, ай люли!
Пойди за мужъ за меня;
Не пойдешь ты, спокаешься
Воспомянешь—не возьму, ***)
Ай люли, ай люли!
Воспомянешь—не возьму.
Пойду спрошу у сосѣдей,
Про невѣсту про свою
Ай люли, ай люли!
Про невѣсту про свою.
Сосѣдушки, собранушки,
Похвалите мнѣ ее,
Ай люли, ай люли!
Похвалите мнѣ ее.
Вамъ спасибо, сосѣдушки,
Что женили вы меня ****)
Ай люли, ай люли!
Что женили вы меня.
Благодарствуйте, собранушки
За мужъ выдали меня,
Ай люли, ай люли!
За мужъ выдали меня *****).

31.

Поѣду завтра въ городъ
Да диво, диво
Младо мое.
Привезу женѣ подарокъ

*) Во время этой пѣсни ходитъ по комнатѣ молодецъ; всѣ прочіе сидятъ.

**) При этихъ словахъ онъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ и кланяется.

***) Тоже.

****) При этихъ словахъ онъ подходитъ къ выбранной дѣвушкѣ, беретъ ее за руки и кружится съ нею до конца пѣсни.

*****) Эта пѣсня составляетъ варіантъ пѣсни, которая въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ поется при хороводной игрѣ, называемой «Казачекъ удалой.» См. Бытъ русскаго народа, Терещенки, Вып. IV, стр. 153.

П. Ефименко.

. . . . . .
Я гранапелю на платье,
. . . . . .
Ты прими, жена не чванься
. . . . . .
Надо-мною не ломайся,
. . . . . .
Посмотрите, люди добры,
. . . . . .
Какъ жена мужа не любитъ,
. . . . . .
На передъ мужа гуляетъ
. . . . . .
Все подарочекъ бросаетъ.
. . . . . .
Я поѣду завтра въ городъ,
. . . . . .
Привезу женѣ подарокъ
. . . . . .
Ужъ я шелковую плетку,
. . . . . .
Ужъ я стану жену бити,
. . . . . .
Молоду жену учити.
. . . . . .
Посмотрите, люди добры,
. . . . . .
Какъ жена-то мужа любитъ,
. . . . . .
Позади мужа гуляетъ,
. . . . . .
Напередъ забѣгаетъ *)
. . . . . .

Какъ всякая пѣсня имѣетъ свое значеніе и приправливается къ извѣстнаго рода обстоятельствамъ, такъ и самыя «вечеринки» имѣютъ не одинъ и тотъ же харак-

*) Въ другихъ губерніяхъ варіантомъ этой пѣсни сопровождается хороводная игра называемая «Лугъ лущечекъ.» Бытъ русскаго народа Терещенка. Вып. IV-й стр. 160. Въ шенкурскомъ уѣздѣ подобная пѣсня поется также при хороводахъ См. Труды Арх. Стат. Ком. за 1865 г. Кн. 1: лѣтн. и зимн. гулянья шенкур. народа. Стр. 95

П. Ефименко.

теръ, а подраздѣляются: на вечеринки домашнія и съѣзжія. Первыя, устроиваются за просто, по домашнему, безъ всякихъ предвзятыхъ ранѣе цѣлей; а послѣднія, начинающіяся послѣ Рождества и оканчивающіяся Великимъ постомъ, имѣютъ совершенно иной видъ. Эти вечеринки, такъ сказать, публичныя служатъ дѣвушкамъ и мужчинамъ ареною для побѣды сердецъ своимъ-суженымъ ряженымъ. Такъ какъ на подобныя вечеринки собирается молодежь, женихи изъ всѣхъ окружныхъ ближайшихъ деревень съ сказанною уже цѣлью, то дѣвушки-невѣсты являются сюда не какъ на домашнія вечеринки, а разряженныя въ лучшіе свои наряды, и, угождая условіямъ своего быта, стараются казаться болѣе церемонными. Пріѣзжимъ молодцамъ оказывается бельшее вниманіе, чѣмъ мѣстнымъ, точно также богатому предъ женихомъ средней руки.

И. Селиверстовъ.

Б. ПѢСНИ КАШНИЦЪ (НА ПОМОЧАХЪ.) *)

1.

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По сѣнямъ господиновымъ,
Вью-ли-лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-ли-лю,
вьюрью-ли, вьюрью-ли вьюрью-ли, вью-ли-лю **)
Господина ласковаго,
Да у свѣта пріятливаго,
Афанасія Семеновича ***)
(припѣвъ.)
Тутъ не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тутъ и ходила и гуляла
Пожилая боярыня
Пожилаго боярина,
Анна Аникишна ****)
(припѣвъ)
Она ходила—гуляла
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ.
Подошла млада къ окошечку:
«Посмотрю же я въ окошечко
На улицу широкую,
На дорожку проѣзжую,
На младъ свѣтелъ мѣсяцъ,—
Веселъ ли сударь, господинъ
Афанасій Семеновичъ?»
(припѣвъ)
Ко кроваточкѣ тесовой подошла,
Ко постелюшкѣ пуховой,
Ко зголовьицу косящетому,
Къ одѣялушку чернаго соболя.
Какъ спроговоритъ умная,
Какъ спроговоритъ разумная
Анна Аникишна:
(припѣвъ.)
«Ужъ ты станько мой ласковый,
Ужъ ты станько мой пріятливый!
Мимо нашихъ высокъ теремъ,
Пролеталъ тутъ ясенъ соколъ,
Мимо нашей-то горницы,
Мимо свѣтлой свѣтлицы
Проѣзжалъ православный князь
Во соборъ Богу молитися.»
(припѣвъ)
Какъ спроговоритъ ласковый,
Какъ спроговоритъ пріятливый
Афанасій да Семеновичъ:
«Отойди ты прочь умная,
Отступи прочь ты разумная
Анна Аникишна!
(припѣвъ)
У насъ все будетъ излаженное,
Будетъ Богомъ исправленное,—
У насъ извощики нарощенные
У насъ лошади накупленныя,
Во коляску заложенныя
Только сѣсть намъ и ѣхати
Во соборъ Богу молитися,
До Николы Святителя,
Пресвятой Богородицы.»
(припѣвъ)

2.

Какъ по горницѣ столовой,
Какъ по свѣтлицѣ пировой,
Тутъ стоятъ столы дубовые,
На стѣнахъ ковры шелковые,
На коврѣ чара золота

*) Записаны въ городѣ Пинегѣ бывшимъ студентомъ А. Н. Симановскимъ въ 1862 году.

**) Припѣвъ этотъ повторяется въ продолженіе всей пѣсни, послѣ нѣсколькихъ стиховъ.

***) Имя хозяина дома.

****) Имя хозяйки.

Какъ полна меду налита.
Еще кто чару наливалъ?
И еще кто съ медомъ дополнялъ?
Наливалъ чару *) Гаврило господинъ,
Дополнялъ съ медомъ Афанасьевичъ;
Свою умную призывалъ,
Свою разумную прикликалъ,
Александрушку **) призывалъ:
«Александрушка другъ моя,
Ты Гавриловна—мила,
Ты дойди, радость до меня,—
Ты любишь ли меня?
Поцѣлуешь ли въ уста?
Ты прими чару отъ меня.
Выпей-выкушай всю до дна.
Принеси сына ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ, разумомъ во себя,
Какъ ясны очи сокола,
Какъ черны брови соболя.»—
Александрушка подошла,
Гавриловна приняла,
Выпила, высушила всю до дна,
Принесла сына ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ разумомъ во себя,
Что ясны очи сокола,
Черны брови соболя ***)

3.

Какъ по морю, морю синему . . . 2
Не здунай!
По синему морю по Хвалынскому . . 2
Не здунай!
Тутъ и плыло, выплывало тридцать кораблей—2
Со единымъ кораблемъ.
Какъ одинъ-то корабль напередъ забѣжалъ, 2
Какъ соколъ залетѣлъ.
Какъ на этомъ корабликѣ немножко людей
Со единымъ молодцомъ — 2
Федоромъ Афанасьевичемъ. ****)
Федоръ-то по кораблику похаживаетъ,
Афанасьевичъ по чорному погуливаетъ,
Ужъ онъ съ ножки на ножку переступываетъ,
Онъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Ужь онъ стружечки строгалъ,
Во сине море бросалъ,—
Уронилъ съ правой руки златой перстень,
Со любимаго перста—со мизинушка.
Онъ кричалъ-то и зычалъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
«Вы друзья и братья,
Вы товарищи мои!
Вы берите-ко товарищи шелковы невода,
Вы мечите-ко тони во сине море,
Вынеживайте мой злаченъ перстень.»—
Какъ перву тоню закинули—
Не попало ничего,
Какъ втору-то они закинули—
Ни съ чѣмъ ничего,
Какъ третью-то они закинули—
Три окуня попали злато-перые:
Какъ первой-то окунь—стоитъ сто рублей,
Какъ второй-то окунь—стоитъ тысячу рублей;
Третьему окуню цѣны здѣсь нѣтъ,
Оцѣпщики во славной Москвѣ,
Какъ закупщики во славномъ Пинежскомъ городу
Въ Афанасьевскомъ во дому,—
Закупщичекъ Федоръ Афанасьевичъ....
Дай-Богъ Федору на житье, да на бытье,
Афанасьевичу на богачество на большо!
Гдѣ бы тебѣ задумать здѣсь невѣсту взять безотказно,
Что приданаго съ ней на три тысячи рублей,
Злата, серебра хоть лопатами греби,
Скаченаго жемчугу возами вози.

4.

По морю, морю суденко бѣжитъ, 2.
На ефтомъ суденкѣ тридцать молодцовъ, 2.
Со единымъ молодцомъ,
Арсеніемъ Николаевичемъ!
Сзади молодца сорокъ красныхъ дѣвицъ, 2.
Пятьдесятъ молодицъ! 2.
«Накатись, накатись грозна туча, 2
Ушиби, ушиби тестя моего ласковаго, 2
Который съизмала меня зятемъ звалъ,
Выростилъ дочекъ—за инаго отдавалъ.» *).

*) Имя женатаго сына хозяина.
**) Его жена.
***) Послѣдніе пять стиховъ каждый поется дважды.
****) Имя холостаго сына хозяина.

*) Первыя двѣ пѣсни поются женатымъ, а послѣднія двѣ холостымъ.

5.

Ты гуляньицо ли, наше гулянье,
Молодецкое наше, безотецкое!
Я пойду ли да вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ самъ по гуляю,
Я зайду ли въ гости ко сударушкѣ—
Самъ побываю!
Я спрошу ли у сударушки
Самъ про здоровье.
Во здоровьицѣ ли моя сударушка
Живешь—поживаешь?
Какъ отвѣтъ-то держитъ сударушка милому дружку:
«Не корыстно-ли мое здоровьице жить безъ милаго,
Что безъ душечки, безъ добра молодца жить безъ надежды?»
Со правой ли руки колечушко потеряла,
Со лѣвой ли злаченъ перстень обронила,
Со окошечка яснаго сокола упустула,
Со постелюшки я добраго молодца дружка проводила....
Ужъ я все ли про все съ милымъ дружкомъ переговорила?
Я одно ли тайно словечушко сказать позабыла,
Со дорожечки я дружка милаго назадъ воротила.
«Ужъ ты душечка, добрый молодецъ, другъ не женися,
Пока я замужъ невышла».

6.

У нашихъ было у воротъ
Стоялъ душечка—удалый—добрый молодецъ,
Не единъ стоялъ,—съ красной дѣвицей душой.
Красавица говорила молодцу:
«Тебѣ полно во компаньицу ходить,
Перестань, милъ, пусты рѣчи говорить,
Пусты рѣчи, не былыя словеса!
Про насъ такъ, милъ, худа слава прошла,
Худа славушка—не очень хороша.
Что со той славы за мужъ дѣвка пошла,
За мужъ вышла за старого старика.
Не спущаетъ старъ на улицу гулять,
Хоша спуститъ, самъ въ окошечко глядитъ:
Не стоитъ ли молода жена съ милымъ дружкомъ?
Я стояла съ миленькимъ одинъ малый часъ,
Я ронила горючи слезы изъ глазъ,
Я ронила въ полотняный бѣлый платокъ,
Завязала во нѣмецкій узелокъ,
Положила ко милому дружку во карманъ.
Ужъ я клала, приговаривала:
«Вы бѣлиличка—румяничка мои,
Вы сойдите со бѣла лица долой».
Какъ за рѣченькой было за рѣкой,
Что за быстрой было за Невой
Выпадали тутъ зеленые лужка,
Выростала тутъ шелковая трава.
Эту кто шелковую траву косилъ,
Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросилъ:
«Пропадай моя окладная коса!
Ты помри, помри постылая жена,
Взялъ бы дѣвицу красавицу за себя» *).

7.

Пѣсня во время страды.

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ,
Въ горенкѣ сидѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ.
Сушилъ, крушилъ сердце—знаю для кого,
Знаю для кого: для любезной своее.
Тамъ моя любезная далече живетъ,
Далече, далече межъ горъ высоко.
Тамъ мѣсто прекрасно, пріятенъ духъ иссетъ.
Схожу я ко Аннушкѣ, спрошу самъ ее:
«Скажи, скажи Аннушка! любишь или нѣтъ?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я самъ себя,
Самъ себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчикъ во сырой земли лежать.
Пущай люди скажутъ, пущай говорятъ,
Пущай говорятъ, меня молодца бранятъ.

В. ДѢВИЧЬИ ПѢСНИ.

Сидѣла Дунюшенька въ горенки една,
Шила, вышивала дружку милому початокъ,
Она брала, собирала свѣчки сальны со стола,
Ждала, дожидала себѣ ясна сокола.
Тутъ пріѣхалъ Олешинька въ полночь на конѣ,
Стукнулъ Олешинька копьемъ въ ворота.
Екнуло сердечушко Овдотьюшкино:
Что-же ты, Олешинька долго небывалъ?
Извини, Овдотья, призамѣшкался:
Молодаго шурина въ Питеръ отряжалъ,
Молоду своячину за мужъ отдавалъ.

*) Таково окончаніе пѣсни; на всѣ мои вопросы объ этомъ, былъ одинъ отвѣтъ «ужъ такъ поется».

2.

Ахъ на посадѣ дѣвка взрощена,
Крепделями дѣвка вскормленная,
Въ деревеньку отданая,
Въ деревеньку—на пустыньку,
За крестьянина богатаго,
За дѣтину тароватаго,
Толкучись,
Опихаючись,
Изъ овина небываючись.
Ужъ ты теща,
Ты теща моя,
Теща не ласковая!
У тебя дочь ученая была,
Она поставлена во станы красна,
Какъ девятая весна красна,
Какъ десятое лѣто теплое.
Сквозь подножечки трава проросла,
Сквозь набилочки цвѣты процвѣли.
Ужъ я ту траву повыкошу,
На печѣ траву повысушу,
На полатяхъ зароды намечу,
Подъ полатями сива коня вскормлю.
Распашу я въ избѣ пашенку
Среди полу рѣпки насажу,
А по подлавичью капустоньки,
По лавочьямъ рѣдечки,
Въ большой уголъ луку
И чесноку насажу.

3.

Ахъ тонокъ, да дологъ,
Тотъ зароды метать.
Чернобровъ, черноглазъ,
Тотъ посвистывать гораздъ.
Круглолицъ, бѣлолицъ,
Тотъ пѣсенъ пѣть гораздъ
Толстота, охомяка—
Воду волочить;
Съ косыми-то глазами--
Овинъ молотить.
Овинъ загорѣлъ,
Тутъ косой заревѣлъ.
Идти было ко женушки позавтракати;
Недосугъ, всговоритъ жена:
«Надо хлѣбы катать,
Надоть ребенка качать
Ты баю, баю, дитятко,
Изъ колыбельки бы упасть
Да тебѣ во вѣки пропасть».

4.

Кустъ, кустъ,
Непорато густъ.
Безполезенъ, другъ любезенъ,
Дружка милаго нѣтъ.
Сидятъ птички по кустамъ,
И всѣ овечки по мѣстамъ.
Онѣ спокойны и довольны,
До утра поздно спятъ.
Часты блохи, часты вздохи,
Почаще грызутъ;
Онѣ глазами-то сомкнутъ,
Будто сонъ наведутъ.
Мужикъ—мужика,
Мужикъ—отъ косякъ;
Онъ и въ зубы, онъ и въ губы,
Мужикъ съ мосту упалъ.
Онъ дубиною грозиной
Онъ желаетъ побить.
У насъ во деревнѣ,
Веселѣе будетъ жить.
На пеньи тамъ
Мой миленькой живетъ,
За всегда рожь продаетъ;
Солоду нароститъ,
Зачасту пиво варитъ;
Онъ денегъ не куетъ,
А денегъ въ люди раздаетъ.

5 *).

Ахъ, голубица по водицу
Голубь надъ водою,
Хорошая любезная
Говори со мною,
Говори радость, нетайся,
Въ тоску не вдавайся,
Тоска какъ найдетъ,
Дальше горе придетъ.
Послы скоро будутъ,
Послы будутъ побываютъ,
Все сами перебаютъ.

*) Записаны П. И. Ивановымъ.

*) Слачи эту пѣсню и послѣдующую съ № 23 предъидущаго отдѣла изъ числа записанныхъ г. Селиверстовымъ.

Мы всѣ сидѣимъ въ кампаньи,
Ничего не знаемъ;
Ужъ мы пьемъ, ѣдимъ за здравье:
Здравствуй моя радость!
Здравствуй радость дорогая,
Утѣха драгая;
Хочешь—любишь,
Такъ и купишь золото колечко,
Золото колечико,
Золотомъ витое.
По красну крылечику
Пойду—выйду,
Растоскуется сердечко
На крылечко брякну,
О количеко стукну-брякну,
Взвеселю сердечко.

6.

Ты раскурвинъ сельскій писарь,
Что въ гости не ходишь,
Что гостинецъ не носишь?
Радъ-бы Машинька ходити
Да гостинецъ носити;
Я поѣду душа, Маша
Самъ во Питеръ гуляти,
Привезу я душа, Маша,
Дорогихъ подарковъ:
Дорогой парчи на юбку,
Гризету на шубку,
Алу ленту съ янтарями
На бѣлую шею.
Мнѣ-ка тѣ дары не надо,
Камни не подъ-пару.
Заплету я вольну волю
Коню въ сиву гриву,
Отведу я добру лошадь
Во чистое поле;
Ты гуляй, гуляй
Добра лошадь,
Во чистомъ во полѣ!
Добра лошадь подопнется;
Грива сива растрехнется,
Тоска люта разойдется
По чистому полю.

7.

У Макарова двора
Есть укатана гора,
Есть укатана, увалена,
Водою улита,
Есть водою улита,
Каблуками убита,
Каблуками убита
Да башмачками занята. (2 раз.)
Маша скокъ на ледокъ,
На сафьяной башмачекъ;
Неслыхала какъ, упала,
Погляжу—млада лежу, (2 раз.)
На правомъ боку,
Я на правомъ и на лѣвомъ,
На кисейномъ рукаву.
Я туды—сюды сгляну
Меня не кому поднять.
Изъ гостинова двора
Шелъ мальчишко, точно я.
Я незнала какъ назвать,
Не умѣла взвеличать.
Получила два слова,
Павлушенькой назвала.
Ты, душа, Павлушенька,
Подыми за рученьку.
Радъ-бы, радъ-бы я поднять
Да со сторонъ люди глядятъ,
Глядятъ люди не чужіе,
Все товарищи мои.
Какъ семьнадцать дѣвки лѣтъ,
Полюбила парня на вѣкъ;
Полюбила, говорила,
Что нигдѣ такаго нѣтъ (2 раз.),
Ни въ Казани, ни въ Рязани,
Нѣтъ ни въ Астрахани;
Проявился, учинился
Въ Ерославѣ городѣ,
Въ Ерославѣ городѣ,
Въ нижнемъ-земскінмъ судѣ.

8.

А я куда съ горя дѣваюся,
Дѣваюся, до сопечалюшки потеряюся,
Потеряюся, а я пойду съ горя,
А я пойду съ горя, да во темны лѣса;
Во темны лѣса, да въ зелены лужка;
Въ зелены лужка, да тамъ ростетъ трава,
А тамъ ростетъ трава, да ростетъ травонька,
А ростетъ травонька, да все шелковая,
Шелковая; да расцвѣли цвѣты лазуревы,

А расцвѣли цвѣты лазуревы, да разнесли духи
анисовы,
А разнесли духи анисовы, да все малиновы,
А все малиновы; а ужъ я съ той травы,
А ужъ я съ той травы, да я сорву цвѣтокъ,
А сорву цвѣтокъ, да я сплету вѣнокъ;
А я сплету вѣнокъ, да милому дружку,
А милому дружку, да на головушку,
Да на головушку: да ты носи милой,
А ты носи мой милой, да не уранивай,
А не уранивай, да люби дѣвушекъ,
А люби дѣвушекъ, да не обманывай;
А какъ вѣночикъ спалъ, да милъ любить не сталъ,
А милъ любить не сталъ, да онъ смѣяться сталъ,
А онъ смѣяться сталъ, да все надъ Дунюшкой,
А вотъ надъ Дунюшкой, да крѣпкой думушкой.

9.

Что кому за дѣло,
Что я,
Что я къ милому сѣла,
Сѣла, посидѣла, (растяжно)
Сѣла Машинька,
Маша,
Сѣла посидѣла,
Посидѣла, (рас.)
Разговоръ,
Разговоръ имѣла; (раст.)
Разговоръ имѣла,
Да разговоръ,
Ахъ разговоръ имѣла,
Машинька имѣла, (р.)
Вотъ имѣла,
Гулять захотѣла, (р.)
Гулять захотѣла.
Да гулять-то,
Ахъ гулять-то,—
Батюшки-ли я
Боюся,
Вотъ боюся, (р.)
Матушки,
Матушки стыжуся, (р.)
Матушки стыжуся,
Да пойду я,
А пойду-выйду я,
Млада,
За ворота,
За ворота, (р.)
Въ тѣ лѣса,

Ахъ косилъ Ванюша,
Ваня,
Чужу траву,
Чужу траву, (р.)
Своя въ полѣ,
Своя въ полѣ вянетъ, (р.)
Своя въ полѣ вянетъ.
Да любилъ то-ли,
Ахъ любилъ Ванюша,
Ваня,
Чужу жону,
Чужу жонку; (р.)
Своя дома,
Своя слезно плачетъ, (р.)
Своя слезно плачетъ.
Да ты неплачь,
Ахъ ты неплачь
Ты моя хозяйка, (р.)
Жонка,
Жонка молодая, (р.)
Жена молодая!
Да поѣдуль,
Вотъ поѣду,
Вотъ поѣду, (р.)
Пиши-ко
Пиши ко мнѣ письма, (р.)
Пиши ко мнѣ письма;
Да я писать,
А я писать-то,
То ли млада,
Не умѣю,
Не умѣю, (р.)
Пищика,
Пищика́ не имѣю, (рас.)
Пищика не имѣю,
А писарямъ,
Ахъ писарямъ толи млада,
Млада я не вѣрю,
Вотъ не вѣрю;
Писаря-то,
Ахъ писаря-то ребята,
Ребята молодые, (р.)
Ребята молодые,
Плуты не худые, (р.)
Плуты не худые,
Да они письма,
Ахъ они письма-то,
Пишутъ,
Пишутъ,
И плутуютъ, (раст.)
Плутуютъ всей правды,
Всей правды не скажутъ (р.)

10.

Стояла рябинушка на городѣ,
Срубили рябинушку на четверо,
Сдѣлали рябиновы гусѐлицы:
Этимъ-то вотъ гуслицамъ нѣту игрока.
Игрывалъ, не игрывалъ,
Удалой молодецъ,
Прохожій—молодецъ,
Тѣшилъ, потѣшилъ,
Любушку свою.
Что же ты
Не весела сидишь?
Что же ты
Не ясно глядишь?
Я вѣдь тебя
Не насилу замужъ бралъ,
Впереди себя да сватовьей посылалъ;
Сваты сватались,
Да низко кланялися,
Молитву творили,
Слова говорили.

Г. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ *).

1.

Бай, бай,
Спи усни,
Да угомонъ тебя возьми.

2.

Васинька дружечекъ,
Не ходи ты на лужокъ,
Потеряешь сапожокъ,
Тебя мышка съѣстъ.

3.

Каты по каты,
Женихи наши богаты;
Катъ катышекъ,
Да богатой женишокъ.

4.

Байки по байки,
Матери китайки,

*) Первыя шесть записаны П. И. Ивановымъ, слѣдующія четыре И. Костылевымъ, одинадцатая свящ. Таратинымъ, послѣднія три г. Базилевскимъ.

Отцу кумачу,
Брату ластовицу,
Сестрицы-рукавицы,
Бабки лапанцы,
Дѣдку катанцы.

5.

Тпруни, тпруни у Петруни,
Была сивая кобыла,
Сива, сива некрасива,
Заскочила въ огородъ,
Съѣла гряду огурцовъ,
Все Петра,
Да все Ивановича.

6.

Приди котикъ ночевать,
Приди Ванюшку качать,
Я те котикъ заплачу:
На недѣлю дамъ харчу,
Дамъ те рюмку вина
И конецъ пирога.

7.

Байки по байки да матери китайки,
Отцу кумачу да на ластовицу,
Братцу бархатцу на шапочку,
Сестрицѣ доброй купи штофъ дорогой,
Бабкѣ треухъ соболій пухъ,
Пѣстуньѣ цѣпочка серебрянная.

8.

Спи, поспи по ночамъ, да рости по часамъ,
Выростешь большой, станешь въ Питеръ ходить,
Сребро, золото носить.

9.

Бай, бай, бай, лю, лю, лю!
Утѣшу царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ,
Младенца къ люлькѣ, красную дѣвицу въ высокомъ терему.

10.

Соболи, куницы въ головкахъ спятъ,
Соболи убаютъ, куны да усыпятъ.

11.

Спи Аннушка моя,
Спи голубушка моя,
Баю, баюшки баю.
Сонъ да дрема накатись на глаза
Сонъ ходитъ по сѣнямъ, дрема по теремамъ.
Ищетъ сонъ колыбели себѣ.
У Анюши колыбель въ высокомъ терему,
Въ высокомъ терему, на гибкомъ очапу,
На гибкомъ очапу въ шитобранномъ пологу.

12.

Спи пока заботъ не знаешь
Баюшки баю.
Когда будешь ты больша
Все узнаешь ты тогда.
Баюшки баю.
Нынче Господу молись,
Уму разуму учись
Баюшки баю.
Въ церковь Божію ходи
И со всѣми миръ веди
Баюшки баю.
Почитай отца и мать,
Ближнихъ бойся осуждать.
Баю, бюшки баю.

13.

Спи, спи мое дитятко,
Спи, спи мое сердечко!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Спи, спи, не лѣнись;
Сосни пробудись!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Ужъ ты выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто серебро носить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Будешь жить поживать,
Не лѣниться, работать!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Байте кота,
Укачайте дитя!

Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Дрема то говоритъ:
(Имя мальчика) укладу!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Сонъ то говоритъ:
(Имя) усыплю!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Куницы спятъ,
Лисицы спятъ,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Одни голуби летали,
И тѣ уснули,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

(Имя), дружекъ!
Не ходи на лужокъ!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Тебя мышка съѣстъ,
Либо птичка укюнетъ!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Либо деревцо падетъ
И тебя зашибетъ,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

14.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Байки побайки, матери китайки.

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Отцу кумацу, да на ластовицу.

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Бабушкѣ тряухъ, соболиновой пухъ.

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Шѣстуньѣ поцѣлочка серебряная.

—

Бай, бай (имя) спать,
Люлю, мое дитятко!

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Спи, усни, да великъ вырости.

VI. ОНЕЖСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ.

А. УТОЧКА.

Начало каждой вечеринки даетъ—уточка, т. е. парни берутъ дѣвушекъ и ходятъ по парѣ подъ пѣсни, вдоль по комнатѣ, взадъ и впередъ.

1.

Уточка, поплавай-ка,
Сѣрая со селезнемъ;
Молодецъ со дѣвицей:
Радъ бы я поплавати—
Угорѣлъ, голова моя болитъ:
Завяжу я голову платкомъ,
Плеточкомъ тальянскимъ,
Рукавцомъ бѣльянскимъ,
Самъ я изъ круга вонъ пойду,
По иного-то по добра молодца,
По ину-то по красну дѣвицу.
Я по дѣвицу, пойду,
Я по красную пойду!
Зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Какъ на яблочко!
Коя есть тонка, высока,
Изъ лица хороша,
Красна дѣвица душа;
Ужъ я ту возьму,
За собой поведу,
Молодой назову.
Не укажешь-ли,
Не навяжешь-ли?
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ;
Кому нѐ тошно,
Тому нѐ по что;
Кому хочется,
Тотъ сволочится,
Поклонится,
Отворотится.

2.

Утка лебедку гонила-гонила,
Александра N любила-любила.
Какъ его свѣта не любить:
Онъ мой свѣтъ басенекъ,
Онъ мой свѣтъ хорошенекъ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями,
Синь кафтанъ со сборами,
Кушакъ съ полосами.
Соколъ да Соколовичъ,
N да Петровичъ,
Приходилъ къ окошечку,
Говорилъ словечко:
Александра душечка,
Васильевна любка,
Проговори въ окошечко,
Пришли подарочекъ,
Ярославскій пряничекъ,
Самоваръ на тарелочкѣ,
Да рубль съ полтиной,—
Съ полтиною, съ гривною,
Съ четыремя копѣчками,
Съ четыремя колечками,—
Поѣдешь вѣнчаться,
Кольцами обручаться.

3.

Ходитъ гуляетъ,
Мой милый хорошій,

*) Пѣсни эти записаны бывшимъ студентомъ Кіевскаго Университета Фризе въ Онежской тюрьмѣ со словъ мѣщанки А. И. Н. въ январѣ 1867 г.

Щиплетъ, ломаетъ,
Зеленъ виноградъ, } 2.
Вѣточки мечетъ
Ко мнѣ на кровать,
Ой шуточки шутитъ,
Со мной молодой, 2.
Рѣчи мнѣ не молвитъ,
Слова не даетъ.
Охъ погляжу въ окошечко,
Куда милъ пойдетъ? 2.
Пошелъ мой миленькій,
По улицѣ вдоль,
Зашелъ мой миленькій,
Въ самый крайній домъ, 2.
Въ самый крайній домъ,
Ко вдовушкѣ въ домъ.
У вдовушки доченьку
Сашенькой зовутъ,—2
Выходила Сашенька
На ново крыльцо,
Выносила Сашенька
Чайницу съ виномъ, 2.
Наливала Сашенька,
Чарку золоту,
Подносила Сашенька
Милому дружку! 2.
Выпей-ка, выкушай,
Мой милый хорошій,
Вспомни-ка, вздумай,
Какъ вмѣстѣ росли,
Да ночьки, ноченьки,
Просиживали,
Забавныя рѣчиньки
Говаривали: 2.
Тебѣ не жениться,
Мнѣ замужъ нейдти!
Женишься, женишься
Мой милый, хорошій, 2.
Возьмешь ты, возмешь,
Надежду свою.
Надежду свою,
Любезненькую. 2.

4.

Не летай-ка соловьюшка,
Не летай-ка, молоденькій:
Безъ тебя въ саду не весело.
Всѣ птички, всѣ пташечки,
Всѣ головушки повѣсили,
Крылья, перья пріопустили.
Ты заря-ли моя зорюшка,
Ты заря, позно-вечерняя,
По тебѣ-ли, моя зорюшка,
По тебѣ-ль, позно-вечерняя,
Я ходилъ, гулялъ ко дѣвушкѣ,
Я носилъ дѣвкѣ подарочки:
Я тафты, камки на юбочку,
Гранитуру на шубеечку,
На головушку тальянскій платокъ,
Околъ шеи алый галстучекъ.

5

Я пойду-ли пойду, загуляю,
Ай люли, люли загуляю, (2)
Бѣлую березку заломаю,
Ай люли, люли заломаю (2).
Выломлю два пруточка,
Ай люли, люли пруточка (2).
Сдѣлаю два гудочка,
Ай люли, люли гудочка (2).
Стану въ гудочки играти,
Ай люли, люли играти, (2)
Стараго мужа побужати,
Ай люли, люли побужати (2).
Вы гудки не гудите,
Ай люли, люли, не гудите, (2)
Стараго мужа не будите,
Ай люли, люли не будите (2).
Старый мужъ проснися,
Ай люли, люли проснися, (2)
Вотъ-те помои умойся,
Ай люли, люли умойся (2).
Вотъ тебѣ онучи утрися,
Ай люли, люли утрися, (2)
Вотъ тебѣ заслонъ, помолися,
Ай люли, люли помолися, (2)
Вотъ-те лопата, причешися,
Ай люли, люли причешися (2).

6.

Не ходи моя, милая
Къ сосѣду въ бесѣду, (2)
У сосѣда во бесѣдѣ
Все сидитъ холостье: (2)
У холостыхъ глаза востры,

Сами завидущи; (2)
Холостой глаза поводитъ
Изъ ума выводитъ; (2)
Черны брови подымаетъ,
На дворъ вызываетъ, (2)
На дворъ, на дворъ вызываетъ,
Платочекъ даваетъ: (2)
Не хочу платокъ приняти,
Хочу такъ обняти, (2)
Хочу, хочу такъ обняти,
Въ уста цѣловати. (2)
Знать у моего милаго
Два зеленыхъ сада: (2)
Во первомъ саду, садочку
Кукушка кукуетъ, (2)
Во другомъ саду, садочку
Самъ, душа, гуляетъ. (2)
На головкѣ черна шляпа
Со алой, со лентой (2)
Что со алою, со лентой,
Съ желтымъ позументомъ (2).
Кабы знала, сповѣдала
Сашинъ голосочикъ, (2)
Я списала-бъ голосочикъ
На тонкій листочикъ, (2)
Что на тоненькій листочикъ,
На бѣлу бумажку. (2)
Отошлю я тотъ листочикъ
Въ иной городочикъ, (2)
Что во иной городочикъ,
Въ питейный домочикъ, (2)
Во питейный во домочикъ,
Къ батюшкѣ родному, (2)
Что ко батюшкѣ родному,
Къ своему милому, (2)
Что ко своему милому,
Своему сердечному. (2)

7.

Во садику была Я,
Во садику была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я *).

*) Ударніе на всѣхъ стихахъ на послѣднемъ слогѣ.

Воробышка видѣла (2),
Ай! Видѣла (4),
Воробышка молодца (2)
Ай! Молодца (4),
Петербургскаго купца (2),
Ай! Купца, купца (4);
Купчика, голубчика! (2)
Встань, встань, прибодрись (2).
Ай! ну, да прибодрись (4).
Цѣловать будутъ: садись (2).
Ай! ну, да садись (4).
Ты пожалуста садись (2),
Ты садись—таки садись (4).

8.

На ручью было, на мѣдвяномъ,
На ручью было серебряномъ,
Золотая была черпалка,
Серебряна почерпушечка,
Александра была душечка,
Да Васильевна была ягодка:
Александра воду черпала,
Свѣтъ Васильевна вычерпывала:
Тамъ-ли конь бѣжитъ по бережку,
Тамъ-ли сивый бѣжитъ по крутому;
За конемъ идетъ удалый молодецъ,
Свѣтъ по имени (имя) да (отчество),
Кричитъ громкимъ голосомъ:
«Александра, удержи добра коня,
«Васильевна, сиваго жеребца
«За узду, узду серебряную,
«За поводья позолоченые!

9.

Что не штофики по горницѣ бречатъ,
Не стаканы по подносамъ говорятъ:
Марья ходитъ по терему,
Ивановна по высокому.
Она бѣлится, румянится,
Въ чисто зеркальце смотрится,
У Павла въ гости просится:
«Ужъ ты Павелъ, буди—ягода,
«Да Васильевичъ, наливная,
«Отпусти въ гости ко батюшкѣ,
«Ко сударынѣ, ко матушкѣ!»
— «Дорогая, честна гостьюшка,
«Ужъ ты Марья, свѣтъ Ивановна,
«Посиди-тка у меня въ терему,

«Погляди-тко на меня молодца,
«На меня, на добра молодца,
«На Павла Васильевича».

10.

Кто у насъ въ горенкѣ хорошій,
Ай, люшеньки-лю, ой люшеньки-люли?
Михайлушка, хорошій,
Ай, люшеньки, и т. д.
Ивановичъ, пригожій;
Ай, люшеньки, и т. д.
Ужъ онъ коничка сѣдлаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Конь—отъ съ нимъ играетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Ужъ онъ плеточкой машетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Конь—отъ подъ нимъ пляшетъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ воды подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Воды разливаютъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ лужкамъ подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Лужки зеленѣютъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ салику подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Цвѣты разцвѣтаютъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ терему подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т д.
Дѣвица встрѣчаетъ,
«Ай, люшеньки и т. д.
Марфушка встрѣчаетъ,
«Ай, люшеньки и т. д.
Дмитріевна взвеличаетъ:
Ай, люшеньки и т. д.
Поди ты, мой хорошій!
Ай, люшеньки и т. д
Поди ты, мой пригожій!
Ай, люшеньки и т. д
А я тебя ждала,
Ай, люшеньки и т. д.
А я дождала,
Ай, люшеньки и т. д.
Въ уста цѣловала,
Ай, люшеньки и т. д.
Гостинцы давала,
Ай, люшеньки и т. д.
Ночевать унимала
Ай, люшеньки и т. д.

11.

Двое ходятъ не велики,
Настоящи двѣ калики;
Двое сойдутся,
Два обоймутся,
Поцѣлуются.
Еще въ старые тѣ годы
Не бывало такой моды,
Пришелъ нонѣче указъ
Цѣловаться сто-пять разъ:
Поцѣлуй въ уста.
На то нѣтъ поста
Ныньче заговѣнье.

12.

Чивиль чивиль, воробей,
Чивиль чивиль, молодой!
Прививается воробей,
Прививается молодой
Къ Натальинымъ воротамъ,
Къ Петровнинымъ широкимъ.
Похваляется
Да Иванъ молодецъ,
Похваляется
Да Федоровичъ:
Воротечка отворю,
Приворотенку выломлю,
Натальюшку выведу
За рученьку,
За правую,
За перстни-тѣ
Злаченые.
Цѣлуя я тебя,
Милую я тебя,
Въ уста твои
Въ сахарные.

3.

Деревня отъ деревни
Неподалече стоитъ.
Эхъ, звонъ-трезвонъ,
Согласенъ попъ,
Согласна поподья
Согласилась за попа,

За попова козака,
За дородна молодца:
«Поди сватай у отца,
Сватай у батюшки,
Сватай у матушки.
Будетъ батюшка отдастъ,
Родна матушка отдастъ,
Не отстану я отъ васъ,
Ни на малый часъ:
Буду я за вами,
За вашими пятами,
За толстыми кулаками».
Толстые кулаки
Принамякали бока!
Ты не ѣшь молока
Да по постнымъ днямъ,
Да по пятницамъ.

Б. И Г Р Ы.

Для начала игры составляется кругъ изъ дѣвушекъ и парней.

1.

Царевъ сынъ *)

На средину комнаты выходитъ одинъ изъ парней, порасторопнѣе, беретъ любую изъ дѣвушекъ за руку и ведетъ за собой; дѣвушка, затѣмъ, другой рукой должна взять другаго парня, этотъ парень беретъ опять дѣвушку и т. д., такъ-что составляется цѣлая вереница изъ дѣвушекъ и парней, и все парами; начавшій-же первымъ игру парень водитъ всю вереницу за собой, кружа по комнатѣ, и стараясь сдѣлать шествіе по возможности запутанными путями. Всѣ же присутствующіе, во время этаго шествія, т. е. сборъ лицъ играющихъ поютъ:

1.

Кычи гуси, домой.
Кычи лебеди, домой,
Со ржавченки,
Со болотенки,
Со свѣжія воды,
Со Дуная, со рѣки;
Этотъ нашъ, этотъ нашъ,
Этотъ нашъ гусенекъ;
Гусь сѣренькой,
Гусь бѣленькой.

Пѣсня повторяется нѣсколько разъ, или же переходятъ къ другой наборной пѣснѣ:

*) Изъ старинныхъ игръ.

2.

Ужъ ты хрѣнъ, мой хрѣнъ,
Садовой, полевой.
Ахъ не я тебя садилъ,
Да не я поливалъ.
Садилъ тебя Иванъ,
Поливалъ Селифанъ,
Селифанова жена
Присматривала;
Его дочь Катерина
Приговаривала:
«Вырву я хрѣнинку,
Отрехну,
Выведу дѣвицу,
Усмотрю.
Я ко бабушки
Потеку,
У ней рѣдечки
По прошу.
Скажу: бабушка,
Добра, добра, добра!
У тя рѣдька,
Сладка, сладка, сладка,
Рѣдька рано посѣянная,
Часто поливанная,
Былъ у бабы, у дуры,
Новой возгородъ;
Сѣмяна были чужія,
Покупаемыя,
Вода ношеная,
Замороженная,
Такъ и брошенная».
Ѣхали бояре
Изъ Нова-города;
Ай, увидѣли дѣвицу
На крутомъ бережку,
На крутомъ бережку,
На желтомъ песку:
Продай, дѣвица, хрѣнку,
Продай красавица хрѣнку.

Когда собирается достаточное количество играющихъ паръ, вся вереница останавливается, образуя кругъ. Двѣ пары отдѣляются: мужщины вдвоемъ выходятъ за кругъ, а двѣ дѣвушки остаются внутри круга. Какъ кругъ, такъ и отдѣлившіеся парни и дѣвки начинаютъ потихоньку ходить то въ одну сторону, то обратно. За тѣмъ начинается самая пѣсня, въ продолженіи которой

вышедшія на сцену пары должны дѣлать то, о чемъ поется:

Еще ходитъ царь,
Да царевъ сынъ; (3)
Еще ищетъ царь,
Да царевъ сынъ, (3)
Отпирайтеся ворота, *)
Да царевъ сынъ, (3)
Выступай душа царевна,
Да царевъ сынъ (3)
Выступай-ко правой ножкой, **)
Да царевъ сынъ, (3)
Ты бери за праву ручку, ***)
Да царевъ сынъ, (3)
Ужъ вы кланяйтесь низенько, ****)
Да царевъ сынъ, (3)
Да еще того пониже, *****)
Да царевъ сынъ, (3)
Вы цѣлуйтесь-ка миленько, ******)
Да царевъ сынъ, (3).
Вы еще того миляе, *******).
Да царевъ сынъ, (3)
Ужъ какъ взялъ свою царевну,
И повелъ свою царевну,
Кругомъ города:
Скачи моя царевна,
Пляши моя царевна,
Ужъ какъ царь приказалъ,
Молодой приказалъ—
Скакать и плясать,
Перемѣны искать,—
Перемѣниваться.
Съ красной дѣвушкою.

Вслѣдъ за послѣднимъ поцѣлуемъ обѣ пары входятъ внутрь круга, кругъ замыкается, идя снова въ ту и въ другую сторону; а попавшіе въ средину круга подъ послѣдній плясовой припѣвъ кружатся попарно сильнѣйшимъ образомъ.

За тѣмъ отдѣляются новыя пары и игра продолжается описаннымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ перечередуются.

*) Кругъ расходится, дѣлясь въ одномъ звенѣ и давая возможность стать другъ противъ друга двумъ парнямъ и двумъ дѣвушкамъ, которые были передъ тѣмъ отдѣлены между собою кругомъ.

**) Выставляютъ правую ногу.

***) Берутъ другъ друга за правую руку.

****) Кланяются.

*****) Кланяются ниже.

******) Цѣлуются.

*******) Снова цѣлуются.

2.

Не новъ монастырь становился. *)

Игра начинается совершенно также, какъ и предъидущая: собирается кругъ подъ тотъ-же припѣвъ и съ тѣми же церемоніями, попарно мущины и женщины. Когда достаточное количество народу собрано, начавшій игру парень заходитъ внутрь круга, представляя собою чернеца, т. е. монаха, и вмѣстѣ съ хоромъ запѣваетъ пѣсню:

Что не новъ монастырь становился,
Молодой чернецъ постригся, (2)
Захотѣлось чернецу погуляти, (2)
По заулкамъ, по межуткамъ политати (3).
Какъ на встрѣчу-то чернецу стары бабы, (2)
Чернище колпачище напрягаетъ: (2) **)
Не мое было дѣло жениться, (2).
Какъ мое-то было дѣло спасаться (2).
Что не новъ монастырь становился, (2)
Молодой чернецъ постригся, (2)
Захотѣлось чернецу погуляти; (2)
По заулкамъ. по межуткамъ полытати (2).
Какъ на встрѣчу чернечищу красны дѣвки, (2)
Чернечище колпачище скидываетъ: (2) ***)
Не мое было дѣло спасаться, (2)
Какъ мое-то было дѣло жениться (2).
Я поѣду на Китай городъ гулять, (2) ****)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)
Я куплю-ль своей женѣ покупку,
Саму лучшу предиковинную юбку (2).
Ты примайка, молода жена, не чванься, (2)
Душа сердце мое да не ломайся. (2) *****)
Посмотритека, добрые люди, (2)
Какъ жена-то меня молодца нелюбитъ, (2)
Душа-сердце мое ца не цѣлуетъ, (2)
Я поѣду на Китай городъ гулять, (2)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)

*) Изъ новыхъ, весьма недавняго времени.

**) Представляющій черница стоитъ въ шапкѣ; въ это время, находящійся въ кругу, надвигаетъ ему ее на глаза.

***) Чернецъ снимаетъ шапку.

****) Иногда поютъ: въ Новъ-городъ, вмѣсто „на Китай городъ“.

*****) Чернецъ, выбравъ одну изъ дѣвушекъ, стоящихъ въ кругу, которая была съ нимъ въ парѣ, останавливается противъ нея и бросаетъ ей платокъ; но дѣвушка, не желая принять подаркомъ, кидаетъ платокъ ему обратно; и это продолжается до трехъ разъ. Тогда парень береть платокъ, и подъ припѣвъ: посмотрите-ка добрые люди и т. д. ходитъ въ кругу, машетъ платкомъ надъ головой, какъ бы показывая тѣмъ свою обиду окружающимъ.

Я куплю-ли своей женѣ покупку, (2)
Саму лучшу предиковинную шубку (2).
Ты примай-ка, молода жена, не чванься, (2)
Душа, сердце мое да не ломайся (2).
Посмотритека-ка, добрые люди, (2)
Какъ жена то меня, молодца, не любитъ, (2)
Душа, сердце мое да не цѣлуетъ (2) *)
Я поѣду на Китай городъ гуляти, (2)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)
Я куплю-ль своей женѣ покупку. (2)
Саму лучшую предиковинную плетку (2).
Ты примайка, молода жена, нечванься, (2).
Душа, сердце мое, да не ломайся (2).
Посмотрите-ка добрые люди (2)
Какъ жена-то меня молодца любитъ, (2)
Душа сердце мое да цѣлуетъ (2).

Влѣдъ за словами: ты примай-ка молода жена и т. д. парень начинаетъ бить дѣвушку приготовленною имъ заранѣе плеткой, свитой изъ того же платка; а дѣвушка начинаетъ его обнимать. Съ припѣвомъ: «посмотритека» и т. д. пара эта затѣмъ начинаетъ кружиться, и—игра кончена.

3.

Барина женить! **)

Одинъ изъ болѣе расторопныхъ на вечеринкѣ мущинъ, представляющій барина-жениха, входитъ на средину комнаты, тогда какъ всѣ прочіе гости сидятъ кто гдѣ попало. Женихъ ходитъ вокругъ и вдоль комнаты, помахивая краснымъ или другаго цвѣта платкомъ, и въ то время, какъ общій хоръ съ нимъ вмѣстѣ поетъ нижепомѣщенную пѣсню, онъ долженъ набирать себѣ поѣзжанъ на свадьбу, а потому подходитъ къ разнымъ лицамъ, кланяясь имъ въ поясъ:

Ходилъ, гулялъ баринъ,
Вдоль по хороводу;
Искалъ баринъ (2)
Любимаго тестя къ себѣ: ***)
Пусть ты мнѣ тесть-отъ,
Я-ли тебѣ зять.
Всѣ добрые люди
Пожалуйте на свадьбу:****)

*) Парень и дѣвушка повторяютъ снова тоже, что было при предъидущемъ припѣвѣ.

**) Изъ новыхъ какъ и предъидущая.

***) Подходитъ къ одному изъ парней, кланяется ему; тотъ беретъ его за ту руку, въ которой платокъ, и они начинаютъ уже ходить вдвоемъ.

****) Кланяются оба гостямъ, а преимущественно дѣвушкамъ.

У насъ пиво вареное
У насъ вино готово,
Сусло не сбѣжало.

—

Ходилъ, гулялъ баринъ
Вдоль по хороводу,
Искалъ баринъ (2)
Любимую тещу къ себѣ: *)
Пусть ты мнѣ теща,
Я-ль тебѣ зять-отъ.
Всѣ добрые люди **)
и проч.

Затѣмъ поется опять, какъ въ первомъ и второмъ куплетѣ, и припѣваютъ прочихъ поѣзжанъ, какіе обыкновенно присутствуютъ на свадьбѣ: крестный отецъ, божатка (крестная мать), братъ, сестра, дядя, тетка, дѣдка, бабка, ключникъ, ключница и т. д.; затѣмъ поется:

Хожу я, гуляю,
Ищу, выбираю,
Свою младу, милую,
Невѣсту любимую. ***)
Покажи-ка зятюшка
Свои ножки рѣзвыя, (2)
Сапоги козловые,
Заинька бѣленькій,
Сапоги козловые!
Изволь, люди добрые,
Мои ноги рѣзвыя (2)
Сапоги козловые.
Заинька, бѣленькій.
Сапоги козловые.
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите ****)

—

Покажи-ка зятюшка
Свои ручки бѣлыя, (2)
Кулаки здоровые,
Заинька, бѣлинькій,
Кулаки здоровые!

*) Останавливаются передъ одной изъ дѣвушекъ и кланяются ей оба; тесть беретъ ее за руку и идутъ втроемъ снова по комнатѣ.

**) Кланяются всѣмъ гостямъ.

***) Въ это время женихъ подходитъ къ невѣстѣ, кланяется ей, беретъ ее за руку и присоединяетъ къ кругу изъ поѣзжанъ; кругъ останавливается и женихъ расхаживаетъ снова внутри круга.

****) Показываетъ, приплясывая, свои ноги и сапоги.

Изволь, люди добрые
и т. д.
Если такъ не вѣрите
Во глаза увидите. *)
Покажи-ка зятюшка
Свое лицо бѣлое,
Глаза развеселые,
Заинька, бѣленькій,
Глаза развеселые!
Изволь люди добрые
и т. д.
Если такъ не вѣрите **)
и т. д.
Покажи-ка, зятюшка,
Твого тестя батюшка!
Мой-отъ тесть-отъ батюшка,
Изволь люди добрые;
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите. ***)

Далѣе повторяется тоже самое и со всѣми остальными поѣзжанами. Затѣмъ:

Покажи-ка, зятюшка,
Свою младу милую,
Свою младу милую,
Невѣсту любезную
Заинька, бѣленькій,
Невѣсту любезную!
Изволь, люди добрые,
Мою младу, милую (2)
Невѣсту любезную,
Заинька, бѣленькій
Невѣсту любезную.
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите.

Показавъ свою невѣсту и походивъ съ ней вокругъ поѣзжанъ, женихъ, начинаетъ съ ней вертѣться, при чемъ хоръ поетъ:

Ужъ какъ весело женили,
Да не съ кѣмъ спать.

4.

Дружина. ****)

Двѣ дѣвушки ходятъ, взявшись за руку посреди комнаты, а въ это время поется

Походить было съ дружиночкой,
Походить было съ хорошенькой.
Ты дружина, милъ сердечный другъ (2)
Обоймемся-ка съ дружиночкой,
Обоймемся-ка съ хорошенькой; *)
Ты дружина, милъ сердечный другъ (2).
Ужъ поклонимся съ дружиночкой,
Ужъ поклонимся съ хорошенькой; **)
Ты дружина и т. д.
Поцѣлуемся съ дружиночкой,
Поцѣлуемся съ хорошенькой; ***)
Ты дружина и т. д.
Выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошеньку; ****)
Ты дружина и т. д.
Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошенька.
Ты дружина и т. д.

Дѣвушки кланяются каждая своему избранному парню, берутъ ихъ за руки, становятся другъ противъ друга парами и начинаютъ ходить подъ нижеслѣдующую пѣсню такимъ образомъ, что обѣ пары доходятъ до средины комнаты, гдѣ встрѣчаются, а потомъ отступаютъ задомъ каждая на свое мѣсто и опять идутъ впередъ.

Вотъ спасибо сосѣдушки,
Что женили молодца;
Вотъ спасибо собранные,
Замужъ выдали меня.

При этой пѣснѣ обѣ пары начинаютъ вертѣться и кружиться, и чѣмъ сильнѣе и быстрѣе, тѣмъ парень болѣе предпочитается другимъ и считается ловкимъ, молодцоватымъ.

По окончаніи вышеписанной пѣсни, парни, избранные для игры дѣвушками, сажаютъ этихъ послѣднихъ на мѣста, а сами приглашаютъ вмѣсто ихъ другихъ двухъ дѣвушекъ, съ которыми и продолжаютъ ходить вышеписаннымъ образомъ подъ приведенную пѣсню, которая теперь только получаетъ свой настоящій смыслъ и значеніе ибо до тѣхъ поръ игралась лишь двумя дѣвушками, безъ парней, единственно для начала игры. Какъ игра, такъ и пѣсня, продолжаются столько времени, сколько того пожелаетъ компанія и пока нахо-

*) Показываетъ руки, постукивая кулакомъ по кулаку.
**) Показываетъ лицо и глаза, поглаживая то и другое.
***) Беретъ за руку тестя и ходитъ съ нимъ по кругу, показывая его поѣзжанамъ.
****) Изъ болѣе новыхъ.

*) Обнимаются.
**) Кланяются.
***) Иногда цѣлуются.
****) Каждая подходитъ къ одному изъ парней, по желанію.

дятся желающіе на эту игру. Пары мѣняются постоянно съ окончаніемъ послѣдней строфы пѣсни, во время которой сильно кружатся, и если въ предъидущій разъ парни приглашали или брали, по мѣстному выраженію, дѣвушекъ, то вслѣдъ за тѣмъ мѣняются парни и уже вмѣсто ихъ дѣвушки берутъ другихъ парней; за тѣмъ мѣняются дѣвушки, а избранные ими передъ тѣмъ парни берутъ другихъ дѣвушекъ и т. д. Болѣе веселые и беззаботливые парни исполняютъ обрядъ поцѣлуя съ дѣвушками, когда о томъ поется, и къ заключенію пѣсни позволяютъ себѣ иногда прибавлять слѣдующее двустишіе:

Ужъ весело жѣнился,
Да не съ кѣмъ спать!

5.

Столбичекъ. *)

Большею частію одинъ изъ парней, и очень рѣдко дѣвушка, садится посреди комнаты на стулъ, представляя собою *столбичекъ*. Одна, а иногда, если много на лицо, двѣ дѣвушки, поднимаются съ своего мѣста и начинаютъ ходить вокругъ столбика, или комнаты, итутъ же начинается хоромъ пѣсня:

Еще кругъ столбика я хожу,
Еще кругъ дубова ли гуляю;
Еще чѣмъ столба будетъ дарить,
Еще чѣмъ дубова будетъ дарить:
Подарю столба животомъ,
Животомъ ли, красной дѣвицею,
Александрою Васильевною.

Послѣ того дѣвушка, ходившая первою подъ пѣснію и имя которой было пропѣто, передаетъ столбичку парню платокъ, или другую какую изъ мелкихъ вещей, садится на свое мѣсто. Таже пѣсня начинается снова, другая дѣвушка ходитъ такимъ-же образомъ, при чемъ уже припѣвается ея имя; за ней третья и т. д.

Когда уже всѣ дѣвушки, и даже болѣе веселыя молодыя женщины (женки), находящіяся на вечеринкѣ, поочереди обходятъ кругъ столба и каждая дастъ парню столбичку, у котораго бываетъ иногда стоящій сзади другой парень *подстолбичекъ*, какую нибудь вещь изъ мелочи: платокъ, серьги, кольцо, или что другое, тогда начинается *выкупъ* отданныхъ вещей. По той же очереди, какая была при хожденіи вокругъ столба, выходитъ дѣвушка, бывшая первою; ходитъ снова кругомъ парня столбичка и въ тоже время хоръ поетъ:

Выкупай-ка Александрушка, вѣнокъ,
Выручай-ка, Васильевна, шелковъ;
Не отдамъ я вѣнка безъ выкупа,
Я безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ удалаго добра молодца
Безъ (имя) да (отчество).
Мнѣ-ка хлѣба-то не ѣсть,
Мнѣ-ка (имя дѣвушки) любить
Мнѣ (отчество).
Еще кто ногой не топнетъ, *)
У того нога отсохнетъ
По косточки,
По ладыжечки.
Еще выскочи высоко,
Поцѣлуй столба
Въ золоты уста
И съ подстолбичкомъ.

Парень подымается на стулѣ по возможности выше, для того чтобы дѣвушкѣ было труднѣе достать поцѣлуй; дѣвушка-же старается подпрыгнуть или *выскакать*, по мѣстному выраженію, повыше и цѣлуетъ парня три раза, равно и подстолбичка, крестъ-на-крестъ; тогда парень возвращаетъ ей ея закладъ.

За первой дѣвушкой идетъ выручать *вѣнокъ* или закладъ слѣдующая и т. д. до послѣдней; къ имени всякой дѣвушки, ходящей кругъ столба, припѣвается имя столбичка.

6.

Косая огорода. **)

Сущность этой игры очень проста: три дѣвушки становятся посреди комнаты, образуя собою треугольникъ, у каждой за спиной становится по парню; съ началомъ пѣсни, первая пара, впереди дѣвушка, назади парень, идутъ *въ ворота*, которыя образуютъ вторая и третья пара промежь себя; пройдя по другую сторону воротъ они оборачиваются такъ, что парень уже будетъ впереди, а дѣвушка позади его: остальныя пары дѣлаютъ не большой поворотъ на своихъ мѣстахъ съ цѣлью, чтобы всѣмъ стоять лицомъ другъ къ другу. Затѣмъ очередь за второй парой, которая идетъ въ ворота между первой и третьей парой, послѣ чего оборачиваются, какъ и прежде другъ къ другу лицомъ,—и идетъ въ ворота—между первою и второю парой—третья пара, поступая такимъ же образомъ, какъ двѣ предъидущія. Далѣе очередь опять первой пары и т. д.,—въ

*) Изъ старинныхъ.

*) Дѣвушка притопываетъ ногой.

**) Пѣсня изъ прежнихъ, нынѣ почти оставленная.

этомъ заключается вся игра. Названіе же *косой огороды*, т. е. неправильная ограда или заборъ, зависитъ отъ того, что, отъ постоянныхъ переходовъ паръ съ мѣста на мѣсто по настоящему, весь треугольникъ долженъ описывать *косую* линію, но играющіе, чтобы не упереться въ стѣну или уголъ комнаты, направляютъ линію такъ, что она кружится около центра комнаты.

1.

Вася маленькой,
Вася коротенькой,
Вася коротенькой,
Плясать охоченькой,
Вася коротенькой,
Плясать охоченькой.
На немъ плисовы штаны,
Да рантовы сапоги,
На немъ плисовы штаны,
Рантовые сапоги;
На немъ шапочка,
Камилавочка,
На немъ шапочка,
Камилавочка;
Гранитуровый платокъ,
Онъ въ залогъ не кладетъ,
Гранитуровый платокъ,
Онъ въ залогъ не кладетъ;
Онъ въ залогъ не кладетъ,
Лучше такъ отдаетъ:
Родимая моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять,
За рѣку ходить гулять.
Тебѣ меня не унять,
За рѣку ходить гулять,
Что за рѣченькой, за быстрой,
Я гулялъ—таки, гулялъ.
Что за рѣченькой, за быстрой,
Я гулялъ—таки, гулялъ,
Я свою радость—хорошую,
Я видалъ—таки, видалъ.
Я свою радость—хорошую,
Я видалъ-таки, видалъ,
Что моя радость—хорошенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька.
Что моя радость—хорошенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька,
На нее глядѣть милешенько.

2.

Жердочка тоненька,
Сама слабенька.
Я по жердочкѣ шла,
По слабенькой,
По слабенькой,
Я по тоненькой;
Тонка жердочка гнется,
Сама не ломится. 2
Хорошо съ милымъ живется,
Не стошнится,
Хошь и стошнится,
Разгуляемся пойдемъ: 2
Какова, милый, пора,
Не болитъ ли голова,
Не болитъ ли головушка,
Не ноетъ ли животъ; 2
Хошь и ноетъ животъ,
Да лицо мило живетъ;
Что за варницами,
За поварницами, 2
Тамъ не въ гусельцы играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говоритъ красна дѣвица
Со удалымъ молодцомъ: 2
Мы пошутимъ съ тобою,
Будто братъ съ сестрою,
Будто братъ съ сестрой,
Съ красной дѣвицей. 2

7.

По горамъ ходить. *)

Игра начинается тѣмъ, что мущина беретъ дѣвушку и идетъ съ ней вдоль по комнатѣ, за ними слѣдомъ другая пара, за этими еще пара и т. д. нѣсколько паръ, желающихъ играть, и строятся такимъ образомъ, чтобы мущина шелъ за мущиной, а дѣвушка за дѣвушкой, составляя нѣчто въ родѣ *полонеза*. Первая пара, дойдя до стѣны, разнимаетъ руки: мужчина поворачивается въ одну сторону, идя обратно къ прежнему мѣсту, а дѣвушка въ другую сторону, также идя обратно; за ними слѣдуютъ и остальные—мущины за мущиной, а дѣвушки за дѣвушкой составляя два теченія до тѣхъ поръ, пока у противоположной стѣны, т. е. откуда на-

*) Изъ очень старинныхъ, давно уже позабытыхъ.

чалось шествіе, не встрѣтятся мущины и дѣвушки сначала первой пары, а за ними и остальные. Тутъ, шествіе идетъ какъ и въ началѣ, именно: рука въ руку идутъ пары мущинъ и дѣвушекъ, другъ за другомъ, до того мѣста, гдѣ снова приходится дѣлиться на двѣ струи—мужскую и женскую. Пѣсня поется слѣдующая:

По горамъ было, по высокімъ, (2)
По лужкамъ зеленымъ; (2)
Разцвѣтали тамъ цвѣточки, (2)
Все цвѣты алые. (2)
Еще всѣ цвѣты аленьки, (2)
Одинъ поаляе всѣхъ (2).
Чѣмъ онъ, чѣмъ онъ поаляе, (2)
Чѣмъ повеселяе? (2)
Еще все дружи миленьки, (2)
Одинъ помиляе всѣхъ. (2)
Чѣмъ онъ, чѣмъ онъ помиляе, (2)
Чѣмъ повеселяе? (2)
Ужъ я своему милому (2)
Стану, буду вѣнки плесть; (2)
Своимъ бѣлыма рукама, (2)
Алой лентой перевью, (2)
Надеженькой назову. (2)
«Ты, надежда, милъ-сердечный, (2)
Что въ гости не ходишь?» (2)
—Ужъ я радъ въ гости ходить, (2)
Не своя неволя: (2)
Надо синь кафтанъ со сборами, (2)
Кушакъ съ полосами, (2)
Надо шапочка съ углами, (2)
Головка съ кудрями. (2)

В. ВЕЧЕРИНКИ ВООБЩЕ.

Когда на вечеринкѣ присутствуютъ парни, то сверхъ *уточки* и вышеписанныхъ *игръ*, которыя въ послѣднее время стали выводиться, а нѣкоторыя трудно и встрѣтить совсѣмъ,—большею частію уже занимаются танцами, особенно кадрилью, а иногда являются уже знакомые и съ другими мелкими танцами. Когда же нѣтъ парней, или есть, но нерасторопные, или не танцующіе, то дѣвушки больше сидятъ по мѣстамъ, или обхватившись межъ собой прохаживаются по комнатѣ, занимаясь уничтоженіемъ чаю, сластей и закусокъ (пряниковъ) и пѣснями, большею частію общими, которыя поются при разныхъ работахъ, какъ то: рыбной ловлѣ, греблѣ въ лодкѣ, заводскихъ работахъ и т. д., а также и тѣхъ которыя лѣтомъ поются въ хороводахъ. Какъ одну изъ пѣсенъ изъ разряда общихъ, замѣчательную по хорошей прогласицѣ (напѣву), приводимъ нижеслѣдующую:

1.

Шила брала коверъ, (2)
Шила, вышивала; (2)
Вышиваючи коверъ (2)
Рѣчи говорила: (2)
—Что кому этотъ коверъ, (2)
Коверъ достанется? (2)
Доставается коверъ (2)
Старому мужу; (2)
Старому мужу, негодлю. (2)
Первому злодѣю. (2)
Я могу-жъ ковра, (2)
Коврика убавить, (2)
Со всѣхъ четырехъ сторонъ (2)
Я-ли по узору, (2)
Шито-браному узору, (2)
Все по золотому. (2)

Когда поется эта пѣсня, дѣвушки, шаля, а также и женки, которыя по моложе и по веселѣе, берутъ другъ друга за плечи, обратясь лицемъ къ лицу, и такимъ образомъ ходятъ, подпрыгивая то въ сторону одной, то въ сторону другой.

Также хороша одна изъ пѣсенъ *общихъ*, которая поется на вечеринкахъ, когда не составляется танцевъ или игръ, а равно и въ другихъ случаяхъ, гдѣ попадается; она хороша какъ по содержанію, такъ и по прогласицѣ:

2.

По Дону гуляетъ
Казакъ молодой, 2
Онъ на ворономъ конѣ,
Во збруѣ золотой. 2
Разкрасавица плачетъ
Надъ быстрой рѣкой, 2
—«О чемъ, Маша, плачешь,
О чемъ слезы льешь? 2
Коня-ли тебѣ жалко;
Али збруи золотой!» 2
—Не жалко мнѣ збруи,
Не жалѣю коня. 2
«Отца-ли тебѣ жалко,
Али матери родной?» 2
—Не жалко мнѣ матери,
Не жалѣю отца. 2
«Братца-ль тебѣ жалко,
Али сестеръ своихъ?» 2

—Не жалко мнѣ брата,
Не жалѣю сестрицъ. 2
Растошнехонько жалко
Тебя молодца! 2
Когда я млада-младешенька
Ребеночкомъ была, 2
Мнѣ бѣлая цыганочка
За ручку брала: 2
Смотрѣла на правую,
Качала головой; 2
Сказала: потонешь
Въ день ты свадебной свой. 2
—«Не вѣрь, не вѣрь хорошая,
Не повѣрь, душа моя! 2
Черезъ быструю рѣчку
Я-ли выстрою мостъ, 2
Предлинный мостъ, чугунный,
На тысячу верстъ; 2
Поставлю я стражу
Впередъ на пятьсотъ.» 2
По чугунной дороженькѣ
Карета бѣжитъ, 2
Карета бѣжитъ ли,
Колеса гремятъ. 2
—«Знать мою-ли расхорошую
Къ вѣнчанью везутъ!» 2
Подъ невѣстой конь вороной
Споткнулся, упалъ; 2
Женихъ оглянулся;
Невѣста въ Невѣ!... 2
Успѣла, сказала:
—«Прощай, бѣлый свѣтъ!» 2
Какъ второй разъ говорила:
«Прощай отецъ и мать!» 2
Какъ въ третій разъ говорила:
«Прощай, любезный другъ!» 2

Приводимъ еще въ примѣръ общихъ пѣсенъ нѣсколько подобныхъ, такъ какъ онѣ поются и на вечеринкахъ:

3.

Ужъ вы горы, горы высокія;
Горы Воробьевскія (2)
Воробьевскія,—(2)
Горы подмосковскія, (2)
Подмосковскія. (2)
Ничего-то вы горы, горы не спородили (2)
Не спородили; (2)
Спородили вы, да горы, (2)
Да горы (2),
Сѣръ горючъ вы камешекъ (2),
Изъ подъ камня бѣжитъ (2)
Рѣчка быстрая; (2)
Подлѣ рѣченьки стоитъ (2)
Частъ ракитовъ единъ кустъ; (2)
На кусточкѣ сидитъ, (2)
Сидитъ младъ-сизой орелъ; (2)
Во кохтяхъ-то онъ держитъ, (2)
Чернаго ворона; (2)
«Ужъ онъ бить-то его, не бьетъ,
Только спрашиваетъ:
Ужъ гдѣ ты, воронъ, ты леталъ,
Гдѣ, сизой, ты полетывалъ?
—Я леталъ-то, леталъ
По дикимъ, по степямъ,
Степямъ, по Саратовскимъ,
Ты кого же воронъ видалъ?
Видѣлъ я чудо-чудное,
Видѣлъ тѣло бѣлое:
Тѣло бѣлое лежитъ,
Лежитъ не устрѣлено.
Какъ ни кто-то по тѣлу,
По тѣлу-то не схватится?
Какъ схватились объ тѣлѣ,
Объ тѣлѣ да родители:
Прилетали къ тѣлу
Три ласточки,
Какъ первая ластка,
Ластка родная матушка;
Какъ другая-то ластка,
Ластка родная сестрица;
Какъ третья-то ластка,
Ластка-молодая жена.
Родная-то матушка сидитъ,
Сидитъ у головушки;
Родная-то сестрица сидитъ,
Сидитъ на бѣлыхъ грудяхъ;
Молода жена сидитъ,
Сидитъ на рѣзвыхъ ногахъ.
Родная матушка плачетъ,
Плачетъ, какъ рѣка течетъ;
Родна сестрица плачетъ,
Какъ ручья весной бѣжатъ;
Молода жена плачетъ,
Плачетъ, какъ рѣка падетъ,
Родная матушка плачетъ,

Плачетъ до гробной доски!
Родна сестрица плачетъ,
Плачетъ до замужьеца!
Молода жена плачетъ,
Плачетъ до мила дружка! *)

Оканчивая очерки вечеринокъ мѣщанъ города Онеги, нахожу нужнымъ присоединить къ тому еще нѣсколько необходимыхъ замѣтокъ.

Во 1-хъ съ вечеринкой не должно смѣшивать в е ч е р к а, упоминать о которомъ отдѣльно я и не подумалъ бы, но такъ какъ пришлось къ слову, то скажу, что вечерокъ мѣщанъ есть каррикатурное, подражательное обезьянничанье баламъ, вечерамъ и вечеркамъ мѣстныхъ чиновниковъ. А потому и можно себѣ представить, что послѣ того выходитъ. Нанимаются музыканты, больше на складчину мущинъ; пѣсни, игры и словомъ все, напоминающее нѣсколько настоящее народное удовольствіе,—отбрасывается, а вмѣсто того является на сцену ангажированье на танцы, французскія кадрили, съ вывертами, притопываніями и кружевіемъ паръ до окончательнаго паденія, разныя польки, **) вальсы и прочія балетныя штуки, кончая новѣйшимъ лянсье. Все это уродливо, безобразно и пьютъ до отвращенія. Если въ этомъ и стоитъ на что обратить вниманіе, то во 2-хъ на ш э н ъ, или ш и н ъ какъ здѣсь величаютъ этотъ танецъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ произведеніе чисто почвенное, онежское, прикрѣпленное къ городу Онегѣ, и не встрѣчаемое за чертою города уже нигдѣ. Кто былъ творцомъ этого танца и время возникновенія его—забыто. Состоитъ онъ въ началѣ изъ точно тѣхъ же пріемовъ и путешествій, какія указаны подробно въ игрѣ Ц а р е в ъ с ы н ъ. Когда собирется кругъ, то онъ распадается на пары, послѣднія стараются стать другъ противъ друга, и начинаютъ танцовать тогда какую-то смѣсь изъ второй фигуры французской кадрили, поклоновъ и еще другихъ фигуръ, не заслуживающихъ особеннаго упоминанія; по исполненіи этого обряда, пары сцѣпляются снова въ кругъ и дѣлаютъ уже настоящій шэнъ, какой танцуется въ заключеніи 6-й фигуры французской кадрили; затѣмъ слѣдуетъ опять разбиваніе на пары и исполненіе разсказанной смѣси, послѣ чего снова шэнъ, и такъ далѣе до безконечности, то есть пока не надоѣстъ Танцуется этотъ танецъ болѣе подъ обще-извѣстныя пѣсни какъ то: «Сѣни мои сѣни», «По улицѣ мостовой», или подъ музыку тѣхъ же пѣсней, если таковая имѣется.

Въ 3-хъ вечеринки составляются зимой въ продолженіе всего заговѣнья, то есть когда нѣтъ поста, очень часто; рѣдкая изъ дѣвушекъ, посѣщающихъ вечеринку не составитъ таковой хоть однажды у себя, охотницы же собираютъ и по нѣскольку разъ въ зиму. Да и обходится онѣ очень дешево, весь расходъ идетъ лишь на двѣ-три сальныя свѣчи, с е в а с т о п о л ь с к і й, какъ говарятъ здѣсь, то есть едва желтѣющій чай дѣвушкамъ и для нихъ же самыя дешевыя сласти, большею частію орѣхи и закуски (то есть дешевые пряники), и рѣдко конфекты. Для мущинъ угощенія во все не полагается: даже которые изъ нихъ были званы хозяевами лично, и тѣ не удостоиваются чашки севастопольца. Но напротивъ, чтобы доказать свою свѣтскость, умѣнье ухаживать за хорошенькими горожаночками, молодцоватость, мущины необходимо, собираясь на вечеринку по приглашенію или по слуху о таковой, должны запасти въ карманы по больше угощенія для тѣхъ особъ прекраснаго пола, вниманія которыхъ они добиваются. Если же сами пожелаютъ угоститься, то имъ разрѣшается для сего послать кого нибудь изъ зрителей, мальчишку, дѣвочку или даже услужливую женку, въ распивочную за извѣстнымъ угощеніемъ (водкой), выше которой ничего болѣе мѣстными мущинами не можетъ быть и придумано; развѣ уже за особенную любезность кавалеровъ хозяюшка квартиры, гдѣ идетъ вечеринка, снесетъ въ особый чуланчикъ, играющій роль курительной комнаты, житничекъ, да пожалуй еще селедокъ или трески, коль имѣется въ излишкѣ.

Въ 4-хъ входъ на вечеринку доступенъ всякому желающему и для того не требуется ни взноса, ни особеннаго знакомтсва съ хозяевами: достаточно услыхать, что тамъ то будетъ вечеринка, чтобы идти безъ церемоніи (то-есть церемоніи). Вотъ только случай, когда приходится раскошеливаться пришедшему на вечеринку лицу не привиллегированнаго пола, то есть мущинамъ; а именно если по своей несчастной судьбѣ, онъ ступитъ въ комнату, гдѣ идетъ вечеринка, въ то время, когда тамъ не происходитъ ни игръ, ни пляски; тогда обыкновенно, дѣвушки сидятъ (многія помѣщая на своихъ колѣнахъ любимыхъ парней) по своимъ мѣстамъ, то есть во кругъ

*) Эта пѣсня поется медленнымъ, заунывнымъ голосомъ; въ ней каждая строка повторяется два раза, а также и послѣднее слово каждой строки поется два раза, какъ это показано въ началѣ пѣсни.

**) Но слѣдуетъ замѣтить, что польна въ п е р в о н а ч а л ь н о м ъ с в о е м ъ в и д ѣ была и есть до сихъ поръ народною славянскою пляской, именно у племени чешскаго.

всѣхъ четырехъ стѣнъ комнаты и поютъ пѣсни, которыя я назвалъ выше общими. Въ это время, на злосчастнаго, вновь прибывшаго обращается все вниманіе молодыхъ сребролюбицъ, которымъ мгновенно всѣмъ является мысль: надо NN пѣсню пропѣть, можетъ бросить что на тарелку, затѣмъ, послѣ короткаго шушуканья, затягиваютъ хоромъ какую либо пѣсню, въ которой злосчастному NN припѣваютъ имя дѣвушки, или женщины, имѣющей, или иногда и во все не имѣющей для NN значенія. Пѣсня пропѣта, и онъ слышитъ даже слѣдующее обращеніе къ себѣ, тоже хоровое:

а) Ты пожалуй, господинъ,
Намъ за пѣсенку—
Виноградіе, красно-зеленое.
Ужъ ты рубль, либо два,
Либо вина полведра.
Виноградіе, красно-зеленое.

Просьба эта такъ ясна и настоятельна, что господинъ, къ которому она была обращена, долженъ уже непремѣнно вынуть изъ кошеля сколько нибудь денегъ (самое меньшее бываетъ 3 копѣйки серебромъ, и доходитъ до 15, а прежде давали и болѣе значительные куши, 1 рубль серебр. и больше) и отдать дѣвкамъ на свѣчки, или же на лакомство. Но горе тому злосчастному, кто или не пойметъ желанія дѣвушекъ, а можетъ по скупости не раскошелится! тогда уже безъ милости, при общемъ хохотѣ, поется ему такая пѣсня, которая и въ печать не можетъ попасть, по своимъ черезъ-чуръ отборнымъ, очищеннымъ и рѣжущимъ ухо выраженіямъ. Такихъ пѣсенъ двѣ, и изъ начальныхъ я приведу по нѣсколько строкъ:

б) Фантатуры, фантатуры,
На спичкѣ, да на лучинкѣ
Мышка точится;
Андріяну молодцу
Чего хочется?
Катерина не дала,
Только выругала,
Андріяну то котелъ,
У Катерины большой хохолъ,
Андріяну то квашня,
У Катерины большая мошна
. . . . . .

в) Виноградіе, красно-зеленое,
Какъ Наталья-то хохла
Тридцать лѣтъ берегла!
Виноградіе, красно-зеленое.
Что кому этотъ хохолъ
Достанется на позоръ?
Виноградіе, красно-зеленое,
Достается хохолъ
Да Ивану молодцу,
Виноградіе, красно-зеленое,
Что Ивану молодцу,
Да Ефимовичу
Виноградіе, красно-зеленое.
. . . . . .

О внѣшней, форменной, обрядовой сторонѣ, какъ вечеринокъ, такъ и вечеровъ сказать больше нечего,— остается только упомянуть объ ихъ внутреннемъ, нравственномъ значеніи для народа.

Противъ вечеринокъ, вообще, какъ мѣста собранія молодежи для удовольствій, возставать было бы глупо; но нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время вечеринки въ городахъ потеряли весь свой прежній невинный и вполнѣ народный характеръ, а замѣнили его чѣмъ-то пошлымъ, развратнымъ и подражательнымъ. Замѣна пѣсенъ и игръ господскими танцами, равно какъ сидѣнье парней на колѣнахъ дѣвушекъ (иногда и на оборотъ), при чемъ разумѣется изъ подтишка дается большой просторъ рукамъ, и наконецъ — прогулка по большей части прямо съ вечеринки дѣвушекъ въ гости на домъ къ парнямъ, по парно, и даже куда нибудь въ другое по близости потайное мѣсто для извѣстной цѣли — все это такъ уронило вечеринку въ глазахъ самаго народа, что, матери, желающія сберечь нравственность и репутацію дочерей — невѣстъ, почти вовсе не отпускаютъ ихъ на подобныя вечеринки, развѣ только въ знакомый, извѣстный своей строгою нравственностью домъ, и то при собственномъ надзорѣ и сопровожденіи.

Г. ЛѢТНІЕ ХОРОВОДЫ.

Лѣтомъ, которое начинается здѣсь съ момента, когда пройдетъ заторъ, то есть рѣка Онега освободится отъ льда, лѣтомъ въ каждый праздничный день, не разбирая—солнечный ли онъ, или пасмурный, только бы не было окончательной непогоды — дождя или снѣгу, весь городской людъ, обходивъ сначала знакомыхъ и всѣ улицы города вдоль и поперегъ, собирается въ извѣстныхъ пунктахъ. Этихъ пунктовъ довольно много, но главныхъ — три, по числу главныхъ частей города: на погостѣ, на самомъ нижнемъ концѣ города, гдѣ имѣлась прежде церковь, теперь уже несуществующая,—на

пирахъ или лужкахъ, уже въ самомъ центрѣ города, вблизи одной изъ трехъ—четырехъ лавокъ, или не вдалекѣ, на площади, передъ соборною церковію, на лужкахъ, и наконецъ на верховьи города, гдѣ для того есть нѣсколько пунктовъ. Когда въ извѣстномъ пунктѣ соберется достаточное количество народу, дѣвушки составляютъ хороводъ, то есть сцѣпляясь руками образуютъ кругъ, который въ продолженіе всего времени, пока поются хороводныя пѣсни, двигается то въ одну сторону, то въ другую. Молодцы же, или парни подходятъ къ кругу, приглашаютъ одну изъ дѣвушекъ, которая бѣжитъ сначала вокругъ круга, а затѣмъ далѣе по улицѣ, парень же въ догоню за ней, стараясь ее догпать или тронуть рукой или ударить платкомъ, тогда дѣвушка останавливается, и они оба возвращаются, разговаривая, къ хороводу. Подойдя къ кругу, дѣвушка ударяетъ платкомъ какого нибудь другаго парня, который затѣмъ бѣжитъ за ней по примѣру перваго; когда же они возвратятся, то дѣвушка становится въ кругъ, а парень въ свою очередь ударяетъ другую изъ круга, и такъ далѣе,—въ этомъ состоитъ вся игра хоровода. Пѣсни поются слѣдующія:

1.

Безпечальное, беззаботное
Это дѣвушкамъ житье,
Отъ родителей гуляньице
Оченно вольно!
Ходи, дѣвушка, гуляй,
Своей воли, ты, дѣвка не теряй!
Я гуляла-бы, млада,
Со дѣвичьяго глупаго ума
Потеряла-бы, млада.
Всю прекрасную дѣвичью красу!
Что-й-то за эту-ли вину
Прощеньица дѣвушкамъ нѣтъ!
Какъ задумали злые родители
За мужъ отдавать,
Со веселенькимъ, со гуляньицемъ
На вѣкъ разлучать.
Я-то осмѣлилась словечико
Батюшку сказать:
Хоша выдашь за мужъ,
Не начаю я себѣ живой быть;
Буду ли дѣвушка, я жива,
Не забуду я-то дѣвичья житья.
Въ житьѣ-то, да во бытьѣ
Есть тамъ молоденькій дружокъ мой.
Ваши ласковы, столь пріятливы
Къ сердцу слова,
Да безъ огня-то мое сердце,
Да сердечко разожгли;
Что безъ вѣтра-то моя мысли-то
Съ думушкой разнесло.
Разнесло мысли-та по чистымъ,
Широкіимъ полямъ,
Чтой-та по тѣмъ-то-ли полямъ
По ракитовымъ кустамъ!
Кто бы моему горюшку,
Да горюшку помогъ,
Кто бы да великому
Сей годъ пособилъ!
Со пути-бы со дороженьки
Дружка воротилъ:
Воротися, воротися, воротися,
Мой миленькій назадъ!
Наглядитесь вы очи ясныя
На дружка во запасъ
На такой запасъ на кругленькой,
На весь да годокъ,—
Чтобы не ныло сердечико,
Ни въ какой часокъ.
Красное солнышко да негрѣетъ,
Солнце не печетъ:
Цвѣтное платье не влаетъ,
Платье не сушитъ.
Мой-отъ миленькой не тужитъ,
Любезной, обо мнѣ. (*)

2.

Я единой дочкой у батюшки
Въ дѣвушкахъ росла.
Была единешинька у матушки,
Въ дѣвушкахъ была.
Не сидѣла бы въ новой горницѣ,
Безъ дружка одна.
Не глядѣла-бы въ чисто поле,
За лѣсъ далеко.
Не ругала-бы чужой дальной,
Злодѣйки стороны:
Ты злодѣй, злодѣйка чужая,
Дальная сторона!
Разлучила ты, развела съ отцемъ-матерью,

*) Въ этой пѣснѣ одно послѣднее слово каждаго втораго стиха повторяется два раза.

Дѣвушку меня;
Во вторыхъ-то развела со родимой
Ты меня стороной;
Ноньче, еще того тошнѣй, съ дружкомъ миленькимъ
Дѣвушку меня.
Ужъ вы, братцы, товарищи,
Вы братцы мои!
Не съ одной-ли сторонушки,
Вы братцы со мной?
Не поѣдите-ли по скорости,
Вы братцы домой?
Вы свезите моему дружку
Милому письмо.
Во письмьцѣ-то есть подписана
Съ миленькимъ любовь,
Чтобы милый иную дѣвку,
Дѣвку не любилъ;
Меня бы горькую, несчастную
На вѣкъ не сушилъ.

3.

Не весела компаньица,
Гдѣ милаго-то нѣтъ, (2)
Веселая бесѣдушка,
Гдѣ миленькой пьетъ, (2)
Онъ да не пьетъ, голубчикъ мой
За мной младой шлетъ, (2)
Какъ я-то млада младешенька
Замѣшкалася: (2)
За утками да за гусями,
За лебедями (2)
За вольною, за птицею,
За журочкою: (2)
Журавлюшка по бережку
Погуливаетъ, (2)
Шелковую травиночку
Поклевываетъ, (2)
Свѣжу воду, ключевую
Захлебываетъ, (2)
За рѣченьку, за быструю
Посматриваетъ. (2)
За рѣченькой, за быстрою
Слободка стоитъ; (2)
Не малая слободушка—
Четыре двора, (2)
У каждаго, у дворика
Четыре шатра; (2)
Въ каждомъ во шатричкѣ
Четыре окна;
У каждаго окошечка
Четыре стекла; (2)
У каждаго стеклышка
Четыре кумы (2)
Ужъ вы кумушки, голубушки,
Кумитеся вы,
Кумитеся-любитеся,—
Любите вы меня! (2)
Ужъ вы пойдете во зеленый садъ
Возьмите вы меня! (2)
Ужъ вы станете цвѣточки рвать,
Сорвите вы мнѣ! (2)
Ужъ вы станете вѣночки плесть,
Сплетите вы мнѣ! (2)
Ужъ вы станете въ Дунай бросать
Бросьте вы мой! (2)
Еще всѣ вѣнки да поверхъ воды,
Одинъ мой на днѣ; (2)
Еще всѣ дружки съ Москвы ушли,
Мого то нѣтъ!

4.

Объ чемъ мальчикъ сумнѣвался,
Холостъ мало погулялъ? (2)
Онъ схватился,—что женился,
Не любую женушку взялъ, (2)
Не любую да не милую,
Не свою-то сударушку. (2)
Я не буду, я не стану,
По согласью съ ею жить! (2)
Ужъ я буду-ль, вѣрно-стану
Къ прежней любушкѣ ходить! (2)
Охочая, любезная
Въ лѣсъ по ягодки ходитъ.
Случилося, сиротинушкѣ,
Подъ березой ночевать. (2)
Стой, ну, береза не шатайся!
Въ рѣчку, во Пашу не свалясь, (2)
Рѣчка Пашенька глубока,
Осенняя ночь долга́; (2)
Что осення ночь долга,
Я одна спать не смѣла́. (2)
Я одна, дѣвушка, спать боюся,
Товарища со мной нѣтъ, (2)
Еще нѣту со мной товарища,

Нѣту милаго дружка. (2)
Отколь взялся, проявился—
Стоитъ милый за рѣкой, (2)
Стоитъ милый за рѣкой,
Машетъ правою рукой: (2)
Стой-ты дѣвица не топися,
Красавица ты не дався: (2)
Не топися, не дався,
Своей души не губи! (2)
Свою ли душеньку погублю
Мила дружка изсушу. (2)

5.

Какъ цвѣли-то, цвѣли,
Въ саду цвѣточки,
Разцвѣли-да повяли.
Какъ любилъ-то, любилъ,
Парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ, (2)
По кидавши-то, парень
Красной дѣвушкѣ
Въ глаза насмѣялся, (2)
Насмѣялся-то парень
Надъ красною дѣвушкой
При всемъ, при народѣ. (2)
Какъ при всемъ-то, при всемъ
При народѣ
Въ большомъ хороводѣ, (2)
Какъ въ большомъ-то, большомъ
Хороводѣ,
Лѣтомъ на лужечкѣ. (2)
Ужъ онъ снялъ-то, сорвалъ
Съ красной дѣвушки
Шалевой да платочекъ,
Отпоясалъ-то, отпоясалъ
У красной дѣвушки
Шолковъ поясочекъ; (2)
Онъ стянулъ-то, сломалъ
Со правой рученьки
Золото ново колечко. (2)
Уливалася, уливалася
Красная дѣвушка
Горькими слезами, (2)
Утиралася да утиралася
Красная дѣвушка
Русою она, косою. (2)
Выходила-то, выходила
Красна дѣвушка
На крутъ бережечикъ, (2)
Выступала-то, выступала
Красная дѣвушка
На сѣръ каменечикъ, (2)
Умывалася-то, умывалась
Красная дѣвушка
Водой ключевой, (2)
Утиралася-то, утиралася
Красная дѣвушка
Бѣлымъ полотенцемъ, (2)
Смотрѣлася, смотрѣлася
Красная дѣвушка
Въ зеркалѣ хрустальномъ;
Что въ зеркало-то, въ зеркало
Въ хрустальное
Рѣчи она говорила:
Заростайте-ко, заростайте
Пути дороженьки
Горами да долами,
Заносите-ко, заносите
Милаго слѣдочки
Бѣлыми снѣгами!
Что по городу-то, по городу
По Саратову
Сашенька гуляла;
Дорогія себѣ, дорогія
Покупочки
Саша закупала,
Закупала себѣ, закупала
Покупочки—
Гербовъ листъ бумажки;
Что искала себѣ, искала
Молодчика
Писаря она искала,
Чтой-то-на своего, на своего
На любезнаго
Просьбу написала,
Астраханскому-то, Астраханскому
Губернатору
Просьбу подавала:
«Ой, ужъ ты батюшка, батюшка,
Астраханскій
Новый Губернаторъ!
Охъ, ты прими-тко, возьми
Мою просьбицу,—

Суди по закону!
Ой, неразсудишь ты, неразсудишь
По закону,
Подамъ сенотору».
Ужъ ты глупа, ты глупа,
Красная дѣвушка,
Глупа, не разумна;
Не сама-ли ты, не сама-ли ты
Красна дѣвушка,
Эфтому виновата!
Ой, какъ безъ утренней-то, безъ утренней,
Безъ зорюшки
Солнышко не всходитъ;
Безъ причинушки парень, безъ причинушки
Къ красной дѣвушкѣ
Въ гости не ходитъ,
Ой, безъ подарочекъ-то, безъ подарочекъ
Красна дѣвушка
Молодца не любитъ!

6.

Снѣжки бѣлые, пушистые
Все покрыли, поле все,
Едного лишь не покрыли (2)
Горя люта моего.
Есть кусточекъ среди поля
Единешенекъ стоитъ,
Онъ не клонитъ къ землѣ вѣтки
А листочковъ пѣтъ па немъ. (2)
Слеза канетъ, снѣгъ растаетъ—
Въ полѣ выростетъ трава.
Какъ на томъ прекрасномъ мѣстѣ
Всѣ цвѣточки разцвѣтутъ,
Никто травыньки не коситъ,
Никто ей не обомнетъ,
Никто дѣвушку меня не любитъ,
Никто замужъ не возьметъ.

7.

Вы премилыя мои дѣвушки,
Вы придите въ гости ко мнѣ
Попросите вы у батюшки
Вы меня въ гости къ себѣ, (2)
У родимой матушки—
Въ зеленъ садикъ погулять, (2)
У меня въ садочку
Есть забава хороша, (2)
Забава премилая—
На древахъ листья шумятъ, (2)
Подъ кусточкомъ пташечки
Шибко, громко говорятъ, (2)
Молодой соловьюшко
Летитъ, свищетъ мимо садъ. (2)
Спрошу я соловьюшка,
Тужитъ-ли милый обо мнѣ?
Я-ли по своемъ миленькомъ,
Каждый часъ объ немъ тужу: (2)
Зайду въ нову я горенку—
Уливаюся слезьми, (2)
Зайду въ теплу спаленку—
Лягу вничь я на кровать,
До тѣхъ поръ лежать буду (2)
До куль два часа не бьетъ. (2)
Часъ ночи да ударило
Ко мнѣ милый не пришелъ. (2)
Два часа ударило
Ко мнѣ миленькій пришелъ. (2)
Миленькій, хорошенькой
За чѣмъ долго ты не шелъ?
До чего-жъ ты меня довелъ, (2)
До славушки худой, (2)
До худой до славушки:
Вывелъ краску изъ лица! (2)
У любушки, сударушки—
Въ лицѣ краска не была: (2)
Бѣлыя бѣлилушки,
Накладныя румяна. (2)

8.

Отлетаюшко-дѣвушки запоемъ.
Отлетаетъ мой соколикъ,
Мой соколикъ, Вытегорикъ,
Изъ очей моихъ. (2)
Вздумалъ ѣхать мой любезный
Жить во дальняй городокъ,
Я не мало слезъ ронила, говорила,
Говорила тебѣ, голубчикъ мой, (2)
Во слезахъ дружка просила, говорила:
Хоть немножко со мной поживемъ
Хоть немножечкой, миленьки, хорошенькой
Единъ маленькій часокъ! (2)
Мнѣ никакъ нельзя, не можно,
не возможно
Нельзя, любушка моя, пожить!

Тамъ живутъ сосѣди, злые разлютые,
Не совѣтуютъ тебя любить,
Велятъ душеньку, милую, дорогую.
Велятъ бросить—позабыть. (2)
«Я-то тебя забуду, позабуду,
Когда скроются мои глаза;
Призакроютъ тѣло-бѣло
Тонкимъ, бѣлымъ полотномъ,
Призасыплютъ очи ясны, глаза красны,
Съ горя желтымъ, мелкимъ пескомъ, (2)
На мою-ли грудь бѣлую
Сѣрый камень накатятъ.

Я-то на камешкѣ срисую, нарисую,
На бумажечкѣ напишу;
На той бѣленькой бумажкѣ,
На гербовомъ, на листу, (2)
Всѣмъ подружкамъ, дѣвушкамъ накажу:
Вы подруженьки мои голубуки,
Подруженьки, разголубынки
Не любите вы да мужиковъ! (2)
Что отъ этой, отъ любови
Приключается больша болесть,
Что отъ этой, отъ болести
Приключается скоро смерть. (2)

VII. ЗАКЛИНАНІЯ, НАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ.

А. НА ЛЮБОВЬ.

1. Слова присушать дѣвицу.

Говорить въ питье и пищу:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану, рабъ божей, благословесь, пойду перекрестесь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу мнѣ середи чистаго поля и широкаго раздолья семдесятъ буйныхъ вѣтровъ и семдесятъ вихоровъ и семдесятъ вѣтровичь и семдесятъ вихоровичь. Пошли они на святую Русь зеленаго лѣсу ломать и на полъ изъ корени вонъ воротить и пещеры каменные розжигать. И тутъ я, рабъ божей (имя рекъ), помолюсь имъ и поклонюсь: о, вы есть 70 буйныхъ вѣтровъ и 70 вихоровъ и 70 вѣтровичь и 70 вихоровичь, не ходите вы на святую Русь зеленаго лѣсу ломать, изъ корени вонъ воротить и пещеры каменныя розжигать, подьте вы, разожгите у рабы божіей (имя рекъ) бѣлое тѣло, ретивое сердцо, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы и всю ей, чтобы она раба божія (имя рекъ) не могла бы не жить, не быть, не пить, не исть, не слова говорить, не речи творить, безъ меня, раба божія (имя рекъ). Какъ меня она, раба божія (имя рекъ), увидитъ или гласъ мой услышитъ, то бы радовалось ей бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы и всѣ у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ божія владычнаго праздника, свѣтлаго Христова Воскресенія, и звону колокольнаго, такъ бы она, раба божія (имя рекъ), дожидалась: на которой день меня она не увидитъ или гласа моего не услышитъ; такъ бы она сохла, какъ кошеная трава въ поли; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба божія (имя рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

2. Присушить дѣвицу.

Молодой человѣкъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю, съ просьбой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начинаетъ, поводя глазами и расширяя по временамъ ноздри, наговаривать на этотъ пряникъ: «Во имя Отца и Сына Святаго Духа, аминь. Стану я рабъ божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: вѣтеръ Моисей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйные вихори! Дуйте и вийтите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожгите и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ божіимъ, Н., душа съ душей, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью, не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю и не на скотину: въ воду сроните—вода высохнетъ; на лѣсъ сроните—лѣсъ повянетъ; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вяжите и положите въ рабицу божію (имя рекъ) въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня раба Божія (имя рекъ) ни пить, ни быть, ни дневать, ни часа часовать, о мнѣ, рабѣ божіемъ (имя рекъ), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ сидитъ баба сводница, у бабы у сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунганъ литръ, въ томъ кунганѣ литрѣ всякая вещь кипитъ перекипаетъ, горитъ перегораетъ, сохнетъ и посыхаетъ И такъ бы о мнѣ, рабѣ божіемъ Н., сердцемъ кипѣла, кровію горѣла, и не могла бы безъ меня, раба божія Н., ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питіемъ отпитися, ни дутьемъ отдутися и ни въ парной банѣ отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аки влючь на церкви. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

«Стану я рабъ Божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле на три розстана, помолюся я, рабъ божій,

тремъ братамъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ вѣтръ восточный, второй вѣтръ западъ, третій вѣтеръ сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабицу божію П., чтобъ она о мнѣ, рабѣ божіемъ, сохла и тоскнула; не могла бы и дня дневать, ни часу часовать, отнынѣ до вѣка и вовѣки, аминь, аминь, аминь.

Получивъ отъ колдуна пряникъ, парень долженъ отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, она побѣждена.

(Записано А. Харитоновымъ въ Шенкур. уѣздѣ.)

3. На присушеніе.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ, аминь.

На русской и на нѣмецкой земли есть огнянной царь, высушилъ рѣки и езера и мелкія источины, — и какъ въ нынѣшныхъ вѣтрахъ (высушилъ), такъ бы сохла раба б. Н. по мнѣ рабу б. Н. двадцати четырехъ часу денныхъ и ношныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ, и на ветхѣ мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, и во вся меженны дни, и не могла бы не жить и не быть, ни исть раба б. Н. безъ меня р. б. Н.: въ семидесятъ суставахъ и въ семидесяти жилахъ, въ подпятное жиліе и въ подколѣнномъ жиліѣ и во пространной жилы въ . . . . и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ р. б. Н. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феоклистъ, да все высохло; днемъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождикахъ, въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ и въ подколѣнномъ жильѣ и въ пространной жилѣ въ . . . . и вездѣ бы сохло у рабы б. Н. дватцеть четыре часу денныхъ и ношныхъ, на утряной зорѣ, на вечерной зорѣ, на новцѣ мѣсяцѣ, и на ветхи мѣсяцѣ и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженные дни, не могла бы она р. б Н. безъ меня раба б. Н. не жить и не быть Еще есть въ чистомъ полѣ печь мѣдная, накладена дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорятся, и такъ бы разгорялась раба б. Н. по мнѣ рабу б. Н. 24 часу денныхъ и ношныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженныя дни, на утренной зори, во вся меженныя дни, не могла бы она р. б. Н. безъ меня р. б. Н. не жить и не быть. Всѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль или на пиво, или на пряникъ, или въ вино.

(Списано со старинной тетрадки, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ).

4. Присушить дѣвку.

Выйду я на улицу, на божій свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ свѣтлыхъ каленыхъ печей, на тѣхъ 77 на мѣдныхъ, на свѣтлыхъ, каленыхъ печахъ есть по 77 еги-бабъ; у тѣхъ у 77 еги-бабъ есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клукъ и по 77 метелъ. Помолюсе и покорюсе я р. б. П. этимъ еги-бабовымъ дочерямъ: «ой еси! вы, еги-бабовы дочери, присушите и придуците рабу б. Н. къ рабу б. Н. метлами, слѣды запашите, клуками заключите, бейте убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколенную жилу, бейте убивайте становую жилу, бейте убивайте корекористой дубъ, бейте убивайте мѣдны калены печи». Коль горять пылко и жарко мѣдны калены пецы, такъ же бы раба б. им. пеклась и калилась по всяко время, по всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, на утряной зори и на вечерной, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцѣ; немогла бы она безъ р. б. Н. не жить, не быть, не пить, не ись, во снѣ не засыпала, во питіи не запивала, во ѣды не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня р. б. Н. на умѣ держала; и казался бы я р. б. Н. свѣтле свѣтла мѣсяца, красне красна солнышка, любе отца—матери, толще и матерѣй всего міру крещеного. Вѣтры вѣтероцки, буйны вѣхроцки! спущу я съ вами свои слова, свою статію, на свою сторону, гдѣ ее найдете, тутъ ее возмите,—на широкой улицы, во мшаной хороминѣ, во дверехъ, воротицкахъ.

(Этотъ заговоръ, кажется не законченный, списанъ со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовымъ изъ Пинежскаго у.).

5. На разженіе сердца у дѣвицы.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверями, изъ двора не воротами, въ чистое поле. Въ томъ полѣ есть окіанъ-море, въ томъ морѣ есть латырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ, отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣѣ поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты, змѣя! не жги, не пали меня, полетай подъ восточну сторону, въ высокъ теремъ, въ новы пкой, пухову перину, шелкову подушку, къ дѣвицѣ, N., разожги и распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подпятныя и занокотныя жилы; чтобъ она дѣвица N. не могла ни жить ни быть, часу часовать и минуты ми-

новать; поутру вставала--обо мнѣ бы вздыхала, пошла—на мнѣ Н. величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мыселъ не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня р. б. Н.; все бы она дѣвица Н. со мной р. б. Н. думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовыя рѣчи говорила, на ветху и на нову мѣсяцу и на перекроѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова недоговорены, переговорены, всѣ сполна говорены. Ключъ симъ словамъ въ зубы, замокъ въ ротъ.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

6. На рожденіе дѣвичья сердца.

Встану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чистое поле, погляжу и посмотрю подъ восточную сторону; подъ восточной стороной стоитъ есть три печи: печка мѣдна, печка желѣзна, печка кирпична. Какъ онѣ разожглись и распалились отъ неба и до земли, разжигаются небо и земля и вся подселенная; такъ бы разжигало у рабы божей (имярекъ) къ рабу божію (имярекъ) легкое и печень и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни ись, ни спать, ни лежать, все на умѣ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите, мои слова, пуще вострого ножа и рысьяго когтя.

(Записалъ помощ. миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ.)

7. Слова тоску напустить, присушить дѣвокъ.

Четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Марія, вторая Марфа, третія Марина, четвертая Макрида; подьте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей съ властей со кручинныхъ потюремныхъ людей, салдатовъ новобраныхъ и съ малыехъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей остались; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль, на рабу божію имя рекъ, чтобы она, раба божія имярекъ, безъ меня, раба божія имярекъ, не могла бы она не жить, не ходить, не лежать, не спать, все по мнѣ, рабѣ божіемъ имярекъ, тосковать, Тѣмъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

8. Слова тоску напустить.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Стану я рабъ Божей имярекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле; въ чистомъ полѣ стоитъ изба, въ избѣ изъ угла въ уголъ лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той доски, рабъ божій имярекъ, помолюся и поклонюся: о, сія тоска, не ходи ко мнѣ, рабу божію имярекъ, поди тоска, навались на красную дѣвицу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, розожги у ней, рабы божіей имярекъ, ретивое сердце, кровь горячую по мнѣ, рабѣ божіемъ имярекъ, не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость аминь, аминь, аминь.

(Изъ стараго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмог. у.)

9. Навести тоску.

Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба лѣтитъ огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь и спрошу ее: «Куда полетѣла, огненна стрѣла?»—Во темные лѣса, въ зыбучія болота, въ сыроё кореньё!—«О ты огненна стрѣла, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна дѣвица (имя рекъ) полетай ей въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, на вѣтрѣ-холодѣ, на прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка.»

(Шенкур. у.)

10. Присушать дѣвокъ.

Говорить въ пищу и питье:

Держитца, сохнетъ, прочь не отходитъ. Какъ малой младенецъ отъ матери прочь не отходитъ, держитца, сохнетъ по всякой часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходитъ, такъ бы держалась раба божія, имя рекъ, крѣпко и плотно прочь отъ меня, раба божія имя рекъ, неотходила, держалась и сохла крѣпко; какъ двери отъ ободверины неотходятъ, держатца крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходитъ, горитъ и сохнетъ, прочь не отходитъ, такъ бы не отходила раба Божія имя рекъ отъ меня, раба божія имя рекъ, сохла, горѣла, прочь не отходила по всякой часъ на всякое время. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора во-

ротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ красное солнце грѣетъ и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнетъ и обсыхаетъ роса медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы божіей имя рекъ по мнѣ, рабѣ, божіемъ имя рекъ. Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца и сохнетъ, какъ хмѣль вьетце и тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вилось и тянулось ретивое сердце по мнѣ, рабѣ божіемъ имя рекъ, на всякой часъ, на всякое время. Пойду я рабъ божій по зорю Марію, по зорю Маремьянію ко господню престолу, на господнемъ престолѣ мати Марія и Маремьянія, прійду я къ тебѣ, рабъ божей имя рекъ, низко поколюся и поклонюся, какъ на тебѣ нетлѣнныя ризы держатца, такъ бы держалась раба божія имя рекъ Пойду я, рабъ божей имя рекъ, подле синее море: есть въ мори ковылъ щука, безъ воды не можетъ ни жить ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди та тоска въ семдесятъ жилъ и въ семдесятъ суставовъ во становыя въ двѣ жилы и въ едину, въ попядную и спиновую жилу. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моимъ словамъ ключа не бывать и того замка не отпирать, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

11. Подходъ на любовь дѣвицы.

Наговариваютъ на воду или на пряникъ или на что либо другое, и даютъ выпить или съѣсть той, которую хотятъ приворожить:

Стану я р. б. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду я въ чистое поле. Есть сидитъ въ чистомъ полѣ сама Пресвятая Богородица Мати Божія. Какъ она скрипитъ и болитъ по своемъ сынѣ, такъ бы по рабу б. Н. раба б. Н. скрипѣла и болѣла, и въ огнѣ горѣла, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не исъ. Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь.

(Запис. въ г. Онегѣ).

12. На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей.

Наговорить на кольцо или на крестъ, и положить его себѣ за пазуху или въ платокъ.

Собирайтеся народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, на маковки, на Мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ; такъ бы на раба б. Н. глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старыя старухи, молодыя молодухи, красныя дѣвицы, малыя ребятка; такъ бы раба б. Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабъ б. Н. (имя заговаривающаго) казался краше краснаго золота, чище чистаго серебра. Будьте мои слова тверды и крѣпки, на вѣки нерушимы. Ключь въ воду, а замокъ въ руки.

(Запис. въ г. Онегѣ.)

13. Наговоръ на присушеніе.

Какъ рабъ божій Н., любитъ рабу божію Н, такъ чтобы и раба Божія Н., любила раба Божія Н. не могла безъ него ни жить, ни пить и не ись; и любила и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна солнышка, вѣки повѣки, отнынѣ до вѣку, аминь.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

14. Для присухи.

Изъ свѣжаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ у порога двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнуто черезъ прутъ, онъ убирается въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ берутъ прутъ въ жарко истоплепную баню, бросаютъ на полокъ и приговариваютъ:

«Какъ сохнетъ этотъ прутъ, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ божій (такой-то)».

(Доставилъ г. Никольскій изъ Мезени).

15. Старинное заклинаніе на любовь.

Стану отрокъ, имя рекъ, не благословесь, пойду не перекрестесь, изъ избы не дверми, изъ двора не воротми, и пойду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ три и два и единъ: бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойдусь поближе отрокъ им. р. и поклонюсь пониже: а.....*) вы три деветь бѣсовъ три, два, и единъ, бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите мнѣ отроку им., пойдите по городамъ и по уѣздамъ и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы, и съ рыбы и со всякаго званія людей, и снесите ту тоску и сухоту въ отроковицу, имя рекъ, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице, въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевять жилъ, и въ одну жилу, во становую, въ подпятную....., чтобы отроковица (имя рекъ) не могла бы не жить, не быть ни день по солнцу, ночію по мѣсяцу. Какъ младенецъ

*) Здѣсь и въ слѣдующихъ мѣстахъ вырвано по одному слову въ рукописи.

безъ матерняго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица и. р.: безъ воды не можетъ жить ни днемъ, ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ стоитъ дубъ сорочинской, и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридевять отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ Яга баба и пожигаетъ тридевять саженъ дубовыхъ дровъ. И коль жарко и коль ярко разгоралось тридевять саженъ дубовыхъ дровъ и столь жарко..... разгоралась отроковица р. б. (имя рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесятъ жилъ и семдесятъ суставовъ и семдесятъ одинъ суставъ, чтобы отроковица р. б. (имя рекъ) безъ отрока, имя рекъ, не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ парной банѣ паритце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгулятца и прѣснымъ молокомъ нахлебатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отсидѣтце. И тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ акіянъ-море подъ латырь камень.

(Списанъ со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго у. г. Хромцовымъ).

16. Наразожженіе сердца удѣвицы.

Встану не благословесь, пойду не перекрестесь, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и отъ матери, отъ роду, отъ племяни. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ имя рекъ.

(Заговоръ этотъ выписанъ изъ стариннаго дѣла бывшей Архангелогородской Губернской канцелярiи. Дѣло значится по секретной описи подъ № 251-мъ 1734 года и названо: Присланный его Императорскаго Величества изъ С.-Петербургской канцеляріи Тайныхъ и Розыскныхъ Дѣлъ указъ Кехотской волости о крестьянинѣ Трофимѣ Поповѣ).

17. Напустить тоску парню.

Пойти въ баню, послѣ паренья, стать на тотъ вѣникъ, которымъ парились, и говорить:

Выйду изъ парной байны, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ: дуну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ,—четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречетъ, неси бѣлый кречетъ вострый ножъ и востро копье; садись бѣлый кречетъ рабу Божію (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце. Рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ; вынимай изъ его ретива сердца, изъ черной печени и изо всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречетъ, понеси, бѣлый кречетъ, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужѣ не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнце не повянь; донеси всю тоску кручину, всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ) гдѣ бы его завидѣть, гдѣ бы его заслышать, хошъ бы въ чистомъ полѣ, хошъ бы при разстаньѣ великомъ, хошъ бы при путяхъ—дорогахъ, хошъ бы въ парной байнѣ, хошъ бы въ свѣтлой свѣтлицы, хошъ бы за столами дубовыми, хошъ бы за скатертями перчатными, хошъ бы за кущаньями сахарными, хошъ при мягкой постели, при высокомъ зголовьи, хошъ при крѣпкомъ сну. Садись бѣлый кречетъ рабу Божію (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь его бѣлы груди тѣмъ же острымъ ножомъ, коли его ретиво сердце тѣмъ же острымъ копьемъ, клади въ его былы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю юноту великую, во всю его силу могучую, въ грудь и спину, въ хоть его и въ плоть его, въ семьдесятъ семь жилъ, въ станову его жилу, въ семьдесятъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйну голову, въ лицо его бѣлое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю его красоту молодецкую. Рабъ Божій (имя рекъ) по мнѣ рабѣ Божіей (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ сухотой, вялъ вянотой въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу, на новцу, на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу во всѣ меженые дни, въ утренни и въ вечерни зори, во всякой часъ и минуту. Какъ Май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, никоимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабѣ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во всѣ межны дни. Какъ Май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее никоимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались, — берите мои слова во-

стрѣй востраго ножа, вострѣй копья, вострѣй сабли, ярѣй ключевой воды. И этимъ моимъ наговорнымъ словамъ заключенныя слова ключь и замокъ, ключь щукѣ, замокъ въ зубы,—щука въ морѣ. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

18. На прилученіе парня.

Пойду я въ чисто поле, есть въ чистомъ полѣ бѣлый кречетъ. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чисто поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темные лѣса, въ зыбучія болота и попросилъ бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хошъ бы середка темной ночи соннаго; и сѣлъ бы бѣлый кречетъ на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень, и вложилъ бы рабу Божію (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

19. На людскую любовь.

Стану я рабъ Божій поутру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ на четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотрятъ и зарятся, такъ бы на раба Божія и смотрили и зарились старыя старушки, старые старики, маленькія ребятка, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, смотрили и зарились на раба Божія. Будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные, аминь.

Это заклинаніе употребляется для привлеченія любви какъ дѣвушекъ, такъ и всѣхъ вообще людей.

(Записано въ г. Онегѣ).

20. Навести красоту.

Чтобы навести красоту, или казаться красивѣе, берется платокъ, съ которымъ выходятъ на улицу, произносятъ ниже приведенныя слова и потомъ, придя домой, утираются тѣмъ платкомъ:

Стану благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широку улицу, стану на востокъ хребтомъ, на западъ глазами. На западной сторонѣ тамъ сидитъ обрученный Іосифъ, зритъ и смотритъ на Госпожу Пресвятую Богородицу, такъ и на меня бы рабъ Божій весь вѣкъ смотрѣлъ бы и глядѣлъ.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

21. Снять тоску.

Нужно взять въ какую либо посудину воды изъ трехъ ручьевъ. Наливаютъ ее ковшомъ, перекрестившись прежде всего три раза. Зачерпываютъ воду по теченью, считая ковши такъ: не разъ, не два, не три..... не девять.... (всего 27 ковшей, т. е. три раза по 9-ти). Нужно стараться брать столько воды въ ковшикъ, чтобы въ эти 27 разъ наполнить ровно половину посудины. Если же кажется больше или меньше, то выливается вонъ, на отмашъ, говоря: тьфу ты окаянная сила! Если же налилось какъ разъ до половины, то становятся на развязанной вѣникъ и обливаются этой водой, произнося слѣдующія слова:

Стану я млада на шелковъ вѣникъ бѣлымъ тѣломъ, бѣлой грудью, черными бровями, ясными очами, ретивымъ сердцемъ, слабыми мыслями, попрошу я сѣраго зайка: прибѣжалъ бы ко мнѣ сѣрый заюшко, снялъ бы съ меня тоску—кручину,—печаль, и понесъ бы онъ ее въ чистое поле и спустилъ бы ее по буйному вѣтру, разнесло бы ее по разнымъ городамъ и вложилъ бы ее рабу Божію (имя рекъ), объ комъ я млада кручинна тоскую.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

22. Остудныя слова.

Эти слова употребляются для того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо или разлучить съ другимъ. Обыкновенно они наговариваются на землю, взятую между двухъ горъ или же изъ ручья (тогда оба берега считаются за горы). Эту землю даютъ въ какомъ нибудь кушаньѣ. Для большей дѣйствительности прибавляютъ въ нее мелко-изрубленные медвѣжьи когти.

«Стану не благословясь выйду не перекрестясь изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами,—мышей норой, собачей тропой, окладнымъ бревномъ; выйду на широку улицу, спущусь подъ круту гору, возьму отъ двухъ горъ земельки. Гора съ горой не сходится, гора съ горой не сдвигается, такъ же бы р. б. (имя рекъ) съ р. б. (имя рекъ) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говоритъ, такъ же бы р. б. (имя рекъ) съ р. б. (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки отъ простоволоски, отъ жонки отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ еретиковъ, чуръ отъ еретницъ, чуръ отъ ящеръ ящерицъ».

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

23. На остуду.

Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ срастается, цвѣтъ съ цвѣтомъ слипается, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на таку большу тропину, возьму себѣ землину, сяду подъ лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на всѣ четыре сторону: нейдетъ ли р. б. (имя рекъ), и кину и брошу я въ чисто поле; — и какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и р. б. (имя рекъ) не сходился и не двигался.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

24. На разлученіе.

Зайду я во широкій дворъ во высокій домъ, запашу я (имя рекъ) отстуду велику, отстудился бы р. б. (имя рекъ) отъ р. б. (имя рекъ), чтобы онъ былъ ей не на глаза ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобы онъ въ покой, она изъ покоя, онъ бы на улицу, она бы съ улицы; такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ какомъ бы она ни была платьѣ, хошъ въ цвѣтномъ, хошъ въ держамомъ *), все бы онъ не могъ ее терпѣть, и кажинный бы разъ не сносилъ бы съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хошъ бы ладно она дѣлала, а ему бы все казалось неладно, и хошъ бы по уму дѣлала, а ему бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ на улицу, разогналъ бы грусть тоску кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и повалился бы на мѣсто, **) и есть у него подружка, ночна подушка и разогналъ бы онъ съ ей грусть — тоску.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

25. Наговоръ на разлученіе.

Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой; они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоду не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы и рабы божіи (такіе-то) мыселъ не мыслили, плоду не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы какъ кошка да собака жили.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги).

26. На устуну.

Стану я рабъ б. N. не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не въ ворота, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣки черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой, на одномъ челнѣ не сидятъ, и во одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ, и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ б. N. съ рабой б. N. на одной бы лавки не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра—одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ..

Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ и наговаривается или на воду или на съѣстное. Записалъ С. Огородниковъ *).

*) Держамый — будничный, рабочій.

**) Мѣсто — постель, перина.

Б. ПРИ БРАКѢ.

1.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, т. е. 1 октября, бываетъ необыкновенное стеченіе въ церкви дѣвушекъ, для слушанія литургіи. При моленіи, опѣ произносятъ особую молитву:

Пресвятая Мати Богородица! покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ.

Объ этомъ же дѣвушки молятся на сей день всю ноченьку на пролетъ.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

2.

Въ день св. Парасковеи нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова Пресвятыя Богородицы собирается къ литургіи много дѣвушекъ. Онѣ вымаливаютъ себѣ жениховъ:

Пятница-Парасковея пошли женіховъ поскорѣе.

(Доставилъ Ивановъ изъ г. Пинеги).

3. Подходъ свата.

Желающій жениться на избранной невѣстѣ посылаетъ, съ благословенія родителей, бойкаго свата, или сватью, къ родителямъ невѣсты. Для достиженія успѣха, сватъ встаетъ передъ иконой Божьей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я рабъ Божій имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чистое поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему Іисусу Христу и Матери Пресвятой Владычицы Богородицы и всѣмъ святымъ; надѣну утроранній бѣлый свѣтъ и застегаюсь утроранними мелкочастыми звѣздами, умоюсь мокрою росою Соломоніею, утруся бѣлымъ полотенцемъ-бѣлымъ свѣтомъ, положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію ко властелину (имя рекъ), въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій имя рекъ зритъ и гля-

*) Срав. труды Арханг. Стат. Ком. 1865 г. стр. 44.

дитъ на Мать Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Нѣбеснаго, такъ и на меня, бъ (имя рекъ) раба Божія зрѣлъ, и глядѣлъ, и ярымъ окомъ не взбудилъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ, и зла-лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

(Рукопис. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онежск. у. священника Алексѣева).

4.

На канунѣ брака наряжаютъ невѣсту и моютъ съ нижеслѣдующими словами, наговариваемыми на пиво, которымъ невѣста умываетъ свое лице:

Какъ ты, чисто злато-серебро, чисто и прилично; какъ на тебя, злато-серебро, всякъ зарится, заглядывается: старый и младъ, женатый и холостой, старыя старухи и молодыя молодицы, и красивыя дѣвицы и молодые молодцы; такъ бы на тебя, рабу N., зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы и очей съ тебя не спускали.

(Доставилъ свящ. А. Колчинъ изъ села Пингишей, Холмог. уѣзда)

5. Свадебный отпускъ.

Когда случится отпустить свадьбу, говорить предъ Богомъ въ платъ или въ воскъ:

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Отъ чего тѣ слова говорятца? отъ евангелія Христова царя небеснаго. Михаилъ архистратигъ, святый Петръ и Павелъ верховніи апостоли, ставьте тридесять тыновъ мѣдныхъ отъ земли подошвы и до небеспой до морской глубины, отъ восточныя и до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеси и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоитъ около меня раба Божія имя рекъ; у тѣхъ же у тридесяти тыновъ есть тридесятъ воротъ, у тѣхъ же у тридесятъ воротъ есть тридесять замковъ, у тѣхъ же у тридесятъ замковъ есть тридесятъ ключей. Пріиду я, рабъ божій имя рекъ, и затворю тѣ тридесятъ замковъ и брошу тѣ тридесять ключей во святое Хвалынское море, и пріидетъ щука золотая, челюстію ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Вайгуги, Холмогор. у.)

6.

При входѣ, послѣ вѣнца, въ домъ мужа молодая говоритъ:

Первая, другая, я иду третья, цицъ! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею вѣроятно для того, чтобы первенствовать въ домѣ надъ другими снохами.

(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

7.

Когда молодой идетъ въ домъ невѣсты на жительство (зять-пріемышъ), то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова глядя на потолокъ:

Я иду звѣрь лапистъ и гордъ горластый, волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои.

(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

8.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ заключеніе стола послѣ вѣнца, приносятъ горшокъ крупяной каши. Послѣдній изъ гостей, выхлебавъ всю и зачистивъ остатки, бросаетъ порожній горшокъ на печь съ приговоромъ:

Сколько черепья, столько ребятъ молодымъ!

(Шенкур. уѣзда).

9. Свадебный оберегъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть въ западной стороны море Черное; въ томъ же мори есть островъ; на томъ же острову выросло древо, на томъ же древѣ корень и вѣтвіе. На томъ же древѣ сидитъ желѣзенъ мужъ, осматриваетъ желѣзенъ мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти мнѣ сторожу колдуна и вѣдуна, мужика и женку, и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ сторожу въ избѣ или на улицы, въ пиру или на сварбы, или у заплота или за плахами или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзенъ мужъ, кабы на колдуна и вѣдуна тенетъ онъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса и рѣчи колдунове и вѣдунове, яже онъ врагъ ими на меня вражитъ, онъ отворачиваетъ, тотъ же желѣзенъ мужъ. Или баба еси сътьми же, тотъ же врагъ ее же, кабы она легонько въ зубы подолъ знела и подругу бы оказала, руки бы зняла, своего дьявола звеселила, да тотъ же желѣзенъ мужъ въ избу привяжи ея къ печному столбу, а на улицы къ огороду. А мужикъ тотъ же колдунъ надо мною пыта-

етця; ты же желѣзенъ мужъ, кабы пасъ не няла ево ни молитва, а ему колдуну не чѣмъ бы ему отъ меня не онятця; сведи его тотъ же желѣзенъ мужъ, сведи ево въ баню и поставь его въ каменицу головою. иже ево врага, кой вражитъ, и повесь ево же вверхъ погами у стропилъ ко одному углу, и броси ево же о сыру землю, да тотъ же желѣзенъ мужъ не отпущай меня раба божія (имярекъ); его врага о землю порази, ево стречника. Или у князя молодова лошадь подтыкаетця отъ подтычки, или у свахи, у тысечково, у дружекъ, у сторожа, у всево княжева поѣзду прибору отъ воженія, которая врагъ повалить захочетъ о крѣпостѣ, тотъ же желѣзенъ мужъ обороняетъ меня, раба божія имярекъ, сторожа и князя и княгиню, тысецкаго, дружекъ и весь княжей приборъ, бросаетъ ево того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, броси ево о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь.

(Списанъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холмогор. у. Дохтуровымъ).

10. Свадебный оберегъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть святое море акеянъ; на томъ море окіяне бѣлъ красенъ камень; на томъ бѣломъ красномъ камени, звѣрь лубимечь, охватилсе и обогнулсе зверь лубимечь зъ бѣлымъ каменемъ, не отходитъ прочь; и какъ охватилсе звѣрь лубимечь, обогнулсе зверь лубимечь и прочь не идетъ, такъ же бы охватиласе и обогнуласе та раба божія имярекъ съ тѣмъ рабомъ божіимъ имярекъ; и какъ любимечь звѣрь обогнулъ бѣлъ камень, и тако бы обогнулася та раба божія имя рекъ, и любилися между собою тѣ мужъ да жена другъ по другѣ. Коль жарко разгораетца кирпичная печь, въ той огненной печи дубъ и дрова, коль жарко разгораетца дрова и угольѣ, коль жарко и пылко, столь же бы пылко, столь же бы жарко горѣло сердце и кровь, въ день бы она ходила, голова бы у ней болѣла, сердце бы щемило, хлѣба бы не ѣла, другъ безъ друга головы у нихъ болѣли, въ ночь сна другъ безъ друга не было. Коль ярко горитъ свитая свѣща предъ образомъ божіимъ, толь же бы ярко горѣло сердце у рабы божіей имярекъ по рабѣ божіемъ имя рекъ днемъ и ночію, и какъ всякая мати тужитъ и плачетъ по своемъ сынѣ, спустя на чужую сторону, неутѣшно плачетъ, такъ бы тужила и плакала та раба божія имярекъ по рабѣ божіимъ имярекъ: она глазомъ завидитъ, ухомъ заслышитъ, усмотря сердцемъ возрадуетца раба божія имярекъ по рабѣ божіемъ имярекъ душею своею и сердцемъ. И какъ идетъ сонцо къ вечеру на покатъ на западъ безотпятно, такъ же бы та раба божія по рабѣ божіимъ имярекъ безотпятно, и безъотворотно. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, аминь, аминь, аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холмогорскаго уѣзда Дохтуровымъ).

11. Свадебный оберегъ.

За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господе Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ и спаси. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Христосъ Царь Небесный, ангели небесніи и архангели и вся силы небесныя сотворили небо, землю, море, оградили песками и рукою, погами, оградите меня р. б. имярека каменнымъ градомъ о трехъ запорахъ и заборонахъ, поставите желѣзенъ тынъ въ небесную вышину и въ морскую глубину, поставите желѣзенъ тынъ, желѣзныя вереи и мѣдныя ворота, затворите замки тѣ, схороните въ двинскую вершину и въ камянную пещеру, отъ вѣдуна и отъ вѣщицы, отъ волхва и отъ кудесника и отъ всякаго злаго человѣка, недобраго. Коли тѣ ключи найдетъ вѣдунъ и вѣщица, а замки отомкнетъ, и ворота отворитъ и градъ потопитъ, ни вѣдуну, ни вѣщицы тѣхъ ключей не нахаживать, и вороть ни замковъ не отмыкивать, и воротъ не отваривать, а меня р. б. N. не порчивать, и тѣ слова говорить земляной силою и водяною во вѣки, аминь.

А ти слова говорить дважды:

Молитва первая: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій! Маркъ, Іоаннъ, Лука, Матвѣй писали евангеліе Христово и снесли и сложили во единое мѣсто, и въ той хоромины Пресвятая Богородица Христа родила, а я р. б. N. въ той же хоромины тутъ же былъ»; — а говорить тѣ слова на два куска на хлѣбъ, да на безушую новую недержанную иглу, да на булавку новуюжъ недержанную, а булавку безушую тыкать въ воротъ въ рубашной, а тыкать ушми вверхъ, а востріемъ къ земли.

За симъ читается молитва воскресная:

Да воскреснетъ Богъ и разыйдутся врази его и да бѣжатъ отъ лица его вси невидящи его, яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ; яко таитъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и знаменающихся крестнымъ знаменіемъ и возвеселятся рекуще: радуйся, кресте Господній, силою на тебѣ распятаго Господа нашего Іисуса Христа и въ адъ сошедшаго и поправшаго на немъ всю силу діаволю и давшаго мнѣ

р. б. N. крестъ свой на прогнаніе всякаго врага и супостата. О, пресвятый и животворящій крестъ Господень, помогай мнѣ р. б. N. со святою Господнею Дѣвою Богородицею и со архистратигомъ съ Михаиломъ и Гавріиломъ, и съ херувими, и съ серафими, и со всѣми небесными силами, и со Иваномъ Крестителемъ Предтечею, и со евангелисты Маркомъ, и Матфѣемъ, и Лукою и Іоанномъ богословомъ, и со святыми со святители, и съ праведными уродивыми Христа ради, съ мученики, съ Георгіемъ страстотерпцемъ и со святителемъ Петромъ, митрополитомъ Алексіемъ, Іоною и съ Николою, и съ мученицами, съ великою прехвальною Варварою и Катериною и Парасковіею и Ульяніею, и со всѣми мученицы и съ преподобными женами и со ангеломъ хранителемъ монмъ. Соблюди Господи домъ сей и живущихъ въ немъ (имярекъ) и всѣхъ православныхъ христіанъ, отъ всякаго видимаго и не видимаго врага и супостата и всякаго злаго лукаваго человѣка, отъ всякаго вражія злаго ухищренія и казней, силою честнаго и животворящаго Креста Господня и святыхъ ангеловъ хранителей нашихъ; Господи І. Хр. С. Б. помилуй насъ грѣшныхъ всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Господи І. Хр. С. Б., помилуй Господи насъ рабовъ своихъ; запрети Господи сатаны и злымъ его темнымъ и лукавымъ человѣкомъ, угодникомъ его, еже не прикасатися имъ къ симъ и къ сему нашему свадебному причету, къ намъ рабу б. ко мнѣ рабу б. (имяреки) и къ первобрачному N. и къ первобрачной N., и къ тысяцкому, и къ боярамъ, и къ друшкамъ, и свашеницамъ, и къ проводникамъ и сущихъ съ нами, ко всѣмъ православнымъ христіянамъ, и къ конямъ нашимъ, и къ кобыламъ, и къ санямъ, и къ сѣдламъ, никоими ихъ злыми лукавыми мечтаніи. Постави Господи, Владыко, человѣколюбче, кругъ насъ рабовъ своихъ божіихъ свое храненіе силою и дѣйствіемъ св. Твоего духа, аки тынъ желѣзенъ отъ неба до земли, а отъ земли и до неба со всѣ четыре стороны; огради Господи кругъ насъ рабовъ своихъ пламенемъ огнянымъ, аки щитомъ отъ земли до неба, а отъ неба и до земли, со всѣ четыре стороны; и посли Господи на сохраненіе насъ рабовъ своихъ божіихъ, посли Господи съ небеси отъ святаго жилища твоего и отъ престола славы твоея дванадесять своихъ учениковъ и апостолъ и четыре евангелисты: Луку, Марка, Матфѣя, Іоанна богослова, и небесныхъ силъ воеводъ Гавріила и Михаила со ангелы и со архангелы, съ херувими и съ серафими, и со всѣми небесными силами и воинстви съ копьи, и со скипетры, и со всякимъ огненнымъ оружіемъ, которымъ поразилъ сатану и діавольскіе бѣси, и съ тѣхъ оружіевъ повели Господи оражати и оберегати сей нашъ поѣздъ и насъ рабовъ своихъ (имярекъ) и мнѣ р. б. (имярекъ) и первобрачнаго имярека и сущихъ съ нами всѣхъ православныхъ христіанъ и коней нашихъ, и кобылъ и саней, и сѣделъ, и всего нашего свадебнаго причету, отъ всякаго злаго врага и супостата, въ день и въ ночь, на утренной зори, на вечерной зори, пьючи и ядечи, и путемъ ѣдучи, и въ стрѣчю, и по себѣ идучихъ, и со стороны, и съ сзади, и съ переди смотрячи, и съ подъ тыновъ и сквозь тыны смотрящихъ, и въ избахъ сѣдячимъ, и на дворехъ стоячи и спѣючи, и на всякомъ мѣстѣ владствія твоего. Сохрани, Господи, отъ всякія порчи и пытощи, и козней діявольскихъ, и злыхъ лукавыхъ человѣкъ, отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ вѣдуновъ и отъ вѣдуней, отъ блядуновъ и отъ блядуней, отъ еретиковъ и отъ еретицъ, и отъ иноземцовъ, и отъ всякаго плотскаго зараженія на земли, отъ седмидесяти двухъ языковъ, и отъ всякаго злаго ихъ гляженія и думы на всякій часъ, въ полдни и въ перекрой, въ новѣ, и въ ущерби, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Господи І. Хр. С. Б, помилуй насъ, аминь. Ты самъ, владыко, человѣколюбче, постави, Господи, кругъ насъ рабовъ своихъ имя реки, тынъ желѣзной отъ земли и до неба, отъ неба и до земли, кругъ сего нашего поѣзду со всѣ четыре стороны, и запрети, Господи, сотонѣ и лукавымъ его бѣсомъ и злымъ лукавымъ человѣкомъ, еретикамъ и еретицамъ, вѣдуномъ и вѣдуньямъ, колдуномъ и колдуньямъ, блядунамъ и блядуньямъ, и всѣмъ его сатанинымъ угодникамъ, и поспѣшникомъ не прикасатися имъ къ сему нашему поѣзду, къ намъ рабу божиму имя реки, силою и дѣйствіемъ св. твоего Духа, силою честнаго и животворящаго креста твоего и моленіемъ Пресвятыя Твоея Матери и всихъ святыхъ твоихъ, аминь, аминь, аминь.

Во имя О. и С. и Св. Д. Отъиди сатана и со всѣми бѣси своими и со злыми лукавими человѣки, угодники своими, изъ сея храмины отъ четырехъ угловъ и двухъ дверей и отъ всихъ отъ коней; въ сей храмины престолъ божій, на престолѣ сидитъ самъ І. Хр. Сынъ Божій, роспятый на крестѣ и во адъ сошедый и поправый всехъ силу твою діяволю; окрестъ престола стоятъ четыре евангелиста: Лука, Маркъ, Матфѣй, Іоаннъ Богословъ, съ ними небесныхъ силъ воеводы Божіи, архистратигъ Гаврила и Михайла, со всѣми небесными силами и воинства, и въ рукахъ держатъ скипетры и па-

лицы желѣзныя и всякое огняное божіе оружіе, бьютъ тя сатану и прогоняютъ и всю твою силу вражію отъ дому сего и отъ насъ рабовъ Божіихъ имяреки, вѣрующихъ ся честному кресту его; со крестомъ станемъ, со крестомъ пойдемъ и печатаемся печатью, симъ честнымъ и животворящимъ крестомъ, и крестомъ ся ограждаемъ, раб. бож., всегда и нынѣ, и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Искони бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово, плоть бысть и вся тимъ быша (3-жды), Христосъ съ нами уставися вчера, днесь тойже и вовѣки, (трижды).

Далѣе читается церковная молитва задостойникъ: О всепѣтая Мати, рождши всѣхъ святыхъ (см. заклинаніе при выпускѣ скота на пастьбу).

Пошелъ изъ избы глаголи:

Христе свѣте истинный, иже просвѣщая и освѣщая всякого человѣка, грядущаго въ миръ, да знаменается на насъ свѣтъ лица твоего, Господи, яко да въ немъ ходящи узримъ свѣтъ неприкосновенныя ти славы, исправи стопи наша къ дѣланію заповѣдей твоихъ. яко благословенъ еси вовѣки, аминь. *)

Со двора поѣхавъ, глаголи:

Стопы моя направи по словеси твоему, и да не одолѣетъ ми всякое беззаконіе, избави мя отъ клеветы человѣческія, и сохраню заповѣди твоя, лице твое просвѣти на раба твоего, и научи мя оправданіемъ твоимъ.

Господи благослови, св. Отче! какъ загоряется ярый пчелый воскъ на свѣчахъ, такъ бы загорялися думы и мысли сердечныя у рабовъ божіихъ имя реки; какъ свиваются сіи брачныя свѣчи, и такъ бы свивалися и любилися думою и мыслію сердечною совѣстію рабъ б. имя рекъ и раба б. имя рекъ, и какъ си ярого воска свѣчи до конца згорятъ, вмѣсти совьючись, такъ бы имъ рабомъ б. им. р. и до смерти имъ жити бы любовію, и какъ огня нихто того не можетъ терпѣть, такъ бы на нихъ, рабовъ б. им. р., нихто не можетъ подумать ни вѣдовствомъ, ни колдовствомъ, ни какою разлукою, ни мужъ, ни жена, ни старъ, ни младъ, ни отрокъ, ни отроковица, ни вдовецъ, ни вдовица, ни черпецъ, ни черница, ни каковъ человѣкъ. Аминь, аминь, аминь.

Указъ: свивать свѣчи на посолонъ брачныя и говорить, и какъ совьешь, и поставь предъ образомъ, и зажги, и до конца дай згорѣть, чтобы не осталось ничего, себя оградить: Господи Боже, благослови Отче!

*) Это извращенная молитва священника въ концѣ перваго часа.

Во имя О. и С. и св. Д. Востану язъ р. б. им. р. на сей день благословлясь, пойду перекрестясь, по восточную сторону, ставлюсь на мѣдное гумно, покрываюся краснымъ солнцемъ и свѣтлымъ мѣсяцомъ, оражаюся частыми звѣздами, что вострыми стрѣлами, язъ р. б. им. р. отъ всякаго друга и недруга и отъ всякаго жива человѣка. Спасъ и Пресвятая Богородица, и св. Николай Чудотворецъ, Михайло архангелъ, Гавріилъ и вси святые апостолы, пророци и мученики, Козьма и Деміянъ, доспѣйте около меня, р. б. им. р., на сей день три стѣны желѣзныя, три стѣны каменныя, три стѣны деревянныя, и замкните меня р. б. им. р. въ ти городы за тридевять замковъ, и киньте ключи ти въ морскую пучину, подъ бѣлой камень; и какъ не могчи тихъ ключей не добыть изъ морской пучины и съ подъ бѣлаго камени, и такъ бы меня р. б. им. р. не могли испортить на сей день и на всякой часъ, никакими ни врачбами, ни порчами; и какъ колдунъ или вѣдунъ и колдунья или вѣдунья, или еретикъ, или еретица не могутъ выкусить естества своего черезъ плече, и такъ бы меня р. б. им. р. не могли на сей день никоими врачбами, ни порчами испортить; и какъ велбуду не мощно пройти сквозе игольныя уши, и такъ бы меня, р. б. N, не могли на сей день никакими ни врачбами, ни порчами испортить, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь (говорить трижды, ставъ по утру, какъ ставаютъ, и плевать на землю). И какъ на сего свѣтодавца Христа не могутъ зрити херувими и серафими и вся небесныя силы, такъ бы не могли лиха подумать на раба б. им. р. и на его поѣздъ, ни вѣдунъ, ни вѣдуница, ни колдунъ ни колдуница, ни каковъ человѣкъ, ни старъ, ни младъ, ни мужской полъ, ни женской; и какъ на сего свѣтодавца Христа боятся и трепещутъ небесныя силы и земные человѣцы и проклятіи бѣсови, такъ бы отъ того моего поѣзду боялися ужасались вѣдуны и вѣдуницы и всякіе лихіе люди, въ день и въ ночь, въ утри рано и въ вечери поздо; и какъ сему свѣтодавцу Христу Богу нашему и его честному образу и кресту Саспятія его и Матери Царицы и всѣмъ святымъ вѣру держатъ и молятся цари и князи и всякое православное христіанство и невѣрные языци, и такъ бы мнѣ рабу б. и моему поѣзду радовалися всѣ православные христіяне мужіе и жены, и младыя, и старые и всякія люди. Коль сіе серебро честно царю и князю и всякому человѣку, толь бы язъ рабъ б. им. р. былъ честенъ и весь мой поѣздъ всѣмъ православнымъ христіянамъ, и были бы передо мною рабомъ б. им. р. вся

кіе лихіе люди, аки передъ соколы дрозды. Указъ какъ говорить: положить въ воду непитную образъ Христовъ да сребро, и то судно поставить на хлѣбную квашню, говорить, и тою водою мазатися сохранно на чистомъ мѣстѣ, а лица не утирать, а досталь воды выпить и вылить въ чистое мѣсто и въ харчу, и серебромъ утиратися по лицу, и серебро отдать на свѣчи къ церкви.

12. Слова отъ порчи.

Во имя О. и С. и Св. Д. Какъ сіе желѣзо во огни горитъ, и такъ бы горѣло сердце у вѣдуна и у вѣдуньи, у колдуна и у колдуньи, у еретика и у еретицы по мнѣ р. б. им. р.; какъ сіе желѣзо въ водѣ кипитъ, такъ бы кипѣло сердце у вѣдуна и вѣдуньи и у вѣдуницы, у колдуна и у колдуницы, у еретика и у еретицы, по мнѣ по р. б. им. р., какъ игольныхъ ушей никому не нахаживать, и къ сей иглѣ не прикладывать, такъ бы меня р. б. и. р. никому не испорчивать: ни колдуну, ни колдуницы, ни вѣдуну, ни вѣдуницы, ни еретику, ни еретицы, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ аминь.— Говорить надъ иглою трижды, держать близко зубовъ, и откусить уши, и выплюнуть на землю, а иглу безъ ушей у себя держать въ рубашномъ въ вороту.

Указъ: Ащели прочтешь, въ который день прочтено на имя свое, отступятся вси лукавіи бѣсы отъ раба б. имя река, аще кто хощетъ свататце, или женитце, проговори на имя того предъ иконою, будетъ соблюденъ; ащели которому человѣку врагъ прикоснется, проговори трижды на воду и пити дай; аще ли ляжетъ одинъ во храминѣ, проговори молитву сію, не прикоснется діяволъ: Владыко милостивый, Господи Іисусе Христе, призри на мое моленіе и помилуй мя раба своего, помоги мнѣ рабу своему, аминь. Отгоните врага отъ раба б. N., аминь. Отступи сатана и идоли и лукавые бѣси отъ раба б. N. аминь, вскорѣ станете во храминѣ сей окрестъ раба своего, надъ главою. Самъ истинный Іисусъ Христосъ, Царь небесный, побѣдивъ враговъ желѣзомъ, заградилъ уста врагамъ, затворилъ путь крестомъ честнымъ, чтобы вамъ проклятымъ врагомъ во храмину сію не входить и раба сего божія не смущать, не мучить, аминь, аминь. Азъ, самъ Господь, надъ симъ рабомъ и Матерь моя Марія; сего раба б. N. сотворилъ его азъ, Христосъ; роди мя мати моя Марія, въ семъ рабѣ б. имя рекъ престолъ Христовъ; около раба сего сила ангельская и архангельская и апостольская, поютъ херувими и славятъ серафими, аминь. Раба сего божія имя река уста глаголютъ и святаго Христа Царя Небеснаго и Матерь мою Марію къ себѣ на помощь призываютъ, а врага прогоняютъ и проклинаютъ, отъ раба б. имя река; азъ Христосъ семо ста и Мати моя Марія во храминѣ сей и съ рабомъ божіимъ имя рекъ. Словеса сія, рабъ божіи имярека, побѣда и пагуба на сатану и на діявола, сей же рабъ божій имярекъ отгонитъ врага и самаго сатану и побіетъ тьму враговъ; духъ святый отдымаетъ раба сего божія имярека; отъ сего святаго духа молнія опаляетъ, враговъ отгоняетъ отъ раба б. имярекъ, аминь. Плеваніе раба божія имярека и прысканіе сею водою и морскою и отпѣваніе на враговъ каменія горяща, и побіетъ враговъ до конца, аминь, и еще отъ самого Господа исполняю Христа Небеснаго: громы и молнія летятъ съ небеси, сила ангельская и архангельская, несутъ ангелы стрѣлы небесныя, ставають ангелы и архангелы около раба б. имярека на крѣпко крѣпко, стоятъ и стреляютъ сатану и враговъ его, идолы отгоняютъ и прогоняютъ отъ раба б. имярекъ аминь, всегда нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ аминь. Се дано сему рабу б. отъ самаго истиннаго Христа, Царя Небеснаго, на погубленіе врагомъ и на прогнаніе бѣсомъ, и идоламъ во вѣки, аминь, и нынѣ прогоняютъ отъ раба б. имярекъ силою истиннаго Христа, Царя Небеснаго, и Пресвятыя Богородицы Маріи, помощію силы небесныя, чиноначальныхъ хранителей, ангеловъ тьмы тысящи, и еще къ рабу б. N. летятъ съ небеси отъ престола божія сила ангельская и архангельская, послана отъ самаго Господа, Царя Небеснаго, накрѣпко крѣпко, хранятъ раба б. имярекъ, облакаютъ меня облаками, покрываютъ мя небесами, опоясываютъ поясомъ Пресвятыя Богородицы Маріи, во главѣ солнце, на серцы мѣсяцы, составы—частыя звѣзды, коль крѣпка луна солнечная силою ангельскою, столбы всѣмъ рабомъ божіемъ имяреки и около раба божія имярекъ сила ангельская крѣпка; какъ начнетъ призывать на помощь къ себе, а сіе прочтетъ и писаніе прочтется, а сила ангельская накрѣпко вооружится, да крѣпко на что призывается, и будетъ у раба б. имярекъ, аминь. Рабъ б. именемъ Господнимъ начнетъ проклинати лукавое дѣло, а божіи ангелы начнутъ отгоняти и связати враговъ и сатану и идолы, вовѣки аминь и нынѣ. Еще молюся рабъ б. истинному Христу, Царю Небесному, и пресвятой Богородицы Маріи, о рабѣ болящемъ многими причами и портежми и грыжами, потвореніемъ діявольскимъ, отъ во зліянія мира на главу сему рабу б. имярекъ, аминь. Видитъ Господь болящаго и услышитъ молитву съ не-

бесн самъ истинный Христосъ, словомъ своимъ пошлетъ своихъ ангеловъ, иже стоятъ о крестъ его, свой жезлъ имъ даваетъ, крѣпко имъ повелѣваетъ у раба б. имя река сего Боже стояти и желѣзомъ и жезломъ враговъ и сатану и идолы погубитъ до конца, аминь. И въ руку своя Христовы даетъ исцѣленіе мира, посылаетъ на главу и на сердце, на суставахъ раба. Всего имя рекъ, слышится сатана, убоятся лукавіи бѣси отъ посланія Господня и матери его Маріи, а разверглися небеса, летятъ силы ангельскія и архангельскія во мгновеніи ока, ставають къ рабу б. имя реку, аки дождя небеснаго и до облака; толькѣ ставають силы ангельскія около раба б. N., направлены крѣпко духомъ Божіимъ и вооружены на крѣпко крѣпко, стоятъ, не отходятъ отъ раба него божія, враговъ проклинаютъ, и прогоняютъ сатану силы ангельскія. Враги и сатана, аки дымъ, исчезаютъ, яко воскъ таетъ отъ лица Господня, аминь. Горе сатаны и демономъ и бѣсомъ и горе еретикомъ, которыи бѣсовзкіе полки призываютъ, и имъ Господь заградитъ уста, аки у Вала-сама волхва, и аки Урія безбожнаго. Како не мощно еретику или кудеснику на солнце смотрѣть и красоты солнца спять, тако еретику не можно устами и мыслію зла сотворити мнѣ рабу б. аминь, аминь, аминь. Сильна есть сила ангельская и архангельская, и погибе сила діявольская и сатана противо ихъ избранныхъ полковъ лукавыхъ бѣсовъ, около раба б. им. р. стоитъ сила ангельская и архангельская, невидимая человѣкомъ, запрещеніе еретикомъ, погубленіе бѣсамъ несмѣгна и неизглаголанная, дана на крѣпко, вооруженна неизмѣрно, врагомъ и сатоны и и идоломъ прикоснути къ рабу б. имя реку аминь, не сверхъ, не съ исподъ, ни совсихъ четырехъ странъ отовсюдь; проклинаетъ Христосъ и ангели отгоняютъ-аминь, замкнутъ р. б. им. р. силою ангельскаго и архангельскаго на крѣпко крѣпко до втораго пришествія Христова, аминь, аминь, аминь. Ключъ на небеси у престола Христова, до вѣку, аминь, въ руки у самаго истиннаго Христа Царя Небеснаго и Матери его Маріи, аминь, аминь, аминь; повелѣніемъ божіимъ сколько стоитъ около солнца и мѣсяца и частыхъ звѣздъ ангеловъ божіихъ, и повелѣніемъ божіимъ стойте около раба б. N., ангели божіи, берегите и стерегите раба б. N, аки самаго Господа и Матерь Христову Марію. Азъ Христосъ здѣ и мати моя Марія во храминѣ сей и престолъ христовъ, и ангели, арханги мои христовы, отгоните враговъ и сатану, идолы, сохраните раба б., безъ отходу стойте, на голѣ оружіе держите на враговъ, и сатану близко раба сего не пущайте, а враговъ и сатану побивайте, раба б. N не давайте; сей рабъ божій им. р. причтенъ у престола божія, побіетъ враговъ и сатану. Ангеловъ призываю азъ рабъ б. им. р. къ себѣ на помощь истиннаго Христа, Царя небеснаго, и матерь его Пресвятую Богородицу Марію и ангеловъ хранителей чиноначальныхъ: Михаила и Гавріила, Урііла и Рафаила, и Ноиля, и Поманла, и Нафанаила, и Самосаила и Ненафада, и Сасанія, на помощь ихъ ангельскую силу; убиваютъ врага ангели, по вся дни и часы и мгновенія ока. Еще азъ рабъ б. им. р. прошу у истиннаго Христа, царя Небеснаго, на помощь тмы тысящи хранителей ангеловъ, вооруженыхъ на враговъ его крѣпко стоять, надъ рабомъ им. р., раба сохраняютъ и связаютъ враговъ духомъ святымъ и исчезаютъ враги во мгновеніи ока отъ руки ангельскія, и ангели вражіи запретятъ языкъ и духъ въ себѣ ради призыванія бѣсовскаго, заградитъ уста имъ посланъ отъ Господа Михаилъ архангелъ надъ главами ихъ со оружіемъ, аминь, аминь, аминь. Крѣпка стѣна, крѣпка и сила ангельская около раба б. им. р. и кругомъ дому его, аминь, аминь, аминь; во вѣки не погибнетъ рабъ б. аминь. Аще ли кто прочтетъ сіе писаніе надъ водою, рѣки и морскою, или въ дому раба б. имя река, и снидетъ съ небеси сила ангельская къ рабу божію им. р., аминь. Аще прочтется вторый день, вторый наконъ на имя, и снидетъ съ небеси истинный Христосъ, Царь Небесный, Царь съ Маріей съ матерью и съ Пресвятою Богородицею, аминь. Ста надъ рабомъ б., сохраняютъ отъ врага раба божія имя рекъ вскоре отступите, идетъ съ небеси Илья пророкъ на огняной колесницы, несетъ на языцѣ громъ великъ, и духъ его молнія великая, слово его стрѣла, плеваніе его каменіе горящее, на васъ враговъ окаянныхъ, отступите въ бездну преисподню окаянныи и лукавіи бѣси отъ раба божія им. р. повелѣніемъ божіимъ, развергнется небеса и не затворяются, послана отъ Господа истиннаго Христа, Царя Небеснаго, и Пречистыя Богородицы Маріи на васъ окаянныхъ враговъ до конца седмичастый огонь, и пожжетъ васъ окаянныхъ враговъ до конца, аминь, аминь, аминь; и еще съ небеси летятъ на васъ окаянныхъ враговъ, посланы отъ Господа и матерію Маріею, звѣри ядовитые и двоеглавые, и розрываютъ васъ враговъ и на свѣтъ не пущаютъ, гдѣ завидятъ близко раба б. имя рекъ аминь, аминь; и еще летятъ съ небеси птицы желѣзныя, а ногти у нихъ мѣдныя, а зубы булатныя, и посланы отъ Господа, посланы съ небеси отъ самаго Господа, Царя небеснаго

къ рабу б. N, гдѣ завидятъ враговъ или заслышатъ близко раба б. имя рекъ, сохраняти отъ враговъ всегда, и враговъ погубити до конца, аминь на крѣпко; отъ сего писанія исчезнутъ враги со отцемъ своимъ сатаною, и во вѣки вѣковъ, аминь, исчезнутъ отъ сего моленія лукавыхъ бѣсовъ триста шестьдесятъ и пять видомъ, и которыя приходятъ въ миръ на прелесть всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Проговори трижды: Аминь.

Послѣ этого читаются молитвы ангелу хранителю находящіяся въ старыхъ каноникахъ:

1. Ангеле Христовъ, къ тебѣ припадая, молюся.

2. Святый ангеле, предстояй окаянный моей души.

3. О божественный, любезный, сладчайшій живота предстателю мой, заступниче, хранителю.

4 Тропарь ангелу хранителю, гласъ 6-й: Ангельскимъ зракомъ сія и божественною славою озаряемъ.

5. Кондакъ, гласъ 4-й.

6. Подобенъ явися днесь.

(Оберегъ сей, вмѣстѣ съ предыдущимъ, списанъ П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной изъ с. Ухтострова, Холмогор. у. помощникомъ миссіонера Ѳ. С. Батраковымъ).

В. ПОДХОДНЫЯ СЛОВА.

1. На царскія очи.

Господи благослови! Какъ утренняя заря размыкается, божій свѣтъ разсвѣтается, звѣри изъ пещеры, изъ берлогъ выбираются, птицы съ гнѣздъ слетаются, такъ бы рабъ Б. И. ото сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, краснымъ солнцемъ одѣвался, свѣтлымъ мѣсяцемъ подпоясался, частыми звѣздами подтыкался. Покорюсь и помолюсь: вы же кормилицы, царскіе очи, какъ служили царямъ-царевичамъ, королямъ-королевичамъ, такъ послужите рабу Б. N., день послужите, и въ ночь послужите, по утру рано, и въ вечеръ поздно, въ каждый часъ, въ каждую минуту, вѣкъ по вѣку, и отъ нынѣ довѣку. Ключь и замокъ словамъ моимъ.

Подходъ ко властямъ.

Стану я рабъ б. им. благословесь, пойду перекрестесь, помолюся и поклонюся Воскресенію Христову. Какъ къ тебѣ, Воскресеніе Христово, на праздникъ на христово воскресеніе ходятъ цари и царевичи, князи и бояра и священны ереи, а вся православные христіана, на тебя, на Воскресеніе Христово, не супаюце, не сердяце, не ретуюце, лиха не думаютъ, зла не творятъ, тебѣ, Воскренію Христову, всегда радуются и веселятся и покланяются тебѣ, Воскр есенію Христову, тако же бы на меня раба б. им. цари и царевичи, князи и бояра и великіе велможи и священные ереи и вся православные христіяны не супалисе, не сердились, не ретовались, лиха не думали, зла не творили, всегдабъ мнѣ рабу б. и. р. радовались и веселились и поклонялисябъ мнѣ рабу б. п. по всякой день, и по всякой часъ и по всякое время. Стану я рабъ б. им. благословясь, пойду, перекрестясь, помолюся и поклонюся самому Іисусу Христу Царю Небесному. Самъ Господь Іисусъ Христосъ обвертитъ во оболока меня раба б. имр., покрытъ краснымъ солнцомъ, подпояшетъ зорею утренею, подтычетъ частыми звѣздами. Какъ тебѣ цари и царевичи, князи и бояра и великіе велможи, и священные ереи и вся православные христіаны радовалисе и веселисе солнцу красному и свѣту бѣлому, зорѣ утренніи, дитяти своему милому, манніе божіи, хлѣбу и соли, тако же бы мнѣ рабу б. имр. цари и царевичи, князи и бояра, и великіе вельможи и священные ереи и вся православные христіяне радовалисе и веселилисе и поклонялися бы мнѣ рабу б. им. по всякъ день и по всякой часъ, на всякое время, всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Слава Тебѣ, Христе Боже, Упованіе Наше, Слава Тебѣ.

3. Подходъ къ начальству.

Спать и стать по утру рано не мывши, взять чистыя воды и съ той воды вымыть Спасителевъ образъ и Богоматеринъ образъ съ Предвѣчнымъ ъмладенцемъ, а какъ вымоешь, въ той воды наговаривай, а какъ наговоришь, вымой лицо свое, и той воды оставь ложки три, а какъ оставишь той воды и попрыщи шапочной платъ, а какъ попрыщешь, приди ко властямъ и платомъ тѣмъ потри лице свое и говори:

Во Имя Отца и Сына и Св. Духа, стану я рабъ Божій имрекъ, благословесь, по утру рано и пойду далече въ чистое поле, отъ отца благословенъ и отъ матери прощенъ, и отъ роду и отъ племени ближнего и дальнего, войду далече въ чистое поле и стану на востокъ лицемъ, а на западъ хребтомъ. Земля мать, небо отецъ, зоря Марія, заря Маремъянія; красное сонце въ очи вставлю, младъ свѣтелъ мѣсяцъ въ тылъ положу, часты-

ми звѣздами подтычуся, ризою Господню нетленною покроюся. И какъ зритъ царн и князи, и бояра и всякіе пестрыя власти, и всѣ православные христіяна, и какъ зритъ сія власть на Господа Бога Саваофа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимъ, и на серафимъ, и на апостоловъ, и на пророковъ, и на всякіехъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на частые звѣзды, и на луну небесную и на вышную, и не думаютъ они цари и князи и бояра и всякіе пестрые власти и всѣ православные, и не думаетъ сія власть ни на Господа Бога Саваофа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимовъ, и на серафимовъ, и на апостоловъ, и на всѣхъ святыхъ святитилей, и на красное сонце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха и на меня раба Божія имрекъ, и казался бы я рабъ Божей властямъ нимъ въ очахъ красныя краснаго сонца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца и частыхъ звѣздъ, всегда, нынѣ иприсно, и вовѣки вѣковъ, вся крѣпость святаго духа, аминь, аминь, аминь.

(Всѣ три взяты изъ стариннаго сборника, полученнаго изъ села Ваймуги, Холмогор. уѣзда)

4. Подходъ къ властямъ.

Господи Боже благослови (трижды). Какъ озарится и замычетъ ранняя утренняя заря и взойдетъ обрадованное красное солнце, и возрадуется и возвеселится обрадованному красному солнцу царь государь и святѣйшій патріархъ, и всѣ судьи, и всѣ начальные люди, и всѣ православные христіане, одождавши свѣтлаго Христова Воскресенія, такобъ возрадовался и возвеселился начальный человѣкъ и судья праведный Іоаннъ по мнѣ рабѣ Божіи Титѣ, и дай ему, Господи, очи ангельскіе, сердце каменное, губы воловы, языкъ тетеревиной, и чтобъ супротивъ меня раба божія Тита не могъ не зинуть, не пикнуть, не слова промолвить и не выговорить, и буди со мной рябомъ божіимъ Титомъ Спасъ и Пречистая Богородица и св. архангелъ Гавріилъ и вся небесныя силы; како Петръ апостолъ замыкаетъ и запираетъ свой рай пресвѣтлы, тако замкни, Господи, у начальнаго человѣка и судьи праведнаго уста сахарные и укроти у него, Господи, отъ ярости ретивое сердце; како изъ гроба не возставаетъ мертвый мертвецъ и покрытъ матушкой сырой землей, такобъ не могъ возставать супротивъ меня, раба божія Тита, начальный человѣкъ и судья праведный Іоаннъ. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.

Говорить сей приговоръ на чистый воскъ, три раза, и за каждымъ разомъ плевать, а держать во всякой чистотѣ, то всѣ судьи будутъ милостивы.

(Изъ дѣла 1753 года, выписано П. Я. Ефименкомъ).

5. Подходъ къ начальству.

Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправый и выведяй изъ ада праведныя и грѣшныя усопшія души, и какъ тѣ праведныя и грѣшныя усопшія души возрадовались и возвеселились трехдневному Христову воскресенію, такъ же возрадовалась и возвеселилась соборная апостольская церковь, всѣ ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, мученники и мученицы, преподобные и богоносные отцы, пастыри и учители вселенные, также бы возрадовались обо мнѣ р. б. N. всѣ начальные и чиновные люди и судіи праведные; куда прійду или пріѣду, въ чемъ буду просить ихъ рабовъ б., тобъ ни въ чемъ не могли мнѣ отказать и не дѣлали бы мнѣ безъ пользы. Утренняя зоря радуется выходу краснаго солнца, вечерняя зоря радуется темной ночи, темная ночь радуется частымъ и яснымъ мелкимъ звѣздамъ младому (или вѣтхому) свѣтлому мѣсяцу, также бы возрадовались и возвеселились обо мнѣ р. б. N. вси начальные и чиновные люди и судьи праведные, куда приду или пріѣду и въ чемъ буду просить ихъ, тобъ ни въ чемъ не могли мнѣ отказать и не сдѣлали бы просьбы моей безъ пользы; тѣмъ моимъ приговорамъ и молитвамъ аминь.

6.

Во имя О. и С. св. Д. Аминь. Стану я р. б. N. на сей день Господенъ благословесь и пойду перекрестесь изъ избы дверми, изъ двора воротами, подъ духомъ святымъ и подъ страхомъ божіимъ, выйду я р. б. N. въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ взойдетъ красное солнце обрадованное, освѣтитъ и обогрѣетъ всю подвселенную, и такъ тому восходу краснаго солнца возрадуется царь и государь и святѣйшій патріархъ и весь миръ православный, вси начальные и чиновные люди и судіи праведные, и дайже моимъ начальникамъ брюхо матеро, сердце каменно, уши тетеревины, очи свѣтлы, а языкъ мертваго человѣка, и будете мои слова сики и забористы во всякомъ мѣстѣ, аминь.

7.

Во имя О. и С. и св. Д. Аминь. Стану я р. б. N. на сей день Господень благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, подъ ду-

хомъ святымъ и подъ страхомъ божіимъ, печать на мнѣ р. б. N. Христова, лягу я р. б. N. въ материну утробу, никтобы меня не нашелъ, къ царю Давиду пойду на смиренность, въ смѣлость и кротость, къ Александру Македонскому пойду на хитрость, а къ царю Соломону па премудрость, у начальниковъ и чиновниковъ и судей праведныхъ умъ и кротость ихъ у меня подъ погами, аминь.

8.

Помяни Господь Богъ царя Давида и всю кротость его, сколь былъ царь Давидъ смиренъ и кротокъ и милостивъ, такъ бы были у меня р. б. N. вси начальные и чиновные люди и судьи праведные смиренны и кротки и милостивы. Аминь.

9.

Плюнь, помни, помяни и сохни по мнѣ р. б. N. вси начальные и чиновные люди и судьи праведные, смирны и кротки и милостивы. Аминь.

Молитва воскресная: Да воскреснетъ Богъ.

(Всѣ пять подходовъ записаны помощ. миссіонера Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ Холмогор. у.).

10. На подходъ ко властямъ.

Господи Боже, благослови! Отъ синя моря силу, отъ сырой земли рѣзвоты, отъ частыхъ звѣздъ зрѣнія, отъ буйна вѣтра храбрости ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ). Стану, рабъ божій (имя рекъ), благословясь и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду я, рабъ божій, на бѣлый свѣтъ, въ чистое поле, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ полетныя облака. Стану я, рабъ божій (имя рекъ) въ чистое поле, на ровное мѣсто, что на престолъ Господа моего, облаками облачуся, небесами покрываюся, на главу свою кладу красное солнце, оболоку на себя свѣтлый младый мѣсяцъ, подпояшусь свѣтлыми зорями, облачуся частыми звѣздами, что острыми стрѣлами отъ всякаго злаго недруга моего. И буди у меня, раба Божія, сердце мое — лютаго звѣря льва, гортань моя, челюсь-звѣря волка порыскучаго. Буди у супостата, моего властелина (имя рекъ) сердце заячье, уши его тетерьи, очи его—мертваго мертвеца; и не могли бы отворятися уста и ясныя его очи возмущатися, не ретиво сердце бранитися, не бѣлыя его руки подниматися на меня, раба божія (имя рекъ). И помолюся я, рабъ божій (имя рекъ) Михаилу архангелу: «Государь небесный, воевода Михаилъ архангелъ, пристань ко мнѣ, рабу божію (имя рекъ), и дай мнѣ, рабу божію (имя рекъ), сердце мое каменное, главу желѣзную, носъ мѣдный, очи царскія, языкъ золотой, и говорить рѣчи царскія, щиты булатные и грозу царскую, и какъ отъ великаго государя вси горды дрожатъ, вѣрные и невѣрные». Еще загради, Господи, у зла супостата, у властелина (имя рекъ), очи его,—стыдилися бы на меня, раба, зло думать, и кто хочетъ меня бити или убити, или смерти меня предати, и кости мое растерзати, и съ животомъ разлучити. Господи, Христосъ мой, Богъ милостивый и премного-милостивая моя Государыня, Госпоже Пресвятая Богородица, Дѣво Марія, Мати вышняго Бога, Христова молебница, теплая заступница, скорая помощница! Какъ ты, Мати Пресвятая Богородица, родила Інсуса Христа, Сына своего, Бога нашего, Царя небеснаго, какъ ему поклоняются и покоряются, Христу Богу нашему, Цзрю небесному, архангели и ангели, херувимы и серафимы, и вся небесныя силы, ему поклоняются пророки и ученики,—такъ бы мнѣ рабы покорны и поклонны, и послушны цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дьяки и поддьяки, и пестрыя власти, и вси приказные судьи, мои супостаты (имя рекъ) ко мнѣ, рабу божію (имя рекъ). Какъ возрадуется темная ночь младому свѣтлому мѣсяцу, и какъ возрадуется утренняя заря бѣлому свѣту, и какъ возрадуется бѣлый свѣтъ красному солнцу,—такъ бы возрадовались мнѣ, рабу божію (имя рекъ), моему приходу, цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дьяки и поддьяки, и пестрыя власти, вси приказные люди, судьи и всѣхъ чиновъ люди, мои супостаты (имя рекъ), отъ меня, раба божія (имя рекъ), въ лице или въ тыло и со стороны и смотрѣли бы на меня, раба божія (имя рекъ), какъ на красное солнце, и не могли бы насмотрѣтися душею и тѣломъ, и ретивымъ сердцемъ, ясными очами, думой и помысломъ. Всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Вси цари и царицы, князи и княгини, бояра и бояринь, и вси приказные люди, и мои супостаты (имя рекъ)—вси овцы мои; я, рабъ, волкъ; своимъ яснымъ окомъ взгляну и поймаю, и въ руки возьму, и на зубъ брошу, раскушу и всѣмъ на полъ плюну, и ногой заступлю и растопчу. Вси мои слова, будьте благословенны, сильны и крѣпки, крѣпчае и жесточае желѣза и булату и востраго ножа, и ногтей орлиныхъ, и всѣхъ моихъ сильныхъ и крѣпкихъ словъ. Казанская Богородица печать свою приложила златымъ своимъ перстнемъ. Всегда отнынѣ и до вѣку. Замокъ камень. Аминь, аминь, аминь!

А говорить слова трижды въ воду да въ воскъ, да въ бѣлый платъ, да въ маленькій кусокъ хлѣбца; водою мыться и пить воскъ; положи ко кресту и хлѣбецъ сей, платомъ трись, поди куда хошь.

(Изъ старинной рукописи).

11. Приговоръ, когда идешь къ начальству.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божей имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, стану на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, обрещу ярово воску и сперва воззрю далече, Спасу помолюся, праотцамъ нашимъ Якову, Іосифу прекрасному. Какъ вы Яковъ и Іосифъ прекрасны пришли предъ Фараона царя Египетскаго и какъ онъ не могъ на мѣстѣ усидѣть и честь имъ воздалъ паче всѣхъ, такъ же бы супротивъ меня, раба божія имя рекъ, князи и бояра, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и всѣ пестрыя власти и всѣ православные христіяне не могли бы на мѣсти усидѣть и честь бы мнѣ воздали паче всѣхъ, и казался бы имъ милѣе всѣхъ я, рабъ божей имя рекъ, серце бы имъ укротилось, что у кроткого Давида царя, виность къ имъ моя не была бы виность, а казалась бы невиностію, вороги бы и злодѣи мои имъ супостаты казались, аки лютые звѣри, мою бы виность клали на вороговъ и на злодѣевъ на моихъ супостатовъ; какъ на семъ свѣти всякой живущей человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба и безъ соли и безъ питія, такъ же бы безъ меня, раба божія имя рекъ, князи и бояра, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и всѣ пестрыя власти и всякіехъ чиновъ люди и всѣ православные христіяне не могли бы безъ меня, раба божія имя рекъ, не жить, не быть, не пить, не исть, не ходить, дня прожить, ночи проспать, часу часовать. Какъ возрадовалась и возвеселилась Пресвятая Богородица востанію и воскресенію Христову, единородному своему сыну, такъ же бы радовались и веселились князи и бояра, намѣстники, архіепископы, архимандриты, игумены, князи и бояра и всѣ пестрыя власти и всякихъ чиновъ люди имѣли бы они меня, раба божія имя рекъ, какъ душу въ тѣли своемъ, глазъ во лбу, по всякой день и по всякой часъ въ день и въ нощь, въ полни мѣсяцы, и въ новѣ мѣсяцы, и въ ущерби мѣсяцы, и на меженныхъ днѣхъ, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ; вся крѣпость Святаго Духа во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ старинnаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

12. Подходъ къ начальству.

Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, царя Соломона и всю премудрость его.

(Запис. свящ. Лисестровскаго прихода, Архапг. уѣзда Ѳедоровъ).

13. Тоже.

Придя къ дверямъ, ухватиться за скобу и говорить: вставайте волки и медвѣди, и всѣ мелкіе звѣри, левъ-звѣрь самъ къ вамъ идетъ!

(Запис. г. Огородниковъ съ Соломбалѣ).

14. Подходъ ко всякому нужному человѣку.

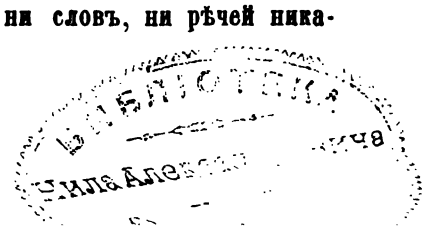
Стану р. б. N., помолюсь Матери Пресвятой Богородицы, Истинному Небесному Христу поклонюсь; какъ на истиннаго небеснаго Христа никто не можетъ злой думы думать и мысли мыслить, ни зло творить, ни щоки отворить, ни языка поворотить, такъ бы какъ я р. б. N пойду куда, глядѣли бы на меня голубинымъ окомъ, материнымъ сердцемъ царя Давида, царя Константина кротость и смиренство. Казался бы р. б. N честнѣй хлѣба и соли, милѣе сну и дѣла, во всякое время, днемъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ подъ частыми звѣздами и подъ темнымъ облакомъ. Будьте мои слова востре востраго ножа, востре востраго топора, востре вострой сабли, крѣпче бухвальнаго слова, что ключь языкъ замокъ, аминь.

Слова эти списавъ и закатавъ въ воскъ носить на крестѣ для подходу ко всякому нужному человѣку.

(Записано кр. Батраковымъ).

15.

Лягу я р. б. им. р. помолясь, встану я р. б. перекрестясь, умоюся святынею, помолюсь Спасу и Пречистыя Богоматери; пойду я р. б. изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу мнѣ архистратигъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я р. б. Михаилу архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятью ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу б. Михаилъ архангелъ: заслоню я тебя раба б. желѣзною дверью, и замкну тридевятью замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ: первый Маріи, второй Прасковью, третій Ериси (sic), возмите ключи отнесите на небеса и кто эти ключи достанетъ, тебя раба божія отмыкать станетъ. Мати Божія Пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ б. къ рабу б. имя рекъ: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей ника-



кихъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, ни мѣста, а хотя я р. б. хожу и пятами своими топчу, только бы у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лазилъ снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое; ты предо мной еси лютый огнь, а я предъ тобой есть сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою, во вѣки вѣковъ, аминь. Боже, очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою, но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отвержу уста моя недостойный и восхвалю имя твое, Отца и С. и С. Д. А.

Во и. О. и С. и Св. Духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и вѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

(Изъ старой рукописи).

16. Подходъ ко всякому человѣку.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Какъ возрадуется вечерняя заря темной ночи, такъ же бы возрадовался рабъ божій имя рекъ рабу божію имя реку. Какъ возрадуется и возвеселится темная ночь частымъ звѣздамъ, такъ бы возрадовался и возвеселился рабъ б. им. р. рабу б. им. р. И какъ возрадуются и возвеселятся часты звѣзды свѣтлому мѣсяцу, такъ бы возрадовался и возвеселился рабъ б. им. р. рабу б. им. р. Какъ возрадуется свѣтлой мѣсяцъ утренней зарѣ Маріи, такъ бы возрадовался рабъ б. им. р. рабу б. им. р. И какъ возрадуется утренняя заря Марія бѣлому свѣту, такъ бы возрадовался рабъ б. им. р. рабу б. им. р. Какъ возрадуется бѣлой свѣтъ красному солнцу, такъ же бы возрадовался рабъ б. им. р. и зрилъ й смотрилъ, что солнце, и любилъ бы, имѣлъ, что душу въ тѣлѣ, какъ крестъ на церкви, не могъ ни жить, ни быть безъ меня раба б. им. р. И какъ мертвый человѣкъ не можетъ безъ земли жити, такъ бы тотъ рабъ б. им. р. не могъ безъ меня раба б. ни жить, ни быть, ни пить, ни исть. Какъ рыба безъ воды, и мало дитя безъ матери, и какъ сажа сохнетъ на потолкѣ, такъ бы тотъ рабъ б. сохъ о мнѣ рабѣ б. им. р., сохъ на полну мѣсяцу, не перекроѣ мѣсяцѣ и на межныхъ дняхъ, по всякой день, по всякой часъ; тѣмъ моимъ словомъ ключъ и замокъ, вовѣки, аминь.

(Извлечено П. С. Ефименкомъ изъ старин. рукописи).

17. На властей.

Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего им. р., аминь; на мнѣ р. б. им. грамата отъ града Господня, пріидетъ ко мнѣ рабу б. и. р.,— и ту сію грамоту возьму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ им. р. на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святый, аще на сію нощь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластаютъ и вѣшаютъ; а во очи появлюсь я р. б. им. р. предъ князя болярина, и предъ судьями, и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабѣ б. радуются и веселятся и съ мѣста востаютъ; какъ же станетъ около меня раба б. тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ ученицъ, отъ калика перехожіа, отъ. . . . . и отъ всякаго злаго человѣка; какъ снидетъ ко мнѣ рабу им. р. самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми евангелистами, Матвѣемъ съ Маркомъ, съ Лукою, и Іоанномъ и со всею силою небесною, и ведетъ меня самъ Господь нашъ Іис. Хр., и ту вѣтку сладкую сорветъ, около главы моей трижды обнесетъ, отъ князя и болярина, отъ судей и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ; бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ совсѣмъ я рабъ б. и сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключь и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Іисусъ Х., Небесный Царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, съ тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ Царю Небесному. Аминь. День пройде, ночь настанетъ, ложится спать рабъ б. им. р., печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятыя Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста: на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ врага прогоняетъ, враги ему заклинаются, мнѣ тутъ не бывать, на рабѣ б. не стояти, учинили храмины печать, Петръ и Павелъ Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

(Заговоръ сей извѣстенъ и на сѣверѣ у старобрядцевъ. Срв. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 62).

Г. ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРИРОДНЫМЪ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМЪ СИЛАМЪ.

1. Молитва грому.

Сія молитва глаголати, егда громъ возгремитъ:

Святъ, святъ, святъ! сѣдый въ грому, обладывый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова: истор. очер. нар. міросоз. стр. 16. Извѣстна и на сѣверѣ.)

2. Молитва къ грому.

Боже страшный, Боже чудный, живый въ вышнихъ, сѣдяй на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями, призывая воду морскую и проливая на лице всея земли. Боже страшный, Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. №1, Щапова: Ист. очер. народ. міросоз. стр. 17. Извѣстна и въ Архангел. губ.)

3. При паденіи звѣзды.

Падающія звѣзды означаютъ кончину праведника; по этому при паденіи звѣзды говорятъ:

Аминь, аминь, аминь!

При этомъ крестятся.

(Сообщ. учит. холм. приходск. училища Елезаровъ.)

4. При дождѣ.

Приговариваютъ рѣчи: Мать Божья! не давай дождя, давай солнышка, да высоколнышка.

(Запис. П. А. Ивановъ въ г. Пинегѣ.)

5. При дождѣ.

Чтобы дождь пересталъ, дѣти приговариваютъ:

Дождикъ, дождикъ. перестань, мы поѣдемъ на ердань, Богу молиться, Христу поклониться. Какъ у Бога сирота, затворяй ворота, ключикомъ-замочкомъ, золотымъ платочкомъ.

(Сообщ. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

6. Мольба вѣтра.

Въ Поморьѣ Кемскаго уѣзда предъ возвращеніемъ промышленниковъ съ Мурманскаго берега домой, бабы цѣлымъ селеніемъ отправляются къ морю *молить вѣтеръ*, чтобы не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ дѣтникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся крестамъ, поставленымъ во множествѣ на всемъ Бѣломорскомъ прибрежьи. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы тянулъ повѣтерье и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно 27 (3×9) плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости, и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучинкѣ углемъ или ножемъ; произнося имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваетъ сколь возможно громко: «Востокъ да обѣдникъ пора потянуть! западъ да шалоникъ пора покидать! Тридевять плѣшей всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; востокова плѣшь напередъ пошла.» Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ: «Встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку; а западу шалонику спину оголю. У встока да обѣдника жена хороша, а узапада шалоника жена померла!» Съ окончаніемъ этого припѣвка спѣшатъ посмотрѣть на кипутую лучину: въ которую сторону легла она крестомъ, съ той стороны ждутъ вѣтра. Но если она опять провозвѣститъ неблагопріятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣстному отъ старины средству; сажаютъ на щепку таракана и спускаютъ его въ воду приговаривая: «поди тараканъ на воду, подними тараканъ сѣвера.»

(Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I,385.)

7. Призываніе домоваго на новоселье.

При переходѣ на житье въ новопостроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и раскланиваясь во всѣ четыре угла избы, говорятъ: Хозяйнушко-господинъ! пойдемъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богачество!

(Зап. П. А. Ивановъ въ Пинежскомъ у.)

8. Къ домовому.

Переходя въ новый домъ, или на новую квартиру, прежде всего вносятъ образъ квашню съ растворенымъ, тѣстомъ, а потомъ кошку, собственно для домоваго, приговаривая: Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ.

(Карман. кн. для любит. землевѣд., изд. Геогр. Общ. въ 1848 г. Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣр. и суев. жител. Арх. губ., Верещагина, стр. 312—320.)

9. При покупкѣ скота.

Купивши скотинку, крестьянинъ молится вмѣстѣ съ продавцемъ Богу, творитъ молитву Іисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, несмѣя держать узды голыми руками, и говоритъ: «Вотъ тебѣ, хозяинушко, мохнатый звѣрь на богатый дворъ; пой, корми, рукавичкой гладь.»

(Запис свящ. Таратинъ въ с. Курьѣ, Холм. у).

10. Къ домовому.

Вводя вновь купленную скотину въ стойло, строго соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: низко кланяются, обращаясь къ каждому изъ четырехъ угловъ хлѣва или стойла, и приговариваютъ: «Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь; моего (или мого) такого-то (кличка скотины) люби, пой да корми.»

(Карман. книга для любителей землевѣд. изд. Рус. Геогр. Общ. 1848 г. Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣрьяхъ и суевѣр. жит. Арх. губ. Верещагина, стр. 312—320).

11. Къ домовому.

Когда приводятъ купленную скотину въ хлѣвъ, тогда употребляютъ слѣдующее воззваніе къ домовому;

«Дѣдушка Отаманушко! полюби моего чернѣюшка (или пестрѣюшка, смотря по шерсти), пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и жены не спущай, и дѣтей уклинай.»

(Записано въ г. Онегѣ).

12. Чтобы увидѣть двороваго.

«Дядя дворовый, приходи ко мнѣ не зеленъ, какъ дубравный листъ, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я; я тебѣ христовское яичко дамъ.»

Кто хочетъ видѣть двороваго, долженъ первый получить отъ священника, по окончаніи заутрени на св. Пасху, красное яйцо и взять изъ церкви свѣчу, съ которою стоялъ у заутрени. За тѣмъ долженъ ночью, до пѣтуховъ, взявъ въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо, стать передъ отворенною дверью хлѣва и сказать приведенныя выше слова: дворовой выйдетъ, по виду совершенно подобный произносившему заклятіе.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у).

13. Къ банному.

По выходѣ изъ бани, благодарятъ баннаго словами: «Спасибо те, байнушко, на парной байнечкѣ!»

(Сооб. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

14. При знакомствѣ съ лѣшимъ.

Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь передъ Ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ, и, найдя осину, срубить ее такъ, чтобъ она вершиною упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться, и, глядя въ отверстіе, образовавшееся между ногами, говорить: «Дядя лѣшій, покажись, не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою; покажись такимъ, каковъ я!»

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

15. Молитва Нежиту.

Святые Михаилъ-Гавріилъ грядите, вземь желѣзнь лукъ, желѣзни стрѣлы, стрѣлати хоте елена и елену, и не обрете ту елена и елену и обрѣте Нежита, иже сидеша на мырацѣпивъ (sic) и вопроси его: что ты еси иже сѣдиши на мырацѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже человѣче глава расцѣплю, и мозыгъ исрьчу, кровь ему пролею. И рече ему Михаилъ-Гавріилъ: проклеты, проклеты Нежите, не мозыга срьчи, ни главы расцѣпи, ньиди въ пустую гору, вълѣзи въ елену главу, та ти есть трьпѣлива, трьпѣти те, аще ли же по семь дни обрѣщу, любо же посѣкну, любо же прострѣлю. И взмолился Нежить: не посѣци и не прострѣли мнѣ, да бѣжу въ гору и въ еленю главу, егда имать по три земле.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 89, ст. Щапова, стр. 11. Извѣстна и въ Архангел. губ.)

16. Молитва Нежиту.

Сербская молитва, встрѣчающаяся въ рукописяхъ на сѣверной Руси:

Поиде 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь носеще, 7 ножь остреще, и срете ихъ архангелъ Гавріилъ и рече имъ: камо идете 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь несеще, 7 ножь остреще, и рѣче ему ии: идемъ Нежита осѣщи изьгнати.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова.)

17. Молитва Нежиту.

Седмьдесять ангелъ, семдесятъ архангелъ, и срѣте и святый Михаилъ и Гавріилъ и святый Козма и Доміяне. И рекоша ему: камо идеши Нежите. И рече имъ Нежить: иду человѣчу главу кости преломити, мозыга срьцати. Рекоша ему: иди въ пустую гору, и вышедъ въ еленю (оленью) главу и останися раба божіи (имя рекъ) и ту клятву да имаши, и иже смѣшаетъ воду, подобне и есть егда станешь добрѣ. Станешь страхомъ, тако да станетъ съ Нежить.

(Оттуда же.)

18. При исканіи кладовъ.

Когда покажется счастливцу кладъ онъ долженъ проговорить:

«Чуръ! чуръ! свято мѣсто,—чуръ Божье да мое!» или: «чуръ мой кладъ съ Богомъ на-пополамъ!»

Затѣмъ желающій пріобрѣсть кладъ долженъ накинуть на мѣсто клада шапку съ головы, что значитъ оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать тайны. Наконецъ приговариваютъ:

«Аминь, аминь, аминь, разсыпься!»

Послѣднія слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются въ видѣ огоньковъ, горящихъ воскуяровыхъ свѣчей, золотыхъ пѣтуховъ и пр.

(Зап. г. Ивановъ въ г. Пинегѣ.)

19. При собираніи папоротника.

Въ одномъ травникѣ о папоротникѣ сказано: «есть трава черная попороть; ростетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съисподa большіе листы. А цвѣтетъ она на канунѣ *Иванова дня* въ полночь... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ не просто—съ надобностьми, и очертясь кругомъ говорить: Таланъ божій, судъ твой; да воскреснетъ Богъ!

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. ст. Щапова стр. 21.)

20. Противъ чорта.

Въ Святки отправляются на розстань, очертываются три раза, приговаривая за каждымъ разомъ: «за три черты чортъ не ходи!» Потомъ слушаютъ, что чудится.

(Записано въ г. Холмогорахъ.)

21. Отъ нечистаго.

Отъ Духа Святаго, причастника Христова, Спасова рука, Богородичинъ замокъ. Ангелъ мой, сохранитель мой! сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написано все Маркъ да Лука да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучитъ, за меня Бога молитъ.

(Доставлено свящ. Грандилевскимъ изъ с. Емецка Холмог. у.)

Эта молитва отъ нечистаго духа, произносимая ежедневно на сонъ грядущій, составляетъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби.

22. Молитва отъ нечистаго духа.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Облекомся во единаго Христа и слова Божія; убойся діяволю, отыди отъ меня, раба Божія имярека. Христосъ воскресе своею волею, имѣяй силу изгонять тя, страшный и нечистый діаволю, имѣяй силу Вышняго Бога, отца невидимаго, Христосъ погребенъ бысть; Христосъ воскресе, бѣжи діаволю, побѣдою Отца и Сына и Св. Духа, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій имярекъ, благословесь, пойду изъ западу въ востокъ. Поднимаетца царь грозная туча, и подъ грозною тучею мечетца царь громъ, царица молнія. Какъ отъ царя грома и отъ царицы молніи бѣжатъ враги и діаволы лѣсные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь въ свои помѣстія — подъ пень и подъ колоду, во езера и во омуты, и такъ бы бѣжали и отъ живущихъ во опыхъ хоромахъ, отъ меня, раба божія имр., бѣжали всякіе враги и діаволы, лѣсные, водяные и дворовые, всякая нечистая тварь въ свои помѣстія подъ пень и подъ колоду, во езера и во омуты безотпятно и безотворотно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, аминь.

Христосъ родися, и распяся, и воскресе, и въ третій день воскресеніе и животъ дарова всему міру, и мнѣ, рабу, Божію имярекъ, крестъ. Крестомъ человѣкъ родися, Богъ прославися, сатана связанъ бысть съ сильными своими бѣсы; отъ нынѣ и до вѣка, и до втораго пришествія Христова, аминь.

Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, сѣдяй въ вышнихъ, ходяй по громѣ, осѣняяй силою небесною, призываяй воду морскую къ проливанію на лице всея земли, праведный самъ судія врагу нашему, діаволю, аминь.

Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворми, подъ утреннюю зорю и подъ восточную сторону, ко истинному Господу Саваоѳу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и помолюся я, рабъ Божій имя рекъ, истинному Господу Богу Саваоѳу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному и святымъ архангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылатымъ херувимамъ и серафимамъ и прочимъ безплотнымъ небеснымъ силамъ, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Іоанну, и святымъ четыремъ апостоламъ и евангелистамъ Матвею, Марку, Лукѣ, Іоанну богослову, и святому пророку Ильѣ Ѳезвитянину: создай, Господи, свое божіе великое милосердіе отъ престола Господня грозь

ную тучу и темную, каменную, огненную и пламенную, изъ тое тучи грозныя спусти, Господи, частаго дождика. На небесахъ, отъ престола Господня зачинается и подымается божія милость и грозная туча, сильный громъ и молнія; и спустилъ истинный Господь, Саваоѳъ Богъ, Спасъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь Небесный, свое божіе великое милосердіе, отъ престола Господня святый Духъ, царя грома и царицу молонію: царь громъ грянулъ, царица молонія огненное пламя спустила, молнія освѣтила, разскакались и разбѣжались всякіе нечистые духи. И какъ изъ тыя божіей милости, изъ грозной тучи, сильнаго грому, отъ молніи вылетаетъ грозная громовая стрѣла, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и принимчиво діявола изгоняетъ и нечистаго духа демона К., С., С., Н., и мамонта насыльного и нахожего у меня, раба б. им., изъ двора выгаиваетъ, камень и древо разбиваетъ, и какъ отъ тое грозныя громовыя стрѣлы не можетъ камень въ одно мѣсто срастать, древо отрастать, и такъ же бы проклятый діяволъ и нечистый духъ демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ насильный и нахожій избѣжали бы отъ меня, раба божія имр., отъ сего мѣста прочь за 39 (вѣроятно 3 × 9, или *тридевять*) земель, за 3. 9 городовъ и за 3. 9 морей, и не могли бы меня, раба божія им., видѣть и не могли бы слышить; и какъ тыи грозныя огняныя громовыя стрѣлы боится проклятый діяволъ и нечистый духъ демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ насыльной и нахожій, и такъ же бы раба б. им. устрашилися и убоялися недруги и мои супостаты имя реки и всякіе нечистые духи разскакалися и разбѣжалися отъ меня раба б. им. во свояси: водяной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрыпучее дерево, подъ корень, и вѣтряный подъ кусть и подъ холмъ, а дворовой, мамонтъ насыльный и нахожій и проклятый діяволъ и нечистый духъ демонъ, на свои на старые на прежнія жилища. И какъ Господь умудряетъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, такъ же умудри, Господи, меня, раба б. им. на нечистыхъ духовъ; гласъ грома Твоего въ колеси. освѣтиша молнія твои, вселенная подвижеся, и трепетна бысть земля, такъ же бы трепетны были нечистые духи отъ меня раба б. им; и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сей мой заговоръ и приговоръ былъ столь бы крѣпокъ и силенъ во всякое время до будущаго вѣку во вѣки, аминь.

Крестъ на мѣстѣ, крестъ по рабѣ божіемъ имя рекѣ, крестъ у меня, раба божія, и крестомъ Христовымъ діявола проклинаю, отступи бѣсъ и діяволъ и нечистый духъ отъ меня, раба Божія им., отъ сихъ дверей, отъ четырехъ угловъ фатеры моей; здѣсь сидятъ архангелы, ангелы, херувимы и серафимы,—Михаилъ архангелъ и Гавріилъ архангелъ, здѣсь сидитъ Пресвятая Богородица, родшая Творца плотію, Христа Бога нашего, Царя Небеснаго; силою Христовою діяволъ буди проклятъ и нечистый духъ, всѣми седьми соборами, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царемъ держава, крестъ и діяволомъ прогнаніе отъ раба б. им. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Крестъ креститель, Христовъ хранитель, крестъ красота, крестъ церковная высота, крестъ ангеломъ слава, крестъ царю держава, крестъ твердо утвержденіе, крестъ бѣсомъ бо язва, крестъ и врагомъ прогонитель, храни мя и милуй раба б. им. въ ветху и въ молоду, и въ перекроѣ мѣсяцѣ, и ото всякаго врага и супостата, ото всякаго злаго человѣка, скорби и болѣзни, ненавидящаго и обидящаго человѣка.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Стану я, рабъ б. им. благословесь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворми, подъ восточную сторону, покоръсь и помолюсь Господу Іисусу Христу и святымъ архангеломъ и ангеломъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылымъ херувимомъ и серафимомъ, и евангелистомъ Матвѣю, Марку, Лукѣ, Іоанну богослову: какъ васъ боится демонская сила и какъ смущаетъ небесная стрѣла, молнія и громъ, и такъ же бы устрашилися и убоялися меня раба б. им. во всякое, время и такъ бы мой заговоръ и приговоръ былъ столь силенъ и крѣпокъ, и какъ Господь умудрилъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, а такъ же бы у меня раба б. им. столь бы силенъ и крѣпокъ мой заговоръ, а сей приговоръ; и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и столь бы былъ крѣпокъ сей заговоръ, во всякое время до будущаго вѣку, вовѣки, аминь.

Во имя Отца и Сына и Св Духа, аминь. И ставитъ около меня, раба б. им., самъ истинный Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Царь небесный, со своею Пресвятою Матерью Богородицею, Дѣвою Маріею, и со всею небесною силою, со ангелами и со архангелами, съ херувимы и серафимы, со апостолы и пророками и со святителями, и съ врачами съ безсребрянниками, съ мучениками и съ мученицами, съ страстотерпцами и съ страстотерпицами, съ преподобными,

и съ праведными, и со всѣми святыми тынъ желѣзный, врата мѣдные, вереи булатныя, замокъ пресвѣтлаго рая, ключь небеснаго царствія, отъ земли и до неба, отъ неба и до престола, и по земли отъ востока и до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, и заграждаетъ самъ истинный Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь небесный, меня раба б. им. ото всякаго отъ злаго, отъ лихаго человѣка и супостата: отъ угроватаго, отъ возгриваго, отъ сопливаго, отъ шедливаго (вѣроятно шелудиваго), отъ киловотаго, отъ сутулатого, отъ старца и отъ старицы, отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ черница и отъ черницы, отъ схимника и отъ схимницы, отъ женки долговолоски и отъ дѣвки частоволоски, отъ черноволосыхъ, отъ чернорусыхъ, отъ бѣловолосыхъ, отъ русоволосыхъ, отъ сѣдоволосыхъ, отъ пестрыхъ, отъ рябыхъ, отъ лысоватыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ хромыхъ, отъ волшебниковъ, отъ волшебницъ, отъ колдуновъ, отъ колдуницъ, отъ вѣдуновъ, отъ вѣдуницъ, отъ кудесниковъ, отъ кудесницъ, отъ порчельниковъ, отъ порченицъ, отъ лихоглазыхъ, отъ лихозубыхъ, отъ лихокровыхъ, отъ лихощербныхъ, отъ богоотступниковъ, отъ богоотступницъ, отъ богоотмѣтниковъ, отъ еретиковъ, отъ еретицъ, отъ вѣщуновъ, отъ вѣщуницъ, и ото всякихъ отъ злыхъ, отъ лихихъ отъ притчей, отъ скорбей и отъ болѣзней, отъ щипоты и отъ ломоты, отъ 12-ти проклятыхъ Иродовыхъ дщерей, отъ злыя отъ лихія отъ лихорадки: отъ Листопухи, отъ Комухи, отъ Лопухи, отъ Коршухи, отъ Каркуши, отъ Пухоты, отъ Хрыпоты, отъ Ломихи, отъ Знобихи, отъ Гнятяницы, отъ Огневицы, отъ Трясавицы, отъ всякія вражія, непріязненныя силы и ото всякаго мечтанія, сатанина угодія, затворяетъ святые верховные апостолы Петръ и Павелъ тынъ желѣзной вратами мѣдными и булатными вереями запираютъ и замкомъ пресвѣтлаго рая, ключемъ небеснаго царствія; и какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ небесномъ царствіи окаянному проклятому діяволу и волшебнику и волшебницы, колдуну и колдуницѣ, вѣдуну и вѣдуницѣ, кудеснику и кудесницѣ, порченику и порченицѣ, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лихошерстному, богоотступнику, богоотметнику, еретику и еретицѣ, вѣщуну и вѣщицѣ и злому человѣку, лихому супостату, помышлителю нашему, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, и такъ бы не бывать на мнѣ, рабѣ божіемъ им., тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, хрипотамъ и ломотамъ и 12-ти проклятымъ Иродовымъ дщерямъ злой лихорадкѣ; Листопухѣ, Лопухѣ, Комухѣ, Коршухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрыпотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятяницѣ, Огневицѣ, Трясавицѣ, и всякой вражіей непріязненной силѣ и всякому мечтанію сатанину угодію ввѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. И поставляетъ Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, Царь Небесный, у того желѣзнаго тына у мѣдныхъ вратъ святаго своего великаго святителя и теплаго заступника и скораго помощника Николая, Мирликійскаго чудотворца, и святый великій святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый помощникъ Николай Мирликійскій, чудотворецъ, стоитъ у того желѣзнаго тына и у мѣдныхъ вратъ, натягиваетъ свой мѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы и стрѣляетъ, и отстрѣливаетъ отъ меня раба б. им. всякія злыя, лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту и ломоту и 12-ть проклятыхъ Иродовыхъ дщерей злую лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрыпоту, Ломиху, Знобиху, Гнятяницу, Огневицу, Трясавицу и всякую вражью непріязненную силу и всякое мечтаніе сатанино угодіе, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ того отъ желѣзнаго тына, отъ мѣдныхъ вратъ и отсылаетъ вспять, откуду пришли отъ проклятаго сатаны, изъ преисподней бездны, изо ада; и назадъ вспять возвратитесь въ преисподнюю, въ бездну, во адъ, къ дѣду своему къ проклятому, къ сатанѣ.

Глаголи сіе трижды.

Христосъ воскресе, адъ плѣнися, и проклятая сатанинская сила побѣдися, и впредь адовымъ замкамъ не отмыкиваться и вратамъ не отвариваться, и такъ же бы впредь на мнѣ рабѣ б. им. тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, щипотамъ и ломотамъ и 12-ти проклятымъ Иродовымъ дщерямъ, злой лихой лихорадкѣ: Листопухѣ, Лопухѣ, Коршухѣ, Комухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрыпотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятяницѣ, Огневицѣ, Трясавицѣ и всякой вражіей непріязненной силѣ и всякому мечтанію, сатанину угодію, ввѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку; уповающихъ на Господа Бога Саваоѳа, Спаса нашего Іисуса Христа, Сына Божія, Царя небеснаго, сотворившаго небо и землю, бѣлый свѣтъ, луну божію и красное солнце, утреннюю зорю и вечернюю, младъ свѣтелъ мѣсяцъ и частыя звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морскія, и праотца Адама и бабу Еву, и всю тварь небесную, истинному Господу Богу Саваоѳу и Спасу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю небесному, и его непобѣдимой и непостижимой и божественной силѣ слава и держава, честь и поклоненіе; вси возрадуемся

вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Во храминѣ, въ домѣ своемъ возстану азъ рабъ б. им. благословясь, умоюся ключевою водою и говорю: буди вода сія чиста и свята, аки Іорданъ рѣка текущая, а въ ней крестился самъ Іисусъ Христосъ во своихъ свѣтлыхъ ризахъ Іисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди рѣка сія чиста, свята, аки четыре рѣки Іорданскія Тиръ, Ѳимъ и Ефратъ, аки Іорданъ рѣка текущая; а въ ней крестился самъ Іисусъ Христосъ въ своихъ свѣтлыхъ ризахъ Іисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди убрусъ сей, аки пелена нетлѣнная Іерусалимскія Богородицы. Украшаюся азъ, рабъ б. им., саваномъ свѣтлообразнымъ, фалетовы ризы, своей свѣтлообразною зорею, и стану предъ образомъ божіимъ и святою иконою на мѣсто свое, аки на златый престолъ поднебесный и реку глаголомъ и творю молитву Іисусову; изыди глаголъ мой изъ устъ моихъ, аки громъ сильный съ каменіемъ, опальнымъ огнемъ, страшнымъ судомъ, изыди духъ изъ устъ моихъ, скорые буйные вѣтры, драло да пахало и сушило, отъ златокованныхъ трубъ евангелистовыхъ. Помолюся азъ рабъ б. им. о своей многогрѣшной душѣ милости и о помощи, и упрашиваю и умаливаю по числу херувимовъ и пасущихъ мя, по числу серафимовъ стерегущихъ мя, и замкните меня раба б. им. въ родѣ семъ отъ злыхъ человѣкъ, и пущайте изъ убрусовъ своихъ на сырую землю на злыхъ человѣкъ на мятежниковъ и на помышленниковъ и на мя глаголющихъ, испустите изъ убрусовъ своихъ вся погубительная и страшная по земли и по воздуху несчетныхъ тмы ангеловъ, возглаголите мнѣ, аки сильный громъ грянулъ: не бойся, человѣче. рабъ б. им., и утверждайся въ родѣ семъ ангельскимъ утвержденіемъ, вставъ силы небесныя и замкнувъ градъ въ вышнимъ замками; то вы замкните и ключи положите подъ врата, и стогны града того обтеките со огненными удары, и около града того обтеките колесницы огненныя. Объѣхали конные и воеводы небесныя силы Михаилъ и Гавріилъ, херувими и серафими, и Илія пророкъ, и апостолы, и Евангелисты съ трубы златокованными, обставъ испустивъ около меня, раба б. им., громъ и молнію огненную, скипетромъ стрѣлы булатныя и рѣки огненныя, отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, отъ земли и до воздуха; нача силы небесныя меня, раба б. им., любить и хранить, изо всѣхъ оружій пламенныхъ, изъ убрусовъ и скипетровъ бити и палити, и громъ мя ради слать, молнію пожигать, супостатовъ моихъ стрѣлять и кто испортитъ, порчи ихъ сжигать огнемъ, отъ моего спорожденія до исхода души моей, и донеси ю Господи, въ руцѣ живу, и сохрани меня раба б. им. отъ всякія непріязни діявольскія и много хранимо и во вѣки нерушимо аминь, аминь, аминь.

Говорить дважды.

(Извлечено П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи.)

23. Молитва святаго священномученика Кипріана на прогнаніе сопротивныя непріязненныя сѣти и на имущихъ духъ нечистый, надо всякимъ инымъ.

Призываемъ Владыко невидимъ, благодѣтелю высокій мирный, Господи, Царю сотворивый небо и землю, отнюду же возсія сиречь начатокъ и конецъ, предавый человѣкомъ четвероногая гадина и звѣрія земныя, ты покорилъ еси Господи, простриль Господи руку твою крѣпкую и мышцу твою святую, и посѣщеніемъ святымъ посѣти насъ и здравія подаждь и посли ангела тепла, тѣлу и души хранителя, иже запретитъ и отженетъ отъ него духъ непріязненъ, яко ты еси Господь высокъ, отцу-утѣшителю благословенъ. Заклинаю тя, душе непріязненный, духомъ вдохнувшимъ человѣкомъ животъ вѣчный, его же имя страшно незъмогаютъ уста человѣка изглаголати, заклинаю тя огнемъ горячимъ съ сѣрою и пепломъ и трубою, емуже явльшуся солнце побѣжитъ на западъ, и звѣзды спадутъ на землю, и сплачются племена племеномъ и людіе людемъ; заклинаю тя сошедшимъ въ долняя части земли и разверзшимъ твердая верея и разрѣшившимъ болѣзни смертныя, и благовѣстившимъ патріархомъ изъ мертвыхъ воскресеніе; заклинаю тя ходившимъ по морю, воскипѣти въ немъ съ топившимъ, и по земли, въ ней же лежащимъ мертвымъ Богу на судищи; заклинаю тя повелѣвшимъ морю не преступати отъ предѣла своего, дондеже Господь пріидетъ судити миру; заклинаю тя вшедшимъ на Синайскую гору и глаголавшимъ Моисею и Аарону, явльшемся имъ во пламени огнемъ и въ столпѣ облачнемъ; заклинаю тя изведшимъ люди отъ земли Египетскія и давшимъ изъ пламени воду сладкую пити, превратившимъ воду въ кровь; заклинаю сидящимъ на престолѣ славы, предъ нимъ же станутъ тмы тмами ангелъ и архангелъ, херувимъ и серафимовъ, вопіющихъ: святъ, святъ, Господь Саваоѳъ! исполнь небо и землю славы твоея; благословенъ еси вовѣки, аминь. И ты душе лукавый даде

славу имени его, идеже сидиши, или во удеси тѣла его, или во главѣ, или въ темени, или въ крови, или очесѣхъ, или въ ушахъ, или во устѣхъ, или во языцѣхъ, или въ шеи, или въ плечяхъ, или между плечями, или въ мышцѣ, или въ персѣхъ, или въ душѣ, или въ сердцѣ, или въ селезени, и въ пелькахъ, или во чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣхъ, или во естественныхъ предѣлѣхъ, или въ крѣности и во жилахъ, или въ костѣхъ, или въ мозгу, или въ крови, или во власѣхъ, отлучи душе лукавый, яко Богъ силенъ есть надъ всѣми, яко клятся, иже аще призоветъ имя Господне, исчезнути вамъ. Заклинаю тя именемъ Господа Іисуса Христа, распятаго при Понтійстемъ Пилатѣ; заклинаю тя рекшимъ: небо ми престолъ и земля подножіе ногама моима; заклинаю тя архангелы его, Михаиломъ и Гавріиломъ и Уріиломъ и Рафаиломъ; заклинаю тя великимъ именемъ Божіимъ, отлучися отъ созданія сего, заклинаю тя всеобразное на злобу стремленіе, нападеніе дневное и полудневное и полуношное, отлучися отъ созданія сего и не изведи душа, ни разсыпати, ни разрушити тѣла, но устрой чисто живу Богу на судищи, заклинаю тя предъ идущимъ. Утвердите престолъ между небомъ и землею, суди всякому роду грѣшныхъ и ужниковъ и ты, душе нечистый, убойся имени его святаго, отъиди отъ созданія сего, убойся огня негасимаго, убойся родства огненнаго, всеядущаго, убойся уготовавшаго тебѣ огнь и сѣру и пепелъ, убойся явльшагося Моисею и Аарону на рѣцѣ Іорданстей, егоже видѣ рѣка уступися, и ты, душе лукавый, убойся, отступися отъ созданія сего; заклинаю тя одѣющимся свѣтомъ, яко ризою единою, имѣяй безсмертнаго, яко тому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Христосъ градъ рубитъ около меня, раба Божія имярекъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, три стѣны желѣзны, четвертая камяпная, кроетъ Христосъ городъ небомъ, замыкаетъ замки о пяти спицахъ, ключь мечетъ во синее море и скрозь тотъ желѣзной и камянной тынъ стрѣлы на прострѣлить и птицы не пролетѣть; такоже бы у меня, раба божія имярекъ, не опортить и не опризорить вѣкъ повѣку, отнынѣ и до вѣку, аминь. Господи Боже благослови Отче. Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Есть святое море акіянъ, среди святаго моря акіяна есть бѣлъ камень, струи бьютце денная и полуденная и полуношная, поутру рано и вечеромъ поздо и середи темныя ночи, такоже бы у меня, раба Божія имярекъ, жилы не бились пуповая и становая всердечная; и какъ того бѣла камени съ мѣста не ворохнуть, такъ бы у меня, раба Божія имярека, не уваливать пупа, нескрививать становой (жилы?), и меня р. б. им. не испарчивать вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку. И тѣмъ моимъ словамъ закрѣпа нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь.

Да воскреснетъ Богъ и разыйдутся врази Его и т. д.

Начинаемъ глаголати молитву святого священномученика Кипріяна въ день и часъ, въ онь же упражняеся сила сопротивнаго, ради славы живаго Бога сей святый священномученикъ Кипріянъ моляшеся Господу Богу свею душою глаголя:

Господи, Боже сильный, содержай вся, свять еси, Господи, сый прославленъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, слава Тебѣ сидящему во свѣтѣ несочисленнемъ, Его ужасаются всяческая, Его же никто же видѣ, ни видѣти можетъ, иже тысящи тысящъ и тмою тем святыхъ ангелъ и архангелъ предстоятъ предъ Тобою, Ты вси тайная раба твоего, яко не познавшу ми Тебе первые твари же сіе держахъ, облаки не одождити древеса садовная, еже не сотворити плода, на праздныя же неражати и ныя еще не зачати, на ограждение токмо винограда взирахъ и творяхъ розгнѣжъ не цвѣтати, такоже и злакъ вертоградный, еже не прозябати, и рыбы морскія возбранихъ лежати и, просто рещи, всяко чародѣйство дѣяхъ и вся лукавія бѣси мнѣ работаху. Нынѣ убо Господи, Отче сильный и великій, благоволивый отъ недостойна достойну ми быти и причастится священному Твоему стаду и преестественному величествомъ, милосердовавый о мнѣ грѣшномъ и не восхотѣ погубити мя со беззаконніи моими, знаемаго сотвори и недостойнаго раба Твоего, припадаю бо и прошу Твое пречистое имя о всѣхъ православныхъ христіянахъ. И прочтется сія молитва на котораго главѣ, яко да разрѣшится отъ вязанія и удержанія и зависти и ненависти злаго срѣтенія и дѣйственнаго отравленія и языческаго яденія и клеветанія и клятвы, и кто убо стяжать будетъ молитву сію во своемъ дому, да будетъ соблюденъ отъ всякаго ухищренія, потвора и отравы лукавыхъ человѣкъ.

Господи Боже, Отецъ нашъ всея тварн, небу и земли услыши, Господи, гласъ раба своего, имярекъ, и молящегося тебѣ, азъ бо созданіе Твое и дѣло руку Твоею, молюся Тебѣ и милосердію: пошли, Господи, мнѣ на помощь небесныхъ воеводъ, Михаила и Гавріила, Рафаила и Уріила, херувимовъ и серафимовъ и всю небесную силу, и всѣ архангельски и ангельски полцы съ пламенными орудіемъ, съ покровомъ крилъ твоихъ, да после-

ши, Господи, съ ними небесными силами помощь и силу, десницу руку Твоею, еще же и пошли, Господи, ризу Твою святую, да насъ одѣешь ризою Твоею честною, и наставятъ на путь истины, да станутъ округъ и около всѣхъ насъ рабовъ Божіихъ во весь свѣтъ крѣпостію Твоею и помощію и заступленіемъ, яко столпи непоколебиміи, и утвердятъ стѣны недвижимыя отъ земли и до небесъ, да защититъ свѣтомъ не мерцающимъ отъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ нашихъ, которые враги ополчатса на насъ; пошли, Господи, стрѣлы молніяны на супостатъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, враговъ нашихъ, да проженеши и побѣдиши и сокрушиши всѣхъ вскорѣ подъ ноги наша, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра; который врагъ ополчится на насъ со бѣсовскою силою, начнетъ портити, бури вѣтреннія посылати или вѣтръ роздымать или стрѣлы вражіи посылати или дождь, или мразъ, или воды потопляти, и дороги засѣкать или мракъ темный посылать или къ дороги морозити, или изъ сѣделъ вышибати, или на дороги прожити, или горы и холми ставити или какія скорби посылати, или угорѣлыя наданцы, или умомъ обходная, или какіе иные напуски, или уветки, естественные уды или недуги какіе посылати, или завертки рвати, или супони верхныя и нижныя или оглобли ломати, или изъ гужовъ дуги выпрядывать и гужи рваться, или храмины разрушаться, или переды ломати, или землю колыбати, или половицы воздымати, вражіимъ привидѣніемъ казати, или черного звѣря въ избу пущати или волка пущати, или кошкою или собакою портити, или ножемъ, или стрѣлою, или копіемъ, или жеребей . . . . . въ кашу метати, или въ питіе или въ яденіе или въ бани угаромъ или по вѣтру спущати . . . . или собаки, или кошки, или съ копья, или съ рогатины или какими видами вражьими казати жениха или невѣсту, отъ тѣхъ всѣхъ сѣтей вражіихъ и привидѣній бѣсовскихъ отъ всякихъ насыльныхъ скорбей колдуновыхъ и колдуньихъ и сорокою, или вороною, или какою птицею воружатся, супостатъ нашъ найдетъ портити; Господи, Боже нашъ, Ты нынѣ и самъ приди, съ небесными воеводами и грозными силами, отжени отъ мене, отъ насъ всякаго врага и супостата нашего и со всею силою, вражьею вскорѣ сокруши подъ ноги наша, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и нынѣ же, Господи, осени насъ десницею Твоею, небеса добродѣтелію своею, подъ твердію тремя святыми полками и шестію столпами, крѣпостію Твоею непоколебимою или окрестъ враги наша, и даруй побѣду на нихъ и на нечистые духи ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Востани, Господи, въ помощь намъ пресвѣтлого лица Твоего, умываемся, Господи, свѣтомъ лица Твоего, утираемся, Господи, зарею разума Твоего, святого евангелія; сохрани насъ, Господи, въ утри рано и вечеряхъ поздо, во дни и нощи, отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ вѣдуна, отъ вѣдуньи, отъ всякаго зла сохрани насъ, Господи, отъ старца, отъ старицы, отъ вѣдуницы, отъ молодицы, отъ рыжаго, отъ чернаго, отъ двоезубаго, отъ трезубаго, отъ плѣшиваго, отъ шелудиваго, отъ всякаго человѣка; а еще который человѣкъ начнетъ вооружаться со враги, портити насъ посылати лѣшихъ и водяныхъ, дворовыхъ или подпольныхъ или какихъ невидимыхъ, или насъ отсылати начнетъ невидимымъ, сохрани насъ, Господи, отъ тѣхъ всѣхъ враговъ насильныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, зракъ защити ризою своею и нетлѣннымъ щитомъ отъ земли и до небесъ, и вкругъ около всѣхъ насъ во весь свѣтъ сохрани насъ, Господи, отъ всякія скорби отъ Огнянеи и отъ Гнетеи, и отъ Коркуши и отъ Трясовицы, и отъ Трясуницы и отъ черной Плясовицы, и отъ Бляловицы и отъ Яровицы, и отъ мимоходящихъ и отъ малоходящихъ, отъ стрѣлы и отъ простръла, отъ ворогуши, отъ жабы, отъ закосу, отъ винокосу и кружачей, отъ вертячей и отъ уроковъ, отъ оговоровъ и отъ призоровъ, и отъ всѣхъ скорбей, отъ всѣхъ седмидесяти двухъ немощей насильныхъ и отъ лихого глаза, и отъ лихой думы и мысли.

Крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ апостоломъ слава, крестъ царямъ держава, крестъ бѣсомъ язва, крестъ на враги побѣда и одоленіе, крестомъ ограждаемся, крестомъ врага прогоняемъ, крестная сила съ нами, крестъ Господень помогай намъ силою Іисусъ Христовою прогоняти силу вражію, всегда и нынѣ, тойже и во вѣки, аминь. Хомада Мудросота. Комада Дромулота.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, полученной изъ г. Архангельска, отъ Ф. Ф. Вальнева).

24. Молитва Архангелу Михаилу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ.

Господи Боже Великій, Царю безначальный, пошли, Господи, архангела своего Михаила, на помощь рабу своему N, изъяти мя отъ враговъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ. О господень великій архангеле Михаиле, излей мира благого на раба своего N.! О Господень, великій архангеле Михаиле, демоновъ сокрушителю, запрети всѣмъ врагамъ борющимся со мною, сотвори ихъ, яко овцы, и сокруши ихъ, яко прахъ, предъ лицемъ вѣтра. О Го-

сподень, великій Михаиле архангеле шестокрылатый, первый княже и воевода небесныхъ силъ, херувимъ и всѣхъ Святыхъ, о чудесный архангеле Михаиле, хранителю неизреченный, буди ми помощникъ во всемъ, въ обидахъ, въ скорбяхъ, въ печаляхъ, въ пустыняхъ и на рѣкахъ и на моряхъ тихое пристанище. Избави мя, великій Михаиле архангеле, отъ всякія прелѣсти діявольскія. Егда услыши мя грѣшнаго раба своего N., молящагося тебѣ и призывающаго имя твое святое, ускори на помощь мою и услыши молитву мою. О великій архангеле Михаиле, побѣди вся противящіяся мнѣ силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Пречистыя Богородицы и святыхъ ангелъ и св. апостолъ, и св. великаго Николая Чудотворца, и св. пророка Иліи, и св. великомученикъ Никиты и Евстафія, и преподобныхъ отецъ и святыхъ святителей, небесныхъ силъ, аминь. О великій архангеле Михаиле, помози мнѣ, грѣшному рабу своему имя рекъ, избавитися отъ труса и потопа, отъ огня и меча, и отъ напрасныя смерти, и отъ всякаго зла, и отъ врага льстиваго, и отъ бури наносимыя, и отъ лукаваго избави мя, великій Михаиле, архангеле Господень, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Найдена между вещами богомолки московск. губ. умершей въ Холмогор. уѣздѣ. Такая же самая молитва записана была П. И. Ивановымъ и въ Пинежскомъ уѣздѣ).

25. Молитва архангелу Михаилу.

Аще человѣкъ котораго дни глаголетъ, то не пріидетъ на него никакое зло, ниже діаволъ, но вся исчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ:

Господи Іисусе Христе сыне Божій, великій Царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на на престолѣ со О. и С. и со Св. Д., славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой, посли Господи архангела своего Михаила на помощь мнѣ, грѣшному рабу им. р., избави мя враговъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ; великій господине архангеле Михаиле, излей море благо на раба твоего имя рекъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избавя мя отъ бѣсовскихъ козней, на вѣтри и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и призри на мя недостойнаго раба твоего имя рекъ, и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и не видимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и великій святый архангелъ Михаилъ, первой княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ, буди помощникъ во всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, а на расходнымъ, и на морѣ и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани-спаси, сохрани-укрѣпи у всѣхъ человѣкъ въ чести, избавился прелести діавольскія и проч.

(Извлечена изъ старинной рукописи; см. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 62. Извѣстна и на Сѣверѣ Россіи).

26. Молитва Пресвятыя Богородицы.

Шла Богородица по землѣ, шла, пріустала; легла спать, пріуснула. Привидѣла сонъ про Господа Бога, про Христа Небеснаго: завели на гору, руки и ноги гвоздьемъ приковали, буйную главу весьма сшибли, горячую кровь разливали, тѣло Христово бѣло прободали. —Кто эту молитву прочитаетъ по утреней зори и по вечерней зори, избавленъ будетъ отъ мукъ вѣчныхъ, отъ огня палящаго, отъ смолы кипящей, отъ воды топящей.

(Записано въ с. Емецкѣ, Холмог. уѣздѣ).

27. При купаніи.

Когда ребята купаются, то приговариваютъ: «Тройца велѣла, Богородица велѣла, трижды окурнутся, нырком пройти, и изъ воды вонъ идти».

(Зап. г. Ивановъ въ г. Пинегѣ).

28. При высѣканіи огня.

Когда высѣкаютъ огонь въ сажу чела печки, то говорятъ:

«Царь-огонь, достанься: не табакъ курить-каши варить!»

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

29. Молитва на сонъ.

Ангелъ мой, сохранитель мой, сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана, откачнись отъ меня, Спасова рука, Богородица сама. Стоятъ во градѣ три святыхъ: Ѳома, да Лука да Никита Великомученикъ; за насъ Бога молятъ денну и ночну, за грѣшную душу. Около нашего двора Іисусова молитва, Николина ограда—тынъ мѣдный, ворота желѣзны, аминемъ заперты, а на хоромахъ святая вода.

(Запис. г. Постниковъ въ Пинежск. у.)

30. Молитва на сонъ.

Ангеле мой, Хранителе мой, сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое, а врагъ сатана откачнись отъ меня. Стоитъ храмъ; на храму написано три листа: се Марка, се Лука, се Никита Великомученикъ Христовъ. Душу мучатъ, за Христа, Бога молятъ за меня. На Церквѣ Крестъ, на Престолѣ Божіемъ Крестъ. Крестомъ кре-

щуся, Крестомъ гражуся; Крестомъ Христа призываю, Крестомъ врага отгоняю. Будь же врагъ проклятъ именемъ Господнимъ, Крестомъ Животворящимъ.

(Зап. П. Ивановъ въ г. Пинегѣ).

31. Молитва на сонъ грядущій

Записана съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора:

На хоромахъ свята вода. На порогѣ ножикъ. На окошкѣ тупича. Двери на крюцкѣ. Окошецки, Богъ съ вами! Во имя Отча и Сына и Св. Духу, и нынѣ и присна, и во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Доставилъ стан. прист. Дьяконовъ изъ с. Емецка, Холмогор. у.)

32. Молитва о снѣ.

Спала еси и опочивала Мати Пресвятая Богородице во святомъ градѣ Виѳлеемѣ Іерусалимсти, и видѣла еси сонъ страшенъ и дивенъ вельми зѣло. И пріиде къ ней Господь Іисусъ Христосъ нашъ, Сынъ Божій, и рече къ ней: Мати моя, Мати Пресвятая Богородице, спиши или зриши? — Пресвятая Богородица отвѣча на гласъ Его, глаголя: видѣла есми я Тебя, Бога и Царя славы, у жидовъ, поимали въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ четвертомъ числѣ, и привели къ Понтійскому Пилату Игумену, на древѣ кипарисѣ распяли руцѣ и нози твои, ко кресту пригвоздиша, вѣнецъ и съ терніемъ на главу твою возложиша, тростію по главѣ твоей биша, уста желчіемъ напоиша, ребра твои копіемъ прободоша, изъ которыхъ потече кровь и вода на спасеніе всѣмъ православнымъ и во исцѣленіе душамъ и телеси. Нѣкто богатый Іосифъ жидовинъ и ученикъ его Никодимъ тайно пришли и просили у старѣйшиновъ тѣло твое со Креста снять и получили отъ Пилата позволеніе. Обвели тѣло твое бѣлѣйшимъ полотномъ со ароматы и положили въ новомъ гробѣ, изсѣченномъ отъ камени. На утрій же день пріидоша къ нему благочестивые мироносицы и желали прикоснуться тѣлеси его, и оле чудесе таинства! Поразишася свѣтомъ необычнымъ и слышаша гласи: «что ищете живаго съ мертвыми, нѣсть его здѣсь, онъ воскресъ, раззорилъ адова царства и раздра Адамова рукописанія.» И рече Господь нашъ Іисусъ Христосъ: «о превозлюбленнѣйшая Мати моя, Пресвятая Богородице, поистину неложенъ сонъ сей, не праведенъ можетъ быть отъ злыхъ людей и отъ жидовъ и Казылоашей. И Азъ въ третій день воскресну имя твое и возвеличу паче всѣхъ родовъ, вѣрнымъ же христіанамъ животъ вѣчный дарую». Аминь.

Аще который человѣкъ сонъ твой съ благоговѣніемъ при себѣ держитъ, то его по смерти пріиму на ложе Аврамово. Аще кто сонъ твой слышать и въ дому у себя держать и подъ изголовье класть и за пазухой носить будетъ, къ тому дому и челокѣку не прикоснется тать, ни разбойникъ, ни злый человѣкъ, ни демонъ лукавый духъ, и въ томъ дому будетъ изобиліе во всемъ. Аще кто его въ пути съ собою носитъ, сохранитъ его отъ всякой опасности и помилуетъ въ пиру сидящаго, въ судѣ судящаго. Аще кто при смерти про него вспомянетъ, избавленъ будетъ отъ муки, и придутъ Ангели Божіи и возьмутъ его душу и будутъ блюсти ее, дондеже совершится надъ ней судъ Божій, отъ вѣка уготованный. Аще же кто сему сну не повѣруетъ, тому анафема, проклятъ, и трясавица, лихоманка, и огневица, и моръ, и слѣпота, и глухота, и тоска тьмущая, во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Достав. свящ. Ѳедоровъ изъ Лисестр. прих.)

Д. ПРОМЫСЛЫ И ДОМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Отпускъ пастуха скотъ пасти.

Господи, Боже, благослови! во имя О. и С. и св. Д. Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, путемъ и дорогою, въ чистое поле, подъ восточную сторону, и стану я р. Б. (им.) на земь, на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, покроюся я р. Б. и небесными облаками и всѣми облаки, подпояшуся поясомъ, умываюся росою, утираюся зорею, помолюся я р. Б. им. Господу Богу Нашему, Іисусу Христу, Сыну Божію, и Пречистой Матери Божіей, Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Апостоламъ, Архангеломъ и всѣмъ небеснымъ силамъ, Іоанну Крестителю, Михаилу архангелу, архистратигу Гавріилу, Петру и Павлу верховнымъ апостоламъ, Іоанну Богослову, Андрею первозванному, Луки, Филиппу святителю Христову, Василію великому, Николы, святителю Власію, святому Георгію страстотерпцу Христову; ты, Господи, сотворилъ небо и землю и славное святое окіанъ море; ты, Господи, сотворилъ прадѣда намъ Адама и Еву, и ты, Господи, сотворилъ по прадѣдѣ нашемъ Адамѣ и Евѣ и насъ грѣшныхъ людей, и меня р. Б. им., и емлю я р. Б. себѣ скотъ на руки, милой мой, любимой крестьянскій животъ, всякую живущую домошерстную скотину (помянуть всякую шерсть), комолаго и рогатаго, быковъ холостыхъ, быковъ порозовъ, и малыхъ телковъ и подтелковъ.

Помолюся я р. Б. им. Господу Богу нашему Іисусу

Христу, Сыну Божію, и Пречистой Его матери Божіей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Ангеломъ, Архангеломъ, и всемъ небеснымъ силомъ, Іоанну Крестителю, Михаилу Архангелу, Архистратигу Гаврінлу, Петру и Павлу верховнымъ Апостоломъ, Іоанну Богослову, Андрею Первозванному, Луки Евангелисту, Филиппу апостолу Христову, Василію великому, Николы святителю Христову, Власію, святому Георгію, страстотерпцемъ Христовымъ. Постави, Господи, около меня р. Б. и. и около скотины моей и около стада моего, милаго, любимаго кретьянскаго живота и около всякія живущія домошерстныя скотины, комолаго и рогатаго, около быковъ холостыхъ и около быковъ порозовъ, и около малыхъ телковъ и подтелковъ (помянуть шерсть), мѣдной и булатной тынъ, стѣну каменну совсѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и донеба, отъ востока до запада, за тридцать за три версты, за тридцать саженъ, глубина въ землю на тридцать локотъ на три локтя, отъ чернаго звѣря широколапаго, отъ насылошнаго, и отъ напущеного, отъ опрокиденя, отъ переходящаго пакостника, волка рыскучаго и волчицъ, и отъ всякія зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, чтобъ не ходилъ въ моей поскотинѣ черной звѣрь широколапый, и опрокиденъ, и насылошной, и перехожій пакостникъ, волкъ рыскучій и волчица, и всякая змія и скорпія, и всякой злой и лихой человѣкъ въ день и въ нощь и повсякой часъ, въ утро рано и въ вечеръ поздо, отъ нынѣ и во вѣки вѣковъ. И вы запирайте и замыкайте тридевять булатные ворота тридевятью булатными замками, замыкайте и заваливайте пеньемъ и колодіемъ и выскидіемъ *) и бѣлымъ каменемъ, землею-матерою, отъ чернаго звѣря широколапаго и отъ насылошнаго, и отъ опрокиденя и перехожаго пакостника, волка рыскучего и волчицы, и отъ всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, и чтобъ неходить въ моей поскотинѣ черному звѣрю широколапому, насылошному и опрокиденю и прохожему пакостнику, волку рыскучему и волчицы, и всякой зміи и скорпіи, и всякому злому и лихому человѣку, въ день и въ нощь, и по всякой часъ, по утру рано, и въ вечеръ поздо, отъ нынѣ и вовѣки вѣковъ. И емлю я р. Б. им. тридевять булатные замки, запираюся и замыкаюся тридевятью булатными ключами, булатные ворота, отъ чернаго звѣря широколапаго, отъ насылошнаго, и отъ опрокиденя, отъ перехожаго, и отъ пакостника волка рыскучего и волчицы, и отъ всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, чтобъ неходить въ мою поскотину черному звѣрю широколапому, и насылошному, и опрокиденю, и перехожему пакостнику, волку рыскучему и волчицѣ, и всякой зміи и скорпіи, и всякому злому и лихому человѣку, въ день и въ нощь и повсякой часъ, утра рано и въ вечеръ поздо, отнынѣ и вовѣки вѣковъ. И емлю я р. Б. им. тридевять булатные ключи, и отношу я р. Б им. къ синему морю и окіяну: стоитъ въ синемъ окіанъ-морѣ бѣлый камень латырь, что есть подъ тѣмъ бѣлымъ каменемъ латыремъ, стоитъ свѣжа рыба щука, очи бисерны, зубы желѣзны, и выходитъ та свѣжа щука рыба изъ синяго окіяна моря изъ подъ бѣлаго латыря камеия ко мнѣ р. им., и принимаетъ та свѣжа рыба щука у меня р. Б. им. тридевять булатные ключи, и поядаетъ, и исходитъ, и приносятъ въ синее акіанъ море подъ латырь камень, и какъ той свѣжей рыбы щуки не бывать изъ синего акіяна моря изъ подъ бѣлаго латыря камеия съ тридевятью булатными ключами, и такобъ небывать и не живать въ моей поскотинѣ черному звѣрю широколапому, насылошному, и опрокиденю, и перехожему пакостнику волку рыскучему и волчицы и всякой зміи и скорпіи, всякому злому и лихому человѣку въ день и въ нощь, по всякой часъ, утра рапо, въ вечеръ поздо, отнынѣ и вовѣки вѣковъ.

Господи Боже благослови Отче. Во имя О. и С. св. Д. Стану я р. Б. благословесь и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, путемъ и дорогою въ чистое поле подъ восточную сторону, и есть подъ восточной стороной, стоитъ лѣствица златая отъ земли до небеси, степени у ней серебряны, исходитъ той лѣствицей съ небеси сама Мати Божія, Пречистая Богородица. Она глаголетъ со Архангелы и со всею небесною силою ко мнѣ р. Б. им. на пособь и на помощь, ограждаетъ она Пречистая Богородица меня р. Б. им. своею нетлѣнною ризою, и на путь провождаетъ со своимъ скотомъ, съ милымъ любимымъ крестьянскимъ животомъ, со всею живущею домошерстною скотиною (помянуть всякую шерсть), съ комолыми и съ рогатыми, съ быки холосты, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки; укрываетъ она Пречистая Богородица, Мати Божія меня р. б. им. и мой скотъ милой, любимой кретьянской животъ, всякую живущую домошерстную скотину (помянуть всякую шерсть) комолою и рогатою, съ быки холосты, съ быки порози, съ малыми телки и подтелки; укрываетъ своей нетлѣнною ризою—небомъ и землею матерью, отъ чернаго звѣря широко-

*) Выскидь—дерево вырванное изъ земли съ корнемъ бурею.

лапаго, и отъ насылошного, и отъ опрокиденя, отъ перехожаго пакостника, волка рыскучего и волчицы, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, въ день и въ нощь и по всякой часъ, по утру рано и въ вечеру поздо, отнынѣ и вовѣки вѣковъ. И какъ ходитъ духъ Божій тѣтерь по земли, и поломаетъ пеніе, колодія, и выскидіе, и всякое суховерное дерево ломитъ на земли, и тако бы ломало моего друга и не друга, и супостата моего и кто на меня, р. Б. им., подумаетъ зло и лихо порчею и пыточею, отнынѣ и вовѣки вѣковъ.

Святіи Господіе, Петръ и Павелъ, верховніе апостоли, снидите ко мнѣ р. б. и. на помощь и на пособь, оградите меня р. б. и. своею нетлѣниою ризою, и на путь проводите съ моимъ скотомъ, милымъ любимымъ крестьянскимъ животомъ, со всякою живущею домашнею скотиною (помянуть всякую шерсть) съ быки холосты, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки. Проведите около меня р. б. и. и около поскотины моей и около скота моего всякой живущей домошерстной скотины (помянуть всякую шерсть), комолаго и рогатаго, быковъ холостыхъ, быковъ порозовъ, съ малыми телки и подтелки, и вы проведите огненную рѣку отъ востока до запада, отъ лѣта до сѣвера, со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ чернаго звѣря, широколапаго и отъ насылошнаго, и отъ опрокиденя, и отъ перехожаго, и пакостника волка рыскучего и волчицы, и всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка, чтобъ не ходилъ въ мою поскотину черный звѣрь широколапый, и опрокидень, и перехожей пакостникъ, волкъ рыскучій и волчица, и всякая змія и скорпія, и всякой злой и лихой человѣкъ, всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

И сколь жарко и ярко горятъ огни горящіе, палящіе, и не погасающіе, такъ жарко и ярко горѣло бы у всякой скотины поскотинно сердце, такъ же и ко мнѣ р. б. и., гдѣ услышатъ гласъ мой, сошли бы на гласъ сей и гортань мою, и на трубу мою, по утру рано и въ вечеръ поздно, по всякъ день и по всякъ часъ, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ; аминь.

Указъ: Ходить кругомъ скота, волочить топоръ, а наговаривать на воскъ, а воскъ прилепить къ ножу, и какъ станешь читать, расклади огонь и положи въ заворницахъ на правую сторону ножикъ, а на лѣвую камешокъ, и замокъ на правую сторону, а на лѣвую душку, и по прочтеніи отпуска воскъ разнять на двое, и огонь положить по сторонамъ, и скота провести подъ образъ Богородицы, и когда скотъ войдетъ весь, тогда взять замокъ, камень и воскъ, сложить въ одно мѣсто, и сокрыть въ тайномъ мѣстѣ, а замокъ въ ручей и камешки въ ручей же.

(Зап. свящ. Дьячковъ въ с. Лямцѣ, Онежск. у.).

2. Правила пастуху.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа аминь. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій помози мнѣ р. б. И. и постави, Господи около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода, кругомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, чернаго и бѣлаго, и краснаго, и пестраго, и бураго и сѣдатаго, рогатаго и комолаго, желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ неба и до земли. И обыди ты, Господи, около того тына желѣзнаго еще рѣку огненную отъ востока и до запада, отъ запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, и со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и до небеси, отъ небеси и до земли. Кабы не приходилъ сѣрый волкъ и сѣра волчица, и рыскуша и лютой звѣрь и люта волчица, и лютая черная медвѣдица. Кабы не обходили всякія звѣри милаго моего живота, Власьева рода, всякаго-чернаго и бѣлаго, и краснаго и сѣдатаго, и черемнаго, рогатаго, комолаго, быковъ, коровъ и телятъ, и подтелковъ. И невредили бы зубомъ и ногтемъ, и ничѣмъ его не враждалъ, по всякой часъ, и по всякой день, и по всякую нощь, вовѣки вѣковъ, аминь.

3. Тоже.

Истинный Христосъ Царь Небесный и Пресвятая Богородица, Георгій страстотерпѣцъ, милостивъ буди до меня до грѣшнаго р. б. Н. и сохрани и соблюди ты, Господи, по всякой часъ милаго моего живота, Власьева рода, и бѣлаго, и пестраго, чернаго, и черемнаго, рогатаго и комолаго, сѣдастаго и бураго, быковъ и коровъ, телятъ и подтелковъ, и всего моего скота, и сохрани, и соблюди во всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ходитъ и спитъ или стоитъ; — и кажись онъ милый мой животъ, крестьянскій скотъ, Власьева рода, лютому черному звѣрю и лютыя черныя медвѣдицы, и сѣрому рыскучему волку и сѣрой рыскуночной волчицы, рыси и росомахи, и всякимъ звѣрямъ кажися: при водахъ—водою, при дворахъ—воротми, при огородахъ—огородомъ, при людяхъ—людьми, при щепѣ—щепою, при пескахъ—пескомъ, при пеньи—пеньемъ, при колодьѣ—колодьемъ, при кореньѣ—кореньемъ, при листу—листомъ, при пещерахъ—пищерами, кажись мой милый животъ, Власьевъ родъ, вѣдень, вънощь, повсякой часъ, и по всякой день, и повсякую нощь: въ день подъ солнцемъ, а въ нощь подъ мѣся-

цемъ и подъ частыми звѣздами, подъ всѣмъ воздухомъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь.

4. Тоже.

Господи Боже, благослови, р. б. Н. Есть на семъ бѣломъ вольномъ свѣтѣ, Боже Творецъ, мурашевъ сотворилъ еси. Какъ они расходятся по чистому полю и по дремучимъ лѣсамъ, на всѣ на четыре стороны, а въ ночи собираются въ свое мурашево и во свое жилище, безпопятно, и безотворотно, къ своему царю муравью; такожъ со всѣхъ четырехъ сторонъ сбирался бы, и стекался бы, и сходился бы и мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, безотпятно и безотворотно, по всякой вечеръ въ домъ бы свой ночевать радѣли и приходили. Какъ стекаются и сбѣгаются воды со всѣхъ четырехъ сторонъ и рѣки ко славному морю акіану безотпятно и безотворотно, также бы мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, радѣли и приходили въ домы бы свои, во вѣки вѣкомъ, по всякой день и по всякой часъ, и по всякой вечеръ безъотпятно и безъотворотно. Какъ всякая живущая скотина не можетъ жить безъ травы и безъ воды никакого дня, такъ бы мой милый животъ, крестьянской скотъ, Власьевъ родъ, не могли жить дружка безъ дружки, по всякой часъ и не могли бы ночевать въ чистомъ полѣ и во дремучихъ лѣсахъ.

Говорить три раза передъ образомъ Господнимъ, шерсти имать отъ всякой скотины измежу роговъ, ту шерсть закатать въ воскъ, и съ воскомъ наговорнымъ ходить кругомъ скота, да съ образомъ Господнимъ, или Егоріемъ ходить около скота. Какъ обойдешь скота, скотъ выпусти изъ дверей скрозь замокъ, да скрозь огнь, да скрозь воскъ. Наговорный воскъ положи на сторону, а замокъ положъ на другую сторону воротъ, ключъ спусти въ воду. (Всѣ три доставилъ П. А. Ивановъ изъ Пинежскаго у.).

5. Молитва пастуху скотъ пасти.

Господи, Іисусе Христе, Сыне божій, помилуй мя грѣшнаго раба б. им. пастыря. Іисусова молитва, Николина ограда, тынъ желѣзной отъ небеси и до земли, отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, около меня раба б. им. пастыря и около моего любимаго стада крестьянскаго живота, аминемъ замкнута. Стану я, рабъ б. им., пастырь благословесь, и помолюся Спасу и Пресвятой Богородицы и Михаилу архангелу и Гавріилу архангелу, и всѣмъ святымъ небеснымъ силамъ и святителямъ Христовымъ Іоанну богослову и Козмы и Демьяну и святому Власію, стану я р. б. им. благословесь, небомъ покроюся, частыми звѣздами исподтычуся отъ всякаго врага и супостата и отъ лѣшаго звѣря, чернаго, широколапаго медвѣдя, отъ напущеннаго, и отъ опрокидня, и отъ прохожего, и отъ волка, и отъ волчицы, и отъ лѣшей собаки, и отъ дѣтей ихъ. Свѣтъ истинный Христосъ, Царь небесный, огради и постави около меня раба б. пастыря им. и около моего любимаго стада бѣлыхъ и черныхъ, и красныхъ, бурыхъ, и чернопестрыхъ и краснопестрыхъ и всякой пошерстною скотиною нетелей и быковъ и подтелковъ, тынъ булатной и концы три сажени въ небо и три сажени въ землю, чтобы не перелетѣть никакою видомъ птицею и ни которымъ образомъ звѣремъ, ни пробить, ни прогрысь ни какому злокозненному человѣку, не испортить никакому врагу и супостату, и черному звѣрю широколапому медвѣдю, и сѣрому волку и волчицѣ, и хорту и хортицѣ и дѣтямъ ихъ, и всякому гаду и ползуну, пресмыкающемуся по земли, не видѣть и не слышить, не вредить ни на водѣ, ни на землѣ и на всякомъ мѣстѣ. Постави, Господи, около меня раба б. им. горы каменныя отъ небеси и до земли, со всѣ съ четыре стороны, аки въ мѣдномъ кольцѣ, отъ всякаго врага и супостата и недруга моего, и отъ чернаго звѣря широколапаго медвѣдя, и отъ волка и отъ волчицы, и отъ хорта и отъ хортицы и дѣтей ихъ; и постави, Господи, огненную рѣку со всѣ съ четыре стороны и сохрани, Господи, меня, раба б. пастыря им., и мое любимое стадо рогатой и кошлатой скотъ, милой крестьянской животъ, всякую пошерстную скотину отъ срока и до срока, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу со всѣ съ четыре стороны аки въ мѣдномъ кольцѣ, и пошли, Господи, истинный Христосъ, сторожевъ ко мнѣ рабу б. своихъ вѣрныхъ слугъ, святыхъ ангеловъ съ пламеннымъ оружіемъ, и съ ними пошли тридесять борзыхъ кобылей съ вострыми ногтями и съ желѣзными зубами прогонять всякаго врага и супостата моего, чернаго звѣря, широколапаго медвѣдя, насылочнаго опрокидня и сѣраго волка долгохвостаго, отъ моего стада, и чтобы черному звѣрю, широколапому медвѣдю и сѣрому волку, долгохвостому рыскуну и волчицы, хорту и хортицы и дѣтямъ ихъ невидѣти и не слышити меня, раба б. пастыря им., и стада моего. Самъ Всевышній Творецъ и Христосъ, царь небесный, своими пречистыми руками замыкай златыми замками и ключи въ окіянъ-море опусти, и тѣ ключи да поглтъ щука-рыба, и опущается въ пупъ морской подъ бѣлый камень и ито станетъ, какой лихой человѣкъ меня, раба божія пастыря, пор-

тить, моего любимаго стада добывать и звѣрь напущать на меня, раба б. пастыря им., и на мое стадо думать и мыслить, и будетъ онъ можетъ около всего окіяна моря песокъ вызобать, и со древесъ хвою изглотать, изъ моря воду выпить и обсушить, и щуку потребить, и ключи изъ ней возьметъ, и замки тѣ отомкнетъ, и ворота отворитъ и тогда хотѣніе свое исполнитъ, и какъ не можно никакому человѣку крещеному около окіяна моря песокъ и хвою вызобать и воду выпить, море обсушить, и не можно щуки добыть, и ключей не вынуть, и замковъ не отомкнуть, и воротъ не отворить, и меня раба б. им. не испортить, и моего стада не добыть, и въ невѣрные роды изгинуть и въ непроходимыя мѣста, чтобы ихъ колдуновъ и еретиковъ ненавистниковъ, портежниковъ и вышеписанныхъ звѣрей и гадовъ, нечистаго смрада и діявольскаго навѣту ихъ и слыху не бывать; а гоняли бы и хранили бы святые ангелы мое любимое стадо, христіанской милой животъ, рогатой скотъ, изъ темнаго лѣсу ко всякой ночи домой изъ горъ, изъ болотъ, изъ осѣку и за осѣку, изо всякихъ мѣстъ; и сколь мило и дружно живутъ малые черные мураши и приходятъ къ своему муравейнику, столь бы любезно ходила у меня, раба б. пастыря им., всякая скотина пошерсная, отъ сроку до сроку, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу, приходила бы на гласъ рога и трубы моея, и казалось бы и видѣлось мое стадо, крестьянской милой животъ, пеньемъ и колодьемъ и каменіемъ и огнемъ, при воды водою и всякому, моему супостату гаду и ползуну и черному и бурому звѣрямъ, и широколапому медвѣдю и сѣрому волку и волчицы, хорту и хортицы, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу, въ новѣ мѣсяцѣ и въ ветхѣ и въ полнѣ, въ новцовомъ и ветховомъ перекроіхъ и въ межныхъ дняхъ, въ день и въ ночь и во вся часы, отнынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ, аминь. (Говорить трижды).

Возьми у всякой скотины шерсти съ передней да изъ задней ногъ и приговори: «И какъ задняя нога отъ передней не оставалася и передняя задней не дожидалася,» и древцо возьми невелико, расколи на четверо: два по сторонамъ, третье въ исподъ, четвертое на верхъ, да положи промежъ ихъ тридевять камешковъ да мурашковъ и обвяжи, возьми воскъ и шерсть въ руку, положи на воротъ образъ божій, топоръ волочи и около скота на посолонь обойди трижды, на выпускѣ по сторонамъ разсклади огни, и какъ приговоришь, шерсть закатай и сомни въ одно мѣсто съ воскомъ и положи треть въ древо, другую треть въ замокъ, третію треть заверти въ рогъ, древцо положи въ дровяную кучу, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замкни, и ключъ утопи въ воду, образъ положи надъ выпускомъ и поклоновъ бей:

1. Псаломъ: Господь пасетъ мя,
2. Вѣрую во единаго Бога Отца,
3. Воскресную молитву,
4. Милосердіе двери отверзи намъ,
5. Молитву Исусову трижды.

И выпусти скота.

(Списано въ г. Онегѣ со старинной рукописи).

6. Пастушья молитва.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Лягу я, рабъ божій имя рекъ, благословясь, стану перекрестясь, одѣюся свѣтомъ, опояшуся свѣтлою зорею, покрыюся облаками, отычуся частыми звѣздами, и пойду я рабъ божій въ чистое поле, стану на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, отрекуся отъ сатаны и отъ діавола, и поиду прочь на сторону, и предаюся Вышнему Творцу, Небесному Царю, самому Господу Іисусу Христу, да Саваофу Богу со своимъ съ честнымъ стадомъ, съ милымъ животомъ, съ крестьянскимъ скотомъ, съ коннымъ и съ коровьимъ и съ овчимъ и съ свинымъ, съ разношерснымъ и съ разнокопытнымъ, на сохраненіе и на сбереженіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору своему на прихожденіе, и милому животу крестьянскому скоту на легость, на здравіе, на Божію милость, на плодъ, на животъ. Истинный Христосъ и Богородица Мати Божія, Михаилъ архангелъ, архангелъ Гавріилъ грозный воевода небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Георгій храбрый, Флоръ и Лавръ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Еропольскій, кіевскіе и печерскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій, и вы святіи и чесные евангелисты Лука и Маркъ, Іоаннъ и Матвѣй, херувимы и серафимы и всѣ небесныи силы научите меня, раба божія имя река, и помозите, пособите и благословите слово говорити, ограду ставити, оборону чинити на милой животъ на крестьянской скотъ, на коней и на коровъ, на овчіи и на свиней, на разношерсныя и разнокопытныя, а милой животъ и крестьянской скотъ въ мѣсто случить, ко двору своему прилучить, огорода поставить, оборона чинить отъ сѣраго звѣря, отъ чернаго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи, отъ рыскучего волка, отъ ползучего гада, отъ нашлаго и отъ наслаинаго урока, отъ призору и отъ пострѣлу, и отъ пострѣлу и отъ порчи, и отъ падшія силы и отъ нечистаго духа, отъ еретика и отъ еретицы, отъ вѣщика и отъ вѣщицы, отъ портежника и отъ портежницы, отъ лихого

глаза и отъ лихой думы, и отъ всякія скверны земныя и лѣсныя, и отъ всякаго злаго человѣка, отъ лихаго супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ черница и отъ черницы, отъ попа и отъ поповича, отъ дьяка и отъ парня и отъ дѣвки, и отъ однозуба и отъ двоезуба и отъ троезуба, со стороны видящаго, отъ постигущаго и отъ стретившаго и мимоидущаго, отъ суроволоса и отъ сѣроволоса и черноволоса, закрѣпляющаго рабъ божіи и заговариваючи свое чесное стадо, милой животъ крестьской скотъ, огороду поставить, оборону чинить; толь крѣпка огорода моя божіей милостію и словами моими, аки синей камень въ Синемъ морѣ, аки черной камень въ Черномъ морѣ, аки арагъ камень въ Варяжскомъ морѣ, аки хвалынь камень въ Хвалынскомъ морѣ, аки акіянъ—камень въ акіянъ морѣ, ни крошитца, ни ломитца, ни рознится, и сколь крѣпокъ сей огородъ и сей заговоръ кругомъ моего милого живота, крестьянского скота на сохраненіе и на соблюденіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихожденіе, а милому животу, крестьянскому скоту на легость, на здравіе, на божію милость на плодъ, на животъ. И кто же на меня, раба божія имя река, на мой животъ на крестьянской скотъ думою подумаетъ, мыслію помыслитъ, тому человѣку съ окіяна моря воды выпить, пески позобать и каменіе проглотить; и кто же на меня, раба божія. думою подумаетъ и мыслію помыслитъ на мой животъ, на крестьянской скотъ, тому человѣку зубы со рта, очи со лба и кости съ тѣла; и кто на меня раба божія на мой милой животъ, на крестьянской скотъ, думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, тому человѣку кругомъ окіяна-моря лѣсы подщипать и хвоя позобать, что ни есть на земли царей—огонь царь всѣмъ царемъ царь, и отъ меня раба божія отъ моего милого живота зжетъ и палитъ всякаго звѣря, уроки и призоры и лихой глазъ и лихую думу, зжетъ и палитъ завидниковъ и обидниковъ и еретиковъ и портежниковъ, зжетъ и палитъ отъ меня раба божія и отъ моего милого живота, крестьянскаго скота. Какъ стекаются рѣки ко окіяну морю съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, отъ мховъ и болотъ, съ поточинъ и съ пахомыхъ земель и съ сѣнныхъ покосовъ, и тако бы приходили мой милой животъ, крестьянской скотъ, сами ходили съ лѣсу домой съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, со мховъ и болотъ съ паточинъ и съ пахомыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ; какъ сходится міръ крещеной народъ божій ко звону колокольнему и пѣнію церковному ко отцу духовному къ лицу Божію къ Богородицѣ, къ Матери Божіей, тако бы приходили мой милой животъ крестьянскій скотъ сами съ лѣсу домой. Какъ солнце на западѣ, сколь крѣпко Ѳаворъ гора стоитъ на мѣстѣ она и держитца вмѣстѣ, сколь крѣпко синяя гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, сколь святая гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, сколь крѣпко Аѳонъ-гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, палестинскія іерусалимскія горы четыре горы и четыре страны не россыпаются и не роздвигаются и вмѣсто не подвигаются, и такожъ мои милой животъ крестьянской скотъ вмѣстѣбъ держался и не расходился, ни рознился; и сколь крѣпко во святемъ градѣ Іерусалимѣ и во всякой святыни гробъ Господень на воздусѣ держитца духомъ святымъ Господнимъ и столь бы крѣпко мой милой животъ крестьянской скотъ плелся и вился и двора своего держался, и какъ гробу Господню на земли не бывать и такъ бы моего милого живота крестьянскаго скота урону не бывать ни притчи, ни порчи, ни въ лѣсу наслѣгу (ночлегу). Еще помолюся я рабъ божій о своемъ миломъ животѣ крестьянскомъ скотѣ вышнему Творцу, Небесному Царю и Богородицѣ Матери Божіей, о конскомъ и коровьемъ и овчемъ и свиномъ о охраненіи и о сбереженіи и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихожденіе. Истинный Христосъ и Богородица Мати Божія, святые и честные Козьма и Даміанъ, Михаило архангелъ, ангелъ Гавріилъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Георгій храбрый, Ѳлоръ и Лавръ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Еропольскій, Антоній и Ѳеодосій кіевопечерскіе чудотворцы и вы святые евангелисты Лука и Маркъ, Іоаннъ и Матвей, херувими и серафими и вси небесныя силы, ставьте кругъ меня, раба божія имя река, кругъ моего милого живота крестьянского скота, кругъ конного и коровья и овечья и свиного, кругъ разношерсныхъ и разнокопытныхъ на сохраненіе и на збереженіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихожденіе, отъ сѣраго звѣря отъ чернаго звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи и отъ рыскучего волка и отъ ползучего гада, и отъ нашлаго и отъ насланнаго, отъ пострѣлу и отъ прострѣлу, отъ порчи и отъ отпаденія силы и отъ нечистаго духа, отъ вѣтра и отъ вихоря и отъ всякаго урона, повѣтрія, пострѣлу, падежу отъ еретика и отъ еретицы, отъ вѣщуна и отъ вѣщицы и отъ всякаго злаго человѣка и отъ лихого супостата, ставьте двунадесять апостоловъ тынъ желѣзной, ворота мѣдныя, верея желѣзныя въ землю тридесять лакоть отъ земли до небеси, отъ небеси до земли, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до юга со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща, на три версты, и замыкайте тридесятью замками и тридесятью ключами, отдай-

те́ тридесять ключей въ небесной рай самому Господу Іисусу Христу въ нетлѣнную ризу подъ правую пазуху; еще ставте тынъ каменной, ворота булатные, вереи стальные въ землю тридесять лакотъ отъ небеси и до земли, отъ земли до небеси, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща на три версты, замыкайте тридевятью замками и тредевятью ключами, и отдайте тридевять ключей въ седмое небо самому Господу Іисусу Христу, Богу Савоѳу на златой престолъ на златую мису. Еще ставте тынъ сребрянной, ворота златыя, вереи укладныя съ огненнымъ пламенемъ и съ искрами и съ дымомъ и божію милостію, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта, со всѣхъ четырехъ сторонъ, куды мое око завидитъ и ухо заслышитъ, за два поприща, за двѣ версты и замыкайте тридевятью замками и тридевятью ключами и отдавайте тридевять ключей Богородицѣ въ седмое небо на престолъ. Како здѣсь на земли седмаго неба никому не видать, небу съ землею не схаживатца, а земли съ небомъ вмѣстѣ не сталкиватца, и тако звѣрю скотины не видать, въ чистомъ стадѣ не бывать, отъ нынѣ и до вѣка.

Ключь: хиже важе пурже каръ жахты саѳаръ кирже саѳаръ баръ юмиръ екъію саѳаръ баръ каюръ баръ, небу по земли не хаживать, а земли по небу, и тако порчѣ не бывать отъ нынѣ и до вѣка, аминь.

(Доставилъ свящ. Колчинъ изъ с. Пингишей, Холмогор. у).

7. Оберегъ скота.

Господи Боже благослови Отче, во имя О. и С. и Св. Духа. Стану я, р. б. им. р. пастухъ, благословясь и пойду перекрестясь на добрые дѣла коровъ пасти, и я у скота у миловаго живота крестьянскаго шерсть тереблю, шерсть у черныхъ у бѣлыхъ и у красныхъ и у чернопестрыхъ у бѣлопестрыхъ и у краснопестрыхъ у рогатыхъ и комолыхъ, у быковъ и коровъ и у нетелей и у подтелковъ и телятъ и у своего всего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, и скатываю и сваливаю шерсть вмѣсто, и какъ бы та шерсть свилась и свалялась вмѣсто, такъ бы ты мой пастушей скотъ сваливался вмѣсто и милой животъ крестьянской, черной и черемной бѣлой и красной и чернопестрой и краснопестрой, бѣлопестрой, рогатой и комолой, быки и коровы, нетели и подтелки и телята и весь пастушей мой скотъ и милой животъ крестьянской случался и сваливался и свыкался бы вмѣсто на бору и на поскотины, на высокихъ горахъ и на бѣлокаменныхъ мѣстахъ, пещерахъ, свыкался бы и сваливался весь вмѣсто ко мнѣ, р. б. им. р. пастуху, на голосъ и на трублю и домовъ по всякой день, на нову и на ветху и на межныхъ дняхъ, и какъ къ царю муравному муравьи въ муравьище схожаются и збѣгаются на зимное жилище, и такъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской сходился бы и стекался на бору и на поскотинѣ во едино мѣсто и во едину кучю и домой и милой животъ крестьянской скотъ ко мнѣ, р. б. имя рекъ пастуху, на голосъ и на трублю, и запечатаю азъ, р. б. им. р. пастухъ, ту шерсть въ чистой воскъ, и какъ тому воску не разваливаться и какъ тое шерсти не раскатывался и не разваливатце, такъ бы моему и милому животу крестьянскому, черному, бѣлому и красному и чернопестрому и бѣлопестрому и краснопестрому, рогатому и комолому быкамъ и коровамъ, нетелямъ и подтелкамъ и телятамъ и всему моему пастушью скоту и милому животу крестьянскому не росхаживатся и не розваливатце на бору и на поскотинахъ и на высокихъ холмахъ и на бѣлокаменныхъ мѣстахъ, пещерахъ и на всякихъ мѣстахъ не росхаживатце и не розсыпатце и всему вмѣстѣ держатце; держись передня за задней и задня передней и всѣ держитесь меня, р. б. имр. пастуха, и гласу моему и трубли и дворовъ своихъ по всякой день и по всякую ночь, на нову и на ветху и на всякомъ мѣсяцу, и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Говорить трижды).

Господи Боже, благослови Отче. Во имя О. и С. и Св. Д. и меня, р. б. им. р. пастуха, какъ я радуюся солнцу красному, мѣсяцу свѣтлому и свѣту божію, и какъ я радуюся престолу божію и самому Господу Іисусу Христу, такъ бы радовалея скотъ мой и милой животъ крестьянской меня, р. б. им. р. пастуха, и гласу моего и трубли радавался бы по всякой день на нову и на ветху мѣсяцу и на перекроѣ и на межныхъ дняхъ, и сохрани мой скотъ и милой животъ крестьянской скотъ по водамъ, по землямъ, по поточинамъ, по источинамъ, по падунамъ о томъ по ранной зори и по вечерной, и сохрани мой скотъ животъ крестьянской, черной и бѣлой, красной, чернопестрый и бѣлопестрый, краснопестрый, рогатой и комолой, быковъ и коровъ и телятъ, сохрани Господи на нову и на ветху и по вся нощи и дни, и кажися тотъ мой скотъ и милой животъ крестьянской черному и бурому медвѣдю и медвѣци и рыскучему волку и во вся дни кажись при воды вода, при камени камень, при травы трава, при огородахъ огорода, при щепы щепа, при людяхъ люди, при дворахъ дворы и какъ святому

дереву рябинѣ въ одной кучѣ и въ одной толпѣ, и такожъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской ходилъ бы у меня, р. б. им. р. пастуха, въ одной кучи и въ одной толпѣ, и такожъ какъ въ одной кучѣ и въ одной толпѣ, и такожъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской чернопестрой и краснопестрой, черной, бурой и красной ходилъ бы въ одной толпѣ, сшелся бы и не розошолся, ходилъ бы, а и расходился на бору и на поскотинахъ, на ходныхъ земляхъ, и какъ тѣ шерстины сошлись вмѣсто и нерозошлись, и съ воскомъ вмѣсто скатились и не роскатились, и тотъ бы мой скотъ вмѣсто сшелся бы и нерозходился на бору и на поскотины и на пахатной, земли и такожъ царь муравей о своемъ дому муравьищи, такожъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской ночевалъ въ своемъ дому по вечеру поздо и по утру рано, аминь моей молитвѣ и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Говорить сіе трижды).

Во имя О. и С. и Св. Д. Самъ Господь Богъ помози мнѣ, р. б. имр. пастуху, и постави Господи около меня, р. б. имр. пастуха, и около моего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, черного и черемного, бѣлаго и краснаго, чернопестраго и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ и нетелей и подтелковъ и около всего моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго постави желѣзной тынъ отъ небеси и до земли, отъ востока и до запада, отъ сѣверъ и до лѣта и со всѣхъ четырехъ сторонъ, кабы не пришолъ черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ, и всякой медвѣдь и медвѣдица, и рискучей волкъ и волчица, и колдунъ и колдунья, мужикъ и женка и всякой злой и лихой человѣкъ, и не обронили бы моего пастушья скота и моего живота крестьянскаго, черного и бѣлаго, краснаго и черемного, чернопестрого и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ и нетелей и подтелковъ и телятъ и всего моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго,—черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакостникъ и всякой медвѣдь и медвѣдица и рыскучей волкъ и волчица ногтемъ и зубомъ, и не спортили бы колдуны и вѣдуны и вѣщицы и всякіе злые люди, меня р. б. им. р. и моего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго; обдерни Господи около меня, р. б. имр. пастуха, и около моего пастушья скота и милого живота, крестьянскаго черного и черемнаго, бѣлого и краснаго, чернопестраго и краснопестрого, рогатого и комолого, быковъ и коровъ, нетелей и подтелковъ и телятъ и всего моего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, обдерни Господи огненную рѣку отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до лѣта; кабы не пришелъ черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ и всякой медвѣдь и медвѣдица и рыскучей волкъ и волчица, ногтемъ и зубомъ не обронилъ бы моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго, и не пришелъ бы колдунъ и колдунья и всякой злой лихой человѣкъ, мужикъ и женка, и не портили бы меня, р. б. имр. и всего пастушья скота ни порчами, ни словами, ни злыми помыслы на нову и на вѣтху, и вовсе теплое лѣто, вовѣки аминь.

(Говорить трижды).

Господи Боже, благослови Отче! во имя О. и С. и Св. Д. Стану я, р. б. им. р. пастухъ, благословясь и пойду перекрестясь со своимъ постушьимъ скотомъ и съ милымъ животомъ крестьянскимъ, бѣлымъ и краснымъ, чернопестрымъ и краснопестрымъ, съ рогатымъ и съ комолымъ и со всѣмъ своимъ скотомъ и милымъ животомъ крестьянскимъ, по утру рано во свою любиму поскотину зеленой травы ясти, а свѣжей воды пити и не боюся язъ, р. б. имр. пастухъ, ни старца схимника, ни старицы схимницы, ни колдуна, ни колдуньи, и вѣдуна и вѣдуньи, и всякаго злаго человѣка; и какъ имъ злымъ лихіимъ людямъ земли матери не переслище неба имъ не скрасти и звѣздъ съ неба не пощипать, такъ бы меня р. б. имр. и моего пастушья скота не уркнуть и не испортить ни словами, ни травами; злой и лихой человѣкъ ѣшь себя и кровь свою, такъ и меня, р. б. им. р. пастуха, и моего пастушья скота крестьянскаго не испортить отъ нынѣ и до вѣка, аминь.

(Говорить сіе трижды).

Словеса говорить врядъ на шерсть и воскъ, и замокъ съ ключомъ и взять двѣ свѣщи, ходить со образомъ Георгіевымъ трижды, и образъ поставить и добыть огня, и сквозь огнь прогонить, и шерсть также и воскъ разрѣзать и положить на обѣ стороны, и прогонить и взять къ себѣ, ступай.

(Списано со старинной тетрадки, доставленной изъ с. Суры, Пинежск. уѣзда волостнымъ писаремъ Григ. Хромцовымъ).

8. Молитва скотъ сводить.

Господи благослови, Отецъ, Сынъ и святой Духъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Господи Боже благослови, во имя Отца и Сына св. Духа, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Стану я рабъ Божій имярекъ, благословесь, и пойду

перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, и выйду въ чистое поле, подъ восточную страну, стану лицемъ на красное солнце, на западъ спиной, и стану я, рабъ Божій имярекъ, свои слова красному солнцу говорить: какъ красное солнце на выхожденіе идетъ, такъ бы у меня, раба Божія имярекъ, скотъ милой крестьянской животъ, всѣ на поскотину пойдутъ, вся въ похвалѣ и вся въ почести; и какъ то́ красное солнце на восхожденіе будетъ и на полдень станетъ, то я, рабъ божій имярекъ, на мѣсто стану и около меня, раба Божія имярекъ, скотъ милой крестьянской животъ, что мѣдное кольцо; какъ то красное солнце съ полудня пойдетъ на вечеръ-на покатъ, такъ бы у меня, раба Божія имярекъ, скотъ милой крестьянской животъ съ поскотины пойдетъ вся вкругъ, вся въ похвалѣ; и какъ по стороннымъ городамъ и по соборнымъ церквамъ въ колоколъ на вечерню звонятъ, такъ мой скотъ милый крестьянской животъ на мѣстѣ въ перечетѣ сталъ. И еще въ томъ же чистомъ полѣ на восточной странѣ чистый чисть-бѣлъ-горючь камень, на томъ бѣломъ камени сидятъ три брата Христовы: Михаилъ Архангелъ, Гавріилъ-Архангелъ, Лука залучникъ, и помолюся я, рабъ Божій имярекъ, образу Божію и святымъ тремъ святителямъ-братіямъ: пособите и помогите мнѣ, рабу Божію имярекъ, ходити и гуляти въ поли и за полемъ, въ поскотины и за поскотиной за скотомъ, за милымъ христіанскимъ животомъ. Ангели хранители и святіи святители и всѣ небесныя силы, Саваовъ Богъ Iисусъ Христосъ, Вышній Творецъ, сохраните и соблюдите, обгородите и оберегите меня, раба Божія имярекъ, и всего моего скота, милого христіанскаго живота, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ двоезуба и отъ трозуба, отъ двоеглаза, отъ двоеволоса и отъ троеволоса, и отъ бѣлаго и отъ чернаго, и отъ черемнаго и отъ стараго, и отъ молодого и отъ середовичь и отъ холостого, и отъ женатаго, и отъ мужска полу и отъ женска и отъ всякого портежнаго, и отъ бѣльца и отъ бѣлицы, и отъ чернеца и отъ черницы, и отъ всѣхъ моихъ злыхъ вороговъ; храни Господи и люди меня, раба Божія имярекъ, и всего милаго крестьянскаго живота и постави мѣдный и желѣзный тынъ отъ ронка (?) мѣдную гору, огненное пламя, со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока и до запада, отъ земли и до неба, отъ всѣхъ моихъ вороговъ и супостатовъ; и кто на меня, раба Божія имярекъ, и на всего моего скота милаго крестьянскаго живота думою одумаетъ и мыслію помыслитъ. зла не сотворить, себѣ досадитъ, и впади тому человѣку злому толста, безгромна туча, огненное пламя съ небеси, камень, огненная стрѣла въ буяну голову, въ ретивое сердце и черную печень, и помѣшай ему человѣческое нутро, помѣшай ему умъ въ головѣ и его злымъ худымъ помышленіемъ; и закрѣпляю я свои словеса въ окованъ ларецъ за тридевять замковъ, и мечу тридевять золотыхъ ключей въ синее море океанъ, и есть въ томъ мори океани бѣлъ камень, и подъ тѣмъ каменемъ стоитъ щука и уноситъ мои золотые ключи въ синее море океанъ подъ бѣлъ камень, и какъ тѣмъ моимъ золотымъ ключамъ на верхъ воды не выплывать, и такъ бы мнѣ рабу божію имярекъ испорчену не быть, ни моему скоту милому крестьянскому животу, отнынѣ и до второго пришествія Христова, всегда нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь.

Говорить трижды. Воскъ со скотинной шерстью въ сничатой замокъ замкнуть. Сія молитва скотъ случать.

(Доставлено священникомъ Дьячковымъ изъ Нижнеозера, Онеж. у., а имъ списано со старинной рукописи.)

9. Оберегъ скота отъ звѣрей.

Господи Iисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Стану я, рабъ Божій (имярекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами въ чистое поле, въ зеленую дубраву, помолюсь я, поклонюся на восточную сторону истинному Христу и Пресвятой Богородицѣ, Илію Пророку, великомученику Георгію храброму, Власію и Модесту. Господь нашъ Iисусъ Христосъ, пресвятая Богородица, Илья Пророкъ, св. Власій и Модестъ и Великомученикъ Георгій Храбрый, государи мои! помилуйте скотъ, христіанскій животъ со всякими пестринами и всѣми шерстями, а завалите мой скотъ пеньками, и колодами и бѣлымъ каменьемъ, что бы небыло ни приступу, ни проходу черному звѣрю медвѣдю, сѣрому волку рыкучему и злющей россомахѣ, ни всякому лихому злу человѣку, вору и навѣтнику. Еще есть Божія тварь муравьи и какъ они въ день расходятся по темно́му лѣсу и по чистому полю, а къ ночи собираются въ свои муравьища—въ свои жилища, такожде бы расходился мой милый скотъ, быки и коровы и телятка малы и рогаты со всякою шерстною, и сходились бы кучкою на свой дворъ, да соблюдеши и сохраниши пресвятое имя твое, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Еще есть на семъ свѣтѣ св. Божія церковь и сходится въ ней народъ Божій съ женами и дѣтьми, такожъ сподобились-бы на семъ свѣтѣ мой скотъ и жи-

вотъ; еще есть на семъ свѣтѣ чистыя мухи, бѣлыя пчелки, летаютъ стадами по чистому полю днемъ и собираютъ медъ и воскъ, а къ ночи собираются къ своимъ жилищамъ, чтобы не было приступу темняку, сѣрому волку, ни злущей россомахѣ, ни всякому злу лиху человѣку. Какъ св. Христову Воскресенью возрадуется народъ Божій, когда зазвонятъ въ колокола; такъ возрадовался бы мой милый скотъ христіанскій животъ, когда услышитъ мой голосъ и мою трубу, по вечеру поздно и по утру рано, изъ сыраго бору, изъ чистаго поля, изъ зеленой дубравы, домой сходилися къ домамъ и расходилися по дворамъ. Положу я, рабъ Божій (имя), воскъ недержаной на колокольню къ большому колоколу зазвонному между ушьми, и пусть тотъ воскъ у колокола по три воскресеньи у звону. Возьму я чистый воскъ съ колокольни и класть мнѣ на скота со всякими шерстинами и пестринами.

(Записано въ Сумскомъ посадѣ.).

10. Чтобы скотина стояла.

Помяни, Господи, царя Давыда и всю крѣпость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь. Утренняя зоря Марія, вечерняя зоря Маремъянія, утолите мою тоску-кручину, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

11. Отъ ляганья коровы.

Господи Боже, благослови! Какъ основана земля на трехъ китахъ, на трехъ китицахъ, какъ съ мѣста на мѣсто земля не шевелится, такъ бы любимая скотинка (чернавушка, пестравушка и пр.) съ мѣста не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья, и хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, а дой рѣкой, озеро сметаны, рѣка молока, ключь и замокъ словамъ моимъ.

Наговариваютъ на воду, которою потомъ обмываютъ вымя коровы.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

12. Для предохраненія теленка отъ падежа или болѣзни.

Помяни, Господи, царя Давида, матери Елены до чернавина житья. Какъ бѣлая березонька стоитъ вѣки по вѣки, не трогнется не ворогнется; такъ бы и теляте жило вѣки повѣки, не трогнулось и не ворогнулось.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

13. На нокоть скотины рогатой.

Берутъ мохъ изъ угловъ хлѣва и трутъ по спинѣ, приговаривая: «Какъ изъ угловъ мохъ, такъ изъ благословенной скотины нокоть вонъ!» Мохъ этотъ потомъ зарываютъ въ навозъ или въ землю.

(Доставлено крестьяниномъ Леонтьевымъ Холмогорскаго уѣзда),

14. На нокоть скотины рогатой.

Говорятъ на воду или въ хлѣбъ съ солью, три раза: Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Нокоть ты, нокоть, у благословенной скотины (такой то масти)! поди въ ноздри, изъ ноздрей въ голову, изъ головы въ чемерну, изъ чемерной въ хвостъ, изъ хвоста въ землю.

Нокоть, по объясненію крестьянъ, родъ падучей болѣзни или родимца: скотина вдругъ падаетъ, заворачиваетъ голову, бьетъ ногами; иногда умираетъ.

(Запис. въ г. Холмогорахъ).

15. Прикосъ коровій.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа Аминь. Говори ты истинному Христу, Ангелъ святый Господень: поди и спроси: нѣтъ ли у раба божія N. у рогатой коровы (черной—или пестрой, смотря по шерсти) не было ли ни скорби, ни болѣзни и ни прикосовъ, и ни призору, и ни вѣтрянаго прострѣла, и воденаго, и не тухло ли вымя и не болятъ ли титки, и неукрадено ли молоко, и не запретило ли проходу, или выходу въ 73 жилахъ и въ 73 суставахъ? Говори ты истинному Христу и Ангелу святому, Трифонъ святый: въ кое время на распятіи былъ повѣшенъ истинный Христосъ отъ жидовъ и не чулъ въ себѣ ни щепоты и ни ломоты и не удару; такожде и у раба божія N. рогатая корова (такой то шерсти) не чюла бы не прикосу, ни призору, и ни встреннаго прострѣлу, и не тухло бы вымя, и не болѣли бы титки, и не украдено бы молоко, и было бы все по старому и прежнему, всегда и нынѣ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа Всѣмъ моимъ словамъ небо есть ключь. Аминь, аминь, аминь.

(Записано помощникомъ миссіонера Батраковымъ въ Куръ-островскихъ деревняхъ, Холмогор. у.)

16. Оберегъ скота отъ медвѣдя.

Должно съ когтемъ «Лева-звѣря» (за который не рѣдко выдаютъ клювъ гагары) обойти кругомъ стада коровъ и при томъ шептать слѣдующее:

Обхожу я, рабъ божій, съ когтемъ лева-звѣря мое милое стадо, крестьянскій животъ. Какъ мои коровуш-

ки до сей поры боялись медвѣдя, такъ теперь да боится медвѣдь моихъ коровушекъ; а къ этому моему слову небо и земля—ключъ и замокъ; аминь.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

17. Если у кого сдѣлается нездорова скотина.

Берутъ соли щепотку и наговариваютъ:

Стану я, рабъ божій N.,благословесь,пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле за ворами. Мнѣ рабу божію на встрѣчу бѣжитъ тридевять рысей и тридевять лапъ и тридевять поктей. Призываю я, рабъ божій, къ своей скотинкѣ крестьянской животинкѣ, къ бурой (смотря по шерсти), вѣчнѣ упомню я нокоть нутренной, серчевой, паховой, здоховой, рудяной, костяной, зажильной, закожной, зашерстной и закопытный, и кладу я свои слова въ ноздри, въ голову и хвостъ, и посылаю за быстрыя рѣки, за высокія горы, за темные лѣса, гдѣ ни птицы не залѣтаютъ, сѣрой волкъ не зарыскиваетъ, вѣкъ по вѣку отъ нынѣ и до вѣку аминь.

(Рукоп. нарядъ Устьпадепскаго удѣльнаго приказа о доставкѣ въ Архангель. Удѣльную Контору свѣдѣній для составленія этнографіи отъ 1847 г. по описи № 60).

18. Слова у скотины путь украсть.

Стану я, рабъ божій имярекъ, благословесь, пойду перекрестесь и стану я, рабъ божей имярекъ, на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ и посмотрю подъ восточную сторону. Есть домъ Господень, въ домѣ Господнемъ престолъ Господень, на престолѣ Господнемъ, самъ свѣтъ истинный Христосъ. Поставь, Господи, тынъ желѣзной отъ земли и до неба, отъ востоку и до западу, кругомъ поскотины моей, со всѣхъ четырехъ сторонъ моей скотины и крестьянской животины. Какъ отъ меня, раба божія имярекъ, отходитъ поясъ на малой часъ и на малое время, такъ же ты отходи, скотина крестьянская животина, на малой часъ и на малое время отъ двора моего. Тѣмъ моемъ словамъ ключь и замокъ во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

19. У скотины путь украсть.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Откуда ты, скотина, ведена? Сзади топоромъ сѣкутъ и огнемъ палятъ, впереди рабъ Божей имрекъ кормлю и пою всю тя, и не знай ты скотина не пути и не дороги, не пройти, не пробѣжать опришенно меня, раба божія имрекъ, станетъ противо пути твоего тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третій огненой, и не знай ты не пути и не дороги опришенно меня, раба божія имрекъ. Старой хозяинъ умеръ и пропалъ и живота его нѣтъ; вся крѣпость святаго Духа, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

20. Отпускъ пастуха лошадей пасти.

Говорить трижды и ходить кругомъ стада съ образомъ:

Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ Божій, благословесь, пойду перекрестесь, отцемъ прощенъ, матерію благословенъ, и пойду въ чистое поле, подъ восточную сторону, покрываюся я рабъ Божій (имярекъ) небомъ, и облачаюся во облаки, и подпояшуся поясомъ, и умываюся росою, и утираюся зорею, и помолюся я рабъ Божій (имярекъ) Господу Богу, Іисусу Христу, Сыну Божію, и Пречистой Его Матери, и всѣмъ небеснымъ силамъ, ангеломъ и архангеломъ, и святому Власію и св. Георгію страстотерпцу: и Ты, Господи, закрой и защити меня, раба Божія (имярекъ), и поставь кругъ моего скота, милаго крестьянского живота, въ поли и за полемъ, въ лѣси и за лѣсомъ, кругъ всей моей поскотины, желѣзенъ и мѣдянъ и булатенъ тынъ, отъ востока и до запада, отъ лѣта и до сѣвера, со всѣ четыре стороны, за тридевять за три версты, за тридевять за три сажени глубиною въ землю. И я рабъ Божій (имярекъ) призываю на помощь св. Власія и св. Георгія, страстотерпца Христова, съ тридевять замками и замыкаютъ меня, раба Божія имярекъ, тридевять булатные ворота, сквозь за тридевять ключей, и я примаю тридевять ключей и отношу во святое океанъ-море. Есть во океанѣ-мори бѣлъ латырь-камень, и подъ тѣмъ латыремъ-камнемъ стоитъ свѣжая рыба щука, очи бисерныя, а зубы желѣзные, и принимаетъ у меня, раба Божія имярекъ, тридевять ключей, и сходитъ, и сноситъ подъ бѣлъ латырь-камень отъ нынѣ и до вѣка; и какъ тѣмъ тридевять ключамъ на верхъ воды не выплывать, такъ бы не бывать у меня раба Божія и у моего скота, любимаго крестьянскаго живота, и у всякія живущія тупошерстныя скотины, коней кладеныхъ и некладеныхъ и кобылъ каріихъ и вороныхъ, рыжихъ и бурыхъ, гнѣдыхъ и пеганыхъ, и сѣрыхъ, и сивыхъ, и саврасыхъ, такъ бы не бывать въ моей поскотины и у моего скота звѣрю широколапому, медвѣдю и медвѣдицы съ дѣтями ея, насыльному и опрокидемью, прохожему, жировому и пакостнику, ни

волку, ни волчицы, ни зміи и скорпіи; а начнетъ ходить черный звѣрь и перехожій по моимъ тропамъ и дорогамъ и по моей поскотины, и я на васъ напущу тридевять кобелевъ и не будетъ вамъ уходу ни въ поли, ни за полемъ; а подите вы, черные звѣри, съ моей поскотины за черное море, на фаворную гору и дамъ вамъ пятера гядера (?), ѣшьте зеленую траву, а пейте болотную воду, отнынѣ во вѣки, аминь. И я, рабъ Божій, помолюся Господу Богу, Іисусу Христу, Сыну Божію и Пречистой Богородицѣ Матери Его и св. Власію и св. Георгію страстотерпцу Христову: святой Власій и святой Георгій, страстотерпецъ Христовъ, покрыйте и оберегите вы мой скотъ, любимой крестьянской животъ, небомъ и землею по всякъ день и на всякъ часъ мѣсяца нова и ветха, и въ перекрои, и въ межныхъ дняхъ, отъ нынѣ и во вѣки, чтобъ тотъ мой скотъ, милой любимой крестьянской животъ, казался пеньемъ и колодьемъ и каменемъ, по всякой день, всякому звѣрю широколапому медвѣдю и медвѣдицы и дѣтямъ ихъ, насыльному и опрокидню, и прохожему и жировому и пакостнику, и волку и волчицы, и змѣи, и скорпіи, въ день и въ ночь и по всякой часъ, отнынѣ и во вѣки, аминь. Какъ сему рабу Божію (имярекъ) мертвому не бывать на семъ бѣломъ свѣтѣ и не видать отца—матери, ни роду, ни племени, и такъ бы не бывать у меня, раба Божія имярекъ, ни у моего скота, милого любимого крестьянского живота, ни слѣду бы моего, ни скотинного не видать всякому звѣрю широколапому медвѣдю, ни медвѣдицы и дѣтямъ ихъ, насыльному опрокидню, прохожему и жировому пакостнику, ни волку, ни волчицы, отъ вѣку и до вѣка, аминь. Какъ не добыть у раба Божія мертваго человѣка ни крови, ни воды, такъ бы не испортить меня, раба Божія имярекъ, ни моего скота, милого любимого крестьянского живота, ни колдуну, ни колдуньи, ни вѣдуну, ни вѣдуньи, ни еретику, ни еретицѣ, ни какому злому человѣку, отнынѣ и до вѣка, аминь.

(Доставлено священникомъ Дьячковымъ изъ с. Нижмозера, Онежскаго у., а имъ списано со старинной рукописи).

21. При лѣченіи лошади.

Стану по утру по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я осинову вичку *), пойду я къ доброму хозяину на честенъ пиръ. Изъ подъ лѣвой ноги, изъ-подъ праваго копыта обложу и обвяжу--кругомъ обнесу, чтобы былъ по старому по прежнему чище и лучше, чтобы болѣе не чула, куда бы ни поѣхали.

(Доставилъ г. Никольскій изъ города Мезени).

22. Противъ конской болѣзни.

Говорить въ соль и дуть лошади въ поздри и посыпать на спину на лошадь.

Господи Боже благослови. Стану я р. б. им. р. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле, изъ чистаго поля пойду къ синему морю. Въ синемъ морѣ есть плита синяя, подъ плитой синей есть щука синяя, у щуки синей есть зубы желѣзные, зубы мѣдные, глаза мѣдные, хвостъ мѣдной, чешуя оловянная, поѣдаетъ та щука и ожираетъ 12 ноктей у коня, имя рекъ, своими желѣзными зубами: покоть пуповой, покоть сердешной, покоть костяной, покоть жильной, покоть спиновой, покоть гривной, покоть глазной, покоть носовой, покоть ножной, всѣ тѣ 12-ть ноктей, въ молодѣ и перекроѣ и полнѣ мѣсяцахъ, на ветху мѣсяцѣ и на межныхъ дняхъ, по всякой день и по всякой часъ, по всякое время, по вѣку, отнынѣ и до вѣку, во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.

(Заимствовано П. С. Ефименкомъ изъ стариннаго рукописнаго сборника заклинаній).

23. Червь умолвити въ конѣ, или въ нивѣ.

Какъ зайдетъ солнце, плюни на камень или на руку и говори сіе надъ масломъ или надъ солью:

Сѣдла гремятъ, узды бречатъ, въ порозномъ мѣхи, ѣхати по хмѣль по легкой товаръ, червемъ полетѣти за море; тамо у червей свадба, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая, смола кипячая. Трижды аминь.

Червь разгрызь и плюй, гдѣ черви.

(Иаъ рукопис. лѣчеб. достав. свящ. Колчинымъ изъ с. Пингишей Холмогор. у).

24. Пчелиныя слова.

Изосимъ и Саватій Соловецкіе, которые, по преданію первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составился особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника таковъ: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣднями въ мшеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня

*) Вѣтка, прутъ.

и положи въ чистый сосудъ, и въ тотъ сосудъ положить роснаго ладону, и окружить на пчельникѣ или во мшеникѣ, и поставить свѣчу Изосимѣ и Саватію, Соловецкимъ чудотворцамъ, и помолиться имъ съ вѣрою, и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ, три раза аминь.»

Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленія благости Господа къ уповающимъ на него,» состоящаго изъ псалма: «живый въ помощи Вышняго» и пр. читается дважды молитва къ пчеламъ: Господи І. Х. С. Б., помилуй меня, грѣшнаго раба своего (им.). Господи благослови, аминь,» затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы, ихъ всѣхъ семь. Первая изъ нихъ читается:

На морьѣ-окіанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и Спасъ-образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Маріею, и великіи помощники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нариенскія горы за силою пчелиною поймать крапчика и матку и посадити въ зезлъ свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезлъ свой въ правую сторону. То они посланники Божіи, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гавріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Папа-Рымскія земли, въ Рымскія горы, и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезлъ свой и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы поднимаются, тако бы поднималася сила пчелиная и пошла за Изосимомъ и Савватіемъ, Соловецкими чудотворцами, силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путьямъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрнія земли, тогда архангелъ Гавріилъ повелѣлъ Изосиму и Савватію бросить въ правую сторону зезлъ и крапчика и матку возгнаніе дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путьямъ и тропамъ. И рече святый отецъ милостивыи: посланники Божіи Изосимъ и Савватій, Соловецкіе чудотворцы, возмите зезлъ свой, благословите и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Спасителя. И рече святый отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей седмицѣ по твоему повелѣнью, сохранепъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спаслъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ нозѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи дѣвать и сажать? Господь же благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустити отъ востока и до запада во всероссійскую землю, въ темныя лѣса въ угодныя древа, православнымъ хрестіанамъ и ко мнѣ рабу б. (имя реку). Создай Господи милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу б. во дворьѣ, въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на фиміянъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утвержденіе скончанія вѣка сего, такожди Господи утверди у меня р. б. (им.), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватій, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба б. во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и полчетверти. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окурю отъ всякаго глаза, отъ мужскаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ чернца и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихаго человѣка и отъ чужихъ налетныхъ пчелъ въ ограду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старые и молодые до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣніи твоему, Господи, океану-морью всѣ морья покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и ночно, такъ бы, по повелѣнію Божіиму, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (им. рекъ), на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы, и отъ водянаго потопленья и отъ нечистаго духа, и отъ лукаваго человѣка; покажи Господи милость свою, пришли и надѣли своимъ Божіимъ повелѣніемъ и надѣленіемъ моимъ пчеламъ, со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго сухаго, и сѣраго, и со всякаго плоду брать на воскъ и на канонъ. Не повели Господи портить моихъ пчелъ ни колдуну, ни

колдуницѣ, ни еретику, ни еретицѣ, ни дьявольскимъ наученіямъ и всякому злому человѣку. Сохрани и помилуй отъ нынѣ и до вѣка (три раза) аминь. Земля замокъ, небо-ключь, трижды аминь.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1: Щапова, Истор. очер. народ. міросоз. и суевѣрій, стр. 52—54. Встрѣчается и въ Архангельской губерніи.)

25. На рыбную ловлю.

Какъ ты, матушка Шорда рѣка, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, корьеньище сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей, раба божія (имя рекъ), винтовки, съ рѣзки и съ мешени, съ огненнаго боя, со всей оружейной приправы ото всякого злого и лихого и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ своей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ; аминь.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

26. Рыбій прикосъ.

Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

Буди моя рыбица не прикослива и не урослива, иди ко мнѣ рабу божію скоро, безпопятно и безповоротно, противъ быстрыя воды осеннія рѣки, назадъ не оглядывайся и въ сторону не отворачивайся, иди ко мнѣ рабу божію ежечасно, на утренней зори и на вечерней зори, въ мои желѣзныя уды, рыбица налимъ большеголовой и востроносица щука, красная рыбица семга, иди ко мнѣ, рабу божію N., по всякъ день и по всякъ часъ, на утренней зори и на вечерней зори, въ день подъ солнцемъ, а въ ночь подъ мѣсяцемъ и подъ частыми звѣздами и подъ всею окружностію Божіею... Тѣмъ моимъ словамъ ключъ й замокъ именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ аминь. А которое я, рабъ божей, слово узабылъ, узапамятовалъ, то мое слово буди въ томъ же кругу, и востре востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь.

27. Тоже.

Для рыбной ловли и для налимовъ и для щукъ и для семги и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ божей, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротми, выйду въ чистое поле, подъ восточную сторону, въ зеленую дуброву и стану я рабъ божій на восточную сторону лицомъ и помолюся и поклонюся истинному Христу, Царю Небесному, и буди я рабъ божей промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы и отъ молвы, отъ людского глаза. А кто злой лихой человѣкъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ, и то бы ему себѣ да въ пазуху; а что онъ радѣетъ себѣ, то и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ, по всякъ день и по всякъ часъ, и по всяку ночь; и тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ и словесамъ ключь и замокъ, именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Оба прикоса доставилъ кр. Леонтьевъ Холмог. у.)

28. На рыбную ловлю.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, и всѣмъ святымъ Ангеламъ и Архангеламъ. Отступися, діаволъ, отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ храмины сія, и отъ всѣхъ узловъ ленныхъ и посконныхъ, и конопляныхъ и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), честный Крестъ Господень; здѣсь Святая Троица: Отецъ и Сынъ и Святый Духъ; здѣсь Мати Христа Бога нашего, Пресвятая Богородица, держитъ въ правой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ), обкуриванія для сохраненія нашей рыбной ловли, льняныхъ и посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги и бѣлой рыбы, рака и щуки и прочихъ. Здѣсь начальники силъ небесныхъ, Михаилъ и Гавріилъ, и Уріилъ и Рафаилъ, Херувимы и Серафимы и всѣ небесныя силы, здѣсь святый Іоаннъ Предтеча, и здѣсь святые апостолы Петръ и Павелъ и держатъ во правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву, и золотые ключи, и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ, для ради сохраненія нашей рыбной ловли, для красной рыбы семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки и прочихъ разныхъ, всѣхъ бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святые апостолы и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный; здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями (имя рекъ), святый Николай, великій хранитель, и здѣсь русскіе чудотворцы: Алексѣй и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь съ нами, съ рыболовами, съ рабами и съ рабынями (имя рекъ), мученицы Христовы, Екате-

рина и Варвара, держатъ ладонъ и кадило и даютъ (имя рекъ) для обкуриванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы, хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю, на всякъ день, и на всякъ часъ, и на всяку ночь, въ ветху и въ новцу, и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ, на заживъ дней и на заживъ нощей. Силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня сохраняй насъ, Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (имя рекъ), на семъ древѣ крестномъ распятый Іисусъ Христосъ. Аминь (трижды). По благословенію Господню идите, святые Ангелы, ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу семгу, и бѣлую рыбу, раки и щуку, и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ-подо мху и изъ-подъ виченаго куста, и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ она шла бы къ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ), въ матушку рѣку быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные протоки; и не застоялась бы на красномъ солнцѣ, и не загулялась бы съ охотной травы, и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась бы и не пстилась нашихъ ленныхъ и посконныхъ и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте, святые Ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слыху, и еще святые Ангелы, сохраните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ приковъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужной жены и отъ вдовицы и отъ дѣвки простоволоски, и отъ всякаго вѣтренаго проходящаго человѣка, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Христосъ воскресе!

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

29. Слова рыбу лучить.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Какъ да народъ Божій—православныи крестіяна изъ церкви, зъ домовъ и изо всякихъ мѣстъ, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на ерданъ, и прійдутъ на ерданъ и станутъ, съ мѣста на мѣсто не перехаживаютъ и не погуливаютъ, такъ же бы ко мнѣ рабу божію имр. рыба въ лучь всякая шла: лохи, семга, харьюсы, сиги, щуки, налимы, ези, подъязки, окуни, сороги и всякая рыба шла съ ямъ, съ плесъ и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изо всякихъ мѣстъ на мѣсто дресвы и на росипи, и пріидутъ въ лучь и стали бы они, съ мѣста на мѣсто не перехаживали и не погуливали на утрянной зори, на вечерной зори и середи ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожьи, ни шеста, ни меня раба Божія и., ни товарища моего кормщика (имрекъ)- всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, какъ станешь лучить зажигать. Къ тому же:

Какъ престолъ Господень стоитъ среди олтаря не шевелится, не похаживатъ, также бы у меня раба Божія имерекъ рыба съ луча не шевелилась и не похаживала на утреннеи зори, и на вечернеи и на середи ночи темной.

И говорить сіе трижды, и къ тому жъ: какъ попъ стоитъ на ерданѣ не шевелится и не похаживаетъ, такъ бы и у меня р. Б. и. рыба съ лучу не шевелилась и не похаживала на утренней зори, на вечерной зори и среди ночи темной. Говорить сіе трижды.

Обережъ какъ первую рыбу добудешь и съ остроги снимешь, и говорить въ ротъ сей трижды и плюнуть: чуръ моей рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей думы крови, чуръ меня р. Б. и. промышленника, чуръ моего коршика.

И положить рыбу въ лодку и поѣзжай. Богъ въ помощь.

(Отъ Г. Хромцова).

30. Для удачнаго лова рыбы.

Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепущи, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ поясокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ, наскакало бы рыбы, какъ чины (?).

(Доставилъ г. Никольскій изъ гор. Мезени).

31. При наживкѣ червей на крючекъ.

Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговариваютъ;

Рыба свѣжа, наживка сальна, клюнь да подерни, ко дну потяни.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

32. На уженье.

Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбу, сѣкутъ съ приговоромъ:

Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д.

Думаютъ, что послѣ этой операціи малая рыбка уже не будетъ идти на удочку.

(Записалъ г. Елизаровъ въ г. Архангельскѣ).

33. Для успѣха на охотѣ.

Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба или мяса, на которые наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ великомъ есть птица полетуща, есть сѣрыя гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломилось, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня раба Божія (имярекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали и долетѣла бы до ихъ дробь, какъ вольное перо.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

34. На птичью охоту.

Пойду я, рабъ Божій (имярекъ) къ церкви, погляжу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся и веселися и летай ко мнѣ, всякая живущая птица, которая Богомъ Іисусомъ Христомъ создана намъ на жертву; такъ не убойся и не устрашись ни меня, раба Божіи (имярекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не моги ты ногой переступить, ни крыломъ встрепенуться до выстрѣла моего. Какъ изъ-под-Ивановской росы человѣкъ на конѣ не уѣзжаетъ, пѣшой не уходитъ, такъ не улетай отъ меня, ни какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.).

35. Охотничьи слова.

Такъ бы у меня, раба Божія (имярекъ), собака не отбѣгала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога Іисуса Христа, Царя небеснаго намъ на жертву благословенная всякая птица: рябъ и рябушка, кòпала и тетерка и косачушка, сѣрая, малая утица,—какъ птица не можетъ летѣть отъ гнѣзда своего, отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ кобелей моихъ, и меня раба Божія (имярекъ), не бойся и не страшись ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся, птица, и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время: утра рано, вечера поздно. въ ветхѣ мѣсяцѣ, въ новцѣ и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключь и камень. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ въ Шепкур. у.)

36. Для удачи на промыслѣ.

По благословенію Господню, идите Св. Ангелы ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою и возбудите красную рыбу и бѣлую рыбу и прочихъ разныхъ рыбъ и звѣрей морскихъ, и гоните ихъ изъ-подъ мху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ они шли къ намъ—рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ) и не застаивались бы на красномъ солнцѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря, и шли бы въ наши заводи, сѣти и ловушки, и непятились бы нашихъ ленныхъ и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ ловушекъ, и не пужались бы нашихъ выстрѣловъ и колотушекъ. Не дайте св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбамъ: очамъ ихъ—виду, ушамъ ихъ—слуху, и еще, святые Ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроновъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и отъ клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и всякаго вѣтренаго проходящаго человѣка и порчельника, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Христосъ воскресе.

37. Для удачи на промыслѣ.

Пойду я на сине море, на сине на волнистое. На синемъ морѣ, на синемъ на хвалынскомъ, на волынскомъ, въ Терской сторонѣ есть морскіе звѣри; чтобы они къ намъ приближались, погодушки бы не боялись, были бы они не чутки, не видки; насъ бы не боялись, духу бы нашего не слышали и дымнаго также.

(Эти два заговора доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

38. На стрѣлечью охоту.

Говорить трижды на воскъ:

Есть на восточной сторонѣ, есть пресвѣтлое царство и приказательное государство и среди того трисвѣтлаго царства и приказательнаго государства пресвѣтлыя великія свѣтлицы солнечныя. И какъ тѣ пресвѣтлое царство и приказательное государство, трисвѣтлыя великія свѣтлицы высокія кажутся, такъ бы и мнѣ, рабу Божію (имярекъ), на моей на стрѣльчей охотѣ стрѣльчею пищалью казалися свѣтлы и велики, и высоки—и всякая полетущая птица большая и малая, синица и воробей, и всякій звѣрь порыскучій и ходячій и летучая птица, сѣдящая и летущая, на воды плывущая. Какъ я, рабъ Божій стрѣлецъ, жду по себѣ смерти по всякой день и по всякой часъ,—такъ бы всякій звѣрь и птица на моей стрѣчѣ и охотѣ, со моею стрѣльчею пищалью, ждали бы меня по себѣ. Какъ я, стрѣлецъ, съ тылу своего не вижу очей своихъ, такъ бы всякій звѣрь и птица не обозрѣли и не видѣли бы меня, раба Божія (имярекъ), съ моей стрѣльчей пищалью. И какъ

мертвый не видитъ свѣту Божія и ничего не слышитъ, рукъ своихъ отъ грудей не отводитъ, такъ бы всякій звѣрь и птица не видѣла бы и не слышала бы меня, раба Божія, съ моею стрѣльчею пищалью, и рѣчей бы моихъ, и не махала бы, и не ворошилась на моей стрѣльбѣ, на земли и на воды и на древѣ сидячая и летучая. Исповѣдаю во вѣки вѣковъ, аминь.

39. Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословясь; пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ зеленое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (имярекъ), становить пáсточки и силышки на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на ряба́ и рябу́шку, ко́палу и тете́ру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый, черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; тамъ Ирóдъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ, черный воронъ, столы разставлены, ѣства сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ смоливая спица въ правый глазъ тебѣ! Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь.

(Оба заговора записалъ А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

40. Слова отъ ворона оберегъ.

Господи Боже, благослови Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Отъ востока мьгла и до запада мьгла, отъ лѣта мгла отъ сивера мгла, полетитъ черной воронъ съ воронихой и ястребъ съ ястребихой, будь ты черной воронъ съ воронихой и ястребъ съ ястребихой слѣпъ и теменъ безъ ясныхъ очей и безъ становыхъ костей, не увидиться бы тебѣ черному ворону съ воронихой, ни ястребу съ ястребихой, ѣсть въ сильи и въ слопцахъ тетери и пеструхи и польника и польнюхи, куроптy и куроптихи, рябка и рябухи. Еще у меня, раба Божія имярекъ, есть на моемъ на путикѣ и угодьи, ходитъ Пречистая Мати Божія Богородица, не даваетъ ему ѣсть въ сильи и въ слопцахъ тетери и пеструхи, и полника и полнухи, куроптя куроптиху, рябка и рябуху, и меня, раба Божія имярекъ, ризой укрываетъ и пламеннымъ оружіемъ опаляетъ. Полети ты черный воронъ съ воронихой, и ястребъ съ ястребихой на сине море, отъ меня, раба Божія имярекъ, и отъ моего путика угодья, и тамъ тебѣ проклятому именемъ Господнимъ много у заморскаго царя свѣжаго мяса и горячей крови, и есть что тебѣ тамъ пить и исть по всякъ день, по утру рано по вечеру поздо, на ветху на молоду и на меженой перекрой; какъ желту пасыку не бывать въ рѣкѣ и въ синемъ морѣ, и такъ бы не бывать черному ворону съ воронихой, ни ястребу съ ястребихой у меня, раба Божія, и на моемъ путикѣ и угодьѣ, но всякъ день по всякъ часъ, по утру рано и по вечеру поздо, и на ветху и на молоду, въ межахъ на перекрои мѣсяцу, во вѣки, аминь.

Взять земли на своемъ угодьи и съ трехъ вискурей въ платокъ и силья приложить къ песку, говорить тѣ слова трижды и тое силье разоставить, а послѣ того оной пéсокъ на своемъ угодьи положить въ три мѣста при ловящихъ мѣстахъ.

(Отъ г. Хромцова изъ с. Суры, Пинежскаго у.).

41. Чтобы воронъ не ѣлъ попавшихъ въ ловушку животныхъ.

Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путику, по своему ухожью. Воззрю я, рабъ Божій имярекъ, чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты черный воронъ и вороница не видаешь въ іюлѣ мѣсяцѣ воды въ рѣкахъ, въ ручьяхъ и въ озерахъ заклятіемъ Ноя праведнаго и жаждуешь цѣлой мѣсяцъ, такъ бы ты не видѣлъ у меня, раба Божія имярекъ, на моемъ путикѣ, на моемъ ухожьѣ уловныхъ моихъ тетерь, рябовъ и куроптей въ моихъ Пастяхъ, моихъ слопцахъ, въ моемъ сильѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухожья за синее окіянъ-море, тамо царь Соломонъ сына женитъ и дочерь въ замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичь, 300 утей; тамъ тебѣ черный воронъ и съ воронихой много будетъ питенья и яденья; а на моемъ путикѣ, на моемъ угодьѣ нѣтъ тебѣ ничего пи спить, ни съись, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зорѣ, ни вечерней зорѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни и въ перекроѣ и въ меженые дни, ни въ ночные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. (Трижды читается). Есть у меня раба божія (имярекъ) генеральный стрѣлецъ самъ Іисусъ Христосъ; у Господа нашего Іисуса Христа солнце лукъ, мѣсяцъ стрѣла стрѣляетъ, излучаетъ тебя, чернаго ворона, и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей и въ ночь и по вяксу

пору. И гдѣ я рабъ божій (имярекъ) тебя чернаго ворона и вороницу, на своемъ путикѣ и на своемъ угодьѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записалъ г. Шабунинъ въ Пинежскомъ у.).

42. Противъ ворона.

Стану я р. Б. им. благословесь, пойду перекрестесь по своему путику и по ворги, какъ черной воронъ и вороница сидѣли въ материномъ яйцѣ въ злотины, не слышили звону колокольнаго, пѣнья церковного, такъ бы и у меня р. Б. и. не видѣли бы не ворги, не тесковъ, не силбища, не чухаря, не пеструшки, не полника, не полнушки, не реба, не ребушки, не куроптя, не куроптихи на новцу, на ветху, на перекроѣ мѣсецѣ, на утреной зори и и на вечерной, середи бѣлаго дни. Горите мои слова вострѣ вострого ножа, вострѣ булатного копья; моихъ словъ клюцъ замокъ мать сыра земля Аминь, аминь, аминь.

43. Противъ злаго человѣка на охотѣ.

Стану я р. Б. и. благословесь и пойду перекрестесь, пойду по матери по сырой земли, небомъ покроюсь, зорею подпояшусь, звѣздами обтыцусь; злой лихой человѣкъ не можетъ неба покрыти и зори потушити и звѣздъ сощитати и на меня р. б. и. не зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой человѣкъ зло подумать, поворотись къ нему на корень, положи между языкъ и щоки желѣзна спица: которое слово забыто на задѣ, будь на передѣ въ лучшемъ мѣстѣ; которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; И берите мои слова вострѣй вострого ножа, вострѣя булатнаго копія, вѣкъ по вѣки, Аминь, аминь, аминь.

(Оба изъ рукописной тетрадки, доставленной писаремъ Хромцовымъ изъ с. Суры, Пинежскаго у).

44. На птичью стрѣльбу.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, Господу Богу помолюся, пойду изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, на тихія заводи и въ темны лѣса стрѣлять всякія полетучія птицы; какъ я усмотрю, рабъ Божій, на тѣхъ тихихъ заводяхъ полетучихъ птицъ, гуся и лебедя, и жаравлей, и сѣрыхъ утицъ, а на лѣсу чухарей, пеструхъ, марьюхъ, косачей, куроптей; какую сѣдячую и полетущую птицу глазъ мой завидитъ, и ухо заслышитъ на земли, и на воды, и на дереви сѣдячую,—и та птица сиди до моего пострѣлу на одномъ мѣстѣ, не соходи и не солетай прочьизъ цѣли моей и со меня, раба Божія (имя рекъ), и у моей пристрастной пищали и гладкой дробовки. Помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Михаилу архангелу: «Грозный воевода, Михаилъ архангелъ, архистратигъ Господень, укрѣпи ты сердце и у всякой полетущей птицы, чтобы она меня, стрѣльца, не видѣла и не обозрѣвала бы меня и съ моей стрѣльчею пищалью и со всѣмъ снарядомъ пищальнымъ, и яспыхъ очей стрѣльцовыхъ не видѣла бы. Какъ мертвый мертвецъ съ мѣста и на мѣсто не переходитъ и на мѣсто съ мѣста не двинется, такъ бы всякая птица не убоялася меня раба Божія (имя рекъ) скоропострѣльной пищали; и какъ глазъ мой птицу завидитъ,—и не отходи, не отлетай прочь изъ цѣли моей; и какъ очи мои отъ меня, раба божія, прочь не отходятъ и не отлетаютъ, такъ бы и ты, всякая птица, не отходила и не отлетала отъ меня, раба божія, (имя рекъ) и гласа моего, пищальнаго голку, и нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь». И тѣхъ моихъ словъ не отомкнуть, не отгадать и ни какому человѣку, ни вѣдуну, ни вѣдуньи, ни колдуну, ни колдуньи, ни стару, ни младу, ни малу, ни велику. Аминь.

45. Слова утечьи.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Какъ есть окіанъ море бѣлой камень, на бѣломъ камени самъ Іисусъ Христосъ, самъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя, и кнутъ бѣлой, загоняетъ и залучаетъ всякую птицу. Стань и не усыпай по утряной зори, по вечерней зори, святый Лука залучи и загони, святый Матфей замани и залучи, святый Еремей закрѣпи отъ всякаго зла и лиха человѣка, отъ зуба и отъ ноктя и отъ всякаго лиха человѣка. Вся крѣпость Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Оба заговора взяты изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

46. Слова стрѣлять утицъ.

Господи Боже, благослови Отче. Во имя О. и С. и св. Духа, аминь. Святый Отче Симеоне, отверзи отъ меня, отъ раба Б. имя рекъ, всякого злого лихого человѣка, отъ моей стрѣлчей пищали, отъ щуруна казенового, отъ гвоздей, отъ рѣшетки, отъ трехъ петель и отъ ложи, и отъ скамейки, отъ доски и отъ щуруповъ малыхъ, отъ прикладу, и тутъ тебѣ сатана и діаволъ нѣтъ мѣста, тутъ почиваетъ самъ Исусъ Христосъ и святая Троица и четыре евангелиста: Лука, Марко, Матвѣй, Іоаннъ Богословъ и Никита Христовъ мученикъ, седятъ у замка и у пороха и у всей пищалной снасти у меня р. б. имр.;

отъ тое стрѣлчей пищали бѣгаютъ бѣси и діяволъ дьявольскіе ученики, вѣдунъ-вѣдунья, колдунъ колдунья, еретикъ и еретича, волхвъ и волхвица, чернецъ и черница, и дѣвицы и женщины черноглазыя и бѣлоглазыя и кароглазыя, и всякимъ волосомъ, отъ моей стрѣлчей пищали; куды я р. б. поиду, созади меня раба божія крестъ и спереди меня крестъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ кресты, куды я р. б. имр. поиду, крещуся небеси и на земли, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ аминь, аминь, аминь. На мори ключь креста Христова.

(Изображеніе креста).

Кресту Твоему поклоняемся, святое воскресеніе Твое славимъ. Господи, благослови Отче. Во имя О. и С. и св. Духа. Отъ замка, отъ решетки, отъ казны и отъ петелъ, отъ гвоздей, отъ шеппура,—Симеоне Отче, моли Бога о мене о рабѣ б.—отойди сатана и діяволъ, отойди отъ меня, отъ дула, отъ шеппура, отъ решетки, отъ решоточныхъ гвоздей, нѣту тебѣ мѣста; тутъ почиваетъ самъ Исусъ Христосъ и святая Троица и Владычица Госпожа Богородица и четыре евангелиста, Лука, Маркъ, Матвѣй Іоаннъ богословъ, стойте у дула и у пороха и у всей пищальной снасти. Святитель Христовъ мученикъ Никита, за насъ муки претерпѣвый, отгони отъ меня отъ р. б., отъ моей стрѣлчей пищали сатану и дьявола; бѣгаетъ отъ меня отъ р. б. золъ человѣкъ и діяволъ. Проклиная васъ я р. б. Богу молюся по вся дни и по вся часы, и по всякое время, и на всякую ночь, на молоду и на ветху и на перекрои, и на ущербіе и на прибыломъ мѣсяцу и на убыломъ, во вѣки вѣкомъ, аминь. Господи благослови Отче, во имя О. и С. и св. Д. аминь. Сохрани Господи моего слова и лихія моея думы, и завидящаго глаза и думы и помышленія моего, а сохрани Господи отца моего и матери, роду и племени, и женъ и дѣтей, и товарищевъ моихъ стачниковъ и всякого чину священническаго, иноческого и всякого чину русскихъ людей иноземцевъ и о невѣрныхъ, мужеского полку и женского, сохрани Господи слова и лихіе ихъ крови и завидящаго глаза и думъ и помышленій ихъ, отъ бѣлца отъ бѣлицы, отъ черница отъ черницы, отъ бѣлого, отъ русого, отъ черного, отъ черемного, отъ холостаго, отъ женатаго, отъ двоеженатого, отъ троеженатого, отъ двоезуба, отъ троезуба, отъ сутула и на переди покляпого, отъ горбатаго. Стану я р. б. п. благословясь, пойду перекрестяся гуляти со своею пищалію скорострѣльною на тихіе плеса, заводи утишныя, какъ усмотрю я р. б. и. гуси и лебеди и сѣрыя утицы и жаравли и всякую птицу крылатую и пернатую, сиди моя птица всякая крылатая и пернатая до моего пострѣлу на одномъ мѣстѣ, какъ камень, алатырь лежитъ на одномъ мѣстѣ, не слышитъ, не видитъ, ни стуку, ни грому, ни пищальнаго звуку не боится, такъ бы ты не боялась всякая птица пернатая и крылатая, высоко не отлѣтывалабъ отъ меня р. б. и., всякая птица пернатая и крылатая, по воздуху и по земли на ногахъ не отходила, и по водѣ не отплывала отъ меня р. б. отъ моей пищальной цѣли; какъ очи мои прочь отъ меня не отходятъ не отлетаютъ, такъ бы той птицѣ пернатой и крылатой, которую глазомъ увидѣть на земли ходячую и сидячую, и на водѣ плаваючи и на всякомъ древи сидячи, которую глазомъ увидятъ, ухо мое услышитъ, и той бы моей птицы до моего велѣнія прочь не отлетывать, во вѣки вѣкомъ, аминь, аминь.

Взять на отпѣваніи у мертваго человѣка воску вмѣсто и наговаривать: Какъ тотъ мертвой умертвился до втораго страшнаго пришествія Христова не вставати, очима свѣту не обезрѣвати, ногами по земли не хаживати, и рукъ отъ сердца не отымивати, такъ бы той моей птицѣ пернатой и крылатой, котору глазъ мой увидитъ ухо услышитъ, которую я р. б. вкругъ обѣжу на земли и на деревахъ сидячу, и той бы моей птицѣ изъ моего кругу не вылетать, очима свѣту не видать, а крыльямъ по воздуху не махиваться, и ногами по земли не хаживать и отъ моей пищалной цѣли, во вѣки вѣковъ, аминь.

Крестъ Господень прогоняя своей силой гонитъ силу діаволю, прогоняетъ въ бездну, во дно адово, у того стиха ключъ съ неба сойдетъ, тогда меня р. б. стоять и мою стрѣлчую пищалну и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Богородица Дѣво радуйся.

(Составлено г. Хрущовымъ).

47. Молитва прикосная на звѣря.

Стану я рабъ божій И. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ дверь, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ самъ Іисусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промышлять разныхъ звѣрей: кривоногихъ, черноухихъ, красныхъ, черныхъ лисицъ и бурнастыхъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня самъ Іисусъ Христосъ къ Егорію храброму чудотворцу: онъ тебя научитъ ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, черныхъ, красныхъ и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію храброму

чудотворцу; онъ сидитъ выше тридевяти апостоловъ: Научи же меня ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію, не ослушайтеся меня р. б. Н. Егорій храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня р. б. Н. веревки, капканы, тугіе луки и самострѣлы лонскаго году, снимаетъ и вновь становитъ, и самъ святымъ духомъ наказываетъ и паговариваетъ: Ой, еся звѣри лисицы, подьте, побѣжите отъ тридевяти ловцовъ, отъ тридевяти промышленниковъ къ рабу б. Н. по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ, изъ подъ вычепу не видѣть пи пружинья, ни капканья, ни подхода моего, впередъ безъ ускоку, назадъ безъ усмотру, ушкомъ не кивпите, глазомъ не мигпите, на сторону не скочите, назадъ не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши въ ловушку; ой, еси звѣри кривоноги, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловетскіе звѣри лисицы, если не побѣжите сквозь петли и капканы сквозь тугіе луки и самострѣлы, Господь нашлетъ съ небесъ огненное пламя и васъ лисицъ сожжетъ и спалитъ, не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны пещеры; вѣкъ по вѣку, доскончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова имки, ярки на новчю и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словахъ ключъ и замокъ, ключь щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ моя надежда.

Какъ идутъ съ ловли:

Какъ на мой булатной ножъ никто пе можетъ думой подумать, мыслей помыслить, рѣчи выговорить, также на меня раба б. Н. на всѣ мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я р. б. Н. съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огнемъ забытомъ; ежели завидитъ человѣкъ черной, черемной, частозубой, рѣдкозубой, женка бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьячекъ, дьячица, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, отъ товарищевой семьи, черь моей думы, черь *) моей рѣчи, черь моей крови отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ говедуна, **) отъ говедуньи, отъ всякаго злаго человѣка и всякую злую завидищею кровь, злому лихому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, дверсты ***) въ глазъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ.

Говорить три раза на ножъ, или на сукъ дерева, или на комъ снѣга. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать.

(Доставлена въ г. Холмогорахъ, Холмогорскимъ мѣщаниномъ Палеховымъ.)

48. Охотничьи заклинанья.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ кипарисъ-древо; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Мать Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три прута: прутъ желѣзный, прутъ мѣдный, прутъ серебрянный. Ударю я первымъ прутомъ по сырымъ лѣсамъ, ударю я другимъ прутомъ по мхамъ, по болотамъ: сырые лѣса сшатаются, мхи-болота сколеблются; разбѣжатся бѣлые звѣри горностаи па всѣ на четыре стороны: побѣгите вы, кривоноги, черно-хвосты! Ударю я третьимъ прутомъ бѣлаго мужа жубрила. Ай, ты, бѣлъ мужъ жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и сивера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ, бѣлые звѣри горностали; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная идетъ неотпятно, такъ идите на мой заводъ, на мои сгодья, къ моимъ плашкамъ, бѣлые звѣри горностали, а минуйте, проходите мои силья пасти; они не по васъ излажены. Кушайте по плашкамъ мои ѣствы: тѣ мои ѣствы лучше и слаще матерняго молока. Къ этому моему слову ключъ и замокъ отношу я къ окіанъ-морю. Есть на окіанѣ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ-камень Алатырь; подъ камнемъ стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключь и замокъ. Кто кругомъ окіанъ-моря обойдетъ, кто около окіанъ-моря песокъ вызоблетъ кто изъ окіанъ моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключь и замокъ мой достанетъ, — тотъ мой промыслъ попортитъ.

(Записалъ А. Харитоновъ въ Шенк. у.)

49. Слова горносталіе.

Стану я р. б. и. благословесь, пойду перекрестесь на добрыя дѣла, на промыселъ ловити бѣлыхъ звѣрей, горносталевъ чернохвостыхъ, помолюся Самому Исусу Христу Небесному Царю. Самъ Исусъ Христосъ Небес-

*) Черь—чуръ.

**) Говедунъ—волшебникъ.

***) Дверста—камень толченый, дресва.

ный Царь меня р. б. и. не ослышается, посылаетъ св. Николу на пособъ и на помощь ловить бѣлыхъ звѣрей горносталей чернохвостыхъ, хитрыхъ и мудрыхъ слугъ посылаетъ ко мнѣ р. б. и., приходитъ ко святому Николы, моитъ свои бѣлыя руки, утираетъ своимъ бѣлымъ полотенцомъ, садится на золотый стулъ, рушаетъ и редитъ сахарные ѣствы на бѣлаго звѣря, горносталя чернохвостаго на престолѣ: ѣшьте бѣлые звѣри горностали чернохвостые, ѣшьте наживки, рябка и пеструшку и мышку, буде вы бѣлые звѣри горностали чернохвостые, не станите ѣсть наживки, наложитъ той Никола на тебя бѣлаго звѣря горносталя чернохвоста тоску и сухоту, и велику тяготу, не можно тебѣ бѣлому звѣрю горносталя не жити, не быти; отмыкаетъ святой Никола земную широту, небесную вышину и роспускаетъ бѣлыхъ звѣрей горносталевъ чернохвостыхъ. Какъ идутъ и текутъ въ синее море быстрыя рѣки со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ же вы бѣлые звѣри горностали чернохвостые безъ отпяту и безъ отвороту на мое угодье къ моимъ плашкамъ, ѣшьте вы бѣлые звѣри и горностали, ѣшьте въ моихъ плашкахъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, буде не станете въ моихъ плашкахъ наживки съ концовъ и съ боковъ и со всѣхъ четырехъ сторонъ, наложитъ святой Никола тоску и сухоту и велику тяготу, не можно тебѣ бѣлому звѣрю горносталя чернохвостому безъ моихъ плашекъ и безъ моихъ наживокъ не пити и не исти, знаю не знаю, помню и не помню, исполни Господи слова сіи.

Придешь къ первой плашки, проговори: идетъ святый Никола, святый Георгій, бѣлому звѣрю горносталя чернохвостому чуръ васъ бьетъ отъ земли и до неба, и до небесной высоты, кто злой, лихой человѣкъ, завидливой подумаетъ—мыслитъ помыслитъ, порчами портитъ, уроками урочитъ, травами и словами, и кореньемъ и которыми злыми и лихими дѣлами, тотъ же лихой человѣкъ коломъ обился, сыченцу отпелсе, кровію отбѣлисе и будь у меня р. б. и. отъ моего лову и промыслу, отъ моихъ бѣлыхъ звѣрей горносталевъ чернохвостыхъ, и знаю и не знаю, помню и не помню, исполни Господи мои слова всѣ сполна.

Вымать горносталя изъ плахъ, приговоръ:

Приведи бѣлой звѣрь горносталь чернохвостый отца и матерь, жену свою и дѣтей своихъ, и весь родъ родъ свой ко мнѣ р. б. и. ко всякой плашкѣ, ко всякому мѣсту, подо всякой елью больше стараго, Господи Христосъ, сколько мнѣ надобно р. б. и.

Сей вышеписанной приговоръ изо плашекъ вымать горносталевъ, какъ оной попалъ лежитъ отъ плашки, такъ его сквозь плаху принимать и назадъ оттягивая вышеписанные приговоры наговаривай въ медъ, а медъ бери у церкви о трехъ праздникахъ: о Благовѣщеніи Пресвятыя Богородицы и недѣлю о Пасхи и Троицынъ день, по толикому числу храни въ удобномъ мѣстѣ, наживы мажь чеснокомъ, мажь противъ наживы верхную половину весьма, и бѣлка идетъ, какъ перваго горносталя упромыслишь, то изъ него сердце и печень вынь совсѣмъ и высуши въ чистой тряпки, вси слова наговори съ нею, и съ собой неси какъ промышляешь.

(Изъ старин. рукопис. сборника, присланнаго изъ с. Ваймуги).

50. Заговоръ о ловлѣ горностаевъ.

Сталъ я, рабъ божій (имярекъ), благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами въ чистое поле, за дворами, въ зеленые луга, въ темные лѣса на свой добрый промыселъ, ставить свои ловушки и поставушки свои пасти, деревянныя сосновыя плашки на бѣлыхъ звѣрей горносталей черноглазыхъ, широкоухихъ, коротконогихъ, чернохвостыхъ, умывшись водою съ матушки рѣки Пѣжмы. Какъ матушка Пѣжма рѣка срываетъ и смываетъ красно крутые бережка и мелкосыпучіе пески, такъ бы срывало и смывало съ меня раба божія (имярекъ) и съ моихъ ловушекъ и поставушекъ сосновыхъ, и въ моихъ мышьихъ и мясныхъ и рыбныхъ наживокъ и насторожекъ; и какъ матушка Пѣжма рѣка утекаетъ и убѣгаетъ въ океанъ—синее море, взадъ не ворочается, такъ бы и ко мнѣ рабу божію (имерекъ) и къ моимъ ловушкамъ и поставушкамъ, сосновымъ плашкамъ и къ моимъ наживкамъ и насторожкамъ, мышьимъ и мяснымъ и рыбнымъ, бѣлымъ горносталямъ черноглазымъ, широкоухимъ, коротконогимъ, чернохвостымъ взадъ неворочаться. Какъ матушка Пѣжма рѣка скоро течетъ и бѣжитъ быстрыми струями въ океанъ синее море, такъ скоро теките и бѣгите бѣлые горностали черноглазые, широкоухіе, коротконогіе, чернохвостые со всѣхъ три-девяти рѣкъ, со всѣхъ три-девяти озеръ и со всѣхъ четырехъ сторонъ въ мои ловушки, поставушки, сосновые плашки и къ моимъ столамъ поставленнымъ и ѣствамъ наложеннымъ, пейте и попивайте, ѣшьте и поѣдайте пищи медовыя сладкія и прѣсны, ѣствы сахарныя, черную, сѣрую, бѣлую, красную и полосатую мышь и заячье, и птичье мясо и водяную рыбу безъ-отступно и безъ-отворотно, а назадъ не возвращайтесь, попускайте на свои буйныя

головы и на свои ретивыя сердца, по утру рано и вечеру поздно, днемъ и ночью, по вся дни и по вся часы, во всякое время, вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку. Будьте мои слова хитры, мудры, дѣйствительны. Коль елико мечь, сабля и ножъ булатный и коса преостра, мои слова сильняе меча, сабли и ножа булатна и косы преострой.

Будьте мои слова крѣпки и горносталямъ лѣпки, какъ сосновая смола и еловая сѣра, моимъ словамъ ключъ и замокъ рѣка да песокъ.

(Доставилъ свящ. Карелинъ изъ с. Ровдина, Шенкур. у.)

51. Слова ловить векошъ.

Благослови Господи, Господь Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, во имя Отца и Сына и святаго Духа и во вѣки вѣковъ аминь. Стану я р. б. благословесь, пойду перекрестесь Христу на восточную сторону, на Божій свѣтъ осмотрю я р. б. на ясномъ небѣ первую звѣзду, противъ того осмотру на сырой земли порченика уросника или злаго призорника, злого завидящаго словесника или травеника или на меня р. б. или на товарища моего, или на мою собаку, или на мою всю лѣсну снасть, или на мой весь лѣсной промыселъ кто думатъ зломыслитъ, я р. б. возьму..... лукъ, накладываю мѣдну тетиву, емлю я р. б. и. костяну стрѣлу, пострѣлю я р. б. и. костяну стрѣлу, пострѣлю я р. б. на ясномъ небѣ первую звѣзду, противъ того пострѣлю на сырой земли порченика или призорника, злого завидника, словесника, травеника, или кто на меня р. б. и. или на товарища моего или на всю лѣсную снасть, или на мой весь лѣсной промыселъ лихо думаетъ, зло мыслитъ приговариваю я р. б. и. къ той костяной стрѣлы: полети ты костяная стрѣла въ чистое поле, въ темный лѣсъ, въ сырый боръ, въ сухое дерево лонгу, въ скрыпучее дерево, рошиби на мелкіе жеребки, и вышла та костяна стрѣла изъ сухіе лонги изъ скрыпучаго дерева. Еще я р. б. приговариваю къ той костяной стрѣлѣ: полети ты костяная стрѣла къ старому хозяину къ колдуну, къ вѣдуну и къ порченику, и къ урочнику или призорнику, злому завиднику словеснику или къ травенику ли, хто на меня р. б. и. и на товарища моего и на всю лѣсную снасть и на весь мой лѣсной промыселъ лихо думатъ, зло мыслитъ, и пади ты костяна стрѣла къ старому хозяину колдуну или къ вѣдуну, къ порченику къ урочнику, или къ призорщику злому завиднику, словеснику ли къ травенику въ серцо и печень и бѣлы груди, расколи ретивое серцо въ становыя жилы и въ сердечныя и въ ручныя и въ ножныя и въ подпятки и во всю его лѣсную снасть, въ оружіе и въ порохъ и въ свинцову пулю, собаку и въ товарища его, и какъ той сухой лонги скрыпучему дереву не отростать и не оживать, въ сыромъ бору не стоять, и такъ бы порченику, урочнику, призорнику, или злому завиднику словеснику, или травенику въ лѣсу не быть, промышленикомъ не бывать, съ оружіемъ не хаживать, не было бы ему приспоры ни въ хлѣбѣ ни въ соли, ни въ скотѣ ни въ животѣ, ни въ домашнемъ числѣ и въ лѣсномъ промыслу. Которыя слова въ оборонѣ и не въ договорѣ, будьте мнѣ р. б. въ помощь, а о помощь и впередъ поступайте; будь моя молитва во вѣки вѣковъ аминь.

52. На бѣличью ловлю.

Господи Боже благослови, Отче. Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, незнаетъ себѣ ни имени ни вотчины, ни отца ни матери, ни роду ни племени, и не страсти и не боязни, не имѣетъ въ себѣ не ума и не разума, и на ногахъ скораго и тихаго хожденія, ставанія, скаканія и не пути и не дороги, не днины не ночи, и тако же бы меня раба б. не огненаго моего оружья и свинцовой пули, ни пороху, не моей промышленой собаки бѣлые звѣри бѣлки и всякія поголовныя птицы не знали бы, и не имѣлъ бы о себѣ ни ума и не разума, въ ногахъ скаканія, въ крылахъ маханія и не страсти и не боезни, въ день подъ краснымъ солнцемъ въ ночь и подъ младымъ свѣтлымъ мѣсяцомъ, и находи на ихъ неумъ великой на древахъ, и будьте вы мои слова пушкой бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлкѣ и всякой поголовной птицы, будте крѣпки лепче клею, крѣпче синяго булату Святымъ Духомъ Божіимъ изволеніемъ Господнимъ благословеніемъ, всегда и нынѣ и присно во вѣки вѣкомъ, аминь; и не пути и не дороги и не дни не ночи, всегда бы были тихи кротки и смирены, какъ малой младенецъ нередъ матерію смиренъ, такобъ передомною р. б. бѣлые звѣри и всякія поголовныя птицы кротки и смиреныя.

(Извлечены изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинеж. у. кр. Хромцовымъ).

53. Отпускъ лисицъ ловить.

Молитва 1-я. Господи Боже благослови, есть трава во лузѣхъ Господаре, кто на миня р. б. и. то [1]) подумаетъ на мою лыжницу и на мой волокъ и на мой сахарной кусокъ [2]) и на моихъ лисокъ и лисавокъ и

[1]) Вар. тожъ.
[2]) Сахарное кусье.

на мои ловецкіи промыслы, и лиха бы на меня на р. б. и. не думали, а хто что подумаетъ и то [3]) ему кругъ [4]) головы да въ пазуху.

Молитва 2-я. Господи Боже благослови во имя О. и С. и св. Д. Свята Троица живоначальная и Георгій Страстотерпецъ Христовъ, покрываюся я р. б. и., оболокаюся [5]), подпоясываюся со оружіемъ, покрылся есми я р. б. и. отъ всякихъ людей и супостатовъ, противъ меня солнице, надъ главою моею мѣсяцъ, звѣзда моя въ нееси, связалъ: вы есте на семъ свѣтѣ вольномъ семдесятъ князей силнихъ, такоже есте свежити, нашихъ лихихъ людей и супостатовъ колдуновъ и колдуньей, вѣшняковъ и вѣщицъ, порчениковъ и порченицъ, стрижныхъ и пострижныхъ [6]), черныхъ и черемныхъ и сивыхъ и русыхъ, самоѣдиновъ и самоѣдокъ, старцовъ и старицъ, поповъ и попадей, дьячковъ и дьячицъ, пономарей и пономариць, кузнецовъ и кузпечиць [7]) посниковъ и лясниковъ [8]) и застниковъ и рыбниковъ, мужей и женъ [9]) и михоношъ своихъ и потъ [10]) свою думу и старыхъ и младыхъ людей и лихаго человѣка отъ меня р. б. и. и отъ моей лыжницы и отъ моего волока и отъ моего сахарнаго кусья, за верховище ударьте его въ сырую землю, шибите его въ сильное гнѣздо, чтобы онъ лихой человѣкъ лежалъ 12 дней безъ ума и безъ памяти, свѣта бы божія не видалъ и рукъ бы своихъ не обозрилъ по всякой день; и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ ни водою ни росою не залить и дождямъ не смочить, аминь моимъ словамъ и молитвамъ ключь и замокъ и вся крѣпость Святаго Духа, и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

По утру оболокатца и говоритъ молитва 3-я:

Господи Боже благослови я р. б. и. оболокаюсь солнцемъ и свѣтлымъ [11]) мѣсяцемъ, покрываюсь оболокомъ отъ земли и до небеси, около меня р. б. и. градъ Вифліемъ, а въ томъ градѣ породила Пресвятая Богородица Сына своего Господа нашего Исуса Христа,— ангелы и архангелы и всѣ лики святыхъ и св. Дмитрей Селунскій и св. Георгій храбрый, и тѣ миня оберегутъ и огородятъ своими скипетры, не дадятъ на миня р. б. и. и на мои промыслы и на мои ставушки и ловушки и на моихъ лисокъ и лисаковъ [12]) всякіе ловецкіе промыслы иноплеменникомъ лихимъ людямъ лихими отговорами [13]) лихими призорами двигнути служебника своего меня р. б. и. на царя Александра Македонскаго, ни стару, ни молоду, ни черну, ни черемну, ни бѣлу, ни русу, ни смуглу, ни сѣдуну, въ годахъ, ни колдунамъ, ни еретикамъ, всѣ тѣ предо мною какъ птицы предъ соколомъ. Даждь совершеніемъ [14]) вовѣки аминь. Завижу перейму мудрецѣмъ и цѣремисамъ [15]) татарамъ, еще я вамъ порченикамъ и порченицамъ, колдунамъ и колдуньямъ, вѣдуны и вѣдуньи переспѣшніи и переспѣшницы [16]) галилейцы [17]), одноженцы и двоеженцы и троеженцы, однозубы и двоезубы и троезубы, одноглазы и двоеглазыя [18]), черныя и черемныя, русыя и смуглыя и желтыя не мощно [19]), вамъ меня р. б. и. не уркнуть не испортить, но и метель не можетъ высоко летѣть не тяжело пасти, како ли [20]) изъ роженицы дитя темянемъ выйдетъ, тогда меня р. б. и. уркнутъ и испортятъ и изурочатъ; какъ отъ роженицы дитя теменемъ родиться не можетъ, такъ не можно порчамъ прямо летать на миня р. б. и. отъ нашихъ супостатовъ и отъ лихихъ людей на мои ловецкіе промыслы [21]) по всякой день и по всякой часъ во младѣ мѣсяцѣ и въ ветху и на перекроѣ, и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ водою и росою не залить и дождемъ не смочить, аминь моимъ молитвамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа аминь.

Молитва 4-я. Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду въ чистое поле, въ темныя лѣса своихъ смотрѣть лоушекъ и ставушекъ; и встрѣчу я, рабъ божій имярекъ, св. Георгія Храбраго, ѣдетъ св. Георгій храбрый на своемъ сивосивомъ конѣ, плеткой постегиваетъ, копіемъ погоняетъ черныя лисицы и лисавки, красныя лисицы и лисавки, бурасты лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы, бей болно и гони безпамятно и безотпятно и безъотворотно и [22]) моимъ ставушкамъ и лоушкамъ, по моей лыжницы по моему сахарному кусью во [23]) всѣ четыре стороны по

---

3) Инобы.
4) Вкругъ.
5) Оболокомъ.
6) Стриженныхъ и постиженныхъ.
7) Кузнецыцъ.
8) Польниковъ и лѣстниковъ.
9) Проп. веселыхъ.
10) Подъ.
11) И свѣтомъ.
12) Лесавовъ.
13) Огородами.
14) Съ утвержденіемъ.
15) Черемисамъ.
16) Перешніи переспѣшницы.
17) Галеницы.
18) Проп. и троеглазыи.
19) Не можно.
20) Когда ли.
21) На мой ловчей промыселъ
22) и къ.
23) Со.

всякой день и по всякой часъ тѣмъ моимъ словамъ замокъ святымъ духомъ, аминь.

Молитва 5-я. Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь въ чистое поле въ зеленую дубраву, смотрятъ на миня потаенники и помышленники и забаенники, не смотрите вы на меня, раба божія имярекъ, на мои ловецкіе промыслы всякіе, и какъ вамъ потаенникамъ ипомышленникамъ и забаенникамъ и заугорникамъ [24]) чревъ своихъ не видать и руды своей не пивать, такъ бы меня, раба божія имярекъ, и моего промыслу не уркнуть и не испортить и не изурочить порченникамъ и колдунамъ и вѣдунамъ, стрижному и постижному [25]), сутулому и горбатому, изъ лѣсу приходящему и съ поля видящему, на лѣсу лежащаго, сидяча и стоящаго [26]), закрой и защити Господи, отъ всякаго человѣка и супостата и отъ всякія лихія горячія крови по всякой день и по всякой часъ, а того моего огорода и тое моей молитвы, ни водою ни росою не залить, и дождемъ не смочить, аминь моимъ молитвамъ, ключь и замокъ и вся крѣпость св. Духа. аминь.

Молитва 6-я. Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле, умоюсь водою и росою, утруся тканымъ преденомъ [27]), и встану я, рабъ божій имярекъ, въ чистомъ полѣ между небомъ и землею, обтыкаюсь [28]) частыми звѣздами, подпояшусь бѣлымъ свѣтомъ, замкнуся младымъ мѣсяцемъ, помолюся [29]) Пречистой сущей Богородицы: Пресвятая сущая Богородица закрой и защити меня, раба божія имярекъ, ты своей ризой желѣзной и нетлѣнной, отъ колдуна отъ вѣдуна и отъ вѣдуновъ, отъ вѣшника и отъ вѣшницъ, отъ порченика и отъ порченниковъ [30]), отъ стрижнаго и отъ постижнаго [31]), отъ дохтура и отъ дохтурицы, отъ чернаго и отъ черемнаго, отъ сиваго и отъ русаго, отъ бѣлаго, отъ бояръ и отъ гостей, отъ нѣмець и отъ татаръ, отъ самоѣдиновъ и отъ самоѣдокъ, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ старцовъ и отъ старицъ, отъ веселаго и отъ михоноши [32]), и отъ своего поту, и отъ своей думы, отъ старыхъ и младыхъ людей, и отъ всякія лихія горячія крови, и отче, я тебѣ помолюсь, и отче, я тебѣ поклонюсь. Пресвятая сушая Богородица помолися же ты о мнѣ, рабѣ божьемъ имярекъ, Іисусу Христу Небесному Царю, о моемъ промыслѣ. Іисусъ Христосъ небесный Царь сотворивый небо и землю, и всѣ святители, святые Христовы, и сотворилъ Христосъ святаго Илію милостиваго, и св. Георгія Храбраго, и святаго бога Козму-Демьяна, я тебѣ св. Иліи милостивому помолюся и поклонюся о себѣ, рабъ божій имярекъ, и о моемъ промыслѣ, и какъ ты, св. Илія милостивый, на своемъ савосивомъ конѣ ѣздишь во всѣ четыре стороны, по крутымъ краснымъ горамъ по желтымъ пескамъ; и какъ ты св. Илія милостивый своимъ святымъ духомъ одымаешь и очищаешь бѣлъ снѣгъ съ крутыхъ горъ, съ желтыхъ песковъ и берега омываешь, очисти же ты съ миня, раба божія имярекъ, и съ моего угодія [33]), и съ моихъ ставушекъ и ловушекъ всякихъ, всякую порчу и всякую притчу, и кое прежде сего бывало; и какъ ты св. Илія милостивый украсилъ [34]) тридевять храмовъ, тридевять церквей — своихъ святыхъ божіихъ благодатіею Божіею, такожде ты меня украси, раба божія имярекъ, въ чистомъ полѣ въ зеленомъ лузѣ [35]), своимъ святымъ духомъ благодатіею божіею въ моемъ ухожьѣ, въ моихъ ставушкахъ и ловушкахъ, и какъ ты св. Илья милостивый, очищаешь тридевять храмовъ и тридевять церквей своимъ духомъ и какъ ты Илья милостивый убиваешь сатану и діяволовъ изъ своего огненнаго оружія, такъ же ты св. Илія милостивый — убей [36]) же моихъ порченниковъ и порченицъ, колдуновъ и колдуній, вѣдуновъ и вѣдуницъ, стрижнаго и постижнаго, дохтура и дохтурицъ, чернаго и черемнаго и русаго, князя и боярина, гостя и нѣмець, и татаръ, и самоединовъ [37]) и всякую лихую горячую кровь; и какъ ты Илія милостивый замыкаешь тридевять храмовъ и тридевять церквей божіихъ въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей, отъ сатаны и отъ діяволовъ, такожде св. Илія милостивый замкни меня, раба божія имярекъ, ставушки и ловушки, въ тридевять замковъ и тридевять ключевъ моихъ

---

24) Забаешники и заугольники.
25) Стриженному и постиженному.
26) Лежача и сидяча и стоячаго.
27) Тканымъ пряденомъ.
28) Отычусь.
29) И поклонюся.
30) Отъ порченицъ.
31) Отъ стриженнаго и постиженнаго.
32) Лихоной.
33) Ухожья.
34) Упросилъ.
35) Лѣсѣ.
36) Убивай.
37) Самоѣдцовъ.

въ желѣзной тынъ [38]), отъ колдуновъ и отъ колдуницъ, отъ вѣдуновъ и отъ вѣдунокъ и отъ вѣдуницъ, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка, крещенаго и некрещенаго, и кой колдунъ и колдунья, вѣдунъ и вѣдунья, и меня портитъ, кой сидитъ на печѣ и на воронцѣ и на голбечѣ, и на полатяхъ на кутникѣ [39]), на полу и на лавицы, на коникѣ и на шескѣ, на край поле на среди, на поче [40]) и на мосту, на дворѣ и на улицѣ и вытти глядеть [41]) и того убей, и будьте вы мои слова острѣе меча и сабли и всякаго оружія же желѣзнаго, и булату бритчае, и то моимъ словамъ ключь и замокъ, и вся крѣпость святаго духа, аминь.

Молитва 7-я говорить надъ звѣремъ надъ носомъ [42]).

Господи Боже благослови, посылай Христосъ сороковъ на тысящу атаману съ товарищи, аминь, аминь, аминь.

Да у перваго звѣря переломить нога передняя правая, а задняя лѣвая, а сердце вынять, да краски взять на платокъ, да подкурится когда ловъ потравится.

Молитва 8-я: Господи Боже, Исусе Христе, нашъ Вседержитель прообразилъ еси Мойсеовою палицею честнаго и животворящаго креста образъ Господа нашего Исуса Христа, его же далъ еси на соблюденіе душамъ и тѣлесамъ нашимъ на отгнаніе всякаго врага видимаго и невидимаго; Твоею, Господа, силою буду соблюденъ всегда я р. б. и. отъ всякаго злаго человѣка и отъ всякія пакости денныя и нощныя, и укрѣпи мя безъ пакости и безъ мятежа, сохрани мя недвижима [43]) соблюди и спаси раба своего, яко благословися и прославися пречестное и великолѣпное имя Твое Отца и С. и св. Духа нынѣ и присно, и в. в. аминь.

Молитва 9-я говорить на поросу [44]) послѣ 3-й молитвы:

Господи Боже благослови, помолюся и поклонюся я р. б. им. Исусу Христу, есть чистое поле и есть въ чистомъ поле море акіянъ, середи святаго моря акіяна есть святой златой шаломъ [45]) и есть стоитъ [46]) златъ дубъ, кореніе златое и всяко [47]) злато и весь дубъ златъ; подъ златымъ дубомъ есть тридевять братовъ, у тридевяти братовъ тридевять луковъ, у всякаго по три девять стрѣлъ, и помолюся и поклонюся я р. б. и. св. Георгію страстотерпцу и три девяти братомъ, поидите вы тридевять братовъ во всѣ четыре стороны, и святаго моря акіяна и святаго злата шолома, и во всѣ четыре стороны, въ восточную, въ полуденную, въ западную и въ нощную; заставайте же вы и залучайте же вы всякіе ловчіе [48]) звѣри, красныя лисицы и лисавки бурластыя, лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы, и всякіе ловецкіе звѣри заставайте же вы и залучайте же вы; св. Георгій страстотерпецъ гони ко мнѣ, пристеливайте ко мнѣ къ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ ко всякимъ изъ тридевяти луковъ по тридевяти стрѣлъ, отстрѣливай [49]) же вы отъ тридевяти ставщиковъ [50]), отъ тридевяти ловушниковъ, отъ тридевяти колдуновъ, отъ тридевяти вѣдуновъ; и св. Георгій страстотерпецъ гони ко мнѣ р. б. и со всѣхъ четырехъ странъ красныя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы ко мнѣ къ р. б. и. по всякой день и по всякую нощь и по всякой часъ, по утру рано и повечеру поздо, и камъ идутъ сколь скоро и борзо большія рѣки и малыя рѣчки, ручьи и паточины и бѣжатъ сколь скоро и борзо [51]), безотпятно и безотворотно, и безовсякаго отступанія и ослушанія, и такъ же бы шли и бѣжали ко мнѣ р. б. и. всякіе ловчіе звѣри, красныя лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы ко мнѣ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ, по моему волоку къ моему сахарному кусью безотпятно и безотворотно по всякой день и по всякой часъ, по всякую нощь въ утрѣ рано и въ вечеру поздо, заставайте же вы и залучайте же вы на утренной зори и на вечерной и на солнышномъ всходѣ; и еще я р. б. и. помолюся и поклонюся [52]). св. Георгію страстотерпцу, ѣзди же ты св. Георгій страстотерпецъ на своемъ савосивомъ конѣ, заставай же ты, государь, залучай же ты, государь, со всѣ четыре стороны: отъ тридевяти морь, съ тридевять поль, съ тридевяти озеръ, съ тридевяти рѣкъ, съ тридевяти болотъ, съ тридевяти зеленыхъ луговъ шли бы и бѣжали всякіе

---

38) Въ желѣзномъ тынѣ.
39) На коникѣ.
40) На порогѣ.
41) И выти гляди.
42) Надъ носовь.
43) Не движима.
44) На покрасу.
45) Шоломъ.
46) Святый.
47) И все.
48) Ловецкіе.
49) Отстрѣливаетъ же.
50) Стаушниковъ.
51) Къ морю.
52) Поворюсь.

ловчіе [53]) звѣри красные лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы всякія ловчія звѣри ко мнѣ р. б. и.; какъ всходитъ красное солнце и младъ свѣтелъ мѣсяцъ и частые звѣзды безо всякаго отступанія и ослушанія, шли бы и бѣжали ко мнѣ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ безотпятно и безотворотно, безо всякаго отступанія и ослушанія у [54]) млада мѣсяца, слава тебѣ и слову моему во вѣки вѣкомъ аминь.

Обережимая [55]) молитва 10-я.

Господи Боже благослови, Христе Сыне Божій, и я р. б. и. стану благословесь, пойду перекрестесь, спущается съ небесъ Николай скорый помощникъ съ двунадесяти учениками, садилъ [56]) Николае на три пещеры каменныя, емлетъ Николае скорый помощникъ три лука золотополосые [57]) и три стрѣлы золотоперыя, стрѣляетъ Николае и сберегаетъ меня р. б. и. отъ порченика отъ порченицы, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ черна и отъ черемна отъ бѣла и отъ руса и отъ киловата бѣса [58]) и отъ плешиваго и шутливаго, отъ женки бѣлоголовки, отъ дѣвки простоволоски и отъ своего помысла, младъ мѣсяцъ свѣтелъ ярки слова замокъ аминь, моимъ словамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа аминь.

И летятъ тридевять вороновъ въ восточную сторону на синее море и несутъ тридевять замковъ и тридевять ключевъ и стрѣтитъ Илія милостивый: куды вы есте воронье полетѣли, куды есте вы замки и ключи понесли; полетѣли мы, св. Илія милостивый, и понесли мы тѣ замки и ключи во святое море акіянъ отъ того р. б. и. и положимъ мы тѣ ключи и замки во святомъ морѣ акіанѣ подъ бѣлъ-святъ камень латырь, и какъ тѣ замки и ключи пескомъ замоетъ, водою замоетъ, и какъ тѣхъ замковъ и ключовъ не добыть изъ святаго моря-акіяна изъ подъ латыря каменя, и какъ того каменя незглодать всякому человѣку и меня р. б. и., и моихъ ловушекъ и ставушокъ, и моей лыжницы и моего волоченя, и моего сахарнаго кусья и моей добычи всякой лѣшебной не уркнуть и не испортить вѣдуну и вѣдуньи, колдуну-колдуньи, вѣщику и вѣщицы, порчепику и порченицы, стрѣжному и постижному и всякому человѣку крещеному и некрещеному, сиву волосомъ, русу волосомъ, черну волосомъ, черенему волосомъ и всякой лихой горячей крови и меня р. б. и. и моихъ ловушекъ и ставушекъ и моей лыжницы и моего волоченя и моего сахарнаго кусья и моихъ лисокъ и лисавокъ красныхъ бурнастыхъ, черныхъ лисочекъ и лисавокъ и моей добычи всякой лѣшебной неуркнуть и неиспортить, неизурочить по всякой день, по всякій часъ и по всякую ночь, по утру рано, по вечеру поздо, на утрянной и на вечерной зоряхъ, и кое слово забыто было и то слово впереди стало въ лутчемъ мѣстѣ, и кое слово прибавлено и то бы слово къ нимъ же пристало о младѣ мѣсяцѣ въ полнѣ и въ перекрои; тѣхъ моихъ молитвъ и словъ не водою не росою не залить, не дождемъ не мочить аминь, моимъ молитвамъ ключь и замокъ и вся крѣпость св. Духа отъ нынѣ и довѣка и вовѣки вѣковъ, аминь.

Надъ звѣремъ пришедъ говоритъ: Г. І. Хр. С. Б., помилуй мя грѣшнаго р. б. и. въ день и въ нощь, я тебѣ не завидникъ, я тебѣ не отретчикъ, я тебѣ не урочникъ, я тебѣ не отговорщикъ, я тебѣ не призорщикъ, нѣтъ тебѣ не уговорщиковъ, нѣтъ тебѣ не завидниковъ, нѣтъ тебѣ не урочниковъ, не отъ мужескихъ плодовъ, не отъ женскихъ плодовъ, не отъ лихія крови, не отъ лихаго человѣка, не отъ колдуновъ, не отъ колдуньей, не отъ вѣдуновъ, не отъ вѣдуньей, не отъ порчениковъ, не отъ порченицъ, не отъ стрѣшнаго, не отъ постижнаго, не отъ сутулаго, не отъ горбатаго, не отъ самоѣдина и не отъ самоѣдокъ, не отъ веселыхъ, не отъ лихопошъ, не отъ путниковъ, не отъ лѣсниковъ, не отъ засчинниковъ, не отъ рыбниковъ, не отъ моего поту, не отъ моей думы, не отъ старыхъ, не отъ младыхъ, не отъ всякихъ людей, не отъ первоженца, не отъ двоеженца, не отъ троеженца, не отъ первозубаго, не отъ двуезубаго, не отъ троезубаго, не отъ сива волосомъ, не отъ черна волосомъ, не отъ руса волосомъ, не отъ чернеца, не отъ черницы, не отъ схимниковъ, не отъ схимницъ, не отъ бѣлцовъ, не отъ бѣлицъ, не отъ отроковъ, не отъ отрочицъ, и такъ бы мой добытокъ не слышилъ, не видѣлъ не уроковъ, не уговоровъ, не прозоровъ, не стрѣчи, не притчи, не вѣдуновъ, не вѣдуньей, не вѣщиковъ, не вѣщицъ, не порчениковъ, не порченицъ, не старцовъ, не старицъ, не стречнаго, не постижнаго, не дохтура, не дохтурицы, не черныхъ, не желтыхъ, не путниковъ, не лѣсниковъ, ни рыбниковъ, ни заешниковъ, ни мужиковъ, ни женокъ, ни веселыхъ, ни лихоношъ, ни моему поту, ни моей думы, ни моей крови, ни старымъ, ни младымъ, ни всякимъ людямъ, ни сиву волосомъ, и такъ бы мой добытокъ не слышилъ, не видѣлъ по всякой день, по всякой часъ, по всякую ночь, по утру рано,

---

53) Ловецкіе.
54) Млада мѣсяца.
55) Обережная.
56) Садится.
57) Свой лукъ золотополосый.
58) Буса.

по вечеру поздо, на утренной зори и на вечерной зори, млада мѣсяца и вѣтха, въ полнѣ и въ перекроѣ, и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ ни водою, ни росою не залить, не дождемъ не смочить аминь, моимъ словамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа, нынѣ и присно и вовѣкъ вѣкомъ, аминь.

Говорить надъ звѣремъ надъ носомъ:

Господи Боже благослови, Отче посылай сорокъ [59]) на тысячу атаману съ товарищи, и какъ та лисица шла со всѣ четыре стороны къ моей лыжницѣ по моему волоченю [60]) и къ моему сахарному кусью безотпятно [61]) и безъ отвороту, и такъ же бы шли и бѣжали со всѣ четыре стороны всякія ловчія звѣри, красныя лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и ресомаки, и волки и волчицы и всякіе звѣри дорогоцѣнныя ко мнѣ р. б. и къ моей лыжницы по моему волоченю, къ моему сахарному кусью безъотпятно и безъотворотно, по всякой день и по всякой часъ и по всякую ночь, въ утрѣ рано въ вечеру поздо, на утрянной зори и на вечерной зори, и какъ тое лисицы вѣкъ по вѣку не хаживать, по свѣту и по земли. Трижды.

(Списано съ двухъ старинныхъ тетрадокъ доставленныхъ изъ с. Суры, Пинежскаго у. волостнымъ писаремъ Гр. Хромцовымъ).

54. На заячью ловлю.

Господи Боже благослови, І. Хр. Сыне Божій, во имя О. и С. и св. Д. аминь. Стану я р. б. и. святыхъ молитвъ проговорить сеи Христовъ день—отъ чего свѣтъ зачинается: зачинается свѣтъ отъ небесныя высоты, отъ земныя широты, отъ морскія глубины,—отъ чего божіи словеси поидутъ, божіи словеси поидутъ отъ святыхъ апостоловъ, сами святые апостолы переняли; есть же на чистомъ полѣ стоитъ храмъ божественный, на храмѣ стоитъ престолъ Господенъ, на престолѣ сидитъ Исусъ Христосъ на небеси и здѣсь ликъ бываетъ. Выйду я р. б. и. изъ избы дверьми, изъ двора воротами и поиду въ чисто поле ставлю я р. б. и. ловушки, петли, веревки, капканы, самострѣлы еловы и сосновы и бѣлы березовы. И поставь же Господи около моего промыслу по одну сторону тынъ желѣзенъ, а по другу сторону мѣденъ отъ небесъ до земли, отъ земли до небесъ, станетъ же бѣлой звѣрь заецъ жить по вечерней зори, поздо въ полночь, по утренной зори, какъ онъ не боится опалной въ палникахъ травы и отъ сучья и отъ бѣлого березника, такъ же бы пусть не боялся моей ловушки и моей лыжницы тропы отъ меня р. б. и. Есть на томъ же храмѣ святый великій Егореи, есть у великого Егорья конь бѣлой, плеть шелкова весьма долга, помолюсь и поклонюсь тебѣ св. Егорей: Ты еси, святый великій Егорей, востань же Господи на пособь и на помощь, возьми же ты своего коня бѣлого и плеть шелкову, зайди же ты кругъ бѣлаго свѣту, найди же ты бѣла звѣря заеца и лесицы красны, черны, бурнасты и росомаки, выгони по своимъ по старымъ тропамъ по любимымъ, станетъ же бѣлои заецъ по своимъ по старымъ тропамъ ити впереди идучи не посматривать, и въ сторону не поглядывать, назадъ не воротитча, буди станетъ впереди идучи не посматривать и въ сторону не поглядывать или назадъ думать, ино ты же святый великіи Егорей плегью остегни выбуди, выстегай прытко, шибко и ярко по моимъ петлямъ и веревкамъ ловушкамъ и самострѣламъ безотворотно, вовѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной изъ с. Суры, Пинеж. у. волостнымъ писаремъ Хромцовымъ).

55. Правила о заецахъ.

а) Господи Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я рабъ божій (имя рекъ) по утру рано, умоюсь ключевою водою, поклонюсь чуднымъ образамъ, пойду я рабъ б. им. на божій путь, на добрыя дѣла, въ чистое поле, въ темные лѣсы со своими ловушками. Стану я рабъ б. им. ставить свои ловушки на бѣлого звѣря, зайца, на всѣ на четыре стороны, возлѣ темные лѣсы, на полденную сторону, на западную сторону, на сиверную сторону, на восточную сторону, помолюсь Егорью храброму: Егорій храбрый свѣтъ, мой помощникъ! гони бѣлаго звѣря зайца ко моимъ ловушкамъ черезъ поля чистыя своему рабу божію имя реку, гони бѣлаго звѣря зайца со всѣхъ съ четырехъ сторонъ къ рабу божію имя реку жирового и набѣглого въ мои ловушки, бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ ко моимъ ловушкамъ, пади бѣлой звѣрь заяцъ въ мои ловушки, ѣшь бѣлой звѣрь заяцъ мою насторожку, зелепую вичку осинку. Како же на сподъ трава мурава отъ косы отъ булатныя (падаетъ), такъ же палъ бѣлой звѣрь заяцъ въ мои ловушки къ рабу божію имя рекъ. Будьте мои слова крѣпки, во присно, во вѣки вѣковъ, аминь.

---

[59]) Сороковъ.
[60]) Волочію.
[61]) Безъ отпяту.

б) Отнынѣ и довѣку уговариваю свои слова отъ урокъ, отъ призоровъ, отъ чернаго глазу, отъ чернаго волосу, отъ сѣраго глаза, отъ руса волоса, отъ черемна волосу. Бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ изъ-за рѣкъ изъ-за быстрыхъ, изъ-за лѣсъ изъ за темныхъ, чрезъ болота зыбучія, бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ ко моимъ ловушкамъ, къ рабу божію имя рекъ въ мои ловушки, по своимъ по тропкамъ, не устрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духа, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ. Прибѣжалъ бѣлой звѣрь заяцъ ко моей ловушкѣ, принялся за мою насторожку, за зеленую вичку за осинку. Пади моя ловушка на бѣлаго звѣря на зайца, на буйную главу, на ревные на ножки. Слава тебѣ, Отцу и Сыну и св. Духу, ни присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

в) И та моя молитва раба божія имя рекъ,—молился я рабъ божій имя рекъ Егорью храброму: какожде ярова пчела вьется около маточки, такожде бы бѣлой звѣрь заяцъ вился около моей, раба божія имя рекъ, ловушки, шелъ бы въ мою, раба божія им., ловушку и ѣлъ бы мою насторожку, раба божія им.; есть же у меня, раба б. им., на тропахъ, на ухожьяхъ стоитъ бѣлая осинка. Пейте и ѣшьте въ моихъ ловушкахъ въ садкахъ и въ куломахъ бѣлые, чалые, сѣрые зайцы короткохвостые и кривоногіе и черноусые и черноушные и по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ; и пьютъ, и ѣдятъ и въ саткахъ и въ куломахъ бѣлую осину съ комля и до вершины. Сколь сладка и паточна вамъ бѣлымъ, пчолымъ, ярымъ зайцамъ короткохвостымъ и кривоногимъ и черноушнымъ медвяная роса и травы сладки и паточны, и въ молодѣ мѣсяцѣ и сполна, въ ветху и перекроѣ и въ межныхъ дняхъ, по утрянымъ зорямъ и по вечернымъ по всякой день, по всякой часъ, и пейте и ѣшьте бѣлую осину съ комля и до вершины въ тѣхъ же ловушкахъ, въ саткахъ и въ куломахъ. Какъ изъ неба и снѣгъ и дождь падатъ и валится на землю безотпятно безотворотно, какъ изъ лѣсу у меня, у раба божія имя рекъ листъ, валится на землю безотпятно, безотворотно, такъ же бы у меня раба божія им. пали бы и валились въ мои ловушки, въ сатки и въ куломы бѣлые, пчолые, ярые зайцы короткохвостые и кривоногіе и черноусые и черноушные безотпятно безотворотно, ко мнѣ, къ рабу б. им., по всякой день и по всякой часъ и время, въ молодѣ мѣсяцѣ и ополни, и въ ветху и перекроѣ, въ межныхъ дняхъ; не устрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духу, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ. И будте у меня у раба б. им. слова крѣпче бѣлаго горючаго камени и синя булату и въ заговорѣ, и въ договорѣ, отнынѣ и до вѣку; въ морѣ глава моя у меня, у раба б. имя река; и въ небѣ языкъ мой у меня, у раба божія имя река, во вѣки вѣковъ, и всѣмъ словамъ крѣпость, аминь.

г) Господи, Боже, благослови. У меня, у раба божія имя рекъ (наприм. Іоанна Авдотьина сына), осина дерево слашче изюму и сахару и меду и патоки и исть бѣлому звѣрю зайцу черноуху короткохвосту; подьте и потеките бѣлые звѣри зайцы ко мнѣ къ рабу божію Іоанну Авдотьину сыну, подъ мои подъпастины и подъ куломы со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ лѣта и съ сивера, съ востоку и съ западу, изъ ломовъ и со ржавчинъ, изъ за высокихъ горъ, кривыхъ наволоковъ ко мнѣ къ рабу божію, Іоанну Авдотьину сыну, подъ пастины и подъ куломы; подъѣдайте и подсысайте на перу за сторожевой сукъ, по всякой день и по всякой часъ, по всѣ времена, въ день по солнцу, а въ ночь по мѣсяцу по частымъ звѣздамъ.

д) Господи Боже, благослови. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабъ божій имя рекъ благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я рабъ божій имя рекъ въ чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточную сторону и на всѣ четыре стороны. Есть у меня, у раба божія имя рекъ въ чистомъ полѣ кобыла дикая, есть у ея, у кобылы у дикія, тридевять жеребцовъ, три два и одинъ жеребецъ и какъ тебя, кобылу дику, три и два и одинъ жеребецъ подсысаетъ и подъѣдаетъ, такъ же бы у меня, у раба божія имя рекъ, прибѣгали бы бѣлые звѣри, зайцы криволапые, черноухіе со всѣхъ съ четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу, съ лѣта и съ сѣвера, по всякой день и по всякой часъ подсѣкали бы и подъѣдали бы у меня, у раба божія имярекъ, на передъ сторожимой прутокъ бѣлые звѣри зайцы, криволапые и черноухіе и не ослышались бы меня, раба божія имя рекъ, въ день по солнышку и въ ночь по мѣсяцу и по утру рано и по вечеру поздо, по утрянной зорѣ и по вечерней зорѣ, подсѣкайте и подъѣдайте у меня, раба божія имя рекъ, бѣлые звѣри зайцы безотходно и безотпятно. И кое мое слово назадъ и тое мое слово будь напереди, и кое мое слово въ забытье и то же мое слово тутъ же будь, и тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ отъ нынѣ и до вѣку во вѣки вѣковъ, аминь и тѣ мои слова трою заключены: слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Когда у тебя, у бѣлаго звѣря зайца нога сростется, тогда у меня, у раба божія имя рекъ, статья побьется.

е) Взять соли въ Великой Четвертокъ и та соль хранить до Покровской субботы, и въ ту соль приговаривать та статья, а въ избу той соли не носить:

Какъ къ тебѣ, Михаилъ Архангелъ, сбирается народъ божій къ церкви, такъ бы ко мнѣ, къ рабу божію имя рекъ, сбѣгалися бы бѣлые звѣри зайцы, криволапые и черноухіе со всѣ четыре стороны, со востоку и съ западу, съ лѣта и съ сивера.

Брать ту траву канунъ Иванова дни въ вечеру, а ту траву трою дергать въ трехъ мѣстахъ, а окуриваться той травой трою.

ж) Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сѣку я рабъ божій имя рекъ медъ да патоку, сахарные ѣствы бѣлому звѣрю, зайцу черноуху и черноусу, пить да ѣсть, воскушать на здравіе, сѣку да рублю, тѣмъ словамъ ключь и замокъ, аминь.

з) Стану благословесь, пойду перекрестесь, я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, изъ двора воротами, да поклонюсь и помолюсь на всѣ четыре стороны, пойду на божіи дѣла, на божій путь, стану ставить платочки, ловушочки на бѣлаго горносталя на чернохвоста. Бѣжи бѣлъ горносталь изъ-за рѣкъ изъ-за быстрыхъ, изъ-за лѣсъ изъ-за темныхъ, чрезъ болота зыбучіе, бѣжи ко моимъ ловушкамъ; прибѣжалъ бѣлъ горносталь ко моимъ ловушкамъ, только скочилъ, спрянулъ, завидѣлъ мою ловушку, поночалъ своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, схватилъ бѣлъ горносталь въ моей ловушечкѣ, принялся за животцу, моя плашечка возбудилась, прихватила бѣлаго горносталя чернохвоста по нутру, по самому животцу, по рѣзвымъ по ножкамъ по буйной головкѣ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Примѣты выше сего.

и) Во имя отца и Сына и Святато Духа. Стану я, рабъ божій имрекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я, рабъ божій имрекъ, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ какъ мертвецъ лежитъ въ сыро-матерой земли, не слышитъ и не видитъ колоколеннаго звона и попова пѣнья, такъ какъ же бы рыскучій звѣрь зайко не слышалъ и не видѣлъ моей шелковой петли и шелъ бы онъ, зайко кривоногой, черноухой и черноушой, безотпятно въ день по солнцу, а въ ночь по мѣсяцу, по частымъ звѣздамъ, при буйныхъ вѣтрахъ, по всякой день и по всякой часъ, по вся времена; слава Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

і) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану, благословясь, пойду перекрестясь, я рабъ б. им. изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле. Есть у меня раба б. им. въ чистомъ полѣ крѣпки веревки льняныя и конопляныя, есть же въ чистомъ полѣ синее море окіянъ, есть же въ синѣ морѣ окіянѣ тридевять островыхъ, есть же на тридевяти островыхъ тридевять лисицъ бурнастыхъ и тридевять долгохвостыхъ, есть же въ синѣ морѣ окіянѣ тридевять островыхъ, есть же на тридевяти островыхъ тридевять бѣлыхъ, пчолыхъ и ярыхъ зайцовъ, короткохвостыхъ, кривоногихъ, черноусыхъ и черноушихъ. Бѣжите и теките бѣлые, пчолые и ярые зайцы, короткохвостые и кривоногіе, и черноусые и черноушные, и бѣжите и теките лисицы бурнастыя, долгохвостныя и по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ, по своимъ по тропкамъ, по моему ухожью со восточную сторону въ сторону скачите: стоитъ желѣзный тынъ отъ земли и до небеси, назадъ попятиться вамъ бѣлымъ, пчолымъ и ярымъ зайцамъ короткохвостымъ и черноушнымъ, назадъ попятиться лисицамъ бурнастымъ долгохвостнымъ — и стоитъ храбръ Егорій и на сильномъ конѣ, самъ бѣлъ и кнутъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя и борода бѣлая, и залучаетъ и загоняетъ лисицъ бурнастыхъ долгохвостыхъ, залучаетъ и загоняетъ бѣлыхъ, пчолыхъ, ярыхъ зайцовъ короткохвостыхъ и кривоногихъ, и черноусыхъ и черноушныхъ, по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ, по всякой день, по всякой часъ и время божіихъ, въ молодѣ мѣсяцѣ и сполни, въ ветху и перекроѣ, въ межныхъ дняхъ; въ морѣ глава моя, въ небѣ языкъ мой у меня у раба б. им. Не устрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духа, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ; будьте у меня у раба б. им. слова во вѣки вѣкомъ, аминь, въ заговорѣ и въ договорѣ, отнынѣ и до вѣку, и крѣпче бѣлаго горячаго каменя и синя булату, и всѣмъ словамъ крѣпость аминь.

к) Господи Боже благослови Іисусъ Христосъ. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я, рабъ божій, благословясь, пойду въ чистое поле подлѣ синее море, подлѣ святое море окіанъ, и помолюсь я рабъ. б. им. святому и праведному Мамантію: золотой кнутъ удари далеко, тропи близко бѣлыхъ звѣрей зайцовъ и красныхъ бурыхъ черныхъ лисокъ, россомахъ и рысей; идите и бѣжите изъ-за тридевяти морей, изъ-за тридевяти ключеватыхъ ордъ; есть у меня, у раба б. им. яствы сахарныя, питья медвяныя, идите и бѣжите ко своему рабу б. им., льните и вѣсните въ мои нитки, въ новцѣ мѣсяцу, въ ветху и молоду, по всякой часъ, во всѣ времена, ключь и замокъ и архангельско слово, аминь.

А нитки прясть изо льну не слинить; а скать по солнышку и вымыть ихъ въ водѣ и выморозить на морозѣ, чтобъ до бѣла, а потомъ напарить въ котлѣ или въ горшкѣ всякой хвои и вымыть въ той водѣ, а оправлять въ рукавицахъ, не пятиться и не оглядываться на заячью тропу.

л) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Какъ въ веснѣ пройдутъ рѣки и ручьи и малыя поточины, а ихъ не имутъ ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и такъ меня раба б. им. не няли бы ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружья; и какъ рабъ божій лежитъ въ землѣ, отъ всего своего пришествія отшедъ, а не слышитъ и не видитъ, такъ птица тамъ сидѣла на землѣ и на водѣ, и на лѣсу, а не слышала бы и не видѣла, меня, раба б. им., и моей пищали, свинцу и пороху, до моего пострѣлу; и какъ я рабъ б. им. у тое птицы вышибу единое перо, не перо вышибу, вышибу ретивое сердце съ печенью и все нутро смѣшаю, какъ той птицѣ безъ сердца и безъ печени пельзя ни итти, не летѣть, такожъ и отъ тое раны нельзя ни итти и ни летѣть безъ единаго пера, и отъ меня раба б. им. и отъ моей пищали огненнаго оружія, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Сія говорить три раза.

м) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Есть святое море окіянъ, въ святомъ морѣ окіянѣ есть пупъ морской, воду беретъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а не имутъ его ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и такъ же я рабъ б. им. беру птицу съ земли и съ воды и съ лѣсу, а не нялибъ ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и моей пищали, свинцу и пороху огненнаго оружія отъ всякаго человѣка по землѣ ходящаго, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

н) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Есть святое море окіянъ, во святомъ морѣ окіянѣ есть камень латырь, на камнѣ латырѣ есть три брата родные, три друга сердечные: единъ судитъ, другой дѣла отправляетъ третій уроки заговариваетъ у меня, у раба б. им., и у моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружія. Три брата родные, три друга сердечные ставили кругъ меня, раба б. им., тынъ желѣзенъ отъ земли и до неба, отъ востоку до запада, отъ лѣта до сѣвера, изъ моря глубины придетъ царь морской съ тридевятью замками, съ тридевятью ключами, тридевять ворота затворити и тридевятью замками замкнетъ и ключи въ море броситъ, изъ моря глубины изъ пещеры выйдетъ рыба щука, и ключи пожретъ и въ море уйдетъ, што тое щуки взять нигдѣ ни ловцамъ и ни неводчикамъ, такожъ меня раба б. им. взять негдѣ и моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружія взять негдѣ же и никому не испортить, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

о) Господи Боже. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я р. б. им. сѣчи и ронить осину бѣлому зайцу широколапому и короткохвосту у меня, раба б. им., и пить, исть сахарные ѣствы; и буди моя осина слаще сладкаго винограда, и подай Богъ васъ мнѣ, рабу б. им., бѣлыхъ зайцовъ, широколапыхъ и черноухихъ и короткохвостыхъ, подай Богъ на всю ночь и на весь день, подай Богъ и укрѣпи Богъ въ колодѣ и въ кулемѣ, въ день при солнцѣ и въ ночи при мѣсяцѣ, ветха и молода, перекрои, въ межные дни, присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи.)

56. Заячьи слова.

а) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божіи N., благословесь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я на Двину рѣку, стану я р. б. на востокъ лицомъ, на западъ спиной, помолюся и поклонюся Царю Небесному и Матери Божіей Пресвятой Богородицы и буди я, рабъ божій N. промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей думы и мысли, и отъ своей крови, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ людской молвы, и отъ людскаго глаза. А кто злой лихой человѣкъ подуматъ на мой добытокъ и на промыселъ, тобъ ему самому давъ пазуху, а что онъ, радѣтъ себѣ, тобы и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ, во всякъ день и по всякъ часъ, тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ именемъ Господнимъ, духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Говорить слова на наживку и на зайца, какъ Богъ дастъ.

б) Буди мой заецъ и лисица не прикосливъ и не урасивъ, заецъ черноухій и бѣлохвостой, косолапой, бѣжи ко мнѣ р. б. N., борзо, безотпятно и безотворотно, бѣжи, не оглядывайся назадъ, не отворачивайся и не отпрядывай, бѣжи ты, заецъ и лисица, ежечасно, по своимъ тропамъ, а по моимъ ухожьямъ, а въ правой руки есть черное море, а въ лѣвой руки есть огненная рѣка, вправо скочить утонуть будетъ, въ лѣво скочить въ огненной рѣки сгорѣть будетъ, бѣжи заецъ и лисица, по своимъ тропамъ, а по моимъ ухожьямъ, въ мои ло-

вушки и поставушки, въ ленны конопляныя петли безотпятно и безповоротно, по всякъ день и по всякъ часъ, и на сторону не оглядывайся и назадъ не отво рачивайся и не отпрядывай, а за тобой, заецъ и лисица, бѣжитъ ежечасно 40 кобелей, гонятъ тебя, заецъ и лисица, въ мои ловушки и поставушки, въ ленны конопленны петли, по всякъ день и по всяку ночь и по всякъ часъ и на утренней зори и на вечерней зори, въ день подъ солнцемъ, въ ночь подъ мѣсяцемъ, и подъ частыми звѣздами и подо всею окружностію божію, и и тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ и словесамъ ключъ и замокъ, именемъ Господнимъ, духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ аминь.

Говорить на пленицы предъ образомъ божіймъ, когда свои пленицы ставить станешь.

в) Приговорить на зайца въ мырку какъ Богъ даетъ, провести хвоиной по правому боку три раза:

Стану я р. б: благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми, и выйду я въ чисто поле, згляну на восточную сторону и на восточной стороны окіянъ море, на окіяни мори лежитъ бѣлъ камень, на бѣломъ камню лежитъ гробъ Господенъ, у того гроба Господнего стоитъ Богородица съ четырьмя евангелистами: Іоаннъ и Лука, Матвѣй и Маркъ, и вся силы небесныя и отстреляйте отъ р. б. N. уроки и прикосы, и и откуда пришли и туда подите, и отъ царя и отъ царицы, и отъ старца и отъ старицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ мужика и отъ женки, и отъ парня и отъ дѣвки простоволоски, отъ черноволоски, и русоволоски, и красноволоски, и отъ двоеглазаго, и отъ одноглазаго, отъ слѣпаго, и отъ своей лихой думы и мысли, и отъ чужой думы и мысли, и рабъ божій которыхъ словъ не доумѣю и тѣ слова въ число, которыя слова налишны и неналишныя и ти слова не уменьшаютъ, и ти слова ключъ и замокъ отъ земли и до неба, отъ нынѣ и до вѣку и вѣкъ повѣку, аминь, за аминемъ аминь.

Приговорить на звѣря въ мырку, по правому боку провести хвоиной три раза и приговорить: Слава Богу добрымъ людямъ на похвальбу, а завиднымъ на завидость.

(Рукопись доставл. крест. Леонтьевымъ.—Пленицы или плёнки—волосяные силки.)

57. Заячій прикосъ.

а) Стану р. б N. благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми, выйду въ чистое поле и пойду подъ восточную сторону и стану я на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, покорюсь и помолюсь истинному Христу, царю небесному, и Пречистой Божьей Матери Пресвятой Богородицѣ, и постави Господи кругъ меня р. б. N. тынъ желѣзной, ограду каменну и гору кременну, отъ земной подошвы и до небесной высоты и до христова престола и со христова престола, и закрываетъ меня раба б. N. ризой своей и пеленой нетлѣнной и неизреченной отъ колдуна и отъ колдуницы, и отъ еретика и отъ еретицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ бѣльца и отъ бѣлицы, и отъ парня и отъ дѣвки простоволоски и отъ женки бѣлоголовки, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка и отъ всякаго зловомысленнаго супостата, и отъ своей лихой думы и мысли, и кто на меня р. б. N. зло подумать и лихо помыслитъ, и тому лихому человѣку пройди сквозь языкъ и сквозь щеки желѣзная спича, и на очи ему лихому человѣку наверги бѣлое бѣльмо, да ему же Пречистая Богородица пропусти огненную рѣку отъ востока и до запада, отъ лѣта и до сѣвера, и который огнь отъ враговъ и супостатовъ, и какъ стоитъ тынъ желѣзной и вереи булатныя и двери укладныя и замки благословенные и ключи Давыдовы, во имя О. и С. и Св. Д. аминь. Заключается ключь въ мори, а замокъ въ роти, и будьте мои слова крѣпки и прытки во вѣкъ вѣковъ, аминь, и ни кто бы моихъ словъ не могъ не переговорить, и назадъ отговорить, аминь, за аминемъ аминь.

б) На лоушки говорить три разъ:

Стану я р. б. N. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду я въ чистыя поля, въ темныя лѣса ставить своихъ ловушекъ и поставушекъ ленныхъ, конопленныхъ петелъ для бѣлыхъ звѣрей зайцей и для красныхъ лисицъ бурнастыхъ, покорюсь и помолюсь Егорью храброму: ой еси Егорій храброй, поди ты въ чистыя поля, въ темныя лѣса со своей съ брудой богатырской, выганивай и вылучай бѣлыхъ звѣрей заецевъ и красныхъ лисицъ бурнастыхъ на узкія тропы и на любимыя его угодья, бѣжите и скачите и глазами не гледите и ушами не тресите, назадъ не отпячивайся и неотворачивайся и не отпрядывай и въ сторону не отскакивай. Ѣздитъ Егорей храброй за тридевять землями за тридевять брынскими лѣсами за тридевять промышленниками за тридевять бѣлкосовъ, единъ Егорей храброй выганиватъ и вылучаетъ бѣлыхъ звѣрей заецей и красныхъ лисицъ бурнастыхъ исъ подо всякой вичи и вершины, говоритъ Егорей храброй: ой еси бѣлые звѣри заяцы, красны лесицы бурнасты, бѣ-

жите и теките въ мои лоушки, постанушки въ конопленыя петьли, и беретъ Егорей храброй свой тугой лукъ, натягиваетъ шелковую тетыву и стрѣляетъ своимъ тугимъ лукомъ, каленой стрѣлой, самъ Егорей приговариваль ко своей каленой стрѣлѣ: какъ отъ светаго Егорья летитъ каленая стрѣла, не отпячивается и не отворачивается и въ сторону не отскакиваетъ, и также вы заецы бѣлыя краевы лесицы бурнасты нельзя вамъ ни отпячиваться и ни отворачиваться и въ сторону ни отскакивать, есть у меня для васъ обѣ стороны узкихъ тропъ поставленъ тынъ желѣзной, нельзя вамъ отпячиваться и отворачиваться и въ сторону ни отскакивать, нельзя вамъ бѣжать въ мои ловушки, постанушки въ ленны, конопленныя петли, по моему прошенью, по Егорью благословенью, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь. Будьте мои слова крѣпче и зорче востраго ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, во вѣки вѣковъ, аминь. (Оттудаже).

Е. ОБЕРЕГИ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ НЕДУГОВЪ, ВОЛШЕБСТВА И ВНѢШНЕЙ СИЛЫ.

1. Отъ всякой болѣзни.

Господи Боже благослови! Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Какъ Господь Богъ небо и землю, и воду, и звѣзды, и сыроматерной земли твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной земли нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Господь меня раба б. имр.; какъ сотворилъ Господь, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы моя и кости моя и бѣлое тѣло мое, также у меня раба б. имр. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ ни которой болѣзни, ни крови и ни раны и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ, аминь.

(Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска.)

2. Тоже.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй, насъ. Стану я р. б. им. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двери въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ, въ восточной сторонѣ стоитъ буевой островъ; на томъ буевомъ островѣ стоитъ святое дерево, изъ толстаго святаго дерева выходитъ булатный быкъ, булатными рогами гору бодетъ, ногами скребетъ; и какъ у этого булатнаго быка булатные рога крѣпки не гнутся, и неломятся, и не плющатся, также бы у меня р. Б. и становая жила не гнулась бы и не ломалась, крѣпко бы стояла, какъ колъ, рогъ рогомъ стояла бы, столбъ столбомъ, стрѣла стрѣлой, копіе копьемъ, ни задъ бы, ни передъ не ломило, ни щипоты и не ломоты, не въ денныхъ часахъ, и ни въ нощныхъ часахъ, ни въ полуденныхъ и полунощныхъ, ни на молоду, ни на исходѣ мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки вѣковъ аминь. Во имя О. и С. и св. Д. Какъ громъ грянетъ и молнія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гремѣло; какъ не можетъ никто тварь Божію, солнце и луну, громъ и молнію постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе постановить. Аминь

(См. загов. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1865 г. № 1, статья Щапова стр. 60. Извѣстенъ и въ Архангельской губерніи.)

3. При родахъ.

а) Къ женщинѣ, начинающей мучиться родами, призываютъ повивальную бабку. Деревенская повивальная бабка, какъ только заходитъ въ двери къ больной говоритъ:

«Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте; поѣзжайте, поѣзжайте! Поѣхали, поѣхали; ѣдутъ, ѣдутъ».

Это говорится для того, чтобы больная скорѣе разрѣшилась отъ бремени. Послѣ этого бабка осматриваетъ больную и начинаетъ помогать ей своими средствами

б) Бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ:

«Я тебя, квашеночка, творю съ вечера до утра; такъ бы робицѣ Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный.»

И даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки.

в) Если приведенныя слова не помогаютъ, то бабка наливаетъ въ какой либо сосудъ воды и шепчетъ просебя въ воду три раза слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христосъ, Мати Марія родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвши, не стонавши и люди не слыхавши. Такъ бы рабицѣ Божіей (имя рекъ) родить младенца не стонавши, не болѣвши и люди не слыхавши.

И даетъ эту воду пить больной.

г.) Не помогаютъ и эти слова, также въ воду говоритъ другія:

«Во имя «Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабица. Божія (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами, въ восточну сторону. Въ восточной сторонѣ съ небесъ стоитъ серебрянная лѣстница, по серебрянной лѣстницѣ ползетъ Мать Пресвятая Богородица съ золотыми ключами, съ шелковыми поясами, отпирать, отмыкать мясной ларецъ. Я рабица Божія помолюсь и покорюсь: Мать Пресвятая Богородица отпирай, отмыкай у рабицѣ Божіей (имя рекъ) мясной ларецъ, выпускай отрока (или отрочиху) на Божью волю, на бѣлой свѣтъ».

д) Это заклинаніе въ городѣ Холмогорахъ произносятъ такъ:

«Стану я рабъ божій (имярекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами. Выйду я въ чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточну сторуну. На той восточной сторонѣ стоитъ престолъ Господень. На томъ престолѣ Господнемъ сидитъ Пресвятая Мати Божья Богородица. И помолюсь, Пресвятой Матери Божьей Богородицѣ; Пресвятая Мати Богородица, соходи съ престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясные ворота, и выпущай младеня на свѣтъ и на божью волю. Во вѣки вѣковъ, аминь.»

Говорится трижды на воду, которую даютъ пить родильницѣ, или которою обкачиваютъ больную.

е) Еще средство при родахъ. Бабка идетъ за водой на рѣку, почерпаетъ ее въ свою посудину девять разъ и девять разъ говоритъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Матушка рѣка Вага дала мнѣ ключи пьяны, отпирала гору каменную, пропускала голову костяную.» И воду эту больная должна пить.

ж) Всѣ приведенныя здѣсь слова заканчиваются слѣдующимъ заклинаніемъ:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабица божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле задворами, къ окіяну морю. Въ окіянѣ морѣ есть сѣрый, бурый камень, на сѣромъ буромъ камнѣ сидитъ старъ матеръ человѣкъ, держитъ въ правой рукѣ желѣзный молотокъ, бьетъ побиваетъ, крѣпкія слова прибиваетъ: Я рабица божія (имя рекъ) помолюсь и покорюсь: «ты старъ матеръ человѣкъ, бей, побивай; мои крѣпкія слова прибивай. Возьми тридевять ключей, отпирай тридевять замковъ, положи мои слова, запри и замкни, снеси эти слова въ окіянъ-море, положи эти ключи подъ сѣрый бурый камень, чтобы люди не знали и рабы не слыхали».

(Заклинанія эти записаны въ Шенкурскомъ у. Е. Ивановскимъ, кромѣ одного, которое записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

4. Надъ новорожденнымъ.

а) Когда родится младенецъ, бабка обмываетъ его и кладетъ подъ образа приговаривая:

«Будь мое дитятко счастливо и талантливое; будь мое дитятко губернаторша или чиновница, попадья или протопопица.» А если младенецъ мужскаго пола, то говорятъ: будь губернаторъ, или чиновникъ и пр.

б) Послѣ этого, бабка беретъ у матери новойникъ, кладетъ его на пупъ новорожденнаго, беретъ его въ зубы и говоритъ:

«Грызу я загрызаю двѣнадцать грыжъ: грыжу пупевую, грыжу нутряную, грыжу сердцевую, грыжу шулятную.»

в) Послѣ родовъ бабка идетъ съ ребенкомъ и его матерью въ баню; въ банѣ беретъ кусочекъ хлѣба и говоритъ въ него слова:

«Какъ на хлѣбъ-на соль и на каменокъ ничто не приходитъ, такъ бы и на рабицу божію (имя рекъ), ничто не приходило: не притчи, не прикосы, не озѣвы, не оговоры и никакія скорби. Поставлю я кругомъ тебя (родильницы) тынъ желѣзный отъ земли и до неба, отъ востоку до запада.»

Хлѣбъ этотъ кладется въ пазуху родильницѣ.

г) Въ банѣ бабка въ воду, въ которой будетъ мыть младенца, кладетъ три камешка, которые беретъ изъ избы, съ улицы и изъ бани, и говоритъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Какъ эти камешки спятъ и молчатъ, никогда не кричатъ, не ревятъ и ничего они не знаютъ, ни уроковъ, ни призору, ни озѣву, ни оговору и никакой скорби, такъ бы и у меня рабѣ божій младенецъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревѣлъ и ничего бы онъ не зналъ: ни уроковъ, ни призору, ни озѣву, ни оговору и никакой скорби. Будьте мои слова плотно на плотно, крѣпко на крѣпко; къ моимъ словамъ ключь и замокъ и булатна печать.»

д) Часть воды бабка наливаетъ на каменку и говоритъ:

«Мою я младенца въ жару да въ пару, Какъ идетъ изъ каменки жаръ, изъ дымника паръ, изъ сѣней дымъ, такъ бы сходили съ раба божія всякія скорби и болѣзни.»

(Эти заклинанія записаны въ Шенкурскомъ у. Е. Ивановскимъ).

5. Отъ родимца.

а) У каждаго ребенка непремѣнно бываетъ болѣзнь названіемъ родимецъ. Всѣхъ же родимцевъ двѣнадцать. Они носятъ названіе по той части тѣла, которая болитъ у ребенка: родимецъ пуповой, сердцевой, внутренной, суставной, жиленой, костяной, волосяной, ножной, ручной, глазной, ревунъ и говорунъ.

Ребенка, подвергшагося родимцу, поятъ и моютъ водой, въ которую говорятъ слова:

«Грызу я загрызаю, уйму я унимаю на рабѣ божіемъ (имя рекъ), двѣнадцать родимцевъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ). Какъ мертвый отъ могилы не ворочаетса, такъ бы и на раба божія (имя рекъ) эти двѣнадцать родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

6. Отъ ночницы, или полуночницы.

Ночницей, или полуночницей называется болѣзнь ребенка, признаки которой: безсонница, подошвы на ногахъ бываютъ блестящія, при этомъ ноги ребенка постоянно бываютъ въ движеніи. Крестьяне думаютъ, что эта болѣзнь происходитъ оттого, что миѳическія существа, ночницы, щекочутъ дѣтей подъ подошвы.

По зорѣ носятъ ребенка по улицѣ и, обращаясь къ зорѣ, приговариваютъ трижды:

«Зоря-зоряница! возьми безсонницу, безугомонницу, а дай намъ сонъ-угомонъ.»

(Записанъ въ г. Холмогорахъ).

7. Тоже.

Берутъ ножки ребенка, складываютъ вмѣстѣ, потомъ огаркомъ спички чертятъ крестъ на крестъ вдоль и поперегъ, приговаривая:

«Ариды и мариды, ариды и макариды, уймите и уговорите у раба божія N ночницу и полуночницу, чтобъ она вѣкъ не была и не щупала, вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку. Будь мои слова крѣпки и заговористы, и тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, во имя Отца и Сына и св. Духа.»

(Записалъ Огородниковъ въ Соломбалѣ).

8. Отъ полуношницы.

Берутъ больное дитя на руки, подымаютъ его вверхъ и трижды его ногами касаются матицы; при этомъ трижды плюютъ и приговариваютъ:

«Во имя О. и С. св. Д. Полуношница Анна Ивановна, по ночамъ не ходи, рабой божьей N. не буди! Вотъ тебѣ работа: днемъ играй пестомъ да ступой, а ночью матицей, вовѣки вѣковъ, аминь.»

(Записанъ въ г. Холмогорахъ).

9.

Въ банѣ трутъ ноги ребенка о потолокъ и говорятъ.

«Какъ эта матица съ потолочинами спитъ и молчитъ, никогда не кричитъ, не реветъ; такъ и самой ребеночекъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревѣлъ.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

10.

а) Если ночницы безпокоятъ младенца мальчика, то берутъ нарочно сдѣланные стрѣлку и лучокъ и, втыкая въ колыбель, приговариваютъ:

«Вотъ тебѣ стрѣлка и лучокъ; играй стрѣлкой и лучкомъ, а не нашимъ дитемъ!»

б) Если больна дѣвочка, то втыкаютъ прялку, кудель и вертено подъ матицу, со словами:

«Вотъ те прялка, кудешка и веретешко; пряди, а не дитемъ играй.»

(Записано въ г. Холмогорахъ).

11.

а) Больному мальчику кладутъ въ ноги топоръ со словами:

«Ночная полуночна, утренія полуутренна, денная полуденна, вечерня полувечерня, не тѣшься моимъ младенцемъ, на тебѣ топоръ, сѣки и руби, отъ моего младенца отойди; дай моему младенцу спать и молчать, уснуть, умереть.»

б) Если дѣвушка, то кладутъ ей въ ноги прялку съ такими словами:

«Ночная полуночна, утренія полуутренна, вечерня полувечерня, не тѣшься моимъ младенцемъ, на тебѣ прялку; сиди да приди (пряди), отъ моей дѣвушки отойди».

(Записано Е. Ивановскимъ въ Шенкурскомъ у.)

12. Для чистоты тѣла младенца.

Обливаютъ или окачиваютъ младенца водою, приговаривая: «Съ гоголя вода, съ младенца N. вся худоба! вода подъ полъ, младенецъ на полъ.»

Это дѣлается большею частью бабкой въ банѣ.

(Записалъ свящ. Ѳедоровъ въ с. Лисестровѣ, Архангельскаго уѣзда.)

13. Отъ чесотки.

Чесотку ребенка выводятъ такъ: мажутъ больное мѣсто сѣрой, смѣшанною съ сливками и дегтемъ; берутъ соръ изъ трехъ бань, пометъ курицы, листъ отъ чеснока, все это превращаютъ въ пепелъ, и мажутъ больное мѣсто. Или же берутъ однѣ сливки и говорятъ въ нихъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Идетъ красна дѣвка съ сухимъ вѣникомъ, тушитъ, гаситъ банную нечисть, мокры коросты. Какъ у этого вѣника листки сухи, такъ были бы и коросты сухи; какъ у этого вѣника листки падутъ, такъ бы и часотка спала.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

14. Отъ зубовъ.

Выпавшій зубъ дѣти бросаютъ въ то мѣсто, гдѣ есть мыши, съ приговоромъ:

«На тебѣ, мышка, рѣпной (зубъ), дай мнѣ костяной.»

(Шенкурскаго уѣзда).

15. Отъ дѣтской грыжи.

Повивальная бабка приговариваетъ: «Бабушка Соломонидушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или: заѣдала) мѣдными щеками, желѣзными зубами, такъ и я заговариваю у раба б. N.»

(Доставилъ священ. Ѳедоровъ изъ с. Лисестрова, Арханг. у.)

16. На грыжу.

Станетъ р. б. (имя рекъ) благословесь и пойдетъ перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами и станетъ подъ восточную сторону и заглянетъ за тридевять земель и за тридевять морей. Тамъ есть вылѣтаетъ златъ пѣтухъ, садится къ рабу б. N на голову и на темя, порхатъ и выпорхаетъ у р. б. N золотымъ своимъ крыльемъ и золотыма своима коктями вси грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросны и прикосны, улетаетъ у р. б. N изъ головы и съ темени; онъ уноситъ въ золотыхъ своихъ коктяхъ и въ золотомъ своемъ крыльи вси грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросни и прикосны, улетаетъ за тридевять земель и за тридевять морей. Въ томъ синемъ морѣ есть лютая змія, отдаваетъ златъ пѣтухъ той лютой змѣи изъ своихъ золотыхъ коктей вси грыжи и грыжухи, та лютая пріѣдаетъ и прижираетъ, тѣмъ сыта пребываетъ. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записано на Куръ-островѣ Холмог. у. помощ. миссіонера Батраковымъ).

17. Отъ грыжи.

Господи Боже благослови, Во имя О. и С. и св. Д. Есть море Окіянъ; въ томъ морѣ Окіянѣ есть бѣлой камень латырь, высота его 60 сажень, толщина его 60 сажень, поперекъ его 60 сажень. На томъ на камени латыри стоитъ хрустальный теремъ, въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на томъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ. Государыня ты красная дѣвица, дай ты мнѣ р. б. и. грыжныхъ словъ добрыхъ, грызетъ у меня раба б. вотчину золотная грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая гр., красная гр., родимая гр., привязанная гр., кила-грыжа, тазотеченная гр., отрочная гр., сердечная гр., десная гр., поясовая гр., водяная гр., кровавая гр., пригнойная гр., суставная гр., нутренная гр., верхняя гр., ручная гр. и ножная грыжа. Грызетъ та грыжа вѣтха мѣсяца и молода мѣсяца и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зорямъ и по вечернимъ зорямъ, и по всякой день и по всякой часъ и по всякое время. И возговоритъ красная дѣвица: ой еси грыжа, вошла еси ты въ р. б. N. въ вотчину щукою, и ты выйди изъ него окунемъ, и пойди къ бѣлому каменю, буди тамо до скончанія вѣка, да свей себѣ, грыжа, въ камени гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня р. б. N ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая грыжа у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять горъ головы, а неѣшь ты у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять древъ головы, а неѣшь у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа горькое древо осину, и неѣшь у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отъ нынѣ и до вѣку и до гробовой доски, въ день и въ ночь по всякій часъ, аминь.

Указъ: говори трижды на сало ворванное, или на кислыя шти, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и мазать безъименнымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызетъ.

(Изъ рукоп. статьи Ив. Костылева: Простонар. медицина въ Шенкур. у.).

18. Отъ грыжи.

Бабушка Соломонія мыла, парила раба б. *N.* въ парной байнѣ, заѣдала, загрызала и заговаривала грыжные грыжи у раба б. *N.* въ становой кости, въ пуповой жилы, въ рукахъ и ногахъ, заноготные и чишальные грыжи; не троньте и не грызите раба б. *N.* ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрою мѣсяцу. Пойдите грыжи изъ сѣньцей воротами, изъ байни дверьми, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть сѣръ камень, грызите грыжи сѣрый камень. Во вѣки вѣковъ, аминь.

Три раза приговариваютъ и за каждымъ разомъ трижды сплевываютъ.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

19. Отъ грыжи.

Говорить въ теплую воду, обданою на дресвѣ:

Господи Боже, благослови. Стану я рабъ божій Іоаннъ благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ акіянъ море и есть на акіанѣ-морѣ бѣлой камень, и есть подъ бѣлымъ каменемъ щука золотая и перье золотое и кости золотыя, и зубы золотыя, и приди щука къ рабу божію имяреку и выгрызи у р. б. имярека своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосцовую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всякую бывающую, и спустись грыжа къ поясу и выйди мочью и шулятами на дресвянъ камень, и поживи три часа денныхъ, и пойди грыжа съ дресвяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бываютъ, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ, и пойди грыжа за быстрыя рѣки и пойди грыжа за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись грыжа вспять, тѣмъ словамъ во вѣки вѣковъ, аминь:

(Выписано изъ стариннаго сборника заклинаній).

20. Зубныя слова.

Стану я р. б., благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле, подъ восточную сторону, къ синему морю. И есть въ чистомъ полѣ подъ восточной стороной лежитъ бѣлодубова гробница, и есть въ той бѣлодубовой гробницѣ Іюня мертвецъ, и какъ у того Іюня мертвеца зубы не болятъ, мясо не пухнетъ, червь зубовъ не точитъ, такъ же бы у меня раба б. N зубы не болѣли, мясо не пухло и червь зубовъ не точила. Вѣкъ повѣки, отъ нынѣ и до вѣку. Будьте мои слова полны не договорны и не переговорны, которое слово учитель недоучилъ или самъ ученикъ позабылъ, то слово не отставай, въ тотъ же аминь приставай. Аминь.

(Изъ рукописнаго дѣла, доставленнаго изъ Шенкурскаго уѣзда: «Нарядъ Устьпаденскаго приказа о доставленіи въ Архангельскую уѣздную контору свѣдѣній для составленія этнографіи чиновникомъ особыхъ порученій г. товарища министра удѣловъ, 8 апрѣля 1847 года»).

21. Отъ зубной боли.

Если у какого человѣка болятъ зубы, то берутъ шепотки въ соль и кладутъ на зубы.

Стану я р. б. N благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле задворами въ восточную сторону, по пути же мнѣ святые Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, на супротивъ ихъ въ синемъ окіянѣ морѣ плаваетъ утоплой мертваго человѣка трупъ, а по-подъ ясному небу летитъ ясной соколъ, и спрашиваютъ св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертваго человѣка трупъ, не болять ли у тебя зубы, не шипятъ ли шоки, не гризетъ ли алаковъ? Отвѣтъ имъ держитъ мертвой трупъ съ синяго моря: св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ, у мертваго человѣка не болятъ зубы, не шипитъ щокъ и не грызетъ алаковъ, а у яснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у р. б. N не болѣли бы зубы, не шипѣли бы щоки, не пришевели губы и не грызло бы алаковъ, вѣкъ по вѣку отъ нынѣ до вѣку. Будьте мои слова крѣпки, какъ камень на водѣ и на землѣ на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ моимъ добрымъ словамъ небо ключъ земля замокъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Нарядъ Устьпад. удѣльн. приказа о доставл. въ Арх. Удѣл. Конт. этногр. свѣдѣній 1847 г. за № 60.)

22. Отъ зубной боли.

Берутъ листокъ луку и говорятъ въ него: «Стану я рабица божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы двермы, изъ двора воротами, въ чисто поле задворами, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ стоитъ Лазарева церковь, въ Лазаревой церкви, на средней лавкѣ, стоитъ дубовая гробница; въ боду-

вой гробницѣ лежитъ Иванъ мертвецъ. У Ивана мертвеца не болѣла голова, не щимило зубы, не ломило кости, вѣка по вѣки отъ нынѣ до вѣка. Такъ бы и у р. б. (имярекъ) не болѣла голова, не щипило зубы, не ломило кости вѣки по вѣки, отъ нынѣ до вѣки. Будьте мои слова плотно на плотно, крѣпко на крѣпко, къ моимъ словамъ ключь и замокъ булатна печать.»

Лукъ кладется на больной зубъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.).

23. Отъ зубной болѣзни.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, рабъ божій им., до сходъ солнца, стану благословесь, и пойду перекрестесь; выйду въ чистое поле, въ широко роздолье. Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ лежитъ бѣлый камень Латырь. Подъ тѣмъ бѣлымъ камнемъ лежитъ убогой Лазарь. То я, рабъ божій им., спрошу убогаго Лазаря:-не болятъ ли у тебя зубы, не шепитъ ли щоки, не ломитъ ли кости.—И отвѣтъ держитъ убогой Лазарь: «рабъ божій имя рекъ, не болятъ у меня зубы, не шепитъ щоки, не ломитъ кости.» Такъ бы у меня раба божія им. не болѣли бы зубы, не шепило бы щеки, не ломило бы кости, въ день при солнцѣ, ночью при мѣсяцѣ, на утреней зори, на вечерней зори, на всякъ день, на всякъ часъ, на всякое время. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

(Заимствована изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ г. Шенкурска).

24. Отъ зубной боли.

Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь! Мѣсяцъ Генварь (или другой, тотъ, въ который произносится заговоръ). Спрашивалъ я, р. б., N. у Ивана Богослова: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Іоаннъ Богословъ спрашивалъ у Самаго Истиннаго Христа: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Рече ему Истинный Христосъ: не болятъ у мертвыхъ зубы до втораго святаго пришествія Христова. Также не болѣли бы и р. б. N. до втораго святаго пришествія Христова.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

25. Слова зубныя.

Говорить въ соль, вино, воду и пр.

Во имя Отца и Сына Св. Духа. Стану я, рабъ божей имя рекъ, благословесь слова говорить: самъ Господь Іисусъ Христосъ поди на помощь, явися Маій мѣсяцъ, восходитъ высоко и видитъ далеко въ чистомъ полѣ мертвыхъ много. Какъ у мертвыхъ зубы не болятъ, такъ бы у меня, раба божія имя рекъ, зубы не ныли и неунывали, черви не точили и не подтачивали. Какъ мертвый не слышитъ въ себѣ ни скорби, ни болѣзни, такъ бы я, рабъ божей имя рекъ, не слышалъ ни скорби, ни болѣзни, ни опухоли, ни щепоты, ни уразу отъ всякаго зла и лиха человѣка вся крѣпость Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у)

26. Отъ зубной боли.

Стану я рабъ б. N. благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми. Выйду я на широкую улицу, посмотрю и погляжу на младъ свѣтелъ мѣсяцъ: въ томъ младу мѣсяцу два брата родные, Кавель (sic) да Авель, какъ у нихъ зубы не болятъ и не шипятъ, такъ бы у меня раба. б. N. не болѣли и нещипѣли.

(Записано въ г. Холмогорахъ.)

27. Отъ зубной боли.

Четыре сестрицы Захарій да Макарій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянѣя, сами говорили, чтобы у раба б. N. щеки не пухли, зубы не болѣли, вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку,—тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ: ключь въ воду, а замокъ въ гору.

Наговариваютъ на воду, которую потомъ и выпиваютъ.

(Записалъ г. Огородниковъ. См. Труды Арх. Ст. К. 1865, стр. 41.)

28. Отъ зубной боли.

Взять три корешка земляники, пустить въ воду и сказать три раза: «Какъ земляника эта засыхаетъ и завядаетъ, такъ чтобы и у раба б. N. зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и пути занѣмѣли, по сей день, по сей часъ.» Положить корешки на зубъ, а воду пить.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

29. Отъ зубной боли.

Говорить три раза на вино:

Яостъ есть островъ, Яостъ полонъ людей, венъ при своей простотѣ, и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?) И молюся, я рабъ божій имярекъ, Пречистой Богородицы, чтобы Архану царю на Руси не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба божія имя

рекъ, зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнуть, зубамъ не болѣть, въ полнѣ мѣсяцѣ и въ ущерби мѣсяцъ. Моимъ словамъ небо и земля ключь и замокъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

30. Отъ ячменя.

Господи благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело *) почернѣетъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Смачиваютъ указательный палецъ слюною, и мажутъ имъ больной глазъ, приговаривая на палецъ три раза слова заговора.

(Записалъ г. Огородниковъ. См. труды Арх. ст. ком. за 1865 г., стр. 44.)

31. Отъ сучьяго сучка.

Воспаленіе глазнаго вѣка (сучій сучекъ) лечатъ искрами, высѣкаемыми изъ огнива прямо на больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зорѣ старшій или младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: «что сѣчешь?» Ему отвѣчаютъ. «Огонь огнемъ засѣкаю рабу Б. Н.» Больной опять говоритъ: «сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было!» Это повторяется три раза.

(Карм. кн. для любит. землев. изд. Рус. Геогр. Общ. 1848 г. Извл. изъ замѣт. о повѣр. и суев. жит. Арх. г., Верещагина стр. 312—320.)

32. Отъ боли глазъ съ озѣву.

Когда кто укоритъ другого какимъ либо недостаткомъ глазъ, съ пожеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не случилось съ нимъ этого, тогда непремѣнно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ:

«Сама себя озѣвала, сама себя окоркала, сама себѣ и пособлю.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

33 Отъ боли въ ушахъ.

Прикладываютъ дитя къ угловому кресту у избы, образующемуся изъ древесной сѣры, отъ дѣйствія жара, и говорятъ:

«Уголъ рубленъ и крестъ дубовъ. У того креста не болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло; и такъ бы у раба Б. Н. не болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утренню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на вѣтру, и ни на перекрою мѣсяцу. Вовѣки вѣковъ, аминь.»

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ.)

34. Утинъ прискать.

Утинъ, или спинную боль лѣчатъ, преимущественно старухи, слѣдующимъ образомъ: больной лежитъ ницъ черезъ порогъ и когда онъ такъ ляжетъ, лѣкарка-старуха кладетъ на спину его вѣникъ (листоватикъ) и ударяетъ по немъ остріемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ, больной спрашиваетъ: — что сѣчешь? «Утинъ сѣку!» Отвѣчаетъ лѣкарка.—Сѣки крѣпче!—говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больнаго утиномъ, выносится имъ на улицу и бросается на отмашку.

(Доставилъ священникъ Макаровъ изъ Шенкур. у.)

35. Слова-заговоръ косить (чтобъ не болѣла спина).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле, и въ зеленые луга; и какъ ростетъ въ зеленыхъ лугахъ трава и отъ Божей милости и отъ вѣтра колыбаетца и шатаитца и сгибаитца и не чуетъ въ себѣ никакія скорби и не болѣзни, также бы мнѣ, рабу божію имя рекъ, косою траву косилъ, шаталсе изгибалсе и не чюлъ бы въ себѣ устатку и въ спины своей некакіи скорби и не болѣзни; и сколько оная трава шатаитце отъ вѣтра и отъ всякой милости Божіей и не чуетъ некакого въ себѣ устатку и болѣзни, также бы мнѣ, рабу божію имя рекъ, сколько бы не косилъ и нечулъ бы въ себѣ и въ спины своей некакія болѣзни, не скорби и не устатку отъ нынѣ и до вѣку и до втораго Христова пришествія; и тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ, ключь въ мори, языкъ въ роти. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги. Холмог у.)

36. Противъ безсилія.

а) Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Есть святое акіянъ море, на томъ святомъ акіянъ море

*) Устье печи, откуда пламя и дымъ идутъ въ трубу.

есть стоитъ островъ, на томъ острову стоитъ дубъ булатной, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная; кругъ того дубу булатнаго вѣтромъ не согнетъ, вехоремъ не сломитъ, такъ бы у меня раба божія имя рекъ, стояли семьдесятъ жилъ и единая жила... на женской ликъ, на красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодицы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣмъ булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юности, и азъ, рабъ божій имя рекъ, возьму кузовъ ярости и юности, распущу ярость и юность на раба божія имя рекъ, въ ретивое сердце, въ 77 жилъ, въ едину жилу сердечную и въ единую жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаетъ рано, голову дымаетъ и поетъ весело, столь же бы стояли у раба божія имрекъ, 77 жилъ и едина жила... ставали бы рано на женской полкъ и на мужской, на молодыя молодицы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злаго человѣка порчельника, кто на меня зло думаетъ и мыслитъ, ударь его коленки о камень, убей его; у меня, раба божія им., стали 70 жилъ и едина жила... стали лучше стараго, хоробрѣе прежняго, что турей рогъ, что еловой сукъ, толь бы тотъ рабъ божій имр., пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. И пойду въ чистое поле и помолюся Истинному Христу Царю Небесному, и какъ стоитъ путъ желѣзный, жерновной не тряхнется, не ворохнется, не пошатается, такъ бы у раба божія имр., стояли 70 жилъ и едина жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста противъ женскія, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался. И какъ стоитъ желѣзное долото не сломится, не тряхнется; такъ бы у меня раба божія имр., 70 жилъ и едина жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста, противъ женскія. Какъ стоитъ... острога не тряхнется, не ворохнется, не пошатается, такъ же бы стояли 70 жилъ и едина жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста, противъ женскія, противъ нечистой и поганой, не тряхнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался бы, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить трижды въ воду чистую, испить не много, достальною обкатиться въ бани на парное тѣло.

в) Во имя отца и сына и Св. Духа аминь. Есть окіанъ море, на пуповинѣ морской лежитъ Латырь камень, на томъ Латырѣ камени стоитъ булатной дубъ и вѣтвіе и корень булатной. Коль тотъ булатной дубъ стоитъ крѣпко и плотно, столь бы крѣпко и плотно стоялъ бѣлой... ярый... п.....ная жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того камени выходитъ быкъ порозъ, булатны рога и копыта булатныя, и ходитъ около дуба булатнаго и тотъ дубъ бодетъ и толкаетъ и не можетъ того дуба сломить и повалить. Сколь тотъ крѣпко булатной дубъ стоитъ и сколь крѣпки рога у нороза, столь бы крѣпко стояла ярая п.....ная жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того Латыри камени вылетаетъ пѣтухъ, съ ними вылетаетъ тридевять куриць, и опъ пѣтухъ на тридевять куриць топчетъ и скачетъ пылко и ярко, сколь тотъ пѣтухъ пылокъ и ярокъ, столь бы тотъ рабъ божій имр., пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано со старинной рукописи, доставленной кр. Дохтуровымъ изъ с. Ракузы. Холмогор. у.)

37. Отъ стрѣлъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Не отъ вѣтра не отъ вихоря пришла сія стрѣла въ раба Б. N, и выходи сія стрѣла изъ раба б. N на укладъ, на желѣзо и на масло, тенесь, не ломись и не рвись. Всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Извлено изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. уѣз.)

38. Аще у кого сердце болитъ.

Говорить трижды:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Ѣдетъ мертвъ въ полѣ, и рече ему: «далече ли, друже, ѣдешь?» Ѣду за море на красныя дѣвицы, на бумажныя перины; тамо мертвые наши веселятся, сердца у нихъ ни болятъ, ни шипятъ, ни о чемъ не тоскуютъ; — и тако бы у раба Божія им рекъ, сердце на болѣло, не шепило, ни о чемъ не тужило. Сколь скоро сіе слово измѣнится, столь скоро и борзо у имя река сердечная тоска болѣзнь измѣнилась, вовѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинпаго рукописнаго лѣчебника доставленнаго изъ с. Пингишей, Холмогор. уѣз. свящ. А. Колчинымъ).

39. Отъ трясцы.

Писать по ровну на бумаги три имена:

Анфака, Іугалы, Θатутей.

(Изъ старинпаго лѣчебника, доставленнаго свящ. А. Колчинымъ изъ села Пингишей, Холмогор. у.).

40. Отъ лихорадки, или дрожжалки.

Больной, если хватитъ силы, идетъ въ лѣсъ, находитъ осину, кланяется ей и говоритъ:

«Осина, осина, возьми мою тресину, дай мнѣ леготу!»

Послѣ этого перевязываетъ осину своимъ поясомъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.).

41. Отъ лихорадки.

На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ камень алтырь. На томъ камнѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы, куда идете грѣшныя, окаянныя, проклятыя?—«Идемъ въ міръ, у людей кости ломать да силу вынимать». — Воротитесь грѣшныя, проклятыя, окаянныя. — «Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать, да по три раза въ годъ читать».

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

42. Отъ лихорадки.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. При морѣ Черномъ стоитъ столбъ каменный и всѣ тутъ стоятъ 4 евангелиста, Іоаннъ Богословъ, Лука, Матвѣй и Маркъ, и Ангелы Христовы, сами зрятъ на море. И вышедъ изъ моря 12 женъ сестръ простовласыхъ и окаянныхъ видѣніемъ и вопросиша ихъ святые Отцы и Ангелы: что вы за жены окаянныя видѣніемъ? куда идете? Онѣ же отвѣщаша, что идемъ искати и мучити рода человѣческа. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давати имъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣніемъ молиться: Господіе, ослабите намъ, и гдѣ заслышимъ имена ваша святія, то отъ того человѣка, раба Божія, бѣжимъ прочь за семь поприщъ. И вопросиша ихъ святые отцы и Ангели Христовы, что суть имена ваша? Онѣ же окаянныя сказаша имена своя: мы дщери Ирода царя, а зовутъ насъ трясовицами, а имена наша: 1. Кашея, 2. Овена, 3. Каса, 4. Орыста, 5. Оледья, 6. Ломея, 7. Кашлея, 8. Горлея, 9. Пухлея, 10. Вертея, 11. Желтица, 12. Горница. И рекоша имъ Святіи Отцы и Ангели Христовы: съ нами Богъ, и гдѣ заслышите имена наша святія и молитвы Іисуса Христа, то отъ того человѣка, раба Божія, бѣжите прочь въ крутыя горы, на семъ рабѣ Божіемъ (имярекъ) Христово знаменіе, крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ Ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ, и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ, крестъ избавляетъ всякаго человѣка вѣрующаго въ него. Аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Рече Ангелъ Господень: Заклинаю васъ, окаянныхъ, грозными воеводами Михаиломъ и Гавріиломъ Архангелами и Святыми Апостолами и Евангелистами, Іоанномъ Богословомъ, Лукою, Матвѣемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисиніемъ, всѣхъ огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ, да не прикоснется къ сему рабу божію (имярекъ). Аминь. Да воскреснетъ Богъ (говорить до конца). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони Богу, вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ Ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ. Аминь. О, великій пророче Предтеча и креститель Господень Іоаннъ и Святіи Апостоли, Христовые Евангелисты, Іоаннъ Богословъ, Лука, Матвѣй и Марко, и Святіи Архистратизи Божіи Михайле и Гавріиле и Святіи Козьма и Демьяне и Святіи 9-ть мученикъ и преподобный отецъ Сесиніи и всѣ Святіи, избавите сего раба божія (имярекъ), отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневицъ, трясавицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуньевъ и изжените изъ сего раба божія (имярекъ), изнутри и живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитать трижды передъ иконою надъ водой и потомъ этой водой вымыть больнаго и напоить и потомъ будетъо здравъ.

(Списано П. Б. Ефименкомъ со старинной рукописи).

43. Отъ трясавицы.

а) Напиши на служащей просфорѣ, дай ясти больному сію молитву.

Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Яко же святій Аркадій укроти львы въ пустыни, тако и ты, Господи, укроти трясавицу сію въ рабѣ божіемъ имя рекъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки, вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумагѣ, которую, когда болящій выноситъ три дня, сжечь, и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою:

Шедшу святому Сисенію отъ горы Синайскія, обрѣте бѣсища, имуща очи разжены и руце желѣзны и власы верблюжіе, и рече си святій Сисеній: — гдѣ идешь

нечистыя душе и откуду еси? — Она же отвѣща ему и рече: «азъ иду юность женску изсушити, млеко остановити, а младенцы погубити, очи возвратити человѣкомъ, а другіе родятъ глухи и нѣми, и погублю во чревѣ матернемъ.» Тогда помолися святій Сисеній Господу Богу, и предста ему святій архангелъ Михаилъ, ухвати ея, вкова десною рукою своею, и рече ей:— аще ми не кленешися, не отъидешь отъ руки моея,— она же клятся ему и рече тако: «мышца великаго Бога и непоколеблемая, яко не имать ти солгати, да аще кто можетъ изчитати дванадесятъ именъ моихъ, не имамъ приближитись къ тому человѣку, ни къ дому его, а имена моя 1-е Вящица, 2-е Бѣсица, 3-е Преображница, 4-е Убійца, 5-е Елина, 6-е Полобляющая, 7-я Имарто, 8-я Арія, 9-я Изъѣдущая, 10-я Негризущая, 11-я Голяда, 12-я Налукія». И рече ей архангелъ Михаилъ:—заклинаю, проклятая сатано, Іисусъ Христомъ, Сыномъ Маріинымъ, той изгонитъ трясавицу отъ р. б. им. и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честнихъ небесныхъ силъ, безплотнихъ, и святія пречистія преблагословеннія Владичицы нашеи Богородицы и Приснодѣвы Маріи и святаго великомученика и побѣдоносца Георгія и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясавица отъ р. б. им. Во имя Отцы и Сына и Св. Духа. Аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи въ Холмогорахъ.)

44. Списокъ о трясавицахъ.

Сей списокъ на пользу всякому православному христіанину отъ болѣзней трясавицъ.

Когда бываетъ у человѣка лихорадка, тогда надобно говорить надъ больнымъ человѣкомъ трижды, и говорить въ крещенскую канунскую воду, и крестъ или распятіе въ тужъ воду положить, и глаголя молитву сію:

Въ пречестномъ святомъ Окіянѣ морѣ стоитъ столбъ, на томъ столбѣ камень, и на томъ камени святый отецъ Сисиній, и узрѣ на морѣ видѣніе: возмутися вода до облакъ, изыдоша изъ моря 12 дѣвокъ простоволосыхъ и безпоясыхъ, и видѣніе ихъ діавольское. И спроситъ у нихъ святый отецъ Сисиній:—что вы за дѣвы?—Они отвѣчаютъ ему, окаянныи діаволѣ: «мы есть трясавицы, отца Филипа, брата Иродова, дщери, которой снялъ главу вашего Іоанна Предтечи. И рече имъ отецъ Сисиній:—почто вы пришли и куда идите?—Они же рѣша: «изъ рода христіанскаго людей мучити, аще кто зло творитъ и клевещетъ, безмѣрно упивается виномъ и объядается, заутрени просыпаетъ, обѣдни прогуливаетъ, мы тѣхъ добираемся и мучимъ немилостиво; они есть угодницы наши».

И поча молится, Господу Богу и Отцу святый отецъ Сисиній: Господи, избави родъ христіанскій, сихъ діаволѣй. И послалъ Господь три архангела: Михаила, Сихаила и Акноса, и четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матфея, Іоанна Богослова; и повеле ихъ окаянныхъ мучити и бити трема прутами желѣзными, по хребту и по чреву и по всему тѣлу, и даша по три тысячи ударовъ на каждый день; они же возмолишася: помилуйте ны святыя отецъ Сисиній и три архангела Михаилъ, Сихаилъ, Акносъ, помилуйте родъ христіанскій и рече окаянныи діаволѣ: «Господи и угодниче божій! гдѣ мы васъ заслышимъ, въ которомъ городѣ или страны, то мы того города или страны станемъ боятся и побѣжимъ отъ васъ за сто верстъ, и къ тому человѣку болѣе не придемъ.» Испросивъ у нихъ святый отецъ Сисиній и Михаилъ, Сихаилъ, Акносъ, какія ваши имена окаянныи діаволѣ.

Они же рѣша:

1-я рече: имя мнѣ Тресѣя.

2-я рече: имя мнѣ Огнія кипучая, какъ въ печи смольнима дровами сжгу человѣка.

3-я рече: имя мнѣ Недра, знобитъ человѣка, не можетъ онъ и въ печи согрѣтися.

4-я рече: имя мнѣ Ломѣя, ложиться на грудяхъ и подъ грудями и збираетъ у человѣка утробу, всю перемутитъ.

5-я рече: имя мнѣ Усма губилца, та ложится у человѣка въ грудяхъ, у сердца и находитъ хрепотой.

6-я рече: имя мнѣ Оглухища, уши затыкаетъ и голову ломитъ, ежели проминуетъ годъ, тотъ человѣкъ навѣчно будетъ глухъ.

7-я рече: имя мнѣ Томея; та человѣка такъ ломитъ, какъ буря сухое дерево.

8-я рече: имя мнѣ Пухея, та у человѣка плечи и утробу пушитъ.

9-я рече: имя мнѣ Желтѣя, тогда человѣкъ бываетъ желтъ, какъ въ куриномъ яйцѣ желтокъ.

10-я рече: имя мнѣ Окоркуща, та всѣхъ злѣе и проклятѣе, избираетъ ручныя и пожныя жилы, влечетъ.

11-я рече: имя мнѣ Гладея, та человѣку въ ночи спать не даетъ, бѣси приступаютъ и съ умомъ раздѣляютъ.

12-я рече: имя мнѣ Невея, сестра большая и старшая

трясавица, при усѣкновеніи честныя главы Предтечи несла главу на блюдѣ и всѣхъ зляе и проклятѣе, къ которому человѣку пристанетъ, тотъ не можетъ живъ быть.

Молитва надъ болящимъ человѣкомъ подобаетъ говорить въ канунъ-крещенскую воду священнику или простому мірянину:

Крестъ хранитель всея вселенныя; крестъ красота церквѣ; крестъ царемъ державы, крестъ ангеломъ слава, а діаволамъ язва. Во имя О. и С. и св. Д., аминь. Окаянныя трясавицы заклинаю васъ святымъ отцомъ Сисиніемъ и тремя архангелами: Михаиломъ и Сихаиломъ Акносомъ и четырьмя евангелистами: Лукою, Маркомъ Матфѣемъ, Іоанномъ Богословомъ.

Ты еси окаянная Тресея,
Ты еси окаянная Огнія,
Ты еси окаянная Недра,
Ты еси окаянная Ломѣя,
Ты еси окаянная Усма,
Ты еси окаянная Оглухища,
Ты еси окаянная Томея,
Ты еси окаянная Пухея,
Ты еси окаянная Желтѣя,
Ты еси окаянная Окоркуша,
Ты еси окаянная Гладѣя,

Ты еси окаянная Невѣя, сестра большая и старшая трясавица,—заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ и тремя архангелами Михаиломъ, Сихаиломъ и Акносомъ и четырьмя евангелистами, Лукою, Маркомъ, Матеѣемъ и Іоанномъ Богословомъ, и святыми безсребренниками Козмою и Даміяномъ, и страстотерпцемъ Георгіемъ побѣдоносцемъ, Димитріемъ мироточцемъ Артемономъ священномученикомъ. И побѣжите вы окаянныя діяволѣ прочь отъ раба или рабы божія (имя рекъ), и призову на васъ святыхъ отцовъ Сисинія и Михаила и Сихаила и Акноса и четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матвѣя и Іоанна Богослова, и начнутъ они васъ мучити и бити прутами желѣзными немилостиво и давати вамъ окаяннымъ по три тысячи ударовъ прути желѣзными на каждый день, во вѣки, аминь.

И пей канунъ-крещенскую воду и глаголи молитву Исусову: Господи Исусе Христе, Сынѣ Божій, помилуй мя грѣшнаго.

(Изъ старинной рукописи, доставленной помощникомъ миссіонера Батраковымъ, изъ с. Ухтострова, Холмог. у.).

45. Молитва кресту отъ болѣзней.

Въ близкомъ къ этому заклинанію варіантѣ, списанномъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, полученной изъ г. Шенкурска, помѣщена слѣдующая молитва кресту:

Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеломъ слава, крестъ бѣсамъ язва, крестъ человѣкомъ хранитель, крестъ рабу божію (имя рекъ) отъ бѣсовскія болѣзни избавленіе: отъ мимохода и отъ черной трясавицы и отъ икоты, отъ грыжи отъ всякія, и отъ шепоты, или кто съ ума собредетъ и на свадьбу ѣхать; крестъ на главѣ и на очехъ, и на сердцѣ, и на рукахъ, и на ногахъ, и въ шеи, и въ плечахъ, и въ колѣняхъ, и во утробѣ и на всѣхъ 72 суставахъ и во всѣхъ 72 жилахъ нашихъ.. .. Евангелисты Матфей, Марко, Лука, Іоаннъ Богословъ даюше вамъ всѣмъ: мимоходѣ, икотѣ, трясцы и грыжи, свадебныя порчи, призоры и оговоры, всякому нечистому духу по четыре тысячи ранъ на всякій день и по другой тысячи на ночь, прогоняемъ васъ черную мимоходу, икоту и трясцу, и грыжу, и всякую порчу, уроки, прикосы, оговоры и всякія находныя и наводныя, и напущенныя, и всякую порчу, тяготы и позевоты, тоску, сухоту со всѣми нечистыми духи: идите вы, окаянные, проклятые со всѣми болѣзнями своими ко отцу своему сатанѣ на западъ, и подите въ тартарары, отпаливый (отпали ли вы?) есте славы божія отъ Сына; на мнѣ рабѣ божіи опочиваютъ силы Господа и Спаса нашего Іисуса Христа; крестная сила ангелъ хранитель, котораго далъ Господь Богъ отъ святаго крещенія, на всякъ день и ночь, на всякій часъ, на сохраненіе наше, и будетъ благость божія на рабѣ божіи имя рекъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Оттудаже).

46. Молитвы отъ двѣнадцати трясавицъ и лихорадокъ.

По обычномъ началѣ глаголемъ первѣе:

За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, сынѣ Божіе, помилуй насъ, аминь. Тресвятое и по Отче нашъ: Господи помилуй, 12. Слава и нынѣ. Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу, поклонъ. Пріидите поклонимся Хр. Ц. и Б. нашему, поклонъ Пріидите поклонимся и припадемъ къ самому Г. Іисусу Хр. Ц. и Б. н.. поклонъ.

Молитва Кресту. Да воскреснетъ Богъ и разойдуца врази Его, (до конца).

а) Молитва на всяку немощь:

Владыко Вседержителю, врачу душъ и тѣлесъ, смиряяй и возносяяй, наказуяй и паки исцѣляяй, исцѣли раба твоего имярекъ, немощьствуща, посѣти милостію твоею, простри мышцу твою исполнену исцѣленія и врачбы, исцѣли его, возставляя его отъ одра немоши, запрети духу немощи, отстави отъ него всяку язю, всяку рану, всяку огневицу и трясавицу, аще въ немъ есть согрѣшеніе или беззаконіе, ослаби, остави, прости твоего раба ради твоего человѣколюбія. Ей Господи, пощади созданіе твое, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ благословенъ еси съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ Духомъ и нынѣ, и присно, и вовѣки, вѣковъ, аминь.

б) Молитва св. архангелу Михаилу:

Господи Боже великій, царю безначальный, пошли, Господи, архангела своего Михаила на помощь рабу твоему имярекъ, и защити мя отъ врагъ моихъ, видимыхъ и невидимыхъ. О, Господень великій архангеле Михаиле, излей мира благаго на раба твоего имярекъ. О, Господень великій архангеле Михаиле, демоновъ сокрушителю, запрети всѣмъ врагамъ борющимся со мною, сотвори ихъ яко овцы и сокруши ихъ яко прахъ предъ лицомъ вѣтра. О, Господень великій архангеле Михаиле, первый княже и воеводо небесныхъ силъ херувимовъ и серафимовъ и всѣхъ святыхъ, о, чюдный архангеле Михаиле, хранителю не изреченный, буди ми помощникъ во всемъ: въ обидахъ, въ скорбѣхъ и печалѣхъ, въ пустыняхъ, на моряхъ и на рѣкахъ, тихое пристанище; избави мя, великій архангеле Михаиле, отъ всякія прелести діявольскія; егда услышиши мя, грѣшнаго раба твоего имярекъ, ускори на помощь мою и услыши молитву мою. О, великій архангеле Михаиле, побѣди вся противящіяся мнѣ силою честнаго и животворящаго креста Господня и молитвами пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи и святыхъ отецъ и архангелъ, и св. апостолъ, и св. пророка Иліи, и св. Николы чюдотворца, и св. великомученикъ Никиты и Евстафія, и преподобнаго отца нашего Нифонта и преподобныхъ отецъ и св. святителей и всѣхъ святыхъ, аминь. О великій архангеле Михаиле, помози мнѣ, грѣшному рабу твоему имярекъ, избави мя отъ труса, и потопа, отъ огня и меча, и отъ напрасныя смерти; и отъ всякаго зла, и отъ бури наносимыя, и отъ лукаваго избави мя, великій архангеле Михаиле Господень, всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Аще кто сію молитву чтетъ на каждый день со усердіемъ и со умиленіемъ, то аще преставленія отъ житія сего, душу его и адъ не пріиметъ.

в) Молитва Господа нашего І. Христа отъ трясавицъ и отъ всякихъ причъ:

Во святую и великую пятницу, егда распяша жидове Господа нашего І. Хр. С. Б., онъ же на крестѣ висяще и дрожаше, а жидове у креста Господня стояще и мучаху Господа рекоща Іисусу: «что дрожиши», Іисусъ же рече имъ:—дрожу ради великія немощи, студеныя трясавицы. — Іисусъ же Христосъ моляся ко Отцу своему глаголя:—Отче, молю тя о всѣхъ людяхъ страсть мою поминающихъ и сею болезнію страждущихъ, избави ихъ отъ тоя, и сію мою молитву кто при себѣ носяще отъ всѣхъ трясавицъ, да будетъ больнымъ Іисусъ исцѣленіе, грѣшнымъ спасеніе, немощнымъ избавленіе, и посемъ Іисусъ рече: — заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ отцемъ моимъ святымъ Богомъ Саваоѳомъ и всѣмъ воинствомъ ангелъ божіихъ, еще васъ всѣхъ сестеръ дневнихъ и нудящихъ раба б. имяр. и неимете никакія власти и не вредите его ничемъ; заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ именемъ отца моего Господа Саваоѳа, отъидите вы окаянніи отъ раба божія имярекъ, и побѣжите діяволицы, заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ и св. архангеломъ Михаиломъ и ангеломъ Сихаиломъ и четырми евангелистами Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою, Іоанномъ Богословомъ и егда на одрѣ лежаще святый апостолъ Петръ предъ враты Галилейскими и той боля трясавицею студеною, и пріиде къ нему Іисусъ Христосъ, рече же Петру: о чемъ лежиши? Петръ же отвѣща ему: «Господи, боленъ есмь трясавицею студеною». Рече ему Іисусъ:—возстани, Петре, отъ трясавицы:—и воста Петръ и помолись Господу Богу: «Господи Іисусе Христе, Боже мой, молю тя, даждь всѣмъ людямъ твоимъ такое же избавленіе отъ трясавицъ молящихся святому отцу твоему». Да аще кто сію молитву при себе носитъ или почасту прочитывать будетъ и востая рано и на тощее сердце пити будетъ освященную воду, той воистину отъ всѣхъ трясавицъ избавленъ будетъ вовѣки вѣковъ, аминь.

г) Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ Богомъ Вседержителемъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святымъ именемъ Его и святымъ архангеломъ Михаиломъ и ангеломъ Сихаиломъ и четырьми евангелистами Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ и святымъ отцемъ Сисиніемъ, и положи крестъ въ воду недержанную и погружай крестъ трижды съ молитвою

воскресною: и давай пить болящему воду сію по многія утра на тоще сердце, проглаголывай сію молитву надъ водою тако:

Ты еси трясея окаянная, отъиди,
Ты еси гнетея окаянная, отъиди,
Ты еси злобея окаянная, отъиди,
Ты еси гладея окаянная, отъиди,
Ты еси глущѣя окаянная, отъиди,
Ты еси ломея окаянная, отъиди,
Ты еси пухлея окаянная, отъиди,
Ты еси желтея окаянная, отъиди,
Ты еси неядея окаянная, отъиди,
Ты еси корчея окаянная отъиди,
Ты еси хрипущея окаянная, отъиди,
Ты еси плясея окаянная, отъиди.

Заклинаю васъ окаянныхъ святымъ Богомъ Саваофомъ и возлюбленнымъ его сыномъ, Господомъ нашимъ І. Христомъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, и всѣми небесными его силами, и святымъ архангеломъ Михаиломъ, и ангеломъ Сихаиломъ, и четырьми Евангелистами и св. отцемъ Сисиніемъ, побежите вы окаянныя трясавицы и діяволицы отъ раба Б. им. за 30 поприщъ; аще не побѣжите, то приведу на васъ окаянныхъ св. архангела Михаила и ангела Сихаиза и четырехъ евангелистовъ, и начнутъ васъ бити и мучити желѣзными прутьями, дадутъ вамъ по 3 и 300 ранъ на день и прогонять васъ и отженутъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ отъ раба Божія им. въ землю мрачную, темную, непроходную и безводную, въ землю кипящую и горящую огнемъ и жупеломъ, навѳою и смолою, на нейже человѣкъ не обитаетъ, а Богъ единъ презираетъ, и заключатъ васъ тамо въ безконечныя вѣки, вѣкомъ, аминь.

д) Молитва заклинательная на трясавицъ:

Въ мирѣ идущу святому отцу Сисинею и виде на горѣ синайстей столпъ огненный отъ земли и донебеси, и съ того столпа изыдоша 12 дѣвъ простоволосыхъ окаянныхъ, и св. отецъ Сисиней вопроси ихъ: — кто вы есте за жены окаяныя волницы? — они же рекоша ему: «мы есть трясавицы, Ирода царя дочери» и глаголюще имъ св отецъ Сисиней:—вамъ окаяннымъ волницамъ дня не велѣно выходить изъ моря и почто вы сами вышли безъ веленія Божія—рекоша же они окаянніе: «мы пришли въ міръ мучати родъ человѣческій, аще кто въ васъ упивается виномъ или кто заутреню просыпаетъ и Богу не молится часто со усердіемъ, и праздника Божія не чтитъ, и блудъ творитъ, не чистъ востаетъ, и рано пьетъ, той намъ есть угодникъ, того мы и мучимъ. Помолись св. отецъ Сисиней Господу Богу своему, дабы избавилъ отъ скорбей сей родъ христіянскій, отъ аканянныхъ трясавицъ и діяволицъ. Іисусъ Христосъ призва святаго архангела Михаила и ангела Сихаила и четырехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луку, Іоанна, повеле имъ бити ихъ окаянныхъ трясавицъ и мучити желѣзными прутьями, и даша имъ по 3 и 300 ранъ на день; окаяніе же начаша молитися архангелу Михаилу и ангелу Сихаилу и 4-мя евангелистамъ св. Матѳею, М., Л., І. вопіюще тако: Помилуйте ны рабы Христовы, оставите ны тако мучити, ибо мы побѣжимъ отъ сюду, отъ р. Божія имярекъ бѣжимъ въ землю пусту непроходную и безводную, на ней же человѣкъ не обитаетъ, а Богъ единъ призираетъ и не возвратимся семо, и аще который человѣкъ въ болѣзни сей имена ваши помянетъ и васъ на помощь призоветъ и мы отъ того человѣка бѣжимъ и невозвратимся паки; и вопроси святый отецъ Сисиней: како есть вамъ окаяннымъ имена? И рече ему 1-я: мнѣ имя трясея, 2-я рече: мнѣ имя гнетея, 3-я рече: мнѣ имя злобея, 4: мнѣ имя гладея, 5 рече: мнѣ глущея, 6 рече: мнѣ имя ломея, 7 рече: мнѣ имя пухлея, 8 рече: мнѣ у имя желтея, 9 рече: мнѣ имя неядея, 10 рече: мнѣ имя корчея, 11 рече: мнѣ имя хрипущея, 12 рече: плясея, сестра ихъ старейшая, коего человѣка поймаю, той живъ небудетъ, аще ли тогда прилучится православный или священникъ, да чтетъ молитвы вышеписанныя надъ главою болящаго и потомъ налей въ сосудъ воды недержаной, и погружай свой крестъ, его же носиши на персехъ, трижды, съ молитвою воскресною, и давай пить болящему воду сію по многія утра и на тощее сердце Во имя О. и С. и св. Д. аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Дохтуровымъ изъ с. Закулы холмог. у.)

47. Отрочные..

Стану я, рабъ божій, Іоаннъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, въ широко раздолье, къ окіанъ морю. Въ окіанъ морѣ симень камень, на камени престолъ, на престолѣ Богородица, и смываетъ и стираетъ съ меня р. б. имярекъ отъ старой старухи, отъ дѣвки чернавки и отъ бабы косматки, отъ двоезуба и троезуба, отъ троежена и отъ двоежона, отъ колдуна и отъ колдуніи, отъ двоезглаза и отъ троеглаза. Выйду я рабъ божій имя-

рекъ въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ огненна рѣка и за той огненной рѣкой сіонская гора, и за той сіонской горой 77 церквей, и въ тѣхъ церквахъ единъ престолъ, и на томъ престолѣ Мати Пресвятая Богородица, и стрижетъ съ меня р. б. им. и посылаетъ Мать самому истипому Іисусу Христу, и беретъ златые ключи, отмыкаетъ и запираетъ, къ огненной рѣкѣ посылаетъ. Стоитъ тынъ мѣдной и ворота желѣзны, замыкаю отнынѣ до вѣку, аминь.

Аминь, аминь, аминь. И выйду я въ чистое поле въ широко раздолье, подъ красное солнце, подъ частые звѣзды, подъ свѣтелъ месяцъ. Есть въ чистомъ полѣ стоитъ храмина, и въ той храминѣ сидитъ старъ матеръ человѣкъ, разжигаетъ печь палющимъ огнемъ отъ меня р. б. им., печь розжигаетъ палющимъ огнемъ, жырою и сжигою. Какъ рыба безъ воды не можетъ ни жить, ни быть; есть на томъ озерѣ святые ключи, отпираю, замыкаю отнынѣ и до вѣка, аминь.

(Выписано изъ вышеназваннаго стариннаго сборника заклинаній.)

48. На начинающійся чирей.

«Не отъ угля, не отъ каменя не отростаетъ отростель и не разцвѣтаетъ цвѣтъ: также бы и у меня р. б. им. не отростали бы на семъ тѣлѣ ни чирьи, ни вереды, ни липіаи и ни какіе пупыши.»

Слова эти шепчутъ трижды надъ угломъ, коимъ три раза обводятъ чирей, перекрещиваютъ и тычутъ въ средину его, а послѣ бросаютъ на отмашь на улицу, приговаривая: «съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди, отколь пришло, туда и поди.»

(Запис. свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

49. Отъ вереда или нарыва.

Прикладываютъ репейный листъ, льняное сѣмя, мелко растертое и смѣшанное съ водой, и пьютъ настой травы медвѣжьи ягоды; проводятъ на нарывѣ черты ножемъ, а потомъ на сукѣ въ стѣнѣ, и говорятъ:

«Какъ у этого сучка нѣтъ ни плоду, ни роду, такъ бы и у этого попушка (нарыва) не было ни плоду, ни роду, вверхъ бы не поднимался и въ ширину не раздавался.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

50. Отъ вереда или чирія.

Берутъ въ чашку сливки и наговариваютъ на нихъ:

«Рабъ б. Н. (имя больнаго) вставалъ, благословясь, и пошелъ, перекрестясь, изъ избы дверьми, со двора воротами, вышелъ въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ сухая шалга; на той шалгѣ трава не растетъ и цвѣты не цвѣтутъ, и также у раба б. не было бы ни чирія, ни вереда, ни баепной нечисти. Очищается р. б. Н. Во имя Отца и С. и Св. Д. Аминь.»

Проговоривши эти слова, помазываютъ по три раза больное мѣсто сливками.

(Записано мною въ г. Онегѣ.)

51. На чирій или на нарывъ.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь. Зааминю, зааминю, зааминю: вси цирьи, вси вереды, всю баенную нечисть у раба Божія (имя рекъ).»

Говорятъ три раза. При наговорѣ очерчиваютъ надъ чирьемъ вокругъ, потомъ съ послѣднимъ словомъ дѣлаютъ надъ чирьемъ крестъ ножемъ и ищутъ маленькій сучокъ въ стѣнѣ на деревѣ, въ который и вколачиваютъ ножикъ.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

52. Отъ вереда или пупыша.

Обводятъ три раза чирей угломъ или безъимяннымъ пальцемъ, и, крѣпко прижавши его, приговариваютъ: «Ни отъ камени плоду, ни отъ чирія руды, ни отъ пупыша головы; умри, пропади!»

Послѣ этого бросаютъ уголь на опашку, съ приговоромъ: «откуль пришолъ, туда и пойди.»

(Записанъ П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

53. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

При порубѣ, или при другихъ подобныхъ случаяхъ, когда кровотеченіе признается опаснымъ, три раза наговариваютъ шопотомъ нижеслѣдующія слова, и послѣ каждаго раза на рану сплевываютъ:

«Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ истое поле—ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣкетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда, *) изъ евтово мертваго тѣла.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ.)

54. Заговоръ крови.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Доселева было при Агаренѣ царѣ небо мѣдно и земля желѣзна

*) Руда—нечистая испортившаяся кровь; а иногда значитъ кровь—безъ различія. Отсюда слова рудометъ, или рудометка, отриватель крови.

и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба б. Н. кровь горячая и щепота и ломота, и много пособляешь всѣмъ моимъ словамъ, какъ ключъ небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь.

(Записалъ помощн. миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. у.).

55. Заговорить кровь.

Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклося, ни топоромъ и никакимъ инструментомъ. И нѣтъ у раба божія (имя рекъ) ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

56. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

Конь младъ, человѣкъ старъ. Ты, руда, стань, болѣ не капь у раба божія (имя рекъ).

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

57. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала—собака пропала; руда стань, больше не кань.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

58. Для остановленія крови.

Летитъ воронъ черезъ Черное море, несетъ нитку, шелковинку. Ты нитка оборвись, а ты кровь уймись.

Слова эти говорятъ надъ раной до трехъ разъ и послѣ каждаго раза дуютъ надъ ней.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

59. Заговоръ крови.

На островѣ на Буянѣ стоитъ столбъ, на этомъ столбѣ сидятъ три дѣвицы, всѣ родныя сестрицы; шьютъ вышиваютъ, кровавыя раны зашиваютъ. Ѣдетъ Царь, подъ нимъ конь карь; конь не прянетъ, руда не канетъ, аминь.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Мезени.)

60. Отъ ранъ.

Надъ раной говорятъ:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Шла красная дѣвка съ шелковой ниткой, булатной иголкой зашивать, зажимать кровяную рану. Баба шла занялася, дѣвка шла оборвалася, въ ранѣ руда унялася. Нѣтъ въ камнѣ воды, нѣтъ въ ранѣ руды, нѣтъ на небѣ щели, нѣтъ въ ранѣ щипи у раба божія (имя рекъ). Будь мои слова крѣпко накрѣпко, плотно на плотно; къ моимъ словамъ ключь и замокъ булатная печать.

По прочтеніи сихъ словъ плюютъ на рану, читаютъ же ихъ до трехъ разъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

61. Если какой человѣкъ посѣкетъ что нибудь у себя, то заговаривать кровь или щипоту.

Стану я, рабъ божій имр., благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіянъ камень, на святомъ окіянѣ камнѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипь унимаетъ и кровь заговариваетъ у раба божія имя рекъ, и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты и опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словамъ ключь и замокъ, отъ нынѣ до вѣку аминь.

(Нарядъ Устьпад. Удѣльн. Прав. о доставл. въ Арх. Уд. Конт. этногр. свѣд. 1847 г. По описи № 60.)

62. На остановленіе крови отъ порѣза.

Стану я, рабъ божій имр., (тотъ, кому нужно остановить кровь) благословесь, пойду перекрестесь, и выйду въ чисто поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ и помолюся Господу нашему Іисусу Христу и Матери Пресвятыя Богородицы и всѣмъ святымъ. Есть въ чистомъ полѣ океанъ море, въ океанѣ море есть алатырь камень, на алатырѣ камнѣ сидитъ краспая дѣвица и шьетъ золотой иголкой и шелковой ниткой, а зашиваетъ всякія моря и рѣки и всякія мелкіе источники; также бы и у меня, раба божія имр., зашивала кровавую рану и кровь горячую и не текла и не капала, отъ кости не щипѣло, отъ жилъ не пухло. Кое слово я не договорилъ, то въ постѣнъ (пользу) поди, и переговорилъ въ постѣнъ поди. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ бож. имр., во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

Слова эти трижды шепнуть надъ раной, надъ виномъ или надъ деревяннымъ масломъ; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ этими веществами мажутъ рану.

(Изъ рукописной статьи: свадеб. обряд. въ Турчасовскомъ приходѣ Онежск. у. свящ. Алексѣева.)

63. Молитва руду унимать.

Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную ру-

чебную, ножевую, топоровою. Выду я въ чисто поле на чисто море, на чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаетъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ камень не растетъ, у раба б. и. руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка, руду прикладываетъ, вода не канетъ, не каменемъ руда не канетъ. Аминь. Царя небеснаго Господа І. Хр. Сыне Божій помилуй насъ, Аминь.

(Заговоры, извлеч. изъ рукописи старобр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1 ст. Щапова: Истор. очер. нар. міросоз. и суев., стр. 56.)

64. Унятіе руды.

Господи Іисусе Христе. Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я, р. б., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану морю; у окіана моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзы и посѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала; какъ отъ латыря каменя не воды, такожде изъ раба б. ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба б. и. ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у р. б. и. твердо утвердились, руда заключись въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, вовѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ камени воды, стань кровь запекись, гуще густаго клею; во имя О. и С. и Св. Д. Аминь, аминь, аминь.

(Заговоры, извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1 ст. Щапова, стр. 60.)

65. Слова кровь заговаривать.

Егда Мать Пресвятая Божія Богородица шла по каменному мосту, на рукахъ несла Превѣчнаго Младенца, подпиралась посохомъ желѣзнымъ. Отъ того посоха желѣзнаго нѣтъ ни крови, ни раны, ни шепоты, ни опухоли, ни костяной, ни жилиной. О мать земля, не пей крови моей и не губи души моей, вынь изъ тѣла моего болѣзни и сердца моего щепетъ, пынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

66. Заговоръ руду унимать.

Во имя О. и С. и Св. Д. Стану я, р. б. Н., благословясь, и пойду перекрестясь, къ окіяну морю. На томъ окіянѣ морѣ на островѣ есть камень. На томъ камнѣ сидѣла Пресвятая Богородица, держала въ рукѣ золотую иглу, вдѣвала шелковую нитку и зашивала рану кровавую. Тебѣ, рана, не болѣть и тебѣ, кровь, не бѣжать. Аминь.

(Изъ рукописн. ст. г. Костылева «Простонародная медицина въ Шенкур. у.»)

67. Отъ раны.

Говорятъ надъ раной до трехъ разъ и послѣ каждаго раза плюютъ на рану:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабица божія (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле заворотами. Въ чистомъ полѣ на восточной сторонѣ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ идетъ Мать Пресвятая Богородица. Истинный, Небесный Христосъ повелѣваетъ, Мать Пресвятая Богородица свои ризы утираетъ, своими ризами рану затыкаетъ, чтобы не было ни скорби, ни болѣзни, опухоли, чтобы бѣло тѣло не болѣло, кости не ломило, раны не щемило.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

68. Отъ раны.

Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! Стану я рабъ б. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми, стану на востокъ лицомъ, на западъ кресцомъ. Сидитъ Мать Пресвятая Богородица, въ три золотыя пяла шьетъ: шелкова нитка, золота иголка. Зашей у меня раба б. N. кровавую рану, чтобы не щипала и не болѣла--въ новый мѣсяцъ и въ полный мѣсяцъ, въ ветху мѣсяцу и въ самыя межныя дни, и вовѣки вѣковъ аминь.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ старин. рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. у.)

69. Заговоръ руду унимать.

Пресвятая Мати Божья Богородица, укрывай меня р.

б. N. своими нетлѣнными ризами, закрывай ты мою кровавую рану; у меня р. б. N. стань руда и не кань руда и буди то мѣсто желѣзнымъ. Отъ нынѣ и до вѣку Аминь.

(Изъ рукописной статьи Костылева: простонародная медицина).

70. На крѣпость тѣла.

Лягу я, рабъ б. имя рекъ, помолюся перекрестясь, умоюся святою водою, утреннею росою, утруся бѣлымъ тканнымъ полотенцемъ; пойду я р. б. им. изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на сіонску взирающи, крестомъ себя ограждающи; погляжу я р. б. и. въ чистое поло, въ зелено поле: около моря, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ окоморьи стоитъ златая святая лѣстница, и съ той возрачно по святой лѣстницѣ шелъ Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ; и пойду я р. б. им. помолюся и поклонюсь: батюшка Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ, заговори мнѣ тѣло бѣлое, закрыто крѣпче стали и булату, красной меди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшь златымъ своимъ святымъ поясомъ, и запри и замкни въ тридевять замковъ, и въ тридевять ключей; и рече ему рабу своему им.: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ святая апостольская соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ заступница мати Божія пресвятая владычица Богородица: поди рабъ б. помолись и поклонись, при семъ р. б. им. помолился и поклонился, заступница матушка, пресвятая владычица Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпояшь златымъ своимъ поясомъ, и запри и замкни въ тридесять ключей. И рече ему рабу своему и.: поди ты рабъ божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стоитъ апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ самъ Господь Сынъ Божіи, Іисусъ Христосъ, подойди и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче меди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпояшу святымъ своимъ поясомъ, и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ окіянъ море,—и взяла ихъ щука; какъ щуку въ море не поймать, такъ и тебя рабъ б. не отмыкать, а кто есть ключъ доставитъ, тотъ тебя р. б. отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ кампѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покаряются, какъ и льву звѣри вси покаряются, такъ бы и тебѣ вси покорялися, други и не други покорялися, что ты говоришь, тебя бы и слушали, и твою волю творили. Во им. О. и С. и Св. Д. А.

(Загов. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. ст. Щапова, Ист. очер. нар. мірос. и суев., стр. 57).

71. Отъ кровавыхъ ранъ.

Во имя О. и С. и Св. Д. Жиды Христа роспинали, на крестъ росковали, въ руки, ноги гвоздье колотили, въ ретивое сердце желѣзомъ кололи. Какъ у истинна Христа не была кровавая рана и щипота и ломота, и опухоль, и какъ печь топится и изъ печи пламя пашетъ; такъ бы у меня р. б. Н. кровь и рана утихала и переставала, и вовѣки вѣковъ, аминь

Приговариваютъ трижды и по три раза плюютъ въ рану.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

72. Слова кровь заговаривать.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Лежитъ Захарей праведный между церковью и олтаремъ, и какъ у святаго кровь засыхала и замирала и окаменѣвала въ ручныхъ и въ ножныхъ и въ подпятныхъ жилахъ, щепь и грыжа и разная сѣченая и молодая, такъ бы у меня, раба божія имя рекъ, засыхала и замирала сѣченая, ветхая и молода, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. уѣзда.).

73. Слова кровь заговаривать.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Какъ Артемей праведный между церковію и олтаремъ разрубленъ и разсѣченъ, не подаетца не кровь, не руда, не изъ жилъ, не изъ суставовъ; такъ бы не подавалась у раба божія имя рекъ не изъ жилъ, не изъ суставовъ, на нови мѣсяцѣ, не на ущерби мѣсяцѣ, не на ветхи мѣсяцы, аминь, аминь, аминь.

(Изъстариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

74. На рану.

Стану я, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, выйду я въ чистое поле; въ чистомъ полѣ ѣдетъ человѣкъ старъ, подъ нимъ конь каръ, въ рукахъ держитъ саблю вострую, и сѣчетъ тѣло мертвое. Какъ не слышитъ тѣло мертвое ни грыжи, ни щепоты, ни ломоты, ни уразу и ни кровавой раны; такъ бы не слышалъ рабъ Б. N. ни грыжи, ни щепоты, ни уразу и ни кровавой раны. Во вѣки камень стань, руда не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Повторить три раза и кровь вмигъ утихнетъ.

(Запис. г. Огородниковъ въ с. Соломбалѣ).

75. На рану.

Стану я благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, выйду я въ чистое поле, въ чистомъ полѣ ѣдутъ святые скипетры на каремъ на конѣ, на золотомъ сѣдлѣ, унимаютъ щепоту, становятъ кровь и руду. Во вѣки камень стань, руда не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ (трижды).

(Записалъ г. Огородниковъ въ с. Соламбалѣ, возлѣ г. Архангельска).

76. Слова уразъ снять, или ушибъ.

Господи Боже, благослови и научи мя, раба божія имя рекъ, добрыхъ словъ оворить. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду я рабъ божій имя рекъ на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, и помолюсь я рабъ божей имр., истинному Христу Небесному и Пресвятой Его Матери Богородицы. Какъ жидове Христа роспинали на трехъ древахъ на кедрѣ, и..... и кипарисѣ; и какъ вышній Творецъ Господь Саваофъ уговаривалъ свое чадо истиннаго Христа Царя Небеснаго: чадо мое возлюбленное, не убойся и не устрашись, не услышишь въ себѣ не раны, не болѣзни, не щепоты, не уразу, не крови и не руды и не сердечныя болѣзни, такъ же бы мнѣ, рабу божію имр., самому въ себѣ не услышать не раны, не руды и не сердечныя болѣзни отъ семидесяти суставовъ отъ трехъ и отъ двухъ и отъ единой жилы и отъ единаго сустава; очи ясны, брови черны, мозгъ бѣлой, въ молодѣ мѣсяцѣ, въ полни мѣсяцы, въ новѣ мѣсяцы и въ перекрои мѣсяцы, и въ ветхи мѣсяцы и въ меженныхъ дняхъ, въ день при соньцѣ, въ ночь при мѣсяцѣ, по всякъ день и часъ; сей день святъ, буди я рабъ божей имр., Здравъ и не вредимъ во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорск. уѣз.).

77. Уразъ снять.

Говорятъ въ воду:

Господи Боже, благослови Господи Боже, и свѣтъ начался у самого Христа и ходитъ Адамъ новый, какъ жидови Христа распинали и всякими муками и всякими оружьями били древами и каменьемъ и желѣзомъ, и какъ Господь Богъ Саваофъ Сына своего, единороднаго Іисуса Христа, заговаривалъ отъ всякаго оружія, отъ древа и отъ огня и отъ каменія и отъ желѣза, отъ ранъ и отъ руды, какъ Господь Богъ посылалъ съ небеси двухъ святыхъ угодниковъ Кузьму и Демьяна по всей земли учить меня раба божія заговаривать отъ всякаго оружія, отъ древа, отъ огня и отъ каменія, отъ желѣза, отъ раны, отъ руды и отъ щепоты, и отъ грыжи и отъ уразу и отъ всѣхъ скорбей и болѣзней, и какъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ не чулъ въ себѣ, ни въ тѣлѣ своемъ и въ суставахъ уразу и никакой скорби, и такъ бы я рабъ божій (имя рекъ) не учулъ бы въ себѣ щепоты, ни уразу, ни какія скорби, ни въ тѣлѣ своемъ, ни въ жилахъ своихъ, ни уразу, ни щепоты, ни недугу, ни болѣзни, ни какія скорби, и какъ нашего Господа Іисуса Христа не няли никакія оружія, ни древа, ни каменіе, и какъ тотъ камень скаменѣетъ жестокъ, былъ бы такъ я рабъ божій (имя рекъ) жестокъ нынѣ и присно; вся крѣпость Святаго Духа; аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

78. Молитва отъ уразу.

Говорить на воду три раза и окачиваться и пить, ходить въ чистотѣ, а не въ чистотѣ не ходить.

Господи Боже благослови Отче. Взыди на гору Сіонскую Іисуса Христа отъ престола, окрестъ міра во имя Господа нашего Іисуса Христа; буди, Боже, со мною божія милость; о стрѣлатой, не ходи до меня раба божія (имя рекъ) моленіемъ Пречистыя Владычицы Богородицы и присно Дѣвы Маріи; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ святаго пророка Ильи; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ святаго пророка Предтечи Крестителя Господня

Іоанна и моленіемъ Михаила и Гавріила и святыхъ апостоловъ и исповѣдниковъ и всѣхъ святыхъ чудетворцевъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ великаго чудотворца Николая и моленіемъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филипа московскихъ чудотворцевъ всея Россіи и моленіемъ всѣхъ святыхъ отецъ и святителей, моленіемъ дѣвицъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ Благовѣщенія Господа нашего Іисуса Христа и Пречистыя Богородицы и присно Дѣвы Маріи и моленіемъ мучениковъ и мученицъ и всѣхъ святыхъ молитвами и моленіемъ соблюди, Господи, помилуй, закрой и заступи и защити раба божія (имя рекъ) отъ стрѣлъ летящихъ и ото всякаго древа и ото всякаго желѣза кованаго и некованаго, отъ булата и отъ уклада, отъ стрѣлъ каленыхъ и отъ простого желѣза, отъ мѣди, оть красной, синей и зеленой, отъ проволоки, и ото всякаго звѣринаго копія, и ото всякія птицы и отъ жиломустія, и ото всякаго древа русскаго и заморскаго, и ото всякія птицы пернатой, въ поли и въ лѣси, и ото всякого роду человѣческаго и отъ татарскаго и черемискаго и чувашескаго и всѣхъ враговъ и супостатовъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ), поди чрезъ живаго Бога, кой сотворилъ небо и землю и чрезъ святыхъ, которые творили волю Божію отъ начала вѣка сего; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) прежде помянутаго Господа нашего Іисуса Христа чрезъ терноваго вѣнца, которой былъ на главѣ его Господней; о стрѣлатой не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ), поди чрезъ гаданіе Господа нашего Іисуса Христа, сохрани и соблюди и помилуй, за добро защити и заступи раба божія (имя рекъ) всемогущія жизни; исцѣлитъ, сохранитъ службою раба своего божія (имя рекъ), во едино совершеніе и утвержденіе святыхъ отецъ, вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

79. Отъ ожогу или обвару.

Наплевать три раза на больное мѣсто и три раза произнесть:

«Во имя О. и С. и Св. Д. Свѣтъ до зори, а зоря до свѣту, а ожогъ (или обваръ) до словъ. Во вѣки вѣковъ аминь».

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

80. Отъ ожога.

На обожженое мѣсто плюютъ и говорятъ слова: «Огонь жжетъ, щука теретъ, вода моетъ у раба Божья (имя рекъ).»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

81. Отъ ожога.

На обоженное мѣсто плюютъ и говорятъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Идетъ красная дѣвка съ мокрымъ вѣникомъ, тушитъ, гаситъ огненную рѣку, огненныя искры, огнепное пламя».

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

82. Отъ пьянства.

Во имя О. и С. и Св. Д. аминь. Хмель и вино отступись отъ раба б. N. въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ и кони не бродятъ, и птица не летаетъ.

Во имя О. и С. и Св. Д. (дважды). Хмель и вино выходи на быструю воду, на которой воды люди не ѣздятъ; отъ раба б. N. хмель и вино поди на буйные вѣтры, которой вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя О. и С. и Св. Д. (дважды), зайди это вино за холмы горы. Во имя О. и С. и Св. Д., привяжись къ лихому человѣку, который на N. лихо думаетъ, къ тому привяжись, которой добра не сдѣлаетъ, отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя О. и С. и Св. Д. аминь.

(Выписано изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. у.)

83. Отъ пьянства.

Чтобы пьющій запоемъ уснулъ, и послѣ этого сна пересталъ пьянствовать, нужно взять у него воскъ, на который наговаривать:

Зоря зорница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣтелъ мѣсяцъ, ясны звѣзды, возмите у меня безсонницу, бездремотницу, полуношницу, дайте сонницу, дремотницу, почную полуношницу. Среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани мою душу, скрѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждуюсь, крестомъ ангела призываю, крестомъ лукаваго отгоняю. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Знаю святыя знаменья!

(Доставилъ Никольскій изъ г. Мезени).

84. Человѣку похмелье умолвить.

Господи хмель, буявая голова, не вейся внизъ голо-

вою, вейся въ посонъ *) подъ воргою, а яжъ тебя не знаю, гдѣ живешь, въ верхъ сыра древа, лѣзь къ своему государю въ медвеныя бочки и въ пивныя. Какъ не лежитъ на огнѣ, и такъ на семъ человѣкѣ лихая словеса у имярека: аще испіеши чашу сія, доколѣ изъ меня словеси сія изошли, а изъ сего раба б. и. похмѣлье. Господи хмель, какъ царь сидитъ на царствіи своемъ, тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, государь родись.

(Изъ старин. рукопис. лѣчеб., доставленнаго св. Колчинскимъ изъ с. Пингишей, Холмогор. у.)

85. Отъ лѣни и долгаго спанья.

Говорятъ лѣнивымъ и дѣтямъ, которые послѣ сна долго протягиваются на постели:

«Лѣнь потягота поди на Ѳедота, съ Ѳедота на Якова, и съ Якова на всякаго.»

(Запис. г. Ивановъ въ г. Пинеги).

86. Составъ о голосу Ѳиламента философа Афинейскаго.

Взять отъ трехъ колодцевъ или отъ трехъ разныхъ источниковъ воды и на то устроить мѣсто и сосудъ, а окрестъ его поставить четыре свѣщи возженныхъ, и поверхъ сосуда положить два ножа, на-крестъ, и тогда лити воду въ сосудъ, да въ туже воду положить мѣди тертыя зазвоннаго колокола, — и глаголати молитва сія трижды:

«Гласъ грома твоего освѣтиша, молнія твоя вселенную подвиже, и трепетна бысть земля, въ мори путіи твои и стези твои въ водахъ многихъ, и стопы твоя подвижутся, наставилъ есть овцы, люди твоя, рукою Моисеевою и Ааронею.»

И та вода пить сквозь лебяжье горло, да тоюжъ водою и окатиться. По сотвореніи сего глаголати подобаетъ:

«И яко потрясеніемъ поколебатися всѣмъ удомъ человѣческимъ.»

(Изъ стариннаго рукописнаго лѣчебника, полученнаго съ с. Пингишей, Холмогорскаго у. отъ священника А. Колчина.)

87. Отъ портежа съ вѣтра.

Берутъ изъ трехъ прорубей или колодцевъ воду, которою окачиваютъ больнаго по три раза. При черпаніи, воду всегда размахиваютъ на посолонь, а почерпнувши, приговариваютъ:

«Царь рѣчной! дай воды неболтаной, на леготу, на здоровье рабу божію имя рекъ».

Когда несутъ воду, со встрѣтившимися не здороваются и не говорятъ.

(Записалъ свящ. Розановъ въ с. Зимней Золотицѣ, Арханг. у.)

88. Наманокосъ.

Слова эти шепчутъ трижды на воду, которою поятъ больнаго и обдаютъ на скотской трубѣ (отверстіе, черезъ которое подаютъ кормъ скоту); а если больной—младенецъ, то шепчутъ на молоко матери:

«Какъ вечерняя зоря развелась да разгорѣлась, да и скоро потухла; такъ же и у меня раба б. им. завелися скорби и болѣзни, уроки и манакосы, призоры и оговоры, и вѣтренные переломы, упажи, перепажи, родимцы и лихорадки, всѣ бы и потухли. Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ и поди, и отъ людей пришло, къ людямъ и поди; откуда пришло, туда и поди.

(Зап. свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежск. у.)

89. Съ глазу.

Господи Боже, благослови! Вода водица, красная дѣвица, какъ течешь, омываешь красны бережочки, желтые песочки, пенья и коренья, часты пустовья и бѣлы каменья; такъ омой раба божія N. притчи и уроки, и монокосы и оговоры, вѣтряны переломы, изъ лицъ и изъ косицъ, и изъ ясныхъ очей, и изъ черныхъ бровей, изъ бѣлаго тѣла и изъ рѣтиваго сердца, изъ рѣзвыхъ ногъ и изъ бѣлыхъ рукъ. Ключь и замокъ словамъ моимъ.

Повторяется три раза на воду, которую потомъ и выпиваютъ, или умываются ею.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

90. Отъ оговора и дурнаго глаза.

Лучшимъ средствомъ отъ оговора и дурнаго глаза считается лоскутъ отъ одежды или клочекъ волосъ, принадлежащихъ лицу, служившему причиною болѣзни. Добывъ эти вещи, надобно старшему или младшему въ въ семействѣ сжечь ихъ на раскаленныхъ угольяхъ. При этомъ дѣйствіи больной спрашиваетъ: «что куришь?» и ему отвѣчаютъ: «курю уроки, призоры, лихіе оговоры, отъ мужика русака, отъ бабы черноволосой, отъ дѣвки ростоволой». Больной опять говоритъ: «кури горазне,

*) т. е. въ посолонь.

чтобы въ вѣкъ не было». Этимъ оканчивается обрядъ, который смотря по надобности, повторяется еще нѣсколько разъ.

(Карман.кн. для люб. землев. изд. Рус. Геогр. общ. 1848 г.: Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣр. и суевѣр. жит. Арх. губ. Верещагина, 312—320).

91. Отъ сглазу, грыжи и баенной нечисти.

Когда занеможетъ младенецъ, то моютъ въ банѣ и приговариваютъ:

Стану я рабъ б. N. благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми; выйду я въ чистое поле; помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. Подъ восточной стороной есть окіанъ море, на окіянѣ морѣ ходитъ щука бѣла, зубы укладны, хвостъ булатный, поѣдатъ и пожираетъ у раба б. N. уроки и прикосы, и грыжи, и баенны нечисти, чтобы вѣкъ не бывали ни въ день, ни въ ночь, ни въ утренню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни наперекрою мѣсяцу; во вѣкъ вѣковъ, аминь. Будте мои слова замкомъ замкнуты, ключемъ заперты.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

92. Отъ сглазу, грыжи и баенной нечисти.

Во имя О. и С. и Св. Духа, аминь. Сходитъ Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницы, сноситъ Егорій съ небесъ триста луковъ златополосныхъ, триста стрѣлъ златонерьихъ и триста тетивъ златополосныхъ и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба б. N. уроки, прикосы, грыжи, баенны нечисти и отдаваетъ черному звѣрю медвѣдю на хребетъ: и понеси черный звѣрь медвѣдь въ темные лѣса и затопчи черный звѣрь медвѣдь въ зыбучіе болота, чтобы вѣкъ не бывали ни въ день, ни въ ночь.... Во вѣки вѣковъ аминь.

Три раза произносятъ и за каждымъ трижды сплевываютъ.

(Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

93. Съ глазу, ломоты и отъ испуга.

Стану я рабъ б. N. благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, выйду въ чистое поле, подъ восточную сторону, подъ бѣлый день, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, подъ вечернюю зорю. Стану я на окіянѣ морѣ подъ бѣлый день, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю зорю,—стану на востокъ глазами, на западъ спинами, покорюсь и помолюсь: не ѣшъ ты щучка ни ржавчинки, ни болотинки, и ни рыбы гульбы. Засысай, загрызай, подъ сѣрый камень метай раба б. N. щепоты и ломоты и уроки и прикосы, призоры и переполохи, и баенной нечистища, и привалища, и костоломища и переполохъ отъ жару и отъ пару, отъ похвальнаго слова, отъ отцовой думы и отъ матерней, отъ дѣвки простоволоски, отъ женки черноголовки, отъ мужика скалозуба, отъ стараго, отъ малаго и отъ средняго, отъ всего міра крещенаго; въ рукахъ и ногахъ, и въ ясныхъ очахъ, въ коренныхъ зубахъ и въ могучихъ плечахъ въ ретивомъ сердцѣ, въ 77 жилахъ, въ 77 суставахъ безъ единой жилы,—а такъ бы раба б. N. будь мои слова крѣпки и емки и заговористы востръе вострой сабли, востраго ножа, и тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, крѣпкій заговоръ; ключь въ воду, а замокъ въ гору.

Говорятъ надъ водой или надъ виномъ или надъ масломъ: водой умываются, вино выпиваютъ, а масломъ мажутъ больное мѣсто.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

94. Отъ сглаза.

Наговариваютъ на воду, которою окачиваютъ больнаго:

Всталъ рабъ б. N. благословясь, пошелъ перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми да вышелъ въ чисто поле: въ чистомъ полѣ есть синее море; на томъ синемъ морѣ тихая заводь; на той на тихой на заводѣ плаваетъ сѣрый гоголь, на томъ на сѣромъ на гоголѣ не держится ни вода, ни роса. Также на р. б. N. не держались бы ни уроки, ни призоры, ни лихіе оговоры, ни вѣтрены прострѣлы, и ни ночные переполохи. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Зап. П С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

95. Оприкосныя слова.

Роки, прикосы, щипота и ломота, скорбь и болѣзнь, откуль вы пришли, тамъ и подите съ раба божія (имя рекъ) къ птицѣ синицѣ на пяту.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

96. Отъ оприкосу.

Чтобы предохранить себя отъ дѣйствія дурнаго глаза, нужно постоянно имѣть при себѣ сѣтку. Поэтому-то пояса дѣлаются въ видѣ сѣти. Если же кто либо пренебрегъ подобной предосторожностью и захворалъ отъ

дурнаго глаза, того нужно умыть водой, на которую наговорены слѣдующія слова:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Откуль мнѣ-ка пришло: съ вѣтра ли буйнаго, съ погодой ли великою, со слова ли окаяннаго, отъ женки ли долговолоски, отъ дѣвки ли простоволоски, отъ мужика ли еретника, отъ старика ли волшебника, отъ старухи ли отъ волшебницы; и когда мнѣ-ка пришло, середка ли ночи, середка ли бѣла дня, когда бы не пришло, тогда и сойди.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

97. Слова на уроки и на прикосъ и на уразы и на зубную болѣзнь вопше (вообще).

Станетъ рабъ б. N. благословясь, и пойдетъ перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, стенетъ подъ восточную сторону и зглянетъ на сіонскую гору. По сей сіонской горѣ ѣздитъ и розъѣзжаетъ ростомъ матеръ человѣкъ на своимъ ворономъ кони, по колѣнъ ноги въ серебри, по локоть руки въ золоти, во правой руки тугой лукъ, а во лѣвой руки калена стрѣла; тугой лукъ натегаетъ, калену стрѣлу спущаетъ, во мертвеца въ бѣло тѣло бьетъ и сѣчетъ каленой стрѣлой. Тако лежитъ мертвой мертвецъ, истинной небесной Христосъ не слышитъ въ себѣ ни удару и ни уразу, и ни щепоты, и ни ломоты и ни синей опухоли и ни уроковъ, и ни прикосовъ, и ни вѣтренныхъ прострѣловъ, и ни людскихъ оговоровъ, и ни зубной болѣзни; откуль пришло, туда и поди: отъ бѣльца къ бѣльцу, отъ черпца къ черпцу, отъ троезубыхъ къ троезубымъ.. Тѣмъ всѣмъ моимъ словамъ небо ключь, земля замокъ. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записано помощн. миссіонера Батраковымъ въ Куростровскихъ селеніяхъ).

98. Заговоръ отъ призоровъ и прикосовъ.

Во имя О. и С. Св. Д. Аминь. Стану я р. Б. благословесь, и пойду перекрестесь, отцемъ своимъ прощенъ и матерью благословленъ, изъ избы дверьми, изъ двора воротми въ далече въ чистое поле подъ восточную сторопу. Течетъ огненная рѣка и есть черезъ огненную рѣку мѣдянной мостъ и ѣздитъ мѣдянной мужъ на своемъ мѣдянномъ конѣ съ мѣдяннымъ войлокомъ и съ мѣдными стременами. И помолюся я р. б. N. Спасу и Пресвятой Богородицѣ и мѣдянному мужу: ой, еси ты мѣдянной мужъ, почто тебѣ ѣздить черезъ огненную рѣку по мѣдяннному мосту, и поѣзжай ты мѣдянной мужъ ко мнѣ р. б. N. на правое плечо, а съ праваго на лѣвое, а съ лѣваго подъ правую пазуху, подъ лѣвую пазуху, а изъ подъ лѣвой въ мою сердечную утробу, и въ горячую кровь, и черную печень, и въ семьдесятъ суставовъ и въ семьдесятъ жилъ и подъ правое яйцо. И самъ ты мѣдянной мужъ вынимай изъ р. б. N. всякую скорбь и болѣзнь, и всякія притчи и призоры, и прикосы, и оговоры, и вѣтренные переломы, и вѣтренные пострѣлы и всякія грыжи; и самъ ты мѣдянной мужъ на конѣ выѣзжай, и конемъ своимъ выкармливай и очми своими высматривай. Да въ чистомъ полѣ ѣдетъ встрѣчь черемный мужъ и несетъ булатный мечь, и доидоша до черемнаго кампя и разсѣкаетъ черемный мужъ булатнымъ мечемъ камень на четыре части и раскинетъ на четыре стороны и развѣетъ буйными вѣтрами по чистому полю, по темному лѣсу. Такожде бы у р. б. N. разсыпалась всякая скорбь, оговоры, прикосы, вѣтренные переломы и всякіе пострѣлы по чистому полю, по темному лѣсу, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Указъ: трижды наговорить на воду, и эту воду дать пить больному.

(Простонар. медицина; рукопис. ст. Ив. Костылева).

99. Отъ уроковъ и призоровъ.

Господи Іисусе, помилуй насъ! Молюся азъ рабъ божій (имя) Истинному Христу Царю Небесному, и услышилъ Истинный Христосъ молитву, спущается съ небесъ и съ нимъ спущается тридевять ангеловъ золотоперыя и золотокрылыя, и съ собою спущаютъ тридевять луковъ и тридевять стрѣлъ золотоперыхъ и золотокрылыхъ, и стрѣляли они скрось семеры облаки и отстрѣливали отъ N. рабы божіей уроки и призоры, какъ съ гоголя вода катится, такъ и съ ней рабы б. N. уроки и призоры, всегда и нынѣ, и вовѣки вѣковъ, аминь *).

Наговаривалъ на воду, чертя ножемъ по водѣ и пить ту наговорную воду. (Выписано изъ дѣла объ Осипѣ Баженинѣ и женѣ его 1714 года. Срв. статью Н. А. Попова: «Осипъ Андреевичъ Баженинъ» въ сборникѣ «Древняя и Новая Россія» за 1877 г. № 9.)

100. Отъ сглаза.

Стану благословясь, пойду перекрестясь, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле къ окіянъ морю. На окіянѣ

*) Варіантъ: такъ бы катилась съ тоя рабы божіи, съ ясныхъ очей, съ бѣла тѣла и съ ретива сердца, и вѣкъ по вѣку отъ нынѣ и до вѣку.

морѣ стоитъ золотъ стулъ; на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, станетъ стрѣлять уроки и призоры, станетъ стрѣлять отцеву думу и материну думу и братьевы думы, всѣхъ людей думы, жолтучый, гнетучій и жомучій; отъ дѣвки отъ черноголовки, отъ стрѣшняго поперешняго. Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь

(Извлечено изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Холмогор. у.).

101. На притчу.

Станетъ рабъ Божій (имярекъ), по утру и ввечерѣхъ, благословесь, умоется утренней зарей и вечерней, утрется бѣлымъ свѣтомъ, во лбу пекетъ красное солнце, въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ частныя мелкія звѣзды разсыпаются; пойдетъ изъ дверей дверьми, изъ сѣней сѣньми, изъ воротъ воротами, выйдетъ далече въ чистое поле, станетъ на четыре ростани, станетъ во востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Во востокѣ свѣтъ истинный Христосъ на синемъ морѣ бѣлый камень, на бѣломъ камни бѣлый человѣкъ, въ бѣломъ платьѣ, свѣтъ-Георгій храбрыи, у Георгія свѣта храброго два молодца, два гораздо удалыхъ, великихъ стрѣльца: одинъ сынъ Симіонъ, другой Герасимъ, ходятъ со тугимъ лукомъ, стрѣляютъ по сырому дубу. Ой же вы, Семевонъ да Герасимъ! не стрѣляйте по сыру дубу, стрѣляйте по приточнымъ ранамъ, отстрѣливайте, откаливайте у раба Б. и притчи, призоры, приточны оговоры, вѣтренны переломы, отъ черной печени, отъ ретиваго сердца.

Послѣ этого должны быть сказаны ключевыя слова, которыхъ колдунья не сказала изъ опасенія, что если она ихъ передастъ, то ея заговоръ не будетъ дѣйствовать, что можетъ сказать только передъ своею смертью.

(Запис. А. Тешенинъ въ посадѣ Сумѣ, Кемскаго у.)

102. Озевны или призорны шепотки.

Стану я р. б. N. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіянъ камень, на святомъ окіянѣ камнѣ святая Государыня Богородица, Николай милостивый, Зосима и Савватіи Соловецкіе чудотворцы, Варламій, Феодосій тотемскій, Аѳанасій наволоцкій, Прокопій устьянскій, св. апостолы Петръ и Павелъ, помогайте, пособите, на добро поучите. добрыхъ словъ поговорить, онахивать и омахивать своими золотыми ризами отъ р. б. N. отъ дѣвки черноголовки, отъ бабы бѣлоголовки, отъ колдуна, отъ колдуньи, соймите всѣ приточки, прикосы, озевы, оговоры, съ буйныя головы, съ ясныхъ очей, съ ретиваго сердца. Будьте мои слова всѣмъ сполнымъ сполна, которое слово забудено, будь незабудено, которое слово неисполнено, будь исполнено, будьте мои слова крѣпче булатнаго ножа, вѣкъ повѣку отъ нынѣ и до вѣка аминь.

(Нарядъ Устьпад. Удѣл. кон. прик. о достав. въ Арх. Удѣл. конт. этногр. свѣд. 1847 г. № 60).

103. Прикосъ или оговоръ человѣку.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Говори ты истинному Христу ангелъ святый господень: поди и опроси у р. б. N. нѣтъ ли у него скорби и болѣзни и прикосу или оговору, или вѣтренна прострѣла и воденнаго, и незапретило ли проходу или выходу въ 73 жилахъ и въ 73 составахъ; говори ты истинному Христу и ангелу святому Трифонъ святой: въ кое время на роспятіи былъ повѣшенъ истинный Христосъ отъ жидовъ и не чюлъ въ себѣ ни щепоты ни ломоты, и ни удару, и ни прикосу, и ни людскаго оговору, и ни вѣтреннаго прострѣлу, такожде бы и у р. б. N. не было бы ни прикосу и ни призору, и ни людскаго оговору и ни щепоты или ломоты, и было бы все по старому и прежнему всегда и послѣ. Во имя О. и С. и Св. Д. Всѣмъ моимъ словамъ небо есть ключь. Аминь, аминь, аминь.

(Записано помощ. миссіон. Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. у.).

104. Слово прикосъ снять.

Говорить въ воду:

Стану я рабъ, божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, на чистое поле; идутъ четыре жены Маріи къ церкви божей престолу Христову: первая святая жена Марія несетъ крестъ животворящей, а другая святая жена Марія несетъ святую воду, а третія святая жена Марія несетъ тиміянъ и ладанъ, четвертая святая жена Марія несетъ пелену нетлѣнную. Первая святая жена Марія огради крестомъ животворящимъ, вторая святая жена Марія окропи святою водою, третія святая жена Марія накади тиміяномъ и ладаномъ, четвертая святая жена Марія оботри пеленою нетлѣнною отъ призору, отъ прикосу, отъ оговору, чтобы у меня, раба божія имярекъ, не ще-

пило, не болѣло на всякъ день, на всякъ часъ; вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

105. Отъ колдуновъ.

Стану я рабъ б. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной, есть акіянъ синее море, на томъ на акіянѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на томъ бѣлолатырь камнѣ стоитъ святая золатая церковь, въ той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я прійду рябъ б. и. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня р. б. и. тынъ желѣзный, вереи булатны на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропущайте огненную рѣку! Отговариваюсь я р. б. и. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троеженова, отъ двоезубовъ, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечнаго, отъ сѣннова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, отъ всякаго злаго находа человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громче громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? Не можетъ злой лихой человѣкъ колдунъ, колдунища, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка; бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдуница, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя О. и С. Св. Д. Аминь.

(Заг. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 59).

106. При накладываніи пояса, какъ средства противъ колдуновъ и ихъ порчи.

Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ окіянъ море, а взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба б. Н. не отмыкать, а кто ключи достанетъ, тотъ и отмыкнетъ. Аминь.

Отъ всѣхъ колдуновъ и ихъ заговоровъ и всякой порчи носятъ поясъ на голомъ тѣлѣ изъ сѣтки (шарфа), и при этомъ талисманѣ не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча.

(Простонародная медицына, рукоп. статья Ив. Костылева.)

107. Чтобы испортить, или навязать килы.

Чтобы испортить кого либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. При завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятся слѣдующія слова:

1) «Выйду я на улицу, 2) брошу въ чисто поле, 3) въ разстанье, 4) межъ дворы, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота».

Когда завяжутся всѣ 8 узловъ, то говорится:

«Хоша и здѣсь оставлю; куды пойдетъ, тутъ и очутится.»

При завязываніи каждаго изъ 13 остальныхъ узловъ говорится:

«По позднему вечеру выйду я на улицу и откажусь я отъ Іисуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ бытюшки, отъ матушки, предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи, чтобы она помогла мнѣ и пособила: поступаю я на вора разбойника, на деннаго грабильщика, на ночнаго полуночника, на (имя рекъ), и хочу я его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша въ чистомъ полѣ, хоша въ темныхъ лѣсахъ, хоша въ зыбучихъ болотахъ, хоша соннаго, хоша дремучаго, хоша въ терему, хоша за столами дубовыми, хоша со явствами медовыми, хоша пошелъ бы онъ и запнулся бы, самого себя заклянулся бы. Окаянные духи! придайте мнѣ силы, помогите и пособите мнѣ, чтобы не было (имя рекъ) ни въ день житья, ни въ ночь спанья, ни въ часъ моготы, ни въ полчаса терпѣжу. Хошъ бы схватило его грыжами

или стрѣлами, взяло бы его въ минуту или въ двѣ и узналъ бы онъ всѣ скорби и печали.»

Заклинаніе произносится обыкновенно вечеромъ, при чемъ заклинатель непремѣнно долженъ быть безъ креста. Знатоки этого дѣла совѣтуютъ передъ началомъ убить совершенно чернаго кота или кошку. Коль скоро тотъ, для кого приготовлено подобное заклинаніе, наступитъ на наговоренную нитку, то онъ споткнется и если при этомъ скажетъ какое либо скверное слово, заговоръ начнетъ свое дѣйствіе.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

108. Икоту напускать

При самомъ началѣ, когда учиться напускать икоту, снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подъ пяту, продержать полсутки, говорить слова:

«Отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ.»

Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать, не иначе во-первыхъ (прежде всего), какъ родственницѣ, упоминать слова:

«Пристаньте сему человѣку скорби, подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имярекъ) до окончанія жизни».

Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, перемѣнить по обыковенному, напередъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ, съ приговоромъ:

«Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и имярекъ (тотъ человѣкъ, коему таковое зло учинишь). Отступите отъ меня дьяволи, а приступите къ нему.»

И не вдолгѣ сходить, соль ту разрыть, и сказать:

«Поди, дьявольщина, отъ меня прочь!»

И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить то о человѣка.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго Уѣдн. Суда, 1815 г.. о признавшемся чародѣѣ въ напускѣ болѣзней, подъ названіемъ икотъ, крест. Пильегор. волости Мих. Чупаревѣ, апрѣля 13 дня 1815 г.; по генер. описи подъ № 985).

109 Оберегъ отъ оружія и отъ всякаго погубленія.

а) Ложуся я рабъ Б. имрекъ—Богу помолюся, встаю р. б. имрекъ—крестюся, умываюся я р. б. имрекъ — благословюсь водою бѣлъ, утираюся я р. б. им. престольною пеленою, иду я р. б. им.: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою стоитъ гробница, въ той гробницѣ лежитъ Афанасій чернецъ, старецъ Анисимъ патріархъ и посхимшеся именемъ, осташеся каменемъ, и слово неговоритъ; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ милостивый Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гавріилъ архангелъ, Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святые апостолы, Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чудотворецъ, помолюсь я р. б. им. 12-ти апостоламъ, Іоанну Предтечи, Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Гавріилу архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостоламъ, Михаилу архангелу, Гавріилу архангелу, Георгію храброму, Николаю святому чудотворцу, одѣваюся я р. б. им. небомъ, подпоясшуся я р б. им. облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ Христовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Бога на помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонашъ, постриженъ и посхимленъ, окаменѣнъ осташеся и съ каменемъ въ гробницѣ лежа, также и противникъ мой онѣмѣлъ. Крестъ на мнѣ р. Б. им., крестомъ я р. б. им. ограждаюся отъ сопротивника своего, еретика, еретицы, отъ клеветницы; замыкаюся я р. б. им. отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдунъ, отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я р. б. им. съ тѣхъ девяносто позолоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и одинъ на днѣ лежитъ камень латырь, никому въ окіянѣ не бывать, и ключей моихъ не вынимать.

б) Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Отъ земли до небеси около меня р. б. им. стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ немъ породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Іисуса Христа, ангела, архангела и великіе архангеліе: грозныхъ силъ воевода святый архангелъ Михаилъ и архангелъ Гавріилъ, и святой страстотерпецъ Дмитрій святый и храбрый Георгій, тѣ меня р. б. им. берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими, не даютъ меня р. б. им. лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоти, ни чѣмъ бити, ни копіемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни мечемъ лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служеника своего ангельскаго, мученическаго р. б. им. предъ царемъ Александромъ Македонскимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ, святыхъ вдовицъ умоленіемъ. Стой не ходи ко мнѣ рабу б. им. умолені-

емъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, не ходи ко мнѣ рабу б. им., умоленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала и до сего дни; умоленіемъ вдовицъ стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу б. им., черезъ Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, умоленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помилуй, заради и заступи и защити раба б. им. отъ стрѣлъ лѣтящихъ, и отъ всякаго желѣза, отъ булату и отъ укладу; и отъ камене, отъ стали и отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго древа русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и воинскаго и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищалки, и отъ самопаловъ и отъ пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ каменныхъ трескъ и оловянныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дроби всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семъ свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перыя и отъ всякаго погубленія черемисскаго и татарскаго, бухарскаго и крезниского (sic), и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя крестъ креста церковнаго; крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святый великій Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба б. им. Иродовыхъ 12-ти дщерей и сохрани меня грѣшнаго раба своего им. душу мою и тѣло цѣло издраво, до окончанія живота моего и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Читать по утрамъ и зарямъ трижды.

(Заговоры, извлеч. изъ рукописей старообрядческихъ Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1.; а также Щапова Истор. очерки народ. міросоз. и суевѣрія стр. 54. Извѣстны и въ Архангельской губерніи).

110. Слова на кулачный бой.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Стану я р. б. благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, умоюсь не водою, но росою и утруся шелковымъ полотенцомъ, помолюся Спасу пречистому и Матери Божіей Богородицы, Михаилу Архангелу и Гавріилу Архангелу, Петру и Павлу верховнымъ апостоламъ; взойду я р. б. Н. краснымъ солнцомъ, облеку на себя свѣтлый мѣсецъ, опояшусь румянными зорями, обтычусь частыми звѣздами, что острыми стрѣлами отъ недруга и супостата. И какъ жидове Христа роспинали и били его деревомъ и копіемъ и веревкою, и какъ истинный Христосъ не чюлъ въ себѣ ни щепоты, ни ломоты, ни опухоли, ни въ кос(т)ьи, ни въ жильи, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцу. И такъ бы я р. б. не чюлъ въ себѣ ни щепоты и ни ломоты и ни опухоли ни въ кости, и ни въ жильи, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцу. И какъ въ въ свѣтлое Христово воскресенье радовалось красное солнце и апостоли и вси святыи и весь міръ православный, и какъ радуется зоря, ждетъ и дожидаетъ краснова солнца и какъ на красное солнце зрятъ и смотрятъ цари и князи и вси начальницы и весь міръ православный; также бы и меня р. б. Н. ждали и дожидали, зрѣли и смотрѣли цари и князи и начальницы и весь міръ православный. И какъ далече въ чистомъ полѣ лежитъ кость отвердѣла и окостенѣла, какъ крѣпко и какъ твердо; такъ же бы и у меня р. б. Н. окаменѣло бѣлое тѣло и ретивое сердце и горячая кровь. И какъ далече въ чистомъ полѣ лежитъ сѣръ горючій камень окаменѣлъ, сколь крѣпко и твердо, и также бы у меня р. б. П. окаменѣло бѣлое тѣло и ретивое сердце и горячая кровь, и буди мой кулакъ по семи фунтовъ. И тѣ мои слова будьте крѣпки и емки, и тѣмъ моимъ словамъ небо ключь, а земля замокъ.

(Записано помощ. миссіонера Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ, Холмог. у.)

111. Тоже.

Стану я р. б. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ вороты, въ чисто поле въ востокъ, въ восточную сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіянѣ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ и у того святаго окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубитъ тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепа летитъ, такожде бы и отъ меня имр. валился на сыру землю борецъ добрый молодецъ, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. (Трижды).

И тѣмъ замокъ моимъ словамъ, ключь въ море, замокъ въ небѣ, отъ нынѣ и до вѣка.

(Загов. извл. изъ рук. староб. Ж. М. Н. П., 1863 № 1. ст. Щапова, стр. 60. Извѣстенъ и въ Архангельской губ.)

VIII. СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ.

А. СКАЗАНІЯ *)

1. Сказаніе о муцѣхъ, ихъ же Михаилъ Архангелъ показа Пресвятѣй Богородицѣ.

Рече Пресвятая Богородица къ Михаилу Архангелу: поведи меня, гдѣ мучатся многи народы, и гдѣ тьма кромѣшная, черви несыпучіе и мука вѣчная.

И приведе ю ко древу желѣзному, стоитъ древо желѣзное, на немъ вѣтки огненныя, и тутъ многіе народы мучатся. И рече Мати Божія: сіи люди за кія дѣла мучатся? И рече: сіи суть судіи неправедніе. О горе имъ, горе!

И приведе ю Михаилъ ко рѣкѣ огненной и въ ней людіе стоятъ: по колѣно,—то блудъ творящіе и отцовъ не почитающи; по поясъ,—то отцы латыни дѣти свои учучи; по уста,—то свитокъ сей отметаючи.

И приведе ю къ рѣкѣ темной, въ ней вопль, писк и визгъ страшенъ зело, и въ ней сидятъ жидови дѣти, и брады брѣючи и кохтія не сохраняючи.

И приведе ю къ огню великому, и въ немъ въ котлахъ кипятъ, иже пятницы несоблюдаючи, искры питаются, дымомъ напиваются и мучатся.

И приведе ю къ червямъ несыпучимъ и къ молію ненасытному и ядятъ червіе и грызутъ моліе, иже въ среды на сыръ разрѣшаючи, и въ дышло ѣздючи.

И приведе ю къ озеру смолью кипучему и въ немъ мучатся архіереи, попы и дьяки и весь причетъ церковный, зане ругу и яица собираше, усы подстригаше, и съ бояры хлѣбъ-соль водяше, браги много испиваше, по долгу спаше, того ради тіи мучатся.

И приведе къ зміямъ лютымъ многоглавымъ и тіи скрежутъ тѣлеса человѣчи, и то суть бояри злые, бояри жестокіе, и нѣмцы управители и сѣнныя клюшницы, иже батогами православныхъ отъ барскихъ погребовъ отгоняючи.

И приведе ю къ дракону змію, кохти желѣзны, языки огненны, и сосетъ кровь человѣчу и кусками мяса заядаетъ, а то прикащики и выборные, иже оброкъ сбираше, на барску работу посылаше, и дѣти православныхъ въ науку обираше и въ солдаты иныхъ отдаваше, сущіи міроѣды, за то имъ и мука.

И приведе ю, гдѣ діаволи жгутъ тѣло человѣка, и какъ пряжу на клубки мотаютъ, и это зачѣмъ колдунамъ не вѣрили, за чѣмъ ворожбой не ворожили, за чѣмъ пива хорошаго не варили, сытой не сытили и православныхъ не честили.

И рече Мати Богородица со слезами: о горе бѣдному роду человѣческому! и возмолись къ Сыну своему: помилуй ихъ, Сыне мой! И рече къ ней Сынъ Божій: кто будетъ носить сей свитокъ, того помилую, сниму съ него всѣ грѣхи, а кій человѣкъ его отринетъ и деньги за него грамотѣю не дастъ, тому мука безъутѣшная, скрежетъ зубовъ, мразъ, огнь, аминь.

2. Пятничный свитокъ.

Желающій угодить Господу Іисусу Христу долженъ соблюдать и поститься двѣнадцать пятницъ, и кто сіе соблюдаетъ, тотъ хотя и Богу не молится и въ церковь не ходитъ, и евангелія не читалъ, спасется.

Первая пятница, на первой недѣли великаго поста. Кій человѣкъ въ ту пятницу постится, внезапною смертію не умретъ, но и изъ воды сухъ, изъ огня не опаленъ, и изъ всякой бѣды чистъ выйдетъ, и если при смерти не будетъ священника, ангелъ причаститъ его.

Вторая пятница, предъ Благовѣщеніемъ Богородицы.

*) Печатаемыя здѣсь три сказанія записаны священникомъ Лисестровскаго прихода Ѳедоровымъ.

Постящійся въ оную отъ напраснаго убійства сохранится, никакой грѣхъ ему не вмѣнится, но все простится.

Третія пятница, на страстной недѣли. Постящійся въ оную отъ непріятеля избѣгнетъ и всякаго колдуна попѣдитъ, и бѣшеная собака никогда не укуситъ.

Четвертая пятница, предъ Сошествіемъ Святаго Духа. Кій отецъ не имѣетъ дочерей и ни одного сына, тотъ постись въ оную, и кая мать желаетъ дочери, та постись въ оную. *(За симъ пропускъ)*.

Шестая пятница, предъ Рождествомъ Іоанна крестителя. Постящійся въ оную не будетъ страдать головною и зубною болію, прострѣлъ его не ударитъ, и онъ ни въ чемъ скудѣть не будетъ.

Седьмая пятница, предъ днемъ Пророка Иліи. Постящійся въ оную избавленъ будетъ отъ муки и ада, отъ сего же разведутся хорошія лошади и легкіе роды.

Осьмая пятница, предъ Успеніемъ Божіей Матери. Постящійся въ оную получитъ смирную жену, красивыхъ дѣтей и не пострадаетъ отъ язвы.

Девятая пятница, предъ днемъ Козьмы и Даміяна. Постящійся въ опую всякій судъ высудитъ, всякаго богача осилитъ и на войнѣ не поразится.

Десятая пятница, предъ днемъ Архангела Михаила. Имя постящагося въ оную напишется у Богородицы на престолѣ, и ангелы возьмутъ его душу.

Одиннадцатая пятница, предъ Рождествомъ Христовымъ. Постящійся въ оную, хотя годъ или больше пролежитъ на смертномъ одрѣ, по умретъ безъ страданія.

Двѣнадцатая пятница, предъ Богоявленіемъ Господнимъ. Постящійся въ оную будетъ знать всякую тайну и будетъ написанъ на Моисѣевѣ жезлѣ у самаго Іисуса Христа.

Кто сему вѣруетъ и помянутыя пятницы честитъ, тотъ блаженъ и преблаженъ, а кто сему, яко заповѣданію Божію не вѣруетъ, тому анаѳема, проклятъ, таръ-тарары и преисподняя, аминь.

3. Отчего уставися вино душепагубное *).

Братіе, разумѣимъ хмѣльное питіе отъ бѣса сотворшаго на пагубу душамъ православнымъ христіанамъ и на вѣчную муку. По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, ходяща ученицы Господни по земли и учаше люди заповѣди Господни, истинныя вѣры христіанскія: закону Божію. Сатана же, завистію своею распаляемъ, позавидѣ доброму дѣлу Божію и нача съ бѣсы бесѣдовати, како бы уловити и погубити родъ человѣческій піянствомъ наипаче вѣрныхъ христіанъ, и выступи у нихъ единъ изъ собору піяный бѣсъ и глагола сатанѣ: «азъ вѣдаю, господине, отъ чего сотворить горѣлку-піяное вино». Сатана же даде ему власть піянную и нача съ нимъ бесѣдовати, и глагола ему бѣсъ: «еще азъ вѣдаю, господине, яко осталось тоежъ травы, что есмь прельстилъ Ноеву жену до потопа на Аравійскихъ горахъ, и азъ пойду по тую траву и прельщу человѣка нѣкоего, его же обрящу.» Воста сатана съ престола своего съ бѣсы и поклонися ему до земли, и воздаша ему честь великую, и посадиша его на престолѣ своемъ, и положи на главу его вѣнецъ, и облече его въ порфиру, и даде ему скипетръ царскій, и нарече ему имя, піяный бѣсъ. По мнозѣ времени пойде бѣсъ путемъ своимъ, и обрѣте человѣка нѣкоего въ Палестинѣ идуща изъ града во иный градъ, обнищавша зѣло, и рече бѣсъ человѣку тому: «куда идеши человѣче?» и глагола ему человѣкъ: «скитаюсь отъ бѣдности.» И рече бѣсъ человѣку тому: «возвратися вспять и поди во градъ, изъ его же пришелъ еси сѣмо, во времени пріиди на уроченное мѣсто сіе, иже пріобрѣтоша себѣ; при рѣцѣ источникъ течетъ, азъ ти сотворю предивную вещь и дамъ ти, и будеши у царя пожалованъ, чего ты не видалъ.» И пойде человѣкъ той въ путь свой, а бѣсъ тогда побѣжа скоро на Аравійскія горы и взя траву, еже есть хмѣль, и возвратися на прежде-реченное мѣсто и приготовиша сосуды-кубы, трубы и кади. По времени пріиде и человѣкъ той на уроченное мѣсто, идеже бѣсъ призывалъ. Научи его бѣсъ, како ростить солодъ и варить брагу, дондеже выкиснетъ, и уготовиша горнъ и горшки и поставиша кубы и налиша браги, на крыши и окружа горшки и тестомъ замазаша, трубами сквозе роспустиша и налиша кади воды и положиша подъ кубъ огня, начаша варити. И пойде сквозе кади трубами, яко нѣкая хитрость-мудрость и на умъ человѣкомъ не взыде. Такъ умудрилъ бѣсъ на погибель человѣкомъ и наипаче православнымъ христіанамъ и наливъ скляницы и даде человѣку тому, и посла его къ царю, яко дары честны, и по времени созва царь вельможъ своихъ и нача дивитися, каково сіе есть питіе, и налія чашу и испиша царь, и потомъ даде вельможамъ

*) Другое заглавіе: «видѣніе блаженныя памяти государя царя и великаго князя Іана Васильевича всея Россіи о хмѣльномъ питіи.

своимъ и быша веселы, и начаша человѣка того дарити, чего ему на сердце не взыде, и глаголаше царь человѣку тому: «кто тебѣ указалъ питіе сіе сотворити, человѣка того ко мнѣ пошли и азъ дамъ ему полцарства моего». А бѣсъ пойде тогда въ свое мѣсто и поклонися сатанѣ и сказа ему: «все потребно како сотвори піяное питіе и человѣка къ царю его отпусти, яко дары честны.» Радъ бысть сатана вельми и пача дивитися и даде ему власть царскую по обѣщанію своему. И еще даде ему сатана въ почесть на помощь триста бѣсовъ ко піянству людей пригонять, а наипаче православныхъ христіанъ. И бысть честенъ и великъ той бѣсъ у сатаны. Человѣкъ той, коего бѣсъ научи дѣлати піяно вино, пріиде отъ царя на прежде реченное мѣсто и не обрѣте бѣса, возвратися скоро къ царю: «не вѣмъ, царь, откуда человѣкъ еси пришелъ и камо ушелъ. Не скорьби царь о семъ: азъ умѣю зеліе то сотворити.» И бысть той человѣкъ первый у царя въ палатѣ съ вельможами и другъ царю. Разнесеся то піянее питіе въ Кесарію и Литву и по всѣмъ царствамъ и странамъ, и потомъ же на кончину вѣка сего и къ намъ, въ русскую страну, на погибель душамъ христіанскимъ и на муку вѣчную. Потомъ пріиде въ русскую страну злая брань матерная на осквернение земли и воздуха и всея твари. Затѣмъ пріиде въ русскую страну антихристово питіе сухое.

Б. СКАЗКИ.

1. О молодцѣ и прекрасной дѣвицѣ, величавой Душѣ.

Бѣ нѣкій молодецъ, дивенъ дворянинъ боярскаго рода, въ красотѣ юности и храбрости своей чуднѣ блистался корпусомъ, политическими науками паче германскихъ бывателей. Нѣкогда случилося ему бесѣдовать съ прекрасною дѣвицей, величавой Душой наединѣ. Рече младой юноша: «о душа моя, милая, прекрасная Дѣвица! гулялъ я, младый юноша, по многимъ землямъ и по многимъ городамъ, въ Цареградѣ великомъ, во Франціи премудрой, въ Гишпаніи прекрасной и Греціи прекрасной, и въ Италіи во бодрой, и въ прочихъ городахъ немѣцкихъ, на восточную сторону и подъ западную, и не могъ я найти, какъ ты моя милая, душа прекрасная дѣвица. Дондеже зрѣніемъ благолѣпнѣйшія персоны вашей не усладился, точію слухъ былъ о красотѣ вашей, имѣлъ многія безпокойства о вашей красотѣ; нынѣ же, егда ваше лице зрительно узрѣхъ, въ подлинное увѣреніе пришелъ; ибо ты, украсившися юностію своею, аки маковъ цвѣтъ, блистаешися природой твоей персоны румянностію, аки кринъ сельный, умѣренностію возраста подобящися Елѣ троянской, премудростію спѣеши, аки Венера избраннѣйшая, разумомъ цвѣтеши, аки Семирамида царица пречудная.» Слышавъ сіе отъ молодца величавая Душа посмѣяся рече: «кто неподивится твоему безумію, вѣдая, что не знаться лучше дворянину съ боярыною счастливою. Откуда ты пришелъ, чертъ тя знаетъ! Отъ глупыхъ ли ты, отъ безумныхъ молодцовъ, песъ ли тебя добывалъ? мѣняльница ли тебя родила? Свинья ли тебѣ баба? Медвѣдица ли тебя пестовала? Курица ли тебя воздонила? Коза ли тебя воскормила? Ежовая кожа, рачья рожа, медвѣжій взглядъ, облѣчье видѣніе, куничій носъ, налитыя губы, окуньи зубы, кобылья голова, собачій рыскъ, телячій умъ, овѣчій смѣхъ; кабы у тебя не уши, былъ бы ты вмѣсто ворогуши.» Сіе молодцу хотя и весьма горько, обаче въ ничто вмѣнивъ, сице рече: «о душа моя милая, прекрасная дѣвица, павлинное твое видѣніе, голубиное твое ступаніе, соколиное твое зрѣніе, бумажное твое тѣло, перепельныя твои кости, златовидные твои власы, сахарныя твоя уста, ароматное твое дыханіе, сосцы твои яки яблоки въ саду, руки твои наполнены щедрости.» Но прехвальная дѣвица рече удалому молодцу: «откуду тебѣ таковая дерзость пріиде, яко хощешь меня музыкательными словами склонить въ любовь себѣ, ибо его мышья тропа Езопова притча, подподольная звѣзда, запечной свѣрчокъ, батанинъ стольникъ, адскій дворникъ, заугольный добытокъ, дьявольской прибытокъ, полудница худой ржи, ночной нетопырь, банный слизъ повисъ голову свой внизъ. Жилъ бы ты, бѣдный, дома, плелъ бы ты лапти, ѣлъ бы оскребки, пилъ бы ты болотную воду со ржавчины.» Отчего молодецъ пришелъ во изступленіе своего разума; не можетъ отвѣчать противъ прекрасной дѣвицы. Обаче укрѣпился рече: «видъ мой предражайшихъ очей укрытися не можетъ, тако же твоя красота не можетъ во всей подсолнечной. Аще мнѣ волей принять неизволиши, не то и по неволѣ принять будешь. Какъ стѣпь безъ краснаго солнца завсегда мраченъ есть, такъ твоя красота безъ любви друга своего въ мрачномъ рубищѣ; и какъ въ прекрасныхъ поляхъ апартаменты безъ покрововъ своихъ въ краткомъ времени разрушаются, такъ твоя красота, не имѣя любезнаго своего друга, скоро изгибнетъ; какъ дерево съ листвіемъ своимъ въ лѣтѣ слаще украшается, пришедшая зима, не имѣя прохладнаго Фавонія, вскорѣ лишается

красоты,—тако и ты, аще возлюбишь друга, аки въ лѣтѣ непреставъ украситься имаши. Аще же имѣть не будешь вскорѣ лишишься красоты лица твоего; и яко корабль безъ оной погружается съ волнъ морскихъ, такъ и ты, не имѣя друга своего сладчайшаго, вскорѣ погрязнеши въ печалѣхъ лютѣйшихъ, и какъ пріятнѣйшей сладости растворенное музыками мое играніе, аще и въ пребезмѣрной горести пребываеши, увеселитъ, такъ твоя красота да будетъ въ радости на вѣкъ со мною». *(безъ конца)*.

2. Диво дивное, чудо чудное.

Въ нѣкоторомъ градѣ иностранныя земли жилъ нѣкій богатый купецъ, по имени Славеръ, и тотъ купецъ торговалъ дорогими и знатными товарами и отсылалъ также и въ иныя государства для лучшаго барыша. Въ нѣкое же время сдумалъ самъ туда ѣхать съ своими товарами, и когда началъ онъ собираться въ корабль, то спросилъ свою жену: «радость моя! что велишь купить тебѣ въ гостинецъ: я ѣду въ иностранныя земли.» Жена его на то ему отвѣчала: «другъ мой сердечной! ужъ я всѣмъ у тебя довольна и все у меня есть, такъ мнѣ ничего не надобно; а купи ты мнѣ диво.» Купецъ подумалъ и сказалъ женѣ: «хорошо.» Потомъ приказалъ одинъ корабль нагрузить лучшими своими товарами, и послѣ чрезъ нѣсколько дней поплылъ; и чрезъ три мѣсяца присталъ къ одному какому то незнакомому ему совсѣмъ городу, гдѣ пораспродалъ всѣ свои товары и послѣ, накупивъ тамошнихъ товаровъ, нагрузилъ опять корабль свой. Ходилъ тотъ купецъ по городу и думалъ, гдѣ найти ему купить диво, и попался ему навстрѣчу незнакомый человѣкъ и примѣтилъ, что сей купецъ гораздо призадумался, и сталъ ему говорить: «господинъ-купецъ! скажи пожалуй тоску, печаль свою; авось либо я тебѣ въ чемъ помогу сдѣлаю» —«Добрый человѣкъ, сказалъ ему въ отвѣтъ купецъ Славеръ, какъ мнѣ молодцу не кручиниться, ищу я купить женѣ своей диво, да незнаю гдѣ». — «Ты давно бы мнѣ сказалъ, молвилъ ему незнакомый человѣкъ, поди со мной, у меня есть диво-дивное чудо-чудное, и ты краше меня ни гдѣ ненайдешь.» Купецъ обрадуясь пошелъ съ нимъ. Незнакомой человѣкъ привелъ купца въ свой домъ и сказалъ: «видишь ли ты на дворѣ у меня гуся?» «Вижу», отвѣчалъ ему купецъ. «Такъ смотри же, что съ нимъ будетъ» — молвилъ незнакомой человѣкъ и, проговоря сіи слова, закричалъ гусю: «гусь поди сюды!» Гусь тотчасъ пришелъ въ горницу; незнакомой взялъ сковороду, а потомъ сказалъ: «гусь, ложись на сковороду!» Когда гусь легъ на сковороду, тогда онъ взялъ сковороду и поставилъ въ печь и какъ скоро изжарился гусь, то незнакомой человѣкъ поставилъ его на столъ и просилъ купца, чтобъ онъ съ нимъ поѣлъ того гуся, но чтобъ костей его не бросать подъ столъ. Купецъ сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ застолъ ѣсть гуся, и когда они всего его съѣли, тогда незнакомецъ, свернувъ кости въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встрепенулся и сталъ живъ по прежнему и пошелъ на дворъ. Купецъ тогда сказалъ: «подлинно, что есть диво-дивное и чудо-чудное;» а потомъ началъ того гуся торговать, и сторговалъ его за дорогія деньги, и взялъ его на свой корабль. И послѣ того скоро отправился во свое отечество купецъ, привозитъ гуся, сказалъ женѣ, какія чудеса съ тѣмъ гусемъ дѣлаются, что изжаривъ его и съѣшь, онъ опять оживетъ. Тогда жена его обрадовалась и говорила своему мужу: «вотъ у меня всякой день будетъ жаркое некупленное.» На другой день послѣ того пошелъ купецъ въ лавку свою торговать, а къ женѣ его пришелъ любовникъ. Купчиха рада была такому гостю и вздумала поподчивать его жареннымъ гусемъ, а печка тогда топилась. Она закричала: «гусь! поди въ горницу.» Гусь тотчасъ пришелъ, потомъ сказала: «гусь! ложись на сковороду!» гусь не слушаетъ ее и нейдетъ на сковороду. Она осердилась на гуся, что не слушаетъ ее; ударила его сковородникомъ, тогда сковородникъ однимъ концомъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ такъ плотно, что никакъ оторвать его нельзя. Купчиха закричала своему любителю: «ахъ, дружокъ мой! пожалуй оторви ты сковородники отъ руки моей; конечно этотъ гусь проклятой непростъ, а завороженъ». Любитель купчихи взялся было оторвать сковородникъ отъ руки ея, но и самъ тутъ же прильнулъ; тогда гусь потащилъ ихъ обоихъ къ лавкѣ купца Славера. Купецъ, увидя свою жену съ незнакомымъ человѣкомъ и всѣхъ вмѣстѣ сольнувшихъ, удивился и велѣлъ своему прикащику разнять. Тотъ тутъ же прильнулъ. Купецъ догадался тому диву, взялъ самъ и сталъ ихъ разнимать, и разнявъ всѣхъ, спрашивалъ свою жену о томъ человѣкѣ, который съ нею былъ сольнувши. Она принуждена была мужу своему признаться во своемъ проступкѣ; купецъ же незнакомаго человѣка любителя жены своей отпустилъ.

3. О Марьѣ царевнѣ.

Не въ какомъ царствѣ, не въ какомъ государствѣ, былъ жилъ царь съ царицею, и была у нихъ одна дочь, Марья царевна; а какъ умерла царица, то онъ взялъ Ягичну, и у Ягичны родилось двѣ дочери: первая двоеглазая, а другая троеглазая. Ягична падчерицы незалюбила; послала ее пасти коровушку буренушку, дала ей съ собой сухую краюшку хлѣбца. Она пошла въ чистое поле, въ праву ножку поклонилась, напилась, наѣлась, хорошо срядилась; за коровушкой буренушкой день ходитъ какъ барыня. День прошолъ, опять поклонилась въ праву ножку, разрядилась; пришла домой, краюшку положила на столъ: «чѣмъ сука сыта живетъ?» спрашиваетъ Ягична. Прошелъ другой день, взяла опять туже краюшку, и посылаетъ Ягабовна большую дочь свою посмотрѣть, чѣмъ Марья царевна питается. Пришла; сестра говоритъ: «дай, сестрица, поищу въ головкѣ.» Стала искать, говоритъ: «спи, спи, сестрица! спи, спи, спи родима! спи-спи вся». Стала и пошла къ коровушкѣ буренушкѣ. Поклонилась въ правую ножку, напилась, наѣлась и срядилась, и ходитъ день какъ кбарыня. Пришелъ вечеръ, говоритъ Марья царевна:«ставай, сестрица! ставай, родимая! пойдемъ домой,!»—«Охти мнѣ! я все проспала, меня мати забранитъ, ни чего невидѣла». Пришла домой,спрашиваетъ мати; «что ѣла,?»—«Я ничево не видѣла.» Стаетъ по утру, посылаетъ другую дочерь; говоритъ: «подико, сука! что она пьетъ и ѣстъ?» Пришли въ чистое поле буренушку пасти; говоритъ Марья царевна: «дай я тебѣ, сестрица, въ головушкѣ поищу».—«Поищи, сестрица! поищи, родима!» Стала искать. «Спи—спи, сестрица; спи—спи родима! спи-спи глазокъ! спи-спи другой! спи-спи вся сестрица!» а третій глазокъ глядитъ, что робитъ сестрица. День проходитъ, поклонилась въ праву ножку, напилась, наѣлась и раздѣлась. «Ставай, сестрица! ставай, родима.»—«Ох-ти-мнѣ! Я все проспала, меня мати забранитъ.» Пришла домой, краюшку на столъ положила. Стала мать спрашивать дочерь: что пьетъ и ѣстъ? Говоритъ: «пошли въ чистое поле, стала умеия въ головушкѣ искать: спи, сестрица! спи, родима! спи, глазокъ! спи, другой! а умеия третье-тъ глазокъ и видитъ». Матерь говоритъ: «рѣжь, старикъ,коровушку буренушку». Зарѣзалъ коровушку, Марья царевна говоритъ: «дай, дѣдушко родимой! хоть гузенную кишочку».» Бросилъ старикъ въ рожу. Посадила къ вереѣ, выросъ ракитовъ кустъ; всякія птички-пташечки поютъ пѣсни царскія и крестьянскія. Прослышалъ Иванъ царевичь про Марью царевну, пришелъ Иванъ царевичь, положилъ блюдо на столъ; Ягична послала свою дочь ягодъ брать. Птички и близко не подпустили, не дали, а выпустили Марью царевну. Взяла блюдичко и пошла ягодокъ брать; она беретъ, а птички-пташечки вдвое да втрое на блюдо кладутъ, пришла положила на столъ и поклонъ отдала. Веселымъ пиркомъ да и свадебкой. Взялъ за себя Иванъ царевичь Марью царевну. Долго-ли, коротко-ли жили, родила сына; захотѣла къ отцу въ гости. Пріѣхали въ гости, мачиха оборотила ее гусемъ, и свою дочь срядила Ивану царевичу въ жену. Пріѣхалъ въ домъ пестуна старичка. Старичекъ стаетъ по утру ранехонько, умывается бѣлехонько и пошелъ въ чистое поле къ кусточку. Летятъ гуси. «Гуси! вы гуси! сѣрые гуси! гдѣ вы видали младенаго?» Матерь на землю скочила, кожухъ сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, взяла сосать. Сама реветъ: «севодня посошу, да завтра посошу, да послѣ завтра, и улечу за темные лѣса, за высокія горы.» Старичекъ пошелъ домой, паренекъ спитъ до утра безъ разбуду. По утру опять старичекъ стаетъ ранехонько, умывается бѣлехонько. У Ивана царевича жена бранится: «что старикъ всего заморилъ сына?» Пошелъ старичекъ въ чистое поле, а Иванъ царевичь не видимо за старичкомъ идетъ. Сѣлъ къ кусту, а Иванъ царевичь въ кустъ забрался. Летятъ гуси сѣрые: «гдѣ младенаго матку видали?» — «Въ другомъ стадѣ.» Летитъ другое стадо, летитъ. «Гуси! вы гуси! гдѣ вы младенаго матерь видали.» Младенаго матерь на землю скочила, кожу сдернула, бросила на кустъ, стала младенаго сосить. Стала прощаться съ нимъ: «улечу за темные лѣсы.» Младенца старичку отдала. «Что, говоритъ, смородомъ пахнетъ?» Хотѣла надѣвать космы, хватилась и нѣтъ ни чего. Иванъ царевичь захватилъ Марью царевну. Она оборнулась скакухой ящерицой и всякой гадиной, повернулась веретешочкомъ и перелопилась на двое. Пяткой на задъ бросилъ, стало денегъ кошелекъ; носокъ предъ себя, стала молодая молодица. И пошли домой. Ягична реветъ: «разорительница идетъ.» И собралъ князей и бояръ; говоритъ: «съ которой одной прикажите жить?» Онѣ сказали: «съ первой.» — «Ну, господа! которая жена на ворота скорѣе скочитъ, съ той и жить стану,» Ягична какъ говорить взлезла, а Марья царевна только цапается, а вверхъ не лезетъ. Тутъ взялъ Иванъ царевичь свое ружье и застрѣлилъ Ягичну, а съ Марьей царевной сталъ жить, да поживать, да добра наживать.

4. О старикѣ и старухѣ и о сынѣ ихъ Ѳедорѣ Ивановѣ.

Не въ которомъ мѣстѣ былъ старикъ съ своей старушкой, у коихъ былъ одинъ сынъ по имени Ѳедоръ Ивановичъ. Сдумали старикъ и старуха своего сына учить разнымъ наукамъ; отдали одному богатому купцу на три года. Послѣ трехъ годовъ купецъ говоритъ старику: «приходи по сына!» Старичекъ приходитъ, близко-то сынъ отца своего увидѣлъ и обвернулся соколомъ, и прилетѣлъ ему на встрѣчу и сѣлъ ему на голову. А старикъ ужахнулся: «кто же меня прельщаетъ?» Соколъ съ головы соскочилъ и ударился о сыру землю и сталъ такой молодецъ, что такова въ свѣтѣ нѣтъ, и говоритъ ему: «здраствуй, батюшка! идешь сюда за мной, только трудно меня взять, да и трудно меня узнать. Купецъ выведетъ тридцать жеребцовъ, какъ одинъ; то ты смотри, я буду съ правой руки третій; ты не хватай за узду, а говори: мой сынъ!»—и обвернулся опять соколомъ, улетѣлъ въ свое мѣсто. Такъ пришолъ старикъ къ купцу и постучалъ подъ окошкомъ и говоритъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» Отвѣчалъ купецъ старику: «хорошо, старичекъ! только извольте помѣшкать съ полчаса». Идя на конюшню вывелъ купецъ къ старику тридцать жеребцовъ, какъ одинъ. Тутъ старичекъ къ жеребцамъ приходитъ поближе, жеребцы копытами бьютъ о землю. Старикъ съ правой руки третьяго жеребца хватилъ за узду и сказалъ: «это мой сынъ!» купецъ: «Да правда, сынъ твой Ѳедоръ Ивановичъ; только я его отдать теперь тебѣ не согласенъ, а приходи завтра рано и выбери второй разъ, то и получить можешь». Старикъ ночь переночевалъ, по утру стаетъ ранешенко, умываетца бѣлешенько и снаряжается скорешенько, идетъ къ купцу подъ окошко, постучался и сказалъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» Отвѣчалъ купецъ: «только извольте погодить съ полчаса времени, и приходи по сына сюда». Какъ полчаса миновало, старикъ опять подходитъ. Сынъ его обвернулся соколомъ, полетѣлъ ему навстрѣчу и сѣлъ на голову; старикъ ужахнулся: «ахъ, кто меня прельщаетъ?» А соколъ соскочилъ съ головы, ударился о землю, сталъ такой красавецъ и говоритъ: «здраствуй, батюшка! пришелъ ты сюда по меня, только трудно меня взять да и трудно узнать; выведетъ купецъ тридцать дѣвицъ, какъ одну, я-жъ натычу назадъ булавокъ; то ты батюшка, ходи по всѣмъ дѣвицамъ по головамъ рукой, гдѣ уколетъ, ту и бери за руку и говори: «вотъ сынъ мой, Ѳедоръ Ивановичъ!» Когда вывелъ купецъ въ садъ тридцать дѣвицъ и сказалъ: «выбирайте своего сына», старикъ пошелъ позаду, глядитъ по головамъ, разъ прошолъ, другой прошолъ и укололъ руку, взялъ за руку и сказалъ: «господинъ купецъ! вотъ сынъ мой!» Купецъ сказалъ старику: «да правда сынъ твой; только отдать тебѣ его несогласенъ, а приходи въ утрѣ и выбери, то и отдамъ тебѣ его». Старикъ пошелъ въ печали въ свое мѣсто, а купецъ говоритъ сыну Ѳедору Ивановичу: «не отецъ твой мудеръ, а ты мудеръ», и началъ его бить, рвать и терзать такъ, что едва оставилъ живаго. Старикъ ночь ночевалъ, поутру стаетъ ранешенько, умывается бѣлешенько, сряжается крутешенько, идетъ скорешенько; пришелъ къ купцу, подъ окошкомъ постучался и скричалъ купцу: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» — «Хорошо, хорошо старичекъ! только извольте помешкать полчаса и приходи по сына своего». Какъ полчаса миновало, старикъ пошелъ къ купцу. Сынъ его увидалъ, обвернулся соколомъ и прилетѣлъ на встрѣчу, сѣлъ на голову, старикъ и ужахнулся: «ахъ, кто экой прилетѣлъ? что за мразь?» Соколъ скочилъ и ударился о землю: «здраствуй, батюшка! пришелъ сюда по меня, только трудно меня взять, да и сегодня меня не узнать. Купецъ обвернетъ тридцать соколовъ, какъ одинъ. Я тебѣ имѣю сказать: онъ выведетъ на широкій дворъ и насыпетъ пшены бѣлояровой, а мы будемъ клевать и соберемся въ одно стадо. Я тогда начну бѣгать кругомъ и полетимъ и подымемся высоко, а я выше всѣхъ и опустимся на землю и опять начнемъ клевать; я тоже буду бѣгать кругомъ, ты тогда меня хватай самъ». И обвернулся соколъ и полетѣлъ въ свое мѣсто. И пришелъ старикъ къ купцу: «господинъ купецъ! отдай моего сына». Отвѣчалъ купецъ: «хорошо отдамъ! только прошу помѣшкать полчаса». Какъ полчаса миновало, то купецъ выпускаетъ тридцать соколовъ, какъ одинъ, и насыпалъ пшены бѣлояровой и всѣ въ одномъ стадѣ начали клевать, а одинъ бѣгаетъ кругомъ и полетѣли, поднялись высоко, одинъ выше всѣхъ и опустились на землю, и начали клевать пшену, а одинъ кругомъ бѣгатъ; старикъ началъ подбираться поближе и ухватилъ сокола и сказалъ купцу: «это сынъ мой Ѳедоръ Ивановичъ!» Купецъ: «ну, старичекъ! и поведи своего сына; мудеръ твой сынъ!» И пошли старикъ съ своимъ сыномъ, идутъ путемъ дорогой, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли.

Скоро сказка скажится, а не скоро дѣло дѣлается, ѣздятъ господа охотники за охотой, промышляютъ звѣрей. Увидалъ старикъ съ сыномъ—бѣжитъ лисица. Сынъ

оворитъ отцу: «батюшка! я обвернусь кобелемъ на схвачу лисицу; хотя охотники къ намъ пріѣдутъ и станутъ отбивать лисицу, а ты говори имъ: господа охотники! у меня есть кучко свой, я тѣмъ голову свою кормлю; охотники скажутъ: продай намъ кучка! а ты погодавай, проси два ста рублей». И обвернулся кобелемъ, тотчасъ лисицу ухватилъ и наѣхали охотники: Увидя же лисицу, сказали ему: «зачѣмъ ты, старой, пришелъ сюда на нашу охоту?» Старикъ: «господ· охотники! есть у меня свой кучко, я съ нимъ голову кормлю». Охотники говорятъ старику: «продай кучка!» старикъ: «купите!» «Дорогъ твой кучка?» — старикъ: «200 рублей». Охотники деньги заплатили, повели кучка съ собой, а старикъ отправился одинъ. Охотники увидѣли бѣжащую лисицу, гонятъ свои кобели, а догнать не могутъ, и говоритъ одинъ изъ охотниковъ «отпустимъ этого кобеля». Лишь опустили, кобель побѣжалъ, лисицу ухватилъ и убѣжалъ въ слѣдъ отца. Какъ отца догналъ и ударился о землю, сдѣлался молодцомъ и пошли въ путь далѣе; дошли до озера, охотники стреляютъ гусей-лебедей и сѣрыхъ утокъ. Летитъ стадо гусей, говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обвернусь соколомъ, стану хватать гусей, придутъ охотники отбивать гусей; ты имъ отвѣчай: есть у меня соколъ свой, я тѣмъ и голову кормлю; охотники начнутъ торговать сокола, ты продавай, проси 300 рублей». И обвернулся соколомъ, поднялся выше гусей, и началъ хватать гусей и на землю опускать, а старикъ лишь въ кучу собираетъ. Охотники увидѣли его добычу, пріѣхали къ старику: «почему ты пришелъ на нашу добычу?» онъ отвѣчалъ: «господа тинохоки, у меня соколъ свой, я тѣмъ голову кормлю». Охотники начали у него торговать гусей и сокола. Старикъ: «купите!» Охотники: «что платить?» Старичекъ: «300 рублей». Охотники деньги заплатили, старичекъ пошолъ одинъ. Охотники увидѣвъ другое стадо гусей, одинъ охотникъ спустилъ сокола, соколъ поднялся выше стада гусей, убилъ одного гуся и полетѣлъ вслѣдъ отца, какъ догналъ отца, ударился о землю и сдѣлался молодецъ. Пошли далѣе. Какъ пришли домой въ свою самую ветхую хижину, и началъ сынъ отцу говорить: «батюшка, у насъ теперь денегъ есть, то построимъ себѣ новый домъ». Послѣ того пришла ярманка, сынъ отцу говоритъ: «батюшко, пойдемъ нынѣ въ ярманку, я обвернусь жеребцомъ, ты меня продавай, проси 40.000 рублей; станутъ давать 40.000 рублей, ты меня продавай, а узды не продавай». Какъ пришли въ ярманку, онъ обвернулся жеребцомъ, старикъ началъ продавать и проситъ 40.000 рублей. Торговые люди не знаютъ оцѣнить жеребца, а купецъ, который его училъ, услышалъ, что этотъ жеребецъ самой его супостатъ, и пришелъ къ тому старику, началъ торговать жеребца: «старичекъ, продай жеребца». Старикъ: «купи, господинъ!» купецъ: «чего стоитъ?» старичекъ: «40.000 рублей!» купецъ: «возми тритцать тысячь». Старикъ: «менѣе 40.000 рублей не отдамъ». Купецъ 40.000 рублей заплатилъ и сѣлъ на жеребца. Старичекъ хотѣлъ было узду снять, а купецъ сказалъ: «нѣтъ, старичокъ опоздалъ теперь», и поѣхалъ. Купецъ ѣздилъ трои сутки, истомилъ жеребца до самаго худаго положенія, пріѣхалъ домой, привязалъ его въ конюшнѣ передними ногами не опираясь земли. У купца были дочери, увидя коня на конюшнѣ привязаннаго: «ахъ у насъ батюшка какъ ѣздитъ и привязываетъ; а не то напоить и накормить». Отвязали, повели поить; конь шелъ, вдругъ бросился и вырвался у дочерей его изъ рукъ и убѣжалъ. Послѣ того купецъ пробудился, спрашивалъ: «гдѣ мой конь, который былъ привязанъ», дочери ему отвѣчали: «мы, отвязавъ его, повели поить; онъ у насъ вырвался и убѣжалъ.» Какъ услышалъ купецъ, что конь убѣжалъ, то обвернулся конемъ и бѣжалъ въ погоню. Услышалъ Ѳедоръ Ивановичъ за собою погоню, обвернулся въ морѣ ершомъ, а купецъ щукой и побѣжали моремъ. Ершъ сунулся въ ракову нору и сказалъ щукѣ: «ерша съ хвоста съѣшь»; не можетъ щука и говоритъ ершу: «ершъ! поворотись сюда головой!» ершъ говоритъ: «щука съѣшь ерша съ хвоста»; и такъ стояли трои сутки, наконецъ щука заснула, а ершъ выскочилъ изъ норы и бѣжалъ моремъ, и прибѣжалъ къ нѣкоему царству. Въ то время вышла служанка къ морю почерпнуть воды, ершъ обвернулся перстнемъ и попался въ ведро, а перстня такого во всемъ царствѣ не было; служанка подарила онымъ царскую дочь, которая днемъ носила его на рукѣ, а ночью спать съ молодцомъ. Какъ купецъ опять про этотъ услышалъ перстень. А Ѳедоръ Ивановичъ наказалъ царевнѣ, что будетъ купецъ меня торговать, ты продавай, проси 80.000 рублей; какъ деньги получишь, въ то время урони перстень на полъ, а я россыплюсь мелкимъ жемчугомъ; прикатитца одна жемчужина къ тебѣ, то ты ту жемчужину заступи своимъ башмакомъ; тогда онъ обвернется пѣтухомъ и начнетъ клевать жемчугъ, какъ только весь поклюетъ и скаетъ: «теперь я потребилъ своего супостата», тогда

ты съ той жемчужины свою ногу подними, я обвернусь ястребомъ и разорву его на двѣ части. Какъ этотъ купецъ пришелъ къ царевнѣ, началъ уже торговать перстня и согласились за 80.000 рублей. Какъ деньги царевна получила, будто нечаянно уронила перстень на полъ, перстень россыпался въ мелкій жемчугъ, прикатилась одна жемчужина царевнѣ къ ногамъ, царевна заступила своимъ башмакомъ; а купецъ обвернулся пѣтухомъ и началъ клевать жемчужины; какъ поклевалъ все и сказалъ: «теперь я своего супостата потребилъ»; а царевна приняла ноги, жемчужина обвернулась ястребомъ; разорвалъ пѣтуха на двѣ части и сказалъ: «теперь я своего супостата истребилъ». Послѣ того на царевнѣ женился и провождали жизнь свою благополучно. Я тамъ былъ, вино и пиво пилъ, пиво то текло по губамъ-то, текло, а въ ротъ не попало; мнѣ колпакъ давали, да вонъ толкали, я упирался, да вонъ убирался.

5. О солдатѣ Мартышкѣ,

Бывали, живали старикъ да старуха; у нихъ былъ одинъ сынъ Мартышка, а работы никакой не работалъ; да отецъ его никуда нарядить немогъ, и съ того отдалъ онъ сына своего Мартышку въ солдаты. А ему въ солдатахъ ученье недалось, и поставили одинъ разъ его на часы, а онъ Мартышка ушелъ съ часовъ домой, и положилъ свое оружье на гряду, сдѣлалъ палку и шаръ, и пошелъ на парадное мѣсто и сдѣлалъ буй, и сталъ играть шаромъ, и щелканулъ шаромъ фельдфебеля въ лобъ. И говоритъ фельдфебель: «что ты, Мартышка робишь.»—Отвѣчаетъ Мартышка: «я вѣдь жилъ у батюшки своего, а все шаромъ игралъ», и спросилъ фельдфебель: «гдѣ у тебя оружье»; сказалъ ему Мартышка-«у моего батюшки десять оружьевъ, и всѣ на грядкѣ, и я свое оружье снесъ на грядку же», почему его и начали розгами бить. И послѣ битья заснулъ крѣпко, и привидѣлось Мартышкѣ во снѣ, что—Мартышка сбѣжи въ Ишпанское королевство, и тамъ тебѣ жира будетъ добрая, и дойдешь ты до Ишпанскаго королевства, и будетъ тутъ Ишпанка рѣчка, и за рѣчку мостъ, и возлѣ этаго моста стоитъ троетажной каменной домъ, и зайди въ этотъ домъ; а въ томъ дому никого нѣтъ, а стоитъ на столѣ важнаго кушанья и разныхъ напитковъ довольно, тутъ ты напейся и наѣшься, и еще загляни въ столъ; а въ столѣ лежатъ однозолотныя карты, и возьми эти карты къ себѣ, и еще возьми; тутъ же кошелекъ съ деньгами, а изъ того кошелька, хотя полну фатеру насыплю золота, а изъ него не убываетъ. Вотъ пробудился Мартышка ото сна и наладилъ сухарей, и сбѣжалъ изъ полку вонъ, и шолъ онъ дорогой, а больше стороной три мѣсяца, и пришелъ къ Ишпанскому королевству и къ Испанкѣ рѣчкѣ, и зашелъ въ троетажной каменной домъ, въ коемъ стоитъ на столѣ всякаго кушенья и питья довольно, онъ сѣлъ за столъ напился и наѣлся, и заглянулъ въ столъ, взялъ однозолотныя карты и съ золотомъ кошелекъ къ себѣ въ карманъ, и пошелъ съ картами и съ деньгами въ Ишпанское королевство, и зашелъ въ трактиръ. Въ томъ трактирѣ живетъ маркитантъ, камзолъ на немъ красной, колпакъ на головѣ красной, и сапоги на ногахъ красны, лице и носъ красные, и говоритъ солдатъ Мартышка маркитанту: «подай мнѣ съ устатку крѣпкой водки рюмку!» И поглядѣлъ этотъ маркитантъ на солдата, и налилъ ему рюмку воды, и солдатъ покушалъ, въ рюмкѣ вода, стегнулъ маркитанта и попалось въ носъ и разшибъ до крови. И завопилъ маркитантъ: «господа генералы и министры!—эдакой солдатъ меня всего прибилъ». Вотъ эти генералы и министры говорятъ солдату: «зачѣмъ въ нашъ пришелъ трактиръ? въ этотъ трактиръ простые люди и солдаты не ходятъ; въ этотъ трактиръ пріѣзжаетъ Ишпанскій король, дамы, генералы и министры». Говоритъ солдатъ: «я, братцы, заведенія вашего не знаю; я—человѣкъ русской, и зашелъ въ вашъ трактиръ, и съ устатку похотѣлось выпить рюмку водки, и попросилъ у маркитанта крѣпкой водки рюмку, а онъ мнѣ подалъ рюмку воды, за то я осердился, ударилъ его въ лицо и попалъ по носу». И говоритъ маркитантъ: «экой ты впрямъ, гдѣ тебѣ деньги взять, у меня рюмка водки 2 руб. 50 коп., а на тебѣ платье худое». И вынялъ солдатъ Мартышка свой кошелекъ и насыпалъ изъ кошелька золота въ сѣнную кучу, и говоритъ: «бери, сколько тебѣ надо за водку!» И обвинили его маркитанта всѣ генералы и министры: «зачѣмъ воду продаешь», и взяли господа этого солдата попаивать, и говоритъ солдатъ: «пейте, братцы! и мою водку, денегъ вамъ моихъ не пропить; неугодно ли, господа, со мной въ карты поиграть»,—и вынялъ изъ кармана свои однозолотныя карты, что эдакихъ картъ господа и на вѣку невидали, и стали съ нимъ въ карты играть, и Мартышка у нихъ всѣ деньги выигралъ, также лошадей и повозки, кучеровъ и фалетуровъ, и все платье до наготки, и говоритъ имъ: «ну, братцы господа! убирайте все свое, которое мнѣ проиграли, также и мои деньги». И напоили хмѣлемъ, и приказали подъ

него послать постелю, а маркитанта заставили съ него смахивать мухъ, говоря ему: «ежели ты что возмешь у солдата, кошелекъ ли или убавишь денегъ, и онъ пожалиться: то тебя мы здѣшняго мѣста лишимъ». И пріѣхали господа министры къ Ишпанскому королю, объявили, что есть въ нашемъ трактирѣ русскій солдать Мартышка; у него кошелекъ съ золотомъ полны твои палаты засыплетъ, а изъ кошелька не убываетъ, и есть однозолотныя карты, на вѣку ты эдакихъ картъ невидалъ. Приказалъ король шестерку лошадей подъ карету заложить, и взялъ кучера, фалетура и запятника, и самъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ трактиръ. Какъ пріѣхалъ, вскричалъ: «что за человѣкъ спитъ», и скочилъ солдатъ на колѣни, «что ваше королевское величество надо?», говоритъ король: «что жъ ты за человѣкъ спишь здѣсь», отвѣчалъ ему: «я солдатъ Мартышка, я человѣкъ русской и сбѣжалъ изъ команды». И приказалъ король трактирщику поднести графинъ водки, и наливаетъ рюмку, и подаетъ солдату. «Опохмѣлься солдатъ!» Говоритъ ему Мартышка: «пейте сами, ваше величество! мнѣ своихъ денегъ не пропить будетъ»; король самъ выпилъ рюмку, а ему подалъ другую, и говоритъ ему король: «што, солдатъ, я слышалъ, што ты мастеръ въ карты играть». Вынималъ солдатъ однозолотныя карты, издивился король, што эдакихъ картъ и навѣку не видалъ, и стали играть. Тогда солдатъ мартышка у короля всѣ деньги выигралъ, также платье и лошадей съ каретой, съ кучеромъ и фалетуромъ; послѣ того все выигранное королю взадъ отдалъ. Этого король возлюбилъ солдата Мартышку, и пожаловалъ его первымъ министромъ, и состроилъ ему троетажный каменный домъ, и живетъ солдатъ министромъ управно. И спросили короля на три года въ другую землю; то на мѣсто себя оставляетъ онъ король новаго министра Мартышку править его королевствомъ. И повелъ онъ Мартышка по своему, приказалъ онъ солдатамъ сшить шинели и мундиры изъ самово чистово сукна, какъ и на офицерахъ, и прибавилъ салдатамъ жалованья по 1-му рублю, а по разсмотрѣнію другимъ и по 2 рубля, и передъ каждой вытью пить по стакану вина, и говядины, и каши вдоволь. А чтобы по Ишпанскому королевству нищая братія не была, приказалъ выдать изъ казенныхъ магазейновъ по кулю и по два на человѣка муки. Итакъ за ево солдата и нищая братія Бога молятъ. А у того короля осталась въ дому дочь, Настасья Королевна, и посылаетъ она свою служанку позвать новаго министра Мартышку къ себѣ въ гости. «Поди, скажи новому министру, что у меня будетъ сегодня балъ, чтобы приходилъ ко мнѣ въ гости,» — и приходитъ служанка въ домъ къ новому министру: «господинъ министръ! наша королевна Настасья звала васъ къ себѣ въ гости». Сказалъ онъ ей: «ежели я нуженъ ей, можетъ она и сама придти позвать меня». Приходила служанка, отвѣщаетъ королевнѣ, что—сказалъ мнѣ новой министръ: ежели нуженъ я ей, то можетъ она придти комнѣ сама. Тогда надѣла королевна на себя салопъ, и пошла Мартышку звать, говорила: «господинъ министръ! пожалуй ко мнѣ въ гости; у меня сегодня будетъ балъ». Говоритъ министръ: «хорошо, сударыня! сейчасъ одѣнусь и иду за вами въ домъ», и привела его къ себѣ въ домъ, и дѣвокъ набрала, танцію и балы завела. И говорила Мартышкѣ: «поиграй со мною въ карты», и вынялъ изъ кармана однозолотныя карты, что королевна эдакихъ картъ на вѣку не видала, и стали играть, и выигралъ у королевны всѣ деньги и платья, и говоритъ ей: «сударыня королевна! уберите вы свои деньги и платье обратно; у меня своихъ денегъ довольно, и не прожить мнѣ будетъ». Тогда она посадила министра Мартышку къ себѣ за столъ, и сама сѣла съ нимъ, пили ѣли и веселились, и сронили вилки подъ столъ. Говоритъ: «господинъ министръ! подай мнѣ вилки, пожалуста». Какъ наклонился онъ по вилки, тогда взяла она королевна его за уши и поцѣловала. Итакъ не взлюбилъ Мартышка, стопталъ ногами: «видно я зашелъ въ б.....й домъ, хотя вытти изъ покоевъ вонъ»; начали его унимать: «посиди, посиди пожалуста, господинъ министръ!» Такъ укротилъ онъ свое сердце, сѣлъ застолъ и приказала она тайно служанкѣ поднести ему рюмку усыпающаго зѣлья; то какъ министръ Мартышка выпилъ рюмку и уснулъ, и спалъ трои сутки. Тогда отобрала у него однозолотныя карты и кошелекъ, и приказала снять съ него платье оставила его въ одной рубашкѣ, и приказала бросить въ нужникъ. Тутъ Мартышка спалъ трои сутки, пробудился и говоритъ: «видно я въ добромъ мѣстѣ сплю», и разломалъ онъ дыру, и вышелъ вонъ на восходъ солнца, и пошелъ къ рѣчкѣ Испанкѣ. Вымылся бѣло думая: «куда же нынѣ мнѣ итти», и нашелъ смоляное солдатское платье, одѣлся и пошелъ вонъ изъ Ишпанскаго королевства. И шелъ онъ долгое время, и похотѣлось ему ѣсть, и увидѣлъ онъ на яблонѣ висящія яблоки, сорвалъ два яблока и съѣлъ, и съ того заболѣла у его голова и выросли въ головѣ рога и такіе большіе, что онъ не можетъ ихъ носить, и дошелъ до другой яблони и поѣлъ другихъ яблоковъ, съ того отпали

у него рога; то набралъ онъ съ собой этихъ яблоковъ обѣихъ сортовъ, воротился въ Ишпанское королевство, думая добраться до той королевны, которая его въ тако мѣсто впястала. И пришелъ въ Ишпанское королевство, увидѣлъ: сидитъ въ лавкѣ старая старушка, вся трясется. Онъ сказалъ ей: «нако, бабушка съѣшь яблочекъ хорошаго сорту?» она съѣла яблочекъ и стала молодая и толстая. Говорила: «гдѣ ты, дитятко, взялъ эти яблоки?» говоритъ ей солдатъ Мартышка: «нѣтъ ли у васъ, бабушка, хорошаго маркитантскаго платья, пойду я этихъ яблоковъ продавать». Говоритъ старушка: «я для тебя хотя всю лавку отдамъ», и дала ему самое чистое платье и однозолотную тарелку. И пошелъ солдатъ Мартышка яблоковъ продавать; идетъ мимо королевскаго дома, кричитъ громко: «у новаго маркитанта сладкія яблоки въ кармашкѣ». И услышала королевна, послала свою служанку: «спроси, почемъ продаетъ яблоки?» «Извольте сударыня, покушайте моего яблочка». Тогда она съѣла, то сдѣлалась молодая, красивая и толстая; и королевна ее не опознала, говорила: «ты ли служанка?» Говорила ей служанка: «я сударыня королевна,» то послала ее: «купи мнѣ этихъ яблоковъ одну парочку», и послала съ ней денегъ 200 рублей. Она купила ей этихъ яблоковъ и подала королевнѣ, которыя она въ то время съѣла, и заболѣла у королевны голова и выросли у нея въ головѣ рога, лежитъ она на кровати, а надъ ней сдѣлали грядки и положили на нихъ рога. Въ то время бѣжалъ этотъ маркитантъ къ той же старушкѣ, гдѣ взято было платье, отдалъ ей обратно а самъ срядился въ коновальское платье. Въ то время пріѣзжаетъ Ишпанскій король въ домъ свой; объявили ему, что маркитантъ окормилъ нашу королевну, и приказалъ король собрать всѣхъ маркитантовъ, и посадить ихъ въ тюрьму. Между тѣмъ идетъ мимо государева двора коновалъ, кричитъ: «нѣтъ-ли коновалу работы», и говоритъ король слугамъ своимъ: «зовите сего коновала ко мнѣ въ палаты» и говоритъ король коновалу: «ты, видно, не нашего королевства, и незнаешь-ли моей дочери Настасьѣ пособить, окормилъ ее какой-то маркитантъ яблоками; ежели ты пособишь, то тебя первымъ министромъ пожалую, и отдамъ за тебя свою доч Настасью въ замужество; а при старости моихъ лѣтъ, поставлю тебя на свое мѣсто королемъ». Тогда говоритъ коновалъ: «ваше величество! прикажите вытопить баню а я пойду въ рынокъ и куплю надобья». Пошелъ коновалъ въ рынокъ, купилъ три прута, первый мѣдный, второй желѣзной и третій оловянный, и приказалъ королевну вести въ баню, едва въ двери рога впихали. Отослалъ этихъ кучеровъ отъ бани прочь, говоря: «когда я вылечу, то самъ доставлю въ домъ», вынялъ прутъ мѣдный и взялъ за рога, и почалъ драть говоря: «за грѣхи у тебя эти выросли рога, не убивала-ли ты кого, повинись! не обманывала-ли кого и не бирала-ли чего нибудь чужаго?» Она ему говорила: «батюшка коновалъ! я навѣку никого не убивала и не обманывала и не бирала». Онъ взялъ другой прутъ желѣзный и началъ также драть, и растяжилъ тотъ прутъ до рукъ; и вынялъ третій прутъ оловянный, тоже началъ драть. Тогда она говорила: «виновата я! бросила новаго министра Мартышку въ нужникъ, содрала съ него платье, взяла однозолотныя карты и кошелекъ». Говоритъ ей коновалъ: «гдѣ карты и кошелекъ?» Она сказала: «у меня въ любимомъ ящикѣ.» «Отдашь мнѣ всѣ это?» Говоритъ она ему: «я вся твоя, что хочешь, то и дѣлай надо мной». И далъ онъ ей изъ кармана яблокъ съѣсть. Какъ она съѣла, то у нея рогъ отпалъ; далъ ей и другой, тоже и другой отпалъ; далъ же съѣсть и третій яблокъ; и такъ она стала лучше и красивѣй стараго. И вскричалъ онъ кучерамъ своимъ, и сѣли съ ней на дрожки и пріѣхали къ королю въ домъ. То королю возлюбилось, пожаловалъ его первымъ министромъ, и отдалъ за ево свою дочь Настасью королевну въ замужество, и начали они жить благополучно, и по старости тестя своего всталъ на мѣсто Ишпанскаго короля, во всякой радости и въ спокойствіи.

6. О разбойникѣ Колотыгѣ.

Въ древніе годы былъ разбойникъ Колотыга, имѣлъ съ собой шайку товарищей, состоящую съ нимъ изъ 40 человѣкъ. А тотъ Колотыга пришелъ съ своими разбойниками изъ Тарнянской волости въ Верхоледскую слободу, и началъ въ оной чинить грабежи. Придетъ къ богатому мужику, спроситъ: «давай, старикъ! деньги». Тотъ отзываясь, что хошъ, то надо мной и дѣлай, а у меня денегъ нѣтъ; то Колотыга прикажетъ своимъ товарищамъ раздѣть до нага: повалятъ на землю, одни держатъ за голову, за ноги и за руки, а другіе зажгутъ метлы и начнутъ бѣднаго старика жечь. Не хотя деньги скажетъ. Это чинилъ Колотыга надъ многими богатыми стариками. Жители видя себѣ отъ Колотыги крайнюю обиду и чрезвычайное огорченіе, что и проѣзду не было, не одинъ разъ хотѣли этого разбойника убить. Но оный былъ злой колдунъ, увидитъ надъ собой невзгоду, то съ своими товарищами убѣжатъ въ

воду рѣки Леды, и уйдутъ оною въ рѣку Вагу; оттудова опять придутъ въ Верхоледскую слободку. Если какъ ничего не могутъ пошкодить, то свои одѣянія бросятъ на воду, сами сядутъ на нихъ и начнутъ играть въ карты. Былъ въ Верхоледской слободкѣ на погостѣ крестьянинъ, по прозванію Поспѣлко; услышалъ, что Колотыга съ своими товарищами появился въ Верхоледской слободѣ, то, пріискавъ себѣ семь товарищей, пошелъ Колотыгу истреблять. Колотыга это все зналъ прежде, сказалъ товарищамъ: «пойдемте, братцы! нѣтъ возможности здѣсь жить право». Подступаетъ Поспѣлко; лишь только вышелъ изъ своей деревни, услышалъ, что Колотыга съ шайкою разбойниковъ идетъ къ нимъ въ деревню съ верху волости. Сошлись обѣ артели и начали одна въ другую стрѣлять. Колотыга изъ тугихъ луковъ, а Поспѣлка изъ ружей и сей послѣдній побѣдилъ Колотыгу: семь человѣкъ изъ шайки до смерти убилъ, а съ остальными Колотыга убѣжалъ неизвѣстно куда; то Поспѣлка, видя свою надъ Колотыгою побѣду, захотѣлъ и всю шайку истребить, забѣжалъ на колокольню, началъ звонить, чтобъ изъ волости сбирать народъ. Но тогда было время страдное, никого въ домахъ не было и остался Поспѣлко не причемъ. Видя Колотыга, что его въ конецъ побѣдить не кому, воротился назадъ съ остальными 33 человѣками въ деревню—погостъ; увидалъ, что у Поспѣлка никого нѣтъ, и началъ деревню эту разорять и всѣ домы и пристройки сожегъ; въ томъ числѣ сгорѣли заводы винный и кожевенный. Колотыга опасаясь, дабы его Поспѣлка какъ либо не истребилъ, побѣжалъ съ шайкою разбойниковъ въ Таринскую волость; тамъ пришелъ къ одному богатому мужику, приказалъ вытопить баню, выпарились, въ оной легли отдыхать. А тутошніе жители, видя удобное время, чрезъ окна съ улицы закололи рогатиной Колотыгу, потомъ и товарищей его разбили. Такъ и кончился этотъ атаманъ съ шайкою разбойниковъ.

7. О волкѣ и лисицѣ.

Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ.—У Волка былъ домъ коряной, а у Лисы ледяной.—Вотъ пришла весна красная и у Лисы домъ растаялъ, какъ не бывало. Что дѣлать ей? но (лисицы хитры) пришла она къ волку подъ окошечко, да и говоритъ: «волченокъ-голубокъ! пусти меня горемычную на крылечко.»; а тотъ такъ толсто: «поди Лиса!»—«Волченокъ голубокъ! пусти хоть во дворъ.»—«Поди, Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти хоть въ избу»—«Поди Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти хоть на приступочекъ.»—«Поди Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти на печку»—«Поди Лиса.»—Вотъ Лиса и на печкѣ лежитъ, да хвостомъ вертитъ. Совсѣмъ бы она: да, вишь, трои сутки не ѣдала. —«Какъ узнать—она говорила—у Волка хлѣбъ»? И ну искать у Волка хлѣба: искала, искала да и нашла на избицѣ у Волка лукошко толокна, да кринку масла. А сама опять на печку. «Стукъ! стукъ! стукъ!» — Лиса подъ шубой говоритъ. А Волкъ: «Лиса, кто то стукается?» —Лиса въ отвѣтъ: «Волченокъ-голубокъ тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки.»—«Поди Лиса, а мнѣ лихо».—А Лиса тому и рада: съ печки скокъ, да на избицу скокъ, а тамъ масла лизнетъ, толоконца лизнетъ, лизала, лизала, да все и сзобала.—Съ избицы кокъ, да на печку скокъ—и лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Волкъ спалъ, спалъ да ѣсть захотѣлъ, и въ избицу побрелъ. «Ахти бѣда! Волкъ завопилъ:—Ахти бѣда!—кто масло съѣлъ? толокно сзобалъ?» А Лиса: «Волченокъ-голубокъ! на меня не подумай!» — «Полно ты кума, кто подумаетъ на тебя?»—И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили.—«Поди кума на Русь,—Волкъ Лисѣ говоритъ,—что найдешь, то и тащи, не то съ голоду умремъ». А Лиса ни слова въ отвѣтъ и юшткъ на Русь. Выбѣжала на дорогу; видитъ: ѣдетъ съ сельдями мужикъ; прикинулась и легла по перегъ дороги, какъ умерла. Наѣхалъ мужикъ на Лису «Ай,—говоритъ,—лисица, что за шерсть! что за хвостъ?»—А самъ Лису и въ возъ; Лиса тому и рада, и ну рыть сельди; дорылась до дна: и ну грызть рогожу, — и ну грызть дно саней. Сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ въ это время спалъ и ничего незналъ.—А Лиса сельди собрала и къ Волку въ избу принесла.—«На, говоритъ,—Волченокъ-голубокъ ѣшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивиться кумы своей ухваткѣ—«Да какъ ты, моя кума, сельди-то имала?» —Волкъ Лисѣ говоритъ. «Ой-ты куманекъ-голубокъ! Я хвостъ-то какъ въ прорубь упущу: сельдь да-двѣ, сельдь да двѣ.» Волка такъ и забираетъ отпробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба себѣ наклалъ и отправился сельдей ловить, какъ кума его ловила, и какъ его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ въ воду хвостъ, да и держитъ. А Лиса въ тоже время молитъ: «На небѣ ясни, ясни!» у волка хвостъ мерзни, мерзни.» И вотъ треснулъ морозъ, что у Волка хвостъ замерзъ! Пришли поповы дочки да и Волка кичигой зашибли и изъ шкуры себѣ шубы сши-

ли! А Лиса осталась жить одна и теперь живетъ и насъ переживетъ!

8. О старухѣ волшебницѣ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ; была у его престарѣлая жена, которая занималась чернокнижіемъ и волшебствомъ. Въ одно время былъ у того крестьянина праздникъ, на которомъ былъ священникъ. Во время праздника оный ушелъ на повѣть спать того дома, прикрывшись одѣяломъ; тудаже на повѣть сказанная женщина вышла, сняла съ себя все платье и упала на повѣть, превратившись въ сороку, и лѣтала этою птицею одни сутки. Священникъ, прибытія ее недождавшись, уѣхалъ домой. Послѣ этого старуха эта сдѣлалась больна и пожелала къ себѣ священника для напутствованія, который пріѣхавъ всѣ у старухи грѣхи разспрашивалъ, а старуха всѣ разказала прегрѣшенія, кромѣ одного. Тогда священникъ спросилъ: «ой, окаянная! утаивать грѣхъ тотъ, отъ котораго должна ты идти на вѣки въ подземельную пропасть къ Плутону; помнишь, какъ я былъ у васъ въ праздникъ и лежалъ на повѣти подъ видомъ сна, а ты пришедши раздѣлась и превратилась въ сороку, и неизвѣстно мнѣ куда улетѣла; покайся, старуха! покайся.» На что старуха отвѣчала ему: «молчи, долговолосой калугеръ! я умру, такъ тебя вспомню.» Съ тѣмъ священникъ и домой уѣхалъ. Послѣ этого старуха та вскорѣ померла; привезли ее на погостъ, священникъ отпѣлъ и похоронили. Послѣ того спустя не много времени, въ канунъ праздникъ святаго Николая Чудотворца, бываемаго 6-го числа декабря, ночью, пришедши къ священнику, церковный сторожъ благословляться благовѣстить къ утрени, котораго священникъ благословилъ, потомъ и самъ началъ сряжаться къ утрени. Какъ скоро зашелъ въ кладбище, увидалъ, что сторожъ звонилъ въ полной колокольной звонъ безъ всякаго порядка, подобно какъ женщина. Онъ не зналъ, что дѣлать: воротиться назадъ или идти впередъ; но рѣшился идти въ церковь, лишь зашелъ въ паперть, а звонарь бѣжитъ туда же; священникъ видитъ, что та самая окаянная женщина, которая прежде летала сорокою, то онъ поспѣшилъ скорѣе въ церковь; старуха въ паперть, а священникъ въ олтарь и взялъ святой животворящій крестъ. Старуха ему взяла за плеча, сказавши: «что — теперь то я добралась до тебя, раздѣлаюсь калугеръ! помни впередъ, какъ волшебницъ укоряютъ лжедѣйствіемъ!» — Священникъ же долженъ былъ обороняться отъ этой еретицы: взявши животворящій Господень крестъ, простеръ рукою на сію окаянную старуху, которая отъ этого не могла священника не то, что чѣмъ либо изъязвить, но не смѣла дотронуться, стояла неблизко. Это приключеніе съ священникомъ происходило до слѣдующаго дня, а какъ ночь та прошла и наступило утро, то старуха упала наполъ—мертва. Собравшійся туда многъ народъ того мѣстечка къ обѣдни увидали мертвую старуху, и имъ священникъ все свое происшествіе разсказалъ; а потомъ взявши они старуху вывезли въ поле, тамъ вырыли глубокую яму, наклавши въ оную дровъ, зажгли огнемъ; на оной бросили старуху, которая превратилась въ гады: изъ нея поползли жабы, черепахи, змѣи, лягушки, мыши и тому подобные гадины въ немаломъ количествѣ, которыхъ народъ сдѣланными изъ березовыхъ вѣтвей метлами срывали въ яму и этимъ способомъ сожгли старуху въ прахъ. Яму закопали пескомъ, а послѣ этого сказанная еретица болѣе никогда не стала пугать, можетъ быть прошла въ адъ; а на которомъ мѣстѣ старуху жгли, того никто нынѣ не знаетъ: ибо въ древніе годы была такая колдунья, и никто не можетъ дать свѣдѣній.

9. Что случилось на о. Грумантѣ.

Одинъ молодой человѣкъ остался зимовать на Грумантѣ съ прочими товарищи. Во время этой зимы онъ имѣлъ пребываніе на гальетѣ т. е. въ суднѣ; каждый вечеръ игралъ въ гусли, а предъ нимъ невидимо кто то плясалъ; лишъ только платье шумитъ. Этотъ молодецъ много разъ нечаянно освѣщалъ свое судно огнемъ, дабы увидѣть кто пляшетъ; но все оставалось безъ успѣха. Онъ это все разказалъ своему товарищу, который сказалъ ему: «ты, пріятель, такъ сдѣлай: возьми сальную свѣчу, поставь на стулъ, зажги огнемъ и закрой горшкомъ или чѣмъ другимъ, только бы свѣчка не могла потухнуть, самъ лягъ на койку, заиграй въ гусли, и если опять невидимка будетъ плясать, то въ тужъ минуту открой свѣчку, и увидишь кто пляшетъ.» Поблагодаривъ молодой человѣкъ своего товарища за наставленіе, пошелъ на свое судно и по наступленіи, вечера такъ и сдѣлалъ какъ товарищъ велѣлъ, взялъ свѣчку, зажогъ огнемъ и закрылъ горшкомъ, а самъ началъ играть въ гусли, а передъ нимъ и ну! плясать кто-то невидимо, лишь платье шумитъ. Вотъ онъ свѣчку открылъ, увидѣлъ весьма прекрасную дѣвицу, подобной ей еще отъ роду своего невидалъ, эта дѣвица сказала ему: «ну, молодецъ догадался, меня

какъ увидать; то я тебя буду любить страстно,» — и легла на койку и начали любезно цѣловаться. А дѣвица стала къ ему ходить каждый вечеръ, только таилась, чтобъ его товарищи про ее не узнали и жили они въ любви цѣлые три года. Въ одинъ день сказала ему полюбовница: «ну, другъ любезной! намъ съ тобой не долго жить въ любви, а пришло время разставаться.» Любовникъ спросилъ съ жаромъ: «а что же такое насъ растроитъ?»—«А вотъ мой любезной, меня выдаютъ замужъ въ Петербургъ подъ Калиновой мостъ за черта.» Любовникъ прервалъ: «отчего же ты поступаешь за чертей, и какъ къ нимъ попала, или ты сама такая же чертовка?» — «Нѣтъ, пріятель! Я родилась въ одномъ славномъ городѣ и были мои родители самодержцы; а я къ чертямъ попала отъ того, какъ еще была малолѣтна и въ одинъ прекрасной жаркой день подавала своему отцу стаканъ меду, нечаянно какъ-то стаканъ у меня изъ рукъ выпалъ на полъ, и отецъ за то меня проклялъ, сказалъ: унеси тебя чертъ! Я въ ту минуту въ морской глубинѣ очутилась, въ каменномъ домѣ у чертей; мнѣ хотя и хорошо жить у нихъ, но не такъ какъ съ крещеными людьми. Не одинъ разъ хотѣла я себя жизни лишить, но нѣкоторая невидимая сила до того меня не допускала. Я всякими средствами старалась отъ нихъ уйти, но все безполезно осталось: изъ воды худо уйти; и такимъ образомъ въ этомъ пропащемъ жилищѣ препровождаю жизнь свою до сего часа. А я какъ выйду въ замужество, тогда уже къ тебѣ ни одинъ разъ не приду, потому что не будетъ возможности; а ты обо мнѣ будешь тосковать, то я тебѣ вотъ даю своими руками вышитую ширинку, и когда тебѣ будетъ обо мнѣ скучно, ты въ эту ширинку посмотри, тебѣ веселѣе будетъ. И то будетъ, что ты сію ширинку потеряешь, и загорюешь обо мнѣ, и начнешь вино пить такъ, что все съ себя платье пропьешь, завернешься въ рогожу; тогда приди въ Петербургъ на Калиновой мостъ и на отмашку бросись въ воду, тебѣ представится зеленой лѣсъ, лугъ и деревни съ каменными домами, ты въ первую деревню зайди, пройди мимо первой домъ и второй, а въ третій зайди; я тутъ и буду жить. Ну, другъ любезной! прощай, намъ болѣе несвободно съ тобой бесѣдовать. Если сюда зайдутъ черти и застанутъ съ тобой въ бесѣдѣ, то тебя лишатъ жизни, да и мнѣ не остаться безъ наказанія.» Еще въ послѣдній разъ лягли на койку, полюбовались и распростились, молодецъ остался одинъ; и когда ему придетъ на умъ прежняя любовь, хочетъ себя умертвить, но тотчасъ придетъ въ разсудокъ и посмотритъ въ подаренную любовницею ширинку; и вся тоска исчезнетъ. Пожилъ онъ не болѣе какъ два года и сказалъ своему товарищу, что такая-то у меня имѣется ширинка; а товарищъ его послѣ того вскорѣ укралъ у него сказанную ширинку. Тотъ молодецъ не зналъ, куда дѣлъ ширинки, по которой началъ тосковать, и запилъ вино и до того допилъ, что все съ себя платье пропилъ. Завернувшись въ рогожу сказалъ: «пойду въ Питеръ на Калиновой мостъ, брошусь подъ мостъ въ воду, хоть и утону, такъ того и стоилъ». Пришелъ на означенной мостъ, на отмашку опустился подъ мостъ въ воду. Въ тужъ минуту представились ему въ глаза чистые поля, и зеленые луга съ благовонными цвѣтами, прекрасными ручейками и кустарниками, на которыхъ сидѣли разныхъ родовъ птицы и пѣли прекрасныя пѣсни. Онъ надъ этимъ долго стоялъ въ радости, наконецъ увидѣлъ большія деревни съ каменными домами удивительной работы, и въ ближайшую изъ нихъ пошелъ, первой домъ и второй прошелъ мимо, и идетъ къ третьему дому, смотритъ въ окна и начала женщина кричать: «эй милой! приворачивай; я здѣсь живу.» Онъ зашелъ, на сѣни выбѣжала его встрѣчать та самая красавица, которую онъ на Грумантѣ любилъ, сказала «здравствуй, мой милой! давно тебя невидала и не чаяла болѣе тебя видѣть, но еще судьба привела, удостоила меня посмотрѣть тебя»; и въ тѣхъ разговорахъ погрузилась въ объятія ему и повела въ уготованную комнату и, посадивши за столъ, начала его угощать всякими напитками и стала любезно цѣловать. Въ то время пришедъ къ нимъ одна служанка и несла на рукахъ малаго младенца, тутъ сказала любовница своему другу: «вотъ, пріятель! отъ твоей любви родился младенецъ, и поди ты въ особливую комнату; я тебя тамъ скрою въ потаенное мѣсто, потому что скоро придетъ мой мужъ и закричитъ громко: зачѣмъ русакъ пришелъ? ты молчи; онъ спроситъ тоже и въ другой разъ, ты все молчи; а какъ онъ спроситъ въ третій разъ: зачѣмъ русакъ пришелъ? ты скажи, что въ зыбкѣ-то мой младенецъ. Онъ тебѣ за младенца станетъ давать сто руб., ты молчи; онъ станетъ тебѣ давать двѣсти рублей; ты молчи; то скричитъ съ сердца: что дуракъ молчишь? возьми за мальчика триста рублей;—а ты на то скажи что кабы жару кулекъ, *) то бы согласился взять, да

*) Куль золота и серебра.

еще меня съ этимъ представь, куда мнѣ хочется. Какъ ты согласишься взять 100, 200 и 300 рублей, онъ тебя обманетъ, вмѣсто денегъ дастъ конинаго помету или другаго чего». Только лишь они успѣли свой разговоръ кончить, едва успѣлъ онъ скрыться въ потаенное мѣсто, тотчасъ пришелъ въ домъ мужъ ея т. е. чертъ; закричалъ: «зачѣмъ русакъ пришелъ?» тотъ молчитъ. Онъ тоже скричалъ и другой разъ, а русакъ все отмалчиваетъ; чертъ скричалъ въ третій разъ: «зачѣмъ русакъ пришелъ?» а тотъ сказалъ: «что въ зыбкѣ, то мой младенецъ; я его хочу унести», то чертъ сказалъ: «возьми за его 100 рублей!» русакъ молчитъ; онъ скричалъ: возьми 200 рублей!» русакъ все молчитъ; чертъ въ третій разъ вскричалъ съ горячности: «возьми русакъ 300 рублей!» а онъ сказалъ:« кабы жару кулекъ, взялъ бы!» Чертъ сейчасъ вынесъ изъ кладовой куль злата и сребра: «возьми, русакъ!»; а сей сказалъ: «да еще вынеси меня съ этими деньгами на Русь!» Чертъ взялъ кулекъ подъ пазуху, а русака посадилъ на колѣна и сказалъ: «закрой глаза»! Тотъ закрылъ себѣ глаза, а чертъ понесъ его вихоремъ на Русь. Вдругъ русакъ закричалъ: «постой, я шапку уронилъ!» На то чертъ сказалъ: «далеко твоя шапка осталась, за не одну тысячу верстъ», и въ тѣхъ разговорахъ представилъ его въ Петербургъ на Калиновой мостъ, и сказалъ: «возьми свои деньги, и болѣе меня не знай, и я тебя не буду знать!» Молодецъ этотъ сидѣлъ на мосту трои сутки, дожидался—не поѣдетъ-ли кто мимо его, потому что не могъ на себѣ нести кулька съ деньгами. Одинъ нищій ѣхалъ мимо его; молодецъ сказалъ:« наймись мой куль довезти до такого-то дому». Нищій довезъ его куда слѣдуетъ, а молодецъ старику заплатилъ за работу сколько слѣдуетъ, и остался тутъ жить, женился на одной пригожей дѣвушкѣ и жилъ не малое время счастливо и окончилъ свою жизнь благополучно и хорошо.

10. Всего свѣта не поворотишь.

Бывало-живало, жили старикъ да старуха, а у нихъ было три сына и три дочери. — Большая изъ сестеръ сидѣла у окна и выстрачивала рукавца. Откуда ни бывало, возмись Вихорь-Вихоревичъ и прилетѣлъ Воронъ-Вороновичъ, взяли да и унесли дѣвицу красную.—Пересидѣли у того же окна и вышивали рукавца другія двѣ сестры, и ихъ тоже унесли Вихорь-Вихоревичъ и Воронъ-Вороновичъ. Послѣ этого, большой братъ и говоритъ матери: «мати, напеки мнѣ колобочковъ, я пойду сестеръ искать». Вотъ, мать напекла колобковъ и отправила старшаго сына въ путь, во дороженьку. Шелъ онъ, да шелъ и увидѣлъ, что предъ нимъ стоитъ столбъ, и за столбомъ стоитъ старинькой старичекъ. Старичекъ этотъ увидѣлъ тоже его и спросилъ: «куда ты, молодецъ, путь держишь»? А молодецъ и отвѣчаетъ: «а вотъ, какъ бы мнѣ на желѣзну гору попасть?» Старичекъ въ свою очередь посовѣтовалъ: «ты поди сюда; вонъ тамъ лежитъ брусъ, чрезо всю Русь; ежели ты этотъ брусъ поставишь на конецъ, то и на желѣзну гору попадешь; а если тебѣ будетъ не поднять, то и на горѣ тебѣ не бывать». Пошелъ молодецъ дальше, поставилъ тотъ брусъ на конецъ и зашелъ на желѣзную гору, а по ней шелъ да шелъ и увидѣлъ дворъ мѣдный. Онъ къ этому двору подошелъ, зашелъ на крыльцо и поколотился. Отворила ворота ему большая сестра и сказала: «куда ты, брателко, путь держишь? вѣдь ты идешь не на жиру, а на смерть!» Такъ, оно и вышло: всѣ три сестры, три брата и тутъ-же старикъ и старуха пропали *).

11. О похищеніи Вихремъ дѣвицъ.

Жилъ былъ царь да царица, у царя у царицы были три дочери. Попросились онѣ у отца въ садъ погулять; гуляли-гуляли и сѣли на скамейку отдыхать. Прилетѣлъ Вихорь, схватилъ ихъ и унесъ за темные лѣса, въ подземное царство. Отецъ и мать хватились дочерей и послали слугъ за ними; слуги не нашли ихъ, и сказали царю, что дочерей нѣтъ въ саду. Царь нанялъ Ивана, крестьянскаго сына, искать дочерей. Иванъ, крестьянскій сынъ, отправился по дорожкѣ столбовой, и дошелъ до стеклянной горы, поднялся на гору, а на горѣ большой камень. Иванъ камень взялъ да и сдвинулъ съ мѣста, подъ камнемъ увидѣлъ яму, а въ ямѣ сѣраго кота съ глазами хрустальными. Сталъ Иванъ просить кота, чтобы онъ сказалъ ему, гдѣ его царевны? Котъ сказалъ, что царевны его въ этой ямѣ, повелъ Ивана и довелъ до мѣдной избушки. Котъ въ избушку не зашелъ, а воротился назадъ. Иванъ, крестьянскій сынъ, зашедши въ избушку, сѣлъ на лавку. Марѳа царевна стала у него вѣстей спрашивать: чей онъ, и откуда, и какъ попалъ къ намъ? Онъ сказалъ ей: «Марѳа царевна напой, накорми, тогда вѣсти спрашивай!» Марѳа царевна напоила, накормила Ивана, и стала вѣ-

---

*) Изъ сказки этой заключается: а) что, у жителей деревень, вороны и вороны — есть предвѣстники близкой смерти, б) что смерть они сравниваютъ съ мгновеніемъ вихря, и в) что всего свѣта не поворотишь, а если пойдешь на перекоръ судьбы—погибнешь.

сти спрашивать—откуда онъ, и какъ попалъ къ нимъ въ подземное царство. Иванъ разсказывалъ ей, откуда онъ и какъ попалъ къ нимъ. Марѳа царевна послѣ этого сказала ему: «пойдемъ я тебя припрятаю,—Вихорь прилетитъ и съѣстъ тебя». Только что запрятала Марѳа царевна Ивана въ сѣно, Вихорь прилетѣлъ и говоритъ: «фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ». — «Нанюхался русскаго духу, сказала ему Марѳа царевна, да и спрашиваешь». Вихорь посидѣлъ немного въ избушкѣ Марѳы царевны и улетѣлъ. Иванъ, крестьянскій сынъ, вышелъ изъ сѣна и спрашивалъ у Марѳы царевны: гдѣ другія сестры? Она сказала ему, что еще ниже тамъ. Онъ отправился дальше и дошелъ до серебряной избушки. Въ этой избушкѣ жила Матрена царевна. Также поступила съ Иваномъ и эта царевна. Отъ Матрены царевны Иванъ отправился къ третьей сестрѣ Парасковьѣ царевнѣ. Парасковья царевна жила въ золотой избушкѣ; тоже спрашивала Ивана, что спрашивали тѣ сестры. Прасковья царевна, чтобы избавить отъ Вихоря, сговорилась съ Иваномъ сожечь его спящаго. Вихорь какъ только уснулъ, они взяли да и зажгли избушку. Вихорь сгорѣлъ и избушка свернулась въ шарикъ. Парасковья царевна взяла шарикъ и отправилась съ Иваномъ къ сестрамъ. Матрена и Марфа царевны также свернули въ шарики свои избушки, и пошли домой къ отцу. Когда онѣ пришли домой отецъ и мать обрадовались, дали Ивану крестьянскому сыну полцарства своего, и стали жить, да быть, да добра наживать.

12. Дѣтская сказка.

— Вѣкошка, горожаночка,—гдѣ ты была?
— Была у города. *)
— Что тамъ дѣлала?
— Коней пасла.
— А гдѣ твой конь?
— За воротами стоитъ.
— А ворота тѣ гдѣ?
— Николка въ воду унесъ.
— А вода-то гдѣ?
— Быки припили.
— А быки-то гдѣ?
— Въ Красную гору *) ушли.
— А гора та гдѣ?
— Черви выточили.
— А черви-то гдѣ?
— Гуси выклевали.
— А гуси-то гдѣ?
— Гуси за лѣсъ улетѣли.
— А лѣса тѣ гдѣ?
— Люди присѣкли.
— А люди-то гдѣ?
— Люди примерли.
— А могилки-то гдѣ?
— Травой заросли.
— А трава-то гдѣ?
— Коса выкосила.
— А коса-то гдѣ?
— Коса выломана.
— А обломки-то гдѣ?
— Къ кузнецу снесены.
— А кузнецъ-то гдѣ?
— На погостѣ **) живетъ,
Колокольню куетъ,
По семи, по восьми,
Да одинадцати;
Ковалъ да ковалъ,
Звонилъ да звонилъ,
Да себѣ голову сломилъ,
Горшокъ накадилъ,
А кошки прибѣжали
Головку слизали;
Семишляпный конецъ
Да сѣнца съ кузовецъ,
Въ лѣсу подъ кокорой,
Не знаю подъ которой.

*) Въ народѣ Архангельскъ называется просто городомъ.

*) На Красной-горѣ Красногорскій монастырь.

**) Городъ Пинега былъ прежде погостомъ, да и теперь туземные жители говорятъ: «пошелъ или поѣхалъ на погостъ», т. е. въ Пинегу.

IX. ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИБАУТКИ.

А. ЗАГАДКИ *).

1. На семь верстъ одинъ мостъ, а на концѣ золотой крестъ.—Великій постъ и Воскресеніе Христово.

2. Стоитъ сарай на семи верстахъ; сарай подломится, весь міръ поклонится.—Великій постъ.

3. Плеть плетена, вверхъ ведена, о ста концовъ, о тысячи узловъ. —Церковь.

4. Гробъ ходитъ, а мертвецъ въ немъ поетъ.—Пророкъ Іона во чревѣ кита.

5. Яко тлѣнъ, яко плѣнъ, яко платье на немъ, яко писанное.—Икона на холстѣ.

6. Полъ пройду и другой пройду, не могу пройдти дубовой доски.—Икона.

7. Что въ избѣ за баса?—Образа.

8. Утка крекне, вси берега дрогнутъ: собирайтеся дѣтки въ богоданную матку.—Благовѣстъ къ обѣднѣ.

9. Живой мертвеца бьетъ, мертвецъ кричитъ и на крикъ его много народу стекается.—Колокольный звонъ.

10. Сидитъ пѣтухъ на воротахъ, косы до земли, а голосъ до неба.—Колоколъ.

11. Летитъ птичка маленька, несетъ тафту аленьку; эта тафта самого Христа.—Лампадка.

12. Что меньше Бога, а больше царя?—Смерть.

13. Два стоящихъ, два ходящихъ, два минующихъ.—Небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь.

14. Въ печуркѣ три чурки, три гуся, три утки, три тетерева.—Четыре времени года по три мѣсяца.

15. Вчера было, сегодня есть и завтра будетъ. —Время.

16. Я судился, да судился и высудилъ свинью о двѣнадцати титькахъ.—Годъ.

17. Выходило 12 молодцовъ, выносили они 52 сокола, выпускали 365 лебедей.—Годъ.

18. Лежитъ брусъ черезъ всю Русь, на этомъ брусѣ 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по 4 яица, а въ каждомъ яйцѣ по 7 цыплятъ.—Годъ.

19. По морю корабль катается, на томъ кораблѣ 365 работниковъ имѣется, 52 прикащика находятся, 12 хозяевъ распоряжается.—Годъ.

20. Летитъ 365 гусей, да слишкомъ 50 лебедей, да 12 орловъ.—Годъ.

21. Семь полосъ, семь бороздъ; каждой полосѣ разныя имена.—Недѣля.

22. Надъ клѣтью коврига виснетъ.—Луна.

23. Бѣжали овцы по калиновому мосту, увидали зорю — скидались въ воду.— Звѣзды на небѣ передъ утромъ.

24. На полѣ на Романовѣ, стоятъ кони отобраные, ѣдятъ траву шелковую, пьютъ воду ключевую. — Звѣзды на небѣ.

25. Царь ѣде по горы, царица по подгорью, царица мигне, царь крикне.—Громъ и молнія.

26. Изъ окна въ окно золотое бревно. — Солнечный лучъ.

27. Чего въ коробейку не запереть?—Солнечныхъ лучей.

28. Безъ рукъ и безъ ногъ, а двери отворитъ. — Вѣтеръ.

---

*). Доставлены изъ пяти мѣстностей: большая часть П. И. Ивановымъ изъ Пинежскаго уѣзда и Н. Базилевскимъ изъ Холмогорскаго уѣзда, меньшая И.Костылевымъ изъ Шенкурскаго уѣзда, священникомъ Курейско-Сергіевскаго прихода Таратинымъ и священникомъ Тулгасскаго прихода Макаровымъ.

29. Безъ рукъ, безъ ногъ, на полу ползетъ.—Вѣтеръ.

30. Залаяли собаки на Павловскомъ, завылъ медвѣдь на Даниловскомъ.—Вѣтеръ и ненастье.

31. У меня молодца четыре отца, пятый батюшка.—Отецъ Небесный, отецъ царь, отецъ духовный, отецъ крестный и отецъ родитель.

32. Что тако: двѣ картинки, а одна тропинка? — Мужъ и жена.

33. Одного отца и одной матери дитя, а никому не сынъ.—Дочь.

34. На морѣ плашка *) не сохнетъ, не мокнетъ, не куржавѣетъ.—Языкъ.

35. Подъ мостомъ мостище, подъ городомъ городище, двѣ трубы трубило, двѣ свѣчи свѣтило, два соболя играло.—Лице.

36. За лѣсомъ, за прилѣсьемъ, двѣ веревки холста виснетъ.—За губами зубы.

37. Что тако: полонъ подпечекъ бѣлыхъ лебедей?—Зубы.

38. У нашего купца полно подполье гусей да лебедей.—Зубы.

39. Въ ящечкахъ плашечки, бѣлы камешки, сини денежки.—Глаза.

40. Шерстка съ шерсткой сходится, спать хочется.—Рѣсницы у глазъ.

41. Около пушекъ, на серединѣ душекъ, на верху чепушекъ.—Борода.

42. Что такое: четыре брата, пятый дядя.—Рука.

43. Братъ брата бьетъ, а другой морщится.— Ягодицы.

44. Наѣхали Нѣмцы, растворили дверцы.— Ягодицы.

45. Сахарный кусокъ на блюдѣ не бывалъ, а всякъ его ѣдалъ.—Грудное молоко.

46. За стѣной, стѣной, да каравашекъ костяной. — Младенецъ въ утробѣ матери.

47. Текунчики текутъ, ревунчики ревутъ, сухо дерево несутъ: онъ не дышетъ, не пышетъ и души въ немъ нѣтъ.—Покойника несутъ.

48. По бѣлой землѣ ходитъ, трое работаютъ, двое надзираютъ, одинъ размышляетъ.—Человѣкъ пишетъ.

49. Стоятъ палаты весьма богаты: въ этихъ палатахъ есть и легкость и бодрость, и смерть недалеко.—Питейный домъ.

50. Стоитъ на пяти столбахъ море: душѣ пагуба, а тѣлу радуга.—Рюмка водки въ рукѣ.

51. Щука конура хвостомъ вернула, лѣсы пали, горы стали.—Косятъ траву.

52. Загану загадку, брошу черезъ грядку, годъ пожду, годовикъ сойму.—Сѣять рожь *).

53. Сине море вкругъ кружится, бѣлый заяцъ спать ложится.— Мелютъ муку.

54. Брюхомъ тру, ногами пру, а что разширится, въ то и пихну.—Ткать на краснахъ.

55. Стоитъ мужикъ на бору, а самъ кричитъ за рѣку.—Пастухъ съ рожкомъ.

56. Пять пять овечекъ зародъ подъѣдали, да пять пять овечекъ крупу **) подбирали.—Прястьдесятью пальцами.

57. Около пролубки все сидятъ голубки,—а у всякаго по кичишкѣ.—Сидятъ за столомъ съ ложками.

58. Одинъ говоритъ: побѣжимъ, другой говоритъ: полежимъ, а третій говоритъ: покачаемся.—Вода камень и кустъ.—Карбасъ, парусъ и мачта.

59. Сани бѣжатъ, оглобли стоятъ.—Рѣка и берега.

60. Самъ Самсонъ мостъ мостилъ безъ тонора, безъ клина безъ востра ножа.—Ледъ на рѣкѣ.

61. Шуба нова, на подолѣ дыра.—Прорубь.

62. Шла Божья къ обѣднѣ, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ, солнце взяло; заря схоронила.—Роса.

63. Что тако: лѣтомъ дѣвка, зимой женка? ***).—Дерево.

64. Въ лѣсѣ оно, съ лѣскомъ ровно, а не видно его.—Сердцевина въ дуплѣ дерева.

65. Зелено—кудряво, почто въ лѣсъ побѣжало? Криво лукаво тебя берегу.—Огородъ.

66. Два братца однимъ поясомъ подпоясаны.—Колья въ огородѣ.

67. Кругло кругло, да не мѣсяцъ; зелено, зелено, да не вѣникъ; есть хвостъ, да не куній.—Рѣпа.

68. Росло повыросло, изъ мошка повылѣзло, красно залупилось, всѣмъдѣвушкамъ полюбилось.—Морошка.

---

*). Варіантъ: Дощечка.

*) Варіантъ: Загану загадку, да выброшу за грядку, пусть моя загадка въ годъ, да въ годъ да повыростетъ.

**) Труха-Варіантъ: Пять—пять овецъ огородъ подъѣдаютъ, другіе пятьовецъ отъ огороду отбѣгаютъ.

***) Вар: Лѣтомъ дѣвица, зимой молодица.

69. Кругло кругло, да не мѣсячно; востро востро, да не мышій хвостъ; зелено зелено, да не сорочій хвостъ.—Рѣпа.

70. Безъ рукъ, безъ ногъ, на ботогъ ползетъ.—Хмѣль.

71. Сидитъ бабка, вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.—Лукъ.

72. Не окошекъ, не дверей, полна горница гостей.—Огурецъ.

73. Мальчикъ съ пальчикъ въ землю ушелъ, синю шапку нашелъ.—Горохъ.

74. По полу скокъ, по лавкѣ скокъ, сѣлъ въ уголокъ—не ворохнется.—Вѣникъ.

75. Что у насъ въ подпольѣ за медвѣжья лапа?—Помело.

76. Кабы не дѣдушкино ремесло, такъ и у бабушки бы заросло.—Метла и дворъ.

77. Съ локоть мохнато, съ локоть голо, да съ локоть въ г.... ушло.—Прялка во льну.

78. По полу, по лавкѣ натыканы булавки.—Сучья.

79. Стоитъ баба подъ окномъ, покрыта полотномъ.—Костеръ дровъ подъ снѣгомъ.

80. Раскладу кострецъ, никому не скласть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни чиновнымъ людямъ, ни вамъ жудрякамъ.—Ращепать полѣно въ лучину.

81. Разстелю я золото, не собрать ни мѣдникамъ, ни еребреникамъ.—Лучина.

82. Шелъ я погтыхты, на встрѣчу мнѣ барахтыхты, кабы да не ягтыхты, съѣлъ бы меня барахтыхты.—Человѣкъ, медвѣдь и собака.

83. Что же днемъ скамейкой стоитъ, а ночью калачикомъ лежитъ.—Собака.

84. Четыре стучихи, четыре гремихи, два богомола, одинъ вихлецъ **).—Корова.

85. У рыкова четыре, а у козы двѣ.—Сосцы у коровы и козы.

86. Подъ задомъ плетень, въ колѣняхъ ботень, въ рукахъ жалователь.—Скамейка подъ коровницей, подойникъ и вымя.

87. Выскочилъ ерышка въ бѣломъ балахонѣ, полы подтыкалъ, лобъ залощилъ, глаза вытаращилъ.—Заяцъ.

88. Семьсотъ свищетъ, четыре стучитъ а двое слушаютъ.—Хвостъ, ноги и уши лошади.

89. Семьсотъ скачетъ, семьсотъ пляшетъ, четыре молотитъ, а одинъ поворотитъ.—Сѣно въ возу съ лошадью.

*) Вар: Одна маковка два бодка.

90. Три брата спорятъ между собой; одинъ говоритъ: мнѣ лѣтомъ хорошо, другой говоритъ: мнѣ зимой хорошо, а третій говоритъ: мнѣ все равно.—Телѣга, сани, лошадь.

91. Шелъ мимо, видѣлъ диво: волкъ волка ѣстъ; я разландалъ и выландалъ—заландалъ.—Овцы ѣдятъ травянную озимь.

92. За лѣсомъ, лѣсомъ жеребята ржутъ, а домой нейдутъ.—Волки.

93. Подъ поломъ, поломъ сидитъ барыня съ коломъ.—Мышь.

94. Летѣло турли—мурли, пролетѣло чрезъ когтево село, растворило мякинницу, положило въ бѣлильницу.—Гуси.

95. Бѣло да не снѣгъ, зелено да не лугъ, черно да не грязь.—Сорока.

96. Стоитъ бочечка да безъ обручечка, нѣтъ сучка, ни задоринки, пиво да вино не смѣшаются.—Яйцо.

97. Чего на колъ не поставишь?—Яйца.

98. Стоитъ въ колѣ градъ, въ градѣ сидитъ царь, у царя много силы, пришелъ разбой—всю силу разогналъ.—Гнѣздо медяницы.

99. Черенъ да не воронъ, не конь и не кобыла, не быкъ и не корова, шесть ногъ безъ копыта.—Таракань.

100. Сидитъ птица на кусту, она молится Христу: Боже ты мой, Боже! далъ ты мнѣ власть, Боже! надъ всѣми царями, надъ богатырями; не далъ ты мнѣ, Боже! только власти надъ рыбою въ морѣ.—Комаръ.

101. Нарождался звѣрь отъ мая отъ мѣсяца, отъ краснаго солнышка; этаго звѣря убоялись: короли въ Литвѣ, старцы по кельямъ, малые ребята по зыбкамъ.—Комары, оводы, мошки.

102. Что надъ нами вверхъ ногами?—Тараканы и мухи.

103. Чего на хоромы не забросишь? *)—Перышка.

104. Панъ—пановичъ, упалъ въ колодезь,—самъ не утонулъ и воды не смутилъ.—Листъ съ дерева.

105. На боръ идутъ, клѣтки рубятъ; а съ бору идутъ,—перерубливаютъ.—Лапти вяжутъ.

106. Кабы сталъ, кабы сталъ—такъ бы до неба досталъ, кабы руки да ноги—такъ бы вора связалъ, кабы ротъ да глаза-такъ бы все разсказалъ.—Дорога.

107. Два волка бѣжатъ, оба на небо глядятъ.—Полозья у саней.

*) Варіантъ: Чего съ сарая не бросишь?

108. Летитъ птица орелъ, несетъ въ зубахъ *) огонь; по конецъ хвоста человѣчья смерть.—Ружье и пуля.

109. Летитъ птица,—во рту спица, на носу смерть.—Ружейный выстрѣлъ.

110. Жилъ Старецъ, у него былъ ставецъ; прибѣжалъ къ нему заецъ: пошто ты, старецъ, имѣешь ставецъ?—Охъ ты, заецъ! Еслибъ ты былъ старецъ, у тебя бы свой былъ уставецъ.—Пустынникъ и гулящій человѣкъ

111. Бѣжитъ бѣсъ, подлѣ лѣсъ; несетъ хвостъ выше прясла, семи жердей.—Судно.

112. Дорога ровна, лошадь деревянна, везетъ хоть до куля не кормя.—Лодка, корабль.

113. Лежитъ баба, на середкѣ ляга,—пришелъ кокорь, забилъ съ локоть; спасибо кокорь: по часту ходишь, да по многу носишь.—Лодка привязанная къ свайѣ.

114. Окупнешь сухо, а выдернешь—съ конца каплетъ.—Весло.

115. Клѣть дыровата, а выхода нѣтъ.—Верша.

116. Пойду я въ чащину, осѣку я лѣсину, за лѣсину волосину, наконецъ-отъ крюкъ, на середку жмакъ,—крюкъ то дернетъ, жмакъ повернетъ,—живо—три перне, душа изостанетъ и жить перестанетъ.—Рыболовный снарядъ: удилище, леса, паплавокъ и удочка.

117. Самъ конопляной, жилье липяно, голова деревянна, ноги каменны, коты берестяны.—Неводъ.

118. Встану я рано, пойду я въ поляну, встрѣчу Варвару,—насчетъ перевару, большой головы, сѣдатой бороды.—Паревo.

119. Божья по пожни идетъ, а кикимора въ остожьи сидитъ. «Куда—ты, Божья, по пожни пошла?»—кикимора тебя караулитъ.—Везутъ кучу (каплугу) сѣна,—стожары (палки) въ стогу и изгородь (осгожье).

120. Прилетѣла птица на Егорьевъ день: деревянный носъ, окованъ хвостъ.—Соха.

121. Криво лукаво въ лѣсъ бѣжало, зелено кудряво на встрѣчу ему: «криво, лукаво! куда побѣжало?»—Зелено кудряво! тебя стеречи.—Серпъ и колосовой хлѣбъ.

122. Маленькой, горбатенькой всѣ поля обскакалъ, пришелъ домой: въ большой уголъ всталъ.—Серпъ.

123. Стоитъ Егорій въ полугорѣ, копьемъ подперся, шатромъ покрылся.—Суслонъ изъ сноповъ.

124. Стоитъ церковь не церковь, колокольня не колокольня, часовня не часовня, а крестъ на боку.—Вѣтряная мельница.

125. Шелъ я мимо, видѣлъ диво: головы избиты, брюха пропороты, тѣла въ перевалъ валятъ, а души въ рай тащатъ.—Хлѣбъ молотятъ.

126. Сѣрый зайко вокругъ кружится, а бѣлый зайко спать ложится.—Мелютъ въ жернова и высыпается мука.

127. Кто же прежде Адама родился? Пріѣхалъ къ нему нѣкакой человѣкъ, положилъ на свой конь, привезъ его въ свой домъ, посадилъ его на престолъ, далъ ему въ руки трость и сталъ ему кланяться, а онъ даетъ ему благодать.—Камень и жернова.

128. Ѣде(тъ) скрипница, везе(тъ) златницу: свѣтъ берлогъ! Пусти ночевать! Погодка займе(тъ), недѣлю проживе(тъ).—Телѣга, на которой везутъ хлѣбъ въ овинъ сушить.

129. Божья идетъ по пожни, а кикимора въ остожьи.—Возъ и стогъ сѣна.

130. Иде(тъ) свинья къ овину, съ обѣихъ концевъ о рылу.—Ночовки, которыми крупу полютъ.

131. Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ въ поднебесье ушелъ.—Печка, огонь, дымъ.

132. Два бѣляка ведутъ черняка.—Дымовой выходъ у печи въ трубу.

133. Распашу, распашу чистое поле, нагоню бѣлаго скота, есть у бѣлаго скота золотой пастушекъ.—Печь, хлѣбы, огонь.

134. Два бѣльца ведутъ чернеца.—Чело у печки.

135. Что тако: полонъ колпакъ татарскихъ яицъ?—угольяя въ горшкѣ.

136. День корпитъ, ночь корпитъ, а утромъ спитъ.—Печной заслонъ.

137. На устьѣ на устьинскомъ, на углѣ на углинскомъ, смѣшалися вода съ пескомъ, разодралися Лука съ Петромъ.—Устье—устье печи, уголь — жаръ въ печи,—вода съ пескомъ—вода и крупа, Лука и Петръ—мука и горшокъ.

138. Съ вечера ширы, ширы, ширы, съ полуночи еры, еры, еры, къ утру всталъ—ничеги не стало. — Растворъ.

139. Что выше лѣса подымается? — Тѣсто въ кашнѣ.

*) Варіантъ: на хвостѣ несетъ.

140. Берега желѣзны, вода дорога, рыба безъ костей.—Пекутъ блины на сковородѣ.

141. Выпашу, выпашу чистое поле; нагоню, нагоню бѣлыхъ лебедей.—Въ печи хлѣбы.

142. Что изъ воды родится, а воды боится?—Соль.

143. Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошитъ крошитъ крошанку ни себѣ, ни собакамъ, ни малымъ ребятамъ.—Лучина горитъ.

144. Что же носитъ куроптево име?— Крупникъ.

145. У насъ въ избушкѣ красны бабушки.—Ложки.

146. Два лежатъ, два стоятъ, пятой ходитъ, шестой водитъ.—Двери.

147. Марья на Марью глядя(тъ), онѣ вмѣстѣ не сойдутся, да и врозь не разойдутся.—Косяки у дверей.

148. Двѣ Марьи, двѣ Дарьи вмѣстѣ не сойдутся и порознь не разойдутся.—Косяки въ дверяхъ.

149. Самъ безъ рукъ и самъ безъ ногъ, а на подволоку лезетъ.—Дымъ.

150. Хамъ ходитъ по лавкѣ, хамъ по подлавкѣ, досадлива женушка отворила окошко: Хамъ поди вонъ на боярскій дворъ!—Дымъ въ черной избѣ.

151. Хамъ ходилъ по грядкѣ въ шелковой рубашкѣ, —догадливая невѣстка отворила окошко: поди, хамъ, вонъ!—Дымъ въ курной избѣ и ставень.

152. Шестдесятъ поросятъ въ одинъ голосъ голосятъ.—Камелекъ въ банѣ.

153. Чертова бабка вся въ заплаткахъ. — Камелекъ въ банѣ.

154. Стульцы, ведульцы, по полу ведутся и всѣ изведутся.—Клубы холоднаго пара въ избѣ, когда отворятъ двери зимой изъ сѣней.

155. На улицѣ Петровъ день, а въ избѣ Рождество.—Окно замерзшее въ избѣ и не замерзшее съ улицы.

156. Полосы стеклянны, а ложи деревянны.—Рама.

157. Что тако: у насъ въ избушкѣ палагеино имя.—Палати.

158. Сорокъ братьевъ на одной подушкѣ спя(тъ).—Потолокъ на матицѣ.

159. Что же носитъ вороново имя?— Воропецъ въ избѣ.

160. Четыре молодца *) подъ одной шляпой стоятъ.—Столъ на четырехъ ножкахъ.

161. Подъ однѣмъ крылышкомъ четыре голубушки.—Столъ.

162. Что тако: четыре брата стоя(тъ) подъ одной шляпой?—Столъ.

163. Самъ маленькій, самъ удаленькой, весь домъ стережетъ.—Замокъ.

164. Въ небѣ дыра, въ землѣ дыра, а по серединѣ огонь да вода.—Самоваръ.

165. Родился—бился, крестился—мучился, пошелъ—запялся, весь міръ засмѣялся.—Горшокъ (глиняный).

166. Маленькій невеличинькой, подпоясался вичинькой (прутьями).—Ушатъ.

167. У туши уши, а головы нѣту.—Ушатъ.

168. Корова пестра, титька востра, ротъ на боку, хороша къ молоку.—Лагунъ съ квасомъ.

169. Самъ не великъ, а дыра съ четверикъ. — Чугунъ или мѣдяникъ.

170. Старикъ въ осяку, да сорвался со смѣху.—Чугунникъ съ водою въ печи.

171. Четыре ноги въ одномъ сапогѣ.—Безмѣнъ.

172. Сухой ершъ пудъ тянетъ.—Безмѣнъ.

173. Идетъ человѣкъ, несетъ на боку диковинку, обтянуту кожицей.—Ножъ въ чехлѣ.

174. Повыше колѣнца, пониже пупенца, выросло полѣнце.—Ножны (футляръ ножика.)

175. Ниже пупа, выше колѣна, виситъ какъ полѣно.—Шашка у полицейскаго служителя.

176. Самъ нагъ, а рубашка въ пазушки.—Свѣча.

177. Пришло диво въ избу, стало диво въ углу, проситъ дѣвки, либо женки, а мужика не надо.—Красна (ткальный станокъ).

178. Чѣмъ больше я верчусь, тѣмъ больше я толстѣю и богатѣю.—Веретено.

179. Малинькой, свѣтлинькой, черезъ тынъ скачетъ, весь міръ краситъ.—Швейная игла.

180. Чего же на гору не затянешь?—За нитку клубка.

181. Два кольца, два конца, на серединѣ гвоздь.—Ножницы.

182. Расширю я мохнатку, засуну голыша.—Рукавицы.

183. Мохната продолговата, съ двухъ концевъ отверстія имѣетъ и грѣетъ; кто вложитъ, тотъ согрѣться можетъ.—Муфта.

184. Худа худышка, задавилась въ яслишкѣ.—Пуговица въ петлѣ.—

185. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса висятъ.—Серги въ ушахъ.

---

*) Вар. брата.

186. Свѣтъ попихай, потихонько пихай,—рубашечку дерешь, перемыться ведешь.—Гребень.

187. Маленькій Трофимчикъ, скочилъ на овинчикъ—попорхался.—Гребень.

188. Пойду я въ лѣсъ и разгоню волковъ всѣхъ.—Гребнемъ вычесывать волосы.

189. Стучитъ, вертится, ничего не боится; ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ.—Часы.

190. Денегъ: пять денегъ да рубль пять копѣекъ, денежка нова, да денежка стара,—какъ много ли стало?—Столько же.

Б. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. *)

Авось, небось, да какъ нибудь,—добра не будетъ.

А хоть день-то сиротскій, а ночь-то господска. (Говорится о супружескомъ счастіи).

Бабой больше, такъ дѣвкой меньше.

Бабьему хвосту нѣтъ посту.

Барышъ съ накладомъ въ однѣхъ саняхъ ѣздятъ.

Батюшка—Питеръ бока наши повытеръ, братцы—Заводы унесли годы, а матушка—Канава и совсѣмъ доканала.

Безстужій голову коритъ, а остужій по міру ходитъ.

Безъ денегъ вездѣ худенекъ.

Безъ мужа жить, какъ безъ соли ѣсть; а съ мужемъ жить, какъ съ перцемъ ѣсть.

10. Безъ труда не вынешь и рыбки изъ пруда.

Безъ убытка—не достать и добытка.

Безъ ужины спать—собачья стать.

Береги хлѣбъ для ѣды, а деньги для бѣды.

Берегись козла спереду, лошади сзаду, а лихаго человѣка со всѣхъ сторонъ.

Богатому все богатина, а бѣдному—рогатина.

Богатому какъ хочется, а бѣдному какъ можется.

Богатъ, богатъ, да Богу-то не братъ.

Богатъ, да плутоватъ; а и бѣденъ, да честенъ.

Богатый какъ хочетъ, а голый какъ можетъ.

20. Богъ далъ роточикъ, Богъ дастъ кусочикъ.

Богъ-не богатый: онъ наказываетъ да и милуетъ.

Богъ страдалъ и намъ тоже наказалъ.

Богъ терпѣлъ, да и намъ велѣлъ.

Божья роса Божью землю кропитъ.

Большая нажива, большая и прожива.

Большой да богатой—не живетъ виноватой.

Большой корабль много рыскаетъ, да все-же на якорь встаетъ.

Борода по колѣна, а дровъ ни полѣна.

Брань не чадъ, глазъ не ѣстъ.

30. Братъ брату складчикъ, сынъ отцу сосѣдъ.

Братъ за брата не плательщикъ.

Брюхо болитъ, на краюху глядитъ.

Брюхо не зеркало, чѣмъ набилъ, тѣмъ и ладно.

Бываетъ и на Машку промашка.

Бывало Иванъ огороды копалъ, а нонѣ Иванъ въ воеводы попалъ.

Была бражка, да вышли барашки; теперь есть квасъ, да не про васъ.

Были бы кости, а мясо ужъ будетъ. *)

Были-бы крошки, а мышки ужъ будутъ.

Былъ бы другъ, а время будетъ.

40. Быль молодцу не укора, а не быль— чести больше.

Бѣдному жениться,—ночь коротка.

Вертитъ онъ перомъ, какъ веретеномъ.

Вспнюю корову отъ вѣтру поноситъ.

Взойдетъ солнышко и на наше задворье.

Видишь мило, да идешь мимо.

Видно сокола по полету, знать молодца по голосу.

Влюбился, какъ собака въ палку.

Волка и ноги кормятъ.

Волкъ одну пѣсню зналъ, а ты и ту спѣлъ (въ укоръ тому, кто не въ мѣру кричитъ).

50. Вольному воля, ходячему путь.

Вора повѣсятъ, на то мѣсто десять.

Вору по дѣлу, да мало попало.

Воръ воруетъ, а самъ горюетъ (живетъ плохо).

Вотъ какая мнѣ родня-то: его то бабушка, моего-то дѣдушка, изъ Краснаго села пьянаго вела.

Врешь, какъ водой бредешь.

Все равно, что дерево, что бревно.

Все хорошо, что прибыльно.

Вспомнила бабушка дѣвичъ вѣчеръ да и заплакала.

Всѣ люди, какъ люди; а мой мужъ какъ поршень.

60. Всѣхъ нищихъ не перещеголять.

Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ.

Всякая птица свои пѣсни поетъ; кто чѣмъ можетъ, тѣмъ хлѣбъ достаетъ.

Всяки займы платежомъ красны.

---

*) Доставлены П. И. Ивановымъ, И. П. Базилевскимъ и священ. Таратинымъ.

*) Эта пословица говорится о дѣтяхъ, вступающихъ въ юношескій возрастъ; но тѣхъ, которые худощавы. Болѣе относится она къ дѣвушкамъ.

Всякое коренье примай съ благодареньемъ.

Всякой домъ потолкомъ крытъ.

Всякъ скачетъ, да не какъ скоморохъ.

Выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по родамъ (по роднымъ, по родственникамъ).

Выловилъ язя, да ѣсть только нельзя

Выпустишь съ воробышка, а выростетъ съ коровушку.

70. Выпьемъ по одному, да не скажемъ никому.

Выше, да выше и въ буточники вышелъ.

Въ городѣ живешь, а колокольнѣ кланяешься.

Въ домѣ-то у нихъ какъ Мамай воевалъ.

Въ домѣ хозяинъ больше архирея.

Въ дѣлу не обидь, а послѣ дѣлу хоть все возьми.

Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало.

Въ людяхъ Ананья, а дома не найдешь.

Въ людяхъ Илья, а дома свинья.

Въ мужичкахъ Аѳоняхъ, да въ голубыхъ копяхъ—мало толку бываетъ.

80. Въ одинъ прямъ вѣку не переживешь.

Въ одной рукѣ тонко, въ другой ничего.

Въ хорошей капустѣ много гнилыхъ кочней.

Въ чемъ къ обѣдни, въ томъ и по сельди.

Въ тихомъ озерѣ черти водятся.

Вѣкъ изжить, не рукой махнуть.

Вѣрю всякому звѣрю, погожу—ежу (тому, кто горячится, озарничаетъ).

Гдѣ блины, тутъ и мы; гдѣ аладьи, тутъ и ладно.

Гдѣ былъ?—У друга. А что пилъ? — Воду—показалась слаще меду.

Гдѣ городъ, тутъ и вѣра; гдѣ деревня, тутъ порѣдня (порядня, порядокъ).

90. Гдѣ есть попъ, тамъ въ ризу не одѣвайся.

Гдѣ живется, тамъ и пѣтухъ кладется.

Гдѣ какія ведутся, тутъ такія и берутся.

Гдѣ конь катается, тутъ шерсть останется.

Гдѣ коробъ, тутъ и милостыня.

Гдѣ черти ни бродили, вездѣ ихъ бранили.

Глаза-то страшатся, руки дѣлаютъ.

Глупой осудитъ, а умной разсудитъ.

Глупъ какъ туесъ.

Гляди полуглазкомъ, говори полуроткомъ.

100. Гречная каша—мать наша, а хлѣбецъ аржаной—то отецъ нашъ родной.

Грѣхи не корюхи, не съѣшь.

Говори, да не проговаривайся.

Говорить по совѣту (по секрету), а выйдетъ по всему свѣту.

Годъ служи, а вѣкъ тужи.

Головка-воровка—денежки пропила, а сама болитъ.

Голодное брюхо, что неправедный судья,—и молча проситъ.

Господи! убей того до смерти, у кого женка хороша, а мужъ дуракъ.

Господи помилуй, да денегъ дай; мѣди съ рубль, да бумажекъ съ пудъ; серебра три ведра, а пятачковъ, да четвертачковъ—пять четвериковъ.

Губа толще, такъ брюхо тоньше.

110. Дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ошкуя на водѣ.

Дай нагому холстъ, а ему еще толстъ.

Дастъ Богъ день,—дастъ Богъ и пищу.

Дастъ Богъ дождь—уродится рожь.

Дастъ Богъ ротокъ—будетъ и кусокъ.

Дающа рука устанетъ, а примуща не устанетъ.

Два чирка, тотъ-же селезень.

Двумъ любо, третій не суйся.

Денегъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ; а дѣвокъ нѣтъ—такъ бабъ найдемъ.

Денежки есть, такъ и калачики ѣшь, — а денежекъ нѣтъ, такъ и покалачивай въ плѣшь.

120. День съ колобомъ, да два голодомъ.

Деньги да животъ,—такъ и баба живетъ.

Деньги небольши около себя поищи.

Деревенская родня, какъ зубная болѣзнь.

Для милаго семь верстъ не околица.

Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобы рукъ не жгло.

Для чего и кузнецъ молотомъ куетъ, чтобы крѣпче было.

Добро-то и скотъ понимаетъ.

Домашняя копѣйка лучше отхожаго рубля.

Домашняя копѣйка—что посторонній рубль.

130. Домъ вести, не лапоть плести.

Досталася гадинѣ виноградная ягода. (Т. е.—дурному мужу хорошая жена, и на оборотъ).

Доѣдай кумушка девяту шанежку: за одно быть ужъ мужемъ биту.

Души въ адъ не отдать, — такъ и богатымъ никогда не бывать.

Дѣвушка не травка,—не выростетъ безъ славки.

Дѣла—какъ сажа бѣла.

Дѣлай колѣно, чтобы брюхо не болѣло.

Дѣло-то не велико, да судъ-отъ большой.

Дѣти будутъ—сами добудутъ.

Дѣтки одной насѣдки.

140. Если хошь имѣть барыши, такъ рожь поворошн.

Есть время плакать, есть и веселиться.
Есть квасъ, да не про васъ.
Есть хлѣбъ—ѣдимъ, а нѣтъ его—глядимъ.
Жалѣю, что попъ тебя крестилъ, да не утопилъ
Ждалъ, ждалъ,—да и жданки съѣлъ.
Ждетъ какъ воронъ кости.
Женить-бы его не на красной дѣвицѣ, а на хорошей рябиновой вицѣ (розгѣ).
Жену учи безъ дѣтей, дѣтей безъ людей.
Живется, такъ и пѣтухъ кладется; а не живется—и курица не несется.
150. Живетъ на болотѣ, ничего не молотитъ; кушанье съ поварни, а дрова съ топора.
Живу по вѣры, а пью по полумѣры. (Отзывъ о раскольникахъ, неодобряющій ихъ нравственности).
Живши и горшокъ съ горшкомъ столкнется.
Жиды да черти,—одной шерсти.
Жижа да квасъ—перемѣна у насъ.
За кого Богъ, за того и добрые люди.
За моремъ коровы дешевы, да провозы дороги.
За одинъ разъ дерева не срубишь.
Заварилъ кашу, не жалѣй масла.
Закинь калачъ на лѣсъ, назадъ пойдешь—найдешь.
160. Закипѣла въ морѣ пѣна—будетъ вѣтру перемѣна.
Запасливый лучше богатаго.
Застала зима въ лѣтнемъ платьѣ.
Захотѣлъ ты у калашника дрожжей.
Захотѣлъ ты у нищаго коробъ отнимать.
Зачѣмъ Богу молиться, когда ничего не болитъ.
Звалъ на честь, а посадилъ на печь.
Здравія желаю, съ похмѣлья помираю; нѣтъ ли гривенокъ шести—душу отвести.
Зерна мели, а много не ври.
Зимой и лѣтомъ—однимъ цвѣтомъ.
170. Зимой платье и лѣтомъ платье; будетъ платье и нашей братьѣ.
Знаетъ курица свои яица.
Знай больше, да говори меньше.
Зналъ бы что упалъ, тутъ соломки бы постлалъ.
Зять да шуринъ,—чертъ ихъ судитъ.
И въ Сибири солнце свѣтитъ.
И дуракъ кашу съѣстъ, было бы масло.
И на Машку бываетъ промашка.
И на погостѣ живутъ, да колокольнѣ молятся.
И не любо, да смѣйся.
180. И радъ бы душой, да хлѣбъ то чужой.
И собака помнитъ, кто ее кормитъ.
И у голыша тоже душа.
И умной беретъ, когда глупый даетъ.
Играть не плакать, и отцу съ матерью не жаловаться.
Идетъ пономарь, знай: деньги подавай.
Изъ большихъ денегъ и рубль не почемъ.
Изъ одной бани да не однѣ басни.
Изъ одной мучки, да не однѣ ручки.
Исправникъ—волчій сынъ, какъ же безъ него быть?
190. Испытать—деньги прожить, либо новыхъ нажить.
Кабы не выронилъ пера, не зналъ бы и двора.
Какова баба, такова и слава.
Каково на дому, таково и самому.
Каковъ корень, такова и отростень.
Каковъ одѣтъ, такову и везетъ.
Каковъ покойникъ, таковы и поминки.
Каковъ самъ, таковы и дѣти.
Каковъ чортъ отъ люльки, таковъ и въ могилку.
Каковы сами, таковы и сани.
200. Какой онъ отчестливой: скатертью трясетъ, а хлѣбъ въ шомышу несетъ.
Какъ ни зови, только хлѣбомъ корми.
Какъ самъ плохъ, такъ не пособитъ и Богъ.
Какъ слѣпой подлѣ огорода идешь.
Какъ ѣстъ пирожки, такъ и коситъ подлѣ корешки.
Кинь добро назадъ, оно очутится напереди.
Кобыла съ медвѣдемъ тягалась, а у самой хвостъ да грива осталась.
Когда дрова горятъ, тогда и кашу варятъ.
Когда лыко дерется, тогда и дери.
Коли не милъ тѣломъ, не приробишься дѣломъ. *).
210. Конь горбатъ, да не кобылѣ братъ.
Копѣйка къ копѣйкѣ, и то двѣ копѣйки.
Корова во хлѣву, какъ Адамъ въ раю.
Коровъ не видать, и быковъ не слыхать.
Коса любитъ лопату, а косецъ—пироги.
Котелъ горшку не товарищъ.
Кошку бьютъ, невѣсткѣ навѣтки (намеки) даютъ.
Кресты да перстни,—тѣ же деньги.
220. Кручиной моря не переѣдешь.
Крѣпка тюрьма, да чертъ ее хвалитъ.
Кто вчера совралъ, тому и завтра не вѣрятъ.
Кто въ лямкѣ не бывалъ, тотъ и до сыта не ѣдалъ.
Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропастъ.

---

*) Эту пословицу говорятъ жены тѣмъ мужьямъ, которые, не смотря на усердіе къ работѣ и къ хозяйству, равнодушны къ нимъ по чувству любви.

Кто живетъ тихо, тотъ не увидитъ лиха.

Кто жида обманетъ, тотъ дня не проживетъ.

Кто кому указъ, когда праздничекъ у насъ.

Кто куритъ табаки, тотъ не наживетъ благодати (добра).

Кто куритъ табачекъ, тотъ святой мужичекъ; а кто не куритъ, тотъ проклята шея.

230. Кто любитъ щи наварны, а кто—жену нарядну.

Кто на морѣ не бывалъ, отъ усердія Богу не маливался.

Кто не имать ничего, не сгращится никого.

Кто не лѣнивъ пахать, тотъ скоро будетъ богатъ.

Кто чего не любитъ, тѣмъ того и дразнятъ.

Куда кляпо, туда и гни.

Куда мать, туда и дитя.

Ласковое слово лучше мягкаго пирога.

Либо къ обѣдни ходить, либо обредню водить.

Либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ.

240. Ложью свѣтъ пройдешь, да не воротишь.

Люба, не люба, да судьба привела.

Люба не люба, да чаще взглядывай.

Любишь чужую бороду драть, люби и свою подставлять (т. е. если любишь гостить, ходить въ гости, люби и къ себѣ принимать, либо самъ угощать).

Любовь не морковь: не скоро, братъ, ее раскусишь.

Людей выручишь, себя выучишь.

Лѣнивъ какъ куль.

Лѣнь добра не дѣлаетъ, и безъ соли обѣдаетъ, и безъ ужины спитъ.

Маленькаго не упасешь, большаго не убережешь.

Мало говори: больше услышишь.

250. Малыхъ ребятъ, кошекъ да собакъ не переиграешь.

Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голоденъ бываетъ; а кура по зерну клюетъ, да сыто живетъ.

Межъ пальцами немного мяса.

Мелкихъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ; дѣвокъ нѣтъ, такъ бабъ найдемъ.

Мертвый съ погоста не ворочается.

Мимо дѣвку, да мимо рѣпку не ходятъ.

Много желать, добра не видать.

Много клѣтинъ, да мало воротинъ.

Много сытно, а мало честно.

Молодостью не жить, а старостью не помереть.

260. Мудрой даетъ, такъ и глупой беретъ.

Мужикъ богатый, какъ быкъ рогатый.

Мужикъ годъ не пьетъ и два не пьетъ, а чертъ прорветъ—и все пропьетъ.

Мужикъ за порогъ, а женка за пирогъ.

Мужнее добро какъ зимнее тепло.

Мужъ жену долженъ почитать какъ на церкви главу, а жена мужа--какъ на кабакѣ метлу.

Мужъ запьетъ—полдома загоритъ, а жена запьетъ—весь домъ загоритъ.

Мужъ любитъ жену здоровую, а братъ любитъ сестру богатую.

Мужъ съ женой бранится, подъ одну шубу ложится (или: валится).

Мука дорога, такъ не ѣшь пирога.

270. Мы съ тобой, какъ гусь съ водой.

Мышкѣ съ кошкой въ накладъ играть.

Мѣсяцъ свѣтитъ, когда солнца нѣтъ.

Мѣщане день торгуютъ, ночь воруютъ, недѣлю въ замкѣ сидятъ.

На вдовій домъ хоть щепку брось,—и за то Богъ помилуетъ.

На вѣтеръ мякины не напашешь, не токмя живота.

На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ (т. е. покупатель).

На другихъ лай, да просебя-то знай.

На живаго врать, вѣдь, не на мертваго.

На которомъ мѣстѣ бывала вода, тутъ и опять взольется.

280. На лѣченой кобылѣ не далеко уѣдешь (т. е. каждая вещь, бывшая въ починѣ, не можетъ долго простоять).

На огонь живота не напашешь.

На одно солнце глядимъ, да не ровно (неодинаково) ѣдимъ.

На погану яму не напасешь хламу. (Т. е. пьяницу, какъ ни поддерживай, ничто не поможетъ; все пропьетъ, промотаетъ).

На полѣ Никола общій Богъ.

На косулѣ, что на стулѣ: посиди, а не поѣшь.

На своемъ пепелищѣ и кура гребетъ, и пѣтухъ храбрится.

На суслѣ пива не угадаешь.

На урода все неугода.

На часту дружбу всегда раздружье.

290. Навяжется шаль, а покинуть жаль.

Надо пропиться, такъ будутъ деньги водиться.

Надѣйся на него, какъ на вешній ледъ.

Наживи хлѣвину, а потомъ скотину.

Наказанымъ умомомъ, да приданымъ животомъ—недолго проживешь.

Напишешь перомъ, такъ не стешешь топоромъ.

Нашего слугу согнуло въ дугу.

Наѣлся какъ быкъ, не знаю какъ быть.

Не боги горшки-то обвариваютъ, а тѣжъ Куростровцы.

Не бойся той собаки, которая лаетъ; а бойся той, которая изподтишка хватаетъ.

300. Не бывать курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ.

Не бьютъ—сиди, а бьютъ бѣжи.

Не время дорого,—пора.

Не все на волка, иное и по волку.

Не все переймешь, что по рѣкѣ плыветъ.

Не всегда-же ненастье, проглянетъ и солнце.

Не вскачь по насту, осядетъ.

Не вѣкъ жить, а вѣкъ поминать.

Не гнѣви Бога ропотомъ, а молись ему шепотомъ.

Не говори, что «немогу», говори, что «не хочу».

310. Не дастъ Богъ, такъ не ѣстъ и царь.

Не до обѣдни, коли много обредни.

Не дуйся коровушка, не быть бычкомъ.

Не ищи головы, не проси у жены.

Не зарудилась, а такова уродилась.

Не красиво, да спасибо.

Не можешь помогчи, такъ лучше помолчи.

Не мокра-бы губка, была бъ и шубка (т. е. не пьянствовалъ, былъ бы и одѣтъ хорошо).

Не моли лѣта долгаго, моли лѣта теплаго.

Неназва́но—не ходи, ненастла́но—не ложись.

320. Не отсохнетъ голова, такъ будетъ борода.

Не паси дѣла, паси (припасай) хлѣба.

Не пей кума даровова вина.

Не пеняй на сусѣда, когда спишь до обѣда.

Не пилось бы, не ѣлось,—не куда бы и добро дѣлось.

Не посмотрѣвъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ.

Не пей до пьяна, и не пропьешь кафтана.

Не радуйся найдишкѣ, смотри потеряешь.

Не родись богатый, а родись кудрявый.

Не слыхать, чтобы мужикъ какой чаемъ подавился.

330. Не смѣйся братецъ чужой сестрицѣ, своя въ дѣвицахъ.

Не смѣйся горохъ, самъ не лучше бобовъ.

Не споживъ (не поживши вмѣстѣ) друга не узнаешь.

Не спрашивай здоровья, гляди на лицо.

Не суйся въ чужи оглобли, коли не спрашиваютъ.

Не та мать, которая родила, а та которая вскормила.

Не твоимъ ноздрямъ табакъ нюхать.

Не тогда плясать, когда гробъ станутъ тесать.

Не торопись къ капустѣ, какъ люди допустятъ.

Не торопись на тотъ свѣтъ, тамъ кабаковъ нѣтъ.

340. Не торопись ѣхать, торопись кормить.

Не тужи о ржи, только мѣшокъ держи.

Не тѣсна изба углами, а тѣсна умами.

Не указывай на чужой зародъ вилами.

Не учи пекчи, не указывай подмазывать.

Не великъ звѣрь, да ланистъ.

Не званъ гость, не пасена и честь.

Не надобенъ и кладъ, когда съ женой у мужа ладъ.

Не путному сыну отцовское имѣніе не впрокъ.

Нечего на чужую то кучу глаза пучить; пораньше вставай, да свою приготовляй.

350. Нечего прясть, коли рубаха есть; а про другую вѣсть есть.

Нищему жениться—и ночь коротка.

Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай.

Ноги волка кормятъ.

Нѣту талану, не пришьешь къ сарафану.

О кумѣ не жить, а безъ кума не быть.

Обвѣнчаетъ попъ худой, не развѣнчать хорошему.

Оглянись-ка назадъ, не горитъ ли посадъ.

Огонь горячо, а дитя болечё.

Огонь хуже вора: тотъ хоть стѣны оставитъ, а огонь все слагоститъ.

360. Одна слеза катилась, а другая воротилась.

Одной ногой въ гробѣ стоитъ,*) а все еще зло творитъ.

Одному легко и пирожокъ ѣсть.

Окна холодны, а брюха голодны.

Око не видитъ, такъ и на сердце не взыдетъ.

Орютъ—плачутъ, молотятъ—скачутъ.

Отрѣзанный ломоть къ ковригѣ не прильнетъ.

Отъ бездѣлья и то рукодѣлье.

Отъ Колмогоръ до Колы сорокъ два Николы.

Отъ мужа поволька, жена самоволька.

370. Отъ Питера отрубокъ, отъ Москвы уголокъ: то Пинега городокъ.

Отъ свиньи не живутъ бобрята, а тѣже поросята.

Пакостливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ.

Пей пиво, не брагу; и люби дѣвку, не бабу.

Печка дрочитъ, дорожка учитъ.

Пиво пьютъ—поговариваютъ, огородъ городятъ—поколачиваютъ.

---

*) Варіантъ: самъ въ гробъ глядитъ....

Пивши винцо не умудришься.

Пироги, да блинки — въ крынкѣ погибли: пути не нашли и въ печь не зашли.

Пирогъ съ крупой, такъ всякъ съ рукой.

Писать, не дрова рубить.

380. Питеръ бока повытеръ.

Пиши, что рѣка не по прежнему текла, красуха красуху принесла. (Старушья поговорка).

Пишутъ въ два пера, а деньга не спора.

Платье сундуками, да кожа лафтуками. *)

По барину—говядина, по барынѣ—кислыя щи.

По дѣвицѣ и тряпица.

По готовой то дорогѣ и слѣпой бредетъ.

По людямъ живи, а по вѣтру вѣй.

По мышкѣ и кошка звѣрь.

По нашему два алтына, а по русски шесть копѣекъ.

390. По удоямъ молоко считать, молока не видать.

По чьей рѣчкѣ плыть, ту и пѣсню пѣть.

Побываетъ овца на озими, не отучишь ходить ее до зимы.

Побываетъ въ кувшинѣ деготь, такъ потомъ его не выживешь оттуда.

Поди-ка обмани школяра: онъ сдѣлаетъ цифрой изъ рубля полтора.

Подъ вѣсти подводы не надоть.

Поживи въ рабахъ, такъ будешь въ господахъ.

Полно баловаться, въ руки даваться.

Поминаютъ двѣ, да незнаю гдѣ; поминала-бы одна, такъ зналъ бы, что она.

Понуждай не дубиной, а полтиной.

400. Портной изгадитъ, а утюгъ разгладитъ.

Постой, да погоди—дважды будетъ.

Посуленое три года ждутъ.

Пошелъ кормиться, нечего торопиться.

Поѣлъ, да на бокъ,—оттого и казакъ бываетъ гладокъ.

Правдой, да трудомъ не настроишь каменныхъ домовъ.

Праздники часты, а руки одинаки.

При пивѣ, при бражкѣ всѣ дружки, а при горѣ, при бѣдности **) нѣтъ никого.

Привязался, какъ польскій солдатъ.

Про однѣ дрожжи не говорятъ трожды.

410. Прогуляешь, такъ и воду хлебаешь.

Проживать, такъ и воду хлѣбать.

Просить у него—все равно, что просить у извощика возжей, у калачника—дрожжей.

Просятъ пива не напиться, а даютъ—не залиться.

Противъ клѣтки и стопка, противъ стопки и клѣтка.

Пью квасъ, а вижу пиво,—да иду его мимо.

Пьянъ—еще не великъ изъянъ.

Пятеро осудятъ, а десятеро разсудятъ.

Работа не медвѣдь,—можно только поглядѣть.

Радуница (Ѳомино воскресенье), всѣ люди радуются.

420. Радъ бы душой, да хлѣбъ чужой.

Радъ бы плакать, да слезы не льются.

Разъ оболгалъ, и вѣкъ правды не имутъ.

Рания птичка носокъ чиститъ, а поздня крылышка расправляетъ.

Рапняго морозъ не бьетъ, а поздняго не ждетъ.

Раньше вставай, да самъ наживай.

Руби капусту зубами, когда озябъ.

Рубль пятакомъ красенъ.

Рука руку моетъ, обѣ бѣлы быть хотятъ.

Русскій глазамъ своимъ не вѣритъ, ему все надо пощупать.

430. Рыбки да рябки,—потерять съ ними деньги.

Рыбу свѣжую перевари, а соленую недовари.

Рядой не вырядишь, работой не выробишь.

Самъ бы ѣлъ, да деньги надоть.

Самъ это не ѣдалъ, а отъ дѣдушка слыхалъ, какъ его баринъ ѣдалъ.

Свой коренникъ (запасъ вообще) не обремепитъ.

Свой коренникъ самый ближній родникъ.

Свой умъ—царь въ головѣ.

Свой хлѣбъ хоть въ полночь ѣшь.

Сегодня гули, да завтра гули, — берегись, чтобъ въ лапти не обули.

440. Седни гули, да завтра гули, — тѣже гули и въ лапти обули *).

Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ.

Сердита собака волку корысть.

Сиди на печкѣ, точи верешка.

Сидитъ на печи, а бьетъ какъ съ города.

Силенъ чертъ, да воли нѣтъ.

Силка маленька, по зубокъ востеръ.

Сильному счастье помогаетъ.

---

*) Лафтукъ — часть, вырванная изъ чего-нибудь. Напр., — платье-то было съ иголочки, да вотъ какой лафтукъ вырвала, зацѣпившись за гвоздь (а по здѣшнему: ульнула за гвоздь). Эта пословица говорится о вышедшей замужъ за богатаго, а драчливаго.

**) Вар.: при нуждѣ.

*) Эта пословица говорится о тѣхъ, кто случаетъ быть дома, а непремѣнно старается быть гдѣ-либо въ гостяхъ.

Сито, рѣшето: толи не посуда; Марья, да Дарья: толи не жена; пироги, да шаньги: толи не ѣда; ельникъ, да березникъ: то-ли не дрова?

Сколько пѣлъ, столько и просвиръ ѣлъ.

450. Скоро будетъ нечѣмъ куръ выкликать.

Скоро торопишься, назадъ воротишься.

Скрипучо дерево два вѣка стоитъ.

Скупъ не глупъ, себѣ добра хочетъ.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.

Сладокъ медъ, да не горстью въ ротъ; а и горько вино, да не лишиться его.

Слезы—не помочи.

Слово слово родитъ, третье само бѣжитъ.

Собакѣ мясомъ торговать негодится.

Согрѣшили попы за наши грѣхи, а мы за поповы хоть драться готовы.

460. Солдатъ безъ шпаги, хуже бабы.

Солнышко пригрѣло, такъ и дѣвушкамъ пристрѣло.

Сорока сороку и знаетъ, а ворона—ворону.

Сорока стрекочетъ, гостей пророчитъ.

Спасибо этому дому, пойдемъ къ другому.

Спереди-бы любилъ, а сзади—убилъ.

Среда не суйся впередъ четверга.

Сталъ сытъ, такъ и взялъ стыдъ.

Стару собаку не батькомъ-же звать.

Старухи мрутъ оттого, что врутъ.

Старый долгъ платить, да отца-мать кормить: нѣтъ этого хуже.

470. Столъ поставятъ, такъ и работать заставятъ.

Стужи, да лужи,—нѣтъ ихъ хуже.

Суди не по годамъ, а по ребрамъ.

Судья любитъ подносъ, земля любитъ навозъ.

Суженый уродъ будетъ у воротъ.

Сунется, да окунется.

Схватилася мачиха о пасынкѣ, когда ледъ прошелъ.

Схватился грѣшной, какъ въ адъ-то пошелъ.

Схватился, какъ съ горы скатился.

Счастливыя дѣти, отъ которыхъ отецъ и мать радость могутъ имѣти.

480. Счастье пытать, только деньги бросать.

Счастье, такъ и дуракъ ѣздитъ въ каретѣ; а и умный, да ходитъ пѣшкомъ.

Счетъ чаще, дружба дальше.

Съ душой спускается. (Значитъ: умираетъ,—спустился: умеръ).

Съ нимъ говорить, что рѣшетомъ воду носить.

Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

Съ трудовъ праведныхъ не настроишь домовъ каменныхъ.

Сѣла курица на свои яица.

Тихой наѣдетъ, а бойкой и самъ наскочитъ.

Товаръ прилюбится, да умъ отступится.

490. То не бѣда, что во ржи лебеда; то бѣды, что ни ржи, ни лебеды.

Только славу ведешь, что рано встаешь.

Торопится, торопится, а ничего не родится.

Ты свистни, а я давно смыслю.

Ты сударь, да я сударь,—да кто же будетъ работать.

Ты язычекъ смалчивай, за тебя я бѣдку плачивалъ.

У богатаго чертъ робятъ качаетъ.

У вора воровать, только дни терять.

У всякаго въ дому, да невѣдомо никому.

У всякаго попа свой обиходъ.

500. У кого и рубль плачетъ, а у меня копѣйка скачетъ.

У кого не бывало, а у насъ ночевало.

У коровы во рту молоко.

У кошки котя тоже дитя.

У меня была сила, когда мать въ брюхѣ носила.

У меня съ нимъ и ленъ недѣленъ.

У насъ такъ изстари ведется, что изба вѣникомъ метется.

У него всегда такъ: одинъ сапогъ въ банѣ, другой въ амбарѣ.

У Сенюшки денежки — Семенъ, да Семенъ; у Сеньки ни деньги—Сенька, да Сенька.

У Сидора обычай, у Карпа свой.

510. У скупа, не у нѣта, есть что взять.

У скупаго за два тщивыхъ выйдетъ.

У худой рожи, худой и обычай.

У чашниковъ, да у бражниковъ—много въ году *) праздниковъ.

Угорѣла барыня не въ топленой горницѣ.

Ужъ весь лежитъ въ грязи, а все кричитъ не забрызжи.

Умъ найдетъ, да пора пройдетъ.

Умѣй шутить, умѣй и перестать.

Ухо рѣжь, а кровь не канетъ.

Учи жену до дѣтей, а дѣтей до людей.

520. Хвастливаго съ богатымъ не спознаешь.

Хвостъ да рога не даютъ молока.

---

*) Вар.: не пересчитаешь.

Хлѣба край, такъ и подъ елью рай.
Хлѣба что въ брюхѣ, платья что на себѣ.
Хлопотъ полонъ ротъ, а толку мало.
Хлѣбецъ-то нашъ, а похлебочки-то дашь.
Хлѣбы катай, а рукъ не марай.
Хлѣбъ-соль взаимно дѣло.
Ходить безъ пути, завсегда два пути.
Ходишь какъ будто слоновъ продаешь
530. Ходишь, только квасъ разводишь.
Хозяйкой все стоитъ.
Холодно, такъ неоводно.
Холодное пить—все равно, что мертваго цѣловать.
Хорошій хозяинъ сто головъ кормитъ, а худой и самъ погибаетъ.
Хоша денегъ ни гроша, была бы слава хороша.
Хоша денежекъ на малѣ, завсегда руки въ карманѣ.
Хоша ѣсть нечего, да жить весело.
Хошь дождь не великъ, а стоять не велитъ.
Хошь на хвои, да на своей волькѣ.
540. Хошь обѣдни не застать, а отъ походки не отстать.
Хошь тресни, да пой пѣсни.
Хошь тряпичка, да тафтичка.
Хошь ѣсть нечево, да жить за то весело.
Худая грамота души пагуба.
Худая матка всему дому *) смятка.
Худо жить безъ женки на чужой сторонкѣ.
Худо, какъ у вороны нѣтъ обороны (т. е. худое житье безъ мужа).
Худо ловить рыбу подъ чужимъ берегомъ.
Царь Давыдъ не велѣлъ тужить, а велѣлъ денежку нажить, да подать положить.
550. Часомъ съ квасомъ, а порой съ водой.
Чай и кофе не понутру, была бы водка по утру.
Чего нѣтъ за кожей, не пришьешь на кожу.
Чего пѣтъ, то и дорого.
Чего самъ себѣ не желаешь, не желай и другому.
Человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ завтра будетъ.
Честь приложена, а воля не отнята.
Чей берегъ, того и рыба.
Что будетъ брюху, то будетъ и хребту.
Что бываетъ въ людяхъ, то и намъ дѣлать велятъ.
560. Что въ людяхъ живетъ, то и насъ не минетъ.
Что кому за дѣло, что жена моя не бѣла? я и самъ не хорошъ.

*) Варіантъ: въ семьѣ.

Что купишь, какъ не на что.
Что лживо, то и гнило.
Что нальешь, то и выпьешь.
Что ступитъ, то стукнетъ.
Что судачить на зеркало, когда рожа крива.
Чужое дитя—волчище.
Чья сильнѣе, та и правѣе.
Чѣмъ хвалишься, тѣмъ и подавишься.
570. Шапочно знакомство не пойдетъ въ потомство.
Шиломъ моря не натрѣть, и отъ бурлачества не разбогатѣть.
Школа и ученье, одно только мученье.
Шти капустѣ замѣна, капуста особая перемѣна.
Шутки шути, по людьми не мути.
Шути, да оглядывайся.
Щука хитра, а не съѣсть ей ерша съ хвоста.
Ѣшь больше, говори меньше.
Ѣшь варено, слушай говорено.
Ѣшь въ постъ рыбу, но не ѣшь рыбака (срв. Ломоносова: постись духомъ, а не брюхомъ).
580. Ѣшь не тянись, а работай не лѣнись.
Ѣшь, не ѣшь; а за выть сочтутъ.
Ѣшь пироги, хлѣбъ впередъ береги.
Этотъ горохъ не лучше грибовъ.
Этотъ изъянъ разложимъ на крестьянъ.
Языкъ болтаетъ, голова не понимаетъ.
Ясно солнышко пригрѣетъ, красна ягодка добрѣетъ.

В. ШУТКИ и ПРИБАУТКИ *).

1. Сказка-присказка еловая подмазка, еловъ приснецъ заломилъ хвостецъ, побѣжалъ въ кустецъ по пироги, по шанежки, по лукъ, по чеснокъ, по рябиновый батогъ.

2. Сказать тебѣ сказку: связать тебя въ вязку, бросить подъ лавку, лежать тебѣ три дня, и съѣдятъ тебѣ мухи съ комарами.

3. Бывало да живало куликъ да журавль, они пили да ѣли съ одного стола и спать отходили съ одного крыльца. Сказка не долга: баранъ да овца; опять съ конца,—бывало да живало и проч.

4. Два братца Мѣдвѣдьца строили баньку,
Двѣ сестрицы Лисицы покрывали.
Комаръ пищитъ, въ баню дровъ тащитъ,

*) Помѣщаемыя здѣсь прибаутки до № 48 записаны въ Шенкурскомъ уѣздѣ И. Костылевымъ, а остальныя въ Пинежскомъ уѣздѣ П. И. Ивановымъ.

Комариха верещитъ, въ баню вениковъ тащитъ,
Вошку парили да перепарили, съ перепару вошка пала,
Ручку, ножку изломала, пальчикъ выставила.
Побѣжала вошка съ блошкой къ мухѣ подъ окошко.
Ужъ ты, муха, не бунчи, у вошки ножку излечи.

5. Толкуй, Фекла, про фунтъ портна.
Аршинъ масла и кислаго молока три пасма.

6. Бей жену, какъ шубу, и люби въ пору какъ душу;
Въ шубѣ будетъ больше тепла, а въ женѣ добра.

7. Сегодня на тощакъ, да завтра на тощакъ,
А посмотришь со двора и корову потащатъ.

8. Есть вино, такъ пьемъ его, а нѣтъ вина, такъ пьемъ и воду; голодному хлѣбъ слаще меду.

9. Идетъ бурлака, стучится у окна: не надобно-ли холста? а когда взглянули, говоритъ: милостыньку ради Христа.

10. Отецъ пришли денегъ: класть не во что, и кошель купить не на что.

11. Осенью и воробей пиво варитъ въ молотильной кашицѣ.

12. Вотъ свинья обожралась не своего корму.

13. Бывало баба съ похмѣлья хомутъ съѣдала, а поутру встала и дровенъ не стало.

14. *) Лебединъ, да Лебединъ, по горамъ ходилъ одинъ,
Лебедушка бѣлая, головушка сизая,
По угоринку ходитъ, колокольчикомъ звонитъ,
Да ребятъ къ себѣ манитъ. — Шестаковчанки (дер. Шестакова).

15. Поскакать, поплясать,—то Закорженки.

16. Скочить да спрыгнуть, изъ поги лодышки свернуть,—то Погостченки.

17. По дѣвичникамъ, да кумачники кроить,—то Бутырчанки.

18. Мезенски дѣвки—судомойницы.

19. Лемачьи отмѣтки—Мѣлогорочки.

20. Китасты, носасты—Цѣлегорочки.

21. Сиговъ продавать—дѣвки Майденки.

22. Каталашки крутить, на высокъ угоръ носить,—то Клыковчанки

23. Кислы парницы, печенки—казенные дѣвченки.

24. Кареты отпускать, да лакеевъ цѣловать — Кучерышенки (здѣсь станція).

25. Изъ окна рожу продать, табакомъ торговать—Херполянченки.

26. Сойдтиться да побаить, по головушкѣ погладить дѣвки Сорочински.

27. Высокіе подборы, низкіе поклоны—Горчанки.

28. Бѣлолицы, круглолицы Завьяловски дѣвицы.

29. Не чесаны косицы—Заколупински дѣвицы.

30. Въ Вакаринскомъ околодкѣ нѣтъ ни карбасу, ни лодки, у нихъ дѣвки полоротки, красики носятъ коротки, не обрублены подолы.

31. Калина да малина *) красная рубашка Гришкина Палашка.

32. По задворкамъ бѣгать, нюхать—Артюхина Анюха.

33. Черная, рубаха—Спирихина Параха.

34. Не ткаха, не пряха—Оськина Степаха.

35. Рваная ширинка—Никитина Усгинка.

36. Нарумяненныя щеки—у Гавриловой Матрехи.

37. Бай, бай юры, да гдѣ бай юры? Къ Василью перешли.

38. У Василья черная рубашка, да хозяйка безпоряшка.

39. У Николка есть веревка, да жена воровка.

40. У Владиміра сѣна клочекъ, жена ходитъ на бочекъ.

41 У Никиты есть лодка, да жена самоходка.

42. У Козьмы хотя и есть вица, да жена пѣвица.

43. У Осипа есть солонка, да жена пустодомка.

44. У Петра собака лаетъ, да жена гуляетъ.

45. У Ивана есть хорошая коровка и женка торговка.

46. У Михайла много пива, да жена лѣнива.

47. У Петра Пенила, три года платья не мыла.

48. Одинъ женихъ на замѣчаніе, что у него нѣтъ ни одной коровы, говаривалъ: «коровъ шесть есть: корову купить да безъ коровы не быть; корова бура да корова будетъ; корова есть да о коровѣ вѣсть—вотъ и шесть».

49. Собака, собака!
Не ѣшь солдата:
Солдатъ самъ собака.
По три денежки даютъ въ день,
Куда хочешь, тутъ и дѣнь.
Что-бъ на баню, что-бъ на мыло,
Что-бъ и дѣвушкамъ тутъ было.

---

*) Изъ устъ народа можно слышать насмѣшливыя прозвища, употребляемыя для вызова краснаго словца, напр.: жителей Архангельской губерніи вообще называютъ Моржеѣдами, Вологодской — Телятинами, живущихъ по рѣкѣ Вагѣ — Ваганами кособрюхими, по рѣкѣ Тарѣ — Вежшоѣдами, обывателей нижней части Шенкурскаго уѣзда—Куда ходивъ? куда пошовъ? и т. д. Подобно тому во многихъ мѣстностяхъ есть шуточныя прибаутки, обращаемыя ими къ жительницамъ какого либо селенія вообще, или къ какой либо женщинѣ или дѣвицѣ въ особенности. Такодыя прибаутки подъ №№ 14—30.

*) Припѣвна къ каждой изъ слѣдующихъ женскихъ прибаутокъ.

Моя калина, моя малина.
50. Улитка, улитка!
Удой молочка,
Да изъ подойничка. [1])
51. Божья коровушка,
Ума, ума, ума,—
Жить-ли мнѣ,
Помереть-ли мнѣ? [2])
52. Муха горюха,
Пьешь-ли вино?
А пью, непью,
Только честь люблю. [3])
53. Комаръ пищитъ,
Въ баню дровъ тащитъ,—
Комариха верещитъ,
Въ баню вѣникъ тащитъ. [4])
54. Чайца, чайца,
Подай свои яйца,—
На тебѣ голышъ,
Куда хошъ полетишь. [5])
55 Гагара, гагара,
Обернись-ко назадъ,
Твои дѣти горятъ,
На Матигорахъ, [6])
Смолу жгутъ
Тебя сожгутъ. [7])
56. Утка, утка полетай,
Поди дома работай.
Ей, ей—немогу,
Потянули за ногу;
Какъ въ Питерѣ вино,
По три денежки ведро.
Хошъ-пей, хошь лей,
Хошъ—обкачивайся. [8])
57. Троица велѣла,
Богородица велѣла,
Трижды окурнуться,
Ныркомъ пройти
И изъ воды вонъ идти. [9])

---

[1]) При видѣ букашки —
[2]) При видѣ козявки.
[3]) При видѣ мухъ.
[4]) При видѣ комаровъ—толкачиковъ
[5]) При полетѣ чаекъ.
[6]) Въ холмогорскомъ уѣздѣ.
[7]) При полетѣ гагаръ.
[8]) При летѣ утокъ.
[9]) Когда купаются ребята.

58. Мать Божья,
Недавай дождя,
Давай солнышка,
Да высоколнышка. [1])
59. Дождикъ, дождикъ перестань,
Мы поѣдемъ на ердань,
Богу молиться,
Христу поклониться,—
Какъ у Бога сирота,
Затворяй ворота,
Ключикомъ—замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ. [2])
60. Горитъ баня, горитъ домъ,
Горитъ батюшки заводъ,—
Сохрани Боже овинъ,
А въ овинѣ дворянинъ. [3])
61. Крива рука проситъ,
Пряма подаетъ,
Кто подастъ,
Тотъ хорошій князь;
А кто неподастъ,—
Подпорожна грязь.
62. Открывается бочка,
Для милаго гостя.
Есть табачку
Въ одномъ бочку,
И это—на одну понюшечку.
Нашъ крестьянинъ—мужичекъ,
Садился на клочекъ,
И употреблялъ табачекъ.
Тьфу.... божья слинка,
Христовъ корешокъ. [4]).
63. Кошкинъ даръ,
Подарушкинъ даръ:
Кошка дала,
И назадъ отняла. [5])
64. Тран-тран-ти-рѣ,
Былъ въ трактирѣ,—
Тран-тран-трушки,
Ѣлъ ватрушки
Съ кислымъ творогомъ.
65. Баринъ татаринъ,

---

[1]) При дождѣ.
[2]) Тоже
[3]) Дворянинъ—хлѣбъ.
[4]) При понюшкѣ табаку изъ таблинки.
[5]) Поется тому, кто подаритъ что-либо и возьметъ обратно.

Дѣвку ударилъ,—
А дѣвка заревѣла,
Замужъ захотѣла,—
Баринъ неберетъ,
Дѣвка пуще реветъ.
66. Первой—пень,
Другой—день,
Три-четыре,
Прицѣпило,
Пять-шесть
Бьютъ шерсть,
Семь восемь—
Сѣно возятъ,—
Девять-десять,
Деньги вѣситъ,—
Одиннадцать-двѣнадцать
На улицѣ бранятся,
Въ избахъ ссорятся.
67. Плакса—Олекса (Алексѣй),
Удой молочка,
Изъ подойничка.
68. Егорко на горкѣ
Кишки продаетъ;
Почемъ кишка?
По три денежки.
69. Ѣдимъ да свой,
А ты подальше стой,—
А если волосы крѣпки,
Дакъ за столъ садись. *)
70. Сурикъ, сурикъ на двери,
Кто прискочитъ—тотъ дери.
У сурика праздникъ,
Сурикъ шапочку шьетъ,—
Шапочка-то кругла,
О-четыре угла:
Туды-сюды уголокъ
На серединѣ кистка.
Кто прискочитъ тисни (дерни). [1])
71. Качанъ, качанъ, Волочанъ [2])
Ѣдетъ дядя Полочанъ,
Тюкъ-или-качанъ?

72 [3]). **Поздравляемъ** хозяина съ любымъ животомъ, съ холощенымъ конемъ.

Съ вашего живота, съ моего любимаго крестника, водятся дары: платъ шитой, либо браной, а коли не вышили платка — отдерни тонкаго холста, по аршину съ ноги — четыре аршина, пятой — на гриву, шестой на хвостъ, а седьмой — чтобъ лучше животъ росъ. Намъ коноваламъ не для ради барыша, а для вашего милаго живота, было-бы по чемъ коню скакать, а намъ счастливо работать. Это коноваламъ водится: склянница вина, да пива ендова (братыня), чашка меду да пять рублей за работу.

73. Мы коновальщики,
Мы не обманщики—
Изъ моря воду пивали,
Съ камней лычье дирали;
Мы лекари,
Мы аптекари—
Лечимъ на славу
Хоть Ѳому, хоть Саву,
Мы въ банькахъ паримъ,
Мы въ банькахъ жаримъ:
Въ баню на ногахъ,
А изъ бани на дровняхъ.

*) Въ отвѣтъ на привѣтствіе: хлѣбъ да соль.

1) При этомъ дерутъ за волосы: мальчика, испортившаго воздухъ.
2) Не Пименанинъ-ли отъ Волова.
3) Прибаутка коноваловъ, равно какъ и слѣдующая.

X. СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ РѢЧЕНІЙ *).

А.

Адамовикъ, а, сущ. м.—Бѣлый оленій мѣхъ. Онеж.

Алапера, ы, с. ж.—Кожа моржа или бѣлуги бываетъ покрыта сѣтчатою перепонною, опушенною мелкими волосками. Кожаные пласты названной рыбы, склавъ въ кучу, зарываютъ въ тундру, въ коей держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не отстаетъ помянутая перепонка или алапера. Далѣе, намазавъ саломъ, мнутъ пласты въ станкѣ до того, пока вся кожа побѣлѣетъ и, оскобливъ мязгу тупикомъ, употребляютъ затѣмъ кожу на изготовленіе шлей, уздечекъ, и т. п. Кем.

Аравушки, екъ, сущ. м.—Рабочіе, сплавливающіе барки по Сѣв. Двинѣ къ Архангельску. «Аравушки у меня обѣдали,—до картови такіе охотники, што напахать не можно». Шенк. Такъ подсмѣиваются надъ глуповатыми людьми: «Экой ты, подумаешь, аравушка; и на человѣка-то не похожъ!» Пин.

Б.

Баба, ы;—Принадлежность ткацкаго станка. Пин.

Бабка нѣмецка, — Повивальная бабка, женщина спеціально и съ разрѣшенія начальства занимающаяся акушерствомъ. Арх.

Багайдать. — Блеять по овечьи. «Баранъ багайдатъ». Онеж.

Бадья, и, с. ж.—Сосудъ, въ которомъ помѣщается деревянное масло и медъ; тулумъ. Шенк.

Базынить.—Кричать; ревѣть. «Што это съ коровой-то сдѣлалось? базынитъ, да базынитъ.» Холм.

Балака.—Перекладина (матица) въ домѣ; на балаки стелется потолокъ. Бимсъ въ суднѣ подъ палубою. Арх. Онеж.

Баланжа.—Старый танецъ на святочныхъ вечерникахъ, нынѣ забытый. Холм.

Балукъ, а.—Безтолковый человѣкъ. Шенк.

Балучить. — Баловать, бездѣльничать. «Се лѣта все лѣто пробалучилъ; денегъ домой не принесъ ни копѣйки!» Шенк.

Банки.—Панталоны или подштанники. Шенк.

Банта.—Всякая свѣтлая пуговица на платьѣ, но только не форменная. Пин.

Банточка, —уменш. отъ банта. Пинеж.

Баранъ, а;—Обручный сгибъ, дѣлаемый на той сторонѣ бороны, куда смотрятъ зубья; въ баранъ вдѣваютъ два кольца, зацѣпляемыя за огобли. Холм.

Барахло, а;—Крестьянское малоцѣнное имущество или рухлядь, какъ то: разная ношебная одежда, рубахи и проч. «А што, братъ, у него, кромѣ барахла, ничово хорошово нѣтъ».—«Только въ дому и добра-то, што одно барахло; у насъ и у самихъ тово много». «Убирай это барахло-то.... што въ немъ будетъ: только мѣшаетъ» Шенк.

Барашки.—Красныя ягоды кустарнаго шиповника. Шенк.

Батарейка, и.—Стружокъ или челнокъ, къ бортамъ котораго придѣланы толстые бруски,—противувѣсы, чтобы не опрокидывался. Мез.

Батары.—Длинные сапоги. Пин.

Батманъ.—Мѣра луку или чесноку, состоящая изъ 120 луковицъ сплетенныхъ лыками, такъ что 30 лу-

---

*) Словарь этотъ вибранъ редакторомъ изъ матеріаловъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ и г-жею Ефименковою, а также П. А. Ивановымъ, г. Тустановскимъ, и другими. Всѣ слова, помѣщенныя уже въ словаряхъ: Академическомъ и Даля, были при этомъ устранены; оставлены только слова, или не находящіяся въ названныхъ словаряхъ; или хотя и показанныя въ нихъ, но съ другими значеніями или объясненіями; оставлены также нѣкоторыя дополненія къ имѣющимся уже объясненіямъ. Замѣтки объ особенностяхъ архангельскаго говора, найденныя въ помянутыхъ выше матеріалахъ, также не печатаются здѣсь, какъ не дающія особенно новыхъ свѣдѣній противъ имѣющихся въ предисловіи къ словарю Даля. Число словъ, имѣвшихся на карточкахъ собирателей, превосходитъ напечатанное здѣсь, по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ. Въ концѣ каждаго слова обозначено, въ какомъ уѣздѣ оно записано.

ковицъ составляютъ длину батмана, а 4 ширину. Арх., Шенк.

Батогъ.—Колъ, на которомъ носятъ лоханки съ кормомъ скоту. Палка, съ которою ходятъ заколачивать: десятскіе, перевозчики, церковные сторожа, пролубники, а также для сбора вечериновъ. Пин. Холм. Шенк.

Батожекъ. — Борона связывается въ клѣтку по пяти рядовъ въ обѣ стороны изъ батожковъ, по три въ одно мѣсто. Батожки связываютъ вересовою вицею, вкрѣпляя въ каждую клѣтку спицу или зубъ въ горизонтальномъ положеніи. Холм.

Бахилы.—Мужская обувь съ круглыми голенищами, носками и безъ ранта,—подобно сапогамъ, только гораздо просторнѣе ихъ и не такъ красива. Кем.

Бачагъ. — Логоватое мѣсто, занесенное весеннею водою. Онеж.

Бездонница. Растеніе изъ семейства зонтичныхъ. Холм.

Безжалобный, ая, ое.—Недостойный сожалѣнія. Холм.

Безкоренная трава; с. ж.—Видъ плауна. Шен.

Безкоровники.—Семейства крестьянъ, не имѣющія ни одной коровы. Пин.

Безлошадники.—Семейства крестьянъ, не имѣющія ни одной лошади. Пин.

Безпромысленица. — Неуспѣхъ въ промыслѣ отъ лѣни и непослушанія рабочихъ. Кем.

Безуемный, ая, ое.—Не легко унимающійся. «Да перестаньте же, орать-то, безуемны вы эдаки!» Холм.

Безутышко. — Безпрестанно, безъ отдыху. «Онъ ѣстъ безутышко». Кем.

Бережевой, ая, ое.—Ближайшій къ берегу. Тотъ карбасъ, который находится первый отъ берега, называется бережевымъ. Арх. Онеж.

Бережина.—Сѣнокосное мѣсто около рѣчнаго берега. Пин.

Бережникъ.—Рабочій на р. Печорѣ, которому во время ловли бѣлой рыбы или семги даютъ въ руки клечь (см. у Даля это слово), чтобы онъ, держа ее, ровнымъ шагомъ шелъ по берегу, между тѣмъ какъ другіе рабочіе ѣдутъ въ лодкѣ съ неводомъ. Мез.

Бестужій.—Охотливый; старательный; усердный; настойчивый. Наприм. — Бестужъ работать, просить, читать, писать и проч., а также бестужъ что либо и худое дѣлать: воровать, въ карты играть, по ночамъ ходить за худами дѣлами и проч. «Онъ, братъ, бестужъ работать—дож(д)ь не дож(д)ь, погода не погода,—все на работѣ».—«Нѣтъ парень, какъ побестужиссѣ, поработашь когда хорошенько, дакъ не бось, и поѣшь славно, да и уснешь—не видаешь ночито.» Арх. Шенк.

Билетная вотчина. — Сѣнокосная или пашенная земля, расчищенная изъ подъ лѣса, на правѣ 40-лѣтняго пользованія ею по билету, выданному отъ лѣснаго начальства. Пин.

Бобки. — Луговой клеверъ (Кормовое растеніе). Пин.

Богомолье.—Особые сельскіе праздники, назначаемые по деревнямъ большею частію въ опредѣленные праздники. Арх. Холм.

Богомольщица. — Эпитетъ матери въ свадебныхъ пѣсняхъ. Напр.

«Во день денна моя печальщица
Во ночь ночная богомольщица,
Ты, родима моя матушка!» Шенк.

Боекъ, йка.—Палочка съ ремнемъ у шерстобитовъ. Пин.

Божій барашекъ.—Горлица. Columba turtur. Арх., Зим. Золотица.

Божій коникъ.—Кузнечикъ. Онеж.

Божуля, и, (Морск.) —Стрѣлы изъ бревенъ, посредствомъ которыхъ ставятъ мачты въ судно. Кем.

Божья ладонь.—Столъ. «Не бей стола,—столъ Божья ладонь.» Онеж.

Болѣчь.—Больное мѣсто тѣла. Арх. Пин.

Боны.—Плоты или паромы съ лѣсомъ. Арх.

Борайдать.—Браниться, сердиться.—Онеж.

Бореюшко.—Молоденькій баранъ. Ласкат. «Бореюшка, бореюшка, на кусочекъ!» Холм.

Борода завить. — Окончить полевую работу,—убрать сѣно, сжать хлѣбъ, оттого борода бываетъ: сѣнная, хлѣбная. Хлѣбная борода завивается въ Шенк. уѣз. такъ: на послѣдней полосѣ оставляютъ кружокъ, который и сжинаютъ всѣ, походя вокругъ; а по окончаніи, завязавши въ снопъ, приносятъ его домой и ставятъ въ большой уголъ — подъ образа, гдѣ снопъ этотъ, простоявъ около недѣли, прикладывается къ мѣсту. Въ Покровскую субботу закармливаютъ этимъ снопомъ скота, давая каждой скотинѣ по немногу. Подъ словомъ борода разумѣется также окончаніе какой-либо другой работы, также, если у крестьянина выдетъ весь хлѣбъ или харчъ, то онъ обыкновенно говоритъ: «у меня се-

годня борода хлѣбу или такому-то харчу», т. е. къ завтрашнему дню ничего не остается.

Бородачъ.—Серебряной рубль стараго чекана. Пинеж.

Борщеѣды.—Такъ называютъ Ижемцовъ, Усть-цылемовъ, Мохченцовъ. Мез.

Боязко, нар.—Страшно. Арх. Холм. Пин.

Бральница.—Палка, употребляемая въ игрѣ мячемъ. Кем.

Бральщики, с. м. мн.—Тѣ промышленники по морю, которые, не будучи въ состоянiи пріобрѣсти рыболовные снаряды, покупаютъ свѣжую рыбу у другихъ или выманиваютъ у Лонарей и солятъ. Кем.

Бральщица.—Женщина, которая собираетъ или скупаетъ полотна и отвозитъ ихъ на продажу въ другiе города; торговка полотнами; перекупщица. Кем.

Бранецъ, нца, с. м.—Растенiе — молодило или очитокъ. Холм.

Браница.—Пристань для малыхъ судовъ въ Морскомъ заливѣ или въ бухтѣ. Въ Кеми у многихъ домохозяевъ есть свои браницы.

Братскiй судъ.—Обсужденiе дурнаго поступка своимъ судомъ, безъ участiя мѣстныхъ властей. Выраженiе: «онъ у насъ за то-то былъ наказанъ братскимъ судомъ», означаетъ, что онъ былъ наказанъ своими товарищами. Этотъ судъ существуетъ преимущественно на Мурманскомъ берегу. Кем.

Брать.—Вышивать. Въ пѣснѣ поется:

Шили, брали коверъ,
Шили, вышивали.

Бродуля.—Человѣкъ, любящiй пошляться, погулять или побродить; бродяга. Пин.

Бродчикъ.—Наемный рабочiй при семужьемъ заборѣ въ Подпорожьѣ Онежскаго уѣзда; получилъ названiе отъ того, что долженъ, при поправкѣ забора и ловлѣ рыбы, бродить въ рѣкѣ, которая тутъ довольно мелка. Онеж.

Бродь, и.—Мѣсто, занесенное снѣгомъ, по которому, вслѣдствiе того, трудно пройдти. «Не ходи тойды: тамъ страшна бродь»! Холм.

Брызгальница, брызгаленка.—Маленькiй насосъ, дѣлаемый дѣтьми изъ ствола растенiя Angelica Archangelica. Холм.

Брюдга.—Провожатая жениха. На берегахъ р. Ояти брюдги — женщины со стороны жениха. Шенк.

Брюковникъ.—Пирогъ, начиненный рубленою пареною брюквою. Шенк.

Брюковница.—Каша изъ брюквы. Шнк.

Бугра.—Шалашъ изъ ивняка, который дѣлаютъ для себя промышленники на р. Печорѣ во время ловли бѣлой рыбы. Мез.

Бузурунка.—Фуфайка у Колянокъ изъ грубой шерсти. Кем.

Буйко.—Парусъ у Устьинскихъ тюленьихъ промышленниковъ, натягиваемый на четыре тонкiя стропила надъ лодкой, для образованiя крыши или палатки отъ холода и непогодъ.

Бульбочка.—Пузырекъ, вскакивающiй на водѣ отъ дождя или человѣческаго движенiя и сейчасъ-же исчезающiй при малѣйшемъ колебанiи ея. Пин.

Буровить.—Чертить чѣмъ либо по землѣ, какъ бы подвигая оную впередъ, отъ чего дѣлаются увалы и неправильныя борозды. Напр., если ѣхать зимой по глубокому снѣгу, то предъ санями снѣгъ буровится, т. е. дѣлаются изъ него увалы, что знач. снѣгъ буровитъ и лошади отъ того тяжело. Если плыть по рѣкѣ въ лодкѣ и во время того опустить въ воду какую либо вещь, или хоть руку,—то отъ ней вода будетъ буровиться, и лодка пойдетъ уже не столь скоро. Шенк.

Бурса.—Временная артель промышленниковъ, соединяющихся для общаго лова бѣлуги обметными неводами. Зимн. берегъ.

Бучень.—Моховая пчела или дикая малая. Пин.

Бѣлоноги.—Толстыя жерди, поставленныя въ рѣку, когда она покроется льдомъ, къ нѣкоторомъ одна отъ другой разстоянiи, поперегъ рѣки. Бѣлоноги эти, когда они вымерзнутъ, служатъ основанiемъ забираемаго подъ льдомъ леза для ловли рыбъ. Шенк.

Бѣлышъ.—Яичный бѣлокъ. Арх. Шенк.

Бѣльницы.—Небольшiя поля, засѣваемыя льномъ. Холм., Шенк.

В.

Вага.—Круглыя оглобли бороны. Пин.

Валовой.—Говорится о содержанiи быковъ и знач. быкъ не откармливаемый, а кормлящiйся обыкновеннымъ кормомъ—валовымъ сѣномъ. Холм.

Вальчагъ.—Семга, долго пробывшая въ рѣкѣ, избившаяся, исхудалая, тощая, съ пятнами на бокахъ и закорючившимся носомъ; такою она становится подъ осень. Кем.

Валявецъ.—Небрежный; негодный. Наиболѣе-же прилагается къ слову пьяница и увеличиваетъ обширность смысла этаго слова. «Ахъ ты, пьяница — валявица, и весь ты въ грязи какъ свинья». Мез.

Варака. — Каменная небольшая гора; крутой высокій бугоръ. «Пойдемъ на вараку», т. е. на бугоръ. Нѣмецкая варака—одинъ изъ острововъ, называемыхъ Кузовами, близь Кеми.

Варакосить. — Болтать; говорить пустяки, вздоръ. Кем.

Варзуга.—Тотъ сортъ бѣломорской семги, который ловится въ р. Варзугѣ. Кем.

Вариха. — Двѣ перекладины, идущія вдоль самоѣдскаго чума. Мез.

Варь.—Сила; мочь. «Ужъ я во всю варь кричалъ, да нѣтъ—не слышитъ». «Эдакъ вѣдь онъ во всю варь ломитъ ворота—ти, поди отопри». Пин. Шенк.

Васюхи.—Такъ наз. маленькая особаго рода рыбка, обитающая въ лужахъ, лывахъ, лягахъ и т. п. водохранилищахъ. Пин.

Ваякса.—Рыбьи молоки, иначе вязига или макса. На Мурманскомъ берегу.

Везель.—Мышій горошекъ. Пин.

Веревка. — Размѣриваніе земли при дѣлежѣ посредствомъ веревки. «Я помню, какъ первая веревка была». Холм.

Веревныя книги или дѣлевыя. — Книги, въ которыя записываются при разверстаніи полей между крестьянами, кому какія именно поля и на какомъ пространствѣ пришлись въ надѣлъ. Шенк. Холм.

Веретенья.—Четыреугольная корзинка съ глухой полукрышкой, въ которую кладутъ веретена бабы, или продаютъ ихъ носильщики. Пин.

Веретно.—Стрекоза. Холм.

Верехъ. — Самая ничтожность.—«Все до вереха выграбастилъ». Пинеж.

Верига.—Соръ въ зерновомъ хлѣбѣ. Пин.

Вершна.—Верховая лошадь. Шенк.

Виньгаться. — Хныкать; просить сквозь слезы; не плакать, а лишь показывать плачъ. Онеж.

Вицея.—Дира въ ручныхъ жерновахъ. Пин.

Вкладчики, овъ. — Такъ называются въ Соловецкомъ монастырѣ дѣти, отданныя туда на временное жительство по обѣщанію родителей, которые вносятъ за нихъ вкладъ 100 руб., вслѣдствіе чего тѣ освобождаются отъ обязательной работы. Арх.

Вовка.—Собака. Пинеж.

Волочуга.—Небольшой возъ сѣна, или нѣсколько кучъ травы, сложенный на телѣгу или на сани для того, чтобы увезти съ луга къ дому. — Въ Пингишенскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, волочуга составляется изъ пяти кучъ сѣна.

Ворга.—Мѣсто, занятое силками для ловли птицъ. Пинеж.

Вороньи сапоги.—Ноги, замаранныя въ грязи, отъ которой кожа разщелялась и иногда идетъ кровь,—болѣе у дѣтей. Пинеж.

Воротовой.—Мѣдный котелъ, въ которомъ варятъ пиво. Есть еще путишной котелъ, который по величинѣ менѣе воротоваго и берется промышленниками съ собой при отправкѣ въ лѣсъ на промыселъ птицъ и звѣрей. Шен. Пин.

Воротяшъ.—Возвращеніе; отдача обратно. Пин.

Воспѣнны—пироги—Продолговатые на тонкихъ, сканыхъ коркахъ, зубчато загнутыхъ по краямъ, изъ ячменной крупы, облитой пѣной или сметаной. Пин.

Восякъ.—Изгородь у покосовъ. Шенк.

Впрунъ.—Великій плутъ. Пин.

Выгально.—Смѣшно. Холм.

Выходить.—Обольстить; имѣть женщину. Арх.

Выщербякъ.—Окрайный отломъ у ножа, топора, вообще востраго; также отшибленный край чаши, рюмки и проч. Пин.

Вѣко, вико. — Крышка отъ бурака или лукошка. Шенк.

Вѣтренный колосъ.—Дикая рожь. Шенк.

Вѣтренный, ая, ое. — Приплывшій при посредствѣ вѣтра. Вѣтреные гости—гости, пріѣхавшіе въ селеніе моремъ, а не сухимъ путемъ. Вѣтреный корабль. Кем.

Вѣтрило.—Родъ ямы, устраиваемой передъ входомъ въ соляпую варницу. Въ эту яму, посредствомъ широкой трубы, проводится къ чрену воздухъ для раздуванія огня. Онеж.

Вѣщатинье, я.—Лѣкарство; снадобье.

Вязба—Узоры, выметанные по ниткамъ основы полотна, изъ котораго выдернуты предварительно нитки утока. Шенк.

Вязбленье.—Дѣланіе вязбы. Шенк.

Вязка. — Веревка, которая закладывается коровѣ или овцѣ за рога и за которую ихъ водятъ. Пинеж.

Вяхъ.—Цикута. Шенк.

Г.

Галить.—Лягаться; бить задними ногами.—«Лошадь галитъ,—не подходи!»—Въ переносномъ смы-

слѣ о человѣкѣ значитъ: удивлять, смѣшить, безчинничать, выходить изъ благопристойности, — г а л и т ь с я. К е м.

Г а л у х а.—Посмѣшище. Потѣха. П и н е ж.

Г а л ъ.—Верхъ; высота. «Бросить мячикъ, камешекъ въ галъ.» «Устрѣлить птицу на галу.» А р х.

Г л а д ь. — То же, что лапта; воронова гладь въ Большеземельской тундрѣ. М е з.

Г л ы з к а.—Кусочекъ чего-нибудь. — Глызка сахару—о г л ы з о ч е к ъ (огрызочекъ). К е м.

Г н у ч к о й, а я, о е.—Гибкій. Х о л м.

Г о в о р к о.—Слишкомъ громко говорить. П и н.

Г о в о р к о й, а я, о е. — Разговорчивый. П и н е ж. Х о л м.

Г о д о в щ и н а. — Часть рыболовныхъ угодій; въ сел. Пиньгишѣ рыболовныя угодья раздѣляются между поселянами на 4 годовщины, примѣнительно къ четыремъ десяткамъ или отдѣламъ, на которые раздѣлено все селеніе. Х о л м.

Г о л о в а. — Возвышенная часть острова или верхній конецъ его.—«Онъ меня на головы ждетъ.» А р х.

Г о л о в о й. — Всѣ до одного. «Ушли изъ дома всѣ г о л о в о й.» К е м.

Г о л о д а й.—Бѣдный человѣкъ, не всегда имѣющій достаточное пропитаніе. Въ Пингишскомъ селеніи жители Зарѣчья называются въ насмѣшку голодаями: «Зарѣчане—голодаи. «П и н. Х о л м.

Г о л ы ш ъ. — Небольшая бѣленькая рыбка, въ родѣ корюхи. П е ч е р.

Г о л ь т ѝ н к а. — Тоненькая пластинка изъ сосноваго дерева. Гольтинка употребляются на плетеніе кузововъ и коробовъ. Ш е н к.

Г о м у л ь к а. — Большой платокъ, получаемый въ даръ невѣстою отъ жениха. П и н.

Г о м ы л ь к а.—Большой платокъ, которымъ закрываютъ невѣсту;—его даритъ женихъ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

Свад. пѣсня: «Пала г о м ы л ь к а
На буйную головку,
Ее вѣтромъ не сдуетъ
И частымъ дождемъ не смочитъ.» П и н.

Г о р б ы л и с т а я.—Пахатная земля на возвышенныхъ мѣстахъ, считающаяся лучшею, потому что она защищена отъ дѣйствія морозовъ, какіе бываютъ часто на низменныхъ мѣстахъ (отъ вліянія болотъ). П и н е ж. Но, если она бываетъ на очень возвышенныхъ мѣстахъ, не заливаемыхъ во время весеннихъ разливовъ водою, и скоро высыхаетъ, то считается посредственною землею. Х о л м.

Г о р н я я а р т е л ь.—Артель рабочихъ, на обязанности которыхъ лежитъ—относить товары изъ магазиновъ въ барки и обратно. А р х.

Г о р ш о к ъ, ш к а.—Большая яма въ землѣ въ дѣтской уличной игрѣ «изъ-за ломъ.» К о л.

Г о р я ч и.—Почетный пиръ послѣ свадьбы. А р х.

Г р а н к а. — Швейная игра съ трехграннымъ концомъ. К е м.

Г р е б е н ь.—Одинъ изъ столбовъ, на которомъ сооруженъ амбаръ. П и н е ж.

Г р я д а, ы. — Не большое сухое мѣсто на болотѣ. Х о л м.

Г р я д о ч к а, и.—Птичья западня. М е з.

Г у б н о й д о ж д ь.—Грибной, рѣдкій дождь. П и н.

Г у с е л ь.—Плесень. П и н е ж.

Г у с е л ы й, а я, о е. — Заплѣсневавшій. П и н е ж.

Д.

Д в о й н и.—Изба и горница, поставленная вмѣстѣ, одна возлѣ другой. Ш е н к.

Д е в я т к а, и. — Девять фунтовъ хлѣба, которые солдатъ получаетъ изъ казны на три дня на прокормленіе. П и н е ж. Сосновая доска, длиною въ 3 саж., толщиною въ 3 дюйма, а шириною въ 9 дюймовъ. П и н е ж.

Д е д е л ю х а, и.—Плотная полная женщина. Х о л м.

Д е р е в у ж и н а.—Дерево чрезмѣрной толщины. П и н.

Д е р ж а т ь.—Быть воспріемникомъ. «Онъ мнѣ кумъ: я у него дочь держалъ.» Х о л м.

Д е с я т о к ъ, и.—Отдѣлы, на которые раздѣлено селеніе для удобнѣйшаго пользованія рыболовными или земляными угодьями. Десятокъ заключаетъ въ себѣ различное число душъ. Напр., въ селеніи Тулгасскомъ заключаетъ 50 душъ, въ Пингишенскомъ $^1/_4$ всего населенія.

Д е с я т с т в о.—Очередное отправленіе должности десятскихъ. П и н е ж. Х о л м.

Д и к а.—Такъ назыв. ту бабку, которою бьютъ въ конъ, если она упадетъ плоскимъ бокомъ паружу. Ш е н к.

Д н и щ е.—Пространство въ 20 верстъ, которое Самоѣдъ можетъ проѣхать въ одинъ день на тяжело нагруженныхъ оленяхъ. М е з.

Догнуть.—Донять. «Ой парень, сегодня насъ какъ да догнуло: неѣдши весь день до закату пробыли.» Или: «Догнетъ онъ ужо васъ работой-то; у него не вывернитесь изъ рукъ-ту.» Или: «Такъ эта насъ ходьба то догнула, што просто, мы безъ ногъ сдѣлались.» Шенк.

Долбарь, и.—Рабочій, обязанность котораго состоитъ въ долбленіи льда на озерѣ при такъ называемой подледной ловлѣ рыбы. Холм.

Долгарь, я.—Длинное полѣно, изъ котораго выходятъ три обыкновенныхъ полѣна; долгарями обжигаютъ кирпичи. Кем. Мез.

Домашникъ, ница.—Сторожъ; караульщикъ; охранитель дома во время отсутствія хозяевъ его. Пин.

Допокоить.—Присматривать и кормить до конца жизни кого нибудь; напр. престарѣлыхъ родителей. Арх.

Доръ.—Хорошо сходитъ съ рукъ товаръ. «Ну ужъ какой сегодня доръ на рыбу, все расхватили.» Ярмарочное.

Доски.—Та же перегородка, которая иначе называется Солнышемъ. Вступить или положить—что въ солнышъ: «за доски.» Пин.

Доюха.—Дойная корова. Холм.

Дудка.—Деревянный чубукъ, длиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина, употребляется морскими промышленниками при ловлѣ акулъ. Кем.

Дуровя.—Шаля.—«Вамъ што не настряпай, вы дуровя все переѣдите, а къ обѣду и нѣтъ ничего.» Онеж.

Дурь, и.—Скопленіе матеріи въ нарывахъ. Кем.

Дѣлать рыбу.—Отрѣзать голову, вынуть внутренности и пр., — приготовить ее въ томъ видѣ, какъ употребляется она въ пищу. Кем.

Дѣлильщикъ, и. — Добросовѣстные крестьяне, выбираемые изъ среды общества для разверстки. Пинеж. Холм.

Дѣло, а.—Участокъ сѣнокоснаго луга, который долженъ, при ежегодномъ раздѣлѣ сѣнокосовъ, достаться на долю крестьянскаго десятка, который въ свою очередь передѣляетъ его между собою. Шенк.

Дягнуть.—Становиться лучше, здоровѣе. «Ребенокъ нисколько не дягнетъ», т. е. все слабъ, не ростетъ. Мезен.

Е.

Екать, екнуть.—Колотить, ударять съ большою силою. Прим.: «Ужъ я такъ заекалъ сваю-то, што у меня не добудешь.» — «Охъ, парень, какъ да екнуло... Это-то, видно, тамка выстрѣлилъ.» — «Онъ шелъ по льду столь круто, да и укатилсѣ, да какъ екнулъ головой-то, о ледъ-то, дакъ только голова мило спѣла!» Шенк.

Ела.—Четырехъ-весельный корбасъ, употребляемый на ловлѣ трески по Мурманскому берегу. Ела имѣетъ носъ и корму весьма острые и одинъ прямой парусъ. Кем.

Елуй, елуница.—Для просушки трески вбиваются въ землю бревна, на которыя кладутъ перекладины елуницы. На этихъ перекладинахъ утверждаютъ длинную жердь, на которую и развѣшиваютъ рыбу. Все это вмѣстѣ и называется елуй. Кем.

Емко.—Сильно, чувствительно. «Ничего-таки: оно не порато, а емко—будешь помнить. Пин. Холм.

Ендана, ы.—Широкій ремень изъ черной, бѣлой или красной кожи, повязанный поперегъ оленя, по спинѣ и брюху. Мез.

Ера, ы.—Довольно густой ивовый кустарникъ. Зырянское.

Ератикъ. — Колъ, къ которому привязываютъ лошадь, когда она пасется на огороженомъ лугу. Пин.

Ересной, ая, ое.—Относящійся къ колдовству. «Онъ ересно знатъ: умѣетъ колдовать.» «Поскорѣшенько бросился къ ересной книгѣ.» Пѣсня Шенк.

Ересь.—Сварливость; бранчивость. Пин.

Еровшикъ.—Крестьянинъ, завѣдывающій артелью при такъ называемомъ подледномъ ловѣ рыбы. Холмог.

Ессуи. — Врытые въ землю столбы, на которые кладутъ перекладины или жерди для сушенія на нихъ трески. Кем.

Ж.

Желѣзныя ворота.—Тѣсный проливъ между островомъ и материкомъ или между одними островами, весьма глубокій и расположенный такъ, что въ немъ, во время морскихъ приливовъ или отливовъ, происходитъ стремительное теченіе воды. Такъ Мудьюжскій островъ, при низменномъ концѣ своемъ, который отстоитъ отъ берега не болѣе 200 саженъ, имѣетъ весьма покатое къ открытому морю мѣсто, простирающееся въ длину саженъ на 80, и потому при отливѣ здѣсь бываетъ непомѣрная быстрина. Сіе мѣсто и называется Желѣзными воротами; оно составляетъ узкій проходъ въ мелководный заливъ Бѣлаго моря, называемый Су-

хоеморе. Въ оном̀ есть пристанище Монастырское, защищенное съ южной стороны длинною каменною грядою, отъ конца коей недалеко находится луда,—и сіе тѣсное мѣсто также называется Желѣзными воротами. Въ срединѣ Бѣлаго моря, между островами Соловецкимъ и Муксомы, лежащимъ отъ перваго къ востоку, также есть Желѣзныя ворота. Таковыя-же ворота есть между Вайгачемъ и Новою Землею.

Жерновой зубъ.—Коренной зубъ. Шнк.

Живой камень.—Плодъ американскаго растенія мимозы; носимый долгое время водою и напитавшійся солями, плодъ этотъ получаетъ значительную твердость и тяжесть. Кем.

Живой рукой.—Живо; скоро. «Ужъ ты на счетъ этого не безпокойся: я живой рукой сбѣгаю!» Пин.

Живулька, и.—Водяной жукъ. Пин.

Кировая изба.—Избушка въ лѣсу,—временное жилище лѣсныхъ промышленниковъ. Пин.

Колобъ, а.—Длинное, узкое углубленіе на днѣ моря. Кем.

Кохомъ.—Не поѣвши. «Што кохомъ-то робить: поѣдимъ на перво.» Холм.

Кохъ.—Самый старый; старожилъ; коренной житель. Пинеж. Холм.

З.

Заборница.—При ловлѣ трески на Мурманкомъ берегу: отдѣленное мѣсто на маякѣ для укладыванія выловленной рыбы. Кем.

Заборочникъ, а.—Нанизанные на нитку стеклянные шарики разныхъ цвѣтовъ; ихъ носятъ крестьянки на шеяхъ. Шнк. Кем.

Забойникъ.—Лѣсъ, употребляемый на рыбные заколы. Арх.

Забочешникъ, а.—Рабочій въ карбасѣ на промыслѣ моржей. Мѣсто его на средней банкѣ карбаса. Ихъ два въ морской артели. Они управляютъ сборами, чтобъ они не запутались, притягиваютъ ихъ, когда звѣрь поднимется къ верху, и опускаютъ, когда онъ удаляется въ глубину. Ихъ же обязанность подавать другимъ носки, спицы, багры, хватать выпавшіе местики, на которыя насаживаются носки, спускать въ воду. Кем.

Завалы.—Замытые въ рѣкѣ пни и корни деревъ, каменья и др. предметы, препятствующіе ходу невода. Пин.

Завѣски, окъ. —Родъ ставныхъ сѣтей, располагаемыхъ особеннымъ образомъ у морскихъ береговъ, вдоль которыхъ идетъ семга, стремясь въ рѣки, именно, одинъ рядъ, утвержденный на кольяхъ сѣтей ставится отъ самаго берега перпендикулярно къ его направленію: эта часть называется стѣною. Другой рядъ сѣтей примыкаетъ своей серединою къ первому, идя къ нему перпендикулярно, и, слѣдовательно, параллельно берегу; другими словами, образуетъ съ первымъ рядомъ фигуру, подобную буквѣ **Т**: это такъ-называемый заводъ или заводь. Въ концѣ его приставляется тайникъ: сѣть, въ формѣ полукруга или многоугольника, обращенная отверстіемъ къ стѣнѣ. Доступъ въ тайникъ съуженъ двумя сѣтями, идущими косо, внутрь сего послѣдняго отъ обѣихъ его оконечностей, поставляющими между собою только узкій входъ—воротцы. Онеж. Мез.

Завѣтить.—Завѣчать. «Ну, завѣть, что нибудь: я погадаю выйдетъ-ли, не выйдетъ? Кем.

Завѣчать.—Загадывать. Кем.

Заглуздаться.—Замѣшаться; оторопѣть. «Чево ты заглуздался.» Онеж.

Загребный, ая, ое.—Загребленый, незаконно присвоенный. «Загребный выгонъ.» Шнк.

Загусѣть.—Заплеснѣвѣть. Пин. Холм.

Задатчикъ, а.—Должникъ, получающій продукты отъ торговцевъ въ счетъ будущихъ промысловъ. Холм.

Задача, и. — Дача денегъ и провизіи впередъ, подъ будущіе промыслы, покрутчику хозяиномъ Мурманскихъ тресковыхъ промысловъ. Кем.

Задержка, и.—Занавѣска у окна. Пин.

Задериха, и.—Женскій повойникъ. Онеж.

Задистый, ая, ое. — Задній; сзади слѣдующій. «Задистый возъ.» Шнк.

Задориться.—Завидовать. Холм.

Задорога, и.—Засовъ у двери. Шнк.

Заемнымъ числомъ.—Занмообразно. Холм.

Зазубра, и.—Остріе уды или серпа. Пин.

Заиматель, я.—Берущій въ долгъ. Онеж.

Закатимой, ая, ое.—О солнцѣ: закатывающійся. Пин.

Закорышъ, а.—Личинка жука, живущая подъ корою дерева. Холм.

Закробка, и.—Семга, попадающаяся съ половины іюля до половины августа, болѣе крупная, чѣмъ та, которая попадается лѣтомъ, поменьше осенней. Мез.

Закройка, и.—Семга, которая идетъ изъ моря въ рѣки, вскорѣ послѣ вскрытія льда, т. е. въ концѣ мая

и началѣ іюня. Она преимущественно икряная. О н е ж.

З а л а з и.—Верхушки деревьевъ, очищеныя отъ вѣтвей, которыя оставляются только на самой верхушкѣ, на подобіе колпака. Очищается вершина дерева путешествующими, по мѣстному обыкновенію, существующему въ нѣкоторыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Мезенскаго уѣзда, именно того дерева, около котораго разводятъ огонь. М е з.

З а л е д н ы й, а я, о е.—О рыбѣ: самый ранній, проявляющійся первымъ по вскрытіи воды. О н е ж.

З а м а н и х а, и.—Мѣсто въ кулемѣ, гдѣ кладется привода. П и н.

З а м е т к а,—Задвижка. (Арх. Губ. Вѣд. за 1870 г. № 91).

З а м к и.—Удила у возжей. Слово это старинное; такъ видно изъ Сборника актовъ Холмогорскаго собора, г. Хоревича, (Арх. Губ. Вѣд. за 1869 г. № 12) что въ старину возжи были съ замками.

З а м о р а, ы.—Крестьянинъ, бывшій много разъ за моремъ. А р х. Ш н к.

З а м у х о р и т ь с я.—Опуститься, потерять энергію, сознаніе собственнаго достоинства. Ш н к.

З а п л е с о к ъ, с к а—Соръ, выбрасываемый водою на отлогіе берега. Ш н к.

З а п о п у т ь е.—Кстати; при случаѣ; при оказіи, по пути,—сдѣлать что либо. Примѣры: «З а п о п у т ь е и мнѣ отрѣжь хлѣба». «Давай, ужъ за попутье, и это возьму». П и н.

З а п р е ж ь е, я.—Упряжь. Х о л м.

З а п у с к ъ, а.—При выварκѣ соли: когда образуется чрезъ выпариваніе морской воды засолъ, то огонь, до того ослабленный, усиливается, и потомъ начинаетъ постепенно и окончательно ослабляться, пока не исчезнетъ вода и не останется чистая соль. Эта послѣдняя часть процесса и называется запускомъ, который продолжается отъ 4—5 часовъ. К е м.

З а с л о в и т ь.—Тоже, что «з а л о ж и т ь с л о в о». П и н.

З а с о р и н а.—Тоже что з а в а л ы и з а д ѣ в ы. П и н.

З а с о ч к а, з а с а ч и в а н і е.—Въ началѣ весны, когда дерево начинаетъ наполняться сокомъ, крестьянинъ сдираетъ съ сосенъ кору, начавъ съ такой высоты, насколько его росту и руки съ топоромъ хватаетъ, а ежели высокъ стволъ,—то насколько приставленная къ нему троеступенная лѣсенка дозволяетъ. Но какъ крупные лѣса въ смолокурныхъ уѣздахъ вывелись, то промышленникъ довольствуется мелкими, снимая кору съ нихъ отъ начала развѣтвленія дерева до самаго корня его. Съ сѣверной стороны оставляетъ на деревѣ ремень или поясъ коры шириною въ ладонь, или въ 3 перста, смотря по толщинѣ дерева, дабы оно не подсохло. Эта работа называется засочка. Ш е н к.

З а с т о р о н о к ъ, н к а.—Мѣсто на русской печи по объимъ сторонамъ печной трубы. Х о л м.

З а т о р ъ, а.—Ледъ при вскрытіи рѣки нанесенный въ одно мѣсто и ломающійся отъ напору новыхъ льдинъ. «Заторъ идетъ». О н е ж.

З а у р е я, и. Полярная селдь,—нѣжная, крупная и бѣлая; она заходитъ въ Печору, но и поднимается выше Пустозерскаго селенія, то есть верстъ на 100 отъ моря. М е з.

З а ф у р а й д а т ь—О вѣтрѣ; зашумѣть. К е м.

З а ф у р и т ь.—Очень дорого запросить. П и н.

З а х а л я в и т ь.—Заплакать. К е м.

З а х о р а й д а т ь.—Заскрипѣть. К е м. Х о л м.

З а х р е б е т н ы я д е н ь г и.—Капиталъ отдѣльнаго члена семьи; также общественная или церковная запасная сумма на черный день. Ш е н.

З е л е н ы й г о д ъ.—Неурожайный годъ. П и н.

З м ѣ е н ы ш ъ, а.—Костоѣда на пальцахъ. П и н. Х о л м.

З н а т к і й, а я, о е; з н а т о к ъ, т к а, т к о.—Видный, примѣтный. «Рубецъ на лицѣ и теперь знатокъ». «Пятно то еще знатко.» Ш е н к. Х о л м.

З о л о т а я к а ш а.— Ячменная каша, которую ѣстъ невѣста съ подругами предъ началомъ смотрѣнья. О н е ж.

З у б и т ь.—Спорить; отговаривать. «Онъ одно свое зубитъ». Ш н к.

З у б ь я.—Гранитные камни, прерывающіе песчаноземлистую почву вокругъ Мезенскаго и Двинскаго заливовъ.

З у н ь к а, И.—Вертушка. О н е ж.

И.

И г р о м ы й, а я, о е.—Тоже что и г р о в о й. «У меня кошечка есть, да такая и г р о м а я.» Х о л м. П и н.

И ж е м к а.—Большая бочка, въ которую складывается крупная рыба: семга, сиги и пр. П е ч е р с к о е.

И ж ъ, а.—Большой рыболовный снарядъ, вмѣщающій до 30 пудовъ рыбы въ одинъ пріемъ. Онъ представляетъ большой мѣшокъ изъ мелкой сѣти, а въ иныхъ

мѣстностяхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ немъ устраивается 4 горла или помѣщенія для рыбы. Холм. Пин

Избезчестить.—Обезчестить. «Онъ на меня жалобу подастъ: скажетъ избезчестила». Холм.

Избомытье, я.—Мытье избъ. Пин.

Изерги.—Серги. Шик.

Излѣшакнуться я.—Произнести слово: чертъ, лѣшій; послать къ лѣшему. Пин.

Измырѣть.—Обжиться. Кем.

Исконвѣкъ.—Изстари; издавна. Холм.

Исперестись.—Нести или тащить сверхъ силы и отъ того сдѣлаться нездоровымъ. Пин.

Исприбиться.—Очень устать. Мез.

Испристать.—Устать; потерять силу. «Я севодня какъ сука испристала, едва ноги волочу; вѣдь день-деньской на ногахъ, да на ногахъ все». Холм.

Истоконно —Тоже, что истово. «Нечего спорить вамъ ребята! истоконно, што межа здѣсь была». Кем.

К.

Кабальные промыслы.—Такъ называются промыслы семги въ Поморьѣ вслѣдствіе того, что крестьяне подвергаются сильной эксплуатаціи со стороны богатыхъ, забирая у нихъ въ долгъ и расплачиваясь выловленой рыбой, которая идетъ такимъ образомъ гораздо ниже настоящей цѣны. Кем.

Кабачарово.—Кабакъ. Пин.

Кавалногой.—Человѣкъ, лишившійся отъ чего бы то ни было пальцевъ у ногъ и потому ходящій не такъ твердо, какъ здоровый. Пин.

Кавкать.—Мяукать. Холм.

Кайковало.—Нерѣшительный. Арх.

Кайковать.—Разговаривать о своемъ горѣ; тужить. «Да што они тутъ по пустякамъ то кайкуютъ». Холм.. Недоумѣвать; нерѣшаться ни на что «Покайковала, покайковала, да и руки опустила». Арх.

Кàлега, и.—1. Мѣсто въ морѣ, гдѣ ловятъ камбалу. 2. Неводъ для ловли камбалъ. «Уѣхали съ калегой». Онеж.

Каличить.—Просить милостыню. «А сунь-се-ко въ окно-то поглядь, много ли ихъ тамошки каличитъ». Шик.

Кальга.—Мѣшокъ, сумка. Арх.

Каменное морское дерево.—Поморы привозятъ изъ Норвежскаго залива, гдѣ его вытаскиваютъ рыболовы на снастяхъ. Въ Архангельскѣ въ каждомъ почти домѣ оно составляетъ украшеніе. Это не растеніе, а вмѣстилище множества животныхъ.

Кандовый.—Кандовое дерево, мелкослойное съ плотной древесиной. Арх.

Карасихи.—Морскія птицы на Новой Землѣ, служащія предметомъ промысла.

Карбасничать.—Заниматься перевозомъ товаровъ на своемъ карбасѣ. Холм.

Каша, и.—Праздникъ жатвы; тоже, что въ другихъ мѣстахъ волошьи. Пинеж.

Кашница, ы.—Женщина, участвующая въ помочи на жнитвѣ и въ празднованіи окончанія работъ. Пинеж.

Каяфа.—Тоже, что горланъ. Зимн. Берегъ.

Кеды.—Морскіе промыслы. Крестьяне Пинежскаго уѣзда, отправлясь на морскіе промыслы идутъ по такъ называемому Кедовскому пути, къ Кедовскому мысу; отчего идти на кеды—стало употребляться въ смыслѣ идти на промыслы. Пин.

Кейкала, и.—Деревянная дощечка, съ изображеніемъ на ней особеннаго знака, привѣшиваемая на шею оленя на ремешкѣ—для распознанія кому принадлежитъ животное. Кемск.

Кемь, и.—Семга, вылавливаемая въ рѣкѣ Кеми.

Кидаситься.—Франтить. «Экъ кидается, ужъ будто и всѣхъ болѣе вынарядилась.» Холм.

Кинжа, и.—Желѣзко, вставляемое въ топорище у обуха, гдѣ въ него всаживается топоръ. Пинеж.

Кипитка, и.—Птица изъ семейства чаекъ. Зимн. Берегъ.

Кирпичи.—Бубновая масть въ картахъ. Пин.

Киты, овъ.—Косы изъ волосъ на головѣ и бородѣ. Пин.

Кичайдать.—Идти. Кем.

Кладовой, ая, ое.—О возѣ, большой; полный. Кладовыми возами мѣряютъ сѣно. «Эта пожня на два кладовыхъ воза.» «Я купилъ у него сѣна столько то кладовыхъ возовъ». Холм.

Клетецъ, тца.—Домашній жерновъ. Шик.

Клопы морскіе.—Промышленники описываютъ ихъ черными, шестиножными, величиною немного больше домовыхъ клоповъ. Въ лѣтнее время появляются и страшно мучатъ моржей и др. звѣрей, такъ что моржи выходятъ на берегъ и на льдины. Озерецковскій думаетъ, что это то самое маленькое жестокожное, которое у нѣкоторыхъ натуралистовъ описано подъ именемъ китовой вши.

Клѣтка, и.—Маленькое крытое помѣщеніе на плотахъ. Самый плотъ съ такимъ помѣщеніемъ.— «Много клѣтокъ наѣхало.» Шнк. Холм.

Ключикъ, а.—Водяной пузырекъ. Пин.

Ключовка, и.—Поваренная соль, вывариваемая изъ ключевой, а не изъ морской воды. Онеж.

Клюшить. — Бить, колотить; щелкать. Онеж. Шнк.

Кобайдатъ.—Чесаться. «Кобайдатъ» — чешется. Онеж.

Кожа, и.—Стада моржей. «Сколько кожи въ морѣ, столько пня въ лѣсу». Кем. Промышленники, собравшіеся для ловли наживки, когда они отдыхая лежатъ рядами на берегу. Кем. Убитый морской звѣрь. «Што многи ли кожи нынѣ? каковы промыслы?—А по десяти кожъ попало на лодку!» Мезѣн.

Кòзень, зпя.—Бабка въ извѣстной дѣтской игрѣ. Пин.

Кола, ы.—Такъ называется въ продажѣ семга, вылавливаемая на Мурманскомъ берегу. Кем.

Колайдать. — Стучать; колотиться; говорить скоро, невнятно. Онеж.

Коловратная сажень.—Маховая сажень.

Колпакъ, а.—Головной уборъ, надѣваемый невѣстою на сватаньи, когда она идетъ въ другую половину дома, къ дѣвицамъ плачеямъ. Шенк.

Колыбь, и.—Лейка для литья пуль. Кем. Холм.

Комистый, ая, ое.—Состоящій изъ комьевъ. «Комистая земля.» Шнк.

Комоха, и.—Чертополохъ. Пин.

Коневальцо, а.—Жало насѣкомаго; то же, что жигало. Пин.

Коновязь, и.—Нисшаго качества луговая земля; собственно выгонъ, гдѣ кормятъ лошадей, привязывая ихъ къ кольямъ. Пин. Онеж.

Копачъ, а.—Желѣзная лопата; заступъ,—толстый кусокъ желѣза, заканчивающійся тупымъ остріемъ и насаженный на короткую палку. Пинеж.

Копище, а.—Мѣсто, ископанное копытами оленей. «Перемѣнить копище»—у Самоѣдовъ значитъ перекочевать на другое мѣсто за недостаткомъ моха, съѣденнаго оленями. Мезен.

Коповастый, ая, ое;—стъ, а, о.—Тоже, что копунъ. Пин.

Копорка, и.—Копорскій чай или Иванъ-чай. Пин.

Колырза, ы.—Сварливый; вспыльчивый. Шнк.

Копчакъ.—Ракообразная пища навагъ и семги. Кем.

Корайдать.—Холонуть; мерзнуть. «Днемь-тебыло солнопечно, а къ вечеру закорайдало». Онеж.

Коренная вода.—Вода съ пѣной, появляющаяся иногда тотчасъ послѣ водополья, иногда нѣсколько дней спустя; появленіе ея обусловливается вскрытіемъ дальнѣйшихъ притоковъ главной рѣки, позже освобождающихся ото льда. Въ Холмогорахъ причиной коренной воды считается вскрытіе Вычегды. Холм.

Корка, и.—Переплетъ книги. Арх.

Коровникъ, а.—Скупщикъ коровъ. Холм.

Коровье вымечко.—Ятрышникъ. Шенк.

Корытки.—На соляныхъ варницахъ. маленькіе извлекательные чрены, поставленные въ углахъ большаго чрена; на нихъ, во время кипяченія разсола, садится песокъ и вообще постороннія вещества. Арх.

Котанко, котейко.—Ласкательныя слова, обращаемыя къ коту. Шнк. Холм.

Кòхтѣга.—Снѣжное или дождевое облако. Онеж.

Кочерникъ, а.—Лѣсъ съ вѣтвистыми и сучковатыми деревьями. Пин.

Красигорка. — Красавица. «Красна ты, моя красигорка». Шнк.

Краснѣе.—Скорѣе; сильнѣе; проворнѣе. «Краснѣй робята». Кем.

Красуха.—Кровь, вытекающая изъ носа. «У кого красуха самородка идетъ, лучше тому». Холм. Пин.

Крестоватикъ.—Серебряный рубль, чеканеный въ царствованіе Павла I, съ подписью· «Не намъ, не намъ; а имени Твоему». Пинеж. Четырехмѣсячные песцы, у которыхъ шерсть уже бѣлая, кромѣ сѣрой спины и части, лежащей при лопаткахъ, гдѣ сѣрая-же полоса пересѣкаетъ спинную. Голубые песцы также имѣютъ подобный знакъ, потому что прочія части у нихъ дѣлаются голубыми, а спина и надлопаточная часть еще остаются сѣрыми. Мез.

Крещоный. — Прибавляется между народомъ въ привѣтствіяхъ и отвѣтахъ, когда говорится вообще о людяхъ. Напр. Когда приходитъ знакомый и не знакомый человѣкъ въ избу, помолясь Богу, говоритъ: «Здорово живите, или здравствуйте всѣ крещоны». Это бываетъ и въ такомъ случаѣ, когда въ избѣ ни кого нѣтъ. Присоединяясь къ толпѣ народа на улицѣ, пришедшій говоритъ: «Здорово всѣ крещоны»». Въ привѣтствіи къ одному лицу никогда не прибавляется слово

крещоной. На вопросъ: «кто есть въ избѣ крещоной?» отвѣчаютъ: «всѣ крещоны дома,--што надо?»—«Много ли народу было у праздника?—Было довольно крещоныхъ». Если постучатся ночью или вечеромъ въ дверь крестьянской избы, то спросятъ: «кто крещоный?». Если послышатся въ домѣ неизвѣстный стукъ или шумъ, то кто либо изъ домашнихъ выходитъ на дворъ и говоритъ: «кто тутъ крещоный?» Не получивъ на сей вопросъ отвѣта, не преминутъ приписать стукъ домовому или другой нечистой силѣ, которая не можетъ отвѣтить на такой вопросъ. Каждый крестьянинъ думаетъ, что у него въ домѣ—изъ какого числа состоитъ семейства, столько же есть и домовыхъ, которые будто бы иногда являются видимо и ведутъ такое же хозяйство какъ и люди; почему и прибавляютъ къ вопросамъ это слово, на которое не крещоный отвѣчать уже не можетъ. Кем.

Куглина.—Кожа отъ сѣменныхъ головокъ льна Пин. Головки на стеблѣ конопли. Онеж.

Куглитать.—Очищать конопляное сѣмя отъ коглины. Онеж.

Кудреватый ракъ.—Медуза, которую промышленники принуждаютъ свернуться въ кудреватый клубокъ, подливая на нее горячую воду. Кем. Мез.

Куимъ, а.—Водка, поставляемая сельскому сходу лицомъ, получившимъ отъ него удовлетворительное рѣшеніе по своему дѣлу. Кем.

Куккуй. — Мясной пирогъ, который подается во время сватанья поѣзжанамъ. Шик. Онеж.

Куклема.—Лѣсная бѣлка, когда она перемѣняетъ красную шерсть на сѣрую. Шик.

Куколь.—Рогатая скотина съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Холм.

Куньякъ, а.—Хвощъ, растущій на поляхъ. Холм.

Купора.—Бочары, — прозвище жителей дер. Залывья: «Залывчане купора».

Курма.—Рыболовное устроеніе въ рѣкѣ на быстрыхъ мѣстахъ, состоящее изъ ряда толстыхъ кольевъ, вбитыхъ въ дно рѣки. Къ нимъ прикрѣпляютъ спускаемую до дна сѣть съ особымъ мѣшкомъ, въ который попадается рыба. Холм.

Кычи. — Рыба пискари. Пин. Слово это употребляется также для созыванія домашней птицы.—Пѣсня:

«Кычи, гуси, домой,
Кычи, лебеди, домой». Онеж.

Кычкать.—Скрежетать зубами. Пин.

Кырайдать.—О курицахъ: хрипѣть. Шик.

Л.

Лабазъ, а. — Родъ крыши посреди лодки, на два ската. Мез.

Ладка.—Поправка; исправленіе. «Ладки этта братъ, не много; не за што дорого взять». — «Пошелъ бы стрѣлять, да пищаль неготова: за ладкой дѣло простоитъ съ недѣлю мѣста». Шик.

Лайва, лайно.—Жирная струя ворвани, вытекающая изъ сосуда, бросаемаго промышленниками въ воду для привлеченія ея запахомъ акулъ. Кем.

Лайдовый.—Мелкій неводъ. Мез.

Лала.—Оскомина у лошади. Пин.

Лапости.—Ступни ногъ морскихъ животныхъ Арх.

Лапушникъ. — Лепешка, печеная на листѣ капусты или чемерицы. Пин.

Легкая земля.—Третій, или самый худшій, сортъ земли, напр. такой, которая лежитъ въ лѣсу, слѣдовательно хлѣбъ скоро бьетъ морозомъ; колосъ ячменный на землѣ этого сорта имѣетъ только 5 рядовъ и по 6 зеренъ въ каждомъ ряду. Холм.

Лежанецъ.—Хлѣбъ въ колосѣ, который такъ тяжелъ, что ложится на землю. Холм.

Лежанцы. — Высшій сортъ пахатной земли, гдѣ ячмень даетъ колосъ въ 13 рядовъ, каждый по 6 зеренъ. Холм.

Лекотать.—Невнятно говорить. Пин. Холм.

Ленный.—Линючій, линяющій. «Этотъ ситецъ ленный». «Ленные гуси». Шик.

Лепетайло.—Языкъ. Пин.

Лещадь. — Небольшое сѣнокосное мѣсто, лежащее между полосами или угорами въ видѣ четыреугольниковъ. Шик. Ровное и гладкое, но мелкое мѣсто въ морѣ подъ водой. Кем.

Липки.—Тонкія металическія бляшки, украшающія почелокъ. Шик.

Липовка. — Веревка, свитая изъ липоваго лыка. Арх.

Липупецъ, нокъ.—Бабочка, мотылекъ. Арх. Шик. Холм.

Лихимъ матомъ.—Испугъ; когда кто либо, находясь въ опаспости, кричитъ или реветъ отчаянно, неестественно; а также, увидавъ опаспость, опрометью кидается въ бѣгъ. «Побѣгайте ребята скорѣе на рѣку... хто-то тамъ такъ и ревитъ лихимъ матомъ: видно заѣхалъ въ поланью (въ полое мѣсто)». Арх. Пин. Шенк.

Лопатить.—Точить косу на лопаткѣ. Арх. Шнк. Пин.

Лосо.—О морѣ: спокойно; гладко: Онеж. Кем.

Лубега.—Ледъ, оставшійся на берегахъ рѣкъ, по вскрытіи ихъ. Онеж.

Лузгнуть. — Осѣдать. «Стѣна то лузгнетъ». Пин.

Льнище, а. — Мѣсто, выжженое изъ подъ мелко растущаго лѣса, для посѣва льна. Шенк. Пин. Холм.

Лѣньгасъ, а.—Лѣнивецъ. Арх. Холм.

Лѣньгасиха.—Лѣнивица. Арх. Холм.

Лѣсной барашекъ.—Такъ называется на условномъ языкѣ артели, составляющейся для подледной ловли, заяцъ. Холм.

Лѣтній берегъ.—Сортъ семги, вылавливаемой на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря.

Лѣторасникъ.—Кустарный лѣсъ, нарастающій на сѣнокосахъ. Пин.

Лѣшебный, ая, ое.—О собакахъ: способный находить въ лѣсу звѣрей и птицъ; ищейный «Лѣшебный песъ». Шенк.

Лѣшій, ая, ое. — Находящійся въ глуши лѣса. «Лѣшіе промыслы». «Лѣшія избы». Шенк.

Люзанъ. — Двѣ суконныя или холщевыя сумы, соединенныя парою помочей; ихъ носятъ перекинувъ черезъ плечи. Въ нихъ промышленники хранятъ провизію, когда идутъ на промыселъ. Пин. Мез.

Лямка. — Тесьма, которою придерживается сарафанъ на плечахъ. Шенк. Холм. Арх. Широкій ремень, надѣваемый на шею оленя, и служащій вмѣсто хомута. Мез.

Лямовщикъ. — Рабочій рыбопромышленныхъ артелей, тянувшій судно. Мез. Онеж.

М.

Маленькая купаленка.—Растеніе: курослѣпъ или куриная слѣпота. Пин.

Маленькое смотреньице.—День, въ который родители невѣсты даютъ жениху согласіе на выдачу за него замужъ своей дочери. Шенк. Пин. Мез.

Малопулька.—Небольшое ружье, заряжаемое одною пулею; употребляется при охотѣ за лѣсной дичью. Холм.

Маниха.—Неправильность возвышенія и пониженія воды, замѣчаемая при устьяхъ Сѣв. Двины. Она состоитъ въ томъ, что около половины времени прилива вода остановится, или какъ говорится «вода дрогнетъ на убыль» не надолго, и потомъ опять продолжаетъ прибывать до своей настоящей высоты. Арх.

Маракуша.—Самка полеваго тетерева. Холм.

Марьины ягоды.—Названіе піоновъ на берегахъ Неси.

Махавка. — Шестикъ съ вѣникомъ на кубасѣ. Кем.

Медвѣдко.—Купа или собраніе рябиновыхъ гроздей. Пин.

Медовица.—Сосудъ для держанія меда. Арх.

Межевикъ.—Межевой столбъ. Пин.

Межень.—Крайность въ чемъ-либо. «Межень въ хлѣбѣ». «Ну ужъ экой межени въ рѣкѣ, какъ сейчасъ, никто не помнитъ», т. е. вода до самаго низкаго уровня была. Шенк. Пин.

Междумокъ, мка. — Корова, отелившаяся до отправки скота въ Петербургъ и потому негодящаяся въ походъ. Холм.

Мезенка. — Лошадь мезенской породы; бочка, въ которую кладется соленая рыба—семга и пр., а также сало. Пин.

Мезень. — Сортъ семги, вылавливаемый въ рѣкѣ Мезени.

Мѣзонька. — Балованое дитя. Холм.

Мелейдать. — Мычать. Быкъ, корова, мелейдатъ. Онеж.

Мелинъ.—Рукоять ручнаго жернова. Пѣсня:

«Какъ за славнымъ городомъ,
«За жорновомъ,
«Разыгрался мелинъ
«Съ хлопотомъ»..... и пр. Шенк.

Мереть.—Терпѣть недостатокъ въ чемъ либо: напр. въ хлѣбѣ. Мез. Пин.

Метера.—Фарватеръ рѣки. Пин.

Метикъ.—Сосновый лѣсъ, растущій пополамъ съ ельникомъ. Шнк.

Модѣлый.—Кислый; протухлый. Шнк.

Модѣть. — О дровахъ тлѣть; худо горѣть. «Не горятъ, а только модѣютъ въ печи-то». Шнк. О кушаньѣ: прѣть, свариться. Кем.

Моевна.—Порода морской чайки на Новой Землѣ.

Мокрогузый.—Названіе Западнаго вѣтра. Холм. Пин.

Молочиво.—Молотьба. Холм.

Моржа колоть.—Шутка, употребительная на вечеринкахъ и состоящая въ томъ, что задремавшему или заснувшему вечеринщику всовываютъ въ носъ свернутую шерстяную нитку. Кем.

Мороха.—Морошка. Онеж.

Морскія мышки.—Мѣшочки, въ которыхъ скаты мечутъ молодыхъ. Они продолговаты, четырехъугольны, сверху выпуклы, снизу плоски, цвѣтомъ черны, надуты на подобіе пузыря, со всѣхъ четырехъ сторонъ оканчиваются продолговатыми, развѣсистыми рожками. Кем. Арх.

Морской налимъ. — Рыба-бѣльдюга живородящая; водится въ Бѣломъ морѣ, у береговъ Лапландіи. Она не мечетъ икры, а рождаетъ живыхъ дѣтенышей и потому считается поганою. Кем.

Морѣе.—Дальше отъ береговъ моря. Кем.

Мотокой,—омъ.—Не вдругъ; незамѣтно; на силу. «Такъ ужъ кое-какъ—мотокой, чѣмъ попало съ него выбралсе долгъ-отъ, а не то, такъ бы и того не видать». — «Сей годъ, братъ, мотокой все подать-ту сбираемъ». «Вода-то ушла понѣ мотокомъ». Шик.

Мотушка. — Вязка калачей, т. е. баранковъ домашняго печенія. Арх.

Мохнушка. — Крестьянская рабочая рукавица. Пин.

Мурга.—Оврагъ. Пин.

Мусинка.—Похлебка изъ житой (ячменной) муки, сваренная на водѣ до густоты кашицы; обыкновенная и единственная пища охотниковъ на лѣсныхъ промыслахъ. Пин.

Мусница.—Похлебка изъ толокна, варимая морскими звѣроловами. Онеж.

Мутехвостничать.—Мутить; ссорить; сплетничать. Шик.

Мухориться.—Унывать; пасмурѣть. «А што ты такъ замухорился?» «Небо-то опять замухорилось». Шик.

Мухоря.—Неряха, растеряный, невзрачный. Пин. Шик.

Мушникъ.—Шерстяной или холстинный сарафанъ или юбка, у которыхъ по бѣлому полю затканы кусочки разноцвѣтнаго сукна, въ видѣ мушекъ. «А срядново то лопастья, всего-на-все одинъ мушникъ, да и тотъ веретномъ тряхнуть». Шик.

Мшарина.—Черная, жидкая, болотная грязь. Мез.

Мылка.—Деревянный костылекъ, насаживаемый на рукоять кормоваго весла. Мез. Пинеж.

Мырка.—Морда медвѣдя; вообще некрасивое лице. «Ишь идетъ мырку то поднялъ, и не взглянетъ». Онеж.

Мытарь.—Деревянный колъ, воткнутый въ землю надъ огнищемъ, на немъ вѣшаютъ котелъ съ варевомъ. Пин. Мез.

Мыши.—Нарывы въ шеѣ у лошади. Пин. Холм.

Мышницы.—Ластовицы у сорочекъ или рубахъ. Пин.

Мѣстный, ая, ое.—Общій; находящійся въ общемъ владѣніи. Пин.

Мявкать.—О кошкѣ: мяукать. Пин.

Мякоть.—Пушной товаръ; мясная рухлядь. «Мякоть сей годъ что то туго шла, кажись и промыслу благо было. Мез. Пин.

Мятиковатый, ая, ое.—О строевыхъ деревьяхъ: мягковатый; слабоватый; не совсѣмъ крѣпкій. «Мятиковатый лѣсъ. «Шик.

Н.

Наборочники.—Ожерелья, носимыя на шеяхъ женщинами. Холм.

Навалуха.—Отягощеніе крестьянскимъ обществомъ какого либо изъ своихъ членовъ повинностями. Что либо нечаянно полученное: порученіе, дѣло, деньги, и т. д. Пин.

Наверхосытку.—Въ закуску послѣ обѣда или ужина,—тоже въ добавокъ сверхъ чего нибудь. «Да давай, выпей же, на верхосытку вѣдь: выть позолотить слѣдуетъ». Пин.

Навзрячь. — Глазомѣрно; на взглядъ; съ виду. Пин.

Наводить.—Въ дѣтскихъ играхъ, какъ то: прятках, жмуркахъ и т. п. отъискивать, или ловить другихъ. «Кто будетъ наводить»? «Тебя перваго нашли: теперь тебѣ наводить». Холм. Шик.

Нагольный, ая, ое.—Чистый, безъ примѣси чего либо посторонняго. «Нагольный спиртъ». Пин.

Наживотчикъ, наживочникъ, наживщикъ. — Рабочій на шнякѣ, который наживляетъ приграву на рыболовные крючки. Шик.

Накатникъ.—Дерево или нѣсколько, въ отличіе отъ бревна, толщиною въ отрубѣ около 3 вершковъ. Пин.

На-косыхъ.—Не въ дружбѣ; въ ссорѣ, въ непріятныхъ отношеніяхъ. Пин.

Накровъ.—Горшечная крышка. Арх. Холм. Шик.

Налистникъ.—Тоненькая лепешка, испеченная изъ бѣлаго или ячнаго тѣста; зовутъ такъ оттого, что онѣ пекутся въ посты на листахъ черемухи. Холм.

Наморщиться я. — Напиться; покушать. Наморщиться чаю. Пин.

Намѣстникъ.—Старшій хозяинъ изъ всей моржевой артели; долженъ находиться на носу карбаса, принимать звѣря на носокъ и управляться имъ спицею. Кем.

Напарьга.—Большой буравъ для провертыванія въ деревѣ диръ. Кем.

Напенные жители.—Коренные, первые насельники; вѣковѣчные. Шенк.

Напечь.—Очагъ русской печи для дровъ. Пин.

Наподольники.—Ткань красной бумаги на подолахъ женскихъ рубашекъ и юбокъ. Холм.

Напрячь на кривое веретено.—При случаѣ отплатить обидой за обиду; отмстить. «Придетъ и мой разъ: напрягу я тебѣ все это на кривое веретено. Шенк.

Напуститься я.—Рѣшиться. «Думаю такъ, да напуститься то все немогу». Онеж.

Нарва.—Шпонка, которою держится, напр., наборокъ досокъ, составляющихъ столъ. Арх.

Натотуриться я.—Надуться. Пин.

Натратиться я. — Наѣсться до пресыщенія. «Что ты все ѣшь, натратиться не можешь»! Арх.

Небезчево. — Недаромъ; предвидено; разсчитано. «Небезчево я наговаривалъ ему: полно тебѣ, парень..... брось все къ черту». Арх. Пин. Холм.

Негладкословъ.—Неумѣющій хорошо, ласково говорить. Пин.

Нелюбимковатый. — Отъявленный эгоистъ. Пин.

Немоглой, ая, ое, — Нездоровый. «Какъ она нынѣ хороша стала, а такъ была немоглая»! Холм.

Непричинный, ая, ое. — Невиновный; непричастный къ дѣлу. Пин.

Перогато.—Не въ изобиліи; скудно. Холм.

Печубить. — Необращать вниманія. «Ей хоть сколько говори, а она и печубитъ». Холм.

Носовикъ.—Мѣдный горшокъ съ носкомъ. Холм.

Носокъ, ска.—Ростокъ, только что показавшійся по всходѣ хлѣбныхъ зеренъ». Если морозъ на носки, такъ будетъ и на колоски». Шенк.

Посочникъ. — Носокъ сапога или башмака. «Нужно ленточки на посочникъ». Холм.

Носъ ветренный.—Особая болѣзнь, проявляющаяся сильною позѣвотою и колотьемъ. Кем.

Нуда.—Изнурительный потъ, отъ котораго нижняя одежда тлѣетъ на тѣлѣ. Кем.

О.

Обнестн.—Обокрасть. «Ушелъ несказавшись, да еще насъ и обнесъ». Холм.

Обронъ. —При выварѣ соли, уменьшеніе жара послѣ того, какъ уже образуется засолъ до тѣхъ поръ, пока на разсолѣ не образуются пласты соли. Пин.

Обрямхаться я.—Обноситься; износить платье до лохмотьевъ. «Какъ онъ прежде хорошо ходилъ, а теперь весь обрямхался». Холм.

Обуванецъ, нца.—Овчинный тулупъ, покрытый пестрядой. Кем.

Обумное.—Пустое. «Онъ все говоритъ такое обумное, что слушать нечего». Шенк.

Обушки.—Визига тресковая. Шенк.

Овинники. — Дрова, которыми топятъ овины. Шенк.

Овыденникъ, а.—Живущій только настоящимъ и не заботящійся о будущемъ. «Что не испеки, все съѣшь въ одинъ день,—овыденникъ ты этакой, не подумаешь, что и завтра день будетъ!» Мез.

Овыдень. — Въ одинъ день; на одинъ день. «Я што-есь старикъ, сходилъ на посадъ овыдень, а тибѣ какъ не сходить.» Шенк. «Севодни въ лѣсъ сходить хошь-бы овыдень.» Кем.

Оглобень.—Зыбь; волненіе на морѣ, когда стихаетъ вѣтеръ. «Оглобень ходитъ.» Кем.

Оглуздаться я.—Въ хлопотахъ забыть сдѣлать, что-либо нужное. Пин.

Огородня.—Брусья, сложенные на подобіе костра и служащіе для укрѣпленія рычаговъ при поднятіи судна на городки. Кем.

Околистый, ая, ое.—Имѣющій большую окружность. «Какихъ ты калачей накатала околистыхъ.» Холм.

Олукъ.—Палка въ лукѣ шерстобитовъ. Шенк.

Онега.—Сортъ семги, вылавливаемый въ рѣкѣ Онегѣ.

Опасъ.—Опытный проводникъ въ тундрахъ Лапландіи, хорошо знающій мѣстность. Кем.

Оплывъ.—При ловлѣ акулъ, лайно при каждомъ приливѣ и отливѣ мало по малу поднимается на поверхность воды и акулы, слѣдуя за его движеніемъ, подни-

маются также; такимъ образомъ они подходятъ близко и окружаютъ шняку. Это называется — оплывъ. Говорятъ: «пришелъ оплывъ.» Кем.

Оплыть. — Объ акулахъ: когда они, слѣдуя за движеніемъ лайно, приближаются къ шнякѣ и ее окружаютъ. «Акула оплыла». Кем.

Опша.—Осѣва и игольчатая часть, лузга зернистаго хлѣба, остающаяся послѣ его опехиванья. Шенк.

Орга.—Лужа зеленою чащею покрытая. Шнк.

Орда.—Бурундукъ. Зимн. Бер.

Орелка.—Мысокъ; сухое и нѣсколько возвышенное мѣсто, иногда поросшее лѣсомъ. Архан.

Освѣчекъ.—Сальный огарокъ; догорающая свѣча. Пин.

Осерхнуть.—Озябнуть. Шнк.

Отдаленны. — Печорскій край въ Мезенскомъ уѣздѣ. «Нѣту дома?—Давно нѣту, уѣхалъ въ отдаленны, да все не воротился еще!» Пин.

Отказъ.—Тоже, что оберегъ «Онъ, паренько-то, право, отказъ знатъ, и супротивъ медвѣдя, и супротивъ волка » Пинеж.

Отрѣзокъ. — Кусокъ земли, отдѣленный отъ полей и пожень каждаго изъ землевладѣльцевъ въ селѣ для надѣла вновь поступившаго въ члены крестьянскаго общества; напр. возвратившихся со службы солдатъ. Пин. Шенк.

Оттуживально молоко.—Творогъ, который держатъ въ печи до тѣхъ поръ, пока не выдѣлится изъ него вся сыворотка. Изъ этого молока приготовляются сыры къ Пасхѣ. Арх.

Охминать.—Жадно ѣсть. Онеж.

Охритъ.—Неряха. Шнк.

Очепъ. — Особый родъ силка для ловли птицъ. Онъ состоитъ изъ укрѣпленнаго на вилочкѣ коромысла, одинъ конецъ котораго тяжелѣе другаго; на легкомъ концѣ укрѣпляется волосяная петля, въ которую и попадаетъ птица. Холм.

П.

Пазганица.—Наказаніе розгами. «Я те задамъ пазганицу.» Шнк.

Пазгать.—Сѣчь розгами; дѣлать что-либо поспѣшно, незаботясь о тщательномъ выполненіи. Шнк.

Пакуль.—Колпачекъ изъ тряпки, надѣваемый на больной палецъ. Пинеж. Холм. Цвѣточная чашечка на ягодѣ морошкѣ, не отпадающая до полнаго созрѣванія плода. «Не ѣшь много морошки-то — вишь не зрѣла. въ пакуляхъ.» Онеж.

Паласина, ы —Пылающая лучина. «Неходи ты съ этой паласиной: подожгешь домъ-отъ.» Холм

Памятка.—Письмо. Шнк.

Панда.—Подолъ малицы, — верхней одежды изъ оленьихъ шкуръ. Печерск.

Парикъ.—Родъ мелкой рыбы. Пин.

Пахорукій. — Неимѣющій руки до мышекъ; также — хотя и съ уцѣлѣвшей, но съ одеревенѣвшей рукою. Пин.

Пахташи.—Сдобныя аладьи, приготовленныя въ заговѣны. Шенк.

Пелеи.—Такъ называются олени въ упряжи, за исключеніемъ крайняго съ лѣваго бока, къ которому прикрѣпляется возжа; пелеи привязываются другъ къ другу коротенькими ремнями. Мез.

Пелка.—Самый старый березнякъ, который въ случаѣ нужды Лопари толкутъ вмѣстѣ съ сосновою заболонью, въ прибавокъ къ мукѣ. Кем.

Переводчикъ.—Вожатый слѣпца или калѣки. Онеж.

Перекрой. — Умаляющійся послѣ полнолунія мѣсяцъ, первые дни послѣ полнолунія. Во всей Арх. губ.

Пересудъ.—Апелляція; переносъ суднаго дѣла въ высшее судебное мѣсто. Чистое русское слово, къ сожалѣнію давно потерянное въ литературѣ и замѣненное чужимъ. Холм.

Пересѣсться. — Надорваться. «Не поднимай камня, пересядешься.» «Мы всѣ ажно пересѣлись со смѣху!» Холм.

Перетуръ.—Брошеное сильное пьянство.—«Съ чево ты тресесся-то? — Съ чево больше, какъ не съ перетуру.» Пин. Холм.

Пертуй.—Мелкая треска. Кем.

Песчанки.—Лѣтнія, мелкія рѣки, въ которыхъ стрежь заносится пескомъ и потому дѣлается неспособнымъ къ плаванію. Холм.

Пестъ, а.—Особенная мелкая рыба, водящаяся въ рѣкѣ Пинегѣ. Пин.

Печищане.—Принадлежащіе къ одному печищу. Пин.

Печище, а.—Одна или нѣсколько деревень, имѣющихъ общее землевладѣніе. Пин.

Пикша или пища. — Въ озерѣ Лушъ, близь Важескаго Богословскаго монастыря, въ числѣ другихъ

рыбъ, есть одна, свойственная ему только одному. Это п и к ш а,—какъ называетъ народъ, но подлинное названіе п и щ а, ибо такъ назвалъ ее самъ св. Варлаамъ, какъ гласитъ преданіе. Весною, когда растаетъ ледъ, эта маленькая, но вкусная рыба во множествѣ всплываетъ на поверхность озера и крестьяне, черпая ее саками, сушатъ для продажи; но какъ только прогремитъ первый громъ, она тотчасъ опускается въ глубину озера и скрывается тамъ до слѣдующей весны.

П и р о ж к и, к о в ъ. — Мышій горошекъ. А р х. Х о л м.

П и р у ш к а. — Порода морской чайки на Новой Землѣ.

П и с я г а.—Полосатые въ клѣткахъ, въ родѣ шахматъ, невры или одѣяла. Ш е н к.

П л а с т а и ъ.—Сушеная треска, которую пластаютъ, т. е. разрѣзаютъ на двѣ половины. О н е ж. М е з е н.

П л а т о в ь е.—Платки. «Не видать намъ, дѣвки, больше такого п л а т о в ь я». Х о л м.

П л а ш к и.—Темный и мелкій жемчугъ въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда. К е м.

П л ё в а т ь —Наговаривать слова въ воду, соль и проч. При шептаніи словъ вода или соль помѣшиваются водой, и при этомъ знахарь часто плюетъ, заразъ по трижды. «Гордей-голубчикъ, п о п л ю й, батюшка, словъ,—сдѣлай милость;—Ондрій вонъ другой день не можетъ, на работу не бывалъ, да и хлѣба не ѣстъ.... не знаю что такое, Бо (гъ) храни! ему сдѣлалось». Х о л м. Ш е н к.

П л е в к и, к о в ъ.—Личинки насѣкомыхъ, водящихся въ трескѣ. М е з.

П л ё с о, а.—Разстояніе, которое можетъ пѣшеходъ пройти въ день. П и н.

П л и т к а.—Плотъ въ одинъ или въ два ряда бревенъ, для сплава деревъ внизъ, по теченію рѣки; на плиткахъ привозятъ въ Архангельскъ хлѣбъ, смолу и проч. Также: о г н и в о. П и н.

П л о т и щ е.—Деревянная, пловучая пристань для гребныхъ судовъ. А р х.

П л о т о у х а, и.—Такъ называютъ коровъ, привезенныхъ для продажи на плотахъ или въ крытыхъ карбасахъ изъ деревни Кевролы Пинежскаго уѣзда или изъ Сольвычегодскаго уѣзда. Х о л м.

П о в а р е н к и.—Инфузоріи или наливочныя, микроскопическія животныя, встрѣчающіяся въ настояхъ, или въ стоячихъ водахъ. П и н.

П о г а н е ц ъ.—Пѣтухъ. А р х.

П о г о д к и.—Условная плата по годамъ. А р х.

П о д б и л е т ч и н а.—Почва земли, расчищенная подъ пашню или сѣнокосъ, на основаніи закона 1820 г., съ правомъ единственнаго пользованія 40 лѣтъ сряду. Отъ слова: б и л е т ъ, который дается лѣсничимъ на разчистку. Ш е н к.

П о д в и н щ и н а.—Житель съ береговъ рѣки Сѣверной Двины.

П о д в о д н и ц а.—Подводная, никогда не открывающаяся мель. К е м.

П о д з в о н ч и к ъ. — Колокольчикъ; бубенчикъ; ширкунъ, привязываемый на шею лошади, когда ѣдутъ на свадьбу. П и н.

П о д з е б е л ь.—Осенній взметъ пашней, предназначающихся подъ паръ. «В з о р а т ь п о д з е б е л ь.» Пин. Х о л м.

П о д к л ѣ т ъ, а.—Свадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что послѣ вѣнца, въ домѣ жениха, отецъ съ матерью встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ, подъ которымъ тѣ проходятъ. Когда новобрачные станутъ за столъ, то отецъ беретъ два калача и обводитъ ими вокругъ головы новобрачныхъ, потомъ открываетъ новобрачную и подноситъ водку. Послѣ того новобрачный начинаютъ раздавать дары, а потомъ подносить водку. Х о л м.

П о д м о ш н и к ъ, а.—Земля, поросшая мхомъ. Х о л м.

П о д о л ь н и к ъ, а.—Частая сѣть для ловли мелкой рыбы. Ш е н к.

П о д п о м н и т ь.—Напомнить. «П о д п о м н и мнѣ, што купить на рынкѣ-то». Х о л м.

П о д у г о р ь е.—Край берега, касающійся воды. П и н.

П о д х о д ы.—Симпатическія слова, располагающія всѣхъ въ пользу того, кто ихъ знаетъ. «Ево вси любятъ, п о д х о д ы знаетъ». А р х.

П о д ч и т а т ь.—Засчитать. «Сѣно п о д ч и т а т ь за долгъ» (изъ рѣшеній волостныхъ судовъ). Х о л м.

П о д ш а п о ч н и к ъ.—Короткое полотенце, замѣняющее у крестьянъ карманный платокъ. Ш е н к.

П о д ъ ё м щ и к ъ. — Предприниматель, снаряжающій промысловое судно или артель. А р х. К е м.

П о д ѣ л ъ. — Сборъ милостыни. «Ходить на п о д ѣ л ъ»,—стоять въ извѣстныхъ мѣстахъ для сбора подаяній. «Сегодня подѣлъ былъ (у такого-то),»—поминали. А р х.

По заявью.—По восходѣ солнца. Шенк.

Покопытное, аго. — Угощеніе, дѣлаемое покупателемъ лошади продавцу по окончаніи сдѣлки. «Пить покопытное.» Арх.

Покормяжка.—Покормежная запись на выдачу паспорта. Пин.

Полдѣла.—Ничего не стоитъ; легко. «Полдѣла жить, какъ бабушка ворожитъ». Пословица.—«Вамъ полдѣла жить то, какъ съ васъ ничево не спрашиваютъ». Арх. Холм. Шенк.

Поллагунье. — Деревянный сосудъ, вмѣщающій въ себя 6 крынокъ молока. Арх.

Половникъ.—Женщина или мальчикъ, принимающіе участіе въ промыслѣ трески; они помогаютъ наживлять ярусъ и получаютъ съ наживщикомъ половинную часть выловленной рыбы, а также и денегъ. Кем.

Полозокъ. — Ловушка для рыбы,—родъ бродища, растянутаго на деревянномъ продолговатомъ лукѣ. Полозкомъ ловятъ рыбу ночью: погрузивъ его привязаннымъ къ нему шестомъ недалеко отъ берега, тянутъ веревкой на нѣсколько сажень по теченію рѣки и опять вытягиваютъ на берегъ. Шенк.

Полукормщикъ, а. — Второй послѣ кормщика членъ котляны, получающій изъ добычи половину противъ кормщика. Арх., Кем.

Полурѣчье.—Намекъ, мысль, не вполнѣ высказанная. «Начисто сказывай: да, аль нѣтъ? а то все полурѣчье ведетъ.» Шенк.

Полусинникъ. — Полупраздничный сарафанъ не рабочій. Арх.

Полуженщикъ.—Третій послѣ кормщика членъ котляны; получаетъ изъ добычи половину противъ полукормщика. Арх. Кем.

Полѣтокъ, тка.—Работникъ нанятый на лѣто, т. е. на время полевыхъ работъ. Пин.

Поманиха. — Родъ коротенькой кофточки, закрывающей руки и верхнюю часть груди, не закрытую сарафаномъ. Одѣваютъ и на работу, для защиты отъ холода. Холм.

Помча.—Рыболовный снарядъ, состоящій изъ сѣти, прикрѣпленной къ четыреугольной рамѣ, опускаемый въ воду и поднимаемый на оченѣ. Шенк.

Попажа.—Переѣздъ; переборъ; входъ. «Попажа-то къ нимъ бѣдова (трудна). .» Пин.

По пристрашному.—Страшно. «Онъ какъ закричитъ по пристрашному, ажно я вся перепалась». Холм.

Порочка.—Ведро или шайка, насаженная на палку; которымъ черпаютъ воду изъ рѣки и наливаютъ въ бочку. Кем.

Порховица.—Грибъ дождевикъ. Шенк.

Порядовной, а, о.—Рядовой; идущій по порядку. «Рядовна чарка вина.» Пин.

Постегольница. — Большая швейная игла. Арх.

Постила.—Длина плоскости, плитнаго камня, цоколя. Пин.

Посыпь.—Платежъ зерновымъ хлѣбомъ за пользованіе чужимъ земляпымъ участкомъ. «Онъ землю-то не пашетъ, посыпь беретъ.» Шенк.

Потоки, овъ.—Та часть соляной варницы, гдѣ просушивается только-что снятая съ чрепа соль и хранится до вывоза ея въ амбары; полати. Арх.

Поторчина.—Затопувшія деревья, вершины или сучки которыхъ выставляются изъ воды. Пин., Шенк.

Потянушка. — Фуфайка съ рукавами на ватѣ или на мѣху, опушенная по воротнику, рукавамъ и бортамъ также мѣхомъ. Арх.

Походить. — Обокрасть. «Бѣглые походили церковь въ Вавчугѣ». Холм.

Походъ.—Гуртовая отправка коровъ въ опредѣленные сроки въ Петербургъ. Походовъ бываетъ пять въ году: Никольскій, Успенскій, Покровскій, Рождественскій и Пасочный. А потому, смотря по времени отправленія въ походъ, и самыя коровы называются: Никольская, Успенская и т. д. Холм.

Поѣздникъ.—Длинная, низкая и узкая лодка, употребляемая на рѣкахъ для ловли рыбы. Кем.

Приволока. — Мѣсто на берегу, куда пристаютъ съ неводомъ для ловли бѣлой рыбы. Мез.

Привѣровать. — Имѣть къ кому расположеніе. Кем.

Пригоношка. — Приправа. «Положь во щи-то пригоношки, дакъ я и въ печь суну горшокъ». Холм.

Прикладывать.—Приревновать. «Онъ ее ко всякому прикладываетъ». Холм.

Прикошелить.—Присвоить; прикарманить. Пин.

Припилисать.—Рвать. «Вишь какъ платье-то припилисала». Арх.

Прирубъ.—Галлерея. Кем.

Присвой.—Очень дальній родня. «Нѣтъ, не то штобы родня, а такъ присвой.» Холм. Пин.

Прискать.—Присучить (нитку); приправить (щи). «Положь заспы-то въ шти, да прискн.» Шенк. Холм.

Прискудаться.—Надоѣсть. «За все-то робить одно дѣло, дакъ небось, скоро прискудается»—«Все дож(д)ь, да дожь—мнѣ ужъ прискудалось ходить въ лѣсъ-отъ». Шенк.

Приставъ.—Какая нибудь вещь,—колъ, лопата, грабли и т. п.—воткнутая черезъ кольцо у вороть дома, вмѣсто замка, означающая, что хозяевъ нѣтъ дома и потому нельзя ходить. Пин. Шнк. Арх.

Пристѣнокъ. — Нашивка изъ цвѣтной матеріи на той сторонѣ подушки, на которой зашнуровывается верхняя наволока. Шнк.

Присыпаться.—Привязываться къ разговору; любезничать. Арх.

Притворное.—Подаяніе, дѣлаемое ѣдущими на лошадяхъ въ Красногорскій монастырь и обратно ребятамъ, отворяющимъ и затворяющимъ ворота. Пин.

Притужальникъ.—Строгій спросъ, взысканіе. Взять кого на притужальникъ. «Шали, шали да помни: живо тебя возьму на притужальникъ, да вицей». Пин. Шнк.

Прищегульничать. — Дурачиться. «Полно, Ваня, какъ тебѣ не стыдно прищегульничать-то. Пин.

Прищелопокъ.—Большой, но очень крутой бугоръ, по дорогѣ на которой съ трудомъ можетъ подняться лошадь въ телегѣ или саняхъ. «Возилъ я ономѣсѣка исправника на посадъ. Исправникъ одно што на миня кричитъ: поѣзжай скорѣй!... што дѣлать,—я и давай понюжать лошадей: а тутъ на дорогѣ прищелопокъ такой былъ... да какъ трехнуло съ маху-то, дакъ я чуть-чуть усидѣлъ на бисѣдкѣ то, а его благородье-то вылѣтѣлъ вверхъ чуть не на сажень, да какъ опъ, дивлюсь, што не упалъ еще мимо телеги то, только порато видно ужъ ушибсе, да ощо и картузъ то у него сшибло, да унесло далеко! Послѣ того не досукъ іому стало кричеть: паѣзжай скорѣй; а ощо говоритъ скрозь зубы: патише братъ, пожалуста патише;—видно не поглянулась такая ѣзда-то... дакъ я все вплоть до посаду ѣхалъ ступикомъ.—Кем. Холм.

Пробрызнуть. — О растеніяхъ: дать ростокъ. Онеж. Шенк.

Проволока.—Одна изъ прорубей, дѣлаемыхъ въ рѣкѣ при подледной ловлѣ рыбы, именно береговая. Холм.

Прожиточной.—Человѣкъ или семья достаточнаго состоянія. Пин.

Прозвитель.—Прорыра; пройдоха. Онеж.

Пролой, промой.—Лощина, по которой во время ледоплава переливается черезъ уровень вода. Пин. Холм.

Пропащія.—Мѣста по Мурманскому берегу, особенно отъ Коровьяго Носа до Старцевой губы, въ которыхъ нерѣдко пропадаютъ люди и гибнутъ олени. Кем.

Прорва. — Шпонка въ столярномъ полотнѣ, для лучшей связи досокъ, изъ которыхъ оно составлено. Прорвами также иногда связываются и скрѣпляются бревна между собою; какъ напр. въ портомойняхъ, плотахъ и т. п. Арх. Пин.

Простень.—Полно напряженныя на веретено нити. Шенк.

Проступить.—Понужденіе тянущихъ бичеву. «Проступи, други, проступи». Шнк.

Просуги.—Рукодѣлье. Шнк.

Проходной.—Хитрая пройдоха. «Къ этому мужику съ голой рукой не суйся: проходной». Холм. Шнк. Пин.

Проѣдуга, проѣдуха—Хлѣбъ и харчъ, вообще. «Што имъ житье-то—проѣдуга идетъ хорошая, работы не робятъ; умирать имъ не надо»! «Проѣдухой то, дакъ не што,—живетъ таки у нихъ... дакъ бранятся больно, ужъ нада терпѣть не мало: за все, за все, дакъ хоть кую (кого) горе возьметъ»... «У насъ, братъ, какая большая проѣдуха: по иной разъ и квасу ту нѣтъ, а нето что молока, либо штей». Шнк.

Прутки.—Спицы вязальныя. «Зачать бы чулки, да прутковъ нѣту». Шнк.

Пряжье.—Тоненькія полоски сдобнаго тѣста, особымъ образомъ свернутыя и жареныя въ маслѣ. Арх. Шнк.

Пряганіе.—Разчистка новинъ чрезъ срубъ лѣса, выжиганіе его съ пнями. Шнк.

Пуйна. — Каждый изъ двухъ ремней, которыми привязываютъ оленей одного воза къ санкамъ слѣдующаго воза, для составленія цѣлаго обоза. Мез.

Пупять. — Синица. Арх.

Пупъ.—Стержень въ центрѣ жернова. Пин.

Пускальница, —лешка. — Рыболовная сѣтка, отъ 2 до 3 саж. длины, изъ самыхъ тонкихъ нитокъ и окрашенная въ синюю краску. Холм.

Пустовà.—Купанье, состоящее изъ воды и изъ малаго количества муки. Пин.

Пустограй,—ка. — Любящій смѣяться безъ особеннаго повода. Пин.

Путь. — Свитокъ, на какихъ писали въ старину. Холм.

Пучка. — Щавель. Шенк.

Пушья къ.—Почва черноземъ. Пин.

Пяккои. — Коротенькіе Лопарскіе сапоги изъ оленьей шкуры, шерстью наружу. Кем.

Пяскотия.—Усиленная, непріятная работа; маята. «Ну ужъ осенью то, да особливо въ мокрую погоду, ѣздить въ дорогу пяскотия такая, что не приведи Богъ... грязь до колѣна, колеса идутъ до трубицъ, лошади не везутъ, — то и дѣлай, что понужай, да возъ держи; а какъ въ гору-ту, дакъ тутъ наяястаисся до тово, что изъ силы выйдешь». Шик.

Пятникъ, а. — Деревянный гвоздикъ, который замыкаетъ кранъ въ бочкѣ. Шик.

Р.

Рябиновая ночь.—Та одна изъ темныхъ ночей въ году, бывающихъ въ іюлѣ, августѣ или сентябрѣ, въ которую отъ вечера до утра почти безпрестанно сверкаетъ молнія, озаряя небо и землю страшнымъ свѣтомъ. Въ 1870 году онѣ были между днями 17—18 и 23—24 іюля. Пин.

Развратный.—О вещи, напр., о картофелѣ: дурной, испортившійся. Онеж.

Раздуриться я.—Разболѣться; расходиться. «Послѣ молока-то у меня какъ брюхо раздурилось.» «А погодушка-то видно нешутя раздурилась.» Пин.

Разойтись.—Раздѣлиться. Говорится о такомъ раздѣлѣ между родными, когда они остаются жить въ одномъ домѣ, но по разнымъ комнатамъ, и имѣютъ отдѣльную личную собственность, пользуясь сообща только нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями, напр. баней, амбаромъ, овиномъ, лошадью и пр. Пин.

Расклеиться.—О зернѣ: пустить ростки. Холм.

Раскотоситься я.—Разодраться. Пин.

Ровва.—Дубленая оленина. Одѣяло изъ оленьихъ шкуръ. Кем.

Рожни.—Круглыя палочки, длиною не много болѣе аршина, на которыя вздѣваются сельди, послѣ засола ихъ, купаются въ чанахъ съ водою для обмыванія соли, и развѣшиваются на жерди находящіяся въ коптильняхъ, для копченія. Кем.

Розинка.—Чистый, крупный жемчугъ. Жемчужная раковина. Кем.

Розстань.—Мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ. «Дорога пришла на двѣ разстани.» «Я проводилъ его до разстани.» Арх. Холм. Шенк. Перекрестокъ. Холм. Пин.

Рокша.—Сыворотка остающаяся при пахапкѣ масла изъ сметаны. Холм. Онеж.

Ропакъ.—Маленькій островокъ, возвышающійся въ видѣ голаго камня надъ поверхностью моря и покрываемый во время прилива водою. Мез. Кем.

Разсоха.—Раздвоеніе дороги, пути. Пин.

Ружайдать.—Мельчать, мельчиться. «Ледъ ружайдитъ.» «Сухари ружайдать.» Онеж.

Ружоный.—Запачканый, грязный. «Ружоное бѣлье.» Онеж. Пин.

Румага.—Такъ называется неводъ на условномъ языкѣ артели для подледнаго промысла рыбы. Холм.

Рунтовка.—Сухая треска, приготовленная для заграничнаго сбыта. Кем. Арх.

Рыбодѣльня. — То, на чемъ кормщикъ распластываетъ спину трески и вынимаетъ захребетную кость. Кем. Онеж.

Рьянить.—Горячиться. Кем.

Рѣчникъ.—Ораторъ и краснобай; человѣкъ обладающій краснорѣчіемъ или толковостью выраженія,—умѣющій «красно говорить»—такъ сказать,—мастеръ слова (или въ обширномъ значеніи — поэтъ). Пин. Шенк.

Рѣпище. — Полевая земля, лежащая въ низменностяхъ и вслѣдствіе того затопляемая водой; на ней иногда сѣютъ хлѣбъ, а чаще рѣпу. Холм. Поле, засѣянное рѣпой. Пин.

Рямкù. — Лохмотья; висящіе концы оборваннаго платья. Холм.

С.

Сажеѣды. — Насмѣшливое прозваніе жителей Мезенскаго уѣзда. «Мезенцы сажеѣды».

Саяга.—Большой котелъ употребляемый для выварки соли. Мез.

Сальный промыселъ.—Весенній промыселъ морскихъ звѣрей на зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Пин. Мез.

Сарай. — Все верхнее на домѣ строеніе, на которомъ накрывается тесъ или крыша. Сляги, врубаемыя въ перерубы или быки, на скатъ вдоль сарая, на которыхъ кладется тесъ, называются стропила, а индѣ самцы. Въ Вологодской и частію Олонецкой гу-

берніяхъ, с а р а я м и зовутъ полы, набранные во дворѣ; а здѣсь сіи полы называются п о в и т я м и или п о в ѣ т я м и. Ш е н к.

С а р а ф а н н а я п о ч т а.—Такъ называется въ шутку повинность по отправкѣ почты, отбываемая женщинами гребцами въ карбасахъ, посредствомъ коихъ только и можно сообщеніе вдоль Поморскаго берега, за отсутствіемъ сколько-нибудь сносныхъ дорогъ. К е м.

С в е р ш о н о к ъ.—Опредѣленная сумма денегъ, которую выговариваетъ себѣ кормщикъ, нанимаясь къ хозяину, сверхъ идущаго ему пая добычи. К е м.

С в и н о б о й.—Осеннее межговѣнье. Желая выразить, что дѣло сдѣлано не во время, не въ пору, говорятъ: «м а (можетъ быть) о рѣпѣ, капустѣ, да о с в и н о б о ѣ.»—«И женился то онъ, добрый молодецъ, о рѣпѣ, капустѣ, да о с в и н о б о ѣ.» Извѣстно, что крестьяне только по крайней нуждѣ женятся осенью. Ш е н к.

С в и р ы в а т ь с я.—Соединять отдѣльныя поплавки, изъ которыхъ каждый имѣетъ особаго владѣльца, вмѣстѣ, для общаго лова рыбы. П и н.

С в ѣ т и л ь н о.—Свѣтецъ, на которомъ горитъ лучина. Ш е н к. Х о л м.

С е л ь г а.—Видъ сельди, похожей на сардину; сельга совершаетъ свои періодическія путешествія раньше сельди и приплываетъ въ рѣку Печору и притокъ ея Усу, въ которой распространяется до горы Адана. М е з.

С е м и д ы р к а—Маленькая рыбка, ракообразная, съ семью дырочками вмѣсто жабръ. Х о л м.

С и д у ч к а. — Бѣлка въ тихую и сырую погоду, когда она больше расположена ко сну и спокойствію; обмокши она обыкновенно сидитъ, такъ какъ неможетъ скоро бѣгать и скакать съ дерева на дерево. П и н.

С и н и к у й.—Передняя сторона чума, противъ дверей, гдѣ крещеные Самоѣды ставятъ образъ. Это мѣсто, какъ теперь, такъ и прежде, почиталось священнымъ, потому что на этой сторонѣ, только внѣ чума, ставили санки съ домашними идолами. М е з е н.

С к о к у х а.—Лягушка. Ш е н к. На С. Двинѣ—с в а к у ш а.

С к р о е к ъ.—Шелковая косынка. Ш е н к.

С к у р т о й к а.—Теплая кофточка, плотно обтягивающая станъ; фуфайка. Х о л м.

С л а щ а.—Брюква. Ш и к.

С м е т ъ. — Исключеніе изъ вѣса тары, кулей, рогожъ, мѣшковъ и т. п. «Десять пудовъ пять фунтовъ съ восьминой, да смету одиннадцать фунтовъ». П и н.

С н и м а т ь в о л ю. — Оказывать непослушаніе. «Она не хотѣла замужъ идти, даже съ отца—матери в о л ю с н и м а л а, да выдали». Х о л м.

С н и м а т ь с ъ р у к ъ.—Забирать вещь запроданную, но до времени оставленную у продавца. «Онъ пріѣхалъ с н я т ь у м е н я с ъ р у к ъ корову». Х о л м.

С н о с ь.—Закраина; обочина; посынь; засынь; посовина; все то, что—какъ выражались въ древнихъ актахъ—«водой сноситъ, льдомъ сдираетъ и пескомъ посыпаетъ», а при распредѣленіи угодій: «вымстная земля». Арх. Губ. Вѣд. за 1870 г., №№ 80 и 101.

С о в ѣ т ч и к и.—Волостные выборные, составляющіе волостной сходъ; они избираются селеніями, по одному отъ каждаго десятка дворовъ. П и н.

С о п о ч к а. — Дерево, стоящее на возвышенномъ мѣстѣ, на горкѣ, имѣющей пирамидальный видъ. Ш и к.

С о с е н к а.—Челнокъ, весь обтянутый перпичьей кожей, на которомъ ѣздятъ по морю, держась береговъ. К е м.

С с о р а.—Задній тягунъ на бичевѣ, отцѣпляющій послѣднюю, когда она зацѣпится за что либо. «С с о р а въ воду, а шишка въ гору». А р х.

С т а в е н ь.—Втулка у отверстій въ стѣнахъ, чрезъ которыя выходитъ дымъ въ курныхъ избахъ, баняхъ и овинахъ. П и н.

С т а р о и з б н и к ъ.—Крестьянинъ, имѣющій старую избу. Ш е н к.

С т о ж а р ъ, с т о ж а р ы. — Жердье, рядомъ втыкаемое въ землю, въ кои мечутъ и прикладываютъ сухое сѣно на ножняхъ. Межутки сѣна между стожарами, называются п р о м е ж к а м и. Нѣсколько такихъ промежковъ вмѣстѣ называется з а р о д о м ъ или з о р о д о м ъ. Мѣсто, гдѣ выставляются такіе зороды, называется о с т о ж ь е м ъ. Ш е н к.

С т р о г а л ь.—Такъ называютъ щеголей, и при томъ распутныхъ молодыхъ людей. Ш е н к.

С т р ы в ы.—Двѣ противоположныя метки, между которыми должны пробѣгать играющіе въ мячикъ. «Подемъ играть о стрывахъ». Ш и к.

С т р ѣ л ь н я.—Промыселъ на большихъ звѣрей, производящійся на Зимнемъ и Лѣтнемъ берегахъ, отъ Николина дня до февраля, какъ только звѣри соберутся въ Двинскую губу. Тамъ стрѣляютъ изъ винтовокъ на водѣ или на льдинахъ, что дало и названіе промыслу. Тоже названіе носятъ лѣтніе промыслы, главнымъ обра-

зомъ, нерпъ и морскихъ зайцевъ, когда ихъ бьютъ на водѣ изъ лодокъ или по островамъ и берегамъ на лодкахъ, въ которыхъ не болѣе трехъ промышленниковъ. Арх.

Стѣна.—Денежный вкладъ или взносъ въ общественную кассу для обезпеченія будущихъ повинностей.—Четвертая часть воробъ, на которыхъ разматывается пряжа для тканья. «А во сколько стѣнъ завела красны то?—Да семь стѣнъ съ полустѣньемъ». Шенк.

Сумочникъ.—Ходебщикъ Холм.

Сундуки.—Гранитные утесы, имѣющіе очертаніе параллелопипедовъ по берегамъ острова Кильдина. Кем.

Суровой. — Похотливый, любострастный; это особенно говорится о молодыхъ парняхъ. Шенк.

Сухово. — Чистый барышъ или чистая прибыль въ какой-нибудь торговой сдѣлкѣ. Пин.

Схрястать.—Свалить, вмять въ одну кучу, или, въ одно мѣсто какія либо разнородныя вещества, по ошибкѣ или съ намѣренія, а иногда на удачу. «Хозяйка у мня сегодня схрястала въ квашню, вмѣсто муки, общины,—все взяла испортила». Или: «Онъ совсѣмъ разорилсѣ, деньги-то всѣ схрясталъ въ смолу, а смола нынічѣ звань нейдетъ—ни почомъ не берутъ». Шенк.

Сырица.—Оленья самка, неимѣвшая дѣтенышей. Мез.

Сѣряки.—Мелкіе торгаши; барышники; кулаки. Арх. Губ. Вѣд. за 1869 г. № 35.

Т.

Тальникъ. — Озеро, не замерзающее зимою. Пин.

Тарасникъ.—Судно, въ родѣ карбаса, поднимающее грузу 300 пудовъ. Кем.

Тарья.—Щитъ изъ тонкихъ параллельныхъ дранокъ, скрѣпленыхъ вичью; тарьями задираютъ промежутки между кольями семужьяго забора. Кем.

Теплово.—Плата проѣзжающихъ за остановку на постояломъ дворѣ. Арх.

Тереть.—О платьѣ или бѣльѣ: мыть. Кем.

Тинежникъ. — Рыболовная сѣть, употребляющаяся для ловли нумжи и тинды, отличающаяся отъ гарвы только меньшимъ размѣромъ. Кем.

Тинёкъ, нько. Моржевый клыкъ. Кем.

Товаръ.—Вымя коровы. Холм.

Товаристый.—Имѣющій большое вымя (о коровѣ). «Товаристая корова». Холм.

Толковля.—Толки; разсужденіе. «Сечасъ ужъ у нихъ и пошла толковля». Пин.

Толчиво, толченьіо.—Овесъ и пр. приготовленный для толченія на муку въ мельничной ступѣ посредствомъ пестовъ.—«А што у тя привезёно на мельницю ту? Привёзъ узолъ, другой толчива». Шенк.

Тратить.— Кормить до пресыщенія. «Что ты ты парня-то за всё тратишь?» Онеж.

Трубить.—О бабкѣ — биткѣ въ дѣтской игрѣ: лежать на выпуклой сторонѣ. Шенк.

Трупъ.—Оборвышъ. Кем.

Турайдать.—Токовать. «Тетеревъ турайдатъ!» — зоветъ самку. Онеж. Невнятно говорить. Онеж.

Турачка.—Валекъ, на который навиваютъ нитки. Арх., Холм.

Тушлять.—Гнать силою. Пин.

Тырайдать. — Дрожать. «Сердце тырайдатъ». Онеж.

Тырносить.—Трясти; подергивать. Пин.

Тюга.—Снѣгъ на вѣтвяхъ растущаго лѣса. Пин.

У.

Угалить.—Попасть въ цѣль (въ игрѣ шаромъ). Шенк.

Удавница.—Веревочныя петли около стоговъ сѣна для ловли оленей. Челмох. прихода.

Ужещики, ужищики. — Морскіе промышленники, которые промышляютъ рыбу сами на себя и на своихъ судахъ, не нанимаясь къ богатымъ купцамъ, и на своемъ хлѣбѣ; но затруднительность сбыта и необходимость забираться въ долгъ зимою ставитъ ихъ въ зависимость отъ богачей, которымъ они обязываются поставлять свою всю уловленную рыбу съ Благовѣщенья до Петрова дня, т. е. въ самое уловистое время года. Кем.

Урдега.—Пробитая во льду полынья, для проѣзда въ лодкѣ. Онеж.

Усарыкивать.—Торопливо, усердно работать. «Смотри-ко, какъ у меня Наташка у корыта-то усарыкиватъ!» Холм.

Утопель.—Мокрота; сырость. «Ну ужъ какая утопель у васъ на улицѣ.» Холм.

Утропать. — Ухлопать; дѣвать куда нибудь. Пин.

Ухайбать.— Истратить; испортить что либо.

«Эдакъ вѣдь пову-то рубаху у х а й б а л ъ, что вся дырьемъ взялась». П и н.

У х в о и т ь. — Сбыть что-либо съ рукъ. «Ухвоилъ-таки, какъ гора съ плечъ скатилась.» П и н.

Ф.

Ф у р к а л е н к а.—Дѣтская игрушка, состоящая изъ надѣтой на нитку пуговки, марки или какой-либо другой плоской вещицы; ее приводятъ въ быстрое вращательное движеніе, сопровождаемое гудѣньемъ. Х о л м.

Ф у р к о т о̀ к ъ.—Шумъ. «Экъ вѣтеръ расходился, ажно фуркотокъ стоитъ..» П и н.

Х.

Х а б и н а.—Рѣчной заливъ. «Въ хабину заплыли.» Ш и к.

Х а й.—Опытъ. «Хаю мало—ума мало». К е м. По самоѣдски: идолъ, болванъ, истуканъ. М е з.

Х а л о в ш и н а.—Все, что досталось даромъ; куплено за очень низкую цѣну; а также ворованое или незаконно пріобрѣтенное. «Ему кабы попалась х а л о в ш и н а, дакъ онъ бы, пожалуй, взялъ.» — «У него отецъ былъ головой: и што шло ему х а л о в ш и н ы; а тепереча сынъ все прожилъ, — ничово нестало.» «Въ нынѣшны годы отъ х а л о в ш и н ы разѣ разживесся; а отъ работы, недумай, не разживесся.» Ш е н к.

Х и г и а.—Возжа изъ сыромятнаго ремня, которою управляютъ оленями. К е м.

Х л а м и т ь.—Сорить. «А полно х л а м и т ь-то, и безъ того въ избы-то ступить некуды, за все соръ!» А р х.

Х л о п о т ъ.—Сверчокъ. Пѣсня:

«Разыгрался меликъ с ъ х л о п о т о м ъ;
«Охъ ты х л о п о т ъ, х л о п о т ъ, х л о п о т у ш и ц а,
«Ты на неци сидишь, да на неци, на дровахъ.»

Ш е н к.

Х р у л ь.—Человѣкъ съ большимъ носомъ. Ш е н к.

Ц.

Ц в ѣ т о ч н и к ъ.—Горшокъ для цвѣтовъ. «На окнахъ-то у нихъ ц в ѣ т о ч н и к о в ъ таково много.» А р х. Х о л м.

Ц и ц ь к а.—Сестра. П и н.

Ч.

Ч е м у р ъ. — Чертъ. «Ч е м у р ъ-бы тебя взялъ, эдакого дурака.» П и н.

Ч е р в я н и ц а.—Ящикъ для червей. К е м.

Ч е р е д и т ь.—Изготовлять птицу или рыбу, т. е. вынимать внутренности и тогда жарить ее. «О ч е р е д и рябчика.» Ш е н к.

Ч е р н о т р о н ы.—Насмѣшливое прозвище жителей Мезенскаго уѣзда оттого, что они живутъ въ курныхъ избахъ и потому когда идутъ, то оставляютъ за собой слѣды сажи и грязи; также прозвище жителей селенія Матигоръ, главное ремесло которыхъ составляетъ кузнечество.

Ч е р н ѣ я н а.—Водный источникъ въ тундрѣ: рѣка, ручей или озеро. М е з.

Ч е с н о к о в и к ъ, ч е с н о к о в и ц а. — Деревянная ступка съ крышкою для толченія и храненія чесноку. Ш е н к.

Ч е с н о к ъ. — Пинокъ. «Накормить чеснокомъ»; «надавать чесноку» — порядкомъ выпинать.—«Иди! — Нейду!—А чесноку хошь?» А р х.

Ч е т в е р и т ь.—О поплавкѣ: перевязывать каждую его шею на четверо новыми веревочками, когда онъ подержится,—обыкновенно, послѣ двухлѣтняго употребленія. М е з.

Ч и л а й д а т ь.—Звонить (о колокольчикѣ). «Слышь, колоколецъ ч и л а й д а т ъ?» О н е ж.

Ч у л е й д а т ь.—Журчать. «Талецъ ч у л е й д а т ъ!» ручей журчитъ. О н е ж.

Ш.

Ш а к ш а.—Волокнистый, сухой мохъ на вѣтвяхъ хвойныхъ деревъ, преимущественно лиственныхъ и еловыхъ, растущихъ на сухомъ, песчаномъ, тощемъ грунтѣ. Шакша составляетъ единственную и необходимую пищу оленя въ глубоко-снѣжную зиму, когда ему трудно бываетъ открывать подснѣжный мохъ. П и н е ж. М е з.

Ш а л ь г а.—Жабры рыбы. Х о л м.

Ш а х м а ч ъ. — Каждый изъ кусковъ, на которые разрѣзывается хлѣбъ передъ началомъ рыбной ловли; эти куски бросаются въ сѣть и когда послѣднюю проволокутъ по льду, сровщикъ вынимаетъ шахмачи и раздаетъ рыболовамъ; а тѣ чинно садятся вокругъ невода и, перекрестясь, съѣдаютъ ихъ, какъ бы добычу изъ тони. Х о л м.

Ш в е й к а.—Швейная коробочка, рѣзанная изъ кости съ подушечкой, Холмогорской работы. А р х.

Ш и ш у л ь к и.—Разныя суевѣрныя пріемы и примѣты на свадьбахъ. Ш е н к.

Шкивидорка.—Женщина, управляющая женской шкивидорской артелью: она заключаетъ условія съ корабельщикомъ, набираетъ артель, слѣдитъ за работой, и за то получаетъ плату вдвое больше противъ платы остальнымъ членамъ артели. Арх.

Шуя.—Когда бурею ломаются величайшіе торосы, и во льдахъ затираетъ суда, что промышленники называютъ: попасться въ шую. Кем.

Щ.

Щаникъ.—Горшокъ для варенія щей. Шенк.

Щекарить.—Много говорить; сплетничать; насмѣхаться. Пин.

Щекатый.—Невоздержный въ словахъ; бранчливый; рѣчистый. — «Ну парень, она и сама щеката, не дастъ охульи на языкъ.» Шенк.

Щеку ломить.—Говорить Московскимъ нарѣчіемъ, выговаривая а вмѣсто о. Холм.

Щемиха.—Западня для ловли медвѣдей, слѣдующаго устройства: надъ длинной и узкой ямой, укрѣпленной срубомъ, кладутся два большихъ бревна, приложенныхъ такимъ образомъ, что они могутъ сдвигаться и ущемлять лапу медвѣдя, при помощи сторожки, когда онъ просунетъ ее за приманкой. Онеж.

Щерба.—Всякая мелкая рыба; уха изъ этой рыбы. Онеж. Пин.

Ѣ.

Ѣдкой.—Охотно употребляющійся въ пищу. «Купнякъ то такой для скота не ѣдкой!» Холм.

Ѣствяной.—Имѣющій хорошій аппетитъ. «Скотъ-то у меня, Богъ съ нимь, ѣствяной.» «Казакъ-отъ у него робить красёнъ, да и ѣсь то красёнъ, ѣствяной такой издался, двѣ выти заразъ опрячотъ.» Кем.

Э.

Этажиться.—Вести знакомство, дружбу, товарищество. «Вѣдь я те, эхидный, тысячу разъ наговаривалъ: Ваня, не этажься съ дураками, самъ дуракомъ будешь; не послушался — ну, и судачь на себя.» Пинеж.

Ю.

Юзгаться.—Тихо дѣлать что-либо; копаться. Шенк.

Юкъ.—Громкій звукъ отъ чего бы то ни было. «Не бойся, не страшись: ни юку ружейнаго, ни дыму пороховаго, ни бою огненнаго. (Изъ оберега). Холм.

Я.

Ягодникъ.—Ягодный кустъ. Шенк.

Ягодница.—Щека. «Пристрѣло ему, въ саму ягодницу съѣздилъ.» Шенк.

Ярлыкъ —Каждая изъ пяти частей, на которыя раздѣлено сельское общество на Терскомъ берегу для удобнѣйшаго пользованія семужьими угодьями. Кем.

Ясачить.—Дѣлать нѣмыя выраженія, условные знаки, рукой или другими тѣлодвиженіями.—«Смотри-ко парень, што онъ такое бабѣ-то ясачитъ». — «Нѣмко (нѣмой), вонъ, што-то такое ясачитъ, да ничего не можно разобрать (понять)». Шенк.

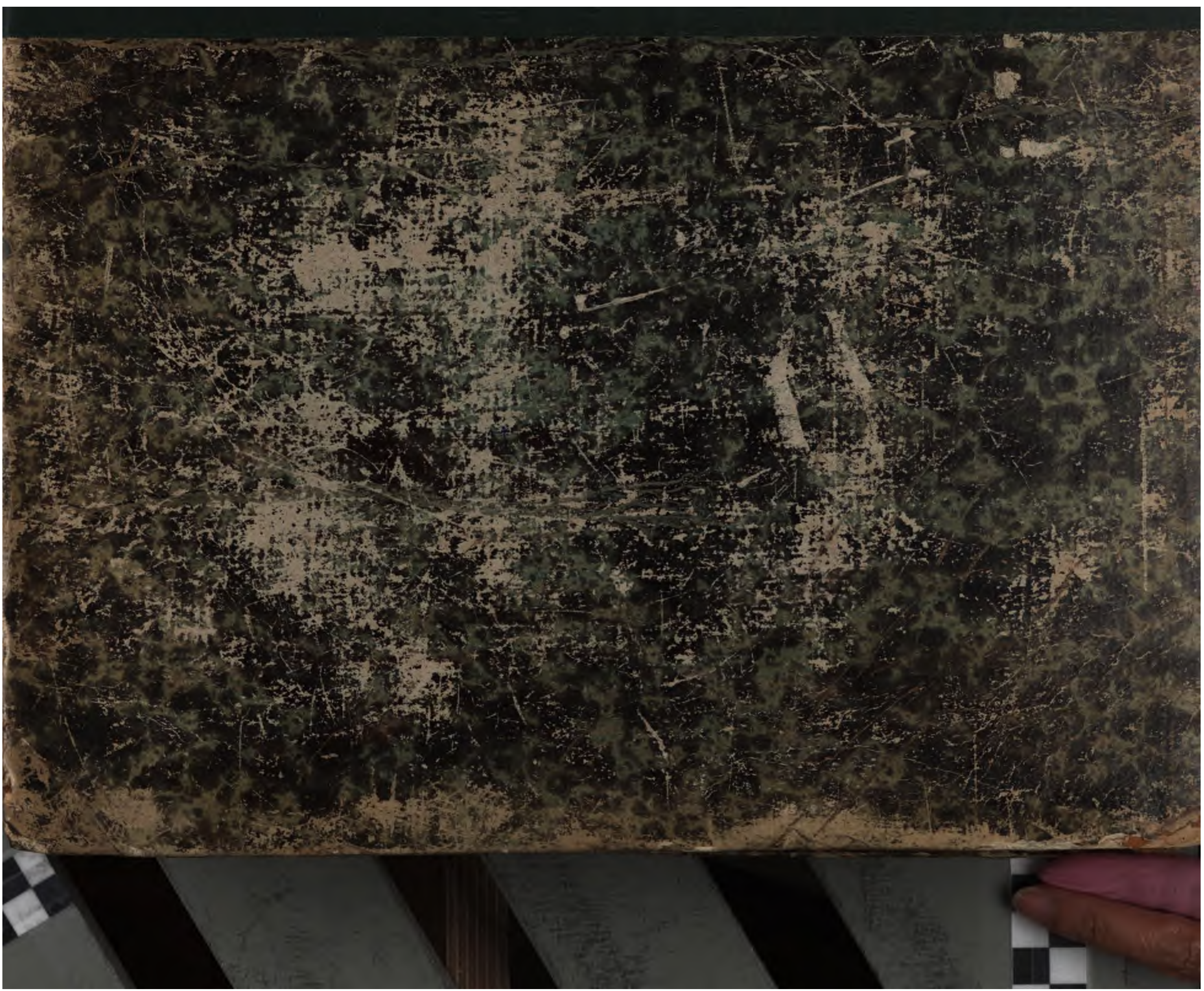
Stanford University Libraries
3 6105 004 889 718

DK
511
.A65.E4
f
v.1/2

24-45

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DOC JUN 20 1994
JUN 20 1995
6/30/03
RLCD